ПРОГРАММА
«Поддержка высшего образования»

Н. А. АРИСТОВ

Усуни и кыргызы или кара-кыргызы

Очерки истории и быта
населения западного Тянь-Шаня
и исследования
по его исторической географии

Бишкек 2001

ББК 63.3(2Ки) А-81

Книга издана в рамках программы «Поддержка высшего образования», осуществляемой Фондом «Сорос—Кыргызстан».

Спонсором программы является известный американский финансист и общественный деятель Джордж Сорос.

Аристов Н.А.

А-81 Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. - Б.: Илим, 2001. - 582 с.

ISBN 5-8355-1132-9

Издание представляет собой не публиковавшееся ранее исследование по истории кыргызов и Кыргызстана одного из ярких представителей русской науки конца XIX века, действительного члена Императорского Русского Географического Общества Н. А. Аристова.

Более века труд Н.А. Аристова пролежал в архивах, но и сегодня он сохраняет свое научное значение как ценный источник по истории, этнологии и культуре кыргызов в семье тюркских народов Центральной Азии.

Книга издается по фотокопии с машинописного авторского экземпляра Н.А. Аристова, любезно предоставленной академиком В.М. Плоских.

Автор предисловия - академик В. Плоских. В подготовке книги к изданию принимали участие В. Воропаева и В. Галицкий.

Рассчитана на историков, тюркологов, этнографов, географов, всех интересующихся вопросами кыргызоведения и особенно на преподавателей и студентов вузов.

А 0503020911-01

ISBN 5-8355-1132-9

ББК 63.3(2Ки)

© Фонд «Сорос - Кыргызстан», 2001

Н. А. АРИСТОВ И ЕГО ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ КЫРГЫЗОВ И КЫРГЫЗСТАНА

Парадокс, но факт - самое фундаментальное исследование по истории кыргызов и Кыргызстана, проведенное в конце XIX века, исследование, использованное академиком В.В. Бартольдом и всеми последующими кыргызоведами, до сих пор не было издано.

В чем причина?

В одиозности фигуры автора - туркестанского колониального чиновника? Или в некомпетентности исследователя - порою переносившего в свой труд по нескольку страниц из информационных статей периодической печати, а также собственные канцелярские и этнографические справки, докладные записки к законопроектам по управлению Туркестанским краем, вплоть до специально записанных биографий видных представителей местных народов? Ему, пишущему о Востоке - Центральном Тянь-Шане, ревнивые ученые мужи - современники ставили в укор незнание восточных языков и неиспользование восточных источников - арабских, персидских, китайских. Но он владел тюркскими языками, западноевропейскую литературу широко вводил в научный оборот, до мелочей изучил и использовал в своем труде все публикации, даже мало-мальски существенные газетные заметки, что делает работу Н.А.Аристова для современного читателя непревзойденным первоисточником. Именно этим и вызвано наше обращение к публикации исследования Н.А.Аристова, озаглавленного им «Усуни и кыргызы или кара-киргизы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии» (Ч. I- II.-СПб., 1893 г.).

Сам Н.А. Аристов в предисловии к своему труду оговаривает, что в изложении исторических и географических известий он старался пользоваться подлинными выражениями и текстами источников, «не вдаваясь в невызывавшиеся необходимостью комментарии и ограничиваясь, притом не везде, самыми главными выводами». Именно такой подход академическая наука конца прошлого века сочла недостаточным и откликнулась критически, ограничившись в основном замечаниями признанного авторитета прошлого века археолога и востоковеда Н.И.Веселовского.

Ученые-кыргызоведы стали обращаться к работам Н.А.Аристова с середины XX в. Известный историк академик Б. Д. Джамгерчинов использовал его публикации по родоплеменному составу и этнической истории кыргызского народа[1], считая, что «в деле изучения вопроса об этногенезе кыргызов труды Аристова и поныне представляют определенную ценность»[2]. Однако Джамгерчинов не был знаком со всей фундаментальной рукописью Аристова, использовал лишь отдельные ее копийные фрагменты, которые имелись в рукописных фондах кыргызской Академии наук. Не

[1] Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. - М., 1959. - С. 13, 14, 16, 17, 26, 28, 29, 33, 35, 36, 374, 376, 379; он же. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). - Фрунзе, 1966.
[2] Джамгерчинов БД. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. - Фрунзе, 1963.-С. 68.

выходили за эти рамки и другие ученые, считая Н.А.Аристова лишь этнографом (С.М. Абрамзон, А.Х. Хасанов, К.У. Усенбаев, К.И.Петров и др.).

В свое время - в начале 1960-х годов - мне пришлось поработать в архиве Императорского Русского Географического Общества в Санкт-Петербурге, собирая материалы по истории кыргызов. И здесь с любезного согласия администрации Архива я сделал собственные фотокопии авторской машинописной рукописи Н.А.Аристова[1]. Этот труд русского ученого конца прошлого века и представляется ныне на суд широкого читателя благодаря изданию его фондом «Сорос - Кыргызстан».

Еще четверть века назад, в 1977 г., в своей докторской диссертации я отмечал научную значимость труда Н.А. Аристова: «В его обширной двухтомной рукописи, задуманной как дополнение к "Землеведению Азии" К. Риттера[2]... автор со всей возможной полнотой охватил опубликованную предшественниками литературу, использовал многочисленные собственные наблюдения, привлек записанные им со слов кыргызских знатоков старины этнографические материалы, биографические очерки и воспоминания»[3]. Позже эту оценку поддержал авторитетный среднеазиатский историограф Б.В. Лунин. Он также подчеркивает ценность неопубликованного труда «столь компетентного автора, каким был Н.А.Аристов» [4].

Перед нами плод поистине титанического труда. На сотнях машинописных страниц Н.А.Аристов скрупулезно, первым из исследователей, проследил двухтысячелетнюю историю Тянь-Шаня, начиная ее с истории усуней, которых считал прямыми предками кыргызов. Он высказал свою версию этногенеза кыргызского народа, версию дискуссионную, но заслуживающую внимания, свою гипотезу о соотношении тянь-шаньских и енисейских кыргызов, дал свое толкование многим историческим фактам, ввел в научный оборот новые исторические материалы, предложил историческую периодизацию, которая была воспринята В.В. Бартольдом[5] и принята в основе своей кыргызской историографией.

---

[1] Архив ИРГО. Инв.№ 3-39 и разряд 65, оп.1, д. 11.

[2] Немецкий географ Карл Риттер (1779-1859) выпустил в Германии в 1822-1859 гг. девятнадцать томов сразу ставшего знаменитым «Землеведения» («Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte der Menschen») - о взаимоотношении природы, цивилизации и культуры, т.е. фактически заложил основы геополитики, что в современных условиях выглядит особенно актуально и ... модно. Идеи К. Риттера сразу же нашли поклонников и продолжателей в научных кругах России. Здесь появляются его переводы «с дополнениями» местными материалами. В 1856 г. выходят книги К. Риттера «Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией» - в переводе и с дополнениями, в частности сведений о кыргызах, П.П. Семенова (1859 и 1860 гг.), в переводе и с дополнениями источников последних 30-35 лет В.В. Григорьева (1869 и 1873 гг.). К 1893 г. рукопись двухтомной книги об усунях и кыргызах, как «дополнение» к К. Риттеру, подготовил Н.А.Аристов.

[3] См.: Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. - Фрунзе, 1977. - С.21-22.

[4] Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. - Ташкент, 1979.-С. 127.

[5] См.: Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Памяти, кн. Семир. Обл. Стат. Комит. на 1898 год. Т. II. - Верный , 1898. - С.74—173 (второе изд. - 1943 г., третье- 1963 г., четвертое- 1996 г.). В предисловии к своей работе В.В. Бартольд отмечал: «По доступным нам печатным и рукописным источникам мы постарались собрать в одно целое известный до сих пор исторический материал о Семиречье, причем обращали особое внимание на известия о бытовых условиях, в которых находилась страна в различные периоды ее исторической жизни. Мы не имели в виду написать историю страны в настоящем смысле слова, удовлетворяющую современным научным требованиям; для такого труда еще не наступило время...

Ознакомившись с книгой, читатель сам поймет, какой кладезь знаний он открыл для себя.

И тем не менее, в чем же причина того, что фундаментальная работа Н.А.Аристова более столетия пылилась на архивных стеллажах и в последние годы оказалась почти утерянной?

Подобная оговорка может быть целиком отнесена и к неопубликованной рукописи Н.А.Аристова, которая была написана за пять лет до этого и содержит во много крат больше историко-этнографических сведений. Как знать, сделай такую приписку Аристов, судьба книги оказалась бы иной.

А дело в том, что будучи подготовленной автором к печати, она была (как этого требовали издательские правила) направлена Русским Географическим Обществом на рецензирование наиболее авторитетному тогда профессору археологии Н.И. Веселовскому. Николай Иванович Веселовский (1848-1918)[1] был знатоком истории и археологии Средней Азии, раскапывал здесь древнейшие города, в том числе Афрасиаб - домонгольский Самарканд, сотни курганов кочевников на юго-востоке России. Отличавшийся особой «научной строгостью» (по выражению Б.В.Лунина) Н.И.Веселовский подошел к оценке работы Аристова лишь как к «дополнению» трудов К.Риттера, а все отступления от темы «Землеведения Азии», особенно археологические экскурсы (поскольку Н.А.Аристов собственные раскопки не производил) строгий рецензент не воспринимал. Поэтому он считал, что работа «страдает расплывчивостью, которая в некоторых случаях прямо вредит общему впечатлению». В качестве примера рецензент называет приводимый автором отчет краеведа доктора Ф.В.Пояркова об археологических раскопках: «Отчет - никуда не годный, таким образом смотрит на него и г. Аристов, а между тем заставляет читателя на нем останавливаться без всякой надобности». Возможно, с точки зрения профессионала- археолога этот отчет в свое время и не представлял интереса для широкого круга читателей, но сегодня он даже специалистам практически не доступен, как и приводимые Аристовым телеграммы об открытии древних Семиреченских надписей, что также отрицательно оценил Н.И.Веселовский. А ведь именно краеведу Ф.В. Пояркову принадлежит первенство открытия ряда раннехристианских и буддийских памятников в Чуйской долине и на Иссык-Куле. И сегодня мы практически эти сведения, как и многие другие, можем почерпнуть лишь в публикуемой рукописи Н.А.Аристова.

Или другое замечание взыскательного рецензента Н.И. Веселовского: рукопись перегружена материалами не только о кыргызах, но и о монголах, с их историей, о завоевании русскими Кокандского ханства и проч. «Если автору нужно коснуться всего этого, то необходимо сделать это самым кратким образом, иначе не будет никакой

Предлагаемый очерк должен служить только материалом для будущего историка и исходной точкой для дальнейших исследований».

[1] Вышеупомянутая книга Б.В Лунина «Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения» практически целиком посвящена научной деятельности Н.И.Веселовского.

экономии в труде», - пишет Н.И.Веселовский[1]. Надо сказать, сегодня именно подробностями, введением в научный оборот мало известных или вовсе не известных материалов и документов объемная работа представляет интерес. Достаточно подчеркнуть, что только благодаря усилиям Н.А. Аристова, поместившего автобиографию, надиктованную кыргызским манапом Шабданом Джантаевым (который сам был неграмотным), мы имеем возможность из первых уст узнать и биографию известного кыргызского политического деятеля второй половины XIX в. и его оценку событий в Кокандском ханстве и проникновения России на Тянь-Шань.

К сожалению, отзыв Н.И. Веселовского сыграл «преградительную» роль для публикации рукописи Н.А. Аристова, которая так и осталась лежать в архиве. Тем не менее другие работы Н.А. Аристова публиковались и до и после написания этого труда, и автор вошел в историографию Средней Азии как компетентный ученый-тюрколог, чьи исследования и поныне не потеряли научного значения[2].

* * *

Биография Николая Александровича Аристова (род. в 1847 г. - дата смерти неизвестна) не отражена в литературе, мы даже не знаем, как, где и когда его не стало, что побудило автора к написанию поистине фундаментального труда о кыргызах. Все сведения об Н.А.Аристове ограничиваются краткими заметками[3] и информацией в специальных изданиях[4]. Лишь в последнее время наш аспирант М. Березин взялся за разработку темы «Н.А. Аристов как исследователь этнической истории кыргызского народа»[5], но его диссертация - дело предстоящего будущего. М. Березиным в архивах Казахстана выявлен «Формулярный список о службе помощника военного губернатора Семиреченской области и председателя Семиреченского областного правления коллежского советника Аристова»[6], составленный скорее всего уже после его выхода в отставку в 1888 году в Санкт-Петербурге. Это единственный биографический документ, но не ученого, а колониального чиновника.

Из послужного списка видно следующее. Николай Александрович Аристов был родом из штабс-офицерской семьи. О месте рождения и детских годах ничего не сообщается. По окончании Казанского университета выпущен со званием действительного студента по разряду камеральных наук юридического факультета. Семнадцати-

[1] В архиве ИРГО, к сожалению, сохранилась только вторая часть рецензии (первая утеряна), приложенная к рукописи Н.А. Аристова.
[2] См.: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. - 2 изд. / Под ред. А.Н. Кононова. - М., 1989. - С. 24-25.
[3] БСЭ. Т.2.-М., 1970. — С.569—570; СЭ. Т.1.-М., 1961.-С.730; Урстанбеков Б.У., Чороев Т.К. Кыргыз тарыхы. Кыскача энциклопедиялык сөздук. - Фрунзе, 1990. - С.16-17.
[4] См. указанный «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов». — С.24-25; Плоских В.М. Кыргызы и Кокандское ханство. - С. 21-22; Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. - С. 127; Галщкий В.Я. Вклад отечественных исследователей и путешественников в изучение прошлого кыргызского народа //Русские путешественники и исследователи о кыргызах / Отв. ред. Б.В. Лунин. - Фрунзе, 1973. - С.69-70.
[5] Его тезисы опубликованы в Материалах международной научно-теоретической конференции КРСУ «Проблемы и перспективы интеграции образования». - Бишкек, 1998. - С.15.
[6] ЦГА Республики Казахстан, ф. 44.

летний юноша был определен 20 октября 1864 г. в штат Тобольского губернского правления и получил первую свою должность - помощника столоначальника, затем там же работал губернским секретарем и бухгалтером ревизского отделения казенной палаты. Усердие и трудолюбие, обязательность и исполнительность Н.А.Аристова на разных служебных должностях в административном управлении Тобольской губернии были отмечены губернатором, по представлению которого летом 1868 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3 степени. В 1868 г. Н.А.Аристов был назначен делопроизводителем Семиреченского областного правления и приступил к исполнению должности младшего чиновника особых поручений при военном губернаторе. С этого времени вся его дальнейшая служба была связана с Туркестанским генерал-губернаторством.

Н.А.Аристов сразу же включился в активную деятельность колониальных властей вновь созданной Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. С апреля 1869 г. он - юрист по образованию - возглавил Семиреченский тюремный комитет. В 1871 г. силами Туркестанского генерал-губернаторства началась военная кампания против Кульджинского ханства, захваченного правителем уйгурского государства Йетишар Якуб-беком. В этом походе принимал участие и Н.А.Аристов, который по приказу военного губернатора Семиреченской области был командирован в распоряжение командующего войсками Г.А.Колпаковского для заведования походной канцелярией. Находясь при штабе, Аристов принимал непосредственное участие в военных действиях при штурме и взятии города-крепости Кульджа. За участие в кульджинском походе «за мужество и храбрость в делах с таранчами» был награжден орденом Св. Станислава 2 степени. С 1 сентября 1871 г. по 22 февраля 1872 г. Н.А.Аристов возглавлял Канцелярию по Кульджинским делам, одновременно оставаясь в должности начальника отделения Семиреченского областного правления.

В июне 1872 г. он был направлен в качестве делопроизводителя в г. Ташкент в составе комиссии по разработке проекта Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. В 1873-1874 гг. руководит съездами биев по урегулированию земельных споров в Семипалатинском, Сергиопольском уездах и Семиреченской области.

С 1879 г. Н.А.Аристов утвержден в звании непременного члена областного статистического комитета, а затем и помощника его председателя. В 1881 г. Н.А.Аристов деятельно участвует в работе редакционной комиссии, учрежденной при канцелярии генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, по составлению нового Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством.

1 июня 1881 г. Н.А.Аристов назначен исправляющим должность помощника военного губернатора Семиреченского областного правления и с того же года исполняющим обязанности военного губернатора Семиреченской области. С июля 1882 г. Н.А.Аристов переводится в Степное генерал-губернаторство. В 1888 г. он подал

прошение об отставке, как записано в формуляре, «в связи с расстроенным здоровьем и по домашним обстоятельствам».

В приказе степного генерал-губернатора, генерала от инфантерии Г.А.Колпаковского отмечалось, что Н.А.Аристов находился на действительной службе 24 года 1 месяц и 6 дней, в походах и сражениях - 7 дней. Постоянное место-пребывание после увольнения - Санкт-Петербург. За время нахождения на службе Н.А.Аристов был награжден пятью орденами, неоднократно его безупречная служба отмечалась денежными премиями.

По табели о рангах Российской империи Н.А.Аристов прошел путь от коллежского секретаря до действительного статского советника. Научная деятельность не-ординарного ученого осталась за пределами сухого наречия послужного формуляра.

* * *

Плодотворная и активная научно-исследовательская деятельность Н.А.Аристова началась только после выхода его на пенсию. Но еще до этого в туркестанской и цен-тральной периодической печати время от времени появляются статьи на местную тематику. Это было связано и с исполнением обязанностей Н.А.Аристова как турке-станского чиновника. С 1868 г. в качестве делопроизводителя и чиновника особых поручений при семиреченском военном губернаторе Аристов занимается разработкой административного переустройства и поземельного урегулирования интересов казахов и кыргызов. К 1871 г. относится его первая большая, как бы мы сейчас сказали - научно-практическая, «Записка о поземельном устройстве Семиреченской области», которая отложилась в архиве Туркестанского генерал-губернаторства. Она пока не опубликована и, чтобы дать представление о взглядах Аристова на земельное переустройство кыргызов, приведем из нее один фрагмент:

«... Принимая киргиз Средней, Большой и Дикокаменной орды в наше подданство, правительство оставляло вполне в своей силе существующие поземельные от-ношения...

В Большой же орде и Дикокаменной самого разделения на административные волости не было до 1869 года, и киргизы делились на роды, управляющиеся наслед-ственными родовыми султанами и подчиненными им наследственными же правите-лями волостей, разумея под последними отделения родов. При таком невмешательст-ве в управление большеординцами и каракиргизами правительство совсем не касалось поземельных отношений и ограничивалось только прекращением возникающих споров...

Вследствие такого отношения государства к поземельному устройству оно со хранилось в главных чертах и теперь в том виде, в каком застали его русские. Осно-ванием принадлежности земли является давность, но так как не только мелкие части родов, но и целые роды постоянно передвигались с места на место, то давность вла-

дения землями у киргиз вообще не велика: кочевника к земле никто не привязывает, была бы земля и клочок пашни, а это он находит на пространстве всей степи. Тем не менее местность, на которой кочует известный род хотя одно поколение или несколько лет, почитается принадлежностью этого рода...»[1].

Первые же публикации молодого ученого появились в 1873 г. в ежегоднике материалов для статистики Туркестанского края и касались занятия киргизов земледелием и скотоводством, их участия в восстаниях уйгуров против Китая и в делах Восточного Туркестана[2]. Одновременно его интересуют и проблемы более широкого исторического плана. Свидетельством этого является публикация его историко-географического очерка о половцах[3]. Надо полагать, с этого же времени пробуждается интерес Аристова к геополитике, этнической структуре тюркских народов, их происхождению. Стержневой темой его научной работы становится история кыргызов - от древнейших усуней до конца XIX века.

Он зачитывается трудами немецкого классика историко-географического детерменизма К. Риттера и его последователей в России - П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.В. Григорьева, лично собирает материалы для «дополнения» к Риттеру на примере истории усуней - кыргызов и Тянь-Шаня. По крайней мере сам Н.А. Аристов пишет о том, как по его просьбе в 1885 г. была составлена автобиография кара-кыргыза рода сарыбагыш войскового старшины Шабдана Джантаева (которую он и включил в свой труд). Уже выйдя на пенсию и целиком отдавшись научно-исследовательской работе (благо в Санкт-Петербурге были прекрасные библиотеки и город считался центром российского востоковедения), в 1889 году Аристов публикует по свежим следам статью о землетрясении в районе оз. Иссык-Куль и в Илийской долине[4], выпускает отдельной статьей историческую работу о путешествии Сюань-Цзана по Западному Туркестану[5], которая также была подготовительной частью исследования и вошла позже в фундаментальный труд. Сам автор скромно считал свою работу лишь дополнением к «Землеведению Азии» К.Риттера, у которого сведения по истории Западного Тянь-Шаня ограничивались краткими отрывочными очерками, и видел свою главную задачу лишь в том, чтобы «собрать по возможности все данные и известия, какие имеются по истории западного Тянь-Шаня и его населения в европейской ученой литературе и в переводах на европейские языки восточных источников».

Точка в капитальном исследовании Аристова была поставлена 16 февраля 1893 г., но, мягко говоря, сдержанный, а фактически отрицательный отзыв Н.Й.Веселовского

---

[1] ЦТ А Р. Узб., ф.и. 1, оп. 14, д. 56, л. 21-98.
[2] Аристов Н.А. Наманганский округ Кокандского ханства //Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. 2. - СПб., 1873. - С. 139-140; он же. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // Там же. - С. 170-181; он же. О Кульдже //Там же. - С. 202-221.
[3] Аристов Н.А. О земле половецкой (Историко-географический очерк) // Известия историко-филологического института им. А.А. Безбородко в Нежине. -№ 1. — Нежин-Киев, 1874.- 26 с.
[4] Аристов Н.А. Землетрясение 30-го июня 1889 года в Семиреченской области // Туркестанские ведомости. - 1889. -№ 30.
[5] Аристов НА. Западный Туркестан в VII столетии по описанию китайского путешественника //Туркестанские ведомости. - 1889. -№ 38-40.

преградил дорогу к публикации его. Но Аристов не смутился, продолжал работать над историей тюркских народов, в том числе и кыргызов, и в 1894 и 1896 гг. публикует две огромные статьи по этнической истории тюрков в центральном русском журнале «Живая старина»[1].

Первая статья снабжена в примечаниях большим библиографическим материалом, а для второй статьи был составлен и отдельно опубликован указатель племенных названий[2].

Историко-этнографическая тема тюркских племен и их предков была продолжена и в статье о Памире (надо полагать, последней), изданной в 1903 г.[3] Аристов публикует статьи и даже книгу о пограничных афганских племенах, об их борьбе с британскими колонизаторами и т. д. Но это уже иная тематика, хотя косвенно и связанная с тюркской ситуацией в Центральной Азии[4].

Надо сказать, публикации Н.А.Аристова вызывали живой интерес и пристальное внимание ученых-коллег, даже ревностное отношение, особенно специалистов-востоковедов. Мы уже говорили о рецензии ориенталиста Н.И. Веселовского на рукопись Н.А. Аристова, «зарезавшей» ее публикацию. После выхода статьи Н.А.Аристова «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов...» на следующий год появляется благожелательная рецензия этнографа А.Н.Харузина под заглавием «К вопросу о происхождении киргизского народа»[5]. В ней рецензент в основе поддерживает мнение Аристова об усунях как предках кыргызов, усуньском городе Чигу на берегу оз. Иссык-Куль и другие положения.

На вторую статью Н.А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен...» через три года откликнулся рецензией маститый востоковед В.В. Бартольд[6]. Рецензент подчеркнул, что сочинение Н.А. Аристова «представляет несомненно одно из самых отрадных явлений в нашей литературе по востоковедению... Уважения заслуживает труд бескорыстного исследователя (к тому же не принадлежащего к

---

[1] Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. - 1894. - Вып. III -IV. - С. 391—486; он же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. - 1896. - Вып. III—IV. - С.277-456.

[2] См.: Бравин Н. и Беляев И. Указатель племенных имен к статье Н.А. Аристова: «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения о их численности» /Под ред. проф. П.М. Мелиоранского. - СПб., 1903. - 32 с. (Записки РГО по отд. этнографии. Т. XXVIII. Вып. II).

[3] Аристов Н.А. Этническое отношение на Памире в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. Сведения Птолемея о комедах и саках, об их стране и о пути через нее к серам //Русский антропологический журнал. — 1903. — № 1. — С.70-97.

[4] См., напр.: Аристов Н.А. Об Афганистане и его населении //Живая старина. - 1898. - № 3-4; он же. Англо-индийский «Кавказ». Столкновения Англии с афганскими пограничными племенами. -СПб., 1900.

[5] Этнографическое обозрение. - 1895. - № 3. - С. 49-83.

[6] Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. - Т. XI. - 1899. - С. 341-356. Рецензия вошла в V том Сочинений В.В. Бартольда. См.: Работа по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Бартольд В.В. Соч. Т. V. - М., 1968. - С. 266-279.

официальным представителям науки), написанный с полным знанием литературы предмета и, очевидно, потребовавший нескольких лет кропотливой работы»[1].

Отдав должное самоотверженному труду бывшего туркестанского коллеги, В.В. Бартольд как профессионал-востоковед, представитель академической науки вносит свои коррективы в исследование Аристова, практически очень емко и содержательно дополняя и подправляя статью материалами из восточных источников. Приветствуя выход в свет сочинения Н.А. Аристова в качестве крупного шага на пути восполнения имеющегося пробела во всемирно-исторической литературе, В.В. Бартольд выражает надежду, что ни сам автор, ни будущие его последователи не остановятся на достигнутом и продолжат исследования.

Мы считаем, что этнографические исследования Н.А.Аристова, сразу ставшие библиографической редкостью, сегодня представляют собой непревзойденный первоисточник и должны быть переизданы отдельной книгой. Это в первую очередь касается работ «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований» и «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности». Естественно, их следует публиковать вместе с рецензиями А.Н.Харузина и В.В.Бартольда, служащими хорошим дополнением по содержанию, а также с архивными неопубликованными записками о поземельном устройстве киргизов.

Этнографические исследования Н.А. Аристова все же были отмечены научной общественностью Санкт-Петербурга. Он избирается действительным членом Императорского Русского Географического общества и в 1895 г. удостаивается награды (по отделению этнографии) - малой Золотой медали.

Для современного читателя, будь то профессиональный ученый-историк или преподаватель вуза, представитель другой науки или студент, научные труды Н.А.Аристова представляют в первую очередь интерес такой массой фактов и конкретного историко-этнографического материала по политической истории, образу жизни и культуре кыргызов и их предков, которого и сегодня мы не найдем ни в каком другом обобщающем издании.

Все это и побудило нас опубликовать невостребованное в свое время исследование непризнанного ученого, чье имя по праву должно стоять в первом ряду среди имен корифеев исторического кыргызоведения, таких, как В.В.Бартольд, А.Н.Бернштам, С.М.Абрамзон, Б.Д.Джамгерчинов.

* * *

[1] Там же. - С. 266.

Книга издается в оригинальном варианте Н.А.Аристова с авторскими примечаниями, без редакторского вмешательства, с сохранением структуры работы, стиля и правописания конца XIX века.

Было признано нецелесообразным комментировать отдельные дискуссионные авторские положения и гипотезы, представляя труд Н.А. Аристова как цельный историографический первоисточник без навязывания собственного мнения. Дополнена лишь научная библиография - некоторыми основными работами, вышедшими по данной тематике в XX веке. Литература, изданная в России в XVIII-XIX вв., уточнена по библиотечным экземплярам и аннотированному указателю З.Л. Амитина-Шапиро[1]. К сожалению, большинство названий иностранной литературы сверить с оригиналом не представляется возможным, в чем приносим свои извинения.

Смеем надеяться, что издание историографического наследия Н.А. Аристова по кыргызоведению, пополнив ряд переизданных в наше время подобных трудов русских ученых - И.Г. Андреева, А.И. Левшина, В.В. Бартольда и других востоковедов[2], окажется полезным в изучении истории народов Средней Азии.

Академик В. *Плоских*

[1] Амитин-Шапиро З.Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750-1917). - Фрунзе, 1958.

[2] Андреев И.Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков. (Переиздание неполной публикации конца XVIII века. Третья глава посвящена тянь-шаньским кыргызам.) - Алматы, 1998; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. (Переиздание публикации 1832 г. Первая глава второй части посвящена «отличию» казахов от «подлинных» кыргызов.) — Алматы, 1996; Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. - Бишкек, 1996; Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Кн. 1-Й. - Бишкек, 1997-1998.

www.bizdin.kg электрондук китепканасы

ЗАПАДНЫЙ ТЯНЬШАНЬ

Очерки исторіи и исторической географіи

Часть первая

УСУНИ И ЕНИСЕЙСКІЕ КИРГИЗЫ

www.bizdin.kg электрондук китепканасы

ЗЕМЛЕВЕДЕНІЕ АЗІИ К.РИТТЕРА

Географія странъ Азіи,
входящихъ въ составъ Россіи и смежныхъ съ нею

Дополненія къ труду Риттера
подъ редакціею вице-предсѣдателя И. Р. Геогр. Общества
П.П.Семенова

ЗАПАДНЫЙ ТЯНЬШАНЬ

УСУНИ И КЫРГЫЗЫ ИЛИ КАРА-КИРГИЗЫ

Очерки исторіи и быта населенія западнаго Тяньшаня
и изслѣдования по его исторической географіи,
составленныя Н.А.Аристовымъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КЫРГЫЗЫ ИЛИ КАРА-КИРГИЗЫ

Очерки исторіи этого народа и исторической географіи
западнаго Тяньшаня

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
на счетъ капитала,
пожертвованнаго П.В.Голубковымъ

С.-Петербургъ
1893 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лежащая на запад от Хан-Тенгри часть тяньшаньской горной системы, за исключением южных склонов окраинных, пограничных с Восточным Туркестаном хребтов, принадлежит с 1856-1875 гг. России. Начатые П.П.Семеновым, в 1856 и 1857 годах, почти одновременно с присоединением к России ближайшей к Хан-Тенгри части западного Тяньшаня, исследования этой горной системы продолжались Н.А.Северцовым и многими другими учеными и путешественниками, также большей частью следом за распространением русской власти. Ученые исследователи природы западного Тяньшаня собирали, конечно, некоторые этнографические сведения о населении страны, но наиболее обильные и ценные изучения быта кара-киргизов, их языка и народной поэзии принадлежат султану Чокану Валиханову и в особенности академику В.В.Радлову. Общие и частичные исследования русского Туркестана и западного Тяньшаня в различных отношениях, со стороны ученых путешественников, административных деятелей, местных наблюдателей и туристов, доставили к настоящему времени значительную в общем массу данных и материалов по естествознанию, этнографии и географии западного Тяньшаня, не всегда систематизированную и обработанную, но вообще доступную, без особых трудностей, не только для ученого мира, а и для любознательной части образованных людей, так как весь этот материал напечатан сравнительно недавно, в изданиях более или менее распространенных и не принадлежащих еще к числу особенно редких.

В ином положении находятся история и историческая география западного Тяньшаня. Замечательнейшие труды по истории Туркестана Вамбери «История Бохары», В.В.Григорьева («Восточный Туркестан») и Н.И.Веселовского («Очерк исторических сведений о Хивинском ханстве») естественно не сообщают почти ничего или дают очень мало по истории и древней географии западного Тяньшаня, не входившего постоянно в пределы тех стран Туркестана, к которым они относятся. Доступные для большинства сведения по истории западного Тяньшаня продолжают до сих пор почти исключительно ограничиваться краткими, неполными и отрывочными очерками, помещенными в «Землеведении Азии» Риттера (том II русского перевода П.П.Семенова, изданный в 1859 году и давно уже неимеющийся в обыкновенной продаже) и относящимися к усуням, тукюе'сцам и цзунгарам или калмакам, властвовавшим в разное время в западном Тяньшане. Между тем, по обширности принятого им на себя громадного труда, Риттер не мог воспользоваться во всей полноте существовавшими в его время материалами и сведениями по истории западного Тяньшаня. А затем, в течение шестидесяти лет, истекших после издания первого тома «Землеведение Азии», историческое изучение Средней Азии весьма значительно обогатилось обнародованием новых источников, переводами на европейские языки китайских и других восточных материалов и специальными по разным частям этой истории исследованиями. Однако и прежние, и новые исторические материалы и исследования доступны не легко и не без трудностей, потому что рассеяны в очень большом коли-

честве книг и изданий, в значительной части мало распространенных, а иногда и очень редких.

В настоящем труде я ставил главной своей задачей собрать по возможности все данные и известия, какие имеются по истории западного Тяньшаня и его населения в европейской ученой литературе и в переводах на европейские языки восточных историков. Конечно, окажется кое-что пропущенным и оставшимся мне неизвестным, но большая часть наиболее важных сведений мною приведены и дают возможность знакомиться с историей западного Тяньшаня и его населения начиная с II века до Р.Х. Считая свою работу, хотя и совершенно самостоятельную, дополнением к относящимся до исторической географии западного Тяньшаня частям «Землеведение Азии», я заботился о помещении всего, по возможности, географического материала исторических известий. В результате получился ряд следующих один за другим в хронологическом порядке очерков по истории и географии западного Тяньшаня, разделенных на две части. В первой части изложены исторические сведения об усунях, древнейших из обитателей этой страны, о которых сохранились достаточно обстоятельные известия. Во второй части помещены очерки истории и исторической географии западного Тяньшаня и его населения с VI века до настоящего времени. По многим данным нынешние кыргызы или кара-киргизы, составляющие в числе около 300 т. душ обоего пола население западного Тяньшаня, суть потомки усуней и во всяком случае единоплеменны с народом того же имени, жившем на Енисее. Это поставило меня в необходимость включить в состав первой части очерк истории енисейских киргизов, который может считаться дополнением к помещенному о них у Риттера (том III русского перевода). Несколько подробные известия об усунях существуют только за одно с небольшим столетие, а известия о кара-киргизах весьма скудны за многие периоды их существования. Чтобы выяснить судьбы населения западного Тяньшаня в эти темные времена его исторической жизни, я помещал сведения о соседних и господствовавших над западным Тяньшанем народах и странах. Так, пришлось коснуться, более или менее подробно, весьма мало разработанной истории западных тукюе'сцев, карлуков, кара-киданей, улуса джагатаева, киргиз-казаков и калмаков. С той же целью уяснения истории западного Тяньшаня я привел и старался приурочить маршруты древних арабских географов, походы Тимура в Моголистан и известия путешественников, касавшихся западного Тяньшаня, выясняя и пути их. Судьбы населения западного Тяньшаня были почти постоянно связаны с участью населения прилегающих с севера и запада долин и степей: приходилось излагать и важнейшие, в особенности мало распространенные, известия о долинах рек Или, Чу, Таласа, Арыса и Сырдарьи и о смежных степях и их населении. Помещены также имеющиеся описания и указания древних памятников и археологических находок в западном Тяньшане и его северных подножиях, и приведены относящиеся к ним исследования, в связи, по возможности, со сведениями, которые объясняют историческое значение этих остатков древности. До сих пор остатки древних валов, городищ, укреплений и построек, курганы, бронзовые, медные и другие случайно находимые древние предметы, возбуждавшие

сначала интерес в открывателях и местной интеллигенции, оставались весьма часто в полной безгласности и без дальнейших изысканий потому лишь, что редкая пытливость не охладится совершенной неизвестностью времени и народов, которым могут принадлежать найденные остатки древности, и отсутствием доступных сведений по истории страны. Быть может, эта книга несколько посодействует сохранению для науки некоторой части местных археологических находок, которые иногда бросались и терялись, как не имеющие никакой ценности предметы неудовлетворенного любопытства.

В изложении исторических и географических известий я старался пользоваться подлинными выражениями и текстами источников, не вдаваясь в не вызывавшиеся необходимостью комментарии и ограничиваясь, притом не везде, самыми главными выводами. Но в тех случаях, где, по недостаточности фактов, казалось необходимым выяснить оставшиеся темными важные обстоятельства истории и вопросы историче-ской географии, я считал себя не вправе уклоняться от изложения представляющихся мне вероятнейшими предположений, приводя и мнения исследователей, ранее по тем же предметам высказывавшихся.

Конечно, исторические сведения о кыргызах за два тысячелетия их исторического существования дают некоторые данные для выяснения умственных и нравственных свойств и характера этого народа, а также особенностей его быта. Но этнографический материал исторических известий этих весьма не богат и становится более обильным лишь в новейшее время. Этот новый материал настолько обширен, что я затруднился помещать его в рамках исторических очерков, в последнюю главу второй части, и признал необходимым посвятить внутреннему быту кара-киргизов особую третью часть, где найдут себе место и сведения о весьма еще, к сожалению, немногих антропологических исследованиях, касавшихся кыргызов. Этнографическое изучение, облегчаясь и уясняясь историческими известиями, может, в свою очередь, разъяснять многое в истории, как видно это будет, напр., из выяснения весьма темных и скудных исторических известий о Кангюйцах, юебаньцах, дулу и других племенах и родах, при помощи ныне существующих родовых имен.

Источники приведенных мною известий и сведений все указаны в надлежащих местах. Здесь я хочу сказать несколько слов о китайских источниках, которые почти одни только и дают исторические известия о западном Тяньшане до VIII века, т.е. до завоевания Мавераннагра арабами, да и потом занимают часто главное место в ряде других источников. Древнейшие известия об усунях содержатся в «Повествовании о Давани», составляющем 123 книгу «Шы-цзи», т.е. «Исторических записок», заключающих в себе составленную Сыма Цянем историю Китая с древнейших времен до 98 года до Р.Х. Эта история окончена и издана внуком составителя Янь Юнем в царствование императора Сюань-ди (73-49 гг. до Р.Х.). Переводы «Повествования о Давани» изданы: на французский язык, Броссэ младшим, в 1828 году (в Journal asiatique, 1828, t.II, pp.418-450), на русский о.Иакинфом Бичуриным, в 1851 г. (в «Собрании сведений о

народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», ч. III, стр. 1-32) и на английский Kingsmill'лем, в 1882 г.(в The Journal of the Asiatic Society of Great Britain and Ireland, vol. XIV).Дальнейшие и вместе с тем наиболее подробные сведения об усунях помещены в 96 книге «Цянь-Хань-шу» или «Истории старших Ханей» (с 202 до Р.Х. по 25 г. после Р.Х.), которая составлена Бань Гу около 92 после Р.Х. Эта 96 книга издана в русском переводе о. Иакинфа в «Описании Чжунгарии и Восточного Туркестана» (1829 г., стр. 1-84) и в «Собрании сведений» и пр. (1851 г., часть III, стр. 33 - 100) и в английском Wylie в 1882 г., в The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland (vol.Xl, pp. 83 -115, только вторая часть 96 книги, где, впрочем, именно и помещена статья об усунях). Некоторые дополнительные сведения есть еще в 94 книге «Цянь-Хань-шу», заключающей в себе историю хуннов; она переведена о. Иакинфом (в «Собрании сведений» и пр., ч. I, стр. 1-147) и Wylie (только до 58г. до Р.Х., в том же Journal of the Anthropological Institute, 1874, III. pp. 401-451). Позднейшие, очень немногие сведения об усунях содержатся в «Истории младших Ханей» (25-285 гг.) и в «Истории династии Вэй» (386-581 гг.), из которых первая составлена в V веке, а вторая в конце VI столетия. Переводы из тех отделов этих историй, которые заключают в себе сведения о современных северных и западных государствах, а также таких же отделов из историй династий Суй (581—618) и Тан (618-907 гг.) помещены о. Иакинфом в «Собрании сведений» и пр. По словам В.В.Григорьева («Восточный Туркестан», вып.2, 1873 г., стр.18), «Собрание сведений» и пр. есть перевод китайского сборника извлечений из династийных историй, известного под заглавием «Вай-го-чжуань». Западно-европейские синологи Видлу, Дегинь, Абель Ремюза, Клапрот и др. сведения свои по древней истории Средней Азии почерпали главным образом из сборника, изданного в XIV веке Мадуаньлинем. Этот сборник называется «Вынь-сянь-тун-као», т.е. «Точное исследование древних памятников» и состоит из 348 книг. Двадцать четвертое его отделение, в котором 25 книг, содержит в себе исторические и географические сведения об иностранных государствах и народах, которые были известны китайцам до XII столетия (Abel Remusat-Me'Candes asiatiques, 1825, t. II, p.406 и Nouveaux Milonges asiatiques, 1829, pp.166, 169, 172).

Некоторые сведения об усунях, не попавшие в сборник, переведенный о. Иакинфом, а может быть, и в сборник Мадуаньлиня, пришлось брать в Histoire ginirale de la Chine an annales de at empire, troduites du Tong-Kien-Kang-mou pur le pere de Moyriac de Moilla, первый том которой издан в Париже в 1767 году.

Кара-киргизы в настоящее время занимают Тяньшань к западу от прохода Санташ, а именно бассейны озера Иссык-Куля, верховьев Чу, рек Нарына, Аксая и Чат- кала, горы, окружающие долину Ферганы, затем верховья Аму-дарьи и Памир, не принадлежащие уже Тяньшаню. Они образуют население Иссык-Кульского (17725 кибиток) и Токмакского уезда (22.980 киб.) Семиреченской области и часть кочевников Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области (до 10 т. киб.) и разных уездов Ферганской области (до 18 т. киб.), имеются в небольших количествах в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области, а также в бухарских и китайских

владениях и на Памире, и составляют в общей сложности всего до 75 т. кибиток или до 350 т. душ обоего пола. Ближайшие соседи кара-киргизов, киргиз-казаки Большой орды, занимающие северные подножия западного Тяньшаня, состоят из родов джалаир (16098 киб., от р. Каратала до р. Или), суван (3632 киб., на правом берегу Или от Югенташа до р. Хоргоса), абдан (15426 киб., от р.Или до прохода Санташ и от китайской границы до р. Тургеня) и дулат (24898 киб., от р. Или до р. Чу), итого 60054 киб. или 254847 д. о. пола, не считая до 40 т. кибиток дулатов и канглов Сыр-Дарьинской области (от р. Курагаты до Сыр-дарьи), с которыми во всей Большой орде составится до 100 т. кибиток или до 400 т. душ обоего пола.

16 февраля 1893 года.

Глава первая

ИСТОРИЯ УСУНЕЙ В ЗАПАДНОМ ТЯНЬШАНЕ (С II ВЕКА ДО Р.Х. ПО V ВЕК ПОСЛЕ Р.Х.)

1. Открытие китайцами западного края и начало сношений Китая с усунями

Усиление хуннов в III веке до Р.Х. Китайцы ищут союзников и отправляют посольство к юечжи. Открытие западного края и походы китайцев в Давань. Сведения Чжан Цяня об усуньском гуньмо. Некоторые пояснения к рассказу Чжан Цяня. Успехи китайцев в войне с хуннами. Предложение Чжан Цяня о союзе с усунями против хуннов и отправление посольства к гуньмо. Неуспех этого посольства. Гуньмо сам просит о браке. Выдача царевны. Участь ее на чужбине и сочиненная ею песня. Гуньмо передает ее внуку. Время смерти гуньмо. Титул владетеля гуньмо или гуньми.

В объединенном, после девятивекового удельного периода, в Китае властвовала с 202 года до Р.Х. династия Хань. С севера и запада окружали в это время Китай земли хуннов, которые усилились за два века до христианской эры. Первый император и основатель династии Ханей Гао-ди, после неудачной войны, обязался в 198 году уплачивать шаньюю Модэ ежегодную дань[1]. Платеж дани продолжался и при преемниках обоих государей, не отвращая частых набегов хуннов на китайские земли, особенно во время внутренних беспорядков, производимых уцелевшими удельными князьями и возмущавшимися военачальниками. При Ву-ди, четвертом императоре дома Хань, внутреннее спокойствие в Китае установилось и войны с хуннами велись успешнее, но сначала не имели решительного значения. Считая недостаточными одни собственные силы, китайское правительство искало союзников и думало найти помощь против общего врага в народе юечжи, который прежде занимал земли нынешней провинции Гань-су и находился во вражде с хуннами, владевшими Монголией и Ордосом. Непосредственных сношений с юечжи и вообще с лежащими на запад от хуннов землями Китай не имел. Сын неба получал некоторые о них сведения лишь от пленных и передававшихся хуннов. По их рассказам, второй шаньюй хуннов Модэ нанес поражение юечжийцам, которые после того удалились на запад[2].

В 139 г. до Р.Х. китайское правительство решило отправить к юечжи посольство. Во главе поставлен был Чжан-Цянь (Tchang-Tc'enn, Tchang-Kien, Tcham-Kiao у разных авторов), в товарищи получил он Таньи Хунуганьфу[3], родом хунна, искусного стрелка; их сопровождало более ста человек свиты и прислуги. Вскоре после перехода границы

---

[1] «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, соч. монаха Иакинфа», Спб., 1851, ч. I, стр.20.
[2] Там же, ч. III, стр.1 и ч. I, стр. 13.
[3] Tchung-y-chi Kon-hon nou-kun-fon, т.е. Чжан-и из страны куху, по переводу Броссэ. См Relation du pays de Ta on в Journal asiatique, 1828, t.II, p. 409. Ку-ху, по мнению Броссэ, суть уйгуры.

посольство было задержано хуннами и лишь через десять лет Чжан-Цяню удалось бежать и достигнуть, после нескольких десятков дней пути, Давани (Ферганы). Тамошний владетель дал вожаков до Кангюя (страна по Сыр-дарье), а отсюда посольство прибыло к юечжи. Народ этот владел в это время страною Дахя (Бактриана) и по отдаленности от прежних своих земель не думал о мести хуннам и о связях с Китаем. Пробыв более года в Дахя, Чжан-Цянь отправился в обратный путь и вновь был задержан хуннами. Однако через год он успел бежать и возвратился в Китай в 126 году, через тринадцать лет после выезда посольства[1].

Китайские историки называют путешествие Чжан-Цяня открытием западного края. Действительно, если китайские шелковые ткани и ранее проникали в Персию и Европу, а произведения западных стран попадали в Китай, все-таки этот обмен совершался случайно, через многих посредников, и сведения древних китайцев о западе состояли из баснословных сказаний.

Чжан-Цянь правильно называется китайским Колумбом, потому что он первый доставил Китаю достоверные сведения о западной Азии, об Индии и о странах, прилегающих к Средиземному морю. Рассказы Чжан-Цяня возбудили любознательность китайского двора и страсть к редкостям и диковинам западных стран. Между тем китайские войска в 127 г. отняли у хуннов Ордос, а в 121 г. Гань-су[2], и китайские владения стали непосредственно прилегать к песчаным пустыням, за которыми находился западный край, а потому сделались возможными более удобные и безопасные с ним сообщения. С 121 г. посольства стали весьма частыми; «китайский двор в иной год отправлял более десяти, а в иной от пяти до шести посольств»[3]. В 104-101 гг. до Р.Х., для получения даваньских «потокровных» лошадей, к которым пристрастился Сын неба, совершено было два похода в Фергану. Первый поход был неудачен, по малочисленности войск и по недостатку съестных припасов. Вторичный поход предпринят был, в 102 г., тем же полководцем Ли-Гуан-ли с 60000 лучших китайских войск, снабженных большими запасами продовольствия и перевозочными средствами, и увенчался приобретением нескольких десятков знаменитых лошадей. По пути покорены были мелкие владения, из которых состоял в то время Восточный Туркестан[4].

Отправляя посольства и предпринимая походы за редкостями, китайское правительство не упускало, однако, из вида заботу о союзниках против хуннов. Чжан-Цянь, потерявший, в 122 г., за неудачные военные действия против хуннов, чины и имущество, продолжал пользоваться расположением двора. Сын неба часто спрашивал его о Дахя и прочих владениях. Чжан Цянь докладывал, что на северо-восток от Давани находится кочевое владение У сунь; «в пребывание мое у хуннов слышал я, что усунь-

[1] «Собрание сведений» и пр., ч. III, стр.2 и 3.
[2] Там же, ч. I, стр. 36 и 39.
[3] Там же, ч. III, стр. 17.
[4] Там же, стр. 22-31.

ский владетель титулуется гуньмо; отец[1] сего гуньмо имел небольшое владение на западных хуннуских пределах. Хунны убили отца его на сражении, а гуньмо, только что родившийся, брошен был в поле. Птицы склевывали насекомых с его тела; волчица приходила кормить его своим молоком[2]. Шаньюй изумился и счел его духом; почему взял его к себе и воспитал; когда же гуньмо подрос, то шаньюй сделал его предводителем войска, гуньмо несколько раз отличился в походах, почему шаньюй возвратил ему владения отца его и препоручил надзор за караулами при западной стене[3]. Гуньмо приложил попечение о поправлении состояния своего народа и подчинил себе окрестные небольшие города. По смерти шаньюя гуньмо со своим народом отделился и отказался от поездок в орду хуннов[4]. Войско, скрытно отправленное хуннами против него, не имело успеха; оно сочло гуньмо духом и удалилось, почему хунны, хотя имели влияние на него, но не нападали слишком»[5].

В «Шы-цзи», где помещен доклад Чжань Цяня, не названы шаньюй или шаньюй, которые в этом докладе упоминаются. Шаньюй Модэ царствовал с 209 до 174 года, Лаошан с 174 до 161 и Гюньчень с 161 до 126 г. Трудно допустить, чтобы гуньмо родился, вырос, назначен был полководцем, отличился в походах и т.д. в четырнадцатилетнее царствование Лаошана. Не могло все это произойти и в царствование Гюньченя, потому что если бы гуньмо родился даже в первый год правления этого шаньюя, т.е. в 161 году, то в 116 году гуньмо имел бы только 45 лет, следовательно, не мог бы считаться «состарившимся»[6]. Поэтому шаньюй, взявший гуньмо на воспитание, и шаньюй, по смерти которого гуньмо от <...> должны быть лица разные. За отсутствием точных указаний в «Шы-цзи» и в «Хань-шу», можно предполагать, что отец гуньмо убит был при шаньюе Модэ, в 177 году, когда хунны совершили большой поход на запад, «поразили юечжы; предав острию меча или покорив всех, утвердили Лэу-лань, Усунь, Хусе и 26 других окрестных владений»[7]: в таком случае гуньмо в 116 г. имел уже 61 год. <...>. Прекратил он поездки свои ко двору хуннов, в качестве покорного вассала, вероятно с 126 года[8], по смерти Гюньчень шаньюя. Ранее не мог он выйти из

---

[1] Имени отца гуньмо в переводах о.Иакинфа и Броссэ нет. У Kingsmill'a (The Intercourse of China with Eastern Turkestan and the Adjucents Countries in the Second Century B.C. By Thus W. Kingsmill and The Journal of the Royal Asiatic society of Great Britain and Ireland, 1882, vol XIV, p. 85) значится, что по Хань-шу отца Kw'en-mo звали Nan-tow-mi, но в извлечениях о.Иакинфа и Wylie (Notes on the Western Regions. Translated from the «Tseen Hun Shou», Book 96, Part 2, and The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, vol. lll, 1874, pp.401-451) об отце гуньмо совсем не упоминается.

[2] По переводу Броссэ (p.429) «ворон приносил мясо и волчица кормила его своими сосцами».

[3] У Броссэ (p.429) «назначил губернатором Си-т'ина (Si-thing)».

[4] По Броссэ (p.429) «le Kouen-mi s'en ulla en pays lointain, on il s'etoblit, refusant desurmuis l'Lommago an tchen-yu». Y Deruna (t.I.partie II, p.56): «Apres la mort du Tan-jou Kiun-tchin, cor tous cas evernements se posserent sous le rayne pricadent, la Kouen-mi, qui s'etuit retire furt on loin, avuit refene de veniz is la cour das Huns» По Moilla (Historia generale de la Chine, t.II, p.566) гуньмо прекратил поездки ко двору хуннов примерно с марта Тюньгеля.

[5] «Собрание сведений» и пр. III, 12 и 13.

[6] По «Шы-цзи» («Собр. свед.», III, 15) еще до посольства к нему Чжан Цяня, которое состоялось, как будет далее выяснено, в 116 году, «гуньмо состарился».

[7] Фразы эти взяты из письма шаньюя Модэ к китайскому императору, присланного в 176 году («Собр.свед.», I, стр. 23).

[8] Уже в докладе Чжан-Цяня о поездке в Юечжи говорится: «Усуньцы прежде были под зависимостью хуннов, но когда усилились, то собрали своих вассалов (у Броссэ - «союзников», p.423) и отказались от поездок в орду хуннов». См.: «Собр.свед.», III, стр.6

повиновения, так как не только при Лаошане, но и в большую часть царствования Гюньченя хунны были очень сильны.

Далее, для уяснения доклада Чжань Цяня, надо иметь в виду, что усуни (как подробнее будет изложено в главах третьей и четвертой), в двухсотых годах до Р.Х., занимали, в соседстве с юечжи, часть западной Монголии, к северу от низовьев р. Эцзинэ. Здесь-то «на западных хуннуских пределах» убит был отец гуньмо, а сын его был взят на воспитание шаньюем Модэ. Должно полагать, что разбитые хуннами усуни, лишенные государя, близки были к политическому уничтожению, когда шаньюй (вероятно, Лаошан), за услуги гуньмо, воспитанного при дворе хуннов и почитавшегося преданным их интересам, возвратил ему власть над остатками усуней и поручил вместе с тем военное начальство над западной границею своих владений. Через несколько лет после того, когда гуньмо успел уже собрать рассеянные части своего народа и восстановить его благосостояние, усуни, без сомнения по воле шаньюя и при помощи, вероятно, его войск, двинулись за удалившимися в западный Тяньшань юечжи, вытеснили их и заняли их место. Здесь уже, усилившись оставшимися в крае частями народа юечжи и ранее его занимавшего страну народа сэ, гуньмо, - при ослаблении могущества хуннов, понесших в 129-127 годах большие поражения от Китая и потерявших отнятый в это время китайцами Ордос[1], - решился выйти из прежней тесной зависимости от хуннов и уклонился от прежних обычных, быть может ежегодных, поездок ко двору шаньюя, продолжая, однако, признавать номинальную зависимость от хуннов, чтобы не довести дело до открытой войны.

Между тем в 124-121 гг. китайцы с успехом вторгались в западную Монголию, а в 120 г. им передался, с 40 т. народа, начальствовавший над западными хуннами Хуньше-князь. В 119 году китайские войска снова переходили на север от Гоби. Затем война прекратилась вследствие истощения обеих сторон[2]. К этому именно времени относится доклад Чжан Цяня, часть которого приведена выше. Чжан Цянь продолжал свой доклад так: «Ныне шаньюй опять приведен нами в тесное положение, а прежние земли Хуньше-князя остаются незаселенными. Кочевые обыкновенно падки на китайские вещи. Если в настоящее время богатыми подарками склонить гуньмо переселиться на восток на бывшие земли Хуньше-князя и вступить в брачное родство с домом Хань, то можно надеяться успеха в том; а если успеем, то сим самым отсечем правую руку у хуннов. Когда же присоединим к себе Усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Дахя и другие владения на западе». Император одобрил предложение Чжан Цяня и ему же поручил исполнение. Чжан Цянь снабжен был большим количеством разных дорогих вещей для подарков; его сопровождали 300 ратников, с двумя лошадьми при каждом, и множество помощников с бунчуками - для отправления их посланниками в другие земли; для продовольствия и перевозки кладей дано было до 10 т. баранов и быков.

---

[1] «Собрание сведений» и пр., I, стр.35-36.
[2] «Собрание сведений» и пр., I, стр. 37-42.

Ожидания Чжан Цяня на первых порах не оправдались. Гуньмо не хотел даже отдачею внешних почестей признать себя китайским вассалом; только угрозы лишить даров, присланных императором, вынудили гуньмо учинить требуемое китайским церемониалом поклонение перед подарками[1].

Гуньмо имел много сыновей (до десяти по «Шы-цзи» и более десяти по «Ханьшу»). Старший сын был объявлен наследником престола. Он давно уже умер, но перед смертью упросил гуньмо объявить наследником сына своего Сэньцзу[2]. На это обиделся другой сын гуньмо по имени Далу[3], считавшийся искусным полководцем и имевший 10 т. собственной конницы. Он «собрал своих родовичей и народ, и умышлял произвести нападение на Сэньцзу и гуньмо». Для охраны Сэньцзу гуньмо дал ему 10 т. конницы и себе оставил столько же. Таким образом владения усуней были разделены на три части и гуньмо при переговорах с Чжан Цянем не мог действовать «полновластно». Между тем усуньские старейшины, опасаясь могущества хуннов и не зная сил Китая, не желали переселения на земли Хуньше-князя. По всем этим причинам гуньмо не дал Чжан Цяню решительного ответа по главному предмету посольства и ограничился отправкою с ним своего посольства с несколькими десятками лошадей в подарок императору. Чжан-Цянь по возвращении занял важное место в ряду государственных чинов и через год скончался[4].

Сопровождавший Чжан Цяня усуньский посол доставил своему государю точные сведения об упадке могущества хуннов и о силе Китая, который вскоре распространил свою власть до Лобнора. Потом дошли сведения о намерении хуннов напасть на усуней за сношения их с китайцами. С другой стороны, частые проезды китайских посланников на запад, «минуя Усунь южной стороною», возбуждали опасения со стороны китайцев. Наконец гуньмо отправил в Китай посла, с подарочными лошадьми, изъявляя желание жениться на китайской царевне. Император, согласно мнению государственных чинов, решил выдать царевну по получении «сговорных даров»[5]. Когда гуньмо прислал требуемые 1000 лошадей, то, в 107 году, китайский двор отправил к нему в супруги, «в качестве царевны»», княжну из своего дома, дочь князя (гян-ду-ван)

---

[1] «Собрание сведений», III, 13 и 14.
[2] У Броссэ Yn-Tsi, по Дегиню Yn-tcire, у Kingsmill'a Sham-t'su и по Wylie Tsin-tsow.
[3] У Броссэ Ta-lo, по Kingsmill'io Ta-luk, у Wylie Ta-luh.
[4] «Собрание сведений», III, 14, 15 и 66. Год возвращения Чжан-Цяня из посольства к усуням (105) и год его смерти (104 или 103) показаны о. Иакинфом кажется ошибочно: если отправление царевны Си-гюнь в Усунь последовало в середине правления Юань-фынь, в 107 г. до Р.Х. (стр.67), то, очевидно, что присылка калыма, 1000 лошадей, и посольство Чжан Цяня предшествовали 107 году У Mailla, III,p.51, посольство Чжан Цяня показано под 116 годом до Р.Х.. Так, вероятно, и было. По Рихтхофену (China 1, p.455) Чжан Цянь умер в 114 году.
[5] «Собрание сведений» и пр., Ill, «тр. 15, 16 и 66. По переводу Броссэ (p.432) Сын неба, прежде всякого решения по сватовству гуньмо, раскрыл Y-King и получил следующий ответ: «Божественные лошади должны пройти с северо-запада». Лошади усуньские (рассудил император) называются небесными лошадьми, но лошади даваньские, которые потеют кровью, более крепки. Называть отныне усуньских лошадей совершенством запада, а лошадей даваньских - небесными лошадьми.

Гянь, по имени Си-понь, одарив ее весьма щедро и назначив в ее свиту несколько сот чиновников, евнухов и прислуги[1].

Хунны также прислали свою княжну и гуньмо объявил ее старшей своей супругой. Китайская царевна названа была младшей супругой. Она построила для себя дворец. Однажды в три месяца имела она с гуньмо свидание, делала для него пир и одаряла гуньмо, вельмож и приближенных китайскими вещами. «Гуньмо был стар и не знал китайского языка. Царевна, в скуке и тоске, сочинила следующую песню:

Выдали меня родственники

В дальнюю сторону;

Отдали в чужое царство

За усуньского царя.

Живет в круглой хижине,

Обтянутой войлоками;

Питается мясом,

Пьет молоко.

Как вспомню об отчизне, -

Сердце занывает.

Желала б диким гусем быть,

Чтоб возвратиться на родину.

Сын неба, услышав о сем, почувствовал жалость, и через год отправил к ней посланника с палатками и шелковыми тканями. Гуньмо, будучи стар, хотел выдать царевну за внука своего Сэньцзу. Царевна не послушала его и представила об этом Двору. Сын неба в ответ советовал ей сообразоваться с обыкновениями народа, дабы, при помощи усуньцев, уничтожить хуннов. И так Сэньцзу женился на царевне и по смерти гуньмо возведён на престол[2].

---

[1] Так, по «Хань-шу» («Собр.свед., ИТ, 67). По «Шы-цзи»(Ш, 19): «Усуньский государь послал 1000 лошадей, чтобы получить супругу из дома Хань; дом Хань отправил к нему княжну из своего рода, с наименованием Гянь-ду царевны». По «Хань-шу» в переводе Wylie (The Journal of the Anthropological Institute, vol. XI, 1882, p. 86): In the Yen-fung period (B.C. 110-105), Se-Koun, the daughter of Koen, the King of Koung-too, was sent as Imperial Princess <...> to be the bride. Ясно, что Гян-ду есть имя владения или лена отца царевны и что наименование ее Гян-ду-царевной ничего другого, кроме указания удельным именем или титулом отца - чья она дочь, означать не может. Между тем Клапрот прочел вместо Гян-ду Kuen to и предположил, без всяких оснований, кроме отдаленного сходства звуков, что слово это значит королева (Tableux historiques, 1826, p. 165): усуньский гуньмо «принял ...китайскую инфанту, чтобы сделать ее Kuen ti или королевой». Это неосновательное предположение Клапрота послужило Риттеру одним из главных доказательств индо-германской национальности усуней (том II русского перевода, 1859 года, стр. 129): «как Кюн-ди, т.е. королева, Qween».

[2] Все это по «Хань-шу» («Собрание сведений», III, стр.67 и 68).

По «Шы-цзи», пред вторичным походом Ли Гуань-ли в Давань, относящимся к 102 и 101 гг. до Р.Х., «Сын неба отправил в Усунь посланника требовать войска для совокупного действия против Давани. Усуньский гуньмо выслал 2000 конницы, которая, высматривая обстоятельства обеих сторон, медлила своим походом». О смерти гуньмо и о вступлении на престол Сэньцзу в «Шы-цзи» не упоминается, хотя помещено известие о выдаче царевны за Сэньцзу, по воле гуньмо, а потому можно думать, что гуньмо умер позже 98 г., т.е. времени, до которого доведено «Шы-цзи»[1].

По «Хань-шу», «гуньмо есть титул владетеля, а имя его Легяоми; после стали писать гуzьми». По разъяснениям Янь Шигу, писателя VII века, «Гуньмо (У Wylie Kwan-to) есть собственно титул владетеля, а имя его Легяоми (La-keapu-me): почему и пишут Гуньми (kwan-me), выговаривая от первого слова начальный слог гунь, а от второго последний слог *ми*. После сего слова Гуньми превращено в титул». По «Хань-шу» же «Сэньцзу есть название достоинства; имя его Гюнь-сюйми» (Keun-seu-me)[2].

[1] «Собрание сведений», III, стр. 29, 30 и 20. Риттер (B. V, p.612) смерть гуньмо относил к 105 г., но источника этой даты не указал.
[2] Там же, стр.68.

2. История усуней со смерти гуньмо до Р.Х.

Княжения Сэньцзу и Унгуйми. Дети последнего от второй царевны Гяй-ю. Столкновения с хуннами. Успехи усуней в военных действиях против хуннов в союзе с Китаем. Возведение на престол Ними. Покушение царевны на его жизнь. Убиение Ними. У-цзюту и Юань-гуйми. Преемник последнего Синми. Столкновения усуней с шаньюем Чжичжы. Подробности о Чжичжы. Движение его в Каньгюй, действия против усуней и поход против него китайцев. Разные отрывочные сведения об этом походе. Княжение Цылими. Смуты и убийства между усуньскими князьями.

Гюньсюйми имел от царевны Сигюнь дочь Шофу (у Wylie - Shau-fuo). По смерти этой царевны китайский двор выдал за Гюньсюйми Гяй-ю (Цае-ю по первоначальному переводу о. же Иакинфа в «Описании Чжунгарии», Спб., 1829 г., стр.47; у Wylie Kealyew) внуку князя Мэу (Woo), в качестве же царевны. Перед смертью, поручая управление усунями Унгуйми, сыну Далу, Гюньсюйми наказывал ему передать власть Ними (Ne-me), сыну своему от хуннуской княжны, по достижении им совершеннолетия. Унгуйми (Ung-Kwwi-me) принял имя Фейван и взял себе в жены овдовевшую царевну Гяй-ю. Он имел от ее трех сыновей и двух дочерей. Старшего сына звали Юань-гуйми (Juen-Kwei-me), второго Ваньнянь (Wan-nean) и третьего Далэ. Старшая дочь Дишы (по переводу 1829 г. Дили) выдана была в замужество за владетеля Куча Гянбиня, а младшая Согуан за одного из усуньских князей. Младший сын Далэ занимал при гуньмо должность цзо-да-гян (главнокомандующего)[1]. Второго сына Ваньняня, по описанию владения Согтой (Яркент), полюбил тамошний владетель. По смерти этого владетеля, не оставившего сыновей, сопойские старейшины, желая снискать благосклонность китайского двора, при котором в то время находился Ваньнянь, и приобрести доброе расположение усуньцев, просили этого царевича к себе во владетели. «Ваньнянь при самом вступлении на престол оказал неистовства и произвел неудовольствия в старейшинах. Почему Хутучжень, младший брат покойного владетеля, убил Ваньняня и посланника китайского, объявил себя владетелем и условился с прочими владениями отложиться от Китая. В это время проезжал князь Фын Фын-ши, отправленный провожать даваньского гостя (посла). Пользуясь случаем, он собрал войска разных владений, напал на Хутучженя и убил его, а яркянским владетелем поставил одного из родственников владетеля... Это случилось в первое лето правления Юань-кхан, 65 до Р.Х.»[2].

Гуньмо и Гуньсюйми, по-видимому, успевали удерживаться в приязненных отношениях и с китайцами, и с хуннами. При Унгуйми усуни решительно перешли на сторону китайцев. В 80 году царевна Гяй-ю сообщила, что хунны с Чешы (нынешний Турфан) нападают на усуней, почему просила о помощи. В 73 году царевна и гуньми представили, чрез особого посланника, что «хунны опять несколько раз высылали большое войско для нападения на Усунь, овладели страною Чеяньвуши (Keu-yen-du-

[1] «Собрание сведений», III, стр.68.
[2] Там же, стр. 62-63. У Дегиня <...>.

sze) и увели людей в плен; что они присылали посланника с требованием выдать им царевну и прекратить связь с Китаем; что он, гуньми, желает двинуть отборные войска с половины государства и выставить 50 т. конницы на своем содержании, чтобы всеми силами ударить на хуннов, только бы и Сын Неба выслал войско для содействия». Следствие этого Китай в 71 году двинул против хуннов пять полководцев, имевших в сложности более 160 000 конницы. Каждый из них, по выступлении за границу, прошел в земли хуннов более 2000 ли. С усуньским войском послан был пристав Чан-Хой. Китайские полководцы успеха не имели, так как хунны пред ними повсюду отступили. Усуньское же войско, пройдя за озеро Пулэй-цзе (вероятно Баркюль), проникло до стойбища одного из главных князей хуннов, западного лули-князя, захватило в плен тестя шаньюя и многих знатных хуннов, взяло в плен до 40 т. человек[1] и получило в добычу до 700 т. голов лошадей, быков, овец, ослов и верблюдов. Китайский двор отправил разные подарки отличившимся усуньским старшинам. Для оплаты, Хуань-ди шаньюй, зимою того же года, с несколькими десятками тысяч конницы, произвели нападения на усуней, но в обратный путь, вследствие выпавшего в течение одного дня необыкновенно глубокого снега (в 10 футов), от мороза и голода потерял столько людей, что и десятой части войска не возвратилось. Тогда же, от снегов и бескормицы, погибло в земле хуннов до одной трети людей и скота. Пользуясь слабостью хуннов после таких бедствий, окрестные народы напали на них со всех сторон (динлины с севера, ухуаньцы с востока, усуни с запада) и нанесли им большие поражения, захватив массу скота[2]. Владетель Чешы перешел тогда в китайское подданство. Наследник его Угуй снова склонился на сторону хуннов, но в 67 г., не встретив от них поддержки против нападений китайцев, поддался Китаю. Устрашившись после того мести хуннов, он бежал к усуням. В 62 году он препровожден был отсюда в китайскую столицу[3].

В 64 году Унгуйми известил, что желает объявить своим преемником старшего своего сына от царевны Гяй-ю Юань-гуйми и просил, для большего укрепления дружбы и родства, выдать за своего наследника китайскую царевну, «а для сговорных даров посылает лошадей и лошаков по тысяче голов». При обсуждении ходатайства Унгуйми государственными чинами, один из сановников высказывался за отказ, «потому что Усунь слишком удален и трудно ручаться за его постоянство», но император не согласился с этим мнением, «похваляя Усунь за недавно оказанные великие услуги и затрудняясь пресечь прежние связи с ним». В невесты назначена была младшая сестра царевны Гяй-ю, признана царевною, снабжена штатом из ста с лишком человек и помещена во дворец, «чтобы училась усуньскому языку»[4]. Унгуйми, наследник его и трое из высших усуньских сановников (цзо-да-гян, ю-да-гян и ду-юй) отправили в Китай посольство слишком из 300 человек, для принятия невесты. Новая царевна, сопровождаемая двумя высшими китайскими вельможами, прибыла уже в Дунь-хуан, как получились известия о кончине Унгуйми и о возведении усуньскими старейшинами

[1] У Mailla усуньское войско не взяло в плен, а «убило более 40 т. человек» (t.III, p.119).
[2] «Собрание сведений», I, 61-64, и III, 68 и 69.
[3] «Собрание сведений», III, 93.
[4] Also im Deutsehen <...> Риттер (Asien, B. V, s.619).

на престол не Юань-гуйми, а Ними, согласно данному Унгуйми перед смертью Гюньсюйми обязательству. При обсуждении дела государственными чинами, тот же Сяо Ван-чжи настаивал: «Усуньцы держатся двух сторон и трудно вступить в договор с ними. Прежние царевны находились в Усуне более сорока лет, но не видно было искренней супружеской любви и границы не могли еще насладиться спокойствием... Ныне, к счастью для Срединного государства, можно обратно взять младшую царевну под тем предлогом, что Юань-гуйми не возведен на престол...». Невеста была возвращена[1].

Ними, прозванный Куан-ван'ом[2], женился на вдове Гяй-ю и имел от нее сына Чжими (Che-me), но жил с нею несогласно; «сверх того по своим неистовствам лишился народной любви». Воспользовавшись прибытием китайского посольства, сопровождавшего усуньского принца, служившего при дворе, царевна, с согласия послов, покушалась убить своего третьего мужа: на устроенном ею пире китайский солдат ударил Ними палашом, «но удар вскользь последовал и раненый Куанван, сев на лошадь, ускакал». Сын его Сисэньсэу (Sze-Chin-chow), собрав войско, окружил (послов) Вэй Хо-и, Жень Чан и царевну в городе Чигу. Обложение продолжалось несколько месяцев и прекратилось только по прибытии войска из находившихся под властью Китая владений Восточного Туркестана. Китайский двор прислал, для лечения Куанвана, лекарства и подарки (20 лан золота и несколько кусков шелковых тканей). Послам Вэй Хо-и и Чану, скованным и привезенным в клетке, отрублены были головы. Сановник Чжан Вун был «отправлен произвести следствие об умысле царевны с посланниками против Куанвана. Царевна не признавалась и клялась. Чжань Вун бил ее по голове и ругал. Царевна пожаловалась государю и Чжан Вун, по возвращении, также приговорен к смерти. Посланников товарищ Ги Ду явился к Куанвану с лекарем, и Куанван, в сопровождении десяти конных, проводил его. Когда Ги Ду возвратился в столицу, то обвинили его за то, что он, зная, что Куанван заслуживает смерть, воспользовался случаем, и за это посажен в шелкодельню[3].

В то время, когда царевна устроила покушение на жизнь Куанвана, сын Унгуйми от хуннской царевны Уцзюту (Woo-tsew-too) «от страха удалился с прочими хи-хэу (т.е. князьями) в северные горы»[4]. Он разглашал, что к нему скоро придут войска хуннов.

---

[1] «Собрание сведений», III, 69 и 70, 71. По Wylie (p.29), Унгуйми умер в 60 г. до Р.Х.

[2] По переводу Wylie (p.89) «с прозвищем бешеный царь» (with the style of the Mod King), а Унгуйми прозван был (p. 87) the Luity King.

[3] «Собрание сведений», III, 71 и 72.

[4] По Риттеру (т. П русского перевода, стр.130) «в царствование ... Уцзюты произошло разделение усуней на большой и малый Кюн-ми. - Малые Кюн-ми удалились в горы к С. (не в европейский ли Урал?) и таким образом покинули столицу Чи-гу-чин». Временное укочевание Уцзюту, вероятно за дальние горы Алатау, ошибочно принято за удаление части усуней на Урал, отчасти, по вине Клапрота, который в кратком обзоре истории усуней говорит следующее: «В 60 г. (до Р.Х.) умер второй преемник (гуньми); он именовался Qung Kuei mi и носил китайский титул Tien wang. Его сын Ou Dzien thon оставил его столицу Чигу-чен и удалился в горы, которые находятся на севере; он составил себе значительную партию, которая провозгласила его царем под титулом малого гуньми. Столица и большая часть страны усуней остались под владычеством большого гуньми, который происходил по прямой линии от первого государя этого народа. Это разделение много ослабило могущество усуней. Китайская история говорит об их государях до 2 года до Р.Х. (Tallei histor... de l'Osie, Paris, 1826, pp.165 et 166).

Под влиянием этих слухов народ собрался к нему. Тогда Уцзюту неожиданно напал на Куанвана, убил его и объявил себя гуйми. Китайский двор выставил в Дунхуан 15 т. войска, чтобы возвести на престол сына царевны Юань-гуйми, но до войны дело не дошло, так как Уцзюту изъявил покорность, послушавшись внушений Фын-фу-жинь. Эта китаянка находилась в свите царевны Гяй-ю и вышла в замужество за одного из главнейших усуньских сановников, ю-да-гана, который был в дружбе с Уцзюту. Император вытребовал Фын-фу-жинь в столицу и лично расспрашивал ее об этом деле. Обратно отправлена она была в сопровождении двух чиновников и с бунчуком (знаком посольского звания) в руках. Она ехала в «камчатой колясочке», т.е. вероятно в такой же крытой арбе, какие и ныне употребляются китайскими сановниками в Кульдже. Уцзюту был призван к китайскому сановнику Чан-ло-хэу в Чигу и объявлен, согласно уговору с ним, младшим гуньми, а Юань-гуйми старшим. Обоим даны были печати с кистями.

Однако Уцзюту не возвращал принадлежавших прочим князьям людей, так что китайский двор вынужден был снова отправить Чан-ло-хэу в Чигу «с гарнизоном из трех отрядов военнопоселян». Сановник этот (по Wylie в 53 г.) разделил между обоими гуньми народ и земли, определив межи последним. Старшему гуньми досталось около 60 т., а младшему около 40 т. семейств или кибиток, но народ был более привязан к младшему гуньми.

Юань-гуйми и Чжими оба умерли от болезней. В 51 году царевне минуло 70 лет от рождения. Она просила дозволения возвратиться на родину, чтобы похоронить кости свои на китайской земле. Император разрешил ей приехать в столицу, пожаловал ей земли, дворец, прислугу, весьма хорошее содержание и дозволил являться ко двору с преимуществами царевны. Она скончалась через два года и три прибывшие с нею внука «остались охранять кладбище ее». Старшим гуньми по смерти Юань-гуйми сделался сын его Синми (Sing-me). По-видимому, это был человек слабохарактерный и не умевший принудить к повиновению подчиненных князей и старейшин. Фын-фу-жинь, должно быть возвратившаяся в Китай с царевной, вызвалась отправиться в Усунь, чтобы упрочить власть Синми. Для охраны ее послано было с нею сто китайских ратников. Китайский наместник Восточного Туркестана испросил пожалование высшим усуньским чиновникам золотых печатей с пурпуровыми кистями, чтобы придать важность и силу большому гуньми. Однако ни поездка Фын-фу-жинь, ни печати цели не достигли, потому что тот же наместник потом ходатайствовал о замене Синми, как человека слабого и робкого, дядею его цзо-да-гяном Лэ, на что, впрочем, император не согласился. Впоследствии, назначенный на должность наместника другой сановник «призвал обратно бежавших мятежников и тем успокоил волнение»[1].Спокойствие и отсутствие междоусобиц тем более нужны были в это время усуням, что им угрожали тогда большие опасности со стороны Кангюйцев и хуннов.

[1] «Собрание сведений», III, 73 и 74.

Почти за полвека до Р.Х. у хуннов произошли внутренние раздоры. В 57 году оказалось у них пять шаньюев, враждовавших между собой. В 53 году одержал над прочими верх Чжичжы-шаньюй. Младший брат его Хуханье-шаньюй поддался Китаю и поместился на границе китайских земель. Не чувствуя себя в силах одолеть соединенные силы Хуханье и китайцев, Чжичжы решился утвердиться на западе и в 49 году двинулся к усуням, отправив к младшему гуньми Уцзюту посланника с предложением союза. Уцзюту, зная дурные отношения Чжичжы к Китаю, в угождение китайскому двору, умертвил этого посланника и выслал против хуннов 8 т. конницы. Чжичжы разбил это войско, но не продолжал движение своего на запад, а обратился на север и покорил последовательно Уге, Гянь-гунь и динлинов. «Покорив три царства, он часто посылал войска на Усунь и всегда одерживал верх». Потом, опасаясь Хуханье-шаньюя, вновь перешедшего на северную сторону Гоби, Чжичжы принял приглашение стесняемого усунями владетеля Кангюя завоевать общими силами Усунь и отправился в Кангюй. Кангюйский владетель выслал навстречу несколько тысяч верблюдов, ослов и лошадей, но Чжичжы потерял во время похода много людей, погибших от мороза; только три тысячи человек пришло в Кангюй. В 36 году Чжичжы был «истреблен» китайскими правителями Восточного Туркестана, совершившими для того поход в Кангюй[1]. Таковы сведения, содержащиеся в тех книгах «Цянь-Хан-шу», которые излагают историю усуней, кангюйцев и хуннов и переведены на русский язык о. Иакинфом - вполне и на английский Wylie - частью[2]. Но в «Хань-шу» же имеются более подробные и интересные известия о действиях Чжичжы в Кангюе и Усуни, именно в биографиях сановников Гань Янь-шеу и Чень Тан[3]. Из этих-то, вероятно, биографий в «Тун-цзянь-ган-му» помещено следующее[4].

В 50 году до Р.Х. Tchi-tchi осведомился, через своего посла, что соперник его Хуханье-шаньюй пользуется китайским покровительством, а потому решился удалиться из пределов Китая. Он предполагал сначала утвердиться в стране усуней, когда же Уцзюту убил его посланника и послал против него войско, то, разбив это войско, Чжичжы направился в Гань-гунь. Около 44 года Чжичжы обратился в Чань-ань (тогдашняя китайская столица) с просьбой об отпуске к нему находившегося заложником сына. Просьба эта была уважена. Для сопровождения возвращавшегося к отцу сына был послан сановник Гу-ги, который, вопреки приказанию, не остановился на границе, проследовал до местопребывания шаньюя. Раздраженный против Китая Чжичжы приказал умертвить Гу-ги. Вскоре после того владетель Кангюя, находившийся в войне с усунями и терпевший неудачи, пригласил Чжичжы к себе на помощь. Чжичжы принял это приглашение. На пути холод погубил более 3 т. его людей; с остальными он прибыл в Кангюй. Тамошний владетель, для укрепления союза, выдал за шаньюя свою

[1] «Собрание сведений», I, стр.70-80, и III,. 56. У Дегиня, пер. Денерта, том I, стр.204-206.
[2] Кроме вышеупомянутого перевода 2 части 96 книги, содержащей между прочим статью об усунях, Wylie в том же Journal of the Anthropological Institute (vol. Ill, 1874, pp. 401-451) начал перевод 94 книги, излагающей историю хуннов. К сожалению, перевод этот доведен лишь до 58 г. пред Р.Х., продолжения же, по крайней мере в ближайших годах того же журнала, кажется, не было.
[3] Ссылка на эти биографии сделана в статье «Хань-шу» о Кангюе («Собрание сведений», Ш.стр.56).
[4] Historie generate de la Chine por Mailla, t. Ill, pp.154,155,162,174-176 et 182.

дочь. Затем союзники выступили против усуней и имели с ними несколько сражений. Опасаясь не устоять против врагов, усуньский государь опустошил более чем на 5 т. ли западную часть своих земель и удалился со своими подданными на восток. Войска Чжичжы, по прибытии в Чигу-чен, нашли этот город совершенно разрушенным и всю страну опустошенною. После этих успехов против усуней Чжичжы, пользуясь слабостью владетеля Кангюя, сделался полным хозяином в его государстве и заставлял соседей платить себе дань, а также доставлять рабочих для постройки задуманного им города. Император три раза запрашивал о причинах убиения посланника Гу-ги, но Чжи-Чжы очень дурно обходился с посланными и не давал удовлетворительного ответа. Тогда, около 36 года, находившиеся на границе генералы Чень-тан и Гань-янь-шеу, собрав около 40 т. войска из Усуни и других подвластных владений, выступили против Чжичжы. Узнав о прибытии этого войска, ставшего лагерем 50 ли не доходя нового города, Чжичжы прислал спросить сановников: зачем они прибыли вооруженными, когда он находится с Китаем в мире? Генералы отвечали, что получили повеление идти на него за притеснения владетелю Кангюя, состоящему под покровительством Китая. Чжичжы не успел достигнуть какого-либо соглашения и не имел времени для сбора своих войск. В наступившую ночь китайцы придвинули свои войска к городу и окружили его. Они собрали большое количество деревьев и подожгли их с наветренной стороны, отчего во многих местах загорелись дома в городе. Пользуясь этим, китайцы овладели крепостью после жаркого боя. Геройски защищавшийся Чжичжы получил несколько ран, от которых вскоре умер. Генералы отправили его голову ко двору с нарочным и распустили свои войска. Экспедиция эта, однако, едва не повела для обоих генералов к неприятным последствиям. Император приказал было вызвать их для получения наград, но первый министр обвинил их в составлении подложного императорского указа о созыве войск из подвластных владений. Благодаря заступничеству сановника Леу-сяна генералы отделались лишением чинов: Леу-сян представил, что ежели Ли Гуан-ли, - который в походе на Давань погубил армию в 50 т. человек, состоявшую из лучших китайских войск, с затратою на эту экспедицию огромных сумм, и привел только десятка три лошадей, похищенных у варваров с пастбищ, - то превозносить за это, как за необыкновенные подвиги, то, в сравнении с ним, Гань Янь-шеу и Чень Тан, уничтожившие одними местными средствами закоренелого врага империи, по крайней мере не заслуживают наказания. Через несколько лет, в конце 29 года, дело возобновилось: Чень Тан подвергся обвинению в приобретении великих богатств путем насилий в Кангюе. Он распорядился перехватить и истребить ехавших для его уличения свидетелей. Уверившись таким путем, что доказательств обвинения не будет, он в свою очередь обвинил министра в клевете. Однако он был арестован и уличен. Во внимании к его заслугам, император ограничил наказание лишением чинов и разжалованием в рядовые. Он был потом окончательно помилован по следующему случаю: начальствовавший на границах западного края прислал в Чан-ань нарочного, прося помощи против усуней, которые его осадили. По совету главнокомандующего войсками империи, государь призвал к себе Чень Тана, чтобы поставить его во главе посылаемых на вы-

ручку войск. Прочтя депеши Тун-хой-цзуна, он сказал императору, что опасаться нет оснований, потому что один китайский солдат стоит пяти варварских, которые притом дурно вооружены, плохо кормятся и худо оплачиваются, и что вскоре получится известие, что орды отступили. Действительно пять дней спустя курьер привез донесение о снятии осады.

Проверяя Мадуаньлиня, у которого значится, со ссылкою на «Хань-шу», что Чень Тан «наказал» вице-королей Чжичжы и Кангюя и что Yi-ta ограбили обозы его армии, Ст.Жюльен нашел, что на самом деле в «Хань-ury» помещены лишь следующие подробности: «Tou-onei, желая начать поход из владения Вынь-су (Ouen-sou), пошел северной дорогой, достиг Чи-гу (entru dans Tchi-Kou), прошел за страну усуней (passa an de la du pays des On-Soun), пересек границы Кангюя (fronelit les fruntieres du Khung-Ku) и прибыл на запад от озера Хотана (Khotan). Тогда Pao-tien, вице-король Кангюя, став во главе многих тысяч всадников, произвел грабежи на востоке от города Чигу, убил и захватил у старшего гуньми около 1 т. человек и истребил большое количество скота. Потом он достиг тыла армии Ханей и причинил значительный ущерб обозам арьергарда»[1].

В «Сокращенной статистике новой границы», переведенной частью Ст.Жюльеном, цитируется из «Хань-шу» следующее: «В третий год правления Kiontihoo, при императоре Юань-ди (40 г. до Р.Х.), Чень Тан... составил подложный императорский указ о посылке военного отряда, начальство над которым он вверил шести офицерам. Он отправил их двумя разными дорогами. Трое следовали южным путем, пересекли горы Цунлин и проникли через Давань. Трое других отправились из владения Вынь-су, следовали северной дорогой, вышли в Красную долину (Tchi-Kou), пересекли страну усуней и прошли чрез Кангюй». «В ту эпоху (прибавляет от себя «Сокращенная статистика») часто ходили этой дорогой из Вынь-су к усуням или, что то же, из Аксу в Или»[2].

Все эти отрывки дают весьма интересные сведения и показывают необходимость полного перевода биографии или других частей «Хань-шу», из которых они взяты. Тогда, быть может, выяснится между прочим, о каком это озере Хотан упоминается в одном из них.

По смерти Синми место его занял сын его Цылими (Tsze-le-me). По смерти Уцзюту возведен на его место сын его Фули, но убит младшим своим братом Жиер[3]. Китайский двор отправил Фулиева сына Аньжи младшим гуньми». Жиер бежал в Кангюй. В Гумо был выставлен китайский отряд, чтобы при случае напасть на Жиера, но Аньжи, не дожидаясь такого случая, послал к убийце своего отца старшину Гумони с двумя

[1] Les Huns Blancs on Ephthalites par Vivien de St.-Martin. Paris, 1849, p.54.
[2] Journal asiatique, 1846, t. VIII, 4 ime serie, pp. 249 et 250.
[3] Вместо Фули и Жиер, как значится в «Описании Чжунгарии», стр.55, о.Иакинфом в «Собрании сведений», III, стр.74, употреблены имена Юли (двумя строками ниже Фуми) и Жини. Whylie называет их Foo-le и Tih-urh.

товарищами, которые выдали себя за беглецов и закололи Жиера. Китайский наместник подарил за это убийцам золотого идола в 20 лан весом и триста кусков шелковых тканей. Когда потом сам Аньжи был убит таким же образом, китайцы сделали младшим гуньми брата его Мочженьгяня (Mouchin-Tslang). «В сие время старший гуньми Цылими поступал с твердостью и хи-хэу (т.е. князья и старшины) повиновались ему. Он обнародовал, чтобы никто не смел пасти свой скот на его паст-бищах. Настала в его владениях глубокая тишина и мир, подобно, как во времена Унгуймиевы[1]. Младший гуньми Мочженьгянь, опасаясь быть покоренным от него, по-дучил старейшину Учжиляна притворно поддаться и заколоть». Китайский двор, не имея возможности наказать Мочженьгяня силою оружия, задержал находившегося в столице сына его и послал сановника Дуань Хой-цзун с большой суммой денег. Са-новник этот и наместник объявили старшим гуньми Ичими (E-chih-me), внука Цылими. Спустя некоторое время один из подчиненных старшему гуньми князей Наньци (Nan-se) убил Мочженьгяня, вместо которого младшим гуньми объявлен племянник его Аньлими (Gon-le-me). Смерти Мочженьгяня оказалось недостаточно для мстительного китайского двора и им был снова послан в Усунь Дуань Хой-цзун. За отсечение головы сыну Мочженьгяня Панцю (Jan-Ken) сановник этот награжден княжеским достоинством. Бихуаньчжи (Pe-juen-che), младший брат Мочженьгяня, участвовавший в убиении Цылими, ушел с 80 т. своих подданных «на север в Кангюй, в предположении испросить вспомогательных войск для покорения обоих гуньми. Тогда оба гуньми пришли в страх и положили всю надежду на наместника»[2].

Надо полагать, что Бихуаньчжи не замедлил возвратиться на свои земли, потому что у Дегиня, со ссылкой на «Хань-шу», рассказывается под 5 годом до Р.Х., что он в этом году вторгался в земли хуннов, умертвил многих людей и захватил большое ко-личество скота. Учжулю-жоди-шаньюй выслал против него своего сына с 5 т. всадников. Усуни обратились в бегство и хунны принудили Бихуаньчжи отдать им сына в заложники. Сын этот, однако, был вскоре шаньюем отпущен, так как этого потребовали китайцы и шаньюй не хотел в это время иметь врагов с южной стороны своих владений[3]. В 1 году до Р.Х. старший гуньми приезжал одновременно с шаньюем хуннов к китайскому двору, который принял их с большими почестями. В 3 году после Р.Х. «Бихуаньчжи, чтобы выслужиться перед Китаем, убил Учжилина» и получил за то китайский княжеский титул. «Оба гуньми были слабы, и Бихуаньчжи притеснял их, за что и сам был убит наместником Сунь Гянь посредством нечаянного нападения». Составитель истории западного края за время династии Старших Ханей заканчивает статью об Усуни замечанием: «С того времени, как усуньское владение разделено на

[1] У Wylie (p.92): He ordered the people to rear horses and cattle to avoid the necessity of repairing to pastoral kingdoims for supplies; and peace prevoiled, as in the time of Ung-kwei-me.
[2] «Собрание сведений», III, 74-76.
[3] Том первый, перевод Денерта, стр.211.

две части (на владения старшего и младшего гуньми), китайский двор много имел забот и ни одного года спокойно не проходило»[1].

[1] «Собрание сведений», III, 76. В цитатах из «Хань-шу» в «Си-юй-т у-чжи» по переводу Im- bunet Huart (Recucil de documents sur l'Asie centrola, Paris,1881, pp.136 et 137) говорится: «Младший гуньми усуней Би-юань-чжи (Pi yuann tchi), младший брат генерала Мочженя (Mo tchenn), вознамерился убить старшего гуньми; он поддался Кангюю со всеми своими в числе 80 т., предполагая выпросить у него войск. Кангюй впоследствии покорил обоих гуньми». Последняя фраза объясняется вероятной ошибкой или недоразумением составителей «Си-юй-ту-чжи» или переводчика, поместивших ее вместо слов «для покорения обоих гуньми», как значится у о.Иакинфа.

3. Сведения об усунях после Р.Х. до половины V века

Отпадение западного края и попытки восстановления китайской власти. Падение хуннов и замена их власти и имени в Монголии сяньбийскими. Два китайских посольства находят владетеля усуней в V веке в Цунлине. Что разумели китайцы под Цун-лином. Неосновательность сведений Клапрота и за ним Риттера о дальнейшей судьбе усуней.

В 1 году по Р.Х. в договор Китая с хуннами помещена статья, по которой хунны обязались не принимать беглых усуней, желающих им поддаться[77].

Здесь, в начале христианской эры, прерываются продолжавшиеся более столетия постоянные сношения Китая с усунями. В 9 году по Р.Х. Ван Ман, лишив престола династию Хань, объявил себя императором, а в следующем году китайские военные поселения в Восточном Туркестане поддались хуннам и сообщения Китая с усунями и западом прекратились. Первые годы династии Хэу-Хань, властвовавшей с 25 до 265 года, заняты были внутренними делами. Только с 73 года китайцы начали делать попытки восстановить свою власть в западном крае. До 122 года «западный край три раза был отторгаем и три раза вступал в связь с Китаем». В 127 году «Бань Юн опять покорил Харашар, а после сего Кучу; Яркян, Хотан, Кашгар, всего семнадцать владений, добровольно поддались, но Усунь и владения, лежащие от Луковых гор (Цун-лин) на запад, отторглись совершенно». Об усунях за это время упоминается под 90 годом, когда наместник Бань Чао просил разрешения взять 20 т. усуньских войск для нападения на владение Куча, которое отказывалось признать китайскую власть. Император дал требуемое разрешение. В 94 году Бань Чао, при помощи собранных им войск восьми покорных владений, усмирил владетеля Куча и т.д., но находились ли в числе его войск усуньские - источник наш умалчивает[78].

В конце первого полустолетия после Р.Х. у хуннов возникли междоусобия. Часть их поддалась Китаю и поселилась на китайских землях. В 89-91 гг. поддавшиеся, так называемые южные, хунны с китайскими войсками и полководцами нанесли независимым хуннам ряд жестоких поражений, от которых хунны уже не оправились. Земли их были заняты в 93 году сяньбийцами. «Оставшиеся роды хуннов, простиравшиеся до 100 000 кибиток, сами приняли народное прозвание сяньби»[79]. Сяньбинский государь Т'аньшихуай (141-181 гг.) соединил под свою властью все 120 родов сяньбийских, «на западе поразил Усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14 000 ли, со всеми горами, реками и соляными озерами»[80]. Владения свои разделил он на три аймака, из которых западный состоял более чем из двадцати родов «от Шань-гу на запад до Дунь-хуана и Усуня»[81]. При наследниках этого

[77] «Собрание сведений», I, 93.
[78] Histoire generale de la Chine par Mailla, t. III, pp. 382 et 397.
[79] «Собрание сведений», I, 163.
[80] Там же, 168 и 169. Mailla, III, p.447.
[81] «Собрание сведений», I, 170. Mailla, III, 478.

могущественного владетеля произошли междоусобия, но и Китай (в 226 г.) разделился на несколько царств. Сяньбийцы не замедлили овладеть северным Китаем. Прежде усилился в этой части Китая дом Муюн, но вскоре заменен был домом Тоба. В 297 г. Тоба Ито «покорил на западе более 30 владений»[82]. Тоба Юйлюй, около 318 г., завоевал на западе «древние усуньские земли»[83]. Сыну его Шеигяню (339 г.) покорилось все лежащее «на запад до Полона» (Фергана)[84]. Внук его Тоба Гуй уничтожил царство Муюнов и объявил себя императором, положив основание династии Юань-вэй, владевшей северным Китаем с 386 по 558 год[85].

По «Бэй-шу» («История северных дворов» или «Северная история», составленная при династии Тань), около 425 г., при императоре Тхай-ву (династии Юань-вэй), отправленный в западные владения, для возобновления с ними сношений, сановник Тун Юань был в Усуни; владетель принял дары дома Вэй «с поклонением», «был в восхищении» и заявил, что соседние владения Полона и Чжеше (Фергана и Ташкент) желают быть вассалами дома Юань-вэй и представлять ему дань, но сожалеют, что не имеют дороги. Вследствие этого Юань поехал в Полону, получив в Усуни толмачей и вожаков для сопровождения в упомянутые два государства. При возвращении посла У сунь, Полона и пр., всего шестнадцать владений, отправили с ним своих посланников к китайскому двору[86].

В той же «Истории северных дворов», в описании западного края, есть статья об Усуни такого содержания: «Усуньский владетель имел (а не «имеет», как говорится при указании местопребываний правителей в описаниях других владений) пребывание в городе Чигу, от Аксу на севере, от Дай (императорская столица) в 10 080 ли. Жужаньцы несколько раз производили набеги на него, почему он переселился в Луковые горы. Городов нет, а усуньцы переходят со скотом с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В третье лето правления Тхай-янь, 436 (г.), Северный двор отправил Дун Дин посланником в Усунь. Впоследствии сие владение ежегодно к (Северному) Двору присылало посланников с дарами»[87].

Итак, в V веке усуни оказываются занимающими Луковые горы. Что в то время разумелось под Луковыми горами или Цунлином? По «Истории старших Ханей», «западный край», т.е. Восточный Туркестан, «на западе ограничивается Луковыми горами», но и «на южной и северной сторонах ... находятся большие горы, между которыми река протекает». Эта «река имеет два истока: один из них выходит из Луковых гор, другой из Юйтяна. Юйтян (Хотан) лежит при подошве Южных гор». В «Цянь-хань-

[82] «Собрание сведений, I, 190.
[83] Там же, стр.193.
[84] Там же, стр.194.
[85] Места, оставленные вскоре окитаившимися сяньбийцами, заняли на западе Монголии гао-гюйцы, а на востоке жужани. Ханы последних с Шелуня (394-410 гг.) владели всей Монголией, на западе до Карашара («Собр. свед.», 1, 209). Жужаней сменили турки (дулга, тупо, туцзюэ, тукиюе - в разных транскрипциях). Место этих турок, властвовавших с 535 по 745 гг. заняли уйгуры или ойхоры (745-847 гг.)
[86] «Собрание сведений», III, 138 и 139.
[87] Там же, стр.162.

шу» же, при описании путей на запад, говорится, что «южная дорога», - которая, «пролегая по северную сторону Южных гор, идет по направлению реки на запад до Соцзюя (Яркента)..., - по переходе через Луковые горы на запад, ведет в Большой Юечжи и Аньси, т.е. в Бактриану и Парфию. «Северная дорога», - которая, «простираясь ... подле Северных гор по реке, идет на запад до Суле (Кашгара), - по переходе через Луковые горы на запад, ведет в Давань, Кангюй,...», т.е. в Фергану и далее[88]. Уже этими данными достаточно выясняется - что такое Цунлин, но в «Си-юй- цзи» путешественника VII столетия Сюань-Цзана даны еще более определенные указания о границах Цунлина, особенно с северо-востока: «На юге он (Цунлин) доходит до великих снежных гор, на севере протирается до тысячи источников теплого моря (Жехай), на запад до владения Хэ и на восток до владения Уша. Цунлин простирается на многие тысячи ли с востока на запад и с юга на север; есть в нем пропасти и ущелья, простирающиеся на многие сотни ли»[89]. Таким образом, под Цунлином китайцы разумели горные страны, лежащие между Таримской котловиной, с востока, и Аральской низменностью, с запада, и между хотанской рекой и Гималаями, с юга, и котловиною Иссык-Куля, с севера, т.е. занятую ныне кочевыми кара-киргизами страну верховьев Яркент-дарьи, Кашгар-дарьи, Аксая, Сыр-дарьи и Аму-дарьи. Соседство с владениями Полона и Чжеше побуждает полагать, что усуньский владетель кочевал в V веке на Нарыне, в верховьях Таласа и на Чаткале.

После У века об усунях и землях их нет упоминаний до начала VII столетия, когда, по «Т'ан-шу», «прежняя усуньская земля» служила обычным местом пребывания хана западных турок Чуло-хана (600-611 гг.)[90], покорены же были турками эти земли еще при третьем хане турок Кигине (553-572 гг.).

По Риттеру, усуни в начале IV века были вытеснены из своих кочевьев сянбийцами, причем «часть усуней бежала в верховья Яксарта и в Трансоксиану (?), другая направилась в киргизскую степь к Иртышу (?). В 619 г. усуни подчинились тукюэсцам (туркам), смешались, как кажется, с ними и таким образом исчезли с театра истории»[91]. Послуживший Риттеру источником Клапрот действительно пишет: «Когда сянби сделались могущественными, они подчинили себе также усуней и вынудили их, постоянными вторжениями своими, оставить свою страну и удалиться на запад и на северо-запад. Это происшествие имело место в начале IV века. Часть народа рассеялась в стране, расположенной на верхнем Яксарте, и в Трансоксиане, другая же удалилась в южную часть киргизской степи, прилегающую к Иртышу. В 619 году они

[88] «Собрание сведений», III, 33 и 34.
[89] Цитаты в «Си-юй-т' у-чжи» по переводу Imbault Huart (Recnail de documents sur l'Asie cen- trale, Paris, 1881, pp. 164 et 165). По мнению переводчика, владение Хэ (Houu) находилось в окрестностях нынешнего Хинджана, а Уша на месте нынешнего Бадахшана, но для первого вероятнее, согласно с Юлем, местонахождение Кундуза (см. Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи», Спб., 1879 г., стр.60), а второе находилось, как вполне правильно указал Григорьев («Восточный Туркестан», выпуск второй, Спб., 1873 г., стр. 143 и 37), на Яркент-дарье, так как Уша прилегает к югу к реке Сидо, а именно этим у Сюань-Цзана постоянно называется Яркент-дарья.
[90] «Собрание сведений», I, стр. 341.
[91] Русского перевода том II, стр. 130.

сделались подданными Thou Khiou или турков и, кажется, слились с этим народом». Мы увидим ниже, что предполагать слитие некоторой части усуней с тюрками есть некоторые основания, что же касается до мнений Клапрота об удалении усуней, вследствие набегов сяньбийцев, частью в Трансоксиану и к Иртышу, то по вышеприведенному свидетельству «Бэй-шу», передвинуться в Цунлин заставили усуней не сяньбийцы, а жужани, об уходе же усуней в Трансоксиану и к Иртышу (к которому прилегает северо-восточная часть киргизской степи, а не южная) китайские источники совсем молчат, а потому это только собственные предположения Клапрота, не имеющие никаких оснований.

Глава вторая

СВЕДЕНИЯ О ВНУТРЕННЕМ БЫТЕ УСУНЕЙ, ГОРОДЕ ЧИГУ И О ДРЕВНОСТЯХ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ УСУНЯМ

1. Сведения о внутреннем быте усуней

Известия «Шы-цзи» и «Цянб-Хань-шу». Справедливость некоторых из этих сведений, относящихся до природы страны и скотоводства, даже для настоящего времени. Нравы усуней. Обычаи хуннов. Названия сановников у усуней. Родовой состав усуней. Остатки сэ или саков и юечжийцев. Религия усуней. Города, подчиненные гуньмо.

Сведения о быте усуней в источниках наших скудны. По Чжан Цяню, «Усунь лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-восток. Это кочевое владение, коего жители переходят со скотом с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска, отважного в сражениях»[1].

Из составленного китайским наместником Бань Гу[2] описания западного края, относящегося к 74-39 гг. до Р.Х.[3], могут быть добавлены следующие известия:

«Народонаселение состоит из 120000 кибиток, 630000 душ; строевого войска 188800 челов.»[4]. On the jungly plans there much rain and cold (On the hills pine and fir trees around)[5] «Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с хуннами. В их владении много лошадей и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов. Народ суров, алчен, вероломен, вообще склонен к хищничеству».

Сделанное Бань Гу описание природы страны усуней справедливо в общих чертах для пастбищ западного Тяньшаня и в настоящее время. Бассейны Иссык-Куля, Нарына, Текеса и Кунгеса, по возвышенному своему над уровнем моря положению (более 5000 футов), отличаются гораздо более влажным климатом и более холодною температурою, чем впадина Восточного Туркестана и киргизская степь, между которыми они лежат. Северные склоны гор и ущелий покрыты здесь и ныне еловыми ле-

---

[1] «Собрание сведений» и пр., III, стр.5.
[2] Там же, 108.
[3] Там же, 37.
[4] Id., У Дегиня (немецкий перевод Дэнерта, B. 1, s. 167) усуньский владетель мог выставить 200 т. ратников.
[5] Перевод Wylie в The Journal of the Anthropological Institute, vol. XI, new series, 1882, p. 84. У о.Иакинфа («Собрание сведений» и пр. III, 64): «Земли ровные и травянистые. Страна слишком дождливая и холодная; на горах много хвойного леса». В переводе 1829 г. («Описание Чжунгарии» и пр., стр.42) было добавлено: «и дерева Мань». У Риттера (том II русского перевода, стр. 129): «Страна их, еще очень далеко простиравшаяся к з. (до Хан-кэу), как говорят китайцы, была просторная равнина. Горы... поросли пихтовым и лиственничным лесом». У Риттера сделана тут ссылка на Матуаньлиня. Лиственница действительно есть в восточном Тяньшане (Пржевальский «Третье путешествие», стр.61), но в западном Тяньшане ее нет. Надо полагать, что в данном месте «Хань-шу» ближе к подлиннику перевод Wylie, который согласен и с действительным положением местности, которую «никак нельзя назвать землями ровными», потому что усуни занимали главным образом западный Тяньшань.

сами. Земледелие и теперь существует с успехом только в наиболее низменных частях упомянутых местностей, страдая на более высоких местах от слишком влажного лета, поздних инеев в мае и июне и ранних холодов и снегов в августе и сентябре. Разведение лошадей, преимущественно пред другими породами домашних животных, и в настоящее время вызывается свойством трав и глубиною снегов. Богатые кара-киргизы и в настоящее время имеют тысячные табуны лошадей[1].

Что касается нравов усуней, то суровость, им приписываемая китайцами, была, в глазах сынов Небесной империи, общим уделом кочевников, в сравнении с утонченностью китайской цивилизации. Алчность усуней видна между прочим из жадности их к подаркам от китайского двора и из той легкости, с которой китайские сановники производили подкупы влиятельных людей с целью совершения убийств усуньских князей и старшин. Вероломство усуней также неоспоримо и подтверждается приведенными выше фактами, составляя главную отличительную черту их нравов сравнительно с другими современными кочевниками - хуннами, кангюйцами и юечжийцами, в истории которых не встречается такого ряда коварных убийств, как у усуней в несколько десятков лет перед Р.Х. Однако убийства эти начались и развились после покушения китайской царевны на жизнь ее третьего мужа. Современные китайцы считали обязательным убивать доверчивого врага и подвергли наказанию сановника, не воспользовавшегося случаем убить усуньского государя, который с небольшой свитой провожал этого сановника, в благодарность за доставленное ему лекарство.

Об обычаях хуннов[2], одинаковых с усуньскими, по заверениям Чжан Цяня и Бань Гу, находим не обильные, но интересные данные:

По «Цянь-Хань-шу», у хуннов было 24 темника, (т.е. начальников десяти тысяч), назначавших у себя «тысячников, сотников и десятников». Темники эти носили разные титулы. Старшим между ними почитался восточный чжуки-князь, обыкновенно предназначавшийся наследовать царствующему шаньюю. Десять главных темников были всегда из князей шаньюева дома, остальные из посторонних. Должности темников и главных вельмож были вообще наследственны[3]. Мне кажется, что вообще несколько неясные известия китайцев по этому предмету должны быть понимаемы в том смысле (как отчасти полагал о. Иакинф), что все роды или племена, из которых состоял народ хуннов, управлялись непосредственно своими родовыми старшинами, более или менее наследственными, но некоторые из этих племен или родов, особенно

[1] Количество лошадей у богинца Султанкула (теперь давно уже умершего) доходило в 1873 году до 10 т. голов, как я имел тогда случай убедиться, во время поездки на Текес для раздела земель между кыргызами и киргиз-казаками.

[2] В более позднем описании обычаев хуннов, под 50 годом после Р.Х., говорится: «У хуннов было обыкновение три раза в году собираться в Лун-цы (на кит. языке: храм дракона), где в первой, пятой и девятой луне, в день под названием сюй, приносили жертву духу неба. Южный шаньюй, со времени своего подданства Китаю, присовокупил четвертое жертвоприношение китайскому императору. На сих собраниях начальники поколений рассуждали о государственных делах, забавлялись конской скачкой и бегом верблюдов» («Собрание сведений» и пр., I, стр. 118 и 119).

[3] «Собрание сведений», I, 14 и 15, а также Visdelou в Biblioteque orientale par d'Harbelit ets., La Haye, 1779, t.IV, pp. 124 et 125.

пограничные, были соединены в особые аймаки, состоявшие в ведении членов шаньюева дома. Такую приблизительно форму управления видим мы и впоследствии у тюрков и монголов, как результат родового быта народа и семейно-наследственного права царствующего дома.

В первой луне каждого года все главные начальники съезжались на небольшое собрание в храм при дворе шаньюя. В пятой луне происходило общее собрание в городе Лун-чен (город дракона), «где приносят жертву своим предкам, небу, земле и духам». Осенью, когда лошади были в телах, происходили съезды около рощ; тут приносили жертвы богам - покровителям полей и жатв, делая круги вокруг рощи, после чего осматривали людей и животных и отмечали их численность в податных тетрадях[1] «Законы их: извлекшему острое оружие и фут - смерть[2], за похищение конфискуется семейство, за легкие преступления надрезывается лицо, а за важные - смерть. Суд более десяти дней не продолжается. В целом государстве узников бывает несколько десятков человек. Шаньюй утром выходит из лагеря поклоняться восходящему солнцу, ввечеру - поклоняться луне. Он сидит на левой стороне[3], лицом к северу... Покойников[4] хоронят в гробах; употребляют наружные и внутренние гробы; облачение из золотой и серебряной парчи и меховое; но обсаженных деревьями кладбищ и траурного одеяния не имеют. Из приближенных вельмож и наложниц соумирающих бывает от ста до нескольких сот человек[5]. Предпринимают дела смотря по положению звезд и луны. К полнолунию идут на войну, при ущербе луны отступают. Кто на сражении отрубит голову неприятелю, тот получает кубок вина и ему же предоставляется все полученное в добычу. Пленные - и мужчины, и женщины - поступают в неволю; и посему на сражении каждый воодушевляется корыстью. Искусно заманивают неприятеля, чтобы обхватить его: почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц; а когда бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеиваются. Кто убитого привезет с сражения, тот получает все имущество его[6]. «Хунны питаются мясом скота, пьют его молоко и одеваются кожами. В скудное время упражняются в конном стрелянии из лука, а во время приволья веселятся и ни о чем не заботятся... Государь с чинами просто обращается и управляет целым государством, как одним человеком. По смерти отца и братьев берут за себя жен их, из опасности, чтобы не пресекся род»[7].

По «Истории старших Ханей», у усуней были следующие сановники: сян-далу (по Wylie, a Minister of Emoluments), цзо-далу (a Left Generalissimo), ю-далу (a Right

---

[1] У Visdelou, там же. У о.Иакинфа «все съезжаются обходить лес (?), при чем производят поверку лошадей и скота» (I, 16).
[2] У Visdelou, «вытащившему саблю на длину фута, хотя бы не ударил, - смерть». По Иакинфу «футом называется военное железное орудие, имеющее вид палки, длиною около 1% фута и короче».
[3] Левая сторона считается старшею (о.Иакинф).
[4] «Здесь описываются похороны хана», - замечает о.Иакинф.
[5] По Visdelou, p.125: «На кладбищах не садили деревьев, не делали земляных насыпей. Они не носили траурных платьев <...>, и число их иногда доходило до нескольких десятков и даже нескольких сотен».
[6] «Собрание сведений», I, стр. 16 и 17.
[7] Там же, стр. 28.

Generalissimo), два гян, три хэу (three Mer <...>, один да-гянь (a Commander in-chief), один ду-юй (a Protector General), два да-гян (two Inspectors Generals), один да-ли (a grand official), два ше-чжун-дали (two Household Officials), один ки-гюнь (a Knight)[1]. Из числа этих сановников в переводе Wylie отсутствуют два гян, которых не было в переводе о.Иакинфа 1829 года в «Описании Чжунгарии» и пр.). Все сановники носят в этом перечне китайские названия. Усуньских названий должностей не приведено, а потому само существование некоторых, по крайней мере, из этих должностей может быть подвергаемо сомнению. Однако, за исключением далу и дали, такие же должности с китайскими названиями существовали и в других владениях западного края. О титулах и числе чинов этих владений в китайских архивах должны были в свое время храниться подробные сведения, потому что правительство рассылало владетелям и чинам Западного края до 376 печатей[2], на которых, вероятно, вырезывались их титулы. В сороковых годах до Р.Х. высшим усуньским сановникам[3] даны были «золотые печати с пурпуровыми шнурами, дабы придать важность и силу Большому Гуньми»[4]. За убиение гуньми Цылимия предполагалось печати эти у далу, дали и дагяня отобрать, с выдачею взамен медных с черными шнурами[5].

О делении усуней на аймаки, племена или роды наши источники молчат. Но существование у усуней родов ясно уже из того, что они нашли в западном Тяньшане остатки ранее их занимавших страну народов сэ и юечжей: «посему то между усунями находятся отрасли племен сэкского и юечжинского»[6]. Об юечжи я буду иметь случай говорить в следующей главе, относительно же сэ нужно иметь в виду, что «отрасль древних сэсцев» составляло также население небольших горных владений Гюаньду и Хюсюня, занимавших склоны хребта, соединяющего Тяньшань с Памиром. О населении этих двух небольших земель знаем, что то были кочевники и что «обыкновения и одеяние сходны с усуньскими»[7].

Народ сэ или сай китайских историков почти все писатели[8] признают за саков персидской истории и клинописных памятников, но одни считают его принадлежавшим к арийским племенам[9], другие же к тюркским. Я не могу изложить здесь аргументы той и другой стороны и заняться их разбором. Мне кажется наиболее вероят-

---

[1] «Собрание сведений», III, стр.64.
[2] Там же, стр. 98.
[3] У Wylie (92) только Ja-le, Tu-luh и Tu-keen.
[4] «Собрание сведений, III. стр. 74.
[5] Там же, стр. 76.
[6] «Собрание сведений», III, 65.
[7] Там же, 61 и 62.
[8] Исключая Вивьен де Сэн-Мартена, которому отождествление сэ с саками не кажется основательным (Les Huns blont., p. 35). собственно потому, что китайские сэ слишком ничтожный народец, чтобы сближать его с знаменитыми саками. Однако сэ занимали же до юечжей весь западный Тяньшань и хотя вынуждены были покинуть эту страну, оставив там часть своих соплеменников, но были еще достаточно сильны, чтобы завоевать Гибинь (восточный Афганистан и Кашмир), а потом и северную Индию.
[9] Мнения эти частью изложены в «Исследовании о скифском народе саках» В.В.Григорьева («Труды восточного отделения и.р. археологического общества», 1872 г., часть 16), который пришел к заключению, что саки - арийцы и, всего вероятнее, славяне, но основывался главным образом на довольно натянутых сближениях нескольких имен, встречающихся в рассказах или скорее романах Ктезия, с славянскими словами и именами.

ным, что сэ или саки были тюрки, соплеменники соседних с ними кангюйцев, занимавших к западу от них правый берег Сыр-дарьи. По положению своему в западном Тяньшане, сэ вероятно с очень далекой древности были северными и восточными соседями арийцев Согда и Бактры, через которых имя их сделалось известным западным иранцам Мидии и Персии и эти последние распространили его на кангюйцев и других кочевников к северу от Аму-дарьи[1]. По близости имен и по обитанию в наиболее мало-доступных местностях западного Тяньшаня (в нижней части бассейна Нарына, окруженной со всех сторон трудно проходимыми хребтами) является ныне вероятным потомством сэ или саков кара-киргизский род или племя саяк, который, вместе с родом ичкилик, считается кыргызами за род чуждого происхождения[2]. На существование у усуней еще других родов указывает известие Чжан Цяня о том, что отец гуньмо имел «небольшое владение на западных хуннуских пределах»; в западный Тяньшань гуньмо явился уже во главе многочисленного народа; трудно допустить, чтобы небольшой народ, подвергшийся нашествию хуннов, а потом, вероятно, безначалию, увеличился в управление сына до 100 т. кибиток вследствие одного естественного размножения; скорее надо предположить, что гуньмо умножил число своих подданных подчинением других соседних и более или менее родственных племен, сохранявших в эпоху отца его независимость. Быть может, от существования же в среде усуней сильных и не успевших еще слиться в общую народную массу родов зависела и та легкость, с которою честолюбивые члены усуньского владетельного дома находили себе сторонников в междоусобных распрях. К каждому претенденту на власть, вероятно, примыкали те или другие роды, чтобы обеспечить за собою влияние на дела и обладание лучшими кочевками. У кочевников-скотоводов спокойное пользование хорошими угодьями для пастбищ составляет одну из самых важных потребностей их хозяйства и благосостояния. У хуннов «каждый (род?) имел отдельную полосу земли и перекочевывал (на ней?) с места на место, смотря по приволью в траве и воде»[3]. И у усуней «глубокая тишина и мир» настали во времена старшего гуньми Цылими, который «поступал с твердостью», а главное распределил пастбища и настаивал, чтобы никто не смел пасти скота на чужих кочевьях[4].

На религию усуней намекает подарок старейшине Гумони (за убиение Жини) золотого идола. Хотя нельзя отрицать возможности проникновения к усуням буддизма, который процветал уже в Кабулистане и Тохарестане, а также огнепоклонничества, которое могло попасть к усуням от иранцев Согдианы и Ферганы, исповедовавших учение Зороастра, но вероятнее, что они придерживались первобытного шаманства, сохранившегося поныне в Алтае. К этому же последнему заключению приводит и указание китайцев на сходство усуньских обычаев с хуннскими: хунны, как приведено

[1] Очень распространенное мнение о том, что иранцы и туранцы персидских преданий (Шах-намэ) были лишь две части одного и того же арийского племени, представляется мне столь же мало правдоподобным, как предположение о том, что татары наших былин Владимирова цикла были славянскими племенами.
[2] Подробности по этому предмету будут помещены в <...>.
[3] «Собрание сведений», 1,15.
[4] Так, согласно с Wylie, надо понимать место «Хань-шу», переведенное у о.Иакинфа неудачно: «Он обнародовал, чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах» (III, 75).

выше, поклонялись духам предков, небу, земле, рощам, солнцу, луне и т.д., словом имели те самые верования и предметы поклонения и обоготворения, как и доныне существующие шаманствующие народы.

В рассказе Чжан Цяня упоминается, что гуньмо «подчинил себе окрестные небольшие города», но не выяснено - к какому времени и местонахождению усуней это относится. Нет никаких следов и указаний, чтобы под городами этими разумелись оседлые поселения Таримской котловины. Напротив города Таримского бассейна, видимо, не были под властью усуней, потому что они не противодействовали ни разграблению некоторых из этих городов китайцами во время походов в Давань, ни последовавшему потом подданству их Китаю. Вероятнее полагать, что под окрестными небольшими городами разумелись оседлые поселения в долинах рек Чу и Таласа. Плодородие этих долин и пригодность их для земледелия должны были еще в очень отдаленные времена привлекать поселенцев из арийцев Ферганы и Согдианы, тем более, что несомненно древние арийские оседлости в Ташкенте и Сайраме соединялись с этими долинами удобным путем чрез водораздел между Арысом и Терсом. Надо думать, что арийские поселения на Таласе и Чу существовали уже при саках, которые, вероятно, сами составляли часть населения этих городков, служивших базарами для окрестных кочевников[1]. Таким же, вероятно, порядком арийцы основали, в еще более глубокой древности, города Восточного Туркестана, с той существенной разницей, что городское население скоро сделалось там многочисленнее кочевого (уйгуров или саков-тюрков в северной части Таримского бассейна и тибетцев - в южной), которое было не велико и не могло, оставаясь скотоводческим, размножаться по недостатку естественных пастбищ.

Сами усуни, как истые кочевники, совсем не занимавшиеся земледелием, оседлых поселений не имели. Считавшийся усуньским город Чигу был основан китайской царевной, существовал недолгое время и был разрушен самими усунями, вскоре после того, как прекратилась выдача китайских царевен в замужество за усуньских государей.

[1] Первоначальное основание оседлых поселений торговцами, для потребностей торговли, весьма вероятно. О населении Давани (Ферганы) за столетие до Р.Х. «Шы-цзи» говорит: «Жители вообще имеют впалые глаза и густые бороды; искусны в торговле и наперерыв соперничают в выгодах» («Собрание сведений», III, 22). По «Т'ан-шу» (в описании владения Кан, соответствующего Самарканду) жители «искусны в торговле и корыстолюбивы; мужчина, достигший двадцати лет, уезжает в соседние владения и везде побывает, где только предвидит выгоды» (III, 239).

2. О городе Чигу

Мнения о местонахождении Чигу Дегиня, о.Иакинфа, Клапрота. Местные указания по П.П.Семенову. Предания по Голубеву. Сообщения Г.А.Колпаковского о костях и пр. на Койсары и о стенах в водах озера. Установившееся мнение о существовании остатков подводного города Чигу. Историческое опровержение этого мнения. Известия китайской истории о местонахождении Чигу. Зависимость определения его от правильного приурочения местностей Гумо и Выньсу. Решение вопроса при помощи определения действительной величины ханьских ли. Чигу находился на р. Кызыл-су. Невероятность нахождения Чигу на Текесе. Т'анский маршрут, где значится город Чигу, Сравнение его с маршрутом Гумбольдта и нынешним. Описание пути на сырт через Заука по П.П. Семенову для выяснения некоторых пунктов рассматриваемых маршрутов. Приурочение т 'анского маршрута к пути чрез Бедель.

О местонахождении города Чигу высказывались различные мнения. Так Дегинь полагал, что Чигу находился на Хоргосе, в Илийской долине[1]. О. Иакинф в «Описании Чжунгарии» 1829 года помещал Чигу «в 610 ли от Аксу на север, между Тэмуртунором и вершинами Наринь-гола», т.е. Нарына[2]. По его же мнению 1851 года Чигу «лежал в 610 ли от Аксу на северо-западе, от Тэмурту-нора на северо-востоке»[3]. На карте при «Собрании сведений» и пр. Чигу показан к югу от Тус-куля (Иссык-Куля), несколько западнее против того пункта, где на карте этой приходится река Заука; вершины Нарына изображены на этой карте западнее Иссык-Куля, несколько на юг. По Клапроту, государь усуней «обитал в Tchy Kou tching или городе Красной Долины, который находился близ восточного берега Янь-хая или Соленого озера, называемого также Жехаем или Теплым морем»[4]. Ссылаясь на Клапрота, и Риттер писал[5], что резиденция усуньского гуньмо называлась у китайцев Чи-гу-чень, т.е. город красной долины. Он лежал на восток от Янь-хая или Же-хая, т.е. озера Иссык-Куля». В виду, вероятно, этого мнения Клапрота и одного из приведенных указаний о. Иакин- фа о нахождении Чигу на северо-востоке от Иссык-Куля, переводчик Риттера и первый ученый исследователь западного Тяньшаня П.П.Семенов в 1857 году, во время путешествия на Иссык-Куль, обратил внимание на местные слухи о древних развалинах на устье р.Тюба ... «По словам бурутов, около устья Тюба, на восточной оконечности Иссык-Куля, лежат под водою развалины древнего города. Буруты уверяют, что эти развалины видны только при низком уровне воды и что надо проехать с полверсты по неглубокому тут озеру, чтобы добраться до этих развалин. Напрасно, однако, искал я их на устье Тюба; местность не была мне указана достаточно точно, и нельзя было выяснить с точностью - действительно ли развалины попали в воду при постепенном поднятии водной поверхности озера. Идет также речь в народных легендах о погруженном в воды озера

[1] Мнение Дегиня будет подробнее изложено ниже.
[2] Стр. 42.
[3] «Собрание сведений», III, «Топографический указатель», стр. 100.
[4] <...>
[5] Том II русского перевода 1859 года, стр. 128.

городе на восточной оконечности Иссык-Куля. Очень возможно, что изменившееся течение значительной здесь реки Тюба подмыло часть состоящего тут из рыхлого аллювия, крутого берега озера и находившийся здесь город очутился под поверхностью воды тюбского лимана. В этом случае погружение города в воду объяснилось бы без поднятия уровня озера против его теперешней высоты»[1]. Бывший на Иссык-Куле в 1859 году Голубев между прочим писал: «При устье Туба, на южной стороне, мне указали остатки вала, едва впрочем заметные. От этих развалин вверх по долине Туба, по дороге, которою мы шли, попадаются каменные грубо вытесанные параллелепипеды, с изображением наверху человеческого лица. Они как будто правильно расставлены... У дикокаменных киргизов сохранилось предание о древних обитателях, имеющее тесную связь с легендою об образовании озера. Они говорят, что на том месте, где теперь озеро, была когда-то равнина, орошенная рекою, и на ней стоял город неверного народа. Разврат достиг в нем крайней степени; и терпение Божие истощилось и город... провалился, а на месте его образовалось озеро...». Голубев же приводит другой образчик сказания об образовании озера: у неверного народа, обитавшего на равнине, был бездетный хан; по молитве этого хана у жены его, от осла родился сын с ослиными ушами, по имени Джаныбек, тщательно скрывавший свои ослиные уши и предававший смерти тех, кто их видел; наконец, один молодой человек спасся от смерти, накормив хана лепешками на молоке своей матери и сделавшись этим способом молочным братом хана; в конце концов он не сохранил секрета об ослиных ушах и тогда из существовавшего на равнине колодца хлынула вода, затопившая город и образовавшая на месте его озеро[2]. Руководивший в 1860 г. первою полною топографическою съемкой Иссык-Куля М.И.Венюков в «Замечаниях об озере Иссык-Куле и реке Кошкар» сообщал[3]: «Говорят, ... будто по середине озера есть мель, и по крайней мере под водой видны какие- то камни, будто даже развалины города, но этим рассказам пока верить нельзя. Основанием их служат отчасти предание, отчасти молва, что в 40-х годах настоящего столетия один беглый русский, бывший при манапе Урмане, ходил по озеру на плоту и сам видел подводные строения. На северном берегу озера, у р. Тура-айгыра, кроме того, разбросано много человеческих костей, выброшенных волнами; но есть ли это скелеты прежних обитателей подводного ныне города или просто остатки мертвых, павших в какой-нибудь битве около Иссык-Куля, - трудно решить». Во втором томе «Географическо-статистического словаря Российской империи» [4] читаем, что по «свидетельству китайских летописцев» город Чигу «находился на северо-восточной стороне Иссык-

[1] Mittheslungon aus Justus Perthes geographischer Anstolt über <...>. Автор тут же сообщает еще следующее: «Показалось мне еще заслуживающим внимания заявление одного бурутского султана, который меня уверял, что в одном месте Тасмы (невысокий хребет, разделяющий реки Тюб и Джиргалан), неподалеку от устья Джиргалана, поднимались горячие пары (Dampfe). Я не нашел никаких следов этого явления. Тасма состоит из глинистых и песчаных наносов; твердые горные породы наружу не выходят. В одном месте Тасмы добывают иногда гипс. Ни в валунах русл притоков Иссык-Куля, ни в выходах горных пород соседних частей Тяньшаня и Алатау вулканических пород не встречается».

[2] «Заилийский край» в «Записках р.геогр.общества», 1861 г., книжка 3, стр.120, 128 и 129.

[3] «Вестник И. р. геогр. общества», 1860 г., кн. 10, стр.23, и «Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них», Спб., 1868 г., стр. 110 и 111.

[4] Спб., 1865 г.

Куля», «по всей вероятности при устье р. Тюба и предания об обрушившемся городе... относятся... к развалинам Чигу. Единственные следы усуньского периода, найденные при устье Тюба, суть так называемые каменные бабы или грубые изваяния, отличающиеся однако типом, совершенно различным от калмыцкого и обыкновенного киргизского. Воды Иссык-Куля выбрасывают иногда также предметы утвари усуней, между которыми находился медный котел огромной величины (это случилось в 1842 году). В «Известиях р. географического общества» за 1870 г. тогдашний семиреченский военный губернатор Г.А.Колпаковский упоминал о значительных количествах человеческих костей, кирпичей и обломков глиняной посуды на ур. Койсары, на плоском тут берегу озера и в воде. По его же сообщению, на северной стороне озера, между речками второй и третьей Койсу, видны в одной сажени от берега, на глубине около одного аршина, три кирпичные стены, идущие в почти перпендикулярном от берега направлении, параллельно одна другой, на одинаковом около одного аршина одна от другой расстоянии, в глубь озера. Стены эти сравнялись с нанесенными кругом их кирпичами. Тут же 19 октября 1869 года замечен в полутора саженях от берега камень с вычерченным на нем изображением человеческого лица[1].

Сделанные впоследствии находки металлических вещей разного рода, слухи о виденных рыбаками под водами озера строениях и в особенности землетрясения, - разрушившие в 1885 и 1887 годах города Пишпек и Верный и многие селения и показавшие возможность и в настоящее время катастроф, производимых подземными силами, - в связи со смутными представлениями о существовавшем когда-то городе Чигу, повели к укреплению, а потом даже к возведению на степень почти несомненного факта упомянутого предположения о том, что город Чигу был затоплен. Так в «Трудах томского общества естествоиспытателей»[2] читаем: «С конца II века до Р.Х. здесь (на Иссык-Куле) водворились усуни..., основавшие на северо-восточной стороне озера город Чигу. Этот город впоследствии был затоплен водой, и озеро до сих пор выбрасывает немало предметов домашней утвари усуней и строительных материалов от разрушенного города. После усуней в бассейн Иссык-Куля пришли гунны. В X- XIV веках здесь появлялись несторианские христиане. В начале XV века по южному берегу проходил Тамерлан со своими войсками во время похода на восток до озера Ботогола. При таком положении, на пути народных передвижений и, так сказать, в стратегическом узле горных проходов, не мудрено, что берега Иссык-Куля изобилуют ископаемыми остатками человеческих костей. Но наибольший интерес представляют те черепа и кости, которые находятся в самом озере, на месте потопленного города»[3].

---

[1] Статья «О древних постройках, найденных в озере Иссык-Куль», стр. 101-105 шестого тома «Известий». В примечании к этой статье редактор издания барон Ф.Р.Остен-Сакен напомнил о вышеприведенных сообщениях П.П.Семенова, Голубева и М.И.Венюкова. В одной из множества появившихся лет через пятнадцать газетных статеек об усунях и Чигу, почерпавших свои исторические сведения из этого примечания, не указывая, конечно, источника, говорится, что по указанию профессора Захарова «таинственный город на берегу Иссык-куля, на речке Тюбе (?), есть по всей вероятности г.Чигу. Мне не встречалось ни этого указания Захарова, ни других ссылок на него.

[2] Томск, 1889 г., год первый, стр. 55, реферат В.М.Флоринского «Двадцать три человеческих черепа томского археологического музея».

[3] Почти все исторические сведения этой выдержки из реферата ошибочны.

Автор другого краниологического реферата, сославшись на предположение П.П.Семенова о нахождении Чигу-чена при устье р.Тюба, говорит: «Следовательно и предания об обрушившемся городе и остатках каменных зданий под водою относятся, вероятно, к развалинам Чи-гу-чина, и вещи, выбрасываемые ныне из озера Иссык-куля, принадлежали обитателям этого города - усуням»[1].

На самом деле, как упомянуто уже выше, в главе первой, по китайским известиям, город Чигу, возникший после 107 г., был разрушен самими усунями между 44 и 36 годами до Р.Х. После нескольких сражений с шаньюем Чжичжы, государь усуней, «опасаясь, что долго против него не устоит, опустошил на западе более 5000 ли своих земель и удалился со своими подданными на восток, так что когда Чжичжы прибыл в Чигу-чен, то нашел этот город совершенно разрушенным и всю страну опустошенною»[2]. Мы знаем, что после 36 г. до Р.Х. китайских царевен в усуньской земле уже более не было и что между усуньскими князьями происходили постоянные междоусобия до окончательного прекращения сношений их с Китаем. При таких обстоятельствах возобновление города Чигу, после его разрушения, не вероятно. Надо полагать, что усуни, как кочевники, в городах не нуждались и в них не жили. Город Чигу основан был китайскою царевною. Не привыкши кочевать в передвижных «круглых хижинах, обтянутых войлоками», как усуни, она построила себе дворец. Вероятно, сюда-то «однажды в три месяца» прикочевывал супруг ее гуньмо. При дворце царевны были без сомнения возведены постройки для помещения ее свиты, состоявшей из нескольких сот человек чиновников и прислуги. Со временем в образовавшемся таким образом городке, вероятно, поселились также ремесленники, исполнявшие работы для царевен и их детей, а также торговцы и огородники, если не земледельцы. Город Чигу был, должно быть, окружен стеною или валом, потому что после покушения царевны на жизнь Куанвана, она вместе с китайскими послами подверглась в нем обложению, продолжавшемуся несколько месяцев, со стороны усуньских войск. Вскоре затем Чигу был занят, конечно временно, гарнизоном из трех отрядов китайских военно-поселян[3].

Судя по городку шаньюя Чжичжы, в котором дома загорелись от разложенных китайцами с надветренной стороны костров, надо думать, что и в Чигу постройки были деревянные. Конечно, дворец царевны столь же мало отличался от китайских фанз,

---

[1] «Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при И. московском университете», том 68, Москва, 1890 года, стр. 177, статья А.А.Ивановского «Черепа из озера Иссык-Куля» В «Предварительном отчете о путешествии через Кашгарию в северо-западный Тибет» М.В.Певцова в «Известиях р. географического общества» за 1891 год, стр. 461, читаем : «Выступив 14 мая 1889 года из г.Пржевальска..., (экспедиция) в 20 верстах от города миновала урочище Койсары, против которого на дне озера, на глубине около 6 футов, находятся любопытные развалины древнего города, построенного из превосходного кирпича. Из этих развалин волны озера выбрасывают по временам разную домашнюю утварь и медные монеты».

[2] Historie generale de la Chine on annoles de set empire, tradites du Tong-Kien-kang-mou par... de Moilla, Paris, 1763, t. Ill, p. 163.

[3] Военные поселения из ссыльных преступников заведены были китайцами в Кюйли (на юго-восток от Куча, в 580 ли) и могли выставлять в шестидесятых годах до Р.Х. 1500 ратников («Собрание сведений», III, 78 и 90).

сколько карета ее статс-дамы Фын разнилась от арбы. Последняя китайская царевна выехала в Китай в 51 г. до Р.Х.[1], а лет через десять - пятнадцать город Чигу был разрушен, просуществовав, стало быть, лет около шестидесяти. Более, чем сомнительно, чтобы этот небольшой, вероятно, деревянный, городок, существовавший недолго, оставил следы, которые сохранились бы до нашего времени, чрез две тысячи лет после его разрушения.

В описании обратного пути Чокана Валиханова из Кашгара в 1859 году помещено следующее: «В долинах рек Атбаши, Арпы и Нарына произрастает пшеница и ячмень. Надо полагать, что в древние времена места эти были населены оседлым и полуоседлым народом, ибо, как говорят киргизы, вниз по Атбаши есть развалины большого города, а на Нарыне мы сами видели следы древнего хлебопашества. Развалины на Атбаше соответствуют, по положению своему городу Чигу, столице усуней, которая, по свидетельству китайской истории, лежала на северо-запад от Аксу и на юг от Темурту-нора (Иссык-Куля)[2].

Но изучение современных существованию города Чигу и последующих китайских известий приводит к заключению, что город этот помещался около нынешней реки Кызылсу, на южном побережье Иссык-Куля:

По «Цянь-Хань-шу», «правление усуньского большого гуньми (находилось) в городе Чигу, от Чань-ань (китайская столица того времени) в 8900 ли... На восток до местопребывания наместника (китайского, назначавшегося с 59 года до Р.Х. (172), на запад до Кангюйской границы 5000 ли»[3]. Там же, в описании владения Выньсу, читаем, что от него «на север до усуньского Чигу 610 ли». Затем в «Истории же старших Ханей» имеются расстояния Выньсу от Чань-ань, от местопребывания наместника и от соседнего владения Гума, а также такие же сведения относительно соседних владений Гумо, Гуйцы и других. Казалось бы, что при таких данных по ориентации и расстояниям было бы не трудно правильно определить положение Чигу. На самом деле, до новейших измерений некоторых расстояний и до точного ознакомления с географией к югу и юго-востоку от Иссык-Куля, попытки приурочения к определенным местностям положения Выньсу и Гумо, от которых зависело и точное указание положения Чигу, не имели прочных оснований. Происходило это от того, что, во-первых, не имелось удовлетворительных объяснений причин некоторых разниц в означенных в «Хань-шу» расстояниях. Так, Чигу значился в 1721 ли от местопребывания наместника; между тем от Чигу до Выньсу показано 610 ли, от Выньсу до Гумо 270 ли, от Гумо до Гуйцы 670 ли и от Гуйцы до Улэя (местопребывание наместника) 350 ли, итого выходит 1900 ли вместо 1721. Далее по расстояниям до Чан-ань от Чигу в 8900 ли, от Выньсу 8350, от Гумо 3150, от Гуйцы 7 480 ли можно бы заключить, что между Чигу и Выньсу было 550 ли, а не 610, между Выньсу и Гумо 200 ли, а не 270, так как в общем получалось,

[1] «Собрание сведений», III, стр. 74.
[2] «Поездка Ч.Ч.Валиханова в Кашгар» в «Известиях р. геогр.общества», 1868 года, стр. 278.
[3] «Собрание сведений», III, 64.

складывая 1420 ли (расстояние между Чигу и Гуйцы, т.е. 8900 ли без 7480) с 350 ли до Улэя, 1770 ли, т.е. цифра, очень близкая к 1721 ли. Во- вторых, неизвестная были величина ли, так как ли не только при разных династиях, но и в одно время в разных местностях было разной величины. Так, по Dutrevil de Rhins, подробно изучившему вопрос о величине ли, мера эта полагается при ханьской династии равною 460 метрам, при т'анской 334, при монгольской 378 и при маньчжурской 444 метрам, но на самом деле разнообразится в разное время и в разных местностях от 260 до 430 метров[1].

Из числа упомянутых владений или точнее резиденций их правителей бесспорно только положение Гуйцы - около нынешнего Куча, сохранившего то же имя, и положение Яньки - около нынешнего Карашара, как явствует из нахождения Яньки «неподалеку» «от озера, изобилующего рыбою»[2]: это Бостан-нор или Баграч-куль. Относительно Выньсу и Гумо мнения различны. Новые китайские писатели полагают, что Выньсу соответствует нынешнему Аксу и что Гумо расположено было в низовьях реки Арбат или Ачакара, протекающей между г. Аксу и селением Караюлгун и теряющейся потом в песках. Мнение это подкрепляется следующими местами из древних комментарий к «Книге о водах»: «Северная (кашгарская) река приходит к южной части владения Вынь-су и присоединяет к себе рукав реки»... «Дальше на восток северная река проходит с южной стороны владения Гумо; река долины Гумо в нее впадает». Составители «Синь-цзян-чжи-лио» замечают при этом, что хотя в настоящее время река Арбат[3] не доходит до кашгарской реки, потому что теряется в песках, но во время Ли-Дао-Юаня, автора упомянутых комментарий, она могла доходить[4]. Аксу признан за Выньсу китайцами даже официально: при устройстве Кашгарии, после восстановления в 1877 году китайской власти, в г. Аксу учрежден округ «Выньсу- чжоу»[5]. О. Иакинф, не указывая своих оснований, но следуя, вероятно, за китайцами, считал Выньсу за Аксу и Юйту (по «Хань-шу» в 300 ли от Выньсу за запад)[6] за Уш-Турфан; на карте при «Собрании сведений» и пр. он поместил Гумо на север от Аксу, утверждая в «Топографическом указателе», что владение Гумо находилось в северной части округа Выньсу. Такое приурочение Гумо, однако, не может быть допущено, потому что прямо противоречит «Хань-шу», по которой Гумо показано в 270 ли от Выньсу «на восток»[7], а не на север, что подтверждается и вышеприведенными расстояниями обоих от китайской столицы; и по «Истории северных дворов» Выньсу находилось от Гумо «на

[1] L'Asie centrale, Paris, 1889, pp. 90, 166, 169. Автор этот, по поверке с действительными расстояниями, полагает ханьское ли равным (для Тибета) 360 м, а ли Сюань Цзана - 416 метрам.
[2] «Собрание сведений», III, 86.
[3] В расспросном маршруте Гумбольдта из Аксу в Кульджу через Музарт значится в 65 верстах от Аксу гора Арбат (Asia Centrale, Paris, 1842, t.II, p. 409.
[4] «Синь-цзян-чжи-лио» («Сокращенная статистика новой границы», изданная в начале настоящего столетия) в переводах Ст.Жульена в Journal asiatique, 1846, t.VIII, p.244, и в Nouvalles annates das voyages, 1846, t.III, p.31, а также «Си-юй-шуй-до-цзи» («Описание вод в Западном крае», изданное в 1833 году под руководством илийского цзянь-цзюня) в изложении В.М.Успенского в статье «О бассейне Лобнора» и пр. в «Записках И. р. г. общества» по отделению географии, т. III, 1880 г., стр.128.
[5] «Туркестанские ведомости» 1886 года № 29, статья г.Петровского «Административное устройство Китайской империи».
[6] «Собрание сведений»,III, 77.
[7] Там же.

северо-западе»[1]. Wylie помещает Kou-mih на северном берегу р. Тарима, восточнее слияния кашгарской реки с яркентскою[2], не приводя оснований и руководствуясь, вероятно, китайскими авторитетами. Рихтхофен, обратив особое внимание на вышеприведенные цифры расстояний от китайской столицы, заключил из совпадения разницы между 8 150 ли и 7 480 ли, т. е. 670 ли, с расстоянием Гумо от Гуйцы, что только Гуйцы и Гумо находились на прямой дороге на запад, а Выньсу и Юйту находились в стороне от нее; отсюда он выводит, что Гумо находилось на месте Аксу, Выньсу на месте Уш-Турфана, а Юйту выше по ушской реке[3]. Однако само по себе одно подмеченное Рихтхофеном совпадение дает основание только к такому заключению, что путь из Гумо в китайскую столицу лежал через Гуйцы. Положение Гумо на месте нынешнего Аксу отсюда не вытекает.

Прочие данные для решения вопроса о действительном местонахождении Гумо и Выньсу, а вместе с ними и Чигу, дают сделанные в новейшее время измерения действительных расстояний от г. Карашара до Иссык-Куля чрез Куча, Аксу и Уш-Турфан. Эти измерения произведены во время поездки А.Н.Куропаткина к Якуб-беку в Курля в 1876 году. По ним оказалось от г. Карашара до г. Куча 295 верст[4], от Куча до г. Аксу 236 верст[5], от Аксу до г. Уш-Турфана 82 версты и от Уш-Турфана до деревни Сливкиной на р. Кызыл-су в долине Иссык-Куля 227 верст[6].

Между Яньки и Гуйцы по «Хань-шу» 750 ли[7]; пункты эти соответствуют несомненно Карашару и Куча, а потому, зная расстояние между ними на нашу меру, мы можем определить величину тех ханьских ли, которыми показаны остальные в западном крае расстояния. Если 750 ли равны 295 верстам, то одно ли составит 197 сажен[8]. Мы уже знаем, что от Чигу до Улэя по «Хань-шу» показано 1721 ли. За вычетом расстояния от Гуйцы до Улэя в 350 ли останется от Чигу до Гуйцы 1371 ли: при определившейся величине ли это составит около 539 верст. На самом деле от Куча до Сливкиной всего 545 верст, т.е. цифра весьма близкая. Это показывает, что г. Чигу находился около нынешней деревни Сливкиной, если и остальные расстояния окажутся подходящими и согласными с «Хань-шу». При переводе на ханьские ли действительных в верстах расстояний оказывается, что Аксу отстоит от Куча в 599 ли, Уш-Турфан от Аксу в 278 и д.Сливкина в 576 ли от Уш-Турфана. Цифры эти разнятся от показанных в «Хань-шу» расстояний для Гумо в 670 ли, Выньсу 270 и Чигу 610 ли, хотя и подходят ближе к

[1] «Собрание сведений», III, стр. 162.
[2] The Journal of the Anthropological Institute, 1882, v.XI, p. 93.
[3] China, Ersten Bond, 1877, s. 462.
[4] А.Н.Куропаткина «Кашгария», Спб, 1879 г., стр. 315, 322 и след.: от Карашара до Курля 41 в. и от Курля до Куча 254 в.
[5] Там же, стр. 323.
[6] То же, стр. 297-310. Гуйцы несомненно лежало на дороге в Чан-ань: «Усуньская царевна послала дочь свою в китайскую столицу для обучения музыке, и китайский двор назначил чиновника для препровождения. Дочь царевны проезжала через Кучу. Кучайский владетель незадолго пред сим отправил посланника в Усунь просить выдать за него дочь царевны, но сей посланник еще не возвратился, как дочери царевниной привелось проезжать через Кучу. Кучайский владетель, удержав ее, вторично отправил посланника к царевне с объявлением, и она согласилась» («Собрание сведений», III, 84).
[7] От Гуйцы до Улэя 350 ли (III, 77) и от Улэя до Яньки 400 ли III, 86), итого 750 ли.
[8] Собственно 196,66... саж.

расстояниям, выводимым из показаний тех же пунктов от китайской столицы: 670, 200 и 550 ли. Из этого можно заключить, что Гумо и Выньсу находились не на тех самых местах, где ныне Аксу и Уш-Турфан, а на других. Надо полагать, что Гумо находилось на юго-востоке от нынешнего Аксу, в низовьях рек Арбата и Джама, куда помещают его китайские писатели. Мнение последних может быть подкреплено еще тем, что в т'анские времена Болуга, прежнее Гумо, иначе называлось Цзимо. Это Цзимо есть, вероятно, китайская транскрипция имени реки, которая протекает между р.Арбат и г.Аксу и которая называется на наших картах Джай-тургак, настоящее же имя имеет Чжам или Джам, как показывает имя двух лежащих на ней селений Джам: одно по дороге из Аксу к Музарту, другое по дороге из Аксу же в Куча. Быть может и самое имя Гумо или Кумо есть китайская транскрипция тюркского кум - пески, по пескам к югу и востоку от Нань-чена, южного города, столицы Гумо, которой поля, а потом и развалины были занесены этими песками, когда произошла гибель растительности и прекращение культуры в оазисе Гумо вследствие уменьшения вод в реках Арбат и Джам. Нахождением Гумо на юго-востоке от нынешнего Аксу удлиняло его расстояние с одной стороны от Куча до 670 ли, с другой и до Выньсу до 270 ли. Выньсу должно было лежать не на месте нынешнего Турфана, а там, вероятно, где, по рассказам туземцев, находятся развалины города, называемого ими Барбари, верстах в 10 - 15 к юго-востоку от Уш-Турфана[1]. При таком положении Выньсу расстояние его от Чигу доходило до 610 ли и в то же время от Гумо оно могло отстоять в 270 ли. Находясь несколько в стороне от прямого пути из Чигу в Гумо, так что от Чигу до Гумо составлялось по прямому пути 750 ли (8900 без 8150 ли), Выньсу при этом положении могло иметь прямое (на Караюлгун, оставляя Гумо к югу-востоку) сообщение с Гуйцы, с расстоянием в 780 ли. Таким образом, предполагаемыми приурочениями и применением определенной измерением величины ли сведения «Хань-шу» о положении и расстояниях Выньсу и ближайших пунктов подтверждаются и выясняются весьма удовлетворительно. Остаются показания в «Хань-шу» расстояния до местопребывания наместника от Гумо 2021 ли и от Выньсу 2380 ли, но эти цифры есть очевидный результат ошибок, описок или опечаток, потому что не согласимы для первого с расстояниями от Улэя до Куча в 350 ли и от Куча до Гумо в 670 ли, что составляет 1020 ли, а не 2021, и для второго с расстояниями от Улэя до Гумо в 1020 ли и от Гумо до Выньсу в 270 ли, что составляет 1290 ли, а не 2380. Что касается до комментарий Ли-дао-юаня, то они применимы к предполагаемым положениям Гумо и Выньсу, если за «северную» реку принимать не кашгарскую, а аксуйскую реку; последняя значительнее и многоводнее Кашгар-дарьи и даже Яркент-дарьи[2]; в противном же случае комментарии свидетельствовали бы о смутности сведений их составителя о местности, потому что соединенные Кашгар- и Яркент-дарьи сливаются с аксуйской рекой далеко восточнее низовьев Арбата, следовательно, не могли протекать по территории Выньсу и получать тут рукав какой-то реки.

[1] «Кашгария», стр. 303.
[2] «Кашгария», стр. 272.

По одному расстоянию от Выньсу можно было бы Чигу помещать не только на восток от реки Заука, но и на запад, на Барскауне, напр., но этому препятствует указание «Хань-шу» о нахождении Чигу на север от Выньсу, почему отодвигать Чигу еще на запад не приходится. На нахождение Чигу (китайские слова, значащие «красная долина») на Кызыл-су (по-тюркски «красная вода» или «красная река») указывает самое имя «красной реки»: мы видим в Средней Азии иногда такую живучесть имен, происходящих от природных особенностей, что сохранение и здесь до настоящего времени названия этого урочища весьма возможно.

Составители «Синь-цзян-чжи-лио», по поводу следования части китайской армии, шедшей против шаньюя Чжичжы, из Выньсу на Чигу, заметили, что в ханьские времена «часто ходили этой дорогой из Выньсу к усуням или, что то же, из Аксу в Или»[1]. Цитата из «Хань-шу» и это замечание сделано при изложении пути из китайской Кульджи (Или) в Аксу через Музарт, а потому можно полагать, что составители «Сокращенной статистики новой границы» полагали, что путь из Выньсу в Чигу лежал чрез Музарт. Путь из Выньсу в Чигу через Музарт, если Чигу лежал на Кызыл-су, был бы далеко длиннее 610 ханьских ли. Поэтому путь через Музарт тогда бы только мог согласоваться с ханьским расстоянием, когда Чигу находился бы не на Иссык-Куле, а в долине Текеса. Для резиденции государя усуней долина Текеса действительно была бы более удобной местностью, чем прибрежье Иссык-Куля. С Текеса было бы ближе к илийской долине и к Юлдузам, которым часто угрожали нашествия хуннов. Отсюда во всякое время года были возможны и удобны сообщения как с восточными, так и с западными окраинами усуньской территории. Напротив при резиденции на Иссык-Куле сношения усуньских гуньми с Текесом и Или прерывались бы осенью и зимою на продолжительное время вследствие снежных буранов, прекращающих иногда и ныне сообщения чрез Санташ. Но Чигу в сущности не был столицею усуней. Это было только местопребывание китайских царевен. Первая, так скучавшая о своем любезном Китае, царевна, конечно, не заботилась при выборе места для постройки себе приюта об удобствах управления усунями: она построила свой дворец у подножия Тяньшаня, за которым находился Китай, и у самого начала дороги, которая вела в Китай из земель усуней. С положением Чигу на Текесе не согласимы все относящиеся к Чигу по «Хань-шу» расстояния. Так, от Куча до Текеса 325 верст[2] или около 825 ханьских ли вместо 1420 ли от Гуйцы до Чигу. От Аксу до Текеса 224½ в.[3] или около 571 ли против 610 ли от Выньсу до Чигу. Невероятно и самое существование проезда чрез Музарт в ханьские и даже в т'анские времена, потому что весьма трудный и ныне, а с юга из Аксу почти невозможный для вьючных сообщений, Музартский перевал был тогда, конечно, недоступен и закрыт громадными ледниками.

---

[1] См. выше.
[2] От Куча до Бая 95 в., от Бая до перевала Музарт 175 в. («Кашгария», стр. 21) и от перевала до выхода северного Музарта в долину Текеса 55 в. («Чжунгария» Костенко, стр. 206 и 207).
[3] «Чжунгария», стр. 207.

За положение Чигу на Текесе и Или высказывался Дегинь по поводу одного помещенного им маршрута т'анских времен. Маршрут этот упоминает о Чигу и подтверждает, что при Т'анях и Ханях путь из Таримского бассейна на Иссык-Куль лежал через Бедель. «Идя на северо-запад (от Гумо)[1], находят реку Pu-huon, потом город Сяо-ши-чен и в 20 ли отсюда реку Хулюй-хэ (Hou-liu-Lo), на границе владения Хотан; 60 ли оттуда город Та-che-tching, который называется также Юй-чжо (Ju-tcho) и Выньсу-чжеу (Ven-so-tcheou). Географы первых Ханей помещают этот город в 270 ли от Гумо» - замечает Дегинь. Река Бохуон, на которой находилось Гумо, как видно из приведенного в примечании начала маршрута, вероятно, аксуйская река, а р.Хулюй есть, по-видимому, уш-турфанская река. Даш-чен приходится, как и следовало, на правой стороне этой реки. Маршрут продолжается: «Чрез 30 ли на северо- запад - So-leou-fong, а 40 ли отсюда гора Ра-Та». Это, вероятно, нынешний Бадаль или Бедель. «Эта гора, говорит другой (китайский автор), лежит в 1000 ли от Аньси на северо-запад. Она есть часть хребта, лежащего к северу от Аньси, и называется также Sun-chon; в 50 ли оттуда находится город Tun-to-tching, который есть древний Tche-chan-tching, столица усуней, и одно и то же, что Чигу-чен (The-ko-.tching). Этот город, - замечает Дегинь от себя, - должен был находиться не в ином месте, как в Харкасе (Нагса), в кочевьях хана калмыков, на реках Текесе и Или. Чрез 30 ли (продолжает цитируемый Дегинем китайский автор) отсюда проходят реку Чжень-чжу-хэ (Tchin-tche-lo). Другой (китайский) автор говорит, что эта река, вместе с другой рекой (по имени) Чже-хэ (The-ho) течет на северо-запад. Отсюда, следуя на северо-запад, приходят к реке Fa-ye-ling и через 50 ли дальше к морю или озеру Сюе-хай (Cioue-hai) или снежному морю. По словам третьего автора горы, окружающие со всех сторон это озеро, покрыты снегом, отчего и дано ему имя снежного. Я думаю (говорит от себя Дегинь), что это озеро Балхаш, в которое впадает р. Или. И имею к тому тем более оснований, что в 30 ли от озера находился Soui-po-choui при реке Soui-po- chous. Отсюда 50 ли до озера Янь-хай, которое другой (китайский) географ называет Же-хай, т.е. теплое море. Местные жители, по уверению таких же китайцев, называют его Jsie-Koul[2]. Штраленберг упоминает об этом озере и помещает его в летних стойбищах калмыцкого хана, т.е. на Харкасе, что побуждает меня полагать, что столица усуней находилась близ Харкаса, где и надо ее искать»[3].

[1] О существовавшей в т'анское время дороге из Куча в Гумо дает некоторое понятие следующий приводимый Дегинем же (Historie generale des Huns ets., Paris, 1756, t.I, partie V, p. L.XIV) дорожник: «От Аньси, (Дегинь принимал этот город за Аксу, но это Куча, служивший при Т'анах местопребыванием наместника «успокоенного запада» - (ань-си) на запад (лежит) Che-Kiue-Kuon и река Ре-ma или «Белая лошадь» (расстояния нет; это есть колодцы с горькой водой, и чрез 120 ли город Кюйбило-чен; отсюда 60 ли до города О-се-янь-чен (O-sie-yen-tching), потом 60 ли до города Pu-huon-tching, который называют также Вэй-юн-чен (Gvei-yung-tching), а при Ханях был известен под именем Кои-те», т.е. Гумо. Источниками приводимых маршрутов Дегиня указывает Матуань-линя и «Тань-шу».

[2] Тут Дегинь ссылается на «И-т'ун-чжи. Это должно быть «Дай-цин-и-т'ун-чжи», изданное в 1744 г.

[3] Historie generale des Huns ets, Paris, 1756,1.1, partie II, pp.LXV, LXVI.

Перед рассмотрением и возможным приурочением этого маршрута не излишне сравнить его с одним из дорожников, приведенных у Гумбольдта[1], и с маршрутом г. Сунаргулова, дополненным по г. Зеланду[2]:

Таиский маршрут.		*Маршрут Гумбольдта.*		*Маршрут Сунаргулова.*	
Выньсу или Таш-чен		Уш-Турфан.			
Сулэуфын	30 ли	Кит.караул	25 в.	Пост Кур-баш	15 в.
				Кар.Биш-агма	12 в.
		Р.Талды	25 в.	Ур.Уйтал	22 в.
				Рабат Агач-куль	29 в.
Гора Бада	40 ли	Бедель даван	20 в.	Начало подъема на Бедель	06 в.
				Караул-тепе	18 в.
Чи-гу-чен	50 ли	Килип-тайгак		Два лога Иштык	15 в.
Чжень-чжу-хэ	30 ли				
Фас-лин	?	Пещера Унгур	25 в.	Лог Джау-джурек	35 в.
Сюе-хай	50 ли	Гора Санку	50 в.	Озеро Кашка-су	18 в.
Суйбо-шуй	30 ли	Дунгорома	20 в.	Р.Зукы	22 в.
				Поворот от Зукы	23 в.
Янь-хай 50 ли		Оз.Иссык-Куль	45в.	Д.Сливкина	12 в.
		Переправа через Тюп	25 в.		
Итого	280 ли		265 в.		227 в.

Из пунктов маршрута Гумбольдта урочище Килип-тайгак упоминается у Н.Л. Зеланда в форме Келен-тайгак («сноха прямо ноги не поставит» - по сомнительному переводу), на р. северном Беделе[3]. О Дунгорома высказывает догадку П.П.Семенов в описании своего пути по ущелью Заука и Кашка-су. Этот путь г.Семенова 12 июня 1857 г., от р.Джеты-огуз, лежал между предгорьями Тяньшаня и низким хребтиком Оргочор, оканчивающимся у озера мысом Карабурун. В 15 верстах от Джеты-угуза плоская седловина между Оргочором и Тяньшанем спускается к р, Кызыл-су. «Вероятно, эта седловина названа в маршруте Гумбольдта Дунгорома, потому что в собственном Тяньшане не существует ни прохода, ни горы этого имени». 12 верст дальше достигли р.Зауку и поворотили в ее долину. «У выхода дороги из предгорий нашли мы два маленьких, окруженных глинобитными стенами, садика манапа Бурамбая. Один назывался садом старшей юрты - двух старших жен, другой ' садом младшей юрты - двух младших жен. 7 верст выше долина развиливается. Мы следовали по западному ущелью, вверх по Зауку (восточное называется Заукучак). I Местность здесь именуется Кызыл-унгур, т.е. красные пещеры. В самом деле в правом берегу Зауку находятся две довольно значительные естественные пещеры. Одна из них была искусственно приспособлена к человеческому жилью... Она служила Бурамбаю в качестве склада и зимнего жилища... На Зауку была у Бурамбая мельница и | небольшое укрепление, а ниже по течению располагались прекрасные пашни, искусственно орошаемые, но в 1855 году его любимое местопребывание было совершенно опустошено...». Отсюда до

[1] Asie centrale, Paris, 1842, t.II, p.400. Маршрут этот, в числе других, был составлен в 1829 г. в Семипалатинске на основании расспросов у бухарских и ташкентских торговцев (там же, p. 361).
[2] «Кашгария» Куропаткина и «Кашгария и перевалы Тяньшаня» Н.Л. Зеланда. Последняя статья помещена в «Записках западно-сибирского отдела И. русского географического общества», кн. IX, 1887 г., Омск.
[3] «Записки западно-сибирского отдела геогр. общества», кн. IX, 1887 г., стр.204.

слияния Зауку с Кашка-су 25-27 верст. Далее, через 5 верст трудной дороги по Кашка-су, оказалось небольшое озеро, окруженное весьма высокими (до 1 т. футов над поверхностью озера) утесами, а за ним, версты через 2 - другое такое же озеро. Дальше, очень трудным, узким подъемом, по камням, видя путь усеянным трупами всевозможных домашних животных (верблюдов, лошадей, рогатого скота, овец, собак и пр.), которые тысячами валялись, от нижнего озера к вершине прохода, во всевозможных позах, какие может дать живому существу и внезапная, и медленная смерть, путешественник, покинутый большей частью своих спутников по усталости их лошадей, достиг через час пути сырта. Тут лежали два покрытых льдом озера, оттаявшие только по краям. За ними виднелись еще озера, а далее ряд снежных гор, которые на этой высоте казались только средней величины холмами. Вечные снежные поля покрывали их сплошь до половины их относительной высоты. Р.Кашка-су медленно и спокойно протекала из одного покрытого льдом озера в другое, продолжая свое тихое течение и из второго озера, пока не доходила до края плоскогорья и не низвергалась в ущелье к верхнему из двух его озер. От двух озер на сырте путешественник проехал еще верст семь до третьего, четвертого и пятого озер, из которых два отдавали свои воды уже в бассейн Нарына[1].

Имя Дунгорома маршрута Гумбольдта оказалось впоследствии существующим: так называются (Дёнгереме) две реки, из которых одна течет на запад, составляя приток р. Барскауна, а другая на восток, впадая в Зауку[2]. Гора Санку остается неизвестною. Ежели пещера Унгур (пещера в скале Унгур-таш) есть описываемая г. Семеновым местность Кызыл-Унгур, то ночлеги расспросного маршрута оказываются перепутанными, что весьма вероятно. Общий итог этого маршрута (265 в.) верст на 25 меньше действительности, если принять в соображение, что путь шел через перевал Зауку (чтобы пройти чрез Дёнгереме), а не чрез Кашка-су.

Теперь обратимся к маршруту, приводимому Дегинем. Ли времен династии Т'ан, между прочим и у Сюань Цзана, равнялось почти полуверсте, как убеждает сравнение т'анских расстояний в Мавераннагре с нынешними. Поэтому в приведенном маршруте очевидны большие пропуски, да и на означенные расстояния полагаться трудно. Тем не менее для определения положения Тюнь-точена или Чигу-чена в этом маршруте могут служить пункты, между которыми он помещен. Это гора Бада, которую, конечно, следует отождествлять с перевалом Бадаль, и река Чжень-чжу-хэ. Последняя (в переводе с китайского «река истинных жемчужин»)[3] протекала, по «Т'ань-шу», и во владении Ши (Ташкент), на юго-востоке[4], словом это Сыр-дарья. На пути между Выньсу и Жехаем чрез Бедель, очевидно, могли встретиться только вершины Сыр-дарьи или

[1] Petermann's Mittherbungen, 1858, ss. 366-268, и «Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет до верховьев системы р. Яксарта или Сыр-дарьи П.П.Семенова в 1857 году» в «Вестнике р. географического общества», 1858 года, часть 23, исследования и материалы, стр. 16-21. Г.Зеланд, проезжавший из Уш-Турфана на Иссык-Куль кашкасуйским ущельем, 24 октября 1886 года, пишет, что Кашка-Куль «был до того основательно засыпан снегом, что нельзя было заметить его присутствие».
[2] Северцов «Путешествия по Туркест. краю», 1873, стр.181.
[3] Imbault Huart -Recueil des documents sur l'Asie centrale, 1881, pp. 106 et 107.
[4] «Собрание сведений», III, 243.

Нарына. Путь этот в самом деле пересекает верховья Большого Нарына, истоки которого, именуемые Тарагаем, образуются из речек Южного Барскауна и Аяк- или Джаяк-таш-су. Последняя и впадающая в нее река Карасай имеют свои истоки из ледников и снежных полей возвышающейся на сырте горной группы Дже-таш (Джаак- или Аяк-таш иначе) или Ак-Шийряк. Поэтому под Чжень-чжу-хэ нашего маршрута следует разуметь Джаак-таш-су, Тарагай или Карасай. Сюе-хаем или снежным морем названы ледники и снежные поля Ак-Шийрака, которые в то время, конечно, спускались на сырт и в долины истоков Нарына гораздо ниже, чем теперь, покрывая, быть может, весь сырт между Беделем и спусками в ведущие к Иссык- Кулю ущелья сплошною пеленою льда и снега. К этому же Сюе-хай относится столь же, как приведенные Дегинем маршруты, темный и испорченный отрывок географического описания Тяньшаня между горами Бода и Жехаем: «На севере (должно быть от Бода) через три дни пути надобно переходить через снежное море, где и весною, и летом всегда идут дожди и снеги». Суйбошуй может соответствовать реке Заука или Барскауну, или даже Кызыл-су, а Яньхай или Жехай несомненно Иссык-Куль.

Итак, по этому маршруту Чигу-чен приходится между Беделем и вершинами Большого Нарына. Но на такой высоте и в такой местности невозможно существование никакого города, а потому означение Чигу-чена между Беделем и истоками Нарына есть результат какой-нибудь описки или ошибки, или, всего скорее, извращения первоначального основательного маршрута, по которому Чигу-чен значился на Яньхае после Сюехая и Суйбошуй. Во всем остальном этот маршрут, несмотря на пропуски и сомнительность расстояний, согласуется с действительностью, а потому помещение в нем Чигу-чена, хотя не в надлежащем месте этого маршрута, может служить подтверждением, что путь в Чигу лежал через Бедель[1].

[1] «Тань-шу» по «Собранию сведений» и пр., III, стр. 244. 4-2003 39

3. Подводные и другие древности на Иссык-Куле, приписываемые усуням

Причины, по которым остатки построек и разные находки на Иссык-Куле не могут вообще принадлежать усуням. Изложение известий и мнений о подводных постройках. Недостаточность объяснения подводных построек опусканием берегов, битвами и катастрофами. Невероятность «провала» озера. Глубина Иссык-Куля. Неудовлетворительность гипотез о повышении и понижении водной поверхности озера для объяснения непременного нахождения при остатках построек костей и обломков глиняной посуды. Вероятное объяснение скоплений костей в некоторых пунктах прибрежья погружением умерших в воду по буддийскому обычаю. Буддийское же объяснение обломков глиняной посуды и кирпичных построек в тех же местах озера, где замечается большое скопление человеческих костей. Буддизмом же объясняется преобладание медных вещей в находках на озере. Перечень находок. Соображения и исторические данные о металлических вещах вообще среди находок. Краниологические исследования черепов из Иссык-Куля. Легенды о происхождении озера. Непригодность их для серьезных заключений о происхождении озера.

Если, согласно известиям китайцев, от которых мы имеем и все остальные сведения о Чигу и усунях, город этот был разрушен самими усунями за несколько лет до Р.Х. после непродолжительного существования, и если поэтому нет достаточных оснований считать остатки зданий на дне Иссык-Куля за следы города Чигу, который притом, вероятно, имел постройки деревянные, а не каменные, то какому же народу принадлежат и к какому времени относятся остатки зданий и следы оседлости на берегах и под водами озера, а также человеческие кости, глиняная посуда и разные предметы находок на Иссык-Куле? Мы увидим ниже (см. главы VI-IX), что по историческим и другим данным большая часть следов оседлости на Иссык-Куле, несомненно, относится к VIII—XIII векам. В долинах Таласа, Чу и Или нельзя отвергать существования земледелия и оседлости задолго до Р.Х., но на Иссык-Куле, - судя по свидетельству тогдашних китайских писателей о холодном и слишком влажном климате страны усуней, относящемуся, конечно, главным образом к окрестностям резиденции китайских царевен, т.е. к Иссык-Кулю, - земледелие и связанная с ним оседлость могли, по всей вероятности, существовать лишь после значительного уменьшения влажности в Средней Азии, которое постепенно последовало, должно быть, не ранее эпохи тукиюесцев. Усуни были народом кочевым, совершенно чуждым земледелию, питавшимся мясом и молоком, одевавшимся кожами и войлоками: степень их культуры была несравненно ниже, чем у нынешних кара-киргизов и киргиз-казаков. В своем исключительно скотоводческом хозяйстве и домашнем обиходе усуни употребляли, надо полагать, сосуды и другие предметы почти исключительно кожаные и деревянные. Кроме оружия (луки, стрелы, мечи, как у хуннов) и режущих инструментов (ножи) металлические предметы должны были встречаться у усуней случайно и редко, попадая к ним от китайцев и от населения Восточного Туркестана и Мавераннагра. Если усуни в первоначальном своем отечестве были знакомы с добычей руды и обработкой металлов, то в западном Тяньшане, где легко добываемых и обрабатываемых руд

почти нет, они должны были скоро забыть производство металлических предметов, кроме разве поделок из железа, в обилии встречающегося в некоторых местах Иссык-Куля[1]. Таким образом, ни остатки строений, ни употреблявшиеся на них материалы, ни металлические вещи не могут быть основательно приписываемы усуням. Остаются человеческие кости, которые встречаются в некоторых местах на Иссык-Куле в очень больших количествах. Но и кости эти оставили нам, по крайней мере, в большей части, не усуни, потому что вместе с этими человеческими останками постоянно встречаются кирпичи и глиняные сосуды или, всего больше и чаще, обломки кирпичей и сосудов: значит, скелеты принадлежали народностям, обжигавшим кирпичи и глиняные сосуды, стало быть, не усуням, народу исключительно кочевому, не имевшему надобности в кирпичах и не употреблявшему глиняных сосудов, которые мало применимы в кочевом быту по своей ломкости во время перекочевок.

Исчисление известных к настоящему времени следов и остатков оседлости на берегах Иссык-Куля будет помещено в главе VIII настоящего труда, после изложения истории тех времен, которым они главным образом принадлежат. Здесь я остановлюсь на остатках подводных построек и на относящихся к ним и к образованию озера сказаниях и предположениях.

Урочище Койсары, где предполагается затопленный город, находится на южной стороне Иссык-Куля, между устьями реки Кызыл-су и Джеты-огуза[2], верстах в 12 на запад от устья р.Каракола[3]. По сведениям, помещенным в вышеупомянутой статье Г.А. Колпаковского в «Известиях» 1870 года, на ур.Койсары есть мыс, образованный выкинутыми из озера кирпичами, обломками посуды и костями; в прилегающей части озера, саженей на двадцать, вода не глубже полуторых аршин и это позволяет, въехав в озеро на лошади, видеть под водою обширное пространство, как бы нарочно устланное кирпичами и обломками посуды. По словам г-на ф.Г., бывшего на месте в 1877 году, на Койсары «находятся в огромном количестве кости человеческих скелетов и даже целые черепа, совершенно побуревшие от времени и действия воды, в которой они находились... Весь пологий берег ур.Койсары покрыт целым слоем костей... Находятся в береговой полосе китайские медные монеты с квадратными отверстиями по середине... Глиняные черепки, которые мне случалось найти на ур.Койсары, все из обожженной красной глины и оглазированы с двух сторон. Глазурь тоже красная... Иногда... находили медные монеты, без квадратного отверстия, но изображения на монетах были так стерты, что определить их, может быть, решился бы только специалист-нумизматик»[4]. Осматривавший Койсары в 1884 году проф. Сорокин заверяет, что «мнение будто из-под воды выступают остатки какой-то крепости, совершенно неосновательно: та глиняная гряда, которая видна на дне озера, сквозь

[1] <•••> и пр. см. Северцова «Путешествия по Туркест. краю», 1873 г., стр.190-191. Мушкетова «Краткий отчет», 1876 г., стр.87-89, <•••> Спб, 1892.
[2] «Поездка в долину озера Иссык-куля» Вл.ф. Г., в «Семипалатинских областных ведомостях» 1890 года, стр.348.
[3] «С берегов Иссык-Куля» Н.Л.Зеланда в «Туркестанских ведомостях» 1891 года № 36.
[4] «Семипалатинские областные ведомости» 1890 г., стр.348.

прозрачные его волны и в которой фантазия путешественников старается отыскать сходство со стенами построек, разрушенными башнями, бойницами и пр., есть не что иное, как размытая терраса осадочного происхождения; на южном берегу мне удалось впоследствии видеть подобные же террасы, которые имели замечательное сходство с строениями, башнями, зубчатыми стенами; кое-где образовались от размыва даже тоннели, ворота, нечто в роде окон, сквозных отверстий и тому подобное. Совершенно такую же картину имеет и выступающая гряда у берегов Иссык-Куля»[1]. Автор книги «По окраине», 30 августа 1886 года, осматривал, с лодки, в 700 саженях от берега, предполагаемые развалины подводного города на Койсары, но, несмотря на совершенно тихую погоду, усмотрел на дне озера только «какие-то бесформенные массы бурого цвета, похожие не то на стены, не то на разрушенные сакли... Если бы не выбрасываемые предметы культуры..., то едва ли можно было бы остановиться на мысли о существовании здесь когда-либо жилых мест... Между развалинами (?), в промежутках, имеющих вид кривых коридоров и, может быть, бывших улицами, во многих местах навалены кучами камни, по цвету и форме несколько подходящие к кирпичу, что, впрочем, не решаюсь утверждать, так как совершенно ясно нельзя было их рассмотреть, тем более, что многие из этих куч сверху покрыты песком. В одном месте, наиболее обмелевшем, среди каких-то развалин, я нашел совершенно правильно сформированный жернов, довольно большого диаметра»... «Водолазы, - замечает тот же автор, - доставили бы много интересных данных»[2].

Совершивший в сентябре 1886 года поездку на ур.Койсары горный инженер И.В.Игнатьев пишет, что «вследствие частых дождей в лето 1886 года вода в озере была мутна и нельзя было ясно видеть предметы, находящиеся на дне. Мы подняли со дна громадный (1 метр диаметром) глиняный горшок, который, впрочем, разбился вследствие нашей неосторожности, взяли несколько кирпичей, видели лежащий на дне большой жернов с отверстием посередине. Кроме того, мы из груды кирпичей вытащили шар из гранита, который выступает во всех ближайших к озеру ущельях. Непонятно, какую роль он играл прежде: служил ли каким-нибудь орудием, заменял ли какой-нибудь инструмент в гончарном производстве или он представлял остаток украшений, употреблявшихся прежде на постройках? Пласты известкового туфа видны на озере ясно; они от берега идут уступами, уходя в глубину; пласты эти горизонтальны и разбиты трещинами параллелепипедальные отдельности. Кирпичи расположены вытянутыми параллельно берегу скоплениями и, можно сказать, представляют остатки разрушенных валами стен, но самих стен я не видел и Рыбьянов не мог указать место их нахождения, так как все вбитые им для приметы колья были снесены волнами... На дне озера мы видели множество человеческих костей и два черепа привезли с собой... Кирпичи, человеческие кости и остатки утвари выбрасываются и на северном берегу озера, при устье р.Тюпа, на Туру-айгыре, где на почтовой станции весь пол выложен кирпичом, взятым из озера. Хотя мне и не удалось видеть остатков стен, но я не

[1] «Известия географического общества», 1886 года, стр. 118.
[2] «По окраине (от Ташкента до Каракола). Путевые очерки». Спб., 1892 года, стр. 169-172. 4* 41

сомневаюсь, что следы древних обитателей существуют в озере, но как они туда попали?...»[1].

С.Абрамович, бывший на Иссык-Куле в 1888 году для ознакомления с озером с целями рыбоводческими, говорит между прочим о «значительном падении уровня воды... Из реки Чу вода идет в озеро речкой Кутемалдинкой и с каждым годом приток этот увеличивается по мере падения воды в озере. Длина речки Кутемалдинки 50 до 60 (?!!) верст. В прежние годы только во время половодья вода шла из реки Чу в озеро, теперь же речка Кутемалдинка никогда не пересыхает. Убыль воды в озере, по показанию старожилов-рыбаков, стала в особенности увеличиваться с 1879 года. После же бывшего в 1887 году сильного землетрясения в г.Верном..., убыль воды из озера прекратилась и даже уровень ее стал выше. В октябре 1888 года уровень воды в озере был на ¼ аршина выше против уровня осенью 1887 г. ... Около станции Турайгырской, в расстоянии 60 сажен от берега озера, в тихую погоду под поверхностью воды видны стены каменных строений. Волнами выбрасывает на берег хорошо обожженный кирпич, который жители села Преображенского употребляют на поды в печах. Поды, выстланные этим кирпичом, очень прочны. Кроме того, волнами выбрасываются к монастырскому берегу китайские медные монеты, медная и глиняная посуда, черепа и другие человеческие кости. Говорят, что когда-то там был китайский город, который провалился, но нет предания, когда это случилось, ни как этот город назывался»[2].

Д-р Зеланд, который находит «слишком поспешным» <•••> сомнение некоторых ученых, посещавших берега Иссык-Куля, относительно каких-либо населенных мест в пределах, теперь покрытых водою», еще более утвердился в этом мнении, пробыв (в 1891 году) несколько недель на Иссык-Куле. И он лично построек в Иссык-Куле не видел, но «от некоторых старожилов слышал, что видели их в четырех местах (на Койсаре): каждое представляет стену в виде четырехугольника, вдоль и поперек имеющего аршин по восьми. Материал стен - жженый кирпич». Один кирпич г.Зеланд видел; он имеет в длину 7, в ширину 4½ вершка[3], очень твердый, красновато-бурого цвета. «М.И.Ваулин (тогда командир стоявшего в Пржевальске батальона) ясно видел подводную стену, которой верхний край был не более аршина под поверхностью воды». На ур.Койсары полоса берега, версты в полторы длиною, усеяна обломками

[1] «Предварительный отчет по экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри» И.В.Игнатьева в «Известиях И.русского географического общества», 1887 года, стр. 136 и 136.

[2] «Вестник рыбопромышленности», 1889 года, «Описание озер и рек Семипалатинской и Семиреченской областей» и пр., стр.216 и 217. По мнению Н.Ю.Шмидта, составлявшего летом 1892 года зоологические коллекции для музея с.-петербургского университета и думающего, что геологические исследования не дали «никакого твердого и положительного ответа», «окончательное выяснение вопроса о происхождении Иссык-Куля будет, по-видимому, возможно лишь после детального фаунистического исследования его вод, пока никем еще не предпринятого». «Судя по пробам грунта, собранным во время драпировок в заливах восточной оконечности озера, преобладающим грунтом дна озера является ...черный железистый ил, который местами выбрасывается на берег в огромном количестве» («Вестник рыбопромышленности», 1893 г., «Озеро Иссык-куль и рыболовство на нем», стр. 101 и 102).

[3] Доставленные в томский археологический музей образцы кирпичей с Иссык-Куля (неизвестно, из каких именно мест озера) имеют: один - 25 сантиметров длины и ширины и 4 сантиметра толщины, а другой - 32 сантиметра длины, 14 ширины и 4 сант. толщины (см. «Археологический музей томского университета», Томск, 1888 года, стр. 95).

костей, черепками грубой глиняной посуды, обломками жженых кирпичей и т. под. Вследствие постепенного отступления воды берег представляет множество солоноватых луж и трясин. На этом берегу г.Зеланду бросились в глаза остатки изгороди, которая начинается от самого края воды и идет в глубь, исподволь и не совсем правильной, но непрерывной дугой, заворачиваясь слева направо и теряясь в волнах. По обе стороны ее дно покрыто галькой. По мере удаления ее в воду и понижения дна, она становится выше, но над поверхностью воды не возвышается нигде. Средняя толщина ее вершка 4, наибольшая вышина вершков 9. Образчик материала ее представлял собою «равномерно-серую глину». «По соседству этого места недавно, на обсохшем уже участке берега, был найден киргизами горшок с значительным количеством серебряных монет, которые отправлены в археологическое общество[1]. Настоящий же район сделанных до сих пор находок медных вещей, костей, кирпичей и пр. начинается несколько далее». «В некотором отдалении от береговой каймы находятся и те строения, которые находятся под водою», по словам «старожилов». В Сазановке (на р.Кунгей-Аксу, на северной стороне озера) и в Преображенском (на р.Тюбе) иногда находят кости в воде и на берегу, но там никто не видел остатков подводных стен, а равно металлических вещей (прежде в Преображенском находили), кирпичей и т. под. «По словам старосты почтовой станции на р.Турайгыр (в западной части северного берега озера) «саженях в 15 от берега и параллельно ему проходит одно длинное строение, из очень твердого, красного кирпича, величиною с порядочную ротную казарму, а перпендикулярно к нему, в глубь озера, идет 12-15 таких же и между ними как бы улицы. Высота стен первого строения сажени полторы, а до дна в этом месте около двух с половиною сажен». На Турайгыре «кроме красных кирпичей встречаются ... кирпичи, покрытые голубой глазурью, и их прежде было так много, что нашли возможным ими вымостить пол на станции. Множество костей и вещей из красной меди в течении времени были здесь находимы; полоса берега, на протяжении которой добываются эти предметы, длиною с полверсты, а дальше, по обе стороны, уже нет ничего»[2]. По г. Игнатьеву, «кирпичи, человеческие кости и остатки умерших выбрасываются также на северном берегу озера, на устье р. Туба, где на почтовой станции (Преображенской) весь пол выложен кирпичом, взятым из озера»[3]. Г.Фетисов, ехавший с д-ром Регелем, в 1877 году, упоминает о значительных количествах черепков глиняной посуды и человеческих костей на юго-западном берегу озера между Бар-булаком и Кутемапдами[4].

[1] Я не могу пока найти в изданиях археологических обществ решительно ничего об этой находке. Надо полагать, что автор имеет в виду не какое-либо археологическое общество, а и. археологическую комиссию, куда и по закону направляются все археологические находки, особенно монетные. Отчета археологической комиссии за 1891 год еще не издано. Ниже приводятся сведения о найденных в 1890 году на ур. Койсары золотых и серебряных монетах. Если в отчете за 1891 год не будет сведений о серебряных монетах с Койсары, тогда надо полагать, что г. Зеланду золотые и медные монеты были названы серебряными и время находки перенесено ошибочно на 1891 г.

[2] «С берегов Иссык-Куля» в «Туркестанских ведомостях» 1891 года, №35 и № 36.

[3] «Известия И. Р. географического общества», 1887 г., стр. 135.

[4] «Экскурсия в Алатау» в «Турк. ведом.», 1878 г., № 3.

То, что показалось г.Зеланду глинобитной изгородью, а также все или большая часть стен, представлявшихся старожилам на Койсары и почтовому старосте на Турайгыре, очень могут оказаться плотными глиняными прослойками, залегавшими в рыхлом наносе, потом размытом, вроде тех, какие описывает г.Сорокин и какие мне самому случилось видеть на южном же берегу Иссык-куля в 1868 году. Однако три стены, которые описываются Г.А.Колпаковским в воде озера между речками Койсу, и нахождение на Койсары, на Турайгыре, при устье Тюба, наконец к северо-западу от Бар-булака очень значительных количеств кирпичей и их обломков доказывают, что в некоторых местах озера действительно существовали постройки, возведенные в воде или потом ею покрытые.

Во время землетрясений 27 мая 1887 года и 29 июня 1889 г. некоторые, правда на очень незначительных пространствах, закраины берегов Иссык-Куля понизились и частью покрылись водою[1]. Подобные опускания берегов замечались и на швейцарских озерах, где погружалось в воду иногда одновременно несколько домов; эти оседания берегов с постройками происходили вследствие не замечаемых сначала подмывов берега и находились вне всякой связи с землетрясениями. Колебания почвы, конечно, могут ускорять погружение подмытого берега. Но подобные понижения берегов озер недостаточны для объяснения подводных остатков на Иссык-Куле, потому что кроме нахождения под водой стен и кирпичей необходимо объяснить совместное нахождение с ними человеческих костей и обломков посуды, все в огромных количествах.

Пытались объяснить скопления человеческих костей предположениями о кровопролитных сражениях и о катастрофах[2]. Но крайне трудно, даже невозможно, представить себе такие условия сражений или катастроф, при которых оказывались бы

---

[1] «Семиреченские областные ведомости», 1887 года, № 24, стр.127. И статья «Чиликское землетрясение 30 июня 1889 года» в «Материалах для изучения землетрясений в России, изд. под редакцией И.В.Мушкетова», вып. 1, стр.16 и следующ. («Известия р. географического общества», 1891 года, т.28). По несколько преувеличенным слухам, дошедшим до Абрамовича («Вестник рыбопромышленности», 1889 года, стр.216), во время верненского землетрясения 1887 года, около станции Чулпанатинской, находящейся близ берега озера, оторвало часть берега и в этом месте вода, в течение некоторого времени, стала бить ключом».

[2] «Что же касается до громадного количества человеческих костей (на Койсаре) то оно, мне кажется, говорит в пользу внезапной катастрофы, когда-то разразившейся над этой местностью. Нельзя, я думаю, отрицать и того, что таких катастроф могло быть несколько». Так писал профессор Сорокин в статье «Путешествие по русскому Тяньшаню в 1884 году» в «Известиях геогр. общества» за 1885 г., стр. 119. В другой статье «В горах и долинах р.Тяньшаня» («Исторический вестник», 1886 года, май, стр. 385) тот же автор говорит: «Действительно весь берег (на Койсаре) у прибоя загроможден человеческими костями, битой посудой, кирпичами и раковинами. Глина, из которой сделана посуда, совсем не похожа (в отделке) на глину нынешнюю и отличается своей прочностью. Громадное количество человеческих костей, как мне кажется, указывает на внезапную катастрофу, хотя определить, в чем состояла она, я не берусь. Если бы вода постепенным поступлением наполняла бы котловину, то, понятно, и народ уходил бы от нее. Здесь же на расстоянии трех аршин я мог найти 8 нижних челюстей»... «Мне удалось приобрести достаточно хороших сосудов и других предметов, выброшенных волнами на Койсаре, и, кроме того, бронзовые молоток, нож, иглы и пр., вырытые тоже на берегу, но около селения Преображенского, стоящего на восточном крае... Остатки древностей, по всей вероятности, относятся не к одной эпохе, а нескольким. Мне говорили, будто монеты из озера были испанские. Не правильнее ли будет заявить, что существовало несколько геологических переворотов (каких? сказать трудно), последствием которых была гибель нескольких поколений?».

такие значительные количества костей вместе с большими же массами кирпичей и обломками их и глиняной посуды. Из числа «катастроф», во всяком случае, приходится исключить какие-либо грандиозные провалы, потому что производившие несколько лет геологические исследования в Туркестане, между прочим, и на Иссык-Куле, профессора Романовский и Мушкетов их отрицают. Так, по удостоверению первого, «озеро Иссык-Куль, по крайней мере, на северном берегу, состоящем исключительно из древних кристаллических пород, именно из гранитов, нигде не представляет ни малейших следов провала; оно, вероятно, образовалось от размыва залегавших здесь прежде соленосных третичных глин; было сначала, по крайней мере, футов на 200, выше настоящего уровня и вдавалось верст на 50 в Буамское ущелье»[1].

«Во время моего пребывания на Иссык-Куле, - писал проф. И.В.Мушкетов в «Кратком отчете о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 году»[2], - я совершил поездку по ю.-з. берегу... верст на 25-30. Поездка эта была полезна в том отношении, что мне удалось встретить известково-туфовые новейшие отложения на ю.-в. берегу озера. Эти известковые туфы выступают с берега остроугольными косами под водою и еще издали замечаются, вследствие своего желтовато-белого цвета и необыкновенной прозрачности воды на Иссык-Куле. Пласты их совершенно горизонтальны и разбиты параллелепипедальною отдельностью; по сложению они ноздреваты и пещеристы; часто представляясь как бы дейками, на первый взгляд производят впечатление искусственных стен. Петрографический характер туфа и нахождение в нем Helix, Limneus и других моллюсков солоноватых и пресных вод, которые располагаются в нем горизонтальными слоями параллельно напластованию, представляют несомненные доказательства против искусственности этих стен и говорят за их естественное и притом новейшее отложение. Эти туфы легко могут быть смешаны с кирпичными стенами построек, тем более, что около них находятся обломки кирпичей, посуды и пр., почему надо быть очень осторожным в принятии фактов о стенах, так как нахождение кирпичей еще не доказывает присутствия стен под водою; тем более, что кирпичи, находимые в озере, по качеству одинаковы с кирпичами каких-то старых построек, находящихся на южном берегу озера Иссык-Куля и известных у кыргызов под названием «калмыцких». В настоящее время, при недостаточности фактов, трудно высказать что-нибудь непреложное об этих древних постройках. Только систематическое и постоянное исследование озера может дать нам ответы на весьма интересные вопросы, возбуждаемые этими древними остатками... Что касается усыхания озера и происхождения его, то об этом буду говорить впоследствии; теперь же замечу только, что новейшее мнение, высказанное г.Чайковским в прошлом году, допускающее громадный провал Иссык-Куля на восточном конце, едва ли может быть справедливо, так как отсутствие возмущённое в третичных осадках и горизонтальность новейших отложений, продолжающихся непосредственно под горизонтом воды, и другие факты говорят против этого провала. Присутствие же под водой построек,

[1] «Туркестанские ведомости», 1878 г., № 50.
[2] Спб., 1876 года, стр.36-38.

нахождение вещей в озере и пр. в сущности слишком мало разработанные факты, чтобы могли служить основанием для таких смелых выводов; да наконец, все более положительно известные постройки находятся около берега и уже это самое отчасти свидетельствует об отсутствии грандиозного провала».

В статье своей «Опыт решения вопроса о причине изменения течения Аму-дарьи», напечатанной в №№ 39 и 40 «Туркестанских ведомостей» 1875 года, г. А.Чайковский упоминает о провале Иссык-Кульской долины, как об «общеизвестном факте». «Несомненность же провала подтверждается как различными предметами домашней утвари и человеческими костями, выбрасываемыми из озера, так и выдающимися из воды и находящимися под нею постройками»... «Надо заметить, что следы провала более заметны в восточной части озера, почему я и полагаю, что в долине прежде тоже было озеро, но меньшее». Из этого можно видеть - каковы и насколько убедительны доказательства предположения о провале у автора[1].

Толки о бездонности озера, доказывающей его происхождение вследствие провала, опровергаются произведенными в 1891 году измерениями: по линии от устья р.Ак-терека на южном берегу до станции Чулпан-ата (около 70 верст) на северном глубина озера достигала 40 сажен лишь в 7 верстах от берега, равнялась 120 саженям в 18 верстах; 150 сажен получилось в 41 версте; затем лот дал высшее показание в 275 сажен, из которых 75 сажен производивший измерение считает «наверное» лишними и объясняет этот излишек бурной погодой. Джиргаланский залив имеет наибольшую глубину (против ур.Койсары) в 27 сажен. Дно озера состоит, в заливах, из синевато-светлого ила с сильным неприятным запахом, на других местах был плотно слежавшийся песок, или, в местах более глубоких, незначительное наслоение леса на твердых породах[2].

Не объясняют также совместного скопления человеческих костей и обломков кирпичей и посуды гипотезы о повышении и понижении поверхности воды озера вследствие поворота течения реки Кочкара в Иссык-Куль[3] или вследствие сужения и

---

[1] Основная мысль г. Чайковского о том, что р.Чу некогда изливалась из Иссык-Куля, достигала Сыр-дарьи, направлялась вместе с нею к Аму-дарье и затем общий поток устремлялся к Каспийскому морю, весьма вероятна вследствие одного существования в Средней Азии большего, чем ныне, запаса влажности; в сущности, следовательно, «провал Иссык-Куля для этого предположения есть вещь совершенно лишняя, потому что Иссык-Куль мог переполниться единственно вследствие большого многоводья его притоков. Английский турист Ashton W. Dilke в статье On the valley of the Ili, and the Water-System of the Russian Turkistan (Proceedings of the Royal Geographical Society, 29 May 1874, vol.XVIII, N III, p.250; поездка в Кульджу и на Иссык-Куль относится, вероятно, к 1873 году), излагая «остроумную и вероятно правильную теорию» г. Чайковского, писал: Issyk-kul, as we know from the Chinese records, was formed by some convulsion of nature about 150 years back. The valley appears to have been thickly populated, judging from the remains of villages which are clearly to be seen under the water in several places, and from the fact that money and bures are not unfragmently washed up to the store. Even a Spanish gold piece was once found in it. К сожалению, путешественник этот не указал источников, из которых почерпнул он сведения об упоминаемом им китайском источнике об испанской монете.

[2] «С Иссык-Куля» Ник. Н-ева в «Туркестанских ведомостях» 1892 года, № 1. Самая большая глубина озера Байкала оказалась в 1.373 метра («Известия сибирского отдела геогр. общества», том II, 1871 г., №5, стр. 9).

[3] «К вопросу об иссык-кульских древностях», г.Галкина в № 40 «Туркестанских ведомостей» 1891 года.

расширения подземных стоков[1], существование которых, впрочем, ничем не доказано и невероятно. Несомненное понижение уровня воды в Иссык-Куле достаточно просто и естественно объясняется общим постепенным уменьшением влажности в средней части материка Азии, отчего притоки Иссык-Куля изливают в озеро меньшее количество воды и испарение берет верх над прибылью[2].

В описании поездки г.Фетисова в Тяньшань и на Иссык-Куль в 1877 году читаем: «Здесь (к северо-западу от Бар-булака) на берегу также много было выброшенных волнами озера человеческих костей и черепов; по словам туземцев, это остатки человеческих трупов, которые были погружены в озеро буддистами вместо погребального обряда»[3]. Действительно, у буддистов участь останков умерших определяется духовенством, значит, во всяком случае, разнообразится по местностям и обычаям: наряду с разными приемами погребения в земле, с сжиганием трупов, с оставлением их на пищу птицам и зверям или собакам и пр. практиковалось и потопление. Вот стало быть готовое и удовлетворительное объяснение встречающихся в известных местах на Иссык-Куле скоплений больших количеств человеческих костей. Мы имеем несомненные сведения, что кара-кидани, владевшие Туркестаном в XII и в начале XIII столетия и имевшие столицу свою на р. Чу, исповедовали буддизм, но весьма вероятно, что веры этой держались, по крайней мере, частью, и тукиюесцы, которых верховный хан Тобо обратился в буддизм в конце VI века[4]. Если потопление умерших было у местных буддистов общим обычаем[5], то можно думать, что для совершения потопления были устроены в озере, вблизи людных поселений, какие-нибудь

---

[1] «Я видел (пишет А.Н.Краснов в «Опыте истории развития флоры южной части восточного Тяньшаня», Спб., 1888 года, стр.45) массу предметов, выловленных из воды восточной части озера, свидетельствующих о культуре погибшего населения гораздо высшей, чем у современных туземцев... Так как И.В.Мушкетов отрицает, на основании геологических данных, возможность катастрофы, благодаря которой озеро перелилось с запада к востоку и затопило города, то остается допустить, что озеро меняло свой уровень в зависимости от расширения или сужения подземных стоков. В настоящее время усыхание его идет так быстро, что за последние 15 лет поселок Преображенский, выстроенный на самом берегу, отодвинулся на полверсты, а в северо-восточном углу появились острова». По другой статье (августовская книжка «Недели», 1887 года, стр.3) село Преображенское «лежит почти в четверти версты от берега».

[2] В 1869 году манап Умбет-Али показывал на мысе Касык-кингир северного берега черту, по которую, на его памяти, еще стояла вода; «теперь (в 1869 г.) она находится около двух сажен ниже» («Известия геогр. общества» 1870 г., статья «О древних постройках» и пр.), стало быть понижение поверхности воды в Иссык-Куле на две сажени произошло лет в 50-60. По словам г.Вл.ф.Г. («Семипалатинские областные ведомости» 1890 года, стр. 347) по глинисто-песчаным навесным скалам мыса Шарпылдак, на юго-западном берегу озера, близ р. Тосар, следует заключить, что поверхность озера была сажен на 8-10 выше настоящей (1877 г). На Койсаре, рыбачащий 11 лет крестьянин Рыбьянов показывал г.Сорокину («Исторический вестник» 1886 года, май, стр. 384) место, где за последние 10 лет вода отошла по крайней мере на 10 сажен; конечно, берег тут очень полог.

[3] «Экскурсия в горы ...Алатау» в «Туркестанских ведомостях», 1878 года, №3.

[4] Тобо-хан (572-581 гг.) принял веру Фо от одного пленного китайского монаха, соорудил цзалан, выписал из Китая священные книги, содержал посты, «обходя вокруг храма, читал молитвы» и пр. («Собрание сведений», I, 274).

[5] «Трупы умерших, по буддизму, предписывается предавать существующим в мире стихиям: земле, воде, огню, воздуху и дереву. Рассказывают, что такое предписание всегда и самым строгим образом и соблюдалось в старину и что трупы умерших..., долженствовавшие к погребению в воде, бросали прямо в реку» («Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу», А.Позднеева, Спб., 1887 года, стр. 465). Способ погребения определяется духовенством на основании особых правил, настолько, однако, сложных и гибких, что на деле преобладают местные условия и обычаи, канонические же правила исполняются лишь формально (см. там же, стр. 468 и след.).

кирпичные постройки. Что касается до глиняных сосудов, то они частью могли употребляться при церемониях потопления трупов[1], главным же образом при погребальных тризнах и при иных угощениях, после которых бросались или разбивались. По И-цзину, путешествовавшему в Индию в 686-689 гг., «вещи и сосуды (у буддистов, должны быть) все медные, вычищенные золой... Если сосуды глиняные, никогда еще не употреблявшиеся, то один раз употребить не грех, а после, как употребили, (следует) бросить в яму или ров, потому что в другой раз нельзя их брать. Поэтому в западных царствах по дорогам, там, где делали народное угощение (для духовных?), лежат осколки сосудов горами, (потому что) никогда в другой раз не употребляют»...[2]

Итак, массы человеческих костей, кирпичей и обломков глиняных сосудов и остатки зданий в воде, в некоторых местах Иссык-Куля, могут быть объяснены буддизмом части населения Иссык-Куля между VII и XIV веками, главным же образом XII и XIII столетий, т.е. времени владычества кара-киданей и монголов до обращения улуса Джагатая в мусульманство. В этом же буддизме, как видно из приведенного известия И-цзина, заключается, вероятно, и одна из причин преобладания в иссык-кульских археологических находках медных вещей.

Вот перечень иссык-кульских находок, составленный по печатным указаниям на них:

В «Сведениях о дикокаменных киргизах» говорится, что «озеро, после сильных бурь, выбрасывает на берега разные принадлежности домашнего быта; так, в числе других, в 1842 году, по южную сторону озера, неподалеку от мыса Карабурун, выкинуло огромной величины медный котел, который был отобран китайским чиновником и отправлен ко двору; в прошлое лето (1850 г.?), по северную сторону озера, близ устья р.Аксу (Кунгей-Аксу?), найден после бури другой котел меньше первого, который и по сие время хранится у черных киргизов поколения сары-багыш»[3]. Там же: «В 1847 году, на древних развалинах по течению р.Каракола, найдено в земле 96 серебряных монет, величиной в наш полтинник, с татарской надписью»[4].

По словам Голубева, по автору книги «По окраине», ссылающемуся на донесение иссык-кульского уездного начальника губернатору, найдены с 1862 года в разное

---

[1] Может быть, трупы или кости умерших погружались в воду в глиняных сосудах, имевших большие размеры. Таков, напр., глиняный горшок в один метр диаметром, который найден был на дне озера на Койсары г.Игнатьевым и разбился при неосторожном вытаскивании из воды

[2] «Заметки по буддизму» В.П.Васильева в «Записках Академии наук», 1889 года, том 59, стр.57. По словам того же И-цзина, «в северных странах у всех Ху, в Духоло и в Царстве Сули» (а Сули, как мы знаем из описаний путешествия Сюань Цзана, называлась страна от р.Суйе, ныне Чу, до Тухоло, т.е. Тохарестана или Бактрианы, значит до Аму-дарьи) обычаи буддистов те же самые, что и Индии: «Там, хоть в некоторых делах бывает (или) опущение, (или) обременение (фань - преувеличение), в пище тоже и некоторая разница, но правила для духовных в соблюдении чистоты, в еде руками, вообще сходны» (там же, стр. 69). По И-цзину же, угощение духовным делалось между прочим «по случаю чьей-либо смерти» (см. там же, стр. 49).

[3] «Записки географического общества», 1851 года, кн.5, стр.140.

[4] Там же, стр. 149.

время: «медный колокол, такая же труба, украшенная разноцветными камнями, медный небольшой ночник, в роде тех, какие ставятся перед языческими идолами, медный пьедестал о трех ножках весьма красивого рисунка, кусок лепной работы (?), вероятно служивший украшением карниза какого-нибудь здания и пр. Одну из существенных находок составляет полированный камень с высеченной надписью, но какой именно, мне не удалось узнать»[1].

Л.Ф.Костенко, бывший на Иссык-Куле в 1872 году, говорит: «К числу найденных в этом году вещей относятся две монеты, медный котелок или урна, служившая, вероятно, для жертвоприношений, и медный же светец с крышечкою на подставке»[2].

На песке на берегу озера был найден в 1873 году крестьянином Деревягиным медный котел; в этом же году другой крестьянин, при рыбной ловле, вытащил из озера, близ ур.Койсары, медный ночник (перешел в руки подп.Гойера). Позднее найден в озере бронзовый пьедестал о трех ножках (выше он назван медным) и медный серп, отправленный в ташкентский музей в 1876 году. Находили еще предметы и из глины, а также «монеты совершенно обмытые». При рытье курганов на южном берегу откопаны по настоящее время (до 1879 г.?) три глиняных сосуда (корчаги), кувшин, несколько черепков от таких же сосудов, а на р.Ирдыке, в 5 верстах от Каракола, найден грубой работы чугунный кумган[3].

В статье заведывавшего учебной частью в Семиреченской области П.А.Галицкого о поездке в Каракол в 1874 году между прочим читаем: «У туземцев есть предание, что в отдаленном прошедшем на том месте, где теперь озеро, были два города, которые во время землетрясения провалились и были залиты водой, что и доказывается разными вещами, находимыми на дне озера... Во время плавания, на расстоянии полуверсты от берега, водолазы (?!) вытащили нам обломки корчаг, кирпичи квадратные и продолговатые, подержанные жернова, черепа людей и кувшин, довольно порядочно сделанный, с отбитою ручкой и носком. Мне рассказывали, что здесь находятся даже медные и бронзовые вещи; я сам видел у крестьянина на станции Ойтал бронзовый сосуд, в 4½ фунта, в виде опрокинутой глубокой тарелки, с отверстием в середине, на трех ножках, довольно хорошей работы, найденный нынешним летом, и от него же слышал, что ему доводилось видеть на дне озера целые человеческие скелеты»[4].

---

[1] «По окраине», Спб., 1892 года, стр. 168. Автор поясняет: «бывший тогда уездным начальником подполк. Курковский представил многие из найденных вещей в ташкентский музей» и указывает на отношение уездного начальника в ташкентскую лабораторию 20 октября 1874 г. №2247 и на письмо Н.А.Маеву (заведывавшему ташкентским музеем) 29 мая 1876 года №1088.

[2] «Очерки Семиреченского края» в «Военном сборнике» 1872 года, №12, стр.402.

[3] «Археологические памятники в Семиречье и Кульджинском крае», видимо, записка, составленная в канцелярии губернатора по официальным данным о распоряжениях по предписанию генерал-губернатора о доставлении древностей и описании их для казанского археологического съезда, в «Туркестанских ведомостях» 1879 года, № 43. В «Заметке о ташкентском музее» («Туркестанские ведомости» 1876 года, №28) значится: «Из числа иссык-кульских находок особенно интересна медная серповидная полоса, выброшенная волнами из озера Иссык-Куля, близ Каракола... Какое было назначение этой медной полосы - трудно объяснить». Вероятно, эта медная полоса названа выше медным серпом.

[4] «Сборник газеты Сибирь», том 1, 1876 года, стр.303.

Уйфальви, в 1877 году, видел у семиреченского губернатора «серию предметов, найденных в окрестностях озера Иссык-Куля: ...большой чугунный сосуд, глиняный сосуд, обломки глиняных сосудов, une grosse bague in bronze, dont le dessus represente une flomme, обломки погребальной урны и несколько монет»[1]. В числе приложенных к книге этого путешественника рисунков есть «буддистские изображения, начертанные на скале близ озера Иссык-Куля», и «бронзовый с крышкой сосуд, найденный близ озера Иссык-Куля».

В «Туркестанских ведомостях» 1877 года[2] встречаются известия о поступлении в ташкентский музей: от г.-л. Г.А.Колпаковского доставлены «древности, найденные в Токмакском и Иссык-Кульском уездах, - медная чашка, два железных кольца, и металлическая пластинка, 4 черепа с Иссык-Куля»; от Е.Н.Николаева - древние предметы из окрестностей Иссык-Куля - чугунный колокол, каменная форма (калып), железная чашка, лом, украшение в виде цветка из железа, железная пластинка с узорчатыми прорезами, железный крюк, разные железные вещи, покрытые сильной ржавчиной.

В 1883 году найдены каменный ковш, медный шарик и медный серп[3].

Профессору Сорокину в 1884 году «удалось приобрести достаточно хороших сосудов и других предметов, выброшенных волнами на Койсаре, и кроме того бронзовый молоток, нож, иглы и пр., вырытые тоже на берегу, но около селения Преображенского»[4].

В 1884 г. в Преображенском же найдены серебряная монета и медный седельный прибор[5].

В 1885 году доставлены в И.Археологическую комиссию («Отчет» за 1882-1888 гг., Спб., 1891 года, стр. XCV и следующая) «некоторые древности, случайно найденные в разное время в озере Иссык-Куль, как-то: каменный ковш, медный шарик, 2 глиняные кубышки, медный серп, медный наконечник стрелы, медный топор, множество литых медных блях от седельного прибора, глиняный кувшин, глиняная водопроводная труба, бронзовые ножи (из них 2 с персидскими надписями), разные кашгарские и кокандские золотые, серебряные и медные монеты, найденные близ Толгара (в станице Софийской), большая медная позолоченная круглая пластинка, просверленная в одном месте (вероятно, для ношения на шнурке) с арабской надписью 448 года гиджры (т.е. 1056-57 г. по Р.Х.), несколько медных и серебряных джагатайских монет VIII столетия мусульманского летосчисления, найденных частью в г.Суйдуне,

[1] «Expedition scientipique from C.Asie on Russia, on Siberia et dons le Turkestun, per Ch.E. de Ujpulvy de Mozu-Koverd, vol.11, Paris, 1879, p. 139.
[2] «Туркестанские ведомости» 1877 года, №№ 27 и 48.
[3] «Восточное обозрение», 1885 года, №3. Тут же говорится, что в 1884 году найдены в дер. Преображенской медный молоток, три медных иглы, медный нож (вероятно это те самые, которые приобрел профессор Сорокин); в 1873 году: два казана (котла), медный серп и на Койсаре 20 медных монет.
[4] «Исторический вестник», 1886 года, май, стр. 385 и 386.
[5] «Восточное обозрение», 1885 года, №3.

резиденции илийского цзянь-цзюня, частью близ Верного, в окрестностях Токмака и около Кульджи, бронзовый сосуд, бронзовый топор, долото и скребок из такого же металла, найденные в селе Алексеевке, в 28 верстах от Верного». К сожалению, эти сведения изложены так неясно, что трудно различить - где именно и какие в каждом месте найдены предметы. Кажется, близ р.Талгара найдена только круглая пластинка, признанная за наградную медаль[1], все же, перечисленные выше пластинки найдены на Иссык-Куле, быть может и не в озере непременно. Доставивший в Археологическую комиссию все эти находки Н.Н.Пантусов большей частью, если не все, получил их от местных начальств, по поручению областного начальства и на основании известных правил о находимых древностях, и имел возможность относительно значительной части этих находок указать время их и место. Нельзя не пожалеть об отсутствии этих сведений и о неуказании в «Отчете» дат найденных монет.

Профессор Краснов видел в 1886 году «большой котел на ножке, с двумя ручками, из меди, весьма напоминающий жертвенные котлы скифов», «посеребренный с резьбою в восточном вкусе сосуд, напоминающий низенький самовар без трубы и крана», «два глиняных сосуда, по форме и украшениям напоминающие глиняные грубые сосуды из Трои в берлинском этнографическом музее», «железная фигура, напоминающая гирю полпуда весом»[2].

Автор книги «По окраине» и потом горный инженер Игнатьев видели на Койсары «лежащий на дне большой жернов с отверстием посередине». Г.Игнатьев нашел еще «шар из гранита»[3].

В 1891 году, как уже выше упомянуто, по словам Н.Л.Зеланда, на ур.Койсары на незадолго перед тем покрытом водою берегу найден горшок с значительным количеством серебряных монет, которые отправлены в археологическое общество. По отзыву того же автора «медные и бронзовые вещи, находимые в озере, хотя грубого изделия, но все же киргизы таких предметов никогда не выделывали»[4].

---

[1] По крайней мере, в № 51 «Туркестанских ведомостей» 1885 года помещена заметка, в которой сообщается, что г.Пантусовым было препровождено в И. Археологическую комиссию несколько древних мусульманских монет и старинная медаль, найденная в окрестностях Талгара, и что затем археологическая комиссия уведомила, что круглая пластинка, найденная в окрестностях Талгара, по всей вероятности наградная медаль, надписи которой взяты с газневийской серебряной монеты, чеканенной в 448 г. гиджры.

[2] «Опыт истории развития флоры» и пр. в «Записках и.р.географического общества», по общей географии, том XIX, Спб., 1888 г., стр. 321 и 322. В статье того же автора «В снегах и льдах восточного Тяньшаня» (книжки «Недели», 1887 г., август, стр.3 и 4) упомянутый котел описан так: «Громадный медный котел, формою напоминающий купель с двумя ручками и на ножке». Из этой же статьи можно заключить, что упомянутые предметы найдены рыбаками и доставлены ими «в виде приношения» в строящийся на Иссык-Куле монастырь.
Вероятно, этот котел есть тот самый «медный котел, вытащенный из озера Иссык-Куля, вблизи сел. Сазановки», который значится доставленным в 1886 году в И. Археологическую комиссию по ее «Отчету за 1882-1888 гг.» (Спб., 1891 г., cip.CLXI). По тому же отчету, тогда же, доставлены еще в комиссию «медная буддийская кумирница, найденная близ г. Верного, и большой медный орнаментированный кувшин, вырытый в Верненском уезде в сел. Зайцевском» (там же).

[3] «Известия географического общества», 1887 г., стр.135.

[4] «Туркестанские ведомости», 1891 г., № 36.

В 1890 году на ур.Койсары найдено 7 золотых и 19 медных илекских и сельджукидских монет XI века, часть которых поступила в Эрмитаж, а остальные сплавлены [1]. Хотя мы, к сожалению, не имеем сведений о подробностях и обстоятельствах этой находки, но она, во всяком случае, дает точную дату, подтверждающую другие данные, по которым существование оседлости на Иссык-Куле и археологические находки, для приурочения которых нет особых оснований, должны быть относимы ко времени между VII и XIV веками.

В 1892 году полк.Шмидт добыл на ур.Койсары предназначенные им для музея западно-сибирского отдела русского географического общества два глиняных кувшина, высотою в половину аршина[2].

Этот перечень находок в Иссык-куле и на его берегах, быть может, не совсем полон, а описания слишком кратки, неясны и вообще недостаточны, но принадлежность некоторых особенно выдающихся предметов (колокола, труба, светильник или «ночник», пьедестал о трех ножках, посеребренный сосуд с резьбою) к вещам, употреблявшимся при буддийском богослужении, весьма вероятна. Можно думать, что и медные котлы употреблялись буддистами «при народных угощениях». Выяснить в точности принадлежность или непринадлежность большей части медных и бронзовых находок к предметам буддийского богослужения и обихода можно, мне кажется, только сличением их с такими же предметами, действительно употреблявшимися и употребляемыми и теперь у буддистов Индии, Афганистана, Восточного Туркестана, Тибета и Монголии, но для этого необходимо издание рисунков и подробных описаний размеров и частей наших находок. Полезны были бы также химические анализы меди и бронзы иссык-кульских находок и такие же анализы подобных предметов Восточного Туркестана, для выяснения - откуда эти предметы попали на Иссык- Куль. Пока же можно предполагать, что медные и бронзовые вещи получались здесь главным образом оттуда же, откуда проник сюда, вероятно, буддизм: из Восточного Туркестана, где он появился, надо полагать, ранее III века после Р.Х.[3] Китайцы уже за полтора почти века до Р.Х. нашли в Восточном Туркестане весьма распространенными добычу и обработку металлов. В «Хань-шу», в описаниях нескольких владений, читаем: «В горах находится железо, из которого (жители) сами для себя делают оружие»[4]. Гумо «производит медь, железо, опермент». В Гуйцы «находятся рудники и жители умеют плавить металлы»[5]. Конечно, медные вещи могли частью получаться через западный Туркестан, но выделка чугуна там, по крайней мере в Давани (Фергана), была неизвестна до первого столетия до Р.Х.: в Давани по «Хань-шу» «не умели отливать

[1] «Отчет И.Археологической комиссии за 1890 год», Спб., 1893 года, стр. 146 и 147.
[2] «Туркестанские ведомости», 1893 г., № 22.
[3] В.В.Григорьева «Восточный Туркестан», вып. 2, стр.
[4] «Собрание сведений», III, 38, 39.
[5] Там же, стр.77. По «Истории северных дворов» «в Гуйцы железо поступает в казну» (там же, стр. 161); по «Суй-шу» Гуйцы «изобилует медью, превосходным железом» (стр.200).

чугунных изделий. Бежавшие из китайских посольств, служители передались к ним, и научили их отливать оружие»[1].

От эпохи усуней следовало бы ожидать на Иссык-Куле и в других их землях находок оружия - медных или бронзовых наконечников стрел, мечей и ножей. Не могли же эти предметы вооружения быть у них исключительно из железа, которое обратилось бы в продолжение 2 т. лет в ржавчину. Но ни в воде озера, ни в почве берегов его еще не было находок этого рода, кроме одного медного наконечника стрелы неизвестной эпохи и бронзовых ножей, сведения о которых крайне неясны.

Количество иссык-кульских черепов, подвергавшихся научному исследованию, еще очень незначительно. Отправлено было в 1877 году для казанского археологического съезда 4 черепа из озера Иссык-Куля[2]. Увезены были Г.Сорокиным 1 целый череп (не указано - из какой именно местности озера)[3], г.Игнатьевым 2 черепа из воды на Койсары[4], г.Зеландом (для московского съезда 1892 года) 2 черепа из восточной части озера и 1 череп с Турайгыра[5]. По исследовании одного черепа, «извлеченного со дна озера Иссык-Куля» (местность не указана) и доставленного врачом Могилянским в томский музей, В.М.Флоринский пришел к заключению, что общий тип черепа длинноголовый, скорее низкий, чем высокий; по гладкости и грандиозности (?) костей, по значительному развитию лобной и теменных областей, сравнительно с нижней половиной черепа, можно догадываться, что субъект принадлежал к интеллектуальной расе; вообще этот череп можно отнести к кавказской, а не к монгольской расе, «он не из числа тамерлановых полчищ, в нем нет монгольских и татарских признаков». По трем одновременно с черепом доставленным бедряным костям тот же исследователь признает, что рост древних иссык-кульских жителей был выше среднего[6].

А.А.Ивановский, предполагавший, что кара-киргизы и Большая орда киргиз-казаков суть потомки усуней, потому что занимают те же местности, потому что Большая орда и доныне носит название усунь и потому что между кара-киргизами и киргиз-казаками Большой орды попадаются русоволосые и голубоглазые, с длинными, правильными носами, как усуни, нашел, по исследовании двух черепов из озера Иссык-Куля[7] доставленных г.Поярковым, что черепа эти средних размеров, развиты более по направлению горизонтальной окружности, нежели по вертикальной и поперечной, суббрахицефальные, с значительным развитием в высоту, с межглазничным

[1] «Собрание сведений», III, стр. 61. По «Шы-цзи» в Давани «не умели отливать ни монеты, ни посуды» (там же, 22), но это - уже преувеличение или, быть может, недоразумение (переводчика?).
[2] «Туркестанские ведомости» 1879 года, №43. Едва ли эти черепа не попали в ташкентский музей, куда в том же году значится поступившими тоже 4 черепа из Иссык-Куля («Турк. ведомости», 1877 года, №27).
[3] «Известия г. общества», 1885 года, стр.119.
[4] Там же, стр. 135.
[5] «Туркестанские ведомости», 1891 года, №№ 35 и 36.
[6] «Труды томского общества естествоиспытателей, 1889 г., стр.5.
[7] С Турайгыра, как выяснил г.Зеланд в «Турк.вед.», 1891, № 35.

пространством средней ширины, среднешироконосые, среднеорбитные, широконебные, и с удлиненным эллиптическим затылочным отверстием[1].

Конечно, измерения трех черепов слишком недостаточны для каких-либо основательных заключений о племени населения, в особенности при проблематичности эпохи, к которой каждый череп относится, но уже в значительной разнице выводов двух исследований можно видеть указание на разноплеменность населения: так оно и должно быть, если все три черепа принадлежат жителям существовавших на озере в средние века поселений, в которых, вероятно, совместно обитали потомки усуней, тюрки, кара-кидани и иранцы.

После Голубева и другие путешественники сообщали о слышанных ими местных преданиях относительно происхождения озера Иссык-Куля. Так, по легенде, помещенной в одной из статей Г.Сорокина, в долине, которую занял потом Иссык-Куль, существовал колодец, из которого вода вытекала с такой силой, что каждый приходивший за водой с ведром, по наполнении ведра своего, спешил завалить отверстие, откуда била вода, тяжелым камнем. Но одна молодая девушка и молодой джигит, подставив ведра, так увлеклись, что забыли своевременно положить камень на свое место. Скоро послышался шум потока и из отверстия хлынула такая масса воды, что не только залила неосторожную любовную пару, но затопила всю долину. «Эта незатейливая фабула, как мне кажется, - заключает проф. Сорокин, - доказывает, что происхождение ее весьма древнее, а, во-вторых, что действительно Иссык-Куль произошел в силу какой-нибудь внезапной катастрофы»[2]. По приводимому г.Вл.ф.Г. сказанию «Хазрети Искандер ... похоронил ... многих святых и ... покрыл эти могилы водою», чтобы не попирали их ноги грешников. По калмыцкой легенде, сообщаемой тем же автором, «во время царствования Тан-богдохана сделалось землетрясение, ... земля опустилась и ... из колодцев вода начала бить фонтанами»[3]. Еще два варианта местных легенд встречаются у автора книги «По окраине». По одному Рустем-богатырь, царивший в Андижане и владевший также местностью, занятою потом Иссык-Кулем, выразил перед смертью желание, чтобы кости его и предков его были навсегда неприкосновенны. Стараясь исполнить его волю, Александр Македонский, который овладел той же страною, разбив хана Кайкана, узнал, что где-то хранится шкатулка с ключом от колодца, который может затопить всю долину; он выпытал местонахождение этой шкатулки у влюбившейся в него местной марджи (женщины) и открыл колодец; оттуда хлынула вода и затопила всю местность, тек что никто не

[1] «Известия И.общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», том 68, 1890 г., стр. 173-181.
[2] «Исторический вестник», 1886 г., май, стр. 384.
[3] «Поездка в долину озера Иссык-куля» в «Семипалатинских областных ведомостях» 1890 года, стр.348. Поездка совершена была в 1877 году, описание же написано или, по крайней мере, напечатано в 1890 году, а потому время, быть может, не осталось без влияния на редакцию сказания, слышанного от лам, живущих в монастыре на Сумбе, «когда-то богатом своею библиотекою». Монастырь этот был в 1862 году посещен Я.Л.Михаловским, описавшим свою поездку в № 304 «Северной пчелы» 1862 г. В описании этом монастырь представляется маленьким и бедным. Едва ли в нем могла быть богатая библиотека, когда и в богатые монастыри Монголии ограничиваются по книжной части немногим, относящимся к богословию и богослужению. Монастырь этот был в 1866 году <•••>.

осквернит погребенные в ней кости Рустема. По другому сказанию, приводимому тем же автором, виновником затопления долины Иссык-Куля был Тамерлан, который почему-то воспретил закрывать колодец и потому вода все затопила[1].

На первый взгляд может казаться, что по крайней мере основа всех этих сказаний - затопление Иссык-Кульской впадины хлынувшей откуда-то из недр земных водою есть результат, если не памяти о действительном факте, то хотя местной фантастической пытливости, старавшейся объяснить существование громадной массы воды на высоте в несколько тысяч футов над недалеко лежащими к югу и северу Таримской, Балхашской и Аральской низменностями, но оказывается, что именно такие же легенды существуют у тангутов, монголов и тюрков относительно образования озера Хуку-нора, Тере-нора и т.д.[2] Заимствованность остальных пристегнутых к основе о затоплении сказочных тем также очевидна: не говоря уже об Александре Македонском, о Рустеме и о Тамерлане, не трудно видеть в хане с ослиными ушами отголоски сказок о мифическом Мидасе и о более или менее легендарном маге Лже-Смердисе, в чудесном колодце - мотивы арабских и персидских сказок и т.д. Ограничиваясь сличениями с материалом монгольским, тибетским и восточно-тюркским, вообще еще весьма мало известным, Т.Н.Потанин указал на многие параллели тем о хане с ослиными ушами, с бычьими рогами, с ослиной и бычьей головой и т.д.[3]

Вообще все эти сказания об образовании Иссык-Куля, быть может, не лишены значения в качестве некоторого материала при исследовании форм, в которых отразились в местном населении различные мифы и легенды разнообразного восточного и западного происхождения, но для выяснения действительного происхождения Иссык-Куля, остатков строений на дне его и берегах и других древностей эти сказки решительно непригодны.

---

[1] «По окраине (от Ташкента до Каракола). Путевые очерки». Спб., 1892 г., стр. 161-168. В напечатанной в №6 «Восточного обозрения» 1890 года статейке «Предание иссык-кульских киргиз о разлившемся озере» помещены два варианта на тему о паре любовников и один вариант на тему о хане с ослиными ушами.
По преданию, приводимому в корреспонденции из Каракола в № 14 «Туркестанских ведомостей» 1872 г., на месте озера был колодец, в котором вода появлялась только по молитве муллы; по его же молитве, за неблагочестие жителей Иссык-Кульской котловины, вода из колодца залила город и всю окрестную местность.

[2] См. монгольские сказки о происхождении озера Хуху-нора во 2 т. последнего труда Г.Н.Потанина, стр. 202 и 205, и указания на легенды о том же озере, записанные Гюком, Пржевальским, Крейтнером, Rok Lill'ем, там же на стр. 211, а также о Байкале, Зайсан-норе и других озерах на стр. 212 и 213. Легенда о Тере-норе помещена у г. Потанина в «Очерках сев.-западной Монголии», т.4, стр. 296. По преданию, слышанному кн. Э.Ухтомским («Русское обозрение», 1892 года, апрель, стр. 755 и 756) от бурят, «на месте, где теперь Хуху-нор, некогда расстилались привольные пастбища», но под ними находилось озеро, образованное водами, бывшими сначала под Лхассой, мешавшими там постройке храма и потому удаленными чарами лам к местности Хуху-нора; знал об этом на Хуху-норе только один старик, которому были известны и последствия открытия им этой тайны другим; он «однако случайно проболтался и внезапно хлынувшие воды прежде всего затопили его же юрту и его же стада».

[3] Г.Н.Потанина последнее сочинение, том 2, стр. 21 и след. и стр. 383.

4. О древних могилах, курганах, каменных бабах и изображениях на скалах в западном Тяньшане

Недостаток сведений о погребальных обычаях у усуней. Необходимость искать указаний в памятниках древности. Известия о каменных бабах на Иссык-Куле Сильверьельма. «Описания Новой границы» Валиханова, Колпаковского, Сюй Суна, Голубева, Сведения о курганах на Иссык-Куле и раскопки их Голубева и Радлова. Заметки Костенко, Фетисова, Регеля, Сорокина. Сведения о могильных памятниках на Или Померанцева. Раскопки Радлова в Семиречье, в Илийской и Чуйской долинах. Древности на Тюрт-куле и на Кегеты. Известия Петцольдта и Уйфальви. Сообщения на казанском съезде. Могилы, приписываемые муг'ам. Раскопки курумов. Заметки Регеля. Указания Сорокина. Топографические сведения о курганах Флоринского и Городецкого. Раскопка царицынского кургана. Раскопка Ак-тепе. Вскрытие трех курганов около Верного. Раскопки на Кызыл-агаче. Хищнические раскопки в Аулие-Атинском уезде. Сведения о древнем могильнике на М.Буруле. Курганы Джиты-тюбе и раскопка Каля. Находки у Ахыр-таша. Расхищение древних могил между Верным и Чу и найденные в них вещи. Надписи в ущелье Тамга. Изображения на скалах по сообщениям для казанского съезда. Известия Краснова. Снимки, доставленные Пантусовым. Заметка Городецкого. Известия Попова о памятнике и изображениях на Чу. Рисунки у Уйфальви и в «Живописной России». Каменные бабы в томском музее. Мнение В.М. Флоринского о принадлежности древних курганов и каменных баб усуням. Разбор этого мнения. Классификация курганов по их материалу. Замечания Радлова и Флоринского. Предположение о происхождении древнейших могильных насыпей от обо. Древние могилы без насыпей. Недостаточность в настоящее время существенных сведений о древних могилах для определения времени и племенной принадлежности этих могил. Заметки и выводы о раскопках на Кошкаре, около Копала, на Тюрткуле, о курумах, аулиеатинских могилах и находках, о раскопках на Ак-тепе, около Верного и на Кызыл-агаче. Предположения о назначении каменных баб. Принадлежность их и сопровождаемых ими курганов тюркам. Соображения об изображениях на скалах.

О погребении умерших у усуней китайцы не дают никаких сведений, а потому приходится воспользоваться общим их указанием на сходство «обыкновений» усуней с хуннскими. К сожалению, и относительно погребений у хуннов китайские известия очень скудны: «Покойников хоронят в гробу; употребляют наружный и внутренний гробы; облачение из золотой и серебряной парчи и меховое, но обсаженных деревьями кладбищ и траурного одеяния (как в Китае, конечно) не имеют. Из приближенных вельмож и наложниц соумирающих бывает от ста до нескольких сот человек». Вот и все сведения о погребальных обычаях у хуннов, относящиеся, как заметил о.Иакинф, к похоронам хана[1]. Недостаточность этих сведений побуждает иметь в виду, что хунны, по всей вероятности, принадлежали главным образом тюркскому племени и шаманству, а потому погребальные обычаи их, как и сходных с ними обыкновения усуней,

[1] «Собрание сведений» и пр., I, стр.16.

должны были быть одинаковы, более или менее, с похоронными обычаями шаманствующих тюрков. Однако и погребение у тюрков, как увидим, подвергалось изменениям, так что и сведения о них не вполне достаточны для определения похорон у усуней.

Все это делает весьма желательным исследование древних могил в западном Тяньшане. Считая обязательным собирать на страницах этого труда сведения об археологических памятниках, могущие осветить историю и географию этой страны, я распределяю изложение этих сведений по тем историческим эпохам или периодам, к которым каждый памятник относится. Сведения о древних могилах, каменных бабах и изображениях на скалах приходится сгруппировать здесь, так как часть этих памятников может принадлежать усуням, выделить же их из остальных, при настоящем положении наших знаний по этому предмету, не представляется возможности.

Я приведу фактические сведения о древних могилах и каменных бабах сначала на Иссык-Куле, потом в остальных частях западного Тяньшаня и, наконец, известия об изображениях на скалах, в хронологическом, по времени получения о них сведений, порядке. Затем изложены будут мнения занимавшегося специально изучением древностей Семиречья В.М.Флоринского и те выводы, которые должны бы быть, по-моему, сделаны из имеющихся данных при настоящем положении местной археологии. Последняя находится еще в самой начальной стадии своего развития, а потому труды В.М.Флоринского, хотя со многими выводами его едва ли можно согласиться, представляют весьма ценный вклад на пользу науки.

По рукописному «Военно-топографическому описанию к съемке, произведенной в 1856 году» восточной половины озера Иссык-Куля, составленному обер-квартирмейстером г.-м. бароном Сильверьельмом, «на пространстве между речками Шинаты и Карабатпак по долине находится много статуй, высеченных довольно грубо из дикого гранита, которые, по словам киргизов, поставлены древними обитателями монголами над могилами павших воинов». В этом описании «речки, впадавшие с северной стороны в озеро Иссык-Куль, следующие: Карабудпак, Саты (Шаты), Сарыбулак, Курменты, Шинаты, Карандузды, Кудургу, Ден-булак», три Урюкты, Уч-Байсоурун, Тегерменды, две Аксу, три Кызыл-булак, две Курумду и Дуланы. «Из них замечательны по величине верхняя и нижняя Аксу, Байсоурун и Уч-Урюкты».

По «Синь-цзян-чжи-лио» на северном берегу Темурту-нора (Иссык-Куля), «к востоку от Кёкенбака (речка, помещенная в том же сочинении, при исчислении притоков Темурту-нора, рядом с Шату), находятся остатки крепостной стены. Тут же есть каменная статуя; хотя она поломана и изуродована, но можно еще довольно ясно разузнать шапку, меч, кирасу и каску»[1]. «Один китаец, бывший в 1820 году на Иссык-

[1] По переводу Станислава Жюльена в Nouvelles annales des voyages et des sciences geographiques, nouvelle serie, <...> 1846, t.III, p.62. Это «Описание Новой границы» составлено бывшим в Западном Китае главнокомандующим Сун-цзюнем и напечатано в Пекине в 1821 г., по сведениям В.В.Григорьева («Восточный Туркестан», вып.2, 1873 года, стр. 423).

Куле, говорил мне, - пишет Валиханов в «Очерках Джунгарии», - что он видел там громадного идола, вытесанного из камня; но я не мог открыть ни малейших следов этого рода»[1]. По словам генерала Г.А.Колпаковского, на северной стороне озера Иссык-Куля, между устьями впадающих в него речек второй и третьей Койсу, там же, где в озере усмотрены выше упомянутые три кирпичных стены, «10 октября 1869 года замечен, в полутора саженях от черты берега, камень с вычерченным на нем изображением человеческого лица. Хотя часть берега, где он найден, посещалась киргизами и прежде довольно часто, но о существовании этого камня никто не предполагал, так как он был весь покрыт водою, и только вследствие ли убыли воды в озере или от последнего волнения, которое могло подвинуть его, обнаружился настолько, что въехав в воду по колени лошади, можно было разобрать сделанное на нем начертание. Длина этого камня, по всей вероятности, калмыцкого кумира, 1½ аршина, толщина 6 вершков, ширина у того конца, который занят изображением человеческого лица, 7 вершков, а у другого конца 10 вершков; углы этого камня закруглены и задняя сторона гладкая. Чтобы при незначительной прибыли воды в озере он не исчез из виду, я распорядился вытащить его на берег. Весу в этом камне 12 пудов»[2]. В примечании к статье Г.А.Колпаковского, где помещено все это, редакция «Известий р. географического общества» привела следующие переводы профессора Захарова из «Си-юй-шуй-дао-цзи», составленного Сюй Суном, который путешествовал по Западному Китаю в первой четверти нынешнего столетия: 1) В главе V, на листе 6, названной книги сказано: «На северо-восточной оконечности озера Иссык-Куль впадает речка Коу кэнь баг (на карте Западного Китая г. Захарова, - поясняет редакция, - Кобургу); от этой речки на восток, подле берега озера, находятся развалины города и одна каменная статуя лежит в траве. Статуя представляет человека, опоясанного мечом, который правою рукою держится за меч, а левую приложил ко лбу; камень очень попорчен от времени и потому трудно узнать, к какой эпохе он относится». 2) На листе 7 той же главы говорится: «От Коу кэнь баг на в. в 50 ли (25 верст) речка Туб болчир, впадающая в озеро с севера. От р. Туб болчир на ю.в. 50 ли речка Кара-булак, от этой речки на в. - 70 ли до р. Туба, протекающей по ущелью гор, и еще на запад - 40 ли - здесь на северном берегу озера находится несколько десятков каменных статуй». По свидетельству И.И.Захарова, Сюй Сун сообщает дальше, что эти статуи видел в 1805 году китайский бригадный генерал Д. Ио, который, однако, по старости лет и слабой памяти не мог указать места автору. Сам Сюй Сун, несмотря на неоднократные поиски, не отыскал их. По мнению китайцев, прибавляет он (Захаров?), эти статуи или принадлежат могильным памятникам на кладбищах бурутских владетелей, или же это

[1] «Записки р.географического общества», 1861 года, книжка 1, стр.194. Валиханов был на Иссык-куле в 1856 и 1858 годах.
[2] «Новейшие географические известия из Средней Азии. Статьи и заметки, извлеченные из «Известий и. р. географического общества», Спб., 1870 года, стр. 16.

статуи чинов, которые по обычаю времен Танской династии ставились пред могилами государей[1].

О тех же, без сомнения, нескольких десятках каменных статуй около Туба писал следующее Голубев в описании своего путешествия 1859 года: «При устье Туба, на южной стороне, мне указали остатки вала, едва, впрочем, заметные. От этих развалин вверх по долине Туба, по дороге, которой мы шли, попадаются каменные грубо вытесанные параллелепипеды, с изображением на верху человеческого лица. Они как будто правильно расставлены и при первом впечатлении наводят на мысль, что здесь было кладбище того города, который был у устья Туба; а каменные болваны представляют надгробные памятники. Фигуры начинают попадаться версты за три до озера. Дальше к западу на берегу я видел еще несколько таких болванов»[2]. Видимо, найденный Г.А.Колпаковским в воде камень с изображением человеческого лица принадлежит к категории именно параллелепипедов, которые видел Голубев, каменная же статуя, которую описывают Сун-цзюнь и потом Сюй Сун (его сочинение, по Ст.Жюльену, издано в 1833 г.), есть, очевидно, каменная баба более совершенной отделки.

Голубев же говорит, что «по всему северному берегу озера» Иссык-Куля встречались «курганы, разной величины и часто очень значительные; один из них мы вздумали разрыть, но, не имея ни средств, ни времени, не довели работу до конца; впрочем нашли черепки глиняной посуды, самые простые. Такие курганы попадаются часто в Илийской долине»[3].

По отчету В.В.Радлова о раскопках 1869 года, «по всему северному берегу» озера Иссык-Куля «начиная от Буамского ущелья, находятся курганы, насыпанные из крупных камней. За исключением самых мелких, все они носят на себе явные следы прежней раскопки. Расследование нескольких курганов при верхнем течении р.Чу, верстах в 10 от Иссык-Куля, привело к открытию могил, вырытых в материке не глубже ½ арш. от поверхности почвы. Остовы в них лежали головами на северо-восток; у двух из них оказались куски перержавевшего железа, а у одного детского скелета на груди найдена бронзовая пронизка»[4].

По замечанием Костенко, в 1872 году, курганы по северному берегу Иссык-Куля от устья р.Тюпа до ур. Кес-сингир, а также вдоль Александровского хребта «достигают иногда больших размеров, другие сказываются легким вздутием на поверхности земли, но все одинаково присыпаны сверху каменьями. Общий тип высоких курганов - холм с воронкою внутри, гребень которой покрыт каменьями, величиной в кулак и более. Дно воронки порастает бурьяном и дикими цветами; с одной стороны воронки

[1] «Новейшие географические известия из Средней Азии. Статьи и заметки, извлеченные из «Известий и. р. географического общества», Спб., 1870 года, стр.14 и 15.
[2] «Заилийский край» в «Записках р. географического общества», 1861 года, кн.3, стр. 120.
[3] Там же, стр. 128.
[4] Отчет И. археологической комиссии за 1869 год», Спб., 1871 г., стр. XIX.

прорыв, образующий как бы вход во внутрь кургана. Высота холмов доходит до трех сажен, окружность воронки до ста и более шагов... Мне кажется, что здешние курганы суть следы кладбищ кочевников. Киргизы и теперь имеют обыкновение несколько могил обводить одною оградою. От времени ограда заносится песком и разными наносами, вследствие чего и образовывается холм с воронкой внутри и с понижением там, где был вход в ограду. Здешних курганов еще никто не раскапывал»[1].

На пути Г.Фетисова, в 1877 году, с Текеса на Иссык-Куль, древние курганы «встречались почти повсюду, даже и на высоте от 7 до 8 т. футов, в ущельях и долинах»[2]. На южной стороне Иссык-Куля, в долине р. Ходжи, г. Фетисов видел две земляных крепостцы, курганы, «несколько высеченных из камня уродливых статуй и поставленные стоймя камни с какими-то высеченными на них китайскими надписями; эти надписи, однако, уже значительно выветрились, так что нельзя было скопировать их, и бывший при нас китаец, слуга г. Регеля, не мог разобрать ни одного слова». Далее, в 1 или 1½ верстах не доезжая озера, в долине Бар-булак, на северной стороне разрушенного городка, «возвышается большой курган, имеющий четырехугольную форму; г. Регель был на нем и у подножия его видел сваленный камень, из которого выдолблена человеческая фигура монгольского произведения»[3].

Около 1877 года, должно быть, «при рытье курганов на южном берегу (Иссык- Куля) откопаны ... три глиняные сосуда (корчаги), кувшин и несколько черепков от таких же сосудов, а на р.Ирдыке, в 5 верстах от г.Каракола, найден грубой работы чугунный кумган»[4].

Вероятно, к курганам же принадлежат описываемые Д.Л.Ивановым холмы: на северном побережье Иссык-Куля, у р. Курменты, «можно видеть целые ряды холмов, раскинутых по направлению пологого склона от гор к озеру. Все они однообразного вида: круглые, с вдавленностью по середине. Средний их поперечник 7-8 сажен. Сложены они все из красноватой глины и небольших гранитных валунов. Хотя и не везде, в расположении их можно подметить правильность, именно направление рядов от севера к югу, т.е. перпендикулярно к берегу озера. Почва в этой местности отличается своей гулкостью, как будто здесь было торфяное болото, затянутое сверху озерными осадками. Интересно то, что холмы, по мере приближения к озеру, становятся выше, как будто соображаясь с увеличением глубины воды. Таких холмов можно насчитать до 40-50, и в одном ряду от 9 до 12»[5]

---

[1] «Очерки Семиреченского края» в «Военном сборнике» 1872 года, №12, стр. 401 и 402.
[2] «Туркестанские ведомости», 1878 года, № 3.
[3] Там же, №4. По словам г. Регеля, в высокой продольной долине Хаджи «находили мы многие следы древней культуры, могильные камни, городища с целыми рядами хорошо сохранившихся монгольских идолов» (Reisen in Central Asia, 1876-79, own dr.A.Regel, в Petersmann's Miltheilungen, Band 25,1879, s. 384).
[4] «Археологические памятники в Семиречье и Кульджинском крае» в «Туркестанских ведомостях», 1879 года, №43.
[5] «По поводу некоторых туркестанских древностей» в «Известиях русского географического общества», 1885 года, стр. 173.

Тот же г. Иванов описывает на Иссык-Куле каменные бабы: одна к западу от почтовой станции Уйтал, между ущельем Урта-Урюкты и Уйталом, другая, далее к востоку, против Чината, между ущельем Кудурга и Курменты, по южную сторону почтовой дороги. Обе сделаны из местного светло-серого плитного гранита. Первая - небольшая (½ аршина высоты) и половина ее занята головой, на которой барельефом очерчены брови, нос, рот и окружность глаз; туловище не обделано и лишь на груди бабы выбито нечто вроде чаши. Курментинская выше (2 аршина 2 вершка); у нее видны шея, плечи, руки с пальцами, причем правая рука держит что-то, имеющее крестообразную форму. На приложенном к описанию изображении обе бабы показаны вкопанными в землю. По словам той же статьи, г. Фетисов видел на Сонкуле два болвана, изображающих мужчину и женщину; есть каменные бабы в верховьях западного Каракола и, по слухам, на Иссык-ата[1].

«На высшей точке перевала (Алабаш-бель, на южном берегу Иссык-Куля) стоят два каменных кургана с большими глыбами на верхушках и воткнутыми палками. Затем идет небольшая поляна, поросшая чием, и снова крутой спуск в ущелье. Налево виднеются снежные вершины хребта Улахола, впереди и справа громоздятся горы урочища Кульджи. Старые могилы из каменьев, расположенных кругами, встречаются на каждом шагу»[2]. В саду при доме иссык-кульского уездного начальника в г. Караколе (Пржевальск) находится каменная баба, вывезенная из ущелья р. Кызыл-су[3].

Обращаясь к изложению сведений о курганах и могильных памятниках в других, кроме Иссык-Куля, местностях западного Тяньшаня и Семиречья, я думаю, что, между прочим, не лишены интереса следующие строки рукописного «Краткого описания Семиреченского края, составленного во время следования экспедиционного отряда за р.Или, генер. штаба шт. капитаном Померанцевым, в 1851 году»: «Глина может быть добываема всюду, особенно по р. Или, и должна быть хорошего свойства, ибо по берегам этой реки к озеру Балхашу есть несколько памятников, построенных из кирпича монголами (как видно по надписям); кирпич крепостью подобен камню и цвета темно-коричневого». Это сведение взято, конечно, из расспросов местных кочевников, и пока существование упомянутых в нем памятников на р. Или не подтвердилось.

В 1862 году В.В.Радлов вскрыл два кургана в 3 верстах на юг от бывшего Терсакканского пикета (между казачьим выселком Коксуйским и почтовой станцией Алтын-

[1] «Известия И. русского географического общества», 1885 года, стр. 172 и 173. По-видимому, к тем же двум иссык-кульским каменным бабам, описание и рисунки которых дал г. Иванов, относятся следующие из неизвестных источников сведения г. Ядринцева: «Находятся две особенно большие бабы на ур. Курменты, близ монастыря; человек 11 едва могли поворотить бабу только на бок или поставить ее, до того они тяжелы... Обе поясные... Мужчина держит обеими руками чашу, женщина - цветок; у пояса мужчины виден рисунок ножа, у женщины заметно на шее ожерелье («Туркестанские ведомости», 1885 года, №9, из «Вост. обозр.», № 3).

[2] Проф. Сорокина «Путешествие по русскому Тяньшаню в 1884 г.» в «Известиях р. географического общества», 1885 года, стр. 121. По другой статье того же автора («Исторический вестник», 1886 г., июнь, стр. 637), в виду Улахола, на каждом шагу попадались древние могилы, состоящие из небольшой насыпи, на которой были расположены камни в виде круга; в центре подымались один или несколько более крупных гранитных обломков».

[3] «Восточное обозрение», 1886 года, № 50.

эмельской), но они оказались уже разоренными в прежнее время; долина р. Терс-аккана усеяна огромными насыпями, из которых значительнейшие имеют до 6 сажен в вышину и 18-20 саж. в диаметре, но все они носят следы прежних раскопок. Столь же неудачны были поиски в одном из многочисленных курганов, лежащих по обеим сторонам реки Каркары (системы Нарына). Под грудой камней, которыми наполнена была насыпь этого кургана и находившаяся под нею гробница, открыты только части двух верблюжьих скелетов, лошадиного остова, оленьего рога, обломки железа, угли и зола. При раскопке кургана в 5 верстах от укрепления Верного, найден в насыпи остов человека, обращенного головою на север и, очевидно, схороненного здесь в позднейшее время, потому что могила, находящаяся под насыпью, в материке, оказалась расхищенною. Из 22 курганов, исследованных в окрестностях Копала, только один, весьма незначительный, оказался не разоренным. Открытая под ним гробница обложена была двойным рядом камней; остов в ней лежал головой на северо-восток, со скрещенными руками и согнутыми коленями. Вещей, впрочем, при нем не найдено. Во всех остальных гробницах остовы лежали разрозненными частями, среди камней, наполнявших могилы. При этом в одной детской гробнице отыскано уцелевшее от прежних поисков изображение четвероногого животного, кажется зайца, из листового золота; судя по пробитым в нем по краям дырочкам, оно, вероятно, служило украшением одежды погребенного; в другой могиле найдена точеная агатовая буса. Сверх того во всех копальских курганах встречались овечьи спинные позвонки. Раскопка 14 курганов близ Сергиополя показала, что даже самые незначительные могилы не уцелели от прежних расхищений. Гробницы в них, сложенные из больших тесанных камней, находились в материке и заключали в себе одни разбросанные остатки человеческих и овечьих костей. Только в двух могилах найдены еще черепки от глиняных горшков весьма грубой работы»[1].

Н.А.Северцова в 1867 году, на Большом Нарыне, у впадения р. Курмекты, близ верхнего предела можжевельника «удивил, на этой высоте (выше 10 т. футов), древний памятник, вытесанный из цельного камня четырехугольный каменный столб, кончающийся кверху грубым подобием человеческой головы, вроде так называемых в Новороссии каменных баб»[2].

Летом 1869 года В.В.Радлов «в Чуйской долине, близ Токмака, прожил почти месяц в юртах кара-киргизов, у племен сарыбагыш и солто и занимался собиранием лингвистических материалов». «Я занимался, - говорит он далее, - по поручению И. археологической комиссии, и раскопкою курганов, но, к сожалению, без успеха. Нелегко было жить в этих болотистых местах, наполненных вредными миазмами. Товарищ мой захворал горячкой, и я должен был его отправить в токмакский госпиталь». В.В.Радлов поехал затем на Иссык-Куль, вскрыл несколько курганов на Кошкаре, в 10 верстах от озера, как выше упомянуто, и затем направился к только начав-

[1] «Отчет И. археологической комиссии за 1862 год», Спб., 1863 года, стр. XX-XXII.
[2] «Путешествия по Туркестанскому краю», стр. 203.

шему строиться городу Караколу, но заболел болотной лихорадкой, полученной, конечно, на Чу, и вынужден был, после некоторого облегчения болезни, предпринять обратный путь в Барнаул[1]. О произведенных г.Радловым в 1869 году раскопках, в «Отчете И. археологической комиссии за 1869 год», помещено следующее: в долине р. Или, вблизи развалин солонского городка Тургень, «тянутся огромные ряды больших и малых курганов по долине, идущей на юго-восток от горы Долон-кара. По наружному виду они большей частью совершенно целы, но при раскопке нескольких курганов маленьких и средней величины оказалось, что они уже были разрыты в прежнее время и заключали в себе только разбросанные человеческие кости и обломки простых глиняных сосудов; в одной могиле, кроме того, найдены куски железного меча. Такое сплошное расхищение могил г.Радлов объясняет близостью солонских городов: по рассказам одного старика солонца, в прежние времена сюда приезжали китайцы и чемпаны из Кульджи и занимались здесь раскопкою древних могил в северных горах». «В Чуйской долине, в 30 верстах к западу от г.Токмака, близ большой калмыцкой крепости Тёрткуль, также разбросано бесчисленное множество круглых земляных насыпей, между которыми видны следы давнишних жилищ, заставляющие думать, что тут некогда находился довольно значительный город. Из этих холмов особенно выдается большой острый курган, вышиною не менее 9 сажен, лежащий в 300 шагах к з. от Тёрткуля и окруженный четырьмя меньшими курганами. Хотя г. Радлов не сомневается в целости этой насыпи, но огромные ее размеры не позволили ему заняться раскопкою ее. Двенадцать же других маленьких курганов, разрытых г.Радловым в этой местности, оказались разграбленными, несмотря на очень правильную наружную их форму. В некоторых из них стенки могильных ям были обложены сырцовым кирпичом. К югу от означенного большого кургана лежит плоское возвышение, на котором находится до 15 маленьких насыпей от 1 арш. до 1 саж. вышины. Из десяти курганов, разрытых тут г. Радловым, только два не были тронуты в прежнее время: в первом найдены два человеческих остова один под другим, отделенные лишь тонким слоем земли, но без всяких вещей; во втором находились скелет взрослого человека, с глиняной кружкой с правой стороны, и кости ребенка. Верстах в семи от Тёрткуля, у притока реки Чу, на широкой равнине, лежат до 80 бугров, с плоскою верхушкою. Раскопав пять из этих бугров и не открыв в них никаких признаков могил, г. Радлов пришел к тому заключению, что эти возвышения не могильные насыпи, а, по всей вероятности, места жертвоприношений, как позволяют думать найденные в них глиняные плошки»[2].

В протоколах казанского археологического съезда значится, что на съезде было прочитано сообщение г, Терентьева «О развалинах крепости Турткуль в Токмакском уезде», и что «из этого сообщения видно, что следы укрепления заметны, но при раскопках найдено немного вещей и почти ничего замечательного, кроме разве глиняного

[1] «Новейшие геогр. известия из Средней Азии», Спб., 1870 г., стр.11, а также Aus Sibirien, B.I, pp. 120,121.
[2] «Отчет И. археологической комиссии за 1869 год», Спб., 1871 года, стр. XVIII и XIX.

кувшина с истлевшими костями»[1]. Эти развалины находятся между почтовыми станциями Сукулукской и Аксуйской, в 7 верстах от первой, к северу от почтовой дороги; при раскопке найдена медная труба длиною 10% дюймов и в диаметре 7 дюймов; эта трубка отослана в съезд[2], но в протоколах съезда не упоминается.

При раскопке кургана нар. Кегеты, в 20 верстах от Токмака, найдены два железных кольца, медная чашечка и круглая бронзовая (или медная) пластинка с каким-то изображением или знаком. Вещи эти отосланы к туркестанскому генерал-губернатору для казанского археологического съезда 1877 года[3], но в протоколах съезда о них не упоминается; они попали в ташкентский музей, так как в № 27 «Туркестанских ведомостей» значатся поступившими в этот музей медная чашка, два железных кольца и медная пластинка. В 1886 году, в ущелье этой самой реки Кегеты («Кагаты, в Александровском хребте», близ Токмака) найдено доктором Поярковым 8 каменных баб, из которых две находились уже у крестьянина селения Малый Токмак Кирьянова. Большая часть этих баб были зарыты в землю по шею и более и обращены на восток. Близ некоторых попадались и курганы[4].

Петцольдт, в книге о своем путешествии в Туркестан в 1871 году[5], поместил рисунки и описание двух каменных баб, которые видел он на почтовой станции Таргап (четвертая по пути из Пишпека в Верный). Они вывезены были на станцию из предгорий. Обе из гранита, имеющегося в окрестных горах. Из них одна изображает мужчину, другая женщину. Первая вышиною в 3 фута 3 дюйма, вторая в 1 фут 8 дюймов; у последней нет нижней части тела. Обе держат в руках сосуды; кувшин у мужчины совершенно сходен с употребляющимися теперь у местного населения обожженными глиняными сосудами для молока. Конечно, под местным населением путешественник разумеет крестьян и казаков ближайших русских поселений, потому что настоящее местное население, киргиз-казаки Большой орды, не употребляют глиняных сосудов, которые трудно уберечь при перекочевках от поломки.

Уйфальви видел в ташкентском музее «трахитового идола, найденного близ озера Иссык-Куля, вероятно, калмыцкого происхождения». Эта каменная баба ничем не напоминает «идола из известняка, находящегося на Алтын-эмеле»; последнего он видел на алтын-эмельской почтовой станции; «это мужчина, с поджатыми ногами, держащий в правой руке голубя; работа грубая, вообще калмыцкого происхождения»; на Алтын-эмеле в горах было две каменных бабы, но генерал Колпаковский велел одну перевезти в Верный[6].

---

[1] «Труды четвертого археологического съезда в Казани», том I, 1884 года, СТр.LXIV.
[2] «Туркестанские ведомости», 1879 года, №43.
[3] Там же.
[4] «Записки восточного отделения И. русского археологического общества», том I, Спб., 1887 года, стр. 120.
[5] Umschou im Russischen Turkestan (im Jubre 1871) nebst einer algemeiner Schtilderung. des Turkestan Beckons, von Alexander Petzholdt, Leipzig, 1877, ss.34, 35.
[6] Expedition scientifique fronquise en Russia, en Siberie et dons be Turkestan, par Ch.E. de Uijfalvy de Mezo-Kovesd, vol.II, 1879, pp.108, 139. К этому тому приложен рисунок калмыцкого идола.

На четвертом археологическом съезде в Казани, в 1877 году, была прочитана записка доктора Регеля «О некоторых достопримечательностях Кульджинского района», которые в «Трудах» съезда не напечатаны, но из протоколов видно, что в ней упоминалось между прочим о курганах[1].

В протоколах того же съезда говорится[2] о сообщении «О древних памятниках, сохранившихся в Верненеком уезде», доставленном от туркестанского генерал-губернатора, но оно тоже не напечатано. Памятники разделены в этом сообщении на четыре категории: «1) бугры и надписи вдоль течения реки; большая часть имеет вид низких конусов тупыми округленными вершинами, другие же сохранили в себе вид круглой башенной постройки со рвом снаружи и углублением внутри; 2) курганы, называемые народом мык, по узбекскому выговору муг, мог, может быть моголы; 3) сан - или юган-таши — груды камней; 4) калмак-уй, представляющее собой целые линии или группы камней; 5) остатки древних крепостей, называемых туземцами курганами; они состоят из прямоугольников разной величины; на некоторых еще заметны следы бывших башен, валов и рвов»[3].

Относительно мугов можно иметь в виду, что, по словам Шангина, киргиз-казаки Средней орды почитают древние могилы «остатками после народа, до пришествия монголов здесь обитавшего, который известен им из преданий под именем мык, но ни о происхождении сих мыков, ни о переселении их или о порабощении каким-либо народом, ни о последовавшей от сего перемене названия, ничего они не знают. Кажется, что сей народ есть тот же самый, который населял некогда обширное пространство земли между Иртышом, Обью и Енисеем и который называется чудью»[4]. По преданиям аулиеатинских кара-киргизов, мугами назывались самые рьяные (?) и трудолюбивые из калмыков, вытесненных 300 лет тому назад из аулиеатинских гор кара-киргизами[5]. С другой стороны, по преданиям оседлого населения Ферганы, во время прихода арабов, в горах, окружающих долину Ферганы, обитали муги, которым и приписываются развалины древних крепостей у подножия гор. Г. Наливкин полагает, что под именем мугов, которые в некоторых местных преданиях изображаются полуптицами и полулюдьми, следует разуметь калмыков, но доказательств не дает. Он считает несомненным, что слово муг перешло сюда от арабов и отнюдь не представляет действительного собственного имени какой-либо народности[6]. По Н.И.Веселовскому, производившему в 1885 году археологические изыскания в Фергане, «о мук'ах у жителей сохранились очень темные предания, существенную часть

[1] «Труды четвертого археологического съезда в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года», т. 1, Казань, 1884 года, стр. XLIV.
[2] Там же, Стр.CVIII.
[3] «Труды четвертого арх. съезда», т.1, стр.CVIII.
[4] «Извлечение из описания экспедиции, бывшей в киргизской степи в 1816 году» в «Сибирском вестнике», 1820 года, часть 9, стр.13.
[5] «Труды сыр-дарьинского обл. статист, комитета», том I, 1888 г., Ташкент, стр. 1-9. Там же приводится, по сообщениям местного уездного начальника, что около Мерке есть холм Симтюбе, где найдено каменное изображение человека (каменная баба?), и что недалеко от р. Таласа, на ур. Симташ, находится Симташ-камень, вкопанный в каменистую почву.
[6] «Краткая история Кокандского ханства», Казань, 1886 года, стр.7.

которых представляют окаменелые раковины (грифеи), находимые там в большом количестве. По рассказам туземцев, эти раковины, ни что иное, как ногти муков (муктернак). Муки же должны были ворочать камни и пр.[1] Такой рассказ естественно мог сложиться вследствие особого устройства могил, приписываемых мукам, из очень массивных каменных глыб, требовавших умения в обращении с ними. Построение этих могил следующее: в грунте, на склоне гор, выкапывалась яма и облицовывалась огромными, стоймя поставленными камнями, отполированными внутри, причем поверхность отполированной части доходила приблизительно до квадратного аршина. Чаще всего яма, по укладке камней, имела четырехугольную форму. Длина и ширина около сажени, глубина - 1 арш. С каждой стороны ставилось по три камня. В других случаях форма продолговатая (с двух сторон положено не 3, а только 2 камня); есть и многоугольные могилы. Кроме одного камня, представляющего как будто дверь, все остальные скреплены между собою цементом из земли с песком... По наружному устройству могилы эти напоминают дольмены тем, главным образом, что камни, которыми выложены могилы, выступают наружу; только сверху они не покрыты одним большим камнем, а вместо того на них насыпан небольшой холм из мелких камней »... Эти древние могилы «называются туземцами вообще курмами (т.е. россыпями камней), в частности же мук-ханэ (дом муков) или карахатай-ханэ (дом кара-китайцев). Из сотни курумов, осмотренных г. Веселовским около кишлаков Ашту, Пунука, Чодака и Касана, нашлось не более пяти могил, не тронутых жителями, которые искали в них кладов. При раскопках найдены в курумах сильно сгнившие кости, рассыпавшиеся при прикосновении, черепа, глиняные горшки, точилки с дырочками для привески, железные ножи и обломки, железная пряжка от узды, бусы сердоликовые и лапис-лазуревые, металлические зеркала, бронзовые инструменты наподобие уховертки и зубочистки, медные колечки, медный наконечник копья, медная бляха в виде китайской монеты, небольшое металлическое блюдо, витое колечко из медной проволоки, две золотые пластинки, может быть от колчана, глиняные шарики и пр.[2]

---

[1] О муках и гальфах местных народных сказаний Д.Л.Иванов («Известия р. геогр. общества», 1885 года, стр. 169) говорит, что муку приписывают обыкновенно сооружения земледельческие и считают его необыкновенно трудолюбивым, наделивши его замечательными когтями (мук-тернак - огромные раковины Griphea Kanferannii). Гальфы же скорее отличаются воинственными наклонностями, они по преимуществу завоеватели. Здесь как бы видится разница воззрений таджика- земледельца и узбека-воина».

[2] «Отчет И. археологической комиссии за 1882 - 1888 гг.», Спб., 1891 г., стр. LXV-LXIX. По народному преданию, приводимому Ю.Д.Южаковым («Наши приобретения в Средней Азии» в «Отечественных записках», 1867 г., том 171, стр. 587) и слышанному им, вероятно, в Ура-тюбе, «Ура-тепе построен за 1 т. лет тому назад царем Кахкага, народа Мог, пришедшего в это время с севера, откуда-то из-за Урала. Что это за народ - предание не объясняет; оно говорит только, что Туркестан был в это время столицею калмаков, что царю их могекий царь Кахкага приходился сватом, женившим своего сына на его дочери, что по приглашению его он перекочевал из-за Урала, где его теснил другой народ, должно быть русский, т.е. славяне, что соседями его были болгаре. Вытеснив кочевников (каких - предание тоже не знает), он занял этот край, подчинил себе таджиков и построил город и крепость, которая и теперь называется именем того народа Мог. Чрез двести лет пришли арабы, прогнали народ Мог, а остальное население - таджиков - обратили в мусульманство и возвратились обратно. Затем чингиз-хановы орды заняли этот край». Конечно, трудно различить - что в этом сказании принадлежит рассказчику неизвестной народности, переводчику и самому г. Южакову, но, по-видимому, если прибавить к тысяче лет два столетия, калмаками названы в нем тукиюэсцы, имя же мог, конечно, неправильно придано какому-нибудь тюркскому роду, овладевшему древней Суйдуйшаной или Осрушней. Упоминаются муги и в другом предании, сообщаемом тем же г. Южаковым («Сарты» в «Отечеств, записках», 1867 г., том 173, июль и

У совершавшего в 1876-1880 гг. поездки по Тяньшаню от Ташкента до Урумчи и Турфана, с ботаническими целями, доктора А. Регеля встречаются следующие сведения и замечания[1]: усмотренные во время поездки 1876 года, на верхнем Чаткале, «заброшенные четырехугольники стен, оросительные каналы и пр. указывают на прежнюю культуру, которую приписывают (местные кара-киргизы) золотопромывателям из калмыков, прогнанных за столетие назад каратаускими киргизами» (с. 379). Направление пути по крутому спуску с перевала Кызыл-бель к Ашпаре (Aismara) указывали путешественнику (с.321) «монгольские каменные изображения (Steinmoler)». «В долине Джиль-Каркары находится много кругообразных насыпных (ringwallformige) курганов, которые считают могильными холмами. Но все раскопки (чьи, напр.?) не дали никаких результатов, и они мне кажутся частью городищами какого- нибудь, вероятно индо-германского, племени, на что указывает употребление сартами слова курган для означения крепости» (с.383). Описывая поездку в бассейн Текеса в 1878 году, г.Регель говорит, что «на восточном склоне Атнын-тау находятся развалины города, который киргизы называют Ак-курган или Ак-бурхан. Здесь должна была быть резиденция монгольских ханов, а потому мне кажется, что эти развалины происходят из времени джунгарского владычества, по крайней мере они не имеют никакого сходства с развалинами большого города к востоку от Хоргоса, где есть остатки строений из такого же кирпича, из какого сложена хорошо сохранившаяся могильная мечеть хоргосского Мазара, воздвигнутая в стиле сооружения Самарканда и Туркестана и существующая, по преданиям, 580 лет. Процветание мусульманской культуры во время монгольского владычества в Кульдже еще весьма мало известно. Памятники на Иссык-Куле имеют совершенно другой характер, чем каменные же памятники на истоках Борохудзира, на тамошних курганах, где возле изображений лиц есть тибетские надписи (с.411): находящийся на левом берегу Бороталы близ Ташкупрюка искусственный холм «имеет форму ступенчатой пирамиды со спиральным подъемом и растет даже и в настоящее время, ибо каждый проезжий монгол кладет камень или кусочек дерева на эту жертвенную гору, называемую такелган. Древность ее уходит за джунгарское время. На одном холме по близости городища на ручье Кустай (тоже на Боротале) заметил я подобный спиральный подъем из булыжника и на вершине подобный же постоянно растущий жертвенник. Большой же такелган находится вблизи Тогуз-тарау, при слиянии Текеса и Кунгеса. Эти молитвенные горы объясняют происхождение части курганов, тогда как другая часть курганов, видимо, составляла укрепления. Маленькие курганы, которые обыкновенно образуют полукруг около большого, а также некоторые отдельно стоящие большие курганы могли быть могилами, находящиеся же поблизости рек и пахотных полей могут быть остатками жилищ. В городищах встречаются остатки

август, стр. 398 и 399), по которому «сарты происходят от джугуттов (евреев), персов и какого-то народа мог, который совсем исчез». Так как по языку и типу сарты суть отуреченные восточные иранцы, то мог и тут оказываются тюрками. Рубук (<...> 1729, pp. 58, 59) помещал «народы по имени мюк (Mut) за «лангами и солангами»; если соланги суть солоны, то мюки соответствуют народу ме-хэ китайских историков.

[1]Beison in Central Asien, 1876-1879, von dr.A.Regel, <...>.

глиняных построек. Наконец, замечательны еще кольца и четырехугольники из камней, в середине которых стоят камни, изображающие мужчин или женщин, или находится крест из камней. По Кушакевичу, встречаются они тоже и на Памире. При лагере торгоутского хана в окрестностях Шихо стоит крест из каменных пирамид, означающий, вероятно, страны света; здесь утром и вечером совершается буддийское богослужение. Каменные кучи на горных вершинах, в которых поставлены шесты с лошадиными волосами, тоже имеют религиозное значение. На Тогуз-тарау и на Каркаре монголы и киргизы поклоняются деревьям. Сарты тоже считают священными деревья вблизи могил... Труднее всего объяснить значение и происхождение статуй, которые ныне не воздвигаются. Некоторые имеют прямой, немонгольский профиль, другие напротив монгольский с косой и с шишкой на темени, как знаком ханского достоинства...» (с.414).

Профессор Сорокин, во время путешествия 1884 года, заметил, что «на плоских берегах Асы (приток Чилика, образующий высокую долину с прекрасными летовками) часто попадаются большие камни, расположенные в виде правильных простых или концентрических кругов. Это, по рассказам туземцев, - могилы китайцев, прежних владетелей края. В одном месте около такой могилы я нашел покосившуюся каменную бабу с отбитым лицом... Впрочем, современные кочевники воздвигают себе здесь и другого рода памятники (кроме глиняных мазарок), нагромождая над прахом усопших пирамидальные кучи камней. Пирамиды над умершими детьми отличаются меньшими размерами и тем, что на вершину такого каменного кургана ставят колыбель покойного ребенка»[1].

По словам Н.Л.Зеланда, в ущелье р.Иссыгаты, притока Чу, где он производил антропологические измерения кара-киргизов, «есть большой камень с изображением человеческой фигуры, неизвестного происхождения. Этот камень каждый проезжающий киргиз считает нужным помазать салом»[2].

В 1885 году произведены были г.Поярковым раскопки двух больших и двух малых курганов возле башни на р.Буране в Чуйской долине. Раскопки первых, по недостатку средств, были поверхностные и обнаружили только костяки мусульман (судя по положению трупов и отсутствию при них вещей), погребенных, вероятно, никак не ранее несториан, могилы которых имеют такие же своды из сырцового кирпича и относятся, по надписям на надгробных камнях, ко времени между 1249 и 1345 гг. Описание раскопок г. Пояркова будет помещено при изложении сведений о башне на Буране (в главе VIII), а сведения о несторианских могилах включены в главу IX.

---

[1] «Путешествие по русскому Тяньшаню в 1884 году» в «Известиях р. геогр. общества», 1885 года, стр.116. При другой статье того же автора в «Историческом вестнике» 1886 года, июнь, на стр. 647 помещен рисунок «Древние могилы в долине р.Аксу».

[2] «Киргизы, этнологический очерк», в «Записках западно-сибирского отдела р. геогр. общества», книжка 7, выпуск 2, Омск, 1885 г., стр.32.

Наблюдая курганы с почтовой дороги, во время поездки 1886 года, от Семипалатинска до Верного, В.М.Флоринский заметил значительное количество курганов по р. Аягузу, в Копальской долине до р.Каратала, в долине р. Коксу, в долине р. Алтын-эмели и по р. Алматинке до Верного. От Аягуза до станции Абакумовской, т.е. на 200 верстах низменной солонцеватой и песчаной местности, курганов не было[1]. Гораздо более, чем по пути г. Флоринского, насчитал курганов в 1888 году Д.В.Городецкий по почтовому тракту от г. Верного до станции Курдай, затем от Пишпека до станции Карабалты. Он перечисляет также курганы на почтовом тракте от станции Чоктал до ст.Курумду (на северном берегу Иссык-Куля) и от г. Пржевальска до д. Сливкиной, а также по вьючному пути от Санташа до р. Нарынкола и от Кегеня до Каркары[2].

8 июня 1886 года В.М.Флоринский сделал попытку разрыть один из курганов на р. Коксу, невдалеке от почтовой станции Царицынской. «Вышиною этот курган от поверхности земли был 5 аршин, в окружности 48 сажен, диаметр верхней площадки 17 аршин. На верхней площадке имеется большая воронкообразная яма, шириною с юга на север 8 арш., а с в. на з. - 10 арш. Глубина воронки 1½ арш. Вся яма наполнена крупным камнем (круглыми валунами), выдающимися над площадкою в виде плоского бугра. Выбросив, прежде всего эти камни, я распорядился срезать вершину холма до дна воронки. Под этим местом оказался слой чернозема, толщиною от 3 до 4 вершков, с небольшою примесью углей. Здесь же, под воронкой, были найдены расколотые по длине трубчатые кости, по-видимому, лошадиные и коровьи, и в том числе много черепков от разбитой посуды. Подбирая их потом, можно было убедиться, по краям и днищам, что здесь было два больших кувшина из желтой глины с очень толстыми и грубыми стенками... Не имея времени прорезать весь курган сквозной траншеей, я ограничился выемкою в его центре четырехугольного колодца, в 4 квадр. сажени. Работа эта оказалась очень трудною. Более всего ее замедляли камни, уложенные в прослойку с землею по всей толщине кургана... На глубине трех аршин в колодце оказалась, вместо обыкновенного суглинка, легкая масса пепельного цвета, в виде золы. Этот прослоек (тоже с камнями), шириною около аршина, направлялся в восточную сторону. В этом направлении от центрального колодца начата была новая выемка с вершины кургана, так как снизу подрываться было небезопасно по причине

[1] «Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской областей» в «Томских университетских известиях», кн.1, 1889 г., отдел 11, стр. 15-31.

[2] «Некоторые сведения о курганах юго-западной части Семиреченской области» в «Томских университетских известиях», Томск, 1889 г., книга 1, отдел 2 , стр.32—49. На Санташе «груда камней, по рассказам, наваленных воинами Тамерлана,... имеет вид продолговатого каменного кургана, со впадиною внутри; к южной стороне груда эта выше, к Нарынколу ниже; около нее несколько воронкообразных впадин с насыпными высокими бортами, быть может, тоже указывающими на древние могилы, либо служивших для какого-либо жилья; впадина у каждого» (там же, стр. 47). По рукописному описанию съемки Иссык-куля и бассейна Чарына 1856 года барона Сильверьельма, «проход Санташ представляет плоскость, обставленную с двух сторон горами и имеющую ширины около версты. С гор вытекает множество ключей, которые, орошая проход, образуют незначительные топи. На средине входа в Санташ от этих ключей образовалось озеро; оно к осени иссякает; обильно дичью, преимущественно гусями. За ним, в недельном расстоянии, лежит курган, состоящий из груды булыжника и других мелких каменьев, принесенных, как видно, руками древних здесь обитателей. От этой-то груды камней самый проход и получил название Санташ (по переводу значит миллионы камней). Курган имеет фигуру эллипсиса, длина его 23, ширина 20 сажен, высота 1½ саж.»

вываливающихся камней. В пепельном слое найдено было с десяток углей и больше ничего. В течение дня, при десяти рабочих, удалось углубить центральный колодезь и боковую траншею до 5 аршин, т.е. до самой почвы, но при этом не найдено никаких следов, указывающих на близость могилы. Основание кургана было выложено сплошным слоем камня, под которым оказался плотный грунт из крупного каменного щебня, перемешанного с глиной и песком, как и на всей верхней террасе (долины р. Коксу)». Дождь и недостаток времени не дозволили г. Флоринскому продолжать раскопку на следующий день[1].

В 1889 году А.М.Фетисовым был раскопан курган Ак-тепе в Чуйской долине, «в 13 верстах на север от г. Пишпека, по почтовому тракту в г. Верный (через Курдай), и верстах в 3 на з. от р. Чу. На восток от кургана расположено городище, где заметны остатки крепости. По другую сторон р. Чу, т.е. за правым ее берегом, от кургана приблизительно верстах 4-х к в., на скалах иссечены грубые изображения диких козлов. Затем недалеко от кургана Ак-тепе находятся еще 5 курганов, одинаковой с ним наружности, но различных величин. Исследованный курган представляет форму неправильного конуса с усеченною вершиною. Южная сторона его гораздо положе и длиннее северной; вышина по отвесу 13 аршин. Весь курган выложен или скорее вылеплен из тестообразной глины, которая постепенно высыхая, превратилась в сплошную плотную твердую массу. В этой твердой насыпи, около центра кургана, на глубине 4½ аршин от вершины его, оказалась полость цилиндрообразной формы, с куполовидным верхом, имевшая в диаметре 8 арш. 10 вершков, вышиною 9 арш. 3 верш. Из центра купола было выведено круглое отверстие, наподобие трубы или отдушины, имевшее в диаметре не более 6 вершков. Отверстие это в вертикальном направлении выходило на вершину кургана и сообщалось с наружным светом и воздухом. От цилиндра полости, а именно от северо-восточного сегмента, шла к востоку выходная подземная галерея, имевшая в ширину 1 арш. 14 в. Вышиною она была, вероятно, аршина в 3-3½; точно это теперь определить трудно, так как, по всему вероятию, во время землетрясения, бывшего в Чуйской долине в 1885 году, верх галереи, т.е. глиняный свод, по всей длине разрушился и завалил ее глыбами земли; с левой стороны галереи, в цилиндрической полости кургана, выдолблена небольшая ниша. На дне полости обнаружена вырытая в материке круглая яма, меньшей ширины, чем полость, вершков на 12, глубиною в 6 арш.; всего же от дна ямы до купола 15 арш. 3 в. При очистке этой ямы сначала выкапывалась земля, смешанная с золою и мелкими деревянными углями; затем оказались еще два слоя золы, отделенные один от другого слоем мягкой земли; далее вглубь мягкая земля была смешана с мелкими кусочками гнилого дерева. В этом последнем слое найдены один спинной и два поясничных позвонка, кусок лобной кости с частью глазной впадины, кусочек ребра и часть тазовой кости. Кости эти, сильно истлевшие, встретились в разных местах ямы и на различной глубине. В самой полости кургана, очевидно, разводился сильный огонь, от которого стены ее внизу накалились до такой степени, что обожженная глина приняла красный цвет;

[1] «Томские унив. известия», кн.1, отд. 2, стр. 26 и 27.

кроме того, красный цвет сохраняют и поверхности слоев глины, на которых лежали слои золы. В золе не находилось ни обожженных костей, ни каких- либо других признаков, по которым можно было бы сказать, что здесь происходило трупосожжение. Между кладкою кургана и поверхностью грунта, на котором лежит основание кургана, находится тонкий слой совершенно истлевшего камыша, превратившегося в золообразную массу, но хорошо сохранившего форму листьев этого растения»[1].

В 1889 году вскрыты Н.Н.Пантусовым три кургана около г. Верного. Два из них находились на правом берегу речки Весновки, к ю.-з. от городских кладбищ. Местность г.Верного и его окрестности вообще обилуют курганами, которые «тянутся более или менее прямыми линиями с юга на север, от гор в степь, по течению рек Большой и Малой Алматинок, протоков и притоков их и других маленьких речек. Окружность одного из раскопанных курганов в 75 сажен, вышиною он 4 аршина 5 вершков. На вершине кургана площадка и углубление. В западной части курганной насыпи найдены бараньи кости, вероятно, остатки тризны; на поверхности материка встречались остатки битых горшков; попадаются такие черепки и выше, в насыпи кургана. Грунт земли глинистый с раковинами. В самом материке была вырыта могильная яма в 5 арш. 11 в. длины, 5 а. 5 в. ширины и 1 а. 9 в. глубины; по окраинам ее лежали колобки, ряда 2-3, и толстые бревна по направлению с севера на юг; бревна, как видно по остаткам их, положены были только в один слой. Заливки не было ни в этих колобковых стенах, ни сверху бревенчатой крыши. В северо-западном углу могильной ямы, на 1/4 аршина от дна ее, обнаружены сильно истлевшие и разбросанные кости человеческие и рогатой скотины, зола и обрывки тонких металлических листков. На дне могильной ямы местами попадались тонкие слои золы. В северной половине кургана обнаружена выемка, соединяющаяся с грабительской миной, идущей на север. Последняя была завалена до половины ее высоты галькою, а выше - рыхлой землей. С восточной стороны тоже обнаружена мина, которая была ограничена в глубине галькой. Вещей никаких нигде не обнаружено. Второй курган имел в окружности основания 32 саж. и вышину в 4 арш. 10-9 вершков. На вершине кургана площадка и едва заметная осадина. В западной части кургана, на расстоянии 4 арш. 6 в. от центра и на глубине 2 арш. 3 в. от верхушки, найдены черепки глиняной посуды и кусочки углей. В центре кургана, на глубине 1 аршин 8 в. от поверхности кургана, обнаружились гальки мелкой и средней величины. С западной стороны около этой кучи, несколько ниже ее, попадались гнилушки дерева и куски углей. С той же западной стороны, на глубине 2 арш. 9 вершков от поверхности кургана и на расстоянии 5 аршин 4 в. от центра его, найдены бараньи ножные кости. Почти в центре кургана, на глубине 3 аршин 9 в. от вышины, обнаружился снова слой гальки, а несколько глубже - большие куски сгнившего дерева, вероятно остатки склепа над могилой. Судя по слоям дерева, брусья были положены с севера на юг. Местами около гнилушек дерева попадалась зола. На юго-востоке от этого склепа, выше его на пол-аршина, найдена половина

[1] «Отчет И. археол. комиссии за 1889 год», Спб., 1891, стр. 75-77.

глиняного горшка и кости рогатого животного. Раскопка обнаружила, что могильный склеп устроен был в материке следующим образом: вырыта входная яма в грунте, шириною от севера на юг в 5 аршин 6 в., длиною от востока к западу в 5 аршин 12 в., глубиною в 1 аршин 8 в. В могильной яме находились две выемки, как бы для очагов, служившие, по мнению г. Пантусова, поддувалами для сожжения трупа, который положен был на них. Что труп сожжен, это, по его убеждению, доказывается углями и золой, найденными в выемках вместе с гнилушками дерева и камнями. На дне глина была красная, обожженная сильным огнем. Над могильной ямой устроена была покрышка из камней и древесных брусьев в прослойку; пространство пустое заливалось раствором глины. Слой камня с деревом в 9 вершков толщины. По камням могильной ямы возведены были (на фундаменте из гальки, в западной части, и на фундаменте из грунта в остальных частях) колобковые стены, залитые глиняным раствором. Вещей никаких не найдено. На севере и юго-востоке от этих выемок обнаружены две мины или коридора. Северная мина была наполнена рыхлой землею, среди которой встретилось несколько кусков истлевших костей и кусочек металлической пластинки, а юго-восточная - завалена в конце крупным валуном в несколько слоев. Третий раскопанный г. Пантусовым курган лежит в 5 верстах на запад от г. Верного, между Большой Алматинкой и притоком ее Карасу, у самой почтовой дороги из г. Верного в Ташкент. И в этой местности количество курганов весьма значительно. В окружности основания курган имел 102 сажени, вышина 8 аршин 9 вершков. На вершине находилась круглая площадка, на середине которой было возвышение, оказавшееся при раскопке остатком киргизского надгробного памятника, сделанного из мелких валунов и земли. На южном склоне кургана, на середине и у подножия, два небольших кургана как бы прилепились к основанию большого кургана. Раскопка начата с западной стороны траншеей в сажень ширины. У основания найдены крупные валуны, которыми обложен низ кургана; они продолжаются от основания его к верху курганной насыпи, в один ряд, на глубине 1 аршина от поверхности кургана. У северного разреза траншеи вверху, на глубине двух аршин от поверхности площадки, обнаружен костяк, лежавший головою на северо-запад и ногами на юго-восток; он покрыт был сверху истлевшими досками или бревнами. На площадке стали попадаться костяки, вероятно киргизов, погребающих своих родичей обыкновенно у дорог на возвышенностях. К западу от центра площадки, на глубине 2 арш., лежали два костяка, каждый в могильной яме, головою на север, ногами на юг, лицом на запад. Правая рука была вытянута под ребром, левая вдоль туловища, кисть свешивалась на живот. Обе могилы были заделаны большими сырцовыми кирпичами. Сверху этой могилы и с боков были положены валуны и земля. Почти в центре кургана, на глубине 2 арш. 10 вершков от поверхности площадки, лежали опять два костяка, весьма близко один к другому, а над ними, на глубине 2 аршин от вершины кургана, еще один костяк. Положение всех трех костяков одинаково с прочими, т.е. голова на север, ноги на юг, лицом к западу. Один труп был, по-видимому, положен в гроб, ибо около него, сверху и с боков, попадались гнилушки дерева с железными скобами и гвоздями; другой труп лежал в земле, заложенный крупным сырцовым кирпичом. Сверху могилы были

прикрыты слоями гальки. Далее по траншейному разрезу обнаружились снова два костяка, лежавшие в таком же положении, как вышеописанные; один на глубине 2 арш. 13 в. от вершины кургана, другой на глубине 2 аршина 7 в. Могилы были обложены крупными сырцовыми кирпичами. В северо-восточной части площадки, недалеко от центра кургана, на глубине 1 аршин 3 в. найдены две половинки чугунного котла калмыцкого, по уверению туземцев, типа. Затем, на глубине от 1 арш. 10 в. до 2 аршин с лишком, лежали рассеянно костяки, довольно истлевшие. На протяжении раскопанной северной половины площадки найдено всего 13 костяков. Из них только один покоился на боку с северо-запада на юго-восток лицом на юго-запад, все же остальные лежали в направлении с севера на юг, причем лица были обращены на запад. Кроме того, один был обложен сырцовым кирпичом. Ниже поверхности почвы от 1 арш. 4 в., следовательно, от вершины кургана на глубине 9 аршин 13 в., обнаружились только тонкие прослойки сгнившей растительности, имевшие дугообразное направление с севера на юг, с крутым наклоном к центру»[1].

В 1890 году тот же Н.Н.Пантусов исследовал курганы на ур.Кызыл-агач, к северо-западу от г.Копала. Один из пяти раскопанных курганов имел до 42 сажен в окружности и 3Уз аршина вышины. Наверху было небольшое углубление. В центре положены были камни, привезенные из соседних гор; местами попадались только куски плитняка, кости животных, черепки посуды, куски стекла; следов погребения не оказалось. В другом кургане на глубине 1 аршина найдены ребра и мелкие ручные кости человека; под ними зола с углями; на глубине 2 аршин оказался скелет, обращенный головою на восток, без всяких вещей. В третьем кургане, который имел 4½ аршина вышины, на глубине 2 аршина лежал человеческий костяк, прикрытый таловыми жердями, вероятно останки киргиза, ибо положение покойника такое, какое практикуется при погребении мусульман. На пространстве между ущельями Кызыл-агач и Аманджол, в долинной части ур. Кызыл-агач, расположено семь параллельных рядов насыпных курганов. В одном кургане, сложенном из плитнякового камня порфировой породы, привезенного, вероятно, из ближайшего ущелья за 2-3 версты, вышиною 2 сажени, на глубине 1½ сажен, встретились куски разбитой корчаги и разбросанные кости черепа, под которым были наслоения золы и закопченных камней, перемешанных с золою костями лошади. Сверху до означенной глубины шли слои золы; видимо, здесь раскладывалось огневищ 5-6. В ущельях, идущих от р.Кызыл-агача, встречаются на скалах грубые изображения людей, лошадей, маралов, козлов, стрелков из луков. Изображения эти насечены на плитняках порфировых и графитовых пород, которые с течением времени отслаиваются и разрушаются, так что лет через 10-20 все фигуры вероятно уничтожатся. На вершинах гор Байкулак, лежащих на восток от р. Кызыл-агач, встречаются также много камней с изображениями. Там же сложены массы плитняка (обо). На одной из вершин, несколько лет тому назад, раскопан был киргизами могильный холмик и в нем найдены были угли, кости и медная монета. Встречаются

[1] «Отчет И. археологической комиссии за 1889 год», Спб., 1891 г., стр.77-80.

изображения на скалах в ущельях Карыпче, Куймалы и особенно много на ур.Тамгалы-тас[1].

В Аулиеатинском уезде, весною 1889 года, киргизы, с целью отыскания ценных вещей, произвели раскопки курганов, во-первых, в 60 верстах от г. Аулиеата, на ур.Унгерлисай, в горах Куюк, по левому берегу р. Терс и, во-вторых, на южном склоне Малого Бурула, в 8 верстах к северу от Аулиеата. Из выкопанных на Унгерлиса вещей уездное начальство успело отобрать у киргиз пять бронзовых восточных орнаментированных зеркал, из которых одно заслуживает особого внимания по изображенной на нем охотничьей сцене, напоминающей сассанидские изображения подобного рода, серебряный сосуд, золотую пряжку, пять серебряных и золотых пластинок от наборного пояса, одну серебряную и одну медную монету и девятнадцать зерен жемчуга. Вещи эти теперь находятся в И. Эрмитаже и частью в ташкентском музее. Упомянутое зеркало найдено было, по расспросам, на грудных человеческих костях и было обернуто в толстый слой материи, имевшей признаки шелковой ткани, которая, при прикосновении к ней, обратилась в пыль. Труп, лежавший в направлении с севера на юг, был обложен плитовым камнем; в могиле встречались также кости животных. Серебряный сосуд найден в другой могиле, а золотой прибор от пояса отыскан в кургане на Малом Буруле[2].

По описанию Е.Ф.Каля, М.Бурул представляет из себя небольшое горное возвышение в 2-3 т.ф. вышины и обнимает площадь приблизительно в 15 кв. верст. Южная сторона М.Бурула, на которой сделаны находки, имеет в длину около 4 верст. В древности она служила, очевидно, местом погребения, так как по всей ее поверхности разбросано множество могил. Могилы эти почти сливаются с окружающей поверхностью земли и приметны только по стоящим близ головы, обращенной на север, большею частью плоским и продолговатым камнем, иногда очень мало выдающимся над уровнем земли. Могил этих очень много, но большинство их вскрыто туземцами без ведома местной администрации. По сведениям, собранным у туземцев, в могилах было найдено много ожерелий и украшений из золота и серебра, древнего оружия, жемчуга и, кроме того, много медных предметов, как-то: конских приборов, поясных блях, зеркал, чаш, блюд и т.п. По трудности раскопок, Каль полагал, что сведения о богатых находках имеют большое вероятие. По словам местного уездного начальника, когда он вытребовал к себе несколько лиц, которые, по слухам, добыли богатые находки из могил, ему удалось получить от них уже сплавленные вещи в виде слитка золота в несколько фунтов весом. По словам киргиз, они точно так же поступали и с серебряными вещами. Купить г. Калю не удалось ни одного предмета. Раскопки его не увенчались успехом: места, указываемые за могилы, оказывались материковой почвой. На юго-восточном крае Бурула, на самой возвышенной точке его, находится квадратная башня из больших неотесанных камней; вышиною она около 5 аршин, стороны длиною

[1] «Отчет И. археологической комиссии за 1890 год», Спб., 1893 г., стр.72 - 74.
[2] «Отчеты» арх. комм, за 1890 г., стр. 74 и 75, и за 1889 г., стр. 93, 94, 124 и 125.

в 9 аршин, толщина стен в 1½-2 аршина. Точно такие же постройки, только меньших размеров, находятся на юго-восточной части Бурула и в некоторых других местах на возвышенных точках[1].

В описании путешествия Чан Чуня, ехавшего здесь в 1221 году, по-видимому, перед Таласом, через который переехал он по каменному мосту, значится: «на западе есть большие насыпи могильные, расположенные, как звезды в Медведице»[2]. По мнению Лерха, тут идет речь о группе холмов, сложенных из местного крупного щебня, находящихся на востоке от Таласа, с правой стороны почтовой дороги из Аулиеата, известных ныне под названием Джеты-тюбе[3]. По Калю, Джеты-тюбе - семь больших курганов, видных издалека, и 12 небольших, в 5-6 верстах на запад от гор Бота-Мойнак-Алиалы (часть Александровского хребта), в 1 версте вправо от нынешней почтовой дороги из Аулиеата в Мерке, на полпути между Аулиеата и станцией Уч-булак, т.е. в 12 примерно верстах от Аулиеата. Все курганы эти круглы, конусообразны, со срезанными верхами, представляющими площадки, слегка вдавленные внутри. Все обнесены круглыми оградами, обозначенными на поверхности земли рядами речных валунов. Большие курганы имеют высоту в 4-5 сажен. Каль раскопал один из малых курганов, в 5-6 аршин вышины и до 150 шагов в окружности. Вся поверхность кургана была обложена крупным щебнем, толщиною в 2½ аршина. Широкая траншея, проведенная в насыпи с севера на юг, обнаружила только перебитые слои земли, золы, щебня и разбросанных человеческих костей, свидетельствовавшие о полном разграблении кургана[4].

Тот же Каль говорит, со слов туземцев, что вся долина р. Таласа, в среднем и в верхнем его течении, изобилует курганами и древними укреплениями. На левом берегу р. Чу, в северной части Аулиеатинского уезда, имеется также много курганов, равно как вдоль реки Карабалты. Многочисленные курганы разбросаны по всему уезду около озер Сарыбулак, Арык-балык, Ак-куль, Бийлю-куль и в местностях при входе в горные ущелья[5].

В 1890 году в И. археологическую комиссию поступили оказавшиеся в Аулиеатинском уезде, близ развалин Акыр-таш, два китайских бронзовых зеркала, 34 бусы и разные обломки бронзовых украшений[6].

По помещенным в № 47 «Туркестанских ведомостей» 1891 г. сведениям, с лета 1891 года местные киргиз-казаки стали разрывать существующие во множестве между Чу и Или курганы и могилы, не имеющие насыпей и обозначенные только небольшими

[1] «Отчет И. археологической комиссии за 1890 год», стр. 75 и 76.
[2] «Труды членов российской духовной миссии в Пекине», том 4, Спб., 1866 года, стр. 308.
[3] Лерха «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году», Спб., 1870 г., стр.28.
[4] «Отчет И. археологической комиссии за 1890 год», стр. 78 и 79.
[5] Там же, стр. 77 и 78.
[6] Там же, стр. 146 и 147. Бусы эти стеклянные, а обломки принадлежали четырехугольной бронзовой пластинке со следами китайкой надписи и бронзовой пряжки в виде двух соединенных между собою плоских колец (там же, стр. 122).

кучами камней. По тем же сведениям, на многих из упоминаемых курганов и могил находились каменные бабы, по одной, а иногда даже и по две на одной могиле. Побудило кочевников к раскопкам желание воспользоваться находящимися в курганах и могилах вещами. Уверяют, по словам цитируемой заметки, что недавно найден был серебряный брусок величиною в стеариновую свечу; на одном конце его была изваяна человеческая голова; находят большею частью бронзовые небольшие сосуды, но изредка и серебряные вещи, а иногда и золотые. В № 24 «Семиреченских областных ведомостей» 1892 г. напечатано следующее: «На пространстве между г. Верным и р. Чу (в Верненском уезде) рассеяно много могил древних обитателей страны. Могилы эти, как обнаружено, с недавнего времени стали разрывать местные киргизы. Для открытия виновных в раскопках этих был командирован чиновник Верненского уездного управления, который нашел, что многие могилы действительно разрыты и в них найдены разные металлические вещи, а также камни, каковые от киргиз, отобраны и представлены областной администрации. По показаниям допрошенных киргиз найденные ими вещи находились в могилах вместе с человеческими костями. Это дает право заключить, что вещи эти зарывались в могилы вместе с умершими. Вырытые из могил вещи:

Золотые - серег 5, пуговиц 1, кольцо 1.

Серебряные - чашек 5 (одна под золотом), колец 7, серег 3 (две под золотом), браслетов 2, монет 1, украшений от пояса под золотом 2, шарик 1, кусков от разных вещей 55.

Бронзовые - браслетов 2 (один со вставкою маржана), кусков от разбитой чашки 12.

Стальные - кольчуга 1, копий 4, цепочка 1.

Медные - браслетов 2, блюдцев 2, чашка 1, крышек 4, колец 12, украшений от поясов 3, узорчатая пластинка 1, колец от узды 2, украшений от узды 40, пряжка 1, меди в кусках от разных вещей 192.

*Железны*е - стремян 4, колец 2, лопаточка 1, пробой 1, кусков железа 2.

Чугунная гиря 1. Палочка хрустальная 1. Костяных вещей 2. Глиняный кувшин 1.

Камни: жемчугов 41, янтарь 1, топаз 12, красных камней 2, серых и черных 4, алых 1, китайских камней асылтас 16, шарик калыпташевый 1, шарик из белого камня 1».

К приведенным выше указаниям на изображения на скалах и камнях можно добавить еще следующие: по статье «Археологические памятники в Семиречье и Кульджинском крае»[1], в ущелье Тамга, на южном берегу озера Иссык-Куля, находится огромный камень с рельефными (?) надписями. Вид его и снимки с надписей были представлены туркестанскому генерал-губернатору, вместе с запискою чин. фон-

[1] «Туркестанские ведомости», 1879 года, №43.

Герна[1], составившего описание, для отсылки в Казань, на археологический съезд 1877 года, но в протоколах съезда об этой записке и рисунках указаний я не нашел. Далее, по той же статье, в Копальском уезде, в горах Каракой и Буракой, на запад от Акичкинской почтовой станции, находится несколько камней с высеченными изображениями человеческих лиц и фигур животных (архаров, маралов, верблюдов, лошадей и собак) грубой работы; такие же камни встречаются в горах Кызыл-таз на западе от селения Лугового (близ бывшего Терс-акканского пикета), но особенно замечательные по правому берегу р.Или, в 25-28 верстах ниже выселка Илийского, в местности, называемой Тамгалы-таш. На последних, кроме изображений буддийских божеств, высечена надпись на тангутском языке; описания и снимки г.г. Ларионова и Малишевского были отосланы в Казань. В протоколах четвертого археологического съезда упоминается о прочтении записки капитана Ларионова «О буддийском памятнике на берегу р.Или, называемом теперь Тамгалы-таш». «К описанию приложены рисунки изображений и снимки с надписей. Автор записки полагает, что фигуры представляют изображения разных буддийских божеств, а надписи - повторение религиозного изречения ом-мани-пад-ме-хом калмыцкими и тангутскими буквами. В.П.Васильев заметил, что снимки такого рода не редки у тибетцев и монгольских буддистов. Очень интересен такой памятник на устье Амура, где мы не знаем, чтобы существовали буддисты. Касательно представленных г.Ларионовым изображений В.П. говорил, что изображенные на этом снимке три лица суть эманации одного и того же Будды»[2]. Затем, все по статье «Археологические памятники», подобные же камни встречаются и в Сергиопольском уезде, например, в ущелье Сайкемир на р. Ботпак, в 25 верстах от Сергиополя; рисунок полк. Фредерикса был послан в Казань и в «Трудах» съезда не значится.

Профессор А.Н.Краснов, совершивший весною 1886 года поездку к Балхашу, пишет следующее: «Весьма интересна сделанная мною в горах Кендык-тау, в ур. Узун-су, находка. Тут (а также и близ Тюлькулы и Дала-кайнар) древние гранитные утесы покрыты изображениями животных и людей на лошадях с пиками, охотящихся на них. Между этими изображениями я легко различал Ой-Джайляу (?), собак, лошадей, верблюдов, вереницы тау-теке, маралов и оленей. Рядом с ними изображены звери, по виду напоминающие мамонта или - вернее - ископаемых животных, находимых по ту сторону Волги - в реставрации. Для показания величины зверя возле нарисован в пять раз меньший тау-теке. Народу, рисовавшему этих зверей, очевидно, не были известны письмена, так как я нигде не мог заметить ни одной буквы. Это, следовательно, не тукиэ и не калмыки. Как ни грубы эти изображения, однако они заставляют думать, что,

[1] По г. Вл. ф .Г. («Семипалатинские ведомости», 1890 г., №33), по берегу р.Тамги расчищена от огромных камней дорога шириною около трех сажен, которая ведет в горы. Проведение ее приписывается китайцам. На камнях по этой дороге есть надписи, которые калмыцкие ламы прочли «ом-мани-пад-мэ-кум», т.е. за буддийский символ. У киргиз эти камни носят название обо. Поблизости находятся жертвоприношения горному духу, в виде костей, черепков и рогов употребляемых киргизами в пищу животных. За обо почитается также и знаменитая груда камней, находящаяся у перевала Санташ, т.е. счет камней. В приводимой автором легенде вместо Тамерлана фигурирует Чингисхан и поход его в китайские (?) пределы.

[2] «Труды четвертого археологического съезда в Казани», том 1, Казань, 1884 г., стр.XLIII

подобно Picea obovata, здесь и делювиальные звери сохранялись долее, нежели на западе, и жили уже в тот период, когда была приручена лошадь. Характер и расположение рисунков напоминают сцены из охоты, помещаемые северо-американскими дикарями на кожаных плащах и покровах шалашей. Выбиты рисунки точечным способом»[1].

По «Отчету И. археологической комиссии за 1882-1888 годы», в комиссию доставлены Н.Н.Пантусовым в 1886 году снимки «с древних арабских и монгольских надписей и разных изображений, находящихся в Семиреченской области на скалах и надгробных камнях: 1) в Иссык-Кульском уезде, близ станции Кутемалды, в урочище Косбармак; 2) в ущельях Теректинском и Джангыз-агачском» (эти ущелья находятся не в Иссык-Кульском уезде, а в Копальском)[2]; «3) на старинных кладбищах близ русской деревни Сливкиной, лежащей на южном берегу озера Иссык-Куля, в ущелье р. Кызылсу; 4) близ почтового тракта Токмакско-Каракольского, на левом берегу р.Аксу, между станциями Кунчей (Кунгей?)-Аксу и Уйтал[3]; 5) на скалах ущелья между гор Осан и Чебынды, верстах в 12 на запад от почтовой станции Царицынской, на правом берегу р.Коксу» - это в Копальском уезде; «6) на правой стороне пограничной с Китаем, со стороны илийского края, реки Хоргоса, верстах в 14 от урочища Башкунчак; 7) в Джаркентском участке между таранчинскими селениями Дулату и Дардамту» - это на левой стороне р. Или в горах; «8) у моста через р. Нарын, на котором расположено наше Нарынское укрепление; 9) в горах Чулак на левом берегу р. Или»[4], но горы Чулак составляют западную оконечность Алтын-эмельского хребта и находятся в Копальском уезде на правой стороне р. Или. В.М.Флоринский, в 1886 году, в бытность в Верном, видел у г. Пантусова «снимки с писаных камней, находящихся в Кульджинской области и на скалах по Нарыну, около Иссык-Куля. Все они имеют приблизительно тот же характер, как и сцены, изображенные на скалах р. Томи и верхнего Иртыша. Это грубые изображения животных: марала, двугорбого верблюда, баранов, лошадей и пр. Написаны они черною краскою»[5].

В 1888 году, на пути из станции Карабулакской до Джиль-арыка (по р. Чу пред Буамским ущельем), Д.В.Городецкий заметил на скалах «высеченные фигуры животных, как-то козлов и лошади»[6].

---

[1] «Опыт истории развития флоры южной части восточного Тяньшаня», Спб., 1888 года, стр. 174 и 175.

[2] По сведениям, доставленным г. Пантусовым («Восточное обозрение», 1886 года, №52), в ущелье Теректы (на земле выс. Джангиз-агачского, в Копальском уезде), «находится приблизительно камней 60 с надписями и изображениями людей и животных. Подобные же камни находятся также и в ущелье, по которому протекает р. Джангыз-агач. Копии с некоторых камнеписных изображений поручено было сделать местным жителям казакам. Доставленные последними рисунки с нескольких изображений на камнях Теректинского и Джангыз-агачского ущелий представлены в и. археологич. комиссию. Чрез транспортную контору послан в комиссию один из камней, взятых в ущелье Джангыз-агач, наиболее доступный к перевозке».

[3] О кладбищах на р.Кызыл су и на р. Кунгей-Аксу будут помещены сведения в восьмой главе настоящего труда.

[4] «Отчет» за 1882 - 1888 гг., Спб., 1891 г., стр. CLX - CLXI.

[5] «Томские университетские известия», кн.1, отдел 2, 1889 года, стр. 49.

[6] Там же.

В статье С.Гуляева «О древностях, открываемых в киргизской степи», помещенной в «Вестнике русского географического общества» за 1853 год, изложено, что владелец серебро-свинцовых и медеплавильных заводов в киргизской степи А.С.Попов сообщил автору следующее: «Близ вершин р. Чуй, текущей в Сыр-дарью, с правой стороны, на гладких береговых скалах, находятся, в нескольких местах, изображения человеческих фигур. Изображения эти состоят из одних, сделанных долотом очерков, имеют рисунок не совсем правильный и представляют, в картинах, ряд событий из жизни какого-то знаменитого человека. На каждой картине от двух до пяти фигур, величины не одинаковой; некоторые же из них немного более обыкновенного роста человека; изображены или едущими верхом на лошадях, или пешими, но с лошадьми вблизи, или, наконец, сидящими на земле. При картинах высечены надписи, объясняющие, вероятно, содержание изображения. Одна из скал выдается к руслу наподобие пилястры». Далее, «там же, около 100 верст от Чуй, на ровной степи, имеющей дресвянистый грунт земли, ...находится памятник, имеющий форму трехсторонней призмы, из одного куска сиенита, вышиною до четырех аршин. На каждой стороне памятника, так же, как на скалах по Чуе, высечены изображения, представляющие: на первой - двух всадников, скачущих в левую сторону; у переднего на седельной луке висит булава или батик; ... у заднего - в правой руке копье. На второй - два человека варят в поставленном на таган котле мясо и, как заключить можно по высеченным очеркам костей и кусков, баранину; один мешает ковшом в котле, а другой кладет кусок мяса в корыто или чашку, поставленную на разосланном войлоке или ковре; из подъехавших к ним двух всадников один, оставя свою лошадь, идет к чаше, а другой - стреноживает лошадей. На третьей стороне - пять фигур; одна стоит у котла, две сидят у чаши, а две фигуры, стоящие позади их, рубят им головы саблями. Кочующие вблизи этого памятника киргизы (Саратунарской волости) говорят, что он воздвигнут будто бы в честь одного древнего богатыря, владельца, Кызыл-Карпача[1], изображая его с оруженосцем, убиваемых врагами, к которым Кызыл-Карпач ... подъехал отведать приготовленной баранины. Начертания же на скалах по Чуе, состоящих их сиенита и гранита, изображают, по словам киргизов, разные подвиги и события из жизни этого богатыря ... О начертаниях по Чуе я слышал уже несколько лет назад от одного из жителей Семипалатинска, В.И.Семенова, посещавшего с купеческими караванами

[1] Памятник Кузю-Курпен находится близ р. Аягуза, в 98 верстах от Сергиополя и в 13 верстах от Кызыл-кийского пикета. Его рисунок был демонстрирован В.В.Радловым на четвертом археологическом съезде. Легенду о Кызыл-Курпече и красавице Баян-сулу он слышал в разных местах, как относящуюся к разным памятникам. Легенда эта, следовательно, внесена извне, а самый памятник - мухамеданская могила. Изваяния же, находящиеся около памятника, ничего не имеют общего с памятником, они просто каменные бабы, держащие в руках урны и вероятно, перенесены к памятнику после его постройки.
Два изваяния представляют женщин и одно мужчину. Головной убор первых остроконечный, а голова мужчины покрыта круглой шапочкой. В лицевой же части изваяний, как вообще в подобных грубо выделанных бабах, нельзя видеть ничего типичного («Труды четвертого археологического съезда», т.1, Стр.XLVI). По «Запискам ген.-майора Броневского» («Отечественные записки, 1830 г., часть 43, стр. 252), «при р. Аягузе ... поныне находится почти в целости пирамида из плитного камня, внутренность которой хорошо отесана, с правильным сводом, образующим палату с лавками и окнами. В ней стоят одна мужская и две женские статуи, из камня иссеченные и известные под именем Кузу-Курпеч. Киргизцы почитают сии статуи за некоторых добродетельных людей, волшебством превращенных в камень, почему и боготворят их, делая жертвоприношения по своему обычаю».

киргизские степи, но он не мог сообщить мне подробных об этом сведений... В разных местах киргизской степи г. Попов видел много каменных баб, судя по его описанию совершенно похожих на такие же грубые изваяния могильных памятников, которые были найдены на Алтае и в Енисейской губернии»[1].

При втором томе сочинения Уйфальми Expedition scientifique from <...> on Russie ets. (Paris, 1879) приложен рисунок «буддийские изображения, начертанные на скале близ озера Иссык-Куля». В «Живописной России» (том X, Русская средняя Азия, Спб., 1885 года, между страницами 360 и 361) есть рисунок «Каменные бабы на Иссык-Кульском плоскогорье». Тут изображены три каменные бабы, вкопанные в землю, у которых отделаны только головы.

В томском университетском музее находятся три каменные бабы: одна из Бахтов, одна со станции Алтын-эмельской и одна из Каркаралинска. Одна каменная баба в сквере против губернаторского сада в г. Верном, вывезенная из Илийской долины, с китайской границы, описывается В.М.Флоринским следующим образом: на голове коническая шапка, из-под которой идут три косы, одна вдоль спины, две по обеим сторонам плечей. Лицо овальное с прямым носом; бороды нет, только усы; платье узкое, до колен, подпоясано ремнем. К поясу привешен с одной стороны нож или кинжал в ножнах, с другой сумка. Платье кругом подола украшено узорчатой полосою, в виде зубцов или треугольников. В руке сосуд в форме бокала. Головная шапка сходна с изображением каменной бабы в атласе гр. Уварова (№7, табл.1), которая стояла на большом кургане в 5 в. от Чертомлыка. Бахтинская каменная баба изображает женщину, но без головного украшения; в руках держит чашу, а на шее имеет ожерелье или обруч. Алтын-эмельская каменная баба держит на кисти руки птицу, похожую на сокола, и представляет полного мужчину с круглым лицом и круглой головою; с левой стороны на темени высечена полукруглая выдающаяся шишка, величиною с куриное яйцо, и может быть представляет чуб; кзади от этой шишки на затылке волосы подобраны вроде шиньона и подтянуты узкою, рельефною высеченною лентою; эта лента захватывает только затылочную и височную части, оканчиваясь против ушей круглыми колечками; волосы частью спускаются из-под повязки к поясу[2].

В.М.Флоринский, которому принадлежат первые попытки обобщений о семиреченских древностях, полагает, что курганы, каменные бабы и разные древние находки на Иссык-Куле и вообще в Семиреченской области относятся ко времени до Р.Х. и оставлены усунями или предшествовавшими им в этой стране арийцами, потому что только им, а не тюркам, водворившимся здесь уже после Р.Х., могли принадлежать курганы, ибо у тюрков не было обычая насыпать могильные холмы даже в VII-VIII веках после Р.Х.: могилы на открытых близ Пишпека несторианских кладбищах с сирийскими надписями, служившие для погребения «татар и киргизов, принявших христианство», не похожи на курганы, как и письмена их не имеют никакого сходства

[1] «Вестник р. географического общества», 1853 года, кн.III, хроника, стр. 22-25.
[2] «Археологический музей томского университета», В.М.Флоринского, Томск, 1888 года, стр. 167-169.

Приведя легенду, по которой Кузу-Курпеч был убит по приказанию отца засватанной еще его отцом Баян-сулу, которая и сама закололась, Броневский пишет: «Народ, в воспоминание сего события, сделал две каменные статуи, а третью няньки (!) Баян-сулу, и над этими статуями сооружена пирамида. Киргизцы вообще знают сию сказку и поют ее с кобузом очень заунывно». По его же словам, над памятником выросли «две великие ветлы, наклонившиеся одна к другой и ветвями своими переплетенные» с так называемыми руническими письменами древнейших сибирских памятников, которые «носят на себе явные следы либо финикийского, либо древнеэллинского происхождения и этим самым указывают, что древнейшее население курганного периода не имело отношения к туркским племенам, усвоившим письменность гораздо позднее, через несторианских миссионеров и уйгуров». Далее, по свидетельству китайского полководца Чанг-кианга, посетившего усуней за сто с лишком лет до Р.Х., столичный город этого народа находился на восточном берегу «Теплого озера». Это свидетельство «позволяет думать, что усуни строили города. Это сведение имеет для археолога немаловажное значение потому, что в Семиреченской области находится несколько пунктов, где сохранились либо развалины древних кирпичных построек, либо даже уцелевшие остатки зданий, какова, например, башня Бураны. Судя по типу изделий архаической бронзы, выбрасываемой волнами Иссык-Куля с места затопленного города, можно полагать, что погребенные там остатки каменных зданий принадлежат к очень отдаленным временам и едва ли могут быть относимы к позднейшей формации турецких народов, водворившихся здесь после Р.Х.». Имена гор, рек, озер и урочищ в Семиречье носят либо монгольский, либо татарский характер, ибо край в течение 18 веков был бессменно занят туранскими племенами. Из географических названий, за столетие до Р.Х., когда уже начинается татарская эпоха, «китайцам были известны: Теплое озеро - Жехай, нынешний Иссык-Куль, реки Или и Лепса. Название озера, вероятно, заимствовано в переводе с языка живших здесь усунов... Эпитет теплый ныне применяется к нему по той причине, что озеро это, говорят, никогда не замерзает... Едва ли, однако ж, одно это обстоятельство было бы достаточно, чтобы удержать за ним в течение длинного ряда веков название теплого озера, если бы к этому не присоединилась еще старая традиционная привычка. Она, как и древнее название озера, могла быть закреплена воспоминанием о более редких и выдающихся свойствах природы этой страны, связанных, может быть, с существовавшими здесь вулканическими явлениями» ... «Названия рек Или или Лепсы тоже принадлежат к древнейшим и, может быть, носят на себе следы арийских корней. В географии Риттера (русского перевода т. 11, стр. 94) указывается, что слово Или значит сияющий, блестящий. Не напоминают ли эти звуки греческое Илиоса? Слово Лепса, китайское Лепси, может быть указывает на славянское лепый, точно так же, как имя реки Баскан - на слова баса, баской, т.е. красивый, блестящий»[1]. Тип каменных баб тот же самый, что

[1] «Общая заметка об археологическом значении Семиречья» в «Томских университетских известиях», кн. 1, отдел 2, 1889 года, стр. 52-54. Первоначальное йимя Семиречье дали местности арийцы, а не туранцы, ибо у последних с числом семь связывается мрачное и зловещее значение; так, в Б.Медведице киргизы видят семь волков, гонящихся за иноходцем: когда догонят, наступит конец мира (стр. 56).

и на юге России. «Такое же сходство имеют и курганы. Поэтому можно заключить, что обычай курганного погребения и народ, державшийся этого обычая, ведет свое начало из Центральной Азии, именно из нынешнего Туркестанского края. Отсюда он распространился в Семиреченской области и по долине р. Или, с одной стороны, в Кульджу, с другой - к озеру Балхашу и далее в Каркаралинскую и Акмолинскую области» и т.д[1]. «Киргизы и таранчи Семиреченской области ... предполагают, что к. бабы поставлены китайцами либо древними монголами ... Ни китайская, ни монгольская народность здесь не может иметь места, потому что на изображениях баб нет ни единой черты, которая бы указывала на это ... Время постановки баб относится к глубокой древности ... Каменные бабы Семиречья и южной Сибири, бесспорно, имели тесную связь с такими же памятниками в Самарской губернии, в земле Войска Донского, в приднепровских степях и на северном Кавказе ... Напрасно мы стали бы искать «народ, оставивший каменные бабы, курганы и рунические сибирские письмена», «в туранской семье... Таким народом могут быть только северные славяне»...[2]

При рассмотрении фактов, на которых основано мнение г.Флоринского, что могилы несторианских кладбищ около Пишпека и Токмака относятся, по надписям на надгробных их камнях, ко времени между 1249 и 1342 гг., предполагать же существование таких же могил в более раннее время пока нет достаточных оснований[3]; сверх того, нельзя не принять в соображение, что народы, принимающие религии, соединенные с верованиями в загробную жизнь, всегда усваивают себе и погребальные обычаи своих просветителей, потому что прежние способы погребения естественно считаются греховными и лишающими посмертных благ новой религии, почему могилы тюрков-несториан не могут давать никакого понятия о погребениях тюрков, сохранивших прежние верования. Между тем о существовании у тюрков древнего обычая воздвигать курганы над прахом умерших имеются несомненные данные. Так, в «Т'ан-шу» читаем[4], что труп восточно-тукиюеского Хели-хана, умершего в плену у китайцев в 634 году, был «по кочевому обычаю сожжен. Могила его насыпана по восточную сторону р. Ба». Там же, под 629 годом, приведена речь императора Тайцзуна, в которой между прочим значится, что у тукиюесцев «прежде было в обычае сжигать умерших; теперь их хоронят и воздвигают гробницу»[5]. Отсюда ясно, что сжигание трупов и насыпание курганов были древними обычаями тюрков, которые, по крайней мере на севере от Китая, начали оставляться лишь во второй четверти VII века. Открытые в 1889-1891 гг. на Орхоне памятники на могилах тукиюеских Кюе-дэлэ и Могилян-хана, 732 и 734 гг. имеют надписи китайского и рунического письма и свидетельствуют, что употребление последнего продолжалось еще в VIII столетии, как

[1] Там же, стр. 30 и 31, «Топогр. сведения о курганах».
[2] «Археологический музей томского университета», Томск, 1888 года, стр. 169-171.
[3] Syrisch-nestorianishe Grobinschriften aus Semiryetschie von D. Chwolson, в Memuires de l'Academie des sciences de St.Peterburg.VII serie, t. XXXVIII, N 8, 1890, ss. 111 und 131.
[4] Иакинфа «Собрание сведений» и пр., I, стр. 307.
[5] Journal asiatiqui, 1864, t.IV, p. 225.

подтвердила руническая же надпись на трехязычном памятнике конца того же века, оставшемся от уйгуров[1]. Академик Радлов признает несомненным, что язык этих рунических надписей урало-алтайский[2], и надо считать вероятным, что он окажется именно тюркским, ибо едва ли можно ожидать на памятниках тюркских ханов, при наличности уже на тех же памятниках китайских текстов, иных надписей как только на тюркском языке. Далее, ссылка В.М.Флоринского на Чжан Цаня ошибочна, потому что, по приведенным выше данным, город Чигу построен китайскою царевною, Чжан Цянь же был у усуней ранее выдачи этой царевны за усуньского гуньмо, а потому видеть не существовавшей еще столицы усуней не мог; выяснено также выше, что Чигу существовал недолго и что мы не имеем никаких оснований предполагать у усуней существование собственных их городов ранее и после. Во всяком случае, приписывать непременно усуньской эпохе развалины городов на Иссык-Куле и вообще в западном Тяньшане было бы неосновательно, потому что города могли существовать до прихода усуней в эту страну и, несомненно, существовали в VII и следующих веках, будучи устраиваемы не усунями-кочевниками, а преимущественно другими народами, обитавшими в стране, как увидим при изложении ее истории после усуньской эпохи. Затем, чтобы признать бронзовые вещи, находимые на Иссык-Куле и в других местах западного Тяньшаня, относящимися ко времени до Р.Х. недостаточно одного неопределенного утверждения об архаичности их типа, а нужны данные, которые главным образом могут быть доставлены только сравнительным изучением местных находок после определения их относительной древности, и сличением с однородными предметами других стран, преимущественно соседних или имевших с западным Тяньшанем несомненные сношения. Такое изучение предстоит, конечно, еще в буду-щем, когда будут изданы атласы тяньшаньских древностей. Название Жехай (для Иссык-Куля) и р. Или появляются в китайской истории только во времена династии Т'ан, т.е. с VII века. Еще у Сюань Цзана Иссык-куль, как увидим, назывался не теплым озером, а прозрачным. Лепеа начинает встречаться в китайских сочинениях лишь с XVIII века. Истинное произношение имени главного притока озера Балхаша должно быть не Или, как перенял образованный мир от китайцев, а Иле или Ле: так произносят это имя местные тюрки, от которых оно перешло к русским казакам и простому народу в форме Иля. Производство названий местных рек от Илиос, лепый и баской подтверждает только то, что если не знать или пренебречь требованиями науки языкознания, то, при желании и старании, возможно найти почти в любом языке хотя несколько напоминающие всякое слово звуки. Относительно типа каменных баб необходимо иметь в виду, что правильное о нем заключение нельзя вывести из беглого осмотра небольшого числа каменных изваяний; независимое от субъективных впечатлений и ошибок представление о каменных бабах, их типах, одежде и предметах, изображаемых в качестве обычных принадлежностей этих изваяний, может быть получено только по издании альбомов каменных баб различных местностей. До тех пор суждения неизбежно будут различны уже по тому одному, что, при грубости

[1] Inscriptions de E. Orkhon, Helsingfors, 1892.
[2] «Труды орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии», Спб., 1892 года.о

отделки огромного большинства каменных баб, часто трудно находить в них черты вообще человеческого лица, не говоря уже о различении рас. Сверх того на типы каменных баб кроме племенных черт народа, на могилах которого они ставились, не могла не обнаруживать влияния национальность камнетесов, которые, невольно, должны были придавать выделываемым ими болванам некоторые хотя черты своей собственной народности: между тем, в числе камнетесов этих в западном Тяньшане в некоторые эпохи, вероятно, были и преобладали пленные и рабы из Мавераннагра, Персии и Индии. Все эти обстоятельства объясняют вышеприведенный отзыв лица, которое видело наибольшее количество каменных баб на всем протяжении Тяньшаня от Ташкента до Турфана и Урумчи. Повторю здесь заключение доктора А.Регеля подлинными его словами: Schwiariger ist es, die Bildesaulen zu erklaren, da solche heute nicht mehr errichtet werden. Einige hoben gerodes, nicht mongolisches Profil, andere tragen - ontschieden mongolischen Typus mit Zopf, so wie einen Knopf auf dem Schoutel, als Zeichen der Wurde eines Chons.

Что касается предположения о принадлежности курганов с каменными бабами славянскому племени, то при полном отсутствии исторических свидетельств, подтверждающих это предположение, в настоящее время окончательно, по-видимому, приобретает весьма достаточную степень достоверности мнение о принадлежности их к тюркам. Подкрепляют это последнее мнение главным образом, с одной стороны, исторические свидетельства с VII века до XIII (Рубрук) о существовании у тюркских племен погребения под насыпными курганами с постановкою каменных статуй, с другой же стороны - несомненное распространение тюрков от Байкала до Карпатов и до Аму-дарьи, именно во всех тех местностях, где находятся каменные бабы.

При ознакомлении с приведенными выше фактическими сведениями о древних могилах в западном Тяньшане оказывается, что сколько-нибудь определенные данные имеются лишь о расположении, о внешней форме и материалах, из которых возведены насыпи над теми древними могилами, которые их имеют, т.е. курганы.

Относительно местностей для древних курганов наблюдается, во-первых, то же общее и главное правило, какого держатся досель киргиз-казаки и кара-киргизы в устройстве нынешних могил, именно курганы расположены преимущественно у путей, служащих для торговых и иных сообщений, а также и у кочевных дорог. Устройство курганов, помимо других побуждений, несомненно, вызывалось желанием доставить погребенному посмертный почет и удовлетворить тщеславие родичей, сооружавших курганы с большими трудами и издержками, а потому весьма естественно, что плоды этих стараний помещались на дорогах и видных местах, чтобы молва и слава о воздвигнутом памятнике разнеслась вернее и обеспеченнее. Расположение курганов не по одним караванным путям, но и по течению реки, как это постоянно замечается, объясняется тем, что берега рек служат необходимым путем при постоянном передвижении кочевников в определенное время в горы и обратно в степи.

Во-вторых, по понятным без особых объяснений причинам, курганы устраивались всегда на сухих почвах, а не в мокрых и болотистых, или солонцеватых местах. Наконец, в-третьих, необходимость в воде для многочисленных рабочих, занимающихся долгое время постройкою кургана, для съезжающегося на поминки и для жертвоприношений народа и для употреблявшегося им для поездок и пищи скота, поставляли обязательным условием для возведения курганов близость воды.

Форма курганов, по наблюдениям В.М.Флоринского, «почти всегда круглая или овальная, с довольно крутыми откосами, наверху сходящимися в усеченный конус, с более или менее значительною площадкою на самой вершине. На этой площадке весьма часто встречаются одна или несколько воронкообразных ям, заваленных крупными камнями, без земли. На некоторых больших курганах таких ям оказывается иногда от трех до шести и даже более. Они сооружены, очевидно, одновременно с курганом и предназначались, вероятно, для устройства поминок. На эту мысль наводит то обстоятельство, что, выбросив камни и начиная рыть со дна такой воронки, вслед за нею можно найти слой золы и углей, кости животных и черепки глиняной посуды, а иногда и целый сосуд».

По В.В.Радлову, основывающемуся на многочисленных раскопках, произведенных им от Енисея до Чу, курганы сооружены большей частью из материалов, составляющих почву, отчего на мягкой почве они состоят из местного чернозема или глины, в каменистых же местностях, например вблизи гор и в речных углублениях, из земли и камней. «Только в уймонской степи в Алтае, на Бухтарме, у Сергиополя и во всей восточной части киргизской степи и на возвышенностях абаканской степи мы находим курганы, которые насыпаны из камней, даже в таких местах, где почва состоит из чернозема и камень приходилось доставлять издалека. В киргизской степи и в южной Сибири встречаются отдельные курганы очень значительной высоты, до 20 арш. вышины и в 50 и более аршин в поперечнике. Находил я в киргизской степи некоторые высокие курганы с разными особенностями. Так, при г. Копале есть три больших кургана, из которых один окружен двумя кругами из камней, имеющими около 100 аршин в поперечнике, другой же находится в центре квадрата, образованного рвом, окружающим курган. В середине стороны квадрата, обращенной к западу, ров прерывается, так что тут как будто идет к кургану дорога в 4-5 аршин ширины. На Каркаре (в востоку от Иссык-Куля) нашел я два могильных холма значительной высоты, которые расположены были по направлению от востока к западу; от восточной могилы, которая сажени на полторы ниже, чем западная, шли полукругом две насыпи, аршин в 10 высоты, на север и юг. Каменные курганы в Алтае и в восточной части киргизской степи имеют значительную высоту и в поперечнике часто достигают 15-25 аршин. Каменные могильные холмы на возвышенностях абаканской степи весьма незначительной высоты, не выше аршина, а в поперечнике только 1-2 сажени. Они

образуют сплошные кладбища, часто из сотен могил. Для них характерно, что могилы лежат парами и каждая пара состоит из круглого и продолговатого холма»[1].

По мнению Флоринского, курганы Семиречья большею частью сооружены из одной земли, редко из чистых камней и чаще из земли в прослойку с камнями[2]. К этим трем подразделениям курганов можно прибавить еще два: земляные курганы, обложенные толстой насыпью камня, как на Джиты-тюбе, где слой крупного щебня найден Калем в 2½ аршина толщины при общей высоте разрытого кургана в 5-6 аршин и курганы, сложенные из искусственно приготовленной глины, как курган Ак-тепе, раскопанный Г.Фетисовым.

По предположению г.Флоринского, первоначально памятники над умершими воздвигались из булыжника с берегов и из русла рек, и только впоследствии, «желая придать надгробному памятнику величественную форму и вместе облегчить труд сооружения высоких курганов насыпей, стали укладывать камни в прослойку с землею»[3]. Быть может, насыпание камней, а потом и земляных курганов над могилами истекло из обычая воздвижения обо. Эти обо суть кучи камней, возвышающиеся на горных перевалах, а иногда и у опасных переправ через реки во всей Монголии и Тибете, в Алтае и Саянах, а также в Тяньшане, на хребтах гор в Китае и Японии, и даже в Перу. У кочевых буддистов и у шаманствующих народов обо продолжают воздвигаться и увеличиваться и в настоящее время, в результате бросания камней, кусочков дерева, тряпок, земли и всяких обломков проезжающими мимо кочевниками, в качестве жертвы духу перевала, реки, дерева и т.д.[4] Вероятно, то же значение имели обо и в самые древние времена. В таком случае у тех же шаманствующих народов должен быть с древнего времени установиться обычай бросания камней на могилы умерших, в виде жертвы их духам, так как и поныне народы эти питают суеверный страх к душам умерших[5], и погребальные обряды их и поминки имеют между прочим в виду обезопасить живых от вреда, который могут причинять души умерших. Такой обычай мог затем, естественно, перейти в одновременное насыпание камней на могилы. Отсюда можно сделать заключение, что вообще курганы из камней должны быть древнее насыпей из камня и земли или из одной земли. Из последних курганы вроде Ак-тепе, слепленные из комков тестообразной глины, принадлежат, конечно, к сравнительно новому времени; в этих курганах и в устройстве сводов из сырцового кирпича в курганах на Чу и около Верного ясно сказывается подражание сырцовым постройкам Мавераннагра, и этим время устройства таких курганов и сводов

[1] Aus Sibirian. B.2, s.74.
[2] «Томские университетские известия», книга 1, отдел 2, Томск, 1889 года, стр. 15-31.
[3] «Томские университетские известия», книга 1, отдел 2, Томск, 1889 года, стр. 15-31
[4] См. выше замечания доктора Регеля об обо, которые ему называли такылганами, на Боротале и Тогуз-тарау. Тимковский («Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах», Спб., 1824 года, стр. 36 и 37) говорит, что обо встречаются на высоких горах, у «сенистых» деревьев, при широких реках; «чаще всего случалось мне видеть на обо пучки конских волос, как залог молитвы номадов о сохранении животных... Сии обо служат еще указателями пути и выставляются на границах. Не в сем ли виде должно принимать и курганы, коими испещрены равнины Малороссии и поля других наших губерний?»
[5] В.М.Михайловского «Шаманство», вып. 1, глава 1, Москва, 1892.

определяется между VI и XIII веками, к которым, по историческим данным, относятся наибольшая степень влияния оседлого населения юго-западных стран на тяньшаньских кочевников до принятия последними мусульманства.

Кроме могил с холмами или курганами встречаются в западном Тяньшане древние могилы без курганов. Так, профессор Сорокин упоминает о могилах на Асе и на южном берегу Иссык-Куля, означенных простыми и концентрическими кругами из каменьев, а могилы на Малом Буруле близ Аулиеата, по известиям Каля, давшие богатую добычу гробовщикам, отмечены только выдающимися у изголовий камнями. Первого вида плоские могилы, означенные одним или двумя кругами камней, есть также на Енисее и в Монголии, но и там научным раскопкам не подвергались[1]. Такого же точно образца могил, как мало-бурульская, на Енисее не упоминается.

Предполагаемое древнейшее происхождение каменных курганов еще не может служить достаточным указанием действительной древности всех каменных курганов, потому что обычай насыпания каменных холмов над могилами мог удерживаться у некоторых племен многие века, отчего иногда каменные курганы оказываются более новыми, чем насыпные из земли[2]. И вообще одна форма кургана и материал его далеко не достаточны для определения курган. Могли бы, быть может, доставить недостающие указания обстоятельные изучения устройства самих могильных ям и вообще помещений для останков погребенных, форме и способах погребения (трупосожжение, полное и неполное, погребение без сожигания и т.д.), сопровождающих останки предметов и вещей, но имеющиеся в настоящее время сведения о могилах в западном Тяньшане не дают необходимых для подобных исследований материалов, ибо произведенные с соблюдением научных правил раскопки древних могил еще крайне немногочисленны, большая часть могил разграблена прежде[3] или в недавнее время, а счастливые случайности, подобные двум удачным раскопкам В.В.Радлова в Алтае, в которых лед сохранил значительную часть содержимого могил, между прочим, предметы одежды, даже меховой[4], пока отсутствуют.

По недостаточности данных, правильная и основательная классификация могил, в остальных кроме внешней их надземной формы отношениях, кажется мне в настоящее время еще невозможною и я ограничусь засим только некоторыми замечаниями и сближениями по поводу наиболее интересных и содержательных раскопок древних могил и находок в них.

---

[1] Клеменц Д. «Древности минусинского музея», Томск, 1886 года, стр.16 и 17, и Aus Sibirian, B .2, s.71.
[2] Так, В.В.Радлов, по вещам, которые найдены в курганах, относит многие из земляных курганов восточной части киргизской степи к медному или бронзовому периоду, другие из тамошних курганов, сложенные из крупных камней, к позднейшему, хотя тоже древнему, железному периоду (Aus Sibirian, B. 2, s. 75).
[3] Расхищение могил производилось в Монголии и вообще в Средней Азии издавна. Так, по «Цянь-Хань-шу» в 77 году до Р.Х. «усуньцы раскопали могилы покойных хуннуских шаньюев» (о.Иакинфа «Собрание сведений» и пр., I, стр. 59).
[4] Aus Sibirian, B. 2, ss. 103-112.

Произведенные г. Радловым на Кошкаре, верстах в 10 от берега Иссык-Куля, раскопки, обнаружившие под курганами из крупного камня погребенные на глубине до пол-аршина от поверхности почвы остовы, обращенные головами на северо-восток, и при них куски перержавевшего железа, а у одного детского скелета на груди бронзовую пронизку, дают некоторые основания считать эти могилы не очень древними, потому что украшения (кольца, серьги, пластинки на поясах и пр.) из меди и бронзы и теперь еще в употреблении у туземных кочевников, отчего бронзовая пронизка не придает особой древности; устройство курганов из крупного камня и положение костяков головами на северо-восток побуждает, однако, вместе с ржавостью железа, относить эти могилы ко времени домусульманскому, т.е. за XV век; погребены должны быть в них рядовые люди, так как курганные насыпи невелики и так как могилы остались нетронутыми, тогда как там же могилы вождей под высокими курганами расхищены, потому, конечно, что содержали ценные вещи, которых гробовщики основательно не ожидали найти в маленьких курганах; малая глубина погребения одинакова с киргизскими могилами на Абакане, которые г. Радлов относит к новому железному периоду и у которых каменные насыпи тоже невелики; но в этих киргизских могилах костяки лежат головами на запад, другое же существенное отличие их состоит в том, что при каждой могиле с останками умершего находится рядом яма, тоже с насыпью, заключающая в себе глиняный сосуд, кости животных, оружие и хозяйственные вещи[1]. От могил древнего железного периода эти могилы отличаются главным образом тем, что в первых скелеты лежат головами на запад и погребены не мельче 2½ аршин от поверхности почвы[2]. Отсутствие глиняных сосудов или их черепков, обыкновенно находящихся в древних могилах, и недостаток сведений о состоянии и степени гнилости костяков в кошкарских могилах также затрудняют выяснение возраста этих единственных пока научных раскопок на Иссык-Куле, в которых также весьма чувствителен недостаток антропологического определения черепов, быть может, даже не сохраненных.

Обращает на себя внимание четырехугольная форма кургана в долине Бар-булак, имевшего каменную бабу, о котором упоминает г. Фетисов, потому что курганы вообще имеют форму круглую или овальную.

Овечьи спинные позвонки и изображение зайца из листового железа в копальских курганах, раскопанных г.Радловым, сближают эти могилы с алтайскими могилами древнего железного периода, так как в последних часто встречались такие позвонки на груди погребенных и обложенные листовым золотом фигуры из дерева.

Урочище Тюрт-куль соответствует упоминаемому арабскими географами городку IX века Каранджавану (см. подробно в главе VII), населявшемуся, как и прочие поселения Чуйской долины того времени, главным образом выходцами из Мавераннагра. Городки эти существовали уже в VII столетии (Сюань Цзан) и, вероятно, еще ранее. Ко

[1] Aus Sibirian, B.2, ss. 116-118.
[2] Там же, ss. 103, 105, 109 и др.

времени, быть может, существования этих городков и должны быть отнесены раскопанные г. Радловым курганы, в которых могильные ямы имеют стены из сырцового кирпича; два костяка без вещей одного из этих курганов можно считать останками мусульманина, а скелет другого кургана, где оказался глиняный кувшин, и кувшин же с истлевшими костями, упоминаемый в статье г. Терентьева, имеют, по-видимому, соотношение к существовавшему в до-арабское время в Шаше сжиганию трупов и хранению пепла и костей в особых сосудах или урнах, и вообще указывают на шаманские или языческие верования.

Наличность ножей и других предметов из железа вместе с бронзовыми и медными вещами в курумах предгорий Наманганского хребта, раскопанных Н.И.Веселовским, дают основание полагать, что эти могилы, приписываемые мифическим мук'ам, принадлежат до-арабскому, т.е. обитавшему в Фергане до VIII века, населению, даваньцам китайских историков, в которых надо видеть восточных иранцев, вероятно, уже в последние, по крайней мере, века пред арабскими нашествиями, значительно начинавших отуречиваться. Конечно, главным образом сохранность железных предметов побуждает относить эти могилы ко времени, вероятно, близкому к арабскому завоеванию, потому что железные вещи сами по себе могли попадать в Фергану из Индии несравненно ранее, так как в Индии железо было известно, по крайней мере, за 1500 лет до Р.Х. и существует еще около Дели колонна весом в 400 пудов из железа, с надписью, по которой постановка этого памятника принадлежит IX веку до Р.Х., в Египте же железо, как известно, найдено в пирамиде Хеопса. Однако Зимарху, в 568 году, тюрки, при первой встрече с византийским посольством, в стране согдаитов, на пути к тюркскому хану, предлагали купить у них железа - из хвастовства, так что в VI веке железо в западном Тяньшане не было, во всяком случае, предметом общераспространенным и обыкновенным[1].

Утрата золотых и серебряных вещей, добытых в курумах гробовщиками, и неимение сведений о результатах сличения железных, бронзовых и медных вещей, найденных в курумах, с такими же предметами унгерлисайских и мало-бурульских хищнических раскопок не дает пока возможности выяснить соотношение между могилами южного и северного подножий западной оконечности Тяньшаня, а неуказание в «Отчетах» археологической комиссии даты найденных на Унгерлисае серебряной и медной монет мешает выяснению точного времени унгерлисайских могил. Сходство изображенной на унреглисайском зеркале охотничьей сцены с сасанидскими изображениями подобного рода указывает на время между III—VII столетиями после Р.Х. Малобурульские могилы должны, вероятно, относиться к тому же приблизительно времени, по многочисленности же своей и по занятому ими большому пространству являются, кажется, кладбищем довольно многолюдного города, находившегося по близости нынешнего Аулиеата, если не на том самом месте, а не могилами кочевни-

[1] Составители каталога археологической выставки 1892 года (Congress internationaux a Moscou 1892, Materiaux etc., premiere partie, Moscou, 1893, p. 154) относят первое появление железа в Осетии на Кавказе к IV или V столетию после Р.Х.

ков. Жители этого города на Таласе, вероятно, были выходцами из Мавераннагра и Ирана, частью привлеченные выгодами торговли и земледелия, частью же уведенные в плен тукиюесцами подобно еще более отдаленным китайцам, небольшой городок которых из трех сотен семейств найден был во второй четверти VII столетия в 5 верстах от города на Таласе Сюань Цзаном.

Что касается до предметов, отобранных у кочевников, расхищавших в 1891 году могилы между Верным и Чу, то, за недостатком сведений, можно пока предполагать, что могилы эти принадлежат разным народностям и векам между Р.Х. и XIV веком после Р.Х., а частью, быть может, даже джагатаидским монголам XV века и калмыкам второй половины XVII и первой XVIII веков.

Курган на Ак-тепе, вскрытый Г.Фетисовым, кажется помещавшим останки сожженного под сводом его покойника, от которого уцелели только не догоревшие и затем сильно, вследствие доступа воздуха и влажности, истлевшие кусочки костей; отсутствие вещей объясняется расхищением, которое могло быть совершено, быть может, вскоре после похорон, через входную галерею, но загадочно отсутствие глиняных сосудов или обломков их, а также костей жертвенных животных. Между тем, хотя бы приблизительное определение времени, когда воздвигнут этот курган, интересно для выяснения чрез это - с какого времени не было в Чуйской долине столь сильного землетрясения, как землетрясение 1885 года, если только г. Фетисов не ошибся, признавая свод входной галереи обрушившимся в недавнее время.

Употребление глиняных колобков при устройстве крыши над могильными ямами в двух курганах на Весновке около Верного указывает на сартовское участие или влияние; остатки золы, человеческих, бараньих и скотских костей в могильной яме свидетельствуют о полном или неполном трупосожжении; вещи отсутствуют вследствие ограбления через обнаружившиеся прокопы (мины). Раскопка кургана между Б.Алматинкой и Карасу кажется мне не оконченною: траншея в сажень шириною могла не коснуться оставшейся в стороне от нее коренной могильной ямы; тринадцать костяков, найденных в северной части кургана и его площадки, на глубине от 1 арш. до 2½ аршин, очевидно, принадлежат кочевникам-магометанам, погребенным много позже возведения кургана. То же самое можно сказать о двух скелетах без вещей, найденных в двух из трех раскопанных в 1896 году курганах на Кызыл-агаче, которые, вероятно, были ограблены ранее.

В общем результате обзор известных до сих раскопок и находок приводит к заключению, согласному с теми историческими данными, которые изложены в настоящем труде, что древние могилы в западном Тяньшане принадлежат разным народам, сменявшим друг друга в этой стране, и разным временам. Нет пока еще ни одной древней могилы, которая могла бы быть основательно приписана именно усуням, и не имеется даже ясных признаков, по которым можно было отличить могилы древних

усуней от могил других обитателей Тяньшаня до утверждения в этой стране мусульманства.

Каменные бабы встречаются от Амура до Галиции[1] лишь на курганах или в местах, где есть курганы и древние могилы, принадлежавшие одинаковой с курганами культуре, а потому каменные бабы есть, очевидно, принадлежность древних погребений того же народа или народов, которые воздвигали над умершими курганы. Прежде склонны были, по чашам и вообще предметам, которые держат в руках каменные бабы, принимать их за буддийских идолов (Паллас) или за шаманских божеств (Спасский, который приписывал каменные бабы и курганы гуннам)[2], вообще за предмет религиозного культа (Клапрот), но в последнее время преобладает мнение, высказанное между прочим сибирским археологом Н.И.Поповым, что каменные бабы изображают людей, почему-либо наиболее почитавшихся (предводителей, князей, богатырей), и ставились в их честь и память, на их могилах[3]. Мнение это отчасти подтверждается историей династии Т'ань, по которой у тукиюесцев « в здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»[4]. При памятнике на могиле тукиюеского Кюе-дэлэ, воздвигнутом китайцами в 732 году, на Орхоне, оказались лежащими многие узкие и длинные камни, из которых на двух видны грубые изображения человеческих голов; камни эти лежали между памятником и отстоящей от него шагов на 70 возвышенностью, на которой с северной стороны стояла каменная баба, порядком попорченная временем; кроме этих камней, на площади, где воздвигнут памятник, есть еще семь изваяний, все без голов (которые по предположению г. Гейкеля отбиты впоследствии неприятелями тукиюесцев); самая большая из статуй держит в руках кусок материи, это, по г. Гейкелю, хадак, шелковый платок, без которого монгольские буддисты не могут делать приношений ни Богу, ни людям; другая статуя имеет с правой стороны, при поясе, чайную чашку: еще и теперь монголы носят свои чайные чашки на груди или в мешке, прикрепленном к поясу, как это видно на статуе. При памятнике Могилян-хану, на Орхоне же, найдено пять человеческих статуй[5]. По Рубруку, в XIII веке, «команы имеют обыкновение насыпать землю над могилами умерших и ставить им статуи, обращенные лицом к востоку и державшие в руках сосуды у пупа»[6]. Встречавшие в западной Монголии много хошачилу (так монголы называют каменные бабы) Г.Н.Потанин и проф.Позднеев особенно отмечают статую Даин-батыра, у Даин-гола, у которой уцелели еще сделанные красною краскою обводы глазных век; г.Позднеев думает, что это памятник какого-нибудь

[1] Die Steinfiguren in russischen Steppen und in Galizien, von Albin Kohn, в Zeitschrift fur Ethnolo- gie, B. X, 1878, Berlin, ss. 33-42.
[2] «О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей» и пр. в «Записках р. геогр. общества», 1857 года, кн. XII, стр. 126, 127, 129.
[3] «О каменных бабах Минусинского края» в «Известиях сибирского отдела р. геогр. общества, 1871 г., №4, стр. 70, 67, 68 и др.
[4] Иакинфа «Собрание сведений» и пр., I, стр. 270.
[5] Inscriptions de l'Orkhon, remeillies per l'expedition finnuise, 1890, Helsingfors, 1892, pp. VIII et IX.
[6] Re cucil de divers voyages curicux, faits en Tarturie, etc., pur Bergeron, t. X, Leida, 1729, p. 12.

уранхайского батыра времен К'ен или Юн-чжена, т.е. конца XVII или начала XVIII века[1]. По А.А.Ивановскому, китайские торгоуты Тарба- гатайского округа и в настоящее время сжигают трупы умерших лам и почетных людей и из пепла с глиной делают такие же статуи, как каменные бабы; часть пепла кладется в чашу, а остальной, по преданию, укладывался под каменные бабы; стоячие камни изображали число родственников или подчиненных, и он находил их от 38 до 140[2].

Таким образом, ряд фактов удостоверяет существование у тюрков по XIII столетие[3] и у родственных им уранхайцев даже в XVIII веке обычая ставить каменные бабы на могилах старейшин. Конечно, тюрки могли заимствовать этот обычай, как и многое другое, у предшествовавшего доисторического народа, которому принадлежали чудские копи и бронзовая культура южной Сибири, но за необнаружением пока ясных следов распространения того же доисторического народа до Тяньшаня и Сыр-дарьи приходится считать все каменные бабы в западном Тяньшане принадлежавшими тюркам, племена которых, частию сменяясь одни другими, обитали здесь, а большей частью и господствовали во все времена, о которых имеются исторические известия. Если усуни не были племенем тюркским, то на приписывание им каменных баб и курганов, на которые бабы эти ставились, нет никаких оснований.

Относительно изображений на скалах нужно иметь в виду, что они почти не изучены и не сравнены ни между собой, ни с подобными же изображениями Сибири, давно уже известными. Часть этих изображений, представляющая буддийские божества и снабженная тангутскими или монгольскими надписями религиозного содержания, уже признаны принадлежащими калмакам и относится, следовательно, к XVII и XVIII столетиям. О древности и значении остальных нельзя сказать ничего положительного, за неимением достаточных данных. Если калмаки только два века тому назад изобразили на скалах западного Тяньшаня предметы своего религиозного культа, то нет, казалось бы, причин не допускать, что изображения разных животных начертаны на скалах тюркскими предшественниками калмаков тоже, может быть, в не особенно древнее время, подобно тому, как в наши дни кара-киргизские художники изобразили, по свидетельству профессора Сорокина, на стенах надмогильного здания на кара-киргизской могиле, на р.Джумгал (бассейна Нарына), на целом ряде сцен, «историю жизни умершего кочевника, в иллюстрациях»[4].

[1] «Монгольская летопись Эрденийин-эрихэ», Спб., 1883 г., стр. 337.
[2] Реферат г. Ивановского на VIII археолог. съезде.
[3] По каталогу археологической выставки 1892 г. (Congres international a Moscou 1892, Materials etc., premiere partie, Moscou, 1893, p. 156) серьги одной из каменных баб московского исторического музея совершенно сходны с серьгами некоторых осетинских могил новейшего времени (с XIV и позднее), из чего можно заключить, что изготовление каменных баб продолжалось еще в XIV.
[4] «В горах и долинах русского Тяньшаня», в «Историческом вестнике», 1886 года, июнь, стр. 651.

Глава третья

СОСЕДНИЕ ВЛАДЕНИЯ И ГРАНИЦЫ УСУНЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ

1. Восточные и южные соседи: Юебань, владения восточного Туркестана и Давань

Северо-восточные соседи усуней хунны, позднее Юебань. Мнения о территории Юебани. Владение это помещалось в бассейне Эбин-нора и Аяр-нора или Телли-нора. Потомками юебаньцев ныне являются киргиз-казачьи роды чумикей, чуе, абдань и сувань. Владение Утаньцыли. Гумо, Выньсу и Юйту. Гюаньду и Хюсюнь. Давань.

Сведения об истории и быте усуней, сохранившиеся в китайских летописях, доставлены были посланниками, наместниками, полководцами, которые, как и заносившие эти сведения в историю Китая историографы, естественно обращали главное внимание на факты, относящиеся к роли усуней в политических сношениях и столкновениях Китая с хуннами и западными государствами. Этим, быть может, главным образом объясняется крайняя бедность древних китайских источников по части сведений о внутреннем быте усуней и об отношениях их к соседним народам. Между тем эти отношения к соседям не могли не иметь влияния на исторические судьбы усуней. Поэтому я считаю необходимым привести здесь сведения о соседях усуней, ограничиваясь, конечно, такими данными, которые могут уяснить историю усуней и вообще населения западного Тяньшаня. Сведениями о соседних с Усунью владениях выясняются, между прочим, границы земель усуней. А это тем более необходимо, что в китайских известиях об усунях почти отсутствуют географические сведения об их стране: не упоминаются и не названы ни одна река (даже реки Или и Чу), ни одно озеро (даже Иссык-Куль и Балхаш), ни один из горных хребтов (если не считать Цунлина). Следовательно, и сколько-нибудь точное представление о территории усуней может быть получено лишь при выяснении ее границ.

По «Истории старших Ханей», владения усуньского гуньми на востоке были «смежны с хуннами, на северо-западе с Кангюем, на западе с Даванью, на юге с разными оседлыми владениями»[1]. Как далеко на запад простирались в то время владения хуннов, можно видеть из того, что по той же «Цянь-Хань-шу» «Каннгюй на востоке подчинен хуннам». Таким образом, не только с востока, но и с севера к территории усуней прилегали владения хуннов. Позднее, по «Истории северных дворов», после падения хуннов, «на северо-запад от усуней лежало владение Юебань». «Это есть аймак, прежде принадлежавший северному хуннскому шаньюю, прогнанному китайским полководцем Дэу-Хянь[2]. Северный шаньюй, перешел через хребет Гинь-вэй-шань[1],

[1] «Собрание сведений» и пр. III, 64 и 65.

[2] Тут имеются в виду поражения, нанесенные южными хуннами и китайцами в 89-91 гг. В 91 году разбитый северный шаньюй «бежал неизвестно куда», как повествует «Цянь-Хань-шу» («Собрание сведений» и пр. 1, 131 и 132).

ушел на запад в Кангюй, а малосильные, которые не в состоянии были следовать за ним, остались по северную сторону Кучи. Они занимают несколько тысяч ли пространства и по числу составляют до 200 000 душ. Жители (китайской) области Лянчжеу владетеля еще называют шаньюй - государь. Обыкновения и язык одинаковы с гаопойскими, но более опрятности. По обычаю тюркистанцев[2], обстригают волосы и подравнивают брови, намазывая их клейстером, что придает им блестящий лоск. Ежедневно по три раза моются, и потом принимаются за пищу. На южных пределах сего владения находится большая гора. Каменья по бокам горы от жару расплавляются, и сия жидкость, протекши несколько десятков ли от горы, густеет и отвердевает. Отверделое таким образом вещество жители употребляют в лекарства. Это есть каменная горючая сера. Владетель был в дружеских связях с жужаньцами. Однажды он с несколькими тысячами человек ступил в жужаньские земли, желая видеться с Датанем[3]. По вступлении в пределы его, еще не проехал ста ли, как увидел, что мужчины не моют платья, не связывают волос, не умывают рук, женщины языком облизывают посуду. Он обратился к своим вельможам и сказал: «Вы смеетесь надо мною, что я предпринял путешествие в это собачье государство. И так он поскакал обратно в свои владения. Датань послал конницу в погоню на ним, но не догнали. С этого времени они сделались врагами и несколько раз ходили друг на друга войною». В 426 году юебаньский владетель прислал к северному двору дары и предлагал одновременно напасть на жужаней. Император Тхай-ву, совершивший за год перед тем победоносный поход против жужаней, принял это предложение и сделал распоряжения об отправке войск, но поход, по-видимому, в этом году не состоялся[4]. «Впоследствии владетель всегда присылал посланников с дарами». Упоминается посольство в 449 году[5].

Китайские историки не дают никаких сведений о судьбе владения Юебань после 449 года, но так как между 487-490 годами земли между Алтаем и Тяньшанем были заняты гаопойцами, отложившимися от жужаней и перекочевавшими сюда из восточной Монголии, то, надо полагать, что тюркские роды Юебани признали власть гаогюйцев, после же падения их (около 540 г.) подчинились покорившим жужаньцев и гаогюйцев тукиюесцам[6].

Дегинь, ошибочно прочитавший в Юебани 200 т. «воинов» вместо «душ», полагал, что владение это находилось в земле башкир и что юебаньцы именно и есть те гунны, которые вторглись в Европу и произвели великое передвижение народов[7].

---

[1] По Дегиню (B.1, 59, перевода Денерта) горы эти отстоят от китайской границы на 5 т. ли. По о.Иакинфу, Гинь-вэй-шань есть «древнее название всей цепи пограничных Тарбагатайских гор на северо-западных пределах Чжуньгарии» (Топограф.указатель в «Собр.свед.», III, стр. 21).

[2] В подлиннике, конечно, стоит не «тюркистанцев», термин в то время не употреблявшийся, а «ху», т.е. варвары.

[3] Давань ханствовал с 414 до 429 года («Собр. свед», 1,212).

[4] «Собрание сведений», 1, 213.

[5] «Собрание сведений», III, стр. 163-165.

[6] «Собрание сведений» и пр., часть 1, стр. 251-255.

[7] Перевода Денерта, т. 1, 84.

Предположения эти опровергаются тою самою «Бэй-шы», где содержатся единственные об Юебани сведения, так как по этому источнику в Юебани остались только «слабосильные», главная же масса хуннов с самим шаньюем ушла дальше на запад. Гунны, покорив готов около 375 г., вторглись во Фракию еще в 395 году, и Аттила вступил в Галлию в 445 году, между тем юебаньский государь в 414-429 гг. воюет с жужанями и в 426 и 449 гг. пересылается посольствами с Китаем.

Клапрот, который излагает сведения об Юебани в таком виде, как будто бы все остатки северных хуннов, направляясь на запад к Кангюю, «по худобе и усталости скота», «вынуждены были остановиться на севере от Куча наших дней, где они на некоторое время утвердились под именем Уж ро или Уж рап», утверждает, не указывая никаких оснований, что позже они пошли на северо-запад и заняли, под тем же именем, страну, находящуюся по обеим сторонам гор Oulu tou или Alghin tau, ограничивающих с юга ишимскую степь». История, по словам того же писателя, после 448 года, к которому относит он последнее посольство из Юебани в Китай, «не упоминает более об этих хунну, которые, вероятно, смешались с другими тюркскими народами»[1].

Нейман думал, что земля Юебань лежала «по ту сторону Кангюя или Великой Бухарин, к Аральскому морю, где ныне кочуют киргиз-казаки». Не невероятно, по его мнению, что китайцы разумели под именем Юебани все земли к северо-западу от Согдианы до границ неизвестных им земель Римской империи. Имя Юебань кажется ему искажением имени Euligsia, как Прокопий называет всю степную страну на восток от Аральского моря (Da bella goth., IV, 4)[2].

Томашек полагал, что Юебань простиралась от реки Или до Аральского моря; имя Юебань сравнивает он с тюркским словом «ябань» - пустыня, обширная необработанная долина[3].

Если сообразоваться с указаниями приведенных отрывков «Бай-шы», то, мне кажется, под горами Гинь-вэй следует разуметь в данном случае нынешние Барлыкские горы, а не собственно Тарбагатайский хребет. На пути из Монголии в киргизскую степь лежит Барлык, а не Тарбагатай, который тянется с востока на запад и обходится, а не пересекается при движении с востока на запад. Северный шаньюй, уходя из Монголии на запад, в Кангюй, по кратчайшему и удобнейшему пути, должен был пройти в долину р. Имиля через Барлыкские горы, если только, что вероятнее, он не шел, немного южнее, через Каптагайский проход, ровною долиною между Эбин- нором и Алакулем. Слабосильная часть его хуннов, во всяком случае, по «Бай-шы», осталась, не переходя через хребет к Канпою, значит, не пересекая Барлыка и Алатау, т.е. в бассейнах Эбин-нора, Аян-нора и может быть Улюнгура. Следовательно, владение Юебань помещалось не в Башкирии и не в киргизской степи, а в восточной Чжунгарии. Подтверждается это и

[1] Tableaux Historiques de l'Asie, Paris, 1826, p. 109.
[2] Die Volker das Sudlichen Russlands in ihren gechichtlichen Entrwickelung, Leipzig, 1847, ss. 34,
[3] Tomaschek, Central asia Studien, Sogdiana, Asien, 1877, ss. 23.

указанием нашего источника на нахождение Юебани «по северную сторону Куча». Упоминаемая на южной границе Юебани гора снова упоминается в статье той же «Бай-шы», посвященной владению Гуйцы (Куча), где она значится под именем «Белых гор» и помещается на северо-запад от Куча[1]. Между тем на север и северо-запад от Куча приходится именно эбин-норская котловина. По «Т'ан-шу» в VI столетии, в стране, где в V веке находилось владение Юебань, обитали тюркские аймаки чуми, чумигунь и чуюе[2]. «Чуюе кочевал по южную сторону гор Инсо, от Баркюля на запад»[3]. Смежно, конечно, обитали упоминаемые постоянно с ним («чуюе с прочими») чуми и чумигунь. Подтверждается такое местообитание трех аймаков и изложением событий, их касающихся. Так, тюркский Дулу-хан с войсками чуюе и чуми совершает набеги на И-чжеу (Хами); китайский наместник, отразив Дулу-хана, берет приступом городок чуюеского сыгиня и т.д. При составлении в 652 году плана военных действий против тюркского Ашины-Хэлу, китайцы рассчитывали, что чуми, чумигунь и чуюе тяготятся подчинением тюркскому хану и перейдут на их сторону; ожидания не оправдались и китайским войскам пришлось первые годы войны вести ее именно против этих аймаков, причем взят был приступом чумугунев город[4]. По той же «Истории дома Т'ан»[5], в числе десяти аймаков, на которые делился народ, подвластный ханам западных тюрков, в первой половине VII столетия, находились вышеупомянутый чумугунь, затем чумиши-чубань и гешу-чубань (по Visdelou Tchu-mou-Koven, Chi-nichi et Tchupan u Khu-chu-tchu-pun). В названиях двух последних аймаков обращает на себя внимание имя чубань своим сходством с Юебань, тем более что в «Т'ан-шу» имя «чуми», как читаем у о.Иакинфа, встречается и в форме «юеми»[6], а потому, быть может, и в «чубань» могла употребляться замена слога или знака «чу» знаком «юе». Следует, быть может, принять в соображение и соотношение с именами «Юебань» и «чубань» имен ныне существующих значительных родов большой или великой орды «адбан» и «суван» (субан, суан). Все это имена, образованные приставками к слову «бань» или «бон»[7]. Ниже, в главах пятой и шестой, мы увидим, что сопоставление

---

[1] По «Бай-шы», «на северо-запад от Куча из Белых гор вытекает жидкое вещество, подобное салу, и составляет речку, которая, протекши несколько ли, уходит в землю. Помянутая жидкость имеет вид и густоту клейстера, весьма вонюча; если у кого вылезут волосы или выпадут зубы, то приложить ее: могут вырасти новые. Внутрь употребляемая пользует в кровяном поносе» («Собрание сведений», III, стр. 161). До возврата Кульджи китайцам Г.А.Колпаковский два раза посылал экспедиции в эти загадочные «Белые горы» или по-китайски «Бай-шань», но обе не достигли по разным случайностям цели. Наконец, третья снаряженная им экспедиция г. Киселева, в 1881 г., добралась до Бай-шаня. По кратким сведениям об этой экспедиции («Туркестанские ведомости», 1881 года, № 39 и «Туркестан» И.В.Мушкетова, Спб., 1886 г., том 1, стр. 217). Байшань оказался в 16 верстах к северо-востоку от Куча; вместо вулканических явлений, которые предполагались тут Гумбольдтом и Риттером, констатировано только подземное горение каменного угля. Подробный отчет г. Киселева, кажется, еще не напечатан и потому неизвестно - даны ли какие разъяснения относительно описанного китайскими историками жидкого вещества, подобного салу. К.И.Богдановский («Труды тибетской экспедиции 1880-1889 гг.; часть II, стр. 39) полагает, что это нефть, месторождение которой, по его сведениям, имеется и около Урумчи.

[2] «Собрание сведений», I, стр. 452, 453, 356, 357, 358.

[3] «Собрание сведений», I, стр. 453.

[4] Там же, I, 356-358.

[5] Там же, I, 355 и 356.

[6] Там же, I, стр. 4 и 8.

[7] То же слово бан входит в состав имени кумандинцев в северном Алтае на р. Бии: кубан («Алтайско-саянская горная система», стр. 434, со ссылкою на Radloff «Reise durch d'Altai в <...>.

родовых имен чуми, чумигунь, чуюе и чубань с содержанием древней тюркской легенды о происхождении тюркских племен, записанной в VI веке после Р.Х., но принадлежащей по времени своего возникновения более ранней эпохе, приводит к заключению, что роды эти были частями одного из четырех главных тюркских племен, которое на прародине своей в Алтае первоначально обитало на р. Чу или Чуй, давшей ему свое имя. На племя это, оставившее Алтай, вероятно, задолго до Р.Х., подобно двум другим ветвям тюркской народности - уйгурам и кыргызам, можно смотреть как на предка не только чу'йцев (чуюе, чуми и т.д.), но и всех западных тюрков (канглы и их отрасли и подразделения: гузы, кипчаки, туркмены, сельджуки, османы и т.д.). Часть этого племени, собственно чу'йцы, оставалась, как мы видим по китайским известиям, в тукиюеское время еще между Алтаем, Барлыком и Тяньшанем.

Хотя позднее тукьюесской эпохи (545-745 гг.) о судьбах чуми, чумигуней, чуюе и чубань нет прямых исторических известий, но мне кажется, что существование до настоящего времени чумугуней и чуюе дают возможность получить некоторое понятие о их прошлом. Чуми и чумигунь суть, по всей вероятности, многочисленный род Малой орды «чумэкэй» или «чумикей»[1], кочующий ныне между рр. Сыр-дарьей и Эмбой. Остатки чуюе вижу я в отделении «чуе» рода медет, находившегося в 1862 году в Кыскач-Садыровской волости Копальского округа (ныне в Лепсинском уезде) и имевшего свои зимовки на ур. Тентек, а летовки на ур. Ой-джайляу[2]. Если допустить, что чумикей, чуе, адбаны и суваны суть потомки кочевников, составлявших в I- V веках владение Юебань и образовавших потом в VI-VIII веках три восточных аймака западных тукьюэсцев[3], то можно думать, что эти тюркские роды оставили свою страну между Барлыком и хребтом Эрень-хабирга не ранее монгольской эпохи. Вероятно, покинули они эту страну только в XIII и XIV столетиях, под напором своих тюркских единоплеменников найманов и киреев, которых вытеснили в то время с земель их в Монголии монголы. Род чуюе, как видно по нахождению остатков его на р. Лепет, перешел только на северо-западный склон Чжунгарского Алатау, зато уцелел лишь в виде нескольких десятков кибиток. Роды адбан и суван ушли тоже недалеко, перейдя только за хребет, отделяющий эбин-норскую котловину от Илийской долины. Оба рода эти и теперь кочуют по среднему течению реки Или, первый на левом ее берегу, а второй на правом. С этих мест они может быть на некоторое время, были оттесняемы чжунгарами, но потом снова их заняли. Род чумикей увлечен был всех далее на юго-запад и участвовал в блужданиях тюркских племен по нынешней киргизской степи, пока из них не составились казачьи орды и пока, в XVIII уже столетии, не кончились их передвижения. Таким образом, северными своими соседями усуни имели тюркские

[1] Название этого рода в форме «чумикей» встречается, напр., на стр. 20 книги Н.И. Гродекова «Киргизы и кара-киргизы Сыр-дарьинской области», Ташкент, 1889.
[2] Н.А.Абрамова «Копал с его округом в 1862 г., в «Записках Р.И. географического общества», по общей географии, Спб., 1867 г., стр. 304, 307.
[3] «Чумикейский род меньшой орды полагает, что он прежде не принадлежал к киргиз-казакам, но происходит от турков и получил название от хана своего Чумякея, который, по вражде с Чингисом, отложился от него и перешел с приверженцами своими в места, ныне занимаемые среди киргизской орды» (Левшин «Описание киргиз-кайсакских орд и степей», 1832 г., часть 2, стр. 30).

роды, вошедшие впоследствии в состав казаков или киргиз. Отделялись от юебанских усуньские земли, вероятно, хребтом правого берега р. Или, связывающим Эрень-хабирга с Чжунгарским Алатау.

Составители «Дай-цинь-и-тунн-чжи» (государственная география Китая при манджурской династии) высказали мнение, не приводя, впрочем, оснований, что часть провинции Или входила, во времена династии Юань-вэй, в состав владения Yown-pan[1].

Из описания владения Утаньцыли в «Цянь-хань-шу» узнаем, что оно на западе было смежно с Усунем. В этом владении числилось всего 41 семейство или 231 душа[2] и основано оно было в 48 году до Р.Х. в западной части земель владения западного Чешы (ныне Турфан)[3]. По словам Wylie, «Си-юй-т'ун-вынь-чжи» помещает Wou-t'an-tsze-le на месте нынешнего Teneger в округе Урумчи[4]. Надо думать поэтому, что крайние восточные земли усуней доходили по крайней мере до верховий Малого Юлдуза.

На юге, по направлению от востока к западу, с усуньскими землями граничили владения Яньки или Яньци, Гуйцы, Гумо, Выньсу, Юйту и Давань.

Яньки и Гуйцы почти всеми исследователями признаются, несомненно, за нынешние Карашар и Куча[5].

По описаниям «Истории старших Ханей» владение Гумо было «на севере смежно с Усунем». От этого владения на восток до Гуйцы считалось 670 ли и на запад до Выньсу 270 ли. От Выньсу «на север до усуньского Чигу 610 ли» и на запад до Юйту 300 ли. В описании Выньсу не упомянуто, чтобы оно граничило с усуньскими владениями, быть может, потому, что около Р.Х. владетель Гумо покорил Выньсу и последнее считалось частью владения Гумо. В 300 ли на запад от Выньсу лежало владение Юйту, состоявшее из 300 семей кочевников. В Гумо было 3500 семейств населения, в Выньсу 2200[6].В главе второй мы уже видели, что Гумо находилось в низовьях рек Арбата и Джама, к юго-востоку от нынешнего Аксу, и что Выньсу расположено было близ нынешнего Уш-Турфана, немного на юго-восток. Владение Юйту, по расстоянию в 300 ли, т.е. около 118 верст, от Уш-Турфана, должно было находиться в бассейне ушской реки и резиденция владетеля «в долине Юйту» приходится около той местности, где дорога, по которой следовал в 1887 году Юнгхусбенд из Уш-Турфана в Кашгар[7], направляется от ушской реки в горы к перевалу Белоути. В «Цань-Хань-шу» значится, что хотя владение Юйту на юге смежно с Сулэ (Кашгар), но через горы нет проезда. Ко времени младших

[1] Journal asiatique, 4 serie, t.VIII, 1846, p. 388.
[2] «Собрание сведений», III, 86.
[3] Там же, 37.
[4] The Journal of the Anthropogical Institute etc., vol.XI, 1882, p. 102.
[5] «Собрание сведений», III, 85, 86 и 77. В.В.Григорьева «Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 г., стр. 32 и 35.
[6] «Собрание сведений», Ш. стр. 76, 77 и 64.
[7] «Сборник материалов по Азии», вып. 36, 1888 г., стр. 169 и 189.

Ханей проезд был найден, потому что дорога из Сулэ в Куча уже шла через Юйту, Выньсу и Гумо[1].

От Юйту на запад, прямою дорогою, было, по «Цянь-Хань-шу», два дня конной езды до владения Гюаньду, которое на севере было смежно «с Усунем» и состояло из 380 кибиток кочевников, имевших одежду, похожую на усуньскую, и принадлежавших к остаткам народа сэ[2]. Указанное направление (на запад от Уш-Турфана) и расстояние (два дня конной езды) определяют положение Гюаньду и долины Яньдунь, местопребывания владетеля, в верховьях ушской реки, т.е. на реке Аксай и около озера Чатыркуля. Этим выясняется и положение находящегося в 260 ли далее на запад владение Хюсань, население которого состояло из 358 семейств кочевников сэйского же происхождения; «правление хюсюньского владетеля» находилось «в долине Уфэй, по западную сторону Луковых гор». «От Кашгара на юг около Луковых гор места необитаемы, но при подъеме на упомянутые горы с западной стороны лежит Хюсюнь»[3]. Все это показывает, что Хюсунь, с резиденцией в долине Уфэй, соответствует нынешнему Узкенту и его окрестностям.

Составители «Си-юй-т'у-чжи» полагали, что Tcuann tou u Chieon touan находились на землях западных бурутов[4].

У Мадуаньлиня приведены следующие комментарии писателя VII века Ян'я Шыгу: «Yonon-tou есть то же самое, что Chin-tou (Индия); выражение S'ai-tchang есть то же самое, что chi-tchung (из рода Cakias, т.е. Сакьямуни, Будды); здесь есть небольшое изменение звуков, именно chi в sai»[5]. Эти замечания Шыгу привели Абеля Ремюза, а за ним и Риттера[6] к заключению, что Гюаньду было колонией индусов, тогда как, благодаря точному переводу Ст.Жюльена, ясно, что в этом случае китайский писатель сделал столь же неудачное сближение не имеющих между собою ничего общего имен, каково было, напр., производство имени «калмак» «от некоего рода шапок,... которые... колпаками называются»[7].

Далее Усунь граничила на западе с Даванью, население которой состояло из 60 000 семейств, 300 000 д.; правление владетеля находилось в Гуйшани[8]. В Давани считалось более 70 городов. «Почва, климат, местные произведения и обыкновения одинаковы с юечжискими и аньсискими»; жители ведут оседлую жизнь, сеют пшеницу и рис;

---

[1] «Собрание сведений», III, стр. 64 и 130.
[2] Там же, стр. 64 и 62.
[3] Там же, стр. 61 и 62. В переводе 1829 года («Описание Чжунгарии», Спб., стр. 38) у о.Иакинфа значится вместо «Хюсюнь» - «Сусюнь».
[4] Recucil de documents sur l'Asia centrale ets., pp. 165-167.
[5] Nature historique de Mo touan-lin sur l'Inde? pur St.Julim, в Journal asiatique, 1847, t.X, p. 93.
[6] Русского перевода т. Ill, стр. 551. У Аб.Ремюза Rectuches sur les luingues turtures, 1820, 288.
[7] «Сибирская история, сочиненная Фишером», Спб., 1774 г., стр. 22 и 23 Еще Дегинь (Historie generate des Huns etc., t.l, partie II, p. XXXIII) замечает, что название владения Гюаньду (Kuen-to) имеет большое сходство с именем, которое китайцы дают Индии, отчего их географы часто их смешивают: il est importante de ne pas les confronto.
[8] По Аб.Ремюза (Norewoux Melanges, asiatiques, Paris, 1829, p. 200) Kousi-wang-chan, т.е. город благородного царя.

делают виноградное вино, богатые в больших количествах, и хранят без порчи несколько десятков лет. На севере Давань граничила с Каньгюем, столица которого Битянь находилась в 1510 ли от Гуйшани. На юго-запад до Большого Юечжи считалось 690 ли[1]. В «Истории младших Ханей» нет описания Давани. По «Бэй-шу» «Лона есть древнее владение Давань; резиденция в городе Гуйшань; лежит от Кашгара на северо-западе. В 479 году владетель прислал с посланником потокровных лошадей; с сего времени всегда присылал посольства с дарами»[2]. В описании Сулэ (Кашгара) о Лона не упоминается, но значится, что от Сулэ на запад до Боханы 1000 ли[3]. Все по той же «Истории северных дворов», столица особо описываемого владения Бохань лежит в 500 ли от Луковых гор на запад; до Суйдушана на запад 500 ли, на северо- запад до Ши 500 ли. Тут же пояснено, что Бохань есть древнее владение Кюйсэу[4]. По «Истории династии Т'ань» «Нинъюань собственно есть владение Боханьна, иначе Бохань. При династии Юань-вэй оно называлось Полона... Местопребывание владетеля в городе Сигань, на северной стороне реки Чженьчжу. Находится шесть больших городов и около ста малых». Во второй четверти VII века владетель Киби был убит одним из тукьюеских князей. «Ашина Шуни (тоже из тюркских князей) отнял у последнего город» (Сигянь?). По смерти Шуни сын его жил в городе Гесай[5], а туземный владетель в городе Хумынь. В 659 г. «Гесай переименовал (кит. двором) областью Хюсюнь». В 744 году император дал владению название Ниньюань[6].

Китайские писатели и за ними Клапрот[7] и о. Иакинф[8] признают Давань за Фергану (впоследствии Кокандское ханство).

В статье о некоторых народах Тибета и Бухарин по Мадуаньлиню Абель Ремюза приводит пояснение «Т'ань шу» о том, что «владение Суйдуйшана, известное уже при Суйской династии, есть страна Давань ханьских времен»[9]. Основываясь на этом и

---

[1] «Собрание сведений», III, 4 и 59.
[2] «Собрание сведений», III, 166.
[3] Там же, 163.
[4] Там же, 186.
[5] Этот город Гесай Абель Ремюза в одном из своих трудов (Nouvaux Molanges asiatiques, t. 1, Paris, 1829, p. 204) называет Kho-se, а в другом (Memoires sur plusicrus questions relat.a в Geographie de Г Asia centrale, Paris, 1825, p. 96) Ho-se. В последнем, упомянув, что в 658 г. город Hu-se переименован в дистрикт Hilou-siun, Абель Ремюза замечает: «Это (т.е. Hieon-siun) то самое имя, которое китайцы до нашей эры давали усуням (ou-siun), значительному народу, не принадлежавшему ни к одной из рас, обитающих ныне в Тартарии, и простиравшемуся до Ферганы и далее». Это ошибочное смешение владения Хюсюни с усунями послужило, должно быть, поводом к еще более ошибочному утверждению г. Миддендорфа (в прекрасном труде его о Фергане, который немного теряет от путаницы и ошибок в исторических сведениях, особенно на стр. 374 и 375 русского перевода, изданного в 1882 году под заглавием «Очерки Ферганской долины»): «Что иючи (т.е. юечжи) некоторое время занимали и Фергану, это доказывается тем известием, что уссуны однажды отняли у них эту землю; с тех пор название Фей-га-на изменилось у китайцев в Гиеоу-сиун». Конечно, г. Миддендорф упустил из вида, что переименование Гесая в Хюсюнь, по тому же Абелю Ремюза, произведено в 658 году после Р.Х., когда самое имя усуней, как и Хюсюми, имело для китайцев только археологический интерес.
[6] «Собрание сведений», III, 251 и 252. Ning-jouan, в переводе с китайского по Аб.Ремюза (Memoires sur pl.questions, etc., p.47), значит «la paix luiaticine <...>.
[7] Natices geographiwues et historiques sur Kocand etc., trad, de la 420 sectian de la nouvella edition du Thai thsing - y thoung tchi (Magasin asiatique, pabl. par Klaproth, Paris, 1825, t. 1)
[8] «Собрание сведений», III, стр.8.
[9] Nouvaux Milonges asiatiques, Paris, 1829, t. 1, p. 203.

находя расстояния от Usi (так Дегинь и Абель Ремюза читали название резиденции Хюсюни, Уфэй о.Иакинфа), который приурочивает к нынешнему городу Ошу, до Давани в 920 ли и от Давани до Самарканда, который считает резиденцией владения Юечжы, в 690 ли, как показано по «Хань-шу», соответствующими положению Ура-тюбе, прежней Осрушны и Суйдуйшаны, Рихтхофен полагает, что Давань находилась не в Фергане, а в Ура-тюбе[1]. По «Т'ан-шу» в переводе о.Иакинфа, владетель Суйдуйшаны «имеет пребывание на северной стороне гор Боси. Это место при старшей династии Хань принадлежало городу Эршы[2]. На северо-восток до Гюйчжанти 200, на север до Ши, на запад до Кана, на северо-восток до Нинъюань по 400 ли»[3]. Предполагая верным это замечание «Истории династии Т'ан», составленной более чем через 1100 лет после первоначального знакомства китайцев с западом и походов их на Давань, нельзя, однако же, не заметить, что если город Эршы занимал местность нынешнего Ура-тюбе, то из этого еще не следует, что город этот был Даванью, т.е. резиденцией Давани. Напротив, мы привели уже, что по «Хань-шу» столицей Давани был Гуйшань, в Эршы же только водились знаменитые потокровные лошади. В состав Давани, судя по известию той же «Т'ан-шу» об учреждении в городе Ганьгэ[4] (по-видимому, во владении Ши, так как известие это помещено в описании Ши), в 658 году, правления «Даваньской губернии», входила часть Илийской области, то из этого нельзя заключать, что Давань есть Ши и что столицею Давани был Ташкент. Имя Гуйшань близко к имени селения Кашан или Касан (в 38 верстах на север от города Намангана), одной из древнейших оседлостей Ферганы[5]. Если же искать Гуйшани на южном берегу Сыр-дарьи, то даже и по расстояниям и положению ближе, чем Ура-тюбе, подходит Гюйчжанти т'анских времен[6], нынешний Ходжент, по сходству и имени с Гуйшань. Что касается расстояний, на которые опирается Рихтхофен (не приводя, впрочем, подробных расчетов и утверждая, явно неосновательно, что 330 ханьских ли равнялись

---

[1] China. Erster Band, 1877, ss. 450, 451. «Имя Oura-tipa писалось первоначально Ousrouchana или Osrouch» (Memoires de Baber, trad, par Pavet de Courktenille, Paris, 1821, t. I, p. 15). Томашек производит слово Осрушана от древнебактрийского kh su dracanaka, означающего «уничтожение всего живущего» (см. Sogdiana, Wien, 1877, s. 54).

[2] Проф. Васильев, в статье своей «Об отношениях китайского языка к средне-азиатским» («Журнал Министерства Нар.Просвещения», 1872 г., сентябрь, стр. 89), замечает, что вместо Эршы, следует читать Ни-ши. «Напрасно, говорит он, отыскивали бы мы город Эрши, но название Ниша- бур, т.е. Ниша или Нисапура, является на картах, только западнее того места, в котором мы его полагаем». Томашек указывает, что арабские географы знали два округа Nisa, Nisaga или Nysagah южнее изгиба Яксарта в Фергане: в нижнем или восточном округе лежали Ош, Андиган, Маргинан, в верхнем же или западном Khwaqand, Sukh, Aspara, Warkhakhs; в последнем разводились знаменитые даваньские лошади. См. Kritik den altesten Nachrichten uber den Skythischung Nageden, в <...> den Kass Akademie der Wiss , CXVII Band, Wien, 1839, s.53,54.

[3] «Собрание сведений», III, 241 и 242. Гюйчжанти, по положению и по расстоянию, а также по сходству имени, видимо, Ходжент.

[4] У Абеля Ремюза (Memoires sur plusicurs questions etc., Paris, 1825, p. 88) «город Khan-Kie, который был столицей (Шаша)». Я полагаю, что этот город находился на реке Ангрен или Ангергеран и носил то же имя, сходство с которым сохранилось в китайском Таньгэ.

[5] По народным преданиям, нынешним, с именем Афросиаба, т.е. Древнейшего легендарного царя Турана, противопоставляемого Ирану, соединяются в Туркестанском крае городища только в Самарканде, Ташкенте и Кашане («Заметки о древних урочищах Туркестанского края» в «Туркестанских ведомостях» 1879 года, №12). Это намекает, что Касан был некогда столицею знаменитого древнего царства: какого же, если не Давани?

[6] «Собрание сведений», III, 243.

60 «географическим» милям), то должно иметь в виду, что показанные в «Хань-шу» расстояния часто не верны, «потому что, проходя в течение двух тысяч лет через руки множества переписчиков и ксилографов, необходимо должны были они исказиться более или менее вследствие описок»[1]. Так, например, если проверять показания в «Хань-шу» расстояния между интересующими нас пунктами расстояниями этих же пунктов от столицы (китайской) и от местопребывания наместника в Улее, то найдем, что Давань находилась от китайской столицы в 12250 ли и от Улея в 4310 ли, а Б.Юечжы от столицы в 11600 ли и от Улея в 4740 ли, хотя «большая дорога на запад в Давань, Каньгюй и Б.Юечжы» одинаково вела чрез Сулэ, которое показано от ее столицы в 9350 ли и от Улея в 2210 ли[2]: не говоря уже о несоответственности почти всех этих расстояний одних другим, Давань выходит дальше от китайской столицы, чем Б.Юечжи, тогда как дорога в оба владения шла одинаково чрез Сулэ и в Юечжи, несомненно, чрез Давань. Легко поэтому может быть, что и расстояние Б.Юечжи от Давани в 690 ли показано в существующей ныне редакции «Хань-шу» ошибочно. Наконец, предположение Рихтхофена о нахождении столицы Б.Юечжи в Самарканде, как увидим ниже, едва ли основательно[3].

Я полагаю, что при определении положения Давани следует руководствоваться последовательными указаниями «Бэй-шу» о том, что современная Лона была древняя Давань, и «Т'ан-шу» о том, что современная Боханьна, Бохань (Фергана) во времена северных дворов называлась Полона (Лона), так что Давань соответствует Фергане. Ясно это и из указания «Хань-шу» о том, что владения усуньского гуньмо граничили на западе с Даванью[4], если бы Фергана соответствовала Хюсюню, как полагает Рихтхофен, а Давань Ура-тюбе, то усуньские земли не могли бы граничить с Даванью, потому что были бы отделены от нее Ферганою - Хюсюнью[5].

---

[1] В.В.Григорьев. «Восточный Туркестан», вып. 2, 1873, стр. 32.
[2] «Собрание сведений», III, 59, 54 и 63.
[3] Если и находить, согласно с Рихтхофеном, сходство Гесая с Ахсыкетом (столицею Ферганы при Тимуридах, в имени которой, мне кажется, скорее сходство с Сигянь, столицею Полоны), то присвоение китайским двором Бохани названия владения Хюсюнь, земли которого вошли потом в состав Бохани или Ферганы, не мешало Фергане в ханьские времена составлять главную часть территории Давани: не могли они 380 кибиток хюсюньских кочевников занимать всю Ферганскую долину и окружающие ее горные пастбища.
[4] «Собрание сведений», III, 65.
[5] Обыкновенно считают Давань за Фергану, но я думаю, - говорит Kingsmill, - что ее следует помещать на восток от памирской степи на месте нынешнего Яркента. Доказывается это тем, что китайское w соответствует санскритскому vr и греческому фр, а потому китайское wan есть не что иное, как фрун, т.е. вань это фруны Страбона, по которому цари греко-бактрийские распространили свои владения «до Серов и фрунов» ... Вместе с тем Wan или Yuan просто представляют собою Yar в слове YanKand, следовательно, Давань есть Яркент. Соответственно этому положению Давани соседний с нею Кангюй надо считать за оз.Каракуль на Памире. Вместо Яньцай (Yan-tsai, аланы) он читает Ym-t'sai, впоследствии Ym-t'sai-li-Kan, и толкует, что это Самарканд: стоит только переставить знаки и т.д. Для суждения об этих слишком рискованных лингвистических гипотезах достаточно привести их (The Journal of the Royal Asiatic Society, 1882, vol.XIV, p. 48). Автор не позаботился объяснить: что же такое владение Согюй, которое описывается в «Хань-шу» особо от Давани и считается почти всеми писателями за Яркент?

2. Западный сосед усуней Кангюй

Кангюй во времена Ханей. Пять мелких подвластных Кангюю оседлых владений. Из них Юйни соответствует нынешнему Ташкенту. Сусе лежало в долине Кашка-су, Фумо находилось между Керминэ и Катта-курганом, Юегянъ соответствует Хиве. Сношения Кангюя с Китаем до Р.Х. Местонахождение столицы Кангюя. Подвластное Кангюю владение Яньцай, впоследствии Судэ. Это - аланы. Покорение их хуннами и тождество хуннов с гуннами. Отсутствие прямых сведений о Кангюе с IV века. Владение Чжеше или Шаш.

По «Истории северных дворов» «Чжеше есть древнее владение Кангюй, от Полоны на северо-западе». По «Т'ан-шу» владение Ши, иначе называвшееся Чжечжи и Чжеши, при Ханях «составляло северные пределы Давани»; «на юго-запад через 500 ли Кан»; «владетель прозывается Ши, пребывание имеет в городе Чжеси. Это место принадлежало городу Юйни малого кангюйского владетеля. На юго-западе есть река Иоша, которая уходит (?) в Срединное государство и называется Чжень-чжу-хэ или Чжи-хэ»[1]. По всему этому Юйни, Чжеши и Ши разных времен соответствуют одинаково Шашу мусульманских писателей, т.е. Ташкенту[2], река же Иоша или Чженьчжу есть шашская река (Сыр-дарья), которой начало (Нарын) при династии Т'ан находилось во владениях западных турок, считавшихся вассалами Китая.

Возвращаясь к ханьским временам, находим, что граничившее с Даванью, которая лежала от него на юг, владение Кангюй (Канцзюй по первоначальной транскрипции о.Иакинфа) имело население в 120000 семейств (кибиток) или 600000 душ и могло выставлять 120000 войска. Правитель жил зимою в г. Битянь, в стране Лоюен[3], откуда до летнего местопребывания его было семь дней пути, а до китайской столицы 12300 ли. Все это по «Цянь-Хань-шу», в которой значится еще, что «Кангюй на востоке подчинен хуннам»[4]. По докладу Чжан Цяня Кангюй, смежный с Даванью и лежавший от нее в 2000 почти ли на северо-западе, «по малосилию своему признает над собою на

---

[1] «Собрание сведений», III, 171, 243. В цитатах из «Т'ан-шу» в Recucil de documents etc. говорится, что владение Che расположено на правом берегу р. Sou ye. На юго-западе есть река Yao cha, которая под именем Tchean Tchou ho (т.е. «река истинных жемчужин» замечает переводчик) выходит в Срединную империю (pp. 146, 147).

[2] Таковы же заключения составителей «Си-юй-т'у-чжи», которые полагают, что восточная граница владения Ши должна была доходить до Таласа, а на юго-востоке простираться за Ташкент (pp. 176 и 150). Переводчик замечает (Recucil de documents etc. p. 147), что ши (che) по-китайски значит камень и китайские названия владения Tche tche, Tche tchu, Tcho Che соответствуют Шашу (Chuch или Tchadj) и значению слова Ташкент: каменный город.

[3] У Абеля Ремюза столицею Кангюя при Ханях был город Pi thian в стране Lo-yovei-ni (N.Milanges, t.I. p.225) В этом своем извлечении из Мадуаньмина Абель Ремюза говорит, что кангюйский владетель «обитает также в городе Sou-hiai» (Суям у Иакинфа), но совершенно умалчивает о пяти подвластных Кангюю владениях. Ни один из синологов (в том числе Дегинь и Клапрот,.<...> именно Мадуаньмином), ничего не говорит о том, чтобы Сунмо служило резиденцией Кангюя и потому здесь со стороны А.Ремюза очевидна ошибка или недоразумение.. В Recucil de documents etc. в одном месте Таи pi Tchenn на территории Lo yue t'o (p. 135), в другом (на странице 172) Pi tchenn и в третьем (на стр. 140) Lo yult'o.

[4] «Собрание сведений», III, 56. У А.Ремюза (p.225) le prince de partie orientale obeissait aux Hioung-tou.

юге власть юечжысцев, на востоке власть хуннов»[1]. Чжань Цзянь называет Кангюй кочевым владением, сходным по обычаям с юечжи.

По «Цянь-Хань-шу» «Кангюй имеет под собою пять мелких владений», из которых самое восточное было, по-видимому, Юни (очевидно, Юйни, т.е. Ши, Шаш); на 310 ли дальше от резиденции китайского наместника восточного Туркестана находилось владение Сусе (5576-5266 ли) и на 500 ли (5767-5266 ли) Фуму; дальше против Юни на 1030 ли (6296-5266 ли) Ги и еще далее на 1640 ли (6906-5206 ли) Юегянь[2]. При точнейшем определении этих вассальных кангюйских владений оказывается, что по «Т'ан-шу» древние земли города Сухэ (то же, конечно, что Сусе), составляли в эпоху Т'анов владение Шы (Sse). иначе Гешуанна (Kie-chong-na), от которого считалось на запад 150 ли до Нашебо (Na-se-po, Нахшебо арабского географа), и 400 ли до Тухоло. В этом владении есть гора, называемая «Железные ворота». Сносившийся с Китаем в 605 году владетель построил город Циши (Кеш арабских географов и времен Тимура)[3]. Все это показывает, что Сусе занимало бассейн р.Кашка-су.

По «Т'ан-шу» владение Хэ (Но), иначе Кюйшуаннига (Kiu-chang-ni-Kia) и Гуй- шуанни, «есть древний город Фумо, принадлежавший малому кангюйскому владетелю»[4]. От этого владения, по «Бэй-шу», было на восток 150 ли до владения Цас и 300 ли на запад до владения малого или восточного Ань[5]. Для выяснения положения владения Хэ необходимо принять в соображение, что Цао находилось на северо-запад от Кана в 100 ли и называлось в т'анские времена западным Ца[6]. Большое или западное Ань лежало от восточного на запад в 100 ли[7]. По этим расстояниям и по нахождению всех этих владений на р. Нами[8] (Заревшан, древний Согд), выходит, что большое Ань отстояло от

---

[1] «Собрание сведений», 111,6 В переводе Броссэ (Journal asiat., 1828, t.II, p.425) вместо этой фразы стоит: De petits <...>.
У Kingsmill's (Journal of the R.Asiatic Siciety, 1878, vol. X new series, p.297): on the south it (Yang-gu) has relations with the Viddals; on the east with the Hiung-nu.

[2] «Собрание сведений», III, 56-59 У Дегиня (B.I,s.75) пять владений названы: Ona-ni, Su-himi, Hou-mo, Ki, Yue-Kuen. По Клапроту (Magasin asiatique, I, p. 105): You-ni, Sou-Kini,Tou-mo, Ki,Au- Kien. В Recuicil de documents etc. (p.145): Yie t'o, Tou mo, Pinn, Lo tcienn
Можно думать, что Юни или Юйни китайцев есть тюркское слово яны - новый: Яны-шар'ов, Яны-кентов, Яны-курганов перебывало и существует множество. Ниже мы увидим, что в XIII-XVI столетиях город или вся местность на р. Таласе именовалась Яны и выходцы оттуда янылыками («Тарихи-Рашиди»). Весьма возможно, что Шаш и его местность в I веке до Р.Х. назывались новыми, быть может вследствие возобновления города, перед тем разрушенного, неизвестно теперь кем и когда.

[3] «Собрание сведений», III, 246 и 247. Город Карши на нижнем течении реки Кашка-су отстоит ныне от Самарканда в 130 в., а г. Шаар (Шехри-себз) в 64 в.; от Карши до Шаара 116 в. («Туркестанский календарь», 1880 г., стр. 30 и 31, и г. Маева «Очерки Бухарского ханства» в «Материалах для статистики Турк. края», вып. V, стр.78). Современное описание «Железных ворот», находящихся на пути из бассейна Кашка-су в Гиссар, близ селения Дербент, можно, между прочим, читать в «Очерках Гиссарского края», того же автора, в тех же «Материалах», стр.146.

[4] «Собрание сведений»,III, 246.

[5] Там же, 188 и 187.

[6] Id., 242.

[7] Там же, 240.

[8] Имя реки Согда Nami, Namith или Nami Томашек (Sogdiana, s. 19) производит от бактр. naman, древнеперс. пата, новоперс. пат, значащих noman, fama, gloria, и от бактр. namista, т.е. nobilissimus, новоперс. nami, означающего illustris, celebratus.

Кана не далее 550 ли, т.е. соответствует Бухаре[1], как это подкрепляется и известиями «Т'ан-шу», что б. Ань иначе называлось Бухо и Бугэ, а при династии Юань-вэй еще Нэуми[2]. В таком случае владение Хэ или Фумо находилось между Керминэ и Катта-Курганом, а западное Цао между последним и Самаркандом[3].

По той же «Истории дома Т'ань» владение Хосюнь, иначе Холисими и Боли, занимает «древние земли города Юегань, принадлежавшего малому кангюйскому владетелю». Находилось это Холисими (видимо, Харезм) на южной стороне р. Уху (Оке), имея на севере-западе тукьюэское поколение Гэса (гузы?) и на юго-западе Босы (Персия)[4].

Таким образом, из пяти перечисленных в «Цянь-Хань-шу» подвластных Кангюю владений одно (Юйни) было расположено на правом берегу Сыр-дарьи, другое на Зеравшане (Фумо), третье на Кашка-су (Сусе) и четвертое на низовьях Аму-дарьи (Юегань), так что Кангюю подчинялись все земли по обоим берегам Яксарта и между Оксом и Сыр-дарьей. О нахождении Давани в зависимости от Кангюя нет ясных указаний, но так как во время осады даваньской столицы китайцами в 101 году до Р.Х. Ли Гуань-ли согласился на выгодные для осажденных условия мира из опасения прибытия на помощь даваньцам войск из Кангюя[5], то можно думать, что и Давань была вассальным владением Кангюя. В «Истории младших Ханей» значится, между 46 и 60 гг. после Р.Х., что яркентский владетель Хянь, завоевавши Давань, посадил туда владетелем своего подручника из князей Восточного Туркестана, но этот подручник продержался не более года и вынужден был убраться восвояси, так как «кангюйцы несколько раз нападали на Давань»[6].

Выше мы видели уже, что в последнем полувеке пред Р.Х. кангюйцы враждовали с усунями и пригласили к себе на помощь шаньюя Чжичжы. В 36 г. китайцы с двумя армиями из туземцев, главным образом, конечно, усуней, вторглись в Кангюй с одной

---

[1] По «Турк. календарю», 1880 г., стр. 27, от Самарканда до Бухары 225 верст. Раньше, по измерению одометром, считалось 245 в.(письмо Н.В.Ханыкова в Journal asiatique, 1866, t. VII, p.285).

[2] «Собрание сведений», III, 240.

[3] Vivien de Saint-Martin полагает, что Хэ есть Kuschanich или Kuschanio - большой город в Согдиане, на полдороге между Самаркандом и Бухарой, к северу от Зеравшана (Memoires sur les contries occidentales, par Hiomen-thsang, Paris, 1883 t. II, 281). Действительно, по Абульфеде (Geographie, II, 2, p. 220, Paris, 1883) «Kaschangah... занимает центральное положение между городами Согда». И теперь еще существует «огромный торговый кишлак» Касан, находящийся в 3 ташах от Карши по дороге в Бухару; от Касана начинается уже степь и по близости кончается вода Кашка-су (см. статью г. Маева, в «Материалах для статистики Турк. края», вып V, 1879 г., стр. 112). В имени Fu-me Томашек (Sogdiana, 1, 97) узнает бактр. bumi, новоперс. bum, т.е. пахотная земля, почва. Kasanah или Kasan означает «зимнее жилище». Западное Цао, по положению и столице se-ti-hen (у о.Иакинфа, III, 242, Сидихын), он признает за Astikhan или Isti-Khan, между Катты-Курганом и Чилеком, по Идриси в 7 фарсахах от Самарканда (ss. 88 и 89). Bukhar он производит от санскрит, vi- hara - буддийский храм, lucus secretus (s. 103). По Мадуаньлиню, в переводе Абеля Ремюза (Nou- vaux melanges asiatiques, t.l, p.231). Ань (Бухара) есть древнее владение Tu (l'anien pays du rui de Ki). В переводе о.Иакинфа (III, стр.240) эта фраза отсутствует.

[4] «Собрание сведений», Ш, 246. Томашек (Sogdiana, I, s. 113) считает древнею столицею Харезма Кат или Хварезм. Последнее слово по Спигелю и Юсти означает тощую, бесплодную землю, а по Лерху - низменную землю.

[5] В это время кангюйские объездные отряды «обозревали китайскую армию» («Собрание сведений», III, 28).

[6] «Собрание сведений», III, 125.

стороны чрез Давань, с другой - чрез усуньские земли, сожгли город, который строил шаньюй Чжичжы, и произвели большие грабежи в кангюйской земле, проникнув далеко к западу от озера Хотан (Иссык-Куль?). Застигнутые врасплох кангюйцы, собравшись с силами, напали на усуней, удалившихся на восток, и затем занялись преследованием возвращавшейся китайской армии, захватив значительную часть ее обозов. Однако вскоре после того, в царствование Чен-ди (32-28 гг. до Р.Х.), кангюйский владетель завязал с Китаем дружественные сношения, послав ко двору сына и дары. Тогдашний наместник западного края Го Шунь представил двору, что хотя кангюйский государь отправил сына «в службу при китайском дворе, но это только хитрый предлог, под которым он желает производить торговлю». Кангюй, по словам Го Шуня, «горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение пред нашими посланниками». Чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усуньских послов. Князьям и старейшинам его подают кушанье прежде, а потом уже посланным от наместника. Сим образом, он ничего не упускает, чтобы выказаться пред соседними владетелями». Доказывая бесполезность сношений с Кангюем, Го Шунь писал, что «минувшее могущество хуннов не от того зависело, что они имели под собою Усунь и Кангюй; равным образом и не от того они признали себя вассалами Китая, что лишились упомянутых двух государств. Китайский двор, хотя принимает сыновей их в заложники, со всем тем сии три владения продолжают взаимную приязнь и по-прежнему имеют связь между собою; равно не оставляют и «подсматривать друг за другом, и при выгодных случаях взаимно нападают друг на друга. При соединении они не могут искренно доверять друг другу; при разделении не могут покорить друг друга. Нынешняя родственная связь нашего двора с Усунем еще никакой выгоды не доставила; напротив только озабочивает Срединное государство. Но как Усунь прежде вступил в связь с нами, и вместе с хуннами признал себя вассалом, то справедливость требует не отвергать их»[1]. Китайский двор, однако, не внял этому представлению и не прервал сношений с Канпоем, хорошо, конечно, зная, что и большинство отдаленных западных владений поддерживает сношения только для торговли. В данном случае едва ли Го Шунь не ошибался: как кочевое государство, Кангюй не имел непосредственного интереса в торговле; если же нуждались в ней подвластные ему владения с оседлым населением, то достаточно было самими торговцами снаряжаемых от имени правительства, под видом посольств, торговых караванов. Отправка ко двору сына кангюйского владетеля объясняется единственно опасением возобновления неприязненных действий со стороны Китая после недавнего похода для «истребления» Чжичжы. Во всяком случае затем ни о каких политических сношениях с Кангюем до Р.Х. и за время младших Ханей не упоминается: ослабление и потом прекращение владычества Китая на западе делали эти сношения для Кангюя бесполезными.

[1] «Собрание сведений», III, 57. Абель Ремюза (Nouvaux Melonges Asiatique, t.I, p.226) упоминает о представлениях Го Шуня (Kouo-chun) слишком сокращенно.

Показанное в «Цань-Хань-шу» расстояние кангюйской столицы Битянь в 1510 ли на север от Давани дает (при переводе ханьских ли на версту по расчету 196 с лишним сажен на ли, как выяснилось на измеренном в 1876 году расстоянии между Карашаром и Куча) от даваньской столицы до Битяни почти 594 версты. От Ходжента (Гюйчжанти, Гуйшань) до Ташкента ныне по «Почтовому дорожнику» 139½ верст. За вычетом этих 139½ в. из 594 в. остается 354½ верст. Это приводит к пункту между Туркестаном (268 верст от Ташкента) и Джулеком (200½ в. от Туркестана). Семь дней верхового конного пути до летнего местопребывания кангюйского владетеля могли приводить на летовки в Улутау. В «Истории старших Ханей» означено еще расстояние в 5000 ли от усуньского города Чигу до кангюйского места Фаннэй[1]. По разнице между расстоянием Битяни от китайской столицы и таким же расстоянием от той же столицы до города Чигу, расстояние Битяни от Чигу было не более 3400 ли (12300 - 8900), т.е. около 1317 верст. Это несколько больше расстояния от д.Сливкиной на Иссык-Куле по почтовому тракту до Джулека, равняющегося 1185 верстам. По расстоянию в 5000 ли (1966 в.) от Чигу местность Фаннэй, находившаяся, вероятно, около границы с Яньцаем, приходится около Иргыза, который отстоит от Сливкиной на 1990 верст по почтовому тракту[2].

Владение Яньцай известно было уже Чжан Цзяню, который помещает его «почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад» и описывает как кочевое, с 100 т. войска (на 10 т. более чем в Кангюе), государство, лежащее «при большом озере, которое не имеет высоких берегов»[3], т.е. должно быть при Каспийском море, как полагает Нейман (Die Volker des sudlichen Russlands, 1847, s. 35). По «Истории младших Ханей» владение Яньцай «переименовалось Аланья» и «состоит в зависимости от Кангюя». По-видимому, оно далеко простиралось на северо-запад, потому что в нем «много сосны, ракитника и ковыля». По той же истории состояло также в зависимости от Кангюя владение Янь, лежавшее на север от Яньцая и платившее ему дань «кожами зверков мышиной породы». Показано, наконец, подвластным Кангюю владение Суи[4], местоположение которого не определено. Из Суи вывозились «славные лошади, крупный и мелкий рогатый скот, виноград и разные плоды»; «делаемое здесь вино-

[1] По «Собранию сведений» III, 64) 5 т. ли показано «на запад до кангюйской границы», но в «Описании Чжунгарии» (1829 г., стр. 42) значилось не до кангюйской границы, а «до кангюйского места Фаннэй». Wylie перевел также «до местности Fan-nuy», заметив, что Fan-nuy буквально значит inside the border , но он считает эти знаки собственным именем местности (p.84). На стр. 31 перевода о.Иакинфа 1829 года, в статье «Кангюй», значилось: «До Лоюени (откуда?) семь дней конной езды; до Фаннэй, где он (владетель) имеет местопребывание летом, 9104 ли». В переводе 1851 г. (III, 56) взамен читаем: «От Лоюени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания. Окружность земель его содержит 9104 ли». Кстати, необходимо заметить, что именно расстояние в 5 т. ли до кангюйской границы или до местности Фаннэй послужило для Дегиня основанием помещать Кангюй в Башкирию (Historie generale des Huns etc., t.I, parie II, p.LXIV). Рихтхофен (China, B.I, 451) вероятным расположением Кангюя считает районы Ташкента, Чимкента и Туркестана, помещая Яньцай в низовьях Сыр-дарьи.

[2] От д.Сливкиной до г.Пржевальска 33 версты, далее до Пишпека 369 в., до Мерке 115 1/4 в., до Аулиеата 148 в., до Чимкента 164,5 в., до Туркестана 154 1/4 в., до Джулека 200,5 в., до Перовска 108 в., до Кармакчи 178 в., до Казалинска 174 3/4 в., наконец, до Иргиза 344 3/4 в., итого 1990 верст.

[3] «Собрание сведений», III, 6.

[4] У Абеля Ремюза, в статье о некоторых народах Тибета и Бухарин, по Мадуаньлиню (Nouvaux Melonges asiatiques, t.I, p. 225), сказано, при описании Кангюя во время старших Ханей, что Кангюй «смежен с dou-yi-yi. В переводе о.Иакинфа этого нет.

градное вино в славе»[1], а потому надо думать, что владение это находилось южнее Сыр-дарьи (конечно, это под немного испорченным именем Сухэ или Сусе «История старших Ханей», впоследствии Кен (Самарканд), также славившийся лошадьми и виноградным вином). В «Бэй-шу» есть особое описание владения Судэ, находившегося «от Луковых гор на запад; в древности называлось Яньцай и Выньнаша; лежит при большом озере, от Кангюя на северо-запад ...Некогда хунны, убив владетеля судэского, овладели землями его. Владетель Хуни (у А.Ремюза Hou-cul) составлял уже четвертое колено после того события. Прежде судэские купцы во множестве приходили в китайскую область Лян-чжеу для торга. Когда дом Юань-вэй покорил Гу-цзан[2], при сем случае все они взяты были в плен. Судэский владетель прислал посланника для выкупа пленных. Указано было согласиться на выкуп. После сего долго не было посольств с дарами. Уже при северной династии Чжеу, в четвертое лето правления Бао-дин, 564, владетель прислал посланника с местными произведениями[3]. Убиение хуннами предка Хуни за три поколения до половины V века должно относиться к началу или по крайней мере к половине IV столетия. И по западным историкам аланы именно в IV веке покорены были гуннами, которые затем обрушились на готов и Римскую империю. Поэтому и по имени (аланья), и по историческим данным можно считать справедливым мнение Абеля Ремюза и Клапрота[4] о том, что Яньцай, Аланья, Судэ китайских историков суть аланы европейских писателей. Но вместе с тем, вопреки Клапроту и согласно с Дегинем, следует китайских хунну или хуннов признавать за гуннов европейских писателей. Приводимое в «Бэй-шы» известие о нападении хуннов на аланов в IV веке дает основание полагать, что удалившиеся в конце I века после Р.Х. из Монголии и от пределов Китая через Юебань, увлекши отсюда с собою часть местных тюркских родов, северные хунны или гунны провели полтора или два столетия в северной части нынешней киргизской степи[5] и в это время они подчинили себе

---

[1] «Собрание сведений», III, 121.

[2] Это Лян-чжеу (топографический указатель, стр.15, при «Собрании сведений», III). Завоеван он при Тайву, около 436 г. По Мадуаньлиню посольство от Hou-cul отнесено к 452-465 гг. (Nouvaux Melonges asiatiques, t.l, p. 239).

[3] «Собрание сведений, III, 166.

[4] Абель Ремюза в Rechorches sur les langues tartares, Paris, 1820, t.l,pp.217 et 218 (имена здесь: Yu-tsu, A-lan, Siu-the, Wen-no-cha) и в Nouvaux Melanges asiatiques, Paris, 1829, t.l, p.239 (тут встречаются в другой транскрипции имена An-tsui, The-sou). По Клапроту (Tabelaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, pp. 174-180) древнейшее имя Yan tsui заменяется у китайских историков в I и II веках после Р.Х. именем A lan na и, вероятно по ошибке, именем A lan liau, в первой половине III века просто A lan, в 435-480 гг., Sou the или Sout, а также Sou the Kai Moung. По его же словам (p. 176) в стране Судэ было «много винограда, из которого делали прекрасное вино»; «страна эта была разделена на многие мелкие княжества и в ней насчитывалось до 400 укрепленных (mures) мест. В древности, говорит история дома Вэй, хунны убили царя аланов и владели страной до эпохи Wang Lou ni»... - В имени Судэ можно видеть крымский Судак, у византийцев - Сугдайя, у генуэзцев - Согдаия или Сольдайя (Томашек - Sogdiana, 7, s.l 1). И в самом деле, китайцы, слыша от приходивших в Лянь-чжеу «во множестве» торговцев из Содайи имя этого города, могли принять это имя за название всей страны аланов, владевших в это время Таврическим полуостровом. Конечно, земли аланов Судэ V столетия находились уже не при том «большом озере, от Кангюя на северо-западе, где следуя «Цянь-Хань-шу» помещает их, как древний Яньцай, «Бэй-шы», а между Волгой и Днепром, не при Каспийском море, а при Черном.

[5] По «Истории младших Ханей» шаньюй северных хуннов в 91 г. бежал неизвестно куда («Собрание сведений», I, 132). В 104 и 105 гг. были, однако, из Китая посольства от этого шаньюя с просьбами «о мире и родстве» (там же, 138). В 117 г. люди одного возмутившегося против китайцев вождя южных хуннов ушли, после поражения его сяньбийцами, к северным хуннам (там же, 139). В 126-153 гг. часть северных хуннов нападала на туземные владения восточного Тяньшаня, подвластные Китаю, и на

соседние финно-угорские племена, между прочим, конечно, звероловческое племя Янь «Истории младших Ханей», а затем напали на аланов и двинулись в Европу.

О самом Кангюе за время младших Ханей мы не имеем других сведений кроме упоминаний о подчинении ему владений Яньцай и Суи. За время династии Цзинь (265-420 гг.) сохранилось такое известие, что в царствование Ву-ди, в средине правления Т'ай-ши (265-274 гг.), владетель, по имени Na-ju, представил в дань отличных лошадей[1]. Затем в «Бэй-шу» (386-581 гг.) имеется следующее описание владения Чжеше: «Чжеше есть древнее владение Кангюй, от Полоны на северо-западе, от Дай в 15450 ли. С третьего года правления Тхай-янь, 438, присылка посланников с дарами не прерывалась»[2]. Надо полагать, что упоминаемая здесь присылка дани владетелем Чжеше была последствием снаряженного Т'ай-ву, для возобновления сношений с западными владениями, посольства Тунь Юаня, который, как приведено уже было выше, добрался до Усуни и по указанию тамошнего владетеля отправился далее в соседние владения Полона и Чжеше[3]. По заверению «Т'ан-шу» Чжеши (видимо, то же, что Чжеше) есть одно из имен владения Ши. Хотя в «Бэй-шу» есть особое описание владения Ши, но это не мешает признать Чжеше и Ши за одно и то же владение, описанное в разное время: Чжеше на основании сведений, доставленных посольством 438 года, а Ши по известиям посольства оттуда 609 года[4]. Последнее прибыло от дэлэ Тяньчжи, одного из князей западных тукюэсцев, которые перед тем подчинили себе Ши, бывшее дотоле независимым. Из этого описания владения Ши видно, что владетель, которого резиденция, в 10 ли в окружности, расположена была при реке Иоша, прозывается Ши, «имя ему Не». Им ежегодно приносились жертвы[5] перед золотою урною с пеплом сожженных костей покойных родителей[1].

китайское военное поселение Ивулу (Хами), причем некоторые туземные князья принимали сторону хуннов и находили убежище на их землях («Собрание сведений», III, 133-135).

[1] Это известие, отсутствующее у о.Иакинфа, приведено Аб.Ремюза по Мадуаньлиню, которым взято, вероятно, из «Цзинь-шу» (Nouvaux Melanges asiatiques, Paris, 1829, t.I, p. 227).

[2] «Собрание сведений», III, 171.

[3] «Собрание сведений», III, 138, 139 и 162

[4] В таком роде есть в «Бэй-шы» два описания Тохарестана под именем Тухуло («Собрание сведений» III, стр. 176) и Тухоло (стр. 186), и два же описания Ферганы (Лона и Бохань). Вообще составители «Бэй-ши», описывая большее, чем истории предшествовавших династии число владений, о большей части не имели основательных, собранных очевидцами посланниками или полководцами сведений, так как китайские посольства этого времени не проникали далее Усуни и Ферганы. Сведения «Бэй-шы» составлены главным образом по сохранившимся отрывочным опросам торговцев, являвшихся в Китай под видом посольств от западных владений. Сами составители «Бэй-шы» говорят, что «со времени Юань-вэй никто не составлял записок (о западных странах); записывали одни названия приезжавших к северному двору, а описывать народные обычаи не могли... История упоминает о двадцати только владениях, от которых посольства приезжали в продолжении династии Юань-вэй» (там же, 141 и 142).
Между тем в «Бэй-шы» помещены описания семидесяти пяти владений, так что многие описания составлены на основании слухов. Из Кангюя, страны кочевников, собственных торговцев не имевшей, торговых караванов в Китай совсем не ходило: поэтому в «Бэй-шы» нет о нем никаких сведений.

[5] В 1886 году, в окрестностях Ташкента, найдены у начала арыка Кур-кульдука две глиняных погребальных урны, а потом близ селения Никольского множество таких же погребальных урн с человеческими костями; на крышках двух первых урн изображены человеческие головы, а на крышках остальных - птицы с распростертыми крыльями («Туркестанские ведомости», 1886 года, №№ 17 и 24).
В 1887 году Н.П.Остроумов, по поручению И. археологической комиссии, произвел раскопки около 20 курганов, в 4 верстах от Ташкента, по дороге в кишлак Дурмень, на земле г.Никифорова, где в 1886 году случайно найдены погребальные урны в виде овальных ящиков. В одном из раскопанных курганов

Но Ши, ранее Чжеше и еще ранее Юйни, было только ближайшим к собственно Кангюю вассальным владением, так что о судьбах самого Кангюя после Р.Х. не имеется почти никаких исторических сведений. Чтобы получить об истории Кангюя некоторое понятие хотя по соображению с историей соседних стран, приходится обратиться к несколько более обильным известиям китайских историков о прилегавшем к Кангюю с юга владения Юечжы. Обзор исторических сведений об юечжийцах во всяком случае необходим в исследовании об усунях для выяснения предшествовавшей водворению в Тянь-шане их истории, так как первые исторические известия об усунях гласят, что они кочевали смежно с юечжи на северо-западных границах Китая.

попались обломки глиняных ящиков или урн, но кости погребенных оказывались в (вырытых в грунте, сбоку имевшейся в каждом кургане ямы?) «катакомбах», с куполообразным потолком, к которым вело несколько ступеней, высеченных в земле на дне ямы. Кроме костей найдены были в этих могилах глиняные грубой работы кувшины и горшки, железные ножи, кинжал, сабля, один кремневый нож, стеклянные бусы и пр. («Отчет И.археологической комиссии за 1882 - 1888 гг.», 1891 года, стр.СХСХХХ и след.).

[1] «Собрание сведений», III, 184.

3. Очерк исторических известий об юечжи и еда

Древнейшие китайские известия об юечжи. Известия Страбона и Трога Помпея о народах, разрушивших греко-бактрийское царство. Вероятность отнятия у греков Согдианы кангюйцами. Покорение Бактрианы тохарами и другими скифами. Изложение передвижений юечжей и сэ у Дегиня и Клапрота. На самом деле сэ по китайским известиям миновали Согдиану и Бактриану и прошли в восточный Авганистан через Памир. Местонахождение столицы юечжей на Амударъе. Пять юечжийских княжеств и приурочение их к северным склонам Гиндукуша. Возвышение кушанских князей и завоевание ими Авганистана и Индии. Вторичное завоевание Авганистана и Пишавера при Кидоло. Путаница вследствие различных имен народа, владевшего на Амударье в V и VI веках. Сведения об еда или идани по «Бэй-шу». Идань по «Суй-шу» и «Т'ань-шу». Известия армянских писателей.

По «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», юечжи в III веке до Р.Х. кочевали в стране «между Дунь-хуан и хребтом Цилянь-шань»[1], т.е. между нынешним Ша-чжеу и восточной частью Тянь-шаня, другими словами между Нань-шанем и Тянь-шанем[2]. По тем же «Историческим запискам» к востоку от юечжей начинались земли хуннов: князья и предводители западной части владений хуннов занимали земли «на запад до юечжы, ди и кянов» (тибетцев)[3]. Далее в «Шы-цзи» читаем, что второй шаньюй хуннов Модэ, между 209 и 202 гг. до Р.Х., по возвращении из похода на восток «ударил на западе на Юечжн и прогнал его»[4], после чего отвоевал у китайцев Ордос. Из приводимого там же письма Модэ известно затем, что в 177 г. хунны предпринимали новый поход «на запад на Юечжы. По милости неба ратники были здоровы, кони в силе; они поразили

[1] «Собрание сведений», III, стр.6, 7 и 55.

[2] У Дегиня (B.I,s.l34) «между Гуа-чжеу и Ша-чжеу», но это одно и то же: Дунь-хуан (по о.Иакинфу, Топографический указатель при «Собрании сведений», III, 31) есть название области, учрежденной в III г. до Р.Х., которая в 618 г. переименована в округ Гуа-чжеу, при монгольской династии, названный Ша-чжеу, а в 1780 г. просто Ша-чжеу. У того же Дегиня в другом месте (B.I, s. 145) землею юечжей названы Гань-чжеу, Гуа-чжеу и Ша-чжеу. По переводу Броссэ (Journal asi- atique, 1828, t.II, p.424) dans l'origine les Youcchi demouraient entre Tun-houng et les mont Ki-lian-chan; эта последние горы, по примечанию Броссэ, иначе называются «Тянь-шань, цепь гор возле Хами, в 10 ли к ю.-з. от Гань-чжеу, в Шанси», т.е. Броссэ, признавая Килянь-шань за Тянь-шань, вместе с тем смешивает Тянь-шань с Нань-шанем, каковым именем называется горный хребет на юге от Гань-чжеу. Wylie в своей History of the Heung-nou in their relations with China, translated from the Tiean-Han-shoo, Book 94 etc. (в Journal of the Anthropolog. Institute, v. Ill, 1874, p.407), считает страною юечжей (Jue-te) нынешние местности Лян-чжеу, Гань-чжеу, Су-чжеу, Янь-ань-фу и Ша-чжеу. Для юечжей, как кочевников, нужны были горные летние кочевки и имели они эти летовки, надо полагать, с одной стороны в Тянь-шане, с другой - в Нань-шане. Части обоих этих хребтов носили некогда название Килянь-шань. Так, по «Сокращенной статистике новой границы» (в переводе St. Julian, Journal asiatique 1846, t. VIII, P. 299) на юг (от Tchin-sin-fus, т.е. Баркюля) высятся горы Тянь- шань, некогда «именовавшиеся Ki-lian-chon». По о.Иакинфу (III, топогр. указ., стр. 91 и 92) «Цилянь-шань - название гор в Гань-су; лежат в 100 ли от г. Гань-чжеу-фу на юго-западе. Сии горы изобилуют хвойными и разными другими лесами и травами. Хунны после потери их пели в песнях: «отняли у нас Цилянь-шань, отняли средства к размножению скота». Оазис Ша- или Са-чжеу, питаемый вытекающей из Нань-шаня рекою Цянь хэ, посещен был, в июне 1879 г., Пржевальским на пути из Хами в Цайдам. От Хами до Ша-чжеу оказалось 346 в. («Третье путешествие», Спб., 1883 г., стр. 93). По сведениям г. Успенского («Кукэнор» в «Записках И. русского географического общества, по отделению этнографии», т. 6, стр. 74) под именем Килен-шаня известна восточная часть Нань-шаня. Южную часть западного Нань-шаня Пржевальский описывает как крайне бесплодную, напротив восточная часть Нань-шаня обильна водами и пастбищами («Третье путешествие», стр. 121).

[3] «Собрание сведений», 1, 15.

[4] «Собрание сведений», 1, 13. У Wylie (Journ. Anthrop. Inst., 1874, p. 409) это место переведено так: Returning from this expedition he fortwith marched westward and chasised the Yue-te.

Юечжы. Предав острию меча или покорив всех, утвердили Ле-улань, Усунь, Хусе и 26 других окрестных владений. Жители сих владений поступили в ряды хуннских войск и составили один дом»[1]. Наконец, мы знаем из китайских же источников, что Лаошань-шаньюй убил государя юечжей и приказал сделать из его черепа чашу, которая употреблялась для питья вина на пирах[2]; что хунны возвели на престол старшего сына убитого государя[3]; что после того юечжи удалились на запад и заняли будущую землю усуней, разбив и прогнав занимавший ее народ сэ[4]; что затем усуньский гуньми разбил юечжей и заставил их удалиться на запад, где они покорили себе Дахя[5]. К сожалению, эти отрывочные известия лишены подробностей и дат. Дахя китайских историков, несомненно, соответствует Бактриане, но сведения древних западных писателей о падении греко-бактрийского царства, предшествовавшего или соответствовавшего покорению Дахя юечжийцами, сохранились до нас, по выражению Вивиен Сэн-Мартена, только «в двух строках сократителя Трога Помпея и в четырех строках Страбона»[6]. Вот эти сведения:

По Страбону (кн. XI, часть 8, параграф 2), «большая часть скифов за Каспием именуется даями; те, которые дальше от них на восток, - массагетами и саками. Остальные обозначаются общим именем скифов, хотя каждый из этих народов имеет свое собственное имя. Большая часть их ведет кочевую жизнь. Наиболее известными сделались из них те, которые отняли у греков Бактриану, т.е. асии, пасианы, тохары-ши сакараулы, выселившиеся из стран за-яксартских, смежных с сакскими и согдийскими, стран, которыми также владели саки». По Страбону же (кн. XI, гл. VIII, параграф 4), «саки... производили вторжения, как в дальние, так и в соседние страны, ибо и

---

[1] «Собрание сведений», 1, 23. По Wylie (там же, p. 415) в полученном в 176 году письме говорится о complete reduction of the Yue-te; while Low-Ian, Woo-sun, Hoo-Kee and adjucent Kingdoms to the number of twenty-six, submited to the Heung-noo...

[2] По «Цянь-Хань-шу», «Собр. свед.», Ill, 55, и по «Шы-цзи», там же, стр. 6. В переводе Броссэ (p.424) государь юечжей, при котором они были поражены хуннами, назван Tchan-lun.

[3] «Собрание сведений», III, 3, по «Шы-ци», Броссэ (p.421) замечает, что по другим сведениям (источники не указаны) возведена была на престол вдова убитого государя, а не сын его; «некоторыми варварами, - прибавляют китайские комментаторы, - управляют и женщины».

[4] «Собрание сведений», III, 65, по «Цянь-Хань-шу»: Первоначально эта страна принадлежала народу сэ. Большой Юечжи на западе разбил и выгнал сэского владетеля. Сэский владетель перешел на юг за Висячий переход; Большой Юечжи удалился на запад и покорил Дахя; Усуньский Гуньмо остался на его землях...»

[5] По «Цянь-Хань-шу» в «Описании Чжунгарии» (Спб., 1829 г., стр. 43): «Собственно сия страна принадлежала народу сэ. Большой Юечжи разбил сэского владельца, который принужден был на юге перебраться за Висячий переход, а Большой Юечжи поселился на его землях. После Усуньский Гуньмо разбил Большого Юечжи, а сей, удалившись на запад, покорил Дася; Усуньский же Гуньмо остался на его землях». Этот перевод о.Иакинфа полнее вышеприведенного позднейшего (III, 65), в котором пропущены поселение юечжей на землях сэ и разбитие усунями юечжей. Большая верность перевода 1829 года видна из сличения с ниже помещаемыми переводами Imbault Huart'a и Wylie. У первого, в числе цитат из «Цянь Хань-шу», помещенных в «Си-юй-т'у-цзи», (Recucil de documents, etc., p. 159) значится <...>.

У Wylie то же место переведено так (Journal of the Anthropological Institute, 1882, vol. XI, p. 84): The inhabitants were originally Soe; but the Ta Yue-she on the west subdued and expelled the King of the Sue; when the latter moving south, crossed the Hindu Kush; and the Ta Yue-she occupied the country. At a subsequent period the Kwan-mo of Woo-sun attached and subdued the Ta Yue-she, who then went westward, and reduced the Ta-Lea To a state of vassologe, while the Kwan-mo of Wou-sun took possession of their country .Конечно, в китайском подлиннике стоит не «Гиндукуш», а Хюань-ду (III, 46), т.е. «Висячий переход», как у о.Иакинфа и у французского переводчика. Абель Ремюза излагал те же события <...>.

[6] Les Huns blancs on Ephtholitas des historiens byzantins, Paris, p.24.

Бактриану заняли, и лучшею частью Армении, которая по имени их называлась Сакастеною, овладели»[1]. В сохранившемся оглавлении потерянной истории Трога Помпея значится, что в книге XLI вел он речь о том, «как скифские народы саранки и азианы покорили Бактрию и Согдиану», а в книге XLII - о том, «как азианы поделались царями у тохаров и погибли сардухи»[2].

Из приведенных отрывков Страбона В.В.Григорьев заключает[3], что землями согдийскими, т.е. Согдианой, саки овладели еще ранее, чем асии, пасианы и пр. завоевали Бактриану. Хотя в отрывках на самом деле не говорится, что саки овладели и землями согдийскими, следует, однако, полагать, что Согдиана действительно еще ранее Бактрианы покорена была скифами: еще Александр Македонский, овладевая Согдианой, самое упорное сопротивление встретил со стороны при-яксартских скифов. Евфидем, царь греко-бактрийский, бывший ранее правителем Согдианы, при переговорах о мире с победившим его Антиохом Великим старался добиться более выгодных условий, уверяя, что, ослабляя его, Антиох вредит собственным владениям Селевкидов, так как до сих пор греко-бактрийское царство сдерживало натиски многочисленных кочевников-скифов, если же оно обессилеет, то скифы, справясь с ним, ринутся на владения Антиоха. Конечно, при ослаблении греко-бактрийского царства от внутренних раздоров и войн с парфянами скифы и овладели прежде всего Согдианою, находившейся ближе к Яксарту, к которому прилегали орды скифов. Этими скифами или саками были, по всей вероятности, кангюйцы, потому что их именно Чжан Цзянь находит властителями городов (мелких владений) Согдианы, под зависимостью, правда, юечжийцев. Это владычество кангюйцев должно было значительно предшествовать первому китайскому посольству на западе, так как, несмотря на зависимость городов Согдианы, уже во время Чжан Цяня, от юечжийцев, память о принадлежности их в прежнее время Кангюю и владетели кангюйского происхождения сохранились в этих городах даже во времена династий Юань-вэй, Суй'и Т'ан, вплоть до завоевания арабами. Поэтому Кангюй овладел Согдианою по крайней мере за несколько десятков, если не за сотню, лет до путешествия Чжан Цяня (129 г. до Р.Х.). Если имя Кангюя не дошло до древних западных писателей, это объясняется тем, что они получали сведения о совершавшемся в бассейнах Окса и Яксарта случайно, чрез многих посредников, часто в виде смутных слухов. Зато это имя издавна знакомо было в Индии, так как в Авесте» Бундегеше и Магабарате, рядом с саками, как индусы,

[1] Эти отрывки Страбона приведены в переводе В.В.Григорьева («Исследование о скифском народе саках» в «Трудах восточного отделения И. русского археологического общества», Часть 16, Спб., 1872 г., стр. 118). В переводе г. Мищенко (Москва, 1879 г.) конец первого отрывка таков: «асии, пасианы, тохары, сакаравлы, вышедшие с того берега Яксарта подле саков и согдианов; берегом этим владели саки». Во втором отрывке вместо «ибо и Бактриану заняли» у г. Мищенко значится: «Так они (саки) овладели было Бактрианой» и т.д. Следует далее иметь в виду, что по Страбону же (XI, VIII, § 8) «саки отделены от согдианов Яксартом, а согдианы от бактрианов Оксом»; что (по той же книге и главе, § 1) «далее (от ариев, до которых считалось от моря Гирканского 6000 стадий) следуют бактрианы, согдианы и, наконец, скифы кочевые», и что (той же книги глава VI, § 1) «народы, жившие по ту сторону Каспийского моря, назывались (эллинскими древними писателями) одни саками, другие массагетами, причем писатели не могли сообщить о них ничего достоверного».

[2] В.В.Григорьева «Кабулистан и Кафиристан», 1867 г., стр. 779.

[3] Там же.

одинаково с иранцами, именовали всех кочевников за Оксом и Яксартом, упоминается Kanha или Konka (Yang Шах-намэ).

Из скифских народов, завоевавших по Страбону Бактриану, известны тохары, упоминаемые в Магабарате и оставившие свое имя в удержавшемся за Бактрией в течение средних веков названии Тохарестана, Тохоло или Тухоло китайцев. Вивьен С.Мартен считает тохаров за горный народ, вышедший из горных долин восточной Трансоксианы[1]. Вероятно, с тохарами участвовали в овладении Бактрианою и северные скифы (быть может, асии были асы, осы, осетины-аланы, соседи кангюйцев), но во всяком случае завоевание Бактрии тохарами и пр. должно было совершиться также за десятки лет до появления за Аму-дарьей юечжей, чтобы за страною могло утвердиться имя Тохарестана.

Первые европейские ученые, ознакомившиеся с китайскими известиями о западных странах и желавшие при помощи их выяснить смутные у западных писателей обстоятельства падения греко-бактрийского царства, придали слишком большое значение сходству имени саков с именем упоминаемого китайскими историками народа сэ и заставили этот последний завоевывать Согдиану и Бактриану. Так, в Historie generate des Huns etc.[2] Дегиня читаем под 162 годом до Р.Х.:

«Здесь я должен упомянуть об одном замечательном походе, который этот шаньюй (речь идет о Лаошане, который царствовал с 174 по 161 г. до Р.Х.) совершил в область Со-чжеу[3], где юечжи имели долгое время свое местопребывание. Этот народ находился во вражде с хуннами, но в предыдущие войны был вынужден лишь к платежу дани, сохранив свои кочевки около Со-чжеу. Новая война, которую объявил ему Лаошан, имела иные результаты. Он разгромил и разграбил этот народ и убил его владетеля, приказав сделать из его черепа чашу, всегда употреблявшуюся потом при больших пиршествах на праздниках. Будучи изгнана при этом из своей земли, большая часть юечжей пошла сначала на северо-запад, на берега р.Или, откуда она прогнала народ su, заставив его выселиться на берега р. Яксарта. Юечжи пробыли некоторое время на Или, но потом отправились далее на запад и водворились в Хорезме; отсюда они распространились до Хорасана, между тем как su вторгнулись в Мавераннагр и в Бактриану, разрушив здесь царство, основанное наследниками Александра». Другой не менее известный синолог Клапрот излагает те же события несколько иначе: Me the напал на юечжей «в 201 г. до Р.Х., побил их и покорил окончательно в 177 г. Недовольный успехами своего предшественника шаньюй Лаошан вошел второй раз в их страну в 165 г. и одержал над юечжами великие победы. Их государь был убит... Часть разбитых юечжей удалилась на юг от гор Нань-шань, которые отделяли их страну

[1] Les Huncs Glancs, p. 25 По клинообразным летописям ассирийского царя Сеннахериба он, около 1700 г. до Р.Х., победил Tokharri, устраивавших свои жилища, подобно птичьим гнездам, на вершинах высоких и скалистых гор (Richthofen, China, B. I, 1877, s. 441).
[2] Paris, 1756,1.1, partie 2, p. 41.
[3] О.Иакинф напротив того мнения, к сожалению, без указания оснований, что «Лаошань-хан поразил юечжийцев уже в западном Тюркистане» (III, 6, примечание 3).

от Тибета, прогнала цянов и получила имя малых юечжей. Другая часть, более многочисленная и получившая по этой причине имя великих юечжей, спасалась на северо-запад и стала кочевать на берегах р. Или, которая падает в Балхаш. Она прогнала из этой страны народ szu, который удалился в Трансоксиану, где он напал на бактрийских греков и разрушил их царство. Через несколько лет юечжей догнали их прежние соседи, усуни, которые спаслись в страны при Или, чтобы избежать притеснений хунну. Усуни погнали при этом юечжей на запад и заставили их перейти Яксарт; они овладели тогда Трансоксианой и Бактрианой»[1].

Эти два изложения двух знаменитых синологов стоят в полном противоречии с китайской историей, приписывая народу сэ уход из Тянь-шаня через Согдиану в Бактриану и разрушение греко-бактрийского царства[2]. По «Цянь-Хань-шу», как мы уже видели, разбитый юечжийцами государь сэйцев направился не в Согдиану, а на юг за «Висячий переход». О покорении сэйцами южной части Кангюя (Согдианы) и Дахя (Бактрианы) китайские источники не говорят ни слова. Из другого места «Цянь-Хань-шу» мы знаем, что ушедший на юг за «Висячий переход» сэский владелец «занял на

[1] Tableaux historiques de l'Asie, 1826, pp. 132 et 133. Клапрот тут же прибавляет, что Чжан Цянь сопровождал царя юечжей в его походе на парфян. Ни у Дегиня, ни в одном известных мне переводах «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу» ничего подобного нет.

[2] Это мнение, в общем разделяемое Аб.Ремюза и принятое Риттером, Лассеном и т.д., господствует и поныне. У Рихтхофена (China, B. I, s. 448) юечжи, двинувшись к северным склонам Тяньшаня и к Балхашу, вынудили обитавший там кочевой народ sz' уйти к Яксарту; потом, будучи вытеснены усунями к Яксарту же, юечжи погнали отсюда сэйцев, которые, перейдя за Гиндукуш, заняли Гибинь (Кофен, Кабул) и часть Арахозии; после кратковременного пребывания на Яксарте юечжи в 128 году двинулись к Оксусу и основали здесь царство скифов или гетов, а через столетие, в третий раз следуя за sz', распространили свою власть на Индию. Отсутствие точных дат для рассматриваемых событий у древних западных и китайских писателей повело к значительному разнообразию в предположениях по этому предмету ученых исследователей. Так, окончательное поражение юечжей хуннами и бегство их из-под Дунь-хуана, по Дегиню, относится к 162 г. до Р.Х., по Клапроту к 165, по Томашеку (Kritik der altesten Nachrichten über den skythischen Norden, 1, в Sitzungberichte der Wiener Academie der Wiss, CXVI Band, Wien, 1889, s. 775) к 160 г., по Рихтхофену (id. s 439) к 157 г. Уход юечжей из Тянь-шаня за Яксарт, Броссэ относит к 139 г. (Journ. asiaticue, 1828, t.II, pp. 420), а Рихтхофен к 145 г. Завоевание юечжийцами Бактрианы, по Рихтхофену (там же), совершилось в 128 г., по Вивьен С.-Мартену (Les Huns blones ets., p.24; автор этот, по какому-то недоразумению, быть может вследствие изложения у Mailla, till, p.36, сведений о посольстве Чжан Цяня под 126 г., утверждает, p.33, что Чжан Цянь отправился в свое путешествие в 126 г. и не мог, следовательно, прибыть к юечжи ранее 116 г., так как был задержан у хуннов 10 лет) в 128-226 гг., по Шпехту (Etudes sur l'Asie centrale d'apres les historiens Chinois, per Edouard Specht, в Journal asiatique, 1889, t.II, p.348) в 126 г., по Томашеку (там же) в 139 г., по Сен-Мартену (Fragments d'une historie des Arsacides, Paris, 1850, pp. 68 et 69) в 129 г., по Дармштедттеру (Journal asiaticue, 1887, t.X., 601) в 125 г. В одной статье известного нумизмата Э.Друэна (Journal asiatique, 1891, t. XVII,
VIII, p. 145, Remarques sur les <...> читаем: «По современным китайским историкам, в 168 г. до Р.Х., юечжи, изгнанные из Khan-Si (?) хуннами, перейдя Яксарт, проникли в Согдиану, потом в Бактриану, откуда прогнали сэ, потом, наконец, добрались, в 25 г. после Р.Х., до долины Инда». По Tarrien la couperie (The Academie, 1887, vol. XXVII, pp. 443, 444) усуни прогнали юечжей из Тяньшаня в 143 г. Нужно заметить, что почти ни один из названных писателей не указывает оснований для своих дат.
В.В.Григорьев, излагая, согласно Дегиню, Клапроту и др., вторжение сэйцев, под напором юечжей, в Согдиану и т.д., заметил, что китайские известия по этому предмету «можно понимать далеко не так, как их понимают: предмет требует основательного критического исследования, какого не можем мы предпринять в настоящем труде» («Кабулистан и Кафиристан», 1867 года, стр. 787). Из западно-европейских писателей только Гутшмидт (Geschichte Iran's und seinen Nachbar Länder von Aleponder dem Grossen bis zum Untergang der Argaciden <...>, 1888, s. 590) высказал мнение, что сэйский владетель ушел из западного Тяньшаня не в Согдиану и Бактриану, а на юг, чрез нынешний Читрал, в Гибинь, в долину р.Кофена. «Висячим переходом», находившимся на западной границе владения Уча (Yatscha), считал он горный проход, лежащий близ озера Ешиль-куля на западной оконечности Аличур-памира, так что сэйцы шли путем через Уч (Турфан ?) и Кашгар. Этот самый проход лежал, по его мнению, на пути китайцев в Бадахшан в 1759 году.

юге государство Гибинь»[1]. Из описания пути в Гибинь, лежащего чрез Памир и верховья Пянджа, видно, что «Висячий переход», т.е крайне узкие и трудные тропинки над пропастями, где путники пробирались при помощи веревок, находился именно на пути в Гибинь, между Уто или Учжа (Таш-курган) и Наньду[2] (Бадахшан), вероятно в Вахане и Шигнане. За Гибинь, по нахождению этого владения на юго-восток от Б.Юечжи, в девяти днях пути от Наньду (Бадахшана), к юго-западу от последнего, по умеренному климату, растениям (рис, виноград) и животным (слоны, обезьяны и т.д.)[3], следует почитать Пишавер, вообще нижнюю часть долины кабульской реки (Кофена), юго-восточный Авганистан[4].

Чжан Цянь, который был отправлен даваньским владетелем в Кангюй и оттуда препровожден к юечжы, нашел последних на западе от Давани, в 2-3 тысячах ли от нее[5], т.е., при переводе ли того времени (196,6 саж.) на версты, в 708-1062 верстах. Указание Чжан Цяня на нахождение юечжей «от реки Гуй-шуй», т.е. Оксуса, «на север», а также положительное заверение его о том, что владетель юечжей, после покорения Дахя, «утвердил свое местопребывание на северной стороне р.Гуй-шуй»[6], и, наконец, приведенное расстояние определяют это местопребывание на северном берегу р.Аму-дарьи близ Чарджуя или Керки, до которых ныне от Ходжента будет около 500 и около 525 верст по кратчайшим путям. Чжан Цянь, конечно, ехал не всегда ближайшими дорогами и расстояния определял приблизительно, а потому оказывающееся тут у него преувеличение верст на 200 легко допустимо. Помещение местопребывания государя юечжей среди песков, солонцов и такыров на Аму-дарье около Чарджуя или Керки не покажется странным, если принять во внимание, что юечжи между Лобнором, Наньшанем и вост. Тяньшанем занимали местности еще менее пригодные для оседлой жизни, но не оставляемые кочевниками частью и доныне. Притом две тысячи лет тому назад берега Аму-дарьи, вероятно, были значительно более удобны для скотоводов, чем теперь, и обладали более обширными тугаями (заливные луга, покрытые главным образом камышами), составляющими хорошие зимовки. Дахя кит. путешественник нашел в «слишком 2 т. ли от Давани на юго-запад, на южной стороне р. Гуй-шуй»: это может соответствовать положению Балха, который отстоит от Ходжента на расстояние около 550 верст прямого пути, а чрез Чарджуй верст на сто дальше. Большая мера ли вынуждала до сих пор относить резиденцию юечжей времен Чжан Цяня на правый берег Аму-дарьи против Хивы и включать в состав Дахя Кабулистан[7]. Так как в «Цянь-

[1] «Собрание сведений», III, стр. 48.
[2] Там же, стр. 50-52, 45-47.
[3] «Собрание сведений, III, 48.
[4] Согласно с В.В.Григорьевым («Исследование о саках, стр. 247).
[5] «Собрание сведений», III, стр. 3 и 4. Расстояние в 2-3 т. ли показано мною по Броссэ (p. 424). У о.Иакинфа «почти в 3000 ли».
[6] «Собрание сведений», III, стр. 6 и 7.
[7] Так полагал о.Иакинф (III, стр. 9). И.Клапрот (Tableaux historiques de l'Asie, p. 133) искал столицу юечжей на нижнем Оксусе, в соседстве Хивы. Рихтхофен (s.451), придерживаясь расстояния в 690 ли от Давани (Ура-тюбе) до юечжей, помещает Даха «в долине Самарканда», но согласиться с этим нельзя по тому уже, что Чжан Цянь весьма определенно показал расстояние Дахя от Давани в слишком 2 т. ли и притом к югу от Гуй-шуй, почему положение столицы Дахя Ланьшы (III, стр. 118, у Броссэ Lan-chi-tching, у Kingsmill'a Lam-shi-ch'eng) отвечает Балху.

Хань-шу» положительно значится,, что юечжийский государь, покорив Дахя, «столицу основал по северную сторону реки Гуй-шуй»[1], то следует думать, что столица эта, Гяньши (Kian chy по Кла- проту, Kien-chi по Шпехту), продолжала все время старших Ханей находиться в той местности, где «утвердил свое местопребывание» владетель юечжей по отчету Чжань Цяня, т.е. в 2-3 т. ли от Давани, и что показание в статье о Давани «Цянь-Хань-шу» расстояния до Б.Юечжи в 690 ли (около 272 в.) есть ошибка или описка.

Хотя столица юечжей находилась на севере от Аму-дарьи, но пятеро из подвластных государю юечжей князей (ки-кэу) заняли со своими подчиненными земли на склонах Гиндукуша, привлекаемые, вероятно, удобными в горах летовками. Так надо заключать из известия «Истории старших Ханей» о существовании пяти княжеских владений, с указанием их имен и столиц, и из сообщения «Истории младших Ханей» о том, что, по переселении в Дахя, дом Юечжи «разделился на пять княжеских домов»[2]. Из этих княжеств Гаофу (Kau-fou) со столицей того же имени, по положению на юго-западе от Б.Юечжи, признается всеми за Кабул. «Хэу-Хань-шу» утверждает, что «История Старших Ханей» ошибочно показала Гаофу в числе пяти княжеств, так как Гаофу подчинилось юечжийцам впоследствии, когда они стали воевать с Аньси (парфянами) и отняли его у них[3]. Взамен Гаофу «История младших Ханей» называет пятое княжество Думи (Tuu-mi)[4]. Остальные юечжийские княжества перечислены в «Цань-Хань-шу», по-видимому, судя по расстояниям от местопребывания наместника и от китайской границы (от Ян-гуань), от востока к западу, в таком порядке[5]: Хюми (по Шпехту Hicou-mi) с резиденцией в городе Хомо (ho-me), Шуанми (Chouong-mi) с резиденцией того же имени, Гуйшуан (Konei-choung) с резиденцией в Хоцзо (Нои- tsoo) и Хэйтунь (Hi-thoun), которое в «Хэу-Хань-шу» названо Хисе, с резиденцией в Бомо. В «Бэй-шы» помещены описания пяти владений, с пояснением о каждом, что «жители обитают в горных долинах»: Гапэй (Kia-pei), которое «есть древний владетельный дом Сюми-хи-хэу», с резиденцией в городе Хомо, от Яркента на запад, от Дай (кит. столица) в 13000 ли; Чжесемосуни, древнее княжество Шуаньми, с резиденцией в Шуаньми, от Гапэя на западе, от Дай в 13500 ли; Цяньдунь (Kien-tun), древнее княжество Гуйбо, с резиденцией в городе Хоцзао, от Чжесемосуни (Tche-sci- mo sun) на западе, от Дай в 13560 ли; Фудиша (Fo-ti-cha), древнее княжество Ситунь, с резиденцией в Бомао, от Цяньдуни на западе, от Дай в 13660 ли; Яньфоге, древнее княжество Гаофу, с резиденцией того же имени, от Фудиши на юге, от Дай в 13760 ли. По всем этим данным, принимая Гаофу, оно же Яньфоге (Yon-feou-ye),За Кабул, следует считать находившийся от него на севере Хэйтунь, Хисе или Ситунь, с резиденцией Бомо или

[1] «Собрание сведений», III, 55 . Specht, p. 322.
[2] Там же, 55, 56 и 118.
[3] Там же, 119.
[4] По «Бэй-шы» «резиденция владения Шы лежит в 10 ли от р.Думи на юг» («Собр.сведений», III, 187). По расстояниям и по некоторому сходству имен это Кар-шы, а р. Думо есть нынешняя Кашка-су. Это показывает, что отождествление Сухэ с Шы в «Т'ан-шу» ошибочно, как увидим подробнее ниже. Томашек также признает Tu-mi за Кашка су и производит это имя от бактр. Tuma - сильный, обильный (Sogdiana, 21).
[5] «Собрание сведений, III, 171-172.

Бомао, за Бамиан. Находившееся далее к востоку княжество Гуйшуан[1] или Гуйбо и Цяньдунь, с резиденцией в Хоцзо или Хоцзао, надо, по моему мнению, полагать на Бамианской реке, по сходству названия Гуйшуан с именем перевала Кушан (один из перевалов в Гиндукуше из долины р.Горбенда) и имени города Хоцзао с нынешним местечком Гозан на Бамианской реке, близ перевала Кушан. Лежавшее восточнее княжество Шуаньми, оно же Чжесемосунь, и еще более восточное княжество Хюми, оно же Сюми или Гапэй, должны были находиться в бассейнах рек Кундуза и Кокши.

По «Истории младших Ханей», «по прошествии с небольшим ста лет», после переселения юечжей в Дахя и разделения на пять княжеских домов[2], «гуйшуанский князь Киоцзююо (Kicou-tsieou-Khio) покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского. Он начал воевать с Аньси, уничтожил Пуду[3] и Гибинь и овладел землями их. Киоцзююо жил более 80 лет. По смерти его сын Яньгаочжень (Yen-koo-tchin-tai) получил престол и еще покорил Индию, управление которой поручил одному из своих полководцев. С того времени Юечжы сделался сильнейшим и богатейшим домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский двор удержал прежнее ему название: Большой Юечжи»[4]. По той же «Хэу-Хань-шу» в 116 г. кашгарский владетель «сослал» своего племянника Ченпаня в Юечжы; там его полюбил юечжийский государь и по смерти владетеля отправил его со своим войском в Кашгар, почему местные старшины и объявили Ченпаня государем[5]. По сокращенной истории династии Юань-вэй (le compendium des Wei), в эпоху трех царств (220-280 гг.), владение Гибинь, а также Дахя, Гаофу и Тяньчжу находились под владычеством Да юечжи[6]. В «Бэй-шы» читаем: « владетель Большого Юечжи имеет пребывание в городе Юньланьшы[7], от Фудишы на запад... По смежности с жужаньцами на севере, он часто терпел нападения от них, почему перенес свой двор далее на запад в город Боло за 2100 ли от Фудиши[8]. После сего храбрый юечжыский государь Цидоло (Ki-to-lo) перешел со своими войсками через большие горы, напал на

[1] О перевале Кушан см. Минаева «Сведения о странах по верховьям Амударьи», Спб, 1879 г., стр. 16. На карте при этой книге перевал этот назван Каушан. О местечке Гозан на реке Андераб упоминается там же; к нему спускается дорога с перевала Гвалиан.

[2] Это место Шпехт (p.324) понимает в смысле <...> завоевания Дахя, а не со времени путешествия Чжан Цяня. Это завоевание, вероятно, совершено при вторых Ханях, ибо история первых Ханей не упоминает о таком событии». Напротив уже у Чжан Цяня (III, 7) говорится, что дом Юечжы ударил на Дахя и покорил сие владение. Поэтому сто с лишним лет надо считать со времени завоевания Дахя, предшествовавшего путешествию Чжан Цяня. Подчинение <...> князем прочих князей юечжей должно быть, следовательно, отнесено к 30-10 гг. до Р.Х. Гутшмид предполагал 39- 27 гг. до Р.Х. и думал, что Киоцзюкю есть Козуло-Кадфис монет, найденных в Кабуле и Джелалабаде, и что война его с парфянами и отнятие у них Кабула совпадают с возвращением Фраату IV, при помощи скифов (юечжей в данном случае) его государства, из которого он был изгнан Тиридатом: Фраат воссел вновь на престол своего отца в июне 26 года до Р.Х. (Geschichte Iran's, 1888, ss. 113- 115).

[3] Пуду (po-to), по мнению Вивьен Сэн-Мартена (Les Huns Bloncs etc., p. 41), есть патаны, т.е. авганы.

[4] «Собрание сведений», III, 118 и 119.

[5] Там же, 129

[6] Specht, Journal asiatique, 1883, t.II, p. 328.

[7] В 102 главе «Юань-вэй-ши» Lou-Kien-chi, а по «Бэй-шы», книга 97, Ching-Kien-chi (там же).

[8] В Боло В.В.Григорьев видел Балх («Кабулистан», стр. 809), но так как Фудиша с резиденцией Бомао есть Бамиан, то Боло, находившийся на западе от Фудиши, не может быть Балхом. Скорее здесь какая-нибудь ошибка или путаница в «Бэй-шы».

северную Индию и покорил пять государств, лежащие от Гантоло к северу»[1]. В той же «Бэй-шы» описывается особо владение «Малый Юечжы» (по-китайски Хян-юе-чжы) со столицей в г.Фулэуша. «Владетель происходит от сына владетеля Кидолу, царствовавшего в Б.Юечжи. Кидолу, изгнанный хуннами[2], ушел на запад, а управление резиденции поручил сыну своему, отчего сие владение и названо Малым Юечжы... Одеяние жителей сходно с тангутским... Перекочевывают с места на место, следуя за своим скотом, подобно хуннам»[3]. Судя по резиденции в г. Фулэуша, который считают Пурушапурой, это владение находилось там, где теперь Пишавер[4]. Изгнание Цидоло или Кидоло хуннами есть, очевидно, неудачная историческая справка составителей «Бэй-шы», которые отнесли к его времени первоначальный уход юечжей, во II веке до Р.Х., из Гань-су на запад, как это ясно и из пояснения их, что прежде это владение находилось между областями Си-пьхин и Чжан-е», т.е. у Великой Стены, в Гань-су. Не вероятны также набеги жужаней до Аму-дарьи, которые заставили владетеля Б.Юечжы перенести резиденцию на запад, потому что китайские истории не сохранили других сведений о столь дальних походах жужаней на запад и надо полагать, что жужани не проникали западнее Цунлина. В самое цветущее время могущества жужаней владения их простирались на запад только до Кара-шара[5]. Можно думать, что и тут китайские книжники, сочинившие описания западных владений за время Юань-вэй при помощи показаний торговцев и справок из ханьских историй, неудачно вклеили все то же изгнание юечжей из-под Дунь-хуана хуннами, заменив имя последних именем современных жужаней.

Однако факт завоевания при Кидоло юечжийцами Авганистана и Пишавера ничто не препятствует считать верным. Совершено это завоевание не позже V века, потому что в описании Хяо-юе-чжы есть дата, относящаяся к 550 году, из которой можно заключить, что от современного этому году владетеля до Кидоло прошло не менее двух поколений, так как владетель этот происходил от сына Кидоло. Дата эта приведена в рассказе о древнем топе, основанном за 842 года до 550 года, а самый рассказ, без сомнения, заимствован из реляции одного из китайских буддийских паломников. Завоевание не одной северной, но и центральной Индии северными варварами, которых византийские писатели называют гуннами, а индийцы Huna, и существование их власти около трех четвертей века (приблизительно 450-530) удостоверены византийскими писателями Козьмою и Прокопом и известиями индийских летописей, надписями и монетами[6]. Перепутывая ханьских малых юечжей, оставшихся в Нань-шане, когда б. юечжы ушли на запад, с юечжийцами Пишавера, составители «Бэй-шы» заставляют и Кидоло уходить на запад, оставляя с малыми юечжы сына. На самом деле

[1] «Собрание сведений», III, 172. В Гантоло Шпехт (p.328) видит Кандагар.
[2] Вместо «хуннов» в «Тун-цзянь-ган-му» и у Матуаньлиня поставлено «жужанями» (Шпехт, p.329).
[3] «Собрание сведений», III, 175.
[4] Григорьева «Кабулистан» и пр., стр. 810.
[5] «Собрание сведений», I, 209.
[6] См. между прочим Reinoud-Relations de l'empire romaino <...> 1863, стр.296, 890, II. стр.364, и кое-что о новейших изысканиях по этому предмету в Journal asiatique. Козьма называет государя «Гуннии» на Инде, около 525 года, <...> По надписям, монетам и «Раджатарангии» известны цари хуннов Торамана и Михиракула.

Кидоло мог, конечно, оставить одного из своих сыновей в Пишавере, в качестве правителя или удельного князя, когда он возвращался в Бактриану[1]. Завоевание Индии, вероятно, совершено позднее.

По словам Рено, как греческие и римские писатели называли кочевых варваров скифами, так арабы и персы употребляли в этом случае слово тюрк. «Вдруг около 420 года после Р.Х. слово скиф греков и римлян и слово тюрк арабов и персов уступает место слову гайятеле у арабов и персов, слову гефталиты у византийцев и слову гефталь у армян. Вся нация, разумеется, под общим названием хуннов; только чтобы отличить этих гуннов от гуннов, существовавших на запад от Каспийского моря, им придают эпитет «белые»[2]. У китайцев, в V и VI веках, одновременно, в одной и той же местности, в древней Бактриане, описываются государства и народы Б.Юечжы, Еда или Идань, Тухоло и Тухуло. У китайских писателей путаница эта зависит частью, по-видимому, от происшедшей на месте замены народного имени юечжийцев сначала названием «кушаны», а потом «еда» или «идань», главным же образом эта путаница есть последствие недостаточности сведений о западных странах и составления описаний этих стран в «Бэй-шу» и в частных династийных историях, откуда они попали в «Бэй-шу», на основании смутных и сбивчивых показаний торговцев и паломников, называвших народы и страны различно, по своей национальности и по соображениям отбиравших показания; сверх того путаница усугубилась тем, что составители «Бэй-шу» не позаботились указать ни источников своих описаний, ни времени, к которому каждое относится.

По описанию владения «Еда» (Je-tun) в «Бэй-шу», «владетельный дом Еда происходит от одного рода с Б.Юечжы; другие сказывают, что Еда есть отрасль гаогюйского племени. Вначале сей дом показался за северной границей (Китая) от Алтайских гор (Kin-chon) на юг, от Хотана на запад. Столицу имел в 200 ли от р.Ухюй (по чтению Шпехта Ma-hiu, т.е. Маргус, Мурхаб, а не Оксус), в городе Бадиянь (Pa-ti-yan, т.е. Бадхыз)»... «Еда считается сильным государством и находится в родстве с жужаньцами»... «От едаского владетеля в западном крае зависят Кангюй, Хотан, Шалэ[3], Аньси и до тридцати других мелких владений»... «Народ жестокий и смелый, способ-

[1] Доуэн (Journal asiatique, 1891, LXVII, 8, serie, p. 146) догадывается, что истинное имя Кидоло китайских писателей было Кидур (Kitour). По его мнению, «прогнанные с севера эфталитами (?) юечжи, имея во главе Кидура, в 425 г., утвердились в Гайдаре и в Пешавере, где основали династию Кидуров или Кадур'ов, существовавшую до конца IX веке, когда она была замещена династией браминов. Последний тюркский царь Кабула именовался мусульманскими историками Индии падишах Китурман». Гутшмид (Geschiche Iran's, 1868, s. 170) полагает, что упоминаемые у Приска «кидаридские хунны» есть не что иное, как юечжийцы Ki-to-lo или Кидар'а, подобно тому, как раньше название народа и государства «кушан'ских» появилось от имени одного из юечжийских родов (или княжеств). По мнению того же писателя, первое указание на войны между Сасанидами и ханом иноплеменного народа (обитавшего на северо-востоке) встречается у Табари при Баграме V (421-439). М.юечжи предполагает он около 430 г. (там же). Тот же Доуэн (Journal asiatique, 1893, t. I, 9 serie, p. 176) упоминает о недавно найденных в Семиречье тюрко-китайских монетах, которые имеют легенды, изображенные арамейскими письменами, еще не разобранные.

[2] Reinoud-Relations, etc., p. 294.

[3] Вероятно, это описка вместо Сулэ, как замечено Абелем Ремюза (Nouveoux milanges asiatiques, 1.1, p. 242).

ный к сражениям»... «Обыкновения несколько сходны с дулгаскими (tou-Kiune). Братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, т.е. одномужняя, носит шляпу с одним углом (cowe); многомужняя же умножает число углов по числу братьев[1]; на одеянии нашивает такое же число кистей. Остригают волосы на голове. Язык жителей совершенно отличен от языков и жужаньского, и гаогюйского, и тюркского (у Шпехта «других варваров»). Народонаселение простирается до ста тысяч душ. Городов не имеют, а живут в местах привольных травою и водою, в войлочных кибитках. Летом избирают самые прохладные места, а зимой теплые. Умерших из богатых дворов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах». Упоминаются посольства в Китай с 455 до 558 года, после чего «дулгасцы разорили владение Еда и поколения рассеялись» Еде подчинялись между прочим разные владения, находившиеся на Памире. В Тухоло «жители перемешаны с иданьцами»[2]. О роли Еда или Иданя на севере дают некоторое понятие следующие известия из истории хойху или гаогюйцев по той же «Бэй-шу»: Цюики, двоюродный брат гаогюйского Афучжило, отложившийся вместе с ним от жужаньцев и получивший от вельмож своих

[1] На обратном пути из Индии, Сюань Цзян <...> проезжал чрез владение Hi-mo-to-lu, «которое принадлежало некогда государству Тухоло» и соответствует части нынешнего Бадахшана. «Вообще нравы и обычаи жителей сходны с тукиескими, но отличаются одной странностью: именно замужние женщины носят на шапке конус (буквально рог) высотой около 3 футов, снабженный сверху спереди двумя острыми придатками (de deux pointes), которые означают отца и мать мужа». - По Биддельфу («Народы, населяющие Гиндукуш», сочинение майора Биддельфа, перевел П.Лессар, Асхабад, 1886 года, стр. 170) у сиях-пушей «мужчины бреют всю голову, кроме круглого места ... на темени, где волосы оставляют расти свободно; они висят за спиною и иногда доходят до пояса. Мужчины никогда не покрывают головы. Женщины заплетают волосы в несколько тонких длинных кос. Женщины бушгали (один из родов сиях-пушей) носят оригинальный головной убор, из черной шапки с завязками; к ней прикреплены два деревянных рога около фута длиною, прикрытые черным платком. Эта оригинальная мода, кажется, некогда была распространена и у других племен, или, быть может, в былое время эти самые племена занимали большие пространства». О племени буришей, населяющих Хунзу (Кунжут), Нагер и Читрал, тот же Биддельф говорит: «По моему мнению, они потомки юечи, завоевавших Бакру около 120 г. до Р.Х. В слове иешкун, которым называют их соседи, может быть, сохранилось прежнее имя, а имя буриш, которым они до настоящего времени сами себя называют, быть может, соответствует Пуруша, древнему имени Пешавера, бывшего столицей индо-скифского королевства, основанного сыном Китоло, племени Малых юечи, которое завоевало Гандхару и Ариану в начале V века по Р.Х.».... Буришский язык «вполне самостоятелен и не похож ни на один из дардских языков. Есть мнение, что они туранского происхождения, но, насколько я в состоянии судить, для такого предположения существует весьма мало оснований, и в нем есть формы, которые встречаются у самых первобытных рас» (там же, стр. 212 и 207). По тому же путешественнику «в долинах Вуршигум и Хо (в Яссине, где население тоже буришское) встречаются в значительных количествах весьма древние и замечательные каменные столы. Они около тридцати футов в диаметре и сложены весьма тщательно из огромных булыг, всегда обращенных плоской стороною наружу; в общем, образуется совершенно правильный цилиндр около трех с половиною футов высоты. Сверху расположены плоские камни, приблизительно одинаковых размеров, выступающие на несколько дюймов по всей окружности за край цилиндра; середина заполнена маленькими камнями и мусором... Встречаются группы по несколько таких столов друг около друга. Всего вероятнее, что это могильные курганы» (там же, стр. 76 и 77). Наконец, по тому же писателю, владетелей Хунзы и Нагара (именуемых тзум'ами от китайского слова, значащего губернатор, как объяснил один туземец) «величают почетным титулом сури. Это вероятно то же, что сри, имя Пакшми, богини богатства у индусов, приставляемое обыкновенно впереди имени индусских раджей в Индии» (там же, стр. 40 и 32). «Владетельное семейство (в Читрале) носит фамилию катуре ... по имени Катор, коим, кажется, называлось страна еще ранее настоящей династии правителей» (стр. 81). К этому не лишне прибавить, что по «Тарихи-Рашиди» (Notices et extraits t. XIV, p. 434). владетель кашгарский Абу-бек, в конце XV века, подчинил себе, между прочим, гезарейцев, обитавших в Бадахшане. Это намекает на происхождение гезарейцев от юечжи, о чем будет еще речь ниже.

[2] «Собрание сведений», III, 177-181 и 186. Вместо «в каменных склепах» у Шпехта pierres amoncelies, а у Абеля Ремюза <...> t.I, p.241.

наименование хэупей (на языке дома Вэй это значило «наследный государь»)[1], жил в южной стороне относительно Афучжило, когда они перешли от жужаньцев на запад (по мнению о.Иакинфа - к Черному Иртышу). Между 490 и 508 годами иданьцы убили Цюики и взяли в плен сыновей и внуков его Мивоту и пр. После Афучжило государем (гаопойским) сделался сын его Балиян. «По прошествии года Идань объявил войну гаогюйцам (требуя), чтобы они приняли Мивоту. Балиян был убит и Мивоту сделался государем». В указе к нему император упоминает, что «жужаньцы, иданьцы и тогойцы (владевшие в то время Тангутом) имели сообщение между собою только по дороге через Гаочан, единственную точку их соединения. Ныне Гаочан покорился»... В 508 г. Мивоту разбил жужаньцев на севере от озера Пху-лэй-хай, но в 516 г. сам потерпел поражение, попался в плен и лишен жизни. Народ его «аймака ушел к Иданю. По прошествии нескольких лет Идань (?) получил известие, что Ифу, младший брат Мивотуев, возвратился в свою орду». Ифу в 521 году разбил жужаньцев и государь последних Поломынь бежал в Китай[2]. Отсюда Поломынь замышлял отложиться со своим аймаком и уйти к Иде. «Три жены у Иды были родные сестры Поломыевы»[3]. В статье о Гаочане упоминается, что Карашар в конце V века был покорен Едою[4].

По «Суй-шу» (581-618 гг.) в Идани строевого войска показано уже только от 5 до 6 т. «В прежнее время, когда в Идани открылись беспокойства, дулгасцы насильственно поставили своего правителя»[5]. По «Т'ан-шу», «дом Идань есть отрасль Б.Юечжы, известного еще при династии Хань. Б.Юечжы, вытесненный усуньцами, удалился на запад, прошел Давань, напал на Дахя и покорил сие владение, а местопребывание утвердил в орде Ланьшы. Дахя есть Тухоло; прозвание владетеля было Едэ. Потомки прозвание превратили в называние государству, а Едэ - в Идань или Идянь»[6]. Такое происхождение имени народа от имени государя подтверждают и византийцы. Так, у Феофана читаем: «После того, как царь эвталитов Эвталан, от которого и народ получил свое имя, победил Пероза, персы потеряли эти местности. Ими уже владели эвталиты, но вскоре после того турки победили их в сражении и отняли у них те места»[7]. Армянские писатели упоминают, что в 451 году сасанид Язкерт II, предпринимавший с 443 по 450 г. ежегодно походы против гуннов, живших в стране кушанов, «сделал опустошительный набег по стране Ита-каган. Царь кушанский бежал в пустыню»[8]. Отсюда ясно, что действительно, как свидетельствуют историки трех стран, один из

---

[1] По догадке В.В.Радлова («К вопросу об уйгурах», 1893 г., стр. 88) Кок паги, а титул Афучжило - хэулэуфулэ, значившее «великий сын неба», - кок нунг улук оглы: сходство слишком отдаленное, да едва ли и язык династии Вэй был тюркским; по крайней мере почти все, и сам г. Радлов, придают сяньбийцам тунгузское происхождение.
[2] «Собрание сведений», I, 252-255.
[3] Там же, I, 233.
[4] Там же, III, 152 и 192.
[5] Там же, 203.
[6] Там же, 256.
[7] «Византийские историки Дексипп и др.» перевод с греческого Спиридона Дестуниса, Спб., 1860 г. стр. 493.
[8] Патканова. «История Сасанидов по армянским источникам», в «Трудах восточного отделения И.русского археологического общества», часть 14, Спб., 1869 г., стр. 38.

государей юечжийских или кушаньских носил имя Еда, Ита или Евта и что по его имени и народ его стал именоваться едасцами, иданьцами или ефталитами.

У армянских историков встречаются еще следующие интересные известия[1]: После неудачной войны царя тетальского с основателем династии сасанидов Арташиром, низвергшим родственную тому царю династию парфянских арзакидов, упоминаются около 364 г. нападения «северных народов» на владения сасанида Шапуха. По заключении мира «гунны» снова нападали на Персию в 375 г. Около 486 года сасанид Пероз погиб с семью сыновьями в бою с ефталитами. В 573 году Хозрой отправил к «туркам-тетальцам» 7 т. пленных дев, прося помощи в войне с римлянами, армянами и таджиками (арабами). В 578-590 гг. полководец Ормизда IV Вахрам-Михревандан (Вахрам-Чубин) вел победоносную войну с тетальцами, взял Бахл и всю страну кушанов, перешел за великую реку Вех-руд (Аму-дарью) до места, называемого Касбион; после блистательной победы над царем маскутов, он убил его и собрал в его владениях несметную добычу. Упомянутый Касбион есть, вероятно, существующий доныне небольшой кишлак Казби, находящийся западнее г. Карши, на одном из последних арыков, выведенных из р. Кашка-су[2]. Народ, с которым воевал Вахрам-Чубин, называется у армянских историков одновременно теталыдами, кушанами, маскутами. В маскутах видят испорченное имя древних массагетов. Арабские писатели называли кушанов hegatile . По словам Табари, имя это «есть множественное число от haitul, что на языке Бухары значит сильный человек»[3].

[1] Там же, стр.28, 29, 43, 53-55.
[2] Кишлак этот упоминает г.Маев в статье «От Шахрисябза до Бухары» в «Материалах для статистики Туркестанского края», вып. V, 1879 г., стр. 112
[3] Chronique de Tabori, trad, pur Hermann Zutenberg, Paris, 1867, t. II, p. 127.

4. Происхождение юечжей и еда

Мнения Клапрота, Вивьен де Сен-Мартена, Рихтхофена, Томашека, Вамбери, Риалля, Роулинсона. Известия «Лян-шу» и основанное на них мнение Шпехта. Проверка известий «Лян-шу» и несостоятельность мнения Шпехта. Мнения о произношении знаков, изображающих имя юечжей. Несостоятельность мнений о принадлежности юечжей к арийской расе. Подтверждающие тибетизм юечжей и еда и тождество этих народов известия. Заключение.

Клапрот, в своем сочинении Tableaux historiques de l'Asie (p. 132), сначала признал юечжей тибетским народом Mediaeval Researches: «Китайские авторы сообщают, что язык малых юечжей одинаков с языком цянов или тибетцев; так как малые юечжи составляли один народ с большими, то очевидно, что и эти последние также говорили по-тибетски». Но уже в конце того же сочинения, увлекаясь гипотезою о распространении индо-германских народов на дальний восток, Клапрот изменил свое мнение. «Китайские историки (пишет он на стр. 287-289 того же сочинения) знают три народа юечжи, различая их названиями больших, малых и хуань-чжуней. Ученый Т'у-ши, составивший в девятом веке нашей эры Т'ун-дзянь (ган-му), помещает юечжей хуань-чжун между племенами цянов или восточных тибетцев; он то именно и говорит, что они имели язык и нравы тибетцев. Напротив, тот же автор помещает больших и малых юечжи с народами западной Азии и ничего не говорит об их языке». По соседству хуань-чжунов с тибетцами Клапрот находит вероятным, что тибетский язык и обычаи приобрели они от соседей своих, весь же народ юечжей он признает индогерманским, основываясь на сходстве «юе-ти», другой китайской транскрипции имени «юе-чжи»; с именем ютов (ints) или готов (goths), которые пришли в Европу. Словом, очень возможно, что юты, прибывшие в Скандинавию с Одином, были тот же народ, который за три века до нашей эры, обитал на севере от озера Кукунора и на западе китайской провинции Ганьсу. Это заставило бы предполагать эмиграцию готов из Центральной Азии более позднею, чем переселение остальных германских народов». Юети, по мнению того же писателя, позднее получили имя Ya ta, которые сделались могущественными к 400 г. «Они без сомнения тот же самый народ, что yetu, побежденные Чингис-ханом (?) и Тимуром»[1]. Разделявшие мнение Клапрота Абель Ремюза, Риттер и др. принимали юети даже за массагетов, которые между тем еще до Геродота обитали на границах Персии, тогда как юечжи находились еще до II века пред Р.Х. около Дунь-хуана.

[1] Это на стр. 288 и 134 Tableaux historiques de l'Asie, 1828. На стр. 134 говорится: «Восточная часть народа б. юечжей распространялась до гор Алтайских и до Хотана. Она носила имя Ya-ta. К 400 г. ета сделались могущественными, распространились к западу...» На стр. 258 той же книги Клапрот писал, что ефталиты были, вероятно, тюркский народ, управлявшийся князьями хуннского происхождения (он считал хуннов за восточных фуннов); «быть может, это тюрки чи-лэ или те-лэ, которые в это время (в V веке) распространились до Джейкуна и Каспийского моря; вероятно, их имя и скрывается под именем Hayatalch. Аб.Ремюза (Recherches sur les longues turtares, Paris, 1820, p. 327). полагал, что Ye-tho или Getes происходили от сэ (sai) и должны были принадлежать к готфской (индо-германской) расе; доказательства хотел он изложить во II томе своих Recherches, который не вышел.

В исследовании своем «О белых гуннах или ефталитах византийских историков»[1], основываясь на свидетельствах китайской истории, Вивьен де Сен-Мартен пришел к заключению, что юечжи, кушаны, еда или вдань, евталиты, белые гунны есть один и тот же народ под разными именами. По мнению его, народ этот был тибетского происхождения. Ясно это, во-первых, из древнейшего пребывания их в северном Тибете. Во-вторых, удостоверяется это китайскими известиями о языке юечжей, так как одни китайские писатели говорят, что язык еда совершенно отличен от языков их соседей из рас монгольской и турецкой, другие же утверждают, что они говорили на языке цянов, т.е. тибетском. В-третьих, побуждает признавать тибетское происхождение юечжей сходство их обычаев с тибетскими, особенно полиандрия еда, которая во все времена составляла отличительную черту тибетской народности.

Мнение Вивьен де Сен-Мартена оставалось господствующим до восьмидесятых годов. Соглашаясь с доводами его о тибетском происхождении юечжей-ефталитов, Рихтхофен, однако, находил, что юечжи назывались и тохарами и что это только древнейшее имя все того же народа; основывается он главным образом на упоминании Страбоном тохаров в числе завоевателей Бактрианы, на именовании китайцами страны юечжей Тухоло, а восточными мусульманскими писателями - Тохарестаном, и наконец, на указании Сюань-цзаном древнего местопребывания тохаров близ Лобнора. Из этого же свидетельства Сюань-цзана и из упоминания тохаров в Магабарате Рихтхофен заключил, что юечжи некогда распространялись на путях из Таримской котловины в Ладак, отсюда перешли на Тарим, потом на Булунгир и оттуда уже были изгнаны гуннами и попали чрез Тяньшань в Бактрию[2]. Томашек признавал юечжей северною ветвью тибетской народности, которая занимала всю восточную часть Таримского бассейна между Тянынанем и Гималаем, считает их «исседонами» Геродота, почитая хуннов за «аримаспов». Слово исседон производит он из зендского языка и приписывает ему значение «склада сокровищ», emporium, оправдывая такое имя нахождением юечжей на торговом пути между Китаем и Западом[3].

Вамбери находил возможным, что юечжи тюркского племени главным образом на том основании, что Балх, Бухара, Бейкенд, Аму - тюркские слова[4]. Риалль принял мнение Вамбери, усматривая в китайских описаниях сходство обычаев юечжей с обычаями нынешних киргизов и туркменов и считая их предками еда и джете[5]. Однако тюркское происхождение упомянутых слов (кроме Бейкенда) далеко не ясно, сходство же многих обычаев у кочевых народов есть последствие одинакового образа жизни и хозяйства, а не племенного непременно родства.

---

[1] Les Huns blancs un Ephthalites des historiens byzantins, par M.Vivien de St.Martin, Paris, 1849, p. 65.
[2] China, 1877. B. I, s. 439.
[3] Sitzungberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Philosophisch - historisch Classe CXVI Bond Jahrgong 1888, s.s. 430, 437,447.
[4] История Бухары. Перевод Павловского. Спб, 1873, т. I, стр. 11-13.
[5] Memoire sur l'Asie centrale, san histoire, ses populations, par Girard de Rialle, deuxieme edition, Paris 1875, p. 36.

Роулинсон, считая гайятеле арабов или белых гуннов византийцев за древних тохаров, признает их потомками хунну и предками гузов или туркменов. Главным доказательством выставляет он сохранение одного и того же титула государей. Шаньюй или Yen-yu хуннов назывался у гайятеле Yenuych (по Ибн-эль-Асиру, т. V, стр. 148) и тот же титул носил глава гузов - тюрков (по Альбируни. - Хронология, 109). Но, во-первых, между шаньюй и енюйе разница немалая, во-вторых же, у тюрков, некогда подвластных гуннам, конечно, могли для правителей сохраниться заимствованные у хуннов титулы, и могли также заимствовать у хуннов этот титул и ефталиты, но это еще не доказывает, чтобы евталиты были тюрки[1].

Один из французских синологов Ed. Specht приводит в своем переводе[2] следующее описание владения Ноа из истории династии Лян (Liang, 502-556 гг.): «Этот народ есть особая ветвь чешы (Tche-sse). В первый год правления Юн-цзянь (126 нашей эры) Ханей, Ра-Ноа, следуя за Бань-Юном в одной войне на север, отличился. Бань Юн возвел его в достоинство Leou-pou-Thsin-han-Leou. При династиях Вэй и Цзинь и до настоящего времени Ноа не имел сообщения с Срединною империею. В 15 году правления Т'янь-цзянь (516 г.) их царь Ye-ta-i-li-to[3] начал отправлять послов с произведениями своей страны. В 1 году правления Б'у-т'ун (520) он представил льва желтого цвета, мех белого горностая и разные вышитые предметы из Бо-сы. В 7 году (526) он снова представил дары, в том числе плащ. При Юань-вэй (386-534) хоа пребывали в San-Kan[4]. Быв небольшим народом, подвластным жужаням, они постепенно сделались великими и могущественными и завоевали обширное государство, которое распространялось до Босы, Баньбань, Гибинь, Яньки, Гуйцы, Сулэ, Гумо, Юйтянь, Гюйбань. Страна их имеет 1000 ли. Климат умеренный; есть горы и долины, но мало деревьев. Обрабатывают пять родов хлеба. Употребляют пищу из бараньего мяса и пшеничной муки. Животные: лев, двуногий верблюд (страус, по мнению Шпехта), дикий осел. Есть у них роговые офицеры (des officiers des corner)[5], хорошие стрелки. Носят длинные одежды с короткими рукавами, украшенными золотом и драгоценными камнями. Головной покров у женщин меховой с рогом, вышиною в 6 футов, украшенным золотом и серебром и имеющим форму подстриженного дерева. Братья, все вместе, женятся на одной женщине, потому что женщин мало. Городов нет. Пребывают под войлочными палатками, двери которых открываются на восток. Владетель восседает на золотом ложе. lis suivent la revolution de lag Grande annes. В обычае, чтобы женщины принимали посетителей и сидели с ними. У них нет письма, и условия заключаются при помощи кусков дерева (бирок). Они имеют сношения с соседними владениями и отправляют в них посланников. Как же тогда имеют они варварские

[1] Proceadings of the Royal Geographical Society, 1883, № 1. Цитату эту делаю по г. Лессару в «Известиях И. русского географического общества», 1885 года, стр. 69.
[2] Etudes sur l'Asie centrale d'apries les historiens chinors в Journal asiatique, 1883, t. II, 8eme serie, p.p. 335-338.
[3] В «Тун-цзянь-ган-му» и у Матуаньлиня вместо li значится sou - «по ошибке», как полагает Шпехт (p. 335). Ziang-tien (это история Лянов в 30 книгах) Леуфан'я замечает, что фамильное имя государя владения Хоа было Ya-tia и что его потомки дали это имя владению («Ган-му» и Матуань- линь по Шпехту, p. 339).
[4] Это река в северном Китае, орошающая провинции Шаньси и Печили (там же, p. 336).
[5] Kio-jin - должность или чин в Китае, по Шпехту.

книги, писанные на бараньей коже, которая служит вместо бумаги? У них нет администрации. Они обожают духа неба и духа огня. Каждый день они выходят на порог своей двери, чтобы сделать жертвоприношение духам; когда оно совершено, они, в заключение, преклоняют колена и поклоняются. Они хоронят своих умерших в деревянных гробах. Когда умирают отец или мать, сыновья разрезают себе уши и избирают для окончания погребения счастливый день. Их язык был понят одним переводчиком из Хэнань и потом с ним ознакомились. В «Тун-цзянь-ган-му» есть такое пояснение: «От гор Гиньшань они прошли, на запад от Хотана, в царствование Вэнь-чжен-ди вторых Вэй (452—465), от сего времени 80 или 90 лет»[1]. Так как «Тун-цзянь» составлено в начале IX века, то Шпехт полагает, что приведенная фраза заимствована из «Вэй-шу» Вэй шеу, которая была составлена в 550-577 году[2]. В «Т'ун-цзянь» же говорится, что «в эпоху вторых Вэй Ноа называли Ноа-тип», откуда Шпехт заключает, имя этого народа могло, быть может, произноситься H + un , т.е. Hun[3]. Вообще Шпехт, ссылаясь на приведенные китайские известия, пришел к таким выводам: Индо-скифы, которых китайцы именовали юечжи и кушанами, были народом первоначально кочевым, но сделавшимся потом оседлым и присвоившим себе, по крайней мере частью, индо-эллинскую цивилизацию, как доказывают оставленные им памятники, медали, монеты, надписи. Ефталиты, напротив, остались кочевниками, не имели монеты и практиковали полиандрию, которой юечжи были чужды. Словом, это были два народа, совершенно разные не только по времени появления их в истории, но по нравам и цивилизации. В начале V века жужани заставили Кидоло удалиться на запад, на юг великих гор; там подчинились ему пять царств на севере от Кандагара, а сын его удалился в Пишавер. В покинутой Кидоло стране появились небольшие владения вроде Балха, Тухоло, а Гибинь возвратила себе независимость. Эти небольшие владения не могли устоять против наплыва хоа. В 452-465 гг. этот народ двинулся от Великой Стены, прошел на запад от Хотана и овладел упомянутыми мелкими владениями. Вследствие смут у ефталитов, в середине V века турки завладели их страною, но «через одно столетие мы видим здесь вновь возникшую группу мелких владений, которых государями были юечжийские князья. Это движение мы изучим в одной из ближайших статей»[4].

При возможной проверке известий «Лянь-шу» оказывается, что по «Истории младших Ханей» «при Шунь-ди, в первое лето правления Юнь-чень (126 г. после Р.Х.) Бань Юн, с Гядэну, сыном восточного (чешыского) владетеля Нунки, и с Бахуа, с отборным войском разбил хуннуского Хуань-князя; почему поставил Гядэну западным владетелем, а Бахуа сделал князем (Цинь-хай-хэу) в заднем Чешы»[5]. Там же читаем, что «переднее Чешы на запад простирается до Харашара, заднее Чешы по северной

[1] Указанная статья Шпехта, p. 340.
[2] Id., p. 339.
[3] Там же, p. 335.
[4] Journal asiatique, 1883, т II., pp. 319, 348-350. Обещанной статьи пока еще не появлялось.
[5] Собрание сведений, III, стр. 134.

дороге простирается на запад до Усуни»[1]. Отсюда следует, что переднее Чешы занимало южные склоны восточного Тяньшаня, а заднее - северные, находясь, вероятно, на месте Урумчи. Нунки, младший брат передавшегося на сторону хуннов государя заднего или восточного Чешы по имени Чжоти, был назначен владетелем китайцами, около 96 года, вместо разбитого и убитого ими Чжети. В 120 году владетелем заднего Чешы значится уже не Нунки, а Гюньцзю., который в этом году возмутился против Китая. В 125 году китайский наместник западного края Бань Юн разбил Гюньцзю и отрубил ему голову[2]. Принимая участие в походе Бань Юна в 126 году, Гядэну, видимо, добивался получить престол своего отца. Бахуа, по-видимому, был одним из старейшин чешы, державших сторону Гядэну, и получил княжеский титул и удел в его владении. В «Лян-шу», по Шпехту, княжеский титул, данный Бахуа, значится в форме хэу-бу, цзю-хань, хэу. С поправкой, согласно «Хэу-Хань-шу», по Иакинфу, выйдет хэу-бу, Цинь-хай хэу. Хэу по-китайски князь, а Цинь-хаем называлось у китайцев в древности озеро Кукэнор. Что касается до переселения хоа на Сянь- Гань, так близко к Пекину, и до ухода их на Аму-дарью в 452-465 гг., то следовало бы ожидать, что сообщающий о таких дальних передвижениях небольшой орды, подвластной притом могущественным в то время жужаням, историк даст какие-нибудь объяснения и подробности, потому что столь необыкновенные странствования и внезапное основание обширной и сильной империи на Аму-дарье не могли не возбуждать удивления. Однако же никаких пояснений источник наш не дает.

Историю династии Лян составил «Яо Сы-лянь, ученый династии Тхан, живший в последней половине VI века. При династии Суй он служил учителем во дворце князя Ян Ю. Гао-цзу, основатель династии Тхан (618 г.), принял его в службу к своему двору»[3]. Династия Лян (502-557 гг.) властвовала в южном Китае и столицею имела Гянь-кхан, ныне Нанкин[4]. Очевидно, эта династия, уже по положению ее владений в юго-восточной части Китая, не могла иметь истинно политических сношений с среднеазиатским западом; едва ли даже добирались до Нанкина торговые караваны с Аму-дарьи. Можно думать, что посольства 516, 520 и 526 гг., о которых Сы-лянь нашел сведения в архивах или летописях династии Лян, были на самом деле торговыми караванами из каких-нибудь владений Восточного Туркестана, но торговцы по какому-нибудь случаю или причинам нашли нужным выдать себя за посольства или владения Еда. Откуда же Сы-лянь почерпнул исторические сведения о хоа-еда и довольно подробное описание их обычаев, весьма сходное с описанием «Бэй-шы»? Таким источником могла служить и для Сы-ляня, и для составителей Бэй-шы история династии Юань-вэй или «Вэй-шу», составленная между 550 и 577 гг. Вэй-шеу, министром и ученым династии Ци. История эта до нас не сохранилась, так как признана «нечистою»; «по падении северного дома Ци, раскопали могилу его (Вэй Шеу) и ос-

[1] Там же, 132 и 133.
[2] То же, 133 и 134.
[3] Собрание сведений, I, стр. XX.
[4] Там же, стр. XXVII, и часть III, топографический указатель, стр. 27.

тавили кости открытыми»[1]. Такое озлобление против историка о. Иакинф объясняет иноземным происхождением династии Вэй. В собрание династийных историй вместо истории Вэй Шеу помещена история, сочиненная ученым Lieou-chou (1052-1078 гг.)[2]. На сколько же достоверны сведения «Вэй-шу» сочинения Вэй Шеу о хоа-еда, несомненно в ней бывшие, как справедливо заключает Шпехт из приведенного им отрывка «Ган-му»? Отвечает на этот вопрос упомянутый отрывок, из которого видно, что сведения свои Вэй Шеу почерпал из устных сказаний и преданий: от Алтая хоа прошли на запад «от сего времени за 80 или 90 лет». Что слухи и сказания, на которых основывался в истории хоа-еда Вэй Шеу, были сомнительны и не заслуживали доверия, это мы можем заключить из отношения к его сведениям составителей позднейших династийных историй. Так, уже «Бэй-шы» говорит: «владетельный дом еда происходит от одного рода с Большим Юечжы». Мнение Вэй Шеу приводится, но на втором плане: «другие сказывают (значит, это мнение основано на слухах, на устных преданиях, быть может, только даже на предположениях), что еда есть отрасль гаогюйского племени»[3]. В «Суй-шу» о происхождении от гаогюйцев нет и помина: «Иданьский дом есть отрасль Большого Юечжы».[4] Столь же положительна и «Т'ан- шу»: «Дом Идань есть отрасль Большого Юечжы, известного еще при династии Хань»[5] и т.д. Конечно, ученые, составлявшие истории династий Суй и Т'ан, были хорошо знакомы с мнением Вэй Шеу; если же они оставили это мнение даже без упоминания, то, без сомнения, они, особенно историки Т'анов, располагавшие обширными сведениями о западных странах, имели к тому достаточные основания. Нельзя не полагаться тут на авторитет составителей «Суй-шу» и «Т'ан-шу», когда и без того есть достаточные данные считать известия «Лян-шу» сомнительными и недостоверными. Даже сам Сы-лянь находил противоречия в своем источнике, не зная, напр., как примирить известие о неимении у хоа письма с сведениями о существовании у хоа рукописей на пергаменте.

Справка о Бахоа истории младших Ханей есть в «Лян-шу», быть может, только результат случайного сходства второго знака, но может быть и то, что Бахоа действительно происходил или считался происходившим от юечжей: если часть юечжей осталась в Нанынане, то другая могла остаться в восточном Тянь-Шане[6]. Такое обстоя-

---

[1] Собрание сведений, I, стр. XVI.
[2] Шпехт, указанная статья, p. 339.
[3] Собрание сведений, III, 177. Шпехт полагает, что фраза «Еда суть из рода больших юечжи» имеет тот смысл, что еда обитали в древности в стране, где жили в древности юечжи. «Подобные выражения встречаются у греческих писателей. Не говорит ли Менандр, что турки в древности назывались саками?». Но, во-первых, Менандр, быть может, прав, потому что и в самом деле напр. кангюйцы, судя по вероятным их потомкам канглам, были тюрки, а между тем они значились у персов и греков под общим именем саков или скифов.. Во-вторых, для толкования источников не в прямом и ясном их смысле, а в другом надо иметь достаточные основания, которых в данном случае нет.
[4] Собрание сведений, III, 203.
[5] Там же, 256.
[6] Многие из чешыских владельцев и князей имели имена с приставкою чжи: Цыли-чжи, Сюй- лю-чжи, Хулань-чжи, Шини-чжи, Си-чжи (III, стр. 37, 95 и 133). Одно из шести чешыских владений на северном склоне восточного Тяньшаня называлось «И-чжи»: «Жители мужественны, свирепы, смелы в сражениях; грабеж составляет ремесло их. Распускают волосы (т.е. по о. Иакинфу, не заплетают в косу, спускают назад и не связывают в пук на голове). Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде» («Собрание сведений», III, 132).

тельство или предания о нем могли быть источником догадок, что могущественные еда V и VI веков в западных странах суть потомки тех самых хоа (такое имя мог носить оставшийся в восточном Тянынане род юечжей), которые обитали в Чешы и из числа которых, Ба-хоа упоминается в «Цэу-Хань-шу».

Доказывая, что еда совершенно особый от юечжей народ, Шпехт[1] опирается между прочим на свидетельство «Цянь-Хань-шу» в статье «Б. Юечжы»: «Почва, климат, вещи, обычаи народа и монета одинаковы с аньсискими»[2]. Но место это относится ко всему государству, большая часть населения которого состояла из оседлых туземцев, т.е. из иранцев Бактрианы. О властвовавшем народе (юечжи) говорится далее в той же статье, что они кочевники и «в обыкновениях сходствуют с хуннами»[3]. Конечно, часть юечжей со временем, быть может, в конце эпохи старших Ханей, сделалась оседлою, но большинство, вероятно, оставалось верно кочевому быту»[4].

Шпехт полагает, что «не существовало даже самого имени еда: это только сокращение, для употребления китайцев, полного имени Ye-ta-i-li-to, которое соответствует слову евталит'ы. Чрез это падает отождествление имени еда с юечжи - с одной стороны, и с джатами северо-западной Индии - с другой, два выводы Вивьен Сен-Мартена, которые были приняты многими известными индианистами, с Лассеном во главе».[5] Но выше уже выяснено, что имя еда употреблялось у армянских писателей в форме ита и у греческих в форме евталит (евталь, евта).

Шпехт указывает еще на отсутствие у юечжей полиандрии, которая описывается китайцами у еда. Но полиандрии, по китайским известиям, пожалуй, не было и у цянов (тибетцев): в описании обычаев цянов до Р.Х. значится, что «по смерти отца женятся на мачехах, по смерти старшего брата берут за себя овдовевших невесток, почему у них ни вдовцов, ни вдов не бывает»[6]. Следовательно, у цянов существовало только многоженство. Полиандрия или не была подмечена китайцами, или развивалась позднее - как у цянов, так и у юечжей.

Относительно имени юечжи Шпехт утверждает, что второй его слог или знак должен, по «Хэу-Хань-шу», произноситься чжи (tchi)[7], но не приводит: как именно

---

[1] Journal asiatique, 1883, И, pp. 321, 349.
[2] Собрание сведений, III, 54.
[3] Там же.
[4] Гезарейцы и аймаки, которые, быть может, являются потомками юечжей на пастбищах Гиндукуша, до сих пор кочевники. Хотя сами гезарейцы производят себя от монголов Чингиз-хана и тюрков Тимура (Н.В.Ханыкова «Иран», Спб., 1874, 263), но, по мнению Муркрофта, народ этот, по чертам лица и форме головы, ближе к непальцам и тибетцам, чем к монголам. Происхождение гезарейцев от монголов во всяком случае более сомнительно, чем от юечжей, потому что трудно допустить, чтобы от небольшой кучки монголов мог произойти народ в сотни тысяч душ (В.В.Григорьева «Кабулистан», стр. 981 и след.). Что юечжи или еда еще в VIII столетии кочевали на ныне занимаемых геразейцами местах, тому я вижу удостоверение в известии «Т'ан-шу» о том, что от Холисими, т.е. Харезма, считалось «на юго-востоке 600 ли до жунов», потому что жунами у китайцев назывались народы тибетского происхождения и в указанное время никого, кроме еда из этого племени в Гиндукуше быть не могло («Собрание сведений», III, 246).
[5] Journal asiatique 1883, II, p. 319.
[6] О.Иакинфа «История Тибета и Хухунора», Спб., 1833 г., ч. I, стр. 2.
[7] Journal asiatique, 1883, II, p. 320.

выражено такое пояснение в «Истории младших Ханей» или из чего оно усматривается, а также - может оно относиться к произношению имени юечжи в «Шы-цзи» и в «Цянь-Хань-щу». Kingsmill предполагает, что настоящее древнее произношение знаков Yue ti было Vidhol. На кантонском наречии Yue (the moon) должно соответствовать üt или yuet, а ti (the earth) будет tai (fundamental, radical, reaching to the ground). По соображению с санскритским это выходит vidhu, но tai близко к санскритскому tal (condere), а также к tola (solum, fundus), а потому Yue ti соответствует Vidh-tal, Vidal или Vidhal[1]. Во всяких этих сближениях и выводах Kingsmill'я, однако, слишком много произвола и слишком мало убедительности, чтобы можно было признать правильность его мнения. Наш известный китаист профессор В.П.Васильев, ссылаясь на китайских ученых, но не приводя их оснований, полагает, что иероглиф юе следует читать жоу, так что имя народа выйдет жоу-чжи; при этом он замечает, что тот же иероглиф сходен с иероглифами, которые читаются мао - шапка и чжоу - лодка[2]. По мнению английского синолога проф. Тирен де Лакупери, имя, написанное в китайских текстах знаками, которые читаются ныне на мандаринском языке юе-чжи и юе-ти, «в эпоху Ханей должно было произноситься gwet-ti». Основывается это мнение главным образом на том, что для определения древнего произношения китайских иероглифов следует пользоваться архаическими фонетизмами некоторых китайских наречий. Юе произносится на диалекте эрнуи gwat и на диалекте китайско-аннамском ngoat или nguyet. В лексиконе She-ming, составленном во II веке после Р.Х., дается, как гомоним юе, знак, выговариваемый на китайско-аннамском диалекте kuyet, на кантонском küt и на диалекте эрнуи kw'at. В лексиконе Tang yün (750 г. после Р.Х.), где древнее произношение дано посредством означения начала и окончания слова, это произношение для юе указано двумя знаками, составляющими на китайско-аннамском наречии ngu-üt , на диалекте эрнуи gu-ut и т.д. Произношение второго знака означено через ti и никакого другого произношения не имеет[3].

Из различных мнений о древнем произношении знаков, которыми означалось в китайской истории имя юечжей, кажется предпочтительным мнение Терриена де Лакупери, так как оно обставлено некоторыми доказательствами и опирается на южно-китайское произношение. Я имел много случаев убедиться, что среднеазиатские имена древнейших китайских летописей всего ближе оказываются к их истинной местной форме именно при южно-китайском их произношении, принятом западно-европейскими синологами, тогда как при употреблении северного, мандаринского выговора, который привился у наших китаистов по примеру пекинской миссии, произношение древних имен выходит такое, что часто утрачивается с истинным именем

[1] The Migration and Earky History of the White Huns, principally from Chinese Sources, в the Journal of the Royal Asiatic Society, vol.X new series, 1878, p. 291. В статье этой изложены известные сведения о посольствах Чжан Цяня <...> по «Шы-цзи», о белых хуннах - почти ничего.

[2] «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» в «журнале Министерства Народного Просвещения», 1871 г., сентябрь, стр. 114. По мнению г. Васильева, имя р. Эчжинэ напоминает имя Юечжи и после могло быть перенесено на Эчжиль - Волгу.

[3] «Une monnvil bactro-chinoise bilingue du premier siecle avant notre ire, в «Lomptes rendus des seances de 1'Academie des inscriptions et belles lettres pendont l'annes 1829» 4eme serie,t..XVII, Paris, 1890, pp. 343,344.

какое бы то ни было сходство. Так, впрочем, и должно было быть: южно-китайский говор должен был остаться более близким к древнему китайскому языку, которым писаны летописи, чем северное наречие, многие века подчинявшееся влиянию языков иноязычных народов, сменявших друг друга в обладании северным Китаем и распространявших иногда свое владычество на весь Китай.

Но каково бы ни было древнейшее произношение китайского имени юечжей, во всяком случае большего или меньшего сходства этого имени с именем гетов или готов совершенно недостаточно, чтобы признавать юечжей гетами или готами. Клапрот был «расположен думать, что они принадлежали к русой расе потому, что они жили смешанно с усунями, которые были русые; между тем редко случается, чтобы два кочевых народа различного происхождения жили долго вместе, не ссорясь, и чтобы один не сделался подданным другого»[1]. Соображения эти нисколько не убедительны, потому что, во-первых, мы не знаем, чтобы юечжи жили с усунями «смешанно», и китайские свидетельства говорят только, что усуни обитали на северо-западных границах Китая «одновременно» с юечжийцами[2]; мы не знаем также - долго ли продолжалось соседство этих двух народов и каковы были между ними отношения во время этого соседства, но знаем, что потом усуни выгнали юечжей из западного Тяньшаня. Мирные или враждебные отношения между соседними народами зависят от весьма разнообразных причин, а не от одной их одноплеменности или различия происхождения. Профессор Терриен де Лакупери считает важным аргументом в пользу арийского происхождения юечжей ариано-пеглевийские легенды на монетах индо-скифских царей[3], но ведь греческие легенды тех же монет не дают основания почитать юечжей за греков. Ариано-бактрийский язык без сомнения потому употреблялся на монетах юечжийских государей, что значительная часть их подданных, особенно же торговцы, были арийцы. По тем же причинам употребляли на своих монетах, обок с греческими, ариано-пеглевийские легенды сами греческие государи Бактрианы и Афганистана[4].

---

[1] Tableux historiques de l'Asie, p.289.

[2] По «Цянь-Хань-шу» вначале Чжан Цянь представлял, что усуньский владетель в одно время с Б.Юечжы кочевал около Дунь-хуан» («Собрание сведений», III, 65). По мнению В.В.Григорьева, «в указанных им (Риттером) местах у Дегиня и Абеля Ремюза нет ни слова о том, что усуни жили первоначально в смешении с юе-чжи... Несколько слов об этом находим только в Клапротовых Tableux historiques de l'Asie, p. 132), сочинении, не имеющем ученого значения, так как Клапрот не цитирует здесь своих источников. В первоначальных же источниках для сведений об усунях, в «Шы-цзи» Сымацяня и в «Цянь-хань-шу» Баньгу, не упоминается о таком сожительстве усуней с юечжийцами в северо-западном Тангуте, сколько мне известно, ни единым словом. Весьма сомнительного достоинства также и мнение Риттера, не им впрочем, впервые, пущенного в свет, об индо-германском происхождении усуней; но здесь не место разбирать это мнение» («Восточный или Китайский Туркестан», вып. I, СПб., 1869 г., стр. 306 и 307).

[3] Статья The Yuch-ti and the early buddhist missionaries in China в The Academy, vol. XXXII, 1887, N317.

[4] Так и китайские легенды на описанных тем же профессором юечжийско-греческих монетах (Una monnaic bactru-chinoise, etc., Comprends des sconces de l'Acad. des inscrip, 1829) не дают основания приписывать юечжийцам китайское происхождение. Монет этих две. Из них более интересная бронзовая, имеющая на одной стороне изображение лошади и индо-бактрийскую надпись, а на другой - китайские знаки, доставлена сэру Дугласу Форсайту, главе британской миссии 1873 года, из Хотана и найдена, быть может, с другими привезенными Форсайтом греческими и византийскими монетами в развалинах древнего города близ Керии. Китайская легенда переводится так: «монета, весящая две унции четыре чу». Пять последних знаков этой легенды соответствуют хорошо известному типу монеты, ходившей в III веке до Р.Х. главным

Важнейшим аргументом Вивьен Сэн-Мартена в пользу тибетского происхождения юечжей составляет тибетский язык и обычаи той части юечжей, которая осталась в Наньшане. По «Истории Тибета и Хухунора», которая, по словам автора, о. Иакинфа Бичурина, представляет собою извлечения из династийных историй и из «Тун-цзянь-ган-му», когда главная масса юечжей ушла на запад, то отставшие «слабые» приютились в Наньшане и стали там жить в смежности с цинами, вступая с ними в браки. Когда же полководец Хо-цюй-бин, разбив хуннов, овладел Хэ-си и открыл Хуан-чжун, то юечжисцы покорились и живут вместе с китайцами...». «Одеянием, пищею и языком несколько сходны с цинами и также имя или прозвание отца ши матери служит названием роду. Больших родов считается у них семь; войска в сложности около десяти тысяч. Они расселились в Хуан-чжун и Лин-цзюй. Есть несколько сот семейств в Чжан-е под названием И-цун-ху, т.е. добровольно поддавшихся инородцев»[1]. Об этих наныпаньских или хуан-чжунских юечжи упоминается в 96-144 гг. после Р.Х. по поводу столкновений китайцев с цинами, в которых юечжи более симпатизировали цинам, но держались вообще той стороны, которая была сильнее[2]. В тех самых местностях, где обитали эти «малые юечжи», Пржевальский нашел народ, который он называет далдами и который китайцы, по его словам зовут туу-жень. По типу своему эти далды походят частью на китайцев, частью на монголов; язык их состоит из смеси слов монгольских (всего более), тангутских, китайских и собственных[3].

образом в северо-западном царстве Цзинь; близка она к ней и по весу. Из 20 букв индо-бактрийской надписи пять стерлись и неразборчивы. Однако Т.де Л. по догадкам прочел не только титул монетного царя, но и его имя. Получилась такая же легенда, какие имеются на монетах греко-кабульского царя Ермея. К сожалению, восстановлена по догадкам именно важная часть имени Ермея. На другой монете, меньшего размера, также имеется изображение лошади, но индо-бактрийская легенда отсутствовала или совершенно стерлась. Из трех китайских знаков на обороте прочтены два, представляющие грубое подражание надписям на многих монетах, выпускавшихся в Китае около 300 г. до Р.Х. Эти китайские легенды, должны быть, позаимствованы близким к китайской границе народом, который чрез свое знакомство с Китаем получил влияние его цивилизации и несколько ознакомился с кит. письмом и монетами в эпоху, когда упомянутые монетные легенды, которые прекращены официально в 321 г. до Р.Х., были еще в употреблении. Все это приводит к заключению, что монеты эти были выпущены царем Ермеем, бывшим союзником или вассалом юечжийского царя, которого имя писалось в ариано-пеглевийских монетных легендах Кужула Касаса Кушана. До сих пор известны были монеты Ермея и Кужула только с греческими и ариано-пеглевийскими легендами. Выпуск монет с ариано-пеглевийскими и китайскими легендами имел целью облегчить торговлю греко-бактрийцев с пришельцами-юечжийцами, пока эти последние еще не забыли китайского письма и не приняли индо-бактрийского. Если на описанной малой монете не было индо-бактрийской легенды, она представляет монету юечжей еще до соприкосновения с греками Бактрианы (см. указ. Comptes rendus, p.p. 338-342). В этой же статье (p. 344), ссылаясь неопределенно на китайцев, Т.де Л. утверждает, что юечжи были народом an teint blonc et ruse , и обращает внимание на значительную величину носов у монетных царей. Не встречая более ни у одного синолога никаких китайских известий о розово-белом цвете лица юечжей, я думаю, что в этом отношении в статью почтенного профессора вкралась ошибка. Что же касается носов монетных царей, то едва ли можно поручиться, что греко-бактрийские граверы не продолжали наделять юечжийских царей носами греческих.

[1] «История Тибета и Хухунора», СПб., 1833 г., часть I, стр. 66. Хэ-си «в древности названа была страна, простирающаяся... от Ордоса на запад и ныне заключающая в себе области Лян-чжеу-фу, Гань-чжеу-фу и округ Ань-си-чжеу в губернии Гань-су» (III, топогр. указатель, стр. 85). Хуан-чжун соответствует округу нынешнего Синина. Хо-юой-бин завоевал Си-хэ в 121-119 гг. до Р.Х. (I, стр. 38-42). Лин-цзюй есть уездный город, находившийся в 300 ли на юго-запад от г. Лян-чжеу-фу (Ш, топогр. указатель, 40), а Чжан-е нынешний Гань-чжеу-фу (там же, 97).

[2] «История Тибета», ч. I, стр. 33, 35, 43, 54, 59.

[3] «Третье путешествие», СПб., 1883 г., стр. 328 и след

С этим же народцем, в тех же местностях, в 1884 и 1885 гг. ознакомился Г.Н.Потанин, который называет их широнголами. Язык у широнголов монгольский, с примесью китайского, но есть и собственные слова. Живут широнголы оседло, в деревнях, названия которых имеют в конце приставку цжа. Тангуты зовут их чжахурами[1]. Число далдов и широнголов простирается до 100 т. душ обоего пола. Встречаются в их языке и тюркские слова, напр. таш - камень, итими или ичмэ - хлеб (?), баг - дерево. Сами себя они называют монголами, а иногда, в отличие от настоящих монголов, чаккан-монгол (белые монголы). Имя широнголов встречается в Алтан-тобчи и в «Истории монголов» Howorth'a; упоминает государство Ширайго, со слов одной китайской книги, г. Успенский. Приводимое Пржевальским китайское имя их туу-жень состоит из двух слов: ту — «земля» и «жень» - «человек»[2]. По словам А.О.Ивановского, которым обработано составленное г.Потаниным собрание широнгольских слов, китайским словом ту-жень (туземец) «обозначаются и инородцы, и коренные жители какой-либо местности». «Относительно состава широнгольского языка (говорит тот же г. Ивановский) надо сказать, что он монгольский, в фонетическом отношении очень напоминает дахурский, причем некоторые слова, сохранившиеся только в дахурском языке, существуют и в нем; затем в него входят слова тибетские, китайские и тюркские, очевидно заимствованные уже впоследствии» [3]. Выходит, следовательно, что широнголы тунгузско-монгольского происхождения, вероятно, потомки тогонцев или тхухугуней, словом с юечжи не имеют ничего общего. По-видимому, от малых юечжей не сохранилось в северо-западном Китае никаких остатков в виде продолжающего сколько-нибудь особливое существование племени.

Вообще по крайней мере до издания достаточных запасов слов широнголов или далдов, а также хара-ёгуров и шира-ёгуров, и до изучения их лингвистами, народность этих остатков древних обитателей Нанынаня остается загадочною и, вероятно, долго еще будет вызывать разнообразные мнения и предположения, в том числе и о происхождении части их от юечжей.

В результате рассмотрения исторических известий и различных мнений о народности юечжей следует, мне кажется признать, что есть достаточно веские основания считать этот народ имеющим тибетское происхождение или по крайней мере смесью разных народностей, заключавшее в своем составе значительный тибетский элемент. Наличность этого тибетского элемента доказывается сходством языка, одежды и обычаев оставшейся в Нанынане части юечжей с тибетскими, а также одинаковостью одежды пишаверских (малых) юечжей с тангутской и полиандрией юечжей-еда, существующей и, вероятно, существовавшей, из народов Средней Азии, главным обра-

[1] «Известия И.русского географического общества», 1885 г., стр. 244-248, 445.
[2] «Известия геогр. общества», 1887 года. «Предварительный отчет» г. Потанина и протоколы заседания отделения этнографии 28 апреля 1887 г., стр. 307 и 397. Професс. А.М.Позднеев упоминал в указанном заседании о том, что в различных источниках ему приходилось встречать указания на принадлежность широнголов маньчжурской народности.
[3] Том II последнего труда Г.Н.Потанина, стр. 410.

зом только у тибетцев[1]. По вопросу о происхождении еда, - руководствуясь принятыми в современной и последующих династийных историях известиями и мнениями и отвергая упоминаемые в «Бэй-шу» и перешедшие в «Лян-шу» предположения, - надо почитать наиболее вероятным, что еда те же юечжийцы, называвшиеся и кушанами.

[1] Сведения о полиандрии у нынешних тибетцев пока еще недостаточно ясны и точны. Один из последних путешественников Rockhill, безуспешно пытавшийся зимою 1889 года пробраться в Лхасу, объясняет полиандрию у оседлых тибетцев недостатком земли, по причине которого братья, не желая делить наследственную землю, берут себе одну общую жену. По его словам, существует полиандрия и у монголов Цайдама, но это скорее случайное явление (см. «Известия восточносибирского отдела р. географ, общества», т. XX, 1890 г., № 1, стр. 62-67).

5. Кангюй в эпоху юечжей и еда и границы земель усуней

Смешение Кана с Кангюем. Имена Самарканда. Титул чжаову. Отношения юечжей-еда к кангюйцам. Кангюйцы - канглы в эпоху юечжей-еда и в позднейшее время. Отличие еда-юечжей от джете. Заключение о границах территории усуней.

Известия за время юечжей-еда о Согдиане и ее главном городе весьма сбивчивы и темны. Та самая «Т'ан-шу», которая разъясняет положение в долине Зеравшана и вообще в Мавераннагре пяти вассальных кангюйских владений ханьских времен, в то же время повторяет известия «Бэй-шы» о том, что государи владения Кан (Самарканд) и других восьми или более мелких государств между Яксартом и Оксом происходят из дома Юечжы и все имеют прозвание чжаову от города Чжаову, где по северную сторону хребта Цилянынань, первоначально обитал дом Юечжы, перешедший, после поражения от хуннов (по «Т'ан-шу» от дулгасцев), на запад[1]. И в то же время, в той же «Бэй-шы», говорится, что «владетельный дом Кан есть отрасль кангюйского дома»[2]. Странно также, что о Самарканде в ханьские времена китайские источники совершенно не упоминают, как будто его тогда совсем не существовало[3]. Вдобавок имя Кан (Khang) близко к имени Кангюй (Khang-Kiu) и оба употребляются в «Т'ан- шу» как синонимы. В результате в то время, когда Дегинь правильно помещал, согласно «Шы-цзи» и летописям Ханей, Кангюй в Дешт - Кипчаке, в степях на север от Сыр-дарьи, Аб Ремюза считал это большой ошибкой и отождествлял Кангюй с Согдианой и Каном (Самарканд)[4]. В Согдиане Дегинь помещал Гибинь, отчего и приписывал разрушение греко-бактрийского царства су (сэ), признавая асианов, пасианов, сакараулов и саранков Страбона и Юстина за сэ китайских писателей и допуская, что с сэйцами принимали участие в нападении на Согдиану и Бактриану и другие северные скифы, в том числе и усуни (асианы)[5]. Риттер думал согласить положение Кангюя ханьских летописей, в которых он помещается на северо-запад от Давани, с положением Кана на юго-западе от этой же Давани предположением, что Давань при Ханях простиралась на юг немного дальше, чем Фергана, так, чтобы Самарканд оказывался на севере от Давани [6], такое предположение возможно было только при том недостатке географических и топографических данных, в каком до половины почти настоящего столетия находилась относительно Средней Азии европейская наука.

Достаточно обстоятельные и точные сведения «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу» о положении Кангюя не дозволяют помещать его в долину Зеравшана, где находились только подвластные ему оседлые владения. Отсутствие в числе вассальных владений

---

[1] «Собрание сведений», III, 238.
[2] Там же, стр. 181 и 182.
[3] По Бретшнейдеру (Notices of the Mediaeval Geographie and History of Central and Western Asia, 1876, London, p. 76), «в 258 в. главе «Тан-шу», в статье K'ang или K'ang-kiu, говорится, что эта страна еще называется Sa-mo-gien». Второй знак в Кан-гюй, т.е. гюй, различен в этом имени по «Т'ан-шу» от знака в имени Кан-гюй по «Хань-шу», так что Бретшнейдер находит тут только сходство звуков.
[4] Recherches sur les longues tartares, Paris, 1820, T. I, p. XLVI.
[5] Recherches sur quelques everoments qui concernent l'histoire des rois Grecs de ca Bactriane etc. в Histoire de Г Academie royale des inscription et bolles lettres avec les Mimoires de littarature tires des Registras de cette Academie. Tome XV, Paris, 1759, pp. 26, 27, 32.
[6] Erdkunde von Asien, Bond V, drittes Buch, zweite Ausgole, 1837, s. 634.

Самарканда может быть объясняемо или разрушением и уничтожением этого города, так что во время Ханей существовали лишь его развалины, или означением его в числе вассальных владений под другим именем. Предположение о нахождении Самарканда в запустении мало вероятно, потому что выгодное его положение при выходе Зеравшана из гор и в голове каналов, орошающих всю нижележащую долину, никогда не допускало продолжительного запустения этой счастливой местности. Конечно, город был разрушаем несколько раз, как свидетельствуют развалины и следы оседлости разных эпох, но удобства положения местности вызывали в скором времени возобновление оседлости и быстрое заселение города. Поэтому вероятнее второе предположение, которое подтверждается и фактами: Самарканд в ханьские времена входил в состав владения Сусе или Сухэ, как видно это из близости имени Сухэ или Сукэ (Sou-Kiai) с Сугдом или Согдом древних арийцев и персов. Доказывается это и относительными расстояниями Сусе и других кангюйских вассальных владений по «Цянь-Хань-шу» от местопребывания китайского наместника; как выше приведено, Сусе лежало дальше Юни (Ташкент), но ближе, на 190 ли, чем Фуму (Хэ), которое находилось в средней части долины Зеравшана. Надо полагать, что «Т'ан-шу» ошибочно отождествила Сухэ с современным ей владением Шы, тогда как следовало Сухэ считать Каном. Составителей «Т'ан-шу» сбивала близость имени Кана с Кангюем и потому, сажая Кангюй на Зеравшан, они отнесли Сухэ на юг, на Кашка-су. Согдом или Согдианой именовалась у персов и греков вся страна, орошаемая рекою Согдом. Когда Согдиана разделилась на несколько владений, то имя Согда должно было постепенно замениться именами этих владений. Имя Кан, которым китайские историки, около V века, стали именовать восточную часть прежнего Согда (Сук, Сукэ) с его столицей, есть, всего вероятнее, сокращенное имя Самарканда. Уже у греков, во времена Александра Македонского, город этот именовался Маракандой. Китайцы, всегда склонные к сокращению иностранных слов и имен, из двух слов, составляющих имя, оставили только второе, утратив и в нем одну согласную, и получили имя Кан[1].

Мне кажется правильным мнение Томашека, что производство титула «чжаову» от города того же имени в прежней стране юечжей, в Килянынане, есть «произвольная выдумка», потому что «Исторические записи» и «История Ханей» такого города не знают. Но догадка этого ученого о том, что «чжаову» есть переделка на китайский лад имени иранского героя Сиавуша[2] едва ли основательны, потому что и разница в звуках значительна, и мы не знаем, чтобы имя Сиавуш употреблялось у самих иранцев в

[1] Томашек производит имя Самарканда от бактр. тага, санкр. smara, воспоминание, зов, или бактр. тага, новоперс. таг, змея, пресмыкающееся; канда - от бактр. Kanta - выкопанное, в значении канава, канал... В Авесте есть название Kanta для баснословной страны, которая лежала на восток от озера Vouru-kusa. В «Книге царей» упоминается Kang, столица туранского царя Афросиаба, Kang-bihist. Если это слово тюркское, то нельзя отвергать возможности производства его от уйгурского Kang, джагатайского Кап, широкий (Sogdiana, I, pp. 69-71). По-киргизски семирмек - жиреть, кенг - широкий. Имя Согд, в бегистанской надписи Дария Сугуда, Томашек производит от иранского корня cue - блистать, светить, гореть (там же, 10). Имя это сохранилось в названии тюменя Сугут, расположенного на правом берегу Зеравшана против Самарканда («Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 2, СПб., 1873 года, стр. 93-101, Хорошхина «Сугут», топографический и этнографический очерк).
[2] Central Asiatschen Studien, I, ss. 72, 73.

качестве нарицательного или в качестве титула. По заверению Эмбо Юар'а. «чжаову» соответствует персидскому «пехлеван», богатырь, герой, и означает «знаменитый воитель»[1], вероятно, по объяснению китайцев же. В таком случае, при таком значении слова, князья долины Зеравшана могли носить титул «чжаову» совершенно так же, как потом среднеазиатские ханы и эмиры величали себя тюрко-монгольским титулом «багадур», имеющим то же значение. Но все-таки откуда же взялось слово «чжаову» в смысле «богатырь»? Мне кажется, что вопрос разрешается существованием тангутского слова чжа-ву или чжо-ву, значащего господин, князь и употребляемого в тангутских сказках в смысле «богатырь» княжеского, однако, кажется, рода. Весьма вследствие этого вероятно, что имя «чжаову», князь, которым члены юечжийского царствующего дома именовались на своем родном языке, употреблялось происходившими от этого же дома кангюйскими владетелями в качестве наследственного титула и наконец получило значение «богатырь», «пехлеван», так как юечжийские князья долины Зеравшана должны были со временем совершенно подчиниться культуре своих иранских подданных и забыть свой родной язык[2]. Конечно, при тибетском слове для означения членов царствующего дома тибетское происхождение юечжей становится более чем вероятным. Что же касается до китайских историков, то, видя постоянное употребление титула «чжаову» местными владетелями, которые насчитывали себе десятки предков по прямой восходящей линии[3], китайские писатели, для объяснения происхождения титула «чжаову» у юечжийского царствовавшего дома и в происшедших от него владельческих домов долины Зеравшана, предположили существование в Ганьсу города Чжаову, в котором первоначально обитали бы цари юечжей до переселения в Тяншань и затем в Мавераннагр.

История юечжей - кушанов - иданьцев[4] показывает, что это был народ воинственный и предприимчивый. Уступая превосходным силам хуннов, он оставил прежнюю свою страну, а потом и западный Тяньшань, и утвердился на Аму-дарье. Отсюда он подчинил своей власти Афганистан и Индию и нападал на Персию. Враждебные

---

[1] Recuail de documents etc., p. 181: Tchau von signific Guerrier ielustre. C'est l'equivalent du person pehlvan. Конечно в китайском подлиннике стоит тут Кангюй, а не Согдиана, но А.Ремюза употребил последнее имя вследствие своего предположения, что Кангюй есть Согдиана. Выходит, что один из китайских географов, около VII века, считал для юечжей возможным кангюйское, т.е. тюркское происхождение.

[2] Южные кангюйские княжества, подчинявшиеся во время Чжан Цяня юечжийцам, вскоре возвратились в прежние свои отношения к Кангюю, потому что в «Истории старших Ханей» умалчивается о подчиненности Кангюя «на юге» юечжийцам, а в «Истории младших Ханей» Суи, т.е. Сухэ или Согд, оказывается в зависимости по-прежнему от Кангюя. Но надо полагать, что впоследствии, по ослаблении Кангюя, княжества эти снова попали под власть кушанов или еда и продолжали им подчиняться до времен тукиюесцев, сохранив своих кангюйских владетелей, укрепивших свое положение родственными связями с юечжийцами или обзаведясь князьями из юечжийского дома. По Якуту, ссылающемуся на Мокадеси, даже Осрушна принадлежала гайталам (Томашек, Согдиана, I, 59). Владетель Бохани (Ферганы) также прозывался «чжаову», хотя о происхождении его от кангюйцев или юечжийцев не упоминается («Собрание сведений» и пр., III, 186).

[3] Так государь владения Ань (Бухара) представлял около 627 года китайскому двору, что дом его преемственно царствует в двадцать втором колене. В царствующем доме владения Кан «со времен династии Хань преемство престола не прекращалось». См. «Собрание сведений», III, 241, 181.

[4] «Я спрашивал людей этого владения», - пишет Вэй-цзи, автор «Записок о западных варварах» (Si-fun-ki); «они называли себя Y-tien» (перевод Стан. Жюльена в Les Huns blancs etc., p. 54). По Абелю Ремюза тот же автор утверждает, что Yi-tian присоединили к себе остатки народов, обращенных ими в бегство, и что они могли быть d'origine sogdienne (?). См. Nouvour melonges asiatiques, t.I, p. 244.

отношения кушанов к Персии длились почти все время Сасанидов, особенно же сильны были в V веке, около половины которого персы вели с ними продолжительные и ожесточенные войны. Будучи столь деятельными на юге и западе своих владений, не могли, надо полагать, кушаны оставлять без внимания своих восточных и северных соседей. Действительно, сохранились известия о вмешательстве юечжей в дела Восточного Туркестана во времена младших Ханей[1]. В V и в начале VI века от иданьцев зависели не только мелкие владения в верховьях Аму-Дарьи, но также Хотан, Кашгар, Аньси (Куча), Карашар и даже Кангюй[2]. Упадок Кангюя можно объяснить уменьшением его населения, увлеченного гуннами в IV веке на запад. К гаогюйцам, видя, вероятно, в них опасных врагов не только для вассального Кангюя, но и для самих себя, идани отнеслись враждебно и остановили их движение на юго-западе, нанеся им поражение и убив государя их Цюнки, а потом вмешавшись в их внутренние дела и вступив в связи с жужанями. Дружественные отношения, а тем более зависимость Кангюя, должны были значительно увеличить могущество кушанов, потому что только среди кочевников северу от Сыр-дарьи могли они легко набирать, в помощь своим войскам, многочисленные полчища для набегов на Персию и для отпора Сасанидам. Зато, когда тукиюесцы подчинили себе кангюйцев, то вынуждены были, после непродолжительного сопротивления, покориться им и сами иданьцы. Силы последних, не встречая уже опоры в кангюйских кочевниках, так ослабели, что Вахрам-Чубин, в конце VI века, мог взять Балх и опустошить кушанские земли даже на севере от Аму-дарьи. После этого туркам уже нетрудно было сделаться полными хозяевами Мавераннагра. Легкость подчинения тукиюесцам кангюйских кочевников зависела, вероятно, от одноплеменности их с турками. Если доверяться сходству имен, то, без сомнения, кангюйцы[3] были предками канглов, тюркского племени, остатки которого поныне существуют между родами казаков и узбеков. Кангюйцы, покоренные тукиюесцами, перешли потом в VIII столетии под власть карлыкских ханов и появляются на страницах истории под именем канглов лишь в начале XII столетия, когда один из ослабевших карлыкских илеков, не имея сил укротить набеги канглов на свои земли у подножия Александровского хребта, призвал на помощь каракиданьского

[1] Так, около 116 г., по воле государя юечжей, возведен был на престол Кашгара, которому подчинялись в то время Яркенд и Хотан, пользовавшийся его расположением родственник умершего кашгарского владетеля Ченпань («Собр. свед.», III, 129).

[2] «Собр. свед.», III, 178. Следует разуметь истинный Кангюй, потому что Самарканд в то время назывался владением Сиваньгинь (III, 165), а позднее Кан (том VI, 181).

[3] Абель Ремюза переводит имя Khang-kui «жилище канов» (demeure des Khang). Полагая со своей стороны, что имя Кангюй не имело, по всей вероятности, ничего общего с именем Kangli, он замечает, что по странной случайности оно служило при династиях Суй и Т'ан для обозначения страны канглов. См Recherthes sur les langues turtares, Paris, 1820, t .1, p. 315.

По мнению Неймана, истинное имя народа, который китайцы называли Кангюй и Канглы, есть Хангар (Changar), так как османские турки и теперь еще тюрков и монголов Средней Азии называют Хангар, и это же имя, по Константину Порфирородному (De Adm.Imp., с. 38, 39) давалось храбрейшим между печенегами (Die Volker des Stislicher Russlands, 1847, s. 111).

Шотт (Ablandlungen королевской академии в Берлине, 1844 г.) отождествлял кангл'ов с kangar'ами и с кангюй'цами Ханей. Соглашаясь с первым, Бретшнейдер замечал по поводу Кангюя, что тут только сходство звуков, ибо знаки разные (Notices, 1876, p. 76). Но ведь и имя кангл'ов в «Юань-ши», в «Юань-чао-ми-ши», в «Гинь-ши» изображается самыми разнообразными знаками, однако это не помешало самому Бретшнейдеру признать, что все это одни и те же канглы (pp. 73, 74 и пр.).

Гурхана. В начале XIII века канглы составляли главную часть армий Султан-Мухаммеда Харезм-шаха, неудачно защищавших от монголов Отрар, Самарканд и Харезм. Печенеги, узы (гузы), команы (половцы), кипчаки - все это, вероятно, лишь роды и отделы канглов, подвигавшиеся на запад и юг из кангюйской степи. Кангюйцы же, вероятно, составляли главный контингент тех армий, с которыми тукиюеские ханы завоевали все земли иданьцев и предпринимали походы на Персию, а также тех дружин, с которыми тукиюеские и, вероятно, кангюйские старшины и князья прочно водворялись в разных местностях Ферганы и Мавераннагра, вытесняя и заменяя мелких владельцев туземного или иного происхождения: арабы, в конце VII и в начале VIII века нашли все эти страны под властью тюркских или отуреченных князей, призывавших к себе на помощь против нашествия мусульман многочисленные тюркские ополчения с севера.

Нет никаких оснований полагать, что кушаны или иданьцы водворялись в кангюйской степи и что степь эта получила имя джете от еда. Имя это (джете или чете), появившееся лишь в эпоху Тимура, есть, конечно, сокращенное название Чагатаева улуса[1]. Отняв у потомков Джагатая Мавераннагр, Тимур вел многие годы упорные войны с Джагатаидами, сохранившими свои земли к северу от Сыр-дарьи и добивавшимися возвращения под свою власть Мавераннагра, а потому у историков Тимура вполне естественно употребление слова чете, сокращенно означавшего сохранившиеся у Джагатаидов наследственные владения[2].

Обращаясь теперь к окончательному нашему заключению о территории усуней и ее границах, упомянем, что, по мнению Дегиня, земли усуней были расположены «около реки Или, от Иртыша до города Сейрама»[3]. Рихтхофен полагает, что усуни занимали Балхаш, Или и Иссык-Куль[4]. По Kingsmill'ю территорию усуней составляли the upper valley of the Naryn and possibly Hi, на северо-восток от Давани[5]. Wylie, согласно с «Сиюй-т'ун-вынь-чжи», думает, что усуни занимали местность Кульджи и большую часть нынешней китайской провинции Или, на восток от озера Иссык-Куля[6].

На основании произведенного нами в настоящей главе обзора всех границ земли усуней оказывается, что границы эти шли по хребту правого берега р. Или (со стороны Юебани), доходили на восток до верховий Малого Юлдуза (со стороны владения

---

[1] В.В.Вельяминов-Зернов. «Исследование о касимовских царях и царевичах», ч. 2, СПб., 1864 г., стр. 363-365.

[2] Лерх («Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г.», СПб, 1870 г., стр. 28) склонен был видеть в джете еда по описанию могил последних, так как на первой станции от Аульеата, по переезде чрез р. Талас, с правой стороны видел группу холмов, сложенных из местного крупного щебня. Действительно, у еда богатых погребали под насыпями из камней, но могильные холмы, насыпанные из каменного щебня, встречаются в большом количестве на Алтае (в уймонской степи), на Бухтарме, около Сергиополя, а также во всей восточной части киргизской степи и на степных возвышенностях по р. Абакану (Radloff, Aus Sibirien, B. II, s.741), а потому не принадлежат исключительно одним еда.

[3] Переводы Денерта B.I, s. 68.

[4] China, 1877, B. I, s. 448.

[5] Journal of the Asiatic Society of Greet Britain , vol. X new series, 1878, p. 296. Вместо Hi (должно быть, опечатка) надо читать Jli.

[6] Journal of the Antropological Institute , vol. XI, 1882, p. 83.

Утаньцыли), потом направлялись на запад по хребтам, отделяющим долину Юлдуз от Таримской впадины (со стороны Яньки, Гуйцы, Гумо и Юйту), затем приблизительно по водоразделу между рр. Аксаем и Атбашем (со стороны владения Гюаньду), потом по хребту, прорываемому Нарыном при выходе его в долину Ферганы, далее по окраинам крайней западной оконечности Тяньшаня (охватывая бассейны Чаткала и верховьев Таласа, а также земли по р. Чу, все это со стороны сначала Давани, а потом Кангюя) и отсюда по линии на Балхаш и устья р. Или. Из всех частей границы указана здесь предположительно только граница с Кангюем, которая и на самом деле едва ли была постоянною и точно определенною.

Таким образом, территория усуней заключала в себе бассейны реки Или и ее притоков, Юлдузы, бассейн Нарына, Чаткал и бассейны Иссык-Куля и рек Чу и Таласа, словом, земли усуней обнимали весь западный Тяньшань с добавкою Илийского бассейна.

Глава четвертая

УСУНИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИТАЯ И ГИПОТЕЗЫ ОБ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ

Пред III веком до Р.Х. усуни занимали земли нынешнего аймака цзасакту-хана. Сведения о местности на р. Ецзин. Отношения между усунями и юечжийцами до III века до Р.Х. Сведения о столкновениях с хуннами. Хронологические замечания. Мнение Риттера о предшествовавшем, древнейшем местопребывании усуней. Ошибочность исторических оснований этого мнения. Ссылка на подобные же основания В.М.Флоринского. Связь мнения Риттера с гипотезой о принадлежности усуней к индо-германскому племени. Основания этой гипотезы по Клапроту. Проверка этих оснований. Светлая окраска усуней. Сомнительность голубоглазости и белокурости населения Сулэ и народа худэ. Светлая окраска динлинов и кагасов. Недостаточность одной окраски для причисления непременно к арийской расе. Несостоятельность лингвистических оснований гипотезы Клапрота. Мнения о финском и тюркском происхождении усуней. Мнения о. Иакинфа. Гипотеза составителей «Си-юй-т'у-чжи». Усуньские слова и личные имена. Возможность тюркского и саяно-алтайского происхождения этих имен. Главные основания мнения автора о том, что усуни и енисейские киргизы суть части одного народа и о том, что кара-киргизы суть потомки усуней.

Усуни не были аборигенами Тяньшаня. Они пришли сюда с северо-западных границ Китая, где, в III веке до Р.Х., по заверению «Истории старших Ханей», «усуньский владетель в одно время с Б.Юечжы кочевали около Дунь-хуан»[1]. По словам Чжан Цзяня, отец усуньского гуньмо «имел небольшое владение на западных хуннуских пределах»[2]. Западную часть земель хуннов составлял в то время Ордос, который около 214 года отнят был у них китайцами, и хунны вынуждены были удалиться на север, но через несколько лет возвратили себе эту страну. Юго-западными соседями хуннов были юечжи. Им, по возвращении Ордоса, отдав сначала в заложники сына своего Модэ, объявил войну шаньюй Тумань. На них же обрушился, после покорения восточных соседей, и сам Модэ, когда сделался шаньюем[3]. Поэтому кочевание усуней на западных хуннуских пределах должно быть понимаемо в том смысле, что их земли находились на северо-западе от земель хуннов и на севере вместе с тем от Дунь-хуана, т.е. кочевки усуней находились в бассейнах рек Цзапхына, Байдарика, Туя и пр., в китайском (южном) Алтае, словом, в нынешнем аймаке Цзасакту-хана, простираясь к югу до р. Эцзине[4]. Буквальное понимание китайских известий, т.е. допущение

[1] «Собрание сведений», III, 65. Область Дунь-хуан основана в III г. до Р.Х., так что это есть только указание на местность, которую лишь впоследствии занимала область Дунь-хуан.
[2] «Собрание сведений», III, стр. 12.
[3] Там же, 10, 11, 13.
[4] По «Си-ши-цзи», описанию поездки на запад, в Персию, в 1259 году, посланца от монгольского императора Мангу к брату его Гулагу, по имени Чань Дэ, посланец этот, по выезде из Холина (Каракорума), проезжал « чрез страну усуней, в северо-западном направлении, более 200 ли») по переводу г. Бретшнейдера, в его Mediaval Researches, 1888, v. I, pp. 122 and 123; After leaving Ho- lin, ho

одновременного нахождения юечжей и усуней около Дунь-хуана, невозможно, так как помещаться не только возле Дунь-хуана, но и на всем пространстве между восточным Тяньшанем и Наньшанем, два народа, состоявшие каждый из ста или более тысяч кибиток, со скотом, потребным для содержания почти миллиона людей, отнюдь не могли, хотя бы местность отличалась необыкновенным плодородием и обилием трав и воды.

По этим же причинам нельзя согласиться с мнением Рихтхофена, который полагает, что усуни обитали на северо-восток от юечжей в горах Хэ-ли (Ho-li) по течению р. Ецзин. Горами Хэли Рихтхофен называет приподнятую окраину лежащего к северу от Наньшаня плато солончаковых степей и пустынь[1]. По описанию Г.Н.Потанина, который в 1886 году пересек Гоби, следуя по р. Ецзин от Наньшаня к Хангаю, «параллельно северной подошве хребта тянется полоса земли, орошенной рекою Ецзин или ее притоками; вдоль ее сидит оседлое население, занятое земледелием и садоводством. К северу от этой узкой культурной полосы вплоть до предгорий Хангая тянется пустыня. Эту пустыню между Гаотаем[2] и Хангаем можно разделить на три части: южную, среднюю и северную. Южная, в той части, где ее пересекает долина Ецзина, представляет незначительную плоскую возвышенность, покрытую низкими волнообразными хребтами. Эта полоса имеет около 200 верст ширины. К северу от нее, с запада на восток, тянется уже настоящая равнина - это будет средняя часть. Это самая глубокая впадина на пути из Гаотая в Кяхту; высота ее более 3000 футов. Наконец, северная часть будет горная страна, восточное продолжение алтайской системы. Все три части этой области отличаются характером пустыни. Только в редких оазисах, благодаря подпочвенной воде, характер пустыни смягчается; появляются на боках долин однолетние растения, а на дне их иногда деревья: евфратский тополь, джигда и ильм. В остальной же части пустыни не растет никаких трав, годных на корм лошадей, и только можно встретить кустарники Calligonum и Ephedra и дерево д'зак (Haloxylon Ammodendron). По этой пустыне протекает, однако, река Ецзин и дает возможность на большом протяжении пересекать ее без затруднения; вдоль реки луг шириной с версту и более, заросший густо Elymus'ом, который служит единственным кормом для здешнего скота. Вдоль же реки рассеяны рощицы из евфратского тополя и джигды. Ецзин впадает в озеро Гашиун, лежащее в упомянутой впадине... Над этой впадиной или равниной, на севере, крутой стеной поднимается хребет Тосту, т.е. самая южная цепь этой системы, которую мы принимаем за восточное продолжение Алтая. Земная

---

travelled trough the country of Wu-sun in a north-western direction more than 200 li). Потом, перевалив через горный хребет, он прибыл в долину реки Хунь-мулянь (Джапхын) и далее, через несколько дней, переправился через реку Лун-гу (Урунгу). Хотя употребленное тут же название страны усуней составляет архаизм (Бретшнейдер, там же замечает: There was before our era, and in the early period after it, a people called Wu-sun, who dwelt at first north of the present province of Kan su, and emigrated subsequently to Dsungaria. In the time of the Mongols it had disappeared centuries ago. The Chinese however, like to use ancient names of countries in their books), но и архаизм этот показывает, что еще в половине тринадцатого столетия у ученых китайцев держалось смутное представление о том, что земли в бассейне Дзапхына и даже по правым притокам Селенги были в древности заняты усунями.

[1] China, erster Bund, 1877, s. 447.

[2] Город между Гань-Чжу и Су-чжоу.

поверхность на той равнине покрыта местами галькой, местами - у выходов коренной породы - щебенкой. По-видимому, это было дно большого озера... Равнина эта есть абсолютная пустыня; приближаясь к ней, растительность умирает...Ширина этой пустыни здесь 75 верст... Горная страна к северу от Гашун-норской впадины имеет более оживленный характер. Здесь проходят четыре параллельных хребта, разделенных продольными долинами; рек на дне этих долин нет, есть сухие русла, по которым во время дождей стекает вода. Дно долин и здесь представляет пустыню; иногда здесь встречаются рощи дзака, тянущиеся на протяжении 10 верст и более и состоящие сплошь из мертвых экземпляров. Вода добывается из колодцев. Северная часть цепи самая высокая и иногда достигает до снежной линии»[1]. Спутник г. Потанина А.И.Скасси добавляет: «Орошаемая рекою узкая полоса пустыни, заселенная торгоутами, представляет собою, во внутренности страны, единственный оазис, поросший местами хорошею луговою травою и тополевым лесом. К востоку же и западу от этой узкой живой ленты залегают сплошные пески и окрестная местность отличается пустынным характером»[2].

Конечно, в течение двух тысячелетий, вследствие уменьшения влажности в средине материка Азии, местные условия ухудшились, но разница была не велика, как видно из описания походов китайцев против хуннов, свидетельствующих о недостатке воды и кормов в пределах Гоби почти в той же степени, как теперь. Поэтому трудно допустить, чтобы усуни умещались в пределах местности, которую занимают ныне несколько сотен кибиток торгоутов. Так как Чжан Цзянь называет владение отца гуньми «небольшим», то можно предполагать, что ему подчинялась лишь часть усуней и что гуньми соединил под своей властью всех усуней до переселения в Тянь- шань.

Упоминая об одновременном[3] кочевании усуней и юечжей на северо-западе от Китая, китайские историки ничего не говорят об отношениях между этими двумя народами за время их соседства[4]. Надо полагать, при тибетском более или менее происхождении юечжей, что сфера их власти простиралась к югу на часть Тибета и к западу на восточную оконечность Тяньшаня и на бассейн Лоб-нора. Сюань Цзань упоминает между Хотаном и Лоб-нором местность, где некогда находилось владение Тухоло. Тут

---

[1] «Известия И. русского географического общества», 1887 г., т. 23, стр. 303 и 304.
[2] А.А.Баторского. «Монголия», СПб., 1889 г., часть I, стр. 115.
[3] В статье «Кукэнор» и пр. («Записки И.русского геогр. общества», по отделению этнографии, т. 6, 1880 г., стр. 107 и 108) В.М.Успенский говорит, что по «Шы-цзи» в области Гуо-чжоу (или Дунь-хуан), в период между циньской и ханьской династиями, обитал народ усунь, потом юечжи и наконец с 202 г. прогнавшие их гунны. Но в имеющихся переводах «Шы-цзи» о такой последовательности обитания этой страны сначала усунями, потом хуннами ничего нет.
[4] По Рихтхофену (China, B. I, s. 448) король усуней (отец гуньмо) был убит юечжийцами, при их уходе от Дунь-хуана в Тяньшань, и сын его, выросший и находившийся в союзе с хуннами, предпринял в 145 г. до Р.Х. поход мести (einen Rockezug) против юечжей, разбил их и вынудил уйти из Тяньшаня далее на запад, но в указываемых Рихтхофеном источниках для его изложения этих и других событий, относящихся до усуней и юечжей (Дегин. Rechercles sur les ruis grecs de la Bactrione, V.da St. Martin-los Huns bloncs u Ab.Remusat) ничего об убиении отца гуньми юечжийцами и о какой-либо мести за это убийство не говорится. По «Шы-цзи», как приведено выше, отец гуньми был убит хуннами. По словам о. Иакинфа («Описание Чжунгарии», СПб., 1829 г., стр XXXVI) «усуньское поселение добровольно ли оставило прежние свои кочевья или также было изгнано хуннами - неизвестно; только вслед за юечжийцами устремилось на запад, и, вытеснив их далее на запад, осталось кочевать на их землях».

под Тухоло можно разуметь не тохаров, которые этому буддийскому паломнику быть может вовсе не были известны, а юечжей, так как во время Сюань Цзана имя Тухоло носила страна, где незадолго перед тем существовало государство юечжей-иданьцев.

Известия китайской истории о хуннах, не говоря уже об усунях, столь кратки и скудны, что о первоначальных столкновениях усуней с хуннами возможны только догадки. По «Шы-цзи» хунны возвысились и усилились при шаньюе Модэ, который покорил «все кочевые племена на севере»[1]. В другом месте, после описания обычаев хуннов, при Модэ, говорится: «Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь и Цайли»[2]. По разъяснению одного из старинных комментаторов Цзинь Чжо, имя хунь-юй носили в самые древние времена у китайцев сами хунны[3], стало быть это народ тюркского языка. Wylie считает Hwan-yu за южную орду телесцев (Tieh-ley), кочевавшую на севере от Ордоса и состоявшую из 30 т. семейств. Гегунь, впоследствии кагасы, били отуреченные динлины, как увидим ниже. Можно, кажется, думать, что с востока, севера и запада соседили с усунями народы тюркского языка - хунны, теле, кагасы, кангюйцы. Покорив южных (юечжей) и северных соседей усуней, хунны не могли, конечно, оставить независимыми и усуней. Юечжи представляются, по китайским известиям, наиболее, после дун-ху, сильными врагами хуннов. Победив дун-ху, «по возвращении, он (Модэ) ударил на западе на Юечжы и прогнал его»[4]. Выражение «прогнал» показывает, что, вопреки мнению Дегиня, юечжи, после первого поражения, не остались на своих прежних землях, а вынуждены были податься на запад, вероятно, к низовьям Тарима. На это, быть может, намекает известие Сюань Цзана о нахождении некогда владения Тухоло между Хотаном и Лобнором. Вероятно, в этой именно местности юечжи подверглись новому нападению хуннов в 177 г. до Р.Х. и должны были бежать, быть может, вверх по Тариму и затем чрез Юлдуз в западный Тяньшань. Ввиду этого возможно, что первое нападение хуннов на усуней и убиение отца гуньмо имели место между 201 и 177 годами. Предположение это подтверждается выражением письма Модэ 176 г. «утвердили Леулань, Усунь» и пр., которое указывает, что усуни уже ранее 177 года считались зависимыми, но окончательно подчинены во время похода 177 года. В таком случае и год рождения гуньмо следует отнести лет на 15-20 ранее 177 года, т.е. к 116 году ему было не менее 75-80 лет, возраст, к которому, по понятиям китайцев и кочевников, скорее может применяться эпитет «старый», чем к возрасту около 60 лет.

По Клапроту Лаошан-шаньюй совершил поход свой на в 165 году. Между тем по «Шы-цзи» Лаошан в 166 году вторгался с 140 т. конницы в пределы Китая и разъезды его появлялись в 38 верстах от Чан-аня, тогдашней китайской столицы, со своей стороны собрали значительные силы и Лаошан должен был опасаться вступления этих

[1] «Собрание сведений», I, 14.
[2] Там же, 17. У Wylie (The Journal of the Anthrop. Institute, III, 1874, p. 411): At a subsequent period, in the north, they subjected the Hwan-yu, the Ken-shih, the Jing-liny, the Kih-hwon-lung and the Sin-le nations.
[3] «Собрание сведений», I, 2.
[4] Там же, 13.

сил в собственные свои владения. Мирные сношения возобновлены были лишь около 162 года[1]. При таких обстоятельствах сомнительно, чтобы в 165 году, не заключив мира с Китаем, Лаошан предпринял дальний поход на запад. Легко может быть, что неопределенное упоминание китайскими источниками убиения Лаошаном юечжийского государя совершено не в царствование Лаошана, а во время похода на юечжей в царствование Модэ, в 177 году; Лаошан мог принимать в этом походе участие, не будучи еще шаньюем. Если Лаошан предпринимал поход на юечжей в свое царствование, то более вероятно отнесение этого похода к 162 году и надо тогда думать, что юечжи находились в это время уже в западном Тяньшане[2].

Во всяком случае пред водворением в западном Тяньшане усуни имели более или менее продолжительное пребывание на севере от Дун-хуана. По мнению Риттера, пришли они сюда от западной оконечности озера Балхаша, из северной Монголии. По его словам, «во время ханьской династии (китайские) летописи... говорят, что шаньюй хуннов, покорив своих северных соседей (усунь и уги), направился к западу, где разбил кян-юомов, а на севере от них и динлинов. Следовательно, кян-юоны жили на севере от усуней, на запад от уги, а динлини еще севернее их, в самых северных странах»[3]. У Клапрота, который в данном случае, по-видимому, послужил для Риттера источником, читаем: «Чжичжы напал на севере на уге (les-Ou-kil), подчинил их и отправился на запад, где он разбил гянь-гуней (les Kion Kouen); на севере от этих последних покорил динлинов. Из этого рассказа видно, что гянь-гуньцы находились на севере от усуней и на западе от уге; динлины обитали еще далее на севере»[4]. В «Цянь-Хань-шу», в переводе о. Иакинфа, после рассказа о том, что Чжичжы разбил 8 т. усуньцев, высланных против него Уцзюту, говорится: «Отселе, поворотив на север, ударил на Уге. Уге покорился, и Чжичжы при помощи войск его разбил на западе Гяньгунь; на севере покорил Динлин. Покорив три царства, он часто посылал войска на Усунь и всегда одерживал верх»[5]. Таким образом, во-первых, Риттер ошибочно зачислил усуней, около 49 г. до Р.Х., в число северных соседей хуннов, и, во-вторых, приведенные известия «Цянь-Хань-шу» никоим образом не могут служить доказательством пребывания усуней у западной оконечности озера Байкала и вообще в северной Монголии.

Эти же известия «Цянь-Хань-шу», в еще более ошибочном виде, приводятся автором «Примечаний» к каталогу археологического музея томского университета[6], в доказательство принадлежности народа, оставившего в южной Сибири и в Монголии с

---

[1] «Собрание сведений», I, 29-30.
[2] Гутшмид (Geschichte Iran's , 1888, ss. 69, 61, 62) относил нападение хуннов на юечжей, вынудившее последних передвинуться в западный Тяньшань и прогнать оттуда сэйцев, к 157-161 годам, на том основании, что Лаошан, производивший это нападение, умер в 160 г. Он полагал засим, что юечжи удалились из западного Тяньшаня, а усуни заняли его в 159 или 160 году, потому что усуньский гуньмо, прекращая поездки ко двору, по смерти шаньюя, т.е. Лаошана, удалился уже «в отдаленную страну» (по переводу Броссэ), т.е. в Тяньшань
[3] Русский перевод Азии Риттера, том III, 1860 г., стр. 539 и 560.
[4] Memoires reluatifs de l'Asie, 1.1, p. 87.
[5] «№Собрание сведений», I, стр. 77.
[6] «Археологический музей томского университета», Томск, 1888 года, стр. 154.

Чжунгариею каменные бабы, курганы и неразъясненные еще письмена, к арийским племенам, скорее всего к славянскому и даже всего ближе к русскому: «Здесь же, кстати, упомянуть, что о пребывании русских за 2000 лет тому назад в соседстве китайских границ (на юге западной Сибири) упоминается в китайской географии, переведенной г. Леонтьевым (Кратчайшее описание городам, доходам и пр. Китайского государства и всем государствам, кои китайцам сведомы. СПб., 1778 г.). На стр. 301 этого сочинения говорится: «Во времена глубокой древности описания о русских людях у наших не было, а началось при царствованиях царей Циньского колена и Ханийского колена (не далее 2000 лет), от мунгал, что в оные времена русскими они (т.е. монголы) владели, называя тогда не русскими, а Динлинами. Мунгалы разделяли те народы, кои жили позади их до северного моря, на пять частей (царств). Первых (ближайших к ним) называли Хунью, вторых Кюше, третьих Динлин, четвертых Лиги, пятых Синли. У Динлинов же еще был тогда народ Маги называемый. Писали в тогдашние времена Мунгалы таким образом, что на севере Джиджидани, победивши Удзеев, ходили с войском к западу и к северу; на западе побили Дзянгеев, а на севере покорили себе динлинов, а как Дзянгейский народ обитал на севере от Усуньского, а на западе от Удзейского; Динлинский же народ обитал на севере от всех сих народов, то и оказуется чрез сие, что тогдашние Динлины, а нынешние Русские, есть один народ, происшедший от Дзянгеев. О Русских при царях фамилии Юань (при Золотой орде) писали здесь прямо, называя Оросами и упоминая совокупно с киргисами, чему ныне больше 400 лет». «Таким образом, согласно китайским источникам, можно считать весьма правдоподобным, что примерно до Р.Х. жили на юге Сибири арийские племена, которым, вероятно, и принадлежали рассматриваемые нами археологические памятники»[1].

Полное заглавие цитированной книги такое: «Кратчайшее описание городам, доходам и прочему Китайского государства, а при оном и всем государствам, королевствам, княжествам, кои китайцам сведомы, выбранное из китайской государственной географии, коя отпечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кянь Луне, секретарем Леонтиевым. В С.Петербурге, 1778 года». Государственная география, которая служила Леонтиеву источником, должна быть «Дай-цинь-и-тун-чжи», первое издание которой появилось в 1744 году. Составители этой географии помещали и исторические сведения, заимствуя их из династийных историй, но прибегая, при недостатке таких сведений, и к собственным соображениям. Если принять еще во внимание недоразумения и прорухи переводчика, то окажется, что суть известий, приписываемых Леонтиевым китайцам, заключается в сообщении «Шы-цзи» о покорении хунну'ями пяти владений на севере: «Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь и Цайли». Так как Сибирью в 1744 году владели русские, то составители «Дай-цинь-и-тун-чжи» могли сказать, что при династиях Цинь и Хань часть Сибири, принадлежащей ныне России, составляла владение Динлин, которое было покорено хуннами. Затем из «Цянь-Хань-шу» взяты известия о

[1] «Археологический музей томского университета», Томск, 1888 года, стр. 155.

покорении шаньюем Чжичжы Уги (Удзеи), Гегуни (Дзянги). Из «Ю-ань-ши» могли быть взяты сведения о «киликидзе». О стране Махи (Маги) явно те же сведения, что у Матуаньлиня. Все остальное не более как недоразумения переводчика, который шаньюя Чжичжы обратил в народ «Джиджидани», а хунну переименовал в «мунгалов», заставив этих монголов «писать» исторические известия до Р.Х.[1]

Мнение Риттера о древнейшем обитании усуней в северной Монголии находится в связи с поддерживаемой им гипотезой Абеля Ремюза и Клапрота о принадлежности этого народа «в древнейшие, Геродотовы времена» к индоевропейской расе. По этой гипотезе «в центральной Азии» существовал целый «ряд народов из расы голубоглазых и русоволосых блондинов», а именно: усуни, сулэ, кутэ, динлины, кагасы и аланы. Белокурые племена эти «огибали нагорную Азию широким полукругом и жили к северу от ... хунну, начиная от Байкала, на отдаленном востоке,... до Согдианы». Доказательствами принадлежности этих племен к индо-германскому семейству служат, по Риттеру, в антропологическом отношении - светлый цвет волос и глаз, и в лингвистическом - обилие индо-германских корней в языках манджуров и монголов, обитавших с ними по соседству[2].

Клапрот, которому главным образом принадлежит рассматриваемая гипотеза и который обставил ее не лишенными значения доказательствами, изложил ее следующим образом: «Чтобы иметь точное понятие об этнографическом положении этой страны (Средней Азии), со времен Геродота до Р.Х., должно проникнуться тою истиною, что народы тюркской расы простирались тогда на запад только до верхних притоков Оксуса и Яксарта... Население всех стран на севере от Кавказа, Кашмира, Оксуса и Парапамиза состояло почти исключительно из племен индо-германского происхождения... Уже в очень отдаленную эпоху эти народы перешли Танаис или Дон и распространились до северных берегов Дуная... Племена этой расы были в древности распространены до границ Китая, до гор Алтайских; они были там рассеяны между народами тюркскими и тибетскими; парфы, бактрийцы, согдийцы, хоразмийцы, геты и массагеты, аланы, аорсы, роксоланы, язиги и многие другие - все принадлежали к этому великому стволу народов. Некоторые слабые указания

[1] Как на самом деле изложены в «Дай-цин-и-тун-чжи» некоторые особенно извращенные Леонтиевым места можно видеть из сделанного Клапротом перевода описания России из «официальной географии манчжуров», т.е. из «Дай-цин-и-тун-чжи»: «Страна эта (Россия) расположена на крайнем севере; трудно сказать - знали ли ее древние. Во время династии Цинь и Хань она была подвластна Хунну. Из истории этого народа (т.е. хунну), помещенной в «Шы-цзи», видно, что шаньюй Мету распространил свои завоевания к северу на страны Хуньюй, Гюйше, Дин-лин, Ге- гунь Синли» и т.д. Относящиеся до Чжичжы известия взяты из истории династии Хань, которая именно и указана, а не из небывалых писаний мунгалов. «Во время Юаней (т.е. монгольской династии, а не Алтын-ханов и не кипчакской Золотой орды), в этой стране были олосы, киликиз'ы», т.е. урусы, кыргызы. Урусы тут попали, должно быть, оттого, что один из кыргызских государей, покорившийся Чингиз-хану, именовался Урус-Инал (по Рашид-эддину). Перевод Клапрота помещен в его Memoires relatives a e' Asie (Paris, 1826,1.1, цитируются <...> на стр. 85, 86-91).

[2] Русского перевода «Землеведение Азии» Риттера, тома II, 1856 г., стр. 130 и 131, и тома III, 1860 г., стр. 550 и 551. Риттер в весьма многих местах своего труда касался вопроса о русой расе и о происхождении усуней и в пятом томе Erdkunde von Asien (2-е издание, 1837 г., стр. 605 и след.) сделал попытку собрать в одном месте все ранее им высказанное при разных случаях. Разумеется разъяснение V главы пятого тома «Землеведение Азии», озаглавленное «Индо-германская группа народов Восточного Туркестана. Происходящие из Центральной Азии народы. Усуни или группа голубоглазых блондинов».

исторические, сравнение языков, древние предания, скрывающиеся в индусской мифологии, и даже некоторые физиологические сведения о племенах восточной Азии заставляют думать, что центр этой части света был занят, в очень отдаленную эпоху, предками всех индоевропейских народов. Какое-то происшествие, которого причин мы не знаем, рассеяло эту расу на юг, на запад и даже на север и восток»... Одна часть распространилась в долинах Индустана, другая «направилась в ту же эпоху на запад по течению Джей- хуна и Сыра и подалась на юго-запад в Персию и на северо-запад - к Волге и Дону, откуда перешла в Европу... Были также следы восточных и северных переселений той же расы. Восточное доказывается существованием русого, с голубыми глазами, народа, который еще в третьем веке до Р.Х. обитал на границах Китая... Оно также заставляет себя предполагать по большому количеству индогерманских корней, которые встречаются в языках тюркских и монгольских и еще более в тунгузских, в особенности в манджурском. Последний язык представляет даже грамматические формы, имеющие большое соотношение с немецкими. Существуют также между манджурами, близ берегов Сунгари и Уссури, племена, между которыми замечается большое число с русыми волосами и голубыми глазами. Что касается до северной эмиграции этой расы, то ее можно подозревать по существованию народов, представляющих те же характеристические признаки, которые, до эпохи довольно недавней, обитали на Иртыше, Оби, верхнем Енисее и на озере Байкал. Эти племена позже слились с тюркским народом, образовав киргизов, между которыми голубые или зеленые глаза и рыжие волосы нередки»[1]. Абель Ремюза утверждал, что семейство народов готских (gothiquss) некогда занимало большие пространства Тартарии и что многие из отраслей этого семейства обитали в Транзоксиане и даже в горах Алтайских»... «Усуни отличались голубым цветом глаз и красными волосами - thsing yan, tchi siu. Это был готский народ, поставлявший, когда он сделался независимым, предел распространению тюрков на запад»[2].

При ознакомлении с относящимися сюда историческими свидетельствами оказывается, что есть такое известие: «Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их»[3]. Хотя известие это содержится не собственно в «китайских летописях», как думал Риттер, а изложено в качестве пояснения к «Цянь-Хань-шу» одного из комментаторов Яня Шыгу, но нет никаких оснований не доверять автору его. Ученый Янь Шыгу, принимавший, по повелению, последовавшему в правление Чжень-гуань (627-650 гг.), участие в составлении истории династии Суй[4],

[1] Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, pp. 161-163.
[2] Rechercles sur les langues Turtares, 1820,1.1, pp. XLV, 327, 328.
[3] «Собрание сведений», III, стр. 65. В переводе Wylie (The Journal of the Anthropological Institute, 1882, vol. XI, p. 83): A native commentator remarks: «The people of Wou-sun had the most remarkable figures of all the barbarian races. Their representatives at the present day have blue eyes and red beards; while in shape they resemble, apes from which they are originally descended». Шотт (Uber die achten Kirgisen, Berlin, 1865, s. 444) переводит то же место, по Мадуаньлиню, так: «Они отличались по своей наружности от других народов западных стран. Те северные варвары нашего времени, у которых голубые глаза, рыжие бороды и тело, как у обезьян, происходят от них».
[4] «Собрание сведений», I, стр. XV. См. также Recueic de documents sur l'Asie central par Imbbaul Huart, Paris, 1831, p. 140.

свидетельствует о наружности потомков усуней как очевидец: он, без сомнения, видел усуней в посольствах западных тукиюэсцев, - которым в это время подвластна была страна усуней, - к двору Т'анов.

Клапрот утверждает, что «страна Chou le или Khin cha (Кашгар наших дней) была обитаема народом, который имел голубые глаза и русые волосы»[1]. Проверив это показание Клапрота, В.В.Григорьев нашел, что известие о голубых глазах жителей Сулэ Клапрот мог почерпнуть из «Истории династии Т'ан», «откуда же взял Клапрот, что жители эти были белокуры (замечает Григорьев) - я не знаю»[2]. Действительно, в «Т'ан-шу», в описании Сулэ, говорится: «Жители имеют статный рост, голубые глаза»[3]. В «Бэй-шу» и в «Суй-шу», где говорится, что «жители имеют все по шести пальцев и на руках, и на ногах, а родившихся без шести пальцев не воспитывают», о голубоглазости жителей Сулэ и их белокурости ничего не сказано[4]. Странно было бы, если бы Янь Шыгу, участвовавший в составлении «Суй-шу», упустил такое известие. Источник приведенного известия «Т'ан-шу», конечно, в точности неизвестен. Но весьма многое в помещенных в этой истории описаниях западных владений заимствовано из записок буддийских паломников того времени. Известие «Т'ан-шу» на этот раз взято, по всей вероятности, у Сюань Цзана. В его описании владения Кяша значится, что жители «наружность имеют пошлую и неблагородную. Зрачки у них зеленые. Тело раскрашивают»[5] и т.д. Так как Сюань Цзан, по всей вероятности, в Кашгаре не был и описал эту землю по слухам[6], то сведения его о зеленых зрачках у жителей Кашгара, а затем и основанное на этом известии зачисление кашгарцев в ряд белокурых народов весьма сомнительны.

«Страна Hou te или Khou te находилась на северо-востоке от Согдианы (в подлиннике, конечно, от Кангюя) и на западе от Цунлина и страны усуней. Там насчитывалось только 2 т. воинов; жители были кочевники и имели превосходных лошадей. В стране изобиловали меха соболей. В 177 году пред Р.Х. западный вице-король хуннов дошел до хутэ и покорил их. Китайцы имели сношения с этим народом в первой половине третьего века после Р.Х. Именем Hou te или Khou te могло называться отделившееся племя готов»[7]. Таким образом, не приводя никаких известий о наружности и языке хутэ, Клапрот причисляет этот народ к индогерманским только на основании весьма сомнительного сходства его имени с именем готов. У о.Иакинфа нет описания этого народа. В «Собрании сведений» и пр. этот народ значится, мне кажется, под именем дусе в числе народов, которые, по письму шаньюя Модэ к китайскому императору, были в 177 году «утверждены» в подчинении хуннам во время похода запад-

[1] Tableaux historiques, de l'Asie, p. 166.
[2] «Восточный Туркестан», вып. I, СПб., 1869 г., стр. 407.
[3] «Собрание сведений», III, стр. 224.
[4] Там же, стр. 162, 163, 200, 201.
[5] Цитирую по переводу Григорьева («Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 144).
[6] Доказательства приведены у Григорьева, там же, стр. 142-147.
[7] Tableoux historiques de l'Asie, p. 167. По Дегиню (Histoire generale das Huns, etc., Paris, 1756, 1.1, part. 2, p. XXXI), владение Hou te лежало между Кангюем и Усунью и могло выставить 1 т. ратников. Жители были скотоводы; земля их производила превосходных лошадей и много соболей.

ного Чжуки-князя или, вернее сказать, как видно из ответа императора, самого шаньюя[1]. Положение на северо-востоке от Кангюя и на западе от Цунлина и усуней может соответствовать верховьям Таласа, но сомнительно, чтобы в этой местности когда-либо водились соболи; сверх того, если бы владение Хусе прилегало к Кангюю и Усуни, это было бы означено в описаниях этих владений в «Цянь-Хань-шу». Поэтому надо думать, что положение этого Хусе выведено, позднейшими китайскими комментаторами, из письма Модэ и других не менее в этом отношении неопределенных данных, предположительно и, быть может, совершенно неудачно. Ближе всего к положению усуней и Кангюя во II веке до Р.Х. подойдет помещение хусе в монгольском Алтае, где могли быть и соболи. В таком случае это, по всей вероятности, есть одно из гаогюйских поколений, которое под тем же именем хусе упоминается в «Т'ан-шу», в VII столетии, и место обитания которого указывается к северу от р. Толы, куда оно могло попасть при передвижениях гаогюйцев к востоку[2]. Стало быть хусе принадлежало к поколениям тюркского языка.

Динлины и происходившие от них кагасы или кыргызы имели, как подробно будет изложено ниже, светлую окраску кожи, волос и глаз. Аланы, вероятно, имели иранское происхождение[3], но никаких данных о племенной связи их с усунями, от которых они отделялись Кангюем, не имеется.

Таким образом» динлины, кагасы и усуни имели румяные лица, голубые глаза и рыжие волосы, но одной светлой окраски недостаточно для причисления этих народов к индогерманской или правильнее арийской или индо-европейской расе, потому что, по выражению Кастрена, «во все времена светлая окраска была наиболее характеристичным признаком» также и финских племен[4].

Лингвистические основания гипотезы Клапрота и Риттера также несостоятельны. «В отношении тюркского и манджурского языков, - говорит наиболее сведущий тюрколог настоящего времени В.В.Радлов, - я должен совершенно отвергнуть это предположение. Немногие индо-германские корни в этих двух языках заимствованы почти все из ново- и древнеперсидского языков, которые еще до Р.Х. проникали, довольно далеко, на север Турана»[5].

После Клапрота и Риттера вопрос о происхождении усуней не подвергался подробному и обстоятельному исследованию. Конечно, почти каждый писатель, касавшийся истории, языков, древностей и антропологии Средней Азии, обязательно упоминал о таинственном народе белокурых усуней, который Клапрот и Риттер причисляли к индо-германцам, но большинство этим и ограничивалось. Правда,

[1] «Собрание сведений», I, стр. 23 и 25. У Wylie - Hou-Kae.
[2] «Собрание сведений», III, I, стр. 441, 373, 376, 437.
[3] «Осетинские этюды» Всеволода Миллера, часть 3 (Москва, 1887 г.), содержащая исторические сведения об осетинах и вопрос о происхождении этого народа. Автор совсем не пользовался китайскими известиями об аланах и не упоминает об них.
[4] A. Castren - Kleinere Schriften herausgeg von Schiefner , St.Pet., 1862, s. 120.
[5] Aus Sibirien, Leipzig, 1884, B.I, s. 137.

некоторые писатели высказывали мнение о финском[1] или тюркском[2] происхождении усуней, но доказательств этим мнениям не приводили, а потому перечислять всех этих авторов бесполезно.

О.Иакинф Бичурин, в «Описании Чжунгарии»[3], утверждал, что «усунь есть древнее имя народа, который ныне туркестанцы называют калмак, а россияне - калмыками». В «Историческом обозрении ойратов»[4] усуни называются «монгольским поколением». Наконец, в одном месте «Собрания сведений» и пр. он пишет, что «китайская история называет усуньский народ одним из племен народа сэ, в древности населявшего Афганистан. Усуньцы, служа Китаю в войнах против монголов, наконец так обессилели, что в VI столетии принуждены были удалиться из своих земель в Луковые горы и там совершенно потерялись. Это потомки сэйков»[5]. В число монгольских племен зачислял о. Иакинф усуней, вероятно, потому, что считал монголами все народы, когда либо обитавшие в Монголии и Чжунгарии, и полагал, что хотя народы эти имели в разное время различные имена, но имена эти принадлежали собственно не народам, а владетельным домам[6]. Что усуни не были племенем народа сэ, как ошибочно писал о.Иакинф, это видно из известия «Цянь-Хань-шу» о нахождении между усунями родов сэ и юечжей вследствие занятия усунями страны, последовательно принадлежавшей этим двум народам[7]. Сходство с усуньскими одежды и обычаев сэ, составлявших в I веке до Р.Х. население соседних с усунями владений Хюсюнь и Гюаньду[8], может указывать на принадлежность обоих народов к одной расе, но нисколько не доказывает, чтобы усуни происходили от сэ.

Составители подробного описания, которое возложено было на особую комиссию, командированную в Чжунгарию в 1756 году, и издано было не ранее 1782 года[9], под заглавием «Си-юй-т'у-чжи», полагали, что усуни были предками бурутов (кыргызов или кара-киргизов), так как последние обитают в тех самых местах, которые занимали усуни, и имеют такой же кочевой образ жизни[10]. Оба основания этого мнения далеко не достаточны, потому что прежняя страна усуней в VII веке после Р.Х. переходила последовательно в руки разных народов - тюрков, кара-киданей, монголов, чжунгаров,

---

[1] Признавая скифов Геродота за финнов, Эйхвальд склонен был считать усуней за финское племя («О чудских копях» в «Трудах восточного отделения И.археологического общества», часть III, стр. 35 и 100). Относит усуней к финнам и Нейман (Die Volker des Südlichen Russlands in ihren geschichtlichen Entioickelung, von Karl Friedrich Neumann, Leipzig, 1847, s. 33). По мнению Топинара («Антропология», перев. Мечникова, СПб., 1879, стр. 456) «древнейшие народы с зелеными глазами и рыжими волосами (усуни, динлины, кагасы) должны были находиться в родстве с остяками, чувашами и т.д.)», значит, с угро-финнами.
[2] Томашек (Sitzungberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch - historische Classe, CXVII Bond, Jahrgang 1888, Wien, 1889, s. 52.
[3] СПб., 1829 г., стр. XXXVII.
[4] СПб., 1834 г., стр. 4.
[5] «Собрание сведений», III, 1851 г., топографический указатель, стр. 71.
[6] «Записки о Монголии», 1828 г., т. 2-й, стр. 2.
[7] «Собрание сведений» и пр., III, стр. 65.
[8] Там же, стр. 62.
[9] В.В.Григорьева «Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 года, стр. 404, со слов проф. И.И.Захарова, который имел экземпляр первого издания; по предисловию к нему материалы были собраны уже к 1761 году, но указ об издании последовал лишь в 1777 году.
[10] Recucil de documents sur l'Asie central etc., pur Imbault-Huart, Paris, 1881, pp. 159-161.

которые все были кочевниками и, стало быть, по тем же двум основаниям могли бы быть почитаемы предками бурутов.

Для определения народности и племенного происхождения усуней мог бы, конечно, дать твердые основания их язык. К сожалению, «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу» сохранили для нас только два усуньских слова (гуньмо или гуньми и сэньцзу) и около двух с половиною десятков личных имен. Упомянутые два слова суть титулы владетеля и одного наследника престола, а потому легко могли быть заимствованными не только у истинных предков усуней, у народа или народов, от которых они произошли, но и у какой-либо совершенно чуждой по племени нации, пользовавшейся политическим могуществом и передавшей подчинявшимся ей народам названия политических должностей и званий. Личные имена также весьма часто заимствуются у иноплеменников, обладающих религиозным, политическим или культурным влиянием. По этим причинам возможно, что сохраненные китайскими историками слова и имена были не собственные усуньские, а более или менее заимствованные, а потому непригодные для определения истинного усуньского языка. Вдобавок слова эти и имена дошли до нас в китайской транскрипции, значит в более или менее измененном против действительного виде: «при транскрипции китайцы обыкновенно опускают один из двух рядом стоящих согласных звуков в середине слова, а также конечные согласные звуки, которые их языку не свойственны»[1]; сверх того у них нет звуков б, д, р из[2].

По догадкам профессора В.П.Васильева, «в усуньском названии царя кунмо» можно видеть тибетское «конма - государь»[3], но с какой стати усуни заимствовали бы название своего главы у тибетцев? Одно соседство их с юечжи, которые едва ли были намного сильнее усуней и не превосходили их и своею культурою, недостаточно, чтобы считать это заимствование вероятным, тем более, что и в Мавераннагре, где юечжи властвовали века, такого титула не сохранилось. По «Цянь-Хань-шу», настоящий титул усуньского владетеля был гуньмо и писать гуньми стали в позднейшее время[4]. Действительно в «Шы-цзи» значится гуньмо, а не гуньми. И комментатор Шыгу полагал, что слово гуньми образовалось из первого слога из титула гуньмо и из последнего слога имени владетеля Легяо-ми. Но можно, мне кажется, сделать и иное предположение: гуньмо значилось в реляциях Чжан Цяня по ошибке вместо гуньми, а потом, при ближайшем знакомстве с усунями, ошибка была замечена и китайцы стали употреблять настоящее слово гуньми. Это последнее может быть объяснено при помощи финского языка, на котором kung означает князь, а mi значит страна, земля (в Suomi напр. - «страна болот» и т.п.), так что гун-ми выходит государь или князь страны или земли. Объяснение слова гуньми при помощи финского языка не может служить

[1] В.В.Радлов «К вопросу об уйгурах», 1893, стр. 17.
[2] Marquis d'Hervey de Soint-Denys - Ethnographie des peoples atrangers a Chine etc., Geneve, 1876, 1.1, p. VI.
[3] «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» в «Журнале министерства народного просвещения», 1872 года, сентябрь, стр. 119 и 120.
[4] Была еще и третья форма того же названия усуньского государя — гуйми: Уцзюту «сам объявил себя гуйми» («Собрание сведений» и пр., III, стр 172). Не описка ли это?

доказательством финского происхождения этого слова и самих усуней, ибо финны могли заимствовать оба слова эти в отдельности из того же источника, из которого усуни взяли этот титул государя[1], именно получить от того народа, которому принадлежат древнейшие следы культуры в южной Сибири и Монголии, сохранившиеся главным образом в виде металлических вещей могил медного века и чудских копей[2].

Значение и происхождение слова сэньцзу неизвестны и не вызвали известных мне предположений. Из личных усуньских имен в двух (Ун-гуйми и Юань-гуйми) входит в качестве составной части слово гуйми. В 7 именах (Гюньсюй-ми, Ни-ми, Син-ми, Цылими, Ичи-ми, Ань ли-ми, Чжи-ми) входит слово ми и это побуждает несколько усомниться в действительном значении этого слова в смысле страны, земли, потому что затруднительно допустить существование значительного числа личных имен, в состав которых входило бы осмысленно слово земля или страна. В имени Ун-гуйми слово ун или он может быть тюркское правый: гуйми правой стороны или правой руки[3]. Имя Ними[4] есть, по-видимому, то же самое, какое носил князь енисейских киргизов Немек, Немча или Неми[5], с которым первым вошли в сношение русские по основании Томска; это может служить подтверждением единства языка и племени усуней и кыргызов[6]. Имя Фули должно, кажется, произноситься Бури - по-тюркски волк (как у тукиюесцев[7]). Аньлими напоминает имя горы Анло на левом берегу Белого Юса[8]; Сисэньсэу может иметь соотношение с именем правого притока Енисея Сисэ[9], Биюаньчжи - с Баянту (приток р. Кобды)[10], Аньчжи - с Аны (приток <...> на[11], Учжилян

---

[1] По Клапроту имя Kuen mi дал усуньскому владетелю шаньюй хуннов, назначая его правителем западных стран (Tabl. histor. de l'Asie, p. 164), но это, вероятно, собственное недоразумение или предположение Клапрота, потому что в переводах соответствующего места «Шы-цзи» Броссэ и о. Иакинфа этого нет.

[2] Капитан Conder в книге своей Altaic Hueroglyphs and Hittite Inscriptions, 1887, утверждал, что в хиттимских надписях встречается слово mi, которое на аккадском языке значило страна. Существование такого слова у древних народностей Месопотамии и Малой Азии, части которых приписывается туранское или урало-алтайское происхождение, было бы не лишено интереса, но проф. Sauce выяснил (в the Academy, 1887, № 785), что страна на аккадском языке будет не те или та, а mudu Kengi, на протоиндийском же murun.

[3] В.В.Григорьев считал именем только Ун, а гуйми - титулом: «Так, сан усуньского владельца Ун'а, по имени Ваньнянь, возведен был на престол в Яркяни» («Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 года, стр. 44).

[4] Финское и эстское nimi значит имя, как санскритское и зендское naman и латинское nomen (Кеппен «О родине индо-европейских и финно-угорских племен» в «Журнале мин. народн. просвещ.», 1886 года, октябрь, стр. 208). По самоедски nje - Weib, nju - Suhn (Castren - Kleinere Schriften, St. Petersburg, 1862, s. 148).

[5] Фишер «Сибирская история», СПб., 1774 г., стр. 212.

[6] В «Си-юй-т'у-чжи», по переводу Эмбо Юар'а (Recueil de documents sur l'Asie centrale,Paris, 1881, p. 138) в относящихся к хагасам (енисейским киргизам) цитатах из «Т'ан-шу», говорится, что в правление Цзинь-Юань (758-760) гуньми был разбит хойху'сцами и с того времени прекратил сношения с срединным государством. У о.Иакинфа («Собрание сведений» и пр., I, стр. 449) то же место переведено так: «в правление Кянь-юань, в 758 г., ойхоры завоевали сие государство; после сего хагаские посольства уже не могли проникать в Срединное государство». Если в первом переводе и цитате нет ошибки, то мы имеем здесь случай употребления для государя енисейских киргизов усуньского титула гуньми вместо хагаского ажо.

[7] Memoires relatifs a l'Asie par Klapruth, t. 2, Paris, 1826, p. 384.

[8] Русский перевод «Землеведения Азии» Риттера, том 4, СПб., 1877 года, стр. 547. В этой горе, по местным сказаниям, зарыты сокровища алтын-ханов (Pallas - Reise durch verschidene Provinzen des Russisches Reiches, B. 3, Buch 1, 1776, s. 328).

[9] Там же, том III, стр. 524, и том 4, стр. 606.

[10] Jd, т. IV, 352.

[11] Русский перевод «Землеведения Азии», том I, стр. 565.

или Ужилин - с р. Ужур (системы Чулыма[1]), Жиер - р. Джар (системы Хуакема)[2] и озером Джир (Джир-куль, системы <...>)[3]. Не особенно трудно было бы подобрать близкие саяно-алтайские географические имена или тюркские и вообще урало-алтайские корни к остальным усуньским именам (выше здесь еще не названы <...>, Мочжень, Наньци, Панцю, Гумони и женские Шофу, Дишы, Со <...>), так что почти всем усуньским именам, до нас дошедшим, можно было бы приписывать тюркское или по крайней мере алтайско-саянское происхождение. Конечно, ввиду частого заимствования личных имен одними народами у других и обманчивости сходства звуков, кажущаяся принадлежность тюркскому языку усуньских личных имен не может служить решительным доказательством тюркского происхождения усуней, но и она лишена значения в связи с различными историческими, этнографическими и другими данными, которые побуждают полагать, что усуни есть прямые предки нынешних кара-киргизов, занимающих западный Тяньшань, и первоначально составляли часть обитавшего на Енисее кыргызского народа.

Подтверждается это, главным образом, во-первых, существованием начиная с VI века, по прекращении известий об усунях, до настоящего времени, народа с именем кыргызов в западном Тяньшане и нахождением, во-вторых, в числе поколений, под-властных западным туркам или тукиюесцам, некоторых из доныне сохранившихся кара-киргизских костей или родов. В-третьих, наличность на Енисее с древнейших времен до XVIII столетия народа того же имени, языка, наружности и обычаев, как тяныианьские кыргызы, доказывает, что енисейские и тяньшаньские кыргызы составляли некогда один народ, разделившийся ранее III века до Р.Х. на две части, из которых одна осталась на Енисее до XVIII столетия, а другая, которую китайцы называли усунями, подалась на юг от хребта Танну и занимала нынешний аймак Цзасакту-хана, пока не была вынуждена хуннами перейти в западный Тяньшань. В-четвертых, появление в исторических известиях с VI века в Тяньшане кыргызов и прекращение незадолго перед тем упоминаний в китайской истории об усунях убеждают, что именно усуни, имевшие одинаковую с кыргызами наружность, и стали с VI века известны под именем кыргызов; это доказывается тем, что таких переселений кыргызов в Тяньшань с Енисея или из Монголии, которые могли бы объяснить существование в западном Тяньшане простирающегося ныне до 350 т душ кара-киргизского народа, после Р.Х. не было, потому что нет никаких известий о таких переселениях и по имеющимся историческим данным такие переселения невероятны.

Подкрепляющие эти тезисы данные будут мною изложены в очерке истории тяньшаньских кыргызов и описания их быта, а также в обзоре истории енисейских киргизов, который приходится здесь сделать, так как для выяснения принадлежности енисейских и тяньшаньских кыргызов к одному племени необходимо ознакомление с судьбами и бытом не только тяньшаньских, но и енисейских киргизов, и так как, кроме

[1] Там же, стр. 547.
[2] Тоже, стр. 647.
[3] Там же, стр. 314.

того, только изучение истории и иных данных, относящихся до енисейских киргизов, дает возможность выяснения происхождения кыргызов. В очерке истории енисейских киргизов я воспользуюсь появившимися после исследования Риттера о кагасах (в третьем томе русского перевода «Землеведения Азии») новыми материалами и учеными исследованиями. Я не имею в виду полного и подробного исследования об енисейских киргизах и желаю ограничиться кратким, по возможности, изложением их истории, насколько она нужна для выяснения происхождения и судеб и быта тяньшаньских кыргызов, но совершенное отсутствие монографий об енисейских киргизах вынудило меня дать посвященной ей главе довольно обширные размеры.

Глава пятая

ОБЗОР ИСТОРИИ ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

1. Три группы алтайско-саянских тюркских племен, их численность и древнейшие народные легенды об их происхождении.

Коренные или алтайские тюрки. Кыргызская группа. Саянцы или урянхаи. Основания деления на три группы. Древнейшее народное предание о происхождении тюрков. Объяснение этой легенды по ее географическим и этнографическим данным. Умолчание в этой легенде об уйгурах. Необходимость видеть уйгурскую ветвь в племени ку и причислять западных турок к племени чу. Выясняющееся деление тюркского народа на четыре ветви. Этнографические и лингвистические соображения.

Нынешнее тюркское население гор Алтайских и Саянских и прилагающих к ним местностей состоит из следующих трех (не касаясь киргиз-казаков в южном Алтае и сибирских татар) групп племен:

1) Русский Алтай или бассейны верховий реки Чарыша и рек Катуни, Чуй, Бии и Чулышмана занимают алтайцы (у русских - калмыки) или теленгуты и телесы, в числе 14-15 т. душ об. пола[1], а северный Алтай - телеуты, которых считается около 6 т. душ[2], кумандинцы - около 2 т. душ[3] и лебединцы - около 500 д.[4], а всего около 22- 23 тысяч душ обоего пола. Алтайцы говорят тюркским наречием, имеющим отпечаток глубокой древности, но в языке их много монгольских слов, совершенно, впрочем, переработанных на тюркский лад[5]. Телеуты по языку очень близки к алтайцам[6]. Язык лебединцев и кумандинцев занимает средину между наречиями алтайцев и шорцев[7].

2) Обитающие на левой стороне Енисея по Абакану качинцы (9495 д.)[8] и сагайцы (11721 д.)[9] и занимающие земли по Белому и Черному Юсам кызыльцы (5176 д.)[10]. К этой же группе следует причислить обитающих между Телецким озером и верховьями р. Томи шорцев (10688 д.)[11] и живущих на восток от Катуни черневых татар (3464 д.)[12], а

---

[1] Aus. Sibirien von d-r Wilhelm Radloff, erster Bund, Leipzig, 1884, s. 215.
[2] В Кузнецком округе 2.991 д. и в Бнйском 2.791 д. См.: Rus. Sibirien, I, s. 216. Приведенные цифры численности алтайцев и телеутов относятся к началу шестидесятых годов. В 1880 г. («Сибирские инородцы» Н.М.Ядринцева, 1891 г.) калмыков считалось 17.018 д. и телеутов 5.731 д.
[3] Aus Sibirien, s. 212, где показано 2.177 д.
[4] «Алтайско-Саянская горная система», том II русского издания «Землеведения Азии» Риттера, заключающий в себе дополнения к т. III, СПб., 1877 г., стр. 438.
[5] Aus. Sibirien, I, s. 258.
[6] Там же, стр. 215.
[7] То же, стр. 359 и 212.
[8] «Алтайско-Саянская горная система», стр. 572.
[9] Там же, стр 575.
[10] То же, стр. 551-555.
[11] Aus Sibirien, I, s. 214.
[12] Там же, 213.

также оседлых инородцев, в северных отрогах Кузнецкого Алатау (3298 д.)[1]. Всего в этой группе, по сведлениям конца пятидесятых и начала шестидесятых годов, более 43 т. д. о. п[2]. Качинцы и сагайцы, занявшие по удалении кыргызов их земли по Абакану, говорили еще ранее наречиями, подвергшимися сильному влиянию кыргызского и телеутского языков. Наречие кызылов близко к качинскому. Наречие черневых татар стоит близко к алтайскому, но особенности их языка показывают, что это - самоедское племя, отуреченное кыргызами. Наречие шорцев близко к сагайскому. Оседлые инородцы в Кузнецком Алтае говорят языком, близким, с одной стороны, к наречию шорцев, с другой - к телеутскому[3].

3) В бассейнах Кема и Кемчика и озера Косогола обитают саянцы (сойоны, сойоты, у монголов урянхаи), численностью, вероятно, около 50 т. д.[4] Язык саянцев близок к уйгурскому и якутскому. Сами они называют себя тува или туба, как и живущие на севере от Саянов племена самоедского происхождения, стало быть, представляют собою отуреченных самоедов[5].

«Когда мы сравним между собою языки вышеназванных тюркских племен, - говорит В.В.Радлов, - то видим ясно обозначающимися три периода разветвления тюркского языка (der Turkischen Sprachablugerung), которые имеют очевидное соотношение к трем великим народным переселениям тюркских племен: я разумею хунну, тукию и уйгуров. Древнейшая ветвь подвигавшихся с юга тюркских племен выказалась в языках алтайцев и телеутов, вторая, или ветвь периода тукию - в языках кыргызов, сагайцев, шорцев и черневых татар, и младшая, или ветвь уйгурского периода, - в языках сойонов, карагассов[6] и якутов»[7].

Сведения о численности и местах обитания существующих алтайско-саянских тюркских племен приведены мною выше именно по этим определенным многолетними лингвистическими исследованиями академика Радлова трем группам этих пле-

---

[1] То же, стр. 214.

[2] Общее число тюрков двух первых групп, все русских подданных, составит около 66 т. За вычетом из этой цифры 26392 д. качинцев, сагайцев и кызылов, обитающих в Енисейской губернии, остается тюрков Томской губернии около 40 т. Цифра эта не сходится с сведениями г. Ядринцева («Сиб. инородцы»), у которого в 1880 г., показано телеутов 5.731 д., черневых татар 23.594 д., калмыков (вероятно, алтайских тюрков, т.е. теленгутов и телесов) 17.018 д., итого 46.343 д.. Разница- в числе алтайцев (на 2 т.), а главное в числе черневых татар, потому что с отнесением в число последних кумандинцев, лебединцев, шорцев и оседлых инородцев г. Радлова составится их только 20.141 д., менее против г. Ядринцева на 3.453 д. Разница эта происходит, кажется, от неполноты сведений г. Радлова об оседлых инородцах.

[3] Aus Sibirien, I, ss. 210, 213, 214.

[4] По А.М.Африканову («Урянхайская земля и ее обитатели» в «Известиях восточносибирского отдела географического общества», том 21, 1890 года, № 5, стр. 48) число урянхайцев по северную сторону Танну-ола будет приблизительно от 35 до 40 т. душ, но в это число не входят урянхи на южных склонах Танну.

[5] Aus Sibirien, I, 217. «Алтайско-Саянская система», стр. 663, 666-672, 676, 677. Потанина «Очерки сев.-зап. Монголии», вып. II, стр. 22.

[6] Карагасы, к которым принадлежат лесные камасинцы, обитают на северном склоне Саянских гор, на восток от Енисея. Кастрен и Радлов считают их отуреченными самоедами (Aus Sibirien, I, 205 и 206). Численность их - до 500 душ; называют себя они туба (Катанова «Поездка к карагасам в 1890 году» и Кпеменца «Предварительные сведения об экскурсии в Ачинский и Канский округа» в «Известиях восточно-сибирского отдела р. географического общества», т. XX, 1889 года, стр. 56.

[7] Aus Sibirien, 1,221.

мен. Распределением на эти группы дается ключ к выяснению происхождения этих племен и их прошлых судеб, исторические сведения о которых вообще весьма скудны. Считаю, однако, необходимым высказаться против отнесения последовательного разветвления алтайско-саянских тюрков на три группы к определенным историческим периодам. Конечно, лингвистические и исторические данные дают достаточные основания почитать алтайцев прямыми потомками коренных тюрков, а вторую и третью группу - двумя от коренных тюрков ответвлениями, но, как увидим ниже, есть достаточные данные полагать, что не только хунны и тукиюесцы, но также уйгуры и кыргызы существовали в очень отдаленные, можно сказать, доисторические, времена, задолго до владычества в Монголии не только тукиюесцев, но и хуннов. Поэтому образование трех ветвей или групп нельзя правильно относить ко времени усиления или господства в Монголии и южной Сибири хуннов, тукиюесцев и уйгуров. Это нисколько не мешает совершенной правильности деления алтайско-саянских наречий и племен на три группы, но древнейшую группу следует называть коренною или собственно тюркскою, вторую - киргизскою и третью - уйгурскою, вследствие очевидного влияния на образование наречий второй группы - языка кыргызов и на происхождение наречий третьей группы - языка уйгуров.

По тюркскому народному преданию, занесенному в «Историю династии Вэй», которая составлена во второй половине VI века[1], праотец народа тюркского был родом из «владения Со (So), которое лежало на север от страны хуннов». Один из его потомков Ичжини-нишыду (I-tchi-ni-sse-tou), одаренный сверхестественными качествами, имел двух жен: дочь духа лета и дочь духа зимы. От первой у него родилось четыре сына, из которых один превратился в «лебедя»; второй, по имени Ги-гу (Ki- ko), основал государство между реками Абу (A-pou) и Гянь (Kien); третий основал царство на берегах реки Чуси (Tchou-tche); четвертый, старший, сын, по имени Наду- луше (No-tou-lou-che), жил в горах Басы-чуси-ши (Tsien-sse-tchou-tche-chi); в тех же горах обитала орда, происходившая от упомянутого общего тюркского праотца; эта орда сильно страдала от холода, причиняемого росами; Надулуше научил ее добывать огонь, обогрел и пропитал, так что все остались живы; за это упомянутая орда подчинилась ему, признала старейшиною и наименовала «ту-киюе». Его потомок Тумынь был первым государем тукиюесцев, вошедшим в сношения с Китаем в первой половине VI века[2]. Географические и этнографические данные этого сказания, едва ли вполне известные и понятные записавшим его китайцам, убеждают, что это действительно тюркское и притом самое древнее из дошедших до нас, народное предание о происхождении тюрков. Во владении Со[3] нельзя не узнать северный склон Алтая[4], где

[1] «Собрание сведений», I, стр XVI.
[2] Предание это изложено мною, в несколько сокращенном виде, по переводу Ст.Жюльена (Journal asiatiqu, 1864, t. Ill, pp. 327 et 328), вообще согласному с переводом о. Иакинфа («Собр. свед.», I, 258 и 259), из которого взята транскрипция большей части имен.
[3] So у сагайцев боярышник (Hagedurn no Hollacy-Reise durch verschiedene Provinzen des Russisches Reichs, 1776, Drieter Theil, Buch 2, s. 351).
[4] На происхождение тюркского племени из северных лесных стран, где, подобно кумандинцам, люди употребляют в пищу коренья диких растений, указывает первоначальное значение имени хуннов у

сохранилось доныне и имя этого владения или народа в названии одного из двух родов или костей, из которых состоит зайсанство (старшинство) верхних кумандинцев, обитающих на берегах р. Бии, ниже впадения в нее реки Лебеди. Превращение в Лебедя[1] (по-тюркски ку) одного из сыновей Ичжини-нишыду объясняется существованием реки Лебеди, притока Бии: лебединцы называют себя ку-кши, т.е. люди Лебеди. Следовательно, превращение в лебедя обозначает водворение этого сына на р. Лебеди. Реки Абу и Гянь суть Абакан (может быть, и Обь) и Кем (Енисей), если китайцы не сделали двух рек из одного Абакана, основанное же между этими реками или на этих реках сыном по имени Ки-ко (у о. Иакинфа Ци-гу) государство есть царство кыргызов. Река Чу-си есть, конечно, Чу (у русских Чуя), а горы Басы-чу (по- тюркски верховья Чу) си-ши (по-китайски запад - камень) суть каменные горы на запад от верховьев р. Чу. Выходит, следовательно, по этой легенде, что тюрки происходят от обитавшего на севере Алтая народа со, главные же ветви, на которые разделился тюркский народ, суть: 1) собственно турки (ту-киюе), занимавшие земли на западе от вершины р. Чу, в южных склонах Алтая, и образовавшие в половине VI века обширное и могущественное тюркское государство[2]; 2) племя чу; 3) племя ку; 4) кыргызы.

Приведенное древнее сказание, видимо, излагает, в свойственной народным преданиям мифической форме, собственные представления тюрков об их происхождении и о первоначальном разделении их на племена, обособившиеся уже в то давнее время, когда созидались эти представления. Я не могу ни входить здесь в подробное рассмотрение этого предания, ни сличить его с другими преданиями о том же предмете, ни заняться вообще вопросом о происхождении тюрков, но должен по необходимости обратить внимание на явный в этом сказании пропуск таких отраслей тюркского народа, как уйгуры и западные тюрки (кангюйцы, канглы), как будто тукиюесцы, от которых китайцы слышали записанное ими предание, не считали уйгуров за соплеменников, а об канглах и совсем не знали. Между тем китайская история упоминает о предках гаогюйцев задолго до Р.Х. По «Истории северных дворов» предками гаогюйцев (они же телэ, а уйгуры суть лишь одно из гаогтойских подразделений) были чи-ди (в переводе с китайского это «красные северные

китайцев. Иероглифы, которыми пишется имя хунну, по о. Иакинфу (I, I) значит «злой невольник». Но древнейшее у китайцев имя хунну было «хуньюй». Это хуньюй (Hun jo) по Нейману (Die Volker des sudlichen Russlands in ihren geschichte Entwidelung, 1847, s. 25) изображалось знаками, которые значили «лукоеды».

[1] Томашек (Sitzungberichte der Wiener Akademie, CXVIII Bond, 1889, s.64) напрасно заставляет Лебедя «улетать в широкую даль» к якутам, потому только, что якуты поклоняются «кубай-катун'и».

[2] Древнейшей ветвью первой группы или коренных тюрков были вероятно хунны, вышедшие из Алтая, распространившиеся до Ордоса конечно задолго, по крайней мере за тысячелетие, до того времени когда они овладели всею Монголиею и наложили дань на Китай. Большинство компетентных ученых признает в настоящее время хуннов тюрками. Не входя в подробности, можно опираться по этому предмету на встречающиеся у некоторых древнейших китайских историков указания на происхождение тукиюесцев от хуннов. Так, по истории северной династии Вэй, тукиюесцы суть особое племя хуннов, именовавшееся ашина и составлявшее особую орду; орда эта была истреблена ее врагами, но из нее уцелел один мальчик, спасенный волчицею и имевший от нее десять сыновей, от которых и пошли тукиюесцы (St. Julien - Documents sur les You-Kioue or Journal asiatique, 1864, T. Ill, p. 326, а также «Собрание сведений» и пр., часть I, стр. 256 и 257). Что хунны были тюрки, ясно между прочим и из свидетельства китайцев о том, что язык гаогюйцев (уйгуров) «сходен с хуннским», хотя и есть «небольшая разница» («Собрание сведений» и пр., часть I, стр. 248).

кочевники»), которые по «Шы-цзи» занимали около половины VII века до Р.Х. небольшую горную страну на берегах Ху- ан-хэ к юго-востоку от Ордоса[1]. Владение Уге, находившееся на востоке от Гянь-гунь и на юге от динлинов, т.е. в верховьях Селенги, покоренное около 49 года до Р.Х. шаньюем Чжичжы[2], было, вероятно, гаогюйским, так как уге есть, по-видимому, одно из имен уйгуров, которые назывались китайцами вэй-гэ, угэ, уху, ойхор и считались одним из племен гао-пой'ских, которые именовались также еще чи-лэ и телэ[3]. В 386 году после Р.Х. упоминается о подчинении гаогюйцев Тоба-гую, основателю сяньбийской династии Юань-вэй[4]. В конце же IV века хан жужаней Шелунь сделался «сильным и страшным» по покорении «на севере» гаогюйцев[5]. В 487 г. часть гаогюйцев, в числе 100 т. кибиток, отложилась от жужаней и укочевала (с Селенги) на северо-запад[6]. Тут, в половине VI века, пользуясь враждою гаопойцев с жужанями, покорили их тукиюесцы, которые «их силами геройствовали в пустынях севера»[7].

При таком значении и многочисленности гаогюйцев[8], они непременно должны были значиться в легенде о происхождении тюркских племен. Нельзя объяснять такой

---

[1] «Собрание сведений», I, стр. 247, 248, 6, и III, топографический указатель, стр. 101.
[2] Там же, I, 77.
[3] То же, стр. 373.
[4] Там же, стр. 197. По заверению Бретшнейдера (Notices of the Mediaeval Geographie etc., London, 1876, p. 116) в истории северных Вэй сказано, что гаогюйцы обитали на юге монгольской пустыни, к западу от Желтой реки; отсюда они в конце IV века перешли на северную сторону Гоби.
[5] То же, стр. 208.
[6] Там же, стр. 252.
[7] То же, стр. 373 и 374.
[8] В своем недавнем замечательном труде «К вопросу об уйгурах» В.В.Радлов несколько преувеличивает, мне кажется, значение уйгуров. По его предположению, «ядро хуннского государства составляли, по-видимому, он-уйгуры и не невероятно, что китайское наименование царства хун ну есть не более как искажение слов он-уйгур, причем в транскрипции передаются только первые два слога он-уй» (стр. 126 и 127). Это последнее предположение совершенно, однако, подрывается тем обстоятельством, что и на западе Азии, и в Европе китайские хунну были известны под именем гуннов, чем и доказывается, что в данном случае китайцы очень мало изменили истинное произношение народного имени, которое остается не имеющим ничего общего с он-уйгур. Далее, по мнению г. Радлова (стр. 126), соединенные благодаря войнам шаньюя Мете, около III века до Р.Х., тюрки разделились на восточных и западных. «Восточные тюрки состоят из уйгуров (у китайцев самого раннего времени ху), которые занимают область между Тангну Ола и Желтой рекой и к югу от Тяньшаня до бассейна реки Тарима. К северу от них живут дин-лин (теленгиты) около Тангну Ола, кыргызы (кя-кяси) по Енисею, карлыки и тюрки (ту-гю) в Алтае и к югу до Тарбагатая. В числе западных тюрков китайцы называют у-сунь к югу от Балхаша, далее на запад канглы (кан-гю) до Аму-дарьи, к юго-западу от них до Каспийского моря юэ-чжи и к северу от последних яо-шэ» (?). Не останавливаясь на разборе этих предположений относительно других упоминаемых в них племен и народов, я ограничусь указанием на то, что приведенные на предшествующей странице китайские известия о гаогюйцах дают основание полагать, что гаогюйские (в числе их и уйгуры) роды составляли часть тюркских племен, подчиненных хуннам, но нисколько удостоверяют в том, что гаогюйцы или уйгуры были господствующим в государстве племенем, т.е. хуннами. Следует скорее думать, что хунны были отличным от гаогюйцев племенем, близким или тождественным с тукиюесцами. Видно это между прочим "из свидетельства китайцев о разнице в языке: «язык их (гаогюйцев) сходен с хуннским, но есть небольшая разница» («Собрание сведений» и пр., I, стр. 248). Описание обычаев гаогюйцев (там же, стр. 249 и след.) ничего не говорит о схожестве их с обычаями хунну. Между тем немного позднее составленное описание обычаев тукиюесцев не только производит последних от хуннов, но замечает: «обыкновения их вообще сходны с хуннскими» (Там же, стр. 271). Можно думать, что после падения их государства хунны частью окитаились (почти все так называемые южные хунны), частью ушли на запад (гунны) и в Алтай, частью наконец примкнули к сяньбийцам, гаогюйцам, жужаням и наконец тукиюесцам, слившись с этими племенами и утратив окончательно самостоятельное существование племенное. Нельзя также согласиться с отождествлением динлинов с теленгитами, по-видимому, на основании лишь одного слишком уж отдаленного сходства звуков: естественнее и ближе производить имена телес, телеут,

пропуск тем, что тукиюесцы считали гаогюйцев в составе своего собственного племени, потому что, помимо других обстоятельств, показывающих исконную обособленность гаогюйцев, последние не имели бы особого управления и собственных старшин: между тем в 606 г. Чуло-хан «собрал несколько сот старейшин их и всех предал смерти»[1]. Надо полагать, что пропуск гаогюйцев в народном сказании только кажущийся: их предок значится под именем Ку. Указание на это дает имя одного из двенадцати гаогюйских родов, которые значились у них в V веке по китайским известиям. Это род ку-хэ[2]. Это имя кажется составленным из тюркского ку, значащего лебедь, и из китайского слова хэ, значащего река. Отсюда можно заключить, что ку было именем одного из древнейших гаогюйских родов и что имя это могло распространяться на все племя[3]. Ку, лебединцы и ку-банг, кумандинцы, в Алтае суть только небольшой след, остаток сделавшегося многочисленным и известным под именем гаогюйцев или телэ или, наконец, уйгуров тюркского племени. Затем, быть может, и под Чу-си надо разуметь не одну алтайскую Чу, а и Чу запада (си), ту Чу, которая находится в соседстве Таласа и Сайрама, где, по преданиям западных тюрков, в редакции Рашид-эддина, помещаются зимовки праотца тюрков Абулджа-хана и Яфета и царство внука его Огуз-хана [4]. Существование особого племени чу'йцев подтверждается китайскими известиями о родах чу-юе, чу-ми, чу-мигунь и чу-бань, которые в VI и VII веках отличались от тукиюесцев и гаогюйцев и занимали земли между Алтаем, Бардыком и Тяньшанем, а ранее, в I-V веках входили в состав владения Юебань, образовавшегося из родов, подчинявшихся перед тем хуннам. Следовательно, по историческим данным сведения о чу'йцах уходят за Р.Х. С другой стороны, остатки этого племени сохранились и поныне в лице небольшого отделения чуе около р. Лепсы и в лице многочисленного рода чумикей в Малой орде[5]. Ближайшими соседями чу'йцев, географически и, вероятно, в этнографическом и лингвистическом отношениях, были кан'пойцы или кан'лы, предки и рассадник всех позднейших западных тюрков, а потому возможно, что канглы были ветвью чу'йцев.

При таком опирающемся на достаточные основания понимания и толкования древней легенды, она является действительно изложением деления тюркского народа на его главные ветви: 1) коренных турок - тукиюесцев; 2) гаогюйцев, задолго до Р.Х. ушедших из северного Алтая на юг и юго-восток, где они потом составляли значительную часть хуннов, подчинялись затем сяньбийцам, жужаням, тукиюесцам и, наконец, образовали царство хой-ху или уйгуров, 3) западных тюрков - чу'йцев и

теленгит от древнего имени гаогюйцев — телэ. В другом месте (стр. 90) г. Радлов отождествляет теленгутов с гаогюйским родом Далан-гэ; это вероятнее, но у о. Иакинфа это имя значится в формах Далянь (I, стр. 251), Доланьгэ, Долангэ, иначе Долянь (стр. 436).

[1] «Собрание сведений», I, стр. 374.

[2] Там же, стр. 251.

[3] Может быть, от этого имени гаогюйского рода произошло, или просто составляет его измененную приставкою форму, Гу-шы, название древнейшего известного в восточном Тяньшане китайцам владения. Это владение (Уйгурия или Уйгуристан впоследствии) называется Гу-шы только в «Шы-цзи» («Собрание сведений», III, стр. 18 и 19), в «Цянь-Хань-шу» оно уже значится под именами переднего и заднего Че-шы (там же, стр. 36).

[4] «О тюркских и монгольских племенах», перев. И.Н.Березина, СПб., 1858 года, стр. 12-14,17 и 18.

[5] Подробности см. в главах III и IV.

канглов (кан'лы, имя которых, вероятно, происходит от р. Кана, притока р. Чарыша, как имя позднейших соседей их карлыков пошло от другого притока той же реки), которые вышли из северо-западного Алтая, вероятно, не позднее гаогюйцев или телэсцев и были предками гуз'ов (близко к ку-кши и Гуэшы), команов, кипчаков, сельджукских и османских тюрков и туркменов, и, наконец, 4) кыргызов, разделившихся ранее III века до Р.Х. на ветви енисейскую и усуньскую.

Подтверждением соответствия древнего сказания с действительностью и правильности предлагаемого его толкования служат между прочим сохранившиеся на Алтае имена родов или костей гаогюйских и западно-тюркских. Так к первым относятся кости телес (Tölös), найман, меркит, сойон, и ко вторым кан (Kan), т.е. кан'лы и кипчак. Можно, конечно, возразить, что в среде нынешних алтайских тюрков находятся остатки не только тюркских племен, но и иноплеменников, каковы кости монгол, ара (вероятно, арины из енисейцев), дю ат-ас (вероятно, ассаны) и даже сарт[1], так что алтайцы представляют собою разноплеменный конгломерат, в котором есть представители всевозможных народностей, нашедших в разное время и вследствие различных исторических событий и случайностей убежище на Алтае. Возражение это имеет значение в отношении народов, которые обитали близ Алтая и действительно могли присоединиться к алтайским тюркам в разные времена, иногда очень недавние. Кость сарт, например, вероятно, происходит от тюркских мусульман из Восточного Туркестана, которых чжунгарские контайши селили в бассейне Зайсан-нора и на р. Кобуке, откуда эти «пашенные бухарцы», после разрушения чжунгарского царства, легко могли попасть в Алтай, в то время, как большая их часть осталась в западной Монголии и обратилась потом в почти уже омонголенных теперь хотонов, обитающих между Кыргыз-нором и Упса-нором. Но нахождение в Алтае канцев или канлы и кипчаков не может быть, с правдоподобностью, объясняемо приходом их с дальнего запада. Естественнее предполагать, что это остатки западных тюркских племен в общей прародине тюрков.

Деление тюрков на племена согласно легенде не находится в противоречии с лингвистическим, по-видимому, еще не окончательным, распределением тюрков на ветви. В.В.Радлов делит все тюркские наречия на три группы: уйгурскую, кипчакскую и сельджукскую[2]. Последняя есть, очевидно, продукт влияния на перешедшие в Западную Азию роды кипчакской группы иранской и арабской цивилизации и языков, так что основных групп собственно две - уйгурская, или восточная, и кипчакская, или западная, в которую сходятся все три ветви легенды, кроме уйгурской. Быть может, дальнейшие лингвистические изучения[3] еще более приблизят язычную группировку

[1] Имена алтайских костей см. в Aus Sibirien, I, s. 216.

[2] Melanges asiatuques , tires du Bulletin de l'Academie das Sciences de St. Petersbuurg , t. IX, 1886- 1888, p. 89.

[3] Вамбери делит тюркские наречия на три главных группы: а) наречия Южной Сибири, б) восточно-тюркские, началом которых служит уйгурское, из которого образовалась длинная цепь диалектов киргизского, узбекского, туркменского, куманского и османского, составляющих кольца этой цепи, и в) наречия, представляющиеся смесью первых двух групп, напр., башкирское, казанское, ногайское и

тюрков к тем четырем ветвям, которые намечает тукиюеская легенда и которые подтверждаются историческими данными.

2. Сведения о быте древних кыргызов или кагасов, о динлинах и о «пегом» народе

Древнейшие упоминания и имена кыргызов и их страны. Наружность, одежда, занятия и другие сведения о быте кагасов и о произведениях их земли. Государь кагасов. Религия. Калым. Погребальные обычаи. Старшины. Язык кагасов. Происхождение от динлинов. Исторические о последних сведения. Значение имени динлин. Гюньма или «пегий» народ. Письмена кагасов.

Древнейшее упоминание о кыргызах и их стране относится к 209-201 гг. до Р.Х., когда в числе северных владений, покоренных шаньюем хуннов Модэ, названо Гэгунь наряду с Динлином[1]. В 49 году до Р.Х. шаньюй Чжичжы завоевал то же владение под именем Гянь-гунь[2]. Что это название одной и той же страны и народа, которые еще именовались Гюй-ву, Ге-гу, Гагяс, Хагас, Хакясы, узнаем мы из описания этого владения в «Т'ан-шу», где сказано, что это древнее государство Гянь-гунь[3]. Пояснения, что эта же страна называлась Гэ-гунь, в «Т'ан-шу» нет, но это кажется весьма вероятным по сравнению с Ге-гу и с Гянь-гунь. Из этих имен, видимо, представляют только различные китайские транскрипции слова кыргыз: гегу (Kje-ku, kie-kou, ki-ku и пр.), где не достает в средине отсутствующего в китайском языке звука р и окончания з или с; в гегяс (kje-kia-sze) и в кагаз (kiu-kja-sze, ha-ka-sze) не хватает только р[4]. В «Юань-шы» (история монгольской династии, под владычеством которой китайцы вынуждены были ознакомиться с более правильным произношением монгольских и тюркских имен) имя кыргыз пишется уже близко к истинному произношению - ки-ли-ки-з (ki-li-ki-sze) с заменою р посредством л[5]. Гянь-гунь, Гянь-гянь, Ге-гунь (Gan-koun, Kien-kien, Kjan-kuen) кажутся удвоением имени орошающей страну реки Енисеся Кем (Kjan): доказательством, что местное население некогда называло страну Кем-Кемчик по рекам, соединение которых образует Енисей, может служить название этой реки у

крымско-татарское (Das Turken volk etc., Leipzig, 1885, s. 47). Такое несогласие между двумя выдающимися тюркологами настоящего времени в делении тюркских наречий на группы показывает, что тюркские лингвистические изучения еще не дали решительных результатов по одной из интереснейших их задач. И в самом деле основательное ознакомление с языками южносибирских и средне-азиатских тюрков и их изучение серьезно начались лишь в два последние десятилетия, с изданием «Образцов народной литературы северных тюркских племен» и «Грамматики северных тюркских языков» г. Радлова, и оба эти сочинения еще не закончены.

[1] «Собрание сведений», I, стр. 17.

[2] То же, стр. 77. Г.Кох («Записки восточного отделения И. русского археологического общества», том V, 1891 г., стр. 153) приводит, по «Бянь-и-дянь», что страна Гянь-гунь «сделалась известной Китаю под таким названием в период троецарствия (220-265 гг.)». Как объяснить это, когда Гянь-гунь упоминалось в «Цянь-Хань-шу» уже под 49 г. до Р.Х.? Быть может, Гянь-гунь упоминается в числе иностранных владений времен троецарствия.

[3] Там же, стр. 442 и след. По Visdelou (Bibliotheque orientale par d'Herbelot etc., tome IV, 1779, pp. 143, 144) имена эти таковы: Kiu-ve, Kie-khou, He-khou, Ke-khou-sse, Kia-kin-sse. У Woraraa (Über die achten Kirgisen von Wilhelm Schott, Berlin, 1865, ss. 432): Kju-ue, Kje-ku, Hu-ku,Hu-ku-sze, Kje- kja-sze, Kjan-kuen. У Imboult Huart (Recucil de documents sur l'Asie centrale, Paris, 1881, p. 137) <...>. (t. Ill, p.155). У Дегиня (Histoire generale des Huns etc., Paris, 1756,1.1, parte 2, pp. 30, 477) Ki-kou, Kie-kou.

[4] Шотт, 432, 437, 473.

[5] То же, 432.

Рашид-эддина Кем-кемджиют[1]; у китайцев такое двойное имя могло выходить Кань-кань, Гянь-гянь, Гянь-гунь, Ге-гунь.

По описанию, составленному, вероятно, в половине IX века, во исполнение последовавшего в 841 году императорского повеления[2], жители (владения Хагас) вообще рослы, с рыжими волосами (mit rotlichem kopfhar - по Шотту, les chedeux blonds - no Visdelou), с румяным лицом (glanzend-weissem gesicht, le visage blonc)[3] и голубыми глазами (grunem audupfel, les yeux blues). Черные глаза считались нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лин[4]. Мужчин было менее, нежели женщин. Мужчины носили кольца в ушах. Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею. Оба пола живут нераздельно; и посему много распутства»[5]... «Меха собольи и рысьи составляют богатое о деяние... Низшие одеваются в овчинное платье... Женщины носят платье из шерстяных и шелковых тканей, которые они получают из Ань-си, Бэйтьхин и Дахя»[6]. Главный промысел кагасов состоял в скотоводстве; разводили они лошадей, плотных и рослых, а также верблюдов, но более коров и овец; последних богатые люди имели по несколько тысяч голов[7]. Не говорится о звероловстве у самих кагасов, как о промысле, но перечисляются местные дикие животные: тарпаны, косули, сохатые (лоси), чернохвостые козы (кара-куйрюки) и птицы: гуси и утки дикие, сороки, ястребы (У Шотта: дикие лошади, дикие козы и разные породы ястребов). Упоминается из рыб одна, длиною около семи футов, гладкая и без костей, рот под носом», вероятно, осетр[8]. Из дерев... Хлебопашество было, вероятно, незначительное, быть может, не у самих кагасов, а только у их данников, потому что народ питался «мясом и кобыльим молоком; один ажо употребляет хлебенное»[9]. Еще хлеб употребляли на вине: «квасили

---

[1] «История монголов» в переводе Березина, 1868 года, стр. 112.
[2] «Собрание сведений», 1,450.
[3] Уйгуры (ойхоры) называли их «Хаканьсы (Kja-kja-sze), что на ойхорском языке значит краснолицый» («Собрание сведений», I, 449), по Шотту красно-желтый. Шотт нашел подходящее слово только в манджурском языке, в котором chaksan значит золотисто-желтый, красно-желтый (с. 441).
[4] Китайский полководец, взятый в плен за столетие до Р.Х. хуннами и получивший от них в управление страну хагасов («Собрание сведений», I, 51). У Visdelou (p. 144): He mettent an rang des prodiges les cheocux noirs. Coux quiont les yeux noirs, passent incontestablement poroni eux pour etu de luras de Ji-lim.
[5] «Собрание сведений», I, 443 и 444. Шотт, 432 и 433. Visdelou 174. Березовские остячки татуируют себе руки: «накалывают иголкою разные фигуры птиц, зверей и пр. и затирают сажей» (Абрамов - «Описание Березовского края», в «Записках И. русского географического общества», 1857 года, кн. XII, стр. 335).
[6] В «Хуан-юй-цзи» (Huan-ju-ki), землеописании, составленном в 976-984 гг., где воспроизводятся т'анские известия о кагасах, сказано: «женщины носят платье из шерстяных материй, а богатые также и из шелковых». Действительно - замечает Шотт, приводящий это место указанного сочинения, - вероятнее, что только богатые дамы могли носить шелковые ткани (s. 434). У Шотта вместо Дахя стоит Даши (Ta-si); и у Visdelou (p. 175) значится, что шелковые материи покупаются у арабов в Аньси и Бэй-т'ине. Так и должно быть, потому что в т'анские времена о Дахя могла идти речь только как об одном из государств древности.
[7] «Собрание сведений», I, 444. Верблюдов теперь у абаканских скотоводов нет и самая память о них исчезла («Алтайско-Саянская горная система», 1877, стр. 573).
[8] «Собрание сведений», I, 444. У Visdelou - lu quenle sons le menton. Составители дополнения к III тому русского перевода Азии Риттера (стр. 604) обращают внимание на отзывы местных крестьян-рыболовов о том, что выше Большого порога на Енисее (близ дер. Означенной) они стерлядей не замечали. Едва ли, однако, китайское описание относится к стерляди, которая сколько известно, такой длины, какую приводит «Т'ан-шу», не достигает.
[9] «Собрание сведений», I, стр. 446. Шотт переводит (s. 434): «пища их состоит преимущественно из мяса и вина из кобыльего молока; одному ажо подают печеный хлеб (Kuchen)».

вино из каши»[1]. «Есть золото, железо, олово»[2]. «После частых дождей они собирали железо, которое называли ка-ша (kja-sa) и из которого они ковали превосходное оружие; этим оружием они платили дань тукиюесцам»[3]. Надо полагать, выделкою железных вещей занимались не сами кыргызы, а их данники, у которых кузнечное мастерство сохранилось до настоящего времени и которые его унаследовали, без сомнения, от доисторической чуди[4]. Но добыча меди и выделка бронзы во времена кыргызов были уже прекращены, так как китайское описание даже не упоминает о меди.

«Государь называется Ажо, почему и прозывается также Ажо. (У Шотта: Их государь титулируется Ause). У него водружено знамя (Шотт: Пред его палаткой ставится туг, т.е. знамя с лошадиным хвостом). Прочие (вельможи, старшины?) прозываются названиями поколений (У Шотта этой фразы нет). Ажо зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят белые валяные шляпы. Вообще любят носить на поясу точило, иначе мусат. Низшие ... ходят без шляп. (У Шотта: Зимою носит он шапку из собольего меха; летняя его шляпа обтянута золотом, кверху заострена и край загнут. Подданные носят войлочные шляпы. На поясе они любят носить нож и точильный камень. Простой народ ... ходит без головного покрова.) Ажо имеет пребывание у Черных гор. Стойбище его окружено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками, и называется мидичжы. Начальники живут в малых палатках. Войско набирается из всех поколений. Ясачиные вносят подать соболями и белкою... Зимою живут в избах, покрытых древесною корою... (У Шотта: Ажо обитает у гор Цин-шань. Его дворцовый лагерь окружен деревянною, вместо стены, оградою, и палатка устроена из войлоков. Этот дворцовый лагерь называют они мидичита - mi-ti-ci-ta. Вельможи живут в палатках меньших размеров. В случае призыва, способные носить оружие люди каждой орды приходят вместе из своих мест. Их дань состоит из собольих и беличьих мехов. Зимою кыргызы обитают в домах, крытых берестою)[5].

«На войне употребляют луки со стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитиками; еще на плечи накладывают круглые щитики, которые могли бы защищать от острия стрел и сабель». «Законы их очень строги. Произведший замешательство пред сражением, невыполнивший посольской должности, подавший

[1] «Собрание сведений», I, 444. У Шотта (s. 433): «из измолотого зерна пекли они хлеб и приготовляли вино».
[2] «Собрание сведений», I, 444.
[3] Шотт, 433. У о.Иакинфа это место, которое есть и у Visdechou, пропущено.
[4] О железе в стране хагасов в «Хуан-юй-цзи» есть следующее: В Uang-hui thu (древнейшие официальные сведения о дани иностранцев) сказано: «Здесь (в земле хагасов) железо падает с неба как дождь, его собирают и куют клинки; оно от обыкновенного железа отличается». Когда расспрашивали по этому поводу посланников (главы хагасов), то оставили они вопросы без прямых ответов, но объяснили, что железо у них крепкое и острое и что у них есть искусные мастера. Вероятно, это железо находится в земле и только появляется на поверхность после сильных и продолжительных дождей. Если бы оно падало с неба, то ранило бы и убивало бы людей и животных. Другое известие говорит: «Земля производит хорошее железо, которое приходит к тукиюесцам в качестве дани». Такова правда в этом деле (Шотт, 471, 472).
[5] «Собрание сведений», 1, 445 и 446. Шотт, 434.

неблагоразумный совет государю, как и за воровство, приговариваются к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее». «Из музыкальных орудий имеют флейту, бубен и два неизвестных». «Из зрелищ употребительны верблюд и лев обученные, вольтижирование на лошадях и балансирование на веревке»[1].

«Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань». По Шотту: предметами боготворения были только духи вод и растений, для жертвоприношений не было определенного времени. Волхвов называли кап[2].

«При браках калым платился лошадьми и овцами. Богатые дают по сто и по тысяче голов»[3].

«При похоронах не царапают лиц, только обвертывают тело покойника в три ряда и плачут, а потом сожигают его, собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плач»[4]. У Шотта: Во время траура кыргызы не расцарапывают себе лица: трижды, с воплями, обходят они вокруг своего покойника, и потом сожигают его. Кости собирают и через год созидают могилу[5].

Видят признак высокой культуры кагасов в «довольно сложной системе чиновничьей иерархии, быть может, вывезенной Ли Линем из Китая». По китайскому описанию «чиновники разделяются на шесть разрядов, как-то: министры, главноначальствующие, управители, делопроизводители, предводители и дагани.

---

[1] «Собрание сведений» и пр., I, стр. 445 - 447. По Visdelou (Bibliotheque orientale d'Herbalot, Lu Hage, 1779, t. IV, p. 175) музыкальные инструменты: la flute traversiere, le tambour, l'urgue chinoise, la flute droite et les parties cloches. <...> lis unt aussi des dunseurs de corde pour le meme fin.

[2] «Собрание сведений», I, 446. Шотт, 434.

[3] Там же. У Шотта: при браках для уплаты калыма употребляются овцы и лошади. - По «Хуанюй-цзи», напротив, браки у кыргызов совершаются без платы калыма (s. 471).

[4] «Собрание сведений», I, 446. Д-р Радлов думает, что это, темное в переводе о. Иакинфа, описание следует понимать так, что покойника предавали земле без всяких при нем вещей, при этом сожигали, в честь духов, известную часть жертвенных животных; потом, через год, совершалось жертвоприношение и зарывались в землю вещи умершего, а затем воздвигалась могильная насыпь. Основание такого толкования и изменения кит. описания состоит в том, что, не найдя при своих раскопках погребенных урн со сожженными человеческими костями, д-р Радлов считает китайское известие о сожжении трупов умерших кагасов ошибочным (Aus Sibirien, II, 121, 122). Однако позднейшие раскопки могил на Енисее подтвердили существование у прежних обитателей этой страны обычая сожигания умерших; г. Адрианов в двух могилах близ Минусинска нашел в 1883 году кучки человеческих костей, сожженных в другом месте; г. Попов при раскопках могил на Абакане находил пережженные кости людей и животных; еще ранее г. Титов раскапывал в Уйбатских горах курган, в котором погребены были множество тел, кости которых все были сожжены (см. Д.Клеменца «Древности минусинского музея», Томск, 1886 г., стр. 27, 28, 31 и 21).

[5] S.s. 4346 435. Я считаю перевод Шотта ^согласный с переводом Visdalou в Bibl. orientale, t. IV, p. 175) заслуживающим предпочтения. Подлинник наверное имел в этом месте в виду, как справедливо полагает г. Радлов, описание погребения у тукиюесцев («Собрание сведений», I, 269). Но если составители описания владения Кагас поясняли, что родственники умерших у хагасов не «надрезывали себе лицо» ножом (как у тукиюесцев), то, конечно, они желали выяснить и то, что хагасы не «семь раз объезжают вокруг палатки» с телом умершего, а только три раза обходят кругом ее, - Впрочем, весьма возможно, что во время хагасов практиковались разные способы обращения с телами умерших, потому что и теперь еще абаканцы, напр., хоронят умерших в могилах и завертывают тело в шелковые или другие ткани, в некоторых местах на Алтае и у урянхайцев помещают трупы на высоких подмостках (Aus Sibirien, I, 379, 321) или «завертывают в бересту и вешают на дерево в самом глухом лесу, или кладут на деревянные срубы, а иногда сожигают» («Алтайско-Саянская горная система», стр. 488).

Министров считается семь (в другом месте, где они названы беями, только три), главноначальствующих три, управителей десять. Все сии заведывают войсками. Делоправителей считается пятнадцать; предводители и дагани не имеют чинов»[1]. Но Шотт и Visdelou поясняют, что все названия должностей этих суть китайские[2]. Между тем сочинители китайских описаний иноземных стран имели привычку подгонять туземные названия старейшин к китайским должностям и чинам. В каком-нибудь микроскопическом владении Восточного Туркестана, состоявшем из 27 семей, оказывалось вследствие этого четыре должностных лица: фу-ге-хэу, старший ду-юй, младший ду-юй и и-чжан[3]. Так, быть может, и старшины родов хагасов и подвластных им племен и приближенные к ажо были наделены пышными китайскими чинами и должностями.

«Письмо их и язык совершенно сходны с ойхорскими»[4]. Действительно большая часть сохраненных в китайских источниках хагасских слов оказываются тюркскими. Так, «первый месяц в году называют маоши ай. Ай значит месяц»[5]. Ай в самом деле по-тюркски месяц; маоши, должно быть, испорченное муз - лед, выходит, следовательно, ледяной, холодный месяц[6]. «Шаманов называют кань (кап), т.е. кам, как именуют тюрки шаманов и поныне[7]. Министры государя хагасов назывались бей (Гэси- бей, Гюйшабо-бей, Ами-бей). Бей, бек, бег по-тюркски начальник, старшина. Дагань (Та-Кап), вероятно, есть тюркское слово тархан - свободный от податей. Хагасский посланник к китайскому двору по имени Чжуву (у Visdelou - Tchughou, у Шотта - Си- ngu) имел прозвище Хэ-со (у Visdelou - ho-sou, у Шотта - ko-su). «Тан-шу» поясняет, что «хэ значит отважный, со — левый, т.е. искусный стрелок с левой руки»[8]. Сол или сул действительно означает в тюркских языках левый. Слово хэ Шотт сравнивает с якутским хосун (cho-sun) - смелый, отважный и с манчжурским хосун - сила, мощь[9]. Сохранилось затем несколько хагасских слов, указывающих на смешанное, не чисто тюркское происхождение кыргызов: ажо или аже Шотт сравнивает с тюркским ата и с самоедским asse и actsea[10], а также с вогульским ase - отец[1]; в миттичита (у Visdelou -

---

[1] «Собрание сведений», I, 446 и 448.
[2] Шотт, 434. Visdalou, p. 175: Renwrquer que tuus ses termes d'offi ciers sont chinois, excepte le dernier (Tu-Kan).
[3] «Собрание сведений», III, 87.
[4] «Собрание сведений», I, 446.
[5] Там же, 444. Об одинаковости языка хагасов с уйгурским (Uei-gu-urh) свидетельствует и «Юань-шы» (Шотт, 435).
[6] В передаче иностранных слов, по Шотту, китайцы употребляют шеи вместо ши (s. 439).
[7] «Собрание сведений», 1, 446. Visdelou (kan -hoen), а за ним Клапрот (Gan Khoun в Tabl.histor. de l'Asie, p. 169) присоединили ошибочно к kan китайского подлинника знак huen или hoen, относящийся к следующему предложению (Шотт, s. 440). Слово кам встречается два раза в составленном в 1059 г. уйгурском «Кудатку билик» в смысле врач, исцеляющий заклинаниями» (Aus Sibirien, II, s. 67).
[8] Там же, 450. По переводу Шотта su значит левша (s.441). По Клапроту (p. 173) kho sou = klhotch sol-храбрец, левой.
[9] Шотт, 441.
[10] Шотт, 443. Слово ажо сохранилось у енисейских кыргызов до XVIII столетия. Так, в «Памятниках сибирской истории XVIII века» (книга первая, 1700 - 1713 г.г., Спб., 1882 г., стр. 181) читаем, что 19 сентября 1701 г. «он, Аба зайсан, прислал к нам, Роману с товарищами, озерского судью Ожо, чтоб быть к нему, Абе зайсану»... На стр. 182: «И того же сентября в 21 день он же, Аба зайсан, прислал к ним ... вышеписанного же судью Оджа». На стр. 76 упоминается «Тажин сын Батиажо», а через несколько строк

mii-ti-chi-tho) Шотт, отбрасывая последние два слога, видит сходство с самоедским словом muat, mit и т.д., значащим палатка, откуда меиду - zeltstelle[2]; кяша тот же ученый сближает с самоедским kues, vese, jesou, которое значит железо[3]. Имя реки Гянь (Kjan), т.е. Кема, как называют ее туземцы, Шотт считает возможным производить от самоедского ка или ки (река), замечая, что, по Кастрену, Кет встречается во многих местностях Финляндии и Карелии, частью без изменения, частью в форме Komi или Kymi, и означает, по словарю Ренваля, «большая река». Кастрен полагает, что если это слово было первобытным финским, то перенесено в Финляндию с Енисея[4]. Приводимое в «Хуан-юй-цзи» имя оленя sze-mu Шотт, отбрасывая конечную гласную, которая могла быть прибавлена для изображения китайским знаком звука т, сравнивает с syn или sin койбалов и сойотов (sen у карагасов) - олень.

Итак, большая часть записанных китайцами слов хагасов принадлежит тюркскому языку, остальные же могут быть объясняемы из языков самоедского и финских. Конечно, самоедские слова легко могли оказаться в языке кыргызов, так как самоеды, несомненно, находились в числе аборигенов Саянских гор, отуречение которых продолжалось до настоящего времени, но светлая окраска кыргызов не могла быть приобретена смешением тюрков с самоедами, которые принадлежат к черноволосым народам. Объяснение румяного лица, голубых глаз и русых волос древних кыргызов заключается в известии «Тан-шу» о том, что кагасы «перемешались с динлинами[5]». Так как черноглазых кыргызы считали чужими (потомками Ли Лина), то динлины должны были по наружности походить на кыргызов. Клапрот сообщает о динлинах, что «их племена занимали обширные пространства, ибо, около 100 г. до Р.Х., по китайским историкам, они касаются западных берегов Байкала и обитают также на севере от усуней в странах, орошаемых Обью и верхним Иртышом, и еще далее на запад, к северо-востоку и к северу от Кангюя или Согдианы. Имя их означало на языке усуней ancien, doyen... В последней половине II века по Р.Х. часть племен динлинов, которая занимала в Южной Сибири берега Оби и Иртыша, была покорена сяньбийцами. Кажется, и она вскоре освободилась... Во время войны дома Юань-вэй с жужанями динлины победили одну орду хуннов <...>, которая носила имя Joui Joui и имела свои пастбища в соседстве с ними, и овладели ее землями. Однако, спустя некоторое время (507 г.), эти жуй жуй прогнали их со своих прежних мест и динлины возвратились на

ниже «... Тажину сыну Бате». Ясно, что ажо тут употреблено в качестве титула, прозвища, так как имя оказывается Бата сын Тажи.

[1] Шотт в Monatsberichte der Köuniglich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, aus dem Jahre 1873, s.2.

[2] Шотт, 433.

[3] Там же.

[4] Шотт, 441, 442. В вышеупомянутых Monats berichte 1873 (s. 1) Шотт отвергает предлагаемое проф. Березиным производство названия верхнего Енисея от монгольского кем - мера, находя несообразным соотношение реки с мерой и упоминает о существовании в числе местных диких животных he-uei (чернохвостого): «Это животное походит на чан (Eong - вид небольшого оленя или дикая коза, серна), но хвост у него толще и черного цвета. Варвары называют его sze-mu».

[5] «Собрание сведений», I, 443.

запад. С этого времени сей народ часто упоминается[1] в китайской истории, но представляется не имеющим политического значения для соседей. В течение веков он незаметно слился с кыргызами[2]. Для поверки этих известий, которые частью, видимо, составляют лишь собственные предположения Клапрота, может служить следующее.: Древнейшее упоминание динлинов, насколько мне известно, относится к 209-201 гг. до Р.Х., когда в числе завоеваний шаньюя Модэ упоминается Динлин[3]. О Динлине около 100 г. до Р.Х. упоминается китайцами по поводу отдачи этого владения хуннами в управление передавшемуся им полководцу Вэй Люй[4]. Около 72 г. до Р.Х., пользуясь слабостью хуннов после поражений, нанесенных им усунями, и вследствие голода и падежа скота от больших снегов, нападали на хуннов одновременно с другими соседями (ухуаньцами и усунями) и динлины[5]. В 49 году до Р.Х. покорил Динлин (на севере от Гяньгунь) шаньюй Чжичжы. В 11 году после Р.Х. китайцы, при Ван Ман, собирались выставить против хуннов 300 т. человек и загнать их в Динлин[6]. В половине второго века после Р.Х. сяньбийский Таныхай, между прочим, «на севере остановил динлинов... и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов[7]. Позднейших известий о динлинах я, в доступных мне источниках, не нашел. В переведенном Клапротом с китайского описании России (в манчжурской государственной географии «Дай-Цин-и-тунчи») говорится: «На юге от северного моря находились динлины, которых не должно смешивать с динлинами усуней. На языке этих последних это слово означает почтенный старец (un vicillard venerobla). Северные динлины обладали страною Ma hing»[8]. Дегинь приводит, по Матуаньлиню, сведения о двух владениях Tum-lim. «Первое лежало к северу от Кангюя и могло выставлять 60 т. ратников; il y a de tres lilies peaux de souris et d'antres maux. Второе отстояло на 7 т. ли от реки Ань-си-шуй, где был двор шаньюя; на юг до игуров считалось 5 т. ли и на юго-запад до границы Кангюя 2 т. ли» Дегинь при этом высказывает предположение, что владение Динлин могло быть очень обширною страною и что китайцы сделали из него два владения потому, быть может, что попадали в эту страну двумя разными дорогами[9]. В другом

---

[1] Не были ли такие упоминания в роде следующего, встречающегося у Mailla (t. V, 1778, p. 76): Тоба-тао, в 451 г., в письме к коменданту осаждаемой им крепости Hin-y уверял между прочим, что «воины, нападающие на вашу крепость, не все из моих владений: атакующие с северо-восточной стороны суть войска из владения Динлин, а те, которые нападают с юга, суть цяны, которые мне не подвластны» и т.д. Издатель «Всеобщей истории Китая» пояснил тут, что под динлинами должно разуметь «западных татар». Не имел ли Тоба-тао здесь в виду «байланских динлинов» или не было ли в этом случае имя динлинов» архаизмом? В китайской надписи 732 года, на памятнике западно-тукиюескому Кюе-дэлэ («Надписи долины Орхона» проф. Гейкеля в «Вост. обозрении» 1891 г. № 13 значится:: «Степное государство, родина племени Динлин, роскошно зацвело военным могуществом при твоих предках князьях , а ты сумел управлять им и прославиться в чужих странах»...) Интересно - как это передано в уйгурском и тукиюеском текстах того же памятника?

[2] Tableaux historiques des l'Asie, Paris, 1826, p.p. 167 et 168.

[3] «Собрание сведений», 1, 17.

[4] Там же, 49-51.

[5] То же, 61-64.

[6] «Собрание сведений», 1,100.

[7] Там же, 169.

[8] Memoires relatifs a l'Asie, Paris, 1826,1.1, p. 86. Древний ....

[9] Historie generale des Huns etc., Paris, 1756,1.1, partie 2, p.p. LXXVI et LXXVII. Обращает между прочим внимание совпадение приведенных расстояний с расстояниями покоренного Чжичжи влад. Гяньгунь: 7 т. ли от орды восточного шаньюя на запад, 5 т. ли от Чешы (игуры Дегиня) на север («Собр. свед»., 1, 443).

месте Дегинь говорит, что первое владение Динлин называлось также Ма-пао, но рассказываются об обоих динлинских владениях только басни: обитатели волосаты, имеют некоторое сходство с лошадьми и даже скорее бегают, чем эти животные[1]. И по Шотту у Мадуаньлиня (книга 339) есть описание динлинов, «в отношении баснословности не оставляющее желать ничего другого. Их язык будто бы похож на крик диких птиц; ir Körper von den Knien abwärts Oehart und mit pferdehufen»[2].

Разные предположения о расе динлинов будут приведены в конце этой главы. Имя динлин по одному из упомянутых уже замечаний Клапрота, без указания источника, значило на языке усуней «старец, старший», по другому (из китайского описания России) означало «почтенный старец», тоже на языке усуней. У Риттера читаем[3]: «Их (динлинов) имя означало, - говорит китаец (автор описания России), - почтенные старцы, как ходжа по-тюркски[4]; etwa Aeltling, «unaloy wie Jungling; ting scheint freilich fremd, nicht so ving». - «Мы не находим, - пишет по этому поводу Нейман, - в своих источниках, чтобы динлин значило почтенный старец, и опасаемся, что тут кроется большое недоразумение. Во всяком случае ting не имеет никакого соотношения с немецким словом Ding»[5]. По отцу Иакинф[6] динлинами же называли туфаньцы (тибетцы) байлянских цянов, стало быть по этому известию, относящемуся к VII веку после Р.Х., имя динлинов употребляли и тибетцы[7].

Во времена Танской династии, на севере от кагасов-кыргызов, вместо динлинов, описывается, около половины VII века, народ гюньма, иначе била и елочжи[8] (по Visdelou Kiau-ma, которых имя собственно Pii-la или Sho-lo-tchi, по Дегиню, Клапроту и Шотту - Ро-ша). Это владение находилось от «Дулги[9] (резиденции тукиюеских ханов, которая была, вероятно, на Орхоне) прямо на севере; от столицы (китайской) в 14000 ли; перекочевывали смотря по достатку в воде и траве, но предпочитали жить по горам. Имели 30000 строевого войска. Там всегда идут снеги. Хвоя с деревьев не опадает. Пахали землю лошадьми. Лошади более были саврасые, от чего и название государству дано. Жили на севере близ моря[10]. Хотя держали лошадей, но верхом не

---

[1] Там же, p.p. LXII.
[2] S. 444 Это волосатое племя напоминает одно из племен самояди, описываемое в древнем русском сказании «о человецех незнаемых в восточной стране» (Д.Н.Анучина, Москва, 1890 года) в следующих выражениях: «по пуп люди мохматы до долу, а от пупа вверх яко же и прочие человеци».
[3] Erdkunde von Asien, Bund V, s. 624.
[4] На самом деле ходжами у среднеазиатских мусульман называют потомков Магомета (см., напр., Вамбери «Das Turkenvoln», 1885, s. 380).
[5] Die Völker das Sudlichen Russlands, 1847, s. 33.
[6] «История Тибета и Хухонора», Спб., 1833 г., ч. 1, стр. 242. Подробности о байланских цянах приведены будут ниже.
[7] Позволю себе догадку, что динлин есть китайская транскрипция тюрко-монгольского слова тенгри, означающего небо, небесные духи, боги: быть может, усуни (а также кагасы и гаогюйцы), относясь с общим у восточных народов почитанием к предкам и приравнивая их, как шаманствующие племена, к духам, именовали так народ со светлою окраскою лица, глаз и волос, от которого они и сами происходили.
[8] «Собрание сведений», I, 442.
[9] Догадку д-ра Радлова (Aus Sibirien, I, s. 135), следующего перевода о. Иакинафа, о том, что под морем этим можно разуметь озеро Чаны, нельзя признать основательной, потому что и у о. Иакинфа говорится о море, по Visdelou и Шотту речь прямо идет о la mer glaciale и о Polar ocean.
[10] По Visdelou (p. 173) - «для масла и водки».

ездили на них, а пользовались молоком для пищи[1]. Часто дрались с хагасами. Обликом много походили на хагасов, но говорили другим языком. Брили голову, носили берестяные шляпы[7]. Связывали деревья наподобие колодезных срубов и покрывали берестою. Это были их жилища. Каждая община имела своего начальника, независимого от других»[2].

Что касается до письма кагасов, одинакового с уйгурским, то ввиду составления сведений о кагасах в IX веке, надо полагать, что китайское по этому предмету известие относится к письменам, которые употреблялись уйгурами в IX веке, т.е. сирийским, которыми начертан уйгурский текст трехъязычных надписей на сохранившемся на Орхоне памятнике конца VIII столетия. Но так как на Енисее имеется много надписей руническими письменами, которые употреблялись тукиюесцами и сохранились на двух памятниках первой половины VIII века на Орхоне, то кагасы употребляли, конечно, и руническое письмо. Однако, по низкой вообще степени цивилизации кагасов, можно с наибольшею вероятностью полагать, что, во-первых, оба рода письмен были в употреблении, в среде самих кагасов, разве только у шаманов[3], да и теми были со

---

[1] По Visdelou (там же): «Они походят лицом на ке-ку, но языки обоих народов совершенно различны. Оба народа остригают волосы и носят шляпы из березовой коры».

[2] В статье о пома «Хуан-юй-цзи» приведено число лошадей в 300000 и упоминается о посольстве от этого народа к китайскому двору в 653 году, а также о том, что земли их тянутся с востока на запад на месяц езды (Шотт, 472 и 473). У Дегиня (t. I, partie 2, p. LXII) Poma Koue, по Мадуаньлиню, простирается с востока на запад на месяц пути и с севера на юг на 50 дней; владение это смежно с Kia-ko... Сосуды у жителей из глины и меди; железа у них мало; они любят охоту и рыбную ловлю; одеваются в звериные шкуры; делают лодки из древесной коры. По словам Клапрота, Дегинь, перевод которого тут вообще будто бы плох, смешал знак пан (тарелка, чаша) со знаком чжуань (судно). В собственном переводе Клапрота из Мадуаньлиня, есть следующие «более или менее отличные от выше приведенных о пома сведения: Чтобы прибыть туда (в страну пома) проходят через пять больших орд тукиюесцев. Там было 30 т. человек и 300 т. лошадей. В этой стране государи, весы, порядки управления ничем не отличались от тукиюеских. Жители имели луки, стрелы, сабли и длинные пики. Соседи относились друг к другу с недоверием и часто вступали в бой друг с другом. Чтобы пройти страну с востока на запад, надо употребить месяц пути, а с юга на север - пятьдесят дней. Каждую зиму падает снег, но деревья не теряют листьев: снег скоро покрывает их на один или на два локтя высоты, пока жаркое время не заставит его растаять и излиться в овраги. В этой стране, вместо лошадей, для пахоты плугами, употребляют людей; сеют пять родов хлебных растений. Жители любят рыбную ловлю и охоту; добывают рыбу, оленей, бобров, соболей и других животных. Они едят их мясо и делают одежду из их шкур. У них мало железных сосудов, а горшки из обожженной глины. Они делают чаши и блюда из коры и корня березы. Они следуют (со своими стадами) за реками (!?) и травами. Жилища их состоят из деревьев, положенных одно на другое как в колодезных срубах. Крыша - из коры березы. Земля, лес, трава или солома служит им подстилкой (de topis) и место, где они спят, покрывается сеном. Лошади у них пегие (pommelas), отсюда и имя их (Рото). Они не ездили на лошадях и только пользовались молоком кобыл. Для еды они откармливали лошадей с черной гривой. Они часто вели войны с ке-ку, на которых походили лицом, но языки обоих народов были различны». (См. Memoires relatifs a l'Asie, 1826, t. I, p.p. 129 et 130). По Клапроту же (там же, p. 128) Матуаньлинь оканчивает статью о Пома замечанием, что тукиюесцы пегую лошадь называют ала, почему и эту страну именуют владением Ала. Клапрот, со своей стороны (id., p. 126) приводит, что в неизданном журнале Мессершмидта (хранящемся и теперь еще ненапечатанным в нашей Академии наук), под 10 октября 1721 года, значится, что по уверению томского воеводы, татары называют кыштымов пегою или пестрою ордою (piegoga ou piestra orda), потому что они были пестрые (ligarres) и сделались белыми вследствие постепенного перерождения; воевода утверждал, что на Нарыне еще существуют пестрые люди. - Мне кажется, что разногласия в переводах известий о «пегом» народе у синологов происходят не от одних, возможных, конечно, ошибок и недоразумений при переводах, а главным образом от темноты и противоречий в самих китайских источниках, а потому весьма желательно сопоставление и критическое исследование китайских текстов.

[3] Что именно у шаманов дольше сохранялось руническое письмо, видно из следующего рассказа Джувейни (D'Ohsson, Historie des Mongols etc., La Hage et Amsterdam, 1834, torn I, p. 430): «На берегах Оркуна (Орхона) видны развалины города и дворца, которые именовались некогда Орду- балик, а теперь Мау-

временем позабыты, и что, во-вторых, письма ажо, по которым всего ближе китайцы могли ознакомиться с употреблявшимися у кагасов письменами, были писаны, вероятно, уйгурскими писцами, которые, конечно, употребляли свои тогдашние письмена[1].

балик (худой, разрушенный город). Перед входом в этот дворец лежат камни, покрытые вырезанными письменами, которые мы (т.е. сам Джувейни) видели. В царствование кагана (Оготая) подняли эти камни и открыли ров или яму, где находилась большая каменная таблица (table) с надписью. Император повелел показать ее людям разных народностей, но никто не мог прочесть этой надписи. Наконец добыли из Китая (?) людей, которых зовут каман (т.е. кам - шаман): это оказались их письмена». Надпись, по уверению Джувейни, содержала сказания уйгуров о происхождении их ханского дома. Мне кажется возможным, что этот рассказ Джувейни относится именно к тем развалинам древней уйгурской столицы и дворца на Орхоне, где в 1890 году профессор Гейкель открыл уйгурский памятник конца III века с китайскою, уйгурскою и руническою надписями и именно к этому самому памятнику, по крайней мере Джувейни, как бы продолжая извлекать свои сведения из той же надписи, говорит: «Что касается религии уйгуров, то они имели тогда волхвов, именуемых кам'ами, какие и теперь еще есть у монголов... Уйгуры послали к китайскому хану с просьбою о присылке людей, которых зовут нуми» (ламы)... Эти ламы, продолжает Джувейни, одержали верх над камами, и уйгуры сделались идолопоклонниками (там же, p.p. 434, 435). Между тем при переводе сохранившихся отрывков из китайского текста памятника, открытого г. Гейкелем, оказалось, что надпись говорит, между прочим, о введении между уйгурами вместо шаманства новой религии. Переводчик Девериа задается вопросом: «Какая религия была у них (уйгуров) раньше? Успели ли несториане-миссионеры, которым, верно или нет, приписывают введение сирийского алфавита, обратить в христианство? или уйгуры до буддизма были манихейцами?» (Inscriptions <...>, 1892, p. XXX). Ответ, если не дает надпись, готов у Джувейни «К вопросу об уйгурах». Спб, 1893. Стр. 56-68. Русский перевод того же <...> Джувейни <...>.

[1] По Риттеру (стр. 561 тома 3-го «Землеведение Азии» в переводе П.П.Семенова, Спб., 1860 года), « тех пор, как кагасы сделались магометанами (это произошло во время монголов, хотя следы исламизма проникали к ним уже прежде, вероятно, окончился их древний обычай погребения умерших и в то же время их собственные, рунические письмена могли быть вытеснены арабскими или монгольскими, как у народа, еще не возвысившегося до собственной литературы». На самом деле кагасы или енисейские киргизы мусульманами никогда не были. Еще в XVII столетии русские застали их в шаманстве. В этом случае ошибка Риттера произошла от того, что он смешивал кагасов с киргиз-казаками, с которыми они, однако, не имеют ничего общего. Мнение Риттера, что «Кангюй - предки хакасов» (там же, стр. 669), также принадлежит к числу ни на чем не основанных предположений. Так как Риттер не может считаться источником для изучения истории енисейских киргизов, личные же его ошибочные мнения и предположения легко объясняются скудостью в его время источников для этой истории и малоизвестностью географии Монголии, то я считаю излишним указывает все промахи и ошибки знаменитого географа. Одно из крупнейших недоразумений Риттера о «четырех различных киргизских ордах, составляющих 84 хоругаи, состоящих в подданстве четырех ханов и обитающих поныне в горной области Да-Киму в китайской пограничной провинции Улясутай» (там же, стр. 566 и 567), проистекло из того, что в рукописном переводе (Неймана) описания Монголии по «Дай-цзин-хой-тянь» хошуны халкасских ханов названы почему-то «киргизскими хоругаями»: отсюда Риттер уже сам обратил четыре ханства или аймака халхасских монголов в четыре «киргизские ханства», которые притом водворил на Да-Киму.

3. Территория и населенность государства кагасов

Земли кагасов в эпохи тукиюесцев и уйгуров. Границы и соседи. Сношения с соседями, тибетцами, арабами, западными тукиюесцами и карлыками. Два участка территории кыргызов. Численность нынешнего их населения и соображения о населенности в эпоху кагасов. Численность войска хагасов и его племенной состав. Местонахождения резиденций ажо.

О территории древних кыргызов имеются в «Т'ан-шу» такие сведения: «Хягас было сильное государство, по пространству равнялось дулгаским (восточных тукиюесцев) владениям. Дулгаский дом выдавал своих дочерей за их старейшин. На восток простиралось до Гулигани, на юг до Дубо[1], на юго-запад до Гэлолу»[2]. Эти сведения, как ясно по их содержанию, относятся ко времени тукиюесцев (545-745 гг.). В другом месте, видимо, во времена ойхоров или уйгуров (745-842 гг.), о владении Кагас говорится: «Народонаселение простиралось до нескольких сот тысяч[3]; строевого войска 80000. Прямо на юго-восток до ойхорской орды считалось 3000 ли; на юг простирались до гор Таньмань (Than-mon). Почва летом болотиста; зимою большие снеги»[4].

По этим известиям выходит, что на восток владения кыргызов простирались до бассейна Ангары, где находилось владение гулиганей, которые «кочевали по северную сторону Байкала и имели 5 т. войска[5]. Соседившие с юго-востока дубо, т.е. туба, ныне урянхайцы или саянцы[6], занимали, вероятно, лесистые и болотистые местности вокруг озера Косогола, на Бей-кеме и в верховьях Улу-кема. Южною границей был хребет Таньмань, под которым нечего разуметь, кроме нынешнего Танну-ола. Юго-западные соседи хагасов гэлолу (карлыки) в эпоху тукиюесцев кочевали «от алтайских гор на запад по обеим сторонам реки Пугу-чжень», т.е. вероятно Черного Иртыша, и, быть может, в верховьях р. Кобдо. В таком случае их земли могли соприкасаться с

---

[1] Следую чтению Imbault Huart'a в переводе цитат, помещенных в «Си-юй-т'у-чжи» (p. 137): Le pays de Tcien Kounn etait sambloble de calui des T'ou tcue. A Test il touchait an Kou li vua, an sud an Tun po, an sud - onest an Ko lo eou. О. Иакинф и Шотт прочли вместо Дубо Тибет, но в тукиюеские времена, к которым относится это место, монгольским Алтаем и восточным Тяньшанем владели тукиюесцы. Бэй-т'ин (Урумчи) попал в руки туфаней не ранее 786 г. («Собрание сведений», I, 412) в эпоху ойхоров.

[2] «Собрание сведений», I, стр. 448.

[3] Душ - полагает о. Иакинф, семейств - читает Шотт. Вернее первое, потому что нескольким стам тысяч семейств должны были бы соответствовать и несколько сот тысяч ратников.

[4] «Собрание сведений», I. стр. 443.

[5] Там же, стр. 440. Сближать имя гулиганей с улянхай или с урянхайцами нельзя: во-первых, земли гулиганей простирались (от Байкала) «на север до моря», а это к урянхайцам не подходит; во- вторых, при монгольской династии земля гулиганей называлась Ангола, по реке (Ангара), но в «Юань-ши» удостоверяется, что это земли гулит'анских времен, т.е. гулиганей (Шотт, 436, 454, 455). Г. Радлов предполагает, что гулигани суть якуты, народ, составившийся из смешения уйгуров и местных тунгусских родов (Aus Sibirien, I, 134). Это весьма вероятно, и если, по «Юань-ши» в 1293 году, переселена по повелению Хубилай-хана, в древнюю землю На - ян, богатую рыбой (вероятно на р. Лене, по пояснению же Шотта, конечно, на основании китайских источников, в «Тунгузии, к западу от земель так называемых водяных татар»), одна орда кыргызов (Шотт, 437 и 461), то тут под кыргызами разумеются ангаринцы, гулигани, потому что Ангола в то время считалась административно частью кыргызской провинции.

[6] В.В. Радлов, по лингвистическим данным, признает урянхайцев за отуреченных уйгурами самоедов. Действительно уже в числе 12 гаогюйских родов в V веке значится по китайским известиям («Собрание сведений», I, 251) род дабо, который в эпоху уйгуров показан тоже в числе гаогюйских родов под названием дубо («Собрание сведений», I, 373). Дархаты (омонголившиеся урянхайцы на р. Шишките и оз. Косоголе) говорили г. Потанину («Очерки северо-западной Монголии», вып. IV, 1883 г., стр. 13), что урянхайцы – народ уйгурского языка: уйгур кельтей улус.

владениями хагасов в верховьях Кемчика. Позднее, во времена ойхоров, карлыки подались на запад и овладели западным Тяньшанем и прилегающими к нему с севера и юга странами до Сыр-дарьи[1], а в XI веке их илеки завладели даже и Мавераннагром. Однако небольшая часть гэлолу осталась в странах при-алтайских до времен монголов, когда государь их Арслан-хан, с 2 т. кибиток, поддался Чингиз-хану после покорения последним меркитов и найманов[2]. По «Т'ан-шу» государство хагасов «было всегда в дружественных связях с Даши (т.е. таджики, вообще подданные халифов), Туфанию (Тибет) и Гэлолу; но туфаньцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны ойхоров, почему брали провожатых из гэлолу. Из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года[3]. По Шотту арабы изготовляли вышитую золотом шелковую материю такой величины, что она составляла груз двадцати верблюдов, для чего разрезывалась на двадцать частей; такая материя посылалась кыргызам раз в три года в качестве подарка, по мнению Шотта, за охрану торговцев от грабежей со стороны ойхоров, а отнюдь не для продажи[4]. Во всяком случае тяньшанские карлыки, сохраняя, конечно, сношения со своими приалтайскими соплеменниками, действительно могли служить лучшими проводниками для торговцев Самарканда и Бухары, которые начали доставлять в северную Монголию и к енисейским кыргызам произведения западной Азии в обмен на меха и пр., конечно, во времена тукиюесцев, если не ранее. Что енисейские кыргызы имели сношения с западными тукиюесцами, видно из того, что мать ажо была родом «туциши», т.е. из ханского дома тукиши (теркеши арабских писателей), одного из поколений западных тукиюесцев, которое с конца VII века подчинило себе земли западных турок и имело свою столицу на р. Суйе (Чу)[5]. Женою ажо была дочь Гэлу-шеху, т.е. государя гэлолу, которые с 756 г. заняли в бывших владениях западных тукиюесцев место тукиши: государи карлыков носили некоторое время титул шеху[6], а гэлу вместо гэлолу встречается не только у переводчиков, но и в китайских подлинниках[7].

В указанных границах владения кыргызов заключали в себе земли по Улу-кему и Кемчику и по обе стороны Енисея. Из земель этих пригодны для скотоводства кочевников два больших участка. Первый, на севере от Саянов, представляет собою степное, обильное солончаками и соляными озерами, покрываемое зимою мелким слоем снега, а потому удобное для зимнего подножного корма, плоскогорье на левом и частью на правом берегах Енисея, в пределах Минусинского и Ачинского округов,

[1] «Собрание сведений», I, 437 и 438.
[2] История Чигиз-хана Рашид-эддина, в переводе професс. Березина, 1888 г., стр. 14. «Юань- чао-ми-ши» в «Трудах членов духовной миссии в Пекине», т. IV, 1866 г., стр. 130, 131. Абулгази в переводе барона Демезона, t. II, 1874.
[3] «Собрание сведений», I, 449.
[4] S. 452.
[5] «Собрание сведений», I, 449 и 366.
[6] Там же, 438.
[7] Напр. по Шотту (s. 451) в китайском подлиннике говорится о всегдашних дружественных связях хагасов с Даши., Туфанью и Ко-lo.

имеющее в длину и ширину в среднем около 200 верст[1]. Ныне в этой местности обитает свыше 25000 душ качинцев, сагайцев и кызыльцев, у которых скотоводство составляет преобладающее занятие. Второй участок лежит по южную сторону Саяна и состоит из долин Улу-кема и Кемчика. «Долина Кемчика, по крайней мере правая его сторона, так же, как и по Улу-кему, представляет обширную ровную степь, прерываемую кое-где отрогами гор и потому дающую удобные места для кочевок, в особенности по зеленеющим берегам притоков этих рек. В долине Кемчика и Улу-кема сосредоточено весьма значительное население... В самой долине Кемчика и Улу-кема <...> проводят лето и время полевых работ, а на зиму уходят в горы, в узкие ущелья, где мало снега, где утесы защищают от ветра и холода»[2]. По г. Африканову, которому принадлежит наиболее обстоятельные современные сведения об урянхайцах, на Кемчике и Джакуле снегу бывает очень мало или не падает в иные зимы совсем. В этой местности и население всего гуще и тут кочует от 15 до 20 т. душ урянхайцев, или до 4 т. кибиток[3].

Итак, на севере Саянов ныне помещается до 5 т. кибиток и на юге около 5 т., всего около 10 т. Если во времена хагасов занята была кочевниками большая часть северного участка, то размеры степного пространства были меньше, так как леса спускались в речных долинах ниже, а потому надо думать, что и тогда численность кочевников в обоих участках не была далека от 10 т. кибиток или семей, т.е. 50 т. душ, самое же большее простиралась до 20 т. кибиток или 100 т. душ.

Показанная в «Т'ан-шу» цифра в несколько сот тысяч душ, которую, соответственно числу ратников, можно принять определительнее около 400 т. душ, относится к эпохе наибольшего могущества кыргызов, ко времени торжества над ойхорами, к 841 г., когда составлялось китайское описание владения Хагас. Источником для этого описания служили главным образом показания кыргызского посольства: «увидевшись с посланником, составить чрез переводчиков описание ...страны»[4]. Между тем хагаское посольство прибыло с просьбою о союзе против уйгуров и имело, значит, большой интерес выставить силы кыргызов в преувеличенном виде, чтобы убедить китайцев в выгодности действовать против ойхоров, опираясь на сильного союзника. На самом деле сами кыргызы едва ли могли выставить более 20 т. всадников. Остальную часть 80

[1] См. между прочим описание этой местности в «Древностях минусинского музея», стр. 7-10.
[2] А.В.Адрианова «Путешествие по Алтаю и за Саяны, совершенное в 1881 году» в «Записках геогр. общества» по отделению общей географии, т. XI, 1888 г., стр. 338 и 339. См. также в «Восточном обозрении», 1892 г.
[3] «Урянхайская земля и ее обитатели» (в «Известиях восточно-сибирского отдела И.р. географического общества», т. XXI, 1890 года, № 5, стр. 46 и 48). Цифра 30 т.д. на Кемчике и нижнем Улу-Кеме соответствует и сведениям о числе урянхайских сумунов в этой местности: по А.А.Баторскому («Монголия», часть 1, Спб., 1889 года, стр. 194), все урянхайцы считаются обязанными, по числу 26 сумунов, выставлять 26 эскадронов, силою каждый в 150 человек; но г. Баторский не имел в виду, что официально в счет урянхайских сумунов не входят урянхайцы 17 сумунов ведения Саин-нояна, кочующие на Кемчике, и 2 сумуна из урянхайцев ведомства Цзасакту-хана, тоже обитающие на Кемчике; из числа 26 сумунов кочует на Кемчике 10 сумунов, а потому общее число урянхайских сумунов на Кемчике составится в 29 сумунов или 4350 всадников, т.е. около 4 т. семей или 20 т. душ обоего пола. Об урянхайских сумунах Саин-нояна и Цзасакту-хана см. у г.Африканова стр. 50-52.
[4] «Собрание сведений», I, 450.

т. должны были, следовательно, дать подвластные им народы. Пегая орда, одна выставлявшая за два перед тем столетия 30 т. человек, была в это время, конечно, уже в зависимости от кыргызов. На долю остальных данников из самоедских и отуреченных остяцких родов оставалось уже около половины. Подчинение кыргызам, несмотря на их малочисленность, многих, в несколько раз в совокупности превышавших их своей численностью, самоедских и остяцких племен объясняется политическим бытом звероловческих лесных племен Южной Сибири: все эти племена раз делились на мелкие роды и отделения родов, управлявшиеся особо и не имевшие между собой никакой общей связи, как свидетельствует китайское известие о Пегой орде, в которой «Каждая община имела своего начальника, независимого от других». Кроме того, временная значительность военных сил кыргызского ажо может объясняться присоединением к ним части ойхоров, между которыми происходили тогда внутренние смуты. В 832 году ойхорский хан «убит от своих подчиненных». В 839 г. «министр Гюйлофу восстал против (нового) хана и напал на него с шатоскими войсками. Хан сам себя предал смерти». В 840 г. «старейшина Гюйлу Мохэ, соединившись с хагасами, со 100000 конницы напал на ойхорский город, убил хана, казнил Гюйлофу и сжег его стойбища. Ойхорские поколения рассеялись»[1]. Ясно из этого, что успехами своими ажо обязан был не собственным силам, а вражде между ойхорскими рядами, из которых одна сторона низвергла одного хана при помощи шато, а другая прибегла к кыргызам. Вероятно, ойхоры, призвавшие ажо, признавали временно его власть, пока опасались мщения противной стороны. Они-то главным образом и составили войско в 70000, с которым, около 847 года, ажо предпринимал поход против шивэйцев, приютивших у себя ойхорскую ханскую фамилию и ее приверженцев[2]. Конечно, можно было бы еще предположить, что хагасам подчинялись алтайские тюрки, а также обитатели степей между Иртышом и Обью, но для такой гипотезы не имеется решительно никакой опоры в исторических известиях. Притом же численность войска в 80 т. и населения в несколько сотен тысяч, приводимая китайским описанием владения Хагас, достаточно объясняется вышеизложенными фактами и соображениями.

Местопребывание ажо, а стало быть, и центр земель, занятых самими кыргызами, по «Т'ан-шу» показано в 40 днях пути на верблюдах или в 3000 ли на северо-запад от ойхорской орды (т.е. от Орхона). Считая средний день верблюжьего хода около 35- 40 верст, получится 1400-1600 верст, так что ли выйдет около полуверсты. Такая же выходит величина ли, если взять для поверки показанное в «Т'ан-шу», в описании пути китайского посольства к кагасам, расстояние в 2000 ли от Т'яньдэ (крепость, находившаяся в нынешнем угорском аймаке, на севере от Хуан-хэ)[3]: по нынешним картам ли то же будет около полуверсты. Расстояние в 3000 ли или в 1500 верст от развалин уйгурской столицы на Орхоне приводит, на северо-запад, на р. Абакан. Стало быть, резиденция ажо была между Абаканом и Юсами. После убиения в 840 году

[1] «Собрание сведений», I, 418 и 419.
[2] Там же, 424.
[3] «Собрание сведений» I, 447 и III, топогр. указатель, 71.

ойхорского хана ажо «перенес свое пребывание на южную сторону гор Лао-шань. Лао-шань еще называются Думань; они лежат в 15 днях конной езды от прежнего ойхорского стойбища»[1], т.е. от Орхона. Считая по 100 ли конной езды на день, это расстояние дает 1500 ли или 750 верст. Ду-мань или Ту-мань, вероятно, то же, что Тань-мань, т.е. хребет Танну, а потому новое местопребывание ажо лежало южнее Танну. От Орхона по нынешним картам выходит около 700 верст до озера Кыргыз- нора и около 750 верст до Убса-нора: по всей вероятности, тут и было новое стойбище ажо и, быть может, с того времени первое из названных озер получило свое имя «Кыргызского озера».

[1] «Собрание сведений», I, 450.

4. Исторические известия о кыргызах во времена уйгуров и монголов

Подчиненность кагасов сеяньтосцам и затем уйгурам. Борьба с уйгурами и падение царства последних. Основание уйгурских государств в Ганьчжеу и в восточном Тяньшане. Покорение бывших уйгурских земель в северной Монголии киданями и тогдашнее их население. Возвращение кыргызов на Енисей. Мнение Howorth'a о сохранении кыргызами уйгурских земель под именем кераитов. Несостоятельность этого мнения. Покорение оказавшихся на Енисее кыргызов монголами. Описание их страны в монгольскую эпоху. Упоминания о кыргызах у Рубрука и во время Хубшай-хана. Отсутствие позднейших сведений о кыргызах до XVII столетия. Общий обзор событий за это время в Монголии. Начало борьбы между западными и восточными монголами.

По истории кагасов или енисейских кыргызов находим в китайских источниках, что когда владычество над северной Монголией перешло временно в руки гаогюйцев, под главенством поколения сеяньто[1] (628-645 гг.), то кагасы подчинились хану сеяньто'сцев, который имел у них «своего гелифу для верховного надзора». После падения сеяньто'сцев, когда гаогюйцы покорились Китаю, не замедлили и кагасы, в 648 году впервые явиться к китайскому двору. Сношения с Китаем прервались лишь с 758 года, когда кагасов покорили уйгуры[2]. Выше уже упомянуто, что в первой половине IX века кыргызский ажо, приняв участие в распрях между уйгурами, в 840 г. напал на столицу уйгуров. «Ойхорские поколения рассеялись: Министр Сичжи Пан-дэлэ, всего с пятнадцатью аймаками, бежал к гэлолу», т.е. на запад, скорее, потому, что, как увидим, он вскоре оказывается обладателем Гань-чжеу и восточного Тяньшаня; часть ойхорских родов ушла в то же время «в Тибет и Ань-си», т.е. в Таримский бассейн; тринадцать родов ханского аймака в это же время объявили ханом Угедэлэ и откочевали на юг; затем, по всей вероятности, часть ойхоров, подведомственная призвавшим кыргызов старшинам, осталась на своих местах, признав власть ажо. При нападении на ойхорскую столицу кыргызами была захвачена выданная за уйгурского хана китайская царевна. С целью завести связь с Китаем и иметь в нем опору против ойхоров, которые легко могли оправиться, ажо отправил пленную царевну к китайскому двору, но Уге-хан перехватил ее дорогой, убил посланных с нею даганей и перекочевал через Гоби на юг, приблизившись к китайской границе. Не получив от Китая просимой «для возвращения в прежнюю орду» военной помощи, Уге-хан несколько раз опустошил пограничные китайские земли и успешно сражался с китайскими войсками, но в 842 году, ослабленный переходом многих старшин (из числа которых один передался с 30 т. народа) в китайское подданство, был разбит, ранен и бежал с оставшимися верными людьми в поколение хэй-че-цзы. Китайцы успели подкупить это поколение и в 846 году Уге был убит. Тогда множество ойхоров приняли китайское подданство. Не желавшие покориться поставили ханом младшего брата Уге Эняня- дэлэ, который с 5000 человек

[1] Шотт считает возможным видеть в sje-jen-to имя нынешних саянцев (сойонов, сойотов). См. Über die achten Kirgisen, s. 455.
[2] «Собрание сведений», I, стр. 448, 426-432.

получил приют у хисцев. Но в 847 году китайцы побили хисцев и Энянь вынужден был бежать к шивэйцам. Осталось при нем «именитых князей и высших чиновников до 500 человек». Когда китайцы обратились к шивэйцам с требованием о выдаче, Энянь с женою и сыном бежал на запад и о дальнейшей судьбе его сведений нет. После того ажо напал на шивэйцэв, забрал оставшихся у них ханских ойхоров и «возвратился на северную сторону песчаной степи». В том же 847 году ажо скончался. Китайский двор отправил посланника с грамотой, которою новому хану дан титул Ин-ву чен-мин-хан[1]. В продолжение правления Сянь-тхун (860- 873 гг.) три раза приезжали ко двору (послы от хагасов). Но Хягас не мог совершенно покорить ойхоров. Впоследствии были ли посольства и были ли даваны и жалованные грамоты, историки не вели записок»[2]. Так оканчивается в «Тан-шу» статья о хагасах.

Заверение о том, что хагасы в конце концов не могли справиться с уйгурами, поясняется следующими известиями той же «Тан-шу»: «Оставшиеся (после побега Энянь-хана на запад и после захвата кыргызами князей и вельмож уйгурских у шивэйцев) ойхорцы, укрываясь в горах и лесах, пропитывались грабежом и мало-помалу возвратились к Пан-дэлэ. В сие время Пан-дэлэ уже объявил себя ханом, жил в Гань-чжеу и владел городами, лежавшими далее на запад за песчаною степью»[3], т.е. восточным Тяньшанем. Гань-чжеу и вообще страною у северного подножия Нань-шаня уйгуры владели до конца XI столетия, когда ею овладели дансяны, восточный же Тянь-шань остался в их руках до Чингиз-хана.

Таким образом, «Тан-шу» за конец IX и за начало X века не содержит уже более никаких сведений о хагасах. В истории заменившей танскую в северном Китае киданьской династии (907-1125 гг.) о хагасах совсем не упоминается, хотя уже основатель дома Ляо владел всею северною Монголией. Апаоки, объявивший себя ханом с 907 года, подчиняет себе шивэй черной телеги, хисцев, Siu, ниючжей, предпринимает потом, в 916 г., поход против тукиюесцев, дансянов, сяо-фаней, шато и других западных «татар», но о хагасах при этих завоеваниях нет ни слова[4]. Тот же киданьский император в 8 луне 924 года, в походе на северо-запад, прибыл в древнее царство шань- юев и в 1 день 9 луны стал лагерем близ древнего города хойху (ойхоров); там он приказал отполировать вновь древний памятник Бигя-хана (Pi-gha-khon), императора хойху, и вырезать на нем письменами китайскими, тюркскими и киданьскими надпись о его собственных победах; сюда же, в том же месяце, прибыл к нему в лагерь с данью царь хойху по имени Pa-li. В 11 день того же месяца посылал он отсюда армию против Tcou-pou (?) и двух генералов с отрядами для опустошения страны на юго-западе. В 20 день оба отряда вернулись, приведя пленных... Во 2 день 10 луны Абаоки, с горы Pa-h-sse,

[1] «Хягаский владетель получал от ойхорского хана титул Пицьсе Тунге Гинь» («Собрание сведений», I, 449). Клапрот, за Visdelou (p. 176), прочел этот титул Pi-Kin-tun-kie-kin и перевел «Бии и Катуни князь. Но титулы сеяньтоского хана «Чжень-чжу Пицьсе Хан» и титулы старейшин у гэлолу «Шеху Тунь Пицьсе» и у басими «Хэли Пицьсе хан» («Собрание сведений», I, 427, 438 и 439) делают этот перевод сомнительным.
[2] «Собрание сведений», I, 413-425, 449-452.
[3] Там же, стр. 424.
[4] История киданей по Visdelou в Biblioteque orientale, 1779, t. IV, p.p. 181-188.

отправляет армию, которая, пройдя движущиеся пески, покорила город Fou-thou и подчинила все орды западных стран. В 1 день 11 луны император взял в плен Биликэ (Pi-li-gho), тутуня (ганьчжуских) хойху, и воспользовался этим случаем, чтобы отправить посольство к хану хой-ху Ou-mou-tchu[1], с письмом, в котором, извещая о подчинении своей власти стран на севере до древнего города Бугухана (Pou-hou-han), спрашивал: «Думаете ли вы еще о своей прежней земле? Если думаете, то я, император, желаю вам ее возвратить; если же не можете взять ее из моих рук, то я удержу ее. Одно и то же быть ей что в ваших руках, что в моих». Умучжи ответил, что прошло уже более десяти поколений[2] со времени оставления старой земли и занятия новой и что его войска и народ довольны страною, где находятся, и не оставят ее добровольно, почему он не может возвратиться на прежние места[3].

Из приведенного можно кажется заключить, что уже в X веке о кыргызах на Орхоне нет и помину и что там обитали уйгурские роды, так как к Абаоки являлся там с покорностью старшина местных, по-видимому, хойху (уйгуров) Pa-li.

Благодаря Бретшнейдеру[4] мы имеем помещенные в «Ляо-ши» имена семи окружных городов (чжоу, cities, у Visdelou - provinces) и восемнадцати аймаков (бу, tribes, у Visdelou-hordes) подчинявшейся киданям в начале XII века Монголии. Эти чжоу и бу поименованы по поводу собрания их начальников в 1123 г. для оказания помощи Даши Линья, отправлявшемуся на запад, где он затем основал царство кара-киданей. Семь чжоу были: 1) Wei-wu, 2) Chung-to, 3) Hui-fan, 4) Sin, 5) Ta-lin, 6) Tze- ho и 7) T'o. Из числа этих чжоу Бретшнейдер Wei-wu считает за Uigurs и по поводу Sin замечает, что тут в «Ляо-ши», вероятно, не достает второго знака. Tze-ho мне кажется Цзы-хэ, река, по о. Иакинфу впадающая в Хуан-хэ с левой стороны, близ Великой Стены[5]. Имена бу таковы: 1) Ta-huang shi-eiw (шивэй, которые с IV века занимали земли близ озера Байкала), 2) Ti-la (вероятно, только истории Танов), 3) Wang-ki-la (кажется, cuncruts), 4) Cha-chi-la (Dja-djerats), 5) Ye-si, 6) Pi-ku-te, 7) Ni-la, 8) Ta-la- chui, 9) Ta-mi-li, 10) Mi-r-ki (меркиты Рашид-Эддина), 11) Ho-chu, 12) Wu-ku-li, 13) Tsu-pu, 14) Pu-su-wan, 15) Tang-ku (Tanguts), 16) Hu-mu-sza, 17) Hi-ti, 18) Kiu-r-pi. К помещенным в скобках догадкам Бретшнейдера надо добавить, что 5 и 7 аймаки можно считать исутами и нирунами, «настоящими монголами», Рашид-эддина. 9 (Tu-mi-li), вероятно, назывался по реке Тамир. В 11 (Ho-chu) можно видеть гучжу, отделение рода чуюе («Собр. сведений», I, 453), 12 аймак (Wu-ku-li) кажется снова «уйгур», 14 бу есть, быть может, род суван. В 15 бу можно видеть не тангутов, а тонгкоитов, отделение киреитов («О турецких и монг.

[1] Там же, p.p. 188-191.
[2] На самом деле с 842 до 924 года только 82 года.
[3] Bibliotheque orientale, IV, p. 30. По манчжурскому, на основании китайских источников, изложению истории киданей (Geschichte der Grossen Liao aus dem Mondschu über setat von H. Conon von der Gabelentz, St.Petersburg, 1872, s. 25) подробностей меньше; вместо Tcou-pou значится Supu, после которых покорены племена, обитавшие в горах Homusse; упоминается при походе на Feotutscheng вместо «движущихся песков» река Lioisa ho. Вместо тукиюесцев в одном месте Tuhon (s. 25), в другом (s. 17) Tudshu wei и Tuhowa, вместо «сяофань» - Schufan.
[4] Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia. Drawn from Chinese und Mongols writings, and compared with the observations of Western Authors in the Middle ages. London, 1876, p.p. 24,25.
[5] «Собрание сведений», III топографический указатель, 90.

племенах», 96, 258). Hu-mu-sre назывался, быть может, по горам того же имени (у Габеленца), которое, вероятно, не без отношения к городу Хэ-му, основанному при Ханях за Ордосом на Хуан-хэ («Собр. сведений», топогр. указ., 84).

Вообще этнографическое положение Монголии в начале века по этим данным уже приближается к тому, которое выясняется в эпоху монголов. Ко временам Чингиз-хана земли по Орхону и Туле были заняты киреитами, которых государь, по Абульфараджу, в 398 году гиджры (1007 г. от Р.Х.) обратился с 200 т. своих подданных в христианство. К северо-западу от киреев на Селенге кочевали меркиты[1], а на запад найманы, которые занимали земли от Тамира за Урунгу и озеро Кызыл-баш (Улюнгур) и имели соседями карлыков (харлуут)[2]. Все это были племена тюркского языка, как свидетельствуют имена их ханов и старшин, приводимые в историях монголов, и как доказывается существованием в настоящее время многочисленных киргиз-казачьих родов киреев и найманов, которые, очевидно, являются потомками киреитов и найманов времен Чингиза, оттесненных размножившимися монголами на запад в то время, когда часть этих же киреев и найманов омонголилась и составляет ныне значительные аймаки в среде монголов. Между тем кыргызы к монгольской эпохе оказываются на своих древних местах на юге и севере от Саянов.

Все эти факты, несмотря на отсутствие прямых исторических свидетельств, показывают, что временно подчинившаяся кыргызам часть уйгурских родов вскоре возвратилась к независимости и сгруппировалась потом в сильные аймаки киреев и найманов. Кыргызы, истощенные, конечно, предпринятыми ажо военными действиями и не поддерживаемые своими данниками из енисейских племен, которые по своему образу жизни не в силах были выставлять на долгое время многочисленные ополчения вне своих земель, вероятно, пришли в бессилие по смерти своего ажо и, быть может, уже преемник его или преемники (почему бы между кыргызскими родами не могли возникнуть распри?) возвратился на свои родные стойбища по Абакану[3].

Близкое к этому мнению высказал Шотт, не приводя, впрочем, оснований: «Вероятно, наши кыргызы были вынуждены усилившимися уйгурами возвратиться рано или поздно на свои старые земли и потому во время Чингиз-хана мы находим их снова на Енисее и настолько слабыми, что они не в силах противиться этому завоевателю»[4]. Другого мнения держится Noworth, который, ссылаясь на Дегиня и Mallia, по-

---

[1] В «Юань-чао-ми-ши» (стр. 125) упоминается о «меркитской стране селянгэ», а по «Тан-шу» («Собрание сведений», I, 447) около VII века в соседстве с дубо обитал тукиюеский же аймак «ми- лигэ», т.е. мерке или меркиты.

[2] «Юань-чао-ми-ши», стр. 108, 80, 130.

[3] S. 459. В.В.Григорьев «Восточный Туркестан», вып. 2, Спб., 1872, стр. 209) также был убежден, что вскоре после своего усиления в половине IX века хэрхизы «обратились в первобытную ничтожность». Я не касаюсь здесь известий о кыргызах арабских писателей, так как у них ничего нет кроме смутных и сбивчивых сведений, полученных через многих посредников от торговцев.

[4] В статье The kirgis and Prester John (The Journal of the Royal Asiatic Society of Gr. Britain and Ireland, 1889, v. XXI). Эта статья принадлежит к серии исследований, помещавшихся в том же журнале под общим заглавием The Northern Frontagers of China. Им же издана многотомная History of the Mongols from the 9th to the 19th century: Part I, The Mongols propers and the Kalmaks, London, 1876, Part II (в двух томах). The so-called Turtors of Russia and Central Asia, 1820. Part III. The Mongols of Persia, 1888.

лагает, что кыргызы, после разгрома уйгуров в 839-844 гг., не только заняли их земли, не исключая Бэйтина и Аньси, но и удержали их за собою. Писатель этот думает, что в эпоху Чингиз-хана и позднее кыргызы являются под именем кераитов, которые есть не что иное, как испорченное слово кыргыз; до XII столетия не было различия между киргиз-казаками и кыргызами, а были просто киргизы; после эпохи монгольских завоеваний оставшиеся свободными и независимыми сохранили свое старое имя кыргызов, подвластные же Чингизидам приобрели более мягкий язык и менее грубые нравы и свое имя кыргыз переменили на имя казак. Первобытные земли кыргызов суть земли, занимаемые ныне Средней ордой киргиз-казаков. Черные кыргызы переселились в ныне занимаемые места, по-видимому, не ранее XVI столетия, но их первоначальное место обитания, их отечество, есть страна около Зайсан-нора и верхнего Иртыша, страна, служившая жилищем киреев.

Прежде всего трудно допустить, чтобы в устах тюркских племен образованное из тюркских слов (кырк-кыз, по занесенному в «Юань-ши» объяснению[1]) имя кыргыз

[1] Шотт, s. 432: 40 девиц из Китая соединились с 40 мужчинами из народа Ус (U-sze), откуда и пошли *кыргызы*.
У Риттера (том III русского перевода, стр. 545) читаем: «Владычество хакасов, и на этот раз, как кажется, было кратковременно: их кахан вскоре предпочел новой своей резиденции на Орхоне прежнюю на верхнем Енисее и возвратился в 970 г. в свое стойбище на Кеме». Это перевод Клапрота (Tableaux histor., p. 174), но у последнего, во-первых, нет фразы «и на этот раз» (в самом деле, мы не имеем никаких сведений о том, чтобы кагасы когда-либо другой раз уходили с Енисея и возвращались назад), и, во-вторых, у Клапрота стоит не 970 год, а 670. Риттер, вероятно, счел 670 г. за опечатку, но едва ли он ошибся. Скорее надо думать, что Клапрот относительно даты предполагаемого им («кажется») возвращения хана (khan) хакасов впал в какое-нибудь недоразумение. Невероятно во всяком случае, чтобы Клапрот относил это возвращение к 970 году, когда по его же сведениям (p. 89) вся Монголия, стало быть и земли по Орхону, были уже за полстолетия до 970 г. завоеваны киданями: Арао ки «с удивительною быстротою распространил свои завоевания на восток до моря и на запад до Кашгара и гор Цунлин. На север его империя касалась Байкала, а на юг обнимала северо-восток Китая» ... Ошибался также Клапрот относительно резиденции ажо на берегах Орхона: резиденция эта находилась не на Орхоне, а «в 15 днях конного пути конной езды от прежнего ойхорского стойбища», т.е. от Орхона. В.В.Радлов, который в Aus Sibirien (I, s. 141), следуя, вероятно, Риттеру, говорит, что Хакасы перенесли назад на Кем ханскую резиденцию в 970 г., в V части «Образцов народной литературы северных тюркских племен» (Спб., 1885 г., Предисловие, стр. V) пишет следующее: «Каракиргизы, живущие ныне в Тяньшане, происходят от той части хакасов, которая в X веке покинула прибрежья Енисея и восточный Алтай и направилась к юго-западу; поэтому мы имеем основание думать, что склонность к эпической поэзии была уже свойственна древним хакасам и сохранилась до настоящего времени у всех их потомков (минусинских татар и каракиргизов) в одинаковой силе, хотя и эти два племени уже более девяти столетий совершенно отдельны друг от друга». В своих Observations sur les Kirgis, Journal asiatique, 1863, t. II, 6 serie, p. 317, приведя по Риттеру краткие сведения о хакасах и упомянув о нахождении кыргызов в Тяньшане уже в 1259 г. (по китайской реляции о походе Гулагу; но в переводе Абеля Ремюза, который имел в виду Риттер, обнаружены, как увидим в восьмой главе настоящего труда, г. Бретшнейдером важные неверности, относящиеся, между прочим, и к упоминанию о кыргызах, так что отчет о поездке китайского курьера к Гулагу оказался не свидетельствующим о нахождении кыргызов в Тяньшане), В.В.Радлов говорит: «Когда енисейские кыргызы (хакасы) были в X веке отброшены на север, то половина бежала на запад до гор тяньшанских, и от них-то происходят нынешние черные кыргызы. Вернувшиеся же в X веке на Енисей (кыргызы) смешались со смежными народами, с телеутами Алтая и с сойотами, и распространились в степи верхнего Иртыша». Но такой переход части хакасов в Тяньшань в X веке не подтверждается никакими историческими данными и невероятен, потому уже, что подобного переселения не допустили бы занимавшие восточный и средний Тяньшань враждебные хакасам уйгурские племена, не говоря уже о тогдашних властителях западного Тяньшаня, могущественных в то время карлыках. Не может быть также признано основательным предположение Чокана Валиханова («Очерки Джунгарии» в «Записках р. геогр. общества», 1861 г., кн. 2, стр. 46), который полагал, что кыргызы распространились «до нынешних их кочевок в самые древние времена, ибо в маршруте Гулагу 1253 г. встречаются киргизы (килики-цзы) на Тяньшане, и перекочевки их от Тяньшаня до Хангая и обратно продолжались и все последующие времена, что подтверждается и народными преданиями. Такие перекочевки остановились только тогда, когда

могло, неведомо почему, обратиться в не имеющее ныне смысла слово кирей, когда даже у монголов это имя переиначено только в киргит или кергут, т.е. потерпело изменения, требуемые в монгольском языке для образования множественного числа. У Дегиня, под 842 г., действительно, между прочим, читаем: Oye-khan... s'approcha de la Chine et se randet maitre d'une gronde partie des pays qui etaient soumis aux Hoei-ne. II possadait d'ailleurs Gan-si, Pe-thing et le pays des Ta-ta. Далее рассказывается, что ажо желал заключить союз с Китаем и отправил для того ко двору послов с двумя прекрасными лошадьми и что император Ву-чжун хотел воспользоваться этим случаем для возвращения в китайскую власть Аньси и Бэйтина, но министры представили, что обладание этими землями было бы сопряжено для империи с большими затруднениями, а потому эта мысль была оставлена[1]. У Mailla ничего не говорится о завладении кыргызами Аньси и Бэйтином; по этому автору, император, в 843 году, только намеревался сделать у прибывшего ко двору кагаского посла расспросы об Ань-си и Бэйтине, но министр Литейлу доложил, что Аньси лежит далее 7 т. ли от китайской столицы, а Бэй-тин далее 5 т. ли, что для сохранения их в китайской власти необходимо будет содержать более 10 т. человек гарнизона, которому очень трудно будет доставлять, неизвестно притом какими путями, провиант, и что, по его мнению, следовало бы воздержаться от подобных приобретений, доставляющих государству пустую славу и стоящих очень дорого. Император с этим мнением согласился[2]. Значит, в обоих источниках говорится об оставленном без исполнения предположения о возвращении в китайскую власть Аньси и Бэй-тэна, но о нахождении их во власти хагасов сообщает один Дегинь. Надо думать, что в этом случае Дегинь высказал собственное ошибочное предположение, а не передал китайское известие. Сам же Дегинь, под 848-856 гг., говорит, что «Long-te-le (это Пан-дэлэ), глава нескольких орд хой-ху, которые пребывали долгое время в окрестностях Аньси, объявил себя ханом и стал обитать на западе от Гань-чжеу и Ша-чжеу. Под его властью находились все города, которые расположены на западе от пустыни»[3], т.е. между прочим Бйтином и Аньси. Ясно: если города эти находились во власти Пан-дэлэ, то они не могли в то же почти время быть во владении кыргызов.

Засим предположения Howorth'a о том, что общей родиной кыргызов и киргиз-казаков была страна Черного Иртыша и Зайсан-нора и что киргиз-казаки происходят от

между Алтаем и Тяньшанем образовалось сильное владение ойратов или джунгаров». По народным преданиям кыргызов, как увидим ниже, в главе десятой, они пришли из Ферганы и сам Валиханов был знаком с этими преданиями, относящимися к событиям XVIII века, потому что говорит (стр. 45), что «киргизы считают своею первой родиной андижанские горы». Преданий о скитаниях кыргызов от Тяньшаня до Хангая Валиханов не приводит и едва ли они на самом деле когда-либо существовали: вероятно, он имеет в виду указания на эти предания в эпизодах кыргызской поэмы «Манас», относящихся к поминкам по Кукетай-хане, для которых сын его «перекочевал из окрестностей Иссык-Куля на Черный Иртыш, на Алтай и Хинган» (стр. 53). Но поэмы кыргызов столь чужды действительных исторических событий, что не могут служить самостоятельным и притом единственным основанием и для установления каких-либо положительных исторических событий и данных.

[1] Historie generale des Huns etc., tome premier, seconde pertie, Paris, 1776, p. 504. Клапрот (Tabl. Histor., p. 143) повторяет, думаю, буквально Дегиня: « В следующем году Оже приблизился к Китаю и овладел Аньси (Куча) и Бэйтинем (Урумчи) и страною татар».

[2] Histoire generale de la Chine, vol. VI, p. 484.

[3] Histoire generale des Huns etc., t. II, p. 27.

кыргызов, суть гипотезы, не имеющие никаких серьезных оснований. Мы увидим ниже (см. главы девятую и десятую), что киргиз-казачий союз или народ образовался не из одних киреев, а из многих тюркских племен уйгурской и западной групп. Черный Иртыш и Зайсан-нор, после карлыков и найманов, служили местом кочевок киреев и заняты частью родов тех же киреев и в настоящее время, но кыргызы никогда в этих местах не обитали. XII век Howorth указывает не потому, что к этому времени относится какое-либо свидетельство об отделении киргиз-казаков от кыргызов, а потому только, что в некоторых рассказах о приключениях основателя государства кара-киданей упоминается о том, что гурхан добирался (в конце первой четверти XII столетия) до земель кыргызов, но должен был удалиться, потому что кыргызы отнеслись к нему недружелюбно: рассказы эти, однако, нисколько не подкрепляют гипотез автора «Истории монголов». Наконец, дату переселения кыргызов в западный Тяньшань «не ранее XVI века» дает он только потому, что известия «Тарихи-Рашиди» о кыргызах между Кашгаром и Чуйской долиной, на Кочкаре и Иссык-Куле, не дозволяют перемещать кыргызов в Тяньшань позднее. По всему этому несостоятельность гипотез Howorth'a, истекших из неосновательного производства имени кирей от имени кыргыз, мне кажется очевидною.

Сопоставляя китайские, монгольские и мусульманские известия о покорении киргизов монголами[1], можно заключить, что после подчинения киреитов и сокрушения

[1] По «Юань-чао-ми-ши» (перевод арх. Палладия в «Трудах членов российской духовной миссии в Пекине», том 1, Спб., 1866 года, стр. 131 и 132), Чингиз-хан, в год зайца (1207), послал старшего своего сына Чжучи с ратью правой руки воевать народы, живущие в лесах. Кутуга-беги, рода ойра (ойрат), поддался первый и повел монгольское войско против вань-ойра (десятитысячных ойратов). Когда Джучи дошел до места Шихшит (видимо, река Шишкит), то ойраты, тубасы (туба, урянхаи) и все другие роды покорились ему. По прибытии к местопребыванию родов вань-кэргисы (десятитысячные киргизы), правитель их Еди-инал с другими тоже покорился и явился к Джучи. Джучи овладел всеми народами, обитавшими в лесах от рода шибир на юг. Эти завоеванные народы были затем подарены ему Чингиз-ханом. Эти известия арх. Палладий дополнил пояснением из «Цзинь-щи-да-дянь», что от ойра до кэргисы было пять переездов (там же, стр. 234). По «Юань-ши», Тутуха, с войском, с реки Кянь, шел несколько дней до килигисы и овладел всеми родами их. Покоренные Чжучием народы, по «Вань-гуай-дай» (сократитель «Юань-чао-ми-ши») были: шибир, кэсыдиин, бачи, тухэсы, тяньле, тоелесы, тасы и бачжиги (там же, стр. 235). В «Описании личных походов Чингиза», составленном во время династии Юань (перевод арх. Палладия в «Восточном сборнике», т. I, Спб., 1877 года, стр. 180 и 191) рассказывается: в 1207 г. «Чингиз послал Аньданя и Буула к роду килигисы. Главы их Инань и Атэтила, оба вместе с нашими посланцами, пришли и поднесли белого сокола». Под 1218 годом: «Прежде род тума возмутился. Чингис послал собрать войска у кир (т.е. у киргизов); кир не послушались и тоже отложились. Почему Чингис велел (Чжу- чи) идти и усмирить их, а Бухуа быть в авангарде; они преследовали кирсы до реки Кянь и вниз по ней, покорил кэргисы, ханьхасы, теляньу, кешидими, хоинь и иргань роды» - По Рашид-эддину, «Кыргыз и Кем-Кемджиют суть две страны, одна с другой соединенные, и каждая составляет область. Кем-Кемджиют есть большая река. С одной стороны та страна имеет Монголию, одна граница по реке Селенге, где обитали племена таджиют; одна сторона к большой реке, называемой Ангора-мурен, к пределам страны Ибирь - Сибирь, и одна сторона к местам и горам, где обитали племена найман. Племена хори, баргут, тумэт, байлук, которые суть некоторые монгольские племена и которые обитали в Баргуджин-тукуме, также близки к этой стране. В этой стране много городов и селений. Много и степняков. Название государей их есть Инал, хотя они имеют другое имя. Что есть почтенного и славного из той страны, род того носит имя Еди, а государь там был... (в рукописях пропуск). Имя другой страны было Еди-урун, а государя там звали - называли Урус-инал. Чингиз-хан в год, который есть год зайца и соответствует 603 году, отправил к этим двум государям послами Албана и Тугра и приглашал покориться. Они послали с изъявлением покорности трех беков из своих, по имени Урук-иджу, Илик-Тимур и Айкарак. После двенадцати лет, в год барана, когда один тумэт, который занимал Баргуджин-тумук, и байлук восстали, по той причине, что они близки были к киргизам, покорили их. Потребовали (монголы от киргизов) войска: они не дали и возмутились. Чингиз-хан послал в их сторону сына своего Джучи-хана с войском. Вождь их, по имени Буга, пошел в авангарде и обратил в

двух найманских ханств, Чингиз-хан, около 1207 года, отправил к киргизам двух посланцев с требованием покорности. Киргизы, делившиеся в это время на два улуса, подчинились и оба князя их явились к нему лично, представив в дар двух белых кречетов. Около 1218 года, когда возмутились туметы и байлуки (из лесных народов) и киргизы не исполнили приказания выслать против них войско, Чингиз-хан послал для усмирения старшего своего сына Джучи. По приближении Джучи к стране народов, «живших в лесах», т.е. к верховьям р. Селенги, к нему явился с покорностью Кутугабеги, глава одного из отделов ойратов, и повел монголов далее. Когда Джучи дошел до Шишкита, то остальные ойраты, туба и другие местные роды покорились. Проходя затем вниз по Кему, Джучи покорил киргизов и их данников (кыштымов - кешидими, кэсыдиин) и другие окрестные народцы, из которых названы: теленгуты (тэлану), телесы (тоелесы), иргыты (иргань), байджигиты (баджиги), хойты (хоинь), бачи, тухэсы, тасы, ханьхасы, шибир. Можно думать, что Джучи проникал до Абакана, спустившись вниз по Енисею через Саян по льду Енисея, но наши источники прямо этого не говорят, упоминая о переходе рек по льду, о чем, казалось бы, излишне говорить при описании зимнего похода в северных странах. По поводу деления киргизов на два отдела и имени еди, которое было родовым и входило в состав названия страны, т.е. отдела, можно думать, что Рашид-эддин имеет в виду два главных отдела или рода киргизов, которые, значит, существовали в XIII веке, как оказывались они налицо и в XVII столетии, именно джеты-сары и алты-сары[1].

По содержавшемуся в «Юань-щи» (история монгольской династии) описанию, относящемуся ко времени царствования Кубилай-хана (конец XIII в.) страна Ki-li-ki- sze была прежде местопребыванием племени найман; она простирается на 1400 ли в длину и на половину в ширину», Кянь течет через нее посередине, а потом на «северо-запад», на юго-западе река A-pu (Абакан), на северо-востоке (следовало сказать «на северо-западе») река Юс (Ju-sze). Население состоит из 9 т. семейств. Округ Ус (U-sze) получил свое название от реки; жители его обитают на восток от кыргызов и на север от Кяна (Khjun). Другой округ - Hon-ho-na (мешок с узким отверстием) называется так от конфигурации местности. Он лежит на восток от Уса и река Кем берет здесь свое начало; сообщение производится только через два горных прохода. Город Кем-чжеу лежит к юго-востоку от кыргызской земли, на запад от Кема и на север от гор Танну (Thang-lu ling); жители, несколько тысяч семейств, суть монголы, уйгуры и небольшое число переселенных сюда китайцев, которые занимаются разными ремеслами; земля

бегство кыргызов и от восьмой реки возвратился. Когда Джучи-хан прибыл, река Кем-Кемджиют была покрыта льдом; он перешел по льду, покорил и подчинил их и возвратился» («О турецких и монгольских племенах», перевод И.Н.Березина, в «Трудах восточного отделения» и. р. археологического общества», часть 5, 1858 года, стр. 130 и 131). В других местах Рашид-эддин относит поход Джучи к 614 году гиджры («История Чингиз-хана» в тех же «Трудах», том 15, 1888 года, стр. 9 и 115) и говорит: «В то время, как киргизы, покорясь, восстали, Чингиз-хан послал сына своего Джучи-хана, который прошел по льду замерзшей реки Селенги и других ставших рек, овладел Киргизией и на обратном пути взял и эти племена» (лесные народы: урясут, теленгут, кестеми и др.). См. там же, стр. 89 и 90.

[1] Г.Н.Потанин («Очерки северо-западной Монголии», вып. 2, 1881 г., стр. 3, примечание 19) видит в Еди-урун двойное имя из слов джеды - суслик и уруг - бурундук, так как вообще расположен предполагать происхождение родовых и племенных имен от имен животных.

здесь жирна и плодородна. Джилян-чжеу (Ji-lan сеп), - другой город, получивший название от исполинской змеи, некогда в этой местности жившей. В 1270 г. Хубилай назначил Лю Гао-ли (Liu Hou-li) правителем кыргызской земли, Ханхоны, Кем-чжеу, Джилан-чжеу и других мест; он имел пребывание в Джилян-чжеу и старался цивилизовать страну при помощи ремесленников, выписанных из Китая[1]. Рубруквис, в рассказе о своем путешествии (1253 г.), упоминает, что «на север (от места, где он нашел Менгкю-хана, т.е. от Каракорума) есть другие страны, также без городов и оседлости, где живут только бедные люди, которые питаются от стад и именуются kerkis. Есть еще там orangey или orengay (урянхаи), которые привязывают к ногам гладкие обточенные кости (us bien polis) и так скоро бегают по льду и по снегу, что ловят на бегу животных и даже птиц[2].

Осенью 1261 года Арык-буга, младший брат и соперник Хубилая, послал против него армию под начальством царевичей Чумукура и Караджара, но они были разбиты. Войска Арык-буги разбежались и сам он отступил в страну кыргызов... Его зимние кочевки находились в этой стране, а летовки в Алтайских горах. Собственные его удельные земли, принадлежавшие прежде его матери Сиюркуктени-биги (дочь кераитского Чжакембу), простирались на три дня пути... Откормив лошадей и собравшись с силами, Арык-буга пошел на Каракорум, разбил царевича Иссунгу, оставленного там Хубилаем, и возобновил войну с последним[3]. В 1277 г. царевич Тектимур, приверженец претендовавшего на престол каана царевича Ширеки (сына Менгкю-каана), будучи вместе с Ширеки разбит на берегах Орхона армией Хубилая под начальством Баяна, отступил в земли кыргызов; здесь подвергся он новому нападению войск Хубилая, не получив помощи от Ширеки, который находился на Иртыше[4].

Затем до завоевания Сибири русскими о кыргызах и их земле сведений нет. Чтобы несколько выяснить положение кыргызов за это время, надобно иметь в виду события в Монголии. После изгнания монголов из Китая (1368 г.) в Монголии начались через западные монголы, или ойраты. Эти ойраты в первой половине XV века приобрели преобладающее значение во всей Монголии и главы их лишили было чингиз-ханидов власти, но после 1456 года между ойратскими вождями возникли раздоры. Пользуясь

---

[1] Шотт, s.s. 436, 432, 453, 454, 461. В «Дай-цинь-и-тун-чжи» (Klaproth - Memoires relatifs.a l'Asie, 1.1, p.93) говорится, что на карте песчаной пустыни (Монголии?), составленной при династии Юань, в 3 т. ли к северу от Но ning (Каракорум) есть озеро A tili ly (Аджир - полагает Клапрот); в 500 ли оттуда Кянь-кань-чжеу и долины кыргызов, а тысяча ли дальше находится большое болото или озеро. Надо полагать, что тут под озером Аджир разумеется Убса-нор, которое отстоит по нынешним картам на 500 почти ли монгольских времен от нижнего течения Улу-кема, где следует искать следы Кянь-кань-чжеу; долины или равнины (plaines) кыргызов находились к северу от Саянов, а большое болото или озеро, конечно, значительно далее 1 т. ли, есть Ледовитый океан.

[2] Recucil de divers voyages curicus, faits en Tartarie, etc., par Bergeron, tome premier, Leide, 1729, p.89. По «Тан-шу» лыжи употребляли также дубо, милигэ и эчжи (ныне, по Потанину, «Очерки с.з. Монголии», вып. 2, стр. 13, эчжень-урянхаи); эти тюркско-самоедские племена описываются столь же склонными к воровству и грабежам, как потомки их урянхаи-саянцы. По переводу о. Иакинфа «Хягасы ловят их и употребляют в работу»; по Шотту, наоборот, эти разбойничьи племена «многих кыргызов делают рабами». Кажется более подходящим перевод о. Иакинфа (См. «Собрание сведений», 1, 447 и 448, и Шотта, s.s. 435, 436, 447 - 449).

[3] Histoire des Mongols par le barun D'Ohsson, tome II, La Hage et Amsterdam, 1834, p.p. 347, 348, 351.

[4] Id, p. 453.

этими междоусобиями, восточные монголы восстановили власть чингиз-ханидов и отбросили ойратов на запад. В XVI веке восточная Монголия разделилась на две главные части: Халху и южную Монголию. Первая досталась потомкам Гэрэсанцзы-хана и распалась на несколько княжеств, которые продолжали делиться на части по мере размножения княжеских родов, но продолжали дружно враждовать с ойратами, занимавшими земли в китайском Алтае и далее на юг и запад. К началу XVII столетия северо-западную окраину Халхи составляло княжество алтын-ханов, владетели которого происходили из рода цзасакту-ханов, потомков старшего сына Гэрэсанцзы. Алтын-ханы властвовали в бассейне озера Убса, а также на Кемчике и Улу-Кеме и в Саянах, где власть их признавали все урянхайцы или саянцы; последние должно быть не давали им титул алтын-ханов, который в Монголии им не присваивался. На запад от владений алтын-ханов начинались земли ойратов или калмыков, которым более или менее подчинялись алтайцы, именовавшиеся у русских белыми калмаками, в отличие от настоящих, черных калмыков, ойратов.

Конечно Миллер буквально прав, когда, на стр. 222 «Описания сибирского царства» и пр. (2-е издание, 1787 года), он говорит, что «никто никогда доказать не мог, что оной (народ, называемый пегой ордой, потому что «будто бы он телом пег») действительно где находится»: настоящих пегих людей на самом деле никогда не существовало и потому местонахождения их указать было нельзя. Однако на стр. 260 - 263 того же «Описания» помещены указы 7110 и 7118 гг., в которых название пегой орды относилось, по крайней мере частью, к остякам Нарымского края, почему Фишер утверждал, что под именем пегой орды «должно разуметь нарымских остяков»[1]. Так как по вышеприведенным данным имя пегой орды с VII века по XVIII давалось не угро-остякам, а енисейцам, то случайное присвоение этого же имени в двух упомянутых указах нарымским остякам следует объяснить каким-нибудь недоразумением, возникшим вследствие соседства и вследствие смешения нарынских угро-остяков с енисейскими остяками. Происхождение и сохранение енисейцами и их предками

[1] Memories relatifs Г Asia, t.I, 1826, pp. 127, 178.
Дегинь прочел у Матуаньлиня Но-la, но тоже думает, что это Ala (немецкого перевода Деннерта стр. 67, В. 1). У Абулгази, в статье о татарах, читаем (Histoire des Mongols et des Tatares par Oboul- Ghazi Behudour khan, pullise <...> par le born Dehmaisuns, t.II, St. Petersburg, 1874, pp. 44, 48). «Многие из их (татарских) племен имели стойбища на берегах Ангара-муран, которая, пройдя на запад страну кыргызов и приняв многие притоки, которые увеличивают ее воды, впадает в море. На устьях этой реки, на берегу моря, есть большой город, в составе которого имели стойбища богатые стадами кочевники. Лошади у них были великорослые... Все они были пестрого цвета, другого не было, недалеко от этого города, именуемого Алакчин, была серебряная руда, а потому все блюда и сосуды, которые употребляли люди этих племен, были серебряные. На эту-то страну намекают узбеки, когда говорят: «Есть страна, где все лошади пегие, а очаги золотые». По смерти Чингиз-хана страна кыргызов и все те, которые ее окружали, признали власть Тули-хана, его сына, и перешли, после него, к его детям. Суркуктай-биге, мать всех детей Тули-хана, которая занимала первое место между женами этого царевича, была наименована регентшей. Она отправила на судах отряд в тысячу человек, под начальством трех беков, которым повелела отправиться в Алакчин и ограбить город, если это возможно, иначе же доставить ей, по крайней мере, точные сведения об этой стране. После долгого отсутствия эти три бека возвратились, приведя с собою только триста человек; остальные погибли во время похода. Они обсказали регентше: все, что вы слышали об этой стране, есть чистая истина. Мы взяли там большое количество серебра, но были вынуждены его бросить, потому что суда наши, слишком нагруженные, не могли плыть по реке против течения. В этой стране смертельная жара; по этой-то причине мы и потеряли столько людей».
«Собрания сведений», 1774 года, стр. 200.

имени пестрого или пегого народа в продолжение более десяти столетий, за время которых имеем исторические свидетельства, объясняются, надо думать, всего вероятнее, краснолицестью потомков динлинов, их багровым румянцем, который выступал на щеках багровыми пятнами, делая окраску лица действительно пестрою, особенно на взгляд смуглых и желтолицых самоедов и тюрков. Такие пестрые, благодаря густым пятнам румянца, лица и теперь не редки между кара-киргизами Тяньшаня.

5. Первые столкновения киргизов с русскими. Киргизы в двоеданстве у русских и алтын-хана

Первые сведения о киргизах в Москве. Основание Томска и сношения с киргизами. Киргизские князья в Томске. Посылка к киргизам за ясаком. Отказ киргизских князей кроме Немчи от платежа ясака. Посылки к десарам, матам и туба. Неудачный томский поход и отложение енисейских и кузнецких инородцев. Нападение на Томск в 1614 году. Подчинение отложившихся. Сведения о киргизах и туба Тюменца. Переход киргизов в подданство алтын-хана. Нападения их на Кузнецкий и Томский уезды и на Красноярск. Прекращение военных действий в 1629 году. Возобновление их в 1630 г. Переход киргизов в подданство кал- маков. Подчинение киргизов в 1642 г. и договор с Кобыльским. Походы алтын-хана и его преемника на киргизов. Известия о Лоджане из монгольских источников. Сведения об алтын-ханах Ю.В. Арсеньева

Первые, вероятно, известия об енисейских киргизах доставил московскому правительству старшина или князь обитавшего на р. Томи татарского рода ешута Тоян: «Лета 7112 (1604) марта в 25 день, били челом... томские волости Тоян князь, чтоб ...ему быть под... царскою высокою рукою и велети быть в вотчине его в Томи поставить город... А до Чад де будет от того города десять дней, а до киргизского князька до Немчи семь ден, а людей у него тысяча человек, ...а до умацкого князьца до Чити дальнее кочевье четырнадцать дней, а людей у него триста человек»[1].

Точных сведений - когда именно и как начались сношения русских с енисейскими киргизами - не сохранилось. После основания Томска тамошние воеводы, в том же 1604 году, известили соседа своего воеводу Кетского острога, основанного в 1595 году, что на основании царского наказа о подчинении томскому ведомству более близких к Томску, чем к другим острогам волостей, они пошлют томских служилых людей собирать ясак на Чулыме. Кетский воевода Посник Бельской горячо протестовал, утверждая, что «Чюлымь и киргиссы преже сего ясак давали в Кетской острог»[2]. В позднейшей отписке 113 года, т.е. в 1605 году, тот же Посник Бельской уведомил, что «чюлымские и киргиские и мелеские городки и волости», подчинявшиеся прежде кунгопскому острогу, значатся в росписи ясачных волостей кетского ведомства и что отправленные им 22 сентября 1604 года сборщики взяли ясак с 41 человека чулымских людей и с 4 ч. мелеских, в остальные же чулымские городки, «в Мелессы и в Киргиссы кецкого острогу ясащики не ходили», потому что туда прежде их зашли томского города ясащики»[3]. Вероятно, кетский воевода желал только оградить свое право на

---

[1] «О пегой орде» в Москве узнали раньше, чем о киргизах, потому что уже в наказе 1594 года князю Андрею Елецкому о построении г. Тары упоминалось: «А мочно из того нового города, полем, и в пегую орду ясак посылать» («Описание сибирского царства» и пр. Миллера, Спб., 1787 г., стр. 216). Из напечатанных у Миллера указов 7110 и 7118 годов видно, что «пегою ордою» называли остяков Нарымского края (там же, стр. 260 - 263). «Описание сибирского царства» и пр., сочиненное Герардом Фридериком Миллером», книга первая, Спб., 1787 г. (второе издание), стр. 315.

[2] «Описание сибирского царства» и пр., Миллера, второе издание, 1787 года, стр. 322.

[3] Там же, стр. 323 и 324. По В.К.Андриевичу («История Сибири», часть 1, Спб., 1889 года, стр. 42), в 1605 году... с чулымских татар, с 41 ч., с мелеских, 4-х человек, и с киргизов взят был ясак и кетскими сборщиками». Такая тягота, разумеется, озлобила население и в 1605 году готовилось восстание»... Эти

предполагаемый лишь сбор ясака с киргизов, но отписка его свидетельствует, что уже в 1604 году томские служилые люди собирали ясак с соседних киргизам чулымцев и мелесцев. В июле 1605 года, тот же кетский воевода сообщил томским воеводам, что предшествующей зимою томский князец Басанда и киргизский Номча приглашали кетских ясачных людей напасть на Кетский острог в «деловую пору», т.е. летом, в то время, когда сами они будут брать Томск[1]. Чем бы ни были вызваны неприязненные намерения киргизов - требованием ли ясака с самих киргизов или сбором с подвластных им чулымцев, предполагавшееся в 1605 году нападение на Томск не состоялось и даже, между 1606 и 1608 годами, - судя по челобитной томских служилых людей Ивашки Беляева с товарищами, поданной на воевод Матвея Ржевского и Семена Бартенева и присланной для разбора новым воеводам 28 декабря 1608 года, - «в Томский город приходила из киргиз Номчина жена бити челом..., чтобы им, киргизским людям, быть под ...царскою высокою рукою, и Матвей де и Семен с Номчины жены сняли грабежом шубу соболью, и за ту же шубу киргизский князец Номча воевал... государевых ясачных людей чюлымских волостей»[2]. Обвинения со стороны Беляева с тов., жаловавшихся на старых воевод за разные личные обиды, при расследовании через новых воевод не подтверждены были томскими служилыми людьми[3], но упоминание о бытности жены Номчи едва ли было вымыслом. Вполне уже несомненно, что в начале октября 1608 года киргизские князья Номча и Кочебай находились в Томске и воеводы давали им служебные поручения, как царским подданным: 10 октября 117 года, воеводы Волынский и Новосильцев отправили к алтын-хану и в китайское государство казака Ивана Белоголовова с тов. и проводить их взялись «киргизские князцы Номча да Кочебай»; князья эти приведены были «к шерте..., а в их место заклады оставили Номчину жену да Кочебаева сына. Велели...

утверждения далеко не согласны с источниками, из которых совсем не видно, чтобы ясак взят был с чулымских и мелеских людей и с киргизов вдвойне, а с киргизов даже и в ординарном размере. У г. Андриевича, который не пользовался весьма многими из напечатанных сибирских актов, есть кое-какие отрывочные сведения об енисейских киргизах, но сколько-нибудь основательно ознакомиться даже только с столкновениями их с русскими по «Истории Сибири» невозможно, потому что большая часть необходимых сведений по этому предмету, содержащихся именно в оставшихся ему неизвестными источниках, в труде г. Андриевича отсутствует, и, кроме того, значительная часть фактов изложена у него не согласно с источниками и ошибочно. Для примера укажу на следующее: «В 1604 году жестокости и грабежи томских письменных голов Ржевского и Бартенева вызвали поголовное восстание татар Томского уезда» (стр. 198); между тем на стр. 42 значится, что «ясачные города Томска разбежались» в 1606 году, «потому что новые воеводы Матвей Ржевский и Семен Бартенев, направляясь в Томск, стали собирать по Оби, от Усть-Иртыша, поминки» и т.д. Действительно, Ржевский и Бартенев ехали на воеводство, по источнику г. Андриевича, только в 1606 (114) году (Миллер, стр. 326), так что грабежи их не могли иметь места в 1604 году. На стр. 43 автор мог, пожалуй, на основании челобитной Ивашки Беляева, утверждать, что Номча «сжег и разграбил чулымские улусы», но не добавлять «и откочевал в степи», потому что такого сведения в его источниках нет, если же это его собственное предположение, то должен был это пояснить. На стр. 199 г. Андриевич приписывает отнятие у Номчиной жены шубы воеводам Волынскому и Новосильцеву, в 1616 году, тогда как по его источнику сделали это Ржевский и Бартенев, как и говорит это сам на стр. 43. На стр. 200 говорится о «новом общем бунте киргиз и татар Томского ведомства» в 1616 году, тогда как в источниках к этому нет никаких оснований. Ограбление Ачинской волости относится на стр. 46 к 1616 году, а на стр. 200 к 1611 г., тогда как источники на самом деле относят нападение на Ячинскую волость к 1610 году. Ввиду всего этого дальнейшие ссылки на «Историю Сибири» представляются излишними.

[1] «Русская историческая библиотека», Спб., 1875 года, том 2, стр. 162 и 163.

[2] «Описание сиб. царства», стр. 326 и 327.

[3] «Русская историческая библиотека», том 2, стр. 181-188.

Номчею итить к алтыну царю и в китайское государство, а велели... приводить под... царскую высокую руку киргизских князей Нояна, да Кашку, да Обрая..., и ясак бы готовил к зиме, как будут твои государевы люди из томского городу для ...ясаку к ним. И марта в 18 день (1609 года) пришли... Белоголовое (с тов.) и сказали, что их к алтыну-царю и в китайское государство Номча не повел..., (потому) что калмыки черные алтына-царя воюют... и ясачные люди алтыновы от алтына-царя отступили и с ним воюютца»[1].

Предположение томских воевод о посылке к киргизам за ясаком зимою было ими выполнено, Отправлен был 4 января 1609 года томский казак Бурнаш Никонов с тов. Посланные возвратились 8 июня того же года и обсказали, что «киргизский князек Номча ясак с себя и с людей своих дал, и прислал за (с?) ясаком жену свою, а в достальном ясаку просил срока и хотел сам быть; а Кочебай, и Ноял (Ноян) и Кокшай ясаку не дали, а их (Бурнаша с тов.) били плетьми и голодом морили. А Номчина жена сказала (воеводам?), что Кочебай с товарищи государю не премят, и мужа ея Номчи не слушают»[2]. Являлись, вероятно, далеко ранее возвращения Бурнаша, к томским воеводам «чюлымских волостей князьки и ясачные люди и били челом, что приходили к ним на Чюлымь оне ж киргизские князьки Кочебай с товарыщи войною, и их грабили, мяхкую рухлядь имали, и им от них чинитца насильство великое, чтобы их от киргизских людей насильства оборонить»[3].

Из изложенных отрывочных известий можно сделать то общее заключение, что ввиду угрожавшего киргизам и подвластным им родам движения русских завоевателей Сибири к востоку и построения Томска, киргизский князь Номча, земли которого, как видно из сведений Тояна, находились близко к Томску, думал в 1605 году остановить распространение русской власти нападением на Томск и на Кетский острог, но, вероятно, сведения о непобедимости русских, обладающих «огненным боем», против которого не могли устоять все силы царя Кучума, побудили Номчу не только отказаться от нападения, а даже, для ближайшего, быть может, ознакомления с невиданными пришельцами, послать, около 1607 года, в Томск свою жену[4]; потом, в 1608 году, явился он и сам с князем Кочебаем в тот же Томск. Здесь они, конечно, видели вооружение русских и не могли не заметить их малочисленности. По-видимому, Номча остался при убеждении о трудности или невозможности сопротивления русским и потому по прибытии сборщиков ясака Бурнаша с тов. внес им часть ясака, остальной же обещал доставить потом. Напротив Кочебай и все остальные киргизские князья

[1] «Русская историческая библиотека», т. 2, стр. 188-191.
[2] «Описание сибирского царства» и пр., стр. 357 и 358.
[3] Там же, стр. 358.
[4] По В.В.Радлову, Номча был в 1607 году разбит и вынужден к признанию русской власти, с обязательством платежа ясака (Aus Sibiria, B. I, s. 182). У него же говорится, что в 1609 году были убиты посланные для сбора ясака русские (там же). Этих сведений у Фишера, который вообще служил для г. Радлова источником, я не нашел. У Миллера, в «Хронологической росписи», значится, что «киргизы поддались русской державе и паки отпали в 1606 году», вероятно, единственно на основании челобитной Ивашки Беляева, но в ней 114 (1606) год указан по другому случаю и даты приезда жены Номчи в Томск нет.

решились бороться с русскими, пренебрежительно обошлись со сборщиками и для прекращения распространения власти русских на соседние племена, напали на чулымцев, начавших платить ясак.

Между тем, еще до посылки Бурнаша, заботясь об увеличении поступления ясака, томские воеводы 8 ноября 1608 года отправили к Енисею три партии, из которых каждая состояла из двух служилых людей и толмача.

Посланная «в новую землю на Енисей в десары, к князьку Немеце, есарских людей приводить» под царскую руку, партия возвратилась 13 февраля и объявила воеводам, что в десарах была», есаку, государь, оне с себя дали 66 соболей, а иных де, государь, десарсково князька лутчих ево людей звали с собою в Томской город... и оне... хотели быть в Томской летом, ...а до твоих государевых людей ясак с них взяли брацкие люди»[1].

Другая партия, посылавшаяся «в маты», вернулась 29 февраля 1609 года. Посланные привели в подданство князьков «Четея, да Олгана, да Тумея», которые обещали привезти ясак сами осенью; «их алтын-царь воевал и многих людей их поймал в заклады и их у себя держит, а иных де, государь, побил, а иных (оных?) де, государь, матцких людей человек шесть есть, а платили ясак преже сево алтыну-царю, а нынеча де, государь, оне от алтына-царя отступили, а хотят служить тебе, государю, и кочевать с киргисскими людьми вместе, ближе к Томскому городу»[2].

Два козака с толмачом, посылавшиеся «в маторцы да в тубу», возвратившись 10 марта, сказали, что привели в подданство «маторского князька Колика да тубинского князька Нобдая» и их людей; ясаку маторские люди дали с себя 35 соболей, а тубинские 25 соболей; «до твоих государевых людей ясак с них взяли... черные калмыки». «Моторцев де, государь, всех людей человек с триста да в тубе де, государь, человек со сто»[3].

Донося впоследствии о непоступившем за 1610 год ясаке, томские воеводы писали, что «новые волости досары да матарцы да туба» не уплатили ясаку потому, что «приходу не было в те волости де киргис, что те волости живут позади киргис, а мимо, государь, киргис в те волости приходу нет»[4]. По другому донесению, «новые волости матцкая и кимская и алтерские волости, а живут около киргис близко, и оне тобе, государь, изменили, сложились с киргисцы за одно и твоего государева ясаку на нынешний на 118 год не дали»[5].

Имеющиеся в приведенных актах указания дают основание полагать, что матцкие люди с князем Четеем второй партии суть те умацкие люди князьца Чити, о которых

[1] «Описание сибирского царства» и пр. стр. 356 и 357.
[2] «Описание сибирского царства» и пр. Миллера, стр. 354 и 355.
[3] Там же, стр. 355 и 356.
[4] Там же, стр. 357.
[5] Там же.

сообщал в Москве Тоян. Матарцы или маторцы должны быть частью того же тюрко-самоедского рода мат или матор, как и матцкие или умацкие люди, и принадлежали к нынешнему племени саянцев или урянхайцев, в среде которого и теперь сохранился этот род, уже не существующий на северном склоне Саянского хребта. Две особых «земли» оказалось потому, что одна часть рода обитала в то время на левом берегу Енисея и платила дань зюнгарам, а другая - на правом берегу и платила ясак алтын-хану. Туба могут быть и тубинским улусом киргизов, который ниже будет упоминаться, и одним из тюрко-самоедских родов, который сказался служилым людям своим племенным названием тува или туба, а не родовым. Кочевали эти туба, судя по данничеству калмыкам, на левой стороне Енисея, а не на правой, где на нижней Тубе оказывается впоследствии тубинский род киргизов.

Десары, тут же есары, есть, несомненно, тот же род или отдел киргизов, который назывался еще исарским и джесарским; все эти имена кажутся сокращениями и разными произношениями имени джеты или джиты-сары, т.е. семь желтых или рыжих. Отправление партии к десарам «за Енисей» представляется недоразумением или ошибкой, потому что джеты-саринцы впоследствии всегда кажутся кочующими на левой стороне Енисея. Посланцы к алтын-хану Василий Тюменец и Иван Петров в 1616 году нашли киргиз с князем Немеком[1] (конечно, то же, что Немеца) на Енисее: «А ис Томсково де города, едучи до киргиз, первая река Ея, да река Кея, да река Урюпа, да река Июс, да река Енисея. А от киргиз, к золотому царю едучи, река Аскизс, да река Абакан, да река Частые броды»[2] и т.д. Странно указание на прежний платеж десарами дани «брацким» людям или бурятам: не отнесено ли это известие к десарам ошибочно вместо какого-нибудь рода киргизских кыштымов правой стороны Енисея?

Волость Кимская, иначе Кинская, обитавшая «близко к Енисею», состояла всего из 20 ясачных[3], не представляет большого интереса и была, вероятно, небольшим тюрко-енисейским или тюрко-самоедским родом[4].

Что касается, наконец, алтерских волостей, то это может быть алтырский род или улус киргизов. Упоминания алтырских киргиз и князей столь редки в актах, что можно считать это одною из форм имени одного из главных отделов киргиз алты-саринского или алты-сарского, от алты-сары, т.е. шесть желтых, аналогично джеты-сары. Алты-саринцы кочевали всегда на левых притоках Абакана.

Томские воеводы считали себе подчиненными всех киргиз, а потому в донесениях их о посылках за ясаком и о неуплате ясака должны бы встречаться имена всех или по

[1] Расспросные речи Тюменца и Петрова в изложении Ю.А.Арсеньева («Записки р. географического общества, по отделению этнографии», т. X, вып. I, стр. 9 и 10), по документу Московского главного архива Министерства иностранных дел.
[2] Фишер «Сибирская история», Спб., 1774 года, стр. 284.
[3] «Описание сиб. царства» и пр., стр. 353 и 354.
[4] По «книге приходной ...поминком и ясаку Томского города» на 720 (1692) год («Томские губернские ведомости» 1864 года, № 14), волости кимская байгалова, в которой числилось на окладе 5 человек, и керексуская, с 2 окладными людьми, сдавали ясак в Мелесский острог, стало быть, находились около р. Чулыма.

крайней мере главных киргизских родов. Так, кажется, это и есть, потому что в этих донесениях значатся джеты-саринцы и алты-саринцы. Весьма затруднителен для разрешения, по темноте и скудости наших источников, неизбежный между тем вопрос: одно ли и то же лицо Номча или Номза, князь киргизский, а Немеца (Немек), князец десаров? Имена так близки, что вероятнее утвердительный ответ. Хотя нахождение десаров вместе с матарцами и тубой «позади киргис» дает повод заключать, что воеводы не считали десаров киргизами, но можно относить приводимое выражение только к матарцам и туба. Не кажется далее невероятным, что посланные для розыскания новых землиц два стрельца с толмачом попали к киргизам Номчи, родовое имя которых оказалось джеты-сары, а имя князя Немек, и потребовали с них ясак, которого часть в количестве 66 соболей и получили; самого Немецы - Номчи как будто не было в улусе, потому что стрельцы звали с собою в Томск «лутчих ево людей»; сам Номча-Немеца мог находиться в это время в поездке с Белоголовым с тов. После стрельцов, выбравшись от недружелюбно с ними обошедшихся Кочебая с тов., мог прибыть к тем же киргизам-десарам и к возвратившемуся уже Номче-Немеку Бурнаш с тов. и снова требовать ясак, получить еще несколько соболей и увезти с собою жену Немека, для заявления самим воеводам, что остальной ясак будет доставлен позднее.

Отказ Кочебая и других князей кроме Номчи или Немека в покорности и нападение их на чулымцев побудили томских воевод, после возвращения Бурнаша, отправить 25 июня 1609 года «в киргизы войною томских служилых людей и татар человек с триста», тогда как «киргизских служилых людей», полагали они, «немного, человек с полтораста». И июля в 4 день томские служилые люди и татары из киргис пришли и сказали, что в киргизы пришли на киргизских людей ночью, и они (киргизы) от них (томских служилых людей) побежали за Енисею (т.е., вероятно, по направлению к Енисею), а живот свой весь пометали, а которые остались, и они (служилые люди) их побили, а жены их и дети, и весь живот поимали, и стада всякие животины отогнали тысячи с три. И как они с полоном и с животом из киргиз пошли, а киргизские люди, собрався на дороге, пришли на них из лесу, безвестно, многие, и оне (томские ратные люди) от них побежали, и киргизские люди в погоне томских служилых людей и татар побили и переранили человек с двадцать и больше, и живот свой поймали»[1].

Итак, первый русский воинский поход на киргиз был весьма неудачен. Конечно, после этой неудачи все смежные с киргизами племена и роды отказались от поддан-ства русским и примкнули к киргизам. Не мог больше отделяться от прочих князей и Номча: 22 октября 1610 года «чулымских волостей ячинской (есть и теперь род ачин между «оседлыми инородцами») волости князец Куземыш» бил челом, что на его волость «киргизские люди Номчин сын Ишей» приходили, воевали и увели в плен пять человек с женами, детьми и имуществом[2]. Номча или Немек правильно угадывал силу

[1] «Описание сибирского царства» и пр., стр. 358. Миллер замечает, что невозможно дойти до Енисея и возвратиться в Томск в такое короткое время, как в 10 дней между 25 июня и 4 июля. Надо, мне кажется, предположить ошибочность даты выхода отряда из Томска или скорее даты возвращения.
[2] Там же, стр. 361.

русских и невозможность для небольшого киргизского народа побороть их, но Кочебай и другие князья вернее сознавали неизбежность борьбы. Властвуя в течение по крайней мере двух тысячелетий над соседними лесами и звероловческими народами и нуждаясь в пушнине и железных орудиях и предметах, которые взимали в качестве дани, киргизы только в крайности могли соглашаться платить ясак, но с тем, чтобы их кыштымы, от которых они получали требуемую в ясак пушнину, оставались в прежних к ним отношениях. Между тем московское правительство со своей стороны не могло допускать, чтобы ясачные люди кроме ясака в государеву казну платили еще дань другим его подданным. Невозможность коренного изменения политических и экономических основ быта киргизов, сложившегося тысячелетиями, естественно, повела к продолжавшейся почти столетие упорной борьбе их с русскими, во время которой, по недостаточности собственных сил, киргизы искали помощи сначала у алтын-хана, а потом у цзунгаров.

Киргизы не спешили пользоваться своим успехом и предприняли поход на Томск лишь в 1614 году: в «122 году июля в 8 день приходили, - по словам челобитной от всех томских служилых людей, - под Томский город войною... киргизские и ясачные люди и служивые татаровя багасарские (ныне у кызылов есть багасар) и кызыльские, и чюлымские, и мелеские, и керексусы, и кузнецкие люди войною и отбили у нас ... лошадей и коров, и многих служивых людей козаков побили и твой государев хлеб и козачий на елане выжгли и вытоптали». В это же нашествие киргизы «высекли» присланных в 115 (1607) году из Москвы в Томск «пашенных крестьян 100 человек», почему «пашни пахати некому», а «нас в Томском городе служилых людей немного, всего 234 человека»[1].

Однако Томск устоял, и киргизы отражены, потеряв в числе убитых князя Нояна[2]. Воеводы, не унывая, начали вскоре посылать служилых людей для возвращения отпавших. Сначала побиты были и подчинились «кузнецкие люди». Потом посылались служилые люди на чулымских и на мелесских людей и керексусов, привели их к шерти, взяли ясак и «заклады» в Томск[3]. В 123 (1615) году, - по словам челобитной томского козака Федора Дока, - посылали его воеводы с другим казаком и с толмачом «в киргизскую землю, ко всем киргизским князькам, после войны (после нашествия 1614 года?), и мы ... тех киргиских князьков ... привели к шерти и ... ясаку с киргиских князьков взяли 92 соболя да с киргиских людей ... взяли 31 соболь и тот твой государев ясак и заклады в Томский город ... привели»[4]. Но, видимо, подчинилась только малая часть киргизов (а быть может, у Дока поставлен 123 год ошибочно вместо 124, и в таком случае посылка его состоялась после нижеупоминаемого похода), потому что 30 сентября 124 (1615) года отправлены были ратные люди «на киргиских и на богасарских, и на кызыльских людей войною» и привели «к шерте, и теперева,

[1] «Описание сиб. царства», стр. 362, 364 и 365.
[2] Там же, стр. 366.
[3] Id., стр. 363.
[4] То же, стр. 342 и 343.

государь, киргизские и богасарские и кызыловы люди тебе, государь, служат и прямят, и ясак с себя платят, и жен и детей в полон поймали, и заклады у них поймали, в город привели, и де алтына... царя мы, холопи твои, дорогу очистили, и в иные земли»[1]. Одна челобитная дополняет эти сведения о походе 1615 года: « киргизских людей, и калмыских, и бугасарских три городка высекли, жены и детей в полон поймали»[2]. Городками тут, как и в одном приведенном выше известии, названы, можно думать, не какие-либо укрепления, а просто кучки инородческих юрт.

Однако и затем киргизы не все еще поддались и платили ясак, если верить «расспросным речам» ездивших в 1616 году к алтын-хану атамана Василия Тюменца и десятника Ивана Петрова, по которым киргизский князь Немек приведен в подданство ими, в 1616 году. Эти посланцы из Томска следовали через земли киргизов, вытребовав для безопасности аманатов, которых отправили в Томск. Начальный киргизский князь Немек принял их дружественно и согласился вступить в русское подданство со своими улусниками; при этом киргизами исполнялись особые обряды шерти или клятвы: рассекая пополам собаку, они проходили через нее; кроме того, ели с клятвою хлеб, воткнутый на острие ножа. «Страна их кочевная, живут здесь в избах полстяных, а ходят в шубах и зипунах. А едят рыбу и зверя бьют. А бой у кыргыз лучной. Лошадей и коров много, а хлеба они не сеют». Из киргизской земли казаки перешли в земли тубинцев. Народ этот тоже вел кочевой образ жизни, переходя, где кому место полюбится, с оленями и козами. «Кормятся они зверем, бьют лосей и оленей; едят также козье мясо. Платье себе делают из кож. Угодий никаких не имеют, хлеба у них не родится и коров и овец нет, только одни лошади да олени». Может быть, это описывается тубинский род кыргызов, а может быть, один из тюрко-самоедских родов «тува» или «туба»: слишком уже много черт чисто самоедских, каково особенно оленеводство, притом же из выше, по Фишеру, приведенного перечисления рек маршрута Тюменца, видно, что на правом берегу Енисея, где обитали тубинцы-киргизы, посланцы не были. Далее, перевалив три хребта, казаки пришли в страну саянцев, число которых не превышало 6 т. человек; они управлялись князьком Кара-сакулом и платили дань алтын-хану[3]. Тюменцев и Петров брали «из киргиз к толмачам переводчиком (должно быть, с монгольского) киргисково лутчево князька Кару». Когда алтын-хан, при возвращении их, отправил послов в Москву, то и киргизский князь Кара послал «от себя мужа». В 1619 году, при другом посольстве от алтын-хана в Москву, приезжали «два киргизских депутата»[4].

---

[1] «Описание сибирского царства» и пр., стр. 363.

[2] Там же, стр. 367. У Фишера это известие челобитной Богдашки Терского помещено в слишком уже вольном изложении: киргизы, «разделясь на три части, укрепили свои станы и россияне принуждены были брать их приступом один за другим, причем... находившихся в шанцах людей порубили, жен и детей их в плен отвели, а от оставшихся взяли аманатов. Тогда ослушные киргизы на несколько времени усмирены,... после чего победоносные козаки с радостью возвратились в Томске 7124 году».

[3] «Расспросные речи» Тюменца и Петрова по изложению Ю.В.Арсеньева в «Записках русского географического общества, по отделению этнографии», том X, вып. I, стр. 9 и 10. Они так интересны по своим этнографическим подробностям, что весьма желательно издание полного текста их.

[4] Фишер «Сибирская история», стр. 265. Фишер поместил на стр. 254 и след. описание поездки Тюменца и Петрова по показаниям их, отобранным в Томске. Оно совершенно отлично от «расспросных речей», которые найдены в московском главном архиве министерства иностранных дел.

«Повиновение кыргызов» продолжалось только до 1620 года, в котором они перешли к мунгальскому хану Алтыну. С ними отпали и сагайские татары[1]. В июле 1622 г. за задержание в Томске князя их Кары кыргызы нападали на Кузнецкий уезд и опустошили Абинскую волость[2]. В 1624 г. они вторглись в Томский уезд[3].

В 135 (1627) году кузнецкие служилые люди, разыскивая новые «землицы», взяли ясак с земель мутарской (маторы) и тубинской (князьцы Коян и Килин), с «киченской» (?) и с киргиз «Обраева улуса»[4].

26 июля 1628 г. кыргызы, качинцы и арины пытались уничтожить только что построенный Красноярск, но были отбиты. Посланные из Красноярска 17 августа 1628 года 140 казаков побили многих кыргызов, качинцев и аринов, а жен и детей побрали в плен; в числе пленных была престарелая кыргызская княгиня Кулера[5]. Вероятно, именно это поражение вынудило кыргызских князей Ишея, Табуна и Ишенека в январе 1629 года дать явившимся с требованием ясака красноярским казакам 100 соболей; князья эти просили, для защиты от Алтын-хана, «построить острог на реке Кемчуке (Кемчик?), которая впадает в Енисей и с мунгалами составляет границу»[6]. Посланному для перемены части из 100 соболей на лучшие и для попытки получить ясак и за предшествующий 1620 год атаману Ивану Бабушкину кыргызский князь Ишей, однако, объявил, что «ясака как за прошедшие, так и за будущие годы платить им не можно: сами они соболей не ловят, но берут за долг с кыштымов своих; намерены де они бить челом у его царского величества, чтобы государь пожаловал, ясаку с них брать не велел, а велел им служить, как служилые татары в Тобольске и в Томске. Когда сие учинится, то де могут они государству принести великую пользу и обяжутся помогать красноярским казакам, и ходить с ними в походы, чтобы тубинцев, моторцев и других многих народов покорить российской державе». Видимо, и 100 соболей дали кыргызы не в ясак, а в подарок, чтобы достигнуть примирения или перемирия с красноярцами. Враждебные действия со своей стороны кыргызы объясняли так: «Из Томска прислали к ним привести к присяге, взяли от них лучших людей в Томск, а по приходе посадили в тюрьму; потом пришли на них войною, жен и детей их в полон взяли, в неволю, и князца их Кору взяли, который в полону в Томске и умер; пленных хотели выкупить, то (но) воеводы уводили их с собою в Россию; впредь де остерегаться будут ходить в российские города; а увидят де к себе государскую милость и воеводскую правду, то он, князец Ишей, или князец Табун, не откажутся придти в город, дать аманатов, и есть ли куда их пошлют на службу, то ехать и казаков конми судить (ссудить) готовы»... При этом кыргызы объясняли, что от постройки острога на Кемчуке «не будет от хана Алтына защищения, потому что люди его и другими дорогами через горы придут и их

[1] «Сибирская история» в «Ежемесячных сочинениях и известиях о ученых делах», первое полугодие 1764 г., стр. 303.
[2] Там же, стр. 309, 277.
[3] То же, стр. 310.
[4] «Русская историческая библиотека», т. 2, стр. 472 и 473.
[5] «Сибирская история»..., стр. 236.
[6] Там же, стр. 311 и 312.

повоюют»[1]. Со своей стороны и из Томска старались добиться от кыргыз платежа ясаку. В начале 1630 г. томский пятидесятник Дмитрий Копылов успел получить с них ясак и обещание платежа и впредь, что «произвело в Красноярске великую зависть»[2].

Но вскоре война возобновилась. Уплатившие в 1629 году красноярским сборщикам в ясак 37 соболей тубинцы (которые вносили прежде ясак вместе с моторами в Томск) убили двух посланных из Красноярска 10 декабря 1629 года казаков и толмача; князец их Каян ушел после этого на р. Кан и обобрал здесь дотла коттов; по жалобе последних красноярцы посылали к Каяну «уговаривать, ... но сия посылка была бесполезна». Тогда отправлен был с ратными людьми атаман Злобин и дело дошло до сшибки; Каян успел бежать, но сын его и князцы мунгальский (мингатский?) Менделей и маторский Кускеш и др. были взяты в плен и уведены в Красноярск. Здесь пленники нашли случай бежать, но были задержаны близ города качинцами. Воевода Акинфов приговорил их к смерти и казнил. «Киргизсцы, о том услышав, вступились за тубинцев... Они говорили, что тубинцы и киргизцы один народ, за показанную одному обиду другой мстить должен» ...Собравшиеся «в самой скорости» 360 кыргыз подступали в августе 1630 года к Красноярску, острога взять, конечно, не могли, но ограбили качинцев и аринов, овладев и находившимся в поле скотом жителей острога[3]. Для отплаты, в том же или в следующем году, красноярцы, под командою Дементья Злобина, напали, неизвестно где, на улус князя Ишенека или Ишенея, разграбили его и увели в плен жен и детей. Со своей стороны кыргызы и тубинцы приходили в 1632 году водою по Енисею до Красноярска и перебили несколько подгородных инородцев. 10 августа 1634 года, сухим и водяным путем, «пришло под Красноярск до 1000 ч. киргизцев и четыре дня сряду приступали к городу... Однако город устоял и не больше как 12 казаков и 4 ссылочных побиты... Весь уже в скирды сложенный хлеб и сено, и что еще на поле стояло, пропало, несколько деревень выжжено, 30 человек крестьян и 40 татар лишились живота и многие другие уведены в неволю. Верные татары умами колебались и на киргизскую сторону стали передаваться. 16 октября того же года кыргызы, под предводительством князя Бектенея, снова приходили под Красноярск и похитили остальных лошадей и коров; в то же время князья Диал и Табун нападали на жителей р.р. Чулыма и Юса. «Не меньше и г. Кузнецк 14 сентября 1633 г. претерпел от алтызаров, - кои были киргизское отродье при реке Абакан, - то ль нечаянное нападение, что жителям ни лошадей, в поле ходивших, ни же складенного уже в скирды хлеба, ничего не осталось». Около того же времени котты убили на р. Кан 9 казаков[4]. Есть известие о походе красноярцев на кыргызов в 1635 г., но без подробностей и результатов. 14 сентября этого же года кыргызы приходили под Красноярск и не оставили у городских и деревенских жителей «ни единой лошади». Красноярцы в своей челобитной после того просили: «лучше Красноярск совсем покинуть, если, несмотря на тамошние обстоятельства, довольным числом людей

[1] «Ежемесячные сочинения», стр. 313-315, 310.
[2] Там же, стр. 315 и 316.
[3] «Ежемесячные сочинения», стр. 301, 302, 307, 308.
[4] «Ежемесячные сочинения», стр. 316-319.

снабжен не будет». 17 сентября того же года кыргызы под начальством князя Ишея подступали к Кузнецку и сожгли весь хлеб и сено[1]. В 1637 г. для укрощения кыргызов предполагалось построить острог при устье р. Тубы или Упсы, но выстроен был в 1640 году только Канский острог[2].

Между тем в 1636 году кыргызы, с алтысарским князем Бектенеем во главе, отдались в подданство чжунгарского контайши, вероятно, по той причине, что Алтын-хан, домогаясь даров от московского двора, признавал себя при обмене посольствами русским подданным и обязывался усмирять кыргызов[3]. Двуличная политика Алтын-хана повела к тому, что в 1636 году один из озлобленных кыргыз, сопровождая в Томск племянника Алтын-хана Дурал-табуна, видимо, для наблюдения за его действиями, после приема Дурала у русского воеводы и после угощения, пустил ему стрелу в шею. «Злодея монголы в первом разе тотчас в мелкие куски изрубили»[4]. В 1640 г. котты убили 10 казаков и зажгли Канский острог. Качиншы еще ранее передались киргизам. В том же 1640 году кыргызы и тубинцы приходили в большом числе под Красноярск[5]. 11 октября того же года контайша выражал посланному к нему от тобольских воевод Меныному-Ремезову неудовольствие за то, что русские воюют кыргыз, его данников. Ремезов возразил между прочим, что кыргызы «государевы ясачные люди и государю ясак платили», но контайша заметил, что государь берет с них свой ясак, «а он де, контайша, емлет с них свой ясак»[6]. По недостаточности ратных людей на месте, в 1641 году, послан был против кыргызов из Тобольска московский дворянин Яков Тугачевский. Он разорил «оба улуса князей Ижея и Иженея», взял в плен многих кыргыз и основал острог Ачинский. Преемник его Иван Кобыльский с 1642 г. «храбро бился с киргизами» и принудил их покориться, взяв аманатов. Киргизы просили дозволения отправить от себя депутатов в Москву для ходатайства, чтобы уволили их от дани и вместо того, по примеру чатских татар, «в военную взяли службу»[7]. В 1642 году некоторые ясачные люди с Мрассы и Кондомы бежали к киргизам. Отпустить их с присланными из Кузнецка Гаврилою Сидоровым с тов. киргизские «князцы Талай да Томак отказались, а сказали, что мрасские и кондомские ясашные люди киштымы их киргизские, а пришли де к ним кормиться»[8].

Не желавший, конечно, терять своих данников Алтын-хан в 1642 году доходил с 1 т. войска до р. Абакана и вынудил киргиз к платежу дани[9].

---

[1] Там же, стр. 321-324.
[2] То же, стр. 517.
[3] Фишера «Сибирская история», стр. 476.
[4] Там же, стр. 494.
[5] Там же, стр. 478.
[6] Статья Н.Н.Оглоблина «Сибирские дипломаты» в «Историческом вестнике», 1891 года, октябрь, стр. 163.
[7] Фишер, стр. 479, 480. Отряд Тугачевского состоял из 870 человек («Дополнения к актам историческим», том 8, стр. 151). В Томске, Красноярске и Кузнецке служилых людей в 147 году было всего 486 человек (там же).
[8] «Исторические акты XVII столетия, изданные Инн.Кузнецовым, Томск, 1890 года, стр. 8.
[9] Фишер, стр. 512.

В октябре 161 (1652) года пришел в тубинскую землю и стал на устье р. Ербы племянник Алтын-хана Мерген-тайша с 700 человек, а вслед за ним прибыл с 5 т. человек Алтын-хан с сыном Ложаном и осадил Мергена в каменном городке, ниже Сыды реки. «И киргизских, и тубинских всех лучших князцов поймал Алтын-царь к себе сильно, 70 человек, скот отгоняют, животы их (кыргыз) на лабазах грабят и из земли выкапывают. И киргизы, и тубинцы, и олтырцы и керелцы (?)... прибежали под Красноярский острог на кызылскую землю, на р. Еник и обсеклися в городке», в двух днях от Красноярска. В ноябре Алтын-хан уже примирился с племянником. Посланный из Красноярска к кыргызам Степан Коловский, по возвращении, 31 декабря, между прочим, сообщил, что кыргызы не пустили его к призывавшему его, через тубинского князца Бугачея, Алтын-хану; от тубинского князя Медечи Коловский затем узнал, что Алтын-хан объявлял кыргызам, что сажает на свое место сына своего Лоджана, потому что сам устарел; после этого объявления Алтын-хан с Ербы реки ушел в свои места. По мнению Коловского, если Алтын-царь или Лоджан на киргиз будут приходить, то «им никакими меры в правде своей, в чем они великому государю шерть дали, не устоять», потому что «Алтын-царь от них живет за Саянским камнем только днищах в десяти и менши и... что хочет над ними..., то учинит». Коловской между прочим заметил у кыргызов «30 пищалей, винтовок русских, да пятнадцать пищалей калмыцких с жаграми»; «стреляли по цели многажды и убивали в цель, как и русские люди»[1].

По Фишеру, «в 1657 году Лаузан с 4 т. учинил нечаянное нападение на киргизскую землю. Киргизы хотя противились, но на голову побиты и принуждены были признать Лаузана за своего государя. Шел он далее против татар Томского уезда, коих скоро покоря, молодых из них людей, как и у киргиз, распределил по своей армии, которую умножил до 8 т. человек, и думал россиян в уездах Томском, Кузнецком и Красноярском искоренить и разорить их города, для чего каждый монгол был снабжен четырьмя зажигательными стрелами... Но в приготовлениях получил известие, что отец умер, почему поспешил домой»[2]. В декабре 172 (1663) года Лоджан «исплоша захватил облавою ...с женами и детьми» киргиз, тубинцев, алтырцев, керетцев, стоявших «на киргизской степи по Белому Миюсу (Юсу?) в разных кочевьях». 18 января 1664 года Лоджан присылал к красноярскому воеводе людей, требуя, с угрозами, выдачи бежавших от него кыргызских и тубинских князцов[3]. Это вторжение Лоджана (или Лубсана-тайчжи, Эринчина тож, монгольских известий[4]) было последним, так как, вмешавшись в распри за наследство престола цзасакту-хана, он восстановил против себя трех халхасских ханов и должен был искать помощи у чжунгаров, а с тем вместе и кыргызы перешли окончательно в подданство последних.

---

[1] «Дополнения к актам историческим», т. 3, стр. 379-384. По Фишеру (стр. 513) река Еник есть «ныне Индзуль, впадающий в Июс».
[2] «Сибирская история», стр. 516 и 517.
[3] «Дополнения к актам историческим», т. 4, стр. 318 и 319.
[4] «Эрденийн Эрихэ», стр. 168.

Несмотря на все это, сношения с Лоджаном, в надежде склонить его к принятию подданства, не прекращались до 1660 года, когда найденный нашим посланцем Степаном Гречениным около оз. Упсы Лоузан-Саин-контайша решительно объявил, что слыть подданным московского царя он не согласен, так это было бы для него бесчестьем перед другими монгольскими владельцами[1]. Лоузан или Лоджан русских актов или Лубсан-тайчжи и Эринчин монгольских известий должен был отказаться от русского подданства, помимо других причин, уже потому, что около этого же времени он вместе с остальными халхасскими князьями признал себя подданным манджурских императоров Китая и в качестве правителя хото-хойтов был признан Китаем одним из восьми цзасаков или главных владетелей, постановленных в Халхе манджурским императором в 1655 году. Как халхасский владетель, Лубсан должен был принимать участие в делах Монголии. Отстаивая права Норбо, как старшего сына, на престол цзасакту-хана, он в 1662 году, напал на узурпатора Ванцука. Ванцук был в этом бою убит. Смерть его вооружила против Лубсана трех халхасских ханов, с которыми ему и пришлось враждовать до смерти[2]. Угрожаемый превосходными силами халхасцев, Лубсан в декабре 1663 года перешел через Саянский хребет и «неплоша захватил облавою ...с женами и детьми» киргиз, тубинцев, алтырцев, керетцев, стоявших «на киргизской степи по Белому Миюсу (Юсу?) в разных кочевьях». 18 января 1664 года Лоджан присылал к красноярскому воеводе людей, требуя, с угрозами, выдачи бежавших от него киргизских и тубинских князьцов. Это не помешало Лоджану в том же 1664 году отправить в Москву посланца с просьбою о помощи ему ратными людьми против халхасских ханов и дяди (?), с которыми «учинилась у него ссора и война»; за эту помощь он обязывался быть верным царским подданным и дать «аманатов своих родственных людей в томский город»; он просил также построить город «на киргизских кочевьях» и дать ему ржи, овса и иных хлебов на семена, так как он хочет «на нынешнем своем кочевье около Упсы (Тубы) реки заводить пашни». Отправленные из Томска, согласно царскому указу, с подарками и благоприятным ответом, в котором, однако, не было ничего положительного о помощи против монголов ратными людьми, чего в сущности Лоджан только и добивался[3], посланцы Роман Старков и Бобарыкин нашли Лоджана в 1665 году на р. Усе; на обратном пути они осмотрели местность при устьях Тубы и Абакана, где Лоджан намечал построить город[4]. Около конца 1666 года Лоджан извещал, что «желтых мугал воевал трою, а ныне они на его поднимаютца», и просил распоряжения, чтобы томские ратные люди были в готовности ему помочь[5]. Но вместо ожидавшихся монголов на Лоджана напали в начале 1667 года, как увидим ниже, чжунгары и киргизы.

---

[1] «Сибирская история», стр. 516 и 517, 518, 519, 523.
[2] «Монгольская летопись Эрденийн-эрихэ», А.Позднеева, Спб., 1883 года, стр. 168 и 169.
[3] Царский указ от 12 декабря 7173 года в «Томских губернских ведомостях», 1875 года, № 42.
[4] «Путешествие через Сибирь ...русского посланца Николая Спафария в 1675 году», в «Записках р. географического общества, по отделению этнографии», том X, выпуск 1, 1882 года, стр. 189.
[5] «Дополнения к актам историческим», том 5, стр. 94.

6. Кыргызы в подданстве калмаков

Возобновление борьбы с русскими третьим поколением киргизов с князем Ернаком во главе. Новое появление Лоджана на севере от Саяна. Погром его цзунгарами и киргизами. Калмаки и киргизы под Красноярском. Поражение красноярцев под Красноярском. Поражение красноярцев. Приостановка военных действий до смерти Сэнгэ-контайши. Набег Шанды. Основание Абаканского острога и его оставление. Нашествия киргиз в 1679 году. Поход в киргизскую землю Старкова и Греченина в J680 году. Поход Суворова в 1682 году. Освобождение сыновей Ернака и Шанды в 1684 году. Известия Унковского. Отношения к киргизам Галдан-Бошокту-хана в связи с его действиями в Монголии. Поход на тубинцов Василия Многогрешного.

Мы видели, что, возобновляя около 1620 года борьбу с русскими, второе поколение киргизских князей приняло подданство Алтын-хана, когда же выяснилось, что Алтын-хан, желая сохранить хорошие отношения к русским и продолжать пользоваться московскими подарками, никакой помощи киргизам не оказывает, то киргизы, с 1636 года, перешли в подданство цзунгаров. Батур-контайша принял было на себя защиту киргизов перед московским правительством, но, занятый другими делами и борьбою с киргиз-казаками, он не оказал киргизам необходимой вооруженной помощи в 1641 и 1642 гг., когда отряды Тугачевского и Кобыльского принудили их к покорности. Договор с Кобыльским, сведений о точном содержании которого, к сожалению, не сохранилось, заключался главным образом в том, что киргизы согласились на платеж ясака со своих кыштымов, оговорив однако и для себя право сбора дани с тех же кыштымов, только после уплаты ими царского ясака: так, можно заключить из того обстоятельства, что в 1680 году, при переговорах с Романом Старковым и Иваном Гречениным, киргизам ставилось в вину, что они «с ясачных людей, преж государева ясаку, имали на себя». Мир, на основании договора с Кобыльским, продолжался более двадцати лет, пока не выступило на сцену новое, третье, поколение киргиз и их князей.

В половине шестидесятых годов XVII века во главе киргизских князей стал внук Немека и сын Ишея Ернак. К тому же времени у цзунгаров, не имевших, после смерти Батур-контайши в 1653 г., энергичного и всеми признанного главы, усилился сын Батура Сэнгэ, который в 1665 году объявлял русскому посланцу: «по смерти отца моего контайши, я, Сенга, ныне государем над всеми улусами, которые состояли под его властью» [1]. По всей вероятности, сношения между киргизами и цзунгарскими властителями не прекращались и ранее, но в это время они сделались теснее, так как после набега Лоджана в 1664 году киргизы нуждались в защите цзунгаров и против правителя хото-хойтов.

В августе 7174 (1665) года «заворовал» киргизский князь Ернак (Ереняк, Яреняк) Ишеев, «громил войною» сагайских ясашных людей и побрал в полон жен их и детей, отослав добычу и пленных в свою землю с братом (должно быть, двоюродным) своим

[1] Фишер, ссылающийся на «подлинное известие в томском архиве», стр. 471.

Ябоом (Ябалаком). Узнав об этом, красноярский воевода отправил на Ябалака 300 ратных людей, которые весь полон и рогатый скот у киргизов отбили. Захваченные при этом в плен киргизы говорили, что Ернак «умыслил со своими улусными людьми, развоевав красноярских, и енисейских, и томских ясачных людей, хочет отъехать в черные калмыки, а на своей киргиской земле жить не хочет». Тогда же Ернак нападал на Удинский острог и «казну пороховую и свинцовую взял»[1].

Надо полагать, что неприязненные действия против сагайцев, имевшие целью побудить их возвратиться к союзу с киргизами и к подчиненности калмыкам, а не русским, предпринял Ернак не без ведома Сэнгэ-контайши и имея верную надежду на его защиту и помощь в случае нужды. Такая нужда вскоре и встретилась. Именно, по обыкновению неожиданно, 3 октября того же 1666 года, прибыл на р. Тубу и остановился, не доходя Красноярска на четыре дня пути, Лозан или Лоджан. Тубинские князья и кыштымы разбежались от него «в Камень и в черные леса». Ернак с киргизами, по необходимости, явился к Лозану с покорностью. О причинах появления Лоджана слухи гласили, что поднялись на Лоджана «желтые мунгалы (халхасцы) и идут на него воевать 110 т. воинских людей на три дороги». И сам Лоджан писал в Москву, что «желтых мугал воевал трою, а ныне они на него поднимаютца», почему просил распоряжения, чтобы томские ратные люли были в готовности; вместе с тем Лоджан жаловался на красноярских служилых людей, которые теснили «киштымов его киргис». Халхасцы, однако, не пришли. Вместо того, около начала 1667 года, на Лоджана, должно быть возвратившегося на юг от Саянского хребта, напал вспомоществуемый киргизами Сэнгэ-контайша и взял Лоджана в плен со всею его семьею, людьми и имуществом[2]. Киргизы побрали при этом на свою долю много пленных, потому что впоследствии в 1684 году был слух о том, что Алтын-хан Лозон «хочет собирать полон свой, который у него киргизы на боях преж сего имали»[3].

---

[1] «Дополнения к актам историческим», том 5, стр. 43 и 95.
[2] «Дополнения к актам историческим», т. 5, стр. 93, 94 и 164.
[3] «Дополнения к актам историческим», т. 11, стр. 161. Из грамота томским воеводам от 6 марта 7188 (1680) года («Исторические акты XVII столетия», изданные Инн.Кузнецовым, Томск, 1890 года, стр. 51 и 52) видно, что посланные в 175 году «мугальскому Алтын-Лоджан-хану» царские подарки были задержаны в Томске для того, что он от калмыцкого Сенги-тайши был разорен»; Лоджан в 188 году просил, через посланцев своих, о высылке ему этого задержанного жалованья и ходатайствовал «в киргизской земле на Абакане город или острог поставить», потому что тогда киргизам под русские «украйные города войною ходить и разоренье чинить будет не можно, а он, Алтын, потому ж, с нашими ...ратными людьми тех киргиз воевать станет». О дальнейшей судьбе Лоджана известно, из монгольских источников, что он окончательно сделался подручником цзунгарских государей. Оказывая ему покровительство против халхасцев, Галдан-Бошокту-хан, в 1681 году, «привел Лубсана для представления дани» к китайскому императору, т.е. добился нового признания его со стороны Китая в качестве владельца хото-хойтов. Но в 1682 году цзасакту-хан Цэнгунь неожиданно напал на Лубсана и захватил его семью, скот и имущество. Сам Лубсан успел бежать к цзунгарам , но оправиться уже не мог. В 1686 году, неизвестно при жизни Лубсана или уже после его смерти, китайское правительство назначило в правители хото-хойтов Гэндун-дайчина, державшего сторону халхасских ханов (см. професс. Позднеева «Монгольская летопись Эрденийн-эрихэ», Спб., 1883 года, стр. 180 и 186). Вероятно, к нападению Цэнгуня на Лубсана относятся следующие строки из «расспросных речей» (1701 года) казака Савки Смокотлина, который «при сиденьи (в Томске) воеводы Ивана Бутурлина», посылался в монгольскую землицу с сыном боярским Петром Лавровым: «И на той реке (на Теси) кочевал мунгалской хан Лоджан, и в то де время напали на него, Лоджана мунгалские люди войною и его де Лоджана разорили без остатку» («Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1, стр. 119).

Управившись с Лоджаном, Сэнгэ сам возвратился домой, но часть своих войск послал с Ернаком к Красноярску. В апреле 1667 года в Красноярске были уже получены вести, что Сэнгэ с 50 т. войска, не считая киргизов, идет под Красноярск и под Енисейск. 13 мая к Красноярску действительно пришли киргизы и «калмыцкие большие воинские люди» и потребовали от воевод выдачи двух аманатов, «которые посажены в воровстве киргизского князца Ереняка». Быть может, именно задержание аманатов этих и было причиною неприязненных действий Ернака в 1666 году. Воеводы в выдаче аманатов отказали, но отправленные ими для нападения на находившийся в версте от острога стан калмыков 300 русских и 70 качинских служилых людей были разбиты наголову: убито из них 199 человек (в том числе 131 ч. козаков, 20 пашенных крестьян, 23 ч. казачьих детей и гулящих людей и 25 ч. служилых татар), ранено 39 ч. и попали в плен с атаманом Родионом Кольцовым 48 ч. Выданы были или нет задерживавшиеся аманаты - неизвестно; часть русских пленных была, кажется, калмыками освобождена. Калмыки не воспользовались своим успехом и ушли домой. Для пополнения убыли красноярского гарнизона было вскоре сделано распоряжение о приемке в Красноярск из городов тобольского разряда «служилых людей с женами и детьми, сколько пригоже, на вечное житье, наспех, чтобы в Красноярске учинить служилых людей перед прежним с прибавкою», и о посылке, кроме того, для усиления красноярских воинских сил временно, команд ратных людей из тобольских же городов. Во исполнение этого указа отправлено было в 177 (1668-1669) г. из Тобольска «на вечное житье» 278 ч. и временно командировано из Тюмени и других городов 129 ч.[1] Военные действия между тем прекратились с обеих сторон на несколько лет. Сэнгэ не желал войны с Россией, воеводы же, после красноярского урока, боялись задирать киргизов из страха стоящих за ними калмыков.

Посланный к Сэнгэ томский сын боярский Матвей Ржицкий говорил ему 14 марта 1669 г. между прочим, что когда он приходил на Лоджана царя и потом с воинскими людьми из киргизской земли пошел в свои земли, то «в киргизской земле оставил людей своих и велел калмыцким своим людям идти под Красноярский острог с войною, и под Красноярским острогом твои люди служилых и всяких людей многих побили, а иных в полон поимали и ...ясачных людей ...пограбили без остатку, а учиня под Красноярским острогом твои Сенгины и Чекуровы люди такое разоренье, приходили» под Кузнецкий острог; требуя от ясачных людей ясак, Ернак утверждал, что «ты, Сэнга, приказывал ему ...посылать к ясачным людям стрелы с грозами» (с угрозами? или с изображением молний?). По последнему пункту Сэнгэ, ничего не говоривший на все предыдущее, «сказал: киргизскому де князцу Яреняку не приказывал я ...стрелы с грозами посылать, ...то де Яреняк себе замышляет»[2].

Неприязненные действия с киргизами возобновились лишь после смерти (около 1671 года) набегом алтырского князя Шанды (в других актах Шалда), в октябре 1673

[1] «Дополнение к актам историческим», том 5, стр. 165, 166 и 419 и том 8, стр. 34, 148 и 149.
[2] «Дополнения к актам историч.», том 5, стр. 419 и 420.

года на Енисейский уезд; он выжег многие деревни, перебил человек 30 русских и на обратном пути сожег Ачинский острог[1]. Вследствие этого должно быть набега в 182 (1674) году предписано было из Москвы, для усмирения киргизов, построить острог в тубинской земле[2]. Тогда же велено было, при недостатке ратных людей в Красноярск для действий против киргизов, присылать служилых людей из тобольского и томского разрядов. По именным спискам 184 и 185 годов служилых людей в Красноярске состояло «прежних 420 человек, до тобольской присылки, которые построены в Красноярске на вечное житье, 202 ч., всего 622 ч.». В Томске в те же годы состояло 974 ч., в Кузнецке 232 ч., в Енисейске 479 ч., всего в четырех городах 2307 ч., а с беломестными енисейскими казаками 2456 человек служилых людей. Сверх того из Тюмени и других городов находилось в Красноярске постоянно около 130 ч.[3] В сентябре 1675 года красноярские служилые люди, прибыв по Енисею на двух дощаниках в Абакан, начали строить острог. Они 3 октября отразили нападение Ернака[4], но острог был, кажется, тогда же оставлен, вероятно, вследствие сборов киргизов уничтожить его во что бы то ни стало, а также вследствие слухов о том, что цзунгарский Галдан стоит «со своими со многими улусными людьми от киргиз в ближних местах», почему напр., томский воевода князь Барятинский «не смел», как доносил он, посылать служилых киргиз на киргиз, чтобы «с черными калмыки и с мугалы не ссоритца и задоров не учинить»[5]. Той же осенью Ернак с алтырским князем Тайн Иркею и другими ходил на помощь Галдану, занявшему место Сэнгэ и воевавшему в это время с Очирту-ханом за преобладание в Цзунгарии. К июлю 1676 года Ернак и прочие князья еще не возвратились; в это время князья алтырского улуса Конгош и Яйзан стояли на Уйбате, при устье речки Бирю, семья алтырского же князя Тайн Ирки находилась на р. Аскызе, а князья алтырские и исарские Мунза и Шанда пошли на Юс «жить к Ирлаку»[6].

В 187 году Ернак присылал в Красноярск людей, соглашаясь шертовать и платить ясак, но отправленных к нему для переговоров атамана Родиона Кольцова с тов. задержал, требуя освобождения содержавшихся в Красноярске тубинских князей Бучия

---

[1] То же, том 6, стр. 318 и 319.
[2] Там же, том 8, стр. 152.
[3] «Дополнения к актам историческим, т. 8, стр. 150 и 151.
[4] Там же, том 7, стр. 333, 334, 337. В 187 году упоминается Абаканский острожек, куда посылалось из Красноярска по 40 человек, которые сменялись каждые две недели, но этот острог, называвшийся иначе Караульным, расположен был далеко ниже устья Абакана (т. 8, стр. 151). Абаканский острог (и все-таки на Енисее, а не Абакане) построен только в 1707 году («Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1, стр. 313), на левом берегу р. Енисея, в 135 в. от острога Караульного (Латкин Н.В. «Енисейская губерния», Спб., 1892 года, стр. 425).
[5] «Дополнения к актам историческим», том 8, 1862 года, стр. 150 и 151. Под мугалами тут разумелись монголы, «Скилкина, который преж сего писался Лоузаном царевичем».
[6] «Дополнения к актам историческим», том 7, стр. 341 и 342. Спасский в «Сибирском вестнике» 1820 года (часть 9, статья «Киргиз-кайсаки» и пр., стр. 81) приводит вычитанные им в старинном свитке кузнецкого архива и относящиеся к 1676 году противоречивые и мало понятные слухи о киргизах, Лоджане и тайшах Кегене и Чокуре; из этих слухов имеет некоторый интерес лишь сведение о том, что Кегень (т.е. Галдан-Бошокту-хан, отправляясь войною на Учюрту-кана, взял с собою киргизских людей, оставя только Ахая и Толджина, но взятые им люди, не дошед туда (куда? на Бороталу или на Или, где происходили военные действия?), возвратились домой. Тот же слух в помещенной в «Дополнениях к актам историческим (том 7, стр. 341) версии изложен так, что киргизские князья отправились к Галдану «и как де дошли они к Кегеневым братьям к Ахаю и Данжину, и прежде де их приходу Кегень ушел... на бой».

и Тагана, которые взяты были казаками на р. Кане за сбор ясака с тамошних ясачных людей. Из акта, заключающего эти сведения, видно, однако, что Ернак все-таки «шертовал и ясак» вносил[1]. Но в том же 1679 году киргизы дважды приходили к Красноярску и делали четыре приступа для овладения острогом.

14 июля 187 (1679) года прислан был в Красноярск «из тубы» новый аманат бугучеева улуса князец Сиежин сын Наомов взамен находившегося уже там аманата. На другой день, 15 июля, неожиданно, подступил к Красноярску Ернак с кыргызами и кызыльцами, вынуждая к измене подгородных качинцев, аринцев, ястинцев и бохтинцев 14 сентября того же 1679 года Ернак с тубинцами, алтырцами, озерцами, маторскими и байкоточескими (ныне род байгадо у койбалов) людьми вновь подступил к Красноярску и бился день, но был отражен и едва сам не попал в плен. «После приступу» в Красноярском уезде выжжено было 16 деревень и в них около 143 дворов» и хлеб, и сено сожгли, и всякую животину отвоевали, а остальную животину прикололи». Озлобленные красноярцы выместили свои обиды на тубинских аманатах: «тубинских аманатов взяли и, показав тубинцам, расстреляли, для того, что они, тубинцы, ...изменяют беспрестанно и правды в них нет, и их служилых людей преж сего и ныне разоряют». За допущение такого самоуправства красноярский воевода Данило Загряжский был по царскому указу посажен в тюрьму на один день, а красноярцы, признанные достойными строгого наказания, прощены лишь во внимание к их разорению от кыргызов[2].

В августе 187 (1679) же года князь Шанды (Шалды, Шалдачко) Сенчикенев с сыном и зятем Ернака и с тремя стами кыргыз, совершил набег на Томский уезд. Посланный из Томска с 417 служилыми людьми сын боярский Роман Старков встретил Шанды в трех днях пути от Томска, убил его и взял человек десять в плен; из числа пленных томские служилые люди повесили двух туземцев, обвиняя их в измене. Тогда же, в сентябре 1679 г., кыргызы сожгли Ачинский острог[3].

Для наказания кыргыз за набеги 187 года на Томский и Красноярский уезды выступили против них из Томска 11 января 1680 года дети боярские Роман Старков и Иван Греченин с 1078 томских и кузнецких служилых людей. Они должны были встретиться около Белого озера (при впадении речки Тереклыюл в р. Сересу) с красноярскими и енисейскими ратными людьми (432 и 108 человек), так что составлялась сила в 1558 человек. Томский отряд не нашел на условленном месте красноярцев и енисейцев, но решил, не теряя времени, «на Ерначка изменника идти изгоном». Ернак находился около соединения двух Юсов и имел вести о сборах против него красноярцев. 4 февраля в виду отряда появлялись кыргызы, человек 200, но «бою ...не дали». 5 и 7 февраля кыргызы вступили в бой. «С поля (их) сбили и они от нас побежали к горам и

[1] Там же, том 8, стр. 155. Акт этот сохранялся без конца.
[2] «Дополнения к актам историческим», том 8, стр. 44, 47-49.
[3] Там же, том 7, стр. 44 и 45. Шанды, как сообщали потом кыргызы, был призываем томскими ясашными и думал «выручить сына своего Таганая из Томского», где он содержался в тюрьме («Сборник князя Хилкова», Спб., 1879 года, стр. 305).

по щелям... А билися мы стройством, с пехотою и с пушки... Из пушек побили и переранили многих и топтали их, воровских киргизских людей, день до вечера... И февраля в 8 день... пошли вперед на воровских киргизских людей... И по утру рано встретили нас, часу в другом дни, воровские киргизские и алтырские, и тубинские, и исарские и озерские князцы Ереначко Ишеев, Ебалачко Изерчеев да Ил Иркачко и с иными князцы... и бой с нами учинили... С поля (их) сбили и многих побили и переранили, и они ...разбежались по горам и по степям. И мы пошли к (оставленному сзади) обозу стройством и с бережением. И от киргизского полку выехали 5 человек киргизских людей и стали кликать, чтоб де Роман да Иван ...выслали ...с кем бы де было переговорить о миру... Я, Роман, с ратными людьми ...стал ополчением, а Ереначко со своими людьми стал полком же. И от киргизского полку выехали Ераначков брат Мунзачко да Ебалачков брат Емандаричко и иные князцы, всех семь человек? ...Со стороны русских выехал к ним Иван Греченин. Князь Мунза, от имени Ернака, заявил покорность и желание принять присягу, «как в прежних годах шертовали отцы их, киргизские князцы, при воеводе при Иване Кобылском» ... Греченин со своей стороны выговорил киргизам: «шерти отцов своих и свою забыли, ...под Томский город и под остроги войною приходили, ... с ясашных людей, преж государева ясаку, имали на себя, Каченской (Ачинский?) и Канский остроги сожгли и служилых людей в тех острогах побили и пушки взяли, и качинских и аринских татар к себе, разорив, взяли», а потому указал великий государь «вас, изменников киргиз, смирить войною» ...Мунза ответил: «ведаем мы и сами, что виноваты..., а ныне мы, киргиские князцы, его царского величества с ратными людьми воеватца не хочем». Однако Старков и Греченин не дали решительного ответа и, узнав от кыргыз о прибытии на Белый Юс красноярцев и енисейцев, пошли к ним на соединение. 9 февраля кыргызы прислали для переговоров контайшина резидента Барчукея и просили взять в аманаты детей, братьев и племянников, обязывались выдать всех русских пленных и ачинские пушки. Старков и Греченин сказали Барчукаю: «дай нам сроку до утра, подумаем со всеми ратными людьми». Но по отъезде Барчукая красноярцы убили у себя в полку «киргизского мужика», не обращая внимания на то, что «киргизские люди у нас в полках, за договором, ходили просто, без оружия». Узнав о случившемся, Ернак с кыргызами «от наших полков отошел прочь». На другой день, 10 февраля, русские пошли «на киргиских людей войною и они, киргиские люди, били челом», чтобы принять их покорность и привести к шерти. «И того дни меж полками киргизские князцы Ереначко с тов. выехали к шерти, а против их выехали мы, Роман и Иван... И Ереначко с тов. слезли с коней и малахаи сняли. И Ереначко, поклонясь, спрашивал у нас про многолетнее здравие великого государя... А после он, Ереначко, выговорил про стольника и воеводу (томского) князь Петра Лукияновича Львова невежливое слово и про всех ратных людей. И мы, Роман и Иван, за то его Ереначкова, невежливое слово к шерти не приняли и поехали к себе в полк». Но 11 февраля Барчукай, от имени Ернака, заявил, что виноват он «перед великим государем, выговорил про воеводу невежливое слово... И выехали они, Ерначко и Еблачко с тов. посреди полков, а мы против их выехали ж. И как съехались, и он, Ерначко, выговорил:

виноват де... И слез с коня, и снял малахай, и говорил: Приехал де я шертовать великому государю... И спрашивал про многолетнее здоровье великого государя... И против шертоприводной записи киргиские князцы Ереначко, и Мунзачко, и Ебалачко, и Мандарачко, Абамка алтырской, да Иниркачко Тарган Ейсан (тархан-зайсан), тубинской Сурло Талай Аном (?), озерской Талбак Табунов, исарской Мерген-тайша шертовали», обязуясь «ясачных людей не обидеть... и на калмыцких тайш и на себя, преж государева ясаку, алману у них не имать... А после государева ясаку и плохую рухлядь, которые ясашные люди в волю станут давать, и то де будем имать по-прежнему... А с горных де порубежных людей ясак великого государя готов... И я де, Ераначко, готов за великого государя битца и в городы весть подавать (о замыслах войны со стороны тайшей и вообще врагов), кроме того, куды де пойдет Кеген-тайша (Галдан), а об Кегене де вести не подам»... Также и требование об отпуске уведенных качинцев и аринцев Ернак обещал выполнить условно, если позволит Галдан, так как взяты они по его приказанию. «И после того они... князцы пили шерть, и после шерти поехал Ерначко в тов. к себе в полк и прислал к нам аманата плохого, дальнего своего родича. А красноярским ратным людям дали аманатов тубинские земли дву человек». Того же 11 февраля Старков и Греченин посылали к Ернаку с требованием добрых аманатов - сына, или брата, или племянника, и присылки ясаку. Ернак в перемене аманата отказал, для сбора же ясака просил оставить служилых людей. После того он уехал. «И мы за ним... гнались с Юсу до Уйбату 7 дней и против 8 дни стали мы на стан на Уйбате табором. И за умножением грех ради наших, коней в таборе, неведомо отчего, табун взыграл и обоз разбил и выбежали из табору на степь. А красноярские ратные люди из своих таборов в то время почали стрелять из оружия, и томские ратные люди почали потому ж стрелять, чаяли, что киргизские люди напустили, и они оттого напужались и побежали вверх по Уйбату. А в то время была ночь темна, и ушло 207 лошадей. А за теми лошадьми гонялись ратные люди, с 50 человек и больше. И киргиские люди собрались большим собранием и тех лошадей у них отбили, а их, служилых людей, у Уйбату осадили. И тех ратных людей мы из осады выручили февраля в 14 день. И бились мы с киргискими людьми день большим съемным боем, и киргиских людей многих побили, а иных переранили». Но и с русской стороны было 17 человек убито, да в погоне за лошадьми было убито 4 человека. «И после боя на другой день выпустили к нам они, киргизы, красноярского полону русских людей 5 человек. А на третий день пошли мы на них, киргиз, с боем и они, киргиские люди, кликали и говорили нам, чтобы мы взяли у них аманатов добрых да коней ратных людей, а пушки ачинские вывезем де на своих конях на дорогу... И февраля в 15 день... дали ... в аманаты Ебалакова племянника, родного Емандарина сына, Шибона да исарского мужика Обала, да к ним кашевара. А коней по договору хотели отдать. И мы стояли полтора дня. А ратные люди, будучи в киргиской земле, оголодали и оцынжали, и идучи дорогою, у многих ратных людей кони попристали, а у иных в киргиской земле отогнаны... И мы пошли от Уйбату, а енисейские и красноярские ратные люди пошли от нас самовольно, без отпуску, в Енисейской и на Красный яр... И киргизские князцы... прислали наших 28 лошадей отгонных, а прод остальные сказали, что де мы всех со-

берем и пришлем». По словам Старкова и Греченина, красноярские и енисейские ратные люди вообще во время похода «в послушании не были, чинилися ослушны, и делали все по своим нравам»[1].

В июле 1680 года, посланному к Галдану-контайше, по его желанию, для переговоров по делам кыргызским и тюленгутским, томскому сыну боярскому Григорию Пущину представители кыргызов между прочим говорили: «Ныне де с государевыми людьми живем в совете и шатости у нас никакой нет, аманатов своих добрых в Томск дали, и ясак платить кыштымам, которые прежде были государевыми ясашными людьми, велим и по прежним их жилищам распустили... А красноярской русской полон мы отпустили весь, а Шандина сына Таганая к нам, в киргизскую землю, не отдали, а у нас де в том с Романом Старковым с тов. и шерть была, и то де промеж нас стала неправда»... Переговаривавшиеся за отсутствием Галдана (находившегося в походе «под Яркень и под Иньи и в казачью орду») его зайсаны, со своей стороны, наказывали кыргызам: «О чем де у вас была шерть и договор с государевыми людьми, того де и держитесь. А Галдан-контайша отнюдь задору с государевыми людьми чинить не велит, жили бы в миру и в совете»...[2]

Мир, однако, был недолгий. В 190 (1682) году, по распоряжению из Москвы, ходил на кыргызов из Томска с тобольскими, тарскими, кузнецкими и томскими ратными людьми Иван Суровое. Он ожидал до 13 июня на речке Таук прибытия енисейских служилых людей, когда же они к сроку не пришли, то перешел на речку Урсу. Здесь на его табор напал князь Ернак, и Суворов, видя, что ему «с киргизы биться невмочь», отступил и «в бою, в осаде и в отходе» потерял 61 человека убитыми и 69 ранеными. Значит, поход его кончился очень неудачно[3].

Около июня 192 (1684) года князь озерского улуса Шурло посылал своего работника требовать ясак с камасинских ясашных людей, живших на р. Кане. По словам Шанды и Сары, тубинских князей, Ернак стоял в это время на Белом озере и требовал ясак с кызыльцев; кыргызские князья готовились к войне за то, что «в Томском Еренякова сына из аманата не переменили». Однако, по слухам, в сентябре того же 1684 года вернулись из Москвы посланцы Ернака с царским жалованьем (сукнами в подарки) и привезли из Томска сына Ернака и сына Шанды. Был тогда же слух, что «на Кемчюг (Кемчик?) реку пришел мугальский алтын-хан Лозон близ киргиской и тубинской землиц, ...хочет собирать полон свой, который киргизы на боях преж сего имали и полонили»...[4] Возвращение Таганая, «который сидел за отцову измену в тюрьме», произведено было по царскому указу. Иван Петров, который по тому же указу отвозил Таганая к кыргызам, вернулся в Томск 13 ноября 193 (1684) года, привезя с собою

[1] Статейный список похода томских детей боярских Романа Старкова и Ивана Греченина в «Сборнике князя Хилкова», Спб., 1879 года, стр. 308-322.
[2] «Сборник князя Хилкова», стр. 304, 305 и 306.
[3] «Дополнения к актам истор.», том 10, стр. 360. С Суворовым ходило тобольских и тарских служилых людей 630, число же томских и кузнецких неизвестно («Памятники сиб. истории XVIII века», кн. 1, стр. 13 и 12).
[4] «Дополнения к актам истор.», т. 11, стр. 160-162.

новых аманатов «алтысарского улусу Зжину (?) Сартыканова сына, Ернакова племянника, да исарского улусу Утея на перемену прежних аманадчиков Чюе да Керею»[1].

По собранным в конце первой четверти XVIII столетия послом Петра Великого к контайше капитаном Унковским сведениям, Галдан-Бошокту-хан (1671-1697) «теленгутов (т.е. алтайцев) и киргизов под власть свою подклонил, и тако умножа войски, ...сам со всеми людьми в киргизскую землю пошел и вскоре с мунгалами войну начал»[2]. В известиях этих, конечно, ошибочно сведение о походе Галдана в киргизскую землю в конце 60-х годов.

В сведениях этих не лишено оснований, во-первых, известие о бытности Галдана некоторое время вблизи киргизской земли, потому что в 183 (1675) году приезжие бухарцы и посланцы Лоузана извещали, что Кегень-тайша стоит недалеко от киргиз «в Каменские, по Айчес реке и по Абакану», так что томский воевода князь Данило Барятинский не смел посылать служилых людей на киргизов, чтобы «с черными калмыки и с мунгалы не ссоритца и задоров не учинить»[3].

Тубинские (?) князья бежали к великой стене и окончательно приняли китайское подданство[4]. Хотя китайцы нанесли Галдану в 8 луне 1690 года поражение на ур. Улан-бутун, но опустевшая Халха еще несколько лет оставалась в его власти и занята была до Орхона цзунгарами[5]. В конце 1690 года Галдан начал кочевать между Кобдо и Улясутаем, вынудив враждовавшего с ним Гэндун-дайчина, назначенного китайцами в 1686 году правителем хото-хойтов вместо Лобсана, перекочевать от р. Селенги на юг и принять китайское подданство[6]. В сентябре 1693 года, на р. Кобдо, при переговорах с прибывшим к Галдану посланцем Матвеем Юдиным, передавшим требование русского правительства об освобождении заявившего желание принять наше подданство Дайчин Калтазея-тайши и о выдаче «изменников кыргызов, тубинцев и алтырцев», племянник Галдана Дайчилай-ноен-кашка (должно быть, Даньцзила) объявил, что кыргызы и алтырцы «искони платили ясак дедам и отцам нашим, а ныне платят нам», а потому, как исконные данники, не могут быть выдаваемы русским, если являются по-прежнему к Бошокту-хану; прочих же изменников он выдает обратно, если кто из ясашных к нему явится[7].

По всей вероятности, сведения Унковского о том, что Галдан умножал свои войска ополчениями тюленгутов (алтайцев) и киргизов, совершенно справедливы. Галдан сумел привлечь к себе симпатии и помощь киргизских князей, которые держали между

---

[1] «Томские губернские ведомости», 1860 г., № 52, стр. 386.
[2] «Посольство Унковского к контайше 1722-1724 гг., Спб., 1887 г., стр. 183 и 184.
[3] Дополнения к актам историческим», том 8, стр. 151.
[4] «Эрденийн Эрихэ», стр. 170, 191, 194.
[5] Там же, 231.
[6] То же, 232, 186.
[7] «Посольство из Тобольска к Бошокту хану зюнгорскому в 1691 году» в «Сибирском вестнике», 1821 г., части 15 и 16, стр. 24-26

прочим его сторону в борьбе его с Цэцэн-ханом за обладание зюнгарами, в 1676 году, приняв в ней личное участие. Для этого Ернак и Даин-ирка, как видели мы, отлучались в то время за Саян. При шерти с Старковым в 1680 году Ернак решительно отказался что-либо сообщить о предприятиях Галдана. Надо полагать затем, что киргизы, вероятно, под начальством своих князей составляли часть войск, с которыми Галдан вторгался в 1788-1697 гг. в Халху и южную Монголию. Этим отвлечением сил киргизов за Саянский хребет и объясняется относительное спокойствие на Енисее между 1685 и 1699 годами. Со своей стороны и сибирские воеводы, конечно, как видим на примере Барятинского, опасались вызвать предприятиями против киргиз вмешательство могущественного Галдана. Исключением является только совершенный красноярцами в 1693 году, под предводительством сына боярского Василья Многогрешного, поход в тубинскую землю, при котором «князца Шандычка с его улусными людьми побили за измену их, за воровства и разорение, и за отогнанные лошади, и за ограбленные ясачных людей животы. Он (Шанды) с улусными людьми по красноярских служилых людей из луков, из пищалей стреляли и многих переранили, а иных побили до смерти... Красноярских всяких чинов служилых людей и татар побито до смерти 6 человек, ранено тяжелыми и легкими ранами 21 человек. А воров изменников тубинцев побито до 500 человек и больше, в полон взято жен их и детей 600 человек и больше; достальных воров искал сын боярский Тит Соламатов с тов., побили ж 24 человека». Вследствие челобитья красноярцев было им пожаловано «за ту службу, и за кровь, и за раны» раненым по одному рублю, «за явственный бой» по 50 коп. человеку, за побитых тубинцев за 500 человек тоже по рублю, всего 888 рублей соболями и мягкой рухлядью из местного ясака [1] .

[1] «Исторические акты XVII столетия», изд. Инн.Кузнецовым, стр. 66 и 67. По другому акту («Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1, стр. 15 и 16) поход Многогрешного отнесен к февралю 200 года, а сумма наградных денег означена в 800 р.

7. Переселение енисейских кыргызов в Джунгарию

Сведения Фишера, шведских офицеров и Риттера. Сомнения Словцова и указания Валиханова. Столкновения с кыргызами в 1700 и 1701 гг. Возложение на контайшу ответственности за беспорядки со стороны кыргызов. Обстоятельства, побудившие Цэван-Рабтана удалить кыргызов с Енисея. Увод кыргызов в Джунгарию осенью 1703 года. Мнение Валиханова о дальнейшей судьбе енисейских кыргызов. Немногочисленность кыргызов. Причины их силы. Кыргызы на Или, при урге. Их разброд и прекращение отдельного существования во время смут в Джунгарии и войн калмыков с Китаем.

По словам Фишера, енисейские кыргызы «в начале нынешнего (XVIII) века, по дружелюбным договорам, уступлены ... калмыкам, однако с тем, чтобы они из спорной в то время земли, которую они набегами своими многократно беспокоили, выбравшись, далее внутрь калмацкой земли отступили»[1]. Еще ранее об этом выселении кыргызов сообщали бывшие в Сибири пленные шведские офицеры, но они не определяли в точности места водворения кыргызов и только «гадательно предположили их близ Индии»[2]. По Риттеру кыргызы переселились к сродным им по племени бурутам в китайский Туркестан и в степи, лежащие на юго-восток от Иртыша[3].

---

[1] «Сибирская история», 1774 года, стр. 63.

[2] Левшина «Описание киргиз-кайсацких орд и степей», 1832 г., часть 2, стр. 12-14.

[3] Тома III русского перевода стр. 565 и 566. В другом месте (тома II, стр. 278) читаем: «Сначала (1606 г.) буруты легко покорились первым русским завоевателям... Но со времени возвышения могущества элютов и джунгаров киргизы нашли, что гораздо выгоднее избрать собственных ханов (с 1632 года), которые находились бы под покровительством могущественных джунгарских владетелей и управляли бы народом. После этого они так усилились, что в состоянии были бороться с русскими; причиняли им много вреда на Енисее; также оттеснили союзников их калмыков (1673 г.), подвигаясь мало-помалу к западным пределам Сибири, и даже овладели калмыцкими степями (при Аюке-хане в 1672 г.), когда калмыки удалились на Волгу. В этих степях они известны еще поныне под названием киргизов или бурутов. Таким образом, горное их отечество на верхнем Енисее было покинуто и долговременное противодействие их распространению русских колоний само собою уничтожилось. Последние остатки вышли из Сибири в начале XVIII века и переселились к соплеменным бурутам, обитающим в китайском Туркестане» ... Небезынтересно, что эта масса ошибок, путаницы и неверных фактов заимствована Риттером главным образом у Клапрота, а он почерпнул, кажется, часть их у Георги и у его источников. В «Описании всех обитающих в российском государстве народов» и пр. (Спб., 1799 г., часть вторая, стр. 119 и 120) говорится, что киргизы во время завоевания Сибири кочевали «при верхнем Енисее... Они бывали то союзниками России, Золотой орды или соонгарцев, то паки их неприятелями: от чего много претерпели в Сибири, особливо красноярские, чулымские, барабинские и алтайские татары. В 1632 избрали некоторые киргизцы совокупно с туркестанцами общего хана и получили и сами название туркистанцев; в 1636 г. были они, по причине оказываемого им соонгарцами покровительства, опасны, напротив того в 1643 году претерпели они от калмыков поражение... По всем таковым переменам пришли они от Енисея на Обь и вообще подавались все далее на запад и юго-запад». В примечаниях Клапрота к Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucose par le comte Potocki (t. II, Paris, 1829, p. 44) значится: «Истинные киргизы, называемые ныне кара-киргизами и бурутами, занимали (в XVII веке) в южной Сибири берега Енисея, Юса, Абакана и Оби и находились, следовательно, на северных склонах гор Саянских и Малого Алтая и налево от Иртыша, от развалин, именуемых Джалин-обо или Калбазинская башня, до реки Сары-су и города Туркестана, и от озера Аральского до Ембы. В 1606 году они и их соседи, тюрки Барабы, поддались России; с этого времени они были то союзниками русских, то друзьями джунгаров. В 1632 г. они избрали себе хана, который управлял всем народом; соединившись с джунгарами и пользуясь их поддержкою, они сделались опасными для русских и побили в 1673 году калмыков южной Сибири, дружественных русским. Во время этих войн, постоянно переменяя места кочевок, они все подвигались на запад и кончили тем, что заняли степь, в которой обитали калмыки, которые ушли сами на Волгу. Последние из этих киргизов оставили Сибирь в начале XVIII столетия и удалились к бурутам, народу того же корня, как они, обитающему в китайском Туркестане».

Уже Словцов в «Историческом обозрении Сибири» сомневался, чтобы «удаление киргизов от красноярской границы исполнено было контайшою по требованию нашего правительства», и полагал, что киргизы ушли сами после поражения, нанесенного им в 1704 году на Божьих озерах томским казачьим отрядом под начальством Цицурина, причем убито было 113 кыргыз и татар и в плен взято 237 человек[1]. В помещенных в «Записках русского географического общества» за 1861 год «Очерка Чжунгарии» Чокан Валиханов указал на два акта, сохранившихся в архиве областного правления в Омске и выясняющих ошибочность известий Фишера[2].

Акты из портфелей Миллера, относящиеся к началу XVIII столетия и изданные лишь в 1882 году, дают возможность несколько проследить столкновения с кыргызами в конце XVII и в начале XVIII столетий и выяснить причины и время оставления кыргызами земель своих на Енисее. В акте, помеченном январем 1701 года, значится между прочим; «В прошлых годах (ранее 1680 года, как видно из последующего) киргизские князцы Ереняк Ишеев с товарищи и со всеми своими улусными татары прихаживали под Красноярской и в красноярские уезды войною ... И в прошлых же годах ...посланы были к ним, киргизам, из Красноярска служилые люди... И те киргизские князьцы учинили с теми красноярскими служилыми людьми примирение... и били челом... служить ему, великому государю, ...и ясак с себя и с кыштымов платить ... И на том ... по своему бусурманскому обыклому закону, во всем шертовали... И в том они, киргизы, не устояли: ...В 188 (1679-1680) году и в иных разных годах ...под Красноярской сибирской город приходили войною ж... И после того, по все годы, они, воры киргизы, человек по 15 и больши, в ... ясачную землицу приезжают и ... ясак ... отымают насильством». Далее в том же акте приведены случаи убийств киргизами русских промышленников в 191, 197, 201 (1683, 1689, 1693) гг. и увод в 200 г. «ясачных канской и камасинской земель 37 человек со всем кочевьем» и т.д. Конца цитируемого акта не сохранилось, а потому исчисление кыргызских набегов, грабежей и убийств не доведено до 1701 года[3].

Военные действия возобновились со стороны киргиз, оставивших без отмщения поход Многогрешного на тубинцев, только после смерти Галдана и были вызваны

---

[1] Книга 2, изд. 1886 г., стр. 73 и 74. Первое издание 1844 г.

[2] «Записки географического общества», 1861 г., книжка 2, стр. 46 и 47. Еще ранее о. Иакинф («Историческое обозрение ойратов или калмыков», Спб., 1834 г., стр. 29) относился к известию Фишера с недоверием: «Любопытно бы знать, где находится сей договор или по крайней мере где упоминается о нем». По Спасскому («Сибирский вестник», 1818 года, часть вторая, стр. 28), «хотя Фишер полагает, что они в начале XVIII столетия перебрались к калмакам..., но он не представил на сие никакого верного доказательства. Справедливее можно думать, что они перешли к единоземцам своим за Иртыш и там навсегда остались».

[3] «Памятники сибирской истории XVIII века», Спб., 1882 года, книга 1, стр. 110 - 112. По «книге приходной ...поминком и ясаку томского города» («Томские губернские ведомости» 1864 года, стр. 92, 93, 96) оклад ясаку и поминок на 1692 год и недоимки прежних лет с шести «горных порубежных волостей, которые живут в киргизах», не были взысканы, потому что ясачные люди этих волостей, всего 41 человек, «живут от Томска в дальних местах с киргизскими людьми заодно, ...служилым людям чинятся непослушны..., поминков и ясаку не дают». По именам некоторых из этих шести волостей (шуйская, камларская, кымыйская, чоинская, тастарская, горная порубежная) можно считать их частью кызыльскими, частью кузнецкими родами, обитавшими около водоразделов между притоками Томи и Абакана с Черным Юсом.

задержанием в 1697 году в Томске, по неизвестной причине, дяди князя Корчи Итполы, который привез нового аманата вместо прежнего, своего сына, а также построением острога на р. Коштаке[1]. По этим поводам киргизами было сделано в 1698 г. несколько небольших набегов, угнано 370 лошадей, много рогатого скота, убито до 10 ч. служилых людей, у которых киргизы будто бы «груди вспороли и теми грудми глаза им застилали»[2]. Последовавшее 25 февраля 1699 года распоряжение Сибирского приказа о том, чтобы потребовать от киргиз присылки князя Корчи и брата его Чагуна с обещанием освободить тогда Итполу и аманатов[3], конечно, отнюдь не умиротворило киргиз. Набеги усилились. Высланные из Томска против вторгнувшихся 14 сентября киргиз улуса Корчи томские служилые люди встретили киргиз на р. Паче, взяли в бою над ними верх и преследовали обратившихся в бегство киргиз три дня, прекратив потом погоню «за лесами и нужными пути». «А побитых своих людей тела, бегучи, они, киргизы, в сенных стогах жгли, да с собою де увезли убитых двух человек...: те люди знатные»[4]. Испросив 16 февраля 1700 года особой челобитной разрешение воеводы, томские «охочие разных чинов люди», под предводительством сына боярского Юрия Роецкого, совершили по последнему зимнему пути поход на киргизов к Божьему озеру с целью грабежа. Разорив 7 юрт кызыльцев на р. Бережи, эти 250 охочих людей имели у Божьего озера стычку с кызыльцами и киргизами, потом ограбили на р. Базыр 11 юрт, убили 18 человек, взяли в плен 4 ч. и ушли обратно в Томск[5]. В том же году, неизвестно в каком месяце, ходили на киргиз и красноярцы, разбили князя Корчи в низовьях Абакана, многих убили, в том числе его брата, и взяли в плен более 80 ч., в том числе мать и сестру Корчи[6]. Со своей стороны киргизы в 1700 году, после похода Роецкого, угнали конские табуны деревни Лодейской и др., убив двух табунщиков и взяв в плен трех человек[7]; в Томском уезде, на Яр реке «убили до смерти разных людей мужеского пола 11 ч.», в сентябре месяце[8]; подступали к Мелескому острогу, стояли под ним 8 дней, убили на р. Чулыме 4 служилых людей[9]; «сентября в 18 день пришли под Кузнецкой внезапу киргизские князцы Тагкытка Таин-Иркин да Коржинко Ереняков, да контайшин посланец Кичик, ... на полях людей побили, ...табуны... и горатый скот отогнали ...и стояли под городом неделю», убили 17 мужчин, 16 женщин и белых калмыков 7 человек, да в полон увезли из последних 43 мужчины и 4 женщины[10]; в

[1] «Памятники сиб. истории XVIII века», кн. 1, 1882 года, стр. 8, 71 и 72. Острог на Коштаке был устроен для добычи открытой тут в 1695 году серебряной руды («Историческое обозрение Сибири» Словцова, изд. 1886 года, кн. 1, стр. 116).
[2] «Памятники» и пр., кн. 1, стр. 7.
[3] Там же, стр. 20.
[4] То же, стр. 6 и 19.
[5] «Памятники» и пр., кн. 1, стр. 53, 36, 37. «И в тех юртах (на Базыре) казак Гришка Берескин мужика убил, один, именем Ерпачка, был вор, и по многие годы ...под Томской киргизских людей подводил.
[6] Там же, стр. 190 и 191.
[7] То же, стр. 76 и 77.
[8] «Памятники», кн. 1, стр. 90.
[9] Там же, стр. 9.
[10] То же, стр. 92 и 96.

октябре «на Чюлыме реке деревню Серединину разорили, человек с 30 побили до смерти, а иным де носы и уши резали»[1].

Посланный на киргиз с 515 ратными людьми сын боярский Семен Лавров, выступив из Томска 26 января 1701 года, «на лыжах, с нарты», достиг Белого озера в киргизской земле 16 февраля, разбил 16-18 февраля в разных местах 20 юрт, побил более 50 ч., взял в плен обоего пола 72 ч. и 19 февраля ушел обратно в Томск. Князья Корчи и Даин-ирка находились в то время в поездке к контайше[2].

Опасаясь новых погромов со стороны русских, киргизы не могли оставаться на своих кочевках около Юсов и озер, слишком близких к Томску и Красноярску, и старались держаться вместе, чтобы располагать для защиты всеми своими силами. Так, в одном акте встречается известие, что киргизы сосредоточились «за Уйбатом рекой, на речке Сеоле».

Из приводимого в одном указе упоминания челобитчика о том, что в 1700 году, когда приходили под Красноярск «киргизские воинские люди», он участвовал в вылазке и погоне за неприятелем, можно заключить, что киргизы нападали в 1700 году и на Красноярск[3].

Отправленному в мае 1700 года из Томска, для переговоров по киргизским делам к посланцам контайши, толмачу Афанасию Кожевникову князь Корчи говорил, что Итпола приезжал « в Каштацкий острог для миру и отгонной скот отдал, а вы де его ныне держите... Воевали под Томским в деревнях ясачных волостях ... для того, что де русские люди Каштацкий острог поставили на их киргизской земле насильством своим... Будет де и впредки Каштак сведен не будет, и я воевать стану». По словам того же толмача, сын Итполы и князь Улагач уверяли его секретно, что Корчи затевает набеги и войну один с своими улусными людьми, без соглашения с остальными князьями. Если это не была уловка для освобождения Итполы, то такие речи киргизских князей указывают на не замечавшуюся между ними прежде рознь[4].

<...> сестру родную и иных многих, человек с 80 и болши, взяли в полон»[5]. После этих погромов князья Корчи, Даин-Иркин и другие вынуждены были оставить свои старые кочевки и собраться в одном месте «за Уйбатом рекой, на речке Сеоле»[6]. Летом 1701 года, желая, вероятно, выручить своих пленных, а быть может, и «по приказу контайши», - на которого кыргызы при переговорах не раз ссылались[7], - кыргызы, через

[1] И., стр. 96. По сведениям Словцова из неизвестного источника («Историческое обозрение Сибири», 1886 года, кн.1, стр. 146), Сибирский приказ запрашивал: «до какой цены простираются убытки, причиненные киргизами и калмыками (в 1700 году)? Когда ответствовано, что убытки имуществ ценятся по уезду Томскому в 11994 р., по Кузнецкому в 12343 р., разрешено воздать такою же мерою разорителям, и действительно нарочиные отряды козаков воздали им с лихвою».
[2] «Памятники», кн. 1, стр. 136-142.
[3] «Памятники сибирской истории XVIII века», кн.1, стр. 115.
[4] «Памятники сибирской истории XVIII века», кн.1, стр. 72 и 73.
[5] «Памятники», книга 1, стр. 190 и 191.
[6] Там же, 189.
[7] То же, 184.

калмыцкого уполномоченного Абазайсана, обратились в Красноярск с просьбою о мире. Воевода Мусин-Пушкин изъявил согласие, с тем, чтобы кыргызы прислали аманатов, чтобы возвратили отогнанных лошадей и «грабленные животы» и чтобы с кыштымов ясак по-прежнему давали. Красноярские посланцы Роман Торгошин с товарищами, вместе с посланцами из Томска и Кузнецка, сошлись 20 сентября в юрте Аба-зайсана со всеми кыргызскими князьями; тут были «алтырской тайша Батур, озерской Мергень Шорло, тайши алтызарские Агалак Кашка, Голега, Кубаши» из-за не явившегося по болезни князя Корчи его «многие знатные улусные люди»[1]. Кыргызы со своей стороны домогались возврата ограбленного в 1700 году красноярцами у 50 юрт в алтысаринском улусе, выдачи без выкупа матери и сестры Корчи и права «с канских (р. Кан) кыштымов имать, после государева ясаку, летом, дань свою железом и топорами, и Осипами (должно быть, это озупы, употребляемые и теперь для выкапывания съедобных кореньев), и орловым перьем (для стрел), кроме соболей, добровольно, а не сильно и не грабежом». Домогался особенно сохранения дани с канских кыштымов озерской князь Шорло. Он объяснял также, что не может дать в аманаты сына, потому что он находится у калмыков, а даст племянника Зансая. Вероятно, с этими оговорками кыргызы и «шертовали»[2] пред Торгошиным и другими посланцами. Прибывшим затем с возвратившимся в Красноярск Торгошиным кыргызам воевода объявил: «того, чтобы вам, кыргызам, имать с канских ясачных людей дань николи не будет, для того, что они, канские ясачные люди, исстари наших великих государей, и о том многие войны были ... А и преж сего они, канские и ясачные люди, за озерскими князьцы николи не бывали, а бывали они тубинские, а не озерские»... Кыргызские посланцы ответили, что Шорло отказывается от сбора ясака с канских людей[3]. Вероятно, пленные были освобождены, потому что Зансай «Ишею Мергеню внук» оказался в Красноярске, должно быть, в качестве аманата[4]. Но мир был непродолжителен. Уже в 1702 г. «киргизские князцы и улусные люди, по договору своему, с кыштымов своих ясаку не дали и ... аманатов не переменили, и тем договор свой нарушили»[5].

Между тем, ввиду производимых кыргызами разорений и опустошений, царская грамота от 15 марта 1700 года предписала томскому, красноярскому и кузнецкому воеводам «воров киргиз против прежних лет смирить войною», условясь между собою сделать нападение одновременно, чтобы разделить силы неприятеля[6], а 31 декабря того же года поручено было тобольскому воеводе князю Черкаскому, «буде от контайши... в Тобольск будут какие посланцы, спрашивать их: подлинно ли те калмыки и киргизы (которые производят грабежи и убийства в Томском, Красноярском и Кузнецком уездах) его ль контайшины? и буде его, для чего к нам, великому государю,

[1] Там же, 174, 175, 181, 182.
[2] То же, 182, 183. Присяга у кыргыз (стр. 179) «по их обыклости» состояла в том, что «они у шерти, обещався по своей вере, пили золото».
[3] «Памятники сибирской истории», книга 1, стр. 185.
[4] Там же, 184.
[5] То же, стр. 233 и 234. Киргизы обязались давать ясак «с озерских и тубинских кыштымов, со всех улусов, с трехсот луков» (стр. 185).
[6] Там же, стр. 30.

он посылает с миром погодно посланцев своих ... , а в то же время его подданные наших... людей побивают? Повелено было вместе с тем, если контайшины посланцы скажут, «что ... разорение чинят контайшины люди», задержать этих посланцев «в Тобольску и товары у них всякие и рухлядь, переписав, ... в сохранное место ... положить»[1]. Столкновения с киргизами, конечно, озабочивали московское правительство. Видя, что обычно принимаемые для усмирения непокорных инородцев меры оказываются тут недостаточными, Сибирский приказ старался выяснить - каким образом управиться с киргизами, посредством «допросов» приезжавших в Москву местных служилых людей. На таких допросах служилые люди много раз, с целью увеличения недостаточного числа ратных людей, просили «прибрать полк казачьих детей и их пожаловать ...против служилых людей». А также, для снабжения оружием, «послать ружей добрых, длинных, гладких и легких в Томской 1 000, в Красноярской 300 и в Кузнецкой 30 пищалей и раздать их казачьим детям». А иттить, - говорили служилые люди, - на неприятельских людей удобно зимним временем, в январе месяце, для де того, что у них в те поры бывает за лошадьми и за иным скотом остановка»: жеребятся кобылы и ягнятся овцы[2]. При одном допросе в 207 (1695) году томские, красноярские и кузнецкие служилые люди высказались, в виду подвластности и покорности киргизов цзунгарам, что следует контайше «писать из Москвы и учинить договор, чтобы они (киргизы) над ними (государевыми людьми) никакой шкоды и разоренья не чинили. А если де их смирить войною, томскими и красноярскими и кузнецкими людьми их смирить будет некем, потому что их, киргиз, многолюдство, а их (служилых людей) малое число, и теми людьми управитца будет некем»[3]. Быть может, именно это последнее мнение местных служилых людей о сношении с контайшою и вызвало указ 31 декабря 1700 года. По сведениям Словцова, который источников не указал[4], указ этот был получен на месте после проезда через Тобольск первого посланца нового контайши Цэван-Рабтана, который выехал отсюда в Москву 24 января 1701 года; на возвратном пути посланца наслано повеление проводить его восвояси с честью. Между тем по слухам известно, что Рабтан разыскивал в киргизских улусах, кто был зачинщиком грабежа на русской границе. Надо полагать, что так или иначе контайша был поставлен в известность, что русское правительство возлагает на него ответственность за кыргыз и что оно решило, для начала, наложить секвестр на товары, которыми обыкновенно снабжены были его послы и пользовавшиеся их проездом чжунгарские и кашгарские купцы, а затем могла последовать и война. Между тем политическое положение незадолго перед тем, по смерти Галдана, овладевшего Чжунгарией Цэван-Рабтана было еще весьма непрочно и первые годы своего царствования он должен был прежде всего употребить на восстановление единства и сил государства, расшатанного десятилетними войнами Галдана с халхасами и китайцами. Значительная часть лучших сил чжунгаров погибла в этих

[1] «Памятники» и пр., кн. 1, стр. 103.
[2] Там же, стр.7.
[3] То же, стр. 11.
[4] «Историческое обозрение Сибири», изд. 1886 года, кн. 1, стр. 142 и 143.

войнах, тысячи людей были захвачены в плен и задержаны в Халхе и в южной Монголии, истомленный народ был разорен и ослаблен вследствие тяжких усилий для ведения борьбы с соединенными силами Халхи, Китая и чжунгарских изменников, предводимых самим Цэван-Рабтаном. Пользуясь такою слабостью чжунгаров, казаки и тяньшанские кыргызы возобновили свои на них набеги, а покоренные Галданом города Восточного Туркестана пытались возвратить независимость. При таких обстоятельствах Цэван-Рабтану пришлось заботиться прежде всего о восстановлении внутреннего порядка в Чжунгарии и укреплении своей собственной власти, которая признана была, по- видимому, не без колебаний со стороны чжунгарских старшин, из которых некоторые удалились к китайскому двору и возбуждали императора против Цэван-Рабтана. Воспользовавшись нежеланием Канси возобновить недавно оконченную трудную войну, новый чжунгарский хан сумел сохранять мирные отношения с Китаем, не без уступок, но и не слишком поступаясь своими интересами и достоинством. Унаследовав виды на Халху и предвидя неизбежную со временем борьбу за нее с Китаем, Цэван-Рабтан должен был всего менее желать враждебных столкновений с Россией, от которой ему приобретать было нечего. Яблоком раздора с русскими являлись одни кыргызы, а потому Цэван-Рабтан решил переместить их в Чжунгарию, где нетрудно было найти место для нескольких тысяч новых кочевников. Оставлять беспокойных кыргызов не только на старых их землях, где отношения их с русскими достигли крайней степени обоюдной ожесточенности и где не было возможности предотвратить новые столкновения, но и вообще на русской границе, он не мог. Так и объяснил переселение кыргызов нашей Коллегии иностранных дел посланец контайши, в 1721 году, заявив, что вследствие многих обид со стороны пограничных русских начальников «его подданным киргизским улусам, ... он (контайша) принужден был из тех мест, где его подданные киргизцы кочевали, перевести в свои ближние улусы, не желая дать причины всяким ссорам с обеих сторон»[1].

Первые известия об уходе кыргызов в Чжунгарию получены были в Красноярске в октябре 1703 года. Именно 15 октября один кизыльский татарин сообщил в верхний красноярский караульный острог: «Приходили де 2500 калмыков в киргизскую землицу и киргиз де к себе загнали всех, и ныне де в киргизской землице киргиз никого нет»[2]. Таким образом, кыргызы уведены были в Чжунгарию осенью 1703 года[3]. Посланные для проверки вестей об уходе кыргызов дети боярские Иван Злобин с товарищами «из

[1] Посольство Унковского, стр. XIII.
[2] «Памятники сибирской истории», книга 1, стр. 232.
[3] Это, однако, не помешало высылкам из Томска отрядов будто бы на киргизов в декабре 1703 и даже в 1704 г.: посланные 12 декабря 1703 года на Белое озеро 500 ратных людей «на р. Базыре киргизских людей и шусских татар юрт до 50 и болши разбили и многих людей побили до смерти ... и в полон живых взяли 146 ч.» «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. I, стр. 237); отправленные 10 марта 1704 года с головами Качановым и Цыцуриным 738 ратных людей перебили на Божьем озере 113 киргиз и татар и в плен взяли 237 д. обоего пола (там же и Словцова «Историческое обозрение Сибири», изд второе, кн. 2, стр. 74; по акту, напечатанному в «Томских губернских ведомостях», 1875 года, № 43, первый поход отнесен к 1704 г., а поход Цыцурина даже к 1706 г., вероятно, ошибочно). Конечно, от этих походов терпели не киргизы, находившиеся уже в долине р. Или, а более или менее мирные кызылы, оказавшие, быть может, в отчаяньи, сопротивление лишь грабежу и захватам людей в рабство.

Красноярска в киргизскую землю ездили и киргизских князцов никого не изъехали[1], а потому без помехи собрали ясак с бывших кыргызских кыштымов. Выбежавшие впоследствии в Сибирь от калмыков кыргызы показывали, что за кыргызами из земли контайши приходили три зайсана с 3500 калмыков и заставили кыргызов («сильно, токмо без бою») идти в чжунгарскую землю, где допрашиваемые люди жили в большой урге и платили подать[2]. Оставленные кыргызами земли были вскоре заняты их соплеменниками и данниками, двинувшимися на удобные пастбища с севера (качинцы, сагайцы, кызылы), с востока и с юга из Саяна (койбалы и вообще самоедско-остяцкие племена) и запада (черненые татары). «В прошлом ... и в нынешнем 720 году ...уехали из Красноярска без отпуску подгородные коченские, и аненские, и ястынские служилые и ясашные татары, со своих урочищ, с женами и с детьми, и со скотом, вверх Енисея реки, и живут в разных местах, где прежде сего жили киргизы»[3].

Валиханов думал, что выселенные кыргызы составляли «не весь народ, а только 3 т. кибиток, которые, надо полагать, соединились с джунгарами. Они-то, может быть, составили калмыцкий нутук (поколение) киргиз, давший отцу Иакинфу повод сделать заключение, что сибирские киргизы было монгольского племени. При этом возникает вопрос: куда же девались эти сибирские киргизы, народ сильный настолько, что в продолжении целого столетия тревожил своими набегами сибирские города и боролся с сильными соседями, каковы были джунгары и алтын-ханы урянхайцев?». Вопрос этот Валиханов разрешает предположением, что енисейские киргизы существуют на старых местах под другими именами, напр. именем сагайцев и т. под.[4] Представление об енисейских кыргызах, как о народе многочисленном, ошибочно, так как они могли сами выставить только около тысячи ратников. Это удостоверяется относящимися к 1675 году известиями проезжавшего через Сибирь и составлявшего, по официальному поручению, ее описание, пользуясь всеми сведениями местных русских властей, царского посла в Китай Спафария. В «книге» его читаем: «В Красноярском уезде множество деревень есть и служилых людей с 1 000, только всегда опасно им от киргиз: их человек с 1000, только гораздо воисты; и язык, и вера их татарская»[5]. Возвратившимися в Сибирь в 1746 году кыргызскими беглецами число кыргыз показывается в 3 т. кибиток. По китайским сведениям, которыми пользовался о. Иакинф[6], в джунгарском отоке «киргиз» показано 4 т. кибиток. Конечно, поименование кыргызов

[1] «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1, стр. 233-235.
[2] «Материалы для истории Сибири» Г.Н.Потанина, Москва, 1867 г., стр. 80. Допрошенные в 1746 году беглецы показывали между прочим: «а стояли де они (кыргызы) особливым кочевьем, всего мужеского и женского пола тысячи с три дымов; и захватили де оные зайсаны войсками своими внезапно и увезли в зенгорсую землицу сильно, токмо без бою. И жили там в зенг. землице в Большой Урге» (стр. 80, 127 и 128). Они же называли начальником уведенных кыргызов Танбын-Батырь-Датжи и упоминали, что сын его Чайлыш в 1746 году еще проживал в урге. В 1700 г. при переговорах с красноярским посланцем Романом Торгошиным, во главе кыргызских князей, за болезнью Корчи, значится «алтырский тайша Бутур» («Памятники сибирской истории восемнадцатого века», книга 1, стр. 181): должно быть, это и был Танбын-Батырь-тайши.
[3] «Памятники сиб. истории», кн. 1, стр. 282.
[4] «Очерки Джунгарии» в «Записках р. геогр. общества», 1861 г., кн. 2, стр. 47 и 48.
[5] «Путешествие» Спафария, стр. 85.
[6] «Историческое обозрение ойратов или калмыков», Спб., 1834.

в числе олотских отоков или волостей отнюдь не значит, что это были люди монгольской народности. Кыргызы не были монголами, как не были ими помещенные в том же списке чжунгарских волостей отоки тюлегут и мингат, принадлежавшие и принадлежащие доселе к тюркскому племени.

Сила енисейских кыргызов зависела не от их численности, а от выгодного положения небольшой, но дружной, воинственной и предприимчивой кучки кочевников между разрозненными и разноплеменными полуоседлыми и звероловческими родами. Этот маленький, но энергичный, приученный веками к господству над окрестными, постепенно им отуречиваемыми, самоедскими и остяцкими родами, народец действовал в борьбе с русскими не одними собственными силами, а также ополчениями своих данников, главное же опирался на помощь и защиту сначала монгольских алтын-ханов, а потом более могущественных чжунгарских контайшей. Сила кыргызов истекала также из слабости русских, разбросанных по отдаленным один от другого городам и острогам, и из неблагоприятных для военных действий русских ратных людей местных условий. «А изгоном бы их, киргиз, воевать добро, - заявляли в Москве томские служилые люди, - и в Томском, Кузнецком и Красноярском людей мало, а (от) остальных городов отдалели»; ратные «люди - нужные и бедные, по два и по три на одной лошади, а иной пеш всегда бродит, а запас на себе таскают, нартами, голодают, и от того голоду всегда ратные люди от киргиз погибают, а недругу в посмех». Прослышав о сборах против них русских, кыргызы отсылали свои семьи и скот в трудно доступные ущелья верховий Абакана и Уйбата, а «сами выезжают с боем»[1]. Понятно, пешие и голодные русские ратные люди, таскавшие продовольствие на себе, не могли далеко проникать в киргизскую «землицу» и скоро должны были отступать пред привычными к боям киргизскими наездниками, опасаясь иногда быть подавленными многолюдством монголов и калмыков, которые могли явиться на помощь кыргызам.

Что же, однако, сталось с переведенными в Чжунгарию 3 т. кибиток кыргызов? По неимению других известий, нельзя отвергать вышеприведенного показания кыргызских выходцев о том, что весь кыргызский оток кочевал при главной урге чжунгарского хана, по крайней мере до 1746 года, до ухода допрошенных на сибирской границе беглецов. По сведениям посылавшегося в Чжунгарию в 1748 году прапорщика Подзорова, ханская урга кочевала, за рекою Или, в числе тысяч пяти кибиток[2], так что кыргызы могли составлять часть кочевавшей при хане орды. Между тем именно с этого времени, после смерти Галдан-цэрэна, наступили в Чжунгарии внутренние смуты, свержения и убийства ханов, а затем нашествие китайцев и покорение ими калмыков, с истреблением большей или меньшей части восставших чжунгаров. Нельзя, кажется, допустить, чтобы столь стойкая народность, как

[1] Дополнения к актам историческим», том 10, стр. 391-393.

[2] Историк Миллер утверждал, в своем «Рассуждении о предприятии войны с китайцами», сочиненном в 1763 году, что «Россия основательное имеет право требовать (от Китая, завладевшего Цзунгариею) назад весь народ бурутов, яко давнишних российских подданных, кои никогда в калмыцкую сторону уступлены не были» («Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами, составленное Н.Бантыш-Каменским, Казань, 1892 года, стр. 400).

енисейские кыргызы, омонголилась в течение всего только полувека, протекшего со времени оставления ими Енисея до разрушения чжунгарского государства. Всего естественнее и ближе было для кочевавших при ханской урге кыргызов примкнуть, после разгрома калмыков китайцами, к тяньшанским кыргызам, но легко могло быть, что случайности военных действий и внутренних смут, отбросив кыргызов на север от Или и Текеса, не дозволили им уйти на Нарын. На это указывает отсутствие между тяньшанскими кыргызами всяких преданий о присоединении к ним выходцев с Енисея. Невероятно также, чтобы енисейские кыргызы вошли в состав киргиз-казачьих орд или примкнули всею своею массою к алтайцам и урянхайцам или саянцам, потому что тут нигде нет кости кыргыз сколько-нибудь значительной численности, хотя бы в несколько сот кибиток. Приходится поэтому пока предполагать, что кочевавшая при чжунгарской урге волость енисейских кыргызов, во время смут и войн, ознаменовавших разрушение калмыцкого царства, была истреблена или разбилась на мелкие частицы, которые разбрелись по всей восточной части киргиз-казацкой степи и по западной Монголии, присоединяясь в составе немногих семей к тянь-шанским кыргызам, к киргиз-казакам, к урянхайцам и, быть может, к алтайцам[1]. Можно думать, что существующие поныне кыргызские роды (кыргыз, иргыт, сарык) между сагайцами и кызыльцами[2] и тубинский улус между качинцами[3], на прежних кыргызских землях, составились не из одних не выселившихся кыргызов, но и из некоторого числа кыргыз, бежавших в разное время, особенно после 1757 года, из Джунгарии. Такие же остатки от ушедших с Енисея кыргызов представляют собою кыргызские кости у урянхайцев, каковы сумуны кыргыз в хошуне сальджак, кость киргиз в да-хошуне ведомства саинноина, иркит в хозут-хошуне, иргыт в ойнар-хошуне и иргыт же в бейсе-хошуне[4]. У алтайцев также есть кости кыргыз и иргыт[5]. На разброд кыргызского отока мелкими партиями в разные местности указывает между прочим нахождение частицы их между кундровскими татарами, кочующими по Ахтубе, в низовьях Волги; сюда кыргызы попали, после распадения джунгарского царства, пристав к той части калмыков, которая бежала из Джунгарии к волжским торгоутам под предводительством Цэрина; по прибытии на Волгу кыргызы, естественно, примкнули к местным тюркам, к кундровцам, которые признавали в то время власть торгоутского хана[6]. Между

---

[1] «Полагали, говорит В.В.Радлов в статье своей Observations sur les kirghis (Journal asiatique, 1863, t. II, 6-eme serie, p. 314), что они (енисейские кыргызы) ушли на юг, в Тяньшань. По моему же мнению, большая часть их рассеялась между соседними народами (телеуты и сойоты) и очень небольшое число переселилось за Нор-Зайсан, к киргиз-казакам».

[2] Aus Sibirian, I, s.s. 184, 208.

[3] Тубинский улус между качинцами есть, вероятно, остаток кыргызского тубинского улуса. Сын боярский Иван Злобин с тов. в апреле 1704 года, в кыргызской земле «киргизских князцов никого не изъехали, а изъехали прежде осталцов тубинцев семи человек» («Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 2, 244).

[4] Aus Sibirian, I. 221. Потанина «Очерки сев.-западной Монголии», вып. IV, стр. 11. - А.М.Африканова «Урянхайская земля и ее обитатели» в «Известиях восточно-сибирского отдела р. географического общества», том 21, 1890 года, стр. 50.

[5] Aus Sibirian, I, 217.

[6] «Между ими (кундуровскими татарами) находятся несколько бурутов или Большой орды киргизцов, которые в 1758 году с некоторым числом соонгарцев соединились» («Описание всех обитающих в росс, государстве народов» и пр., 1799 г., часть вторая, стр. 4). По показанию вышедших в ноябре 1758 года на сибирскую границу мингатов, кочевавших на Таласе, в 1755 году нападали на них китайские войска,

джалаирами Большой орды, на р. Каратале, приток Балхаша, также есть подразделение «киргиз-дар»[1].

киргиз-кайсаки и буруты; многие разбежались и были побиты; «мы, собрався обще с теленгутами и киргизами, пошли на прежние свои жилища в Алтай... А в прошлом году опять напали китайские войска, и несколько теленгутов и киргизы ушли в Россию» («Материалы для истории Сибири» Г.Н.Потанина, Москва, 1867 года, стр. 101). Вероятно, эти енисейские кыргызы были препровождены с искавшими у нас спасения калмаками к волжским торгоутам и там пристали к кундорским татарам. - По Левшину («Описание киргиз-кайсацких орд и степей», часть 2, стр. 12) «в Башкирском народе есть одна волость или поколение, называемое киргиз. Полагать должно, что оно составляет отрасль ...бурутов; но когда соединилось оно с башкирами, нам неизвестно».

[1] «Река Каратал с ее окрестностями» Н.А.Абрамова в «Записках р. географического общества, по общей географии», том 1, 1867 года, стр. 271. Тот же Н.А.Абрамов («Река Аягуз с ее окрестностями» в «Тобольских губернских ведомостях» 1861 года, № 35) показывал в составе джангулы-семиз-наймановской волости бывшего Сергиопольского округа отделение естемес рода кыргыз, в числе 147 кибиток, имевшее зимовки на Аягузе и летовки в горах Ачкатау; было бы полезно проверить эти сведения, потому что эти почти полторы сотни кибиток рода кыргыз легко могут быть потомками частицы енисейских киргизов, приставшею к найманам в начале второй половины XVIII века.

8. Роды кыргызов и подчинявшиеся им племена

Разделение кыргызов на отделы джеты-сары и алты-сары. Тубинцы. Кыргызские кыштымы: байгадо и маторы. Качинцы, сагайцы и кызылы. Енисейцы: арины, ассаны и котты. Сведения об енисейцах сибирских актов. Их слитие с качинцами и сагайцами по уходе кыргызов. Кузнейцы. Шорцы. Черневые татары. Енисейские остяки по Кастрену. Сведения о них Миддендорфа, Мордвинова, Кривошапкина.

В сибирских актах XVII столетия сведения о быте кыргызов почти отсутствуют. По случайным упоминаниям можно заключить, что кыргызы разделялись на несколько волостей или, быть может, родов, из которых один, кочевавший между Юсами и Енисеем, назывался десарским, джесарским, исарским (все это, кажется, сокращения и разные произношения слов джеты- или джиты-сары, т.е. семь желтых или рыжих); князья этого рода были, кажется, потомками Немчи. Так, во главе этого рода видим сына Немчи Ишея, потом внука Ернака, наконец сына последнего Корчи. Второй род, кочевья которого находились на р. Абакане, на Уйбате и других притоках Абакана, назывался алтысарским, алтызарским (от алты-сары, шесть желтых) и имел, по-видимому, особых князей, родственных, однако, джетысарским. Упоминаются еще волости и князья озерские (от озер, <...> у которых они кочевали), кажется, отделение джетысаров и алтырские, быть может, отделение алтысаринцев.

Ближайшим родственным, почти одноправным с кыргызыми, племенем считались тубинцы. Тубинцы и их князья, до самого ухода кыргызов в Чжунгарию, действовали во всем с кыргызами заодно и кыргызы отстаивали их интересы наравне с собственными своими[1]. Обитали тубинцы на правом берегу Енисея, где впадает р. Туба. В одном акте 7191 года читаем: «А по другую сторону Енисея и по Упсе реке живут киргизы же, имя им тубинцы, а с ними иных многих земель дальние люди»[2]. Упса, по Миллеру, то же, что Туба[3]. Кастрен считал тубинцев отуреченными самоедами, кажется главным образом по имени туба, но он же сообщает, что качинцы зовут людей тубинского улуса кыргызами[4]. Так как русские, качинцы и сами кыргызы считали тубинцев за кыргыз, то вероятнее предполагать им общее с кыргызами происхождение, т.е. от динлинов, но с примесью, быть может, отуреченных самоедов, от которых получили они свое родовое или улусовое имя, если только оно не дано им по реке Тубе[5]. По довольно значительной численности тубинского улуса у каченцев (в конце сороковых годов 914 душ обоего пола)[6] можно полагать, что значительная часть или все тубинцы не пошли с

[1] Кыргызы в 1630 году «говорили, что тубинцы и киргизцы — один народ; за показанную одному обиду, другой мстить должен» («Ежемесячные сочинения», 1764 года, первое полугодие, стр. 307).
[2] «Дополнения к Актам историческим», том 10, стр. 392.
[3] «Ежемесмячные сочинения», 1764 года, первое полугодие, 517.
[4] «Магазин землеведения», изд. Фроловым, том VI, ч. И, стр. 375.
[5] По р. Тубе, близ сел. Шалаболина, сохранилась монгольская писаница, на утесе, содержащая, по чтению и переводу священника Орлова, мирный (?) договор, заключенный каким-то ламою, по поручению Галдана-Бошокту-хана, с каким-то местным князем «народа туба» («Древности минусинского музея», стр. 38).
[6] «Алтайско-саянская горная система», стр. 572.

кыргызами в Чжунгарию[1] и переместились на левый берег Енисея на оставленные кыргызами земли[2].

К концу XVII столетия кыштымами (данниками) кыргызов оставились еще енисейско-остяцкие, а также самоедские роды северных склонов Саянских гор и прилежащих земель, к югу от Абакана и Тубы. Из них упоминаются в актах бокотовцы, т.е. род байгадо нынешних койбалов, в котором Кастрен видел енисейско-остяцкие роды Bai и Kaiding[3], и моторы[4]. Ныне земли между Абаканом, Енисеем и Саянами занимают говорящие качинским наречием койбалы (в 1858 году 672 души мужеского пола), состоящие кроме енисейцев (байгадо) из родов самоедского, по Кастрену, происхождения[5]. По правой стороне Енисея, в Саянах, уцелели теперь только около 500 душ карагассов, самоедского происхождения, тоже говорящие теперь по-качински[6]. Маторы (маты актов) в последнее время вымерли окончательно и на южной стороне Саянского хребта[7], куда перешли было остатки их.

Ранее кыргызскими данниками[8] состояли и все остальные племена, земли их окружавшие. Ближайшими северо-восточными соседями кыргызов были обитавшие на р. Каче, впадающей в Енисей близ Красноярска, качинцы[9]. Во время основания Красноярска «в той де качинской землице (жили) люди кочевые; летом пашню пашут, сеют ячмень да курлак (керлык, сибирское просо), а зимою кочуют в крепких местах и

---

[1] Ивану Злобину с товар, попались «осталцы» именно тубинцы («Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1, стр. 236).

[2] Георги («Описание всех существующих в российском государстве народов», Спб., 1799 года, часть вторая, стр. 150) в числе «шести колен или аймаков» на которые разделяются ачинцы, называет «тубинское». По Фишеру (стр. 509) «караиты, особливый род тубинских киргизов, хотели силою взять Неверова (следовавшего в 1639 году к алтын-хану) в плен и держать до тех пор под стражею, пока тубинский князец Соит, в Красноярске под караулом содержавшийся, освобожден не будет». По Фишеру (стр. 518), другой посланец к алтын-хану, в 1659 году, Степан Греченин на Белом озере нанял монгола (?) проводником и перешел с ним Енисей, чтобы у тубинцев лошадей переменить, потом поворотил назад к устью р. Абакана к караитам, от них обратился к жилищам алтырцев у реки Уйбата. На карте при «Сибирской истории» караиты означены между рекою Тубою и Енисеем. В разных актах встречаются те же, должно быть, караиты под именем керетцев и керельцев. Это могли быть потомки небольшой частицы киреев или киреитов, нашедших убежище на севере Саянского хребта, вероятно, судя по форме имени <...>. Они причислялись, видимо, не к киргизам собственно, а к тубинцам. Отсюда можно подозревать, что тубинцы были союзом разных тюркских и отуреченных родов, получивших имя от реки, на которой обитали.

[3] Aus Sibirien, I, 209, и «Алтайско-саянская горная система», стр. 595.

[4] «Мы де станем давать ясак великому государю с кыштымов своих с бокотовцев да с каменных матор» («Дополнения к актам историческим», т. И, стр. 162. Имя матор пошло, должно быть, от р. Мантор, левого притока верхнего Абакана. См. Катанова «Сагайские имена рек» и пр., в Me- longes asiatiques, t. IX, Спб., 1888 г., стр. 315.

[5] «Алтайско-саянская система», стр. 595. Кастрен в 1847 году нашел еще между койбалами несколько лиц, помнивших немного слов из их прежних самоедского и енисейско-остяцкого языков (Aus Sibirien, I, s. 209).

[6] Aus Sibirien, I, s.s 205, 206 «Поездка к карагассам в 1890 году» Катанова.

[7] «Письма с русской границы» Д.К. в «Восст. обозр.» 1892 г. № 2. Но г. Африканов («Известия в.-с. отдела геогр. общества», 1890 г. № , стр. 50) упоминает в верховьях Уса урянхайский сумун мады. Быть может, это маторы.

[8] Кыштымы, в смысле ли кыргызских данников вообще или в значении рода упоминаются уже в XIII веке: в числе покоренных Джучием на Енисее народов означены кэшидими («Вост. сборник» 1877 г., стр. 191). Дурал-Табун, сопровождавший в 1636 году от Алтын-хана посланца Карташева, говорил, что хищники, отогнавшие у посланца в Саянах лошадей и овец, приезжали в то место для зверовья с Телескова озера, а хыштымы они черных калмык контайши» («Путешествие Спафария» в X томе, вып. 1 «Записок геогр. общества, по отделению этнографии», стр. 188).

[9] Каш, кач есть имя родовое, река называлась Изир-су.

оберегаются от калмыцких людей и от братских, потому что де качинские люди в енисейский острог государев ясак дают, а белые калмыки, и киргизы, и братские люди с тех качинцев на себя ясак емлют же, приезжая к ним в землицу, сильно»[1].

На запад, земли между Томью и Юсом (судя по родовым именам том-сагай и юс-сагай)[2] занимали сагайцы, которых племенное происхождение выясняется их именем: это же имя, мне кажется, носили саки Турана и его же присваивают себе якуты (саха). Из родов нынешних сагайцев, занявших земли алтысарских кыргызов, по уходе их в Чжунгарию, роды аба (в актах упоминается «абинская» волость «кузнецких» татар), шор, чадыбаш, таяс, кызыл-кая г. Радлов считает за переселившихся кузнецких татар, а роды кыргыз, иргит и сарыг за оставшихся или возвратившихся кыргызов. Енисейско-остяцкое происхождение предполагает г. Радлов и у части оседлых инородцев северных отрогов Кузнецкого Алатау. Севернее качинцев, кыргызов и сагайцев, по верхнему Чулыму, обитали кизылы, которых г. Радлов считает за смесь разных элементов и, между прочим, енисейских остяков (род чу или щу, шуйские люди актов)[3].

Смежно и смешанно с этими издревле тюркскими или отуреченными племенами жили на обеих сторонах Енисея енисейско-остяцкие роды - арины, ассаны[4] и котты. К аринам, в тулкинскую землю[5] (около р. Качи, где потом основан Красноярск), привели разыскивавших новых «землиц», для обложения ясаком, казаков, в 1608 году, соплеменники их енисейско-остяцкие князья верховьев р. Кети, по совету и при помощи которых еще ранее подчинена была енисейско-остяцкая кузнецкая волость, занимавшая места около нынешнего Енисейска; прозвание кузнецкой получила она от русских за уменье ее жителей ковать и плавить железо и выделывать из него вещи. На первый раз арины дали казакам, не в ясак, а в подарок, небольшое количество худых соболей, так как полагались «на защиту соседственных киргисцов, коим они повиноваться и ясак давать обыкли», но в 1609 году, после поражения тунгусов, нападавших на кузнецкую волость, князь Кобот, сын Тулки, сам доставил в ясак два сорока соболей. В 1613 году тулкинская землица подверглась нападению бурят, однако уплатила в ясак 73 соболя. В енисейских ясачных книгах (Енисейск основан в 1619 году) значится несколько енисейско-остяцких волостей (пумпокольская - люди упомянутых князцов Урнука и Намака, еще волость на Касе и Сыме, еще волость «кемские вершины», макуцкая и ямышская) и тулкинская, в которой считалось 250 ясашных; кузнецкой волости уже нет, так как жители ее, по словам Миллера, принуждены были уступить свои жилища русским, после чего люди ее вымерли или разведены по другим

[1] «Собрание госуд. грамот и догов.», ч. 3, стр. 301.
[2] Aus Sibirien, I, 208.
[3] Aus Sibirien, 1, 210, 211. Князь Ернак еще в 1684 г., как выше упомянуто, собирал себе ясак с кызыльцев.
[4] В актах, в числе восставших против русских племен, часто упоминаются, в качестве подгородных к Красноярску родов, аренские, т.е. арины, и ястынские люди, может быть, ассаны. И теперь есть между качинцами род ястынь («Алтайско-саянская система», стр. 572). Кастрен считал за потомков аринов качинские роды тинь и джастыг (Aus Sibirien, 1, 207).
[5] Качинская «землица» считалась сначала частью «тулкинской» земли (см. «Собрание государственных грамот и договоров», часть 3, стр. 301). Не было ли имя Тулка, на холопьем приказном языке актов, уменьшительным от Тулу (Дулу)?

волостям. В 1622 и 1623 гг. упоминается об уплате ясака князцом тулкинской землицы Татушем. В 1628 году все окрестные инородцы участвовали с кыргызами в нападении на вновь построенный Красноярск, но осенью того же года аринский князец Татуш принес повинную и стал снова платить ясак. Он говорил, между прочим, воеводе Дубенскому, что аринцы и качинцы «прежде платили ясак Алтын-хану, да и впредь еще платить принуждены будут» В 1630 и следующих годах, подступая к Красноярску, кыргызы грабили аринов и качинцев, убивали их и уводили в плен. Осенью 1634 года кызылы убили многих аринов, других увели в плен и ограбили всех лошадей. Арины вынуждены были бежать к кыргызам. «Из того понять можно, - замечает Миллер, - как сей народ, собою несильный, наконец совсем перевелся»[1]. В 1641 г., после поражения кыргызы <...> «сто аринских семей учинили вновь верности присягу»[2].

С 1621 года начала платить ясак в Енисейск «новая вазанская землица», в которой Миллер видит ассанов, обитавших в соседстве с жившими на р. Кане коттами («котовцами» актов)[3]. В 1630 году котты жаловались, что тубинский князь Каян не только отнял у них всю мягкую рухлядь, но лишил их «всякого домашнего, промышленного и поварского орудия, так что не осталось у них ни одной железной лопатки для выкапывания кореньев»[4].

Перейдя, после удаления кыргызов в начале XVIII века на их земли и присоединившись тут окончательно к качинцам и сагайцам, остатки аринов, ассанов и коттов скоро слились с ними и утратили свою народность. Миллер и Гмелин видели в 1735 году последнего человека, говорившего на аринском языке, и трех только ассанов; коттов в 1863 году г. Радлов встретил только трех (одну женщину и двух стариков) у Канска[5].

Енисейцами же по происхождению (как и сагайцев), но отуреченными уже к началу XVII века, признает г. Радлов «кузнецких татар» или шорцев, обитающих в верховьях Томи и на ее притоках Мрассе и Кондоме, на том основании, что 1) они, как арины, жили и живут оседло, будучи знакомы с ковкою железа, изделиями из которого прежде снабжали всех соседей; что 2) они сильно отличаются своею наружностью от имеющих чисто монгольский тип лица соседей, и что 3) целый ряд рек в их землях принадлежит енисейско-остяцкому языку[6]. Первый ясак взят был с кузнецких татар в 1607 году[7]. По Фишеру «кузнецами» называли их потому, что «они из руды плавили железо и делали из него разные вещи на свою потребу. Они против обыкновения татар жили всегда на одном месте около рек Мразы и Кондомы, которые обе в Томь впадают

[1] «Ежемесячные сочинения», 1764 года, 1 полугодие, стр. 202 - 237, 293 - 323.
[2] Фишер, стр. 479.
[3] «Ежемесячные сочинения», стр. 223.
[4] То же, стр. 301 и 302.
[5] «Аборигены Сибири», стр. 9 и Aus Sibirien, I, стр. 190.
[6] Aus Sibirien, I, s.s. 186 - 189. Имя шорцев дал этим «кузнецам» г. Радлов по названию наиболее распространенного между ними рода шор, сами же они зовут себя по рекам, на которых обитают: томь-кши, мрасс-кши и т.д.
[7] Миллер, Хронологическая роспись в «Описании Сибири».

... Они тогда ... жили в природной своей вольности, кроме что подъезжали к ним киргизы, от которых принуждены были откупаться подарками своей работы»[1]. От них получил свое имя и город Кузнецк, основанный в 1618 году.

Обитающие к западу от шорцев и называемые у русских (как и шорцы) «черневыми татарами» туземцы, говорящие теперь близким к телеутам и алтайцам наречием, именуются алтайцами туба, а потому г. Радлов[2] предполагает для них самоедское происхождение. Однако существование между ними рода шор и диалектические особенности, по которым г. Радлов полагает, что отуречение их произведено кыргызами, дают основание подозревать, что и в составе «черневых татар», кроме самоедских, были первоначально и енисейско-остяцкие роды. На значительную разницу в составе «черневых татар» указывает и замечание г. Адрианова, что улусы кергеш и комнош по языку и пр. стоят ближе к алтайцам, чем черневой же улус кузен и кумандинцы, которые сходны больше с абаканскими тюрками[3]. По мнению г. Ядринцева, который произвел антропологические измерения 16 черневых татар, 4 кумандинцев и нескольких алтайцев, черневые татары ближе стоят к кумандинцам, чем к алтайцам[4], но он имеет в виду, кажется, шорцев номенклатуры г. Радлова, а не его «черневых татар».

Таким образом, по историческим, лингвистическим и другим данным, значительная, вероятно большая, часть обитающих ныне между Бией и Енисеем говорящих по-тюркски племен имеет енисейско-остяцкое происхождение и отуречена главным образом лишь в последние два с половиной столетия.

Сохранили свою народность и язык только потомки енисейцев упомянутой пумпокольской и других волостей, помещавшихся в верховьях р. Кети и на р.р. Касе, Сыме, Кеми. Эти енисейские остяки обитают ныне между Енисейском и Туруханском на р.р. Сыме и Курейке, в числе около 1000 душ[5]. «Енисейские остяки, - пишет Кастрен, - по характеру своему весьма близко подходят к нам, финнам: это добрый, тихий, мирный, бедный и нисколько не прихотливый народ. В наружности его монгольские черты выступают не так резко, как у самоедов или тунгусов»[6]. Тот же Кастрен, составивший грамматику и словарь енисейско-остяцкого языка[7], говорит, "что язык этот «значительно уклоняется от финско-самоедских. В нем есть, конечно, черты, общие как с самоедским, так и с угрско-остяцким, но я все-таки не могу не признать его отрывком особого семейства, сродство которого с финско-самоедскими языками весьма дальнее. Енисейско-остяцкий язык нечто вроде китайского, не имеющее полной флексии; он любит переносить корневой слог в конец слова»... Роды енисейских остяков «сводятся

[1] «Сибирская история», 213 и 214.
[2] Aus Sibirian, 1,212,213.
[3] «Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г.» в «Записках р. геогр. общества», по общей геогр., т. XI, 1888 г., стр. 292.
[4] «Известия И.общества любителей естеств. и пр., т.XLIX, 1886 г., стр. 46.
[5] «Аборигены Сибири», стр. 9.
[6] «Магазин землеведения и путешествий» Н.Фролова, т. VI. «Путешествие Александра Кастрена (1838 - 1849 гг.)». Москва, 1860 года, стр. 343.
[7] Alexander Castren's Versuch einer Yenissein ustjakischen und Kuttischen Sprach lehre, St.Petersburg, 1858.

к двум..., из коих один называется Konas-ket, множественное число Kon-djeung - канский люд, а другой Ulj-yet, множественное число Ulj-djeung - уль- ский люд, собственно водяной люд. Нетрудно вывести, что под названиями Коп и Ulj разумеются реки Кан и Улукем, впадающие в Енисей справа, в верхнем его течении. Кроме этих названий предание приводит и то, что остяки пришли от истоков Енисея. Рассказывают даже о высоком непроходимом горном хребте (Алтай), который расселся, и (добавляют) что затем, через образовавшуюся таким образом расселину, остяки проложили себе дорогу в Сибирь. Таковы слышанные мною предания. Они не разъясняют, однако же, происхождения угрского элемента, заметного в енисейско-остяцком языке. Всего легче объяснить это предположением, что угрские переселенцы пришли с Оби и слились с енисейскими остяками»[1].

Есть несколько строк об енисейских остяках в «Путешествии на север и восток Сибири» академика Миддендорфа[2]. Он приводит образчики слов их языка и поместил в приложении изображения мужчины и женщины этого племени. Выглядят они, по его мнению, финнами. Народец этот вымирает (путешествие совершено в 1845 году) от водки и с голоду, когда прекратилась выдача хлеба из казенных магазинов, долги в которые на некоторых остяках доходили до 1 т. рублей.

По А.Мордвинову, остяков между Туруханском и границами Енисейского округа около 1500 душ. Остяки эти вообще роста посредственного, нос обыкновенный, глаза широкие, скулы мало выдающиеся; на лицах их всегда видны какая-то скорбь и боязнь; волос на голове никогда не стригут, а носят всклокоченными...[3]

По описанию Кривошапкина, енисейские остяки «большею частью роста среднего и вообще слабосильны. Мужчины смотрят будто сурово и пасмурно, как-то исподлобья, а женщины болезненно. Волосы некоторые подстригают по-крестьянски, а некоторые распускают без стрижки по плечам, делая пробор спереди. Зато последние почти незнакомы с шапками... Оба пола очень грязны и нечистоплотны. Остяки плохие еще христиане... Главное занятие... рыболовство... До 12 лет остяки водят детей почти без всякой одежды. Брак у них чистая покупка жены. Платят от 10 до 50 рублей и более или на столько же дают мехов... Сверх того невесте делаются дары: котел и разные наряды. Тело покойника обертывают в бересту и зарывают в землю вместе с той одеждой, в которой умер, и с теми вещами, которые ему принадлежали: луком, стрелами, ножом и т.д. Иногда убивают на месте и погребают тут же его собак... О наследстве... мог

[1] «Магазин землеведения», т. VI, стр. 361 и 362. Професс. Tarrien de Les couperie (Journal of the Royal Asiatic Society, 1889, p. 454). в своей классификации урало-алтайских языков на семь групп, причисляет коттский язык к одной группе с китайским и тибетским
[2] Спб., 1878 года, часть 2, выпуск 5, стр. 657-660.
[3] «Инородцы, обитающие в Туруханском крае» в «Вестнике И. географического общества», 1860 года, февраль.

отчетливо добиться я только того, что все идет младшему, как слабейшему. После бездетного наследует старший брат или ближайший родственник»[1].

[1] «Енисейский округ и его жизнь», сочинение М.Ф.Кривошапкина, Спб., 1865 года, стр. 126, 127,140, 141, 143 и 144.

9. О расе, от которой произошли енисейцы и кыргызы

Предположения о принадлежности динлинов и кагасов к угро-финской расе. Выводы Радлова из результатов могильных раскопок и его догадки о народах, которым принадлежат могилы. Предположения В.М.Флоринского об арийстве древнейшего культурного народа Сибири. Несостоятельность оснований его теории. Мнение С.К. Кузнецова и опровержения. Древнейшим культурным народом на Енисее, в Саянах и Алтае были динлины, предки пегого народа и енисейских остяков. Доказательства исторические, культурные и антропологические. Принадлежность динлинов и их потомков особой расе, отличной от урало-алтайской, и ее прежняя распространенность. Остатки ее, кроме енисейцев, в лице айнов.

Выше, в главе четвертой, уже изложены предположения Клапрота и Риттера о принадлежности динлинов и кагасов к индоевропейской расе. Когда путешествия и исследования Кастрена выяснили далекое на северо-восток распространение угро-финского племени, то индоевропейской гипотезе было противопоставлено предположение о принадлежности динлинов и кагасов к белокурым финским племенам. Это предположение казалось тем более вероятным, что финно-угры представлялись прямыми потомками чуди, которой приписывались древние рудные разработки на Урале и в Алтае и древние могилы и курганы с золотыми, серебряными и медными или бронзовыми вещами[1]. Кастрен, на основании своих четырехлетних исследований, полагал, что «финские, тюркские и самоедские племена образуют из себя одну сомкнутую группу, которая составляет соединительный член между желтою и белою расами», что «отечеством тюрков и самоедов были Саяны и Алтай между верховьями Оби, Иртыша и Енисея» и что «в этой же стране должно было быть и отечество финнов в силу их родства с тюрками и самоедами»[2]. Он находил, вместе с тем, «не невероятным и весьма правдоподобным», что упоминаемый китайцами белокурый народ на севере от Танну-ола «был народ финской расы, потому что во все времена светлая окраска была характеристичным отличием финской расы»[3]. Но, с другой стороны, тот же Кастрен признавал весьма сомнительным, чтобы древнейшие курганы на Енисее принадлежали «чуди, т.е. финским народам: по крайней мере, ни в Финляндии, ни в Лапландии, ни в северной, заселенной финским племенем, России я не встречал ни одного подобного памятника»[4]. Он же, как приведено уже выше, установил, что язык енисейцев и коттов принадлежит особому от угро-самоедских семейству.

Весьма многое ожидалось и ожидается, для разъяснения вопросов о древнейшем населении Сибири, от археологических раскопок древних могил и курганов, которые могут, между прочим, доставить скелеты погребенных и вещи, одновременно с ними положенные или попавшие в могилы. По черепам и другим костям может быть более

[1] Эйхвальд «О чудских копях» в «Трудах восточного отделения И. р. археологического общества», часть III, 1857 года, стр. 1-102.
[2] A.Castren's Kleinere Schriften, Leruns gegeben von Schiefren, St.Petersburg, 1862, s.s. 109, 119.
[3] Custren's Kleinere Schriften, s. 120.
[4] «Магазин землеведения», изд. Фроловым, Москва, 1860 г., том VI, стр. 374.

или менее определена раса, которой принадлежало население, оставившее могилы, а по вещам могут выясняться время погребения и черты быта этого населения. Серьезное начало этим раскопкам древних могил положено только в шестидесятых годах В.В.Радловым, который, во время поездок своих для изучения тюркских наречий, произвел многие раскопки курганов на огромном пространстве от Енисея до Иссык-Куля. На основании результатов этих раскопок В.В.Радлов делит древние могилы южной Сибири и киргизской степи и их содержимое на три периода: 1) бронзовый или медный, 2) древний железный и 3) новый железный. В могилах первого, самого древнего, нет железных предметов, в могилах второго появляются железные вещи, сохраняя формы бронзовых и медных. Могилы нового железного периода г. Радлов полагает принадлежащими кыргызам и современным им племенам, могилы древнего железного века относит к эпохе кагасов и могилы бронзового периода находит вероятнейшим приписывать предкам енисейских остяков, предполагая в них, т.е. в енисейцах, потомков динлинов и пома китайских известий[1]. Эти выводы свои г. Радлов не считает окончательными, признавая необходимость дальнейших исследований и раскопок. Гипотезу о происхождении енисейцев от древнейшего культурного народа Сибири считает он только наиболее вероятной. Он не отвергает возможности родства этого древнейшего народа с белокурою финскою расою, но с другой стороны находит также не невозможным, что некоторые индогерманские племена, как предполагал Риттер, германцы или славяне, проникли в Сибирь и достигли там известного культурного развития, а позже были истреблены нахлынувшими с юга ордами[2].

Благодаря распространению и в Сибири возбудившегося в русском обществе в семидесятых и восьмидесятых годах интереса к археологии, антропологии и этнографии, раскопки и изучение курганов вновь начали в последние годы возобновляться. Учреждение минусинского музея в 1877 году создало на месте богатое уже теперь собрание археологических предметов, а открытие томского университета умножило научные силы, необходимые для изучения древностей и для антропологических исследований.

В весьма интересных «примечаниях» к каждому каталогу археологического музея томского университета, составляющих целую серию трактатов о сибирских древностях, В.М.Флоринский, сравнивая предметы, найденные в сибирских могилах и курганах, с результатами археологических изысканий в северо-восточной России, констатирует в материале, формах и орнаментировке глиняной посуды[3], медных и бронзовых

[1] «Аборигены Сибири» в «Живописание России», т. XI, 1884 г., стр. 6-30, и Aus Sibirien, B II, s.s.75,100, 101, 121, 129, 130, 136, 139.
[2] Aus Sibirien, II, s. 143. В новейшем исследовании своем («К вопросу об уйгурах», 1893 года, стр. 82) г. Радлов называет динлинов тюркским племенем («даже тюркское племя дин-лин беспокоит их, - хуннов в I веке до Р.Х., - с севера»), а в другом месте (стр. 126) даже именно теленгутами, определяя их место обитания в III веке до Р.Х. «около Тангну Ола». Мне кажется, что ввиду положительных китайских известий и других данных нельзя согласиться ни с одним из этих предположений, которые, впрочем, ничем и не подтверждены.
[3] «Археологический музей томского университета», Томск, 1888 года, «Примечания», стр. 60-65.

предметов[1], в стеклянных бусах[2] и вообще в культуре курганного населения значительное сходство, а во многих случаях почти тождество[3]. Утверждая сверх того, что черепа сибирского бронзового века относятся к длинноголовому типу, как и в европейской России[4], г. Флоринский предполагает, что культура бронзового века в Сибири принадлежала северной ветви арийской расы - кельтам, германцам, литовцам и славянам, - которая, из родины арийцев в Средней Азии, направилась на север и проникла в Сибирь; кельты и германцы выселились на запад раньше, славяне же очень долго оставались «на восточной родине» и часть их «оставила Сибирь не раньше I—II века по Р.Х. «...Этой западной ветви, вероятно, и было присвоено название гуннов и болгар, о передвижении которых за Урал известно по историческим данным»[5]. «В то время, когда арийские племена занимали сибирские области, в Сибири еще не было ни монголов, ни татар. Основываясь на китайских источниках, Клапрот и о. Иакинф полагают, что эти народности появились на южных пределах Сибири не ранее, как за 1-2 столетия до Р.Х. До того времени монголы жили на северо-восточных границах Китая, в соседстве с Манчжурией, а татары на юго-западных границах западного Китая»[6]. «Появление татар в южных областях Сибири Клапрот относит приблизительно к эпохе около Р.Х. ...Жившие до того времени в южных областях Сибири белокурые и голубоглазые племена, известные у китайцев под именем усуней и динлинов, с появлением татар мало-помалу совсем исчезают из китайских хронографов[7]. Таким образом, согласно китайским источникам, можно считать весьма правдоподобным, что примерно до Р.Х. жили на юге Сибири арийские племена, которым, вероятно, принадлежали рассматриваемые нами археологические памятники. Потесненные монголами и татарами, эти племена передвинулись потом на запад, а взамен их появились орды настоящих кочевников монгольского и татарского колена»[8].

При настоящем, пока еще зачаточном, положении нашей археологии, особенно сибирской[9], близкая связь бронзовой культуры Сибири и северо-восточной и частью

---

[1] Там же, стр. 105 и др.
[2] То же, «Предисловие», стр. XI.
[3] Там же, стр. 153 и 154.
[4] То же, «Предисловие», стр. XIII.
[5] То же, «Предисловие», стр. X1У и XV, и «Примечания», стр. 273.
[6] Id., стр. 173 и 174.
[7] Здесь сделана ссылка на Tableaux Historiques de l'Asie, pp. 161 - 169, и приведена выписка из «Кратчайшего описания» Леонтьева «о пребывании русских за 2000 лет тому назад в соседстве китайских границ». Эта выписка и разбор ее помещены выше.
[8] «Археологический музей» и пр., стр. 154 и 155.
[9] Произведенные в восьмидесятых годах раскопки могил на Енисее (г.г. Адрианова, И.Кузнецова, Клеменца и др.) выяснили способы погребения, не встречавшиеся г. Радлову, дали гипсовые маски и пр. и вообще показали, что мы едва начинаем знакомиться с древними могилами только на Енисее. Выяснилось, что только на Енисее 12, по внешности разных, типов могил. Не произведено еще ни одного научного вскрытия некоторых из этих типов, между тем курганы, одинаковые по внешней форме, разнятся по содержанию (Клеменц «Древности минусинского музея», Томск, 1886 года, стр. 11, 14, 17 и др.). Совсем еще не делалось раскопок могил и курганов в Монголии и в урянхайской земле. Раскопки на среднем и нижнем течении Оби и Иртыша и их притоков весьма еще не многочисленны. В восточной Сибири раскопок почти не производилось. Скудости материалов соответствует и отсутствие научной обработки и систематизации имеющихся результатов сибирских археологических изысканий. «Примечания» г. Флоринского и некоторые другие труды последнего времени, конечно, важны и ценны, но это только едва

средней России представляется весьма вероятною, но отсюда еще не следует, что эта культура принадлежала непременно арийской расе. Доказательства этого арийства мне кажутся несостоятельными или ошибочными. Так, длинноголовость древнего сибирского народа не может служить достаточным доказательством его арийской расы, потому что есть несомненные данные, показывающие существование другой длинноголовой расы, не арийской, и нахождение ее остатков на месте, в Сибири. Затем гипотезе о прародине арийцев в Средней Азии и о расселении их отсюда, при котором некоторая часть арийцев забрела в Сибирь, - в последние десятилетия противопоставлены гипотезы Бенфэя о первоначальной родине индо-европейцев на северо-востоке от Черного моря, Пешеля - на склонах Кавказского хребта, Пенка - в Скандинавии, Фр.Миллера - на армянском плоскогорье, Шрадера - на Волге, Томашека - на Дунае и пр. Все эти гипотезы имеют свои основания и пользуются в новейшей литературе предмета не меньшей распространенностью, чем гипотеза Абеля Ремюза, Клапрота и Риттера в свое время. Наконец немногие исторические ссылки и факты, которыми г. Флоринский думает доказать принадлежность древнего населения южной Сибири к арийской расе, ошибочны: ни о. Иакинф, ни Клапрот (который всегда различал татар и тюрков) не полагали, что тюрки появились в южной Сибири только за 1-2 столетия до Р.Х. Напротив, о. Иакинф считал тюрков и монголов коренными жителями «южных пределов Енисейской губернии» и самих динлинов зачислял в монголы[1]. По его мнению, по китайским известиям, «на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну»[2]. Клапрот, считающий тюрков чуть не допотопными обитателями Алтая[3], конечно, не говорит о появлении тюрков и монголов на южных границах Сибири не ранее I и II столетий до Р.Х. и на указанных страницах «Исторических картин Азии». Тут он утверждает лишь, что племена тюркской расы до Р.Х. распространялись «на запад только до верхних притоков Окса и Яксарта» и что племена индогерманского происхождения «были в древности распространены до границ Китая, до гор Алтайских; они были там (к северу от Окса) рассеяны между ордами тюркскими и тибетскими»[4]. Далее Клапрот развивает свою гипотезу о распространении индогерманских племен между прочим на восток и северо-восток от Окса, основывая ее на некоторых исторических указаниях, которые сам признает слабыми, и на лингвистических и физиологических утверждениях, которые также, как мы видели выше <...>, несостоятельны.

начало. Автор «Примечаний» и не ставил себе задачей ни описания и обработки древностей, не имеющихся в небольшом Томском музее, ни ознакомления с литературой сибирской археологии.

[1] «Динлины были монгольского происхождения. Они занимали южные земли Иркутской губернии от Байкала до Енисея. На южных пределах Енисейской губернии, где находилась столица Хагасов, и ныне коренные жители суть тюрко-монголы» («Собрание сведений», 1, стр. 443, примечание 1).

[2] «Собрание сведений», 1, «Предуведомление» и пр., стр. VII.

[3] Tableaux Historiques de l'Asie, p. 101: «Их (народов тюркской расы) предки спустились с снежных гор Танну и Великого Алтая, кажется, после последнего потопа и отсюда вскоре рассеялись на юго-восток и юго-запад и т.д.».

[4] Там же, p. 161.

Библиотекарь томского университета С.К.Кузнецов, производивший весной 1889 года весьма любопытные раскопки томского могильника, относимого им ко времени не позднее V века до Р.Х., отвергает гипотезу о финском происхождении этого могильника, на основании главным образом длинноголового строения черепов, и находит «всего проще и естественнее ... видеть в (этом) могильнике усыпальницу одного из тех народов, к которым ходили финикийские и греческие караваны, т.е. аргиппеев или июрков Геродота, этих северных представителей широко распространенного скифского племени, которое современная нам историческая наука, опираясь на данные сравнительного языкознания (Fressl, Bonnell, Григорьев)[1], считает родоначальником славянских и германских народностей»[2]. Однако, по Геродоту (IV, 23) обитавшие за восточными скифами, в каменистой и холмистой стране, у подножия высокой горы, аргиппеи были плешивы от рождения, - как мужчины, так и женщины, - имели тупые носы и выдающиеся скулы и говорили особым от скифов языком. Если отбросить, как басню, плешивость аргиппеев и сказание о том, что они питались черным соком бобовидных плодов от дерева, который пили в смеси с молоком, то описание Геродота, никак не соответствующее наружности индоевропейского племени, вполне применимо к тюркам, за которых и признает аргиппеев Томашек[3] Считать аргиппеев за тюрков тем более оснований, что по рассказам аргиппеев, страна их примыкала к непроходимой горе, в которой обитают люди с козьими ногами; этих людей с козьими ногами Томашек почитает за угро-самоедские племена[4], но, быть может, скорее их можно считать за динлинов, если верить китайским известиям о волосатости и лошадиных ногах последних[5]. Что касается июрков, то Томашек[6], мне кажется, достаточно убедительно, даже по имени, отождествляет их с югрою, предками мадьяров и остяков, соседившими с фиссагетами (вогулами). Таким образом, ни по длинноголовости черепов могильника, ни по местообитаниям аргиппеев и июрков эти народы не могут быть признаны тем населением, которое оставило томский могильник.

---

[1] Книга Фрессля (Die Skythen-Saken-die Urwaten der Germanen, Munchen, 1886) посвящена «великому народу германцев» и вызвана патриотизмом автора, опечаленного тем, что «мы, германцы, не имеем еще доныне никакой Urgeschichte». И в самом деле сочинение это лишено научного значения, так как автор, для достижения своей не научной цели, не стеснялся прибегать к самым произвольным натянутым толкованиям и словопроизводствам, ограничиваясь притом, в качестве материала, только общеизвестными отрывочными и часто темными известиями греческих и римских писателей. Первый том труда Эрнста Боннелля (Beitrage zur Alterthumskunde Russlands, St Pet., 1882) есть начало весьма дельной монографии, представляющей свод известий древних классических писателей и относящихся к ним научных исследований нового времени, но труд этот недостаточен для полного выяснения вопроса, потому что автор мало пользуется известиями восточных, особенно китайских историков, а также результатами археологических исследований и сравнительного изучения восточных языков. В «Исследовании о скифском народе саках», которое имеет в виду г. Кузнецов, славянство саков доказывается у Григорьева только славянизмом оружия саков «сагар» и сомнительною же принадлежностью славянскому языку четырех имен из романов Ктезия: Зарина от заря, Мермерос - Миромир, Кюдраиос - Кудря, Роксанаки - Рушанская, область Руси. Боннелль основательно указывает по поводу секир, что и в лат. языке есть secare, и в немецких schda, sachs и пр., но мне кажется, что национальное оружие саков могло происходить и от имени народа этого.

[2] «Труды томского общества естествоиспытателей», год первый, Томск, 1889 года, стр. 228 и 230.

[3] Sitzungcerichte der Wiener Ackademie, CXVII Band, 1889, s. 63.

[4] Там же, s. 66.

[5] См выше выдержки из Матуаньлина по Дегиню и Шотту.

[6] Томашек, там же, ss. 43—45.

Решение вопроса о расе, к которой принадлежали динлины, может быть, кажется, достигнуто на почве положительных данных, главным образом пока исторических, но подкрепляемых и многими другими. На основании приведенных выше китайских известий кагасы или кыргызы произошли от смешения тюрков с динлинами. Упоминания о динлинах в китайских исторических сведениях прекращаются с третьего века после Р.Х., так как Китай был отделен от Сибири в это время сяньбийцами, а потом жужанями. Но через четыре столетия на тех самых местах (на севере от бывших земель хуннов, а потом сяньбийцев), где были динлины, китайская история, в половине VII века, упоминает довольно значительный пегий народ (поньма или пома), сходный по наружности с кагасами, значит голубоглазый, краснолицый и белокурый, как кагасы и динлины, но отличающийся от кагасов по языку. Очевидно, этот пегий народ был теми же динлинами, но сделался известным китайцам под другим именем, которым сам себя, вероятно, не называл, как и именем динлинов, но назывался так соседями. Хотя непосредственные сношения с пегим народом китайцы имели в половине VII столетия (одно или два посольства от него были в Китае между 627 и 655 годами)[1], но надо полагать, что описание владения поньма составлено в половине IX века, когда писалось описание кагасов.

Через три с половиною века после этого описания, в начале XIII столетия Джучи покоряет вместе с кыргызами, - в тех же местах, где обитали ранее динлины, а за ними гюньма, - кыштымов, под именем которых надо, вероятно, разуметь тот же пегий народ. К тому же веку относятся сведения Абулгази о пегих лошадях близ Ледовитого океана и о городе Алакчине, т.е. пегом городе, как замечает Клапрот, который вместе с тем поясняет, что по Матуаньлиню тукиюесцы владение Пома называли Ала, что значит на их языке пегий или пестрый. Еще через три с половиною века, в начале XVII столетия, русские находят, все почти в тех же местах, на севере от кыргызов, в числе их и кыштымов, «пегую орду», а в 1721 году томский воевода сообщает Мессершмидту, что татары называли кыштымов «пегой или пестрой ордой», потому что они сначала были пестрые и только вследствие постепенного перерождения сделались белыми. Сопоставляя, наконец, это сообщение с объяснением Фишера, что под пегой ордой надо разуметь нарымских остяков, приходится заключить, что пегой ордой назывались не нарымские остяки, которые по дальности своей едва ли были кыргызскими кыштымами, а енисейские остяки, которые, со своими родичами аринами, ассанами и коттами, действительно были кыштымами. Происхождение и сохранение енисейцами и их предками имени пестрого или пегого народа в продолжении более десяти столетий, за время которых имеем исторические свидетельства, объясняются, надо думать, всего вероятнее, краснолицестью потомков динлинов, их багровым румянцем, который выступал на щеках густыми багровыми пятнами, делая окраску лица действительно пестрою, особенно на взгляд смуглых и желтолицых самоедов и тюрков.

Таким образом, по историческим данным, кажется несомненным, что прямыми

[1] «Собрание сведений», III, стр. 442.

потомками динлинов и пегого или пестрого народа являются нынешние енисейские остяки.

Далее, по китайским известиям, пегий народ (пома) занимался земледелием и, по Матуаньлиню, любил также охоту и рыбную ловлю и имел сосуды из глины и меди, железа же у него было мало. Эти известия дают основание полагать, что пестрый народ не только имел, но и выделывал глиняные и медные сосуды, а также ковал и железо, но вещи из последнего употреблялись мало, быть может, и не по недостатку в стране железных руд, а потому, что предпочтительное употребление медных предметов установилось древней привычкой или обычаями. Русские в начале XVII века еще нашли у енисейцев значительное развитие выделки железных вещей и назвали часть их, на месте Енисейска, «кузнецкой» волостью а отуреченных енисейцев на притоках Томи прозвали, за то же ремесло, «кузнецами». Земледелие и производство глиняных сосудов, медных и железных вещей дают достаточное основание полагать, что занятия эти, мало соответствующие северным окраинам отрогов Алтая и Саяна, куда енисейцы, вероятно, уже были оттеснены к этому времени тюрками, достались пестрому народу по наследству от его предков динлинов, которые передавались им, занимая Саян и богатые рудами склоны Алтая. Если же динлины были земледельцы и рудокопы, то, очевидно, им и могут принадлежать енисейские могилы бронзового века, а частью и древнего железного. Стало быть, динлины были тем древним народом, который оставил нам древнейшие следы культуры в Саянах и в Алтае и вообще в южной Сибири, или одним из этих народов, если их было несколько.

При раскопках могил и курганов бронзового века г.г. Радлов, Адрианов, Клеменц и другие находили человеческие черепа и скелеты, которые были доставлены в подлежащие ученые учреждения, поручившие им производить раскопки, но мне не встречалось еще известий об изучении этих черепов и его результатах. Господствующим типом небольшого количества курганных черепов бронзового периода, имеющихся в музее томского университета, оказался, по исследованию В.М.Флоринского, «длинноголовый и, во всяком случае, не монгольский и не татарский»[1]. При раскопках г. Адрианова найдены были гипсовые маски. «Искусство делать их было доведено до высокой степени совершенства. Рядом со скуластыми плосколицыми личинами, нам попалась одна женская, замечательной красоты, с чертами лица чисто европейскими»[2]. Следовательно, по крайней мере, часть населения бронзовых могил была длинноголовая и с чертами лица, напоминающими кавказский тип. Хотя енисейцы, подобно кыргызам, давно уже утратили светлую окраску волос, глаз и кожи, но продолжают по наружности и теперь резко отличаться от всех местных инородцев. «В настоящее время енисейцы, среди жителей западной Сибири, единственный народ, сохранивший длинноголовый тип черепа, и

[1] «Археологический музей томского университета», 1888 года, предисловие, стр. XIII. К сожалению, «за неимением соответственных инструментов измерения сделаны поверхностно, посредством рулетки для окружности и палочки для плоскостей» (стр. 27).
[2] «Древности минусинского музея», Томск, 1886 года, стр. 28 и 29

представляются каким-то выродком из всех окружающих их народов»[1]. К сожалению, этнографические сведения об енисейских остяках весьма недостаточны, антропологических исследований о них еще нет, а краниологические более чем скудны. Только профессор А.П.Богданов изучал четыре остяцких черепа, доставленных восточно-сибирским отделом географического общества; по реферату один из этих черепов принадлежит роду хаин-тап, два подсменному роду, четвертый неизвестно какому; енисейским ли остякам принадлежат эти черепа или угро-остякам - реферат не разъясняет, но весьма возможно, что эти черепа енисейцев, как, напр., видимо, полагает г. Чугунов, называя их черепами енисейских остяков. По словам г. Богданова, эти «черепа остяков можно охарактеризовать следующим образом: череп средних размеров, развитый больше по направлению горизонтальной и поперечной окружностей, чем по вертикальной, суббрахицефалический, с малым развитием в высоту, широколицый, с большим межглазничным пространством, широконосый, высокоорбитный, широконебный и с удлиненно эллиптическим затылочным отверстием»[2]. Более значительным материалом обладал при краниологических исследованиях угро-остяков С.М.Чугунов. Изучив добытые им близ Сургуту 23 черепа остяков и сличив результаты с измерениями Соммье, относившимися к 37 черепам нижне-обских остяков, и с измерениями профессора Богданова («четыре черепа енисейских остяков»), г. Чугунов пришел к заключению, что среди остяков существует два типа: длинноголовый и круглоголовый. Два типа эти, однако, связаны общими признаками, каковы малый подъем свода черепа, слабо развитые скулы, широкое лицо, широкое расстояние между глазами и т.д. По мнению его, разнообразие остяцких физиономий есть результат смешения этих двух типов, но преобладающим, так сказать, основным типом остяков считает он длинноголовый тип[3].

Хотя исследования г. Чугунова относятся к обским угро-остякам, а не собственно к енисейцам, тем не менее их результаты весьма важны и в отношении енисейцев. Если, с одной стороны, по замечаниям Кастрена, у енисейцев замечаются угрские элементы, происшедшие от смеси с угро-остяками, быть может аборигенами и низовьев Енисея, то, с другой стороны, указания истории о прежнем более южном местообитании енисейцев и вытеснении их тюрками на север дают основание полагать, что значительная часть енисейцев направилась на Объ и смешалась там с уграми. Так как короткоголовый тип у урало-алтайцев, к которым принадлежат угры, считается коренным, то второй, длинноголовый тип, обнаруженный у угро-остяков, должен почитаться енисейским, суббрахицефальность же четырех Черепов професс. Богданова, если они енисейские, объясняется угрским между енисейцами элементом. Таким образом, уже в настоящее время, несмотря на неисследованность в антропологиче-

[1] Л.К.Ивановский в протоколах казанского археологического съезда 1877 года («Труды IV археолог. съезда», вып. I, Казань, 1884 года, стр.LXI).
[2] «Известия общества любителей естествознания и пр. московском университете», том 31, «Антропологическая выставка 1879 года», том 2, стр. 410.
[3] Отчет о заседании томского общества естествоиспытателей 24 февраля 1892 г. в «Сибирском вестнике», 1892 года, № 26. Тем же г. Чугуновым помещен в той же газете в 1890 году (№№ 85, 88, 90) «Антропологический очерк остяков Сургутского края».

ским отношении енисейцев, есть весьма достаточные данные считать их коренным типом длинноголовый, отличавшийся от круглоголовых урало-алтайцев и слабым развитием скул, от кавказской же расы малым развитием черепа в высоту, широколицестью и широким расстоянием между глазами; от обеих рас енисейцы сверх того отличались и отличаются еще, в лингвистическом отношении, своим особым языком. В древности, сверх того, динлины, судя по китайским описаниям кагасов, должны были отличаться от тюрков и угро-финнов своим высоким ростом, а от тюрков также и светлой окраской волос, глаз и кожи.

Надо полагать, что динлины не были единственным народом своей особой расы и что эта особая раса некогда была многочисленна и распространялась далеко на запад, на восток и даже, быть может, на юг. На западное ее распространение указывают чудские копи, сходная с енисейской бронзовая культура и типы курганных черепов[1]. Восточное распространение той же расы[2] доказывается чудскими копями в Забайкалье и в восточной Монголии, а также приписываемыми там кыргызам могилами. Так как кыргызы в тех местах, по историческим данным, не обитали, то приписываемые им могилы принадлежали не им, а их предкам динлинам или другому народу той же расы. Остатком той же расы могут быть, кажется, также почитаемы аборигены северной части японского архипелага айны. Этот народ своею волосатостью не только на лице, но и на теле, вполне соответствует китайским описаниям обросших волосами, как лошади, динлинов и подобных обезьянам усуней. В физиономиях айнов выражается два типа: один с правильными, почти кавказскими чертами лица, другой - монголообразный[3]. «Они не принадлежат ни к кавказской, ни к монгольской расе и образуют особую расу, хотя носят в себе некоторые особенности обеих этих рас». Основной тип черепа айнов длинноголовый и мезоцефальные черепа у них есть

[1] Я не могу здесь излагать доказательства подробно и ограничусь указанием на некоторые из выводов, к которым привело професс. Богданова изучение курганных черепов Московской губернии: 1) Черепа эти выказывают начало смешения двух по крайней мере племен, одного длинноголового, преобладающего, другого короткоголового. Длинноголовых около 60%, чисто короткоголовых 23%. 3) Длинноголовость обусловливается у московских курганных обитателей преимущественно развитием задней части черепа, а не равномерным удлинением его в оба направления. 4) Черепа представляются очень толстыми, тяжелыми и объемистыми. Они имеют с некоторыми монгольскими черепами тот общий признак, что велики и в сущности широки. Но лицевые части и вообще другие признаки не несут на себе ничего монгольского. 5) Длинноголовое племя было довольно высокое. Рост мужчины в среднем 1,719 м., женщины 1,630 м. 7) Волосы, по найденным остаткам, были темно-русые, а частью светло-русые. 8) Племя было мирное, не богатое. В курганах нет ни золотых вещей, ни серебряных, а все сплавы. При покойниках клались только вещи, указывавшие на мирную жизнь; нет и следа оружия или бранных доспехов («Известия общества любителей естествознания при моек, университете», том 35, «Антропологическая выставка, том 3, часть 2. «Описание предметов выставки», вып. 3, «Отдел краниологический», составленный Анатолием Богдановым, 1879 года).

[2] В переведенном Клапротом отрывке «Дай-цинь-и-тун-чжи» сказано, что по словам одного древнего комментатора к «Хань-шу», «динлины были ветвью ху (hou) или восточных варваров» (См. Memoires relatifs a l'Asie, Paris, 1826,1.1, p. 111).

[3] Д.Н.Анучина «Племя айнов» в «Известиях общества любителей естествознания», том 20, Москва, 1876 г., стр. 127.

результат смеси с монголами. Из 40 исследованных черепов принадлежит к основному типу 27 и к смешанному 13[1].

На южное за Ордос, до Тибета, распространение той же расы намекают, довольно правда смутные, известия китайской истории о чи-ди, т.е. красных варварах в VII веке до Р.Х. (см. выше стр.<...>). Потомки этих чи-ди гаогюйцы (они же телэ, уйгуры) «на севере прозваны гаогюйскими динлинами»[2]. Так как нынешние киргиз-казаки, происходящие, главным образом, от гаогюйских родов, представляют собою также смесь белокурой, высокорослой расы с черноволосою, тюркскою, то невозможно происхождение и гаогюйцев от смешений тюрков с краснолицею и волосатою расою.

Конечно, предположения о том, что именно динлины, предки кыргызов, были тот древний культурный народ южной Сибири, который оставил следы своего существования, главным образом, на Енисее, и о том, что народ этот принадлежал к особой расе, отличной как от урало-алтайской, так и от индоевропейской, опираются пока на немногие и не вполне достаточные факты[3]. Надо ожидать более обстоятельных, подробных и достоверных данных и выводов от будущих научных

---

[1] Memories de Г Academie des sciences de St.Petersburg, VII serie, t. 24, N 83, 1890, Beitzage zur Craniologie der Ainus auf Sachalin от prof. Tarenetzky, s.s.4, 47. Любопытно образование числительных 8 и 9 в языке айнов; аналогичное с языком енисейцев и финнов: десять без двух и десять без единицы, а именно у айнов tu-ba-chan и schne-ba-chan, у енисейцев yna bese ku u kusa bese ко и у финнов kahdeksan u yhdeksan (см. Анучина «Племя айнов», стр. 183, Кеппена «О родине индоевропейских и угорских племен» в «Журнале Мин. Нар. Просвещения», 1866 г., октябрь, стр. 192, Schott Altaische studien, 3 heft, 1867, s.s. 148,150).

[2] «Собрание сведений», I, 248. В «Истории Тибета и Хухунора» о. Иакинфа Бичурина, составляющей перевод извлечений из соответствующих времени событий династийных историй, также упоминаются динлины, за время туньфаньской империи (634 — 866): «Есть еще байланские цяны, которых туфаньцы называют динлинами. Из них живущие на восток прилежат к дансянам, а западные смежны с Доми; имеют до 10 т. исправного войска; храбры в сражениях, искусны в делании оружия. В обыкновениях сходствуют с дансянами... Но с 663 года цяны байланские, цзюсанские и байгэуские покорены туфаньцами... Обитавшие на северо-западе, в числе 200 т. душ, поддались Китаю (692 г.) ...Из их земель учреждено десять областей, как-то Чао-чжеу, Ву-чжеу, Фу-чжеу, Гуй- чжеу и пр.» (Указ. «История», Спб., 1833 г. ч. 1, стр. 242). Из этих областей, по «Топографическому указателю («Собр. сведений», III, стр. 24), Гуй-чжеу есть название округа, который при династии Тан заключал в себе Сюань-хунь и Хуай-лай в Сюань-хуа-фу в губернии Чжы-ли: это, по карте при «Собрании сведений», верст 200 на северо-запад от Пекина. Ву-чжеу (стр. 15) лежал в области Шо- п'ин-фу, на западе от Пекина, в верховьях реки Сан-ган-шуй, близ р. Хуан-хэ, после поворота ее на юг. Чао-чжеу и Фу-чжеу в указателе нет. Гуй-чжеу, по «Истории Тибета и Хухунора», есть окружный город, лежавший от города Сун-пань-тин на северо-запад, к югу от Лань-чжеу-фу (ч.2, стр. 97). - Г. Георгиевским («Первый период китайской истории», Спб., 1885 г., стр. 237) перечисляется шесть разных племен «красных ди», из которых одно обитало в провинции Чжи-ли, а остальные в Шань-си. Китайская династия Чжеу была, по Шу-гин, варварского происхождения и отличалась красным цветом волос (De-Harlez в Journal asiatique, t. XX, 8 eme serie, 1892, p. 336). Есть также несколько известий о сары-уйгурах, т.е. желтых уйгурах, которые приводит г. Бретшнейдер в своих Mediaeval Researches from Eastern Asiatic sources (London, vol. I, 1888, p. 263). Так в 1084 году хотан- ские послы упоминали о пустыне «желтоголовых хойху», простирающейся между Хотаном и Тангу- том. В «Юань-ши» также упоминаются са-ли вэй-ву-р в местности к северу от нынешнего Цайдама. По истории Кашгара Белью, Саид-хан кашгарский в 1515 г. ходил против сары-уйгуров, обитавших в 20 днях от Хотана.

[3] Однако гипотеза о такой особой расе уже принята некоторыми антропологами. «В двух главных центрах брахицефалии, - говорит известный Топинар в реферате, доставленном в Московский международный конгресс антропологии и доисторической археологии 1892 года, где, как полагали прежде, нет другого общего типа, - в Азии и Америке, теперь признают существование длинноголового типа, подразделяемого на разновидности, когда-то широко распространенного, а потом исчезнувшего и оставившего только скудные следы местами». В частности, «в Азии теперешнему короткоголовому населению предшествовало длинноголовое, с признаками совсем другого рода, чем у монголов, а, может быть, и два населения, одно аналогичное эскимосам, другое аиносам или хаккасам» («Русская мысль», 1892 года, сентябрь, стр. 144).

исследований по археологии, антропологии, этнографии и языкознанию[1] северной и средней Азии, но исследовании о кыргызах, я счел себя обязанным сделать попытку хотя наметить возможное решение вопроса о предках этих кыргызов на основании имеющихся данных. Предполагаемое решение находит, кажется мне, подтверждения в истории, народном характере и антропологических особенностях кара-киргизов, как попытаюсь я выяснить в соответствующих частях настоящего труда.

[1] «Нет сомнения, что нынешние языки центральной и северной Азии сохраняют много форм и много слов, заимствованных некогда у этого таинственного и исчезнувшего народа. Нельзя же допустить, что эта раса не оказала никакого действия на те расы, конечно, менее развитые, более варварские, которые ее покорили и поглотили» (F.Gen. Muhl Observations, sur l'histoire des langues si beriennes, в Memoires de la Sosiete de linguistique de Paris, 1892, t. VII, p. 397).

Глава шестая

КЫРГЫЗЫ ВО ВРЕМЯ ТУКИЮЕСЦЕВ ИЛИ ТУРОК (545-766 гг.)

1. Исторические известия о кыргызах в VI-VIII столетиях

Упоминание о кыргызах у Менандера в 568 году. Дизавул, подаривший Зимарху пленницу-кыргызку, был, вероятно, Шидяньми. Представлялся Дизавулу Зимарх у Алатау. Под именем западных тукиюесцев следует разуметь местные тюркские племена. Деление их на отделы дулу и нушиби. Дулу есть нынешнее колено Великой орды дулат. В именах аймаков дулу оказываются киргиз-казацкие роды чумекей, джаныс, адбан, суван. В аймаках нушиби находились нынешние кыргызские роды ассык и кучук. Аймаки нушиби, вероятно, состояли из усуней под их истинным народным именем кыргызов. Догадки о судьбе усуней после Р.Х. Упоминания о нушибийцах в истории западных тукиюесцев. Вражда нушибийцев к Дулу-хану. Нушиби во время войны Китая с Ашиною-Хэлу. Назначенный китайцами хан нушибийцев Буч- Тукиюесцы поставляют себе ханов по своему выбору. Отрывочные известия, в которых упоминается об озере Жехай и р. Или. Усиление и падение ханства тукиши. Подчинение западных тукиюесцев на востоке уйгурам и на западе карлыкам. Догадки о тукиши. Сведения о гэлолу или карликах. Пояснения китайских известий о событиях, последовавших за падением тукишийцев.

Первое упоминание о тяньшанских кыргызах в исторических памятниках относится, по моему мнению, к 568 году. Именно, по рассказу Менандра-византийца, о посольстве Зимарха к туркам, турецкий каган Дизавул подарил Зимарху пленницу, которая «была из народа так называемых херхисов»[1]. Конечно, это кыргызы[2], но какие: енисейские или тяньшанские?

Дегинь и за ним и Клапрот считали Дизавула за Кигиня, третьего хана тукиюесцев, утверждая, что хан этот, по китайским историкам, носил титул Ti-theou-pou-li, а это близко к Dizaboue[3]. «Сближение эпох, - говорит Абель Ремюза, - дает мне основание думать, что это скорее Tan-no-pou-li, каган или правитель западных стран во время Табо-хана»[4]. К мнению этого синолога примыкает и Сен-Мартен, замечая, что два лица, которых отождествляли Дегинь и Клапрот, могли быть совсем разные личности, именно Муган-хан (Кигинь) и сын второго хана тукиюесцев (Иссиги-Коло), который мог сохранить участие в управлении, быть может с высоким, но совершенно почетным

[1] «Византийские историки Дексиан и пр.», перев. с греч. Делуниса, Спб., 1861, стр. 379.
[2] По Дегиню (Histoire generale des Huns, t.I, partie 2, p. 388) это был сибирский народ, который жил тогда около реки Ангары и перешел потом в Грузию. По Сен-Мартену (примечания его к Histoire du Bas Empire, t.X, pp. 61, 62) это les Circassiens, которые носили имя казак, касак, а ныне кыргызы. Во всем этом, кроме слишком отдаленного сопоставления «кыргыз» с «черкес», у второго автора еще смешение кыргызов с казаками.
[3] Tableaux historiques de l'Asie, pp. 115, 116.
[4] Recherches sur les lungues tartures, Paris, 1820, t.l, p.320.

титулом, тогда как Кигинь был настоящим ханом[1]. Но ни в одном из переводов китайских известий (о. Иакинфа из «Т'ан-шу», Видлу из «Суй-шу» и «Т'ань-шу», Станислава Жюльена из разных династийных историй) не упоминается о том, чтобы Кигинь имел имя или титул Дитубули, а потому легко может быть, что это только неосновательное предположение Дегиня. Несостоятельность догадки Абеля Ремюза ясна из того, что Тань-но (у Дегиня сын Jo-tan-Khon', у о. Иакинфа Жутань- хан, у Видлу No-tan-Khan) был назначен були-ханом уже Тобо-ханом, который вступил на престол, по Mailla[2], в 12 луне 572 года, т.е. через три - четыре года после посольства Зимарха. По времени посольство имело место в царствование Кигиня (554 - 572), но Дизавул был другое лицо, потому что умер в 576 году, четырьмя годами позднее Кигиня, так как, по Менандру же, сын Дизавула Турксанф получил известие о смерти отца перед прибытием византийского посла Валентина, отправленного во втором году правления Тиверия Кесаря (576г.). В рассказе о посольстве Валентина вместо Дизабула значится Дилзивул, но посол в своей речи к Турксанфу приписывает Дилзивулу первое обращение к римлянам с предложением союза против персов[3], а по реляции о посольстве Зимарха это предложение делал Дизабул, значит, Дизабул и Дилзивул одно и то же лицо. Вамбери полагает[4], что Dizeol или Dizaoiil должно означать «устроитель, распорядитель» от tiz, diz- ordnon, regeln, с добавкою суффикса cul, aul, но это нашего затруднения не разрешает. Надо думать, что под именем Дизавула византийцев скрывается верховный хан западных тукиюесцев. По Видлу, который известия эти берет из «Суй-шу», написанной Вэй-Чженем в первой половине VII столетия, и заверяет, что переводит слово в слово, у второго сына Тумыня, первого хана тукиюесцев, по имени Che-hie-mii или Se-ti-mii (Шидяньми о. Иакинфа)[5], был сын Дату (Ta-theou)-хаН. Этот Дату-хан «первый из тукиюеских ханов завладел древней страной ou-scun'efi и отделился от восточных тукиюесцев... Его царский лагерь отстоял от Си-ань-фу (китайская столица) на 700 лье (7 т. ли) на север (на запад - по поправке переводчика)... Его южный двор (sa cour miridionale) находился в семи днях пути, по направлению на северо-запад, от владения Yon-Khi (Карашар), северный же двор находился от южного в восьми днях пути на север». Эти расстояния дозволяют предполагать, что южный двор (нань-т'ин) Дату-хана находился на Текесе и Иссык- Куле или на Юлдузе, а северный (бэй-т'ин) на Боротале или около Урумчи, где впоследствии в китайской истории долго держалось название Бэй-т'ин. Подтверждается такое приурочение и продолжением перевода Видлу: «Народ его (Дату-хана) был перемешан с tou-lou, nou-che-pi, Kho-lo-lu, tshi-yua, tchi-mi, y-ou и другими племенами варваров»[6]. По «Т'ан-шу» Дату-хан упоминается между 581 и 584 гг.: Нету или Ша-болио-хан (по Дегиню сын

[1] Histoire du Bas-Empire par Labeau, Paris, 1828, t. IX, p.392.
[2] Histoire generale de la Chine, t.V, p.438.
[3] «Византийские историки Декстипп и пр.», стр. 421 и 422.
[4] Der Ursprung der Mogyaron, Leipzig, 1882, s. 42.
[5] У о. Иакинфа, переводившего историю турок из «Тан-шу», нет этих известий, содержащихся в «Суй-шу», но и у него упоминаются, около половины VII столетия, потомки Шидяньми: «Хэлу был внук Шидяньми-хана в пятом колене, сын Ибули Ше Шегуя дэлэ Диоюе» (I, стр. 354). «Ашина-Мише также был внук Шидяньми-хана в пятом колене» (там же, стр. 361).
[6] Bibliotheque orientale pur D'Herbelot etc., La Hage, 1779, t. IV, pp.91, 109.

Исики-хана) с двумя другими ханами Або и Тань-ханем был разбит китайцами. Вскоре потом Шаболио «не полюбил Або за его храбрость и отважность» и неожиданно напал на аймак Або-хана. Або «бежал на запад к Дату-хану. Дату, по имени Дяньгю, был Шаболио-хану двоюродный дядя по отцу[1]. Он был ханом западной стороны. К нему же бежал и Тань-хан, назначенный предместником Шаболио Тобо-ханом в були-ханы «с пребыванием в западной стороне»[2]. По «Т'ан- шу же «Далобянь (имя Або) мало по малу усилился, на востоке распространился до Дулгинь, на западе за Золотые горы. Телесцы, Куча (в подлиннике должно быть Аньси, т.е. вообще нынешний китайский Туркестан), Иву (Хами) и жители западного края - все покорились ему». Около 588 года Далобянь был взят в плен восточными тукиюесцами и, вероятно, убит[3]. На его место возведен сын Янсо-дэлэев под именем Нипо Чуло-хана». Последний около 611 года лишен престола и заменен в достоинстве верховного хана западных тукиюесцев Шегуем. «Шегуй есть сын Дулуев, внук Дату-хана. Он наследственный хан, управлял близ западной стороны»[4]. Сам Дату-хан Дяньгю снова упоминается около 598 года, когда он поддерживал хана восточных тукиюесцев Дуланя против брата его Тули, которому помогали китайцы. По смерти Дуланя Дягиню сделался верховным ханом тукиюесцев под именем Бугя-хана, но около 607 года, вследствие смут у тукиюесцев, часть которых предалась Тули-хану и китайцам, он бежал к тогонам (в Тибет) и дальнейшая судьба его неизвестна[5].

Из всех этих отрывочных известий можно заключить, что западная, притяныианская часть владений тукиюесцев вообще составляла удел потомства ветви Шидяньми-хана, тогда как восточные владения турок были уделом потомства сыновей Тумыня - Исиги, Кигиня и Тобо. Надо поэтому полагать, что и во время Кигиня владели и правили западом, со значительной долей самостоятельности, потомки Ши- дяньми и что Дизавул Зимарха был оставшимся китайцам неизвестным главой ветви Шидяньми. Это не был Дяньгю, потому что Дизавул умер около 576 года, тогда как Дяньгю был жив даже в 606 году. Может быть, Дизавул был сам Шидяньми или старший его сын[6].

Отправившийся из Константинополя в августе 568 года Зимарх, после продолжительного путешествия, нашел Дизавула у «горы Эктаг, что по эллински значит золотая гора. «Эктаг, или скорее Ак-таг, значит не золотая, а белая гора. Следует предполагать этот Ак-таг в западных тукиюеских землях, потому что Дизавул, всего вероятнее, был ханом западных тукиюесцев. Дизавул пожелал, чтобы Зимарх сопровождал

[1] По «Суй-шу» в переводе Стан. Жюльена из Бянь-и-дянь «брат со стороны отца» (Journal asiatique, 1864, till, p. 493).
[2] «Собрание сведений», I, 278, 274.
[3] Там же, 340.
[4] «Собрание сведений», 1, стр. 344.
[5] Там же, 285-288.
[6] По Дегиню (Histoire gener. des Huns etc., t.I, p. 2, pp 463, 464) Tien-kione или Che-tii-mi. был братом Тумыня, носил титул Ta-teou-khon и назывался также Pou-kia-khan. Сомнительно, чтобы Дяньгу, находившийся в живых в 606 году, был братом Тумыня, умершего в 553 году, но возможно, что Шидяньми был братом , а не сыном Тумыня, как довольно загадочно значится у Видлу (что за «второй» сын?). Дяньгу в таком случае мог быть сыном Шидяньми. Затем Дегинь ошибочно относит к Або все то, что Видлу сообщает о занятии усуньских земель, о резиденциях и подвластных племенах.

его в походе против персов, и распорядился, чтобы свита Зимарха возвратилась в страну холиатов и там ожидала возвращения Зимарха; затем, когда Дизавул с Зимархом отправился в поход этот, то «на пути они остановились на месте, называемом Талас, и здесь встретили посольство персидское». После приема этих послов и отпуска их, Дизавул готовился идти на персов, но Зимарха брать с собой передумал, а отпустил и его. «Римлян, которые были прежде отпущены, застал он (Зимарх) там, где условился съехаться с ними. Он предпринял вместе с ними обратный путь в свои земли. Оставив и главный город холиатов, они ехали крепостями»[1]. Из этого рассказа следует заключить, что с Таласа Зимарх отправился в страну, лежащую между Сыр-дарьею и хребтом Каратау или между Каратау и низовьями р. Чу, так как только тут, на речках, текущих с Каратау, могли существовать селения или городки, окруженные стенами и потому названные Зимархом крепостями. Земля эта должна была принадлежать кангюйцам или канглы, а потому холиаты, вероятно, испорченное «канглиаты», как думал Дегинь[2]. Эктаг (быть может, Алатаг, Алатай) должен был находиться восточнее Таласа, т.е. на Или или на Чу. Это едва ли мог быть Алтай, потому что владения ветви Шидяньми на севере граничили с песчаным морем, т.е. с чжунгарским рукавом Гоби, лежащим между Алтаем и Тяньшанем[3].

Все это делает вероятным, что пленница, подаренная Дизавулом, главою западных тукиесцев, незадолго перед тем завоевавшим западный Тяньшань, была из кыргызов, обитавших в Тяньшане. Принадлежность этой пленницы к енисейским кыргызам мало вероятная, потому что покорение их совершено было задолго до 568 года, именно относится к 556 году, когда Кигинь «на севере покорил Цигу»[4].

Китайские историки не упоминают имени кыргызов за все время владычества в западном Туркестане турок, карлыков (766-1125 гг.) и кара-киданей, но в сохранившихся у китайских историков именах аймаков западных тукиюесцев оказываются, с

---

[1] «Византийские историки Декстипп и пр.», стр. 379-381.

[2] П.И.Лерх (Khiva etc., St.Petersburg, 1875, s. 24) вместо холитаты предпочитал читать хоалиты и полагал, что это варезм. По мнению Н.И.Веселовского («Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего», Спб. 1877 года, стр.19), «хоалиты, судя по тому положению, какое занимает земля их на Земарховом пути, никто иной, как эфталиты». Но трудно допустить, чтобы, во-первых, Зимарх и Менандр, знавшие о столкновениях ефталитов с тюрками и о покорении первых последними, назвали ефталитов холиатами или хоалитами, и, во- вторых, чтобы при подчиненности уже тюркам стран до Каспийского моря, передний и обратный пути византийского посольства направлены были кружным путем на низовья Аму-дарьи вместо прямого и менее трудного пути через земли канглов. По Я.В.Ханыкову («Записки р. географического общества», 1851 года, книжка 5, стр. 300), путь Зимарха представится «гораздо естественнее, если под Ойхом разуметь Иртыш, под большим озером Балхаш, откуда Георгий мог действительно быть направлен прямо к западу через Голодную степь, а Земарх взять севернее, через холмистые, но более плодородные долины притоков Нуры, и затем, отметив Тургай под именем Ика, достигнуть Дайха или Яика». Очевидно, такой путь с Таласа, если даже отбросить совершенно не подходящее отождествление Ойха с Иртышом, неправдоподобен: с какой это стати с Таласа идти в Голодную степь или забираться на Нуру, когда существует достаточной прямой и удобный путь между Каратау и Сыр-дарьей или по северной стороне Каратау?

[3] По Видлу (p. 109), «страна его (Дату-хана) граничила на востоке с землями восточных тукиюесцев, на западе прилегала к морю или большому озеру, именуемому Lei-tchu, с юга имела владение So-16 (Кашгар) и на севере песчаное море (lo mer de soble)». По заверению Бретшнейдера (Medieval Researches, London, 1888, v.I, pp. 13, 14), имя Эктаг неизвестно в нынешней Монголии.

[4] «Собрание сведений», 1, стр. 267. По Дегиню, Ki-nou, народ, обитавший к западу от Иркутска Histoire des Huns, 1.1, partie 2, p.379).

одной стороны, существующие поныне роды киргиз-казацкие, с другой же - роды кыргызские. Основатель могущества тукиюесцев иль-хан Тумынь (545-553 гг.) усилился со времени покорения тэлэсцев или гаогюйцев, шедших в числе 50 т. кибиток против жужаней. Можно думать, что собственный народ Тумыня не превышал такой же цифры кибиток. С этими силами сыновья его (и брат) покорили всю Монголию и Среднюю Азию до Персии. При такой незначительной численности тукиюесцев, ханы их, очевидно, не имели возможности водворить в покоренном ими западном Туркестане сколько-нибудь значительное количество исконных тукиюесцев, так как, прежде всего, их должно было озабочивать утверждение своей власти в Монголии и борьба с Китаем. Поэтому войска уже первых западных тукиюеских ханов должны были состоять из местных тюркских племен, при небольшой дружине из тукиюесцев. Пользуясь своею отдаленностью от верховных ханов, обитавших в Монголии, западные ханы турок, как впоследствии монгольские Чингизиды, должны были скоро отделиться и выйти из зависимости от ханов восточных тукиюесцев. Так на самом деле и было. Народ Дату-хана состоял, вероятно, не из смеси тукиюесцев с дулу и другими поименованными в приведенном выше, по Видлу, китайском известии тюркскими, очевидно, местными, занимавшими свои земли до покорения их тукиюесцами, племенами[1], а прямо из этих местных племен. Из племен этих у-ou, т.е. уйгуры или гаогюйцы, в конце VI столетия, к которому относится упомянутое известие, занимали западную часть северной Монголии, где они во второй четверти VII века образовали было независимое, под главенством рода сеяньто, государство[2]. Kho-lolo или гэлолу, т.е. карлыки, обитали в это же время на западе от Алтая, вероятно, по Черному Иртышу, и вскоре, подобно уйгурам, стали зависеть от восточных тукиюесцев[3]. Поэтому народ западных тукиюеских ханов состоял собственно из племен дулу, нушиби, чуюе, чуми.

По «Т'ан-шу» Шаболио-хиллиши-хан (634 г.) «разделил свои владения на десять поколений или аймаков». Пять восточных аймков назывались дулу и пять западных нушиби[4]. Под 651 г. встречается перечисление пяти аймаков дулу: 1) чумугунь (tchu-mou-kouen, 2) хулуву (hou-lo-vuo), 3) нешетидунь (che-che-ti-tun), 4) туциши хэлоши (tou-ki-chi et ho-lo-chi) и 5) шуниши чубань (chi-ni-chi et tchi-pan)[5]. В этой китайской транскрипции прежде всего можно узнать в общем названии пяти восточных аймаков дулу существующее ныне самое многолюдное племя или род Большой или Великой орды дулат, занимающее земли между реками Или и Чу. О древности рода или племени дулу можно заключать из того, что первые болгарские князья принадлежали к роду дулу. По сохранившемуся в некоторых списках хронографа, называемого еллинским, сказанию или записи об этих князьях, первый из них Авитохол, - начало царствования которого по данным того же сказания относится к половине II столетия

[1] «Собрание сведений» (1, стр. 452) «когда дулгасцы... разделили между собой бывшие усуньские земли, то жили, перемешавшись с чуюе и чуми».
[2] Там же, стр. 426 и след.
[3] Ид., 437 и след., 318, 331.
[4] Там же, стр. 350 и 351.
[5] Ид., 355 и 356. В подлинниках у о. Иакинфа Чумугунь люй (у Visdelou Tchu-mou-en et Lu), но люй (Lu) вероятно, здесь тюркское ру - род, кость.

после Р.Х., т.е. ко времени удаления северных хуннов от границ Китая на запад, - «жит (жил) <...>.

Имя племени или рода дулу упоминается в китайских историях, кажется впервые, в V веке, в числе двенадцати родов гаогюйцев, в форме тулу[1]. Но, конечно, племя дулу существовало за много веков ранее, как это отчасти выясняется принадлежностью первых болгарских князей к роду дуло. Значится это в записи или сказании о первых болгарских князьях, открытой професс. А. Поповым в некоторых списках хронографа, называемого еллинским летописцем[2]. По словам академика А.А.Куника, который указывает, между прочим, на помещение народа Duli между готами и гепидами в одном исчислении народов IV века и потому не прочь считать этот народ германским, «ориенталисты утверждают, что в источниках (каких?) говорится об одном тюркском племени Дул или Тул»[3]. Вероятно, не названные ориенталисты имели в виду именно дулу или тулу китайских известий. Первое упоминание о болгарах у византийских историков относится, кажется, к 482 г., когда они появились на нижнем Дунае, будучи призваны императором Зиновием на помощь против остготов[4], но «никто не станет спорить против того, что все известия» об унугурах и кутургурах V и VI веков, составлявших остатки гуннских орд, отброшенных гепидами и остготами, после смерти Аттилы (453 г.), к Азовскому морю, «относятся к болгарам»[5], хотя прямых исторических свидетельств об этом и нет». По византийским летописцам, гунны и болгары, в 635 году, под предводительством Курата или Куврата, восстали против аваров, подчинивших их себе во второй половине VI века. Один из пяти сыновей Курата (в записи или Именик первых болгарских князей - Курт), между которыми болгары разделились после его смерти, Аспарух перешел около 679 года за Дунай, покорил семь славянских племен, обитавших между Дунаем и Балканами, и основал первое болгаро-славянское царство[6]: « словянскому языку..., живущю на Дунай, придоша от скуф, рекше от козар, рекомии болгаре, седоша по Дунаеви, насильницы словяном быша», как говорит наш летописец. «Будучи гораздо малочисленное славян и погибая в значительном числе в битвах с византийцами, они (болгары) неизбежно должны были ославяниться»[7]. Князья из рода дуло царствовали до князя Кормисоша, который был уже из другого рода, из рода вокиль, и который, по Именику, «изменил род дуло», т.е. отнял принадлежавшее ему дотоле право на княжение; преемник Кормисоша князь Телец принадлежал к роду угаин. Об этом событии знали и византийские историки, из которых по одному (Никифор патриарх) «гунны и болгары», а по другому

[1] «Собрание сведений, 1, стр. 251. Вамбери имя рода дулу сравнивает с киргизским словом Dulai, значащим blöde, einföltig, auch tanb (Ursprung der Maggaren, 1883, s. 164), а Томашек (Zeitschri, für die österrichhe Gymnasien, 1877, s. 683) имя dulo походит в тюркских dolug, dolo - vule, Fülle.
[2] «Обзор хронографов русской редакции», вып. 1, Москва, 1866 года, стр. 25 и 26.
[3] Приложение №2 к 32 тому «Записок И.Академии наук», 1879 г., стр. 130.
[4] М.Соколов «Из древней истории болгар», Спб., 1879 года, стр. 40. К.Я.Грот «Моравия и мадьяры с половины IX до половины X века», Спб., 1881, стр. 56.
[5] Акад. В.Г.Васильевский «О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан» в «Журнале мин. нар. просвещения», 1882 г., июль, стр. 173.
[6] А.А.Куник, стр. 133-135. Соколов, стр. 76.
[7] Акад. Куник, стр. 149.

«болгары» (Феофан), по предварительному уговору между собою, «устранили правителей, которые до тех пор следовали целым рядом (преемственно) друг за другом, истребили весь род и поставили вождем своим Телеца, который упоминается в византийских известиях около 762 года[1].

По Именику, первые пять болгарских князей (в числе их под именем Авитохола, царствовавшего 300 лет, и Ирника, т.е., по-тюркски, Ирнака, Ернака, властвовавшего 108 лет, должно, конечно, разуметь целые династии) правили 515 лет. Так как шестой князь Испорик есть явно Аспарух византийцев, перешедший за Дунай около 679 года, то начало властвования князей рода дуло относится к половине II века по Р.Х., значит, совпадает с уходом северных хуннов на запад, который, по китайским известиям, относится именно к этому времени. Отсюда можно, почти с достоверностью, заключить, что вынужденные поражениями со стороны китайцев и южных хуннов, а также усилением в восточной Монголии сяньбийцев удалиться на запад северные хунны увлекли за собой из Юебани в земли кангюйцев и затем к Яику и Волге часть юебаньских тюркских родов, в том числе часть дулу и, как увидим ниже, суванов. Участвуя в составе орд гуннов при покорении ими аланов, готов и других народов юго- восточной Европы, эти дулу, сохранившие своих наследственных старшин или князей, после смерти Аттилы, когда гунны отброшены были назад, к Азовскому морю и к Волге, стали во главе наиболее сильной орды или союза, образовавшегося из родов гуннов и их тюркских соплеменников[2]. Эта-то орда, под главенством каганов из рода дуло, успевших сформировать из нее сильный и воинственный народ, сделавшийся известным под именем болгаров, покорила славян на Дунае и основала там болгарское ханство.

По Именику же, первые болгарские князья головы имели остриженные, значит, как юебаньцы, т.е. оставшиеся в Эбин-норском бассейне части родов дулу и других, которые тоже обстригали волосы на голове[3].

Возвращаясь к пяти аймакам дулу, поименованным в «Т'ан-шу», нельзя, мне кажется, в первом из этих аймаков чумугунь не видеть значительный и ныне род Малой орды чумукей (schümönöi, по транскрипции г. Радлова), кочующий между Сыр-дарьею и Эмбою. В состав этого же аймака входили, вероятно, роды чуми и чуюе, которые, по китайским известиям, упоминаются постоянно с «чумугунем». Затем в шуниши пятого

---

[1] Там же, стр. 137. Гильфердинг «Собрание сочинений», том.1, Спб., 1868 года, стр. 34.

[2] Считающий болгар за смесь прибывших на Волгу в разное время тюркских племен Томашек полагает, что и самое имя булгар значит смесь от тюркского Buld'amag - mischen, durch einander ruhren. Имя реки Bohru по его мнению финское, ибо у черемис есть Jul (Wulj), тогда как у турок Etyl, Adyl (Zeitschrift für die österreichischen Gymnasian, 1872, s. 156).

[3] «Собрание сведений» и пр. часть III. стр. 163. Болгары поклонялись солнцу, месяцу и звездам. Они имели также какое-то религиозное почтение к собакам. Для особенного утверждения клятвы, они брали в свидетельство собаку и разрубали ее пополам» (Гильфердинг «Собрание сочинений», том 1, стр. 27). Послы византийских императоров к болгарам «спрашивали, прежде всего, о здоровье князя, его жены и детей, и затем должны были осведомляться о здоровье шести великих былей (вельмож, бояр); потом они спрашивали, как здоровы прочие были, внутри и вне, и наконец, как здравствует простой народ» (там же, стр. 28). Быть может, эти были, от которых в церковнославянском языке боляре, суть тюркское бийляр, множественное число от бий.

аймака можно подозревать род джаныс[1] нынешнего племени дулат. По одной из самых распространенных в Большой орде родословных, Джаныс был четвертым сыном Дулата. Имя чубань напоминает владение Юебань, существование же племен Большой орды атбан и суван, в именах которых встречается в качестве составной части слово бан, заставляет предполагать, что юебаньский народ состоял из дулатов и, вероятно, близких к ним родов чуми, чуюе, атбан и суван[2]. По упомянутой родословной Большой орды Дулат, Атбань и Суван были родные братья.

По «Т'ан-шу», «чуюе кочевал по южную сторону гор Инсо, от Барюоля на западе. Здесь есть большая песчаная степь, называемая Шато, от чего шатоские дулгасцы и название получили»[3]. В китайской надписи на памятнике западно-тукиескому Кюэдэлэ, 732 года, значится, что государство тукиюесцев соседило на западе с чуюе[4]. Эти известия выясняют, что чуюе занимали земли, прилегающие к горам Барлык, Уркашар и Саур с юга. В 657 году, при переименовании китайцами аймаков западных тукиюесцев в губернаторства с китайскими названиями, поколение мугунь (конечно то же, что чумугунь) получило имя фуяньского губернаторства; из поколения шуниши чубань сделало губернаторство юнсо (инсо?), из поколения нешетидунь сделало губернаторство при Шуан-хэ (раздваивающаяся река, вероятно, Боротал). Эти три аймака, по-видимому, занимали Эбин-норский бассейн. Остальные два аймака должны были располагаться между Тарбагатаем и р. Или. В 657 же году из поколения хулуши-кюе (должно быть то же, что хулуву) образована была губерния Яньбо, из аймака же туциши - хэлоши, по-видимому, целых два: из поколения туциши-согэ-мохэ губернаторство выньлу и из поколения туциши-алиши губернаторство гешань[5].

Сопоставляя имена родов чуюе, чуми, чумигунь, чубан, которые в VII веке, по китайским известиям, обитали смежно друг с другом в стране между Алтаем, Барлыком и Тяньшанем, с приведенной в главе пятой древней народной легендой о происхождении тюркских племен, по которой один из четырех тюркских родоначальников был предком племени, означенного именем реки Чу, можно заключить, что слово или имя Чу не даром входит в состав вышеприведенных четырех

---

[1] Джаныс в китайской транскрипции выйдет джа-ни-сы, а это совсем близко к chu-ni-chi.

[2] По приводимому Катрмером известию Альбируни, «Болгары и суаны живут близ границ обитаемого мира, в оконечности седьмого климата. Они не говорят по-арабски; язык их есть смесь тюркского и хазарского» (Historia des Mongols de la Parse, ecrite par Ruschid-eldin, publice etc., par Kuntremires, Paris, 1856, t.I, p. 404). Откуда бы ни почерпнул эти сведения Альбируни и относятся ли они к камским болгарам или дунайским, во всяком случае, они подтверждают, что язык болгар был тюркский, и дают понять, что в смежности с болгарами жили или, вероятнее, часть этого народа составляли суаны, в которых всего скорее можно видеть суванов.

[3] «Собрание сведений» и пр., 1, стр. 453. Дегинь помещает шато на восток от Лоб-нора, но это, вероятно, ошибка. Племя шато, составлявшее в VII веке отделение чуюе, впоследствии подвинулось на восток к Бэй-т'ину (Урумчи), подпало под власть тибетцев и в 808 году бежало от них в Китай. В 907 году один из князей шато объявил себя императором северного Китая (там же, стр. 454 - 458).

[4] «Восточное обозрение», 1891, №13, статья проф. Гейкеля.

[5] «Собрание сведений», 1, стр. 360. По «Дай-цинь-и-тунчжи» (Journal asiatique, 1846, t. VIII, p.388), когда орды тукиши so-ko и mo-kio поддались, то их территория обращена была в департамент Ono-lo-tou-to-fou. Когда тюркские орды chu-ni-chi и tchou-pun поддались, то их земли сделались департаментом Jng-chu... Когда тюркское племя Chi-o-li-chi поддалось, его территория сделана департаментом kie-chan-tou-to-fou. Все эти департаменты подчинялись бэй-т'инскому наместничеству (Pe-thing-tou-hou-fou).

родовых имен и указывает на общую их принадлежность к упоминаемому легендой особому от тукиюесцев, уйгуров и кыргызов тюркскому племени чу. Возможно, что к этому племени принадлежали кроме чуюе, чуми и пр. также канглы, карлыки и вообще роды всех западных тюрков, которые постепенно покидали западную часть Алтая, бывшую их прародиной, и уходили на запад. Так как роды чу'йцев составляли значительную часть аймаков дулу, то надо полагать, что и общее имя этих аймаков дулу не может служить доказательством гаогюйского или уйгурского этих аймаков происхождения. Скорее можно думать, что дулу были сами родом чу'йцев, западных тюрков, причислялись же китайскими писателями к родам гаогюйцев по смежности их кочевок с гаогюй- скими и по подчиненности их в то время, когда имена родов гаогюйцев сделались известны китайцам (V и VI века), гаогюйским государям. Подтверждается это и тем, что в VII веке, когда китайцы ближе ознакомились с гаогюйцами под именем хойху, тулу уже не оказываются в числе гаогюйских родов. Ввиду почти постоянно обнаруживающейся связи древнейших тюркских племенных и родовых имен с названиями рек в Алтае можно полагать, что имя тулу , в транскрипции китайцев, и дулат, в нынешней тюркской форме, происходит от имени реки Тулаты[1], левого притока р. Чарыша, которого правые притоки Кан и Карлык дали имена двум другим важнейшим племенам западных турков канглам и карлыкам. Родовые имена чуэ (чуюе) и джаныс или яныш также находят соответственные названия в водных потоках Алтая: есть река Чуэ[2] системы р. Лебоди и р. Юныш[3] - правый приток р. Или. Верховья Юныша сходятся с истоками р. Тулаты[4]: ужели существование в роде дулат подразделения яныш или джаныс есть одно случайное сходство звуков, а не след древнего обитания обоих в Алтае?

Замечательно существование у чуйских родов городов или креплений. Так, около 642 года, во время войны с тукиюеским Дулуаном, китайцы взяли «город чуюеского сыгыня»[5], находившийся западнее Хами. В 654 г., воюя с Ашиною-Хэлу, китайцы взяли «чумугунев город» и до 30 т. ушей отрезали у убитых». Тогда же другой китайский отряд «покорил город Хыньду (у Visdeluu, p. 116, город Ta-tou), забрал богатство в нем и вырубил жителей»[6]. По китайскому описанию Юебани, ее население, т.е. чуйцы, выделялось из среды других кочевников своею опрятностью и чистоплотностью. Можно видеть в этих зачатках культуры влияние задолго до Р.Х. существовавшего у подножий восточного Тяньшаня полуоседлого населения (владения Чуши или Чушы, Пулэй и др.), занимавшегося и хлебопашеством, а также китайских поселений, заводившихся там же еще до Р.Х.[7] С другой стороны, некоторые следы более развитой

[1] Некоторые сведения о р. Тулата или Тулята есть у Риттера (русского перевода П.П.Семенова, т. III, стр. 263, 266, 276). Есть еще река Толуй или Толё - правый приток р.Бии (см. того же издания т. IV, стр. 432).
[2] Там же, стр. 432.
[3] Перевода Риттера, т. III, стр. 275.
[4] Там же, стр. 275 и 276. Имя рода чумугунь, быть может, тоже идет от одной из алтайских рек: Шайгин произвел съемку реки Шарачамогуна, впадающей в Коксу системы Катуни (см. тома 3 русского перевода Риттера, стр. 327 и 331).
[5] «Собрание сведений» и пр., 16 стр. 353.
[6] Там же, стр. 358.
[7] «Собрание сведений», III, стр. 87-97.

культуры могли оставить в Юебани северные хунны, многое заимствовавшие у китайцев в продолжение трехвекового господства в соседней Монголии.

Пять аймаков нушиби были следующие: 1) асиги (asii-kia), 2) вешу (ko-chu), 3) басайвань дуньшибо (kiau-han-kan-tun-cho-po) 4) асигу-нишу (asii-kine-nido) и 5) гешу-чубань (kou-chu-tchu-pan). В первом и четвертом из этих аймаков можно видеть кыргызский род или точнее кость ассык (Assyk у г. Радлова), имеющийся ныне в коленах сарыбагыш и султу, а во втором и пятом кыргызскую же кость кучук (кучу, коши в других транскрипциях), встречающуюся ныне в коленах бугу и султу и в отделе сол; в третьем аймаке мог находиться нынешний дулатовский род сейкым, к имени которого прибавлена часто встречающаяся приставка бай (богатый): байсейкым будет близко к байсайгань, go-sai-kan китайской транскрипции. Сейкым, по не раз уже упомянутой родословной, был третьим сыном Дулата.

Эти отождествления родов нушиби с существующими ныне костями или родами кыргызов дают основание полагать, что западная половина государства западных тукиюесцев состояла из кыргызов. Разумеется, отсутствие в наименованиях аймаков нушиби, сохранившихся в «Т'ан-шу», имен многих из весьма распространенных ныне у кыргызов костей, а также и имен кыргызских колен (бугу, сарыбагыш и пр.), не означает, что этих костей и колен в VII веке у кыргыз не было. Нет, это показывает только то, что в то время преобладающее по каким-нибудь причинам (напр. по личным качествам и влиянию родоначальников, по численности родов и т.д.) значение имели в аймаках, на которые разделены были кыргызы, - по воле между прочим тукиюеских ханов, руководствовавшихся своими политическими и административными соображениями, - именно те кости или роды и общины, по которым даны аймакам их прозвания; остальные роды могли быть размещены и разделены даже в тех же аймаках, не выказав только своего существования в именах этих аймаков. По именам аймаков нушиби, как именам почти исключительно кыргызским, следует думать, что кыргызы в тукиюескую эпоху занимали не только Тяньшань к югу и западу от р. Или, но и прилегающие к западному Тяньшаню долины и степи, обитаемые ныне Большою ордою. Существование в пятом аймаке рода чубань может быть объяснено смежным расположением этого аймака между родами кыргызскими и юебаньскими или гяогюйскими, нахождение же в настоящее время в колене Большой орды джалаир рода кучук допускает предположение, что часть кучуков попала под главенство передвинувшихся сюда в монгольское время джалаиров случайно, вследствие обращения занимаемых этими кучуками земель в обладание джалаиров.

Откуда же взялись в VI и VII столетиях в западном Тяньшане и прилегающих степях, между рр.Таласом и Или, многочисленные кыргызы пяти аймаков нушиби? И с другой стороны - что сталось со столь многочисленными усунями, после Р.Х. и особенно с половины V века, после 436 года, когда китайские послы находили владетеля усуней в Цунлине? Мне кажется весьма возможным, что кыргызы именно и есть усуни и что народное имя у усуней было кыргыз, а имя усуней было только политическим

термином, названием того аймака или того политического союза кыргызских родов, который ранее III века до Р.Х. отделился от оставшейся на Енисее части кыргызского народа и переселился на юг от хребта Танну, заняв земли между этим хребтом и восточным Тяньшанем, а потом во II веке до Р.Х. передвинулся в западный Тяньшань. Многие тюркские племена и роды получили свои имена; от рек, на которых они обитали, напр. карлыки от р. Карлык, притока Чарыша, лебединцы от р. Лебеди, тубинцы - кыргызский род или скорее аймак - от р. Туба и т.д.[1]. Почему бы и усунь не могли получить себе имя от реки Июс и Сон (быть может, Сун, у Палласа Soon)[2], на которых могли быть их кочевки прежде, чем они ушли на юг и сделались известными китайцам под этим своим аймачным именем[3] Июс-Сун?

О судьбе усуней после Р.Х. правдоподобно такое предположение, что начавшееся уже до Р.Х. распадение народа на части, вероятно, по родам и аймакам, из которых сплочен он был при гуньми, совершилось теперь вполне, так как Китай не оказывал уже никакого влияния в смысле сохранения государственного единства, тогда как потомки гуньми, конечно, продолжали своими междоусобиями способствовать обособлению родов и аймаков. Тукиюесцы, вероятно, очень легко подчинили себе в третьей четверти VI века разрозненных и близких к ним по языку и обычаям усуней или кыргызов. По китайским известиям, нравы и обычаи западных тукиюесцев были сходны с таковыми же восточных. «Была однако небольшая между ними разница в

[1] Так и имя колена найман происходит, вероятнее, не от монгольского слова найман - восемь, а от реки Найма, притока Катуни.

[2] Реки Белый и Черный Юс, которые образуют р. Чулым, ограничивают с северо-запада степную возвышенность, простирающуюся на восток до р. Енисея и переходящую на юге за Абакан. Река Сон впадает в озеро Ширакуль. Первое, к сожалению, весьма краткое, описание этой местности принадлежит Палласу, проезжавшему в 1772 году из Красноярска на Уйбата, Абакан и далее (Reise durch verschiedene Provinzen des Russisches Reichs Dritter Trail, Buch 2, 1776, ss. 323 - 339); оно послужило источником для Гревингка («Труды сибирской экспедиции И.р. геогр. общества», Математический отдел, Спб., 1864 г., стр. 162), а отсюда заимствовано в четвертом томе дополнений к переводу Риттера (Спб., 1877, стр. 557-559). В последние годы Шира-куль приобретает значение в качестве курорта благодаря горькой его воде, богатой серно-кислым натром, серно-кислой магнезией и хлористым натрием. Сюда начинает собираться каждое лето до сотни больных. По этой причине появились в приложениях к отчетам общества врачей енисейской губернии «Доклад И.Т.Савенкова - К материалам для медико-топографического описания озера Шира» (Красноярск, 1890 года) и того же автора «Материалы для медико-топографического описания озера Шира, собранные в 1890 г.» (Красноярск, 1891 г.) Из этих статеек видно, между прочим, что озеро Шира («желтый» - по-монгольски) отстоит от расположенных на Енисее селений Батени в 55 в. и Новоселовского в 65 верстах, и принадлежит к группе озер северо-западной части качинской соленой степи. В длину оно имеет около 8 верст. Длина течения впадающей с востока в то озеро речки Сон доходит до 25-30 верст. На правом притоке этой речки Карасуке лежит, в 20 верстах от озера, деревня Сон, в которой около 27 дворов. Левая сторона долины р. Сон (шириною до 4 верст) луговая, болотистая. Холмистая степь в окрестностях озера служит только пастбищем, пахотных мест нет. Сохранились березовые рощицы. На берегах озера много древних курганов бронзового века.

[3] «Несомненно о названии Усунь, что оно монгольское. Усунь (слово родственное с турецким су, китайское шуй, тибетское чу, значит по-монгольски «вода»). («Об отношениях китайского языка к средне-азиатским», статья проф. Васильева в «Журнале М.Н.Просвещения», 1872 г., сентябрь, стр. 117). Стало быть, усуни будут «водяные» или «волосатые», потому что «усун» же по-монгольски и волос. Почему же, если искать непременно имя усунь в созвучных словах разных языков, не производить это имя от тюркского усун-мак (по-киргизски предлагать)? Абель Ремюза (Recherches sur les longues tartores, 1820, t.I, p. 177), ссылаясь на Pallus-Svimml histor Nachrichten über die Hong. Volk, B 2, s.373), заверял, что on soun слово монгольское и значит adroit. По Kings mill'ю (The Journal of the R/ Asiatic Society, 1882, v. XIV, p.79, note 7) «wu-sun, по-видимому, суть Asia или Asian, которые, по Страбону, занимали земли за Яксартом и которых он помещает вместе с Techur и Sacu-muli.

наречии языка»[1]. Вероятно, диалектическое отличие касалось не только родов племени чу (аймаки дулу), но и аймаков нушиби, т.е. усуней или кыргызов, которых наречие и теперь еще разнится от <...> алтайцев (тукиюесцев) и имеет особенности от наречия потомков дулу, нынешней Большой орды. По приведенному уже наблюдению Яня Шыгу «усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев западного края. Ныне тюрки (в подлиннике «варвары») с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их». Янь Шыгу писал в половине VII века, а потому его «ныне» относится к тому же времени, к эпохе западных тукиюесцев и ко времени нахождения на прежних усуньских землях аймаков нушиби. Конечно, их-то китайский писатель и имел в виду, дивясь сходству с обезьянами потомков усуней. Видеть этих похожих на обезьян нушибийцев Ян Шыгу имел частую возможность, потому что они, конечно, встречались в нередких в это время посольствах от ханов западных тукиюесцев к китайскому двору.

Делать здесь очерк истории западных тукиюесцев, половину которых составляли кыргызы, я не нахожу удобным, так как по значительности и неразработанности материалов история эта требует особого исследования. Поэтому я ограничусь лишь теми важнейшими моментами этой истории, в которых играют роль аймаки нушиби. Западные тукиюеские ханы составляли свои войска из ополчений подвластных им аймаков, а потому родовые старшины и начальники аймаков имели большое значение и участие при замещении ханского престола. Так, после убиения самого могущественного из западнотюркских властителей Тун-шеху-хана (619-628 гг.), подчинившего себе отпавших было телэсцев или гаогюйцев и покорившего «Персию и Гибинь», когда убийца, родственник его, Мохэду-шеху завладел ханским престолом, «поколение нушиби поставило Нишу-мохэ-ше ханом», но Нишу отказался и объявил ханом бежавшего в Кангюй по смерти Тун-шеху сына его Шили-дэлэ, под именем Сы-шеху-хана. Народ весь поддался этому ставленнику нушибийцев и похититель престола вынужден бежать к Алтаю, где и был убит. И этот новый хан вскоре возбудил неудовольствие народа, казнив пользовавшегося популярностью малого хана Или и замышляя убить самого Нишу, доставившего ему престол. Нишу бежал в Кашгар, но вскоре и сам Сы-шеху-хан вынужден был спасаться бегством в Кангюй, так как один из вельмож «Муби Дагань, с рыцарями[2] из поколения нушиби, замышлял взять Сы- шеху и низвести с престола. Ханом сделался Нишу. Через два года (634 г.) он умер, и место его занял младший его брат Тунво-ше под именем Шаболо-хилиши-хана. Он не был любим народом и вынужден был, будучи разбит восставшим против него Тунтутунем, бежать в Янки.

На место его в 638 году возведен был на ханский престол Юйгу-ше, сделавшийся известным под именем Ибн Дулу-хана. Он достиг власти благодаря поддержке влиятельного сыгиня нушибийского аймака ассык, но вскоре поколение нушиби рассори-

[1] Visdelou в Bibl. orientale, t. IV, pp. 109, 127, 128.
[2] У Видлу avec les Commondants des Nou-che-pi.

лось с Дулу, не хотело признавать его своим ханом, хотя он взял верх над другими претендентами на ханский престол, в том числе над Иби-Шаболо-шеху-ханом, которого около 640 г. возвел на престол «нушибийский главный старейшина» и который «поставил орду по северную сторону реки Суй-хэ, к востоку близ реки Или под названием <...> орды. Орда Дулу-хана находилась «по западную сторону гор Цзи-хэ» (по Видлу Tcou-khi, по Дегиню Tsou-ko, близ Тараса) и называлась северной ордой или двором. По догадке составителей «Дай-цинь-и-тунчжи» горы Tso-ko, на западе от которых находилась резиденция Дулу-хана, суть горы Boukho aula[1]. Это, вероятно, Бугуты наших карт, но соседние горы Сугуты ближе подходят к Tsou-ko или Tso-ko. Значит, орда Дулу-хана находилась близ Чилика, если только под Цзи- или Цзу-хо не следует разуметь Чу реку. Двор Иби-Шаболо-шеху-хана можно предполагать на Текесе или на Или. В 641 г. Дулу-хан восстановил против себя продолжавшие было его поддерживать аймаки дулу, казнив предводительствовавшего его войсками начальника одного из аймаков дулу за самовольный захват военной добычи. Дулу одержал затем верх над возмутившеюся частью войск и родов, но упорной решимостью, вопреки советам вельмож, идти в Тохарестан, для защиты этой области против какого- то врага, он возбудил против себя и остальных родоправителей. Большая часть войска и приближенных оставили после этого Дулу-хана, когда он, по пути в Тохаристан, дошел до ташкентской земли. Он вынужден был с небольшим отрядом возвратиться назад, чтобы <...>, но тут на него напал сыгинь аймака ассык (ассигискийкюе сыгинь. Пораженный Дулу взял город Байшуй-хэ[2] и остался тут жить. Нушиби не хотел, чтобы Дулу был ханом и отправил посланника ко двору (китайскому) просить о возведении другого хана. Возведен был, по выбору вельмож, в 642 году, Иби-Шегуй-хан. Новый хан Нушибия отправил с войском осаждать город Байшуй-ху. Дулу выступил из города с войском и, при шуме от литавр и труб, приблизился дать сражение. Нушиби не мог устоять и потерял множество людей убитыми и в плен взятыми. Дулу после сей победы, приглашал к себе прежние поколения. Пусть убьют на войне, - сказали ему все, - тысячу человек, а останется один, но и тогда не пойдем к нему. Дулу видел нерасположение народа к нему и пошел в Тухоло (Тохарестан). Там он в 653 году и умер.

Между тем против нового хана восстал сторонник Дулу Ашина-Хэлу и овладел всеми землями западных турок. Из числа подчиненных ему начальников сыгинь аймака ассык «был весьма силен. Строевое войско его простиралось до нескольких сот тысяч». В войне Ашины-Хэлу с Китаем принимали участие и подчиненные ему аймаки нушиби. Когда стотысячное войско Ашины-Хэлу было разбито в 10 луне 657 года на р. И-те (Y-tie), то состоявшие из аймаков дулу и нушиби части его войска покорились победителям. При дальнейшем походе китайской армии, главная сила которой состояла из 50 т. уйгуров, войско Ашины-Хэлу было захвачено врасплох в горах Гинь-я-шань (Талкинский хребет) и вновь разбито. «Хэлу бросился за р. Или. Китайский

[1] Journal asiatique, 1846, t.VIII, 4 serie, pp. 407 et 408.
[2] Байшуй - белая вода. Это, вероятно, был город на р. Аксу (белая вода) в нынешнем чемкентском уезде.

полководец преследовал его до р. Суй-е (р.Чу) и овладел его войском». Побежденный хан спасся с сыном в город Суду, зависевший от владения Ши (Ташкент), был задержан тамошним начальником и выдан китайцам. Он был увезен потом в китайскую столицу и там умер[1].

Китайское правительство разделило земли Хэлу на две части и поставило в них ханами двух ранее передавшихся на его сторону потомков Шидяньми. Именно Ашина-Бучжень был назначен ханом пяти аймаков нушиби, а Ашина-Мише ханом пяти аймаков дулу. В 662 году оба хана участвовали в походе китайцев на Куча. «Бучжень, злобясь на Мише, хотел его поколение присоединить к своему, почему оклеветал его в умысле на бунт. Военный совет китайской армии приговорил Мише... и всем его подчиненным до пастуха отрубить головы. Из его поколения Шуниши Басайгань отложился и ушел»[2].

Западные турки недолго находились в зависимости от китайцев и повиновались поставленным ими, хотя и из потомков Шидяньми, ханам. Уже в 676-678 гг. Ашина-Дучжы объявил себя ханом десяти аймаков, заключил против китайцев союз с Тибетом и сделал набег на Ань-си (Куча), где в это время имел резиденцию китайский наместник западного края. Этот Дучжы ранее, в 671 году, был пожалован в звание фуяньского главноуправляющего, значит, был старейшиной аймака чумугунь. В 679 году Дучжы и старейшины поколений были схвачены одним китайским сановником, выдавшим себя за посла, проезжающего в Персию[3], но, конечно, это коварство не привлекло к Китаю симпатии тукиюесцев, и они продолжали сами ставить себе ханов, не обращая внимания на назначаемых китайцами, которые ограничивались большей частью ношением своих ханских титулов при китайском дворе.

В истории восточных тукиюесцев по «Т'ан-шу» упоминается, что в 682 году тукиюеские вожди Чжебо (Tche-po) и Яньмань (Yen-mien) опустошили границу (Китая: вероятно, разумеется тут занятый тогда китайскими поселениями округ Т'ин-чжеу, соответствующий Урумчи). Китайский полководец Ван-фан-и дал им сражение близ озера Жехай (по Дегиню, при р.Или). В биографии Ван-фан-и пояснено и добавлено, что разбиты были близ р. Или десять тюркских орд или аймаков Ашины-Чжебо-чжуе, но на помощь им прибыли три орды Яньмяня, в которых считалось 100 т. воинов. Фан-и, стоявший лагерем близ озера Жехай, выступил против них[4]. По Дегиню, он разбил этих тюрков при озере Иссык-Куле, через что весь народ ослабел[5]. У Nuille рассказывается под 682 годом, что Assena tohe рои осадил столицу владения Cong-yue.

---

[1] «Собрание сведений», 1, стр. 346-360. По Гобилю (там же, з. 470), Хэлу был задержан 12 января 658 года в г. Sou-ton. Su-tu-ung Томашек (Sitzungberichte Венской академии,t.XVII Bond. s. 51) считает за Sutrur-kath арабских географов, находившийся в 5 фарсах к ю.з. от Шаши, в Khathun-kath тех же географов, в 2 ф. от Шаши, видит их Kha-cha-tun (т.е. город ханьши, у Видлу, р. 13), упоминаемый китайцами в истории Дулу-хана. У Ибн-К <...> эти города названы Schotourkath и Bunu- kath, у Кадамы Sutourkot и Bonoukat (перевод де-Туе, pp. 20 и 156).
[2] «Собрание сведений», 1, 360-362.
[3] Там же, стр. 362 и 363.
[4] Documents sur les Tou-kione, pur St.Julien, в Journal asiatique, 1864, t. IV, pp. 409 et 410.
[5] Дегинь, немецкий перевод Деннерта, стр. 619..

Ван-фан-и, начальствовавший в западном крае (Ngan-si), нашел необходимым идти на помощь этому городу. Когда узнали об его походе тюрки, то орды Yen-mien вышли к нему навстречу до озера Ge-hai, расположенного к востоку от владения Yi-li-po-li, которое (озеро) на месте называется Ye-si-koo; тут они были побиты и вынуждены отступить, почему владение Кун-юе получило мир[1]. У о.Иакинфа встречаются такие отрывочные известия: Ван-фан-и стоял в седьмой луне при реке Е-хэ; «судов не было, а река покрылась льдом»; «разбив Янь-юойевы войска при р. Или, (Ван-фан-и) преследовал его до р. Е-хэ», которую о.Иакинф признает за озеро Иссык-Куль[2]. Он же упоминает, что в 748 году китайцы разорили крепость Суй-е-чен, ими же построенную в 679 году[3]. К сожалению, все эти известия представляют собой отрывки, далеко неясные и частью противоречивые, так что разобраться в них в настоящее время, пока не сделано полных переводов биографии Ван-фан, и откуда, видимо, все это взято, нет возможности. В изложении Илибалиг и Исико, по всей вероятности, суть только комментарии китайских ученых, относящиеся ко времени не ранее монгольской династии, когда стало употребляться имя Или-балиг, Биш-балиг и т.д.

В конце седьмого века усилился и овладел землями десяти аймаков глава аймака или поколения туциши или тукиши Учжилэ (Ou-tche-le). Он жил прежде «на северо-западе от Суй-е» (по Видлу, «на западе»). Исподволь он завоевал Суй-е, перенес сюда орду и назвал Суй-е-чуань городом Гунъюе Большой орды, а при реке Или была Малая орда. «Он поставил двадцать главноначальствующих. Каждый главноначальствующий имел 7 т. войска». По смерти Учжилэ (706 г. по Видлу) ханом стал сын его Cora, имевший 300 т. войска. Воспользовавшись междоусобною войной его с братом Чжену, хан восточных тюрков Мочжо (убит в 716 г.) разбил Согэ и предал смерти обоих братьев. Тогда (в 717 г.) «Чеби Шичжо Сулу, из отдельного туцишиского рода, собрав остатки народа, объявил себя ханом». Сначала дела его шли хорошо, «орды были довольны и служили ему всеми силами. В поздние годы он стал не так щедр и получаемую на войне добычу оставлял всю себе, не отдавая в раздел войску. Тогда и подчиненные начали отделяться от него». Усилились «главный старшина Мохэ-дагань и Думочжы, а родовичи говорили: Согэвы потомки составляют желтый аймак, сулуево поколение составляет черный аймак. И начали питать большую недоверчивость и вражду друг к другу. Мохэ-дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его в 738 г.[4] Мохэ-дагань рассчитывал сам овладеть престолом, но сообщник его Думочжы возвел в ханы сына Сулу Тухосяня Гучжо (Tou-ho-sien-khou- tche-me).

[1] Historie generale de la Chine, t. VI, p. 157.
[2] «Собрание сведений», III, топограф, указатель, стр. 67.
[3] Там же, стр. 63, и III, стр. 244. У Гобиля (Memoires concernant les Chinais etc., t. XV, p. 484) те же события изложены так, что тюркский князь Tche-pou, во главе войск десяти орд западных тукиюесцев, осадил город тюркской орды Kong-yue, находившийся на юго-западе от р. Или и состоявший под покровительством китайцев. Ван-фан-и, начальствовавший в Турфне, поспешил на помощь. Сражение произошло близ р. Или и тюрки были разбиты. Но на помощь Чжебу прибыли другие тюрки. Китайский генерал напал на них при озере Жехай (в которое, по мнению Гобиля, впадает р. Или), на востоке от города Суй-ше, и разбил, взяв в плен триста тюркских вождей.
[4] «Собрание сведений», 1, 366-370. По Видлу (p. 123), князья разделились на две партии. Одна, происходившая от Su-kha, prit pour nom de famille ou plutit de faction, Hoain (по-китайски желтый), происходившие же от Soulo prirent celuy de He (черный).

«Тухосянь жил в городе Суйе, а Живэй, хан черного рода, охранял город Хынлос, и оба напали на Дагяня[1]. Мохэ-дагань нашел себе союзников во владетелях Баханьна (Фергана), Ши (Ташкент), и Шы (Карши). Его же сторону приняли китайцы. Союзники напали на Тухосяня при Суй-е, разбили и взяли в плен. В то же, по- видимому, время китайский губернатор Кашгара Фумын Линча с лучшими войсками и баханьнаским владетелем внезапно напал на Хынлос, убил хана черных родов и с младшим братом Босы вступил в город Игянь, взял чжоха-хотасскую царевну (это китайская царевна, выданная за Сулу), еще Сулуеву ханьшу (восточно-тукиюеская или тибетская царевна), Живэйеву ханьшу и возвратился»[2]. После этого китайцы назначили ханом десяти родов потомка Бучженя Хиня (или Синя), но когда он прибыл в город Даньлянь (в другом месте Цзайлань)[3], Мохэду убил его и объявил себя ханом. Фумын Линча, уже в должности главноуправляющего в Аньси «казнил его и главного знаменосца (?) Думочжы Гюегегинь поставил шаху трех (?) родов». В 742 году «поколение туциши поставило ханом Илиди Миши Гудулу Бигя из черных родов». В 753 году «черные роды поставили Дынли Иломиши ханом». В 756 году «туциши пришел в бессилие. Желтые и черные орды поставили у себя ханов и начали междоусобную войну. Срединное государство тогда много озабочено было внутри и не имело времени входить во внешние дела». В 758 году «Адопэйло Юенын, хан черных родов, прислал посланника ко двору». В 766 году «усилился гэлолу и перенес свое местопребывание к реке Суйе. Два другие рода (?) по бессилию сделались вассалами дома гэлолу Хусэло. Прочие поколения поддались ойхорам. Когда же ойхоры пали, то некто Дэманлэ, живший в Харашаре, объявил себя в достоинстве шеху. Прочие поколения осели при хребте Гинью - в числе 200000 душ»[4].

Для некоторого пояснения этих кратких и отрывочных китайских известий нужно иметь в виду, что поколение туциши или тукиши в половине VII века составляло один из пяти аймаков дулу тукиши - хэлоши (быть может, это туркеши или теркеши и эдкеши арабских писателей) и занимали сначала, вероятно, земли на северо-западных склонах чжунгарского Алатау. Между киргиз-казаками нет теперь кости или рода туркеш или сколько-нибудь близкого к этому имени, а потому надо думать, что тукиши или были очень малочисленны, - чего, однако, допустить нельзя, потому что из них состоял целый аймак, а потом даже два, - или были вытеснены напором карлыков за Сыр-дарью и слились с местными юго-западными тюркскими кочевниками, дав, быть

[1] Там же, 370. По Видлу, Тухосянь вверил охранение города Суй-ше <...> Eul-vei-te-le, em- pereur de la faction noir de la ville de Hem-Co-Sse <...> По Дегиню, Тухосянь назначил Oulh-vi-te-le начальствующим в г. Тарасе и оба напали на Мохэ-тархана и т.д.

[2] «Собрание сведений», 1, 370 и 371. По Видлу (p. 123), Po-sse был младшим братом хана черных родов и убит вместе с ним. Видлу Yi-Khien считает за Яркенд. У Дегиня вместо Игянь стоит Pou-tui-tching.

[3] У Видлу (p. 124) Ta-lan или Thuran и в другом месте (p. 121) Kiu-lan. По Дегиню Kiou-lan- thing, куда Ашина-Синь прибыл на пути в Ши, для помощи владетелю против арабов.

[4] «Собрание сведений», 1, 372. <...> О Дэманлэ у Mailla (t.VI, p.505) есть такое упоминание: Император (Сюань-цзун), вспомнив о хойху, сказал своим вельможам, что эти татары некогда оказали услуги Китаю и что они много раз вступали в свойство с императорским домом; между тем теперь, кажется, они едва ли даже существуют, хотя была часть их в Аньси и Kia-mang-li был в этой части каганом. Он прибавил, что желал бы послать ему грамоту (на ханское достоинство). Спустя несколько времени прибыл от них один посланец с данью, и ему была вручена грамота для доставления его государю.

может, им и свое имя (туркмен). Торки, упоминаемые в русских летописях наряду с берендеями, черными клобуками и т.д., быть может, суть тоже остаток туркешей.

Гэлолу или карлыки (khorlo, как догадывался еще Видлу) обитали сначала в северо-западном Алтае, а в VII веке кочевали уже по обеим сторонам реки Пугу-чжень (вероятно, верхний Иртыш). Тут они признавали власть тукиюесцев, а потом действовали против них в союзе с уйгурами, подавшись несколько на юг и восток. Когда уйгуры заняли место тукиюесцев, то главная часть карлыков (меньшая часть их осталась на Иртыше и потом в <...> Алатау до времен Чингиз-хана и покорилась ему, имея во главе Арслан-хана - в числе 2 т. кибиток) двинулась на юг и подчинила себе земли западных тукиюесцев. Владения карлыкских ханов простирались до Сыр-Дарьи уже в конце VIII столетия[1], в IX они подчинили себе Кашгар и Хотан, а в конце X века Фергану,

[1] Предполагая вероятный уход на юг и запад одного из тукиюеских родов - тукиши или туркешей, торков, я однако же не думаю, что вышеприведенные китайские известия и другие данные дают право утверждать, что (как читаем в Les Sibirian, B.Z., s. 132) в 766 г. «большая часть родов тукиюесцев ушла дальше на запад и только небольшая часть их подчинилась уйгурам».
Г.Голубовский («Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XIII вв. Киев, 1884 года), на основании почти исключительно одних европейских исторических известий, не воспользовавшись совершенно китайскими, пришел, однако, к правильным заключениям, что «печенеги, торки, половцы, турки-сельджуки, турки-османы» суть «ветви одного (тюркского) племени, кочевавшего некогда в областях Центральной Азии» (стр. 64) и что «куманы, кипчаки и половцы есть один и тот же народ» (стр. 46). Но едва ли можно согласиться с его предположениями, что «племя, из которого выделялись все эти колена (печенеги и пр.), могли быть гузы, кочевавшие в IX-X вв. в арало-каспийских степях», и что «гузы суть торки наших летописей» (стр.). В исчислении тюркских племен (около первой половины VIII столетия) у Ибн-Хордадбега (изд. и перевод de Goeje, 1889, p.22) гузы и торкаши (тюрки по преимуществу)» значатся наряду с баджна- ками (печенеги), кифчаками (кипчаки) и пр., так что составляли, значит, особые колена. По «Т'ан-шу», владение Хосюнь (Харезм, ныне Хива) «на северо-запад простирается до дулгаского поколения гха» («Собрание сведений и пр., III, стр.246), т.е. до гузов; это сведение получено, вероятно, от посольств из Хосюни, бывших в Китае в 751 и 762 гг., между тем туциши, т.е. туркеши, торкеши, торки, - в это время еще находились у подножий западного Тяньшаня и его отрогов, потому что землями их гэлолу (карлыки) овладели лишь в 755 - 766 гг. Гузы или узы, от которых, вероятно, произошли, с одной стороны, теркмены, турки-сельджуки и турки-османы, с другой же - команы или половцы, суть потомки кангюйцев, как печенеги и кипчаки, быть может, с примесью других чуйских и даже гаогюйских родов, увлеченных в разное время на запад движениями гуннов и других ранее и позднее хуннов устремлявшихся на запад тюркских народов. Скорая гибель торков, которые около 1034 г., гонимые половцами, вытеснили печенегов за Днепр, но вскоре, после поражений от русских князей на Днепре (1060 г.) и от печенегов на Дунае (1064 г.), окончательно разгромлены в 1080 г. Владимиром Мономахом (монография г. Голубовского, стр. 76-78), может быть объяснена между прочим как малочисленностью ушедших от Тяньшаня тукиши, так и вероятной принадлежностью их к другому тюркскому племени, к коренным тюркам или тукиюесцам, тогда как соседи их в южно-русских степях (печенеги на западе и половцы на востоке) входили в состав западно-тюркских родов или чуйского племени. Предположение о принадлежности тукиши к коренным тюркам основывается главным образом только на кажущемся очевидным производстве тукиши от тукиюе, туркеш от тюрк. Есть намеки на то, что авары, происхождение которых до настоящего времени остается совершенно загадочным, были из тукишийцев. Именно, как мы видели уже выше, в 657 году, при разделении тукиши на два аймака или при переименовании существоваших аймаков в губернаторства, тукишские поколения согэ и мохэ названы были губернаторством уала. Это уала легко могло быть китайской транскрипцией имени авар. По китайским же известиям, глава тукишисцев Учжилэ, при котором они подчинили себе западных тукиюесцев, «жил от Суйе на северо- запад», значит, приблизительно, тукишисцы кочевали около Улу-тай, верховьев Нуры и Ишима и далее на восток. В таком случае возможно, что во время подчинения тукиюесцами в половине VI века западных тюркских племен, часть тукишисцев признала их власть, другая же часть этого поколения, кочевавшая западнее, подчиниться не пожелала и ушла на запад, в числе 20 т. На вопрос императора Юстина «Уведомьте нас, сколько аваров свергли господство турков и остались ли еще авары у вас?» тюркское посольство 568 г. ответило: «Есть авары, которые еще преданы нам; число же тех, которые от нас убежали, полагаем до двадцати тысяч» (перевод Дестуниса, стр. 374). Авары появились на границах Европы и на Дунае в 557 г.) Histoir du. Bos. Empire <...> Leblan, tome IX, Paris, 1829, p. 261 <...>

Самарканд и Бухару, продолжая обладать этими странами под верховенством сельджукидов до второй четверти XII столетия.

«Два другие рода», сделавшиеся «по бессилию» вассалами дома гэлолу» («Хусэло» прибавлен тут по какой-то ошибке: так звали сына Бучженя, назначенного китайцами ханом, но лишенного и власти, и владений туцишиским Учжилэ)[1], вероятно, суть дулу (быть может, только часть) и нушиби. Под «прочими поколениями», поддавшимися ойхорам, разумеются, надо полагать, остальные поколения племен чу (чуюе, чуми), обитавшими между Барлыком и Тяньшанем, подчиненные ойхорами в 745 г.[2]

Владения карлыкских ханов не простирались, кажется, на север далее р. Или. Вероятно именно Илийскую долину и оба склона Чжунгарского Алатау с долиной Бараталы продолжали занимать и во второй половине IX века те же чуйские роды, аймаки дулу, бывшие юебаньцы, т.е. чумугунь (чумекей), чуюе (кроме отделившегося и ушедшего в Китай рода шато) и чубан (адбан, суван и джаныс). Вероятно, их следует разуметь под теми прочими поколениями, которые, по «Тан-шу», «осели при хребте Гинью в числе 200 т. душ». Перед монгольской эпохой страна эта носила имя Алмалыга. Хан Алмалыга Сукнак-тегин принимал участие в походе Чингиз-хана на Мавераннагр[3].

В распрях и неурядицах между западными тукиюесцами в VIII веке, когда уже прекращается в китайских известиях упоминание о дулу и нушиби, имеет большое значение деление на черные и желтые роды, которые избирают себе особых ханов. Можно думать, что желтыми родами назывались потомки усуней, кыргызы, аймаки нушиби, за свои рыжие бороды и светлую окраску лица и глаз, тогда как черноглазые и черноволосые аймаки дулу именовались черными родами. Тукиши, принадлежавшие, быть может, к коренным тюркам, считались в числе аймаков дулу, а потому и Согэ, и Сулу по происхождению, вероятно, принадлежали к черным родам. «Родовичи» зачисляли потомков Согэ в «желтый аймак», быть может, потому, что в притязаниях на ханство их поддерживали желтые или рыжие поколения нушиби.

Владычество тукишисцев совпадает со временем завоевания Мавераннагра арабами. По Табари, последнему Сасаниду Ездиджерду и государям Согда, Тохарестана и Бухары, защищавшимся от арабов, постоянно помогали турки, частью, по- видимому, местные, частью же внешние, хакамы которых приходили из Туркестана. В 93 году гиджры, когда Кутейба осаждал Самарканд, государь Шаша присылал на помощь отряд в 2 т. человек, состоявший из князей и знати, попавший на устроенную арабами засаду,

---

В Алтае есть река Уар или Угар (в вершинах р. Урусула, притока Катуни, см. русский перевод «Землеведения Азии», том 1, стр. 281, от которой авары могли получить свое имя. По «Т'ан-шу», «туцишиский Учжилэ составлял особливое поколение в западном дулгаском дому»: можно, пожалуй, понимать это не в политическом только смысле, айв смысле племенного родства. Томашек думает, что род тиргеш (Tirgüs) есть остаток тукишисцев (Central asiatischen Studion, I, 1877, s. 77). Такой род существует у черневых татар (Das Sibirian, I, s. 213), но отсутствует между алтайцами, а потому едва ли он тюркского происхождения и стало быть не мог иметь ничего общего с тукиши или туркешами.

[1] «Собрание сведений», 1, 364.

[2] Там же, 384.

[3] «История Чингиз-хана» Рашид-Эддина, в переводе професс. Березина, 1888 года, стр. 43.

которая нанесла ему жестокое поражение. В начале 94 года Кутейба, отправив 20 т. вспомогательного туземного войска из Кеша и Хорезма на Шаш, сам пошел против Ферганы на Ходжент; ферганцы дали многие сражения, но были во всех побеждены, и Кутейба осадил их город. Тогда они просили мира и обязались платить ежегодную подать. Кутейба пошел затем на Кашан, ферганский город. И его жители получили мир на тех же условиях, как Самарканд, т.е. платить дань, сжечь идолов, выдать все украшения из храмов огню и дозволить построить одну мусульманскую мечеть. Посланное в Шаш войско вернулось к Кутейбе с большой добычей, после чего и Кутейба возвратился в Мерв. После 105 (722) года все страны за Аму- дарьею отложились. Походы хорасанского наместника Халида были в этом году и в следующие два года неудачны, хотя мусульмане продолжали удерживать в своих руках город Самарканд. При преемнике нового наместника тюркский хакан нанес жестокое поражение вышедшему из Самарканда мусульманскому войску в 20 т. человек. Наместник вынудил его снять осаду Самарканда только по получении вытребованных из Хорасана и Тохарестана подкреплений. Возмутившийся против преемника этого наместника соперник его Ариф бежал «в Туркестан, к хакану, который назначил ему местопребывание в Фарабе, отдав ему доходы этого города». По смерти наместника Асада, халиф Гишам (умер в 125 году гиджры, т.е. в 742 году после Р.Х.), назначив на его место Насра сына Сейяра, повелел ему покорить Шаш и Фергану. Наср «взял многие города, но подати назначил необременительные и тем привязал к себе население»[1]. В.В.Григорьев, по Вейлю (Geschichte der Chalifen, 1846, № 1), приводит, что в правление халифа Езида II (719-723 гг. по Р.Х.) наместник его в Хорасане Сайд предпринимал поход на Самарканд и Фергану для обращения их к покорности и безуспешно воевал в Фергане до самой смерти Езида. Позже, с помощью западных турок, восстал против халифов и весь Мавераннагр, так что усмирен он был, а вместе с тем подчинена опять арабам и Фергана, да и то не окончательно, лишь в конце Гишамова правления, после 120 года гиджры (738 г. по Р.Х.), благодаря уму и (мужеству наместника харасанского Насра ибн Сейяра»[2].

Соображая эти известия с китайскими сведениями по истории западных тукиюесцев, мы найдем, что первоначальное покорение арабами Ферганы и Шаша (94 г. гиджры или 712-713 гг. по Р.Х.) совершилось во время властвования у западных тукиюесцев туцишского Согэ и, быть может, именно во время раздоров его сначала с одним из родоначальников, а потом с братом Чжену и войны с Мочжо, в которой оба брата погибли. Конечно, именно эти смуты не дозволили тукиюескам подать Фергане и Шашу нужную помощь против Кутейбы. Случившееся после 719 года отложение Ферганы с Шашем и всего Мавераннагра соответствует времени усиления тукиюесцев при Сулу (717-738 гг.). Можно считать весьма вероятным, что отпадение это было совершено при помощи Сулу; что именно в Мавераннагр делал он те походы, при

[1] Chronique de Tabari, traduite par H.Lutenberg, Paris, 1807, t. Ill, pp. 508, 509, t. IV, pp. 162, 179, 183,184,293-297.
[2] «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 186.

которых получалась богатая добыча, делившаяся между родами и поддерживавшая их преданность хану; и что хакан, являвшийся к Самарканду с 50-тысячным войском и давший убежище Арифу в Фарабе, был все тот же Сулу. Подчинение Ферганы и Шаша Насром после 738 г. опять сходится со временем смут у западных тукиюесцев после убинения Сулу в 738 г. Владетели Ферганы и Шаша вооруженной помощью убийце Сулу против сына его Тухосяня, в 739 году, содействовали окончательному ослаблению тукиши и получили за это от китайского двора титулы, но когда они в 741 году обратились к Китаю за помощью против арабов, то получили отказ[1], обессиленные же тукиюесцы помочь им против мусульман уже не могли, если бы и пожелали.

[1] «Собрание сведений», 1, стр. 370 и 371, и III, стр. 243, 244 и 252.

2. Географические известия о западном Тяньшане по Сюань Цзану и другим китайским источникам

Путь Сюань Цзана через Лин-шань до озера Цин-чжи. Приурочение к пути через Бедель и Барскаун на Иссык-Куль. Описания пути через Бедель в настоящее время. Суйе и Сули или Чуйская долина и страна сартов. Сведения о населении Сули, его правах и культуре. Дополнения известий Сюань Цзана сведениями танских маршрутов от Янь-хая до Таласа. «Тысяча источников» и путь до реки Е. Приурочение Бин-юя к долине верхнего Таласа. Японская карта. Бай-шуй-хэ соответствует Аксу. Гун-юй находился в низовьях Арыса. Нучигянь соответствует Сайраму.

Знаменитый китайский пилигрим пересек западный Тяньшань в передний свой путь в Индию. По описаниям путешествия Сюань Цзана[1] он пустился в путь через Тяньшань из владения Балоцзя (Pa-lo-kia). По «Тан-шу» владение Болуга» есть древнее владение Гумо, существовавшее при старшей династии Хань[2]. Выше уже выяснено, что Гумо, а стало быть, и Болуга, находилось в низовьях р. Кара-юлгуна. Сделавши около трехсот ли от Болуга и пройдя каменистую пустыню[3], путешественник прибыл к Лин-шань (Ледяная гора), который расположен на севере Цунлина. Вершина этой горы возвышается до небес. От начала мира снег здесь скопляется и превращается в ледяные глыбы. Хотя лед временами и тает, но вскоре возобновляется. Твердые и блестящие ледяные покровы простираются здесь повсюду и сливаются с облаками. Если на них смотреть, то они ослепляют своим блеском. Трудности и опасности пути по ледяным горам увеличиваются порывами ветра и снежными вихрями, которые ежеминутны, так что, несмотря на двойные башмаки и меховое платье, нельзя не содрогаться от холода. И притом путешественники часто делаются жертвами свирепости драконов, которые на них нападают. Нет сухого места, где бы отдохнуть. Чтобы приготовить пищу, приходится котел подвешивать; чтобы заснуть, надо постилать на льду циновки. Не следует здесь надевать красной одежды, иметь тыквенные сосуды и кричать. Если этого не соблюдено, неизбежны большие несчастья: вне-

---

[1] Описания эти сохранились в двух сочинениях. Одно из них «Да-тан-си-юй-цзи», т.е. записки о западных странах времени династии Тан, переведено Станиславом Жульеном под заглавием Memories sur les contreas occidentals, traduits du sanserit en chinois en l'an 648, par Hiouen-thsang (Paris, 1857-1858, два тома. Второе — «Сюань-цзан-чуань», т.е. биография Сюань Цзана, появилось в переводе того же синолога под названием Histoire de la vie de Hionen-Thsung et de ses voyages dans l'Inde (Paris, 1853). Изложение пути Сюаль Цзана будет сделано по обоим этим сочинениям (в первом, стр. 11-76 и во втором, стр. 53 и след.), которые во многом дополняют друг друга.

[2] «Собрание сведений» III, стр. 223. Томашек (Sitzung berichte der Wiener Academie, CXVI Bond, s. 738) полагает по аналогии с именами в Фергане и Мавераннагре у арабских географов, что истинное произношение Балугя китайских известий было Бору-кат. В статье Терриена де Лакупери, в Journal of the Asiatique Society, 1892 (pp.835 - 840),выяснено, что имя знаменитого путешественника есть Hiuen Tsung, а не Yuen Chwang, Hsuon Chung, Yuon Chwang, как писали некоторые синологи. Я, однако, продолжаю держаться принятого нашими китаистами произношения.

[3] «Когда кончились горы, - говорит А.Н.Краснов, проезжавший от перевала Бедель в Уш-Турфан в августе 1886 года, — мы выехали в широкую степь, почва которой состояла исключительно из гальки величиною в кулак... Трудно представить себе местность более мертвую... Степь - голая и безжизненная. Ни зверька, ни птички, ни былинки, ни травки... Так пришлось ехать несколько часов. Наконец, достигли мы реки Тушкандарья, разлившейся бесчисленными рукавами. За несколько верст до реки каменистая степь кончается» («В снегах и льдах восточного Тяньшаня», книжки «Недели», август, 1887 года, стр. 32 и 33).

запно начинающийся сильный ветер поднимает песчаные вихри и производит дождь из камней, которые засыпают путешественников, и тогда трудно избежать смерти.

По истечении семи дней, сделавши около четырехсот ли через горы, путешественник прибыл к большому озеру, называемому Цинь-чжи (Thsing-tohi)[1], потеряв во время пути через горы тринадцать или четырнадцать человек из своих спутников умершими от голода и холода; число быков и лошадей (погибших в пути) было гораздо большее. Озеро Цинь-чжи имеет в окружности от 1400 до 1500 ли. Оно длиннее в протяжении с востока на запад и сужено в направлении с юга на север. Оно окружено со всех сторон горами и принимает в себя множество речек. Цвет воды зеленовато-черный, а вкус соленый и вместе горький. Широкие волны то простираются огромными ровными валами, то воздымаются и стремятся с неудержимою силой. В озере этом обитают совместно драконы и рыбы, а иногда из недр его появляются необыкновенные чудовища. Вот почему путешественники возносят (небу) молитвы о благополучии. Хотя обитатели озера многочисленны, но никто не осмеливается их ловить.

Из комментаторов Сюань Цзана В.В.Григорьев предполагает, сто «из Гумо отправился Сюань-цзан, минуя Аксу, к той части Тяньшаня, которая и теперь именуется Мусур-Дабаган, «Ледяными горами», поднялся на этот хребет, перевалил через него известным Заукинским проходом и затем вышел к южному берегу озера Иссык- Куля»[2]. Рихтхофен также думает, что Сюань Цзан пересек Тяньшань по линии от Уч-Турфана к южному берегу озера Иссык-Куль, указывая на расстояния по маршрутами, приведенным у Гумбольдта («Центральная Азия», II, 243), в 195 верст, и у Венюкова - через Бедель, Иштык, Ак-бель, Джитым-бель, Заука, Барскаун - в 220 верст, и высказав, что, вероятно, и Чжан Цянь, 750 лет раньше, ехал к усуньскому государю тем же путем[3]. Хотя в описании путешествия Сюань Цзана нет подробного маршрута дороги между Гумо и Цин-чжи, но пользование в танские времена именно путем через Бедель и верховья Нарына удостоверяют выше, в главе второй, приведенные по Дегиню маршруты от Гумо, через Выньсу (около Уш-Турфана), Бада (Бедель) и Чжень-чжу-хэ, до Янь-хая или Иссык-Куля. Путь Сюань Цзана не мог лежать через Музартский перевал, потому что даже от Аксу (а Гумо лежало еще юго-восточные) до Иссык-Куля ныне через Музарт около 450 верст, что соответствует 900 танским ли, тогда как по Сюань Цзану от Гумо до Цин-чжи только 700 ли (около 350 в.). Если бы Сюань Цзан шел через Музарт, то, конечно, в описаниях пути упоминалось бы о долине Текеса и о двухсотверстном пути от северного Музарта до восточного берега Цинь-чжи. Тогда и расстояние в 500 ли на путь от прибытия к восточному концу озера до Суйе было бы недостаточно.

---

[1] Tsing chi, в переводе с китайского, значит «прозрачное озеро» - Limpid lake (Notices of the Medieval Geographic and History of Central and Western Asia. By Bretschneider, London, 1876, p.36).
[2] «Восточный Туркестан», вып. 2-й, Спб., 1873 г., стр 137.
[3] China, Estern Bond, 1877, s. 541. Описывая спуск с Музартского ледника, И.В.Игнатьев («Предварительный отчет по экспедиции для исследования горной группы Хантенгри» в «Известиях р.г.общества», 1887 г., т.XXIII, стр. 125) говорит: «Это и есть знаменитая ледяная стена, о которой упоминает еще китайский путешественник VII века Хюань-Дзянь».

Озеро Цин-чжи, по описанию Сюань Цзана, совершенно соответствует нынешнему Иссык-Кулю, длина которого равняется 172 верстам, наибольшая ширина - 56 верстам, а площадь составляет 7.346 квадратных верст. Оно принимает в себя около 40 речек[1]. Воду имеет горьковато-солоноватую. Ли у Сюань Цзана, и вообще времен династии Тан, соответствовало полуверсте, как убеждают в том почти все показанные у Сюань Цзана и в «Тан-шу» расстояния при сравнении с нынешними измерениями. Расстояние в 300 ли, или около 150 верст от низовьев рр.Докама и Орбета на северо-запад приводит к ур. Уйтал, где начинается, в 27 в. от Уша, горный тракт к перевалу Бедель и откуда до дер. Сливкиной, через перевал Зауке, около 200 верст[2], т.е. протяжение пути горами до оз. Иссык-Куля составляет около 400 ли, как и показано у Сюань Цзана. Последний, вероятно, спустился на озеро перевалом Барскаун, который лежит немного западнее. По заверению г. Сунаргулова, проезжавшего в 1877 году, «как самый перевал (Бедель), так и места, значительно ниже его лежащие, по северному и южному склонам, бывают постоянно покрыты льдом; перевал с южной стороны освобождается от льда искусственно. Наиболее удобным временем для движения через Бедель представляется, по словам туземцев, пора после первых чисел июля, когда местности на северной стороне Беделя освобождаются от так называемого желтого снега (сары-кар), выпадающего в половине марта. Этот снег, по словам г.Сунаргулова, задержал на два месяца вышедший за перевал караван, причем погибло много лошадей, а люди, за исключением одного замерзшего, спаслись благодаря своевременно высланной с Беделя помощи. Г. Сунаргудов ехал через Бедель в начале марта и достиг сел. Сливкина в четыре перехода. Дорога от Беделя шла через лог Иштык, затем, мимо истоков Нарына, на перевал Кашка-су, доступный только зимою, так как летом следовать по нему не дозволяет озеро. «Спуск с перевала Кашка-су очень неудобен; массы острых камней заваливают дорогу... Глыбы льда, висящие на склонах и трещинах, окружающих дорогу, угрожают своим падением; по дороге всюду разбросаны массы раздробленного льда, следы сорвавшейся ледяной глыбы»[3]. Воду большей частью приходилось получать из льда. По рассказам кыргызов, другому путешественнику, снег на сырте верховьев Нарына, через который лежит путь от Беделя к Зауке - Барскауну, не сходит иногда круглый год[4]. О сырте на пути от перевала Юоелю к Беделю А.Н.Краснов говорит следующее: «Вся эта местность представляет широкие долины, на которых до сих пор еще спускаются громадные, по несколько верст ширины, ледовики (ледники). Геологическое исследование показывает, однако, что долины эти были своего рода mer de glau для этих ледовиков, которые были притоками этого моря. В недавнее еще время сырты Тяньшаня представляли единственные в своем роде по громадности скопления льда и снегов». По словам того же путешественника, «Проход Бедель необыкновенно крут... Воздух так разрежен, что движение по горе производит одышку. Со всех сторон ...голые и покрытые снегом скалы. Я

[1] «Материалы по географии Тянь-шаня», собранные во время путешествия 1869 года, бар. А.В.Каульбарса, в томе V «Записок И. русского географического общества», Спб., 1875 г., стр. 364.
[2] А.Н.Куропаткина «Кашгария», Спб., 1879 г., стр. 304-310.
[3] Куропаткина «Кашгария», стр. 307 и 310.
[4] «Материалы по географии Тяньшаня» бар.Каульбарса, стр. 375.

проходил перевал в лучшее время года (в августе 1886 г.). Воображаю, каково подниматься и спускаться по этим кручам позже, когда снег покроет тропинки и обледеневшие спуски уподобятся ледяным горам на масленице»[1].

Проезжавший тем же путем в том же 1886 году, в октябре, д-р Н.Л.Зеланд, описывая «неделю прозябания в каменисто-ледяных пустынях», говорит, что самый перевал Бедель представился ему стеною, футов в 200 высоты. «Стена эта так крута, что наклон можно считать в 42-45%... Хотя и на эту стену местами поднимаются зигзагами, но не всегда это возможно, и во всяком случае подъем этот так труден, что, по временам, когда снег перемежается со льдом, он безусловно бывает недоступен без помощи сверху[2]. Вообще путь через Бедель отличается теперь от пути времен Сюань Цзана только меньшим распространением ледников по причине общего уменьшения влажности в Центральной Азии.

Сюань Цзан следовал берегом озера по направлению на северо-запад и, сделав около 500 ли, прибыл в город реки Суйе (так по «Биографии», по «Запискам» Sou-che). Этот город имеет от шести до семи ли в окружности; это место встречи торговцев разных владений. Почва благоприятна для красного проса, для пшеницы и для винограда; дикорастущие деревья тут редки. Так как климат холодный и господствует леденящий ветер, то жители носят одежды из валяной шерсти (de laine feutree). На запад от Суйе есть несколько десятков особых один от другого городов. В каждом городе существуют независимые один от другого начальники, но все они подчинены тукиюесцам. От города реки Суйе до владения Гешуанна страна называется Сули (Souli) и жители носят это же имя. Это же наименование присваивается письму и языку. Основные формы письменных знаков очень немногочисленны; они ограничиваются тридцатью двумя буквами, которые, соединяясь вместе, дали, мало по малу, происхождение очень большому числу слов. Жители обладают небольшим количеством исторических записей. Они читают тексты их сверху вниз и передают друг другу разумение книг; таким порядком письменное обучение продолжается непрерывно. Они носят одежды хлопчатобумажные, шерстяные и кожаные; одежды эти узки и тесны. Волосы они соединяют и верхушку головы оставляют открытою; иногда даже они совершенно обривают волосы. Они обертывают свое чело куском шелковой материи. Они высокого роста, но характера мягкого и робкого. Лживость и обман составляют преобладающую черту их нравов и большая часть из них предается мошенничеству и плутовству. Вообще они отличаются крайней скаредностью. И отцы, и дети мечтают только о наживе; тех, кто богат, больше уважают, но ничто не отличает богача от бедняка. Даже обладающие огромными богатствами носят старые платья и питаются грубой пищей. Половина населения обрабатывает поля, а другая занимается торговлей.

---

[1] Книжки «Неделя», август, 1887 года, стр. 20, 26-28.

[2] «Кашгария и перевалы Тяньшаня» Н.Л.Зеланда, в «Записках западно-сибирского отдела геогр. общества», 1888 года, кн. II, стр. 124, 199 и след.

Суйе Сюань Цзана и «Тан-шу» (у Видлу местами, например, pp. 120, 121, Tcoui- cha), очевидно, есть река Чу. Город на реке Суйе лежал, значит, на р. Чу. Так действительно и выходит по направлению и расстоянию, указанным Сюань Цзаном: около 500 ли, т.е. около 250 верст, на северо-запад от Барскауна или Зауке, с южного берега Иссык-Куля, приводят на реку Чу по выходе ее из Буамского ущелья. Город на реке Суйе должен был лежать, по расстоянию, между выходом р. Чу из Буамского ущелья и нынешним селением Большой Токмак, вероятно, около самого места расположения нынешнего селения, так как тут находится самый мелкий и удобный брод через обильную и теперь водою реку Чу. Такое положение всего более подходило бы для созданного, очевидно, потребностями торговли («место встречи торговцев разных владений) оседлого пункта[1].

Весьма верно подмеченные черты населения, обитавшего в оседлых пунктах от р. Чу до Карши, те же, что и в настоящее время. «В этом населении высшей целью действий является материальное приобретение... Не обращают ни малейшего внимания на связи крови или другие отношения, когда могут приобрести какую-либо материальную выгоду; поэтому главное занятие жителей городов - торговля... После жадности и страсти к приобретению, главная черта горожан - скупость... По причине скупости богатые живут так же худо, как и бедные, и питаются той же пищей... Кроме жадности и скупости отличительные черты их характера: скупость, лютость и лицемерие...»[2]. Не трудно узнать в оседлом населении Сули ту же помесь иранцев с тюрками, которая ныне известна под именем сартов. Сюань Цзан отличает это население от обитателей соседнего Тухоло (Тохарестана, древней Бактрианы): последние имеют некоторое понятие о честности и справедливости и друг друга, по крайней мере, не обманывают; язык их немного отличается от языка соседних владений, стало быть, и от языка Сули, а азбука состоит из двадцати пяти букв, значит, тоже особая. О литературных и исторических произведениях «Записки» Сюань Цзана замечают, что в Тухоло они многочисленнее, чем в Сули и что книги пишутся поперек и читаются слева направо. Girard de Rialle полагает, что тохарестанская азбука не была зендскою, потому что последняя читается справа налево; по его мнению, это скорее было первобытное индийское письмо[3]. Томашек утверждает, что в Тохарестане сохранилась первобытная разновидность гвоздеобразного письма или первобытный алфавит из 24 (25) знаков; он задается при этом вопросом: не греческая ли это азбука? В Согдиане, по его

[1] Составители «Синь-цзян-чжи-лио», т.е. сокращенного исторического и географического описания Новой границы (Чжунгарии и Восточного Туркестана), изданного в начале настоящего столетия, предполагали, что местность Суйе (Tsoui-ye) времен Танской династии соответствует озеру Темурту-нору (Иссык-Куль), но оснований этому не привели, кроме указания, что «на северном берегу этого озера, к востоку от р.Кеукен-бак, находятся остатки фундаментов городской крепости (цитадели?); есть также (там) каменная статуя (каменная баба?): хотя она сломана и изуродована, но можно еще различать довольно ясно шапку (le bonnet), меч, кирасу и шлем. Может быть, в этой местности во времена Ханей и Танов находился город Суйе (Nouvelles annales des voyages, annie 1846, tome III, pp. 61 et 62). Если эта речка Кеукен-бак есть речка Курметы, то, быть может, означенные развалины есть те самые, которые описывает, к сожалению, столь же необстоятельно, автор книги «По окраине» (Спб., 1892 г., стр. 140).

[2] Эти наблюдения В.В.Радлова, сделанные в 1868 году. См. «Средняя Зеравшанская долина» в «Записках И.р. географического общества», по отделению этнографии, том шестой, 1880 г., стр. 74 и 75.

[3] Memoire sur l'Asie centrale, sun histoire, ses populations, denxieme editions, Paris, 1875, p. 44.

мнению, существовала более сложная азбука, по образцу зендского или санскритского алфавита или тибетского (34 знака)[1]. Из этого ясно, что известия Сюань Цзана о письменности в Тухоло и Сули пока не привели ни к каким определенным заключениям об азбуках той или другой страны. По словам Томашека, приводимое Сюань Цзаном имя страны от р. Чу до Аму-дарьи Sou-li, принадлежавшее и оседлому ее населению, пытались объяснить из тюркского языка: сулу, сули, в другой форме суглук, сувли, т.е. богатый водою, название для Междуречья не неподходящее. Но в Бундегеше название Сугуда, Сугда гвоздеобразных надписей заменено именем Сурик (Surik), а потому Томашек признает за Сури Сюань Цзана индийское происхождение, производя Surik от санскритского surgo, индустан. surgag, т.е. солнце, солнечный блеск, счастье. В Согдиане, как и в Бактриане, в первые века после Р.Х., буддийское культурное влияние было весьма сильно и потому неудивительно происхождение имени Сури из индийского источника[2].

От Цин-чжи до Суй-е и затем до Бин-юй, в 400 ли от Суйе, описания путешествия Сюань Цзана не дают маршрутных сведений. Поэтому не лишне привести здесь продолжение танских маршрутов, упомянутых в главе второй при определении пути к Чигу. «В 40 ли от озера Иссык-Куля[3] находится город Тюнчен». Можно думать, что этот город находился на р. Тон[4] или Тун, которая, однако, отстоит несколько далее 40 ли от устья Барскаунского ущелья, которым, вероятно, лежал путь маршрута до озера. «В 110 ли отсюда - город Ho-lie-Tching. Этот Холечен можно считать за Ула-холчен, городок или селение на р. Ула-холе; расстояние в 55 верст тут подходящее. «30 ли далее город He-tchi-tching». Может быть, этот городок соответствует развалинам в долине Бар-булак[5], в версте от озера, не вдали уже от Кутемалдов. «Отсюда пересекают одну долину и прибывают к слиянию реки Суй-ше-чуань» (ou confluent du fleuve Soui-che-tchuen). Тут идет должно быть речь о долине Кутемалдинской, между озером и горами Кызыл-омпал; под слиянием же можно разуметь соединение реки Кочкара с существовавшим тогда, быть может, истоком из озера; реке Суй-е дано тут название

[1] Sogdiana, 1877, s. 14. На известных пока монетах стран по Инду, Аму-дарье и Зеравшану употреблялось в III-VII веках после Р.Х. по крайней мере пять различных алфавитов (см. <...> в Journal asiatique, 1891, t. XVII, 8 serie, p. 150). В азбуке астрангело, которая могла бы быть в ходу в стране Сури, если бы несторианство было бы уже в это время сильно распространено в ее населении, на что однако нет данных, всего 22 знака (см. Notices et extraits des <...>, t.XII, Paris, 1831, p. 282 <...>.

[2] Согдиана, стр. 13 и 14. Спигель, в статье «О географических и этнографических результатах разбора гвоздеобразных надписей», замечает, что «по гузварешски Сугуда передается словом Сурик, под чем надобно, конечно, понимать не Сирию, как это думали прежде, а Суристан» (см. «Иран К.Риттера, в переводе и с дополнениями Н.В.Ханыкова», Спб., 1874 г., стр. 175). Если справедлива догадка Сенара <...> 1889, t. XVII, 4 serie, Paris, 1890, pp. 102, 103) о том, что слог su, предшествующий имени Теодама на одном резном камне, соответствует si серии греко-бактрийских монет, приписываемых Ермею, и есть сокращение имени siras, т.е. сириец, в общем смысле грека, и употребляется для означения национальности царей, подобно тому, как при имени юечжийских монетных царей ставилось слово кушан, т.е. кушанец, то это будет не лишенное значения обстоятельство в пользу мнения, что Сули есть Сурия или Сирия.

[3] Так у Дегиня, приводящего маршруты из «Тан-шу», но в подлиннике, конечно, стоит Яньхай или Жехай.

[4] В 1889 году врачом Поярковым доставлены в археологическую комиссию «два камня с арабскими надгробными надписями, из долины р. Тон» («Отчет» за 1889 год, Спб., 1892 года, стр. 90). Стало быть, оседлость на р. Тон или городок продолжали существовать в эпоху карлыков, т.е. в VIII веке и позднее. О развалинах в долине р. Тона см. ниже в главе восьмой.

[5] Сведения об этих развалинах по г.Фетисову («Турк. вед.» 1878 года № 4) будут изложены ниже.

чуань, что по-китайски значит поток (torrent), вероятно, по быстроте течения, которое в начинающемся скоро Буамском ущелье достигает местами быстроты водопада. «80 ли отсюда лежит город Fi-lo-tciam-kiun-tching и далее, в 20 ли на запад, город Soui-che-tching, который имеет на севере реку Суй-ше-шуй. В 40 ли на север от этой реки находится гора Kie-tan-chen, местопребывание хана тюрков. Через 10 ли на запад от Суй-ше прибывают к городу Mi-koue-ching; 30 ли далее - город Sin-tching; 60 ли отсюда - город Tum-kien-tching; 50 ли - город O-su-po-lei-thing; 70 ли - город Kin-lan- tching, 10 ли - г. Tu-kien-tching и 50 ли - г. To-lo-se-tching или Тараз». Г. Филоцзянь- понь, вероятно, находился между выходом из Буамского ущелья и г. Суйе, т.е. соответствовал Кобалу или Суйабу арабских географов, как увидим ниже. Суй-ше или Суйе следует, кажется, помещать немного восточнее нынешнего Б. Токмака, как приходится и по Сюань Цзану. На север от Токмака, верстах в 10, находится долина р. Кара-кунуса, стало быть, гора Гетань, местопребывание хана тукиюесцев, находилась около Кара-кунуса. Из остальных городков маршрута Тунгань (следует, вероятно, читать Тункент) есть Нузкет (быть может, вернее Нункет по прежнему чтению) арабских географов, между рр. Карабалты и Аксу. Осюболай есть китайская транскрипция Асбере, Аспара или Асфара, реки, на которой ныне находится русское селение, а прежде известный город, с которым еще будем встречаться. Затем, по расстоянию в 70 ли (35 в.) от Аспары, гор. Кюлан приходится на месте нынешнего Мерке, хотя именем близок к Кулану арабских географов между Бирки и Таласом. Талосе есть, конечно, Талас, хотя расстояние его от Мерке равняется 148 верстам, а не 60 ли: вероятно, в маршруте есть пропуски[1].

Сделавши около четырехсот ли от реки Суйе, Сюань Цзан прибыл в Бин-юй (Ping-yu), по-китайски «тысяча источников» (Thsien-thsiouen). Страна эта имеет около ста ли в квадрате (по «Запискам» около двухсот ли). Тут много озер и затонов, земля обильно орошена и деревья замечательны и высотою своею, и богатством листвы. В последний месяц весны самые разнообразные цветы блистают на земле, как богатый узор. Господствующая здесь влажность поддерживает приятную прохладу. Хан тукиюесцев каждый год удаляется сюда, от летних жаров. Здесь множество оленей, укрощенных колокольчиками и кольцами. Они привыкли к людям и не убегают при виде их. Хан любит их и считает удовольствием смотреть на них. Он издал повеление, угрожающее смертной казнью тем, кто осмелился бы убить хотя одного из этих оленей. Вот почему все эти олени могут спокойно доживать свои дни. В «Записках» пояснено, что местность «Тысячи источников» с юга ограничена снежными горами, с остальных же трех сторон - ровными долинами. Сделавши от ста сорока до ста пятидесяти ли на запад, путешественник прибыл в город Талас (Ta-lo-sse), который имеет от восьми до девяти ли в окружности. В нем обитают смешанно торговцы разных стран. Произведения почвы и климат походят на произведения и климат Суйе. Сделавши отсюда на юг около десяти ли, он встретил город, в котором обитали около трехсот

[1] Отсутствие у Сюань Цзана городков от Иссык-Куля до Суйе может быть объяснено тем, что их во время его проезда еще не существовало. Маршрут Дегиня, вероятно, относится к началу или половине VIII века, в течение же столетия владычества тукиюесцев после Сюань Цзана могли появиться небольшие поселения и на Иссык-Куле.

семей родом из Китая. Некогда они были насильственно захвачены тукиюесцами. Впоследствии эти китайцы усвоили одежду и вкусы тукиюесцев, но сохранили язык и обычаи своего отечества. Отсюда Сюань Цзан сделал около двухсот ли на юго-запад и прибыл в город Байшуй (Pe-choui) или Белая вода, имеющий от шести до семи ли в окружности. В отношении произведений почвы и климата эта страна много превосходит местность на Таласе. Сделав отсюда около двухсот ли на юго-запад, он прибыл в город Гун-юй (Kong-yu), имевший пять или шесть ли в окружности; долины здесь были весьма плодородны, а сады и леса отличались великолепной растительностью. Отсюда он сделал от сорока до пятидесяти ли на юг и прибыл во владение Нучигань (Nou-tchi-kien)[1]. Это владение имеет в окружности около тысячи ли. Земля тут плодородна и дает богатые жатвы; посевы и деревья отличаются прекраснейшим ростом, цветы и плоды получаются в изобилии. Собирают большое количество винограда, который очень ценится. Тут есть до сотни городов, имеющих каждый особого начальника. Эти начальники самостоятельны в своих действиях и совершенно независимы один от других. Однако, хотя из владения отграничены одно от другого, но все они разумеются под общим именем Нучигяня. Сделавши отсюда около двухсот ли на запад, он прибыл во владение Чже-ши (Tche-chi), имевшее около тысячи ли в окружности. На западе оно прилегает к реке Е (ye). Оно сжато с востока на запад и удлинено с юга на север. По произведениям почвы и климату оно сходно с владением Нучигянь. В нем несколько десятков больших и малых городов, которые имеют каждый особого начальника. Так как здесь нет царя, которому принадлежало бы общее управление, то они подчиняются тукиюесцам.

Дегинь считал Tsien-yuen или «Тысяча источников» за находившийся по его мнению на берегах Сейхуна и получивший свое название от обилия воды Фараб, иначе именуемый Отраром; Талас или Тараз он помещал к западу от Фараба[2]. Вивьен де Сен-Мартен, составивший карту к путешествию Сюань Цзана, приложенную к переводу Ст.Жюльена, и объяснение к ней (во II томе Memories sur les contreas occidentales etc., Paris, 1858), признавал город Ta-lo-sse за нынешний Туркестан, а «Тысячу источников»

[1] По-арабски, следуя Reinaud, Nouchidjan - замечает Стан.Жюльен.

[2] Histoire generale des Hans etc., t.I, partie 2, pp.LXVI et LXVII. Жителей Тараса Дегинь считал китайской колонией вследствие ошибочного в «Тан-шу» изложения <...> известий Сюань Цзана. Не лишне привести из «Тан-шу» в переводе о.Иакинфа («Собрание сведений», III, стр. 223 и 224) описание страны от Гумо до Ши, явно составленное по Сюань Цзану: От Болуга «на запад через 300 ли за каменистой степью лежат горы Лин-шань Это северная пустыня Луковых гор. Реки текут на восток. В горных долинах весною и летом лежат снега. Через 500 ли на северо-запад есть город при реке Суе. В нем торговцы и кочевые смешанно живут. От Суе на запад еще находится несколько десятков городов, которые поставляют у себя владетелей, и состоят под зависимостью дулгасцев. От города при реке Суе до владения Гешуана одеваются в суконное и меховое платье, а голову обвивают шелковой тканью. В 400 ли от города Суе на западе лежит страна, называемая Тысяча ключей. Через 200 с небольшим ли лежат южные снежные горы; на их отлогостях с трех сторон находится множество ключей и озер, от чего и страна получила название Тысяча ключей. Дулгасский хан ежегодно уклоняется сюда от летних жаров. Стада оленей окружают это место. Их можно делать ручными. Далее через сто с небольшим ли на запад лежит город Гюйлосы, в котором также вместе живут и торговые, и кочевые. Малых городов считается до трехсот. Они населены китайцами, которых делгасцы увели в плен. Пленники еще говорят китайским языком. Через 200 с небольшим ли на юго-запад лежит город при Белой реке. Земля ровная и тучная. Через 50 ли на юг лежит владение Нучигань, содержащее около 1000 ли пространства. Земля плодоносная, удобная для хлебопашества. Здесь много винограда. Отселе еще 200 ли до владения Ши».

за урочище Мин-булак, означенное на карте Туркестана Кипперта к востоку от Туркестан[1]. Н.А.Северцов, указав тысячу источников верст на 150 восточнее урочища Мин-булак помещенного у Гумбольдта маршрута: «На вершине перевала (Куюк, на третьем переезде от Аульеата к Ташкенту) множество родников; это самые южные родники знаменитого в древней географии Средней Азии урочища Мин-булак, которое Хюан-Цзан помещает недалеко к западу от Таласа... От южных склонов Уртак-тау (так Северцов называл продолжение Александровского хребта на запад от Таласа (Мын-булак) в смысле Хюан-Цзана) отделяется долиною реки Терсы, но теперешнее урочище Мын-булак и от Терсы отделяется невысокой сланцевой грядой». Кроме этой гряды Северцов не дает никаких сведений о положении, протяжении и границах Мин-булака; он говорит, что на Мын-булаке нет больших деревьев, но есть хорошие пастбища, и что киргизы считают Мын-булак лучшим летним кочевьем между Чу и Сыр-дарьею[2], но все это весьма неопределенно, а кое-что и сомнительно, например, предпочтение пастбищ в восточном Кара-тау долинам и ущельям Александровского хребта. Мин-булаков в степи и вообще в Туркестане множество. Тюркские кочевники каждую группу ключей называют «мин-булак». Может быть, называя ключики на Куюке, не отличающиеся ни количеством своим, ни обилием воды «мин-булаком», проводники или джигиты Северцова употребили это название не в качестве имени собственного, а как имя нарицательное. Рихтхофен, на основании показанных у Сюань-Цзана расстояний и новейших карт, предположил, что Бин-юй или Мин-булак китайского путешественника находился, к западу от Мерке и к востоку от Аульеата, около урочища Малдыбай, у подножия Александровского хребта, где из гор, по картам, течет много ручьев[3]. Но в действительности эта местность, даже у самого подножия Александровского хребта, представляет собою за недостатком орошения, голую, бесплодную и частью каменистую пустыню, тогда как ниже начинается солонцеватая, а потом песчаная степь. Означенные на картах речки имеют воду только во время сильных дождей, остальную же часть года каменистые их русла остаются сухими. По арабским географам, как увидим ниже, местность эта, носившая тогда имя пустыни Кулан, уже в VIII и IX веках отличалась от настоящего ее положения. Надо думать, что Бин-юй находился не у северной подошвы Александровского хребта, а на южной стороне этого хребта - в долине верхнего Таласа. Проехать туда Сюань Цзан мог существующим и ныне вьючным путем из Мерке через верховья р. Уранды, на р. Каракол и по ней в долину Таласа, начинающуюся по слиянии Каракола с речкою Чу-кок-сай или Уч-кошсай. Тут хребет значительно понижается и перевал не высок. В вершинах Урянды «горы довольно крутые, но не скалистые и потому удобопроходимые. Они покрыты роскошнейшими цветущими травами и представляют превосходные пастбища... В

[1] Pp. 269-273. На карте Кипперта Мин-булак нанесен должно быть на основании одного маршрута от Семипалатинска до Ташкента, приложенного к Asie centrale Гумбольдта (t. Ill, Paris, 1842, pp. 386, 387), где после Чулак-кургана значится в 20 верстах Каратау, а потом в 20 же верстах источник Мин-булак, за которым следуют реки Арслан, Чаян, Бугунь, Арыс и Бадам и т.д.

[2] «Записки И.р.географического общества» по общей географии, том 1, 1867 г., стр. 109 и 110, а также «Путешествия по Туркестанскому краю», Спб., 1873 г., стр. 41 и 42.

[3] China, Ester Bond, s. 542.

конце мая перевал уже бесснежен». Долина Таласа имеет уже степной характер, но займище реки черноземно и заросло лесом из тополей, ветлы, боярышника, тала, березы и разных кустарников, а по Караколу и притокам Таласа, ущелья которых также обильны лесом, находятся прекрасные пастбища, составляя лучшие и обширнейшие в Аульеатинском уезде киргизские летовки[1]. Верхняя долина Таласа, от соединения Каракола с Уч-кок-саем до устья Уюрлыймарал, имеет в длину и ширину около 50 верст, следовательно, соответствует пространству Бин-юй по Сюань Цзану. От Мерке до верхней долины Таласа будет около 70 верст, а отсюда до Аульеата около 80 верст. По нынешнему почтовому тракту от Токмака до Мерке считается 174,25 версты; с добавлением 70 верст составится до долины верхнего Таласа 244 в., т.е. несколько больше 400 ли, значащихся у Сюань Цзана. От верхней долины Таласа, считая немного ниже устья р. Биш-таш (не отсюда ли Бин-юй?) до Аульеата 80 в., т.е. около 150 ли на запад, согласно маршруту Сюань Цзана. Может быть, и известия о водившихся на Бин-юй маралах имеет связь с существующим еще названием левого притока Таласа Уюрлы-марал (косяк или гнездо маралов). На этой реке существуют с 1882 года четыре колонии немцев- менонитов, названия которых как-то странно звучат на азиатской почве: Гнаденфельд, Копенталь, Гнаденталь, Николайполь.

На карте Центральной Азии и Индии, изданной в Японии в 1710 году и составленной согласно путешествиям фа Сяня и Сюань Цзана, озеро Жехай помещено как раз к северу от Лин-шаня. По середине озера большой остров. В озеро впадает с З.С.З. или вытекает из него в том же направлении большая река, на южном берегу которой поставлены квадратики, один ближе к озеру с надписью Sou-che-choui-Tching и второй близ окончания реки с легендой Ta-lo-sse-Tching. Между этими городами на северном берегу реки поставлено девять маленьких кружков, а на южном две кучки таких же кружков с надписью Thsien-thsivuen, так что, значит, составители карты считали Бин-юй находящимся между городами Суйе и Талосе. По той же карте на западном берегу текущей на север реки, вершина которой сходится с верховьем северного притока озера, изображен квадратик с надписью Tou-kion-ko-han[2].

---

[1] «Путешествия по Туркестанскому краю», стр. 18-31. В «Туркестанских ведомостях» 1878 г., № 12, есть описание проезда г. Регеля из долины верхнего Таласа в Чуйскую долину; он вышел в последнюю, кажется, ущельем р. Ашпары.

[2] Карта эта, во французском переводе, приложена к 11 тому Memories sur les contrees occiden- tales, Paris, 1858. Есть еще другая карта «стран восточных и пяти Индий», помещенная в 46 томе большой японской энциклопедии, изданной в 1714 году. Ее французский перевод напечатан Клапротом в 2 томе его Memories rabatis (Paris, 1826). На этой карте к северу от Гумо изображен Цунлин (особый от Да-Цун-лина, помещенного западнее), а к северу от него озеро Жехай. В озеро это впадает текущая с юга и начинающаяся восточнее Цинлина река. Из Жехая вытекает на северо-запад и проведена до моря (в которое впадает и соответсвующая Аму-дарье река) особая большая река, заменяющая одновременно реки Чу и Сыр-дарью, которых нет. На востоке от Жехая надпись Ou sun, севернее которой изображены горы, а на восток от них надпись Wa la. Севернее этих гор и Вала изображены пески и надпись «Великая пустыня движущихся песков». На северо-западе от Жехая нарисованы горы, а между ними, рекой и озером надпись Thou khin. Еще северо-западнее снова горы и на запад от них надпись «западные тукиюе». На северном берегу Аму-дарьи есть надпись Юечжи-го. На южном берегу Сыр-дарьи в среднем течении означено владение Oman (?), южнее его Давань и юго-западнее Самаёльхань. Клапрот (p. 412) заключает из одного примечания к этой карте, что она есть копия с китайской карты, но составление последней относит ко

По Вивьен Сен-Мартену Pi-choui «белая вода» китайцев, есть точный перевод персидского имени Isfidjab или Esfidjab, которое часто встречается у мусульманских писателей, в качестве названия одного из городов северного Туркестана... Ибн-Хаукал и Шехаб-Эддин, писавшие оба в середине X века, говорят о нем, как о большом и населенном городе, построенном в одной из красивейших местностей, в 3 фарсахах от гор[1]. Томашек полагает, что метрополия страны Аспинджаба (Asping или Siping от sping - белый, соответственно тюркскому Арыс, которое имеет соотношение с якутским арагас - светло-желтый) находилась на месте нынешнего Чемкента[2]. По утверждению Хафиз-Таныша древний Исфиджаб есть Сайрам[3]. По-тюркски «белая вода» будет Ак-су. Так и называется многоводный приток Арыса, водою которого орошается, между прочим, значительное селение Манкент, лежащее в 22 верстах от Чемкента по дороге в Аульеата и в 142,5 верстах от Аульеата. Уже это расстояние почти на 80 ли превышает показанное Сюань Цзаном (около 210 ли, считая расстояние от Таласа до китайского городка) и если можно объяснять разницу приблизительностью расстояний у китайского путешественника, большею краткостью вьючных путей против почтовых дорог и, наконец, нахождением города на Белой реке выше, быть может, нынешнего Манкента, то нужно, конечно, избегать увеличения этой разницы, помещая Бай-шуй-чен на месте Чемкента или Сайрама. Сайрам находится верстах в 25 к югу от Манкента, значит, в 40-50 ли к югу от Бай-шуй, и потому соответствует положению Нучигяня Сюань Цзана. Хотя по описаниям путешествия Сюань Цзан отправился из Бай-шуй в Гун-юй, около 200 ли или 100 верст на юго-запад, и отсюда уже попал через 40-50 ли в Нучигянь, но этот Гун-юй, находящийся, видимо, в низовьях Арыса, в Фарабе арабских географов, лежал в стороне от пути Сюань Цзана, направлявшегося в Самарканд через Чжеши. Надо полагать, что в Гун-юй Сюань Цзан не был и описание этого владения составлено по расспросам. По китайским комментаторам, из 138 владений, которые описываются в сочинениях о путешествии Сюань Цзана, он был только в 110. На самом деле число описанных по слухам владений должно быть больше. Места, в которых Сюань Цзан не был лично, отличаются в описаниях путешествия выражением чжи (tchi) «прибывают» (on arrive)[4]. Это указание комментаторов, однако, мало помогает, потому что в Histoire de la vie etc. выражение on arrive употреблено не только в отношении города Гун-юй, но и прибытия в Бай-шуй, Нучигянь, Чжеши, Самогянь и пр., в которых Сюань Цзан несомненно был лично. Должны были знать точный маршрут Сюань Цзана составители «Тан-шу». И действительно, в извлечениях из реляции Сюань Цзана, владение Нучигянь показано в 50 ли на юг от «города на Белой реке», а не от Гун-юй, о

времени не ранее XV века, так как на ней означены вала, т.е. калмыки. Однако, если верить «Дай-цинь-и-тунчжи» (см. выше), то имя вала (Oua-la-tou-to-fou) существовало еще в VII веке.

[1] Memoire analitique etc, p. 274.
[2] Sitzungberichte der Wiener Akademie , t. XVII Band, s. 51
[3] П.Лерха «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г.», Спб., 1870 г., стр. 35.
[4] Предисловие Ст.Жюльена к Histoire de la vie de Hivula-thsang etc., p. XXXVII. Oliver в статье своей The Chughatai Mughalls (the Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain, vol. XII, 1888, p. 84) полагает, что Kung-yu или (?) Yongy <...> de С.Мартена <...> есть Янги-курган. Ближайший Яны-курган (оседлостей и развалин этого имени в крае много), кажется, находится около Джулека, верстах почти в 300 от Чемкента, а потому ни по положению, ни по расстоянию никаким образом Гун-юю Сюань Цзана не соответствует.

котором тут и не упоминается. В «Тан-шу» Нучигянь встречается еще под 742-755 гг. под именем Нушиге, с пояснением, что он иначе называется «Синьчен и городом малого Ши», и с замечанием, что он, в числе других владений, впоследствии завоеван «гэлолуским владетелем». Но было и другое владение Синчен, которое лежало в 100 с небольшим ли от Ши, на северо-восток[1]. По переводу того же китайского известия у Абеля Ремюза последний городок называется на местном языке Нушехе, т.е. Nou-sheher, по-персидски «Новый город»; «Синьчен» по-китайски имеет то же значение[2]. Положение этого «Нового города» в 100 ли от Ташкента на северо-восток соответствует существующему ныне кишлаку Неучи или Навиш[3] в горах между Ангреном и Чирчиком. Верховья реки, на которой стоит Сайрам, заняты в настоящее время зимовками кыргызов рода саяк[4]. Это крайние на запад кыргызские земли, которых коснулся Сюань Цзан: из Нучигяня или Сайрама, через 200 ли, каково и есть действительное расстояние, на запад, он достиг Чжеши или Ташкента[5].

[1] «Собрание сведений» и пр. III, стр. 267.
[2] Memoires sur plusieurs questions, relatifs etc., p. 104.
[3] Некоторые сведения об этом кишлаке, заселенном таджиками, есть в статье «Горные окрестности Ташкента» в «Турк. вед.» 1887 года № 48.
[4] Д.Иванова «Поездка в Алатау в 1879 г.» в «Туркестанских ведомостях» 1880 г., №№ 8 и 13.
[5] Продолжение пути Сюань Цзана до Афганистана изложено в статье моей «Западный Туркестан в VII столетии, по описанию китайского путешественника» в «Туркестанских ведомостях» 1889 года №№ 38, 39 и 40. К сожалению, статья эта переполнена типографскими опечатками и ошибками, извратившими не только имена, но местами и само содержание.

3. Сведения о быте кочевого населения западного Тяньшаня во время тукиюесцев

Одежда, образ жизни, нравы и религия тукиюесцев по китайской истории. Известия о тукиюесцах и их хане византийца Зимарха. Пребывание при ханском дворе Сюань Цзана. Известия о религии и нравах тюрков Едриси. Соображения о религии тукиюесцев. Еще некоторые сведения о хане. Звания и должности у тукиюесцев. Их письменность, развлечения, оружие и пр. Уголовные законы. Погребальные обычаи. Византийские известия по этому же предмету. Изменения в похоронных обычаях. Упоминаемые в китайской истории два памятника у тукиюесцев, сохранившиеся до настоящего времени на Орхоне. Одинаковость обычаев восточных и западных или тяньшанских тукиюесцев.

Сюань Цзан о кыргызах не упоминает даже по имени. Не сообщает он почти никаких сведений и вообще о кочевом населении западного Тяньшаня, хотя кочевники тукиюесцы были владыками всего Туркестана и Мавераннагра. Но у китайских историков есть описания, хотя и краткие, внутреннего быта тукиюесцев. Необходимо ознакомиться с этими описаниями, потому что они относятся, по крайней мере, частью, и к кыргызам, которых китайцы не отличали в общей массе тюркских кочевников, подчинявшихся тукиюеским ханам.

Китайцы находили, что обычаи тукиюесцев «вообще сходны с хуннускими»[1].

Тукиюесцы «распускают волосы», т.е. не заплетают их в косу и не связывают в пук на голове, и «левую полу наверху носят»[2], тогда как китайцы запахивали платье направо и считали иную манеру большим варварством. Живут тукиюесцы в войлочных палатках[3]. «Постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли»[4], т.е. известный район для кочевок. «Переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Занимаются скотоводством и звериною ловлею. Питаются мясом, пьют молоко[5]. «Носят меховое и шерстяное одеяние. Мало честности и стыда; не знают ни приличия[6], ни справедливости, подобно древним хунну[7]. По природе люты, безжалостны[8]. Поклоняются духам, веруют в волхвов»[9]. Тукиюеский хан «ежегодно ... со своими вельможами приносит жертву в пещере предков, а в средней декаде пятой

---

[1] «Собрание сведений», 1, стр. 271. Изложение обычаев тукиюесцев будет сделано по переводу о.Иакинфа, который называет помещенную им в «Собрании сведений» историю «Тугю» извлечением из истории династии Тан. На самом деле почти все известия об обычаях тукиюесцев взяты из «истории северных Вэй», как видно это из переведенной Ст.Жюльеном части «Бань-и-дянь», содержащей в себе историю восточных тукиюесцев, изложенную в виде извлечений из династийных историй. Перевод Ст.Жюльена помещен в Journal asiatique, 1864, t. Ill et IV, под заглавием «Documents historiques sur les toukiune (Turcs), extracts du Pien-i-tien.

[2] «Собрание сведений», 1, стр. 268.

[3] Это по истории династии сев. Вэй (Journal asiatique, 1864, t. Ill, p. 332).

[4] «Собрание сведений», 1, стр. 270.

[5] По «Собранию сведений», 1, стр. 268, пьют «кумыс», но по истории сев. дин. Вэй правильнее «молоко» (p. 351).

[6] По истории сев. династии Вэй «обрядов».

[7] «Собрание сведений», 1, стр. 268.

[8] Там же, стр. 269.

[9] «Собрание сведений», 1, стр. 271. Знак «ву», переведенный тут «волхвов», означает и волхвов и шаманов (там же, прим.1).

луны собирает прочих и при реке приносит жертву духу неба. В 500 ли от (гор) Дугинь (близ которых хан имеет пребывание) на западе есть высокая гора, на вершине которой нет ни дерев, ни растений; называется она Бодын-иили, что в переводе на китайском языке значит: дух покровитель страны»[1].

Когда Зимарх и его спутники, на пути к Дизабулу, прибыли «в страну согдаитов и сошли с лошадей, то некоторые турки, видно нарочно на то поставленные, предлагали Зимарху купить у них железа; я думаю, они это делали, чтобы показать римлянам, что в стране их есть железные рудокопни; ибо обыкновенно говорят, что у них трудно доставать железо. Можно бы догадаться, что они этим хвастовством давали знать римлянам, что их земля производит этот металл. Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришед к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собою, склали их вместе, потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова, и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя и этим, казалось, они и самих себя очищали. По совершении сих обрядов, Зимарх шел вместе с приставленными к нему турками к горе, называемой Эктаг, что по-эллински значит золотая гора, где находился сам хаган. По прибытии в одну долину золотой горы, где было пребывание Дизавула, Зимарх и его спутники были немедленно призваны к нему. Хаган находился внутри шатра и сидел на золотом седалище о двух колесах, которое, когда нужно было, тащила одна лошадь. Приветствовав варвара по обычаю, Зимарх принес дары, которые и были приняты теми, кому это было поручено». После взаимных приветствий между послом и Дизабулом, «они обедали, и весь тот день провели в пировании, в том самом шатре. Он был сделан из шелковых тканей, искусно испещренных разными красками. Они пили вино, но не такое, какое у нас выжимается из винограда. Напиток, ими употребляемый, есть какой-то варварский... Земля турков не производит виноградных лоз; у них вовсе нет этого растения. Римляне потом удалились туда, где было их пребывание. На другой день они были приведены в другую кущу, обитую и испещренную также шелковыми покровами. Здесь стояли и кумиры, различные видом. Дизавул сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы, и бочки, также золотые. Они опять пировали, поговорили за попойкой, о чем было нужно, и разошлись. В следующий день они пришли в другую комнату, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед

[1] «Собрание сведений», 1, стр. 270 и 271. По истории сев. Вэй вместо в «пещере» — в «склепе». Там же (p.334): «Во второй декаде пятого месяца собирают остальных людей для моления и принесения жертвы духу неба на той же горе. В четырехстах ли оттуда есть чрезвычайно высокая гора, на которой нет ни растений, ни деревьев. Ее называют Бо-тенгри (Po-tenguim-li), что в переводе на китайский язык значит дух неба». По Visdelou po-tem-y-li значит <...> t. IV, p. 127.

комнатою на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины, и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делаются у нас. В этом состоит роскошь туркского князя»[1].

Через 62 года, вероятно почти в той же местности, представлялся хану тукиюесцев Шеху Сюань Цзан. Он встретил хана на охоте по прибытии в город Суйе. Хан одет был в зеленый шелковый плащ. Волосы его были открыты и только лоб был опоясан шелковой тканью, длиною в десять футов; повязка эта делала несколько оборотов и концы ее падали на спину. В свите хана было около 200 знатных лиц, одетых в парчовые плащи; волосы были у всех заплетены в косы. За ними следовали всадники на верблюдах и лошадях, одетые в меха и шерстяные ткани, с луками и с знаменами. Их было так много, что взор не мог видеть конца поезда. Усмотрев перед собою Сюань Цзана, хан очень обрадовался и сказал: «учитель, поживите со мною некоторое время. Я возвращусь не позже двух или трех дней. Между тем вы отправитесь в мою резиденцию с Думоджи (Tu-mo-tche), одним из моих вельмож, который будет вам служить путеводителем и удобно вас поместит». Через три дня по прибытии Сюань Цзана в царскую резиденцию, хан действительно возвратился.

Хан жил в большой палатке, украшенной золотыми цветами, которых блеск ослеплял глаза. Придворные, в блестящих костюмах из вышитых шелковых материй, сидели двумя рядами пред ханской ставкой. Гвардия хана стояла за ними сзади. Хотя это был государь варваров, обитавший в войлочной палатке, но нельзя было взирать на него не чувствуя удивления и почтения. Когда учитель находился в тридцати шагах от юрты, хан вышел к нему навстречу, низко поклонился и расспрашивал его весьма милостиво, при посредстве переводчика. После того он вошел в палатку и воссел на свой трон. Тукиюесцы обожают огонь. Они не употребляют деревянных седалищ, ибо дерево содержит в себе огонь, почему на него из почтения не садятся; они довольствуются тем, что постилают на земле двойные циновки или кожаные ковры. Из уважения к учителю, хан приказал принести для него кресло с ручками из толстого железа, покрыл его циновкою и пригласил сесть. Через несколько минут ввели посольства китайское и гаочанское. Последнее представило письмо от своего государя (заключавшее просьбу о покровительстве проезду Сюань Цзана) и богатый подарок. Хан обозрел письмо и подарок и выразил удовольствие. Он пригласил посланников сесть и приказал подать им, при звуках музыки, вина. Выпив с иностранными послами, хан велел особо принести виноградного вина и предложил его «учителю». После того, оживившиеся гости обращались друг к другу с приглашением выпить и чокались кубками, осушая их. В это время музыка варваров севера и юга, востока и запада оглашала воздух своими шумными мелодиями, которые, при всей своей дикости, ласкали слух и веселили дух и сердце. Через некоторое время принесли яства. Это были куски вареной баранины и говядины, которые положили перед гостями в

[1] «Византийские историки Дестипп и др.», перевод с греческого Дестуниса. Спб., 1861 года, стр. 375-379.

большом количестве. «Учителю»» приготовили особо «чистую пищу»: рисовые печенья, сливки, молоко, кристаллический сахар, медовые соты, виноград и пр. По окончании еды, хан снова угощал виноградным вином. Потом он попросил Сюань Цзана объяснить «закон». Буддийский богослов преподал тогда присутствующим учение о десяти добродетелях, о любви и благосклонности к живым существам, о шести парамитах или средствах достигнуть другого берега и получить окончательное освобождение. Хан поднял руки и склонился до земли, объявив с сияющим лицом, что принимает с верою все его наставления. Он удерживал при себе Сюань Цзана несколько дней и уговаривал отказаться от путешествия в Индию, из опасения тамошних жаров, утверждая, что тамошние жители черны, ходят большею частью голые, не обращая внимания на требования приличия, и не заслуживают, чтобы он их посетил, и т.д., но учитель остался непреклонным. Тогда хан приказал найти в своем войске человека, знакомого с китайским языком и знающего вместе с тем языки иностранных государств. Нашелся один молодой человек, который прожил несколько лет в Чан-ань (тогдашняя китайская столица). Хан возвел его в звание посольского церемониймейстера, приказал написать рекомендательные письма на иностранных языках и повелел сопровождать «учителя» до владения Цзя-би-ше (в Кабулистане). Потом он даровал Сюань Цзану полный монашеский костюм из красного атласа и пятьдесят кусков шелковых материй. Он соблаговолил сверх того, вместе со своею свитою, проводить его на расстояние до десяти ли[1].

По Едриси, почти все народы тюркские «суть идолопоклонники и обожатели огня. Главные черты их характера суть склонность к насилию, жестокость, наглость и высокомерие. Однако они повинуются своим вождям и выказывают большую храбрость, смелость и пылкость, когда дело идет о мщении за обиды и о сборе податей»[2], вероятно, с подвластных народов.

Таким образом, византийские, китайские и мусульманские писатели считали тюрков огнепоклонниками, но вместе с тем и идолопоклонниками, указывая притом на черты, принадлежащие шаманству (Менандр и кит. историки). Хотя во время Сюань Цзана древне-иранский культ огня снова преобладал в западном Туркестане над упадавшим уже буддизмом (так жители Самарканда, с горящими головнями в руках, выгоняли из опустевшего буддийского монастыря двух зашедших туда помолиться монахов из спутников Сюань Цзана) и могло быть, что этот культ огня проник к тюркам за много веков ранее[3], и хотя, с другой стороны, буддизм также имел исповедников между тукиюесцами (Тобо-хан, четвертый хан тукиюесцев, 572-580 гг.) и сами ханы их слушали с почтением проповеди Сюань Цзана, видимо, будучи знакомы уже с учением

[1] Histoire de la vie de Hionen-Thsang etc., <...> per St.Julien, Paris, 1853, pp. 55 и след.
[2] Geographie d'Edriis, trad, per <...> Paris, 1836, t. II, p. 350.
[3] В Китае, по арх. Палладию («Восточный сборник», том 1, Спб., 1877 года, стр. 54), первое упоминание о хянь шень встречается в истории династии Вей, овладевшей северной частью империи в первой половине V столетия. В то время были построены и храмы в честь хянь шень. При Т'анах упоминаются пиреи гербов под разными наименованиями: хян цы, босы сы и дацинь сы. Сущность китайских сказаний о хянь состоит в том, что это есть дух огня, чествование которого в Китае началось с прибытием из Данинь муху (мага) Алу. Эта религия распространена была в Босы (Персия) и владениях, существовавших в Мавераннагре.

Будды, но народные массы у тюрок, по всей вероятности, оставались в шаманстве и почитание огня, выражавшееся в тех формах, которые описывает Зимарх, явно было принадлежностью шаманства, как и боготворение гор, земли, неба и предков, а также и все жертвоприношения, о которых китайские историки сохранили нам сведения, весьма впрочем скудные и темные.

В дополнение к сведениям Менандра и составителей описаний путешествия Сюань Цзана о ханах тукиюесцев, можно привести из китайских сведений, что вход в ставку хана всегда устраивался «с востока, из благоговения к стране солнечного восхождения»[1]. «При возведении государя на престол, ближайшие важные сановники сажают его на войлок и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение пред ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковою тканью, потом, ослабив ткань, немедленно спрашивают: сколько лет он может быть ханом?»[2]. «У входа в палатку хана ставилось всегда знамя, имевшее сверху (изображение) золотого волка. Когда он (хан) садился, то обращался постоянно к востоку»[3].

Главные начальники войск особых орд именовались ше (che). Сыновья и младшие братья хана назывались дэлэ (te-le)[4]. Главные сановники именовались шэху (che- hou), кюйлю-чжуе (kion-liu-chone), або (a-po), сылифа (sse-li-fa), тучжун (thou-tchun), сыгинь (sse-kin), яньхунда (yon-hing-ta), гелифа (kie-li-fa), тархан (ta-kon). Всего было двадцать восемь классов должностей. Должности эти были наследственные или бессрочные[5].

---

[1] «Собрание сведений», 1, стр. 270.

[2] Там же, стр. 268. Подобный же обычай существовал, как известно, по арабским писателям, у хозар.

[3] Journal asiatique, 1864, t. IV, p. 201.

[4] Авторы «Монгу-ю-му-цзи» утверждают, что сыновья и братья ханов именовались не дэлэ, а тецзинь, как доказывается сохранившейся надписью на памятнике 732 года. Професс. В.П.Васильев заметил по этому поводу, что тецзинь есть то же самое, что нынешнее слово тайцзы, тайчжи, как назывались у монголов все происходящее из княжеского рода (см. Г.Н.Потанина - «Очерки сев. - западной Монголии», вып. IV, 1883 г., стр. 841). Упоминаемый памятник оказался на восточной стороне р. Орхона близ оз. Цайдам, но по переводу китайской на нем надписи (професс. Гейкеля «Надписи долины Орхона» в Восточном обозрении» 1891 г. №№ 13 и 14) он был воздвигнут Цюе- тэле (Гюй-дэлэ или Юойе-дэлэ), а не Цюэ-тецзиню, так что утверждение сочинителей «Монгу-ю-му-цзи» кажется не основательно. По предположению В.В.Радлова («К вопросу об уйгурах», 1893 года, стр. 93) дэлэ, вероятно, соответствует тюркскому тӧрэ – султан.

[5] Это все по истории дин. Тан (Journal asiatique, 1864, IV, p. 201). У о.Иакинфа (1, 268): «Между высшими чинами первое место занимают шеху, второе дэлэ, третье сылифа, четвертое тумаофа, с низшими чинами всего 20 человек; все они имеют наследственные должности». По истории сев. Вэй (Journal as., 1864, t. Ill, p.334) должности названы: cha-hou, шо, ta-la, sse-li-fa, thou-tchun-fo и пояснено, что должностные лица образуют всего 28 классов. По «Суй-шу» (id, p.351) «Высшие сановники суть: шеху, потом следуют шедэлэ, далее сылифа, в четвертых т'учжунфа, затем чины меньшего ранга, всего 28 классов» По Visdelou (Bibl.orientale, 1779, t. IV, p. 126): «Они давали титул ше (по-видимому, это Dyi турков) начальствующему над войсками особой орды. Первый класс их вельмож составляли Kiu-lu-tchue, второй оро, третий kie-li-fa-tou-tun, четвертый ki-kin. Они различали десять классов чиновников, титулы которых произошли от телесных особенностей или возраста, или от цвета лица и волос, или от вина и мяса, или от животных. Они называли храбрых che-po-lo или еще ym-lo-fou-fei . Они называют san-ta-lo людей толстых и тяжелых. Ta-lo-pion назывался низкий и широкий сосуд для вина и это же название давали людям низкорослым и толстым. И вместе с тем это был самый почетный титул, который принадлежал только сыновьям и братьям хана. Старик у них kho-li и из этого слова образован был титул должности kho-li-tan. Одна птица называлась ho-lin, отсюда взялся титул ho-lin-sou-ni: это были военные начальники, также как kioue-sou-ni Khe-lo /или ка-ча/ - pien значит черный, отсюда звание ka-ra-tchue, считавшееся очень важным; только почтенные старцы могли его носить. So-kha значило волосы, отсюда su-kha-thou-tun, которые были правителями областей или больших городов, получили свой титул. Вино было у них peu-ni-che-ou, отсюда титул

Буквы письма их походят на буквы народа ху[1]; уравнения (т.е. правильного разделения четырех годовых времен - поясняет о.Иакинф) времен вовсе не знают, а замечают времена только по зелени травы. Мужчины любят играть в хюпу, женщины в волан. Пьют кобылий кумыс и упиваются до пьяна. Поют песни, стоя лицом друг к другу[2]. За славу считают умереть на войне, за стыд - кончить жизнь от болезни[3]. Из оружия имеют: роговые луки с свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотою волчьею головою. Телохранителей называют фули, что на монгольском[4] языке также значит волк, в знак, что они помнят свое происхождение от волка. Искусно стреляют из лука с лошади... Письмен[5] не имеют. Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве. Вместо предписания

---

che-ou (или che-yhou), который носили контролеры. Мясо у них an-tchen или ghan-tchen: отсюда титул управляющих домом (двором) on-tchen-kiu-ni, Lin или fou-lin значило волк: это был титул гвардейцев, а командиры их назывались fou-lin-khan. Они давали иногда имя khan помощникам шеху. Главу большой семьи называли для почета onei-kian, ибо onei или yi на их языке значило дом или семейство. После хана первое место занимали шеху, потом ше-дэлэ, гелифа, тутунь (thou-tun) и т.д., до 28. Все должности были наследственные». Почти все эти названия, приводимые Видлу (а также Дегинем) Histoire generale des Huns, t. I, part II, p. 460), в переведенных о.Иакинфом и Ст.Жюльеном извлечениях из династийных историй отсутствуют, взяты Видлу и Дегинем из Матуаньлиня и принадлежат вероятно каким-нибудь древним писателям или комментаторам. Следуя Клапроту (Memories relutifs de l'Asie, t.II, 1826, pp. 384-387) можно дать следующие близкие к истинным произношения и объяснения некоторых из вышеперечисленных тукиюеских званий и титулов: Куйлючжуе, вероятно, должно произноситься кюлюдж, а это близко к тюркскому кылыч - сабля. Шеполо должно быть шибор, а это есть тюркское название трубы, дающей знак для нападения. Сан-талу — толстый и тяжелый - соответствует якутскому сон - тяжелый - и тюркскому дулу - полный, наполненный. Коли - старик - есть тюркское кари - старый, древний. Коло - черный есть тюркское кара - черный. Колочжуе соответствует тюркскому карачи - это известный титул высших сановников в крымском и других татарских царствах. Сока - волосы - соответствует тюркскому сач - волос (замечу от себя, что по-киргизски волосы - чач). Анынань - мясо, по-тюркски аш - пища, еда. Фули - волк, по-тюркски бури - волк. Уй-хан - хан дома, то же самое по-тюркски. К этим догадкам Клапрота можно прибавить, что к шеполо, кажется, ближе подойдет киргизское чебер - красноречивый, искусный. Кюйлю-чжуе, по аналогии с карачи, быть может, есть кур-чи, где кур есть то же слово, которое входит в состав титула гурхан. Нейман производил тутунь от китайского tutong (Die Volker des sadlichen Russlands, 1847, p. 9), но трудно думать, чтобы китайцы не захотели узнать у тукиюесцев китайского слова, а потому предпочтительнее мнение Вамбери (Der Urpsprung der Moy Yoren N 882, s. 49), который производит это слово от tud, tuj, duj, знать, замечать. Тютюн по-тюркски значит дым, семья, двор.

[1] «Собрание сведений», 1, 271. По словам о. Иакинфа (там же, примеч. 1) «тюрки названы кит. словом ху, которое косвенно относится и к авганистанцам и аравитянам». По истории сев. Вэй (Journal asiatique, 1864, t.III, p. 335) «походят на буквы варваров. Надписи на памятниках тукиюеским Кюе-дэлэ (732 г.) и Бигя-хану (Могиляию, умершему в 734 г., см. «Собрание сведений», 1, стр. 337), на Орхоне близ озера Цайдама сделаны, кроме китайского текста, двумя родами письмен, из которых за одними давно уже утвердилось название уйгурских, другие же, употреблявшиеся в так называемых рунообразных надписях на Енисее и пр., именуются В.В.Радловым тукиюескими и признаны им состоящими из 39 силлабических знаков. Уйгерские письмена считаются заимствованными у сирийцев через посредство несториан или, быть может, манихейцев. Рунообразному же или тукиюескому письму предполагается пока происхождение от греческого (ликийского и карийского) алфавита Малой Азии професс. Гейкеля «Надписи долины Орхона» в «Восточном обозрении» 1891 г. № 14). Орхонские надписи изданы В.В.Радловым в «Атласе древностей Монголии» («Труды орхонской экспедиции», Спб., 1892 г.), а енисейские финским археологическим обществом (Inscriptions de l'Jenissei, Helsingfors, 1889). В любопытной рецензии на последнее издание (в «Известиях восточно-сибирского отдела географического общества», 1890 года, №2) Д. Клеменц обращал внимание на доказательства употребления рунообразного письма еще в IX столетии после Р.Х. Разбор орхонских трехъязычных надписей даст, вероятно, возможность читать и объяснить и енисейские, и вообще обещает многое для выяснения истории южной Сибири и Монголии.

[2] По Видлу (Bibliotheique orientale, t. IV, p. 127), «мужчины любили играть в род триктрака, а женщины a la boule ou au mail. Они опьянялись вином из кобыльего молока, после чего пели и плясали вместе».

[3] «Собрание сведений», 1, стр. 271.

[4] В подлиннике, конечно, не «на монгольском», а «на тукиюеском» или скорее «на варварском».

[5] В подлиннике «вынь-цзы, что собственно означает китайские письмена» — поясняет о.Иакинф (стр. 269).

на бумаге, употребляется стрела с золотым копьецом, с восчаною печатью[1]. Обыкновенно перед полнолунием производят набеги и грабительства[2].

«По их уголовным законам: бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние с женою чьею-либо, похищение спутанной лошади - наказываются смертью. За увечье в драке платят вещами, смотря по увечью. Повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен отдать женино имущество; изувечивший какой-либо член тела платит лошадь; укравший лошадь и другие вещи платит в десять крат против стоимости покражи»[3].

«Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец, и, разложив пред палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом, пред входом в палатку, ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают развертываться. В день похорон, так же, как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезывают лица. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста или даже тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой, вывешивают их головы на вехах. В этот день и мужчины и женщины в нарядных платьях собираются на кладбище: если мужчине понравится девушка, то по возвращении в дом он посылает сватать ее, и родители редко отказывают. По смерти отца, старших братьев и дядей по отцу женятся на мачехах, невестках и тетках»[4].

---

[1] «Собрание сведений», 1, стр. 269. По истории династии сев. Вэй (Journal asiatique, 1864, t.III, p. 333) <...>.

[2] «Собрание сведений», 1, 269.

[3] «Собрание сведений, 1, стр. 269.

[4] «Собрание сведений», 1, стр.269 и 270. В описании погребальных обычаев в истории династии сев. Вэй выпущены слова (сожигают) «вместе с покойником», но эти слова есть в «Суйшу» (Journal asiatique, 1864, t. Ill, pp. 334, 352). По последней (там же) «собрав пепел и похоронив его, ставят высокий шест, чтобы обозначить могилу, и строят над ней дом, внутри которого рисуют портрет умершего и сражения, в которых он участвовал». По истории сев Вэй (там же) «после погребения возле могилы кладут камни и ставят надпись (un writean)», о постройке же здания и рисунках ничего не говорится, из чего, кажется, можно заключить, что постройка здания и рисунки вошли в обычай позднее династии Вэй, т.е. в конце VI века, и, конечно, как замечает о.Иакинф (стр. 270) вообще о всем описании погребения, практиковались такие постройки и рисунки только при похоронах ханов и особенно знатных и богатых людей. По Visdelou (p. 127), lis amassoient des pierres sur le lien de la sepulture et y placoient des morques. On y mottoient outant de pierres que le mort avoita tue d'lommes durant da vie. У Дегиня (Histoire generale des Huns ets., 1756, t. I, partie 2, p. 461) встречаются следующие особенности в сходном вообще с другими описании погребения у тукиюесцев: «При погребениях тело помещалось в палатку, вся семья собиралась и приносила в жертву баранов и лошадей, которых клали перед мертвецом... Резали себе лицо ножами семь раз, чтобы кровь

Турксанф, тюркский князь, правивший крайними на запад тюркскими землями, обратился, между прочим, к посланному в 576 году из Константинополя к Дизабулу византийскому послу, со следующими словами: «Так как вы (римляне), приехав сюда, нашли меня в глубокой скорби, ибо недавно умер отец мой Дилзивул: то должно вам, римлянам, царапать себе лица ножом, следуя существующему у нас по усопшим обычаю». «Валентин и его спутники тотчас же стали царапать себе щеки своими кинжалами. В один из дней сетования Турксанфа четверо скованных военнопленных уннов было приведено к нему, для принесения их в жертву, вместе с конями их, умершему отцу его. Обряды над мертвыми называют турки на своем языке дохия[1]. Турксанф велел несчастным уннам, на варварском языке, перейдя в другой мир, сказать Дилзивулу, отцу его, какую ему...» (окончания фразы в рукописях не сохранилось)[2].

Обычай сжигания трупов умерших начал прекращаться в VII столетии. По крайней мере, по «Тан-шу», под 629 г., император Тай-цзун говорил между прочим: «Прежде было в обычае сожигать умерших; теперь их хоронят и воздвигают гробницы. Этим хан (Хэли) нарушает волю предков и оказывает пренебрежение к демонам и к духам»[3]...Однако труп этого самого Хели-хана, умершего в плену у китайцев в 634 году, был «по кочевому обычаю, сожжен. Могила его насыпана по восточную сторону реки Ба»[4]. Оказывается, между прочим, из этого известия, что существовал обычай, возобновленный древний или новый, насыпать на могилах курганы, о котором в приведенных выше описаниях ничего не говорится.

По смерти тукиюеского полководца Кюе-дэлэ в 731 г., император послал двух сановников «утешить и принести жертву» и «приказал иссечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его; на всех четырех стенах написать виды сражений. Указано отправить шесть превосходных художников расписать все отличною работой, чего в дулгаском государстве еще не бывало». По смерти в 734 году тогдашнего хана Могилиня был послан для утешения и жертвоприношения важный сановник: «по сей причине построили в честь покойного храм. «Указано ученому Ли Жун сочинить надпись на памятник»[5]. Именно эти два памятника частью сохранились до наших дней и их двухъязычные надписи сняты частью в 1889 году г.Ядринцевым, в 1890 году г.Гейкелем и окончательно в 1891 г. В.В.Радловым.

По переведенным Видлу китайским известиям «западные тукиюесцы имели почти те же обычаи, как восточные... У них были шеху, ше, дэлэ, и эти звания давались только сыновьям и братьям хана и членам ханской фамилии. За этими званиями следовали игинь (y-kin) гюйли (kin-li) чжуе-янь (tchue-yen), хуми-та, гелифа, тутунь, кигинь и др. Все

смешивалась со слезами... За похоронами следовали увеселения: надевали лучшие платья и молодой парень легко получал при этих случаях девушку, за которую тогда сватался»...

[1] По мнению Вамбери (Ursprung der Mogiaren, 1882, p. 42) это тюркское toka, tokia - обычай.

[2] «Византийские историки Дексипп и др.», перев. с греч. Спиридона Дестуниса, Спб., 1860 г., стр. 421 и 422.

[3] Journal asiatique, 1864, t. IV, p.225.

[4] «Собрание сведений», 1, стр. 307.

[5] Там же, стр. 337.

эти звания были наследственны. Каждый год в пятое число восьмого месяца они собирались для жертвоприношений и хан посылал одного из своих главных вельмож для жертвоприношений в пещеру предков, которая служила первым убежищем для прародителя этого народа»[1].

Относительно изложенных здесь обычаев тукиюесцев я ограничусь пока тем общим замечанием, что значительная часть их была некогда достоянием всех тюркских племен, а некоторые из этих обычаев сохраняются у тюрков вообще и у каракиргизов в частности и в настоящее время.

[1] Bibliotheque orientale, 1779, t. IV, p. 127. У о.Иакинфа («Собрание сведений», 1, стр. 341) о том же предмете есть следующее: «Из чиновников сыфаян и хунда управляют государственными делами; прочие те же, что и в восточных владениях. В каждую пятую и в каждую восьмую луну собирались для жертвоприношения духам. Ежегодно посылал важного сановника приносить жертву предкам в той пещере, где они из рода в род обитали». Тукиюесцы считали себя, по одному преданию, происходящими от уцелевшего при истреблении хуннов мальчика, от которого забеременела питавшая его волчица. Эта волчица скрылась в пещере и в окруженной отовсюду непроходимыми горами долине и родила десять мальчиков, от которых и пошли тукиюесцы или, по крайней мере, их ханская фамилия (там же, 257).

Глава седьмая

ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА КАРЛЫКОВ (766-1125 гг.)

1. Краткие исторические сведения о карлыках

Происхождение и первоначальное местопребывание карлыков. Карлыки во время Чеби-хана. Карлыки под покровительством Китая. Усиление карлыков и участие их в действиях уйгуров против тукиюесцев. Передвижение главной части карлыков на Чу и Талас. Падение перед тем китайского влияния в этой местности. Арабские известия о соседних с Ферганою и Шашем тюрках. Столкновения арабов и саманидов с этими тюрками, в которых следует видеть карлыков. Покорение карлыкскими ханами Кашгара и Хотана. Сведения о карлыкских ханах, владевших Мавераннагром. Отсутствие у арабских историков известий о западно-тяньшанских владениях сатукидов.

По «Тан-шу», поколение «гэлолу произошло из дулгасского Дома, кочевало от Бэйтьхин на северо-запад, от Алтайских гор на запад, по обеим сторонам реки Пугу-чжень, (где) много поперечных хребтов, в смежности с поколением Чеби»[1]. Другими словами, гэлолу были одним из родов или ветвью тукиюесцев или коренных алтайских тюрков. В VII веке, к которому относятся известия династии Тан, гэлолу обитали в северо-западном от той части Тяньшаня, где ныне находится Урумчи, направлении, т.е. занимали западную часть Алтая. Ввиду вероятности первоначального пребывания керлыков в долине реки Керлыка, которая приобрела свое имя, вероятно, от керлыка, дикорастущего сибирского проса, под Пугу-чженем Танской истории можно разуметь Чарыш или Бухтарму, куда должны были с Чарыша распространиться кочевки керлыков, но, вероятно, что под именем Пугу-чженя китайцы знали в то время Иртыш. О.Иакинф полагал, что «гэлолу кочевало в Тарбагатай и по берегам Иртыша, где горные хребты между протоками (должно быть опечатка вместо «притоками») верхнего Иртыша вообще простираются от юга к северу»[2]. Такое определение земель карлыков подтверждается смежностью их с кагаскими (см. выше) и предшествовавшим соседством карлыков с Чеби-ханом.

Когда, во второй четверти VII столетия, государство восточных тукиюесцев временно распалось вследствие внутренних междоусобий и возмущения гаогюйских поколений, добивавшихся независимости, и тогдашний хан Хели был, в 630 г., взят в плен китайцами, то наследственный «малый хан» Хубо с значительною частью народа бежал «на северную сторону Золотых гор. Золотые горы с трех сторон состоят из отвесных утесов; только с четвертой есть проход, по которому можно проехать конному и на телеге. Земли ровные и Чеби (Хубо) занял их. Он, имея 30000 строевого войска, объявил себя Ичжу Чеби ханом... Он покорил на западе гэлолу, на севере ге-гу», т.е.

[1] «Собрание сведений», 1, 437.
[2] «Собрание сведений», 1, 437.

кагасов или енисейских кыргызов. Он «часто выезжал для похищения людей и скота у яньто»[1], т.е. барантовал сеяньтосцев, стоявших в то время во главе враждебных гаогюйцев и занимавших Селенгу и Орхон. Из всего этого ясно, что Чеби-хан занял земли бассейнов Кыргыз-нора и Убса-нора; что под именем Золотых гор или Алтая китайцы разумели главным образом монгольский или юго-восточный хребет Алтая, средняя часть которого и ныне у монголов именуется у истоков р. Урунгу Алтаин-нуру, и что гэлолу «на западе» должны были занимать Черный Иртыш, Бухтарму и Чарыш. После падения сеяньтосцев, в 642 г.[2], «Чебиево положение еще лучше сделалось». Вероятно, в это время он подчинил себе тюркские роды, кочевавшие между Алтаем и Тяньшанем, между прочим, чумугуней. Счастливо пользуясь враждою между занимавшими Монголию тюркскими родами, китайцы успели в это время склонить себе в подданство почти всех гаогюйцев и тукиюесцев. В 647 году отправил в Китай и Чеби-хан своего сына «для представления местных произведений, причем просил дозволения лично явиться к Двору». Когда прибывшие, в ответное посольство, два китайских генерала увидели, что на самом деле Чеби-хан и не думает ехать в Китай, то они задумали, при помощи карлыков и, вероятно, других подчиненных Чеби-ханом местных племен, схватить его. Предприятие это не удалось, и оба посла были убиты. Для отмщения китайцы снарядили против Чеби-хана войско из ойхоров и пугу (тоже гаогюйский род) под начальством китайского генерала. Подвластные Чеби-хану местные племена, между прочим, карлыки и чумугуни, при появлении этого войска подчинились китайцам. Оставили Чеби-хана и сами тукиюесцы. Он бежал в Алтай, но был пленен там и умер в Китае»[3].

В 650 году, во время подчинения китайской власти, карлыки делились на три рода: «мэуло (по Видлу Moulo), иначе мэули (mou-la), чжисы (tche-Khi), иначе пофу (popou) и ташили (ta-che-li)». В 657 году эти аймаки названы: «мэуло - областью Иньшань, чжисы - областью Дами, ташили - областью Сюаньчи (Hiuen-tche), и начальники аймаков поставлены правителями областей». Это, в сущности, значит, что карлыкские роды получили, на бумаге, китайские названия в качестве китайских областей, а родоначальники их приобрели китайские должностные титулы. «Впоследствии отделена часть от аймака чжисы и названа округом Гиньфу». Из этого не следует, чтобы китайцы, в самом деле, управляли карлыками и делили их роды на административные части. По всей вероятности, это только формальное утверждение совершившегося по внутренним причинам факта.

«Впоследствии - продолжает «Тан-шу» - (карлыки) подались несколько на юг (значит за Черный Иртыш, в Тарбагатай и к Тяньшаню?) и сами приняли названия шеху трех родов. Войска их были сильны и склонны к войне. Дулгасцы (тукиюесцы), кочевавшие от Тьхин-чжеу (Урумчи и Турфан) на запад, боялись их. В начале правления

[1] «Собрание сведений», 1, 304-307, 317-318.
[2] Там же, 432.
[3] «Собрание сведений», 1, стр. 318 и 319.

Кхай-юань дважды приезжали ко двору»[1]. Между тем восточные тукиюесцы, которые с 682 года снова усилились и подчинили себе всю восточную и среднюю Монголию, в 742 году, вследствие новых внутренних раздоров, вновь и уже окончательно потеряли господство свое в Монголии[2]. Карлыки помогали гаогюйцам и ставшим во главе последних ойхорам или уйгурам сокрушить силы тукиюесцев и участвовали в возведении главы тогуз-уйгуров (ойхоров девяти родов) в ханы. «После сего гэлолу (карлыки), обитавшие у гор Удэгянь (ныне Богдо-ола на востоке от Улясутая), поддались ойхорам, (а) обитавшие у Алтайских гор и Бэй-тьхин (Урумчи) поставили себе шеху...»[3].

Таким образом карлыки разделились в конце первой половины VIII века на две части. Дальнейшие известия будут относиться к главному, по-видимому, отделу карлыков, который занимал в то время земли между Алтаем и восточным Тяньшанем;

---

[1] «Собрание сведений», 1, стр. 437 и 438. В извлечениях из «Тан-шу» в «Бянь-и-дянь» значится (Journal asiatique, 1864, t.IV, pp. 454, 455), «В четвертом месяце третьего года правления Гай- юань (715 г.) прибыли для принятия подданства три тюркские рода гэлолу». Подробности этого события следующие: «Было десять родов: налево (на восток) пять родов дулу, направо (на запад) пять родов нушиби-сыгинь, которые просили разрешения подчинить императору три рода гэлолу, хуво (Lou-wo) и шуниши (chou-ni-chi). Чжусы (Tchou-sse), возведенный особым указом в звание главнокомандующего великой пустыни, Меуло-фуки (Meou-lo-fou-khi), главнокомандующий в Шань-ине (Chan-in), и Ташили-куби (Tha-chi-li-pi), главнокомандующий в Юань-чжи (Youen-tchi), стали во главе своих подчиненных и просили разрешения принять китайское подданство» (это все родоначальники гэлолуских аймаков; значит, они выходили из китайского подданства и ввиду заявления десяти родов, вновь просили о принятии в подданство?). Императорским указом им повелено водворить своих подчиненных в Гинь-шань» (т.е. в Алтае).
Упоминаются гэлолу и ранее 715 г. в следующих известиях: В 704 году китайский двор назначил Ашина-хуай-дао, потомка Бучженя, главою десяти родов; роды эти однако против него возмутились под предводительством Дуданя (Tou-tan), но Ашина-Сянь (должно быть одно лицо с Ашина-Хуай-дао), победил его, пленил, отрубил голову и отослал ее ко двору. Этой победой он увеличил число своих подданных на 30 т. кибиток, обитавших на западе от Суй-е (Tcoui-che). «Три орды, т.е. гэлолу, хуо и шуниши, сделались через это областями Китая», так как Ашина-Сянь был ему подвластен. Восточно-тукиюеский Мочжо объявил им (т.е. Ашине-Сяню с 10 родами и трем ордам) войну. Император назначил Ашину-Сяня главнокомандующим и приказал ему, соединясь с Тан-Гя-хойем, генерал-губернатором Бэй-тина (Урумчи) и с другими кит. военачальниками, отражать Мочжо. Но в это время тукишисцы нашли давно поджидавшийся ими случай напасть на Ашину-Сяня. Последний вынужден был лично прибыть в Китай и просить помощи, но император Юань-цзун отказал. Он командировал Ван-хойя, начальника гвардии, умиротворить (раздоры на западе) и возвести главу тукишисцев Ше-би-ше-чжуе-суй-ло в княжеское достоинство. Но когда Ван-хой прибыл, то тукишисцы уже осаждали Pou-houan, город во владении Большого Ши (Che), и готовились овладеть четырьмя крепостями», т.е. китайским Туркестаном. Управлявший западным краем Тан-Гя-хой «приказал трем родам гэлолу вооружаться, соединил их силы с войском Ашина-Сяня и напал на Тукиши. Император хотел было послать к нему для помощи советами Вань-хойя, но два старших министра представили, что Китаю нет нужды вмешиваться в ссору между двумя варварскими племенами: тукишисцами и гэлолу. В конце концов Ашина-Сянь, не будучи в состоянии совладать с силами Сого, сына Учжилэ, государя тукиши, удалился в Китай и там умер (Visdelou, p. 120); у о.Иакинфа почти то же самое в «Собрании сведений». 1, стр. 364 и 365, только вместо Pou-houon и пр. «Бохуаньский город Даши. Эта путаница может быть разъяснена при помощи приведенных по Дегиню в главе второй настоящего труда, на стр. 3, маршрутов танских времен, по которым между городом Гумо, который иначе назывался Бохуань-ченом, и городом Вынь-су, который именовался иначе Даши-ченом, находился городок Сяоши-чен. Отсюда ясно, что тукишсцы осаждали город Даши (или Вынь-су, около нынешнего Уч-Турфана), находившийся во владении Гумо или бохуаньском, по другому имени его столицы). Все это, конечно, темно, но дает однако возможность заключить, что уже в начале VIII века гэлолу, в союзе с хуво и шуниши, т.е. частью аймаков дулу, соперничали с тукишисцами, но успеха в то время не имели и достигли владычества над землями западных тукиюесцев лишь полвека спустя.

[2] «Собрание сведений» и пр., 1, стр. 332-340.

[3] Там же, стр. 438. По Видлу (p. 169), глава гэлолу, по имени A-fou-sse, был возведен императором в достоинство царя Золотых гор второго разряда. По о.Иакинфу, шеху гэлолу «связал дулгаского отложившегося старейшину Абусы и представил Двору, за что получил высшее княжеское достоинство - Алтай-гюнь Ван («Собр. сведений», 1, 438).

что же касается до восточного отделения карлыков, жившего у гор Удэгянь в Хангае, то надо полагать, что оно слилось со временем с другими племенами Монголии[1].

В 742-755 гг. было в Китае от карлыков всего пять посольств. «Посла правления Чжи-дэ, 756, гэлолу нечувствительно усилился и вступил в состязание с ойхором. Он овладел бывшими землями хана десяти родов и взял города Хынлос и Суйе-чен, но, быв отделен ойхорами (от границ Китая), не мог приезжать к Двору»[2]. По истории западных тукиюесцев «в првление Да-ли, 766, усилился гэлолу и перенес местопребывание к реке Суйе»[3]. Не лишне иметь в виду, что пред появлением карлыков на Чу и Таласе китайское оружие подверглось здесь неудачам и китайское влияние в этом крае окончательно пало. Китайский главнокомандующий западным краем Гао Сяньчжи схватил владетеля Ши (Ташкента), обвинив его в нарушении долга вассала, и отправил его в китайскую столицу, где он предан казни. «Это произвело всеобщий ропот в западном крае. Владетелев сын ушел в Даши просить вспомогательного войска. Он осадил город Хынлос и разбил Сянь-чжи, а после сего поддался Даши»[4]. У Гобиля есть некоторые подробности по этому поводу: Гао-Сянь-чжи прибыл к Ши в 750 году, под предлогом заключения договора и неожиданно схватил и обратил в пленника тамошнего владетеля. Он ограбил дворец и самый город. Захвачено было много превосходных музыкальных инструментов и много золота, так что драгоценными предметами нагрузилось пять или шесть верблюдов. Взято было много рабов и большое количество лошадей. В начале 751 года Гао Сяньчжи доставил своих пленников (был еще пленен вождь тюркской орды тукиши) в столицу Китая и сам возвратился в Аньси (Куча). Между тем сын владетеля Ши, получив помощь от соседних государей и от арабов, выступил против китайцев. Гао Сяньчжи пошел навстречу с 60 т.ч., почти все из местного населения; у него были, однако, китайские офицеры и немного китайских солдат. Он прошел более 700 ли и армия его сильно пострадала в походе. В седьмой луне в сражении близ Тараса он был совершенно разбит и ночью бежал. Помощник его спас часть армии и прибыл с нею в Аньси[5]. Наконец, мы узнаем из «Тан-шу», что владение Синьчен, находившееся в ста с небольшим ли от Ши на северо-восток, город Нушиге и другие владения с неизвестными, т.е. неприуроченными, именами «были завоеваны гэлолуским владетелем»[6]. Этим исчерпываются китайские известия о карлыках.

Выходит по приведенным китайским сведениям, что около 766 года карлыки, передвинувшиеся сюда постепенно от Алтая, овладели частью земель, ранее

---

[1] Однако, по китайскому сокращению «Юань-чао-ми-ши» («Труды членов российской духовной миссии в Пекине», том 1, 1866 года, стр. 196), в числе одиннадцати родов, провозгласивших гурханом Джамуху в год курицы, в 1201 году, значится род холола, т.е. хорла или карлык, так что карлыки в Хангае еще существовали в XIII веке.

[2] «Собрание сведений», 1, 438.

[3] «Собрание сведений», I, стр. 372.

[4] «Собрание сведений», III, 244.

[5] Memories concernant les Chinois, tome XVI, Paris, 1814, Abrege de l'histoire chinoise de la grande dynastia Tang, pp. 46-51.

[6] «Собрание сведений»,III, 267. По Абелю Ремюза было покорено карлуками одно только владение Нушехе, т.е. Новый город (Memoire sur plusienes questions etc., Paris, 1825, p. 104).

принадлежавших западным тукиюесцам, именно по р. Чу и по р.Таласу до Сыр-Дарьи и Ташкента. Карлыки, как наследники тукиюесцев, могли бы претендовать затем на овладение Мавераннагром, но тут они встретили уже арабов и исламизм.

Арабские историки и географы свидетельствуют о постоянной войне мусульман с соседившими с Ферганою и Шашем тюрками. Старейший из арабских географов Ибн Хордадбег, писавший около половины IX века, исчисляя тюркские племена, после кыргызов, которых страна производит мускус, называет карлыков и каладжей, которые живут на той стороне реки, т.е. Сыр-дарьи[1]. По Якуби (писал в 891 г.) тюркские земли находились со стороны Ферганы за городом Касаном, а на северо-востоке от Самарканда - за Аспиджабом, который называет пограничным с турками пунктом, через который они вторгаются в мусульманские земли[2]. Истахри (915 - 921 гг.) признает северной границей Мавераннагра прямую черту от самых дальних городов Ферганы до Тараза; по его словам от Харезма до Аспиджаба облегают Мавераннагр турки гузы, от Фараба же и Аспиджаба до отдаленнейших городов Ферганы (Узкенд) - турки карлуки (казлуджи, козлоджи и пр. по другим чтениям)[3]. По Ибн Хаукалю от Окса до границы мусульманских владений в Фергане 20 дней пути, а «отсюда, чтобы прибыть в страну тагазгаров (тогуз-уйгуров, Урумчи - Турфан), пересекая страну карлоков (kharloks), нужно немного более 30 дней ходу[4]. По арабскому путешественнику Масуди (943 г.) козлоджи (карлыки - по правильному чтению, напр. у Reinaud), отличающиеся красотой и высоким ростом, распространены на территории Ферганы и Шаша с их окрестностями; они господствовали прежде над всеми другими тюркскими родами; из их племени происходил хакан над хаканами, под властью которого соединились все тюркские государства[5]. Ввиду всех этих известий, конечно, именно карлыками следует почитать тех врагов, которые нападали на мусульманские земли со стороны Ферганы и Аспиджаба в IX и X веках, но народность которых в относящихся сюда известиях не означена. Так, по «Истории Саманидов» Мирхонда какие-то неприятели отняли у Ахмеда, сына Асада, данную ему в управление Фергану, но визирь калифа Мамуна Ахмед, «приведя в эту местность армию, прогнал из Ферганы врагов религии и сделал Ахмеда валием этой провинции по-прежнему». Относится это к половине IX века. Брат Ахмеда Яхъя правил в это же время Шашем и Осрушной. Знаменитый Саманид Измаил, сын вышеупомянутого Ахмеда, родившийся в 848 году в Фергане, предпринимал в 280 г. гиджры (893-894 по Р.Х.) поход «в Туркестан», взял в плен отца и жену монарха этой страны с 10 т. человек и увел их в Самарканд; воинам его досталась такая большая добыча, что при разделе пришлось на каждого всадника по 1 т. диргемов, количество же захваченных лошадей, баранов и верблюдов было бесчисленно»...[6]. Наршахи

[1] Kitab al-Masalik etc., ed de Gocje, Lugduni, 1889, pp. 22 et 23 перевода.
[2] В.В.Григорьева «Восточный Туркестан», вып.2, стр. 195.
[3] Там же, стр. 196 и 197, 201.
[4] Geographie d'Aboulfeda, traduite par Reinaud, Paris, 1848, tome 1, Introduction generale, p. CCCLIII.
[5] Les prairies d'or, traduction par Barbier de Meynard et Pavet de Courtenille, Paris, 1861, tome 1, p. 288.
[6] Histoire des Samanides par Mirklond, trad, par Defrimery, Paris, 1845, pp. 14, 117. Диргенем (по Barbier de Meynord в Journal asiatique, 1865, t. V, p. 249) <...>.

относит к этому походу завоевание Тараза[1]. В 291 (903 г.) году турки намеревались отплатить и собрались за Сыр-дарьей в огромном числе, но были разбиты Измаилом и обращены в бегство. В 906 году Измаил снова ходил на турок и покорил многие местности в Туркестане[2].

Следует полагать, что турки, с которыми воевал Измаил, были карлыки, так как между прочим именно им принадлежал Талас, завоеванный Измаилом, и они же, по вышеприведенным китайским известиям, во второй половине VIII века сделались обладателями земель между Таласом и Сыр-дарьею. Встретив на Сыр-дарье отпор со стороны арабов, а потом от Саманидов (874-1004 гг.), карлыкские ханы обратились на юг и подчинили своей власти Кашгар и Хотан. Что владевшие Кашгарией в X веке тюркские ханы было карлыки, это видно из вышеприведенных известий арабских географов и путешественников, а также и из свидетельства мусульманских историков о том, что коренным владением этих ханов был Баласагун, находившийся, как увидим ниже, на р. Чу, и что эти же ханы обладали Кашгаром, Хотаном, Таразом и Фарабом[3]. Из них Шегаб-эддаулэ Гарун бен Сулейман, у тюрков Богра-хан, владевший, по Ибн-Хальдуну, «странами кашгарскими и баласагунскими до самых пределов Китая, отнял было у саманидов в 993 году Самарканд и Бухару, но заболел и на обратном пути умер. Преемник его, однако, с 1004 года окончательно овладел Трансоксанией[4], и потомки его властвовали в ней почти до времен монгольских. По мусульманским историкам и монетам известно 20 потомков Богра-хана, царивших в Мавераннагре (первая монета 389 и последняя 605 гг. гиджры), но из предшественников его в Кашгаре и Баласагуне сохранились сведения, и то смутные, только о двух, именно о Мусе, сыне Сатука, и о самом Сатуке, иначе Сабак-карахане, который обратился в мусульманство под именем Абдул-Керима; его гробница в Кашгаре пользуется большим почитанием и сохранилась до настоящего времени[5]. У Ибн-Хальдуна, в царствование саманида Насра, сына Ахмедова (914-943 гг.), упоминается Тоган-тигин, властвовавший в Кашгаре и давший убежище Эльясу, двоюродному брату Насра, враждовавшему с последним, и потом государь тюркский по имени Богра-хан, который помогал Насру в войне с Лэйлэ, сыном Ноамановым, которого он настиг в Амоле и там захватил. По Ибн-Хальдуну же, правление Нуха, сына Насрова, (943-954 гг.) какой-то тюркский государь, сын которого находился в Бухаре в заточении, задержал бежавшего к нему возмутившегося против Нуха правителя Харезма Абдуллаха, так как Нух обещался за это освободить его сына[6]. Из этих упоминаемых Ибн-Хальдуном тюркских государей Тоган-тигин был, очевидно, одним из карлыкских ханов, господствовавших в Кашгаре, другие же два (а быть

[1] В.В.Григорьева «Караханиды» в «Трудах восточного отделения И.р.археологического общества», часть 17, 1874 г., стр. 211. Вамбери («История Бохары, 1873 года, том. 1, стр. 67) прочел у Наршахи вместо Тараза «Таваз», но такого имени не существует.
[2] В.В.Григорьева «Восточный Туркестан», вып. 2, 1873, стр. 278-279.
[3] «История династий» Мунеджим-баши, основывавшегося главным образом на известиях Ибн-эль-Эсира и Ибн-Хальдуна, в переводе В.В.Григорьева («Труды вост. отделения общества», ч. 17, стр. 195.
[4] «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 280 и 281. 17* 249
[5] Dorn-Nachtruge zu der Ablondlungen über der Münzen der Jlene etc., в Melonges asiatiques, Dires du Bulletin de l'Academie des sciences, 1888, t. IX, ss. 56, 65-70.
[6] «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 279 и 280.

может, это одно и то же лицо) должны были быть владельцами Фараба, Тараза и Баласагуна, вообще земель близ Сыр-дарьи, так как войска первого доходили до Амола, а у другого искал убежища правитель Хивы. Вероятно, они были сыновьями или внуками Сатыка. Надо полагать, что Сатук (или правильнее Садык)[1], жил и обратился в мусульманство в начале X столетия, вскоре после походов Измаила, так как арабские историки не называли бы обратившихся уже в ислам тюрков неверными. Овладение Кашгаром, конечно, могло предшествовать принятию карлыкскими ханами магометанства, но утверждению их там это обращение, вероятно, содействовало, так как ислам, конечно, имел уже там последователей вследствие торговых связей Восточного Туркестана с Мавераннагром.

Владения свои в западном Тяньшане сатукиды (по Дорну), или Караханиды (по Григорьеву), или ильханиды (у мусульманских историков), или илеки (по монетам[2]), на которых этот титул держался по 433 г. гиджры, сохранили до нашествия кара-киданей (1128 г.), в Мавераннагре же должны были уже в половине XI века признать верховенство сельджукидов, а во второй четверти XII столетия подчиниться тем же киданям.

Сохранив имена сатукидов, владевших в Мавераннагре, и известия о действиях их по отношению к той же стране, мусульманские историки почти ничего не сообщают о владениях той же династии в западном Тяньшане и на его северных склонах. Гораздо более сведений о западном Тяньшане найдем мы у арабских географов, притом у древнейших, пользовавшихся известиями, собранными частью еще во время непосредственного владычества калифов в Мавераннагре, именно у Ибн-Хордадбега и у Кодамы.

Но прежде чем обратиться к изложению известий арабских географов, не лишне коснуться мнений, признающих илеков уйгурами. Следуя предположению Дегиня (фактическим основанием он выставлял указания мусульманских писателей на принадлежность Богра-хану Кашгара, Баласагуна, Хотана, Тараза и пр., до границ Китая, что приличествовало только хану Huci-ke)[3], обыкновенно принимали, что овладевшие

Кашгарией тюркские ханы были уйгуры, пока В.В.Григорьев не обратил внимания на известия арабских писателей о том, что северо-восточными соседями Мавераннагра были харлуки или карлыки, и на то, что нет никаких действительных оснований считать этих соседних с мусульманскими владениями тюрков уйгурами[4]. Однако по какой-то

[1] Как заметил Вамбери. Действительно таково и местное произношение.
[2] По описанию одной серебряной илекской монеты, принадлежавшей казанскому университету («Ученые записки казанского университета» 1890 года, книга 3, университет. Летопись, стр. 3, статья «Самаркандская коллекция монет»), на монете этой изображено лицо хана с надписью кругом «Богу. Во имя Бога. Мохаммед — посланный Бога. Из того, что велел (чеканить) Али Сулейман»; на обороте этой монеты изображен алтарь огнепоклонников. Отсюда можно заключить, что в числе подданных сатукидов было немало огнепоклонников. Были, конечно, и буддисты.
[3] Histoire generale des Huns etc., t. II, p.29.
[4] «Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 года, стр. 283 - 285 и «Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.Петербурге 1876 года», т. 1, 1881 года, стр. XXXIII.

странной случайности покойный наш ориенталист упустил из вида китайские известия о гэлолу и указания разных писателей о тождестве этих гэлолу с карлыками[1], от этого он не мог ничего сказать о предшествующей истории карлыков и у него вышло, «что Мавераннагром завладели харлухские ханы, потомки тех, которые властвовали уже над этой страной до покорения ее арабами»[2]. Между тем Мавераннагр покорен арабами во второй половине седьмого и в первой половине восьмого века, гэлолу же или карлыки достигли берегов р. Чу и Сыр-дарьи лишь около 766 года, ранее же пребывали в Алтае и западной Монголии.

По мнению В.В.Радлова, «илеков надобно безусловно считать уйгурскими царями», на основании «главным образом» сказания Джувейни, заимствованного из уйгурских источников, по которым первым уйгурским ханом был Буку-хан, основавший город Баласагун; правильнее, - думает г.Радлов, - было бы не Буку-хан, а Букра-хан, так как столицей илекских Букра-ханов был действительно Баласагун, то илеки были уйгуры[3]. Однако обращение Буку-хана в Букра-хана допустить затруднительно, потому что и у китайцев, в X веке (в «Ляо-ши», по переводу Видлу) государь этот именовался Бугу-хан (Pou-lou-han)[4] и всего вероятнее может быть отождествлен с основателем уйгурского ханства Пэйло, объявившим себя в 744 году Гудулу-бигягюе-ханом[5], откуда могло быть сокращение Бигя-хан. Это последнее употребляется в «Ляо-ши» («древний памятник Pi-gho-klan'a, императора хой-ху») и должно быть является лишь другой китайской транскрипцией имени Пугу-хана («до древнего города Бугу-хана»). Относительно основания Баласагуна будто бы Буку-ханом[6], надо полагать, что уйгурские сказания приписывали это Буку-хану Пэйло столь же неосновательно, как и многие другие деяния мифического Огуз-хана или исторического Модэ иначе Маотунь-шаньюя. Что касается до отождествления тем же Джувейни, на основании «молвы», Буку-хана с Аффросиабом, и именования Ахмедом-эффенди илеков «туркестанскими князьями из рода Аффросиаба», в чем В.В.Радлов видит подтверждение уйгурства илеков, то со стороны Джувейни, а тем более со стороны новейшего турецкого компилятора, естественно относить, по обыкновению восточных писателей, персидские народные легенды о Туране и о царе туранцев Аффросиабе к тюркам и их знаменитейшим и древнейшим государям, подобно, напр., Масуди, который между прочим говорит, что карлыки, распространенные в его время (943 г.) на территориях Ферганы, Шаша и окрестностях их, «господствовали прежде над всеми другими (тюркскими) родами; из их племени происходил хакан над хаканами, который соединял под своей властью все тюркские государства и повелевал всем их царям. В числе этих хаканов

[1] Еще Видлу читал - khorlo, Катрмер - в Notices et extracts etc., t. XIII, 1838, p. 224 - karlouqs, и пр.
[2] «Восточный Туркестан», вып.2, стр. 283.
[3] «Записки и. Академии наук», том 72, 1893 года, приложение №2, «К вопросу об уйгурах», стр. 120 и 121.
[4] См. том 1, настоящего исследования
[5] «Собрание сведений» и пр., 1, стр. 381.
[6] Буку-хан, после построения города Урду-Балык на Орхоне и после покорения всего востока, «направился в западные климаты (поясы). Дойдя до пределов Туркестана, он увидел обширное поле и много травы и воды. Сам он здесь остановился и построил город Биласагун, который теперь называется Гыр-балык, а войска послал в разные стороны, и в течении двенадцати лет они покорили все климаты». («К вопросу об уйгурах», стр. 59).

находился Аффросиаб, тюркский завоеватель Персии[1]. Г.Радлов полагает, что к карлыкам все это отнесено ошибочно («слово харлыки попало сюда должно быть по ошибке») и утверждает, что «карлыки никогда не жили в Фергане, из их рода не происходит никакой хакан хаканов», и что «весь последний отрывок относится гуззам или узам», в которых предполагает тукиюесцев[2]. Так как мусульманские писатели и монеты удостоверяют существование у карлыков, властовавших в Туркестане, удельных ханов и верховных, то едва ли основательно отвергать у них верховных ханов или хаканов над хаканами, хотя, конечно, карлыкские хаканы не властвовали над всеми тюркскими племенами и их ханами, подобно хуннуским и тукиюеским государям. Далее, вышеприведенные китайские известия показывают, что гэлолу или карлыки около 766 года овладели бывшими тукиюескими землями от р. Или до Сыр-дарьи и Ташкента. Вследствие этого владения гузов, вопреки мнению г.Радлова (стр.119), не могли простираться до Ферганы и отделялись от нее землями карлыков. Поэтому и так как во все времена незанятые в Фергане земледельцами земли служили пастбищами для кочевников, принадлежащих тем же родам, которые обитали на севере, юге и западе от долины Ферганы, то, конечно, и во время карлыков в Фергане имелись кочевники - тюрки или из карлыков, или из родов, главные массы которых были подвластны карлыкам. Подтверждается это между прочим известием Ибн-эль-Асира о том, что по поведению кара-киданьского государя правитель Чегрэ-хан, потомок илеков в 559 году гиджры прогнал в Кашгар с подведомственных ему земель тюрков-карлугов[3]: Чегрэ-хану, вероятно, была подведомственна и Фергана, в которой должно быть и кочевали карлыки, до которых относилось повеление гурхана.

В доказательство уйгурства илеков может быть делаема ссылка на уйгурский язык Кудатку Билика: в этой книге, оконченной в Кашгаре в 1069 г., говорится, что Бокра-хан велел ее написать на «своем языке»[4]. Но действительно ли это сочинение написано на уйгурском и не на каком-либо другом тюркском языке - «в этом еще весьма можно сомневаться»[5]. В самом Кудатка Билике не упоминается даже имени уйгур; автор его называет страну свою Туркестаном, а язык тюркским (тюрк тили). Вамбери пытается объяснить это обстоятельство таким предположением, что в то время, когда восточные уйгуры, продолжая исповедывать буддизм, сохранили старое имя уйгуров, западные их соплеменники, принявшие мусульманство, стали употреблять имя тюрков для отличия от уйгуров - язычников[6]. Однако никаких исторических свидетельств в подтверждение этой гипотезы не имеется, как признает это и сам Вамбери[7], а потому она не имеет достаточных оснований. Если бы недавно открытая на Орхоне надпись на уйгурском памятнике VIII века дала, наконец, несомненные доказательства уйгурского языка Кудатку-Билика, то и в этом случае уйгурская народность властителей Кашгарии в

[1] Les prairies d'or etc., Paris, 1861,1.1, pp. 288, 289.
[2] «К вопросу об уйгурах», стр. 117.
[3] В.В.Григорьев «Караханиды», стр. 244.
[4] Vambery - Das Turkenvolk, etc., 1885, s. 331.
[5] В.В.Григорьев «Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 г., стр. 348 и 349.
[6] Das Turkenvolk etc., s. 322.
[7] Idem, s. 323.

X и XI веках все-таки не может быть признана доказанной, потому что в то время не только уйгурские письмена, но и уйгурский язык могли быть общепринятыми у всех тюрков, между прочим у кыргызов, карлыков и гузов.

2. Западный Тяньшань в эпоху карлыков по известиям арабских географов

Страна Нушаджан. Приурочение маршрутов в Верхний Нушаджан, имена и положение последнего. Маршрут из Шаша к столице хакана карлыков. Первая его часть до Исбиджаба. Сопоставление арабского маршрута с «Почтовым дорожником» от Чемкента до Токмака. Путь от Исбиджаба до Тараза и приурочение станций. То же от Тараза до Мерке. От Аспары до Джуля. От Джуля до Кобача. Путь от Чу до Верхнего Нушаджана. Ошибочность приурочения рассмотренного маршрута у В.В.Григорьева. Маршрут от Аксикета до Атраканы и Кимакии. Первый маршрут Едриси от Демиртага до Лолана. Приурочение этого маршрута. Второй и третий маршруты Едриси от Демиртага. Население западного Тяньшаня по арабским географам в их маршрутах. Килки, т.е. кыргызы. Отношения их к карлыками. Кимакия и маршруты Едриси. Что за народ кимаки. Китайские сведения о низовьях р. Чу. Сведения Абу-Долефа о хирхизах. Едриси о киркирах.

Географические сведения арабских географов о западном Тяньшане и прилегающих к нему с севера странах изложены главным образом в маршрутах из мусульманских владений в страны карлыков и тогуз-уйгуров.

По словам Кодамы[1], сведения которого относятся к концу IX и началу X веков, теперь самые могущественные тюрки находятся за границами Хорасана, именуемыми Нушаджан. Это место расположено в расстоянии около 60 фарсахов от Самарканда, в направлении Шаша и Ферганы. Это первый передовой пункт пост мусульман против карлоков со стороны каймаков. От этой границы до столицы тагазгаров считают 45 дней ходу... Расстояние, отделяющее Мушаджан от Шаша, караваны проходят в 40 дней, но, идя скоро, можно путь сделать в 30 дней. В Верхнем Нушаджане четыре больших города и пять малых. Гарнизон находится в одном из этих городов, расположенном на берегу озера. Солдат 20 тысяч человек, которые считаются лучшими из всех тюрков, так что десяток может противостоять сотне карлоков... Главный город Нижнего Нушаджана, который находится, как сказали мы, в 65 ф. от Самарканда, называется Тараз. Налево от этого города к северу находится страна каймаков[2]. Географические известия «Книги о поземельном налоге» вообще составляют повторение сведений Хордадбега, но приведенного места у Ибн-Хордадбега нет, так что добавка эта принадлежит самому Кодаме. Для определения местонахождения Верхнего Нушаджана может служить маршрут из Ферганы в Верхний Нушаджан, который интересен и потому, что пересекает территорию кыргызов. По Ибн-Хордадбегу от Ферганы, по Кодаме от Аксикета, столицы Ферганы до города Коба 10 фарсахов, отсюда до г. Уша 10 ф. (по Кодаме 7 ф.) и оттуда до Узкенда, города гур-

[1] Кодама умер в 337 (948-949) году гиджры /Notice sur Codama et ses ecrits, par de Slone, a Journal asiatique, 1862, t. XIX, 5 serie.

[2] Bibliotheka geographorum arobicorum, edidit M.J. de Goeje. Pars sexta. Kitab al-Mosulik wa'l Mamulik auctore <...> pp. 202, 203. Если сложить расстояния, показанные у того же Кодамы (там же, pp. 156, 157, 159), выходит от Самарканда через Замин, Шаша и Тараз до Нижнего Нушаджана 74 ф, а через Замин до Аксикета 51 ф.

тагина (по Кодаме это титул тюркского владельца), 7 ф.[1] Далее от Узкенда до акаба, т.е. до перевала через горный хребет, один день (у Кодамы пояснено, что дорога идет сплошными деревнями до акаба и что акаба есть склон, очень трудный для подъема и недоступный в сезон снегов). Оттуда до Атбаша (у Коданы: рядом подъемов и спусков в горной стране) - один день. У Кодамы пояснено, что Атбаш есть город, расположенный на возвышенном холме, в равном расстоянии от Тибета, Ферганы и Нушаджана. От Атбаша до Верхнего Нушаджана шесть дней пути по стране? где нет ни одной деревни. У Кодамы сказано, что путь лежит то по невысоким холмам, то по пастбищам с ключами, но нет деревень и путешественники должны иметь с собой запасы пиши на весь путь. По Ибн-Ходадбегу Атбаш, о котором идет речь, есть город, построенный на высокой возвышенности, которая разделяет Тибет от Ферганы. Верхний Нушаджан и Тибет находятся в центре востока. От Верхнего Нушаджана до столицы хакана тагазгаров три месяца пути через пастбищную страну, покрытую обширными городами. Жители, тюркской народности, суть или последователи магов, обожатели огня, или зендики (манихейцы, еретики). По Кодаме от Верхнего Нушаджана до резиденции царя тагазгаров 45 дней (в тексте значится 6 дней, но издатель де Гуе полагает, что следует «45» дней, как стоит в другом вышеприведенном месте того же Кодамы)[2]. Показание у Ибн-Хордадбега 3 месяцев пути до столицы тогузгуров может быть объяснено тем, что в первой половине IX столетия, к которой относятся сведения «Книги дорог и областей», составленной между 230 и 234 гг. гиджры, столица хойху находилась еще на Орхоне. Во время же Кодамы, в конце IX и начале X века, столица уйгурских ханов находилась уже в Гань-чжеу, на половину пути ближе.

Города Уш и Узкенд, существующие и ныне, дают прочное основание для определения исходного пункта вышеизложенного маршрута из Ферганы в Верхний Нушаджан. За акаба или перевалом, который достигается в один день пути, можно считать перевал Ясы или, по к. казачьему произношению, Джасы. Но древний переход от этого перевала не может привести в долину реки, именуемой ныне Атбашем, потому что самым кратчайшим путем от этого перевала по долинам рек Бычана, Арпы и Каракоина[3] до впадения последнего в Атбаш будет не менее 150 верст. Путь этот упоминается во времена Тамерлана, который в 776 г. гиджры праздновал на Атбаше свою свадьбу с плененной дочерью тогдашнего правителя Джагатаева улуса Камер-эддина Дильшагой: «по окончании увеселений, он, сняв лагерь и пройдя через Ясы-дабан (Jassi-daban), остановился в Узкенде (Uzkunt), куда прибыла Котлук-Туркан-Ага, старшая его сестра»[4]. Проезжавший в 1879 году от Атбаши до впадения в р. Арпу речки Суека г. Фетисов считает тут дорогу колесною[5]. Годом раньше проф. Мушкетов, с озера Чатыркуля, прошел по Арпе до р. Алабуги, где исследовал богатое месторождение

[1] Ныне от Уша до Узкенда считается 40 верст.
[2] Bibliotheca geographorum arabicorum etc., pars sexto, pp. 22, 159, 160.
[3] «Материалы по географии Тяньшаня», стр. 445.
[4] Histoire de Timur-bec etc., par. Cherefeddin Dli..., trad, par Petis, de la Croix, Paris, 1722, t. I, p.
[5] «Экскурсия в за-нарынские горы» в «Турк. вед.», 1881 г. № 51.

каменной соли, и возвратился в г. Андижан через перевал Чаар-таш и г. Узкенд[1]. В восьмидесятых годах от Атбаши проехал на съезд с Андижанским уездом токмакский уездный начальник. По его мне сообщению, дорога от Арпы существует только вьючная; проехал от Атбаши к западному подножию Ясы в три дня скорой езды и до Арпы следовал в экипаже. Путешественники иногда называют долиною Атбаш долину Кара-коина, притока Атбаша[2], но городок Атбаш, по всей вероятности, находился на р. Атбаше близ устья Кара-коина, где долина шире и где более удобных для земледелия земель. В существовании города Атбаша убеждает упоминание Ибн-эль-Асира о брате государя Кашгара Якуб-текине, «владения которого носят имя Аб- баши (Ab-ba-schi)[3]. Так как р. Атбаш находится около 6 дней пути от перевала Ясы и в таком же расстоянии от Кашгара, который, у арабских географов, лежал в «Тибете», то замечание Кодамы о том, что Атбаш расположен в разном расстоянии от Ферганы, Тибета и Верхнего Нушаджана, вероятно, справедливо и относительно последнего. Но 6 дней ходу от Атбаша, по направлению к столице уйгуров, могут привести лишь в долину Уч-турфанской реки. Здесь стало быть и находился Верхний Нушаджан, вероятно, около нынешнего Уч-Турфана или несколько выше этого города. Какое было истинное имя края или местности, которая в последнем издании Ибн-Хордадбега называется Нушаджан, - неизвестно. Барбье де-Мейнар писал Bizsghan согласно с чтением Шпренгера, но в рукописях, которыми он пользовался, значилось Bouchdjan и Bizsakhain[4]. В.В.Григорьев предложил чтение Барсаджар[5]. У Едриси Жобер читал Берсаджан. Томашек помещает Барскан на месте Аксу, сопоставляя с Болуга или Барукат и производя имя Барскан от тюркского терек - тигр, пантера[6]. Действительное существование этого владения удостоверяется известием Ибн-эль-Асира о том, что караханид Ибрагим, владевший после отца своего Богра-хана Мавераннагром, Баласагуном, Хотаном и Кашгаром, погиб между 423 и 440 гг. гиджры, «в походе противу владельца барсханского Инал-тегина»[7].

---

[1] «Туркестанские ведомости», 1872, № 40.

[2] Напр., у Валиханова: «на следующий день мы перешли горы Таш-рабат и разбили лагерь на широкой ровной долине Атбаш» и далее «с берегов р. Атбаша мы отправились на север и прошли несколько незначительных перевалов, из которых последний Байбиче»... (Известия р. географического общества», 1868 г., стр. 277 и 278). На самом деле, идя через Таш-рабатский перевал на Байбиче и Куртку, караван Валиханова пересек только долину Кара-коина, устье которого и р. Атбаш остались почти в 50 верстах. Барон Остен-Сакен, шедший из Куртки, западнее Байбиче, чрез перевал Джаман-дабан, говорит: «мы спустились в долину Арпы, поворотили на восток, т.е. вверх по долине, и перешли чрез едва заметный водораздел, отделяющий Арпу от другого притока Нарына - Атбаша» («Известия», 1869 г., стр. 141); на обратом пути этот путешественник шел от северной оконечности Таш-рабатского ущелья по р. Кара-коину до р. Атбаша полтора дня (там же, стр. 148).

[3] По Катрмеру в Notices et extraits etc., t. XIV, p. 511.

[4] Journal asiatique, 1865, t.V, p. 266.

[5] «Восточный Туркестан», вып. II, 1873 г., стр. 217: «Барсаджар было, по всей вероятности, имя тюркское и значит, по-тюркски: пойдешь, ан обрыв». Вамбери переводит имя третьего сына Тюрка, сына Яфета, тюркских генеалогий, Барсаджар «когда друг идет» (wenn der Freund golt.) См. Das Turkenvolk, 1885, s. 2.

[6] Sitzungberidte der Wiener Akademie, CXVI, B., s.738. В CXVII томе тех же Sitzungberidte (s. 51) Томашек пишет: «Арабские географы называли крутой подъем в Ясы-тау «лошадиная голова» - Атбаш; через него, Верхним Барсканом, вела дорога на Нарын, а на юго-восток в Орду-кенд, жилище Богра-хакана, т.е. Кашгар».

[7] «Караханиды» Григорьева в «Трудах восточного отделения р. археологического общества», часть семнадцатая, стр. 235. Быть может, Инал-текин был тоже карлыкский хан, но по Рашид-эддину

В монгольские времена существовал между Куча и Ошем (Вочи), к северу от этих городов, город Ба-ли-ман, означенный на изданной в 1331 году китайской карте[1]. Этот Балиман мог находиться около нынешнего Уш-Турфана. Правильное чтение его имени есть может быть Барман или Баркан. Возможно, что это Барбари нынешних уш-турфанцев, называвших так г. Сунаргулову, в 1877 году, развалины на горе к востоку от Уш-Турфана[2], на месте, быть может, Вынь-су ханьской эпохи. Отождествлять с этим Барбари или Барканом Болуга Сюань Цзана, мне кажется, нельзя, потому что в таком случае оказывалось бы от Болуга до Иссык-Куля около 227 верст, как показало измерение от Уш-Турфана до Сливкиной, а не 700 ли или 350 верст, как значится у Сюань Цзана, т.е. на 120 верст разницы.

По замечанию Бретшнейдера, на карте при истории Китая Дюгальда Bersagian la Hunte on Sairum помещен на реке Таласе[3]. Но согласиться с таким отождествлением Верхнего Барсаджана с Сайрамом и с помещением на Таласе решительно невозможно.

В изложенной у того же Бретшнейдера, по «Юань-ши», биографии Измаила (Ho-sze-mai-li), который умертвил завладевшего государством кара-киданей Кучлука, преследуемого монголами, в Бадахшане, значится, что этот Измаил управлял подведомственными кара-киданям городами Ko-san и Ba-sze-ha. Бретшнейдер склонен думать, что эти города суть Casern и Pashai, упоминаемые Марком Поло, в Бадахшане[4]. Конечно, это может быть и так, но не невозможно, что эти Ku-san и Ba-sze-ha есть Касан (в Фергане) и Барсхан, Баркан или Балиман, потому это Измаил мог преследовать Кучлука с передовым монгольским отрядом и с собственным войском, будучи правителем Касана и Баркана в Тяньшане.

Во всяком случае, по вышерассмотренному маршруту арабских географов Верхний Нушаджан приходится около Уш-Турфана.

К такому же заключению относительно положения Верхнего Нушаджана приводит другой еще более интересный маршрут тех же арабских географов, проходящий по тем же местностям, которыми шел частью Сюань Цзан, только в обратном направлении, от Шаша через Исбиджаб и Тараз к столице хана карлыков. По этому маршруту у Ибн-Хордадбега и у Кодамы значится от Шаша до Исбиджаба всего 13 фарсахов, но при сложении частных расстояний оказывается у первого 17 фарсахов,

---

«прозвание» государей у енисейских кыргызов было «Инал» («История монголов в переводе проф. Березина, 1858 г., стр. 130).

В «Джиган-нума» Хаджи Хальфы значится: Bersadjan, расположенный под 114% долготы и 41% широты, находится к востоку от Кашгара. По Ибн-Саиду было две столицы в Туркестане: одной был Кашгар, другой - Берсаджан» (см. Histoire de l'Asie centrale per Boukhary, publ. per Schafen, Paris, 1873, p. 290). И это известие намекает, что Барсаджан, если не всегда, то часто бывал самостоятельным удельным владением сатукидов.

[1] Карта эта помещена арх. Палладием в «Трудах членов российской миссии в Пекине», том IV, Спб., 1866 года, и напечатана потому в книге Бретшнейдера Notices of the Mediaeval Geographic and History of Central and Western Asia, London, 1876.

[2] А.Н.Куропаткина «Кашгария», Спб., 1879 года, стр. 303.

[3] Notices etc., p. 37. У Дегиня (t.I, partie 2, p. LXXXI).

[4] Там же, p.41.

а у второго только 11. Верен из этих итогов тот, который получается при сложении расстояний у Ибн-Хордадбега, именно 17 ф. Полагая в 1 фарсахе 6 верст[1], 17 ф. дают 102 версты. По «Почтовому дорожнику» ныне от Ташкента до Чемкента 114,5 верст, так что маршрут Ибн-Хордадбега от Шаша до Исбиджаба приводит из Ташкента в Чемкент. Небольшая разница в 12 верст объясняется всегдашними почти удлинениями колесного почтового пути против вьючного. Подробности маршрута до Исбиджаба заключаются в том, что по Ибн-Хордадбегу от Шаша до «Серебряного рудника»[2] или Илака и Баланканка 7 фарсахов. Это выходит 42 версты и соответствует пункту между нынешними станциями Джери, в 50,5 верстах от Ташкента по «Почтовому дорожнику», и Шарапханой, 12,5 верст далее. От «Серебряного рудника» до «Железных ворот»[3] 6 фарсахов: это 36 верст и соответствует нынешней станции Беглербек, в 22 верстах от Шарапханы. Наконец от «Железных ворот» до Исбиджаба, пустыней, 4 ф. По «Почтовому дорожнику» от Беглербека до Чемкента 29,5 верст, действительно пустынной и бесплодной местностью. У Кодамы маршрут от Шаша до Исбиджаба видимо с пропусками: от Шаша до военного лагеря внутри стены (a un comp militaire dans l'enceinte du mur) 2 ф., потом до Гаркарда 5 ф. и затем до Исбиджаба, пустыней, 4ф.

Для наглядности дальнейший маршрут от Исбиджаба через Тараз до Буамского ущелья изложен ниже сравнительно с нынешним почтовым трактом:

По Ибн-Хордадбегу:		По Кодаме:		По «Почтовому дорожнику»:	
Шараб	4 ф.	…	4 ф.	Манкент	20 верст
Бадукат	5 ф.	…	4 ф.	Машат	15,25 в.

[1] 1 фарсах, по Барбье де Мойнорд (Journal as., 1865, t. V, p. 260) равен 6 километрам.

[2] Следов «Серебряного рудника», кажется, еще не обнаружено, но этому удивляться нечего, потому что, напр. (по словам професс. Мушкетова в отчете о геологической поездке по Турк. краю в 1875 г.) «около деревни Пскема и в долине р.Чакмака, правого притока Чаткала, находятся огромные кучи медных шлаков, свидетельствующие ясно о бывших там сильно развитых производствах. Вероятно, рудники были поблизости заводов; это подтверждают и туземцы, но где именно эти старые выработки - мне никто не мог указать».

[3] В Средней Азии «Железными воротами» называются узкие ущелья, по которым проходят дороги; у монголов «Темир-калуга» (см. Histoire des Mongols de la Perse par Ruschid-eldin, trad, pur Quatremeres, 1836, p. 147). По Едриси (Geographie, trad, per Janbort, t. II, p. 208) области Шаш и Ейлак (Ейлаком назывались предгорья, начиная с востока от границы с страною Аксикета, т.е. от Ферганы) простираются от шашской реки (Сыр-дарьи) до Железных ворот, там, где начинается округ по имени Калаш, возле Есфиджаба. В другом месте (p. 212) у Едриси упоминается Робат эл-Калас, который называют также эль-Барк, в дне пути от Никата (одна из волостей Шаша); отсюда день пути до Гаркере (Ghurkere), деревни, а оттуда один день до Есфиджаба; от Есфиджаба до Bodokhoth тоже один день, а из Бадахката до Тарана считают два дня пути, без крова, без жилищ, по необработанной местности. Все расстояние от Джейхуна (т.е. от Аму-дарьи, а не от Сыр-дарьи, как значится у В.В.Григорьева, «Вост. Туркестан», вып. 2, стр. 221) до Тарана 23 дня пути. Едриси замечает, что подведомственные Шашу, Ейлаку и Есфиджабу земли смежны и расположены чересполосно. У Димашки (Notice extraits etc., Paris, 1838, t. XIII, p. 233) земли Шаша «простираются до стены Абд-алпа-бен-Хамида, иначе называемой стеною Калас; засим к северу есть область Исфиджаб». Едва ли эта стена не просто горный отрог, идущий от Алатау к Сыр-дарье и пересекаемый дорогою из Ташкента в Чемкент около станции Беглярбек. По Картмэру (Notice et extraits, t. XIII, 1838, p. 226). В одном месте «Зафер-намэ» значится «Со стороны Сайрама и скалы Колан (du rocker de Kolon)».... Калан тут не то же ли, что Калас?

Тамтадж	4 ф.	…	5 ф.	Яс-кичу	19,5 в.
Абарджадж	4 ф.	Барджадж	4 ф.	Тюльку-баш	14,75 в.
Станция на броде	6ф.	…	6 ф.	Чакпак	17,25 в.
				Терс	24,25 в.
		Шавагар	3 ф.	Куюк	18,75 в.
Джовикат	5 ф.		2 ф.	Головачовская	16,75 в.
Тараз	3 ф.		2 ф.	Аульеата	18 в.
ИТОГО:	31 ф.		30 ф.		164,5 в.
Нижний Нушаджан	3 ф.	…	3 ф.	Уч-булак	24,5 в.
Касра-Бас	2 ф.	…	2 ф.	Ак-чулак	17 в.
Куль-Шуб	4 ф.	…	4 ф.	Акыр-тюбе	16,5 в.
				Малдыбай	14,25 в.
Джоль-Шуб	4 ф.			Кум-арык	17 в.
Кулан	4 ф.		4 ф.	Тарты	23,5 в.
				Муньке	18,25 в.
Бирки	4 ф.	…	4 ф.	Мерке	17 в.
ИТОГО:	21 ф.		17 ф		148 в.
Асбара	4 ф.	…	4 ф.	Чалдавар	26,5 в
Нузкат	8 ф.	…	8 ф.	Карабалты	30,5 в.
Каранджаван	4 ф.	…	4 ф.	Беловодская	19 в.
				Сукулук	16,75 в.
Джуль	4 ф.	…	4 ф.	Пишпек	23 в.
Сариг	7ф.	…	7ф.	Иссыгаты	23,5 в.
Резиденция хакана торкашей	4 ф.	…	4 ф.		
		Кирмирав	2 ф.	Токмак	35,5 в.
Навакат	4 ф.	…	2 ф.	Старый Токмак	27 в.

		Банджикат	1ф.	
Кобал	3 ф.	Суйаб	2 ф.	
ИТОГО:	38 ф.		38 ф	207,25 в.

При сличении арабского маршрута с существующим почтовым трактом оказывается, что итоги расстояния от Исбиджаба до Тараза 31 или 30 фарсахов[1], т.е. 186 или 180 верст, довольно близко подходят к расстоянию от Чемкента до Аульеата по почтовому тракту, равняющемуся 164,5 в. Небольшая разница может быть объяснена уклонением древнего пути на Шараб (прежде читали Сават), в котором, кажется, можно видеть сокращение Сайрам-аб, Сар-аб: из Испиджаба[2] караванный путь направлялся не по прямой дороге к перевалу между Арысом и Терсом, а сворачивал к древнему городу Сайраму[3] и отсюда уже шел на Арыс. По Кодаме между Исбиджабом и Шарабом дорога шла пустыней, а между Шарабом и Табухканом тоже пустыней, но пересекаемой двумя большими реками, называемыми Мава и Юран. Мава быть может речка и селение Машат, а Юран упоминается в походах Тимура на джете: «Когда они прошли Сайрам и прибыли в Jaroun»[4] и пр. Вместо Бадукат прежде читали у Ибн-Хордадбега Мадукет и у Кодамы Баруджкет[5]. Третья станция Тамтадж (прежде у Кодамы читали Тамиядж) должна была находиться на Арысе: сказав, что на дороге из Шараба в Бадухкат и отсюда до Тамтаджа встречаются хранилища воды (des reservoirs d'eou), Кодама поясняет, что Тамтадж расположен в пустыне, чрез которую течет значительная река с камышовыми займищами (avec les jonchaies). Вероятно, Тамтадж находился около Яс-Кичу, на броде (кичу) через Арыс, по выходе последнего из гор. «Урочищем Яс-кичу кончается верхнее течение Арыса; тут он из горной долины входит

---

[1] По Ибн-Хордадбегу (стр. 20 французского перевода де-Гуе) «расстояние между Исбиджабом и Таразом - 26 ф.», но сложение частных расстояний между станциями дает 31 ф.

[2] По Балазури, Аспиджаб покорен был впервые мусульманским оружием при Кутейбе Ибн-Муслиме, значит в начале VIII столетия (Григорьев «Караханиды», стр. 235). По Димашки, писавшему во второй половине XIV века, Есфиджаб есть крепость, у которой имеется цитадель и предместье; цитадель, правда, в развалинах, но город и предместье очень населены. Все окружено стеною, протяжением в один фарсанг. В предместье проточная вода и сады. Дома земляные. Город расположен на ровной плоскости и имеет 4 ворот. Территория его обширна и плодородна, и жители не платят никаких податей. Между городами этой страны считают Тараз, Нуджкет и Ходженда (?)». См Notices et extraits de manuscripts de la bibliotheque du rui, 1838, t. XIII; тут же, в примечаниях Катрмера, на стр. 224 - 228, изложены сведения поздних арабских географов о Таразе, Сайраме и Аспаре. У Абульфеды (перевод 2 части II тома, Гияра, 1883 г., Париж), по Ибн-Хаукалу, Исфиджаб расположен в долине, в 3 фарсахах от гор (р. 223). У него же упоминается о Бадахкате, состоящем по одним (писателям) в ведении Шаша, а по другим в области Исфиджаба (р. 215). Караханид Богра-хан, лишивший между 423 и 440 гг. гиджры престола брата своего Арслан-хана, государя Баласагуна, Хотана и Кашгара, сам ранее властвовал в Таразе и Аспиджабе (Григорьева «Караханиды», стр. 201), которые, значит, были его уделом. Помещение «города Белой реки» Сюань Цзана (630 г.) на р. Аксу не находится в противоречии с приурочением Исбиджабак Чемкенту, потому что между известиями о Байшуй и Исбиджабе протекло более двух столетий. Притом же имя Исбиджаба принадлежало, по-видимому, не столько городу, сколько вообще местности, орошаемой левыми притоками Арыса, берущими начало в снежном хребте и потому, на языке тюрков, называемыми «белой водой» в отличие от потоков, начинающихся из болот или ключей и именуемых «кара-су» черной водой.

[3] По «Тарихи-Рашиди» (Erskine - History of India, 1854, v. I, p. 38) «Сайрам, который в древних книгах называется Истиджаб»... По Хафиз-Танышу (Jlepx «Археологическая поездка в туркестанский край в 1867 году», Спб., 1870 г., стр. 35) «Сайрам есть древний Исфиджаб».

[4] Histoire de Timur-bec etc., Paris, 1722,1.1, p. 252.

[5] Journal asiatique, 1865, t. V, p. 265.

в степь...»[1]. Близ возникшего в 1887 г. на ур. Яс-кичу поселка Ново-Николаевского «Арыс принимает в себя много ключей справа и слева, а чрез две версты ниже почтовой станции становится почти тихою рекой с глубокими омутами. К северо-западу от поселка и почтовой дороги тянется вдоль последней невысокий бугор, который с северной стороны круто обрывается, в полуверсте от выселка, в глубокую долину; в верховьях ее начинается богатый водою родник, образующий три - четыре небольших озера... Берега озера и родников и протоков густо заросли камышом и другими водяными травами. Немолчный гам стоит день и ночь в этих зарослях от крика всякой болотной дичи»[2]. У следующей станции Абарджаджа (прежде читали Нарджа) по Ибн-Хордадбегу и Кодаме, есть холм, кругом которого расположена тысяча ключей, образующих реку, текущую на восток и именуемую по этой причине Баркуаб, т.е. рекой, текущей назад. Вместо Баркуаб прежде читали Уюркуб и Иркут. Кодама объясняет название этой реки тем, что она направляет течение свое снизу вверх. По Кодаме же на обоих берегах этой реки находятся тростниковые заросли, тамарисковые рощицы и болота. Абарджадж должен соответствовать местности в истоках р. Терса. У Н.А.Северцова читаем, что на водоразделе между Арысом и Чакпаком (притоком Терса), составляющем едва заметную плоскую возвышенность, постепенно понижающуюся к северу, «у истоков Арыса вдруг... довольно круто поднимается известняковая гора, за нею седловина и далее уже частые скалистые вершины хребта Кулан, которые до истоков Терса все возвышаются... Этот хребет Кулан есть Мынбулак-тау Гумбольдтовой карты..» «У южной подошвы горы, начинающей куланский хребет, несколько глубоких ключевых водоемов дают начало довольно значительным ручьям, которые, протекши версты 2-3, сливаются и образуют Арыс,..». Долина Терсы богата сочными лугами, течение ее ... состоит из омутов почти стоячей воды... По Терсе много водяной птицы... В прибрежной степи во множестве встречаются дрофы и степные рябки... Вытекает эта река из восточного склона гор Кулан...»[3]. По Кодаме, дорога идет по течению реки (т.е. Терса)[4] до станции, где переходит на правый (следовало сказать на левый) берег реки. Эта переправа приходится около нынешней почтовой станции Терс, где почтовая дорога переходит, бродом через Терс, на левый берег реки. Далее, по Кодаме же, от брода до Schawaghar, — горы, где добываеются точильные камни, - 3 ф., т.е. 18 верст. От почтовой станции Терс до почтовой станции Куюк, через перевал того же имени, считается 18,75 верст. Затем, по Кодаме же, дорога идет пустынной равниной до Djowykat 2 ф., т.е. 12 в., по почтовому тракту до Головачевской станции 16,25 в., действительной по пустынной каменистой местности. Отсюда, по Кодаме, 3 ф.,

[1] Северцова «Путешествия по Туркестанскому краю», стр. 44.
[2] М.Михайлова «Русские поселки в Аульеатинском и Чемкентском уездах» в «Туркестанских ведомостях» 1888 г. № 31.
[3] «Путешествия по Туркестанскому краю», стр. 43 и 42.
[4] И.В.Мушкетов, в своем «Кратком отчете о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 году» (Спб., 1876 года, стр. 17), замечает, что иногда названия, происходящие от каких-нибудь особенностей местности, очень метки: «река, стремительно прорезывающаяся черед гряду Ичкеле, названа Талас, что в переводе означает борец, другая же носит название Терса - противоположная». Действительно Терс течет с запада на восток, противоположно Таласу, который в верхнем течении направляется с востока на запад. Выходит, что Баркуаб есть просто перевод тюркского имени Терса.

т.е. 18 верст, до Тараза[1], пастбищами и пашнями. По почтовой дороге тоже 18 верст до Аульеата, мягкой пастбищной степью.

В дальнейшем маршруте арабских географов значатся между прочим городок Бирки и за ним в 4 ф. станция Асбара. По сходству имен и расстояний, в этих пунктах легко узнать нынешнее Мерке и речку Аспара. По Ибн-Хордадбегу от Тараза до Бирки 21 ф. или 126 верст По почтовому тракту от Аульеата до Мерке 148 верст, но почтовый тракт длиннее, потому что проходит вдали от Александровского хребта, избегая частых и неудобных логов у подножия хребта, тогда как вьючный караванный путь идет, и шел, конечно, и прежде, в более прямом направлении, у подножия гор. Вместо 3 фарсахов (18 верст) до Нижнего Нушаджана, у Едриси показано 33 мили, т.е. 66 верст, потому что миля у него равняется одной трети фарсаха. По Едриси же Нижний Берсаджан есть небольшой городок, окруженный жилищами и обработанными полями[2]. До Kesse Diain (вместо Kasra Bas) у Едриси 6 миль. У ибн-Хордадбега пояснено, что Касра-бас есть местность теплая (защищенная от холодных ветров), что здесь имеют свои зимовки карлоки и что неподалеку находятся и зимовки каладжей (khaladj). У Едриси вместо каладжей стоит Khikhis, especes de turks nomades. Вместо Koul Schoub Барбье де-Мейнар читал Koul de Sout, а вместо Djol Schoub - Djobel Sout. У Едриси после Нижнего Берсаджана Kouk Choub - 12 миль, потом Dje-bel Choub, городок, обитаемый тюрками, 12 миль, далее Kulan Ghoia в 15 милях, и наконец Берк, деревня, 15 миль. У Кодамы пояснено, что на правой стороне дороги находятся горы, а налево komm (тюркское кум - пески); это теплое место, служащее аулом карлокам, комм расположены до Кулана, на севере дороги из Тараза; сзади комм - песчаная и каменистая пустыня, где обитают гады; она тянется до земли каймаков; горы направо от дороги производят много плодов, трилистника, овощей; всего от Тараза до Кулана, по куланской пустыне, 14 фарсахов (на самом деле только 13 фарсахов, должно же быть больше, потому что пропущена станция Джоль-Шуб). Кулан у Ибн-Хордадбега назван богатым городком, а у Кодамы просто станцией, подобной предыдущим, т.е. пустынной и служащей зимовками. По настоящему положению местности вернее сведения Кодамы. Теперь вся местность у подножия Александровского хребта, от

[1] По В.В.Григорьеву («Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Мунеджим-баши» в «Трудах восточного отделения И.археологического общества», часть семнадцатая, 1874 г., стр. 211) Тараз упоминается впервые, из мусульманских писателей, у Наршахи, под 280 г. гиджры, по поводу завоевания тогда этого города саманидом Исмаилом сыном Ахмеда. По Едриси (Geographie, trad, per bort, Paris, 1836, t. II, p. 208) Таран (Taran) есть пропускной пункт (un bou de pussage), в котором мусульмане возвели укрепления против тюрков, потому что эта страна с севера граничит с землями тюрков-кизилджей (карлыков), с которыми мусульмане большею частью находятся в войне. Видимо, это известие относится ко времени до XI века, когда карлыкские ханы еще не были мусульманами и не владели еще Мавераннагром и именно, вероятно, к началу X века, к тому времени, когда Талас находился во власти Саманидов, после завладения им при Измаиле, до возвращения в руки карлыков, последовавшего должно быть при первых преемниках Измаила.
По недошедшему до нас сочинению Абул-Хасана нишабурского «Сокровищница путей», г. Тараз в Туркестане основан выходцами из Бухары еще до завоевания Бухары арабами, вероятно, в VI столетии до (после?) Р.Х. (см. Лерха «Археолог, поездка в Турк. край в 1867 г., Спб., 1870 г., стр. 38).

[2] В географии Абульфеды (писана между 1321 и 1331 годами, но по источникам несравненно более ранним) упоминается Schaldj. Это «по Лобаб есть таразская деревня, похожая на маленький город; он расположен на границе Туркестана. Читаем в Азизи: Это тюркский город, которого жители суть мусульмане. Он в 4 фарсахах от Тараза»). Geographic d'Aboulfeda, tome 1, partie 2, Paris, 1883, p. 224).

Аульеата до Мерке, представляет собой почти безводную и бесплодную пустыню, потому что значащиеся на картах речки имеют воду только во время проливных дождей, обыкновенно же русла их сухи. Уже почтовая дорога идет по солонцевато-песчаной почве, где водится много ящериц и черепах. Ниже начинаются сплошные пески. Бирки, т.е. Мерке, назван у Ибн-Хордадбега богатым городком, а у Кодамы цветущей деревней. Едриси говорит, что река Берк берет начало в горе, соседней с этой деревней, сохраняет ее имя, пересекает Ейлак и впадает потом в шашскую реку. Вероятно Идриси имеет тут в виду Чаткал, называющийся в нижнем течении Чирчиком: верховья Чаткала считаются местными кочевниками приходящимися немного западнее Мерке, только с южной стороны Александровского хребта, за верховьями Таласа. Местные киргизы говорили г.Регелю, что Чаткал «вытекает из горы Кокой-бель, на расстоянии трехдневной верховой езды от того места, где мы находились» (на реке Каракысмак, на пути через карабуринский перевал)[1]. Едриси только смешал кажется название торкской или тюркской реки, как у арабских географов назывался Чирчик[2], с именем Берк или Мерке.

Имя Asbara, станции, отстоящей по Кодаме в 4 ф., через пустыню, подобную куланской (у Едриси Achobra - 15 миль), читалось Барбье де-Мейнаром Asych. Это нынешняя речка Аспара или Асфара; на ней теперь есть крестьянское поселение. Досюда простирались владения Тимура в стороне Моголистана. В начале осени 779 г. он приказал Мухамед-султану, которому вверил управление страною, построить в Ашира крепость и употребить все старания, чтобы увеличить число домов, больше и лучше заводить пашни и сделать этот город цветущим... Пройдя с 40 т. войска гору Кулан, Мухамед-султан стал в Ашира лагерем и обработал и засеял там земли[3]. После Асбары у Ибн-Хордадбега и Кодамы значится в 8 фарсахах, т.е. в 48 верстах, большой городок Нузкат (прежде читали Nounket и Nourket, а у Едриси Ghana-Bourketh, 24 мили). Это соответствует местности между селениями Карабалты и Беловодским (Аксу), вероятно, на западной ветви реки Аксу. Далее у тех же писателей Kharand-jawan (ранее читали Akhoundjaran; у Едриси эта станция пропущена), большой городок, 4 ф. или 24 в., что приходится между Аксу и Сукулуком. Между этими селениями, в 12 верстах от первого на левой стороне дороги, на урочище Турт-куль, есть старинные развалины, о которых упоминается в статье «Археологические памятники в Семиречье» в «Туркестанских ведомостях» 1879 года № 43. Затем следует Djoul) у Едриси Джерк, 12 миль), в 4 ф., по Кодаме, большой городок; этот городок, вероятно, находился на нынешней речке Джуламыс, протекающей между станцией Сукулукской и г.Пишпеком. Быть; может и имя городка Джуль было по этой речке. Сличая расстояния между Бирки и Джулем в 20 ф. или 120 в. и между Мерке и Пишпеком 115,25 в., находим, что расстояния эти близки. Небольшая разница могла произойти, с одной стороны, от приблизительности расстояний у арабов в фарсахах, с другой же - быть может, от того, что по общим

[1] «Ботаническая экскурсия от Ташкента до Кульджи» в «Туркестанских ведомостях» 1878 года, № 11.
[2] По Томашеку (Sitzung berichte der Wiener Akademie , B. CXVII, 1889, s. 50) реки Арыс, Чирчик и Ангрен известны были арабам под именами Астиджаб, Род-и-тюрк и Аби-яйлак.
[3] Histoire de Timur-bec etc., t. II, p. 428.

отзывам расстояние между находящимися на границе двух областей станциями Карабалтинской и Чалдаварской значительно больше показываемого в «Почтовом дорожнике».

После Джуля и Ибн-Хордадбега и Кодамы значится большой городок Sarigh (по прежним чтениям Monazik и Sary, у Едриси Saa, 21 миля), в 7 ф. или 42 верстах, а это приводит от Джуламыса на р. Чу, быть может к находящемуся «близ р. Чу, по левую сторону дороги между станциями Константиновской и Пишпекской» [1] древнему городищу. Отсюда у Ибн-Хордадбега показана в 4 ф. или 24 в. резиденция хакана торкашей (у Кодамы «тюркского», по Едриси «город хакана» в 12 милях). Эта резиденция должна была быть одно и то же с местопребыванием хана западных тукиюесцев, находившимся, по китайскому маршруту (см. выше) у горы Гетань, которая приходится на правом берегу р. Чу около Каракунуса. Следовавший затем, по Кадаме, в 2 ф. Kyrmyraw, вероятно, селение, должен был находиться на полпути между горою Гетань и городом Суйе у китайцев и Nawakat у арабских географов. Этот «Новый город», вероятно, помещался где-нибудь около Суйе или на месте последнего, несколько восточнее нынешнего Б.Токмака. По Кодаме из Наваката начинается дорога ракаб (rakab), которая ведет в Верхний Нушаджан. Ракаб, должно быть, как акаба, означает горный перевал. Такая дорога должна была идти, как и ныне, через перевал Шамси. Это ближайший путь из Чуйской долины на Нарын и Атбаш. И это обстоятельство указывает нахождение Суйе и Наваката около Токмака, и именно скорее ближе к Б.Токмаку, чем к Старому Токмаку, который находится в 37 верстах на восток от Большого Токмака. Расстояние от Джуламыса до Наваката, по Ибн-Хордадбегу и Кодаме, равнялось 15 ф. или 90 в., по «Почтовому же дорожнику» от Пишпека до Токмака 59 в. Если принять в соображение, что Джуламыс западнее Пишпека, а Навакат находился восточнее Б.Токмака, то разница объясняется уже одним этим, не говоря уже об удлинении арабского пути вследствие заворота в резиденцию хагана, находившуюся в стороне от прямой линии. За Навакатом у Кодамы показан в 1 ф. Bandjikat, значительный городок, смежный с деревней, имя которой в рукописях не сохранилось, а потом в 2 ф. Soujab, состоявший из двух городков Kobal или Kopal и Saghouz Kobal. У Ибн-Хордадбега после Наваката значится прямо Кобал (прежние чтения Kenar или Konad), а у Едриси Кобаб, в 36 милях. По расстоянию в 18 в. Кобал мог находиться около Старого Токмака или восточнее, имя же его может быть испорченное Кебин: р. Малый Кебин впадает в р. Чу недалеко от Старого Токмака.

От Кобала, по Ибн-Хордадбегу и Кодаме, во Верхнего Нушаджана, на границах Китая, по пастбищам и источникам, 15 дней караванного пути, но тюркская почта употребляет на переезд только три дня. По Едриси до Верхнего Береаджана только 10 дней, для тюркского же гонца на переезд нужно только 5 дней[2]. От Токмака до

[1] Упомянутая статья в «Турк. ведом.» 1879 г., № 43.

[2] Маршруты Ибн-Хордадбега и Кодамы изложены мною на основании французского перевода де-Гуе (Bibliotheca geographorum arabicorum, pars, sexta, Lugduni, 1889, pp. 20, 21, 156-158). В Geographic i Edrisi см. t. II, p. 217, 218.

Нарынского укрепления теперь по почтовому тракту 252 в., значит 8-10 дней караванного пути, и до Атбаша 1 день, а отсюда, как мы видели, по арабским географам было 6 дней пути до Верхнего Нушаджана, следовательно и этот маршрут приводит на Уч-турфанскую реку, в расстоянии около 15 дней от Токмака.

В.В.Григорьев, толкуя те же маршруты арабских географов, принял Нарджа (Абарджаб) за Мин-булак Сюань Цзана и станцию (по-арабски мензиль) на реке Уюркубе, т.е. на Терсе (за Мерке) у Ибн-Хордадбега читали Mezly вместо menzil и пришел к заключению, что Тараз должен был лежать на р. Чу, для чего придумал второй Талас; после столь несообразного и с расстояниями приурочения он не мог, конечно, установить определительно ни одного из дальнейших пунктов маршрутов и ограничился смутным гаданием, что за Чу дорога шла далее на р. Или, «на которой, по всей вероятности, и находилась где-либо столица хакана харлухского. Отсюда на Верхний Барсаджар, т.е. на Аксу, шла уже южная ветвь этой дороги - через долину Текеса и Мусур-Дабанский перевал». Разбирая маршрут из Узкенда в Верхний Барсаджар, тот же ориенталист предлагал чтение Атас вместо Атбаш и направлял путь этого маршрута «мимо Чатыркуля на перевал к Арташу и оттуда на восток до Уш-Турфана или Аксу»[1]. Это приурочение несколько более удачно, но нет надобности и достаточного основания изменять чтение Атбаш, столь известной местности, тем более, что и перевалов Атас, Арташ, даже Артыш не существует, да и город, с пашнями, каким описывают арабы Атбаш, не вероятен на Чатыркуле или одном из перевалов от этого озера.

Упоминая об одном маршруте Едриси, начинающемся от Аксикета, В.В.Григорьев находит, что намеченный этим маршрутом путь пролегал «вверх по течению р.Нарына, с вершины его переходил, через хребет Тяньшань, окаймляющий южный берег озера Иссык-Куля, на этот последний, а потом, через Заукинский перевал, выходил на реку Или, к столице харлухского хакана»[2]. Этот маршрут «от Аксиката до Каранитиа» по Едриси таков: «От Акси-ката до Кануката 1 день, отсюда до Анешта 1 день, потом до Каншката 1 день, до Букенда 1 день, на гору 1 день, в Haulak 3 дня. И от этой деревни до города хакана кизилджей (следует читать «карлыков») 33 мили. В этом городе, где имеет пребывание хакан кизилджей, много зданий, укреплений, мужественных людей. Отсюда до Атракана (значительного города, составляющего часть страны кизилджей)... 6 дней. От Атракана до Каранитиа 10 дней... Это есть первый город, встречающийся при входе в Кимакию... Отсюда до главного города Кимакии считают 24 дня, направляясь все с запада на восток. От Каранитиа до Бахуана 7 дней. От Атракана до Бахуана 3 дня, направляясь на юг[3]. Судя по приставкам кат и кенд, следует думать, что этот маршрут идет от Аксикета все по селениям до перевала через горы, за которым в три дня

[1] «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 218-222. По сведениям г. Фетисова («Турк. ведомости» 1879 года №45) из Ферганы в Уч-Турфан есть вьючная дорога вверх по р. Ятрыку (в другой статье Янрыку) до перевала Суек и отсюда по р. Южному Суеку. Но Атбаш от этого пути остается далеко в стороне.
[2]. «Восточный Туркестан», в. 2, стр. 222. Заукинский перевал находится между Нарыном и Иссык-Кулем, а не между Иссык-Кулем и Или
[3] Geographie d'Edrisi, Trad, par Joübert, Paris, 1836, pp. 214, 215.

достигает деревни Haulak и отсюда через 33 мили города хакана харлухов. Но не только путями по Сыр-дарье, где были возможны до перевала столь частые оседлые пункты, а по птичьему полету от Аксикета до р. Чу не менее 500 верст, тогда как 8 дней маршрута могут составлять только около 200 верст, а с 33 милями весь маршрут до столицы хакана 266 верст. Поэтому маршрут этот кажется столь извращенным, что не может быть приурочен сколько-нибудь основательно, даже ежели предположить, что в нем под столицею хакана карлуков надо разуметь не бывшую столицу западных тукиюесцев, лежащую на р. Чу, а напр. Атбаш или Кашгар, также бывшие резиденции удельных карлыкских ханов.

У Едриси есть еще три маршрута, которые, по моему мнению, проходят по территории кыргызов и могут быть более или менее приурочены к существующим местностям и расстояниям. Все три начинаются от Демиртага (железная гора), путь в который лежал из Тарана (Таласа): от Тарана до Kesser считалось 45 миль, а потом переваливали гору и достигали в четыре дня пути Демиртага, небольшого городка у подошвы гор, обитаемого храбрыми и хорошо вооруженными воинами. 90 верст от Аульеата приводят приблизительно к устью притока Таласа р. Биш-таш, откуда до р. Нарына ур. Кетмень-тюбе около 100 верст или 4 дня пути. Можно поэтому думать, что Демир-таг соответствует Кетмень-тюбе. По первому маршруту от Демир-тага «через необработанную (inculte), пустынную, хотя очень плодородную, территорию, занятую непокорными килки (par des Khilkis insoumis), которые обитают в палатках из шерсти (sous des tentes de poil), как арабы, до форта Кайкам (Khaikam) двадцать дней, направляясь на восток. Этот форт принадлежит тюркам-килки и служит местопребыванием их государя, который начальствует над храбрыми и многочисленными войсками и владеет плодородной страною. Этот замок построен на вершине горы, вырублен в скале и окружен водою... Отсюда до форта Делан (Dehlan) семь дней. Этот форт тоже хорошо защищен и имеет храбрый гарнизон. Это первая местность, принадлежащая стране Кимак (Kimak). У подножия форта есть обширное пресноводное озеро, расположенное в середине горы и снабжающее форт водой. От Делана до Бенджара (Bendjar) четыре дня, в продолжение которых часто встречаются жилища и поля, засеянные пшеницей, ячменем и рисом. Отсюда до Канауша (Khanaouch) шесть дней, направляясь на север. Этот город принадлежит кимакам... Отсюда до города Лалан, на запад, шесть дней. Лалан построен на высокой горе, на вершине которой находится мраморный идол колоссальных размеров. Чтобы попасть из Демиртага в Лалан есть две дороги. Второй маршрут, «верхняя» из двух дорог, такой: от Дамартага до Салониа, едучи на восток, четыре дня, потом до Гозар (Khozar), города и укрепленного замка, шесть дней, и затем до Лалана семь дней. Третий маршрут: от Демиртага до Бенджтага (Bendjtakh), красивого городка, пять дней, далее до Джинку (Djinkou), значительного города, пять же дней; отсюда до Нажрана

(Nadhran), красивого городка, на горной площадке, шесть дней; потом до Лалана, на восток, шесть же дней[1].

Путь по первому маршруту, все на восток от Кетмень-тюбе, должен был идти по Нарыну и затем по южному берегу Иссык-Куля. Двадцать дней пути или 500 верст в этом направлении должны были приводить к восточной оконечности озера Иссык-Куля, в долину реки Тюпа и к перевалу Кызыл-кия. Тут где-нибудь вероятно и находился Кайкам. Семь дней пути отсюда, предполагая то же восточное направление, выводят в долину р. Текеса около р. Сумбе или Музарта. Тут мог находиться Делан. Четыре дня или 100 верст далее по долине Текеса, где могли быть посевы пшеницы и ячменя (но не риса), приводят на Атнын-су, где мог находиться Бенджар. Шесть дней или 150 в. на север, причем надлежало перейти горы перевалом Су-ашу или Чапчал, могли приводить в Канауш на р. Или, около Усека или Хоргоса, а отсюда шесть дней или 150 верст на запад достаточны, чтобы достигнуть р.Чилика, где и мог лежать город Лалан. Такое приурочение упомянутых городов и пути соответствует и сведениям Едриси о том, что Канауш расположен на берегу реки, истоки которой находятся в горах близ Делана, и что в эту же реку впадает река, вытекающая из гор, близ которых расположен Лалан: Текес, который можно считать главным истоком р.Или, берет начало около предполагаемой для Делана местности, а р.Чилик, где можно помещать Лалан[2], впадает в Или, на которой предполагается Канауш. Упоминаемая у Едриси в двух днях к западу от Лапана большая река, которая направляется на запад и впадает в большое озеро, где ловится много рыбы, есть конечно р. Или. Ни более восточное, ни более северное положение для Лалана не подходящи, потому что он лежал бы в этих случаях далеко далее 17 дней (425 в.) по второму маршруту и 22 дней (550 в.) по третьему от Демир-тага или Кетмень-тюбе. При приурочении второго и третьего маршрута нужно иметь в виду, что между Салониа второго маршрута и Джинку третьего было расстояние около 100 верст: «из Салониа в Джинку, направляясь на север, четыре дня». Можно думать, что второй маршрут вел из Кетмень-Тюбе на ур. Тогуз-торау (около 100 верст); из этого места, соответствующего Салонии, шесть дней или около 150 верст пути могут привести на р. Кочкар, соответствующую даже по

[1] Geographie d'Edrisi, t. И, pp. 218-220.

[2] На Чилике много следов прежней оседлости как около нынешнего селения Зайцевского, так и ниже, но мне не встречалось печатных или рукописных о них сведений. По Голубеву (1859 г.), «влево от нас, в стороне р. Или, верстах в 15 от нижней караванной дороги, по которой мы шли (между Чабдаром и Чиликом), указали нам на развалины, принадлежавшие... калмыкам. Их несколько, на некотором одна от другой расстоянии: каждая представляет слабые остатки вала, сажен около 100 в стороне, из обожженного кирпича. Вероятно, они были построены калмыками в цветущий период их истории, для удержания киргиз-казаков от набегов на южную половину долины Или, занятую тогда камлыками» («Заилийский край», в «Записках р. геогр. общества», 1861 года, кн. 3, стр. 84). Возведение кипричных крепостей со стороны калмыков совершенно невероятно, потому что нет ни одного подобного примера в других местностях. Если эти кирпичные постройки не развалины кумирен, чего по описанию Голубева предполагать нельзя, то они должны относится к более отдаленным временам. Есть следы валов как будто крепостцы около ст. Софийской на р. Талгаре. В 1885 году И.археологическая комиссия признала круглую плиточку, найденную в окрестностях Талгара, за наградную, по всей вероятности, медаль, надписи которой взяты с газневийской серебряной монеты, чеканенной в 448 году гиджры, при султане Феррухзаде, сыне Масуда, названного на этой медали Насыр-эддином («Туркестанские ведомости», 1885 года, № 51).

имени Гозару, близ озера Иссык-Куля, а затем шесть же дней пути доводили, по северному берегу озера Иссык-Куля, потом через перевал Шаты и долину Асы в долину Или около Чилика - в Лалан. Третий маршрут можно приурочить таким образом, что Бенджтаг находился в долине верхнего Сусамыра, Джинку в колине Джумгала, а Нажран на р. южной Шамси, откуда, через перевал Шамси и потом через перевал Кастек, путь этот выводил в Ипийскую долину и к Лалану. Расстояние от Салонии (Тогуз-торау) до Джинку (Джумгал) близко к действительному прямому пути, но расстояния от Кетмень-тюбе до Сусамыра, отсюда до Джумгала и затем до Шамси на самом деле, при кратчайших путях, меньше против маршрутных, а расстояние от Шамси до Чилика напротив больше 150 верст. Однако существование небольших оседлостей на Сусамыре и Джумгале, а тем более на Кетмень-тюбе и Тогуз-торау весьма возможно, потому что тут и теперь существуют пашни.

Возможность приурочить к ныне существующим местностям и действительным расстояниям, без очевидных натяжек и неопределенных догадок, приведенные маршруты Ибн-Хордадбега, относящиеся к концу VIII столетия и к началу IX, и немного позднейшие добавления Кодамы, а также маршруты Едриси, помещенные в сочинении XII века, но заимствованные, конечно, из источников далеко более ранних, дает основание относиться с доверием и к сообщаемым этими географами при изложении маршрутов сведениям. Северное подножие Тяньшаня оказывается, по этим сведениям, от Шаша (Ташкентской области) до р.Или, как и во время Сюань Цзана, окаймленным цепью небольших земледельческих оседлых пунктов, которые служили для остановок торговых караванов, поддерживавших обмен произведений между западом и востоком Азии. С упрочением владычества карлыкских ханов, особенно же по принятии ими мусульманства и по вступлении в деятельные сношения с сделавшимися им единоверными странами по Сыр-дарье и Амударье, с Ферганою и Мавераннагром, торговые пути и оседлые пункты оказываются и внутри Тяньшаня, по крайней мере по тем направлениям, которые самой природой указаны для пересечения этой горной страны расположением ее главных водяных артерий и сообщений между их бассей-нами. У Ибн-Хордадбега и Кодамы еще нет упоминаний об оседлых пунктах внутри Тяньшаня, а потому можно полагать, что эти пункты и торговое движение вдоль внутреннего Тяньшаня, по Нарыну и Иссык-Кулю, возникли и развились в конце IX и в X столетиях, не позднее, потому что сведения о них у Едриси относятся именно к этому времени, так как он ничего не знал о совершенном в XI веке карлыкскими ханами покорении Мавераннагра.

Сведения арабских географов о кочевом населении западного Тяньшаня скудны. Однако из сообщений Едриси в маршруте от Тараза через Демир-таг на Кайкам до Делана, прорезывающем весь западный Тяньшань от хребта, отделяющего Фергану от бассейна Нарына, до долины Текеса, мы видим, что страна эта была занята кочевниками килками. Эти килки и упоминаются уже у Ибн-Хордадбега под именем, в новейшем чтении, каладжей, в том месте его маршрута от Тараза до Кобала, где он говорит, что недалеко от Касра-Баса (вторая станция от Тараза, в 5 от последнего

фарсахах) находятся зимовки каладжей. Это самое место у Едриси изложено так: «Это (Kasse Aiain вместо Kasra Bas) зимовище для стад тюрков кизилджей. В соседстве и близ горы есть зимние пастбища родов непокорных тюрков килков»[1]. Что же это за народ килки или при иных чтениях килджи, килиджи, каладжи, калачи? У Едриси народ того же имени, килк или килидж, описывается между Седжестаном и Гератом, где он поселился с древности; народ этот он причисляет к тюркским племенам[2], но по местности, которую занимали эти килки или кильджии, упоминаемые еще у Истахри под именем халаджей или калачей[3], и по нахождению ныне на тех же местах авганского рода гильджиев можно с вероятностью считать этих килков за авганов. Затем в генеалогиях тюрков, сочиненных после принятия ими мусульманства, упоминается народ калач, производимый от Калача, Тарача или Ярача, но местожительства этого народа не указывается[4]. Рашид-Эддин переводит имя этого народа «останься голодный» и объясняет это имя рассказом об отставшем из войска мифического Угуз-хана воине, желавшем накормить роженицу-жену, но тоже не указывает земель калачей[5]. Так как и в среде киргиз-казачьих и кыргызских родов настоящего времени нет имени калач или близкого к нему, то мне кажется справедливым мнение Вамбери, который относит имя и племя калачей к баснословным (diese ethnische, also nicht geographische, Bezeichnung ins Reich der Fabel gehurt), на том именно основании, что нет никаких сведений о землях, этим племенем занимавшихся[6]. На карте, приложенной к рукописи «книги климатов» Эль-Истахри (951 г. после Р.Х.) и «книги дорог и областей «Ибн-Хаукаля (976 г.) французской национальной библиотеки киргизы (khirkhiz) соседят с карлоками (kharloks), а выше кыргызов (в отношении к течению Джейхуна) обитали джикил[7]. Все эти обстоятельства делают вероятным, что упоминаемые Ибн-Хордадбегом близ Касра-Баса каладжи и килки маршрута Едриси[8] по внутреннему Тяньшаню суть кыргызы в ошибочных транскрипциях и чтениях.

При крайней скудости известий о карлыкском господстве в западном Тяньшане мы не имеем никаких сведений об отношениях между карлыками и кыргызами. Но карлыки были не многочисленнее тукиюесцев, а потому можно думать, что силы и

[1] Geographie d'Edrisi, t. II, p. 218.
[2] Там же, 1.1, pp. 444, 457.
[3] «Авганистан» В.В.Григорьева, стр. 851.
[4] Vambery-Das Turkenvolk, 1885, ss. 2, 7.
[5] «История монголов» в переводе професс. Березина, 1858 г., стр. 20.
[6] Das Turkenvolk, s. 14.
[7] Geographie d'Aboulfeda, traduite par Reinaud, tome 1, introduction generale a la Geographie des orientale, Paris, 1848.
[8] Между прочим, по Едриси (т. I, p. 496) Навакет (на р. Чу) находится на границе страны кизилджей? (карлыков). «От верхнего Берсаджара до Навакета считается 10 дней караванного пути или 5 дней (для тюркского гонца?) через пустыни тюрков». Тут под тюрками должны разуметься килки. Из этого места можно заключить, что близ Навакета кончались владения карлыков и что далее, т.е. на юг, за Буамским ущельем, были уже земли других тюрков - килков, т.е. кыргызов. Однако в другом месте (p. 490) Берсаджан верхний Тевакет (быть может описка вместо Навакет) показаны «в стране кизилджей». О Берсаджане верхнем (p. 495) говорится, что этот город принадлежит стране тюрков; он силен, окружен добрыми стенами и здесь большая часть тюрков, которые обитают в стране, находят убежище и приобретают предметы, в которых имеют нужду».

карлыкских ханов состояли главным образом из найденных ими на месте тюркских родов и что роды эти покорились им, как единоплеменникам без большого сопротивления. В особенности это вероятно в отношении тех нушибийских аймаков, которые обитали у подножия Александровского хребта и в Чуйской долине, где имели свою резиденцию верховные карлыкские ханы. Жившие в горах Тяньшаня кыргызы могли, пользуясь оборонительными преимуществами горных своих местностей, сохранить большую самостоятельность, хотя и они должны были состоять в подчинении карлыкским ханам, потому что иначе для последних было бы трудно и даже невозможно овладеть Кашгаром и Хотаном и удерживать эту часть восточного Туркестана в своей власти, так как сообщение с нею северные их владения на Чу и Таласе могли иметь только через земли кыргызов. Можно также полагать, что кыргызские земли, подобно остальным карлыкским владениям, входили в состав уделов членов карлыкского ханского дома или сами составляли такие уделы, потому что, как выше уже упоминалось, у Ибн-эль-Асира сохранилось известие о караханиде Якуб-тагине, владельце Атбаши. Самый Верхний Нушаджан или Барсакан мне кажется также владением кыргызским, по нахождению его в долине Уш-турфанской реки, с включением в состав его долины Аксая, а также и потому, что Кодама дает основание считать его население особым от карлоков племенем, выставляя каждый десяток барсаканцев равносильным сотне карлоков. В маршруте Едриси килки кажутся даже совсем независимыми и имеющими особого государя, обладающего многочисленными войсками и обширной страною.

По Едриси же выходит, что земли килков на востоке были смежны с владениями кимаков, которым, по-видимому, принадлежала не только долина р.Или, но и долина Текеса. С другой стороны, по Ибн-Кардадбегу, «налево от Тараза, в северу, находится страна каймаков, резиденция царя которых расположена в 80 днях пути от Ковиката, который отстоял от Тараза в 7 фарсахах[1]. По Едриси «Кимакия есть страна чрезвычайно обширная и плодородная, которая имеет на юге Бараргар (т.е. тогузгуров, Уйгурию), на юго-западе страну кизилджей (карлыков), на западе страну килков и на востоке Мрачное море (la mer Tenebrense)[2]. Едриси довольно подробно описывает части Кимакии. Резиденция хакана и несколько городов прилегающей к ней части Кимакии «расположены на берегах великой реки, которая, имея свое начало в горах Бенджара, течет, направляясь на восток», потом на север и снова на восток, теряясь затем в море[3]. Но сколько-нибудь подходящей к такому описанию текущей на восток реки, на которой могли бы существовать цветущие города, посевы пшеницы и риса и т.д., в киргизской степи, Чжунгарии и Монголии нет. До некоторой степени мне кажется возможным приурочение только западной части Кимакии, которая отделялась от страны

[1] Перевод де-Гуе, p. 22, 20. У Кодамы (p. 160): «Чтобы добраться до резиденции царя каймаков, из Тараза идут в место, именуемое Кавакат, где есть две очень маленьких, но цветущих деревни. Всадник, который поспешает, может проехать отсюда до резиденции царя каймаков в 80 дней. Ему достаточно везти пищу для себя, ибо в долине обильные пастбища, особенно трилистника, и вода в изобилии.
[2] Georaphie d'Edrisi, t. II, p.221.
[3] Jd., pp. 223 et 224.

кизилджей (карлыков) пустыней: от кимакского города Дамурии считалось через эту пустыню 12 дней пути до города хакана кизилджей, находившегося, как мы видели, около Токмака. Города Дамуриа и Сараус, разделенные двумя днями пути, лежали на берегах р.Шариа, впадавшей в трех днях пути от Сарауса на юг в озеро Гаган. Это озеро простиралось с востока на запад на шесть дней пути и в ширину имело полтора дня. На западном конце его, куда с севера впадала р. Шариа, находился город Гаган, а на восточном город Каранитиа, который отстоял от города хакана кизилджей в 16 днях пути через город Атракана, в 6 днях от города хакана и принадлежавший еще кизилдриям. От Каранитиа до главного города Кимакии считалось 24 дня пути, направлявшегося все с запада на восток[1]. Озеро Гаган может, кажется, соответствовать существующим ныне на устьях Чу и Сары-су остаткам озер, которые некогда, быть может и менее 1000 лет назад, составляли одно очень большое озеро. Река Шариа отвечала бы в таком случае нынешней р. Сары-су, на берегах которой лежали бы городки Сараус и Дамуриа[2].

Из новейших писателей професс. Хвольсон не прочь имя кимаков считать тождественным с именем прикавказских кумыков[3]. Того же мнения Вамбери[4]. В.В.Григорьев[5], который озеро Гаган и город Каранитиа считал возможным принимать за Бостэн-нор и Карашар, по расстоянию от столицы хакана харлухов на р. Или, с чем, ввиду изложенных известий Эдриси, согласиться нельзя, предполагал, что «кимаки... (арабских) писателей суть, по всей вероятности, ку-мо-хи, народ, по китайским известиям, живший в Монголии и весьма сильный, пока, во второй половине IX века, не покорили его киданьцы. Эти последние сделались позже известны мусульманскому миру под именем хатайцев, но Едриси, явно, называет еще победителей именем побежденных, т.е. кимаками (подобно тому, как впоследствии монголы долгое время оставались известными под именем покоренных ими татар). С предположением этим однако согласиться трудно, потому что до разрушения уйгурского царства на Орхоне, т.е. до второй половины IX века, кумохи не могли двинуться на запад и, стало быть, оставались на своих землях к востоку от Далай-нора. Не говоря уже о том, что о позднейшем их передвижении на запад, в нынешнюю киргизскую степь, не имеется ни малейших намеков в исторических известиях, тождество их с кимаками потому уже не

[1] Geographie d'Edrisi, t. II, pp. 215-217.
[2] Если допустить существование в VIII-X столетиях большого озера, принимавшего воды Таласа, Чу и Сары-су, то нет причины не считать возможным предполагать из этого озера исток в Сыр-дарью. Такой исток еще с большей вероятностью мог существовать три или два века ранее. В таком случае это могла быть та река Оих, через которую посольство Зимарха переправилось в начале второй половины VI века, по проезду крепостей холиатов (кангалов), достигнув затем, после «немалого пути», до «известного великого и широкого озера», т.е. Аральского моря. По словам Красовского («Область сибирских киргизов», часть II, Спб., 1868 года, стр. 256-258), «на берегу сухого русла, ...составляющего, по рассказам ...киргизов, продолжение реки Чу, некогда вливавшей свои воды близ урочища Бер-казан в Сыр-дарью, находятся 3 могилы, отстоящая одна от другой на 200 или 300 сажен». У входа в одну из этих могил» на фундаментных плитках кирпича слабо заметна монгольская надпись». Урочище, где находятся эти могилы, называется Бис-там, потому что к северо-западу от трех могил есть еще две, так что всего выходит пять (бис) могил. По словам вожака, «здесь прежде был ногайский город».
[3] «Известия о хазарах» и пр. Ибн-Даста», Спб., 1869 г., стр. 131.
[4] Das Turkenvolk, s. 558.
[5] «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 209.

вероятно, что писавший в 230-234 гг. гиджры (845-849 гг. христ. эры) Ибн-Хордадбег уже помещал каймаков на лето, значит более или менее на запад, от столицы тогузгуров (уйгуров-хойху)[1], которая находилась в трех месяцах пути от Верхнего Нушаджана, т.е. еще на Орхоне. Мне кажется вероятнейшим, что кимаки или каймаки арабских писателей, занимавшие низовья р. Чу и бассейн Сары-су, а также Илийскую долину, суть та часть подчинившихся западным тукиюесцам тюркских племен, которая не подчинилась карлыкам, а именно, во-первых, племя копалов и, во-вторых, - все аймаки дулу, занимавшие бассейн Эбин-нора и илийскую долину, вместе с частями аймаков нушиби, обитавших в последней. Эти аймаки дулув в конце VIII века, по «Тань-шу», поддались ойхорам», после падения же ойхоров, значит в половине IX века, «осели при хребте Гинью»[2], т.е. вероятно, в Илийской долине и у подножия Чжунгарского Алатау. Эти именно аймаки ко времени монголов, т.е. к XIII веку, составляли владение Алмалыг, имевшее своих ханов, под верховной властью кара-киданьского гурхана. О населении низовьев р. Чу в той же «Тан-шу», сохранились следующие известия, относящиеся ко времени около половины VIII века: «На западе есть город Суйе, который в седьмое лето правления Тьхян-бао, 748, Ван Чжен-сянь, главноуправляющий в Бэй-тьхин, в войну с Аньси, разорил до основания[3]. Течение реки простирается на 1000 ли. Там есть несколько десятков тысяч дулгаского (т.е. тукиюеского) войска, но под другим названием. Землепашцы вообще ходят в латах; захватывают друг друга в неволю; они принадлежат на западе городу Хынлос. Владение Ши всегда содержит здесь свой гарнизон. Отселе до западного моря с третьей луны до девятой редко идет дожди. Поля орошают снеговою водою[4]. Земли на север от хребта Каратау, входившие прежде в состав Кангюя, продолжали, вероятно, заниматься родами кангюйцев или канглов. Поэтому надо полагать, что тукиюеское войско «под другим названием было родами канглов, подчинявшихся западно-тукиюеским ханам, но не входивших в состав десяти аймаков и имевших, вероятно, своих особых родовых правителей. Эти-то канглы, с VIII века, вследствие ослабления, а потом и падения государства западных тукиюесцев, сделавшиеся независимыми, именуются у арабских географов кимаками или каймаками, обитающими на северо-запад от Тараза. Из приведенных известий «Тан-шу» видно также, что в низовьях р. Чу уже в VIII веке существовало земледелие, несмотря на крайнюю небезопасность землепашцев, вынужденных и на полевые работы ходить в латах, вследствие насилий и грабежей, конечно, не только друг против друга, но главным образом со стороны кочевников канглов. Существовали там, конечно, и селения или городки, окруженные стенами, где земледельцы и торговцы могли иметь убежище и защиту против значительных шаек хищных кочевников. В городе Хынлосе, которому принадлежали эти поселения, можно видеть Талас, который не далек от низовьев р. Чу. По всей вероятности, земледельцы были переселенцами не только из города Хынлоса, но и из

[1] Перевод де-Гуе, p. 22.
[2] «Собрание сведений» и пр., 1, стр. 372.
[3] Вот, вероятно, почему у арабских географов, по сведениям конца VIII века, оказывается на месте г. Суйе «Навакат», Новый город.
[4] «Собрание сведений» и пр. III, 244 и 245.

Шаша, вообще принадлежали тому народу, который Сюань Цзан называет сули или сури, т.е. были сарты, отурченные таджики, как и город Хынлос или Талас был сартовской колонией. Понятно, что при таком составе населения городков на низовьях Чу все это сартовское население находилось в постоянных связях с метрополией сартовского населения правого берега Сыр-дарьи, с Ши или Ташкентом, признавая его власть в те эпохи, когда для обитателей Таласа и низовьев р. Чу была к тому возможность, т.е. во время ослабления тукиюеского владычества, пока усилившиеся карлыкские ханы не овладели прочно Таласом и не подчинили себе Нучигянь до Сыр-дарьи. Низовья р. Чу и роды канглов, кажется, никогда не подчинялись власти карлыков. Так, у арабских географов к северу от Таласа, за пустынями, находятся уже земли каймаков. Позднее, в начале второй четверти XII века, карлыкский владелец Баласагуна и земель у подножия Александровского хребта призывает к себе караханиданьского Елюй-Даши именно для защиты от набегов канглов, с которыми не может сам управиться[1]. Надо думать, однако же, что роды канглов чуйских и сарысуйских не объединялись в IX и X столетиях под одной властью с тюркскими родами Илийской долины и чжунгарско-алатаускими и что огромная Кимакия арабских географов, простиравшаяся от Каратау и низовьев Чу до Мрачного (Ледовитого?) моря или океана, была созданием фантазии и результатом ошибочного объединения отдаленных стран, о географии и населении которых имелись у арабов весьма тощие, смутные и неверные сведения.

Происхождение слова кимак или каймак представляется мне, быть может, и ошибочно, возможным[2] объяснить таким образом, что это есть сокращение кал- аймак, т.е. «оставшиеся аймаки» или «остатки (западно-тукиюеских) аймаков». В самом деле чжунгарско-илийские кочевники IX и XII столетий были не что иное, как остатки западно-тукиюеских аймаков дулу и нушиби, а кочевники родов канглы нижней Чу и бассейна Сары-су также были остатком того же тукиюеского царства. То же имя, в форме калмык, впоследствии, в XV веке, перенесено было на остатки монгольских и омонголившихся родов Чжунгарии на севере и востоке от р. Или и сохранилось до настоящего времени за западными монголами и потомками их у тюркских соседей их, так как сами себя западные монголы этим именем не называли.

Есть у арабских географов сведения о кыргызах и под их настоящим именем киркизов (в ошибочной транскрипции киркиров), но сведения эти представляют собою такое сплетение неопределенных или применимых ко всяким северным кочевникам, или неправдоподобных и частью баснословных слухов, которое не может служить достоверным источником географических, исторических и иных известий об этом народе. В повторяемом многими позднейшими арабскими писателями « сказании» о

[1] Об этом будет еще речь ниже.
[2] Следуя Палласу, по которому, после ухода главной массы элётов, ушедшей в давние времена в Малую Азию и к Кавказу и там безвестно потерявшихся, остатки элётов в Татарии были соседними татарскими народами названы халимак, т.е. оставшиеся (Summlungen Listirischen Nochrichten über die <...> lischen Vulkar <...> Th. I, 1776, s. 6).

путешествии в X веке Абу-Долефа есть такое описание «колена по имени хирхиз», к которому Абу-Долеф попал будто бы из страны тагазгазов (т.е. уйгуров): «Питается оно просом, рисом, говядиной, бараниной, козлятиной и всяким мясом, кроме верблюжьего. Есть у них храм для богомоления и тростник, которым пишут. Народ рассудительный, осмотрительный. Зажегши светильник, не гасят его, пока не погаснет сам собою. В молитвах употребляют особую, мерную речь. Есть мускус у них, но мало. В год имеют три праздника. Знамена их зеленого цвета. Молясь, обращаются к югу. Поклоняются планетам Сатурну и Венере, а Марса почитают дурным предзнаменованием. Диких зверей в стране их множество. Есть камень, светящийся ночью; употребляют его вместо ночников, но вне страны он не имеет сказанного свойства. Государь у них есть имеющий большую власть: в присутствии его не садится никто, кому нет сорока лет от роду. Ехали этой землею месяц спокойно и безопасно[1]. Во всем этом описании нет ничего, что свидетельствовало бы об отношении именно к кыргызам, а не к другим северным кочевникам, отсутствие же географических и исторических известий удостоверяет, что Абу-Долеф в стране кыргызов, ни енисейских, ни тяньшанских, не был: путь его из Хорасана в Китай должен был лежать далеко к югу от енисейских кыргызов, уверение же его о том, что в страну кыргызов прибыл он из страны уйгуров, показывает, что он не был и в земле тяньшанских кыргызов.

Описывается особо земля кыргызов и у Едриси, под именем страны киркиров или хирхиров (khirkhir): «Страна киркиров обширна, плодородна, часто посещается путешественниками, хорошо орошается многими реками, доходящими сюда от китайских границ; главная из этих рек носит имя Менхаз... На ней устроены мельницы, которые обращают в муку пшеницу, рис и разные хлебные растения; из муки делают хлеб или едят ее печеной другими способами... Город, где обитает царь киркиров, ... расположен близ полуострова Гиацинтов... Расстояние города от моря ...около трех дней... Все города страны киркиров помещаются на территории протяжением около трех дней. Городов этих четыре. Все - большие, окруженные стенами и укреплениями, и населены храбрым народом, которому угрожает особенно предприимчивость царя кимаков, воинственного государя, находящегося почти постоянно в войне со своими соседями... В этой стране разводят много лошадей, быков и баранов. Лошади с короткой шеей и очень жирны; их откармливают для употребления в пищу, а быков вообще употребляют для перевозки тяжестей. Все работы лежат на женщинах, а мужчины занимаются лишь пашней и уборкой хлебов, ни чем более. Женщины имеют обычай ставить банки (для кровопускания) на груди, чтобы предупредить их утолщение. Они одарены силою, проворством и смелостью совершенно мужскими... Киркиры сжигают своих умерших и бросают их пепел в Менхаз, а кто живет далеко от реки, то собирают пепел и пускают по ветру... Страна этих киркиров находится к востоку от страны багаргаров (уйгуров) и не далека от китайского моря[2]. По положению

[1] Статья В.В.Григорьева «Арабский путешественник X века Абу-Долеф» в Журнале Министерства Народного Просвещения за 1872 год, сентябрь, стр. 34.
[2] Geographie d'Edrisi, 1.1, pp. 500, 501, 497.

к востоку от уйгуров описываемая Эдриси страна киркиров должна бы быть землею енисейских кыргызов, но помещение ее у китайского моря, близ «полуострова гиацинтов», водяные мельницы, рис, преобладающее у населения занятие земледелием - все это столь несообразно с действительной страной кыргызов, даже во время кратковременного обладания уйгурскими землями на Селенге и Орхоне, что нельзя не считать описание Едриси сцеплением слухов и рассказов, относящихся к какому- нибудь другому народу, а частью и просто басен.

Масуди (943 г.), перечисляя известные ему тюркские племена, кыргызов не упоминает; кеймаки были ему известны[1].

[1] Macoudi - Les prairies d'or, teste et traduction par Barbier de Meynard et Povet de Courteille, tome I, Paris, 1861, p. 288.

3. Древние постройки Таш-рабат и Ахыр-таш

Загадочность имени двух Нушаджанов и возможность его происхождения от названия двух древних построек, существовавших до арабов и сохранившихся поныне. Описания чатыркульского Таш-рабата Валиханова, барона Остен-Сакена и Зеланда. Упоминание о Таш-рабате в 1525 году. Соотношение этой постройки с мечетью Ахмеда-Яссави в Туркестане и вероятность принадлежности Таш-рабата к числу буддийских приютов- обителей, возводившихся в пустынных горных местностях. Упоминание об Ахыр-таше в описании путешествия Чан Чуня. Описание недостроенной постройки на Ахыр-таше Д.Л.Иванова. Подробности об ахыр-ташах и других камнях. Другие сведения и соображения г.Иванова. Находки китайских вещей в курганах близ Ахыр-таша. Вероятность предполагать в этой постройке буддийскую сангараму. Определение эпохи ее сооружения временем VII или начала VIII века. Основания приписывать ее Дулу-хану или Сулу-хану.

В известиях арабских географов о Нушаджанах замечается большая неопределенность. Это - «границы Хорасана», т.е. мусульманских земель, но это также и две области - верхний и нижний Нушаджаны, и вместе с тем это города тех же имен, что однако не мешает Таразу быть столицей нижнего Нушаджана. Подобные же неясности и неустойчивость перешли на само имя границы-области-города, в котором неизменно лишь присвоение южной ее части эпитета верхний, а северной - нижней, тогда как основное имя варьируется в различных чтениях весьма разнообразно. Из этих вариаций самая новейшая - Нушаджан - имеет некоторый внутренний смысл и значение только в том, что напоминает первой своей составной частью сохраненное китайскими историками имя кыргызских аймаков, которые занимали и в то время западный Тяньшань, нушиби, но нуши и нуша все-таки остаются загадочными. Барсаджар, указывая своим значением на путь через крутизны и горную местность, пожалуй, не неподходящее имя для пунктов, в которых начинался бы переход через Тяньшань, но, во-первых, мы ничего не знаем о том, что переход через Тяньшань начинался и кончался в обратном направлении в нижнем Барсаджаре, во-вторых, останется неизвестным - почему этот Барсаджар назывался нижним. Те же самые замечания относятся к имени Барканд, которое по своему значению - проходной город, т.е. пункт перехода из мусульманских владений в тюркские и обратно, кажется более осмысленным и ближе подходит к Балиману времен Чингизидов. Все это, однако, только догадки и действительно употреблявшееся имя остается загадкой.

Позволительно поэтому задаться вопросом: не происходило ли это в точности неизвестное пока имя от тоже пока неопределенного названия двух построек, из которых одна находится около озера Чатыркуля, стало быть в весьма высокой части Тяньшаня, а другая у подножия Александровского хребта, так что первая соответствует местности верхнего Нушаджана, а вторая - нижнего? Не носили ли эти древние и загадочные постройки, называемые ныне Таш-рабатом и Ажыр-ташем, одно и то же название, сообразное с их одинаковым назначением, и не от этого ли названия произошло имя местности обоих, с добавкой для одной эпитета «верхний», так как здание

и местность лежали на высях Тяньшаня, и для другой - нижний», по нахождению ее уже у северных подножий Тяньшаня?

Первое описание Таш-рабата принадлежит Чокану Валиханову, который на обратном пути из Кашгара вышел со своим караваном 18 марта 1859 года в долину озера Чатыркуля и ночевал затем «в горах Таш-рабатских, окружающих долину с северной стороны... На следующий день мы перешли горы Таш-рабат и разбили лагерь на широкой долине Атбаш» (на самом деле в долине Кара-Коина, притока Атбаша). «Близ выхода дороги из ущелья есть каменное здание Таш-рабат, от которого горы эти получили свое название. Рабатами называются на востоке здания, устроенные на больших дорогах для доставления крова путешественникам... Один из бухарских ханов Абдулла особенно любил постройки этого рода и потому основание этого рабата приписывают ему. Здание сложено из плит глинистого сланца, имеет около 12 сажен длины и около 7 ширины. Длинный коридор ведет в круглый зал (5 аршин в радиусе) со сфероидальным куполом; по бокам коридора сделаны маленькие низкие двери, в которые нельзя иначе войти, как понагнувшись; двери эти ведут в маленькие квадратные и продолговатые комнатки. Внутри и снаружи здание это было когда-то выштукатурено; арабески, окружающие ниши, сохранились местами и теперь. Азиатцы по своей лености и невежеству считают все, что требует большого труда или искусства, сверхъестественным: Таш-рабат также имеет свою легенду. Говорят, что невозможно сосчитать число комнат, и если раз насчитать сорок, то, считая в другой раз, выйдет число сорок один, и т.д. Для дикокаменных киргиз это здание служит предметом поклонения и местом для жертвоприношений»[1].

По словам барона Ф.Р.Остен-Сакена (1867 г.), «рабат или роват - караван- сарай..., пристроен к склону горы, которая служит ему задней стеною... Материал - ...слюдяной сланец, в изобилии встречающихся в ущелье. Все здание составляет правильный квадрат в 49 шагов во всех направлениях. Фасад состоит из стены, посреди которой находятся ворота с аркою. Внутри здания находится круглая комната (18 шагов в диаметре), на которой возвышался купол, теперь провалившийся, а кругом главной комнаты - несколько десятков маленьких келий». Передний фасад имеет длины 107,5 футов, ворота с выступом шириною в 27,5 ф., высота передней стены 12,25 ф. «Вообще довольно странная архитектура для здания, которое, как говорят, было предназначено для пристанища караванов. Киргизы приписывают постройку этого здания эмиру Абдуллах-хану... Древних надписей никаких нет. В главном помещении заметны следы разводимых огней; стены исписаны путешественниками, проходившими здесь с караванами, подобно тому, как это бывает и у нас»[2].

По описанию Н.Л.Зеланда, проезжавшего в 1886 году в Кашгарию, «непривычного вида поседевшее каменное здание» представляет собой «четырехугольник с плоским верхом, в середине которого сидит, в виде колпака, грубый полуразвалившийся купол.

[1] «Поездка Ч.Ч.Валиханова в Кашгар» в «Известиях и.р.географического общества», 1868 года, стр. 277.
[2] «Известия р.геогр. общества», 1869 года, стр. 142.

Во внутренность здания ведет единственный, довольно высокий, сводчатый вход; окон никаких нет. Входное отверстие есть начало коридора, который в средней части здания несколько расширяется, перекрещиваясь с другим, более коротким, т.е. в центре образуется нечто вроде залы, которая приходится под куполом. Из нее в четыре стороны идут сводчатые коридоры. Из переднего, т.е. входного, в одну сторону идут еще боковые, более узкие коридоры. Как в главных, так и в боковых коридорах замечаются в стене отверстия вышиной в 1-1,5 аршин, которые ведут в глухие кельи. Кельи внизу четырехугольные, кверху круглые; свод у некоторых обвалился; те же, в которых он сохранился, абсолютно темные. Объем их, судя по глазомеру и измерению шагами, не более кубической сажени. Входить в них приходится сильно нагибаясь, а в некоторые совсем ползком. Внутренность их совершенно голая, нет ни следа каминов, нар, ниш и т.п. Все здание сложено из соединенных цементом неправильных кусков синего и красноватого сланца, которого много в окрестностях. В средней зале местами сохранились куски грубой штукатурки, но каких-либо изображений, барельефов, надписей и т.п. в настоящее время нет никаких. Но спешу прибавить переданное мне подполковником Волковым, который видел это здание в 1871 году, т.е. 15 лет раньше меня: в то время на штукатурке можно было разобрать грубые фигуры трехглавого коня и пятиглавого дракона. Надо полагать, что штукатурка с этими изображениями с тех пор обвалилась[1]. Теперь можно увидеть только какие-то арабские[2] надписи, сделанные, очевидно, проезжими мусульманами каких-нибудь караванов, которые в дурную погоду ставят лошадей под своды этой руины. Длина всего здания около 48 шагов, ширина 36, высота купола аршин 12, высота главного коридора около 4. Кто построил это здание и какое было его назначение? Крепостью или частным жилищем оно быть не могло... Скорее всего на таком месте можно было бы предположить дом, устроенный для убежища караванов, которые действительно очень давно ходят этим путем. Но физиономия его совершенно особенная, вовсе не похожая на караван-сараи и рабаты, устроенные с этой целью. Кому могло придти в голову затратить столько лишнего материала затем, чтобы сделать вход в отдельные кельи столь недоступным и совершенно изолировать его от света? В среднем большом помещении и теперь в непогоду укрываются караваны, но отдельными рассеянными норами никто и не думает пользоваться. Отдельные покои караван-сарая обыкновенно располагаются в ряд, прямо со двора или сеней, а не прячутся по извилинам узких и темных ходов. Если нужно было большое число отдельных помещений для приезжих, что, впрочем, тоже не в обычае у некультурных народов и при караванном способе передвижений, то можно было бы употребить лишний материал для увеличения наружной стены и расположить камеры вдоль двора или сеней, что было бы несравненно удобнее и проще. Всего правдоподобнее, что это был род монастыря, который вместе с тем подавал помощь и приют (в средней зале) проезжим, но какой это мог быть монастырь? Скитообразная форма главных коридоров наводит на мысль о хри-

[1] Вернее, ввиду описаний Валиханова и барона Остен-Сакена, думать, что таких изображений совсем не было.
[2] Вероятно, тюркские, о которых говорит барон Остен-Сакен.

стианах... С другой стороны известно, что в Кашгарии в начале средних веков процветал буддизм... Но, во всяком случае, нужно полагать, что если этот дом служил постоянным местопребыванием для каких-нибудь людей, обрекших себя для служения Богу и ближним, то таких обителей, вероятно, немного было на свете... Весьма пожалел я, что не мог исследовать склепа, имеющегося в монастыре, гробницы и кости которого, вероятно, дали бы какие-нибудь сведения о характере и истории этого здания. Киргизы, водившие меня по крыше или, вернее сказать, по наружной более или менее низкой поверхности потолка этого здания, показывали мне место склепа, причем уверяли, что там похоронены сарты и киргизы. Систематическим археологическим исследованиям остается поднять эту завесу»[1].

Существует на самом деле или нет склеп или просто могилы, это, конечно, выяснят когда-нибудь весьма желательные раскопки, но во всяком случае здание, называемое Таш-рабатом, построено не Абдулла-ханом, который родился в 1538 году[2], ибо Таш-рабат упоминался в «Тарихи-Рашиди» без всяких объяснений, быть может как здание уже в то время слишком древнее и всем известное, еще под 1525 годом: в этом году, когда Рашид-султан бежал с Кочкара (вершина р. Чу) на Атбаш, боясь приблизившегося к Кочкару Тагир-хана, Султан-Саид-хан двинулся на помощь к сыну (Рашид-султану) из Кашгара и встретился с ним «не доезжая Ат-башия, на Рабате»[3]. Что касается назначения здания, то десятки маленьких комнат, непригодных для помещения обыкновенных путешественников, побуждают полагать, что здание предназначалось не для одного приюта путешественников, но преследовало и другую цель, без сомнения религиозную. Множество темных келий, которые кажутся странными в таш-рабатском здании, встречается и в одной известной мусульманской постройке, по поводу которой Пашино писал следующее: «Мне ни разу не доводилось ни видеть, ни читать ни одного описания какой-нибудь мечети, имеющей хотя малейшее сходство с устройством храмины Азрет-султана (в Туркестане). К чему эти десятки темных келий? двухэтажные пекарни и внутренние колодцы?» Удивляясь устройству «темных келий, выходящих во внутренность здания», Пашино думал объяснить их назначение предположением, что они служили «местами духовного самосозерцания, сопровождаемого молитвою и физическим изнурением», членов секты, во главе которой стоял (догадывается он) Азрет-ходжа-Ахмед-Ясави: и поныне собирающиеся в четверг на пятницу на могиле Ахмед-Ясави фанатики «в продолжение многих часов, читая молитвы, сопровождают их различными кривляниями, бесчисленными глубочайшими вздохами, доводящими непривычных до беспамятства, и плясанием кругом гробницы до изнурения»[4]. Однако, кажется, можно дать более естественное объяснение. Хотя возведение главных зданий на могиле Ахмеда-Ясави исполнено по распоряжению Тимура, который в 799 году гиджры сам осматривал

[1] «Кашгария и перевалы Тяньшаня» в «Записках западно-сибирского отдела и.р. географического общества», книжка IX, Омск, 1887 года, 22-27.
[2] Вамбери «История Бохры», Спб., 1873 года, т. 11, стр. 43.
[3] Вельяминов-Зернов «Исследование о касимовских царях и царевичах», часть 2, 1864 года, стр. 196 и 197.
[4] «Туркестанский край в 1866 году», Спб., 1868 года, стр. 66.

постройки, но у Шереф-эддина[1] перечислены возведенные по воле Тамерлана части построек, между прочим два минарета, большой купол и рядом с ним малый над могилою святого. В этом перечислении ничего не говорится о кельях, пекарнях и внутренних колодцах. Не составляют ли эти сооружения часть прежних существовавших уже на том месте построек? Не были ли они возведены вновь под влиянием прежней местной архитектуры молитвенных зданий, конечно, господствовавшей не в одних Яссах (Туркестане), но и вообще в западном Тяньшане и прилежащих странах, не будучи, конечно, и здесь чисто местным явлением, а занесенной из Индии вместе с буддизмом? О существовании подобных больших религиозных сооружений сообщают мусульманские историки: так они рассказывают, что саманид Измаил, около 894 года по Р.Х., овладев Таразом, обратил в мечеть большой храм неверных[2]. Может быть, это был буддийский храм или монастырь, такой же мог существовать и в Яссах и также мог быть обращен в мусульманскую мечеть. Но могла быть в Туркестане выстроена и прямо мусульманская мечеть под таким однако сильным влиянием архитектуры буддийских храмов и монастырей, что в состав постройки вошли и совсем не нужные для мусульманского храма кельи. Все это, конечно, только предположения, высказанные по поводу догадок по предмету, имеющему довольно отдаленное отношение к зданию на Таш-рабате. Существование келий, которые в мусульманских зданиях неуместны, дает основание предполагать, что это было здание немусульманское. Напротив возведение убежищ для путешественников, служивших вместе с тем и обителями для подвижников, было в обычае у буддистов, между прочим, и в пустынях, подобных таш-рабатской. Так во времена Сюан Цзана, во владении Гобаньдо (ныне Таш-курган) существовал в горах, в опасной для путешествующих и безлюдной пустыне, «особого рода благотворительный приют (пуньясала по-санскритски, фо-ше по-китайски), где путники... и торговцы могли получить даром все для них нужное. До существования означенного приюта - гласила легенда - в месте этом погиб некогда, от вихря и снега, огромный торговый караван, в котором было до десяти тысяч народу и многие тысячи верблюдов. Чтобы такая же участь не могла постигнуть и других, архан[3], проживавший тогда в Гобаньдо, собрал товары и другие драгоценности, принадлежавшие погибшим, распродал их и на приобретенные таким образом деньги выстроил означенный приют и обеспечил его существование»[4]. Высокие и пустынные горы часто служили любимым местопребыванием величайших буддийских подвижников. «Многие из подвижников в Индии, достигших степени архана, переносились

[1] Histoie de Timur-bec, traduite par Petis de la Croix, Paris, 1722, t. 2, p. 426.r

[2] Вамбери «История Бухары» в переводе А.И.Павловского, 1873 года, том 1, стр. 67. Сам Вамбери, не отвергая, что упомянутый храм мог быть буддийским, склонялся более к тому, чтобы считать его несториано-христианским.

[3] Подвижник, «достигший при жизни известной степени святости» («Восточный Туркестан», вып. 1, стр. 344).

[4] «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 140 и 141. В.В.Григорьев полагал, что этот приют не был тем убежищем, о котором идет речь у Птоломея (География, кн. VI, гл. 13) и которое находилось на описываемом им пути к серам, потому что, по его мнению, Птоломею был известен лишь путь в Серику через Фергану, а не через Памир, «но весьма возможно, что приют, подобный тому, о котором говорит Сюань Цзан, находился где-нибудь» и на пути, описываемом александрийским географом (там же, стр. 141). Стало быть, В.В.Григорьев, пожалуй, не отказался бы признать за птоломеевское убежище Таш-рабат.

оттуда чудодейственною силою своею, по воздуху, чтобы почить, напр., на высокой горе, находившейся на южной границе яркендского владения, в которой находилось множество пещер, келий и нишей, высеченных в скалах; тут многие переходили и в нирвану» [1]. Если и не восходит к первым векам после Р.Х., когда буддизм распространялся в восточном Туркестане, то мне не кажется невероятным, что приют-монастырь почти в середине трудного горного пути между Ферганой и Баркандом и между Чуйской долиной и Кашгарией был построен благочестием и милосердием буддистов между V и VIII веками по Р.Х., когда религия Будды стала проникать и на север от Тяньшаня, и на восток. Конечно, такая постройка требовала не малых средств, но нельзя сказать, чтобы она не была по силам богатого торговца или члена духовенства, а тем более одного из владетелей Ферганы, Барканда или Кашгара, потому что материал находился под руками и не требовал искусных рабочих, сверх немногих опытных мастеров и сведущего в подобных сооружениях архитектора. Без сомнения именно отсутствие всякой ценности у единственного материала (кроме цемента), употребленного для постройки Таш-рабата, было главной причиной неразрушения этого здания рукой человека в продолжение не только тех трех с половиной веков его существования, которые удостоверяются свидетельством «Тарихи-Рашиди», но и еще быть может тысячелетия, за которое нет исторических об этом здании известий.

Обратимся теперь к другому не менее интересному древнему памятнику, находящемуся в местности нижнего Нушаджана. Некоторые о нем сведения сообщил П.Лерх[2], осматривавший его в 1867 году и указавший на упоминание об Ахыр-таше в описании путешествия даосского монаха Чан Чуня, проезжавшего в 1221 году из Китая к Чингиз-хану в Маверанагр. В этом описании говорится, что от города, в который путешественники прибыли после переезда через реку (несомненно р. Чу) по досчатому мосту, они «ехали подле гор на запад дней семь или восемь, когда горы вдруг пошли на юг; на дороге попалось каменное городище; камни совершенно красного цвета; есть следы древнего военного становища. На западе есть большие насыпи могильные, расположенные, как звезды в Медведице. Потом переехали через каменный мост и по направлению юго-западных гор сделали пять переездов до города Сайлань»[3].

Прекрасное, довольно подробное и основательное описание Ахыр-таша сделано горным инженером Д.Л.Ивановым, трудом которого мы здесь и воспользуемся: «Ахыр-таш находится на старом почтовом тракте из Аулье-ата в г.Пишпек (или Пшкек, как

[1] Там же, стр. 145. Такие кельи, какие устроены в Таш-рабате, и вся их обстановка годились бы для нынешних монгольских лам-созерцателей, обитающих в особых монастырях, носящих название китов. «Богослужений в них почти не совершается, ибо ламы монастыря большей частью просиживают, заключившись в одиночестве и исполняя трудные подвиги дияны», т.е. созерцания, которое одно может дать святость (см. профессора Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» и пр., Спб., 1887 года, стр. 202 и след.).
[2] «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году», Спб., 1870 года, стр. X, 34 - 39.
[3] См. ниже, в главе восьмой, подробное извлечение из «Си-юй-цзи».

говорят местные киргизы), верстах в 40 от первого города[1], у северной подошвы горной цепи, называемый Александровским хребтом (верстах в 4-5 к северу от начала предгорий). Восточнее ущелья Алмалы от предгорий Александровской цепи идет довольно пологий и ровный склон к долине Чу, прорезанный оврагами, большей частью сухими; характер этого склона степной, однообразно утомительный. По этому склону от Александровских гор вытянулся небольшой низенький отрог, в виде гривы, кончающийся у старой дороги круглым холмом Таш-тюбе. В последнем обнажаются ярко-красные песчаники (третичные), которые теперь ломают на жернова. Саженей с 200 к востоку от Таш-тюбе, среди совершенно открытой местности, находятся развалины одной из грандиознейших древних построек, занимающие под собой площадь более 1,5 десятины (3844 кв. саж.). Какой-то дворец или храм был затеян здесь когда-то. План его очень правилен и ясен, несмотря на древность сооружений, и отличается крайней простотой и симметричностью. Передний фас этих развалин обращен к северу; длина его 62 сажени. Боковые фасы, хотя по моему измерению и оказались несколько больше (69 саж.), но я склонен думать, что это произошло от ошибок в моих измерениях (считал шагами и по частям), а потому, вероятно, план здания представляет правильный квадрат[2]. По середине каждой из сторон по входу.

Особенно ясны они на северном и южном фасах (мне кажется несомненным, что вход с фасада должен был изображать сводчатые ворота в высоком фронтоне), на боковых же обвалившиеся камни несколько маскируют самые входы. Пройдя коридором в 16 саж. длины и 8 арш. ширины, входишь на большой внутренний двор (25 саж. в стороне). Кругом двора правильные, симметрично расположенные помещения. Задняя, южная сторона храма имеет по обе стороны входа тоже симметричные помещения, в середине которых по небольшому двору (81 кв. саж.), и из каждого из последних по особому ходу внаружу. Самые помещения или комнаты очень невелики: по 8 арш. в сторону квадрата. Остальные подробности, как расположение дверей, коридоров и пр., видны из прилагаемого плана. Что касается передней, т.е. северной части постройки, то значительный обвал камней не позволил мне с точностью разобрать - соответствует ли она расположению задней стороны, или

[1] По Лерху, в 44 верстах от Аульеата («Археологич. поездка», стр. X). Ибн-Хордадбег и Кодама показывают Нижний Нушаджан (не выясняя - что это такое: урочище, селение или что другое) в 3 фарсахах (18 в.) от Тараза, упоминая за ним в 2 ф. Касра-бас и другие стойбища или зимовки карлыков, имеющий на юге горы и на севере пески. Едриси утверждает, что Нижний Берсаджан есть небольшой город, окруженный жилищами и обработанными полями, и показывает до него от Тараза 33 мили (66 в.), уменьшая зато расстояние между следующими пунктами. Ввиду молчания Ибн-Хордадбега и Кодамы о том, что Нижний Нушаджан есть населенное место, вернее полагать, что это было простое урочище, имя которого произошло от существовавших уже в то время неоконченных построек Ахыр-таша, Едриси же назвал этот пункт городом по собственным догадкам, хотя Ибн-Хордадбег служил ему главным, если не единственным источником в описании данной страны. Расстояние от Тараза до Нижнего Нушаджана во всяком случае у Едриси преувеличено. Едва ли караваны могли делать переход в 40—44 версты, как считают ныне от Таласа до Ахыр-таша; вероятно, по выходе из Тараза, караваны имели ночлег на арыке из Таласа или на какой-нибудь воде верстах в 18, как значится у Ибн-Хордадбега, и затем шли фарсаха 4 (а не 2) до Касра-баса, немного западнее развалин Ахыр-таш, если это не есть самый Ахыр-тас в испорченной транскрипции рукописей. Имели или нет караваны ночлеги у самых развалин Ахыр-таш, это не могло мешать уже первому ночлегу от Тараза именоваться по названию древних развалин, которые, быть может, давали свое имя всей местности на восток от Таласа до Касра-баса.

[2] По Лерху длинная сторона здания простиралась на 400 футов, а короткая на 450 ф.

имеет самостоятельный план. Вот почему я и оставил эту часть развалин без показания всякой планировки помещений.

«Все описываемое здание было построено из огромных камней, размером от 1 до 2,25 арш. длины, от 9 до 15 вершк. ширины и до 1,5 арш. высотой (так что вес одного камня доходил до 60 слишком пудов). Материал брался из Таш-тюбе, где теперь ломки жерновов. Сильно темно-красный, железистый песчаник, из которого сложен северный нос означенного отрога, представляет несколько разностей, смотря по характеру пластов: он то грубозернист до того, что может быть назван конгломератом, то среднего зерна и довольно рыхлый, то, наконец, более плотный, сливный. В настоящее время на жернова берутся только крупные разности песчаника. На постройку же храма шли преимущественно мелкие и плотные его варьететы.

«Обтеска камней производилась вблизи ломок и занимала значительную площадь. Здесь находится до 150-200 камней, в разной степени обделки: и совершенно неотесанные, только что доставленные с камнеломни, и наполовину обделанные, и наконец совершенно готовые. Собственно ахыр-таш, т.е. те камни, из-за которых киргизы окрестили этим именем развалины, находятся здесь, в камнетесной мастерской; тут их более 40 штук. Все эти ахыр-таши из того же песчаника, почти одинакового размера, именно: 2,25 арш. длины, 1,25 арш. ширины и 14 вершков вышины. Наиболее тщательно обтесаны лицевая сторона и канты. На лицевой стороне выдолблено правильное зеркало в 5 вершков глубиной и в 3-х вершковой рамой. У некоторых из них есть сбоку выступы и соответственные углубления, так что очевидно предполагалось класть камни, связывая их на шпунту и т.п. Привожу на рисунке 4 типа таких ахыров (ф.2). Судя по размерам всей постройки и по незначительной глубине зеркалов, ясли эти нельзя иначе рассматривать, как отдельные камни, предназначенные к орнаментации здания[1] и, конечно, с действительными яслями и не имеющие никакого, даже отдаленного сходства.

Все другие камни, как в камнетесной фабрике, так и в самом здании, могут быть сортированы на три группы. Первая, как и ахыр, фигурные, орнаментные камни. Это самые интересные: они тщательно тесаны, правильно пригнаны один к другому и представляют часто крайне любопытные узоры и очертания. Карнизы, капители, полуколонны, цокольные и фронтонные украшения сделаны из таких камней. Из приложенной таблицы наиболее характерных камней, которые я успел срисовать, видно, что в основании всей отделки здания положено сочетание различных правильных геометрических фигур и их частей (фиг.4). В числе камней, предназначенных для

[1] Вероятно, автор «Заметки по поводу статьи «К вопросу о начале города Ташкента» («Туркестанские ведомости», 1892 года, № 44) случайно не знаком с описанием г. Иванова, иначе он не высказал бы предположения, что в нишах или зеркалах ахыр-ташей должны были храниться трупы: «Ахыр-таш (редчайший памятник, вероятно, буддийского времени) до сих пор остается без обстоятельного исследования; высеченные из камня глыбы четырехугольной формы с маленькими боковыми отверстиями, покрытые каменными же плитами, среди таких же камней, выдолбленных по их длине (отсюда название каменные ясли), но без верхних плит, невольно наводят на догадку о существовании в первых трупов и на желание снять плиты и убедиться в этой догадке».

лицевой отделки, некоторые украшены карнизными узорами. Наконец, судя по одному, с рельефным, очень мелким и мастерски исполненным рисунком (ф.5), тип его - вязь из геометрических фигур - едва ли не тот же арабский, который преобладает и в более поздних мусульманских памятниках древности в Средней Азии (Самарканд и др.), хотя изгибы некоторых дуг в капительках представляют как бы отчасти уже влияние греческой архитектуры. Говорю это, впрочем, как простую поверхностную догадку, предоставляя точное определение специалистам. - Наибольшее число украшений сосредоточилось у северного входа, где, видимо, проектировались замысловатые пилястры, своими грандиозными размерами соответствовавшие масштабу всего здания. На этой же стороне весьма ясно отделен и цоколь здания. Камни описываемого сорта отделывались, пригонялись и притесывались в каменной фабрике очень тщательно, по заранее изготовленным точным рисункам.

Второй сорт камней - гладкой тески, для облицовки ровных поверхностей здания (ф.3). Это в большинстве прямоугольные камни с чистой теской на лицевой стороне, с тщательно оттянутыми кантами; другие же стороны обтесаны весьма грубо. Третий сорт - камни без всякой тщательной тески: им дана лишь общая параллелопипедальная форма. Такие камни шли на кладку внутренних стен, быть может, предположенных впоследствии под штукатурку. Никаких посторонних связей или отверстий для них в камнях я не заметил.

Из описанного материала была произведена довольно значительная по высоте часть постройки. Еще теперь в развалинах можно видеть ясных три, четыре, а в некоторых местах и пять рядов камней. Кладка велась весьма искусно и тщательно, в особенности на лицевой стороне. Цемента, по-видимому, не употреблялось никакого. Нет сомнения, что вся постройка возводилась одновременно, постепенно, согласно строго выработанного плана, и лишь один северный фасад, как главная часть дворца, шел, кажется, несколько успешнее других частей. Что постройка не была доведена до конца ни в одной своей части - это видно по всему: и общий вид развалин, и размеры здания, и многочисленные поднесенные, но еще не положенные на место камни, и наконец, обширная камнетесная мастерская, брошенная в полном ходу работ, - все это несомненно убеждает, что оставалось еще далеко до окончания всего сооружения.

Что же помешало осуществиться такому большому предприятию? Почему, несмотря на массу сделанных уже затрат, на грандиозность затеи, она не доведена до конца, брошена почти на половине?

Чем дольше и тщательнее всматриваться и изучать детали этой громады, тем большее удивление охватывает наблюдателя. Огромные камни, гигантские размеры всего сооружения, смелость замысла, искусство и тщательность выполнения наконец эта кажущаяся ныне изолированность громады развалин среди сухой пустынной степи, - все это заставляет смотреть на Ахыр-таш, как на одно из замечательнейших древних архитектурных сооружений в Туркестане. Для подобной циклопической затеи нужно

было иметь огромные средства. Кроме искусного архитектора и прекрасных опытных мастеров, необходимо было располагать массой рабских рук и огромными богатствами. На такое дело мог решиться только какой-нибудь могучий народный властелин, знаменитый завоеватель, пожелавший увековечить себя такой небывалой в этих местах постройкой. В плане и выполнении его видна не простая случайная прихоть, а нечто обдуманное, серьезное. Осуществление такой мысли требовало немало времени. Словом, перед нами выдающееся и единственное в этой стороне предприятие. И между тем какой-то роковой удар, какое-то проклятие разом остановило сооружение такого знаменитого памятника. Конечно не дюжинные мелкие причины, а нечто равносильное самому замыслу остановило эту работу, рассеяло многие тысячи согнанных сюда рабочих и стерло всякие следы об имени того, кто повелевал этими тысячами... Предания местных киргиз не объясняют ничего и скорее имеют этнографический интерес, чем исторический». Действительно, по двум из приводимых г.Ивановым сказаний, хан-отец влюбленного в ханскую дочь богатыря-сына затевает, неведомо к чему, строить дворец, но постройка остается не законченною, потому что сын засматривается с вершины горы, откуда он кидает камни на место постройки, на свою красавицу и теряет свою богатырскую мощь или убегает к красавице. По третьей легенде построение дворца или храма поставлено условием выдачи в замужество красавицы, но причины неокончания постройки не выяснены.

«Около самых развалин описанного храма, близ его юго-западного угла, видны еще остатки небольших построек, которые, быть может, служили жилищами производителей работ. Кроме того мне рассказывали туземные жители, будто близ предгорий Александровской цепи (на отроге Таш-тюбе) есть следы бывшего водопровода, который был обделан тем же красным песчаником. Сам я не имел времени туда съездить. Из других следов древних поселений в этой местности я укажу на каменные сооружения у выходов из гор ручьев Сугуты и Зап. Каинды. Тут мы видим сложенные большие валуны в виде замкнутых фигур, как бы загонов, стен укреплений, пашенных огородов и т.п. Интересны эти сооружения главнейше тем, что камни, употребленные для них, очень велики».

«Было бы крайне интересно изучить Ахыр-таш более подробно и произвести ряд раскопок в почве, как внутри развалин храма, так и среди соседних камнетесной мастерской и остатков жилищ. Вероятно, при этом встретятся какие-либо инструменты, монеты и т.п., которые помогли бы разъяснить значение такого величавого памятника Средней Азии»[1]

В 1878 году, аульеатинским уездным начальником был доставлен в ташкентский музей небольшой медный «кувшинчик, очевидно, китайской работы, вырытый киргизами из древнего кургана на ур. Каянды, между станциями Ак-чулак и Акыр-тюбе, недалеко от развалин древнего буддийского монастыря. Эти развалины носят название

[1] «По поводу некоторых туркестанских древностей» в «Известиях р. географического общества» за 1885 год, стр. 162-170.

Акыр-тюбе или Тас-кутан (каменные ясли). Предание приписывает постройку эту какому-то мифическому существу, начальнику дивов (дэу). Влюбившись в женщину-красавицу, гигант начал строить для нее дворец, перебрасывая для этого огромные камни из гор... Маленький кувшинчик весьма оригинальной формы; обращает внимание особенно ручка сосуда, изображающая ящерицу, бегущую по кувшину»[1]. В 1890 году значатся поступившими в археологическую комиссию найденные в аульеатинском уезде, близ развалин Ахыр-таш, 2 китайских бронзовых зеркала, 34 стеклянных бус и разные обломки бронзовых украшений, в том числе часть четырехугольной бронзовой плитки со следами китайской надписи и бронзовой пряжки в виде двух соединенных между собой плоских колец[2].

Все приведенные сведения не дают достаточных данных для основательного решения вопросов о назначении здания на Ахыр-таше и времени постройки. Находка кувшинчика в могильном кургане, в 1878 году, и разных вещей, быть может, тоже в могиле, в 1890 году, может не иметь ничего общего со зданием, относясь к более раннему или, напротив, к более позднему времени. Китайцы конечно могли быть употребляемы на постройке в качестве чернорабочих или второстепенных мастеровых, но в здании нет ничего специально китайского, каковы были бы, напр., неизбежно составляющие принадлежность китайских зданий драконы, которые попадают даже в украшения мусульманских мечетей китайских магометан. Кроме пленных китайцев, во множестве встречавшихся в древние и средние века в Туркестане, так что Сюань Цзан, напр., нашел целый из них городок на Таласе, китайских рабочих и ремесленников нетрудно было набрать в восточном Туркестане и особенно в восточном Тяньшане, где китайские поселения не переводились многие века. С другой стороны, рисунки в виде вязи из геометрических фигур не составляют исключительной принадлежности мусульманских построек, ибо такие рисунки бывали в ходу в разных местностях и в домусульманское время. Остается предполагать в постройке буддийскую сангараму[3], храм-обитель, подобную таш-рабатской, с которой имеет некоторое соотношение и ее план, с двориками, которые частью, если не все, были покрыты сводами или куполами, с ее коридорами и небольшими комнатами или кельями, входы в которые все были бы изнутри здания и из его коридоров.

На основании исторических данных можно указать только две эпохи, в которые какой-нибудь могущественный государь, центр владений которого находился около рек Чу и Таласа, мог быть настолько ревностным буддистом, что мог бы предпринять подобную постройку во славу Будды, его учения и церкви. Одну из этих эпох составляет владычество в Туркестане и Мавераннагре кара-киданей, основатель империи которых и его преемники исповедывали буддизм и резиденцию имели в Чуйской долине. Но

[1] «Туркестанские ведомости». 1878 года, № 10.
[2] «Отчет и. археологической комиссии за 1890 год», Спб., 1893 года, стр. 146, 147 и 122.
[3] Лерх считал вероятным, что здание на Ахыр-таше есть буддийский монастырь. На одном из обтесанных камней он открыл вырезанную на манджурском языке надпись о победах китайцев над зюнгарами в 1758 г. («Археологическая поездка в туркестанский край в 1867 году», Спб., 1870 года, стр. X).

трудно думать, чтобы здание на ур. Ахыр-таш строилось в XIII веке, потому что ко времени проезда Чан Чуня протекло с основания кара-киданьского государства менее ста лет. Чан Чунь, положим, не был буддистом и не особенно этой религией интересовался, но он собрал сведения о кара-киданях и только лишь кончившемся владычестве их в западном Туркестане и, конечно, слышал бы что-нибудь о постройке, ими произведенной на ур. Ахыр-таш, если бы она относилась к их времени, а не была остатком старины более древней: между тем развалины имели уже вид столь старинный, что Чан Чунь принял странные камни с зеркалами за «следы древнего военного становища», вероятно именно в том смысле, какой дает им перевод Потье, не имевшего о развалинах Ахыр-таш никакого понятия, т.е. счел за ясли для корма лошадей, конечно, сообразно существовавшему уже в то время у местных кочевников, сохранившему и поныне названию «ахыр-таш», которое свидетельствует, что уже тогда развалины были столь древни, что местное население успело утратить сведения об истинном назначении этих камней и всей постройки.

Ханы предшествовавших кара-киданям властителей западного Тяньшаня карлыков в X веке уже исповедывали ислам, так что буддистами они могли быть лишь в предшествовавшие полтора века своего владычества. Конечно, в конце VIII и в IX столетии, по примеру значительной части подвластного им населения, имевшего, напр. в Таразе, буддийские храмы, особенно же со времени покорения Кашгара, Яркента и Хотана, где религия Будды тогда еще процветала, могли встречаться между карлыкскими илеками, ревностные буддисты, но приписывать одному из них постройку Ахыр-таша очень мало вероятности, потому что для этой постройки необходимы были многие десятки, быть может, сотни искуснейших камнетесных мастеров, достать же их и вместе с исключительно сведущими архитекторами карлыкские ханы едва ли имели возможность, потому что не имели ни власти, ни влияния ни в Индии и Иране, ни даже в Мавераннагре. Едва ли могли обладать они и теми огромными богатствами и легионами чернорабочих, которые нужны были строителю Ахыр-таша, потому что владения карлыков не отличались богатствами, а войны, ими предпринимавшиеся, не доставляли им большой добычи и масс пленных. Поэтому кажется более вероятным, что построение огромного здания на Ахыр-таше было предпринято одним из западно-тукиюеских ханов, власть которых простиралась от Алтая до Гиндукуша и которым временами платили дань персидские Сассаниды и, вероятно, владетели северных частей Индии.

Хотя Сюань Цзан, следуя от Суйе в летнее местопребывание тукиюеского хана на Мин-булаке и оттуда в Талас, оставил ур. Ахыр-таш в правой стороне от своего пути, но едва ли он не поместил бы сведений о таком выдающемся, хотя и оставшемся неоконченным, буддийском сооружении, если бы оно в его время существовало, приведя и приличные по его поводу легенды. На этом основании постройку на Ахыр-таше следует относить ко времени позднее проезда Сюань Цзана. В таком случае возможными строителями Ахыр-таша могли быть из тюркских ханов с вероятностью только Дулу-хан (638-653 гг.) или Сулу-хан (715-738).

Из них Дулу-хан[1] провел первые годы своего царствования в непрерывных военных походах на огромном пространстве от Ичжеу (Хами) до Тухоло (Тохарестан, Бактриана) и от Енисея («он привел под свою власть владения Сяоми и Гегу»: последнее имя носила страна енисейских киргизов (вместо <...>) до Аму-дарьи. Средства его и число рабов должны были быть громадны, судя по набегам на столь богатые страны, как Бактриана и Согдиана. Между прочим, напав на Кангюй и Даоми, он «всех пленных взял себе, а не уделил подчиненным». Для чего были нужны Дулу-хану эти пленные? Вещь возможная, что именно этот неутомимый воитель, отличавшийся энергией и самостоятельностью своих действий и склонный к новизнам, был буддистом и задумал увековечить свою память и проявить силу своих верований сооружением буддийской обители, имеющей быть рассадником исповедываемой им религии в центре его государства, на разграньи между кочевыми и оседлыми его подданными. Вот, быть может, для какой именно цели он оставил себе всех пленных кангюйцев, когда, около 641 года, он затевал или производил уже постройку на Ахыр-тюбе. Однако именно это самое предприятие, или, по крайней мере, вызванное им лишение войск обычно раздававшихся им пленных, было причиной потери для Дулу-хана всей северо-восточной части его владений, с чем вместе должна была прекратиться и постройка Ахыр-таша: некоторые из его военачальников и главы родов нушиби возмутились и началась междоусобная война; по-видимому, Дулу-хан успел одержать верх над врагами, потому что собрался идти в Тухоло для защиты этой области от какого-то нападения. Этот поход был предпринят вопреки советам его вельмож, которые полагали необходимым «возвратиться в свое владение», т.е., вероятно, остаться в стране между Чу и Таласом, где, кажется, произошла борьба с мятежниками, вероятно, для того, чтобы окончательно затушить домашний пожар. «Хан не послушался и с войском переправившись через реку Е, дошел до владения Ши. Приближенные его все почти разбежались». Это я понимаю так, что Дулу, вопреки мнению своих советников, все-таки отправился в Тухоло, переправился через р. Талас (или Чу) и достиг ташкентских земель, но здесь остававшиеся еще ему верными родоначальники решились его покинуть и удалились по домам. Тогда и Дулу вынужден был идти назад с небольшим отрядом, чтобы склонить к покорности бросивших его родоправителей. Во время этого похода, когда хан находился уже около Таласа, на него напал один из нушибийских родоначальников и нанес ему поражение. Дулу, однако, сохранил бодрость духа, занял город на Белой реке (т.е. на р. Аксу, около Манкента) и сделал из него опорный пункт для дальнейших предприятий. Возведя на престол нового хана, нушибийцы напали здесь на Дулу, но были им жестоко побиты. Убедившись, что, несмотря на поражение нушибийцы намерены продолжать войну во что бы то ни стало, и видя «нерасположение народа»», Дулу не стал продолжать войны и отправился в Тухоло, где затем и оставался до конца своих дней около 653 года. Очень может быть, что нерасположение народа, т.е. нушибийцев, не столько истекало из неотдачи войскам пленных кангюйцев, сколько вызвано было тяжестью падавшей,

[1] «Собрание сведений» и пр., ч.1, стр. 352 и 353.

конечно, частью и на местное население постройки на Ахыр-таше, тогда как кочевое население, продолжая в своей массе держаться шаманства, было, по меньшей мере, равнодушно к буддизму.

Другим ханом, который имел возможность предпринять подобную ахыр-ташской постройку, был Сулу. В свое продолжительное царствование он вел многие успешные войны, между прочим, вероятно, с арабами, поддерживая владетелей Самарканда и других городов Мавераннагра в борьбе с магометанами. Сначала «после каждого сражения добычу всю отдавал (он) подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами», в поздние же годы «награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела». После убиения Сулу в 738 году двумя напавшими на него ночью вельможами, сын его Тухосянь-хан, возведенный на престол, «жил в городе Суйе»[1], стало быть, оставлял кочевую жизнь и поддавался влиянию оседлого населения и его цивилизации, а может быть, и верований. Вообще, однако, считать Сулу-хана строителем Ахыр-таша гораздо менее вероятностей, потому что он далеко не обладал такими средствами, как Дулу-хан.

[1] «Собрание сведений» и пр., часть 1, стр. 369 и 370.

Глава восьмая

КЫРГЫЗЫ И ЗАПАДНЫЙ ТЯНЬШАНЬ ВО ВРЕМЯ КАРА-КИДАНЕЙ И ЧИНГИЗ-ХАНА

1. Обзор истории кара-киданей

Основание царства Си-ляо и его история по китайским источникам. История кара-киданьского гурхана, занятие им Баласагуна и завоевание Кашгарии и Мавераннагра - по Джувейни и Ибн-эль-Асиру. Известия Рашид-эддина. Джувейни о преемниках гурхана. Вероятнейшая хронология событий за время кара-киданей. Правдоподобность известий Джувейни и Абулгази о пребывании Елюй-Даши на Имиле. Переход его в Баласагун. Подчинение кыргызов и пространство владений гурхана до завоевания Кашгарии. Некоторые сведения о кара-киданъских делах по «Гинь-ши». Падение кара-киданьского царства. Отложение Харезма и Мавераннагра. Кучлук, его замыслы, возмущение и поражение. Успехи харезм-шаха. Возмущение Баласагуна. Пленение гурхана Кучлуком. Царствование Кучлука и его гибель. Поход Чингиз-хана на запад.

Все владения карлыкских ханов, вынужденных со времени Мелик-шаха (1072- 1092 гг.) признавать над собою верховенство Сельджукидов[1], были, во второй четверти XII столетия, покорены кара-киданями.

По китайским известиям[2] Елюй-Даши, потомок в восьмом поколении Абарки, первого киданьского императора, после бесплодных попыток поддержать падавшую под ударами чжурчженей киданьскую империю, опасаясь мщения последнего императора своей династии Тянь-цзо, которого он покушался низвергнуть с престола, в 9-й луне 1123 (по предположению Бретшнейдера 1120) года, бежал, во главе 200 всадников, на северо-запад провинции Шаньси и собрал начальников, признававших власть киданей семи областей и восемнадцати родов, которых имена приведены вы-

[1] Имад-эддин Исфалик-шах, в своей истории сельджукидов, говорит о султане Мелик-шахе: «Он вторгнулся в Туркестан и остановился только тогда, когда государь Тараза покорился ему» (по Катрмеру в Notices et extraits des manuscrits de la bibl. duroi, t.XIII, p. 226). У Дегиня (t.2, p. 218 et 219), по Ибн-эль-Асиру, Малек-шах, в 1089 году, взяв Самарканд, перешел в Узкент, куда, по его велению, явился с покорностью государь Кашгара, а «князья Тараза, Беласагуна и Еспиджаба были вынуждены платить ему дань». Едва ли не со времени карлыкских ханов, владевших всеми странами, прилегающими к западному Тяньшаню, получило начало и вошло у мусульманских писателей в употребление имя Туркестан. У служащего главным источником сведений о карлыкских ханах Ибн-эль-Асира (там же, p. 225), в исчислении городов страны «Туркестан» значатся Кашгар, Шаш, Беласагун и Тараз. По мнению д'Оссона (Histoire des Mongols, La Haye et Amsterdam, 1834, t. I, p. 163) арабы и персы разумели под именем страны Туркустан или отечества тюрков страну от Сихуна до великой китайской пустыни, в более же тесном смысле, имя это означало только часть этой страны, ближайшую к Сихуну и ограниченную с востока Уйгурией и Кашгаром.

[2] «Ляо-ши», глава 30, которая переведена более или менее полно у Visdelou (Bibliotheque ori- entale, la Haye, 1779, t. IV, pp. 28-32), у издателя Histoire generale de la Chine par Mailla (1778, t. VIII, pp. 419-422) и у Бретшнейдера (Notices of the Mediaeval Geographie etc., London, 1876, pp. 22-42). См. также о. Иакинфа «Записки о Монголии», Спб., 1828, т. 2, стр. 170-172, В.П.Васильева «История и древности восточной части Средней Азии», 1859 г., стр. 60 и след., В.В. Григорьева «Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 г., стр. 287 и след., Schult - Das Reich Karachatai oder Si-Liau и Kitai und Karakitai в Dbhundlungen академии наук, Berlin, 1851 г. (ss. 505-515) и 1880 г. (ss. 1-20).

ше, и которые, по-видимому, все принадлежали к тюркскому племени. Вняв речам Елюй-Даши, просившего о помощи, собрание снабдило его войском из отборных всадников, в числе более 10 т. человек. Снабдив это войско оружием, дав ему офицеров и организовав его, Елюй-Даши, во «2-й луне 1124 (по догадкам Бретшнейдера 1121) года, отправился далее на запад через владения хойху, владевших восточным Тяньшанем. Идикут уйгуров Биликэ (Pi-li-ko) снабдил его значительным количеством скота, признал себя его вассалом и сопровождал через свои земли. Следуя далее на запад, Елюй-Даши поражал всех, кто оказывал сопротивление, и облагал данью покорявшихся добровольно, наделяя свое войско богатой добычей и увеличивая его численность. Так он добрался до Сун-сы-кан (Самарканд), разбил за этим городом выставленную против него мусульманами армию в 100 т. человек и принял затем покорность всех местных владельцев. В 5-й день второй луны 1125 года, в Кермане, армия провозгласила его императором; вместе с тем, имевший в то время 38 лет от роду, Елюй-Даши принял «татарский» титул гурхана[1]. Не найдя в Мавераннагре подходящей к его желаниям местности для устройства резиденции, Елюй-даши в 1127 году повел свою армию обратно на восток. Через двадцать дней пути он дошел до прекрасной местности, где построил город, которому дал имя Хус-ордо, что значит крепкая палатка или крепкий дворец[2]. Он сделал его столицей своей империи. В том же году он посылал на чжурчженей армию в 70 т. человек, но войско это, пройдя 10 т. ли и не находя добычи, потеряло большую часть своих лошадей и вьючного скота и вынуждено было возвратиться. Умирая в 1136 году, он поручил управление государством жене своей Дабуянь, которая и правила до совершеннолетия сына Елюй-Даши по имени Или (Yi-lie) в продолжение семи лет. По произведенному при Елюй-Или исчислению народа оказалось 84500 человек свыше восемнадцатилетнего возраста[3]. По смерти Или, после 13 лет правления, заняла место регентши сестра его Бусувань (Pou-so-ouon), которая через 14 лет была убита главнокомандующим Сяо Валила (Siao-vua-li-la), занимавшим эту должность уже при Елюй-Даши. Он восстал на

[1] Полагали, что гурхан значит «зять императора» (у арх.Палладия в «Трудах дух. миссии в Пекине», т.IV, 1866 г., стр. 198 «зятья Чингис-ханова дома называются гулегянь»), но правильнейшее, мне кажется, объяснение дает Дорчжи Банзаров, в приложении к «Библиотеке восточных историков» Березина, т. 2, Казань, 1854 года: До появления Чингис-хана Монголия, состоя под влиянием Китая, дробилась на множество мелких племен, которые назывались илями и владетелям их приличествовал титул иль-ханов. Если владетель успевал соединить под своею властью несколько илей, что называлось гур, то он получал титул Гур-хан. Не отвергает подобного объяснения и Шотт (Abhondlungen, 1851, s. 11), который замечает, что по словарю Ковалевского kur - целый народ. В самом деле, титул иль-хана, который носил основатель империи тукиюесцев Тумынь, потерял свое прежнее значение, когда его стали носить старшины мелких родов (теперь иль у киргиз-казаков употребляется в смысле волости) и мог быть заменен титулом гур-хан, пока и этот титул, с присвоением его мелкими владельцами, не потерял своего почета: Темучин не носил его и принял новый - «чингиз-хана», который однако остался собственным именем.. Джувейни (d'Ohsson, histoire des Mongols, t. 1, p. 442) переводит слово гурхан - «хан ханов» именно в этом же смысле. По «Тан-шу» второй уйгурский хан Мояньчжо носил титул Yo-le Kohan («у о. Иакинфа, в «Собрании сведений», 1, 384, Гэлэ-хан), т.е. по предположению Бретшнейдера (Notice etc., 1876, p. 117) гурхан. По Howorthy (History of the Mongols, t.I, p.705), Эрдман отличал Surkhan от Gurgan: первое значит государь, а второе - зять

[2] По мнению Бретшнейдера, хусы близко к манчжурскому хосун - сила, крепость (Notices, p.28).

[3] Это по Видлу (p. 31). У о.Иакинфа (стр. 172) то же самое. По издателю Mailla (t.8, p.422). «Кроме офицеров и ученых, служащих и солдат, число семейств, платящих подати, оказалось 84500». У Бретшнейдера (Mediaeval Researches, 1888, v.8, p. 217) - семейств.

правительницу за убиение сына своего Сяо Турука (Siao-to-lou), ее мужа; она вошла в связь с младшим его братом Бугучжаром (Pou-kou-tche-cho-li), назначила мужа наместником восточной части государства и тайно приказала его убить. На престол был возведен второй сын Или Чилуку (Tche-lou-kou, быть может Чурук). Он царствовал 34 года и лишен был власти Кучлуком, князем найманским, которого приютил у себя, когда тот выгнан был из своих владений Чингиз-ханом. По китайским известиям, Чилуку умер в 1201 году, и империя Си-ляо существовала всего 81 год[1]. Вообще хронологические данные китайских известий не верны, потому что, напр., по достоверным монгольским и мусульманским известиям Кучлук бежал в Кара-Китай не в 1201, а в 1208 году.

Мусульманские писатели дают возможность поверить и исправить хронологические данные китайцев и дополнить их исторические известия подробностями, до китайцев не дошедшими.

По Джувейни[2], кара-киданьский гурхан, «на пути своем из Китая, в сопровождении, по одним - 70 человек, по другим - весьма многочисленной толпы[3], прибыл сначала к пределам страны кэргизов, но видя, что они собираются противостоять ему, повернул к земле Имильской, где и основал город, развалины которого - замечает Джувейни - существуют и доселе[4]. Когда приняли его сторону разные тюркские колена, и увидел себя гурхан во главе 40000 кибиток, направился он к Баласагуну, городу, который монголы, опять по замечанию Джувейни, зовут Гу-балык[5]. Владелец этой страны, выдававший себя за потомка Афрасиабова, был далеко не силен; не только не простиралась уже власть его на роды карлыков и канглы, но они даже грабили его владения. Не будучи в состоянии защищаться, владелец этот отправил послов к приближавшемуся с войском своим киданьскому князю, прося его пожаловать к нему в столицу, и принять там власть, от которой он добровольно отказывается. Утвердившись таким образом в Баласагуне, гурхан прежнему его владельцу предоставил титул ильк-тюркана, и разослал от себя правителей во все области, от Кум-кичика до Барсаджара, и от Тараза до Тамтаджа. Через несколько времени покорил он канглы, одна часть его войск завоевала Кашгар и Хотан, другая подчинила ему кыргызов[6]. Затем он овладел Биш-балыком, Ферганою и Мавераннагром». По Ибн-эль-Асиру[7], «в 522 году гиджры (1128 по Р.Х.) появился на пределах кашгарских кривач, гурхан китайский, с ратью

[1] По издателю Mailla (p.422) даже только 77 лет.
[2] Нижеследующее изложение известий Джувейни взято у В.В.Григорьева («Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 289 и 290), который следовал переводу д'Оссона (Histoire des Mongols, t.I, p. 441- 443).
[3] У д'Оссона Troupe, а это вернее перевести «рати» или «полчища».
[4] У д'Оссона: «когда беглецы... прибыли на границу страны киргизов, то совершили набеги на их земли; видя, что киргизы собираются отражать их, они удалились в страну Имиля, где основали город, которого развалины еще видны».
[5] По приводимым у Джувейни (д'Оссон, том 1, стр. 429-433), из уйгурских книг, преданиям о мифическом Буку-тегине, государе уйгуров, этот Буку-тегин предпринимал, с Орхона и Селенги, поход на запад «и по прибытии в Туркустан увидел прекрасную, хорошо орошенную долину, с богатыми пастбищами; он устроил тут свою резиденцию и построил город Бела-сагун, который зовут ныне Гу-балик». Буку-тегин, однако, не остался здесь и впоследствии возвратился на родину в отечество уйгуров на Селенге и Орхоне.
[6] У д'Оссона (p.442): une antre alia tirer vengeance des Kirguizes.
[7] «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 190-192.

великою, число которой одному Господу известно. Властвовавший тогда в Кашгаре хан Ахмед сын Хасанов, собрав войска свои, выступил навстречу ему, но был разбит, умер, и владения его перешли к гурхану. Когда последний выступил из пределов Китая в Туркестан, присоединились к нему те из киданьцев, которые еще до того выселились из Китая и находились на службе у владевших в Туркестане ханов, имея назначением охранять области их, соседние с китайскими, ото всяких с той стороны вторжений. С помощью их-то и удалось гурхану овладеть областями туркестанскими. А когда брали киданьцы какой-либо город, никаких прежних в нем порядков они не изменяли, ограничивались тем, что взимали по динару с каждого дома в городах и селениях, и ни до посевов жителей, ни до чего другого не касались. Когда владелец поступал под руку их, обязывался носить на поясе, как знак покорности им, род серебряной дощечки. Затем направились они и на Мавераннагр, где властвовал хакан Махмуд сын Мохаммедов. Тот выступил им навстречу из пределов Ходженда. Было это в рамадане месяце 531 года (1137 по Р.Х.). Произошла битва, и Махмуд, обращенный в бегство, возвратился в Самарканд». Собранное затем под начальством сельджукида Санджара мусульманское ополчение, всего более 100000 всадников, было в 536 (1141-2) году разбито ратью гурхана, состоявшею из 300000 конных тюрков, китайцев, киданей (хата) и других народов. Враги встретились в местности Катван (или Катран), но гурхан, двинувшись в обход Санджару, принудил его отступить в долину по имени Диргам. Мусульман было убито и ранено бесчисленное множество. «Санджар бежал, жена его, дочь Арслан-хана, и многие из предводителей мусульманских попали в плен. Никогда еще мусульмане не испытывали столь тяжкого бедствия, ни в какой битве их не было дотоле такого числа павших. С этого времени утвердилось владычество киданей и неверных турков над Мавераннагром. Гурхан оставался здесь до реджеба 537 года (1143'йс* Р.Х.), когда постигла его смерть. После того властвовала дочь его, но недолго, а по кончине ее верховная власть перешла к матери ее и сыну его, Мохаммеду по имени». По Рашид-эддину, «когда государь чжурчей уничтожил государя кара-киданей, один вельможа, именуемый Нуши Тайфу, очень уважаемый между кара-киданями, обратился в бегство и прибыл в страну кыргызов, потом в Уйгурию и Туркустан; это был человек, одаренный большим умом, богатыми способностями и редким благоразумием. Он собрал в этих странах значительные силы и овладел всем Туркустаном; после этого завоевания он принял титул гур-хана, что значит великий хан. События эти совершились в 522 и 523 годах (1128 и 1129 по Р.Х.). По смерти его сын, 7 лет от роду, был возведен на трон и провозглашен гурханом. Он прожил 92 года тюркских, которые составляют 95 лет лунных, и умер в 610 (1213-1214) г.[1]. Джувейни о преемниках гурхана со своей стороны сообщает, что гурхану наследовала вдова его Кёй-юнк (Keuyounk); по прошествии некоторого времени открылось, что она имела

[1] Перевод д'Оссона в приложениях к Historie des Mongols, t. I, pp. 443 et 444. По мнению Бретшнейдера (Notices, 1876, p. 34) , Нуши, вероятно, описка вместо Даши, Тай-фу же по-китайски значит не главнокомандующий, как полагал д'Оссон, а «большой человек» в физическом смысле Ут в котором употребляется редко. Справедливость догадки Бретшнейдера подтверждается именем гурхана у Абулгази (перевод барона Демузона, 1874, pp. 49 et 50) - Туши и Тайфар, где тоже ясны следы ошибок и вариантов со стороны переписчиков, которые давали то же имя еще до формы Тюши Тюльгун (у д'Оссона).

одну незаконную связь; ее и умертвили вместе с ее сообщником. Тогда один из двух братьев умершего был возведен на трон; другой был посвящен безопасности нового государя[1]. Таким образом, в сказаниях мусульманских писателей, помимо разногласия их с китайскими известиями, есть немало противоречий и друг с другом.

По соображении всех приведенных известий, можно считать вероятным, что Елюй-Даши бежал из Китая, согласно «Ляо-ши», в 1123 году, прошел через Уйгурию на Имиль в 1124 году, завоевал Кашгар (утвердившись уже в Баласагуне и подчинив на пути к нему с Имиля тюрков Алмалыга), согласно Ибн-эль-Асиру и Рашид-эддину, которые могли верно знать о времени этого события, касавшегося уже мусульманских земель, в 1128 году, овладел Шашем и Ферганой в 1137 году и Мавераннагром в 1142 году, как свидетельствует Ибн-эль-Асир, и умер, согласно известию того же мусульманского историка, в 1143 году. Этот именно год выходит и по китайским известиям, потому что по «Ляо-ши» Елюй-Даши «царствовал всего двадцать лет»[2]: с 1123 года действительно выйдет в 1143 году 20 лет. Подтверждается этот год и известием истории династии Гинь о том, что сведения о смерти Елюя-Даши были получены в 1144 году от уйгурского посольства ко двору Гиней[3]. В отношении наследников гурхана и лет правления каждого из них нужно руководствоваться китайскими сведениями, которые могли быть собраны или, по крайней мере, проверены многими китайцами, посещавшими страну кара-киданей во время Чингиз-хана. Напр., Елюй-Цуцай, сам принадлежавший к потомкам киданьской царственной фамилии, сопровождал Чингиз-хана в походе его на запад и оставил любопытное описание западных стран, в котором упоминает и о Си-Ляо. Конечно, он имел сведения и об истории кара-киданей. Смерть Елюй-Или, после семилетнего регентства его матери и после тринадцатилетнего правления его самого, приходится на 1163 год. Вступление на престол Чилуку, после 14 лет управления его тетки[4], относится следовательно к 1177 году. Лишен он был власти после 34-летнего царствования, значит в 1211 году: действительно к этому приблизительно году и относят мусульманские историки узурпацию Кучлука, так что династия Елюй-Даши властвовала с 1123 до 1211 год, т.е. 88 лет, а не 81 или 77[5].

Мусульманские даты овладения Баласагуном, потом Ферганою и затем Мавераннагром потому уже внушают доверие, что в назначаемое «Ляо-ши» невероятно малое время (только год с второй луны 1124 до второй же луны 1125 года) совершенно немыслимы совершение такого длинного пути (от северного изгиба Хуан-

[1] Там же, p. 443.
[2] Visdelou, p. 32. Видя, что в случае смерти Елюй-Даши в 1135 году, царствование его не могло продолжаться 20 лет, Видлу предполагал, что 20 лет тут опечатка вместо 12 лет.
[3] Это известие приводит Бретшнейдер (Notices etc., 1876, p. 32).
[4] В Pei-shi-ki, т.е. в «записках о посольстве на север» в 1220 г. от гиньского императора к Чингиз-хану, находившемуся в то время в Мавераннагре, говорится, что Даши-Линье наследовал сын, когда же он умер, то регентство было поручено его сестре по имени Кап (Бретшнейдер - Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, London, 1888, vol.1, p.29).
[5] Бретшнейдер (Mediaeval Researches, 1888, vol. I, pp. 214-218), по «Ляо-ши, относит выступление Елюй-Даши в Уйгурию к 2 месяцу 1121 года, провозглашение императором после завоевания Мавераннагра, к 5 числу 2 месяца 1124 года, обратный поход на восток к 1126 году, смерть Елюй-Даши к 1135 году, управление Дабуянь к 1136-1142, Yi-lie - 1142-1155, Pu-su-van - 1155-1169, Dji- lu-gu- 1169-1203 гг.

хэ до Зеравшана), организование многочисленной армии и покорение лежавших на дороге стран. Трудно решить - насколько верны сказания «Ляо-ши» о десятитысячном войске, данном Елюй-Дашию тюркскими племенами киданьской Монголии. Может быть эти сведения «Ляо-ши» и имели какие-нибудь основания, но сколь бы ни были блестящи дарования Елюй-Даши, каким бы обаянием он не пользовался, как бы не было благосклонно к нему счастье, все-таки невероятно, чтобы он создал многочисленную армию и крепко сплотил из чуждых ему по народности племен, преимущественно тюркских, обширное и сильное государство, просуществовавшее без малого столетие, если бы он не опирался на силу, хотя бы не очень многочисленных, но зато высоко стоявших над местным населением своею культурою и дисциплиною соплеменников. Конечно, 200 всадников, сопровождавшие по «Ляо-ши» Елюй-Дашия при бегстве его от киданьского императора, были слишком недостаточны для составления такой основы кара-киданьской монархии. Поэтому известия Джувейни о направлении Елюй- Даши после бегства из Китая на Имиль, о продолжительном там пребывании, о постройке там города и об умножении и устройстве там его армии кажутся весьма вероятными. Заслуживают также внимания относящиеся сюда сведения Абулгази, хотя источники их и неизвестны. По этому писателю, пользовавшемуся семнадцатью историями Чингиз-хана, в изрядной, конечно, части до нас не дошедшими, значительное количество кара-киданей, неизвестно по какой причине возмутившихся против государя, бежало из своего отечества на запад, в страну кыргызов (которые были Абулгази известны лишь в верховьях Енисея), но встречены были эти кара-кидани там не дружелюбно. Тогда они направились в местность, называемую Имиль, основали здесь город, занялись земледелием и вскоре достигли значительной степени благосостояния. Все бедняки, потерявшие свои стада и богатства, вообще все гонимые нуждой и голодом стали селиться в этом городе, и население вскоре достигло здесь сорока тысяч семейств. В это время царство кара-киданей (в северном Китае) пало перед силами чжурчженей. Один из киданьских вельмож по имени Туисси-Тайфар, в 513 (1121) г. гиджры, бежал со своим войском и родом к кыргызам, а оттуда к киданям, поселившимся на Имиле. Он сделался их главою. Туисси-Тайфар был человек весьма разумный и сведущий, и года через два после его прибытия имя его сделалось славным у всех соседей. В это время в городе Беласагуне был хан по имени Илик, человек характера слабого. В окрестностях этого города кочевало много тюрков, преимущественно из рода канглы, которые беспрестанно грабили страну и уничтожали жатвы. Илик-хан решился призвать киданьского вождя и передать ему верховную власть. Туисси-Тайфар прибыл, сделался властелином всей страны, принял титул гурхана, а потом подчинил себе Туркестан и Мавераннагр[1].

По всей вероятности, прибытие значительных партий киданьских беглецов не предшествовало, как рассказывает Абулгази, прибытию на Имиль Елюй-Дашия, а

[1] Histoire des Mogols et des Tatares par Abul-Ghazi Behodour-khan, publies, traduite et unnotees par leburun Desmaigons, t. II, Traduction, St.Peterburg, 1874, pp. 49 et 50.

последовало за ним и совершилось главным образом в 1125 году, когда чжурчжени окончательно покорили себе кара-киданьские земли, но факт продолжительного пребывания киданей на Имиле несомненен, так как за этой местностью надолго потом утвердилось имя Кара-Китая (Nigra Kattaya)[1]. Плано Карпини, проезжавшего к великому каану Куюку в 1246 году, есть, конечно, земля кара-киданей, указание же на построенный императором дворец в этой стране, приводит к заключению, что это была страна на р.Имиле, потому что и Угедэй, предместник и отец Куюка, и этот последний имели свой частный удел на Имиле и там проживали. Подтверждается частью известия Джувейни и Абулгази и китайскими сведениями: по словам переведенного Потье отрывка исторической географии (Hai-kone-thou-tchi) Вэй-Юаня, председателя совета министров в правление Дао-гуан (1821 - 1850 гг.), который со своей стороны ссылается на «Описание царства киданьского» (Kian Khitan Kone-tchi), «после падения Ляо (киданей), в начале владычества Гиней (чжурчженей), множество первых (киданей) бежало на запад и сначала устроилось на севере песчаной пустыни в среде племени найманов»[2].

Итак, Елюй-Даши, пробыв на Имиле года два, как говорит Абулгази, или более, мог собрать здесь около себя вероятно не менее нескольких десятков тысяч кара- киданей, составлявших отборную часть киданьского народа, не пожелавшую подчиниться игу чжурчженей и решившуюся искать нового отечества за пределами страны своих предков. С ними-то Елюй-Даши постепенно мог подчинить окрестные тюркские племена, затем Уйгурию, Алмалыг и, наконец, Баласагун. После Баласагуна и Таласа кара-кидани, прежде завоевания Кашгара, значит до 1128 года, должны были подчинить себе кочевое население западного Тяньшаня. Вероятно, кыргызы признали власть кара-киданей без особого сопротивления. К этому же времени относятся приведенные выше известия Джувейни о рассылке гурханом правителей «во все области от Кум-кичика, под которым нечего разуметь кроме песков между низовьями Таласа и рекой Чу, «Малых песков», названных так, вероятно, в отличие от «Великой монгольской песчаной пустыни», пройденной кара-киданями на пути из Китая на Имиль, «до Барсаджара», т.е. до Уш-Турфана, чем показано протяжение владений гурхана с севера на юг, стало быть до покорения Кашгара и Хотана, «и от Тараза до Тамаджа», Под Тамаджем или Тамгаджем мусульманские писатели разумели Китай[3]. Происхождение такого названия, державшегося пока не взяло верх название Катай или Китай, арх. Палладий весьма удачно объясняет переделкою китайского «Тань-го-чжен», т.е. «люди династии Тан»[4]. Следовательно, в направлении с запада на восток владения Елюй-Даши простирались в то время от р. Таласа до пределов Китая или до владения

[1] Языков «Собрание путешествий к татарам». Спб., 1825 г., стр. 28 и 29. Recueil de divers voeages curicux par Bergerun, Layde, 1729,1.1, p.9.
[2] Le Liore de Marc Polo, Paris, 1865, p. CXIV.
[3] Харезм-шах султан Мохаммед спрашивал у посла Чингиз-хана - правда ли, что государь его завоевал Тамгадж? Под этим именем разумел он Китай (D'Ohsson - Histoire des Mongols, t.I, p. 203).
[4] «Труды членов российской духовной миссии в Пекине», т. IV, Спб., 1866, стр. 304.

чжурчженей. Так оно и было на самом деле, потому что Уйгурия, занимавшая восточный Тяньшань, подчинялась кара-киданям до Чингиз-хана.

Повод к столкновению между гурханом и султаном Санджаром, завершившемуся покорением кара-киданями Мавераннагра, подали, кажется, кыргызы. По крайней мере, по Вамбери, ссылающемуся на Джувейни, таким поводом было обложение Санджаром слишком значительной контрибуцией кочевавших «на северо-востоке нынешнего Хоканда» «кара-хатайских номадов»; когда Санджар не удовлетворился предлагаемыми ими 5 т. верблюдов и 10 т. баранов, то кочевники эти обратились за защитой к гурхану»[1].

Китайское известие о посылке Елюй-Дашием семидесятитысячной против чжурчженей армии и о безуспешном ее возвращении не подтверждается мусульманскими писателями и вообще сомнительно. Трудно думать, чтобы кара-киданьские вожди не сумели найти удобного пути для обратного прохода, по незадолго перед тем ими покоренным местностям, до восточных пределов Уйгурии, а затем и до земель чжурчженей. Гиньцы действительно побаивались Елюй-Даши и тщательно собирали о нем сведения. Так, в истории Гиней отмечено получение в 1124 году известия, что Даши провозглашен царем и имеет большое войско. В 1125 году пограничные губернаторы сообщили слух о том, что Ся (тангуты) вступили в союз с Даши и затевают вторгнуться в Шань-си. Гиньский император приказал проверить слухи и вместе с тем изготовляться к войне. В 1129 году - снова слухи о Даши, и возникали опасения за безопасность пастбищ для казенных лошадей. В 1130 году Елюй-Юта (видимо поддавшийся гиньцам киданьский князь) и два генерала были посланы для разведок о Даши. Они доходили до р. Wu-na (?) и возвратились. Елюй-Юта донес, что Даши пребывает в стране Хо-чжеу (Ho-chou, т.е. Караходжа близ Турфана) и в союзе с Ся. Однако тангуты, на сделанный запрос, ответили, что о Даши ничего не знают и с Хочжеу не смежны. В 1144 году уйгурское посольство сообщило, что Даши умер. Прибывший с тремя товарищами в царствование To-ting (1161-1190 гг.) хойхуский купец по имени J-si-lan между прочим показал при расспросах, что родом он из страны по имени Dsou-yna (это имя иноземного племени). Имя столицы Gu-sze-u-lu-do. Народ этой страны нрава не воинственного, занимается земледелием и ежегодно уплачивает в подати десятую часть земледельческих произведений. Когда прибыли кидани, народ покорился им без сопротивления. Лагерь (the encampment) киданей можно верхом объехать в полдня. В последнее время правитель киданей посылал своего зятя A-ben- sze с 10 т. для покорения Ye-bou-lien и других племен, но поход был неудачен. Эта война еще не кончилась. В этом же году (?) Sa-li-ya, глава Nien-ba-en, и Bo-gu, глава канглы и других племен, просили принять их в вассалы Гиней, прислали печать, выданную им от Даши,

[1] «История Бохары», т.1, стр. 115.

и ходатайствовали о выдаче печати от Гиней. Император приказал поручить пограничным губернаторам проверить - насколько искренни эти заявления[1].

Дзоу-гуа Исиланя есть вероятно Тсуйе танских времен, Чуйская страна[2]. Если бы Богу не назван был старейшиною канга'ов, то можно было бы видеть в Салия и Богу имена существующих поныне кыргызской кости сарык и кыргызского аймака богу. По отдаленности чжурчженей столь же удивительно обращение к ним кыргызов, как и канглов; если выдали себя за послов от них какие-нибудь торговцы, для обычных даровых кормов и подвод и освобождения товаров от пошлин, то по какой случайности попала к ним печать? разве это была старая печать, вместо которой старейшины уже имели новую печать от современного кара-киданьского государя. И гиньское правительство отнеслось к посольству по-видимому с недоверием. Посылка армии для подчинения Ебуляня и других племен есть, быть может, одна из экспедиций кара-киданей в страны, соседние с Мавераннагром, о которых упоминают мусульманские писатели. Так, кара-кидани ходили не раз (между прочим, в 1164 году) подчинять Хорезм (в указанном году там царствовал Иль-Арслан), который и был вынужден платить им дань до 1209 года[3].

В начале XIII века кара-киданьскому государству угрожали два сильных и опасных врага. На востоке в это время уже объединил под своей властью всю Монголию Чингиз-хан. Веря в его силу, уйгурский идикут в 1209 году приказал умертвить приставленного к нему от гурхана правителя Шадкема и поддался Чигиз-хану. Последний имел основание принять возмутившегося вассала Гурхана уже по тому одному, что за год перед тем Чилуку дал убежище заклятому врагу его Кучлуку. Гурхану, однако, не привелось померяться силами с Чингизом, потому что ему пришлось вести борьбу с западным врагом и лишиться власти вследствие захвата ее врагом внутренним.

Государь Харезма и Персии Султан-Мохаммед, тяготившийся подчинением кара-кидяням, в 1209 году отказал в платеже дани, занял Бухару и склонил к себе в подданство владевшего Самаркандом сатукида Османа, оскорбленного отказом гурхана выдать за него свою дочь. Собранное кара-киданями войско подступило к Самарканду,

---

[1] Bretschneider - Notices etc., 1876, pp. 30 - 33, по биографии <...> Nien-ko Hon-nu. У Видлу приведено (p.253) не вяжущееся с одним из вышеизложенных известие: в 9 луне 1130 года хочжоуские хойху взяли сторонника Елюй-Даши Sa-pa-tu-li-thou-thie и представили к императору чжурчженей. В «Сися-шуши» (история тангутов) по арх. Палладию («Труды» пекинской духовной миссии, т. 4, 1866 г., стр. 250), значится, что хара-китаньцы просили у Сися пропуска для своей армии, которую хотели двинуть на чжурчжуней, для овладения Китаем. Но отнесено это известие, странным образом, к тому времени, когда Чингиз-хан грозил уже вторжением своим на запад.

[2] При чтении тех же иероглифов по арх. Палладию - Цзоуко - имя это напоминает известный приток озера Иссык-Куля р. Зауку. В таком случае Арслан мог быть торговым сартом из городка на р. Зауку.

[3] Вамбери «История Бохары», 1873 г., стр. 120-124, по Джувейни и др. У арх.Палладия показание Исиланя отнесено к 1176 году. В этом году, по предполагаемой мной хронологии событий в истории кара-киданей, правила еще Бусувань: под царским зятем D-ben-sze Исиланя можно разуметь мужа регентши Сяо.

но не дождалось прибытия выступившего на выручку Османа Султан-Мохаммеда, так как было отозвано восвояси вследствие возмущения Кучлука[1].

Кучлук был сыном государя найманов Таян-хана. После поражения Таян-хана Чингизом в 1203 году и после смерти его, Кучлук бежал к дяде Буйрук-хану, государю западной части земель найманов[2]. Когда и Буйрук-хан был в 1206 году схвачен и казнен Чингизом[3], Кучлук, соединившись с изгнанным государем меркитов, собрал войско на Иртыше. В 1208 году Чингиз-хан поразил Кучлука и его союзника на Бухтарме; Тохтабеги меркитский был убит, Кучлук же успел спастись бегством и нашел убежище у кара-киданей[4]. Основанное беглецами, кара-киданьское царство охотно давало убежище изгнанникам. Так кераитский Ван-хан, будучи разбит младшим братом своим Эрке-хара при помощи найманского Инанджхана, «пройдя через три страны, прибег к государю туркестанскому, гурхану кара-китайскому»[5]. Чилуку хорошо принял Кучлука и даже отдал за него собственную дочь. Кучлук, однако, задумал, пользуясь беспечностью Чилуку, мало обращавшего внимания на дела и чрезмерно предававшегося охоте[6] и удовольствиям, овладеть престолом. Он успел привлечь к себе многих вождей кара-киданьской армии, для того же, чтобы иметь собственное войско, испросил у Чилуку разрешение собрать рассеянных после погрома от монголов в «странах Имиля, Каялыга и Бишбалыга» найманов, обещая употребить их на службу тестю. Чилуку, отпуская зятя, сделал ему значительные подарки и пожаловал ему титул хана. Действительно, при появлении Кучлука на севере, найманы стеклись под его знамена. Обзаведясь этим путем собственным войском, Кучлук, во время удаления кара-киданьской армии к Самарканду, для усмирения Османа и Султан-Мохаммеда, действовавшего, по известиям мусульманских историков, по тайному с ним соглашению, захватил казну гурхана в Ozkend'e и хотел врасплох овладеть Баласагуном. Однако гурхан собранными наскоро небольшими силами, дал ему сражение на берегу Чинбуджа (Tchin-boudje)[7] и взял большое число пленных. Кучлук удалился, обескураженный неудачею, и думал бросить свою затею. Между тем отозванная гурханом из-под Самарканда армия возвратилась на север. Следуя за нею, Султан-Мохаммед вступил в пределы собственных кара-киданьских земель. «Он

---

[1] Падение кара-киданьского государства будет изложено согласно вообще Джувейни и Рашид- эддину (у д'Оссона, Histoire des Mongols etc., t.I, pp. 166-172). См. также Вамбери «История Бохары», т. 1, стр. 124-128.

[2] «История Чингиз-хана» Рашид-эддина, в переводе професс. Березина, 1883 г., стр. 3-5.

[3] Там же, стр. 8.

[4] Там же, стр. 10. По «Юань-чао-ми-ши» (перев. <...> стр. 110) Чучулук Тохтоа были разбиты « в урочище Урдиши-бухдурма, у самых истоков».

[5] Абулгази, в переводе Демезона, p. 93. По «Юань-чао-ми-ши» (перевод арх. Палладия в «Трудах дух. миссии в Пекине», 1866 г., т. IV, стр. 76) «в скором времени Ван-хан возмутился против гурхана и ушел от него. Проходя родами Уйу и Тану» (уйгуры и Си-ся или тангуты) и т.д. По замечанию арх. Палладия, в «Си-ся-шу-ши» это отмечено под 1174 г.

[6] В «Истории и древностях» В.П.Васильева (стр. 185) помещены, на основании китайских источников, описания охоты каиданьских императоров за гусями и утками с кречетами и за оленями. «Кидани искусны были в убивании зайцев кистенями, сделанными из камня или меди».

[7] Я не могу догадаться - что это за река. Нет ли других вариантов в рукописях Джувейни? У Рашид-эддина, по переводу г. Березина («История Чингиз-хана», Спб., 1883, стр. 37) говорится, что Кучлук напал на гурхана «в месте Бела-сагун».

встретил за Таразом неприятеля под начальством генерала Танигу и дал ему сражение. Киданьская армия была разбита и ее вождь попал во власть победителей. Отступая, разбитые войска грабили и опустошали собственную страну. Жители Бела-сагуна, которые желали перейти под власть Султан-Мохаммеда, заперли ворота перед войсками гурхана. Будучи осаждены, они защищались в продолжение 16 дней, в надежде на прибытие помощи от Султан-Мохаммеда. Город, наконец, был взят приступом и население его перебито; погибло при этом 47 т. душ. Финансы гурхана были истощены. Махмуд-бай, один из его генералов, обладавший большими богатствами, опасаясь быть вынужденным к денежным жертвам, посоветовал гурхану потребовать от войск возврата того, из сокровищ, захваченных Кучлуком, что войска успели отбить. Вожди армии возмутились против этой меры и удалились с неудовольствием. Кучлук, пользуясь их уходом, поспешно возвратился, внезапно напал на гурхана и взял его в плен в 1211 или 1212 г... Он оставил ему титул государя и обращался с ним с почетом до смерти, последовавшей спустя два года»[1].

---

[1] Histoire des Mongols par d'Ohsson, t. I, pp. 166-169. По тому же д'Оссону (там же, pp. 181, 182) Султан-Мохаммед совершил два похода против кара-киданей. В первый, в 605 (1208-9) г., умертвивши кара-киданьского посла, явившегося получить ежегодную дань, за то, что он, по обычаю, сел рядом с ним, Султан-Мохаммед вступил с своею армией в земли кара-киданей, но потерял сражение и попал в плен, из которого благополучно выбрался, не узнанный, благодаря лишь преданности и находчивости офицера, вместе с ним плененного, выдавшего его за своего раба и пославшего его за условленным за себя выкупом. Второй поход совершен был в следующем году, в сопровождении султана Османа, стало быть, со стороны Самарканда; войска этих государей перешли Сейхун в Фенакете и одержали над кара-киданями под предводительством Тайнигу победу, как изложено выше; пользуясь этой победой, Султан-Мохаммед «завоевал часть Туркестана до Озкенда (Ozkend), где оставил от себя правителя». Нельзя допустить, что этот Озкенд находился в Чуйской долине, потому что в таком случае Султан-Мохаммед конечно овладел бы и Баласагуном.. Надо полагать, что этот Озкенд тот самый (Озкенд у д'Оссона, Узкенд у Рашид-эддина, «История Чингиз- хана», пер.Березина, 1883 г., стр. 43), который покорен был Джучием в 1219 году, когда он был послан отцом из-под Отрара для подчинения страны по Сыр-дарье.

Этот Озкенд покорился после взятия Саганака (по Jlерху «Археологическая поездка», 1870 года, стр. 11, в 42 верстах к юго-востоку от Джулека). Вероятно, это и потому, что Султан-Мохаммед желал ограничить свои приобретения на севере Отраром и вообще правым берегом Сыр-дарьи. Так это выходит по Вамбери («История Бохары», 1873 года, т.1, стр. 125-127), ссылающемуся на Джувейни. По его рассказу, Султан-Мохаммед, отказав в 606 (1209) г. в платеже дани, занял Бухару и двинулся к Самарканду, владетель которого Осман принял его власть. Отсюда Султан-Мохаммед вместе с Османом двинулись к Таразу и разбили Таянку, после чего Султан-Мохаммед, взяв Отрар, возвратился в Харезм. Гурхан тогда сам выступил к Отрару, возвратил потерянные владения и через некоторое время послал отряд для обложения Самарканда. Когда Султан-Мохаммед, усмирив восстание в Дженде (по Лерху развалины этого города находятся около последней станции перед фортом № 2, между Казалинском и Джулеком, см. «Арх. поездка», стр. VII), пошел на выручку Самарканда, то кара-кидани отступили; харезмийцы следовали за ними по пятам и в 610 (1213) г. сразились с ними близ Бенакета; сражение было нерешительное, но гурхан отступил вследствие известий о возмущении Кучлука. Султан-Мохаммед не преследовал его, «удовольствовался прежней пограничной линией Отрара и возвратился в Харезм». В это время в войсках гурхана возникли беспорядки и возмутились жители Беласагуна, которые 16 дней защищались, ожидая помощи от Султан-Мохаммеда, но были, наконец, вырезаны в числе 75 т. душ. Затем, «когда Кучлук, пользуясь благоприятным случаем, напал на него (гурхана), то он должен был вскоре сдаться». Мы видим здесь образчик разного изложения одних и тех же событий, по одним почти и тем же источникам у двух известных ориенталистов. К сожалению, Джувейни и Рашид-эддин до сих пор вполне не изданы, имеющиеся же истории монголов и Чингиз-хана не соответствуют накопившемуся обилию материалов и в особенности страждут недостатком критического разбора источников и смутными сведениями о географии Монголии и Туркестана, не превосходя в этом отношении свои источники, путаница в которых частью происходила от той же причины. Что касается до Озкенда, в котором Кучлук, по д'Оссону, захватил казну гурхана, то мне кажется, что это Хусы-ордо китайских писателей: не мог же гурхан хранить свою казну в Озкенде на Сыр-дарье или в Узкенде в Фергане, когда жил сам с народом своим в Чуйской долине.

По «Ляо-ши» (Visdelou «Bibliotheque orientale», t. IV, p. 32.) «в 34 году своего царствования, он (Чилуку), отправясь на охоту, попал на засаду в 8 т. человек, которая была приготовлена Кучлуком, ...и был пленен.

Кучлук владел государством кара-киданей пять или шесть лет. О событиях за его время известно немногое. Желая возвратить к покорности Озара, хана Алмалыга, не признававшего его власти, Кучлук «несколько раз выступал против него и, наконец, схватил его врасплох на охоте и приказал умертвить. Население Кашгара и Хотана также отказало ему в повиновении. Кучлук освободил сына кашгарского хана, которого пленил гурхан, и отправил его домой, но по прибытии к воротам Кашгара молодой принц был убит. Чтобы усмирить эту страну, Кучлук послал туда войско, которое ее опустошило во время жатвы; он возобновил эти нашествия в два или три последующих года, после чего голод вынудил население покориться. Воспитанный в христианской религии, которую, говорят, исповедывала большая часть народа найманского, он, по убеждению жены, перешел в буддизм» ... и начал преследовать магометан, чем возбудил против себя население Кашгарии, где мусульманство давно уже утвердилось. Поэтому он не нашел поддержки в населении, когда в 1218 году в пределы его владений вступил монгольский полководец Чжебе-ноян, посланный Чингиз-ханом на Кучлука с двадцатитысячною армией. Кучлук бежал из Кашгарии на Памир, но монголы преследовали его, нашли в горах Бадахшана и отрубили ему голову[1].

Несмотря на отсутствие по этому предмету прямых исторических свидетельств, надо думать, что подчинение монголам западного Тяньшаня и прилегающих к нему с севера земель совершилось после похода Чжэбэ в Кашгар, частью же во время похода Чингиз-хана на запад. По известиям мусульманских писателей, поход этот был решен на курултае в 615 (1218) году; Чингиз-хан выступил в конце того же года; все лето следующего (1219) года провел он на Иртыше, откармливая лошадей; осенью он двинулся далее, не встречая сопротивления, и в конце той же осени дошел до Отрара. На пути к его армии присоединились с войсками своими Арслан, хан карлыков, идикут уйгурский и Сигнак-текин, хан Алмалыка, сын Озара[2]. Путь армии Чингиз-хана лежал во

Кучлук овладел его титулом и велел провозгласить себя императором. Вместе с тем он принял одежды и обычаи киданей (ляо). Он дал Чилуку и супруге его китайские титулы удалившихся на покой императора и императрицы. Пока они жили, он два раза каждый день являлся к ним для оказания знаков почтения, но Чилуку вскоре умер, и с ним кончилось могущество киданей».

[1] Так излагает д'Оссон на вышеуказанных страницах первого тома своей «Истории монголов», ссылаясь на Джувейни и Рашид-эддина, падение кара-киданьского царства и гибель Кучлука. По «Истории Чингиз-хана» (перевод г. Березина, стр. 34-40) Кучлук бежал в Сарыкол и здесь убит в 614 году гиджры. По «Юань-чао-ми-ши» («Труды р. дух. миссии в Пекине», т. 4, 1866 г., стр. 131) «по прежнему повелению Чингиса Чжебе преследовал Гучулука до страны Салихкуна и, погубивши его, возвратился». По замечанию арх. Палладия (там же, стр. 233) «Юань-ши» относит это событие ко времени похода Чингиз-хана на запад: «Хэ-сымай-ли» (Измаил), человек западных стран, из Гуцзэ-ордо, был приближенным корханя силао и управлял зависимыми от Гуцзэ-ордо городами Кэсань и Басыха. Когда Чингиз-хан воевал на западе, Хэсымайли с старейшинами тех городов вышел и поддался. Чжебо донес о том Чингиз-хану, который велел быть Хэсымайли у Чжебо в авангарде. Хэсымайли воевал против найманей и убил главу их Куйчулюй. Чжебо послал его с головой Куйлчулюй обойти владения найманей; тогда Кэшихар, Яркянь и Одуань (Хотан) один за другим сдались». Howorth (History of the Mongols, part I, London, 1876, p. 73), следуя Вольфу, относит поход Чжэбэ на Кучлука, находившегося в Кашгаре, в 1217 году, указывая на Worodin в Бадахшане, как на место, где был настигнут бежавший Кучлук. По Дегиню (немецкий перевод Деннерта. B.3, s. 45), поход Джэбэ отнесен к 1218 г.: сторону Кэшлуки приняли канглы, капчаки, китани и другие племена, из которых составилась армия в 300 т., но Чингиз-хан, ставший сам во главе своих войск, разбил эту армию; Джебэ преследовал бежавшего после этого поражения Кэшлука, который был схвачен около Бадахшана.

[2] D'Ohsson Histoire des Mongols, 1834,1.1, pp. 211, 212, 217. По Рашид-эддину («История Чингиз-хана» перев. Березина, 1888 года, стр. 42 и 43) лето в год дракона (616 г.) Чингиз-хан провел на дороге к

всяком случае по северной стороне Тяньшаня[1]. Один из пунктов этого пути определяется упоминанием Чан Чуня, проезжавшего в октябре 1221 года через Талкинское ущелье, о том, что дорога по этому ущелью проложена Джагатаем, «бывшим во время похода с императором»[2]. Отсюда уже не вероятно другое направление к Отрару кроме пути на Чу и Талас. На пути к Отрару Чингиз-хан не встречал сопротивления, а потому можно полагать, что долины Чу и Таласа не подверглись со стороны монголов тому опустошению, которое испытал от них Маверannагр.

р.Иртыш; осенью он приказал двинуться вперед и в конце той же осени прибыл к г.Отрару. По составленному при монгольской династии «Описанию личных походов» Чингиз-хана, он отправился в поход в западные страны в год Цзи-мао (1219), а в год Гянь-чэнь (1220) дошел до р. Ердиши; здесь провел лето и осенью дошел до г. Отолар; но тут в годах ошибка, потому что в том же «Описании» далее говорится, что Чингиз возвратился из похода в 1225 году через семь лет после выступления на запад, значит, выступил не в 1219, а в 1218 году («Восточный сборник», 1877 г., т. 1, стр. 191, 192 и 193). По биографии Елюй-Цуцая (Nouveaux melonges asiatiques, 1829, t. II, p.65) Чингиз-хан отправился в поход в 6 луне 1219 года; в самый день выступления, когда совершалось по этому случаю жертвоприношение, выпал снег глубиной до 3 футов. По «Си-юй-лу» (описание путешествия Елюй-Цуцая) армия Чингиза, при которой находился Елюй-Цуцай, по выступлении в 1219 году в поход перевалила через Алтай (Гиньшань), проходя по льду (см. ниже изложение путешествия Елюй-Цуцая). По «Си-юй-цзи», в мае и июне 1219 года Чингиз-хан находился в «орде найманов» (Bretschneider - Mediaeval Researches, v.I, p. 43). Сличение всех этих известий приводит к заключению, что лето 1219 года Чингиз-хан провел собственно не на Иртыше, а на северо-восточной стороне монгольского Алтая, в местностях около прежней «орды найманов», вероятно в бассейне р. Кобдо; отсюда он в конце лета или начале осени перевалил через Алтай. Можно считать вероятнейшим, судя по удобствам пути и по нахождению здесь впоследствии главного военного и почтового пути из Монголии на запад, что армия Чингиз-хана спустилась с Алтая на р. Урунгу и пошла затем через р.Кобук на р. Имиль и отсюда на р. Бороталу и далее через Сайрам-куль и Тал- кинское ущелье в Илийскую долину. При таком направлении пути армия шла местностями, обильными водою и кормами, минуя трудный и опасный для большой армии переход через бесплодную и безводную пустыню между Алтаем и Тяньшанем. Так как самый Иртыш остался в стороне, то у Рашид-эддина разумелись под этим именем, вероятно, прилегающие к его вершинам местности. В другом месте (там же, стр. 116) Рашид-эддин говорит, что Чингиз-хан, в 614 году, «имел летнюю кочевку у реки Иртыша, чтобы откормить лошадей, а осенью двинулся оттуда, взял города и страну, которая находилась по этой дороге.

[1] Вэй-Юань (переведенные Потье в предисловии к Le Liure de Marco Polo, p. CXV, отрывки его исторической географии) утверждает, что войско Чингиз-хана шло на запад «северной дорогой», т.е. по северную сторону Тяньшаня. «Мы не знаем, - писл М.И. Иванин в книге своей «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане», Спб, 1875 года, стр. 58, - какими местами он шел, но вероятно он следовал тем путем, которым ныне ходят караваны из Семипалатинска на р. Или к Верному и оттуда на Туркестан или Ташкент».

[2] «Си-юй-цзи» в «Трудах российской духовной миссии в Пекине», 1866 года, т.4, стр. 303 и 304.

2. Известия о западном Тяньшане и кара-киданях путешественников времени Чингиз-хана

«Си-юй-лу» ши описание пути на запад Елюй-Цуцая в 1219 году. «Бэй-ши-цзи» Вукусуня Чан-дуаня, в 1220 году. «Си-юй-цзи» Чан Чуня. Его передний и обратный путь. Приурочение маршрута Чан Чуня. Плано Карпини. Путь Рубрука по северной окраине западного Тяньшаня. Приурочение Кайлака и вообще пути Рубрука. Известия из путешествия царя Гетума. «Си-ши-цзи» ши описание посольства на запад Чан Дэ в 1259 году.

О прилегающих к западному Тяньшаню с севера землях в конце первой четверти тринадцатого столетия имеются известия трех китайских путешественников.

Из них Елюй-Чуцай, министр Чингиз-хана, по происхождению киданец, потомок основателя династии Ляо[1], сопровождал Чингиз-хана в походе его на запад. По сохранившимся отрывкам составленного им «Описания пути на запад» («Си-юй-лу»), в переводе Бретшнейдера, отправившись из северного Китая в апреле 1218 года, Елюй-Чуцай пересек горы Тяньшань[2], прошел потом «да-цзи» (великую каменистую пустыню) и «ша-мо» (песчаную пустыню) и прибыл в лагерь Чингиз-хана, местонахождение которого не указано. В следующем (1219) году была собрана большая армия, которая и двинулась на запад. Путь лежал через Гиньшань (монгольский Алтай). Даже в середине лета в горах этих существуют большие скопления льда и снега. Армии приходилось проходить по льду. Долины, однако, были покрыты травами и цветами. Реки к западу от Гиньшаня текут на запад и впадают в озеро. К югу от Гиньшаня находится Бе-ши-ба (вероятно Бишбалиг, Урумчи-Турфан), город хой-ху... Далее находился город Бу-ла (Bu-la)[3]. К югу от него лежат горы Иньшань[4], имеющие протяжение в востока на запад 1000 ли и с севера на юг 200 ли. На вершине хребта есть озеро, имеющее 70-80 ли в окружности[5]. Местность к югу от озера так густо покрыта яблонными деревьями, что они образовали леса, непроницаемые для солнечных лучей. По окончании перехода через Иньшань, прибывают в город А-ли-ма. Этот город носит название от местного слова для обозначения яблони - а-ли-ма. Восемь или девять других городов или местечек подведомственны городу Алима. В стране изобилие винограда и груш. Население обрабатывает пять родов хлебных растений, как в Китае. К западу от Алима находится широкая река по имени Иле (I-lie). Далее на запад от этой реки есть город

[1] Извлечение из биографии Елюй-Чуцая напечатано Аб.Ремюза в Nouveaux melanges asiatiques, til, 1829,p. 64 и след.

[2] Так названы, по мнению Бретшнейдера, нынешние горы Иньшань, отделяющие северный Китай от Монголии.

[3] «Более чем в 1000 ли после пересечения Ханхая», т.е. монгольской пустыни, Гоби. Так как Елюй-Чуцай ничего не говорит о переходе через Ханхай армии Чингиз-хана (потому что пустыня между монгольским Алтаем и Тяньшанем была обойдена движением армии из бассейна Кобдо в бассейн Урунгу и дальше на р. Имиль и на р. Боротала, на которой должен был находиться город Була, быть может, Боро), то расстояние в 1000 ли до Була показано от Бишбалыга, от окончания пересечения пустыни прямым путем из восточной Монголии на запад и потом через монгольский Алтай в Урумчи. Что касается до Була, то этот город назван Пулад у Рашид-эддина и у армянского царя Гетума («История монголов по армянским источникам» К.П.Патканова, вып. 2, Спб., 1874 г., стр. 83).

[4] Это, очевидно, хребет правого берега р.Или и его продолжение Эрень-Хо Тирга.

[5] Сайрам-нор.

Хусы-ордо (Hu-sz'-wo-lu-do), столица Си-ляо. Многие десятки городов были ему подведомственны. В нескольких стах ли на запад от Хусы-ордо есть город Талас (T'a-la-sz')... В 400 ли или более отсюда на юго-запад находятся города Ku-djan (Ходженд), Ba-pu (Tany)[1] Ko-san (Кашан) и Ba-lan[2]. К северо-западу от Куджана есть город O-ta-la (Отрар), которому подчинено с десяток городков. Этого-то города начальник предал смерти нескольких послов Чингиз-хана и несколько сот торговцев, прибывших с ними, захватив их товары, что и было причиною движения монгольской армии на запад... В 1000 ли на запад от Отала находится обширный город Sun-sz'-kan (Самарканд). На языке западного населения это имя значит «жирный». Город получил свое имя от того, что земля там жирна (плодородна). Страна действительно богата и многолюдна...[3].

В следующем (1220) году почти тем же путем проезжал посол императора чжурчженей к Чингиз-хану Вукусунь Чун-дуань (Wu-ku-sun Chung tuan). Известия о его поездке изложены в Pei-shi-ki, т.е. «Заметках о посольстве на севере». Этот путешественник, после дальнего пути в несколько десятков будто бы тысяч ли, по неуказанным местностям и по землям разных племен, из которых упомянуты mo-li-hi (меркиты), mo-k'o-li (macrins), ho-li-ki-sz' (кыргызы), nai-man, hang-li, gui-gu (уйгуры), t'u-ma (туметы), ho-lu (karluks), в первой декаде четвертого месяца (в начале мая), прибыл в город Y-li в стране (Hui-ho). Тут была резиденция государя hui-ho. Империя Даши (Ta-shi) или Великого киданя находилась в стране Hui-ho. Даши Линьма (Ta-shi Lin-ma) принадлежал к народу ляо. Тайцзу (основатель Гиньской династии - Агуда) ценил его ум и красноречие и дал ему в жены царевну. Но Даши втайне питал к нему недоброжелательство. Когда император двинул свою армию на запад, Даши, бывший при нем, бежал за горы[4]. Там он собрал пограничные племена и пошел на северо-запад. Во время переселения он останавливался на местах, обильных травою и пастбищами. Через несколько лет он прибыл к горам Иньшань, но не мог проследовать через их скалы и снега на колесах, а потому должен был перегрузить багаж на верблюдов. Потом он прибыл в страну hui-ho'cyee, вступил во владение землею и основал государство. Могущество Даши возрастало изо дня в день. Он царствовал около тридцати лет или более, и по смерти наименован Де-цзун. Когда он скончался, то ему наследовал сын, которому дано по смерти имя Jen-tsung. После кончины его правление было поручено младшей его сестре по имени Кан. Она имела одну незаконную связь и умертвила своего мужа, за что и сама была убита. Тогда возведен был на престол второй сын Ень-цзуна. По вине недостойных сановников империя пришла в упадок и, наконец, была разрушена хуй-хэсцами (hui-ho). В настоящее время от этого народа есть только небольшие остатки, которые приняли обычаи и одежду хуй-хусцев. Владение

[1] Упоминается в «Записках султана Бабура» между Касаном и Маргеланом.
[2] По предположению Бретшнейдера, Канибалам. «Си-юй-лу» упоминает о Куджане, что там много гранатовых яблонь, о Балане, что тут много садов с миндальными деревьями, цвет которых походит на цвет абрикосов, но бледнее, и о Бапу, что он славится большими арбузами.
[3] Mediaeval Researches, by E.Bretschneider, London, 1888, vol. I, pp. 13-21.
[4] Гиньские писатели вообще утверждают, что Елюй-Даши находился в плену у чжурчженей, но о побеге рассказывают разно. По «Кидань-го-чжи», составленной Е Лун-ли в 1180 г., Даши бежал вследствие ссоры за игрою с гиньским главнокомандующим, который так на него рассердился, что хотел лишить его жизни (см. статью Шотта в Abhandlungen берлинской академии, за 1879 год, Berlin, 1880, s. 13).

последних обширно и далеко простирается на запад. В четвертом и пятом месяцах (май, июнь) трава засыхает, как в наших краях зимою. Горы покрыты снегом даже в самое жаркое время года... Описывая нравы и обычаи хуй-хэсцев, Ву-кусунь говорит, что хуй-хэсцы - мусульмане кровожадны и любостяжательны. Пищу кладут в рот пальцами. Едят мясо и пьют вино даже во время постов. Илийские хуй-хэсцы несколько слабосильны и хилы; они не любят кровопролития и не едят мяса во время поста. Индейские хуй-хэсцы черны (кожей), но характера доброго[1].

Сведения третьего путешественника, даоского монаха Чан Чуня дошли до нас в «Си-юй-цзи», т.е. «Описании путешествия на запад», составленном одним из спутников Чан Чуня. Чан Чунь, вызванный Чингиз-ханом из северного Китая, не нашел его в Монголии и был отправлен на запад вслед за монгольским завоевателем. Он пересек Гоби несколько восточнее меридиана Урумчи и следовал затем вдоль Эрень-Хабирга, перевалил в Илийскую долину Талкинским ущельем и прибыл 27 числа 9 луны (14 октября 1221 года) в г. Алима[2]. «Владетель государства Пу су мань[3], вместе с монгольским Да-ла-ху-чжи[4], во главе свит своих, вышли нам навстречу. Мы остановились в западном плодовом саду. Туземцы называют плод, по своему, алима, и как здесь много плодов, то они назвали город именем плода. Здесь есть ткань, называемая ту-лу-ма[5]; в народе говорят, что она соткана из посаженной шерсти овец. Мы получили тогда 7 кусков этой ткани для теплого платья. Эта шерсть походит на наш ивовый пух, чиста, тонка, мягка; из нее можно прясть нитки, вить веревки, ткать холст и делать вату. Земледельцы здешние тоже орошают поля водопроводами, Туземцы берут воду кувшинами, которые носят на головах. Когда увидели китайскую бадью для черпания воды, то восхищаясь ей, говорили: У вас, Тао хуаши, все вещи искусны. Тао хуаши называют они китайцев...[6]. Потом, через четыре дня пути на запад, прибыли к Таласу[7]

---

[1] Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, by E. Bretschneider, London, 1888, vol. I, pp. 25-34.

[2] Отсюда я начну извлечение из «Си-юй-цзи» по переводу арх. Палладия в «Трудах членов российской духовной миссии в Пекине», т. 4, 1866 года, стр. 304-310.

[3] Бретшнейдер (Mediaeval Researches, v. I, p. 70) переводит видимо правильнее «правитель пусуманьского (мусульманского) владения».

[4] Даругачи. Соправитель или губернатор из монголов назначен был к хану Алмалыга Сигнак- тигину, вероятно, во время прохода армии Чингиз-хана через его земли.

[5] Арх. Палладий полагает, что ткань эта выделывалась из хлопчатой бумаги, которая в это время была еще редкостью, особенно в северном Китае, название же свое получила от г. Термеда, где выделывалась. Бретшнейдер замечает, что в Восточном Туркестане (по Trotter's report on his Journey to Klotan, 1874, p. 155) есть материя по имени tolma (Madiaeval Researches , vol. I, p. 70).

[6] По арх. Палладию это, вероятно, тамгадж, имя, переделанное из китайского Тан го жень, люди династии Тан.

[7] По мнению арх. Палладия «Таласу должна быть известная река Талас», но согласиться с этим невозможно, потому что в четырех днях пути Чан Чуня, который делал по 25 — 30 верст в день, не могло быть, в расстоянии 100 верст от Алима, другой большой реки, через которую совершалась бы переправа на лодке, кроме р. Или. По переводу Потье (Journal asiatique, 1867, t. IX, p. 60) Ensuite epres avoire marche l'ouest, peudant quatre jours, on arrive au fleuve Tu-rsse-sze (Teh-ke-sze). Les gens du pays appelent ce fleuve Wei-muu-lien. Пусть в переводе последней фразы Потье ошибся, но весьма возможно, что в чтении Ta-tsre-sze вместо T'a-la-su, как читает и Бретшнейдер, он прав. Если же чтение Потье неправильно, то следует предполагать ошибку в тексте. Китайцы легко могли принять имя главного истока реки — Текеса - за имя самой реки. Лерх («Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году», Спб., 1870 г., стр. 37), думал, что Таласу названа тут р. Чу на том основании, что по переводу Потье, перед прибытием в Алима «следовали по течению большой реки, текущей с востока на запад»: эту большую реку Лерх принимал за р. Или. Но тут перевод Потье ошибочен: по переводу арх.Палладия, подтверждаемому Бретшнейдером, в

мулянь (мулянь значит река); река глубока и широка, течет на северо-запад; выходя с востока, она прорезывает Иньшань. На юг реки, тоже опять снежные горы. 10 луны 1 числа (17 октября), переплыв реку на судне, мы прибыли на юг к одной большой горе, по северную ее сторону, где есть небольшой город. Далее, мы пять дней ехали на запад... Ехавши далее семь дней на запад, мы переехали одну гору, на юго-запад, и встретили здесь китайского посла, возвращающегося в Китай... На другой день выпал большой снег; мы прибыли в небольшой город хойхэский; снегу выпало на фут, но с восходом солнца он растаял. 16 числа (1 ноября), направляясь на юго-запад, мы переехали реку, досчатым мостом, и к вечеру прибыли к подошве южных гор. Здесь владение Да-ши Линья. Здешний государь есть потомок династии Ляо; когда гиньские войска покорили Ляо; Да-ши Линья, во главе нескольких тысяч человек, бежал на северо-запад; более десяти лет переходил он с места на место, пока, наконец, не дошел до сей страны. Здешняя страна климатом и воздухом различна от страны по северную сторону Цзиньшань (Гиньшань - Алтай), у Бретшнейдера это Yin shan - (Тяньшань); здесь весьма много равнин; жители занимаются земледелием и шелководством; вино выделывают из винограда; плоды те же, что в Китае; только целое лето и осень не бывает дождя; поэтому поля орошаются водою из реки, посредством канав, отчего хлеба и поспевают. На северо-востоке и юго-западе, налево горы, направо долины тянутся беспрерывно на 10000 ли[1]. Государство здешнее существовало около ста лет; когда наймани потеряли свое владение, они прибегли к Даши, но когда усилились войском, то насильственно овладели этой страною; потом Суань дуань[2] отнял у них западную часть. Когда войска Чингиз-хана пришли сюда, наймани были скоро истреблены и Суань дуань тоже низвержен. Мы слышали, что предстоящая дорога трудна; в это самое время одна телега у нас сломалась; мы и оставили ее. 18 числа[3] (1 ноября) мы ехали подле гор на запад, дней семь или восемь, когда горы вдруг пошли на юг; на дороге попалось нам каменное городище; камни совершенно красного цвета; есть следы древнего военного становища[4]. На западе есть большие насыпи могильные, расположенные, как звезды в Медведице[5]. Потом

этом месте в подлиннике идет речь не о реке, а об «огромной долине, простирающейся с востока на запад», в которую Чан Чунь вышел из Талкинского ущелья, т.е. об Илийской долине.

[1] У Бретшнейдера (p. 73): To the north-east are mountains; to the soutj-west low countries, with stretch out for ten thousand li. В переводе Потье: «Направо - годы, налево - долины, и это на протяжении 10 т. ли». Не следует ли: (В направлении) с северо-востока на ю.-з., слева горы и справа долины тянутся 10 т. ли».

[2] Султан, т.е. Султан-Мохаммед.

[3] Следует «С 18 числа», как у Бретшнейдера (Med. Researches, I, 73).

[4] У Потье (Journal asistique, 1847, t. IX, p. 64): «Мы прошли через город, построенный из камней; эти камни совершенно красного цвета. Тут есть следы военного лагеря, служившего для остановок кавалерии». Лерх («Археол. поездка», Спб., 1870 г., стр. IX и 35) вполне правильно признал это «каменное городище», упоминаемое Чан Чунем, за сохранившиеся поныне остатки недостроенного здания и за подготовлявшиеся для постройки камни, на урочище Ахыр-таш, в 44 верстах на восток от г. Аульеата. Я ниже еще буду говорить подробно об этой постройке. Арх. Палладий («Труды» и пр., Спб., 1866 г., т. 4, стр. 409) указывал, что «по этой же дороге заметил подобные следы укреплений русский путешественник Назаров, при проезде в Коканд». Но на самом деле Назаров проезжал не этой дорогой, а совсем другим путем из Петропавловска на низовья р. Чу, Сузак и Чемкент, оставив Талас далеко в стороне (см. «Записки о некоторых народах и землях средней Азии Филипа Назарова, отдельного сибирского корпуса переводчика, посылавшегося в Кокант в 1813 и 1814 годах», Спб., 1821 года).

[5] По Лерху («Арх. поездка», стр. 28) на первой станции от Аульеата на восток, переехавши Талас, с правой стороны видна группа холмов, сложенных из крупного местного щебня - джеты-тюбе (семь курганов).

переехали через каменный мост[1] и по направлению юго-западных гор сделали пять переездов до города Сай-лань[2]. Здесь небольшая башня[3]. Хой-хэсский ван встретил нас и ввел в подворье. В первые дни 11 луны сряду шел сильный дождь. 4 числа[4] у туземцев был новый год; они толпами ходили и поздравляли друг друга... Затем (после смерти в 5 день 11 луны одного из спутников Чан Чуня и после похорон его) мы отправились на юго-запад и через три дня прибыли в один город[5].

Ван его тоже из хой-хэ, уже в преклонных летах. Он встретил нас и проводил с попутными поднесениями и угощал вареными лепешками. На другой день мы опять проехали один город[6] и еще через два дня пути прибыли к р. Хо-гань мулянь[7]; мы переехали ее по плавучему мосту и остановились на западном берегу ее. Смотритель над мостом поднес ...рыбу с огромным ртом, без чешуи[8]. Истоки этой реки находятся на юго-востоке, между двумя снежными горами; вода в ней мутна и течет быстро; глубина ее в несколько чжанов[9], направление ее на северо-запад; неизвестно, сколько тысяч ли она протекает. На юго-запад от реки тянется степь более 200 ли, где нет вовсе ни травы, ни воды; поэтому мы ехали тут ночью; потом мы направились на юг, к большим горам, и на запад; эти горы соединяются с южными семисыганьскими (самаркандскими) горами»...

В обратный путь Чан Чунь двинулся из Самарканда 26 числа 11 луны или 29 декабря 1222 года. «Через три дня мы переехали на восток Хочань мулянь и прибыли в царскую ставку... И числа (1 луны или 12 февраля 1223 года) мы отправились (далее) на восток... 21 числа (22 февраля), пройдя на восток один переезд, прибыли в одну большую долину[10], имея на северо-востоке Сай лань около трех переездов; здесь было много воды и травы; удобно для прокормления волов и лошадей, почему тут и остановились пожить. 2-й луны в первое 7-е число (9 марта) учитель представлялся хану... (с просьбою о дозволении ему ехать на родину вперед, не ожидая Чингиз-хана). 10 числа (3 луны) учитель, после представления хану, отправился в путь... В три дня мы приехали в Сай лань. 15 числа (3 луны или 16 апреля 1223 года) ученики отправились за город

---

[1] На Таласе.
[2] Сайрам.
[3] У Потье (p. 66) вместо «башня» значится «небольшой буддийский храм».
[4] Число это соответствует 20 ноября 1221 года. По Лерху мусульманский новый год приходился в 1221 году на 24 февраля. Он полагает (и того же мнения Wylie, как удостоверяет Бретшнейдер в Mediaeval Researches, p. 74), что Чан Чунь находился в Сайраме во время праздника Байрама, по окончании поста Рамазана, приходившегося на 18 ноября 1221 года. Небольшая разница могла произойти от недостаточности точности в приемах магометан для определения дня появления новой луны, отчего не редки случаи празднования Байрама в разных местностях в разные числа.
[5] Ташкент?
[6] Старый Ташкент.
[7] Сыр-дарья. У Бретшнейдера (p. 75) Ho-ch'an mu-lien, ходжентская река. Может быть у арх. Палладия тут (стр. 309) опечатка вместо Хочань мулянь, как значится на стр. 332 имя той же реки, упомянутой при обратном проезде Чан Чуня.
[8] По Бретшнейдеру (p. 74) это, вероятно, Shevit-fish (Silurus).
[9] Чжан равняется, по арх. Палладию, 10 футам.
[10] В подлинном переводе арх. Палладия сказано « к одной большой реке», но пояснено, что иероглиф «чуань» значит и «река», и «долина». Так как Бретшнейдер переводит (p. 96) «долина», то я изменил текст перевода арх. Палладия в этом смысле. Вероятно, это долина р. Чирчика.

принести жертву на могиле покойного (ученика, умершего в передний путь)... На другой день отправились в путь далее. (23 числа) (24 апреля) Сюань чай Агоу[1] настиг учителя для проводов на южном берегу Чуй молянь. Потом, через десять дней, были в 100 с лишком ли на запад от города Алима, и переплыли большую реку. 4-й луны 5-го числа (5 мая) мы прибыли в сад, что на восток от города Алима. Здесь Тай-цзян (главный зодчий) второго царевича (Джагатая) Чжан Гун настоятельно просил учителя, говоря: - В нашем местопребывании устроены три жертвенника, к которым более 400 человек приходят помолиться, каждое утро и вечер, с неослабным усердием; за несколько дней до праздника (предстоявшего 4 луны 15 числа) просим тебя, из милосердия, переплыть реку и наставить общество жертвенников; это будет счастьем для нас. Но учитель отклонил это... На другой день лошадь, на которой ехал учитель, вдруг побежала на северо-восток; служители не могли направить ее. Тогда Чжан гун и другие опечалились и со слезами говорили: - У нас нет счастливой судьбы; Небо не позволяет ему ехать к нам. - Вечером мы прибыли в Иньшань и переночевали. На другой день мы снова проехали через 48 мостов и следовали 50 ли вверх по потоку до Небесного озера...»[2].

«Небесным» озером назвал Чан Чунь Сайрам-куль в передний свой путь, по описанию которого это - «огромное озеро, имеющее в окружности около 200 ли; снежные пики (дело было уже в октябре) окружали его со всех сторон, отражались в водах озера... Следуя подле озера, мы спустились прямо на юг: по обе стороны нас стояли отвесные скалы и воздымались пики; густой лес сосен и берез, вышиною более ста футов, в бесчисленном множестве покрывал горы с вершины до подошвы их. Потоки воды стремятся в ущелье быстрыми струями и каскадами, и извиваются в нем около 60 или 70 ли. Второй царевич (Джагатай), бывший во время похода с императором, первый проложил здесь дорогу, пробив скалы, и из нарубленного леса устроил 48 мостов; по мостам могут проехать две телеги рядом[3]. К вечеру мы остановились в ущелье на ночевье. На другой день мы, наконец, выехали из ущелья и вступили в огромную долину, простирающуюся с востока на запад. Здесь воды много, трава богатая; воздух как весной; было немного тутовых деревьев и жужубов. Потом, через один переезд, 9 луны 27 числа, мы прибыли в город Алима[4]. Описания озера и ущелья настолько точны и верны, что нельзя не признать озеро за Сайрам-куль и ущелье за Талкинское. От выхода из Талкинского ущелья до Алима Чан Чунь в передний путь сделал один переезд, т.е. 25-30 верст, как выходит при соображении значительных участков пути его вперед с действительными нынешними расстояниями; в обратный путь Чан Чунь ехал от Алима до ночлега, по-видимому, уже в ущелье, тоже один день,

[1] Адъютант Чингиз-хана, назначенный для провожания Чан Чуня.
[2] «Труды российской духовной миссии в Пекине», т. 4, стр 332-337.
[3] Истоки реки Талки состоят из мощных ключей (образование их професс. И.В.Мушкетов приписывает просачиванию вод оз. Сайрам-куля), которые бьют из скал южной стороны перевала, лежащего между озером и ущельем, и падают и сбегают в ущелье действительно каскадами; бока ущелья почти до верха покрыты елями; есть еще местами и березы. Длина дорог и по ущелью также верна. Дорога по ущелью должна много раз пересекать реку, переходя с одного берега ее на другой; переезды через реку в ущелье невозможны для колесных экипажей без мостов.
[4] «Труды р. духовной миссии в Пекине», т. IV, стр. 303 и 304.

но должен был сделать в этот день далеко менее приходящихся в среднем на обратном пути, когда он спешил на родину, 50-60 верст, вследствие задержек (упрашивания главного зодчего, эпизод с лошадью и пр.). Выходит таким образом, что Алима лежал в 25-30 верстах от окончания талкинского ущелья. Если бы Алима находился прямо на юг от выхода из ущелья, то путешествующим на запад приходилось бы делать в Алима более или менее лишний путь: разумею предположения о местонахождении Алима около Суйдуна или китайской Кульджи. При последних предположениях и направление пути из Алима к ущелью было бы на север, а не на северо-восток, как пошла лошадь Чан Чуня. Полагаю, что Алима должен был находиться к юго-западу от Талкинского ущелья и именно в той местности, которая славилась своими яблоневыми лесами. Но яблоневые леса сохранились в настоящее время главным образом в вершинах речек Аксу, лежащих против западной части Сайрам-куля, к югу от этого озера, где Елюй Чуцай помещает густые, непроницаемые для солнечных лучей, яблоневые леса, а потому надо думать, что Алима был расположен, судя по расстоянию, данному Чан Чунем от конца талкинского ущелья, на западе от речек Аксу, между этими речками и р. Хоргосом. Именно тут и сохранилось до настоящего времени название урочища Алимту, на котором находилась, во время занятия Кульджи в 1871-1883 гг., почтовая станция этого имени. При много уже раз замеченной устойчивости местных названий нельзя не считать вероятным, что Алима лежал именно на урочище Алимту, но значительно, должно быть, ближе к горам, чем почтовая станция, стоявшая на дороге из Чинчагози к главному броду через р. Хоргос[1].

Из Алима Чан Чун в передний путь ехал четыре дня на запад до переправы через р. Или. По 30 в. в день, это приводит к переправе около устья р. Чарына. От переправы он ехал день до небольшого городка у гор на левом берегу р. Или; это селение приходится около восточной оконечности гор Бугуты. Затем, следуя на запад 12 дней, т.е. около 360 верст, Чан Чунь перевалил одну гору на юго-запад. Это, мне кажется, скорее Курдайский перевал, чем Кастекский. Говорит за это и большая легкость пути через первый, - особенно для Чан Чуня, у которого были телеги, одну из которых перевал этот сокрушил, - и описание пути от перевала до подножия Александровского хребта, более подходящее к дороге через Кур дай, на которой небольшой городок, к которому Чан Чунь ехал в следующий после перевала день, приходится на место почтовой

[1] Быть может, именно эту местность имел в виду П.П.Семенов, высказав в примечании к своему переводу Азии Риттера (т.2, 1859, стр. 96), что древний Алмалык находился в Илийской долине около 40 верст на северо-запад от (китайской) Кульджи. Покойный професс. Захаров, служивший консулом в Кульдже, передавал Бретшнейдеру (Mediaeval Researches, 1888, vol. I, p. 70), что в 7 верстах от Суйдуна есть обширные развалины древнего города. Не мешает иметь в виду, что по Катрмеру (Histoire des Mongols de la Perse par Rasschid-eldin, Paris, 1836, p. 148) Рашид-эддин упоминает о городе Sankoun, лежавшем выше Алмалика, и о городе Bisou, который находился недалеко от метрополии Илийской долины, в ее окрестностях. Конечно, должны были существовать и селения. В 1877 году, при собирании сведений для четвертого археологического съезда, русская администрация Кульджинского района указала только на два остатка древности в Илийской долине: «1) находящиеся на берегу р. Или в 20 верстах от Кульджи развалины большого древнего города, называемого теперь Кони-таджи, и 2) курган Таш-тюбе, на ур. Тогуз-тарау в 120 в. от Кульджи». В обоих местах, по заверению записки майора Герасимова, предназначавшейся для съезда (в протоколах съезда о ней не упоминается), были находимы клады, но судьба их неизвестна («Туркестанские ведомости», 1879 года, № 43, статья «Археологические памятники в Семиречье и Кульджинском крае», составленная по официальным источникам).

станции Сюгаты, где, на богатых ключах, действительно могло быть селение и откуда в день можно было доехать до подножия Александровского хребта около Пишпека, переправясь через Чу до досчатому мосту. Принять путь на Кастек мешает то обстоятельство, что только ниже Б.Токмака р.Чу начинает течь одним руслом, с меньшей быстротою, выше же разбита большей частью на несколько рукавов с каменистым дном и очень быстрым течением. Дальнейшие восемь дней пути приводят от Пишпека к ур. Ахыр-таш, а день пути отсюда - на каменный мост, приходящийся на Таласе. Пять дней пути от Таласа достаточны для прибытия в Сайрам.

В правильности такого приурочения пути Чан Чуня убеждает следующее сравнение его переднего и обратного маршрута с действительными расстояниями настоящего времени:

Маршрут Чан Чуня от Алима до р. Чу (по 30 верст в день)	Действительные расстояния от почтовой ст.Алимту:	
	Р. Хоргос	15 в. 30 в. 28 в.
	Сел.Аккент	
	Борохудзир	
4 дня пути или 120 в. до Таласу мулянь	Переправа через р. Или	25 в.
1 день или 30 в. до небольшого городка угоры	Р. Чарын	25 в.
150 в.		123
5 дней или 150 в.	Г. Верный	200 в.
7 дней или 210 в.		
1 день или 30 в. до неб.городка хойхэ		
1 день или 30 в. до Александр. хребта	Г.Пишпек	235,25 в.
420 в.		435,25 в.
От Александр.хребта:	От Пишпека:	
8 дней или 240 в. до каменного городища	До ст. Акыр-Тюбе	211,5 в.
1 день или 30 в. до каменного моста	Г. Аульеата	60 в.
5 дней или 150 в. до Сайланя	Г.Чемкент	176,25 в.
420 в.		447,75 в.
А всего 33 дня пути или 990 верст.		1006 в.
Обратный путь от Сайланя до Алима (около 50-55 верст в день):	От г. Чемкента:	
8 дней или 420 в. до Чуй мулянь	Г.Пишпек	447,75 в.
10 дней или 520 в. до ночлега перед Алима		
1 день или 50 в. до Алима	Бывшая почт.станция Алимту	558,25 в.
А всего 19 дней или 990 верст		1006 в.

Кроме трех китайских путешественников Елюй Чуцая, Вукусуня и Чан Чуня в тринадцатом же столетии проезжали по странам, прилегающим к западному Туркестану с севера, католические монахи Плано Карпини и Рубрук, киликийский царь Гетум и, наконец, китаец Чан Дэ. Хотя их поездки, по времени, уже относятся к эпохе Джагатаидов, которой посвящена особая глава этого труда, но я предпочитаю изложить сведения об этих четырех путешествиях здесь же, для удобства сличения их с известиями и путями трех их предшественников. Это тем необходимее, что в положении страны, со времени покорения ее Чингиз-ханом, за все время, к которому относятся поездки семи путешественников, никаких существенных времен не произошло и она пользовалась наступившим после похода Чингиз-хана и продолжавшимися до смерти Мангу-хана спокойствием.

Посланный от папы Иннокентия IV францисканский монах Плано Карпини, отправившись из орды Батыя, с Волги, в первый день Пасхи 1246 года, ехал через «Команию», потом по стране «кангитов» (конечно, это канглы), далее по стране «бисерменов, которые говорили по-комански», т.е. по-тюркски[1]. Это вероятно мусульмане - сарты, обитавшие на реках, текущих с северных и южных склонов хребта Каратау. Плано Карпини замечает об их стране, что «тут много городов, крепостей и деревень разрушенных». В этой стране - продолжает описание путешествия Плано Карпини - большие горы, а на юг Иерусалим и земля сарацинов. А немного дальше на границах обитают царевичи Бури и Кадан, сыновья Тиадая (Джагатая). С северной стороны находится страна черных катайцев и океан; там обитает Сибан (Шибан), брат Батыя. Мы ехали этой страною с Вознесения до октавы св. Иоанна; потом прибыли в Nigra Cathaya, где император построил дворец и т.д.[2]

По неясности вышеприведенного описания этой части путешествия Плано Карпини можно догадываться, что с мая до 24 июня 1246 г. он проезжал по землям, большей частью входившим в удел Джагатая, следуя, по-видимому, мусульманскими городками и селениями у Каратау и затем через неизвестные места вдоль западного Тяньшаня и Джунгарского Алатау до р. Имиля, где находилась собственная орда Куюка, но ничего более определенного о его пути сказать нельзя.

Несколько более обстоятельные сведения содержатся в Itinetarium Wilhalmi de Rubruk, тоже францисканца, посланного к Мангу-хану французским королем Людовиком Святым[3]. Он выехал с Волги, от Батыя, 15 сентября 1253 года и ехал

---

[1] Как бесспорно показывает команский словарь, подаренный в пятнадцатом веке Петраркою в венецианскую библиотеку и изданный в 1880 году графом Geza Kuun (Codex cumanicus, 1880, Budapesti).

[2] Французский перевод описания путешествия Плано Карпини в Recuail de divers voyages curicux, faits en Tarturie, par Bergeron, tome premier, Leide, 1729 (pp. 8,9) (См. также латинский текст и русский перевод в издании Языкова «Собрание путешествий к татарам», Спб., 1825 года, стр. 25 и след.) Латинский текст, проверенный по многим рукописям, издан вновь в Recuail de voyages et de memories, publie par la Societe de Geographie, Paris, 1839, tome IV. Тут же помещены обширные комментарии д'Авезака.

[3] Я пользовался при изложении путешествия Рубрука французским переводом в вышеуказанном Recuail etc., Бержерона (t. I, pp. 46-63) и латинским текстом, напечатанном в упомянутом же Recuil etc., парижского географического общества (t. IV, pp. 274-295). Я имел также, между прочим, в виду

сначала по землям канглов (cangle), «которых считают потомками римлян»[1], до 31 октября, делая ежедневно переезд, равный расстоянию от Парижа до Орлеана (100 километров), а иногда и более, и направляясь все на восток. С 31 октября стали держать путь на юг и на седьмой день езды в этом направлении увидали на юге высокие горы и вступили в обработанную и орошенную местность. 8 ноября прибыли в город сарацинов по имени Кенкат. Большая река, выходящая из гор, орошала всю страну; эта река не впадала ни в какое море, а терялась в земле, образуя много болот. На следующий день, в другом городке, Рубруку сказали, что город Талас находился оттуда в каких-нибудь шести днях пути. По всем этим данным можно полагать, что Кенкат находился между Каратау и нижним течением р. Чу, которая кончается разливами, болотами и озерами. Шмидт склонен видеть в этой реке Талас, но едва ли это так, потому что низовья Таласа гораздо ближе шести дней пути от города Таласа, предполагать же ошибку в рукописях (читать три дня вместо шести) или ошибку со стороны самого Рубрука, как делает Шмидт, нет достаточных оснований. Далее Рубрук направился к востоку, «к тем горам» (Direkimus iter per quosdam alpes): полагаю, что тут разумеются горы, откуда вытекала большая река, а не те, в которых лежал город Талас. «И с этого времени начали встречать подданных Мангухана». Раньше, значит, были земли Батыя, теперь же начались земли Джагатаева улуса, которые Рубрук вообще не отличает от земель, непосредственно принадлежавших великому каану; владения Джучи действительно начинались к западу от линии с Отрара на Балхаш, захватывая сартовские города к западу от Арыса, взятие Джучием во время похода Чингизхана на запад. «Немного дней спустя мы вошли в горы, где обитали кара-китаи (Paucis diebus post hoc intravimus alpes, in quibus solebunt habitare Caracotai) и нашли там большую реку, через которую должны были переправиться на судне (et inoenimus ibi magnum fluvium, quod oportuit nos transire in nowigio). После того мы прибыли в долину, где увидели разрушенную крепость, стены которой были из глины; страна была обработана. И потом дошли мы до изрядного города по имени Эквиус (Equius), где жили сарацины, говорившие по-персидски, хотя они очень далеко находились от Персии. На следующий день, кончив прохождение через эти горы, бывшие ветвью более великих гор, лежавших к югу, мы вошли в прекрасную долину, у которой справа были высокие горы, а слева море или большое озеро в 25 дней[2] в окружности. Эта долина была обильно орошена водами, которые спускаются с упомянутых гор и все впадают в это великое озеро. Летом мы возвращались по северной стороне этого озера, где также есть высокие горы. В этой долине прежде существовали многие города и селения; по большей части они разрушены татарами, которые пользуются пастбищами, весьма здесь хорошими и тучными. Мы нашли здесь большой город по имени Кайлак, где большой рынок и стечение множества купцов, торговля которых процветает. Мы оставались здесь около 15 (в некоторых рукописях 12) дней»... и отправились отсюда

обстоятельный обзор и объяснения путешествия Рубрука в статье Шмидта Über Rubruk's Reise, помещенной в Zeitschrift der Gesellschaft pur Erdkunde zu Berlin, Bond 20, 1885, ss. 161-253.

[1] Bergeron, pp. 46, 47. В издании географического общества, по одной из рукописей (p.274): Cangle quaedam parentala Comanorum; в другом месте (p.265): Quidam Comani qui dicobantur Cangle.

[2] В некоторых рукописях 15 дней.

30 ноября, а через три для достигли границ области и начала моря или большого озера, на котором свирепствуют бурные ветры. 6 и 7 декабря проходили через покрытые снегом горы, по трудным тропам, не встречая людей кроме выставленных в ямах (почтовых станциях), и, наконец, вышли в долину, где находилась орда Кеукана (curia Keucan), который обитал в земле найманской. Этот Кеукан есть Куюк, потому что по словам Рубрука по смерти этого Кеукана «Батый пожелал, чтобы ханом стал Мангу».

Так как орда Куюка несомненно находилась на Имиле или Кобуке, то большое озеро с бурными ветрами, дующими по долине, лежащей на юго-востоке от него, где между горами находилось другое озеро, есть Алакуль, второе же озеро есть Эбиннор, которое и имя свое получило от названия ветра, о котором идет у Рубрука речь («эбе»)[1]. Путь Рубрука лежал по южной стороне Алакуля, а затем через горы Барлык, вероятно ущельем р. Купа, в долину Имиля и далее на р.Кобук, потом на р.Урунгу и т.д. Но до Алакуля Рубрук ехал три дня, значит, Кайлак находился от Алакуля к западу верст на 300, судя по данному Рубруком указанию величины его ежедневного проезда. Поэтому, по моему мнению, Кайлак находился в долине р. Каратала, выше устья р.Коксу[2]. На проезд Рубрука от Кенката до Кайлака по описанию его путешествия,

[1] Считал это море Рубрука за Алакуль между другими и В.В.Григорьев (см. «Восточный Туркестан», вып. 1, 1869 года, стр. 425).

[2] Кайлак в рукописях встречается в форме Ceilac, Loilac, Caialac, Caalac, Cealac. Юль (Cathay and the way Thotler, 1866, p. CCXII), отождествляя Кайлак с Каялыком мусульманских писателей, предполагал нахождение его около нынешнего города Копала и это теперь общепринято. Шмидт (s.204) думает, что Кайлак находился западнее, к стороне Балшаха. Я предпочитаю долину Каратала, так как она подходит по расстоянию; по богатству почвы и орошения, по более теплому климату, а также по выгодному положению на кратчайшем и обходящем горы, в которых лежит Копал, пути, она была гораздо более удобна для помещения торгового города, чем Копал, путь, к которому с обеих сторон затруднен довольно тяжелыми даже для вьючных животных, не говоря уже о телегах, перевалами. На карте при «Истории монголов» д'Оссона Каялык показан на левом берегу р. Или, а Алмалык на правом. Между тем в 1 томе сочинения д'Оссона читаем (p. 246): «Бату, который, наконец, двинулся с берегов Волги, чтобы представиться Куюку, прибыл к горам Алактак, в семи днях пути от Каялыка, когда получил известие о смерти этого государя. Он остановился тут под предлогом поправления изнуренных лошадей. Он предоставил, по обычаю, управлять временно государством старшей из жен умершего Огуль-каймыш... В то же время Бату назначил общее собрание (членов монгольского царствующего дома для выбора нового великого каана) в Алактак»... Эти горы Алактак есть, вероятно, Заилийский Алатау, от которого долина Каратала, где находился по моему Каялык, лежит в 200 с лишком верстах, т.е. в семи днях обыкновенного караванного пути по 30 верст в день. D'Osson (t.I, p. Ill), по Джувейни называет карлыкского Арслан-хана «государем Каялыка». Н.А.Абрамову («Записки И.р.географического общества», по общей географии, т. 1, 1867 г., стр. 290 и 291), в бытность его в 1857 году в Копале, рассказывали киргизы, что в одном из курганов около Копала один татарин вырыл глиняный сосуд и в нем открыл золотой, украшенный каменьями, перстень, с туркской надписью Арслан, и продал его в Кульдже за пять серебряных ямб, стоящих 250 р. Не принадлежал ли этот дорогой перстень Арслан-хану, владетелю племени карлуков? Но имя Арслан было очень обыкновенным между тюрками и даже между сартами (Асилань «Гинь-ши»), почему же этот Арслан есть непременно Арслан-хан, современник Чингиз-хана? Тот же Абрамов упоминает (там же, стр. 291), что «около Копала, при реке Биени, есть остатки древней крепостцы, с гранитными вокруг столбами» (?).
По его же описанию (стр. 275), «на Каратальской долине находится множество арыков древнего происхождения». Там же находится много насыпных земляных курганов и древних могил». В долине р. Коксу также «множество курганов». Он же осматривал в 1860 году, «около р. Каратала на горе Лоба», фундаменты шестнадцати зданий буддийского монастыря, существовавшего, по его мнению, при калмыках (стр. 275-278).
По статье Н.А.Абрамова «Арасанские минеральные ключи в Семипалатинской области» («Вестник р. географического общества», часть 23, 1858 года, корреспонденция и смемь, стр. 17 - 26), на биеньском арасане «вступившее в сей край наше войско (1846 г.) видело несколько вырезанных на каменных досках ламайских бурханов с монгольскими надписями. В числе их была доска с искусно вырезанною женщиною в джунгарском наряде. На голове ее вырезан полукруглый венец, как на христианских иконах; руки ее, приложенные к оконечности груди, держали вазу с отчетливо вырезанным растением с цветами и

имеется 6-9 дней, потому что из Кенката он выехал 9 ноября, а в Кайлак прибыл 15 или 18 ноября, смотря по тому, сколько дней провел он в Кайлаке до выезда, последовавшего 30 ноября, 12, как значится в одних рукописях, или 15, как означено в других. Я думаю, что направляясь от второго городка на восток, Рубрук ехал сначала по течению р. Чу, а затем, дня через два, поехал в том же направлении, по горам, лежащим между реками Чу и Или. Тут то ему говорили, что в этих горах (на самом деле значительно далее на юго-восток, между этими горами и Александровским хребтом) обитали прежде кара-кидани. Этими горами он следовал до большой реки, т.е. до р.Или, через которую переправился на судне, вероятно около устья р.Курту. За этой рекой встретились развалины крепости, а потом и город Эквиус, лежавший на какой-нибудь небольшой речке этой местности. На следующий день кончился путь по горам, составлявшим отроги Заилийского и Джунгарского Алатау, и путешественник вышел в долину р. Каратала, у которой справа находились высокие горы (Джунгарский Алатау), а слева (в 150 верстах, так что Рубрук, в ясный день и с гор, мог пожалуй видеть его) Балхаш. Только этим путем Рубрук мог ехать так долго по горам и переправиться через Или там, где она течет в горах, хотя и не высоких, между выс. Илийским и устьем р. Курту. Если Рубрук делал по 100 верст в день, то весь путь от Кенката до Кайлака он мог совершить в шесть дней, потому что расстояние по указываемому мною направлению доходит приблизительно до 600 в. Проезд тут возможен именно осенью, когда ехал Рубрук, потому что в это время снегу еще нет, кочевники уже находятся на зимовках, расположенных в этих горах, а лошади еще в телах после летних обильных кормов. Рубрук и его провожатые ехали до Имиля не по какому-либо установленному пути, где получали бы подводы в определенных местах. По описанию порядков езды Рубрука по земле канглов видно, что сопровождавший его монгольский конвой брал лошадей в встречных аулах, соображая самое направление пути по их расположению (так и к Кенкату свернули потому, что кочевники в это время года удалились к югу)[1]. Постоянные станции, где можно было регулярно переменять лошадей, начинают упоминаться в путешествии Рубрука только на Имиле: тут «ямы были устроены Огедэем, который считал учреждение почтовых станций одним из четырех важнейших мероприятий своих[2]; Куюк предпочитал жить на Имиле, а потому, вероятно, и в его царствование ямы содержались в этой местности в исправности. В улусах Джучия и Джагатая ямы, если и были устроены, должно быть не привились.

плодами». По той же статье, на другом серном ключе, в 4 в. от Копала, также имелись в 1846 году бурханы, вырезанные на каменных досках; «при заведении в 1848 году Копальского укрепления эти каменные доски употреблены на разные при постройках надобности... Одну из таких досок, с изображением человеческим и с надписью, отрядный начальник тамошнего края Абакумов представил бригадному командиру подполковнику Кривоногову» (стр. 19). В рукописном «Кратком описании Семиреченского края, составленном во время следования экспедиционного отряда за р. Или генерального штаба шт. капитаном Померанцевым, в 1851 году» значится: «Надобно полагать, что он (Арасан) известен между туземцами очень давно, даже еще во времена владычества монголов, потому что за пять лет назад тут лежала плита с древними монгольскими письменами и изображениями, а киргизы говорят, что его открыл и исцелился в нем один из монгольских ханов».

[1] Bergeron, p. 48.

[2] «Юань-чао-ми-ши» в переводе арх. Палладия в «Трудах российской духовной миссии в Пекине», том 4, Спб., 1866 г., стр. 159. В каждом яме было поставлено по двадцати вершников и определено число лошадей, а также количество подлежащих выставлению для пищи проезжающих баранов и пр.

Юль полагал, что Рубрук следовал вдоль Александровского хребта, у подножия его, и считал Эквиус за Ашпару и реку, через которую совершена была переправа на судне, за р. Чу, но такое приурочение не согласно с описанием пути, по которому даже за Эквиусом дорога некоторое время продолжала идти по горам, тогда как от Каратау до Ашпары гор никаких нет, да и Чу, особенно осенью, вероятно уже во время Рубрука, не была такой глубокой рекой, чтобы не имела бродов и переправа через нее совершалась на судне. Нельзя также согласиться с мнением Юля, а также Шмидта[1] (дающего пути Рубрука то же направление, но считающего реку с переправой на судне, за р. Или), о том, что в рукописях дорожника Рубрука должна быть ошибка в числе дней остановки в Кайлаке: должно де вместо 12 дней стоять 7. Я тем более считаю неосновательным подобное изменение сохранившегося описания путешествия Рубрука, что предлагаемое мною приурочение пути устраняет нужду в таком изменении.

По словам В.В.Григорьева, «в том, что Кайлак Руисброкского есть Каялык, тюркский город в долине р. Или, о котором весьма нередко упоминают мусульманские историки, писавшие о монголах, нет никакого сомнения»... [2] К сожалению, Григорьев не указывает - каких именно мусульманских авторов имеет он тут в виду, тогда как даже у Джувейни, служившего источником для большинства мусульманских писателей об этом времени, упоминания о Каялыке весьма неопределенны, судя по тому, что передает из его труда д'Оссон[3]. Именно Джувейни называет Арслан-хана главою тюрков - карлуков и князем Каялыка; тогда же он упоминает об Озаре, князе Алмалика[4]. Конечно, Алмалик этот находился на р. Или, из чего следует, что Каялык лежал севернее. Сам В.В.Григорьев в другом месте[5] замечает, что «большая река в земле карахатайцев, через которую переправлялся Руисброк, есть, по всей вероятности, р. Или, и что с этой реки и пробрался он на Алакуль»: между тем после этой большой реки, переправившись через нее на судне, Рубрук попал в долину с развалинами крепости, потом в город Эквус и на следующий день, кончив прохождение через горы, вышел в долину, где находилось слева море, справа великие горы, и тут, наконец, нашел большой город Кайлак, лежавший, стало быть, не на р. Или, а в изрядном от нее расстоянии, по крайней мере верстах 100-150, стало быть никак не в Илийской долине. Отождествление же Каялыка с Кайнаком, нынешней таранчинской деревней на левом берегу р. Или, верстах в 15 от нее, не имеет оснований кроме отдаленного и, вероятно, случайного сходства звуков.

Если бы не казалось наиболее вероятным помещать Кайлак или Каялык в долине р. Каратала, то скорее, чем в Илийской долине, можно было бы искать Кайлак в окрестностях г. Копала или даже в плодородных подножиях джунгарского Алатау

[1] Cathay and way thither etc., p. CCXIII, Шмидт, с. 202. Скайлер правильно считал у Чан Чуня реку с каменным мостом за Талас и Таласу-мулянь за р. Или (Turkestan, I, p. 397, II, p. 122).
[2] «Восточный Туркестан», вып 2, 1873 года, стр. 301 и 302.
[3] Tome I, p. III.
[4] Там же, p. 170.
[5] «Восточный Туркестан», вып. I, 1869 года, стр. 429.

между рр. Аксу и Лепсою. Так, напр., по рассказу А.И.Троицкого (бывшего уездным начальником), «в 30 или 40 верстах от Сарканской столицы существуют развалины большого каменного города, занимающие пространство около двух квадратных верст. Это урочище в стороне от (Копальско-Лепсинского) тракта, ближе к горам. Киргизы знают его под именем зимовки бия Арапа. Здесь были находимы, по словам г. Троицкого, бронзовые и медные ножи и глиняные лампадки вроде греческих светильников»[1]. Это то самое урочище Будес, Сергиопольского уезда, где, по «Отчету И.археологической комиссии за 1889 год», найдено 9 джагатайских монет XIV века[2]. В 1879 году, «близ урочища Бюдэс, на северо-западе от станицы Лепсинской, верстах в 30—40 от последней», при раскопках, произведенных местным торговцем Е.Трусовым, по расчистке мусора, обнаружены стены здания, обращенного острым концом к западу. Длина его 13 аршин, ширина 6 аршин; стены из кирпича, имевшего 7½ вершков в квадрате, на глине. Фигура здания напоминает, по мнению г. Трусова, храм с алтарем. Около этого здания найдены медный нож, мелкая серебряная монета и множество мелких кусков глиняной посуды, некоторые с цветной глазурью, 11 штук гончарных труб, по-видимому, водопроводных. Найденные вещи предполагалось доставить в ташкентский музей[3].

Передний путь армянского царя Гетума в Монголию, как обратный Рубрука, пролегал по северную сторону Балхаша. В обратный путь Гетум выехал 1 ноября 1254 года, пересек Гоби приблизительно там же, где Чан Чунь, и ехал вдоль восточного Тяньшаня и хребта Эрень Хабирга чрез Беш-балех (Бишбалыг, Урумчи), песчаную страну, где жили дикие люди и водились дикие лошади и верблюды. «Оттуда отправились в Арлех, проникли в Туркестан; оттуда в Куллук, в Енках, в Джамбалех, в Хутапай (ныне есть селение Хутуби), в Анкибалех, оттуда в Екопрук, в Тингабалех, в Пулад и, пройдя Сут-Гол и Молочное море («сют-гол» именно и значит «молочное озеро»), добрались до Алуалеха (Алмалеха) и Илан-билеха. Переправившись чрез реку Ейлан-су (р. Или) и перейдя чрез отрасль Таюрских гор (чу-илийские горы), они достигли Таласа и встретили Гулаву, брата Мангу-хана, получившего в удел страны Востока (Сирию и Персию). Оттуда они поворотили на северо-запад и т.д.[4]

Не следует ли в описании путешествия Гетума читать «Алуалек или (а не и) Илан-билех»? «Ила-бали» китайской карты 1831 года не есть ли вторично означенное под этим другим именем «Алимали»? Бретшнейдер предполагает Илибали на месте Iliskoye selenie»[5]. Около Чингильдинской почтовой станции действительно (не на левом берегу р. Или, где находится выс. Илийский, а неподалеку от правого) есть следы

[1] «Томские университетские известия», 1889 года, отдел 2, стр. 24. Два кирпича с Бюдеса поступили в томский музей.
[2] СПб., 1891 года, стр. 122 и 123.
[3] Е.Трусова «Археологические находки в Лепсе» в «Туркестанских ведомостях», 1880 года,
[4] К.П.Патканова. «История монголов по армянским источникам», СПб., 1874 г., вып. 2, перевод на стр. 82 и 83 и примечания на стр. 128-130.
[5] Bretschneider -Notices of the Mediaeval Geographie, etc., 1876, p. 149.

древней оседлости[1], но сомнительно, чтобы дорога на запад шла из Алимали, по правому берегу р. Или до Чингильдов, а не переходила на левый около Нарына. Наиболее обстоятельные описания путешествий в этой местности (Чан Чунь и Чан Дэ) ничего не говорят об Илибали. Нет мудреного, что столицу долины или страны илийской Алималик именовали иногда Илибалыг. Двойное имя могло быть приведено тут совершенно также, как Сайрам-куль значится под именами Сютгола и Молочного моря.

«Си-ши-цзи» (Si-shi-ki) или «описание посольства на запад» Чан Дэ (Ch'ang Te), составленное в 1263 году Лю Юй'ем (Lin Ju), считалось, вследствие ошибочных в некоторых местах переводов Абеля Ремюза и Потье, «Отчетом о походе Гулагу, доставленным китайским комиссаром армии Леу-Еу (Lieou-Jeou)»[2]. Сообразно новому переводу Бретшнейдера[3], Лю Юй был послан к Гулагу в Персию просто курьером, в 1259 году, и употребил на поездку всего одиннадцать месяцев[4]. Путь Чан Дэ из Каракорума (Ho-lin) лежал на р. Дзапхын (Hun-mu-lien) и р. Урунгу (Lun-gu), которая впадала в озеро Ки-зи-ли-ба-ши (ныне Улюнгур). «Немного далее на пути на запад[5] есть город Е-мань (Ye-man)[6]. Продолжая путь еще на юго-запад, проходят через город Бу-ло (Bu-lo, у Потье Po-lo)... Жилые дома и базары (в Було) рассеяны между садами... Дома из глины, а в окнах вставлены стекла. На севере от города есть гора Хай-те (Hai-thie, т.е. железная

---

[1] См. «Древнее укрепление на речке Чингильды» в «Тобольских губ. ведомостях», 1867 года, № 50, стр. 295: «От пикета на восток в полуверсте, при речке Чингильды, находится земляное укрепление», которое «имеет фигуру круглую», до 35 сажен в поперечнике, с одним въездом с запада; земляной вал его имеет ширины сажени три, а высоту более сажени; возле кургана к северу находится много древних могил. Пикетные казаки случайно натолкнулись на проведенный под землею из пикетного ключа-колодца водопровод, состоящий из глиняных гончарных труб длиною в 5 чефтвертей и в диаметре около 6 в. Автор цитируемой статьи Н.А.Абрамов, осматривавший развалины в 1860 году, предполагал, что водопровод вел воду в укрепление. В.М. Флоринский, в 1886 году, по указанию местных киргиз-казаков, делал раскопки и, саженях в 50 от почтовой станции, у мостика, около почтовой дороги, «отыскал водопроводную ветвь, из которой взял несколько звеньев для археологического музея; звенья вставлялись одно в другое, без цемента, посредством особого приспособления (горлышка) на переднем конце каждого звена...». Проходил ли водопровод в укрепление - он определить не мог, по недостатку времени. Г-н Флоринский находит, что трубы чрезвычайно сходны с такими же точно экземплярами, найденными в Болгарах и в городищах по Волге; «только болгарские трубы приготовлены несколько аккуратнее и в местах соединения звеньев заливались цементом. Из этого можно заключить, что семиреченские водопроводы древнее болгарских, но между теми и другими существует преемственная связь» («Археологический музей томского университета», Томск, 1898 г., стр. 77 и 78). Но водопроводы из гончарных труб и теперь в Туркестане часто делаются без цемента, так что одно это обстоятельство недостаточно для установления даже относительной древности.

[2] Так озаглавлен перевод Потье (La Livre de Marco Polo, Paris, 1865, p. CXXXVI). Поход Гулагу для покорения Персии, Малой Азии и Сибири решен был на курултае 1251 года, где брат его Мангу был объявлен великим кааном. Передовой корпус сформированной для Гулагу армии, в 12 т.ч., под начальством Китубоки, родом наймана, выступил в поход в конце июля 1252 года. Сам Гулагу отправился из орды своей 19 октября 1253 г. Вперед посланы были повеления императора оберегать для армии Гулагу все пастбища по направлению ее пути на запад от гор Тунгат (?), лежащих между Каракорумом и Биш-балигом. Расположенные по этому пути войска обязаны были удалиться. Поправлены были дороги, приготовлены для переправ через реки мосты. В стране Алмалик Гулагу встречали и чествовали принцесса Органа и другие дамы дома Джагатая. Гулагу все лето 1254 года оставался «в Туркестане» и прибыл в Самарканд только в сентябре 1255 года. (см. D'olsson Histoire de Mongols, t. Ill, pp. 135-139).

[3] Перевод этот был сначала помещен в Notes on Chinese Mediaeval Travellers etc., 1875, а потом в Mediaeval Researches, 1888. Я приведу извлечения из «Си-ши-цзи» по переводу Потье с поправками Бретшнейдера.

[4] Mediaeval Researches, vol. I, pp. 155, 156.

[5] Вообще путь Чан Дэ есть, вероятно, тот самый, каким шли на запад в 1219 году армия Чингиз-хана и в 1253 году армия Гулагу.

[6] У Потье Nie-man.

гора на озере); выходящий из нее ветер дует с такою силою, что сбрасывает путешественников в море. Пройдя на запад 20 ли[1], встречают проход или ущелье Темур-чан-ча[2]. Охраняющие этот проход - все китайцы[3]. Ведущая через это ущелье дорога весьма опасна и обрывиста, точно деревянный мост, подвешенный с боков утесов[4]. По выходе из ущелья дорога ведет в город А-ли-ма-ли. Пруды на рынках этого города все питаются проточною водою. Здесь есть всякие плоды, но наиболее замечательны по своему качеству дыни, виноград, гранатные яблоки. Хой-хэ'сцы обитают здесь смешанно с китайцами и обычаи их постепенно изменяются в обычаи Срединного государства. На юге есть город Чимур[5], в его населении много китайцев из Пин и Фен[6]. Есть в этой стране зверь, похожий на тигра; шерсть его очень густа и золотистого цвета, но без полос; он очень опасен и нападает на людей[7]. Есть также насекомое, походящее на паука[8]; если его яд коснется человека, то он испытывает страшную жажду, если же напьется воды, то мгновенно падает мертвым; однако излечиваются, если, напившись виноградного вина, вызовут рвоту. Есть здесь один сорт вина очень хмельного. От города Поло на запад все монеты изготовляются из золота, серебра и меди и имеют надпись, но не продырявлены посередине квадратным отверстием (как китайские). Затем Чан Дэ вступил в страну Ма-а, где население (зимою) запрягает лошадей в сани и таким порядком значительные тяжести очень скоро перевозятся от станции до станции. Сказывают, что ки-ли-ки-з'ы вместо лошадей употребляют собак (для возки саней)[9]. В 24 день 2-й луны (18 марта 1259 года) Чан Дэ следовал между двумя горами[10] И-ту (I-tu). Земли ровны и население многочисленно. Страна пересечена во всех направлениях каналами, которые орошают поля. Видны многочисленные древние стены и другие развалины. В народе говорят, что в прежнее время тут жили кидани (K'i-tan). Чан Дэ (тут) вычислил, что эта местность отстоит от Каракорума (Ho-lin) в 15 т. ли (в некоторых изданиях 5 т. ли). Вблизи есть река,

---

[1] Емань Бретшнейдер считает за Имиль и полагает, что Було находился на Боротале. Ветер, о котором идет речь, есть, очевидно, «эбе», свирепствующий зимою между Ала-кулем и Эбин-нором, о котором упоминают Рубрук и Плано Карпини. От Було, лежавшего на Боротале, до Сайрам-куля и талкинского ущелья более 50 верст, а потому 20 ли тут ошибка.

[2] Напоминает Темир-кулуга или «Железные ворота».

[3] Быть может, это были плотники и другие рабочие из пленных китайцев, поддерживавшие в исправности дорогу и мосты.

[4] Последней фразы в переводе Бретшнейдера нет.

[5] Не лежал ли этот Чимур у северного подножия гор Темирлик на р. Темирлике? Между Чимур и Темирлик есть близость.

[6] По Бретшнейдеру это древние названия провинций Печили и Шаньси; торговцы в Монголии и западном Китае и ныне преимущественно из Шаньси.

[7] Это, по справедливому замечанию Бретшнейдера, рысь.

[8] Каракурт.

[9] Ch'ang Te new entered the country called Ma-a, where the people (in winter) are used to put horses, to sledges and carry heavy burdens in this manner from station to station, going very quickly. It is reported that the Ki-li-ki-sz' instead of horses use dogs (for drawing sledges). У Потье переведено было: «Прибыли в страну Мао. Здесь в употреблении кресла, влекомые лошадьми, в которые садятся, чтобы ехать из одного места в другое. Здесь есть также люди, которые носят на спине очень тяжелые вьюки и между тем идут очень скоро; их называют ки-ли-ки-ссе; они вместо лошадей предпочитают употреблять собак». У Риттера (том 3 русского перевода, стр. 547 и 548) трактовалось о «станции Маа-джун», вместо саней значились «тележки» и говорилось, что киликизы «охотно выменивают собак на лошадей». Бретшнейдер делает догадку, что страна Ма-а есть Маверааннагр в китайском сокращении (p. 129). Это весьма возможно. Мао по-китайски между прочим будет «чалма»; не означает ли Мао страну чалмоносцев, магометан?

[10] Разумеются, вероятно, с одной стороны Чу-Илийские горы, а с другой Александровский хребет.

именуемая И-юнь (Yi-yun); ее волны стремятся на восток. Туземцы говорят, что это верховья Хуан-хэ[1]. В 28 день 2-й луны (22 марта) Чан Дэ переправился через Талас (T'u-la-sze) и в 1 число 3 месяца прибыл в Сай-лань. Там есть башня (fou-t'u), в которой хуйхэ молятся[2]. В 3-е число 3 месяца (27 марта) прибыли в г. Бе-ши-лань (Bie-shi-lan)[3]. В этом месте был у хой-хэ базарный съезд, как бывает у нас в нашей стране[4]. В 4-е число 3 месяца он переправился через реку Ху-кянь (Hu-k'ien) на лодке, похожей на башмак китайской барыни. В народе говорят, что источники этой реки находятся в большой горе на юге. Эта гора, производящая в обилии юй (нефрит), есть, вероятно, Кунь-лунь... 8 числа 3 месяца (1 апреля) Чан Дэ прибыл в город Sun-sz'-kan (Самарканд), который обширен и многолюден»[5].

[1] Бретшнейдер думает, что надо читать «на запад» и что это может быть р. Чу, которой имя по-джунгарски означает «мутный», и Хуан-хэ (Желтая река) получила название вероятно от мутного цвета ее вод.
[2] У Потье: «прошли через Сайлань, куда хой-хэ, исповедующие буддизм, приходят для моления Будде».
[3] Бретшнейдер полагает, что имя это написано ошибно. Но по его же замечанию, в 149 книге «Юань-ши», в биографии Куо Бао-юй, говорится, что генерал этот, принимая участие в экспедиции против киданей в разгроме орды Ku-chu-ka (Кучлука?) покорил Бе-ши-дянь и переправился через р. Ху-чан (Hu-ch'any). По Бретшнейдеру это, вероятно, Ташкент. Не Биш-кент ли скорее? Не участвовал ли Бао-юй в походе Чингиз-хана и не занял ли с особым отрядом Биш-кент (по дороге из Ташкента в Ходжент)?
[4] По Бретшнейдеру, 3-е число 3-го месяца считается у китайцев днем праздничным и базарным
[5] Mediaeval Researches , 1888, London, vol. I, p.p. 122-131.

3. Сведения о населении западного Тяньшаня и его быте за время кара-киданей

Численность населения западного Тяньшаня под владычеством кара-киданей. Племенной состав кочевого и оседлого населения. Сведения о киданях: их происхождение; быт древних киданей, образованность и письменность у киданей в Китае; роды, царский дом, войска киданей; названия должностных лиц; одежда должностных и прочих киданей; религия и обряды. Преобладание у киданей буддизма. Жертвоприношения. Изображение кара-киданьца на современном китайском рисунке. Что сталось с кара-киданями по разрушении их царства.

Известия историков и путешественников, согласно вообще, указывают, что кара-кидани обитали в долине р. Чу. Как велико было во время кара-киданей население Чуйской долины и ближайших ее местностей и из каких народностей оно состояло?

На первый вопрос дают ответ, хотя и не совсем ясный, китайские известия о результате народной переписи при Елюй-Или (1150-1163 гг.). По переписи этой оказалось 84500 податных лиц свыше 18-летнего возраста, или, по другим, та же цифра податных семейств, что в сущности близко одно к другому, не считая ученых, должностных лиц и военнослужащих. Население одного Мавераннагра превышало, конечно, эту цифру в несколько раз, а потому надо думать, что приведенная цифра относится только до населения земель, находившихся в непосредственном управлении кара-киданей, т.е. до страны от р. Или до Сыр-дарьи. Мавераннагр с Ферганою, Кашгария, Алмалыг и Уйгурия, вероятно, не значились в этой цифре, потому что управлялись собственными государями, хотя и обязанными платежом дани, может быть и посемейной. Можно поэтому считать вероятным, что 84500 семейств составляли податное население западного Тянь-Шаня и его северных подножий, от р. Или до Сыр-дарьи, не включая быть может Отрара и Ташкентской области. По пяти душ на семью это составит 422500 душ обоего пола, считая же неподатные семьи, более 500000 душ[1].

В этой цифре сами кара-кидани, составляя правящий класс и привилегированную часть войска, конечно, не превышали сотни тысяч душ; кочевниками была, надо думать, половина всего населения или около 250 т. душ, остальные же 150 т. душ были, вероятно, оседлым населением. Кочевники состояли в меньшей части из того сброда тюрков (преимущественно уйгурского племени и из прежних аймаков дулу), который Елюй-Даши набрал в свои войска на Имиле и на пути туда и обратно в Баласагун, и в большей части - из местных тюрков, именно из остатков карлыков[2], из части канглов, кочевавшей в низовьях рек Чу и Таласа и в бассейне Арыса, главным же образом, вероятно, из потомков нушибийских аймаков, т.е. из кыргызов, занимавших своими кочевками западный Тяньшань и его подножия. Напомним, что, по Джувейни,

[1] Эту цифру предполагает и В.В.Григорьев, находя ее весьма малою сравнительно с обширностью кара-киданьских владений («Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 294).

[2] По Ибн-эль-Асиру (В.В.Григорьев «Караханиды», стр. 244), кара-киданьский государь повелел правившему от него Самаркандом и Бухарою Чегре-хану, из рода прежних владетелей этих земель, прогнать карлугов с бухарских и самаркандских земель в Кашгар. Это и было Чегре-ханом исполнено в 559 году гиджры.

кыргызы, как и канглы, были подчинены Елюй-Дашием, по-видимому, немедленно по занятии Баласагуна, и что по китайским известиям племена, заводившие сношения с чжурчженями во второй половине XII века были канглы и, вероятно, кыргызы, судя по именам их старейшин, которые были должно быть скорее именами родов или аймаков кыргызских: сары и богу[1].

Оседлое население состояло, кроме кара-киданей, из сартов[2], т.е. искони отуреченных иранцев или арийцев, которые обитали быть может еще в тех «окрестных небольших городах», какие были подчинены усуньским гуньмо за столетие с лишком до Р.Х. Мы видели, что в 630 г. Сюань Цзан нашел на Чу и Таласе оседлое население, одноплеменное с обитавшим на Сыр-дарье и на Зеравшане и носившее общее с ним имя Сули. Китайские дорожники т'анских времен удостоверяют, что в VII и VIII веках те же оседлые поселения продолжали существовать и умножились в числе, выдвинувшись и на прибрежья Иссык-Куля. О дальнейшем существовании и о появлении таких оседлых поселений во внутренних местностях западного Тяньшаня в IX и X столетиях имеем мы свидетельства в маршрутах арабских географов[3]. С принятием карлыкскими ханами мусульманства и с подчинением им Кашгарии и Мавераннагра состояние и населенность оседлых пунктов на севере западного Тяньшаня должны были еще более быть цветущими, но, конечно, никогда положение оседлого населения в этой стране не пользовалось столь благоприятными условиями, как во время владычества кара-киданей. В это время, в продолжение трех четвертей века, в стране господствовало полное спокойствие и в пределы ее, к владыкам всех земель от Алтая и Уйгурии до Аму-дарьи и Аральского моря, стекались в виде дани богатства всех

---

[1] По рассказам мусульманских писателей о происхождении сельджукидов Сельджук был сын Декака, Докака или Докмака (это слово означает на тюркском языке молот и произносится ныне токмак); он был главою одного тюркского рода и одним из главных вождей войска местного государя по имени Богу. Последнее слово вероятно не личное, а родовое имя, то самое, которое через столетие приписывается китайцами одному из тюркских старейшин, пытавшихся войти с чжурчженями в сношения против кара-киданей. Грозившая Сельджуку от этого Богу опасность, по одним вследствие опасений Богу слишком большой власти и влияния, которые приобрел Сельджук, по другим - вследствие предстоящего наказания за вторжение в гарем Богу, вынудила Сельджука бежать из своей родины за Сыр-дарью, в сопровождении небольшого числа родичей. Там Сельджук собрал около себя значительное число тюрков, с которыми впоследствии его внуки завоевали Хорасан, а потом и всю западную Азию и Мавераннагр (см. Biblioteque orientale..., la Haye, 1779, t. III, pp. 293, 295, а также Вамбери «История Бохары»..., 1839, т. 1, стр. 98-99. По Вамбери, стр. 106, дядей внука Сельджука Тогрула...)
По Рашид-эддину сельджукиды происходили из племени канглы («История монголов». Введение, проф. Березина, 1858 г., стр. 30...)
По «Тарихи-Гузиде» Гамдаллаха Мустафи (<...> or Journal asiatique, 1847, t..., 4 serie, p. 421) Сельджук был из племени кабак рода Афрасиабова; у него было четыре сына - Израиль, Михаиль, Муса-Бигу и Юнись; в году 375 (885-986 по Р.Х.) они перешли из Туркестана в Мавераннагр, по причине недостатка пастбищ в первой из этих двух стран и утвердили свою резиденцию - Нура Бухары и Согда самаркандского. Каба есть имя одной из кыргызских костей, Токмак есть имя очень известной местности в кыргызской земле. Может быть Сельджук был кыргыз рода Каба, вынужденный бежать из опасения мести главы кыргызского аймака богу, к роду же канглы стали его причислять впоследствии лишь потому, что в сборной орде и войске, которое он составил в занятой за Сыр-дарьей местности, преобладали сначала и были ближайшими сподвижниками его канглы.

[2] У монголов, напр. в монгольском тексте «Юань-чао-лин-ши», сартом (см.: Bretschneider - Notices etc., 1876, p. 46), конечно, такое имя дошло.

[3] По Ибн-Хордадбегу, значит не позже первой половины IX века, считалось всего «шестнадцать больших городов тюркских», но, к сожалению, они не переименованы. В числе их был Фараб (вероятно, около устья Арыса, где впоследствии был Отрар): «это значительная крепость, занятая одновременно гарнизоном мусульман и гарнизоном тюрков-карлоков» (перевод де-Гуе, 1889 года, p. 23).

этих земель. Находясь с единомышленниками в постоянных торговых сношениях и пополняясь притоком новых переселенцев из таджиков и сартов Мавераннагра, оседлое население Чуйской долины и вообще западного Тяньшаня, вероятно, было в большинстве мусульманским уже со времени обращения в магометанство карлыкских ханов. Намекает на это форма взимаемой с него в виде десятины земледельческих произведений подати, вероятно, мусульманского хераджа, хотя, впрочем, о податной системе до арабов сведений почти нет. Китайские путешественники именуют все оседлое население запада, начиная с Илийской долины, хуй-ху, хуй-хо или хой-хэ, и Бретшнейдер переводит это «магометанин»[1]. Нельзя отрицать правильности такого определения значения этих слов, ввиду употребления их у Чан Чуня и других именно в таком общем смысле, но мне кажется, что все-таки эти самые китайские авторы давали ему и более узкое значение «мусульманин тюркского языка».

Войска кара-киданей, по всей вероятности, состояли главным образом из местных тюрков, под командою кара-киданьских офицеров, но, конечно, особенно к концу кара-киданьского владычества, попадали, а потом и преобладали в среде начальников те же тюрки, выдвигавшиеся талантами и заслугами, а также и родовым значением. При своей немногочисленности, кара-кидани могли приобрести и сохранить на долгое время свою власть над огромной территорией до времен Чингиз-хана только благодаря своей культуре, дисциплине и искусству управления, вынесенным из прежнего их отечества в северном Китае. Поэтому необходимо привести здесь некоторые сведения о быте киданей, так как о самих кара-киданях сведений почти не имеется[2].

По словам Шотта, «из языка киданей сохранились до нас только имена и едва дюжины три слов». Из этих слов Шотт 15 признает за тунгузские, 6 за монгольские, 2 за заимствованные из китайского и 12 остались не отнесенными к какому-либо известному языку. Киданьское имя Абаоки, основателя империи, Амбагянь Шотт производит от манджурского амба - великий. Фамилия царствующего рода Елюй могла происходить от манджур, еру - сильный, но Шотт более склонен производить ее от мандж елю - кабан, потому что для княжеского дома охотничьего племени такая фамилия по имени сильного и храброго зверя весьма понятна. Предлагавшееся В.П.Васильевым производство елюй от монг. широй (земля), из которого кидани сделали шили, а китайцы елюй, «по обитаемой земле»[3], Шотт находит не основательным: не на воде же они жили. Имя кидань в китайских летописях пишется двумя знаками, из которых один означает «красный цвет», а другой - «изрубцованный»; этим, по Шотту, как бы намекается на существование у киданей некогда обычая татуироваться.

---

[1] Bretschneider - Mediaeval Researches etc., vol. I, 1888, p 63. По г. Радлову (Das Sibirien, B. I, s. 133) «китайцы зовут магометан шан-ду, т.е. чалмами, чалмоносцами; «хуй-ху'сцами именуют они ныне китайцев - магометан северного Китая, потомков уйгуров, которых тюрки называют дунганами; именем хуй-за означают теперь китайцы оседлое население Алтышара (Кашгарии), которое по большей части состоит из потомков оседлых уйгуров Гаочана».

[2] Сведения эти, между прочим, могут оказаться полезными для местной археологии.

[3] «История и древности» и пр., стр. 14.

Сибирские тунгузы действительно еще в прошлом столетии татуировали себе лица[1]. Для объяснения происхождения и значения слова кидань или китань Шотт указывает на существование в манджурском языке корня хит, напр. в слове хитахун - копыто, коготь, ноготь. По «Кидань-го-чжи» («История киданьского государства», составленная в 1180 г.) из слов, которые китайские авторы употребляют в качестве имени основателя кара-киданьского государства, Даши есть малое (детское) имя, а Линья означает его ученые заслуги - академик. Шотт по этому поводу замечает, что, во всяком случае, линья есть слово киданьское, а не китайское: линь по-китайски лес и я - коренной зуб, так что вышла бы бессмыслица[2]. По Видлу, Елюй-Даши в 1115 году «по экзамену получил степень доктора китайской словесности и попал в число избранных для занятия вакансий в императорской академии, почему был потом известен под именем Даши-линья, т.е. академик Даши»[3]. Howorth полагает, что кидани были тунгузским племенем, которым управлял класс монгольского происхождения. Кроме нескольких слов он замечает смесь монгольского с тунгузским и в обычаях киданей. Так, у монголов был обычай торжественного заключения вечной дружбы, причем друзья именовались анда: такой обычай с таким же именем был и у киданей. Монголы называли императорскую палатку орду; то же говорят китайские писатели о киданях. Тайши есть монгольский титул: он часто встречался и у киданей. Следуя авторитету Wylie и професс. Васильева, тот же автор утверждает, что ныне потомков или остаток киданей составляют солоны, главное племя которых называется даурами[4].

Древние кидани, по китайским известиям, начинающимся с III века после Р.Х., были звероловы; «обыкновения вообще несколько сходны с дулгасскими (тукиюескими); покойников не погребали, а на телеге, запряженной лошадью, отвозили в горы и полагали их на вершину дерева»[5]. В конце IX века кидани однажды уплатили в выкуп за захваченного их старейшину 10 т. лошадей и вообще поставляли китайцам лошадей[6]; значит они были и скотоводы. В продолжение двухвекового владычества в северном Китае кидани сделали, конечно, многие заимствования у китайцев, но во многом

---

[1] «Описание всех существующих в российском государстве народов», часть третья, Спб., 1799 г., стр. 45.
[2] Kitai und Kara-Kitai в Delonglungen der kuniglichen Academic der Wissenschaften zu Berlin, 1880, ss. 6, 7, 9, 12. Альквист и за ним Moll (Memories de la societe' de lingui stique, Paris, 1892, v. Ill, p. 401.) считали остяцкое jur или ur заимствованным самоедским, jeru господин, глава, но не попало ли это слово в самоедский, остяцкий и киданьский языки из более древнего языка доисторического времени?
[3] Bibliotheque orientale, t. IV, La Haye. 1779, p.28. Надо заметить, что слова линья соединяется с именем многих киданьских князей. У Габеленца встречается такая фраза: «Линья восточной провинции... выступил против ниучжей» и т.д. (s. 95). Шотт (Ablandlungen aus dem Jahre 1849, Berlin, 1851, s. 510) предполагал, что Нуши-Тайфу не имя, а китайское название должности, которую Елюй-Даши занимал при дворе.
[4] The Khitai or Khitais or Journal of R.Asiatic Society, 1880,v. XIII, p. 127. По словам профессора Васильева («Записки Академии наук» Б т. 63, 1890 года, стр. 168, протоколы), «ученые нынешней династии в Китае считают солонов потомками древних киданей, которые вышли из шивэйцев и, как эти последние, жили бок о бок с турецкими племенами, вытесненными к западу, остатки которых укрылись на севере и юге». Монголизм киданьской царской фамилии весьма сомнителен. Приводимые английским писателем слова и обычаи столь же монгольские, сколько общетюркские. Кидани долго находились в зависимости от тукиюесцев, с которыми и обитали в соседстве, почему же заимствования сделали они непременно у ничтожных тогда монголов, а не у тюрков?
[5] «Собрание сведений», I, стр. 458 и 459, по «Т'ан-шу».
[6] Там же, стр. 469.

сохранили и свои национальные особенности. Китайская образованность и язык были распространены между киданями, однако кидани имели и свою письменность, для которой, по повелению Амбагяня, было китайцами составлено «несколько тысяч иероглифов, наполовину переделанных из китайского письма ли, употреблявшегося в делопроизводстве»[1]. По словам арх. Палладия, кидани «имели собственное свое письмо, независимое от китайского; от него сохранилось только пять знаков, снятых с почтовой дощечки, которая служила подорожной (изданы покойным о.Иакинфом). Кидани же делали надписи не только на каменных памятниках, но также на кирпичах и черепицах[2]. По В.П.Васильеву кидани «отливали из золота приказы (или значки, фу), с заголовками в виде рыбы, по которым командировались войска; для почты и передачи приказаний было 200 серебряных пай-цзы... В «Ци-дань-го-чжи» говорится, что серебряные пайзы имеют форму четырехугольную; на лицевой стороне вырезано по киданьски: «должно скоро»: - «Куда не приедет посланный с пайзы, его встречают, как бы приехал сам государь; никто не осмеливается противиться его требованиям»[3].

Кидани до завоевания Китая разделялись на восемь поколений. «По праву начальников осьми поколений, главу народа сменяли чрез каждые три года. В сие время Елюй Амбагянь выставил литавру и знамя, и не хотел смениться. Он объявил себя государем»...[4] «Пред палатками киданьских императоров, в военных походах ставилось двенадцать барабанов и столько же тао, или, как произносят обыкновенно китайцы, ту, т.е. длинных пик, на железной верхушке которых привязывался пук волос из хвоста тибетской коровы... Имя туг, которое дают доселе турки этому военному знамени, взято отсюда, у китайцев... На языке киданей И-ли-гинь (быть может, Ir-ghin) было титулом (обладателя) государственной власти, а те-ли-гянь означало императрицу, которой они давали также пышный титул неу-уо-ма (мать богиня земли)»...[5] Царский дом киданей мог вступать в браки только с родом императрицы - Сяо[6].

Каждый подданный от 15 до 50 лет записывался в ряды войск[7], обычная численность которых доходила до 1.700.000 человек, не говоря о чрезвычайных сборах и о вспомогательных войсках вассалов. В казенных конюшнях имелось до 1 млн. лошадей. В гвардии киданьского императора считалось до 500 тыс. лошадей[8]. При движении войск «впереди главного лагеря и с правой, и с левой стороны отправлялись три предводителя, каждый с 10 тыс. конницы; они рассеивались на пространстве ста или нескольких десятков миль, осматривая и наблюдая над всем. Когда начальник трубил в рог, то это было знаком, чтобы все останавливались и окружали его палатку... В походе все тотчас собирались по троекратном ударе в барабан, не разбирая день то или ночь...

---

[1] «История и древности» и пр., стр. 176.
[2] «Замечания о названии Хара-Китай» и пр. в «Известиях имп. русского географического общества», 1874 г., стр. 354 и 355.
[3] «История и древности», и пр., стр. 181 и 182.
[4] «Собрание сведений», I, стр. 469.
[5] Видлу, p. 214.
[6] «История и древности», стр. 175.
[7] То же, стр. 181.
[8] Видлу, p. 216.

По большей части прибегали они к засадам, пресечению провианта, ночным нападениям, сожжению неприятельского лагеря, пуская огонь по ветру»[1].

Заведывавший правлением министр назывался или-би-цинь...; или-цзи значило правитель или губернатор; у-чжи-хо заведывали сотней, шестьюстами и девятьюстами семейств»... Киданьские «чиновники носили войлочную шапку, верхушку которой украшали золотыми цветами или жемчугом, яшмой, перьями цуй; на затылке висел тканый узкий мешочек, украшенный золотым узором; в него вкладывался пучок с волосами (нечто вроде оселедца). Платье было фиолетового цвета и узкое; пояс делали из ремней желтого и красного цвета, унизывая его золотом, яшмой и пр.... Сверх того была флеровая шапка. Она была без козырька и не закрывала ушей; со лба спереди висел мешочек, вышитый золотыми цветами, на конце которого висел жемчуг. Были еще фиолетовые и черные чалмы, фиолетовые узкие кафтаны, стянутые поясом; мужчины носили зеленую чалму и зеленый шитый, узкий кафтан без подкладки. Знатные носили собольи шубы... Низшие лица носили собольи, бараньи, беличьи и лисьи меха... Привески на пояснице делались из собольей и беличьей шкуры или из гусиной шеи, или утиной головы... В киданьском царстве богатые и знатные лица, желавшие обертывать голову платком, платили по 10 коров и верблюдов и 100 лошадей. Кидани называли этих людей шэ-ли». Приветствие состояло в том, что, «став на землю одним коленом, делали три или четыре размаха рукой»[2]. Религия у киданей, вероятно, до овладения Китаем по крайней мере, была шаманская. Китайцами описываются у киданей разные религиозные церемонии. Так, see-sae или пускание стрел в ветлы совершалось для испрошения дождей в случае засухи. Если на третий день дождя не было, то те-ле-ма-ту (глава совершавших обряд) обливали водой. Церемония возрождения выполнялась в каждые двенадцать лет, считая со дня рождения. Перед охотой, если предпринималась на продолжительное время, приносили жертвы богу Pioo-lou (олени необыкновенной величины). При пленении чжурчженями последнего императора киданей, в 1125 году, в числе добычи был золотой идол 16 футов вышины[3]. Когда умирал киданьский государь, то « воздвигался большой храм, в котором ставился отлитый из золота его кумир, которому приносились жертвы 1 и 15 числа месяца; в годовые, третные празднества и посты воздвигали алтарь, вышиною более сажени, на котором, в жертвенной чаше, сжигали пищу, что называлось жечь кушанья»[4].

По словам Д'Оссона Елюй-Даши «был последователем Будды; эта религия сделалась господствующей в новой империи киданей»[5]. Вероятно, и потомки Елюй-Даши и значительная часть киданей и прочего населения страны тоже держались буддизма.

---

[1] «История и древности» и пр., стр. 180.
[2] «История и древности» и пр., стр. 181, 183, 184 и 194. По истории <...>, «заплетали свои волосы в косы и опускали на спину, отличаясь тем от киданей» (Шотт, Ablondlungen, 1880, s.4). Сибирские <...> тунгузы завязывали свои волосы на затылке плотно, не заплетая» (<...> ч. 3, стр. 45).
[3] Видлу, pp. 214, 253.
[4] «История и древности» и пр., стр. 182.
[5] Histoire des Mongols, 1.1, p. 165.

Правнучка Елюй-Даши обратила в буддизм своего мужа, христианина Кучлука. Упоминание мусульманских историков о воздвигнутом Кучлуком в Кашгаре и Хотане гонении на веру в Магомета дает основание заключить, что на севере Тяньшаня мусульманство попользовалось преобладанием, а потому умалчивается и о преследовании там мусульман.

В китайских известиях упоминается о принесении Елюем-Даши во всех важных случаях его жизни в жертву белой лошади и серого быка. Так он приносил в жертву небу и земле черного быка и белую лошадь, выступая в поход на запад, а также отправляя против чжурчженей свою 70-тысячную армию. Такие жертвоприношения имеют связь с легендой о происхождении киданьской царственной фамилии. Прародитель ее спускался вплавь на белой лошади по одной реке, когда увидел женщину, которая спускалась вплавь же по другой реке, стоя в небольшой колеснице, запряженной черными быками. От их брака произошло восемь сыновей, между которыми и разделено было государство, отчего и стало восемь поколений или орд. В память этой встречи на горе, возле которой она случилась, построен был храм и киданьские императоры не предпринимали ничего важного, не принеся тем сначала жертвы. «Их история наполнена этими жертвоприношениями Ki-cheou-khan'у, его жене и детям»[1].

В современном, судя по содержанию надписи, рисунке хэ-киданя, помещенном в энциклопедии «Сан-цзай ту-хой», изображен сидящий на корточках на земле пред своею положенною же лошадью всадник в опушенных мехом тюрбане и верхнем платье. Текст гласит: «Эта земля имеет укрепленные города и очень населена. Гинь-цы ездят туда на лошадях. Надо ехать год, чтобы прибыть оттуда в Ин-тянь-фу» (Нанкин)[2]. О судьбе кара-киданьского племени после разрушения его царства упоминает из наших источников только Вукусунь: «в настоящее время (1220 г.) от этого народа есть только небольшие остатки, которые приняли обычаи и одежду хуйху'сцев», т.е. сартов. Вероятно, приставшие к оседлому населению Чуйской долины кара-кидани слились с сартами и разделили потом их участь, т.е. истреблены во время неурядиц времен джагатаидов. Но живые памятники местной истории - родовые имена - дают возможность полагать, что часть кара-киданей, после разрушения их государства или позднее, во время истребления оседлого населения в XIV веке, примкнула к кыргызам и уцелела до настоящего времени в качестве мелких родовых единиц под именами китай, ктай и кара-китай в кыргызских коленах сарыбагыш и султу и в отделе сол.

[1] Видлу, p. 213.
[2] Шотт, Ablandlungen, 1851, s. 514.

4. Местонахождение Баласагуна и городища и другие следы оседлости в Чуйской долине и на Иссык-Куле

Мнение Риттера о местонахождении резиденции кара-киданей и Юля о Баласагуне. Известия китайских и мусульманских писателей. Надгробная надпись, приводимая в «Тарихи-Рашиди». Выводы из даты этой надписи. Баласагун был родиною автора «Кудатку Билик». Мнение арх. Палладия. Howorth приурочивает Баласагун к ур. Ит-кичу. Несомненность нахождения Баласагуна иХусы-ордо в Чуйской долине и недостаточность данных для приурочения к определенным пунктам. Сведения о древних городищах и укреплениях в Чуйской долине. Башня на р.Буране. Раскопки в древнем укреплении на Буране. Мнение г. Флоринского о башне на Буране. Пашино о башнях в Сауране. Авганистанские мунар'ы. Основания для признания башни на Буране за минарет. Городища и другие следы оседлости на прибрежьях Иссык-Куля. Под китайцами и калмыками, которым их приписывают туземцы, следует разуметь кара-киданей. Происхождение и значение этого имени.

Риттер, упомянув, что у Абульфеды Кашгар именуется также Орду-кендом, утверждает, следуя Дегиню, что «предводитель орды хитанов гурхан... избрал местом своего пребывания Кашгар, который и назвал Ху-сэу-ёль-ду» [1]. У Абульфеды действительно говорится, что «по Канун'у Кашгар назывался еще Ордукенд», но этот источник не указывает причины такого прозвания и его времени[2]. Вероятно, Кашгар назывался иногда Ордукендом во время карлыкских ханов, так как служил резиденцией некоторых из них. Предположение же Дегиня, что гурхан избрал своей резиденцией Кашгар, не имеет никаких исторических оснований. Неопределенные китайские известия о построении Елюй-Даши города в двадцати днях пути от Зеравшана, в сущности, не выясняют местонахождения этого города, потому что расстояния до Кашгара и до Чуйской долины от Мавераннагра почти одинаковы.

Юль на карте, приложенной к Cathay and the Way Thither, означил Баласагун на месте нынешнего Гучена (между Урумчи и Баркулем), основываясь, вероятно, на замечании Джувейни о том, что монголы Баласагун называют Губалык. Но «гу-балык» по монгольски значит «прекрасный город», а «гу-чен» - слова китайские, и означают «старый город»[3], так что отождествлять эти два имени нельзя.

Так как по свидетельству китайских путешественников (Чан Чунь, Елюй Чуцай, Чан Дэ) кара-кидани обитали в Чуйской долине, то без сомнения тут же находилась и резиденция гурханов, которую мусульманские писатели называют Баласагун, а китайские Хусы-ордо. По исторической географии Вэй-Юаня «в царстве киданей было две столицы: одна, на западе от Цунлиня, Цзинь-сыкан, что ныне Самарканд, ... другая же была расположена на восток (?) от Цунлина, это - Бурут (Pou-lou-te), на западной

[1] «Восточный Туркестан», вып. I, 1869, стр. 125.
[2] Geographie d' Aboulfede t. II, partie 2, trad, per St. Guyard, Paris, 1883, p. 230.
[3] Перевод этот принадлежит Потье (Le Livre de Marko Polo, p. 160). Так же (ancienne ville) переводит и St. Julien (Journ. asiatique, 1846, t. VIII, p. 238).

границе области Или»[1]. Чуйская долина действительно находится в стране бурутов, как калмыки, и за ними китайцы, называли кыргызов. По Димашки Баласакун находился «в соседстве Ферганы, на севере»[2]. По «Тарихи» Мунеджим-баши[3] Баласагун, служивший столицей туркестанских хаканов, назван первым из коренных их владений и показан лежащим в начале седьмого климата под 102° долготы и 48° широты, «неподалеку от Кашгара»; Кашгар означен в шестом климате под 106° 30' долготы и 44° широты[4]. По В.В.Григорьеву, древнейший из арабских писателей, упоминающих о Баласагуне, есть Мокадеси; у Ибн-Хордадбега и Кодамы об этом городе говорится безыменно, как о столице тюркского хакана; у Альбируни Баласагун показан под 91,5° долготы и 44,75° широты[5]. В географии Абульфеды (писана между 1321 и 1331 гг.) читаем: «По Лобаб, Баласагун есть город на границе Туркестана, за Яксартом, близ Кашгара... В наше время он находится в руках тюрков. Прежде, при Саманидах, он и другие тюркские ныне города принадлежали мусульманам»[6]. Султан Бабур, в своих записках, относящихся к началу XVI века, говорит, что на севере от Ферганы «находились некогда цветущие города, каковы Алмалыг, Алмалу, Янги, который историки называют Тараз-кент, но теперь от них остались только развалины, вследствие опустошений, совершенных монголами и узбеками; всякий след оседлости и культуры исчез[7]. Неупоминание о Баласагуне у Бабура показывает, что к XVI столетию в Фергане забылось и самое имя Баласагуна. По «Тарихи-Рашиди» современника Бабура Мухаммед-Хайдера, «на Джу в одном месте сохранились признаки большого города, его минаретов, сводов (?) и медресе. Так как имени этого города никто не знает, то монголы зовут его Менар (минарет). Тут были свод и доска из камня, на который почерком насх было вырезано: Это могила имама великого и шейха непреложного и достойнейшего, обнимавшего в

---

[1] La Livre de Marco Polo, p. LXIV. Вэй Юань.писал в первой половине настоящего столетия, но мнение его интересно, как вероятное отражение взглядов более ранних китайских авторов... По о.Иакинфу («Историческое обозрение ойратов или калмыков», Спб., 1834 г., стр.9) «столицу кара- китайцев Усунь-ордо, кажется, есть возможность отыскать среди множества развалин, находящихся в киргиз-казачьих степях».

[2] Notices et extraits, t. XIII, p. 233.

[3] Автор «Истории династий» или Летописи «главного астролога» жил в 1630-1701 гг., но пользовался известиями более ранних мусульманских писателей.

[4] В.В.Григорьев «Караханиды» в «Трудах восточного отделения имп. р. археологического общества». Часть семнадцатая, 1874 г., стр. 195. В качестве коренных владений караханидов после Баласагуна поставлены Кашгар, Хотан, Каракорум, Тараз, Фараб. Каракорум этот В.В.Григорьев (там же, стр. 211) счел за Каракорум на Орхоне. По «Тан-шу» один род гэлолу или карлыков, во второй половине седьмого века, обитал у гор Удэгянь и подчинялся с того времени ойхорам («Собрание сведений», I, стр.438). Горы Удэгянь, вероятно, то же, что Юйдугунь (там же, стр. 426) и Ду- гинь (то же, стр. 270), находились в верховьях Селенги, между Каракорумом и Улясутаем. Быть может, это название сохранилось в имени горы Отхан или Отхон-хаирхан, близ Улясутая, как предполагает Г.Н.Потанин, «Очерки северо-западной Монголии», вып. I, 1881 года, стр. 237). Таким образом, один из родов карлыков действительно обитал около Каракорума и упоминается быть может тут даже в эпоху Чингиз-хана: в китайском сокращении «Юань-чао-ми-ши») «Труды» пекинской духовной миссии, т. 4, стр. 196) в числе одиннадцати родов, провозгласивших в год курицы (1201) Джамуху главою, гурханом, значится род холола, т.е. хорла, карлык. Но едва ли об этой части карлыков, оставшейся в Монголии и впоследствии, вероятно, бесследно омонголившейся, знали что-нибудь мусульманские писатели. Скорее можно думать, что Мунеджим-баши и его источники имели в виду тот Каракорум, который служил зимовками мифического Огуз-хана и который предполагался вблизи Таласа и Кары-Сайрама (Рашид-эддин, в переводе професс. Березина, «Труды» вост. отд. часть пятая, 1858 года, стр. 13).

[5] Там же, стр. 209.

[6] Geographie d'Aboulfede, tome II, partie 2, Paris, 1883, p. 227.

[7] Memories de Baber, traduits par A.Pauet da Courtauille, Paris, 1871, p. 1.

себе все науки, как созерцательные, так и опытные, глубоко познавшего основы и все ветви законоведения, имама Мухаммеда, факига (законоведа) Баласакунского. Да не перестанет цвести на его могиле древо общения его с Богом и да будут обращены на него вечные взоры мужей достойных. Скончался в 711 (1311-1312) г. Писал Омар-ходжа, железных дел мастер. - Джу (замечает тут Мухаммед-Хайдер) есть местность в Моголистане; в длину она имеет месяц езды. Таких городов, как тот, о котором я говорю, на ней было много»[1]. Эта надгробная надпись дает основание полагать, что в 1311 г. Баласагун еще существовал, хотя конечно имам Мухаммед мог быть погребен не на баласагунском кладбище, а в другом городе Чуйской долины. Надо полагать, что Баласагун уже не оправился после разгрома его кара-киданьскими войсками в 1211 или 1213 гг., потому что наступило время смут в стране до утверждения власти монголов. При монголах Баласагун уже не был столицею. Джагатай и его преемники жили в Илийской долине или в Маве- раннагре. Окончательное разрушение Баласагуна совершилось, вероятно, около 1342 года во время истребительной резни тюрко-монголов Алмалыка и Моголистана с тюрками Мавераннагра. Уничтоженное в это время или переселившееся в Кашгарию и на Сыр-дарью и в Мавераннагр оседлое население уже не возобновлялось на северных склонах западного Тяньшаня почти до наших дней. Вместе с тем и существовавшее со времен тукиюесцев до половины XIV века торговое движение оставило северную сторону Тяньшаня и направилось из Мавераннагра в Китай исключительно через Кашгарию и вообще по южным подножиям Тяньшаня.

О значительном развитии в Баласагуне не только торговли и, конечно, промышленности, но и просвещения, кроме надгробных мусульманских и несторианских надписей, содержание которых, пожалуй, можно объяснять свойственным эпитафиям преувеличением, свидетельствует замечательный памятник тюркского языка и литературы «Кудатку Билик». Из двух мест этой писанной уйгурскими письменами в Герате, 18 июня 1439 года, рукописи, принадлежащей Венской публичной библиотеке, явствует, что книга эта сочинена в 462 году гиджры, т.е. в 1069-1070 гг. после Р.Х. В этой рукописи значится между прочим: «Эту книгу, эти стихи (сочинил) муж родом из Баласагуна, владелец... Он окончил эту книгу у народа кашгарского и принес во дворец царя Востока, знаменитого хана. Царь же Бухра-хан почтил его и соизволил дать ему сан собственного тайного министра. Поэтому он известен в мире под именем тайного министра Юсуфа». Кудатку Билик написан целиком, исключая предисловие, рифмованными двустишиями[2].

Арх. Палладий, доказывая известиями «Юань-чао-ми-ши» о побеге Ван-хана (в 1173 г.) «на р. Чуй, к гурхану хара-китатов», и о бегстве Гучулука, «чрез Уйур и Канли в Сартаул, на р. Чуй, к гурхану кара-китатов», что кара-кидани обитали в Чуйской долине, говорит, что «в 1176 году прибывший к гиням туркестанец Исилань показал, что он

[1] Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских уйгурах» и пр. т.2, стр. 162.
[2] «Кудатку Билик - факсимиле уйгурской рукописи имп.-королевской библиотеки в Вене, изд. по поручению Спб. Академии наук В.В.Радловым», Спб., 1890 г., стр. III и IX.

племени Цзоуко из города Гусы-о-лу-до (Гуз-ордо), и что поселение (инпан: лагерь, стан, кочевье; из этого видно, что Гуз-ордо не был резиденцией хара-китатов, вопреки другим сказаниям) западных киданей в окружности будет полдня верховой езды». Вероятно, арх. Палладий не имел под рукою подлинников, когда составлял быть может и не предназначавшееся для печати письмо, в котором помещены приведенные отрывки (в собственном его переводе «Юань-чао-ми-ши» «Гучулук бежал через род Вэйухарлу[1] в страну Хойхой к реке Чуй и соединился там с гурханом, рода харакита») и перевод показания Исиланя сделан полнее и вернее у Бретшнейдера, но интересно тут, что «поселение» или «лагерь» (у Бретшнейдера) по китайски выражены словом инпань[2]. Это слово и теперь употребляется у китайцев Илийской долины, означая занятые войсками казармы, окруженные непременно довольно высокими и более или менее толстыми стенами. Такое значение слова инпань дает возможность полагать, что кара-киданьские войска помещались в инпанях, расположенных кругом или в окрестностях их столицы Хусы-ордо. Как постоянное местопребывание войск, эти инпани вероятно были размещены, для хозяйственных удобств, в изрядном, частью, по крайней мере, друг от друга расстоянии. Этим и объясняется, почему для объезда лагеря или инпаней кара-киданей нужно было употребить полдня верховой езды, т.е. проехать верст пятнадцать - двадцать.

Так как по «Ляо-ши» Елюй-Даши построил себе столицу Хусы-ордо, то, при неимении противоположных известий, надо думать, что кара-киданьская столица, представлявшая собой крепость, по значению ее названия, была расположена отдельно от Баласагуна, столицы последних карлыкских ханов. Так было и во время тукиюесцев и потом карлыков, потому что из китайских и арабских маршрутов мы знаем, что торговая и промышленная метрополия Чуйской долины - город Суйе и потом заменивший его Навакат - находились на левом берегу р. Чу, тогда как столица хакана тюрков и потом карлыков находились верстах в 20 или более на правом берегу этой реки. Елюй-Даши, вероятно, поступил по примеру своих тюркских предшественников, но в настоящее время не имеется еще данных для выяснения не только местности, но даже и стороны р. Чу, на которой расположен был Хусы-ордо.

Howorth полагает, что Баласагун находился на ур. Ит-кичу и что там же лежал Эквиус Рубрука[3]. Эквиус не мог лежать на р. Чу, как уже выяснено это выше. Нельзя считать вероятным и нахождение около развалин приписываемого коканцам укрепленьица близ ур. Ит-кичу[4] ни Баласагуна, ни Хусы-ордо, уже по одному тому, что местность эта отстоит верст на 150 в сторону от всегда лежавшего вдоль предгорий Александровского хребта пути. Этот путь от Аульеата до Чуйской долины идет на

[1] Уйур - уйгуры, а вэй ухорлу - <...> карлыки, карлаки Арслан-хана или Калмыка.
[2] «Замечания о названии Харакитай и орде или резиденции хара-китайской» в «Известиях и.р.геогр.общества», 1874, стр. 354 и 355.
[3] History of the Mongols. Part 1,1876, p. 6.
[4] Развалины коканского укрепления Ит-кичу (собачий, т.е. мелкий брод) находятся на р. Курагаты верстах в 20 выше впадения ее в р. Чу (см. «Опыт плавания по р. Чу» в 1873 г., «Туркестанские ведомости» 1874 г. № 1).

разграньи между плодородными и легко орошаемыми, слегка покатыми на севере, плоскостями, образующими подножия предгорий, и лежащими к северу от дороги низменностями, состоящими из песков и солончаков, которые по приближении к Чуйской долине, заменяются болотами и камышами, а ниже устья р.Курагаты переходят в сыпучие на обоих берегах р. Чу пески. Урочище Ит-кичу лежит уже в самой нижней части болотисто-камышовой полосы, близ начала сплошных песков, а потому помещать сюда ни торгового и промышленного города, ни столицы всего Туркестана в кара-киданьское время нет никакой вероятности. Оба эти поселения должны были лежать там же, где всегда, за многие века ранее, помещались торговая метрополия Чуйской долины и резиденция тюркских ханов[1].

Deveria, в реферате о сибирских надписях, высказал предположение, что «развалины Беласагуна, вероятно, будут найдены на северном берегу р. Чу», но никаких оснований для того не указал[2].

Ниже (в главе IX) мы увидим, что имя Навакат сохранилось до половины XIV столетия: одна из несторианских митрополий была в Навакате. В таком случае Навакат иранцев и сириян должен был называться Баласагуном у монголов и тюрков. Этим может быть намечено и местоположение Баласагуна-Наваката, потому что выше выяснено, что Навакат арабских географов должен был находиться около нынешнего Большого Токмака. Если же принять в соображение, во-первых, вышеприведенную надгробную надпись на могиле баласагунского законоведа, по автору «Тарихи-Рашиди», у развалин большого города, который «монголы» называли в XVI веке «Менаром» и от которого сохранились еще остатки минаретов, и, во-вторых, существование по настоящее время, в 8-12 верстах на юго-запад от Б. Токмака, башни на Буране, которую местные жители зовут минаретом, то местонахождение Баласагуна- Наваката с значительной вероятностью определиться в той местности, где находится башня Бураны.

Во всяком случае, можно надеяться, что истинное положение Баласагуна будет, со временем, выяснено случайными находками или при исследовании и древних городищ левого берега р. Чу на пространстве между Пишпеком и Старым Токмаком. При тех же местных изысканиях определяться может быть и местонахождения столицы тукиюеских ханов, а также Хусы-ордо, которые пока, с большой вероятностью можно предполагать в долине Каракунуса[3] или в нижней части долины Малого Кебина.

---

[1] В.В.Григорьев в статье «Караханиды» («Труды» вост. отд. арх. обшества, часть 17, 1874 г., стр. 209) полагал, что в маршрутах Ибн-Хордадбега и Кодамы Баласагун упоминается безымянно как столица тюркского хакана; эту столицу тюркского хакана предполагал он («Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 г., стр. 222) «на р. Или»; Тараз помещал он («Караханиды», стр. 211) «около западной оконечности озера Иссык-Куля». Оба эти приурочения несостоятельны и были результатом ошибочного толкования маршрутов арабских географов и недостаточности сведений о крае, к которому эти маршруты относились.

[2] Inscriptions siberiannes в Comtes rendus de l'Academie des inscriptions et belles-lettres, 4 serie, t. XVIII, 1891, p. 450.

[3] «Прямо против города Токмака за р. Чу лежит обширная равнина, которую правильнее назвать Кара-Кунузскою долиною, так как верховья ее, близ гор, далеко углубляются в ущелье, из коего выходит р.

Южная часть Чуйской долины или пространство между ложем р. Чу и Александровским хребтом, имеет до сих пор много следов прежних оседлых поселений, хотя время и хлебопашество кочевников, - несомненно продолжавших, в большем или меньшем размере, заниматься посевом хлебов в течение, вероятно, всех пяти столетий, которые истекли со времени исчезновения оседлого населения, - уничтожили, сгладили или закрыли большую часть остатков валов и стен городов, жилищ и разных сооружений. К сожалению, сведения о следах городищ в долине р. Чу в настоящее время довольно скудны. В 1877 году, семиреченским губернатором (Г.А.Колпаковским), собраны были, через уездные начальства и особо командировавшихся чиновников, для предстоящего в том году в Казани IV археологического съезда, сведения о городищах и других археологических предметах в области. По напечатанной в № 43 «Туркестанских ведомостей» 1879 г. статье «Археологические памятники в Семиречьи и Кульджинском крае», излагающей полученные таким путем сведения, «в Токмакском уезде известны развалины двух старинных крепостей: первая близ р. Чу, по левую сторону дороги между станцией Константиновскою и Пишпеком; ...вторая, под названием Тюрткуль, лежит близ почтовой дороги между станциями Сукулукской и Аксуйской, в 7 верстах от первой расстоянии, с правой стороны дороги в Ташкент». При раскопках в Турткуле найдена медная трубка длиною в 10,5 дюймов, в диаметре 7 д. В той же статье упоминается 1) о кургане на р. Кегеты, в 20 верстах от г. Токмака, в котором, при раскопках, найдены два железных кольца, медная чашечка и круглая бронзовая или медная пластинка с какими-то изображениями или знаками[1], и 2) о колонне или башне на р. Буране, в 15 верстах от Токмака. Описания двух укреплений и башни, с легендами о последней, турткульская трубка и кегетинская находки были представлены туркестанскому генерал- губернатору. В «Трудах IV археологического съезда» эти описания, к сожалению, не напечатаны. В протоколах съезда, однако, упоминается о прочитанном сообщении г. Терентьева «О развалинах крепости Турткуль»; «из этого сообщения видно, - говорится в протоколах, - что следы укрепления заметны, но при раскопках найдено немного вещей и почти ничего замечательного, кроме разве глиняного кувшинчика с истлевшими костями»[2]. Там же читаем: «В.М.Смирнов прочел сообщение, доставленное туркестанским генерал-губернатором, о колонне при р. Буране в Токмакском уезде и соединенных с этим памятником легендах киргиз и сартов; относительно легенды лектор заметил, что такое

Кара-кунус (черное стойбище). Пространство от р. Чу до склона горы примерно будет верст 15. Грунт земли для пашен и покосов отличный... Неподалеку тутовые рощи, может быть остатки древней культуры, а в ущельях гор есть довольно фруктовых деревьев - яблоней, урюку и алача (среднее между черешней и сливой) и плодов должно быть очень много, потому что крестьяне (токмакские) вывозят отсюда». («Условия для города в чуйской долине» в «Туркестанских ведомостях» 1873 года № 33, статья П.М.Зенкова, который ознакомился с ущельем Кара-кунуса в 1872 году, изыскивая более удобный путь через Чу-Илийские горы, чем перевал Кастек, и более близкий от Токмака, чем Курдай). В долине Кара-кунуса существует с 1878 года селение дунган, бежавших в наши пределы из Кашгарии.

[1] В № 27 «Туркестанских ведомостей» 1877 г. означены поступившими в ташкентский музей медная чашка, два железных кольца и металлическая пластинка, так что кегетинские находки попали в ташкентский музей.

[2] «Труды четвертого археологического съезда в Казани, с 31 июля по 12 августа 1877 года», том 1,1884 года, стр. LXIV.

же предание рассказывается о замке Кыз-куллесы или замке Леандра на Мраморном море, близ Босфора»[1].

По описанию г. Городецкого (1886 г.) башня Бураны находится в 8 верстах на юго-запад от г. Токмака. Она помещается внутри четырехугольника, образованного рекою и валами значительных размеров, но не в середине его, а ближе к углу, образуемому восточной и южной его сторонами и прилегающему к реке Буране. Ближайшая к башне сторона вала (южная) открыта (?), но не на всем протяжении. Северо-восточная часть четырехугольника прилегает к упомянутой реке, которая подмывает эту сторону и обнаруживает кирпичи бывших здесь построек и черепки глиняной посуды. В одном месте этой стороны найдены были две глиняные водопроводные трубы. Площадь четырехугольника имеет три четверти квадратной версты и заключает в себе пять курганов; из них два можно назвать громадными, остальные меньше, но также значительной высоты и объема. Кроме того около башни, со стороны, обращенной к Токмаку, находятся развалины бывшего строения с массой обожженного кирпича. Высота башни, по измерению, произведенному одним из местных топографов, 12 сажен, но на глазомере она кажется выше (около 15 сажен). Надо полагать, что первоначальная высота башни была больше, судя по тому, что на вершине стены ее носят следы разрушения» (покрыты обломками кирпичей). «Башня состоит из двух частей: основания, имеющего форму правильной восьмиугольной призмы, и утвержденного на нем круглого столпа, кверху понемногу суживающегося. Длина вертикальных граней основания 5 аршин и горизонтальных - 5 аршин 10 вершков... Заключая по длине целых граней, первоначальная окружность башни (основания?) равнялась 45 аршинам... Снизу, до двух третей высоты восьмиугольника, кирпичи выломаны крестьянами для печей и других надобностей... Основание... и столп... сложены из обожженного кирпича на цементе. Кладка... обыкновенная ...с перекрытием или перевязкою рядов; с наружной стороны столпа, для красоты, из кирпичей выкладывались, через каждые три аршина, чередующиеся узорчатые ярусы: ...горизонтальные ряды симметрично испещрялись выдающимися ребрами вертикально поставленных кирпичей, образующих с первыми попеременно то прямую, то обратную форму буквы Т... Вход в башню ...непосредственно над восьмиугольным основанием. Он имеет вид узкой двери, около 2 аршин в вышину и 1 аршина в ширину... От входа начинается внутренняя винтовая лестница... с выложенными ступеньками...» В откосе окна против 21 ступени «находятся вырезанные вглубь пять надписей, по-видимому, арабскими письменами. Одна из них только нацарапана... Каждая ступенька покрыта деревянной доской... Толщина доски - 1 вершок, но теперь такая толщина осталась только на концах, на остальном же пространстве доски частью стерты ногами, частью же сгнили

[1] Там же. По местным сказаниям, которые и мне случалось слыхать, башня на Буране построена была ханом, желавшим спасти свою дочь от смерти, которая, по предсказанию, должна была ее постигнуть от укушения фаланги или каракурта. Однако предсказание сбылось, хотя ханская дочь помещена была на башне и принимались всевозможные предосторожности: ядовитое насекомое попало в башню в корзине с виноградом.

от времени. Полных ступенек в настоящее время насчитывается тридцать три и еще имеются следы двух...»[1].

В 1888 году г. Городецкий измерил высоту башни на Буране веревкой: оказалось 10 сажен и 4 аршина; вверху с северной стороны башня разрушена на пространстве 10 арш. 11 вершков; окружность башенного столба 88 футов 2 дюйма; высота входной двери 2 арш. 14,5 вершк., ширина 1 аршин. В башне имеются три кольца отверстий, служивших местами вложения бревен и досок: два в основании и одно в башенном столбе. Башню окружает четырехугольник и она стоит в нем ближе к восточной его стороне. Западная сторона состоит из непрерывающихся валов; южная в первой (следуя с запада) половине состоит из валов; ближайшая же к башне их не имеет; восточная сторона, на протяжении 125 шагов, начиная от башни, имеет вал, а затем, кажется, вала не было. Около башни, с западной ее стороны, находятся четыре кургана, а с северной два кургана, очень больших.

Еще 9, 10 и 11 октября 1885 года токмакский военный врач Поярков произвел небольшие раскопки, по-видимому, в той самой «крепости», где находится башня Бурана и которой описание только что приведено. Раскопки эти коснулись главным образом именно тех двух курганов, которые г. Городецкий называет «громадными», а г. Поярков «исполинскими». В первом из этих курганов, имевшем 22 аршина высоты, на глубине от 2,5 до 5 четвертей аршина найдено девять костяков, из которых четыре оказались совершенно сгнившими. Вещей и следов одежды не найдено. «Все могильники (могилы девяти костяков?) имели свод, выложенный из продолговатого толстого жженого кирпича[2]; такое устройство могильников напоминает наши склепы, только кирпичи, образующие свод могилы, лежали неправильными рядами и не плотно прилегали друг к другу, а имели промежутки между собою в 2-3 вершка и стояли друг к другу почти перпендикулярно (?). Все костяки были засыпаны мелкою землею, наполнявшею весь могильник.

...Все костяки найдены лежащими на правом боку с вытянутыми вдоль туловища руками, с лицами, обращенными на запад (как раз в сторону, где заходит солнце), вершиною головы на север, ноги обращены на юг. У восточной стороны этого кургана найден костяк, лежащий на кирпичном полу; свод этой могилы такой же. Приподнявши кирпич, образующий пол, начали рыть вглубь и напали как бы на стену, сделанную из земли и обмазанную белой глиной или, вернее, разведенным мелом. Противоположной стены не нашли, может быть потому, что, вследствие недостатка средств, пришлось прекратить дальнейшие раскопки. Тут же найдены сердоликовые бусы. Соседний курган был рыт частыми поперечными траншеями. Здесь найдены три костяка: два взрослых и один детский... Устройство могилы и сводов и положение костяков такие же, как в прежде описанном кургане. Вещей, следов одежды при

[1] «Археологический музей томского университета», Томск, 1888 года, стр. 182-185.
[2] Размеров отчет г. Пояркова не дает. Башня Бураны («Арх. музей», стр. 95) сложена из кирпичей, имеющих по 25 сант. длины и ширины и 4 с. толщины. Этих же размеров один сорт кирпичей, доставленных с оз. Иссык-Куля; размеры другого: длины 32, ширины 14,5 и толщины 4 сантиметра.

костяках также не оказалось. У западной стороны кургана, в углу (?), найдена глиняная посуда круглой формы, напоминающая верхнюю половину нашего кувшина, без дна, хорошо обожженная. В небольшом кургане, сбоку (соединяющего два вышеупомянутых больших кургана) перешейка находящемся, найдено только несколько небольших черепков, хорошо полированных, цвета зеленовато-синего, ...и небольшой кусочек стекла, по-видимому, от какой-то посуды. В одном небольшом кургане, стоявшем вдали от описанных, совершенно ничего не найдено. Затем я обратил внимание на развалины. Здесь виднеется масса перебитого кирпича, большая часть которого по давности плотно засыпана землею... Рабочие ... рыли одни посередине, в центре одной из развалин, а другие - руины, лежащие ближе к башне, но только с краю. Первым попадались одни обломки, вторые же отрыли правильно сложенную из жженого кирпича стену. Продолжая рыть, мы встретили палки, пальца в два толщиною, приставленные к стене под углом градусов в 30, и в большом количестве мягкую, точно просеянную землю... Около стены лежал на спине костяк, у которого руки вытянуты вдоль туловища, ноги на юг, вершина головы (темя) на север... Очевидно, он похоронен уже после разрушения здания... Никаких следов вещей и одежды. Положение костяка оказалось такое же, какое ныне дают своим покойникам киргизы, здесь живущие. Палки почти совсем не сгнили, хотя это, может быть, происходит потому, что масса жженого кирпича и кирпичная пыль несколько удерживают влагу и сырость. Прорыв порядочно вглубь, мы встретили сильно заржавевший железный топор, формой похожий на наши теперешние топоры, только меньше объемом; здесь же встретились две железные вещицы, определить назначение которых я не мог. Стена высотой оказалась приблизительно в три аршина и одну четверть, а в некоторых местах выше, в некоторых же ниже. Судя по форме отрытых развалин здание должно быть круглое, хотя этого и не берусь утверждать, ибо мной отрыта незначительная часть здания. Расчистка всего здания требует немногих средств. Когда стали дорывать до основания стены, то встретили опять рыхлую землю и опять костяк, но до того сгнивший, что не только нельзя было прикинуть к нему антропологические мерки, но даже нельзя было определить его положение. Вероятно, он был положен очень давно, когда здание, может быть, было цело, потому что на такой значительной глубине теперешние обитатели - киргизы, кашкарлыки - не кладут своих покойников. Затем я велел рабочим копать в южной стороне от башни, на месте, где совсем не было видно никаких следов или контуров построек; рыли полдня, и опять попали на груды кирпича, но вещей пока не нашлось никаких... Здесь встретилось довольно большое здание, заваленное массою кирпичных обломков... Следы построек в крепости есть и во многих местах... Курганные черепа... круглоголовые и треугольные (?), лоб, как у монгольского племени, покатый сверху, затылок с одной стороны сплющенный или сдавленный, так что одна половина затылка короче другой...»[1].

[1] Н.М.Ядринцева «Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмака» в «Записках И. Академии наук», т. 52, Спб., 1886 года, стр. 155, 156, 157, 158, 161.

Имея только 12, неопытных притом, рабочих, г. Поярков в три осенних дня работ своих мог, конечно, произвести лишь очень поверхностные раскопки и не раскрыл даже содержания тех двух больших курганов, с которых начал свои работы, потому что, по-видимому, совсем не углубился ниже слоя девяти костяков, т.е. ниже одного с половиною аршина от вершины первого кургана, имеющего высоту в двадцать два аршина. Костяки, найденные в самой верхней части кургана и принадлежащие по всей вероятности магометанам XIII и XIV столетий[1], если не еще более поздним, ничего не решают относительно назначения и содержания курганов, потому что курганы эти остались неисследованными на двадцати аршинах своей высоты, и если курганы были погребальные, то первоначально похороненных в них нужно искать на самом грунте, двадцатью аршинами ниже против слоя девяти костяков. Итак, раскопки г. Пояркова констатируют лишь нахождение в той же «крепости», где помещена башня Бураны, остатков многих выстроенных из жженого кирпича зданий, относящихся ко времени не позже XIII века. Какому же времени принадлежит башня Бураны и какое она имела назначение?

В.М.Флоринский, сближая башню на Буране с подобными же сооружениями на развалинах Саурана, в Узкенде и в Булгарах на Каме, отвергает мусульманское назначение башни и полагает, что «в некоторых случаях столпы ставились у крепостных ворот и предназначались для защиты города, в роде башен, но чаще они, по-видимому, служили главным образом для украшения»[2]. Пашино описывает сауранские башни так: «К северу находятся две башни, отстоящие одна от другой сажени на три, с минаретами, вышиною сажен 15 от земли, в диаметре аршин 6. Обе башни из жженого кирпича, рядов в 200 в вышину. Внутри у обоих минаретов винтообразные хорошо сложенные лестницы. Верх одного минарета сломан, другой минарет имеет вид колонны коринфского ордена; шейка колонны изукрашена голубыми с позолотою изразцами. Быть может это украшение... из каких-либо письмен, но я их разглядеть не мог, так как наступили сумерки»[3]. Существующие в Авганистане, в кабульской равнине, два столба или колонны туземцы зовут минарами, но, по мнению В.В.Григорьева,

---

[1] Головы обращены на север, ноги на юг, тогда как в могилах соседних несторианских кладбищ, имеющих такие же своды из сырцового кирпича вместо жженого, головы обращены на запад, а ноги на восток; надписи на камнях несторианских могил относятся к 1249-1345 гг. (См. Chwolson - Syrisch. nestorianische Grob in schriften aus Semiryetschie в Memories de l'Academie Imperiale des sciences de St.P., t. XXXVII, N8, 1890).

[2] «Археологический музей томского университета», Томск, 1888 года, стр. 186 и след. и стр. 204.

[3] «Туркестанский край в 1866 году», Спб., 1868 года, стр. 59. Приспособлений для муэззинов на рисунке у Пашино нет на обоих башнях, хотя у одной из них верх, частью по крайней мере сохранился. Между 1774 и 1782 гг. Филип Ефремов видел такую же башню в «Маргыляне»: «у рынка есть каменный круглый столп вышиною в сорок, а толщиною в две с половиною сажени» («Странствования Филипа Ефремова в киргизской степи, Бухарин, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение чрез Англию в Россию», третье ... издание, Казань, 1811 г. (стр. 101).
В «Путешествии в Центральную Азию, от Оренбурга до Самарканда» В.В.Верещагина (Le tour du monde, 1873, t. XXV, p. 207), относящемся к началу 1868 г., читаем: «Между Ян-курганом и Туркестаном интересны только развалины Саурана, похожие на джанкентские и вероятно того же времени; они состоят из глиняной стены, из площади, из многих холмов с обломками обожженой и необожженой глиняной посуды и в особенности из кирпичного минарета, сохранившего глазурованный бордюр и остатки надписи». Приложен рисунок одной башни, имевшей входную дверь, без приспособлений для муэззинов. Вторая башня в Сауране обвалилась в 1867 году («Известия р. географического общества», 1869 года, стр. 372).

«минаретами колонны эти никогда не были и быть не могли: ...не таково их устройство». Такое заключение могло быть основано на рисунках минаретов или их описаниях. Действительно Минари-сияг (большой минарет), высящийся на гребне хребта Шах-Баранта, в соседстве с буддийскими топами или ступами кабульской равнины, где находится и другая колонна Сырх-Минар или красный минарет, судя по рисунку в Ariona Antiqua, воспроизведенному в приложениях к «Кабулиста- ну» В.В.Григорьева, кажется, не минарет. Но описание «Белого минарета», принадлежащее Иру, рисунку соответствует весьма мало: Высота столба около 70 футов; основанием ему служит кубический пьедестал, а сам стержень - дорического ордена, украшенный на вершине родом урны. Между тем на рисунке основание, на котором стоит колонна, имеет форму круглую, в вершине же ничего похожего на урну нет[1].

При уцелевших в Самарканде мечетях и медресе времен Тимура и его потомков также есть башни и столпы, сходные с сауранскими и т.п. Эти башни стоят обыкновенно по бокам передних фасадов мечетей. Никаких особых приспособлений для муэззинов они не имеют[2], да и почему это все мусульманские минареты должны непременно иметь крытые верхушки, иногда даже с висячими деревянными галерейками, как минареты татарских мечетей? В Средней Азии призыв на молитву делается большей частью просто с крыш мечетей. Если же строятся особые минареты, то почти всегда ясное небо не требует устройства над ними крыш, как в Казани. Как колокольни христианских храмов, минареты-башни могли строиться не в связи с мечетями, а и отдельно от них, впереди или с боков. Мечети могли со временем подвергаться разрушению, а минареты, возведенные из более прочных материалов, могли надолго переживать эти мечети. Конечно, башни или столпы-минареты не есть мусульманское изобретение и подобные сооружения существовали в Месопотамии, например, за тысячелетия до рождения Магогмета. Но в Мавераннагре и странах к северу от него уцелевшие до наших дней башни и столпы с наибольшею вероятностью не могут быть относимы ко времени более раннему, чем мусульманское, потому уже, что весьма сомнительно, чтобы подобные сооружения, особенно в местностях, подверженных землетрясениям, сохранились от более древних времен.

В одной из заметок Н.Н.Пантусова, вероятно на основании слухов, упоминаются по р. Чу «остатки калмыцких поселений у Константиновского моста и на два дня пути ниже этого моста. Признаками оседлости является здесь множество арыков, молотильные камни, такого же образца, как у китайцев, черепки посуды. Местность эта может

[1] «Кабулистан и Кафиристан», Спб., 1867 года, стр. 709. Ир считал оба минара греческими колоннами и Сияг-Минар называл «Александровым столбом», относя их, значит, неизвестно почему, ко времени Александра Македонского. Весьма интересно было бы мнение о всех этих столбах или колоннах специалистов по восточным архитектурам. Фотографический снимок башни на Буране был доставлен г. Пантусовым в И. археологическую комиссию, как видно из брошюры его «Описание при-пишпекского христианско-несторианского кладбища», Верный, 1867 г., стр. 6.

[2] См., напр., рисунки самаркандских мечетей в «Живописной России», том X. на стр. 241 и между стр. 250 и 251, 254 и 255. О сауранских башнях в этом издании говорится (стр. 138), что «с них, в былое время, как гласит предание, будто бы бросали осужденных на смерть преступников. По другому преданию, башни построены в угоду внучке Тамерлана, не любившей сидеть в гареме и наслаждавшейся созерцанием окрестных видов».

послужить хорошим урочищем для поселений не только киргиз, но и русских переселенцев; близость реки со множеством рыбы, масса саксаульника в окрестностях, почти готовые арыки, которые стоит лишь расчистить, способствует поселению здесь земледельцев»[1]. Я проверял эти слухи через бывавших на местах должностных лиц и оказалось, что по среднему течению р. Чу есть в нескольких местах следы небольших поселений, арыков и пр., но площади годной для земледелия земли очень не велики и окружены сыпучими песками[2].

Указания на места древних оседлостей или, по крайней мере, на места земледельческих скоплений богатых азотом органических остатков могут давать так называемые селитренные земли. Такие селитренные земли оказались в Чуйской долине, во-первых, на ур. Шар-тюбе, на правой стороне р. Чу, на месте дунганского селения на р. Кара-кунусе, и, во-вторых, близ селения Малый Токмак, на левой стороне р.Чу. В селитренной земле первой местности найдено около 3% селитры и почти такое же содержание в земле второй местности[3].

По сведениям Д.В.Городецкого (1888 г.), по северной стороне почтовой дороги между г. Пишпеком и сел. Сукулукским «находятся две крепости: одна на шестой версте от Пишпека, а другая на четвертой версте от Сукулука. Первая приблизительно будет длиной сажен сто, а шириной сажен пятьдесят, и высотой сажени четыре, вторая - по форме круглая и имеет в окружности двести двадцать пять сажен, высоты шоло шести сажен. Вокруг той и другой видны следы рва». «Между Беловодском (Аксу) и Карабалтами находятся две старые земляные крепости, одна по южную, другая по северную сторону дороги»... Вышина вала первой около 2 сажен, длина и ширина по 35 саж., у второй вышина вала около 6 сажен, длина 80 саж. и ширина 60 саж.[4]. Может быть все эти «крепости» суть коканские курганы или укрепления первой половины настоящего столетия.

К кара-киданьскому вероятно времени относятся следующие случайные находки в Чуйской долине, поступившие в распоряжение и. археологической комиссии: в 1887 году, около Токмака 5 целых и 18 обломков золотых харезм-шахских монет[5]; в 1889 году медный кубик, в виде игральной кости, найденный близ Токмака, у башни Бура-

[1] «Туркестанские ведомости» 1876 года № 21.
[2] В 1887 году, в урочище Алты-кудук близ р. Чу, найдена четырехугольная красной меди жаровня на ножках, имеющих форму кошачьих лап, весом 3 пуда 13 ф. («Записки и. р. археологического общества», том III, вып. 2, 1887 года, стр. 277, из дела археол. комиссии № 5). У г. Красовского («Область сибирских киргизов», Спб., 1868 года, часть III, стр. 256-257) есть не лишенные интереса, хотя только основанные на расспросах, сведения о древних зданиях, считающихся могилами, на кирпичах одной из которых будто бы есть слабо заметная монгольская надпись.
[3] «Туркестанские ведомости», 1884 года, № 44.
[4] «Томские университетские известия», книга 1, отдел 2, 1889 года, стр. 42 и 43. В 1887 году близ сел. Беловодского случайно найдено 4 потертых тимуридских монеты, чеканенные в Бухаре, Самарканде, Хиссаре и Карши («Записки и. р. археологического общества», том III, вып. 2, 1887 года, стр. 278, из дела арх. комиссии № 5).
[5] «Записки и. археологического общества», том III, вып. 2, 1887 года, стр. 279.

ны, и доставленный врачом Поярковым[1]; в 1890 году, найденное на уроч. Боролдай восточное бронзовое зеркало[2].

Значительно более, сравнительно с чуйскими, обильны указания на местности со следами городищ, укреплений, кладбищ и т.п. около озера Иссык-Куль.

На северном берегу озера, на р. Кунгей-Аксу, в 7 верстах от почтовой дороги, есть следы большого укрепления[3] и в 1875 году открыто кладбище с надписями, с которых сделаны снимки»[4] для казанского археологического съезда. К этому вероятно кладбищу относятся следующие строки из статьи Д.Л.Иванова «По поводу некоторых туркестанских древностей»: «Прибрежье озера Иссык-Куля вообще богато древними памятниками. Из них я укажу на интересное кладбище (гуристан)... Большинство... памятников сделано из груды камней, но на многих, среди сложенных обломков, торчат плоские отшлифованные водой большие гальки мелкого темно- серого гранито-сиенита, на которых высечены или знаки, или надписи, некоторые же поставлены без надписей. Кладбище изображает из себя четырехугольник сажен сто в поперечнике. Это как раз против Аксу. Рядом с этим древним кладбищем находится киргизская маленькая мечеть, в которую старательный мулла снес несколько десятков надгробных камней с письменами, уставив их очень аккуратно вдоль стен мечети, где их и можно видеть все вместе. С некоторых из надписей я даю снимки... Надписи полукуфического характера. Некоторые видимо более поздние. Мулла мне рассказывал, что самый дорогой камень был увезен отсюда в Каракол уездным начальником полк. Курковским, и что на этом камне значился год 573-й мусульманской эры, т.е. относившийся к половине XII столетия»[5].

---

[1] «Отчет и. археол. комиссии за 1889 год», Спб., 1892 года, стр. 90.

[2] «Отчет и. археологической комиссии за 1890 год», Спб., 1893 года, стр. 146 и 147.

[3] «Археологические памятники в Семиречье и Кульджинском крае» в «Турк. ведомостях» 1879 г;, № 435, где говорится, между прочим, что записки подп. Курковского и г. фон-Герна об иссык-кульских древностях с планами некоторых укреплений и снимками с некоторых из камней древнего кладбища представлены турк. ген.-губернатору для казанского археологического съезда. В «Трудах» съезда об иссык-кульских древностях не упоминается совсем.

[4] «Семипалатинские областные ведомости», 1890 года, стр. 372, «Поездка на Иссык-Куль» в 1877 г. Вл. ф.-Г, Напомним, что в «Сведениях о дикокаменных киргизах» («Записки геогр. общества», 1851 г., кн. 5, стр. 143) значится: «в прошлое лето (1850 г. ?), на северном берегу озера, близ устья р. Аксу, найден после бури медный котел».

[5] «Известия р. геогр. общества», 1885 г., стр. 173. К этому же кладбищу относятся более поздние сведения, доставленные г. Пантусовым («Восточное обозрение», 1886 года, № 52): «На левом берегу реки Кунгей-Аксу, протекающей между станциями Сазановской и Уйтальской, и налево (на север) от почтовой дороги, в версте от последней, находится могила кара-киргиза с мавзолеем (?), около которого собраны в кучи камни-валуны с мусульманскими надписями. Камни собраны каракиргизами в одно место в недавнее время с ближайшего (?) древнего мусульманского кладбища; камней насчитывают около 23. Фотографический снимок с нескольких из этих камней, для характеристики этих памятников, представлен в археологическую комиссию».
Красовский («Область сибирских киргизов», СПб., 1868 года, часть III, стр. 255) утверждает, что в северной части к.-казачьей степи встречаются остатки круглых башен, состоящие из одних оснований без стен, давно разнесенных нынешними кочевниками», но не приводит доказательств кроме ссылки на Броневского, упоминающего о «Калбасунской башне». Но Броневский («Отечественные записки», 1830 года, часть 43, стр. 246 и 247) говорит только, что эта башня «временем до основания разрушена. Предания не оставили никакого повествования о существовании ее. Кирпичи и камни разнесены на могилы киргизские, коих близ башни очень много». Между тем по приводимым Спасским («Сибирский вестник», 1818 года, часть третья, статья «Древности Сибири», стр. 96- 98) сведениям Миллера, которым

В описании путешествия Чан Чуня (1220 г.) читаем: «здесь (в Сай-лань) небольшая башня». По «Си-ши-цзи» (1259 г.) «там (тоже в Сай-лань) есть башня (fou-t'u), в которой хуй-хэ молятся». Эти два свидетельства путешественников XIII столетия удостоверяют, что в то время в Сайраме существовала башня, имевшая у мусульман религиозное употребление, т.е., вероятно, служившая минаретом.. Это дает повод полагать, что подобные же башни, существовавшие в соседних городах, напр., сохранившиеся до наших дней башни в Сауране, Узкенде и в Чуйской долине, были тоже минаретами. На этом имеющем некоторое основание в известиях китайских путешественников предположении о назначении башни на Буране и приходится пока остановиться. Конечно, весьма желательно изучение через специалистов пяти надписей, вырезанных в откосе окна башни, а также и правильные, под руководством сведущего археолога, раскопки в крепости на Буране[1].

«Вблизи монастыря (православного, основываемого с восьмидесятых годов), у устья той же речки (Курметы), возвышается окруженный с запада, севера и востока оврагами, а с юга заливом, четырехугольник, в виде крепостцы, с четырьмя воротами, выходящими в поле, и совершенно замкнутый со стороны залива. Длина ее (крепостцы) около 400, а ширина около 250 сажень... Толщина стен от пяти до шести сажен в основании, и самое расположение их заставляет думать, что это был шанец, и

дан и рисунок здания, оно основание имело четырехугольное. «Стены его простирались в вышину до 4 сажен, а в толщину до полусажени и укреплены были деревянными стропилами, коих концы выставлялись на наружную сторону. Некоторые следы показывали, что стены были выбелены. В верхней части их ниже свода было два противоположных окна, в самом верху свода одно отверстие. Четвертая стена, где находилась дверь, разрушена... Миллер полагает, что находящиеся во внутренности его на каждой стене по три углубления сделаны были для постановления истуканов, которых, равно как и письмена, может быть, ламы имели довольно времени перенести в другое удобное место». «Калмыки называли сие здание Джалин-обо, а русские калбазинскою башнею, поелику же между 1680 и 1700 годами кочевал в сем месте калмыцкий тайджи Джалин, изгнанный в 1702 году отсюда башкирцами, то и полагают, что оное здание построено было сим владельцем или заимствовало от него только свое имя, но откуда произошло название калбазинской башни - неизвестно». «Она построена была из обожженного кирпича, основание имела четырехугольное, а верх, состоящий из двадцати углов». Во всяком случае, и по описанию, и по рисунку, который видимо Красовскому известен не был, калбазинская башня совершенно отлична от столпа или башни на Буране. О последней Красовский говорит: «Башня эта (возвышающаяся «в Чуйской долине, у подошвы Александровского хребта, напротив нашего укр. Токмак») сохранилась в целости и по настоящее время. Она была осмотрена и снята находившимся при занимавшем в 1864 году Зачуйский край отряде штаб-капитаном Валихановым. Не знаем, помещено ли где-нибудь ее описание». Броневский (там же, стр. 250) говорит, что «в 5 верстах от урочища Биш-Чока (?) сохранилась башня на высокой горе, близ которой чудская копь медной руды», а на р. Кун и в вершине р. Нуры» «капища» из жженого кирпича. По мнению Спасского («Сибирский вестник», 1820 года, часть XI, стр. 135) имя Калбазинской вышеупомянутая башня получила от урочища Кабан-гусан, о котором упоминает Байков, ехавший в Китай в 1654 году: «А в Кабан-гусане поставлена мечеть калмыцкая: кирпич жженый. ... А живет тут калмыцкий лама, подле Иртыша на левой стороне. А поставлены у того ламы две палаты бурханные велики: кирпич жженый». - Не имеет ли название калбазинской башни и ур. Кабан-гусан какого-нибудь соотношения с именем гор Калба, Галба, Галба-тологой, Калмак-тологой? По Палласу («Путешествие по разным местам Российского государства», часть 2, книга 2, Спб., 1786 года, стр. 171) «в Подпускной стране находятся по ту сторону Иртыша, несколько верст от берега, развалины древнего из кирпича построенного здесь, на Иртыше, под именем Калбасунские башни известного молитвенного дома. Я бы, конечно, не упустил осмотреть и описать оного, если бы буйные казаки, под видом незнания, не скрыли от меня прямого ее положения, так что я в Семиярской станице, но уже поздно, сведал, в котором месте я оную миновал».

[1] По словам авторов «Сведений о дико-каменных киргизах» («Записки р. геогр. общества», 1851 года, кн. 5, стр. 149) «недавно на р.Шамси, впадающей в р. Чу, недалеко от кокандского кургана (т.е. крепостцы) Токмак, на развалинах древней башни, называемой Мунар, найден глиняный кувшин, наполненный медною монетою величиною в копейку серебра».

не полевой, а долговременной фортификации, который, может быть, был свидетелем не одной кровавой драмы древнейшей эпохи. Предположение это подтверждается еще найденными там военными принадлежностями. Так, между прочим, не особенно давно здесь найден был металлический шлем таких громадных размеров, что его могли вынести плечи и грудь только какого-нибудь гиганта по росту и силе»...[1]

«При устье Туба на южной стороне этой реки Голубеву указывали остатки вала, едва, впрочем, заметные. От этих развалин вверх по долине Туба, по дороге, которою мы шли, попадаются каменные грубо вытесанные параллелепипеды с изображением наверху человеческого лица. Они как будто правильно расставлены».

Близ дер. Сливкиной, в ущелье р. Кызылсу, «на склоне горы, находится древнее мусульманское кладбище с надгробными памятниками, в виде валунов, имеющих арабские надписи. Два из этих камней находятся в саду при доме иссык-кульского уездного начальника в Караколе, куда камни были привезены с р. Кызылсу. Размеры этих камней: одного - высотой 58 сантиметров и шириной 38 сант. Другого - высотой 81 сант. и шириной 32 сант. На этом последнем камне надписи сбоку и по обеим сторонам его изображения - украшения. Надписи на камне арабские, снимки, с них сделанные мусульманским муллой, представлены в археологическую комиссию»[2].

Существуют еще остатки укрепления при спуске с перевала Кызыл-кия в долину р.Туп. Стены этого укрепления выложены из камня на извести»[3].

«В 1847 г. на древних развалинах по течению р. Каракола найдено в земле 96 серебряных монет, величиною в наш полтинник, с татарской надписью»[4].

В 1877 г. г. Вл. ф.-Г. «снял надпись с камня, найденного полк. Шкапским на р. Чильпек, близ Каракола, где находится, по-видимому, древнее кладбище... Прочитать... никто в Караколе не мог, так как там не было мулл, достаточно знакомых с арабским языком»[5].

Есть следы «больших древних укреплений» при устье р. Джеты-Огуз, близ горы Оргачер, в 30 верстах от г. Каракола и на р. Байсауру, по северному ее берегу, близ гор и в стороне от кочевной дороги»[6].

По словам г. В. ф.-Г. «значительнейший из виденных им древних арыков находится в ущелье р. Тамги... На берегу р. Тамги расчищена от огромных камней дорога, шириною около трех сажень, которая ведет в горы... Проведение приписывается ки-

[1] «По окраине (от Ташкента до Каракола), путевые очерки», СПб., 1892 г., стр. 140. Автор, как можно заключить из некоторых мест книги, был на Иссык-Куле в 1886 году.
[2] «Восточное обозрение», 1886 года, № 50.
[3] «Археологические памятники в Семиречьи и кульджинском крае в «Турк. ведомостях» 1879 г., №43
[4] «Сведения о дико-кам. киргизах в «Записках геогр. общ.», 1851 г., кн. 5, стр. 149. На стр. 140 авторы этой статьи упоминают глухо о развалинах древних укреплений, следы которых видны и ныне».
[5] «Семипалат. обл. ведомости», 1890 г., стр. 372.
[6] «Археологии, памятники в Семиречьи» и пр.

тайцам. На камнях на этой дороге есть надписи, которые (калмыцкие) ламы прочли «Ом-мани-пад-ме-кум»[1].

«Между р. Тамгой (верст 7 от нее) и Тосором наткнулись на остатки древней крепости. Она состоит из двух четырехугольников, большого и малого. Остался один вал и основания существовавших когда-то башен; вал глинобитный... Оба редута имеют сообщение посредством узкой траншеи»[2].

В долине р. Тона «громадная глинобитная стена перегораживает путь... Кое-где заметны большие отверстия, вероятно ворот...И тянется такая стена ломаною линиею направо и налево, пока не уперлась обоими концами в горы... Киргизы говорят, что (эта) крепость принадлежала китайцам. Этому, пожалуй, можно поверить... За первой стеною шел второй вал, когда-то высокий, за ним тянутся несколько десятков расположенных в два ряда редутов (?); все они четырехугольной формы и направлены в сторону моря. Позади этих сооружений едва заметна задняя стена, распаханная и засеянная киргизами. Глубокие рвы и ямы видны на каждом шагу... Одно можно сказать, что крепость была первоклассная и могла вмещать несколько тысяч войска»[3]. По описанию той же местности г. В. ф.-Г. «близ р. Тон... построена была глинобитная стена, которая ... была вышиною не менее пяти сажен. Длина доходит до 950 сажен, по промеру, сделанному мною при помощи ленты... При впадении же в р. Тон речки Карасу, по обеим сторонам этой последней, находятся следы большого селения, с цитаделью в 700 сажен в окружности. В стенах цитадели четверо ворот. Следы селения занимают пространство земли, которое может быть окружено линиею не менее 15-20 верст... С высоты крепостного вала, по некоторым возвышениям, оставшимся от развалин вероятно бывших построек, можно даже усмотреть направление многочисленных улиц цитадели и окружавшего ее селения»[4].

«Есть остатки вала, в виде четырехугольника (97-86 шагов, на левом берегу реки Алабаша»[5].

В 1877 году, спустившийся с сырта ущельем Тосор и прошедший потом в долину р. Ходжи, г. Фетисов видел в последней «две земляные крепостцы, курганы, несколько

---

[1] «Семипалат. обл. ведомости», 1890 г., стр. 371. По статье «Арх. памятники» и пр. «в ущелье Тамги, на южном берегу озера, находится огромный камень, также с рельефными (?) надписями». Вид его со снимком надписи был представлен для казанского съезда.

[2] Н.Сорокин. «Путешествие по р. Тяньшаню в 1884 г.» в «Изв. геогр. общества», 1885 г., стр. 119.

[3] Н.Сорокин «В горах и долинах Тяньшаня» в «Историческом Вестнике» 1886 года, июнь, стр. 634. Тот же автор в «Путешествии по Р. Тяньшаню» («Изв. геогр. общ.», 1884 г., стр. 120), говорит об остатках огромной крепости с верками и выходящими углами, направленными к горам... Внутри большого четырехугольника ... два редута»...

[4] «Семипалат. обл. вед.», 1890 г., стр. 371. В «Записках Академии наук» (т.67, кн. 2, стр. 88) упоминается о получении в сентябре 1891 г. из И. археологической комиссии «двух камней с арабскими надписями, найденных врачом Поярковым в долине р. Тон».

[5] Проф. Сорокин «Путешествие по р. Тяньшаню», стр. 120. Далее на стр. 121 тот же автор говорит: «Здесь же я нашел несколько кусочков какого-то шлака, лежавшего на поверхности земли между каменьями... Не походит ли он на тот пористый камень, который найден на Сусамыре бароном Каульбарсом («Материалы», стр. 347). По анализу, произведенному в Ташкенте, оказалось, что камень этот есть лава. К сожалению, в 1870 году этот загадочный шлак был утерян».

высеченных из камня уродливых статуй и поставленные стоймя камни с какими-то высеченными на них китайскими надписями; эти надписи, однако, уже значительно выветрились, так что нельзя было скопировать их и бывший при нас китаец, слуга г. Регеля, не мог разобрать ни одного слова»...[1]

У барона А.В. Каульбарса («Записки географического общества, по общей географии», том 5, 1875 года, стр. 347) говорится: «На дне р. Каракола или западного Сусамыра я нашел пористый камень, который по химическому качественному анализу, сделанному в Ташкенте, оказался куском лавы или шлака. Быть может когда-то в Александровском хребте был ныне потухший вулкан. Такие куски в этом месте встречались довольно часто. Найденный экземпляр был отправлен мною в С.Петербург на выставку 1870 года, но, к сожалению, дорогою был утерян».

«Не доезжая одной или полторы Береты до оз. Иссык-Куля, в долине Бар-булак, мы встретили следы старого китайского города; местами виднелись глинобитные стены, которые и теперь еще имеют аршина полтора вышины над землею, все остальное уже представляется кучами земли, смешанными с различной величины черепками домашней глиняной посуды и кусками костей животных. Тут же, на северной стороне этого разрушенного городка, возвышается большой курган, имеющий четырехугольную форму; ...г. Регель был на нем и у подножия его видел сваленный камень, из которого выдолблена человеческая фигура монгольского произведения (?)»... На другой день, верстах в десяти, «мы собрали много черепков глиняной посуды, которая нисколько не отличалась формою, искусством выделки и качеством материала от тех кусков, которые найдены нами в разрушенном древнем городке на долине Бар-булак и, как видно, принадлежали одному времени. Здесь на берегу также много было выброшено волнами озера человеческих костей и черепов; по словам туземцев это остатки человеческих трупов, которые были погружены в озеро буддистами, вместе погребального обряда... К вечеру мы успели обогнуть и западную часть озера до Кутемалды»[2].

По Голубеву, «близ впадения Кегеня в Каркару, находятся следы старинного вала; он так разрушен, что ни фигуры, ни величины вала определить нельзя. На карте Средней Азии, составленной по китайским источникам г. Захаровым, показано несколько снятых китайских пикетов, вверх и вниз по Каркаре, от устья Кегеня; один из них показан на том именно месте, где я видел остатки вала. Вероятно, эти пикеты были построены по покорению Джунгарии китайцами, вместе с началом колонизации, в конце прошлого столетия, для удержания черных киргизов от набегов»[3]. О том же, по-видимому, вале г. Городецкий (1888 г.) пишет: «Верстах в семи от постоялого двора на р. Кегене, близ реки, у дороги, «видны следы крепости, представляющей теперь гладкий, поросший травой, без камней, четырехугольный вал, стороны коего - 15 и 20

[1] «Экскурсия в горы заилийского, Терской и Кунгей-Алатау» в 1877 г., «Турк. ведомости» 1878 г., №4.
[2] Там же.
[3] «Записки р. геогр. общества», 1861 года, кн. 3, стр. 92.

сажен приблизительно». Тот же Д.В.Городецкий нашел у одного киргиза на р. Кегене, на прямом пути из Чунджи или Подгорного в выс. Охотничий, кирпич с надписями, по-видимому, такими же, как и на известных у Пишпека найденных камнях»[1].

Конечно, в этот перечень городищ и развалин, попавшихся более или менее случайно путешественникам, вошли далеко не все следы былой оседлости на Иссык-Куле. По словам г. ф.-Г. «по всей Иссык-Кульской долине много крепостных валов,... свидетельствующих о бывшем довольно густом народонаселении края, во время владычества китайцев, которым приписывается (кыргызами) постройка крепостей... Укрепления средних размеров (от 200 аршин в стене) имеют по двое ворот, а большие крепости, как на Тоне и Нарынколе (на Текесе?) - по четверо ворот»[2]. Нынешние кыргызы, как упоминалось выше, думают, что древние постройки, городища и арыки принадлежат китайцам[3], но мы хорошо знаем из свидетельств китайских историков и путешественников, что Китай никогда не заводил поселений и укреплений и вообще не утверждался прочно в западном Тяньшане. Единственный городок с китайским населением, встреченный Сюань Цзаном в 630 году близ Таласа, был заселен пленными китайцами. Даже в Илийской долине первые китайские поселения возникли во второй половине XVIII столетия после покорения чжунгаров. Отсюда ясно, что под ктай'цами кыргызских преданий следует разуметь не китайцев, а киданей. В самом деле, имя Китай для Срединного государства появилось у западных его соседей только со времени завладения северной его половиной киданями. Это - тюркское извращение имени кидань, перешедшее впоследствии в Персию и в восточную Европу, между прочим, в Россию, где и осталось поныне именем Срединного государства. Народ Елюй-Даши и его государство сохранили свое национальное имя кидань или ктай, но для отличия от настоящих киданей и от китайцев средне-азиатцы прибавили к имени кидань слово кара, означающее черный, простой[4]. Эта приставка совсем не имеет в виду означать какой-либо особо черный цвет западных киданей или какие-либо дурные их качества. Она выражает только, что это младшая, меньшая, вообще низшая часть многолюдного, богатого, высоко цивилизованного племени. Так и теперь у

---

[1] «Томские университетские известия», книга I, отдел 2, Томск, 1889 г., стр. 32 и 49. По рассказу киргиза «кирпич был найден у крепости, недалеко от этой местности, на Кегене, но где именно объяснить не мог». Кирпич г. Городецкий обещался выслать в томский музей.

[2] «Семипалат. обл. вед.», 1890 г., стр. 370 и 371.

[3] У кыргызов (аульеатинского уезда) на Таласе древние постройки приписываются калмыкам, которые, по некоторым, ушли 300 лет тому назад. («Предания из калмыцкого времени у современных кара-киргизов аульеат. уезда» А.Вышнегорского в «Трудах сыр-дарьинского обл. статистич. комитета», т. I, 1888 г., стр. 2). «Недалеко от г. Оша, верстах в четырех, находятся остатки укреплений, относимых туземцами еще ко времени калмыцкого владычества... Иногда выкапывают из земли стенные кирпичи темного цвета». (Турк. вед., 1887 г., № 3). Тут под калмыками надо разуметь монголов, если не кара-киданей.

[4] По арх. Палладию («Замечание о названии Харакитай» и пр. в «Известиях геогр. общества», 1874 г., стр. 354) «название Харакитай - происхождения монгольского; монголы придавали его западным киданям, известным в китайской истории под именем силяо». Едва ли это так. Напротив, вероятнее, что имя ктай, испорченное кидань, пошло на запад через посредство ближайших соседей киданей кераитов и других тюрков, и что имя кара-кидань или кара-китай дано западным киданям тюрками, а не монголами, которые появляются на исторической сцене лишь спустя столетие, когда имя кара-киданей кончено давно уже утвердилось. По крайней мере, это имя уже употребляется гиньцами в форме хэ-кидань, т.е. черные кидани.

местных тюрков илийские и кашгарские китайцы, не принадлежащие к классу чиновников и к войску, суть кара-китай'цы[1].

Разумеется, не все поселения на Иссык-Куле возникли при кара-киданях, потому что некоторые уже существовали во время тукиюесцев, на Таласе же и на Чу были вероятно города еще до усуней, но только при киданях оседлое население во всех этих местностях достигло наибольшей густоты и процветания, водворялось на многих новых местах и украшало и расширяло существовавшие уже селения и города. При монголах все это погибло и вероятно через полтора столетия только после падения кара-киданьского царства на Таласе, на Чу и на Иссык-Куле остались одни развалины.

[1] Имя кара-китайцы попадает даже в нынешние официальные наши сведения. Так в проекте Всеподданнейшего отчета ген. фон-Кауфмана (СПб., 1885 г., стр. 29) упоминаются в кульджинском районе 3.500 душ кара-китайцев: это просто китайцы, уцелевшие в Кульдже от общей резни. Так и у Путимцева, бывшего в Кульдже в 1811 году, В.В.Григорьев («Восточный Туркестан», вып. I, стр. 399) напрасно предположил киданей: кара-китайцы Путимцева просто китайцы (не чиновники и не солдаты), составляющие и поныне вместе с дунганами, китайское население Суйдуна (Кашмира, «Дневник записей» Путимцева, СПб., 1819, стр. 59).

Глава девятая

ЗАПАДНЫЙ ТЯНЬШАНЬ И КЫРГЫЗЫ ПОД ВЛАДЫЧЕСТВОМ ДЖАГАТАИДОВ

1. Джагатаиды до Тамерлана (1227-1364 гг.)

Удел Джагатая и его «коренное» войско. Состав армии из ополчений местных тюркских кочевых родов и значение этого обстоятельства. Преемники Джагатая. Отражение в Джагатаевом улусе борьбы за престол великого каана между Арык-бугою и Кубилаем. Каиду и подчинение им Джагатаева улуса. Падение каидуидов и присоединение их владений к Джагатаеву улусу. Общий характер владычества Джагатаидов в Мавераннагре по д'Оссону. Известия Ибн-Батуты. Сведения Хондемира. Католические миссионеры в Армавлеке. Туглук-Тимур и принятие мусульманства. Китайские сведения о преемниках Дуахана. Даты Джагатаидов по Оливеру. Согласование разноречивых сведений о Джагатаидах после Исень-буги. Подчинение Мавераннагра Туглук-Тимуром. Сведения Димашки о странах, прилегающих к западному Тяньшаню. Сведения о странах, прилегающих к западному Тяньшаню, Димашки. Рашид-эддин о Сайраме. Нынешние легенды о Сайраме.

Туркестан и Мавераннагр составили удел второго сына Чингиз-хана Джагатая и его потомства. Надо думать, что удел этот был дан, в некоторой части своей, уже во время похода Чингиз-хана на запад, потому что, как мы видели, в 1223 году, главный зодчий Джагатая приглашал Чан Чуня освятить три жертвенника, устроенных, вероятно, для китайских мастеровых в «местопребывании»[1] царевича, где производились уже стало быть постройки.

По Рашид-эддину, из армии отца Джагатаю досталось 4 т. человек, наравне с Джучи и Угэдэем. «Коренное войско Джагатая и детей его ... были эти четыре тысячи, которые размножились нарождением и поколением (?); возможно также, что к ним присоединились какие-нибудь племена из родов других монголов». Из тысячников приведены имена Берулатая Хараджара (в другой транскрипции Караджар или Карачар), из племени берулас, и Мука-нойона, который был из племени джалаир; имена остальных двух тысячников не сохранились[2]. Можно предполагать, что люди

---

[1] Это «местопребывание» находилось на левой стороне р. Или, так как Чан Чуню предстояло снова переправиться через эту реку, чтобы попасть в «местопребывание». По Джувейни (в переводе Дефремери: Journal asiatique, 1852, t. XX, p. 399, 400), Джагатай «весною и летом пребывал в Алмалике и Koutak'e (следует читать, вероятно, Кут-Таг, т.е. счастье-гор), которые в эти времена года походят на сады Ирема. Он вырыл в их окрестностях большие пруды, которые монголы называют Gucil, т.е. озеро, чтобы на них собирались водяные птицы. Он построил деревню по имени Кила (Kila). Зимы проводил он в Merosik 11a. Он расположил на всей дороге (какой? между летней и зимней резиденциями или между резиденциями Джагатая и Угэдэя?) запасные склады, съестные припасы и напитки» У Д'Оссона (t.I, p. 107). «Джагатай обыкновенно проводил лето в стране Алмалига, в соседстве великих гор Кок (Queuk) и горы (Cout), местность <...>.

[2] «История Чингиз-хана», в переводе професс. Березина, 1888 г., стр. 144 и 145. Из тысячников, данных Угэдэю, сохранились имена Илукея, из племени джалаир, Иликтая Ака-ильджиктэя, из кости тамгалык племени сулдэс, и Дайра, из племени хонгкоит. Могкэ-каан отобрал все коренное войско у наследников Угэдэя, кроме того, что принадлежало Кутэну (Там же, стр. 146).

каждой тысячи, по крайней мере, в большинстве, состояли из родовичей тысячника. Действительно, баруласы впоследствии часто упоминаются в истории Мавераннагра и к этому роду принадлежит напр. Тамерлан, считавшийся потомком Карачара. Джалаиры и теперь встречаются в разных местностях Туркестана, но главная масса кочевников, сохранившая это родовое имя, обитает ныне в числе 10 т. кибиток на р. Каратале в Копальском уезде. По «Юань-чао-ми-ши», Чингиз-хан, по-видимому, еще до похода на запад, «уделил из покоренных народов часть матери своей, младшим братьям и сыновьям; Джучи было дано 9 т. домов, Чаадаю - 8 т., Огэдаю - 5 т., Тулую - 5 т. домов[1]. Мне кажется, что это сведение не находится в разногласии с известием Рашид-эддина. У последнего идет речь о войске, монголо-китайская же летопись говорит о данниках или удельных имуществах, которыми члены дома Чингиз-хана наделялись в завоеванных странах. Так, напр., Джагатай и Угэдэй имели такие имения в Китае[2], 5 т. жителей Бухары принадлежало роду Батыя, 300 - жене Тули[3] и пр. Конечно, четырехтысячный коренной полк[4] Джагатая мог размножиться путем естественного нарождения, но для этого нужны были значительное время и благоприятные условия. А так как, напротив, обстоятельства сложились так, что небольшой полк Джагатая, состоявший притом в большей или меньшей части не из коренных монголов, а из едва начинавших омонголиваться тюрков, каковыми были джалаиры, - попал в среду многочисленных тюркских кочевников, то, надо полагать, что, во-первых, вместо омонголивания местного населения произошло со временем постепенное отуречение монгольской гвардии джагатаидов, и, во-вторых, уже при Джагатае большая часть армии должна была состоять из местных тюрков[5], а в Мавераннагре даже частью из

---

[1] «Труды духовной миссии в Пекине», т. 4, 1866 г., стр. 133.

[2] D'Ohsson, t. II, p. 30. См. также Bretschneider - Notices, 1876, pp. 103, 104.

[3] Вамбери «История Бохары», т. I, 1873 г., стр. 167, по Вассару.

[4] Перечисляя, по Рашид-эддину, состав армии Чингиз-хана во время нахождения его в Мавераннагре, Эрдман («Журнал Мин.нар.просвещ.», часть 44, 1844 года, стр. 85) упоминает полки Чучи-хана, Чагатай-хана, Угетай-хана, по 4 т. каждый.

[5] Если бы в первые годы правления Джагатая войско его ограничивалось его коренными четырьмя тысячами, в таком случае было бы весьма вероятно, что известие Плано Карпини об экспедиции против кергизов относится к тяньшанским кыргызам, а не к черкесам, как это общепринято. По словам этого путешественника (см. «Собрание путешествий к татарам» Языкова, Спб., 1825 года, стр. 159), «в то же время (перед этим рассказывалось об отправлении армии против России, Польши, Венгрии и пр.) Оккодай послал Цирподана с войском на юг против кергизов (Kergis), которых он и победил. Сии люди идолопоклонники, не имеющие на бороде волос. У них такой обычай, что если у кого умрет отец, то в знак печали вырезывает он у себя на лице как бы ремень от одного уха до другого. Победив их, пошел на юг против арменов». Под именем Цирподана (в некоторых рукописях Chirpodan, как видно из Recucil des voyages, pull, parlen societe de Geographie, Paris, t. IV, 1839, p. 678) со времен Дегиня разумеется Чармагун: по известиям мусульманских писателей, весною 1229 года, на том же курултае, где Угэдэй признан был великим кааном, решено было, чтобы армия в 30 т. ч., под начальством нояна Чармагуна, отправилась в Персию против возвратившегося туда из Индии султана Джелаль-эдцина, а другая, под предводительством Гюектая и Суботая, выступила для покорения Kunra и булгар, которое возложено было Чингизом на Джучи, но им до смерти не выполнено (D'Ohsson, t. II, p. 15). Д'Авезак, которому принадлежат наиболее обстоятельные комментарии к путешествию Плано Карпини, полагает, что под кергисами тут надо разуметь черкесов, а не киргизов, хотя и признает, что «рассказы небольшого числа восточных историков, которые доселе обнародованы, недостаточно подробны, чтобы дать нам полную уверенность, что черкесы, о которых тут упоминается, ...подверглись нападению Чармагуна», тем более, что Плано Карпини черкесов «в относящихся до них местах именует чиркасами (circasi)», и кергизов в исчислении покоренных монголами народов называет особо от чиркасов (Recucil des voyages, t. IV, pp. 568, 569, 708, 709). Если бы армия Джагатая ограничивалась его четырьмя тысячами, то поручение Чармагуну усмирить, на пути в Персию, отказывавшихся, быть может, подчиняться Джагатаю Тяньшанских кыргызов было бы невероятно,

сартов и таджиков. На значение тюрков указывает известие Джувейни о том, что «визирем у Джагатая был тюрк по имени Хеджир, который возвысился в конце его царствования и был уполномочен управлять государством»[1].

В первые три-четыре десятилетия после смерти Чингиз-хана, пока не ослабевала связь между частями основанного им государства, в Джагатаевом улусе отражались перемены владык Монголии и Китая. Великие кааны назначали правителями Джагатаева улуса своих сторонников из дома Джагатая, не встречая никакого сопротивления. Местные тюркские племена находились еще под свежим впечатлением силы монголов и покорно исполняли веления великого каана и назначаемого им хана. Современников поражали тишина и спокойствие во время правления Джагатая: «одинокая женщина с золотым кувшином на голове могла идти всюду, не боясь ничего»[2].

По смерти в 1242 году Джагатая престол его мирно занял предназначенный им, с одобрения Чингиз-хана и Огэдэя, в преемники внук его, сын убитого под Бамианом старшего сына Мутугана, малолетний Кара-Гулагу. Около 1247 года, по повелению великого каана Куюка, Кара-Гулагу послушно уступил престол свой дяде Иссу-Мангу. Новый великий каан Мангу, или Мёнгкэ, около 1252 года снова возвратил Джагатаев улус Кара-Гулагу, а за смертию его утвердил ханский престол за малолетним его сыном Мубарек-шахом, под регентством матери Органы. В 1261 году, по воле Арык-буги, присвоившего себе достоинство великого каана по смерти Мангу, Органа передала власть его стороннику Алгу. Этот ставленник Арык-буги, однако, вскоре перешел на сторону старшего брата Арык-буги Кубилая, когда его соблазнили собранные комиссарами Арык-буги в его владениях значительные суммы и когда он распорядился умертвить этих комиссаров и овладел собранными ими деньгами, скотом и оружием. Взбешенный его вероломством Арык-буга прекратил борьбу с Кубилаем и в 1262 г. направил все свои силы против Алгу. Алгу разбил «близ города Пулада и озера Сут» (значит между Бороталой и Сайрам-кулем) авангард армии Арык-буги под начальством Карабуги, который был убит, и, считая себя после этой победы в безопасности, спокойно возвратился в свою резиденцию на берегах р. Или и распустил свою армию. Между тем Асутай со вторым корпусом армии Арык-буги «прошел ущелье, которое называют Железными воротами (т.е. Талки), переправился через р. Или (Hile) и овладел Алмаликом и даже частными земельными имуществами Алгу. Последний удалился к Хотану и Кашгару со своим правым крылом, которое еще было не тронуто». К Асутаю вскоре присоединился с остальною своею армиею сам Арык-буга. Он зазимовал «на берегу р. Или в стране Алмалик, тогда как Алгу, к которому понемногу собрались остальные его войска, отступил к Самарканду. Арык-буга провел зиму в

но так как Джагатай, конечно, имел многочисленную армию из тюрков, то предполагать такое поручение Чармагуну нет никаких оснований, а потому упомянутое известие Плано Карпини ошибочно или есть результат каких-нибудь недоразумений или описок.

[1] Journal asiatique, 1852, t. XX, p. 401.

[2] Джувейни в переводе Дефремери (там же, p. 400).

покое, приказав опустошать страну своего врага и убивать всех воинов Алгу, которые попадали в его руки. Эти варварские действия имели гибельные для него последствия. Страна Алмалик испытала в наступившую весну все ужасы голода, причинившего большую смертность[1]. Большинство офицеров Арык-буги, негодуя на бесчеловечие, с которым он обращался с монгольскими войсками противника, которых жребий войны предавал в его руки, решилось его покинуть; они отправились со своими солдатами к царевичу Юрунг-ташу, сыну Мангу, который командовал аванпостами Кубилая в пустыне алтайской и на берегах Джабагана, и перешли на службу к Кубилаю. У Арык-буги осталась только горсть войска. Зная, что Алгу не оставит воспользоваться его слабостью для нападения, он послал к нему Органу и Масуд-бека с предложениями о мире». Оставшись без армии и без средств, Арык-буга отдался в 1264 году на волю Кубилая; он умер в 1266 году[2].

[1] Между тем Туркестан и особенно Алмалик славились плодородием почвы и многочисленностью скота. «По сообщенным мне лично двумя шейхами..., родом из Ходжента, ...сведениям, если бы в некоторые годы смертность не опустошала стада лошадей и баранов в области Алмалик, то нельзя было бы распродать этих животных за недостатком покупателей: столь они были многочисленны и столь производство их обильно», - писал во второй половине XIV века Димашки (в переводе Катрмера, Notices et extraits da monuscrits de la bibliotheque du rai, t. XIII, p.245).

[2] D'Ohsson - Histoire des Mongols, t. II, pp. 204, 271, 350-359. По любопытным извлечениям из биографии Елюй-Хиляна, внука Елюй-Цуцая, помещенной в 180 книге «Юань-ши» (Бретшнейдера Notices etc., 1876, pp. 228 - 233), этот Хилян был вместе с матерью арестован в 1260 году в провинции Шань-си сторонниками Арык-буги за приверженность отца его Кубилаю. Будучи увлечен затем в бегстве разбитых противниками войск Арык-буги на запад, Елюй-Хилян попал в Бэйт'ин-духуфу (Урумчи) и оттуда в 1261 году, через Джан-ба и Ma-na-sze, достиг Ye-mi-li (Имиль). «Этот город был столицей удела Тин-цзуна (Куюк-хана). В это время младшая сестра шестой императрицы была регентшей в этой стране (Бретшнейдер полагает, что это Органа). «Зимою того же года Хилян перебрался в местность Huo-bu и в 1262 году, вероятно, отсюда, сопровождал покровительствовавшего ему царевича Хоху, младшего сына Куюка, в местность Худжир (Hu-dji-r). По Бретшнейдеру, в биографии Суботая упоминается подобная местность: он возвращался с запада, по окончании войны, дорогою через Емили и Хо-джи. Я уверен, что Хуобу соответствует нынешнему Кобуку, а Худжир или Ходжи, - нынешняя местность при р. Канды-су в восточном Тарбагатае (см. ниже о восьмом походе Тимура). В это время было получено известие, что Алгу, убивший присланного Арык-бугою офицера, желает поддаться Кубилаю. Затем царевич Хуху возвратился на Емили. В 5 месяце 1262 года армия Арык-буги заставила царевичей Алгу и Хуху отступить на запад на 500 ли. Елюй-Хилян (должно быть даже в бегстве) достиг страны Bu-lie sa-li и в 6 месяце - местности Huan-dja-sun, прошел через город Bu-la (Бретшнейдер отождествляет с Пуладом) и далее на запад, через 600 ли, прибыл к горе Che-che-li-tse-la. Регентша (Органа) с тяжелыми вьюками, а также мать и братья Хиляна отстали. Хилян, следуя на верховых лошадях, достиг через 200 ли города Ch'u-bu-r и через 100 ли отсюда прибыл в город Ye-li-k'ien. Тут он присоединился к Алгу и Хуху, которые, соединив свои силы, возвратились в город Була и напали там на Карабугу, который был разбит и лишился жизни. В 11 месяце Хилян, неизвестно по какому случаю, прибыл в страну Yu-i-sze-kuan (по мнению Бретшнейдера, Узкенд) и в 1263 г. достиг Koa-shi-ha-li (Кашгар). В 4 месяце напали на войска Кара- буги (за несколько месяцев перед тем убитого?) близ города Hun-ba-sheng. В это время мать Хиляна находилась при королеве-регентше, которая проводила лето в горах A-ti-ba-sheng (Бретшнейдер допускает, что это Атбаши). Между тем по просьбе отца Хиляна Кубилай послал Алгу и Хуху с курьером приказание выслать к нему Хиляна. В 6 месяце он проехал через город Ku-sien (Куча), достиг Хараходжо и J-chou (Хами), пересек пустыню и в 8 месяце представился императору в летней его резиденции в Шанду. При всей скудости и смутности своих сведений биография Елюй-Хиляна вообще подтверждает изложенные по д'Оссону известия мусульманских писателей. Хотя биография эта умалчивает о причине удаления Хиляна к началу 1263 года в Кашгар, но при соображении с мусульманскими историками ясно, что его загнали туда вместе с Алгу успехи войск Арык- буги. Известия биографии о нахождении Органы в 1261 году на Имиле и летом 1262 или 1263 года на Атбаше не сходны со сказаниями мусульманских историков, по которым, «будучи вынуждена уступить Алгу управление улусом Джагатая, Органа отправилась к Арык-буге с претензией на отнятие у нее власти, по его приказанию, и находилась еще в его лагере», когда измена войск заставила Арык-бугу искать мира с Алгу и послать к нему Органу для переговоров (D'Ohsson, t. II, p. 355).

По удалении Арык-буги Алгу пришлось защищаться от Каиду, пользовавшегося поддержкой улуса Джучиева. Алгу был побежден в первом сражении с Каиду, но во втором одержал победу. Вскоре затем Алгу умер[1], и государем Джагатаева улуса сделался Мубарек-шах, но Кубилай назначил ему в соправители Борака, который лишил его всякого участия в управлении. Бораку также пришлось защищать свой улус от притязаний Каиду. Сын Коши, сына Огэдэя, Каиду сначала держал сторону Арык-буги против Кубилая; после подчинения Арык-буги Каиду удалился в свои наследственные земли на Имиле[2], сформировал собственную армию, приобрел дружбу членов дома Джучи и подчинил себе соседние с Имилем земли. Уклоняясь под разными предлогами от явки к требовавшему его к себе Кубилаю, Каиду в 1268 году объявил себя великим кааном, как глава дома Огэдэя, законного наследника Чингиза. В сражении на берегах Сыр-дарьи Каиду был разбит Бораком, но по получении помощи в 50 т. человек из улуса Джучи Каиду в свою очередь побил Борака. Последний весною 1269 года, «на лугах Таласа и Кунджука», признал верховенство Каиду, сохранив в своем обладании две трети Мавераннагра. Земли к северу от Сыр-дарьи перешли в руки Каиду. Назначенный, по смерти Борака в 1270 г., его преемником Никбай возмутился против Каиду, но был побежден и убит. На его место Каиду назначил Тока- Тимура, а по смерти его возвел на трон Джагатаева улуса Дуа, сына Борака. Дуа был верным сторонником Каиду до самой его смерти и принимал участие в больших походах, которые предпринимал он в 1275 году против Кубилая ив 1301 году против его преемника Тимура. По смерти Каиду, при возвращении из последнего похода, Дуа доставил его трон старшему его сыну Чабару и склонил его примириться с великим кааном Тимуром. Но согласие между Чабаром и Дуа было непродолжительно. В начавшейся между ними войне сначала Дуа одержал верх в сражении между Ходжентом и Самаркандом, но второе столкновение было благоприятно для Чабара. Заключив после того перемирие, Дуа напал врасплох на войска противника и опустошил его земли; «Талас, Бенеки, Кунджук, Джекель были разрушены»[3]. В то же

---

[1] D'Ohsson, t. II, p. 355. По Хондемиру (в переводе Дефремери. Journal asiatique, 1852, t. XIX, pp. 92, 93), «год спустя, в 662 (1263 - 1264) г. он умер естественной смертью, процарствовав четыре года».

[2] В «Юань-ши» под 1252 г. значится, что император Мангу повелел Хайду жить в стране Хайя-ли, т.е., полагает Бретшнейдер, «в Каялыке, где несомненно был его первоначальный удел» (Mediaeval Researches, II, p. 36).

[3] Это известие взято Д'Оссоном (t.IV, p. 557) у Вассафа. По Димашки, «от Самарканда до Янги считают 20 дней пути. Янги состоит из четырех городов, отстоящих один от другого в расстоянии одного фарасанга. Каждый из них имеет особое имя. Один называется Янги, другой Янги-балик, третий Кенджек и четвертый Талас. От Янги до Алмалика считают 20 дней ходу; от Алмалика до Караходжа и отсюда до первого города в Катае Ганьчжеу сорок дней и оттуда до Ханбалика тоже сорок дней». Ибн-Арабшах в «Истории Тимура» упоминает о г. Янги-Талас в Туркестане, помещая его в 15 днях от Сайрама. Джувейни лично проезжал через Тараз в свите правителя Персии Аргуна.

У Хайдер-рази упоминается «луг Таласа и Кенджека, которые простой народ называет Mezki и Taraz» (по Катрмеру в Notices etc., t. XIII, pp. 224-226). По «Тарихи-Рашиди» (писана в 1541-1546 гг.), «есть еще один город, о котором говорится в книгах, - Тараз; в них значится, что монголы зовут Тараз - Яны. Яны это - местность, известная в Моголистане; в Мавераннагре много людей из Яны; всех их зовут янылык. На той полосе, которая зовется Яны, сохранились следы нескольких городов; там остались признаки сводов, минаретов, монастырей и медресе; но неизвестно, который из этих старинных городов был именно Яны и как звались прочие города» (Вельяминов-Зернов «Исследование о касимовских царях и царевичах», ч. 2, 1864 г., стр. 155 и 156).

По «Отчету И. археологической комиссии за 1890 год» (Спб., 1893 г., стр. 77 и 78), на основании сведений, доставленных Е.Ф.Каль, бывшим на месте для археологических исследований, «верстах в 25 от Аульеата,

время армия каана Тимура перешла Алтай, чтобы напасть на Чабара, который стоял с 10 туманами в стране Иртыша и Актага. Накануне сражения Чабар был покинут царевичами своего дома и вынужден был с 300 всадниками искать убежища у Дуа». Дуа принял его с почетом, но овладел его землями и восстановил почти в прежнем объеме древнее царство Джагатая, раздробленное Каиду. По смерти Дуа в 1306 году, место его занял сын его Кунджук. По кончине его овладел престолом Талику, принадлежавший другой ветви Джагатаева дома и принявший мусульманство. Он вскоре, в 1308 г., был убит военачальниками, которые возвели на престол Кебека, сына Дуа. На него нападал, в союзе с другими царевичами Огэдэева дома, Чабар, но был разбит, с остатками своих войск «перешел р. Или и нашел убежище во владениях» великого каана. На собранном после отражения Чабара курилтае царевичи дома Джагатая решили возвести на трон Джагатая старшего брата Кебека Иссень-бугу, который находился в это время при дворе великого каана. «Эти кровавые распри между царевичами ветвей Оготая и Джагатая, - заключает д'Оссон, - причинили разорение Туркестана и уничтожили задатки благосостояния, которое при хорошем управлении Масуд-бега начало было возрождаться в Трансоксиане. Благосостояние не могло быть прочным в странах, подверженных хищничеству тюркских и монгольских кочевников, которые, смотря на плоды промышленности как на свою добычу, только поджидали случая отнять их у мирных владельцев. Едва лишь, после нескольких лет мира, город или местность делались цветущими, как богатства их привлекали все язвы войны. Обитатели городов и селений постоянно были заняты возмещением причиненных им ущербов, но для того лишь, чтобы дать новую добычу окружающим их диким ордам. Страна была поделена между членами владетельного дома; каждый из них имел свои земли и свои войска и их малейшие распри порождали гражданские войны. Они все участвовали в избрании государя, но тот, кого они помещали на престол, делался игрушкою главных вассалов, если не подавлял их силою своего характера. Поэтому история Туркустана и Трансоксианы под владычеством Джагатаидов есть лишь ряд картин кровавой анархии»[1].

вниз по Таласу, на самом берегу реки, есть старое городище квадратной формы, каждая сторона которого имеет в длину от 350 до 400 шагов. Это городище носит название Тюймакент. Верстах в 4 ближе Тюймакента следы такой же крепости, но меньших размеров. По словам туземцев, вся долина Таласа, и в среднем, и в верхнем течении, изобилует курганами и древними укреплениями, в которых скрыты будто бы большие богатства. Что в этом сообщении есть доля правды, доказывают довольно многочисленные находки монет, преимущественно илекских (5 века гиджры) и предметов из меди и серебра... Известны несколько медных сосудов, седельные наборы из серебра и около 400 медных и серебряных монет илекских, находящихся у тамошнего (аульеатинского) сарта Акрама».

В «Отчете И. археологической комиссии за 1873 год» (Спб., 1876 г., стр. XXXIII) упоминается о кладе восточных монет, полученных от начальства Туркестанского края. «Он найден в Семиреченской области и состоял из 90 серебряных монет разной величины, чеканенных ханами Джагатаева улуса, в первой половине XIV столетия, в Самарканде, Бухаре, Кише и Отраре. В нем нашлись в первый раз монеты Кепек-хана. Другие монеты из этого клада принадлежат хану Термаширину». Весьма были бы интересны сведения об обстоятельствах и месте находки этого клада. В «Отчете» той же комиссии за 1872 г. (Спб., 1875 г., стр. XXVII) в числе местностей, из которых получены клады, названа Семиреченская область, но что именно найдено и где, «Отчет» не разъясняет.

[1] D'Ohsson, t. И, pp. 360, 361, 450-452, 516-521; t. Ill, pp. 428, 430.

По Хондемиру, «Исень-бука царствовал счастливо, пока не достиг предела своей жизни. По смерти его взошел на престол Кебек. Он скончался в 721 (1321) г. естественной смертью»[1]. Но есть монеты Кебека 722-725 гг.[2], так что хронология Хондемира сомнительна.

По известиям Ибн-Батуты, путешествовавшего в Мавераннагре около 1334 года, властвовал там в это время Алаэддин Термаширин, наследовавший брату своему Ильчагадаю, вступившему на престол после Кебека; этот Термаширин оставил веру своих предков и сделался ревностным мусульманином. После отъезда путешественника из пределов Мавераннагра Термаширин был свергнут с престола за несоблюдение законов Чингиза[3], и обычаев предков, между прочим, за несозыв ежегодных тойев (Ибн-Батута, вероятно, имел в виду курилтаи), на которые собирались все потомки Чингиза ханские жены, эмиры и главные офицеры войск со всех концов государства, для совещаний о государственных делах; ставили также ему в вину непосещение в продолжение четырех лет части государства, смежной с Китаем, тогда как обычай требовал, чтобы государь ездил туда ежегодно, «так как дом его родом оттуда и столицею был город Алмалик». Возведенный на престол вместо Термаширина брат его Бузун стал преследовать мусульман и дозволил христианам и евреям возобновить их храмы. Вследствие этого мусульманские эмиры передались на сторону Халиля, сына Ясаура. Бузун был удавлен тетивами луков. Халиль, из Самарканда,

---

[1] Journal asiatique, 1852, t. XIX, pp. 271, 272.

[2] The Chaghatai Mughals, by E.E. Oliver в Journal of the Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1888, vol. XX, p. 105. По персидским писателям (у D'Ohsson, t. IV, p. 563 - 566), Иссень-бука напал в 1313 г. на армию великого каана Баянту, стоявшую близ Кут-тага, на границе двух государств, под начальством Тугачи-джинсана, но был разбит недалеко от гор Тенгри (не соответствует ли эта гора нынешнему Богдо-ола?). Задержав и приказав умертвить возвратившихся с 70 человеками свиты из Персии послов великого каана, Иссень-бука снова напал на Тугачи и дал второе сражение, продолжавшееся целый день и не давшее решительного результата. Однако Тугачи пошел вперед и занял большую часть территории Иссень-буки. Чтобы вознаградить себя за потери на востоке, государь этот задумал завоевать Хорасан. Армия его под начальством Кебека в 1315 г. действительно овладела Хорасаном и опустошала его четыре месяца, но должна была возвратиться восвояси, «ибо Иссень-бука нуждался во всех своих силах против войск в. каана, которые проникли уже до Таласа и Yssen koul». По китайским известиям, войска Баянту не проникали так далеко, как сообщают, на основании быть может одних ошибочных слухов мусульманские историки. По Гобилю (Histoire de Gentchiscan et de toute Dynostie de Mongols, 1739, p. 249), начальствовавший армией Баянту кипчакский царевич Чоаннгур «одержал две победы над войсками Эссен-буки и преследовал их до местности Джаир (Tchair), соседней с проходом, именуемым Железными воротами». Тут, видимо, идет речь о горах Джаир между Чугучаком и Эбин-нором и о талкинском ущелье. Вдобавок к этим уже достаточно несходным, известиям читаем у Димашки: По словам шейха Ала-эддина бен Номана, «когда Исень-буга, султан Мавераннагра, поднял оружие против великого каана и против хана Кипчака, под предлогом, что он более достоин трона, чем они, и принялся грабить караваны, то великий каан поручил Тактеке, государю Кипчака, наказать этого бунтовщика. Государь Кипчака приказал взять одного человека из десяти и число войск, которые пошли против Исень-буги, превысило 250 т., не считая волонтеров. Каждый всадник обязан был взять с собою двух рабов, 30 штук скота, 5 лошадей, 2 медных котла и телегу для возки оружия. Эта армия разбила Исень-бугу и возвратилась победоносною» (Notices et extraits, t. XIII, p.284). По продолжателю Рашид-эддина войска великого каана, идучи против Иссень-буги, прибыли an campement d'ete de Talas et an campement d'hiver de Isigenl (там же, p. 226).

[3] «Государи этой страны», писал во второй половине XIV века, вероятно на основании сведений, относившихся к более раннему времени, Шегаб-эддин Димашки (Notices et extracts, t. XIII, pp. 237, 238), «как и государи Китая, выказывают более живую (чем владыки Ирана и Кипчака) привязанность к законам этого государя (Чингиз-хана) и к правилам, им изданным; сверх того они ревностнее заботятся о правосудии в своих государствах... Между жителями этой страны, те, которые издавна исповедывают ислам, будучи подвластны этим государям-идолопоклонникам, пользовались уважением и не испытывали никаких притеснений ни лично, ни имущественно».

отправился в страну Алмалик. Тамошние татары, под предводительством одного из своих, встретили Халиля в расстоянии трех дней пути от Алмалика, близ Тараза. Сражение было горячее и упорное. Наконец визирь Халиля Ходавенд-заде с 20 т. мусульман атаковал с такой энергией, что «татары» не устояли и обратились в бегство, потеряв своих убитыми. Халиль остановился на три дня в Алмалике и потом отправился преследовать и истреблять тех, которые остались в живых, но они покорились ему...[1]. Оставив в Алмалике часть своего войска с визирем Ходавендом, Халиль возвратился в Самарканд и Бухару, начал вскоре войну с владельцем Герата Хусаином, был разбит и пленен. Ибн-Батута видел его в плену, по возвращении из Индии, в апреле 1347 года[2].

По Хондемиру, племянник Термаширина Бузан, сын Дуа-Тимура, не исповедывавший ислама, привел в 728 (1327-1328) году из страны Джете армию и в сражении в местности Кози Мендак увенчал Термаширина славою мученика. Хотя Бузан не мог утвердиться в Мавераннагре, но погубил многих царевичей, эмиров и почетных людей. По возвращении его в страну Джете, управление принял на себя Дженкши, сын Абукана, сына Дуа. Через несколько дней брат его Ясу-Тимур возмутился и погубил его. Он вел себя как безумный. Так, он велел отрезать обе груди у своей матери за то, что она предупреждала Дженкши о его намерении возмутиться. В это время Али-султан, происходивший от Огэдэя, поднял знамя мятежа, и овладел властью в улусе Джагатая. Через некоторое время он умер. По смерти его взошел на престол Мохам- мед-хан, сын Пулада, сына Кунджука, прекратил несправедливости и восстановил цветущее состояние государства Джагатая[3].

Эти сведения мусульманских историков частью могут быть исправлены и дополнены по сказаниям католических церковных писателей о гонении на христиан в Алмалыке во время Али-султана и мусульманских писателей об обращении в ислам Туглук-Тимур-хана.

По Ваддингу преследования христиан в Армалехе отнесены к 1342 году; один из находившихся в Армалехе миноритов Франциск излечил тамошнего хана от тяжкой болезни и тем приобрел к себе и христианам расположение хана и его приближенных; этим благоволением францисканцы (епископ Ричард, священники Франциск, Раймунд и Паскаль, простые монахи Петр и Лаврентий, и при них Петр, индиец, употреблявшийся в качестве переводчика) воспользовались для распространения христианства, но veneno a Mahumetanis extinguebatur Imperator, liberi occidebuntur и ханскую власть получил Али-султан, магометанин и злейший враг христиан; он издал повеление, налагавшее жестокие кары за исповедывание христианства; миссионеры, конечно, не отреклись от своей веры и были подвергнуты мучениям и смерти; nec nisi morte Imperatoris, quem alius Tarturorum chamus trucidavit, hace tempestas est supita, et

[1] Тут у Ибн Батуты вставлены неправдоподобные известия, конечно, по ошибочным слухам, о том, что Халиль двинулся к границам Кита и Китая и завоевал город Каракорум и Бишбалик; «китайский султан выслал против него войско, но впоследствии между ними заключен был мир».
[2] Voyages d'Ibn Batoutoh, trad, par Defrimery et Sanguineth, Paris, 1877, tome III, pp. 1-51.
[3] Journal asiatique, 1852, t. XIX, pp. 273-275.

paucis, qui supererant, Christians pax restituta[1]. По согласному, в общем, с изложенным рассказу другого церковного историка (Варфоломея Альбицци, из Пизы) минориты пострадали в 1340 году; Франциск вылечил хана от рака; хан этот был отравлен на охоте и погублены также четыре сына его; ханской властью овладел некий негодный мусульманин ханского рода Али-солда; вскоре после мученической кончины францисканцев был убит и сам Али-солда, а дом его уничтожен огнем[2]. Пребывавший в Армалехе с конца 1340 г. до конца 1341 папский посол Мариньолли относит мученическую смерть шести францисканцев к 1339 г[3]. В письмах папы, датированных 1338 г., к хану Джагатаева улуса и двум его вельможам, хану этому дается имя Chansi[4], а потому Юль предполагал, что это был Джинкши, и эта догадка подтверждается потом монетами 737 г.

По сведениям Абулгази[5], Исень-буга умер не ранее 729 года, оставшись до смерти владельцем «Кашгара, Яркенда, Алатага и Моголистана», куда он удалился из Маверанагра, в котором ханом сделался Кебек. Не имея детей от супруги своей Салтымыш, Исень-буга «обратил взоры свои» на молодую девушку по имени Мингли, которая и забеременела. В отсутствие его на охоту, Салтымыш отдала Мингли монголу по имени Шире-огул с приказанием оставить край и поселиться с нею в Монголии. Возвратись с охоты, Исень-буга узнал о случившемся, но ничего не сказал Салтымыш, потому что, по обычаям монголов, первая жена имеет полную власть над остальными. Через несколько дней он умер. После беспорядков, возникших в Моголистане

---

[1] Laurentii Mosheimi Historia Tartarorum ecclesiastica, Helonstadt, 174, pp. 116-118.

[2] По переводу Юля в Cuthay and the Way thother et., 1866, pp. 180, 187.

[3] По рассказу Мариньолли о своем путешествии перевод Юля, в Cathay ets., pp. 321, 336, 339) этот папский посол к монгольскому императору Китая выехал из Авиньона в декабре 1338 года зиму 1339 года он провел в местопребывании хана Узбека, вероятно в Саране на Волге. Отсюда весною 1340 года, он отправился в Армалех, столицу «среднего» государства. В Армалехе Мариньолли и его спутники свободно проповедовали, построили церковь, отправляли богослужение, многих крестили, «несмотря на то, что прошел только один год после славной, ознаменованной чудесами, мученической кончины епископа и шести других миноритов». О Пасхале, из числа этих мучеников, Мариньолли замечает: this one was a prophet and saw the heavens open, and foretold the martyrdom which should befal him and his brothrer, and the overthrou of the Tartans of Suray by a flood, destruction of Armalec in vongaunce for their martyrdom, and that the Emperor would be slain on the third day after their martyrdom, and many other glorious things. Сам Пасхаль в письме (в приложениях к Musheimi-Historia etc., p. 195), датированном днем св. Лаврентия (10 августа) 1338 года, из Armalach, in imperio Medorum, между прочим, упоминает, что на пути из Ургенджа (Urganth) в Армалех караван, с которым он следовал, задержался некоторое время в мусульманских городах (вероятно на Сыр-дарье) вследствие опасностей от военных действий и грабежей по случаю убиения джагатайского хана (Imperator Medorum, par fratrom suum carnalem est interfectus).

[4] Письма папы были адресованы: одно - Magnifico Principi Chanci Imperatori Tartororum de medio Imperii..., другие - Dilactis fili nobilibus viris Carosmon, et Johanan, Magni Principis Chanci, Imperatoris Tartororum de medio Imperia, familiaribus (Mosheimi-Historia etc., приложения, pp. 175 и 176). Ханство джагатаидов, лежавшее между Персией и Китаем, называлось иногда «Средним» государством. Imperium Medium; это название переделывалось в Imptrium de Medio, Medeia и даже в Imperium Medorum (Cathay etc., pp. 234, 235).

[5] Источник этих сведений неизвестен. Не мог ли Абулгази почерпнуть их из «Тезкирси Туклук-Тимур-хани» или иного «Жития» Туклук-Тимур-хана? Это сочинение упоминается Валихановым в числе рукописей, приобретенных им в Кашгаре («Очерки Джунгарии» в «Записках р. геогр. общества», 1861 года, книжка 1, стр. 200). К сожалению, ни эта рукопись, ни «Тезкиреи Ходжаган», которая поступила в библиотеку Азиатского музея Академии наук и из которой В.В.Вельяминов-Зернов, по словам В.В.Григорьева («Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 355, 1873 года), еще к 1873 году «приготовил к печати ...извлечения», не изданы. Вероятно, эти извлечения постигла та же судьба, какая выпала начатым им изданиям «Абдулла-намэ» и киргизских песен, т.е. остались неоконченными (см. «Записки Академии наук», том 47, 1884 г., протоколы, стр. 68 и 69).

вследствие прекращения со смертью Исень-буги потомства Джагатая в этой стране, один из эмиров Исень-буги Булатчи озаботился розыскать Мингли и возвел на ханский престол родившегося в 730 (1330) году у нее от Исень-буги сына по имени Туглук-Тимура. Он возведен был на престол в 748 (1347) и умер в 764 (1364) г. гиджры. Он был первым из ханов Моголистана, Алатага, Кашгара и Уйгуристана обратившимся в ислам. Проповедь шейха Джемал-эддина из Бухары, вскоре по вступлении на престол, убедила его в истинах ислама, но формальное обращение свое в мусульманство Туглук-Тимур отложил до упрочения своей власти, опасаясь сильного противодействия новой вере. Через несколько лет, сын Джемал-эддина, исполняя волю отца, уже умершего, явился в лагерь Туглук-Тимура и разбудил хана рано утром призывом к молитве (азан). Когда хан приказал привести дерзкого, нарушившего его сон, то шейх объяснил, что поступает по завету покойного отца, которому хан дал обещание обратиться в ислам, когда настанет время. Тоглук-Тимур ответил символом веры ислама и стал призывать к себе и обращать в мусульманство своих эмиров, одного за другим. Один из эмиров, по имени Джурас, ответил на предложение хана, что примет мусульманство лишь в таком случае, ежели проповедник осилит в борьбе одного известного монгольского силача. Шейх согласился на испытание и во время борьбы нанес силачу такой удар, что тот упал без чувств. Очнувшись, он произнес мусульманский символ веры и пал к ногам шейха. Тогда упорствовавший эмир тоже обратился в ислам и примеру его последовало в тот же день 160 т. человек. Совершилось это в 754 (1353) г. гиджры[1].

[1] Абулгази, в переводе Демезона, стр. 165-169. В журнале посланца Петра Великого к контайше Цэван-Рабтану капитана Унковского, под 9 ноября 1722 года, значится, что в это число посольство имело ночлег на речке Амелту (т.е. Алимту, между Хоргосом и Чинчагози). «Сказывали бухарцы тобольские, которые были при нас, что в двух верстах от помянутого ночлега, а от реки Или верстах в 30, будто бы в древние времена, тому ныне 334 года (по письму их), погребен тут владелец Темерхан... Оной Темерхан кочевал при реке Бортале. Тогда приехали к нему из Великой Бухарин с торгом бухарцы махометова закону, между которыми один имел быть богомолен, и, вышед из своей коши на высокое место, кричал гласно, по закону своему махамецкому, скликал на молитву прочих махометан, товарищей своих. То, услышав, помянутой Темерхан... велел оного крикуна к себе привесть. И спрашивал: для чего он кричал? Ответствовал, что он прочих товарищей своих на молитву Божию скликал. И по многим разговорам о законе, положили залог, чтобы тому крикуну с его темерхановым самым сильным человеком бороться, а который поборет, того и правой закон имеет быть; и тако, помянутой крикун темерханова сильного борца трижды легко поборол. Того ради Темерхан принял махометский закон, и все, его владения, люди обрезались и с шапок залы (или кисти) в реку Бортала побросали, и будто оными реку запрудили. И для вышеозначенного махометане онаго Темерхана святым почитают, а над гробом его палаты построены и приносят доднесь махометане припасы на гроб его, и сторожи при том гробе имеются. А наши бухарцы помянутого ноября 9 числа ночи, у того гроба были, но нас онаго видеть контайшины приставники не допустили» (см. «Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана И.Унковского», Спб., 1887 г., стр. 28 и 29). Эта надгробная мечеть, которую не удалось видеть Унковскому, существует и по настоящее время, на севере от бывшей почтовой станции Алимту, на верхней дороге из Чинчагози к Борохудзиру, верстах в 20 от Чинчагози, не доезжая верст 10 до р. Хоргоса. Известна она под именем западного или хоргосского мазара. При ней небольшое селение таранчей. К этой именно гробнице относятся следующие строки в «Воспоминаниях художника В.В.Верещагина» («Русская старина», 1889 года, октябрь, стр. 168): «Она (гробница) построена Тамерланом или «Хромым Тимуром», над могилою Тоглук-Тимура, знаменитого джагатайского султана, при котором Тамерлан начал свое бурное и громкое поприще. Здание прекрасной постройки, но купол уже провалился и, тучи птиц поднялись оттуда, при моем входе. Самая гробница громадных размеров, в очень жалком виде, когда-то богато украшенная, теперь была лишь грязно вымазана простой глиной. Зато фронтон здания до сих пор покрыт глазурованными кирпичами чудной работы, - что за цвета и краски, что за прочная работа». Кажется г.Верещагин в 1889 г. принял за

По китайским источникам, из времени преемников Дуа-хана упоминается в 1312 году о посольстве к китайскому двору от Есень-буги (Ye-sien-bu-hua). Под 1315 г. значится, что во владениях Tu-lie tie-mura случился неурожай и император приказал оказать денежную помощь. Под 1332 г. упоминается о посольстве от Ta-r-shi-li и Har-mana. Первое имя напоминает Бретшнейдеру Термаширина; с этим посольством были доставлены в дань западные лошади, виноградное вино и златоцветный Ya-hu (?). Есть также в «Юань-ши» известие о смерти Ye-sien tie-mura, которого Бретшнейдер считает за внука Дуа[1]. Ясу-Тимур, по Хондемиру, действительно был внуком Дуа[2]. На изданной в 1331 году в Китае карте западной Азии Джагатаев улус назван владением Tu-lai tie-mura; это имя Бретшнейдер отождествляет с Дуре-Тимуром, сыном Дуа[3], но у мусульманских историков такого имени, сколько мне известно, нет: есть только Дуа-Тимур, которого и приходится почитать за Туле или Тулай-Тимура китайской карты и известий.

Оливер приводит следующие даты, по историкам и монетам, о преемниках Дуа, который ханствовал с 670 (1272 христианского летосчисления) года гиджры: Кунджук - 706 (1306), Талику - 708 (1308), Кебек - 709 (1309), Иссень-буга - 709 (1309), Кебек - 718 (1318), Ильчикдай - 726 (1325), Дуа-Тимур - 726 (1325), Термаширин- 726 (1325), Sanjar (?) 730-4 (1330-4), Джинкши - 735 (1334), Ясу-Тимур - 739 (1338), Алисултан - 741 (1340), Бузун - 742 (1341), Халиль - 743-4 (1342-3), Мухаммед-Пулад - 744-5 (1343—4), Казан - 745 (1344). Монеты Термаширина имеются годов 726, 733 и 734, Халили - 744 (1343) года (Бухара)[4], Джинкши - 737 г. (Бедахшан и Термед)[5].

Я ограничусь краткими во возможности соображениями по поводу разноречий относительно властителей Джагатаева улуса в первой половине XIV века. Туглук-Тимур, - которого Хондемир, за Шереф-эддином, называет сыном Имель-ходжи[6], - вероятно, есть действительно сын Иссень-буги, так как это удостоверяется родословной, приводимой в «Записках» Бабура, знаменитого основателя империи Великого Могола в Индии, а Бабур имел возможность знать своих предков со стороны матери[7]. В таком случае и властвование Иссень-буги в восточной половине Джагатаева улуса не невероятно. Царствование Термаширина, в виду монет и свидетельства Ибн-Батуты, нужно считать продолжавшимся с 1325 по 1334 год. Эмиры, вероятно, имели основание упрекать его за небрежение о восточной половине государства в продол-

---

гробницу Туглук-Тимура могилу обратившего его в ислам шейха, пот. что на первом куполе еще была надпись в 1871 г. (мат. для <...>Турк. края) вып. II 1873, стр. 309.

[1] Bretschneider - Notices etc., London, 1876, p. 105.

[2] Journal asiatique, 1852, t. XIX, p. 274.

[3] Bretschneider - Notices, p. 99.

[4] Journal of the R.Asiatic Society, vol. XX, 1888, pp. 124, 125, 113, 114.

[5] «Записки восточного отделения И.р.археологического общества», том III, 1887 г., стр. 130, и т. VI, 1892 г., стр. 254.

[6] Journal asiatique, 1852, t. XIX, p. 280.

[7] По «Запискам» Бабура (Memoires de Baber, traduits par Povet de Courteill, Paris, 1871, p. 19). Мать его Кутлук-Нагар-ханум была второй дочерью Юнус-хана, сына Вейс-хана, сына Шир-Али-оглана, сына Мохаммед-хана, сына Хызр-ходжи-хана, сына Туглук-Тимур-хана, сына Иссень-буга-хана, сына Дева-хана, сына Борак-хана, сына Исун-Дева-хана, сына Мутугана, сына Джагатай-хана, сына Чингиз-хана.

жение четырех лет, потому что в 1334 году истекло четыре года со смерти Иссень-буги и Термаширин имел возможность принять меры для овладения этой частью Джагатаева улуса, оставшейся без государя. Джинкши, вероятно, властвовал несколько лет до 1337 г., потому что имя Ханси успело сделаться известным при папском дворе. Ячу-Тимур должен быть тот самый брат, которого мятеж причинил упоминаемую Пасхалем приостановку движения караванов, и тот самый хан, который был излечен Франциском от тяжкой болезни и благоволил к христианам. Безумие и жестокость с родной матерью, быть может, придуманы относительно его мусульманами из одного недоброжелательства. Али-султан должно быть властвовал не долго, потому что Мариньолли не застал его уже в живых и конечно не привел бы пророчества Пасхаля о скорой его гибели, если бы оно не сбылось. Надо полагать, что именно во время описываемого у Ибн-Батуты истребительного нашествия, опиравшегося на мусульман Халиля, около 1342 года, разрушены были уцелевшие еще оседлости в долине р. Чу и на Иссык-Куле, а также и самый Алмалик. Последний еще существовал в 1341 году, когда оставил его Мариньолли, но, конечно, он не даром припоминает предсказание о разрушении этого города: вероятно, ему сделалось потом известно об исполнении пророчества. Подтверждается это и отсутствием, судя по прочитанным уже надписям, надгробных камней на несторианском кладбище близ Пишпека позднее 1342 года. Профес. Хвольсон справедливо считает это доказательством прекращения существования в Туркестане христиан, а не случайностью[1].

Преемники Халиля Мохаммед-Пулад и Казан-хана имели слишком много дела в Мавераннагре, чтобы обращать внимание на Алмалик, где, во время неурядиц и междоусобий между родоначальниками местных племен, должны были исчезнуть последние остатки оседлого населения.

Укрепив в течение 18 лет свою власть в восточной половине Джагатаева улуса и приняв вместе со своим народом мусульманство, Туглук Тимур-хан вознамерился подчинить себе и западную часть владений своих предков, где, по убиении Казан-хана мятежным его визирем Казган-эмиром, сильнейшие старейшины местных тюрко-монголов возводили и низводили по своему произволу лишенных всякой власти потомков Джагатая. В 761 году (1360) г. Туглук-Тимур вступил со своей армией в пределы Мавераннагра, привел к повиновению большую часть эмиров и старшин и заставил искать спасения в бегстве остальных. Назначив от себя правителей, он возвратился в Моголистан, но в 763 (1362) году вынужден был вновь предпринять новый поход в Мавераннагр. Он пробыл там около года, восстановил общую покорность и оставил в Мавераннагре правительствовать сына своего Илияс-ходжу[2].

По скудости сведений о западном Тяньшане и прилегающих к нему странах, не лишены интереса следующие известия Шехаб-эддина Димашки, извлеченные и

[1] Syrisch - nestorianische Grabinschriften aus Semiryetschie в Memories de Г Academie das sciences de St.Petersburg, t. XXXVII, N8, ss. 131, 132.
[2] Journal asiatique, 1852, t. XIX, p.280.

переведенные Катрмером из его «Путешествий взорами по царствам разных стран», написанных позже 738 г. гиджры, во второй половине 14 столетия: «Провинция Фергана находится в стороне гор Ботома, на северо-востоке (от Мавераннагра). В ее соседстве на севере лежит Беласакун. Потом простирается Шаш и подведомственные ему земли, которые доходят до стены Абд-аллахабен-Гамида, иначе называемой стеною Каласа. Засим, к северу, есть область Исфиджаб, потом страна гузов (guzzs); пастбища Бараба и Ходженд (?) занимают часть страны гузов, отделяя ее от стены Каласа... Область Туркестан содержит в себе города Шехеркенд, Дженд, Яркенд, Отрар, Сайрам, Джикель... Берсакен, Янги, Кенджек, Тараз, иначе называемый Талас, Янги-кен, Шикуль (по мнению Катрмера - Иссык-Куль), Алмалик, Бишбалик, ...Карши, Хотен, Кашгар, Бадакишан, Дераверан, Дерех, Беласагун...[1] Туркестан есть страна, которая могла бы сама по себе образовать обширную территорию сильного царства. Отличаясь своим огромным пространством, он пользовался с незапамятных времен большой известностью и был рассадником храбрых воителей. После опустошения оружием татар, он в настоящее время весьма слабо населен. По заверению одного человека, посетившего эту страну, Туркестан представляет только развалины и более или менее изгладившиеся уже следы оседлости. Виднеется издали красивая деревня, окруженная прекрасной зеленью, но когда к ней приближаются, в надежде найти тут жителей, то дома оказываются совершенно опустелыми. Население состоит исключительно из кочевников, которые не занимаются ни обработкою земли, ни посевами хлебов. Тут нет другой зелени кроме лугов, где трава растет без участия обработки. И все еще есть в этой стране несколько ученых людей. За недостатком воды омовения совершаются здесь землею. Область Шаш имеет в ширину два дня пути и в длину три. Не найти ни в Хорасане, ни в Мавераннагре местности, в которой на столь малом пространстве было бы столько мечетей (собственно каферд - menber). Это совершенно плоская страна, где тщетно было бы искать гору или холм. Можно смотреть на нее, как на самую важную границу мусульманской империи. Дома построены из земли, все орошаются проточной водой и окружены зеленью. Эта область содержит в себе большое количество городов, которые расположены близко один к другому. Есфиджаб есть крепость, где имеется цитадель и предместье. Цитадель, правда, в развалинах, но город и предместье очень населены. Все окружено стеною, протяжением в один фарсанг. В предместье проточные воды и сады. Дома из земли. Город расположен на ровной площади и имеет 4 ворот. Территория его столь же обширна, сколь и плодородна, и жители не платят никаких налогов. Между городами этой страны считают Тараз, Нуджкет и Ходженд. Бараб есть имя округа, который в длину и ширину немного менее дня пути.

[1] Notices et extraits des manuscrits, t. XIII, Paris, 1838, pp. 333, 334. Автор считает Карши столицей Мавераннагра, но Катрмер полагает, что он смешал Карши на Кашка-су с другой местностью Карши на оконечности Моголистана, о которой упоминает Абд-эр-Разак, по которому, в одном из своих походов на моголов Улуг-бег, дойдя до Юлдуза и «приняв потом решение возвратиться, он покинул Юлдуз и отправился в местность, именуемую Карши. В этом месте был камень, который древние государи вывезли из Китая. Тимур, желая переместить его в Мавераннагр, возложил исполнение этого на эмира Джиган-шаха, который не мог довести это предприятие до конца, чем Тимур остался недоволен. Улег-бег, оставив в Карши 2 т. самых сильных людей с приказанием поместить этот камень на телеги и доставить в Самарканд, продолжал свой путь и прибыл в столицу свою» (там же).

Он мало доступен и обитаем храбрым населением. Почва хотя пропитана солью, но покрыта лесом и обработанными полями. Столица называется Кендер (или скорее Кодар). Здесь родился исламский философ Абу-Наср-Бараби… …Произносят в просторечии Фараби, но правильное чтение Бараби, ибо этослово принадлежит тюркскому языку, в котором нет буквы ф. ...Шашская река омывает Ходженд, потом Бенакет и проходит перед Барабом; далее Сабрана она течет в пустыне, которая образует границу страны тюрков гузов; наконец она изливается в ховарезмское озеро. ...Столица (Ферганы), называемая Ахсикет, расположена на берегу шашской реки на ровной местности; занимает пространство около трех фарасангов. Постройки из земли. Предместье окружено стеною, в которой пробиты городские ворота. Всюду проточные воды и много бассейнов. Каждые ворота предместья ведут к тенистым садам, встречающимся на расстоянии двух фарасангов. Напротив, по другую сторону шашской реки, простираются луга и обработанные поля на день пути. Недалеко город Коба. (Потом упоминаются Уш и Узкенд). Последний ...имеет цитадель и предместье... По словам автора сочинения «Фигуры земли», никакая часть Мавераннагра не заключает столько деревень, как область Ферганы. Иногда земли одной деревни занимают пространство в один день пути вследствие многочисленности населения и огромных стад... Я спрашивал об этом факте Абулмакарим-Гамидбен-Мохаммеда, из города Ферганы, и вот его ответ: На самом деле автор не преувеличил, а уменьшил; страна и поныне сохранила свои обширные пространства, но население изумительно уменьшилось... Осрушна, как и Согд, есть имя области, столицею которой служит город Наубахт... По удостоверению купца Джемал-эддин-Абд-аллах-Хизни, почти все кочевники, подвластные государству Кабчак, одеваются шкурами, не разбирая животных чистых и нечистых, убитых или пропащих... Тоже и в пище...»[1].

Основою приведенных известий Димашки были, видимо, описания предшествовавших ему на столетие или на два и более арабских географов, от которых он сохранил и часть имен, между прочим, имена Фараба и Исфиджаба, которые относятся к Отрару и Сайраму, но во второй половине XIV века давно уже не употреблялись, как видно из историков Тимура. Имя Сайрама, несомненно, очень древнего арийского поселения, очень рано упоминается в народных легендах тюркских, так как он находился на границах между восточно-иранским племенем и тюркским. Так, уже Рашид-эддин, излагая предание о происхождении тюрков от Абулджа-хана, сына или внука Ноя, и упоминая, что летние кочевки его находились в горах Уре и Кере, а зимовки в месте, именуемом Юрсук, Какьян и Каркурум, говорит: «города Талас и Кары-Сайрам находятся поблизости тех мест. Город Кары-Сайрам есть древний и очень большой город; видевшие его люди говорят, что от начала до конца его один день пути; сорок ворот имеет. Ныне там живут турки - мусульмане; он подчинен Хайду»[2]. Это известие о протяжении Сайрама на день пути и о сорока его воротах есть, очевидно, не более, как легенда, как смутное воспоминание об

[1] Notices..., p. 257-261,267.
[2] «История монголов Рашид-эддина. Введение». Перевод И.Н.Березина, Спб., 1858 года, стр. 12 и 13.

описанном китайцами в VII веке Нучигяне, состоявшем из множества деревень на левых притоках Арыса. Отголоски той же легенды живы и теперь в местных преданиях. «Сайрам, по преданию, был громадный город; он вмещал в себя до 50 т. домов и был раскинут на площади в 80 в. в окружности»[1]. Роль столицы земель на правом берегу Сыра, после Ташкента, «принадлежала Сарь-яму или нынешнему Сайраму, который постигла та же участь, но только много после Ташкента, около 500 лет тому назад. Это был громадный город, превосходивший все современные ему города Средней Азии. Предание указывает громадную площадь, которую он занимал, указывает, где и какие были ворота, где и какие были базары. Конный базар был на южном конце города у конных ворот, подле горы Казыкурта, на правом берегу реки Бадама; верблюжий - около нынешнего города Манкента, в северном конце города, в 20 верстах от южного; бараний - на западном конце города, ниже Чимкента, около Бюрджара. Восточный конец города был в нынешнем Карамурте, в 21 версте от западного. В городе было более 100 т. домов. Ему подчинялись все города по правую сторону Сыр-дарьи; говорят, от этого он и получил название Сарь-ям, т.е. царь городов (?). Ямь означает место съездов, сходов, сборный пункт, огороженное место; сарь - глава, царь. Дед Азрет-султана, пришедший с арабами, взял и разорил Сарь-ям. Вскоре после него пришел Гуляку с калмаками, окончательно разорил его и увел 40 т. семейств в Кашгар, следовательно до 200 т. душ. Из остатков его образовался Джетыкент (семь городов в Чемкентском районе) и часть жителей Сарь-яма, спасшаяся бегством в горы от погрома Гуляку, перешла потом в Ташкент. Затем последовал наплыв чингисовых орд во время Азрет-султана, жившего в нынешнем Туркестане»[2]. Исторического во всем этом нет почти ничего. Гулагу проходил через 45 лет после «наплыва чингисовых орд» и ни один историк ничего не знает о разорении им Сайрама и о переселении части его населения в Кашгарию, да и невероятно, чтобы Гулагу занимался такой операцией, когда цель его похода заключалась в завоевании Персии и прочих стран на запад от нее. О взятии Сайрама монголами в статье «Мин-ши» о Sai-lan значится: «Когда тайцзу (Чингиз-хан) династии Юань вторгся в страны запада, то один из его генералов, по имени Sie-ta-la-hai, напал на Сай-лань и для взятия употребил катапульты»[3]. То же есть и в «Юань-ши»[4].

[1] Ю.Д.Южакова «Наши приобретения в Средней Азии» в «Отечественных записках» 1867 года, том 171, стр. 757.
[2] Ю.Д.Южакова «Сарты или таджики» в «Отечественных записках», 1867 года, том 173, стр.
[3] Bretschneider - Mediaeval Researches, II, p. 251.
[4] Там же, p. 95.

2. Походы Тимура против джагатайцев

Отложение Мавераннагра по смерти Туглук-Тимура. Ханской властью в Моголистане овладевает Камр-эддин. Первый и второй походы Тимура. Третий поход. Четвертый. Пятый. Шестой. Седьмой. Главный восьмой поход. Девятый. Позднейшие известия Шереф-эддина о джагатайских делах. Смерть Тимура.

Мавераннагр недолго пользовался спокойствием и после второго похода Туглук Тимура. Против Илияс-ходжи не замедлили восстать внуки эмира Казгана Гуссеин и сын главы владевшего Кешем рода барулас Тарзгая или Тургая Тимур. Во время удаления Илияс-ходжи в Моголистан, по получении в 765 (1364) г. известия о смерти Туглук Тимура, Гуссеин и Тимур овладели всем Мавераннагром. В следующем году Илияс-ходжа разбил Гуссеина и Тимура близ Ташкента и осадил Самарканд, но мор на лошадей вынудил его армию отступить в Моголистан[1]. Вскоре затем Илияс-ходжа убит братом Тулека и Булатчи, рода дулат, бывших при Туглук Тимуре улус-беками, Камр-эддином, который истребил и все потомство Туглук-Тимура, в числе 18 лиц. Уцелел только грудной ребенок Хызр-ходжа, спасенный сыном Пулатчи Худайдадом[2]. Захватив власть в Моголистане и Кашгарии, Камр-эддин наследовал и притязания Джагатаидов на обладание Мавераннагром. Эти-то притязания и упорное уклонение от подчинения Тимуру, несмотря на все его победы, были причинами много раз возобновлявшихся походов Тимура и его войск против джагатайцев.

Первый и второй походы. В 772 (1370) г., когда Тимур совершил первый свой поход для покорения джагатайцев, эмиры Comze (Хамза) и Orenkitmour (Уран- Тимур?) подчинились ему, как только его армия перешла через Сейхун; Тимур вверил управление покорившейся страной князю Кебек-Тимуру и возвратился в Самарканд. Вскоре, однако, пришло известие, что Кебек-Тимур возмутился. Для усмирения Тимур послал эмира Беграма, рода джелаир, с несколькими другими военачальниками. Они дошли до реки Айше-Каден (Aiche Caden) и здесь были встречены джагатайцами. После неуспешного сражения эмиры Тимура заключили мир с неприятелем и возвратились. Тимур не признал этого мира и выступил сам с многочисленным войском. Когда армия прошла Сайрам и Пенки (Penki), то джагатайцы обратились в бегство при одном слухе о ее походе; однако Тимур, пройдя Senghezi Agadie (Джангыз- агач?) и достигнув Адун-Кузи (Adoun Couzi), должен был возвратиться в Мавераннагр вследствие открывшегося заговора против его жизни[3].

---

[1] Histoire de Timur-bec,... ecrite en persan par Cherefeddin Ali, natifs d'Yezd,... traduite en francais par fau M. Patis de la Croix, ... Paris, 1728, t.l, pp. 45, 46, 63. Во время наступивших затем раздоров своих с Гусеином Тимур обращался за помощью к джетам, при посредстве эмиров Кей-козру и Беграм-джелаира, друживших с ними. В это время в первый раз упоминается близ Сайрама деревня Чемикунт, нынешний Чемкент (Histoire de Timur-bec, I, p. 155). Узнав, что по просьбе Тимура, зимовавшего в Ташкенте, придет к нему весною войско джетов, Гуссеин примирился с Тимуром. В возникших затем вновь раздорах с Гуссеином Тимур справился с ним, уже не прибегая к помощи джетов.

[2] Абулгази, перевода бар. Демэзона стр. 169. «Тарихи-Рашиди» по В.В.Вельяминову-Зернову в «Исследовании о касимовских царях и царевичах», часть 2, Спб., 1864 г. («Труды вост. отд. И.р. археологического общества», часть десятая), стр. 131.

[3] Histoire de Timur-bek, 1.1, pp. 220-225.

Кебек-Тимур упоминается в «Истории Тимур-бека» ранее. Именно в 1367 году джагатайцы, на пути в Мавераннагр, дошли до Ташкента и тут зазимовали, но здесь между вождями их возникли раздоры: Камр-эддин, из рода дуглат, Кебек-Тимур и Шираул соединились против Хаджи, из рода аракенут, и «тогда Хаджи-бей, сын Шираула, отрубил Иркенуту голову». По причине этих раздоров джагатайская армия должна была возвратиться домой[1]. При описании первого похода Тоглук-Тимур-хана в Мавераннагр говорится, что хан этот, из-под Ташкента, послал вперед за Сейхун Олуг-Токатмура, князя орды караит Хаджийбея, орды аркенут, и Бикиджека, орды канглы (cangouli). Кебек-Тимур был сын Олуг-Токтомура[2], следовательно, караит. Можно предположить, что Хамза и Уран-Тимур были старейшинами рода канглы и карлык, которые продолжали занимать земли между Сыр-дарьей и Таласом и были ближайшими к владениям Тимура джагатайскими родами. Река Айше Каден есть нынешняя река Айса или Айша-су, нижнее течение р. Терса. Река эта пересекает почтовую дорогу между г. Аульеата и первой станцией к Чемкенту (ст. Головачевская). На реке этой находится могила Гайша-биби, родственницы погребенного в Аульеата Кара-хана, потомка туркестанского Ахмеда-Ясави[3].

По «Автобиографии» Тимура возмущение Кебек-Тимура и поход Беграма-джелаира до Aishe Khatum отнесены к 771 (1369) г., о походе же самого Тимура за Сейхун совсем умалчивается. Едва ли поход этот и имел место, судя по той же «Автобиографии», потому что во время возмущения Зинде Кулемы и эмира Мусы, - которое «Зефер-намэ» считает причиной возвращения Тимура от Адун-Кузи, - джагатайский хан сам шел было на Мавераннагр и отступил только тогда, когда узнал о движении против него Тимура, который быстро двинулся к Самарканду, по усмирении мятежников[4].

Третий поход. По «Автобиографии» третий поход Тимура был последствием полученного им в 775 (1373) году известия о том, что Камр-эддин собирается, силою или добром, подчинить себе Мавераннагр[5]. По «Зафер-намэ» авангард, вступивший в земли джагатайцев весной 776 (1374) года армии Тимура, находился под начальством сына Тимура Джигангира. Пройдя Сайрам, царевич этот на Jarounn[6] узнал, что Камр-

---

[1] «История Тимур-бека», т. I, pp. 165, 166.
[2] Там же, pp. 27 и 91.
[3] «Материалы для статистики Турк. края», вып. 2, Спб., 1873 г. стр. 339 и 340. Е.Ф.Каль («Отчет И. археологической комиссии за 1890 год», Спб., 1893 года, стр. 77) называет здания на обеих могилах мечетями и замечает, что они похожи на небольшие самаркандские мечети конца XIV, XV и XVI веков; здание близ Головачевской станции построила, «по преданию, жена Тимура Биби-ханум, во время ее проезда из Китая в Самарканд». Мне не встречалось доказательств действительной принадлежности могил Кара-хана и Айса-биби мусульманским святым, которым приписывают их легенды местных магометан. Может быть, в могилах этих погребены на самом деле лица домусульманского времени. Имя реки Айса-хатын (Айса-женщина) существовало уже во время Тимура, как видим.
[4] The Mulfusat Timury or autobiographical memoirs of the Mogol Emperor Timur, written in the jagtai turky language, turned into persion by Abu Tabib Hussyny and translated into English by major Charles Stewart, 1830, p. 143. Тут же (p. 120) упоминается о раздорах между вождями армии джагатайцев Камр-эддином и Хаджи-беем, в 769 (1367) году, но об убиении Хаджи-бея нет ни слова. В 1364 армия дулатов стояла на р. Гадам (p. 86).
[5] Mulfusat Timury, p. 148.
[6] Эта река упоминается у Кодамы (см. выше) между Испиджабом и Шарабом.

эддин со своей армией стоит на Кок-тюбе (Ghena Toupa), ожидая Хаджи-бея[1]. Осведомившись о прибытии войск Тимура, Камр-эддин отступил в Birkai Gourion. Это тричрезвычайно глубоких горных ущелья, в которых текут три большие реки. Пройдя два ущелья, джагатайцы стали лагерем в третьем, устроив окопы и преграды по дорогам. Все это не остановило Джегангира и его отряд и джагатайцы к ночи обратились в бегство. На восходе солнца к Джигангиру прибыли эмиры Гуссеин и другие, посланные Тимуром для преследования обратившегося в бегство неприятеля. Следуя по течению реки Абейле (Abule), Гусеин упал в воду и утонул, остальные же эмиры, достигнув неприятельских земель, опустошили их и ограбили; покорившиеся волости были пощажены, но у них было отобрано все оружие, которое было отправлено в Самарканд. Сам Тимур прошел между тем до Байтага (Baitac) и отправил Джегангира с главными силами разыскивать Камр-эддина. Царевич разорил джагатайские волости, находившиеся в Уч-Фермане (Outch Ferman). Камр-эддина нашли в горах, заставили его бросить войска и спасаться бегством; страну опустошили, дома сравняли с землей и захватили, между прочим, супругу князя Шамс-эддина[2] Буян-агу и дочь Дильшадагу. Получив об этом известие, Тимур, не отлучавшийся из Байтага в продолжение 55 дней, выступил из своего лагеря и поднялся на вершину Cora Casmak, где Джегангир представил ковры, лошадей и множество другой добычи, «после чего доставил царевне Дильшад-аге честь приветствовать императора». Покинув это место, Тимур отправился в Atbachi и перешел отсюда a la campagne d'Arpaiazi, чтобы отдохнуть и попраздновать несколько дней. Морбарек-шах, меркит, тысячник этой страны, состоявший в числе старинных друзей Тимура, явился тут к нему и постарался приобрести его расположение, устраивая праздники и увеселения и оказывая разные услуги. Тимур, в награду, отдал его сыну Ходайдалу области Калар-оглана и Гуссеина, которые умерли во время этого похода. Отпраздновав здесь с большой пышностью брак свой с Дильшад-агой, Тимур возвратился в Самарканд через Яссы-даван и Узкент[3]. По «Автобиографии», в Jarun'e было дознано, что Камр-эддин стоит в Kuruk Тире; по приближении войск Тимура, он бежал в ущелье Birka Ghourgan, но Джегангир напал на него и там, и обратил в бегство. Подоспевший с армией Тимур послал для преследования бегущих эмира Гуссеин-багадура и других, а сам остановился в Рауек. Здесь он получил известие, что эмир Гуссеин утонул, переправляясь через реку. Отправленный тогда царевич Джегангир неутомимо преследовал беглецов по горам и долам, овладел их верблюдами и вьюками, захватил имущество и женщин. Сам Камр-эддин едва не попал в плен и спасся только благодаря тому, что один из его приближенных выдал себя за него и дал ему тем возможность спрятаться в пещере. Затем Тимур сел на коня и прибыл на гору Shemal, а оттуда в Azbehbary. Так как эта долина очаровательная и наступила весна, то он провел в ней два приятных месяца, пользуясь вниманием и

[1] Между тем Хаджи-бей был выше показан убитым.
[2] Или Камр-эддина, как замечает Пети Делакур (p. 254). Но, может быть, это и не так, потому что в «Терт-Иклиме» в числе братьев эмира Тулека назван не только Каир-эддин, но и Шеме-эддин (Notices et extaits, t. XIV, partie I, p. 478).
[3] Histoire de Timur-bec, 1.1, pp. 251-257.

услугами правителя этой местности Мубарек-шаха, которому была за это пожалована орда Салар-оглана. Затем Тимур возвратился в Самарканд[1].

Ни Курук-тюбе, ни Кок-тюбе обоих описаний похода Тимура приурочить я не могу, но последняя местность должна находиться около Таласа и, вероятно, имеет соотношение с ущельем Кок, в котором хошоутский Галдама в 1658 году убил Абадушукура, вторгшегося с 38 т. бухарцев в калмыцкие земли и достигшего р. Таласа[2]. Бирке-гуриан Дегинь переводил «бассейн гурий» и считал водоприемником многих рек, текущих в горах и изливающихся потом в р. Или[3]. Мне кажется, что это местность и речки Мерке, с которых, перевалив в верховья Таласа, Камр-эддин мог бежать на Сусамыр, Нарын и Атбашу. Вероятно, действительно в последней местности Джегангир захватил семью Камр-эддина (или его брата), потому что и впоследствии двор его находился на Атбаше. Под Байтагом или Пайаком можно разуметь понижение Александровского хребта, западнее Мерке, местность же, где стоял здесь Тимур, есть, вероятно, долина р. Кара-Кыстака или Кара-Касмака[4]. Кара-Касмаком или Shemak'ом назван должно быть перевал из долины Кара-Касмака в долину р.Каракола. Отсюда Тимур прошел, вероятно, не в долину Ашпары, как значится в «Автобиографии», а в долину Атбаш, согласно Шереф-эддину, и тут провел два месяца начала лета и праздновал свой брак с Дильшад-агой[5], а потом, через Яссы-даван и Узкенд, возвратился в Самарканд. Река, в которой утонул эмир Гуссеин, конечно, не Или, а Талас или один из его притоков. До Уч-Фермана, т.е. до Уч-Турфана, на этот раз Джегангир, конечно не доходит: едва ли мог он проникнуть далее долины р. Ак-сая, т.е. верховьев Уч-турфанской реки.

Четвертый поход. В 776 (1374) же году Камр-эддин, подстрекаемый возмутившимися против Тимура эмирами Адиль-шахом, сыном Беграма-джелаира, и Сарбу- гой, напал на Фергану, которой правил сын Тимура Омар-шейх, и ограбил находившуюся под покровительством Омар-шейха орду казаков (kuzak). Тимур поспешил на помощь и погнался за отступавшими джагатайцами. Когда он прибыл на Атбаш, то, не найдя здесь никого, отправил своих эмиров далее, сам же остался с небольшим конвоем. Тут на него неожиданно напал скрывавшийся с 4 т. воинов в засаде Камр-эддин. Однако Тимур со свитою отразил врагов. Между тем вернулись и эмиры с войсками. После

---

[1] Mulfusat Timury, pp. 149, 150.

[2] Професс. Позднеева «Образцы народной литературы монгольских племен», вып. 1, Спб., 1880, стр. 148. «Чистый путь хана Касима и древний путь хана Ишима суть до сих пор два названия одной дороги через Куктюбе около Турбата, по которой ханы должны были кочевать, когда кара-калмаки завладели Ташкентом, вытеснили их из долины» (Г.Гродекова «Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», т.1, 1889 г., стр. 25). Турбат есть селение к северо-востоку от почтовой станции Шарапхана между Ташкентом и Чемкентом, но это Куктюбе нельзя принять за Кок-тюбе времен Тимура, потому что последнее находилось значительно восточнее Сайрама, так как Джиган- гир узнал о нахождении Камр-эддина на Кок-тюбе, пройдя уже Сайрам. Ханы Касим и Ишим жили далеко ранее властительства калмаков под Ташкентом.

[3] Немецкий перевод Денерта, т. 1, стр. 72.

[4] Длина этой долины до 36 верст, а ширина между хребтами около 8 верст (Северцова «Путешествие по туркестанскому краю», 1872 г., стр. 23).

[5] Она умерла через 9 лет: «В 785 г., в год мыши, знаменитая принцесса Дилынад-ага, супруга Тимура перешла из этого мира в другой» (Histoire de Timur-bec, t.I, p. 361). Mulfusat Timury, pp. 150, 151.

безуспешных поисков бежавшего Камр-эддина, Тимур решился возвратиться в Самарканд[3]. В «Зафер-намэ» поход этот отнесен к 777 году и описание дополнено тем, что Камр-эддин заблаговременно удалил с Атбаши свой двор и орду; что, после отражения Камр-эддина Тимур видел сон, возбудивший опасения за жизнь сына его Джегангира и из Sencyhul'n (известное озеро Сонкуль?) отправил своего секретаря за сведениями о сыне; и что продолжая отход, Тимур встретил Камр-эддина на Senghazigadje (Джангыз-агач?), и жестоко побил его, так что Камр-эддин едва успел спастись, пеший и опасно раненый; обратный путь свой Тимур держал на Otacom (?), потом на Сейхун и Самарканд[1]. По-видимому, весь этот поход совершен в пределах Нарынского бассейна: из Ферганы до Атбаши, потом на Сонкуль и обратно должно быть в Фергану же.

Пятый поход. В 777 (1375) году Камр-эддин снова собирался на Мавераннагр. Сарыбуга и Адиль-шах скитались а горах Jerahuc (по «Зафер-намэ» - Koratduc), отправляя к Тимуру просьбы о помиловании. Узнав о прибытии в Отрар посланных для приглашения их ко двору, Адиль-шах испугался и бежал в Aksuma, где и был убит, Сарыбуга же явился к Тимуру, был прощен, получил снова орду джелаир и оказал потом большие услуги в походах на джагатайцев. Омар-шейх тогда же выступил с ним на джагатайцев, неожиданно напал на них в долине Khuratu в то время, когда Камр-эддин собирался обедать, разбил и загнал их в пустыню, после чего возвратился в Самарканд[2]. По-видимому, под Jeruhuc, Khurutu, и Карачи надо здесь разуметь хребет Каратау.

Шестой поход. Не успели еще возвратиться войска, ходившие с Омар-шейхом, как Тимур решился лично идти на джагатайцев. Вперед были отправлены эмиры Аббас и Ак-Тимур-багадур. Они шли день и ночь и были счастливы, что нагнали Камр- эддина в Буаме иссык-кульском (Bougam Asighaul); после упорного боя, они обратили его в бегство, опустошили его страну и привели к покорности население. Прибывший между тем Тимур лично преследовал Камр-эддина до Coutchrar (вероятно, р. Кошкар, верховье р. Чу). Потом он пошел на Oinogou (?), отсюда в Узкенд и в Самарканд[3]. Итак, только в этот шестой поход войска Тимура достигли, наконец, р. Чу и Иссык- Куля, возвратились же, видимо, опять нарынским путем.

---

[1] Histoire de Timur-bec, t. 1, pp. 264 - 269.

[2] Mulfusat Timury, pp. 152 - 154. Здесь прерывается «Автобиография» Тимура, а вместе с тем прекращается, к сожалению, возможность проверки сказаний Шереф-эддина и приводимых им местных имен. По Histoire de Timur-bec (t.I, p. 273) Аксума есть башня, построенная на вершине гор Караджук, для содержания караула, так как отсюда на большое расстояние видно все происходящее в долинах Капчака; Омар-шейх напал на Камр-эддина на оконечности страны Conru-tan. На листе 20 «Чертежной книги Сибири» Ремезова 1701 года (издана в 1882 году), на северо-западе от г. Саврана значится р. Аксумя, впадающая в небольшое озеро. Г.Н.Потанин («Журнал министерства нар. просвещения», 1883 года, № 6, стр. 317, прочел город Ак-сумя и отождествил его с Ак-мечетью (Перовск), тогда как речка Аксумя Ремезова, очевидно, находилась на северной стороне хребта Каратау. Конечно, Аксуме времен Тимура, находившееся на одной из вершин или перевалов Каратау, с позднейшей Ак-мечетью коканского времени ничего общего не имеет.

[3] Histoire de Timur-bec, 1.1, pp. 275, 276.

В эту же сторону, еще далее, должно быть до р. Каркары, проникли войска Тимура во время седьмого похода, предпринятого в 785 г. «Узнав, что в некоторых местностях страны джетов происходят неурядицы, император повелел эмиру Мирзе-Али идти туда с армией и истребить беспокойных этой страны, которые большей частью не были мусульманами; он приказал ему главным образом преследовать Камр-эддина, творца беспорядков... Когда Мирза-Али шел с армией, народ (nation) Behrim, получивший о том вести, засел в засаду с целью нечаянного нападения, и это так ему удалось, что он отнял у Мирзы-Али все вьюки, разбил его и вынудил возвратиться к императору». Тимур немедленно отправил для отмщения нескольких эмиров с войсками, когда же не получил от них в желаемой скорости известий, то послал еще нескольких военачальников с 10 т. всадников. Едва эти последние доследовали до Атакома, как туда прибыли ранее отправленные эмиры, которые уже дошли до народа Бехрим, перебили у него большое число людей, разграбили его страну, забрали много пленных и потом возвратились в Атаком. Так как последние посланные эмиры имели от императора приказание найти Камр-эддина, то они заставили возвратившихся идти с ними к Issighoul'a и дошли почти до Gheul тора, разыскивая Камр-эддина. Найти, однако, не могли и возвратились осенью в Самарканд[1].

В 789 году, во время похода Тимура в Персию, неожиданно открыл против него враждебные действия Тохтамыш, который только благодаря помощи Тимура получил трон Кипчака или Золотой Орды. Он пошел со значительной армией на Мавераннагр и осадил Сабран. Омар-шейх-мирза, правивший Ферганой, выступил против него, но был побит близ Отрара и удалился в Андеган, собирая рассеявшиеся после поражения войска. В это время Анкатура, племянник выше упоминавшегося Хаджи-бея, ирканута, ограбил окрестности Сайрама и Ташкента (?), разбил Омар-шейха перед Аксикетом и осадил Андеган. Взять, однако, не мог и «возвратился в страну неверных»[2].

Около 790 года бежал из Моголистана Акбуга-Бисуд, который был сослан туда, в сторону Элтай'я (Eltai), Тимуром[3]. Тут под Элтайем надо разуметь Алатау, притом, вероятно, ту именно часть этих гор, которые известны ныне под именем Александровского хребта.

Восьмой поход. Весной 791 (1389) года, заставив вновь осаждавшего Сабран и ограбившего Яссы (Туркестан) Тохтамыша обратиться в бегство, Тимур послал за ними погоню, а сам стал лагерем на Аксума (в Каратау)[4]. Убедившись, что Тохтамыша на этот раз не догнать, Тимур решил идти отсюда на джагатайцев. Путь свой направил он, по-

[1] Histoire de Timur-bec, 1.1, pp. 363, 364. Кок-тюбе тут, конечно, не то, которое находилось около Таласа, а другое, на восток от Иссык-Куля. Вероятно, это долина Кок-тюбе, занимающая левый берег Текеса, в среднем его течении, служившая в семидесятых годах зимними и летними кочевками кульджинских адбанов в числе 3 т. кибиток. На изданной «Карте дико-каменных киргизов с прилежащими землями киргизов большой орды и китайскими владениями» (Омск, 1851 г.) часть хребта в верховьях рр.Тупа и Каркары имеет надпись «горы Кук-тюбе». Могла, конечно, называться Кок-тюбе вообще местность по Каркаре вследствие множества находящихся здесь зеленых курганов.
[2] Histoire de Timur-bec, 1.1, pp. 437 - 441.
[3] Histoire de Timur-bec, t. II, p. 17.
[4] Histoire de Timur-bec, t. II, pp. 29 - 31.

видимому, через низовья р. Чу, Голодную степь, верховья Сары-су и Нуры[1] и вышел на Aiokuz (вероятно, р. Аягуз), находившийся в землях вышеупомянутого ирканута Анкатуры. Предполагалось напасть на Анкатуру врасплох, но разные случайности этому помешали и Анкатура имел время и возможность уклониться от предстоявшего нападения. От Аягуза сам Тимур прошел на Карагуджур[2], посланный же с частью армии другим путем (вероятно, более южным) Омар-шейх достиг (oubac) вероятно нынешняя река Кобук, занятая торгоутами, и встретил там Анкатуру. Упорный бой кончился поражением Анкатуры, который бежал, победители же перебили большое число неверных и захватили огромное количество скота и всех дочерей Анкатуры, несравненной красоты. Анкатура бежал через Cacamaburgi[3], Омар-шейх направился к Тимуру и представился ему в Actadictur[4]. Не получая известий от двух давно уже отправленных с поручением эмиров, Тимур приказал Омар-шейху собрать о них сведения. Разъехавшись с возвращавшимися между тем благополучно к Тимуру эмирами, Омар-шейх достиг долины, именуемой Ичмас Алагёль (конечно, это не долина, а озеро Алакуль), побил здесь отряд джагатайцев в 800 человек, имея конвой только в 50 человек, и возвратился с большой добычей. «Между тем Тимур прибыл в Карагучжур[5], стал там лагерем и разделил полученную добычу между офицерами и солдатами. Он оставался в этом месте достаточно времени, чтобы лошади поправились. Он послал эмиров Джеганча и Учкара-Дагадура с 30 т. всадников в сторону Артиша искать неприятеля; они шли день и ночь, когда же прибыли к реке Иртышу[6], то армия пошла по обоим берегам реки и войска всюду осматривали при этом острова и другие убежища; там оказалось не мало неприятелей, которые и были перебиты, а имущество их ограблено. Они привели в императорский лагерь большое число пленных и доставили значительную добычу».

---

[1] Я не привожу подробностей похода и местностей до Аягуза, так как они не имеют отношения к землям и населению прилегающих к западному Тяньшаню стран.

[2] Надо думать, что Карагоджуром называлась нынешняя река Канды-су, текущая из гор Саур и орошающая богатые пастбища Кызыл-Чшшкты в восточном Тарбагатае. Речка Каракучур или Каракучир упоминается в маршруте посланного в Китай в 1654 году Байкова, именно в дне пути от «камня» (хребта Саур), от которого до «контайшина городка» (лежавшего, вероятно, на р. Кобур) было три дня ходу. Куджир или коджур значит «горькая соль, солонец». Действительно почва Кызыл-чиликты «солеглинистая». «Солонцевая почва сопровождает берега Канды-су почти до слияния ее с Терс-айрыком» («Поездка по восточному Тарбагатаю летом 1864 года» Струве и Потанина в «Записках р. геогр. общества» по общей географии, т. 1, стр. 498 - 505). Карагуджур есть та самая местность, которая на карте Рената названа Charachutsier. Это имя и название Chutsier-ola покойный Макшеев (Carte de la Dzuwngarie par Renout, 1881, p. 23) принял за имена каких-нибудь народцев. Последнее есть, вероятно, нынешние горы Коджур, упоминаемые гг.Струве и Потаниным (стр. 488). В «Чертежной книге Сибири» Ремезова 1801 г. (изд. 1882 г., лист 21) есть р. Кара-кучир, левый приток Черного Иртыша.

[3] По уверению Пети Делакруа это древний укрепленный замок на границе страны джетов с северным Туркестаном. Источников и оснований своих объяснений ни в этом, ни во всех других случаях переводчик Шереф-эддина не указывает, а потому приходится считать их его собственными догадками, в значительной части совершенно фантастическими, хотя он иногда даже означает градусы широты и долготы.

[4] Актадиктор, по словам Пети Делакруа, есть деревня близ вышеупомянутого Кубака, а Кубак - город в стране джетов.

[5] Путь Тимура от Аягуза лежал «через Шира, Шебадту, Куи Мераг, Кораган и Буюрлагу; пройдя эти места, он поднялся на Карагоджур». По Пети Делакруа, все эти города, кроме Куи Мераг (это «известный колодец или ключ) и Карагуджура (это «монгольский храм»).

[6] Artich по Пети Делакруа есть город в Моголистане, а Иртыш-река, иначе называемая Артыш, пересекающая всю страну джетов и Моголистан и впадающая в американское море (fa la mer d'Amerique).

Приказав заковать пленников в цепи, Тимур отправил их с несколькими эмирами в город Самарканд, а сам, перейдя великую пустыню, прибыл, после нескольких дней пути, в Aimal goujou и поместился во дворце, именуемом Serai Ourdam.

По объяснению Пети Делакруа, Аймаль гужу - столичный город джетов, на границе Моголистана. Бретшнейдер склонен думать, что это Имиль[1]. По Рашид-эддину, когда Чингиз-хан возвращался домой из Мавераннагра, то выехавшие ему навстречу царевичи Кубилай и Гулагу убили на охоте первый зайца и второй козу в месте Алмак-уй, на границе страны найманов, близ Амал-худжин, по ту сторону реки Гиле (Или), близко к стране уйгурской[2]. Тут Амал-худжин очень сходно Аймаль-гужу и соответствует по положению Имилю. В таком случае известие о переходе Тимуром между Карагуджуром и Аймаль-гужу «великой пустыни» ошибочно, потому что между Карагоджуром и долиною Имиля никакой пустыни нет. Невероятно также проживание Тимура в Серай-орду: построенный на Имиле Угэдэем или Куюком дворец, конечно, не уцелел до времен Тимура и последний помещался разве на его развалинах.

На собранном во время пребывания в Аймал-гужу совещании, для обсуждения мер к истреблению джагатайцев, решено было, что армия будет разделена на несколько отрядов, из которых каждый пойдет особою дорогою, разыскивая врагов не только в местах обыкновенного их пребывания, но и в Монголии, куда много народу удалилось для безопасности. На совещание призваны хорошо знающие дороги в крае люди; по доставленным ими сведениям были обо всем, относящемся до местных дорог и проходов, составлены записки и копии с них розданы всем военачальникам; каждому отряду даны были проводники из хорошо знающих пути джагатайцев; сборным пунктом для всех отрядов была назначена страна юлдузская.

Отряд Омар-шейха, имевший вожаками князей Бурхан-оглана и Баян-Тимура, сыновей Бикиджека, направился по пути, ему назначенному, пересек гору Дубешин-Андур и прибыл в Сага Cuja, отстоящий от Самарканда в трех месяцах караванного пути. На пути этот отряд делал поиски направо и налево, грабил и истреблял все ему встречавшееся. Так же поступали остальные отряды: второй прошел через Кара-арт и Шуруглук, третий через Сагизган, Сугулган, Лиг и Гевейяр, четвертый через Бикут дорогой на Уричу. Последний повстречал орды Булгажи и Илькер, убил у них после жаркого боя много людей и обратил остальных в бегство. Во втором отряде было 30 т. человек, в третьем и четвертом по 20 т. Ясен только путь Омар-шейха, видимо, самый восточный, так как в другом месте «Зафер-намэ» упоминается тот же самый город Кара-ходжа в 35 днях от Хотана на пути в Китай; от этого города остается до Великой

[1] Bretschneider - Notices etc., 1876, p. 148. По тому же автору, в последнем знаке показанной на китайской карте 1331 г. местности Е-миши ошибка вследствие описки, так как в «Юань-ши» это имя пишется Е-ми-ли (см. выше упоминания этой же местности по биографии Елюй-Хиляна); в «Юань-ши», под 1252 г., значится, что император Мангу повелел царевичу Тото (внук Угэдэя) жить в стране Е-ми-ли; там же упоминается о прибытии Оготая по смерти Чингиз-хана из страны Но-1о: это должен быть Кубук.
[2] «История Чингиз-хана», перевод Березина, 1888 года, стр. 93.

стены 31 день пути[1]. Это не оставляет сомнения, что Караходжа есть известный город на востоке от Турфана, бывший в это время и в XV веке столицей Турфанской области. Значит, отряд Омар-ходжи из долины Имиля направился к Тяньшаню, перевалил через этот хребет, вероятно, около Урумчи, прибыл в Караходжа и прошел затем на Юлдуз с южной стороны Тяньшаня.

Сам Тимур шел дорогою на Olouc Coul (т.е. на озеро Алакуль, чем подтверждается, что Аймал-гужу есть Имиль) и, поднявшись на Сичкан-Дабан, встретил тех из булгаджи, которые обращены были в бегство четвертым отрядом. Он истребил их.

Отправляясь против Тохтамыша, Тимур оставил в Туркестане нескольких эмиров; когда же повернул в страну джагатайцев, то послал им приказ также идти на джагатайцев. Эмиры эти, разыскивая джетов, после многих дней пути прошли через Урдабан, потом переправились через реку Абейле и прибыли к Сют-голу, а затем в Чичеклик[2] и ограбили его население. Отсюда они пошли в Балайкан и повсюду истребляли, грабили и пленяли врагов, где их встречали. Они искали роды булгаджи и салуджи, но, пройдя Молзуду, встретили Кызр-ходжа-оглана, хана Моголистана, во шве большой армии. Не привыкшие обращаться в бегство эмиры спешились и отражали врагов в течение сорока восьми часов непрерывного боя и закончили, наконец, мирным договором, который утвержден был клятвою с обеих сторон, но содержание его источник наш не приводит. Затем эмиры эти отправились на Юлдуз, общий сборный пункт для войск Тимура. Между тем один из подвергшихся нападению Хызр-ходжи-хана эмиров, обратившийся в бегство и бросившийся в великую пустыню, присоединился к Тимуру в Кейту и известил его о встрече остальных его товарищей с Хызр-ходжой. Имея с собой только гвардию, Тимур ускорил свой поход, прошел через Конгез и прибыл на Юлдуз, где и нашел эмиров, на которых нападал хан.

Из изложенного надо заключить, что находившиеся «в западном Туркестане, между царствами Джете и Капчак», т.е. между Сабраном и Сайрамом, шли отсюда до р. Или, вероятно, вдоль Александровского хребта и Заилийского Алатау и вышли Талкинским проходом, мимо озера Сютгеля или Сайрам-нора, в долину Бороталы, где вскоре и попали на армию Хызр-ходжи. Под Кейту, где бежавший эмир встретил Тимура, можно подозревать р. Куйтун, приток Эбин-нора. Значит, от Алакуля он шел по северной стороне Эбин-нора. Отсюда, вероятно Цетыртинским перевалом, Тимур прошел в долину р. Или, затем, долиной Кунгеза, достиг Юлдуза.

Взяв на Юлдузе храбрейших воинов своей армии, Тимур оставил там свой двор и тяжести, переправился через реку (?) в Oulakianaouz и бросился разыскивать Хызр-ходжу-хана; он пересек огромную пустыню и прибыл в Карабулак; отсюда, пройдя через Теберташ, он достиг Couchan Cai и увидел армию Хызр-ходжи, но во время ночи армия эта обратилась в бегство и рассеялась в разные стороны. Некоторые полки ее

[1] Histoire de Timur-bec, t. Ill, p. 217.
[2] Этот Tchitcheclic вероятно тот же, что гора Che-che-li-tse-la, упоминаемая в биографии Елюй-Хиляна (см. выше).

попали в бегстве на отряды Омар-шейха и других и были ими истреблены, сам же Тимур перешел гору, именуемую Nairia Keutel и преследовал неприятеля до Кара-таша. Государь джетов Хызр-ходжа-оглан вынужден был покинуть свое царство, едва сохранив свою жизнь и потеряв убитыми или пленными всех своих воинов и лишившись своих жен и детей. Войска Тимура опустошили страну до Кулан-кётеля, забрали бесчисленное множество пленных обоих полов. Тогда победоносный Тимур пустился в обратный путь. Прибыв в Jalich, он разделил между своими воинами всю захваченную огромную добычу, а потом через Кагирту и Билагир прибыл в Юлдуз, куда собрались все его войска.

Я не могу выяснить путей Тимура при погоне его за Хызр-ходжой: может быть, он нашел его в эбин-норском бассейне, но не невозможно, что он догнал его на северной стороне Джунгарского Алатау.

Отправив с Юлдуза Омар-шейха в Андижан, Тимур приказал ему следовать дорогой через «Железные ворота, именуемые Колуга» и истребить неприятелей, которых он там найдет. Пройдя Железные ворота, Омар-шейх встретил князя Кублика, одного из главных джагатайских эмиров, разбил его после упорного боя, схватил его и отрубил ему, «по закону Чингиз-хана», голову; завладев всем скотом и имуществом побежденных и истребив население, он продолжал свой путь через Couzan, Outcheferman, через «великий город Кашгар» и прибыл потом счастливо в свое местопребывание - в Андекан.

Путь Омар-шейха ясен: Железными воротами названо тут, вероятно, ущелье перед городком Курля, а затем Омар-шейх следовал через Куча, Уч-Турфан, и Кашгар в Андижан. Остается только невыясненным: каким путем и как успел Кублик, находившийся в армии Хызр-ходжи, когда она окружила эмиров Тимура на Боротале, попасть на южную сторону Тяньшаня, когда прямейший и удобнейший путь через Юдлуз был занять войсками Тимура.

Сам Тимур, перейдя с Малого Юлдуза на Большой, провел там несколько дней в отдыхе и увеселениях, а затем в июле 1389 года отправился налегке в Самарканд, куда и прибыл в 22 дня, тогда как караваны употребляют на этот путь два месяца.

Западного Тяньшаня этот главнейший из походов Тимура против джагатайцев, в котором участвовало не менее 150 т. его воинов, не касался; разве только обратный путь Тимура и части его войск с Б.Юлдуза направлялся через Текес и Иссык-Куль, но никаких указаний на это нет[1].

Девятый поход. В следующем 792 (1390) году войска Тимура совершили новый тоже дальний поход в страну джетов. Эмир Солиманша и другие полководцы, перейдя

[1] Описание восьмого похода взято мною из Histoire de Timur-bec, t.II, pp. 35-97. Из вышеизложенного видно, что мнение М.И.Иванина («О военном искусстве» и пр., Спб., 1875 г., стр. 143) о том, что в поход этот «вероятно, Тамерлан шел местами, по которым ныне проходит дорога на станицу Верную», совершенно ошибочно.

Сейхун в Ташкенте, пришли с 20 т. всадников на Иссык-Куль, соединились здесь с 5 т. конницы, прибывшей из Ферганы (стало быть, нарынским путем) и дошли до Кок-тюбе. Тут они собрали сведения о неприятеле, перешли через гору Arjatou, напали на джетов, побили их, захватили множество пленных, женщин и детей, ограбили имущество и выжгли всю страну; таким же порядком прошли они все (?) области джетов и дошли почти до Алмалега; отсюда, переправившись вплавь через р. Абейле, они прибыли в Каратал, где находилась орда князя Анкатуры. Тут они узнали, что отправленный из их армии с 400 всадников для рекогносцировки офицер неожиданно встретился с занимавшимся охотою Камр-эддином; офицер этот был убит и отряд его истреблен. Хотя делу этому минуло уже более 40 дней, но эмиры устремились за Камр-эддином, направившимся в сторону полей Itchana Boutchnu, прибыли в Ouker Кер-tadji, оставили здесь свои тяжести, ускоренным ходом достигли р. Иртыша и здесь осведомились, что преследуемый эмир переправился за Иртыш и ушел в сторону Та-vulas, в леса, где, говорят, водятся соболи и горностаи. Перебравшись за Иртыш и выбив раскаленным железом свои гербы и шифры на соснах этих лесов, чтобы сохранились на будущие времена следы похода войск Тимура, эмиры, находившиеся в походе уже десять месяцев и терпевшие недостаток в продовольствии, пустились в обратный путь; они прошли через Altoun Cuourke, где есть дорога, устроенная вдоль берегов большого озера, именуемого Etrac Gheul, и, идя поспешно, прибыли счастливо в Самарканд, где имели счастье лобызать императорский ковер[1].Маршрут этой экспедиции тимуровых эмиров в общем довольно ясен: с Иссык-Куля, через Кок-тюбе[2] - приходящийся в превосходных летних пастбищах на Каркаре или Кегене, где были все удобства для лагерных стоянок джагатайцев, при сборе их для военных предприятий в значительном числе, - они прошли, перевалив хребет Темерлик, в долину р.Или, переправились через нее около Нарына и пробрались, быть может, перевалом Югенташ, в долину р. Коксу, а потом и на Каратал; отсюда они прошли на Иртыш, обогнули большое озеро,

[1] Histoire de Timur-bec, t. II, pp. 66-70. Вероятно, именно этот поход имел в виду Риттер в следующих строках «Землеведения Азии» (стр. 99 второго тома перевода П.П.Семенова, 1859 г.): «Непосредственно за этим событием (гонение на христиан а Алмалике в 1342 году) появился мировой завоеватель Тимур, который к 1400 г. совершил победоносный поход из Ташкента, мимо озера Иссык-Куля (Иссык-голь), к Или (Аб-эйле), в Алмалек, против Ета (Гетов) или Да-хань, т.е. Китайцев, и покорил и разрушил все, что встретил на пути своем до озера Боротала (Караталь)». 1400-й год тут ошибка Пети Делакруа, который, однако, о ней предупредил читателей (с 26 страницы 1 тома года означены на 10 лет вперед), а потому и Риттер мог поставить 1390 год вместо 1400. Но приписал самому Тимуру поход, совершенный его полководцами, уже сам Риттер, вопреки своему источнику, ошибочно. Без всякого также основания принял Риттер Каратал Шереф-эддина за озеро Бороталу, когда нет никаких данных о том, чтобы когда-либо существовало озеро того или другого имени. Джете или чете означало у писателей времен Тимура джагатайцев и ничего общего с ета или гетами это имя не имеет, но по крайней мере это мнение Риттера разделяли и другие ученые. Что же касается до приписываемого тем же джагатайцам имени «Да-хань, т.е. китайцев», то ничего подобного у Шереф-эддина нет и это уже собственное предположение Риттера, не имеющее никаких оснований.

[2] Бретшнейдер (Mediaeval Researches, vol. II, 1888, p. 227) думает, что Кок-тюбе находилось близ р. Или, но именно приведенное место «Зафер-намэ», на которое он опирается, выясняет, что Кок-тюбе отделялось от долины р. Или, по крайней мере, горой или хребтом Аржату, значит, должно было лежать на Каркаре или Кегене, Кок значит не только синий (Кок-тюбе переведено colline bleue), но, всего чаще - зеленый. Легко себе представить: сколько «Зеленых холмов» встречается среди названий урочищ в Тяньшане, в особенности в горных долинах, где все холмы зеленые.

вероятно Зайсан, и возвратились в Самарканд, следуя должно быть все время по северным подножиям Алатау.

Этот поход в джагатайские земли был последним из предпринятых Тимуром или по его повелению. Позднее отношения Тимура к джагатайцам, по-видимому, улучшились и он даже вступил в брак с дочерью Хызр-ходжи-хана. Свадьба совершилась в 799 году с большой торжественностью. Осенью этого года Тимур выехал до Ташкента на встречу высватанной через особое посольство невесте Тукель-ханум, дамы же и эмиры его двора были отправлены еще далее, на 15 дней пути. После пышных празднеств Тимур провел зиму близ деревни Чиназ, в Dere Ahengheran и возвратился в Самарканд лишь весною 800 г[1].

Несмотря на свойство с государем джагатайцев, Тимур, в 800 г., поручив царевичу Мехеммед-султану управление «границами Моголистана», приказал ему построить крепость в Ашира (Ашпаре) и завести там побольше хлебных посольств[2]. В том же году, во время похода в Индию, он принимал близ Кабула посольства из разных стран, между прочим, от Хызр-ходжи. Послы последнего держали такие речи, что в прошлое время разные недоразумения сбили их повелителя с «пути повиновения» и результатом была необходимость бегства и скитаний по пустыням, но теперь здравый смысл и благоразумие побудили к раскаянию и желанию получить от Тимура прощение, с обязательством послушания на будущее время его велениям. Тимур, со своей стороны, старался обласкать послов и расположить их к себе, осыпал их щедрыми наградами и отправил с ними к их государю, с ответным письмом, богатые подарки[3].

В 802 г., перед походом своим в Грузию, Тимур поручил Мехеммед-султану управление Самаркандом, управление же Ферганой и охрана границ Туркестана вверены были им пятнадцатилетнему царевичу Мирзе-Ескендер-султану [4], под руководством его воспитателя (атабека) Баян-Тимура, сына выше упоминавшегося князя Бикиджека, рода канглы. Ескендер-султан вскоре, воспользовавшись смертью Хызр-ходжи-хана и возникшими между его четырьмя сыновьями раздорами, предпринял большой поход в восточный Туркестан и подчинил все земли по Хотан в одну сторону и по Кучу в другую[5]. Этот поход, интересный, между прочим, для географии той страны, западного Тяньшаня не касался.

В 803 (1401) г. Тимур послал эмира Аллахдада в Ашпере, для охраны границы со страною джетов и заведывания ею[6].

В следующем году для охраны и управления границами Туркестана был послан Тимуром царевич Мирза-Халидь-султан[1].

---

[1] Histoire de Timur-bec, t. II, pp. 425-428.
[2] Там же, pp. 428, 429.
[3] Там же, t. Ill, pp. 30,31.
[4] Там же, pp. 200, 201.
[5] Там же, pp. 213, 220.
[6] Там же, p. 357.

В 805 году Тимур распорядился перевести в страну джетов, чтобы вновь ее заселить, племя кара-татар, обитавшее со времени Гулагу на границах Анатолии и Сирии, но племя это в пути возмутилось и было за то почти все истреблено[2].

В 807 году управление городами «Ташкунтом, Сайрамом, Янги, Ашира и всем царством джетов до Китая» было вверено царевичу Улуг-бегу, а управление «Андегаом, Аксикетом, Таразом (?) и Кашгаром до Хотана» поручено Мирзе-Ибрагим-султану[3]. Около того же времени Тимур сослал в Assighoul, в Моголистане, Темур-ходжу Акбугу, за одну вину[4].

Тимур умер 17 шабана 807 (1 апреля 1405) года в Отраре, выступив в поход для покорения Китая[5].

---

[1] Id., t. IV, p. 22.
[2] Histoire de Timur-bec, t. IV, pp. 75, 77, 157, 158, 159. Оставшиеся в живых были все-таки уведены в Мавераннагр, но в земли джетов не попали, потому что, в царствование Шахроха, бежали в Харезм (Notices et extraits, t. XIV, p.2, p. 225.
[3] Historie de Timur-bec, t. IV, p. 203.
[4] Там же, p. 204.
[5] Там же, p.223. Год христианского летосчисления должен быть 1404: так у Катрмера (Notices et extraits, t. XIV, p. I, p. 18) и у В.В.Григорьева («Вост.Туркестан», вып. 2, стр. 316).

3. Джагатаиды после Тамерлана (с начала XV до половины XVI века)

Джагатаев улус по китайской карте 1331 года. Границы Мого- листана во время Тимура. Известия о преемниках Хызр-ходжи. Китайские известия о Хызр-ходже и Шами-джегане. Мусульманские сведения из времен Мехеммед-хана. Известия о Накши-джегане. Шир-Мохаммед и Увейс-хан. Исенъ-буга-хан и Юнус-хан. Дост-Мохаммед-хан. Объединение Моголистана под властью Юнус-хана. Слабость подчиненности кочевых родов. Султан-Махмуд-хан и Султан-Ахмед-хан. Неудача из борьбы с Шейбани-ханом и падение власти Джагатаидов в Моголистане. Основание владений двух ветвей Джагатаидов в Кашгарии и Турфане. Сведения о джагатаидах Кашгарии. Известия о государях Турфана. Описания Моголистана по минским истории и географии.

В китайской карте, изданной около 1331 г. под заглавием «Карта к Пространному описанию учреждений юаньской династии, представляющая страны на северо-западе»[1], во владения Тулай-Тимура или в Джагатаев улус включены были на востоке Лугучин и Бешибали (Урумчи-Турфан), так что только сама восточная часть Тяньшаня, - именно округ Комуля или Хами, - принадлежала монгольскому императору Китая. На карте этой показаны в улусе Джагатая на севере Тяньшаня Бешибали, Чжан-бали, Гутуба (ныне Кубуби), Ангибали, Емиши (Имиль), Кэрлуе (Карлыки, а может быть Каалык), Пула (Пулад), Алимали, Илабали, Еюнычи (вероятно Чуйская долина, так как у Чан Дэ р. Чу названа Июнь), Чачи (Шаш), Утилар (Отрар). Сайлан (Сайрам) показан уже в улусе Джучи, конечно, ошибочно, но зато, тоже ошибочно, Халацзыму (Харезм) отнесен во владения Тулай-Темура. С южной стороны Тяньшаня, по той же карте, принадлежали Джагатаеву улусу Хэлаходжэ (Караходжа), г.Куча, Балиман, Вочи (Ош), Хутан (Хотан), Кэшихар (Кашгар), города Ферганы (Эцзихань), Маргинан, Бабу, Кэсань, Саньмергань (Самарканд), Бухуала (Бухара) и пр.; восточнее Кэсаня и северо-западнее Кэшихара означено Атэбаши, а немного южнее есть надпись Тулуки[2]. В этой последней надписи г. Бретшнейдер предполагает Турки, общее название окрестной страны (Туркестан), замечая, что и в географической части «Юань-ши», в отделе «Си-бэй-ти» («страны на северо-западе»), во главе исчисления местностей и земель, заключающихся в улусе Джагатая, поставлено имя Tu-lu-ki, как бы соответствуя имени Туркестан[3].

Ко времени Тимура северные и восточные пределы владений Джагатаидов не изменились: в 1389 гдду армия его доходила по землям джетов на севере до Иртыша и

---

[1] По Бретшнейдеру (Mediaeval Researches etc., v. II, p. 3) Yuan King shi ta tien si pei pi t: e:ta, or «Map from the King shi ta tien of the Yuan dynastie, representing the countries to the north-west (of China Pre <...>). Составлено «Пространное описание», а, стало быть, и карта, во всяком случае, не ранее 1331 года, так как лишь в этом году последовало, по «Юань-ши», императорское повеление о сочинении такого описания (р. 6).

[2] Карта эта издана арх.Палладием в «Трудах членов российской духовной миссии в Пекине», т. IV, Спб., 1866 г., и вновь помещена, в переводе, с обширными и обстоятельными комментариями, г. Бретшнейдером в его Notices etc., London, 1876, а потом в Mediaeval Researches, vol. II, London, 1888, с некоторыми дополнительными объяснениями. В изданной г. Бретшнейдером карте Харезм помещен в улусе Джучи.

[3] Notices ets., pp. 98, 155.

на востоке до Караходжа. Некоторые указания на юго-восточные пределы Джагатаева улуса дают сказания «Тарихи-Рашиди» о Хызр-ходже[1]. Спасенный Худайдадом Хызр-ходжа, по достижении 12-летнего возраста, увезен был, для безопасности, в горные местности между Кашгаром и Бадахшаном, потом в Хотанские горы и, наконец, в Сарыг-Уйгур и в страну Лоб и Канка (Lob-Kanic), где пробыл еще 12 лет; когда, вследствие многих вторжений и опустошений от армий Тимура, власть Камр-эддина стала клониться к упадку, Хызр-ходжа был вызван Худайдадом в Моголистан и возведен на ханский престол, конечно, ранее 1389 года, потому что в поход этого года войска Тимура уже сражались и с Хызр-ходжа-ханом. В поход 1390 г. эмиры Тимура преследуют за Иртыш Камр-эддина, оказывающегося на Каратале; если это не описка и не недоразумение историка Тимура, то Камр-эддин снова властвовал в части джагатайских земель[2].

По Шереф-эддину, в 802 г., одновременно с известием о смерти Хызр-ходжи-хана получены были Тимуром сведения о раздорах, возникших между четырьмя его сыновьями Шама-джеганом, Мехеммед-огланом, Шир-али и Ша-джеганом[3]. Вероятно, сыновья эти поименованы по старшинству, между тем по «Тарихи-Рашиди» Хызр-ходже наследовал сын его Мехеммед-хан, значит второй[4]. Нужно полагать, что автор «Тарихи-Рашиди», писавший, видимо, по устным рассказам и преданиям, ошибся. На самом деле, как гласят китайские известия, Хызр-ходже наследовал Шама-джеган. flo «Мин-ши» сношения Китая с владетелями Бешибали, как называли минцы сначала Джагатаев улус, начались по поводу отсылки на родину попавшихся, в 1388 году, в Монголии, в руки генерала Лань юй, нескольких сотен самаркандских (конечно, сартов из разных городов Мавераннагра и Ферганы) торговцев. Когда сопровождавшее этих торговцев китайское посольство возвращалось через Бешибали, то тамошний государь, по имени Хэ-ди-р-хусджа (т.е. Хызр-ходжа) отправил с ним посла от себя к китайскому двору; посольство это прибыло в 7 месяце 1391 года и представило в «дань», т.е. в подарок, лошадей и соколов. Император принял посла ласково, одарил его и отправил к его государю шелковые материи и одежды. В 9 месяце того же года китайский двор снарядил к Хазр-ходжа-хану посольство из трех сановников, извещая в письме о низвержении Юаньской династии, похваляя за присылку дани и выставляя выгоды сношений с Китаем. Неизвестно почему, государь Бешибалига отнесся к посольству недружелюбно и задержал старшего посла Гуаня Чэ, дозволив остальным чинам посольства возвратиться. В 1 месяце 1397 года минский император отправил к Хызр-

[1] «Тарихи-Рашиди» по Бретшнейдеру (Mediaeval Researches, II, p. 228) на основании переводов Erskina (History of India under Buber and Humaryum, 1854, vol. I, p. 42).
[2] По «Тарихи-Рашиди» (Бретшнейдер, Mediaeval Researches, v. IV, p. 291) по Erskin'y (Камр-эддин умер от утомления и голода, скрываясь в пустыне, в сопровождении двух спутников, около 1393 г. По Абулгази (Histoires des Mogols etc., p. 140), при слухах о приближении преследовавших его войск Тимура, Камр-эддин, страдавший водянкою, спрятался в большом лесу, имея при себе лишь молодую рабыню; известия о войсках Тимура оказались ложными, но Камр-эддина не нашли уже в лесу, служившем ему убежищем; впоследствии узнали, что он отправился к царю персидскому».
[3] Histoire de Timur-bec, t. Ill, p. 213.
[4] Извлечения из «Черт иклима», переведенные Катрмером в Notices et exraits des manuscripts de la biblioteque do rai, t. XIV, partie I, 1843.

ходже новое письмо, убеждая отпустить Гуаня и сообщая, что распорядился было со своей стороны задержать мусульманских торговцев, но отпустил из сожаления к их семействам. По получении этого письма Гуань был отпущен на родину. Император Юнло (1403-1425), по вступлении на престол, отправил к государю Бешибали посла с письмом и подарками, но посольство это не застало уже в живых Хызр-ходжу и царствовал уже его сын Шами-чаган (т.е. Шами- джеган Шереф-эддина). В следующем году новый хан прислал в Китай «дань» из камня юй и лошадей. В это же время Шами-чаган начал военные действия против монгольского хана Кюй-ли-чи (Куйланча)[1], который отправил правителя Хами Анько-Темура, находившегося под покровительством Китая; император послал Шами-чагану благодарность и подарки, прося его благосклонности к новому правителю Хами Тото. В 1406 г. были обоюдные посольства. В 1407 году Шами-чаган просил о помощи войском для подчинения Самарканда, который прежде принадлежал государю Бешибали. Для выяснения обстоятельств император послал в Бешибали евнухов Ба Тай и Ли Та, которые возвратились в следующем 1408 году с известием о смерти Шами-чагана, которому наследовал брат Ма-ха-ма (т.е. Мехеммед-хан), от которого были посольства к китайскому двору в 1411 и 1413 гг.

В «Матла-ассаадеин» Абдэр-Разака Самарканди есть следующие известия из времени правления Мехеммед-хана:

В 810 г. Мирза-Халил-султан, овладевший по смерти Тимура Мавераннагром при помощи собранных для похода в Китай войск, был пленен эмиром Худайдадом-Хусейни, который правил Ташкентом еще при Тимуре. В 812 г. сын Тимура Шахрох выступил против него из Самарканда. Худайдад, со своей стороны, рассчитывал на помощь от джагатайцев. Действительно, государь Моголистана Мехеммед-хан прислал войско с братом своим «Шама-джеганом или Шах-джеганом»[2]. Худайдад с радостью выехал к нему навстречу, но Шах-джеган, посоветовавшись со своими эмирами и рассудив, что Худайдад, осыпанный благодеяниями Тимура, обязан был признательностью его детям, приказал умертвить его и голову отослал к начальствовавшему авангардом Шахроха эмиру Шах-Мульку. После гибели Худайдада содержавшийся у него в плену Мирза-Халил-султан был увезен к сыну Худайдада Абд-эль-Халику в крепость Алла в Алла-куге (Alla-Kouh)[3]. Шахрух принудил Абд-эль-Халика покориться и освободить пленника.

Возмутившийся впоследствии эмир Шейх-Нур-эддин также искал помощи у джагатайцев, хан которых послал к нему Шах-джегана с 15 т. человек. Выступивший против него эмир Шах-Мульк, правивший Самаркандом при несовершеннолетнем

[1] Хан этот в 1405 году был убит Элютэем-тайшою, который возвел на его место Ben-ya-shi-li, происходившего от «монгольских императоров Бешибалига», т.е. джагатаида (Bretschneider, Mediaeval Recearches, II, 163, по «Мин-ши»).
[2] Верно, конечно, второе имя, так как носивший первое Шами-джеган, по кит. известиям, умер еще в 1408 г. (около 811г. гиджры).
[3] Это вероятно, Ала-тау, потому что персидское куг соответствует тюркскому тау. Крепостца должна была находиться в Александровском хребте, не дальше, конечно, границ владений Тимура, т.е. Ашпары.

Улуг-беге, выслал тайно отряд из 2 т. отборных всадников, который в местности Янги (значит на Таласе) неожиданно напал на джагатайских кочевников, не предвидевших появления неприятеля в тылу своей армии, истребил множество кибиток и захватил 6 т. лошадей. Тогда выступил сам Мехеммед-хан во главе многочисленного войска. «Отправясь из своей столицы (?), он достиг урочища, именуемого Алан-баши, между Янги и Савраном», но далее не пошел, так как на совете с эмирами было им тут решено, что враждовать с Тимуридами из-за Шейх-Нур-эддина не следует. Стороны обменялись подарками и заключили прочный мир.

Однако в 817 году джагатайцы являлись на помощь возмутившемуся против Улуг-бега Мирза-Эмирек-Ахмеду, разбили его эмиров, осадили Андижан, когда же взять его не смогли, то удалились домой, обремененные добычей. С ними удалился в Моголистан к Мехеммед-хану и Мирза-Эмирек-Ахмед[1].

В этот же (соответствующем 817 г. гиджры) 1414 г., по «Мин-ши» было послано к Махама (Мехеммед-хану) китайское посольство. По возвращении оно доставило Шестая о смерти Махама, не оставившего сыновей. Наследовал ему племянник На-хэй-ши-джи-ган, который в 1416 г. уведомил через посла о смерти дяди. В следующем 1417 году он просил о пожаловании в обмен на лошадей шелковых материй для приданого царевны, выдаваемой в Самарканд; было отпущено 1000 кусков. В 1418 «щу получилось известие о смерти Шакши-джегана, убитого двоюродным братом его Вайсом, который объявил себя ханом и переселился со своим народом к западу, переменив прежнее название государства Бешибали на имя Илибали. В сношениях с Вайсом китайский двор находился до его смерти в 1428 году, когда ему наследовал сын Ессень-бугуа, который тоже представлял дань Китаю[2].

По «Тарихи-Рашиди» Мехеммед-хану наследовал сын его Шир-Мохаммед, но китайские известия подтверждаются и Абд-эр-Разаком, по которому в 1415 году Мехеммед-хану наследовал его племянник, сын Шама-джегана, Накши-джеган, который в следующем году присылал посольство к Шахроху[3]. Подтверждаются также частью китайские известия и реляцией о посольстве Шароха в Китай. Это посольство вступило в земли «моголов», пройдя «Сайрам и Ашпаре», 26 апреля 1420 года (823 гиджры); в то время происходили междоусобия между Авейс-ханом и Шир-Али-огланом, но вскоре мир был восстановлен; 1 июня посольство прибыло в Билугту (или Билгуту, как читает В.В.Григорьев) и обождало здесь следовавших в Китай же посланцев от владетелей Бадахшана; 5 июня послы отправились далее; переправились через реку Кенкер (вероятно следует читать Кунгес, значит и Билугу близ Кунгеса) и прибыло на другой день к Мохаммед-бею, государю племен (des tribus)[4]; 11 июня послы достигли Юлдуза,

[1] «Матла-ассаадейн» в переводе Катрмера (Notices et extraits das manuscripts de la biblioteque du rai etc., t. XIV, partie I, Paris, 1843, pp. 146-158, 197-105, 247, 270).
[2] Bretschneider - Mediaeval Researches, II, p. 241.
[3] Там же, p. 233.
[4] Один из его сыновей был женат на дочери Шах-джегана, другая дочь которого была выдана за одного из тимуридов.

волости (иль) Шир-беграм; тут оно оставалось до 21 июня, но услышав об ограблении сыновьями Мохаммед-бея даджия Авейс-хана, поспешило отправиться в дальнейший путь и благополучно достигло Турфана[1].

Однако увековеченный надписью в ущелье Джилан-уты (на дороге из Джизака в Самарканд) поход Улуг-бега, отнесенный надписью этой к 828 (1424-5) году, вызван был невыдачей ханом Шир-Мохаммедом-огланом сына некоего Али-бекрита, бежавшего в Моголистан. 8 ноября 1424 года Улуг-бег выступил из Самарканда к Ходженту и зазимовал в Шахрохии, правое же крыло его армии имело зимние квартиры в Караоспане на Арысе. 14 февраля 1425 г. армия выступила в поход и 4 марта имела сражение около Аксу; после этого сражения Улуг-бег перешел р. Джу (Чу), стало быть речь идет об реке Аксу, на которой ныне село Беловодское. В начале мая было другое сражение, неизвестно где[2].

По «Тарихи-Рашиди» Вейс-хан, племянник Шир-Мохаммеда, собрав себе в степи шайку удальцов, вел хищническую против дяди войну, но избран в великие ханы лишь после его смерти. Быть может разноречивые известия Мухаммед-Хайдера, Абд-эр-Разака и китайские объясняются тем, что Шир Мохаммед (он же Шир-Али-оглан?) властвовал в самой западной части Моголистана и был вынужден признавать верховенство Вейс-хана. По «Тарихи-Рашиди» же Вейс-хан имел местопребывание в округе Турфана и вел все царствование войну с калмыками, вождь которых именуется Эшан-тайджи[3]. Он был убит случайно стрелой собственного солдата во время войны с Улуг-бегом в 1428-9 году[4].

По «Запискам» султана Бабура, по смерти Вайс-хана монголы разделились на две партии, из которых более многочисленная признала ханом Исан-бугу, другая же поддерживала другого сына Вейс-хана Юнуса. Надеясь на помощь Улуг-бега, который взял сестру Юнус-хана за своего сына, туман-беки монгольских родов барин и чирас с 3-4 тысячами кибиток отправились с Юнус-ханом к Улуг-бегу, но он частью пленил, частью рассеял по своим владениям пришедших с Юнус-ханом монголов, самого же его отправил на жительство в Хорасан. Лет через двадцать, когда Исанбуга-хан, воспользовавшись смутами в Мавераннагре, совершил нашествие на Фергану, проникнув до Канибадама, взяв Андижан и уведя в плен всех его жителей, государь

---

[1] Notices et extraits des manuscripts, t. XIV, p. I, pp. 388 et 389. См. также «Восточный Туркестан» В.В.Григорьева, вып. 2, стр.435.

[2] Лерх «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году», Спб., 1870 г., стр. 27 и 38, по Абд-эр-Разаку и Мирхоиду. По последнему Улуг-бег шел через Яны-Тараз.

[3] Вероятно, это ойратский Эсен-тайджи. Хотя он сделался главой ойратов и министром монгольского хана лишь по смерти отца своего Тогона в 1440 году, но это не устраняет возможности того, что при жизни отца он управлял самыми западными ойратскими землями и воевал с джагатаидами. Война Вейс-хана с калмыками подтверждается и «Мин-ши» (Бретшнейдер, Mediaeval Researches, I, p. 240), по которой «вала» жаловались еще в 1407 году на вооружения Махамы для войны против них. По тому же источнику вала в 1422 г. ограбили Хами (id., p. 164). В том же году туземный правитель Турфана жаловался китайскому двору на притеснения Вейс-хана (p. 194). По «Тарихи-Рашиди» Турфан и Караходжа были завоеваны еще Хызр-ходжа-ханом (В.В.Григорьев «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 334, по рукописи петербургского университета).

[4] Бретшнейдер, Mediaeval Researches, II, p. 234.

Мавераннагра Абу-Саид, разбив Исан-бугу в Моголистане, в Ашфера, городе, лежащем за Янги, вызвал из Персии Юнус-хана, заключил с ним союз и противопоставил его Исан-буге; в это время все туман-беки рода печагур-бакчи поссорились с Исан-бугою и признали ханом Юнус-хана, который женился на дочери старшего из их беков[1].

По «Тарихи-Рашиди», нерасположение большинства родов Моголистана к старшему сыну Вейс-хана происходило из того, что мать Юнус-хана была не монгольского рода, а дочь одного из кипчакских эмиров; приняли сторону Юнус-хана главным образом только старшины рода кирас (Khiras). Став по удалении Юнус-хана властелином всего Моголистана, Исан-буга-хан сначала, по несовершеннолетию своему, не принимал участия в делах, когда же вырос, то бесчеловечным и неблагоразумным убиением Тимур-Уйгура, одного из знатнейших эмиров, возбудил общее неудовольствие и вражду родов. Главы их, по общему соглашению, решили его оставить. Покинутый всеми Исан-буга вынужден был удалиться в Аксу, к оставшемуся, по-прежнему, на его стороне эмиру Саид-Али, рода дуглат, главе потомков Булатчи, наследственно правивших Кашгарией. Оставившие Исень-бугу кочевые роды разбрелись между тем в разные стороны. Одни ушли на восток к пределам калмыцким, другие к границам Кипчака, третьи присоединились к Абул-хаир-хану, могущественному правителю узбеков, которые в это время занимали степи от Яика до Сыра. Некоторые роды утвердились в соседстве с Андиджаном, Туркистаном и Сайрамом и стали производить постоянные хищнические нападения на эти цветущие области. Эмиры кунчи (konchi) и пяти других родов продолжали кочевать в степях Моголистана. Поняв свое неблагоразумие и увидев его последствия, Исан-буга употребил все старания, чтобы выказать свое раскаяние и ослабить враждебные чувства своих подданных. Он успел постепенно примириться с некоторыми из глав родов, которые неохотно его оставили и возвратились теперь под его знамена. Воспользовавшись неурядицами в Мавераннагре, в 851-853 (1446-9) гг., когда происходили там междоусобия у Улуг-бега с сыном, восстановивший частью свои силы Исан-буга вторгнулся в принадлежавшие владыкам Самарканда земли к северу от Яксарта, где находились Ташкент и Сайрам, ограбил и опустошил этот край и возвратился домой с большой добычей. Когда, через некоторое время, в 855 (1451) г. Исан-буга повторил свое нашествие, то ему уже пришлось иметь дело с Абу-Саид-мирзой, который взял верх над соперниками, при помощи Абул-хаир-хана, и воссел на трон Самарканда. Этот энергичный государь, собрав войска, устремился за возвращавшимся домой Исан-бугою, и догнал его в Masiki, в книгах именуемом Тараз. Моголы, задачей которых был грабеж, а не война, обратились в бегство, а султан Абу-Саид, прогнав их, возвратился домой. Через некоторое время, когда Абу-Саид, завоевав Хорасан, собирался идти в Ирак, Исан-буга с многочисленной армией вступил в Фергану, и осадил Андижан. Взявши этот город и опустошив страну, Исан-буга пошел домой с огромной добычей и большим

[1] Memories de Bober, trad, par Pavet de Courtaille, 1871, pp. 19-21 По Хондемиру (Journal asiatique, 1852, t. XIX, p. 284), оставивший Исан-бугу монгольский туман носил имя сагирджи. По Рашид-эддину одна из орд найманов называлась гучагур (D'Ohsson, I, p. 425).

количеством пленных. «И доныне - говорит Хайдер-мирза - некоторые потомки пленных, уведенных тогда, находятся в Кашгаре и сделались совсем моголами». Известие об этом нашествии застало Абу-Саида в Герате. Когда он вступил в Моголистан, то узнал, что его враг, не намереваясь выступать в поле, удаляется в самые отдаленные части своей страны, куда следовать за ним со своей армией султан не может. Абу-Саид был вынужден предпринять обратный путь, но Юнус-хан сильно затруднил движение отступавшей армии, окружая ее летучими отрядами всадников, которые захватывали вьюки и задерживали отставших; когда же султан со своей армией прекращал отступление и обращался на врага, враг этот исчезал[1].

Изыскивая средства для борьбы с таким неуловимым врагом и для прекращения его набегов, Абу-Саид придумал противопоставить Исан-буге соперника в самом Моголистане. Для этого, по возвращении из Герат, Абу Сайд вызвал к себе из заточения Юнус-хана, обошелся с ним с почетом и ласкою и склонил к заключению договора, утвержденного со стороны Юнус-хана клятвою, которым Юнус-хан, за себя и за своих преемников отказался в пользу Абу-Саида от всяких притязаний Джагатаидов на Мавераннагр, Абу-Саид же признал его ханом Моголистана и обещал свой союз и помощь для овладения Моголистаном. Юнус-хан достиг в это время (около 856, т.е. 1452 г. нашего летосчисления) сорокалетнего возраста. Будучи одарен хорошими способностями и вращаясь более двадцати лет в образованном обществе Тавриза и Шираза, он усвоил себе привычки, образ жизни и образованность тогдашних персиян, а вместе с тем и склонность к оседлой жизни. По вступлении Юнус-хана в пределы Моголистана, его сторону приняли роды, еще не примирившиеся с Исан-бугою, именно эмир Керим-берды, рода дуглат, и моголы родов кунчи и бегчак. Чтобы упрочить их преданность Юнус-хан женился на Ais-doulat Begom, дочери главы кунчи-тумана. Скоро число подданных Юнус-хана достигло значительной цифры, но главы подчинившихся ему родов многие годы пользовались полной независимостью и оказывали новому хану весьма недостаточное повиновение. Несклонный к крутым мерам, он со своей стороны предпочитал прибегать для достижения покорности к убеждению и дипломатическому искусству. Во втором году после возвращения в Моголистан Юнус-хан нашел свои силы нестолько значительными, что вздумал подчинить себе Кашгар. Узнав, что Юнус-хан приступил к осаде Кашгара, где находился эмир Саид-Али, Исан-буга, бывший в то время на Юлдузе, в крайней восточной оконечности своих владений, поспешил собрать свои войска и отправился с 60 т. человек на помощь к Саид-Али. Он шел так поспешно, что через 12 дней уже соединился с Саид-Али, но привел с собой только 6 т. человек, так как остальные войска еще не подоспели. В происшедшей в 12 милях от Кашгара в стороне Аксу, битве Юнус-хан был разбит наголову и едва спасся бегством. Весь его багаж и жена со старшей дочерью попали в руки Саид-Али, который,

[1] Быть может, такой способ борьбы с многочисленным, лучше вооруженным и дисциплинированным врагом не был изобретением Исан-буги: той же системы держались джеты, воюя с Тимуром, и если историк Тимура ничего не сообщает нам о невыгодных для своего героя результатах этой системы, то это еще не значит, чтобы походы войск Тамерлана в Моголистане в самом деле состояли единственно из ряда безнаказанных грабежей и избиений.

однако, обошелся с семейством хана почтительно и отправил его вскоре к Юнус-хану. Упав духом после этой неудачи, Юнус хан оставил семейство в Моголистане, а сам отправился в Хорасан к Абу-Саиду. Довольный внутренними раздорами в Моголистане, прекратившими вторжения моголов в его собственные владения, Абу-Саид постарался ободрить Юнус-хана и убедить его возвратиться в Моголистан. В виде же помощи он уступил ему Месики, небольшую горную страну, зависевшую от Андиджана и граничившую с Ташкентом[1]. К счастью для Юнус-хана, вскоре после его возвращения (в 862, т.е. 1458 г. нашего летосчисления), умер энергичный правитель Кашгарии Сайд-Али, а через четыре года, в 866 (1462) г. скончался и сам Исан-буга. Ему наследовал сын его Дост-Мохаммед, который насилиями и неблагоразумными действиями уменьшил число своих сторонников. К Юнус-хану напротив, кроме прежних родов, присоединились и многие другие. Он двинулся на восток и подчинил себе Кашгар, где нашел города, замледельческое население и жизнь в домах вместо юрт, но ропот родов, которые напротив не любили городов и оседлых жилищ, предпочитая жить на свободе и дышать вольным воздухом степей, вскоре вынудил его отправиться в Моголистан. После смерти Дост-Мохаммеда, в 870 (1465-6) г., власть Юнус-хана признали и роды, державшие сторону племянника, и он сделался очень могущественным. Ближайшие сторонники семейства малолетнего сына Дост-Мохаммеда Кебек-султана увезли его в Турфан. Юнус-хан избрал для своего местопребывания Аксу, который «сравнительно с Моголистаном, немного походил на город», но вскоре был вынужден вновь возвратиться в степи, так как родоначальники угрожали перейти к его племяннику Кебек-султану. В 877 (1472 - 3) г. во владения Юнус-хана вторгся во главе 300 т. человек какой-то калмыцкий вождь, удалившийся из своей страны вследствие внутренних раздоров. Юнус-хан выступил против него, но был, на берегах р. Или, наголову разбит и отступил в Туркистан, где, на Сыр-дарье, на Каратугае и остался зимовать, с 60 т. кибиток. Поразив здесь напавших на него за дружбу с казаками 20 т. узбеков и отрубив голову взятому при этом в плен узбекскому главе Барудж-султану, Юнус-хан двинулся весною к Ташкенту. Владевший Ташкентом, в номинальной зависимости от султанов Самарканда, Шейх-Джемал-эддин Кар, по приближении хана к Ташкенту, выехал ему навстречу с многочисленной свитой. Юнус-хан заметил, что его собственная свита внезапно уменьшилась, но его уверили, что многие поехали на встречу ташкентского правителя. Когда шейх прибыл, то Юнус-хан был схвачен собственными своими людьми и, по распоряжению шейха, заключен в тюрьму, в которой томился двенадцать месяцев. Кажется, недовольные Юнус-ханом эмиры вошли с Джемал-эддином в тайное соглашение; по крайней мере, после задержания хана все они признали власть Джемал-эддина. Только через год, когда эмир Абд-эль-Кадус, с небольшой партией сторонников, напал на Джемал-эддина и убил его, Юнус-хан был освобожден. Тогда возвратились к повиновению и все могольские вожди, заверяя, что оставили его лишь вследствие его склонности к городской жизни, для них ненавистной. Хан обещался сообразоваться впредь с

[1] Речь идет о Таласе, который едва ли и был в фактическом обладании Абу-Саида.

желаниями народа[1]. Так как калмыцкий вождь, побивший Юнус-хана, давно уже возвратился в свою страну, то хан перенес свой лагерь в степи Моголистана. Вскоре после того слуги Кебек-султана убили своего господина и доставили голову его Юнус-хану, но возмущенный таким изменническим поступком этих людей хан приказал подвергнуть их действию закона возмездия. В 890 (1485) г. Юнус-хан получил от зятя своего государя Ферганы Омар-шейх-мирзы Сайрам и в следующем году Ташкент, за помощь против враждовавшего с ним брата его, владельца Самарканда, и стал проводить зимы в этих городах. Тогда значительная часть родов окончательно оставила Юнус-хана и удалилась в Моголистан, уведя с собой младшего сына хана Султан-Ахмеда, который и стал править Моголистаном. Автор «Тарихи-Рашиди» объясняет стремление Юнус-хана к оседлой жизни не только приобретенною во время заточения в Персии привычкою, но и религиозными побуждениями: его подданные были или язычники, или склонны к язычеству и вообще в большинстве привязаны к своим древним обычаям и верованиям, почему Юнус-хан был убежден, что они утвердятся в мусульманстве лишь с переменой кочевого образа жизни на оседлый.

По смерти, в 892 (1496-7) г., Юнус-хана старший сын его Султан-Махмуд-хан властвовал в Ташкенте и Сайраме и над кочевавшими поблизости родами. Он отстоял Ташкент против притязаний султанов Ферганы и Самарканда, которые хотели возвратить себе эту область, и разбил в 1488 году многочисленную самаркандскую армию, которая подступала к Ташкенту, на р. Чир (Чирчик?). Этой победой он обязан был Шейбани хану, главе узбеков, который в это время служил самаркандскому султану и перешел на сторону Махмуд-хана. В награду за эту услугу он дал Шейбани отнятую у самаркандцев после их поражения область (города) Туркестана. Здесь Шейбани начал собирать себе своих узбеков и вскоре сделался настолько сильным, что мог приступить к завоеванию Мавераннагра. Недовольные оказываемою Махмуд- ханом помощью их смертельному врагу казацкие ханы начали с ним войну, в которой нанесли ему два сильных поражения. Тогда, в 1502 г., на помощь к Махмуд-хану прибыл младший его брат Султан-Ахмед-хан, продолжавший и по смерти отца править восточным Моголистаном. Это был государь весьма способный и деятельный. Около десяти лет употребил он на обуздание своеволия родоначальников и наконец добился общего их повиновения. Он находился в постоянной войне с восточными своими соседями - калмыками и победил их в двух кровавых битвах. Прибыв на помощь брату, он вторгся в земли казаков, трижды разбил их и опустошил их страну. Пользуясь смутами в Мавераннагре, которым овладел между тем Шейбани, братья хотели покорить себе Фергану, но Шейбани-хан, в июне 1503 года, с 30 т. узбеков, не дав им времени притянуть подкрепления из Ташкента и Ура-тюбе, разбил их пятнадцатитысячную армию и взял обоих ханов в плен. Заняв после этой победы Ташкент, он возвратил им

[1] По Хайдер-Рази, который сведения свои большей частью почерпал из «Тарихи-Рашиди» (по заверению Вельяминова-Зернова в «Исследованиях о касимовских царях» и пр., ч. 2, стр. 270 и 271), Юнус-хан обещался родоначальникам не только не жить в городах или зданиях, но даже не произносить никогда самого слова город (из примечаний Катрмера к Histoire des Mongols de la Perse par Raschid-eddin, 1.1, Paris, 1836, p. 69).

свободу с условием сдачи защищавшейся против него Шахрохии. Ханы удалились в Моголистан. Здесь Ахмед-хан через пять месяцев умер. Наследственный шейх-уль-ислам восточной части Моголистана ходжа Тадж-эддин-Мохаммед рассказывал автору «Тарихи-Рашиди», что он добыл противоядие от тайной отравы, которой страдал Ахмед-хан, но он, подтвердив, что действительно отравлен Шейбан- ханом, отказался принимать противоядие, желая умереть, чтобы не переживать понесенного поражения. По смерти Ахмед-хана восточным Моголистаном продолжал управлять старший его сын Мансур, которого, отправляясь в Ташкент, он оставил в Аксу. Султан-Махмуд-хан стал править в западном Моголистане, но здесь явились ему соперниками братья Мансура Абу-Саид и Халиль, которые привлекли на свою сторону беспокойные умы родов. Махмуд-хан удалился «в Betikend (?), в Моголистане, где была некоторая оседлость». Скучая по городской жизни и теснимый племянниками и непокорными родами, Махмуд-хан решился прибегнуть к покровительству Шейбани-хана, находя, что хижина в Ташкенте лучше самого блестящего положения в Аксу. По распоряжению Шейбани-хана, опасавшегося притязаний его на Ташкент, Махмуд-хан был схвачен в Ходженте и вместе с пятью сыновьями лишен жизни. Старший его сын Мухаммед-султан, тщетно удерживавший отца от вступления во владения Шейбани-хана и отказавшийся за ним следовать, остался в Моголистане и ушел потом к Бурундук-хану и Касим-султану, главам казаков[1].

По «Гефт-иклиму», автор которого заимствовал сведения об этих событиях из «Тарихи-Рашиди», по смерти Ахмед-хана на престол Моголистана вступил старший его сын Мансур-хан. Братья его, находившиеся с ним в ссоре, бежали от него в разные стороны. Из них Абу-Саид и Халиль искали убежища у кыргызов. Мансур, предупреждая их намерения, пошел против них с многочисленным войском и разбил их в уроч. Джарун-Чалак (?). Абу-Саид и Халиль бежали в сторону Ферганы, но правивший в Андижане Джанибек, двоюродный брат Шейбани-хана, схватил Халиль- султана и немедленно приказал его умертвить. Абу-Саид успел спастись и пробрался в Кабул к султану Бабуру. Когда, по смерти Шейбани-хана (1510 г), Бабур овладел Мавераннагром, то дал султану Абу-Саиду Фергану. Когда же узбеки снова отняли у Бабура Самарканд, то Суюнчук-хан, владевший Ташкентом, разбил Абу-Саида и вынудил его бежать в Моголистан. После неудачной попытки снова овладеть Андижаном, видя, что с узбеками ему не справиться, Абу-Саид предпринял завоевание Кашгара, которым владел потомок Булатчи и Худайдада, рода дуглат, Абу-Бекр. Кашгар покорился по взятии в 920 (1514 г) г. Яркенда, откуда Абу-Бекр бежал в Тибетские горы. Здесь Абу-Саид или Султан саид-хан утвердился окончательно, завоевал в 936 г. половину Бадахшана, подчинил потом Кашмир и умер в 939 (1533) г. Ему наследовал старший сын Абд-эр-Рашид-хан, прославившийся победой над казаками и властвовавший 33 года, значит по 1566 год. Из 13 сыновей его ханское достоинство досталось старшему Абд-эль-Латиф-хану, который беспрестанно воевал с казаками и

[1] A History of India under the two first sovereigns of the House of Taimur, Baber and Humayun (By Willian Erskine, esq., in two volumes, London, 1854, vol. I, pp. 44, 46-66, 184, 185, 190-192).

кыргызами и погиб в бою с ними. Его преемником был брат его Абд-эль-Керим, царствовавший в то время, когда писал автор «Гефт-иклима»[1]. О дальнейших кашгарских Джагатаидах достоверных сведений нет, но по списку Джагатаидов, властвовавших в Восточном Туркестане, помещенному в «Си-юй-тун-вынь-чжи» и составленному, вероятно, на основании местных сведений, после Султан-сеид-хана и сына его Абду-Речита (Абд-эр-Рашид-хана) значатся «Абду-Регим, сын его, Баба-хан, сын его, Ахбаш, сын его Султан-Ахмет, сын его, Мансур, сын его, и Абдулла, сын его»[2].

Старший брат Султан-Саид-хана Султан-Мансур-хан властвовал в Турфане и Чалыше (Карашар) и умер в 950 (1543-4) г[3]. Ему наследовал сын Шах-хан[4].

По китайским известиям, Есень-буга-хан умер в 1445 г. и ему наследовал Е-ми-ли-хуо-джа, который представлял дань и к которому в 1456 и 1457 гг. были отправляемы китайские посольства. После того китайским двором было установлено, чтобы посольства из Илибали присылались только через три-четыре года и чтобы свита посла не превышала 10 человек. Затем сведения о сношениях с Илибали в «Мин-ши» прекращаются[5]. Но в статье о Турфане той же «Мин-ши» упоминается о сношениях через посольства с правителем Турфана Е-ми-ли-хуо-джой, носившим титул хана, в 1452, 1459, 1465 гг., с замечанием, что могущество Турфана находилось в это время в упадке. В 1469 году посольство из Турфана известило о принятии правителем титула султана и могущество его снова усилилось. В 1473 г. турфанский султан Али овладел городом Хами. В 1478 году он умер и ему наследовал сын А-хэй-ма. Он присылал Китаю дань и дважды овладевал Хами в 1488 и 1493 году. В 1504 году он умер, и между сыновьями его произошли междоусобия. Взял верх старший Мансур и стал отправлять посольства к китайскому двору. В 1513 г. он овладел Хами. Умер он в 1545 году. В преемники был им назначен сын Ша; брат последнего Ма-хэй-ма овладел Хами и вступил в союз с ойратами, взяв у них себе жену. В 1570 году Ша умер и Махэйма занял его место, но против него восстали другие братья, из которых Со-фэй отправлял в Китай посольства[6].

Можно думать, что кашгарская ветвь Джагатаидов существовала до овладения Кашгарией калмыками в последней четверти XVII века, хотя прямых для этого свидетельств нет, турфанская же ветвь имеет представителей и в настоящее время в лице

---

[1] Notices et extraits, t. XIV, partie I, pp. 485, t. 87. См. также «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 322 и 323. По Хайдер-Разн, Абд-эль-Латнф «владелец Аксу и Моголистана» погиб в битве с государем казацким и кыргызским Хакк-Назар-ханом («О касимовских царях и царевичах», ч. 2, стр. 333).

[2] Иакинфа «Описание Чжунгарии» и пр., Спб., 1829 года, стр. 255 и 256. Список этот вообще сомнительного достоинства и изобилует ошибками и пропусками.

[3] По «Тарихи-Рашиди», «Исследование о касим. царях» и пр.., ч. 2, стр. 200.

[4] Erskine-History of India, vol. I, p. 538.

[5] Бретшнейдер. Mediaeval Researches, II, pp. 241 and 242.

[6] Bretschneider - Mediaeval Researches, II, pp. 194 - 198. Можно предположить, что неупоми- наемый мусульманскими писателями Имил-ходжа, являющийся с 1445 г. сначала государем Джагатаева улуса, а потом лишь правителем Турфана, был джагатаидом, овладевшим восточной частью Моголистана, а позднее ограничившийся обладанием Турфаном. Принятие турфанским правителем титула султана г. Бретшнейдер считает возможным поставить в связь с удалением в Турфан сына Дост-Мохаммед-хана Кебека.

ванов, правящих в Турфане, потому что первый поддавшийся Китаю при манджурской династии, в 1646 году, турфанский владелец считал себя потомком Джагатая[1].

В заключение обзора истории Джагатаидов после Тимура можно привести некоторые общие сведения об их владении из минских истории и географии. По «Мин-ши» Башибали есть большое государство на западе; оно граничит на юге с Юйтянем (Хотаном), на севере с страною вала, на западе с Самаркандом и на востоке смежно с Хуо-чжоу (Караходжа). Оно (т.е. местопребывание хана) отстоит от Цзя-юй-гуань в 3700 ли на юго-восток. По-видимому, Бешибали занимает те самые места, где в древности находились Яньки (Карашар) и Гушы (Урумчи-Турфан)[2]. Таким образом минцы распространяли имя Бешибали, которое в эпоху Чингиз-хана давалось только Уйгурии (восточный Тяньшань, главным образом Урумчи-Турфан), на округ Карашара и даже на всю восточную половину Джагатаева улуса. Произошло это от того, что первые сношения Минской династии с джагатаидами начаты были с Хызр-ходжа-ханом, в то время, когда он, удаляясь в восточную часть своих владений для безопасности от вторжений войск Тимура, пребывал преимущественно в стороне Юлдуза, Карашара и Турфана; первые его преемники Шама-джегань, Мохаммед-хан и Вейс-хан тоже, должно быть, более тяготели к востоку. Когда же Вейс-хан, владевший сначала только восточною частью Моголистана, сделался ханом всего Моголистана и перенес свое местопребывание на запад, в Илийскую долину, то минцы сочли это за переселение чуть не всего его народа и за переименование государства из Бешибали в Илибали.

В минской географии («Мин и-тун-чжи», изд. 1461 года) Джагатаев улус называется уже И-ли-ба-ли. По ней страна Илибали окружена пустынями. Она простирается с востока на запад на 3 т. ли и с севера на юг на 2 т. ли. Городов и дворцовых строений совсем нет. Все население - кочевое, живущее в войлочных палатках и меняющее свое местопребывание вместе со стадами, соответственно воде и пастбищам. Вида они свирепого. Обычная пища - мясо и кумыс. Одеваются сходно с вала. Чень Чен (автор «Ши-си-юй-цзи», путешествовавший в западные страны и возвратившийся в 1415 г.) однако сообщает, что оно одевается как магометане, но язык его сходен с языком wei-wu-rh (уйгуров). Государь бреет голову и носит chao-la тао (чалма), на которой помещается султан из ts'se' lao (птичьих перьев). Он восседает на земле, покрытой пестрыми вышитыми коврами. Когда он принимает иностранных послов, то не требуется, чтобы наклоняли голову до земли; они только преклоняют колени. В стране этой есть Бо-шань (белая гора), из которой постоянно исходят дым и огонь.

Султан Бабур, описывая прибытие в 908 году Ахмед-хана, замечает, что он, как младший, при встрече с Махмуд-ханом, девять раз преклонил колени. Сделанный Бабуру, на другой день по прибытии, Ахмед-ханом подарок состоял, по монгольскому обычаю, из полного костюма и оседланной лошади. Шляпа была монгольская, с золотыми шнурами; курма (tunique) из китайской шелковой материи и украшена

[1] «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 352.
[2] Bretschneider - Mediaeval Researches, II, pp. 225 - 229.

вышивкой; к китайскому же поясу было с правой и левой стороны подвешено по три или четыре кошелька с благовониями (Memories, p. 223). Почти таков и теперь костюм монгольских и калмыцких князей, которых случалось мне видеть.

Она содержит много нао-ша (нашатырь). Собирающие нашатырь надевают башмаки с деревянными подошвами, потому что кожаные скоро прогорают. В этой горе есть пещеры, в которых получается род темной грязи. Ее употребляют для лечения наружных болезней. Цзун-лин (Луковые горы) начинается в этой стране. Имя это произошло от изобилия дикого лука. Горы эти очень высоки. Туземцы называют их Ташдабан. В этой стране (вообще) холодно. В горах и глубоких их долинах снег нередко выпадает в шестом месяце (июль). Есть там море (озеро), называемое Же-хай (Теплое море), которое имеет несколько сот ли в окружности. На языке страны его называют I-si-ko-rh[1].

[1] Mediaeval Researches, II, pp. 242-244.

4. Разложение Джагатаева и Джучиева улусов и образование казачьей орды. Кыргызы в эпоху Джагатаидов.

Ошибочность мнения об уничтожении населения Моголистана во время походов Тимура. Падение Джагатаидов и его причины. Начало Казачьей орды по «Тарихи-Рашиди». Мнение Левшина-Сенковского о происхождении казаков. Мнение Erskine и В.В.Вельяминова-Зернова. Распадение улусов Чжучиева и Джагатаева было вызвано стремлением тюркских родов к самобытности. Изменение в образовавшемся из родов этих союзе ши казачьей орде характера ханской власти и отношений ее к родам. Состав шейбанидских дружин, завоевавших Мавераннагр и известных под именем узбеков, или происхождение узбеков. Отпадение кочевых родов из-под власти Джагатаидов и вступление их в состав казачьей орды. Доказывающий последнее состав кочевого населения Моголистана. Роды этих кочевников и занимавшиеся ими земли. Монгольские роды и их судьба. Известия «Тарихи-Рашиди» о кыргызах. Сведения о них же Сейфи. Известия о казаках и их ханах до калмыцкого времени. Тевеккель-хан и овладение казаками Ташкентом и Туркестаном. Ишим-хан. Известия Абул-гази. Общие соображения о кыргызах в эпоху Джагатаидов.

Ряд походов Тимура и его полководцев, имевших целью истребление джетов или джагатайцев и, по сказаниям Шереф-эддина, достигавших выполнения этой задачи, произвел на Риттера и некоторых других писателей такое впечатление, что все джеты были действительно уничтожены. «Так исчезли, отчасти или вполне, и многие другие народы Внутренней Азии: трудно, потому, отыскать здесь исторические следы их»[1]. В.В.Григорьев, по поводу этого мнения Риттера, заметил только, что джеты «вовсе не были истреблены до тла, а только вырезаны значительно», как это усматривается из Шераф-эддина, у которого почерпал свои сведения сам Риттер[2].

На самом деле, как ясно из сделанного мною выше достаточно подробного обзора походов Тимура, первые семь походов совершены были в западную часть Моголистана и не простирались далее Каркары или Кегена, стало быть, не достигали даже Илийской долины, составлявшей центральную часть джагатайских земель. Девятый поход эмиров Тимура, если они действительно доходили до Иртыша, был лишь погоней за Камр-эддином состоявшего из 25 т. всадников отряда, который не мог и по численности своей, и по недостаточности времени, причинить особенно значительных опустошений и истреблений населения. Следовательно, истребление джетов могло бы быть отнесено лишь ко времени восьмого похода, когда Тимур вторгся с огромною армией с северо-запада, в восточную часть джагатайских земель и принимал меры для возможно большего уничтожения ее населения. Конечно, джеты сильно пострадали во время этого похода: значительная часть их скота и имущества была ограблена, много попавшихся тимуровым отрядам кочевников было перебито и

[1] «Восточный Туркестан», вып. I, перевод В.В.Григорьева, стр. 165.
[2] Там же, примечания В.В.Григорьева, стр. 433.

много уведено в плен. Но, не говоря уже о краткости времени, которое войска Тимура могли уделить на систематическое преследование рассыпавшихся во все стороны перед превосходным численностью врагом джетов, так как им пришлось в течение едва двух месяцев, мая и июня, пройти в это же время большие расстояния от Аягуза до Иртыша и Имиля и затем до Юлдуза, нельзя не полагать, что большая часть джагатайских кочевников успела спастись бегством в хорошо им знакомых и трудно для врагов доступных степях и горах.

Что джеты не были не только истреблены, но и обессилены, это подтверждается многим. Так, Тимур не только не мог добиться подчинения джагатайцев и Хызр-ходжа-хан, а по смерти его Шама-джеган, остались независимыми государями, но великому завоевателю пришлось постоянно заботиться о безопасности собственных своих владений на северо-востоке. Отнятые им здесь у джагатайцев земли простирались только до Ашпары и, самое дальнее, до Иссык-Куля[1]. Опорный пункт его границы с джетами находился во всяком случае на Ашпаре, как знаем мы из выше помещенных известий о заселении этой местности и умножении на ней хлебопашества. Преемникам Тимура очень скоро пришлось иметь столкновения с джагатайцами, которые не только не замедлили возвратить занятые Тимуром земли от Ашпары до Каратау, - в чем убеждает выше приведенный рассказ Абд-эр-Разака о разграблении кочевавших на Таласе джагатайских кочевников, в тылу 15-тысячной армии Шах-джегана, - и не только призывались на помощь возмущавшимися против Тимуридов эмирами, но питали и сами замыслы подчинить себе Мавераннагр, как наследие предков, о чем свидетельствует китайское известие о помощи, которую просил Шами-джеган для покорения Самарканда. И китайцы, имевшие о Бешибали или Илибали основательные сведения, считали это владение за сильное государство.

Итак, нашествия Тимура имели своим непосредственным результатом лишь некоторое временное ослабление Джагатаидов, по смерти же Тимура они вновь усилились. Не подвергались также Джагатаиды особым опасностям со стороны западных монголов, потому что боролись с ними вообще с успехом.

И несмотря на все это, мы видим, что в конце XV и в начале XVI века джагатайцы теряют свои владения в среднем и западном Тяньшане и в прилегающих с севера степях и вытесняются на юг, в Восточный Туркестан, лишившись почти всех своих кочевых подданных и обратившись в бессильных владельцев городов Кашгарии и южного склона восточного Тяньшаня, которые впоследствии, в конце XVII столетия, были легко покорены усилившимися калмыками.

[1] (По Абу Имасен'у, город Ашпара был границей империи Тимура со стороны Китая, но по его же словам, Тимур послал в Ашпара двух офицеров для постройки замка по имени Баш-Камра в 10 днях от Ашпары. По Ибн-Арабшаху, границу владений Тимура со стороны монголов составляло озеро Исигёль; по середине его находился остров, по имени Дуайра, куда этот государь заключил часть татар, взятых в плен (Примечания Катрмера в Notices et extraits, t. XIII, pp. 227, 228). Известия Араб-шаха, конечно, более чем сомнительны, так как источники его неизвестны, по отношению же других его сказаний, напр., о приключениях молодости Тимура, мы знаем, что этот писатель давал веру самым неосновательным слухам и выдумкам.

Объяснение быстрого падения власти Джагатаидов в Моголистане, т.е. во всей степной части их владений, заключается в образовании Казачьей орды и вступлении в ее состав большей части джагатайских кочевников. Образование же казачьей орды было в свою очередь последствием разложения улусов Джучиева и Джагатаева под влиянием стремления местных тюркских родов к освобождению от навязанного им завоеванием государственного устройства и к восстановлению родовой самостоятельности. Словом, в падении двух монгольских династий повторяется то же самое явление, которое замечается в разложении не менее обширного и сильного государства западных тукиюесцев, которое, можно полагать, имело место при распадении государства усуней и которое составляет общую принадлежность исторической жизни кочевых народов и не одного тюркского племени. За неимением культурных интересов и потребностей, которые связывают цивилизованные общества, нуждающиеся притом гораздо более в государственной организации и силе для защиты от внешних врагов, кочевые народы образуют политические общества или государства только вследствие насилия завоевателей и очень редко для защиты от сильного внешнего врага. Но как только сила завоевателя ослабла или внешняя опасность миновала, роды кочевников и их подразделения естественно и неудержимо стремятся к самобытности, так как тягости и стеснения государственной жизни ничем, на наш взгляд, не окупаются и самая защита от внешних врагов для кочевников, находящих спасение в бегстве, не столь настоятельна и необходима, как для населения земледельческого.

Конечно, первоначальное распадение на части обширных государств Джучи и Джагатая, обнимавших разнородные по естественным условиям страны и вмещавших различные народы, произошло под совместным влиянием и других причин, но стремление кочевых родов к обособленному существованию имело преобладающее значение при разложении состоявших в XV столетии уже почти исключительно из кочевников восточных половин того и другого улуса.

В середине XV века в Дешт-Кипчаке, от р. Яика до границ Джагатаева улуса, властвовал потомок Шейбани, сына Джучи, Абул-хаир-хан, государь сильный и самовластный. «Султанам джучидским - по словам автора «Тарихи-Рашиди» - приходилось от него очень плохо, и двое из них», принадлежавшие к другой ветви, именно к потомкам старшего сына Джучи Орда-Ичена, Джанибек-хан и Гирей-хан, бежали в Моголистан. Исабуга-хан (дело происходило около 1456 года) принял беглецов хорошо и отвел им край Джу и Козы-баши, который составляет западную окраину Моголистана[1]. Там они зажили спокойно. После смерти Абул-хаир-хана улус узбекский пришел в расстройство; начались в нем большие неурядицы[2]. Тогда

[1] У Erskina (A History of India, vol. I, p. 29), вероятно, по ошибке в рукописи или в чтении, «Ваши близ Джуд-Кози» (Bashi near Jud-Kozi). Во всяком случае, речь идет, мне кажется, о низовьях р. Чу. Едва ли можно допустить, чтобы Исень-буга отдал пришельцам верхнюю часть Чуйской долины, составляющую одно из лучших пастбищных мест во всей стране, да не допустили бы этого и местные кочевники.

[2] Упадок власти Абул-хаир-хана начался после вторжения Уз-Тимура, калмацкого тайши, который, во главе 100 т.ч., разбил Абул-хаира, осадил его в Сагаке (Саганаке?), вынудил принять желаемые условия мира и

множество народа откочевало к Гирей-хану и Джанибек-хану, так что число собравшихся около них людей возросло вскоре до двухсот тысяч; звать их стали узбеками-казаками»...[1]. Во второй части «Тарихи-Рашиди» пояснено: «Так как сперва они сами, а потом и большая часть собравшихся около них людей, были беглецы, ушедшие от своих и одно время скитавшиеся без приюта, то их и прозвали казаками; имя это за ними и осталось»[2]. Затем в продолжение времени до 940 (1533) г. казаки владычествовали в большой части Узбекистана. После Гирей-хана ханом сделался Бурундук. Потом ханом был сын Джанибек-хан Касим. Он распространил власть свою над Дешти Кипчаком; подданных у него было более миллиона; никто после Джучи-хана не был в том краю так могуществен, как он[3]. Ему наследовал в качестве хана сын его Мамаш[4], после которого ханом сделался его (Касима) племянник Тагир[5]. При Тагир-хане казаки потеряли свое значение. После Тагира был ханом брат его Буйдаш. Во время Буйдаш-хана казаков уже было не более двадцати тысяч[6]. После 940 г. не стало и Буйдаша, и вслед затем казаки совершенно исчезли».

Мнение автора «Тарихи-Рашиди» об исчезновении казаков после 1533 года совершенно ошибочно и объясняется тем, что именно с 940 года, удалившись по смерти Султан-Саид-хана в Индию, он не имел уже сведений о событиях в Моголистане и Дешт-Кипчаке. На самом деле в начале XVI века имя казаков, принадлежавшее во второй половине XV столетия только беглецам, примкнувшим к Гирей- и Джанибек-султанам, приняли, под главенством Касим-хана, все тюркские роды от Урала до Тяньшаня и от Алтая до Сыр-дарьи, не ушедшие с Шейбанидами в Мавераннагр. Если большая часть этих родов оставила постепенно ближайших преемников Касим-хана, это не помешало казачьим родам оставаться многолюдными и снова объединяться под

при возвращении опустошил округа Туркестана, Шахрохии и Ташкента. Когда старшины главных родов Кипчака вошли в соглашение, чтобы положить пределы самовластью Абул-хаир-хана, он с обычной своей храбростью выступил против них в поле, но счастье ему изменило еще раз, он был разбит и убит вместе с несколькими сыновьями (1465-6 г). Улус узбекский распался. Некоторые роды остались независимыми, другие образовали временные союзы, третьи присоединились к Гирею и Джанибеку. Значительная часть родов осталась было верной дому Абулхаира и признала своим ханом старшего из его сыновей, оставшихся в живых, Барудж-оглана, но после убиения его Юнус-ханом (1452-3) разбитые и разоренные узбеки остались без главы и без организации (Erskin - History of India, vol. I, p. 29-31).

[1] В.В.Вельяминов-Зернов «Исследование о касимовских царях и царевичах», часть 2, Спб., 1864 г. («Труды восточного отделения И.русского археологического общества, часть десятая), стр. 131.

[2] Там же, стр. 152. Первая часть «Тарихи-Рашиди» содержит очерк истории отрасли джагатаидов, происшедших от Туглук-Тимур-хана и доведена до кончины Султан-Саид-хана (1533 г.). Вторя заключает в себе автобиографию автора и подробное изложение событий, которые случились в его время (там же, стр. 130). Автор «Тарихи-Рашиди» Мухаммед-Хайдар, из рода дуглат, был сын Мухаммед-Хусейн-гурекана (от третьей дочери Юнус-хана), сына Мухаммед-Хайдера, сына эмира Булачия. Родился он в 905 (1499-1500) г.; потерял отца, убитого по приказанию Шейбани-хана в 914 (1508) г. Жил в 1509-1512 гг. у султана Бабура. В 1512 г., 13 лет, переехал к двоюродному брату своему Султан-Саид-хану; около 20 лет оставался при нем, женат был на родной его сестре. Вскоре после его смерти удалился в Лагор к Камран-мирзе (сыну Бабура), от него перешел к Гумаюну; последний отправил его в Кашмир, который уже был в его власти в 1533 г., когда он служил Султан-Саид-хану. В 1551 году Мухаммед-Хайдер был здесь убит, пробыв лет десять почти независимым владетелем (там же, стр. 131-133).

[3] Во второй части (стр. 133): «Число его войск превышало сто тысяч. Он умер после 924 (1518) года».

[4] Во второй части (там же): «Он погиб в междоусобной брани».

[5] Там же: «Сын Адик-султана, брата Касим хана».

[6] Там же, во второй части: «до тридцати». По Хайдер-Вази в 928 (1522) г., по смерти Камеш (Касим? Мамаш?) - хана, султана Дашт-Кипчака вели войну одни с другими («О касимовских царях» и пр., часть 2, стр. 407).

главенством других потомков Гирея и Джантибека. Не далее, как 26 сентября 1535 года, московский посланец к ногайцам писал: «А казаки, государь, сказывают, добре сильны, а сказывают, государь, Тешкен воевали и тешкенские царевичи (Шейбаниды), сказывают, с ними дважды бились, а казаки их побивали... А с Техани (из Ташкента), государь, к князю (ногайскому) и к мурзам посол пришел, чтобы князь и мырзы пошли на каки (казаки), а Тешкени, государь, от казак, сказывают, добре нужно. Чают, на сём лете или на зиме ее возьмут»[1]. Вступивший на престол в 1533 году Абд-эль-Рашид, по имени которого Мухаммед-Хайдер назвал свою историю, должен был воевать с казаками и хотя прославился победою, о которой упоминает и Мухаммед-Хайдер[2], над этими исчезнувшими уже будто бы казаками, но прочных результатов победа эта не имела и преемник его погиб в бою с этими же казаками и кыргызами.

Ошибочность мнения Мухаммед-Хайдера об исчезновении казаков после 940 г. нисколько не препятствует почитать верными и весьма ценными его известия о первоначальном образовании казачьей орды. Эти известия были им собраны на месте, от современников и очевидцев, положение же его при дворах Бабура и потом Саид-хана давало ему полную возможность проверять слышанные им рассказы. Прежде изложения выводов, которые можно сделать из известий автора «Тарихи-Рашиди», нелишне напомнить о наиболее заслуживающих внимания мнениях новейших исследователей относительно образования Казачьей орды или народа. Автор первого и уже 60 лет остающегося незаменимым «Описания киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей», указывая на упоминание о казаках и казацких ханах еще в «Хаш-намэ» и основываясь на доставленных ему известным, между прочим, и в качестве ориенталиста, Сенковским «замечаниях и сведениях, почерпнутых из восточных писателей» (имена которых и свидетельства, однако, не приведены), полагал, что «народ сей», т.е. казаки, «весьма давно известен в Азии, составляя одну из отраслей монголо-турецкого племени, не уступает в древности ни найманам, ни киргизам, ни другим соплеменным с ними народам. Попав под владычество Чингиса, он, по смерти сего завоевателя, достался сыну его Джучи, и хотя принадлежал к Золотой орде, но имел своих собственных ханов». По распадении Золотой орды и по «разделении» узбеков, которые заняли ее место в Дешт-Кипчаке, многие племена и народы Золотой орды и отрасли узбеков «влились в состав казачьего народа... В это время (в начале XVI столетия) к казакам присоединились, или силою были присоединены, разные отпавшие от Золотой орды отделения многих народов, известных в Истории Востока. В это время смешались с ними кыпчаки, найманы, конрады, джалаиры, канклы и другие отрасли, коих названия доныне носят сильнейшие поколения, роды и отделения орд киргиз-казачьих»[3]. Кое-что в этих не

[1] «Исследование о касимовских царях» и пр., часть 2, стр. 330.
[2] Там же, стр. 331, 220 - 223.
[3] «Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей. Сочинение Алексея Левшина. Часть вторая. Исторические известия», Спб., 1832 г., стр. 39—44. «Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей. Сочинение Алексея Левшина. Часть вторая. Исторические известия», Спб., 1832 г., стр. 39—44.

подкрепленных необходимыми доказательствами гипотезах не совсем не верно, но большая часть предположений Сенковского не может быть признана согласною с действительностью. Так, невозможно, что имя гуз, гоз арабских географов, путешественников и историков, имя гэса в «Тан-шу»[1] и имя узов у византийцев есть испорченное имя казак и что поэтому половцы, они же команы и они же кипчаки, или некоторые по крайней мере их роды, носили в VIII—XI столетиях имя казаков, но имя это позднее, в XIII и XIV веках, несомненно, вышло из употребления в качестве народного, племенного или родового названия, потому что его не встречается ни у Рашид-эддина и других мусульманских и иных писателей монгольского времени, ни у китайцев. Нынешние казаки, как народ или совокупность племен или родов, как политическая единица, появляются только во второй половине XV столетия и обстоятельные сведения об образовании казачьей орды или союза дает только автор «Тарихи-Рашиди», которого труд в тридцатых годах настоящего века европейским ученым был совсем неизвестен или знаком лишь по немногим о нем упоминаниям. Казаки у Фирдуси, писателя уже XI столетия, могут быть объяснены или известностью ему такого имени гузов, или тем обстоятельством, что и прежде шайки и скопища кочевников, делавшие набеги на границы Ирана с целью грабежей, назывались уже казаками, подобно тому, как и позднее, во время Тимура[2], такие шайки тоже именовались казаками[3].

Впервые ознакомивший ученый мир с историей восточной ветви Джагатаидов по «Тарихи-Рашиди», Erskine имел уже возможность изложить образование казачьей конфедерации или союза согласно известиям Мухаммед-Хайдера, признавая этот союз составившимся из родов, принадлежавших улусам Джучи и Джагатая, но по недостаточности этнографических сведений в «Тарихи-Рашиди» и других источниках, которыми он пользовался, он не мог в точности выяснить ни родов, которые вошли в состав казачьей орды, ни прошлой их истории, ни их происхождения, считая, напр. кыргызов монгольским племенем и не умея ясно различать кыргызов от казаков или кыргыз-кайсаков[4].

---

[1] Иакинфа «Собрание сведений» и пр., III, стр. 246: владение Хосюнь иначе Холисими (Харезм) «на северо-запад простирается до дулгарского поколения Гэса».

[2] Histoire des Mongols de la Perse par Raschid-eldin, trad, par Quatremere, t.I, Paris, 1836, pp. 406, 407. Mulfusat Timury, translated by Stewart, 1830, p. 90, etc.

[3] По Архангельскому летописцу (примечание 240 к тому VI «Истории государства российского»), царь Ивак шибанский, напавший в 1481 году на хана Золотой орды Ахмата и убивший его, имел «силы 1000 казаков», а ногайские мурзы, которые ему помогали, «15000 казаков». Очевидно, это были не казаки Гирея и Джанибека, а кочевники-ногаи, роды кипчаков, не подчинявшиеся, тогдашнему законному властителю Золотой орды, джучиду, казаки в старинном смысле вольницы.

[4] Так, например, у него читаем: «По смерти Ахмед-хана в Моголистане возникли продолжительные междоусобные войны... Многие племена, и между ними кыргызы, отделились. Анархия и междоусобные войны длились несколько лет. Страна была опустошаема Абу-бекром кашгарским, калмаками, кара-кайсаками (Erskine не поясняет, что это за kara-kaizaks не кара-кыргызы ли?). Ведь роды Моголистана уже не объединялись более под общей главою. Из развалин ханства моголов выросли два ханства (подразумевается аксу-турфанское ханство потомков Мансур-хана и кашгарское ханство ветви от Саид-хана) и союз киргиз-кайсаков» (в подлиннике, вероятно, вследствие опечатки, kinghiz-kaisaks). Исчислив затем государей турфанской и кашгарской ветвей, Erskine продолжает: Meanwhile, in the Desert of Moghulistan, the Kirghiz established themselves under Khan of their own; and in process of time formed a kind of

В.В.Вельяминов-Зернов, в своем «Исследовании о касимовских царях», выясняя происхождение одного из этих царей, Ураз-Мохаммеда, из казачьих султанов, поместил много отрывков из «Тарихи-Рашиди», относящихся до казаков и кыргызов, со своим переводом, а также привел много известий о казаках в XVII и XVII столетиях из других источников. Ученый этот не изложил известий Мухаммед-Хайдера, выясняющих связь возникновения казачьей орды с распадением улусов Джучи и Джагатая, и не коснулся почти вопроса о родах, вошедших в состав этой орды. Поместив перепечатанный выше рассказ «Тарихи-Рашиди», г. Вельяминов-Зернов ограничился такими замечаниями: «Народ казацкий именно так и должен был образоваться, как пишет автор «Тарихи-Рашиди», из выходцев, столпившихся в одном месте, под знаменем того или другого лица. Самое имя казак (слово казак значит бродяга, человек вольный, удалой) служит тому подтверждением. А что народ казацкий сложился в эпоху распадения улуса Абул-хайрова, а не ранее - и в этом показание Мухаммед-Хайдера заслуживает доверия»...[1] Поэтому Н.И.Веселовский, в 1877 году, не без основания писал: «Какие причины вызывали образование союзов (узбекского и казачьего) мы хорошенько не знаем; даже, пожалуй, вовсе не знаем. В.В.Вельяминов-Зернов в своем «Исследовании о касимовских царях и царевичах» выяснил нам положение дел в степях Средней Азии за то время, но и его замечательное исследование, по неимению данных, не разъяснило нам причин появления узбеков и казаков»[2].

По известиям Мухаммед-Хайдера, основание казачьей орде положили султаны Гирей и Джанибек, удалившиеся из Дешт-Кипчака или Узбекистана на окраину Моголистана. Но недовольство самовластием Абулхаир-хана и стремление к иной постановке отношений между ханской властью и родами было между узбеками[3] почти

---

federative junction with the Kaizak-Uzbeks, which has in some degree lasted to the present day, and has been called the «Three Hordes of the Kirghiz». This union of the Old Kirghiz, who were Moghuls, with the Uzbek-Kaizak, who were Turks, accounts for the difference of origin and language in the present Kirghiz, which has puzzled modern inquirers. See Description des Hordes das Kirghiz-Kaizaks par Alexis de Leochine, Paris, 1846» (A History of India etc., 1854, v. I, pp. 538, 539).

[1] Исследование о касимовскимх царях» и пр., часть 2, 1864 г., стр. 271 и 272.

[2] «Очерк историко-географических сведений о хиванском ханстве от древнейших времен до настоящего» Н.Веселовского, Спб., 1877 г., стр. 89 и 90. По мнению В.В.Григорьева, «кайсаки ...были не народ, подобный другим, а степная, азиатская казачина, сложившаяся и сплотившаяся в одно политическое целое из обломков разных тюркских народов, имевших прежде отдельное, независимое друг от друга, существование»...(«День», 1862 года, № 32, стр. 12).

[3] На китайской карте северо-западных стран 1331 года улус Джучи назван владением Yue-dsu- bu, т.е. Узбек хана (Bretschneider, Notices etc., 1876, p. 99). Мне кажется, что нет ничего невероятно го и в утверждении Абулгази о том, что народ улуса Джучи принял имя Узбека, в память его достоинств и обращения народа в мусульманство. Применение в продолжение целых тридцати лет (Уз- бек-хан, по д'Оссону, царствовал 1312-1342 гг.) именования кипчаков подданными Узбек-хана, узбеками, могло ввести это слово в общее употребление, в привычку, для обозначения мусульман- тюрков, подданных Узбек-хана и его наследников. Сунитский ислам впоследствии сослужил шейбанидским узбекам хорошую службу во время борьбы их с тимуридом Бабуром, опиравшимся на союз с персами, так как почти все население Мавераннагра стало на сторону правоверных узбеков против шиитов и их союзника, который увидел дело свое безвозвратно проигранным (Erskine, ti, pp. 320-325). Самое слово узбек (сам себе начальник, князь) употреблялось уже в XI веке, так как принесено уже мадьярами на Дунай (Vambery Das Turkenvolk, 1885, s. 348). Имя узбеков и Узбекистана для Дешт-Кипчака и его населения было обычаем уже при Тимуре (напр. у Шереф-эддина, t. 3, p. 34) и Шахрохе (у Абд-эр-Разака, под 814 г., Notices et extraits, t. XIV, partie I, p.

общим, потому что через десять лет главы важнейших родов, по общему соглашению, отпали от Абул-хаира и он погиб в борьбе с восставшими. Смысл и значение совершившегося затем постепенного присоединения родов Кипчака, а потом и Моголистана, к выходцам, собравшимся около ханов Гирея и Джанибека, состоял не в простой замене одной ветви дома Джучи другою, а в изменении самого характера ханской власти и отношений ее к родам. До сих пор, какими бы путями потомок Чингиз-хана ни достиг ханской власти, он и в собственных глазах, и в умах своих подданных, почитался обладателем государственной власти по преемству от завоевателя, во всей неограниченности и полноте власти этого завоевателя. Конечно, на практике ханы правили вообще по совещанию, в важнейших делах, с главами родов, но могли поступать и на самом деле часто действовали по одному собственному усмотрению. У казаков, как стали именоваться присоединившиеся к первоначальному зерну выходцев, собравшихся при Гирее и Джанибеке, роды Кипчака и Моголистана, ханская власть и ее отношение к родам получили иной характер. Ханами по-прежнему могли быть лишь потомки Чингиса, сохранилось отчасти и тюрко-монгольское право наследования для старшего из братьев и сыновей умершего хана, но это право стало чаще нарушаться по воле народа. Существенное изменение произошло в существе и объеме ханской власти. Хан потерял самовластие и мог, во всех важных делах, действовать не иначе, как согласно воле начальников родов, с обязанностью и в остальных делах руководствоваться установившимися обычаями. Если хан действовал не согласно с волею родоначальников и с установившимися в этом смысле обычаями, роды отпадали и жили самостоятельно или, в огромном большинстве случаев, ставили себе нового хана. Такие порядки применялись при первых казачьих ханах и сохранились до самой потери казаками независимости. Не имея военных сил кроме небольшой дружины, содержимой на незначительные, определенные обычаями в самом умеренном размере, сборы с народа, ханы казаков не могли созывать ополчения от родов без их согласия, народная же масса у казаков, как и во всяком почти народе, неизменно была противна всяким войнам, не вызываемым необходимостью защиты от внешнего нападения. Этим объясняется, между прочим, отсутствие за все время существования казаков нашествий на окрестные страны со всеми силами народа. Конечно, удальцы, батыры, составлявшие более или менее многочисленные отряды, дружины и шайки, для грабежей и добычи, воспевались в песнях, пользовались почетом и влиянием, но даже самым воинственным и счастливым ханам не удавалось поднять для своих предприятий всю массу народа; они набирали себе десятки тысяч удальцов, но когда удача их покидала, армии их быстро исчезали, а народ не обнаруживал никакого желания оказать им поддержку.

Лучшие, более разумные, казацкие ханы, конечно, сознавали невозможность не сообразоваться с изменившимися отношениями к ним родов. Так, третий казачий хан Касим, пользовавшийся большим расположением родов, которые оставили для него

---

188). По Абул-гази (Histoire des Mongols et de Tatares, p. 184), от него-то весь иль Джучи получил название иля Узбека, имя, которое народ этот сохранит до дня страшного суда».

Бурундук-хана, вынудив его удалиться в Самарканд (где он и умер), уклонился от всяких больших военных предприятий по несочувствию к ним народа, опасаясь, конечно, участи Бурундука. Он занял Сайрам, который сдал ему с согласия населения назначенный Бабуром губернатор, когда последний вновь потерял Мавераннагр, и дошел до Ташкента, но не стал осаждать засевшего в городе шейбанида Суючук-хана и возвратился в степи. Летом следующего 1513 года державшийся еще в Фергане Са-Ий-хан отправился к Касиму, стоявшему на Джу (р.Чу). Касим хорошо его принял, но отказался выступить против шейбанидов. «Казаки, - говорил он, - как жители степи, должны подумать о зимовках и предпринимать в это время года поход не следует»[1]. Совсем не так рассуждали Чингиз-хан и правители улусов Джучи и Джагатая. У них осень, когда лошади в телах после обильных летних кормов, считалась благоприятнейшим для походов временем года, об удобствах же зимних кочевок своих кочевников они в этом случае не заботились. Касим-хан, конечно, прекрасно знал, что осень самое удобное время для похода, знал также, что со своими несколькими, в случае нужды, сотнями тысяч войска ему не трудно справиться с шейбанидскими узбеками, но, вероятно, он знал также, что народ не желает войны и что, если не будет сообразоваться с этим желанием, то роды его оставят. Эту участь и пришлось испытать уже второму из его преемников. В 1526 г. казаки «умертвили брата Тариг-хана Абдул-Касима, которого народ считал главной причиной жестокостей Тагира. «Затем все разом покинули Тагира. Тагир-хан остался один с сыном и вместе с ним пристал к кыргызам»[2]. «Когда не стало» Буйдаш-хана, которому подчинялись 20 или 30 т. казаков из оставивших Тагира, казаки не «исчезли», как ошибочно писал Мухаммед-Хайдер, а нашли себе другого или других ханов, в которых недостатка быть не могло, потому что потомство Джанибек-хана, от которого, начиная с Касим-хана, пошли ханы казацкие, было очень многочисленно. Хотя в битве с шейбанидом Дервиш-ханом, владельцем ташкентским, внуком вышеупомянутого Суюнчук-хана, погибло вместе с Буйдаш-ханом двадцать четыре султана из его рода[3], но в начале 1535 года ногайский князь Сейдак писал царю Ивану Васильевичу (Грозный): «казацкий царь Хоза-Махмет царь... с пятнадцатью сынами у нас живет», да кроме того какой-нибудь хан из потомков же Джанибека должен был властвовать над казаками, которые в том же году, по донесениям посланца Данилы Губина, с одной стороны, теснили ташкентских шейбанидов, с другой же «дополна хотят идти ногаи воевать»... и калмаки им передалися»...[4].

Из известий «Тарихи-Рашиди» следует заключить, в состав казачьей орды вошли, по смерти Абул-хаира и Барудж-оглана, большинство, если не все, родов Дешт-Кипчака, именовавшихся узбеками и принявших теперь имя казаков. Однако потомки Абул-хана сохранили многих приверженцев, которые собрались около Щейбани-хана и

[1] «Тарихи-Рашиди» по «Исследованиям о касимовских царях», ч. 2, стр. 150 - 167.
[2] «Тарихи-Рашиди» в «Исследованиях о касимовских царях», ч. 2, стр. 201 и 202.
[3] Извлечения из «Сборника летописей» в «Исследовании о касимовских царях и царевичах», часть 2, стр. 274, 275 и 148.
[4] «Исследование о касимовских царях», ч. 2, стр. 325, 326 и 330.

его братьев и родственников, когда Шейбани сделался владельцем Отрара, Сабрана и Туркестана (Ессы) и не без успехов воевал с казаками. С дружинами из этих-то приверженцев, сохранивших имя узбеков, Шейбани-хан завоевал Мавераннагр и положил основание владычеству узбеков в Фергане, Мавераннагре и на обоих берегах Аму-дарьи. Конечно, в состав узбеков, кроме дружин, приведенных Шейбани-ханом из-за Сыр-дарьи и не превышавших, как можно убедиться по встречающимся у разных писателей сведениям о числительности армий Шейбанидов, нескольких десятков тысяч человек, вошли все[1], гораздо более многочисленные турки, которые уже обитали в Мавераннагре и еще не успели окончательно слиться с коренным оседлым населением, т.е. тюркские роды, пришедшие в эту страну в войсках монголов и джагатаидов, а также еще в предшествующие времена, и части «коренного» монгольского войска Джагатая, попавшие в Мавераннагр. Однако, настоящими узбеками были только дружины, прибывшие с Шейбанидами; зерна этих дружин должны были составлять главным образом остатки «коренного» монгольского войска Джучи; эти отуречившиеся в скором времени монголы, сохранившие свои монгольские родовые имена, были, вероятно, придворным войском ханов Джучиева улуса и, конечно, почти все служили и Абул-хаиру, а затем остались приверженцами его потомков и ушли с ними в Мавераннагр. Подтверждается это не только существованием ныне между узбеками такого множества монгольских родовых имен, которые нельзя приписать одним джагатайским монголам, но и монгольскими родовыми именами дружинников шейбанидов, упоминаемыми в Шейбаниаде[2] и в Шейбани-намэ[3]. Кроме остатков монгольского «коренного» войска дружины Шейбани-хана состояли из сохранивших привязанность к его дому подразделений родов местных тюрков и из еще большего числа кочевников, принадлежавших к не тронувшимся из степи родам и привлеченных в войска шейбанидов склонностью к войне и надеждою на обогащение под счастливыми знаменами Шейбани-хана. Главный контингент в уведенные за Сыр-дарью дружины дали следовательно тюркские роды Дешт-Кипчака, т.е. роды канглов и кипчаков[4] с их подразделениями. Полагать,

---

[1] Как справедливо замечает Вамбери (Das Turkenvolk, 1885, ss. 349-354).

[2] «Библиотека восточных историков» Берзина, т. I, Казань, 1849 года, стр. LIV, LVII и др. Вамбери Das Turkenvolk, 1885, s. 348. Упоминаемые тут роды уяс-дурмен, кият, кунграт, уйшун, найман, вероятно, монгольские из «коренного войска». Родовые имена маджар, татар, уйгур показывают: какой конгломерат составляла «орда» или гвардия джучидских ханов, потому что едва ли не всего вероятнее предполагать, что мадьяры, уйгуры и т.п. находились именно в ней, вследствие разных случайностей, напр. плена и пр. Родовые имена последних могли, кажется, по их немногочисленности, сохраниться лишь там, где крепко держались монгольские родовые имена, т.е. в ханской орде.

[3] Вамбери Das Turkenvolk, s. 349: сихиут, кият, кунграт, боркут, дюрмен, ушун, солдуз, нокуз; там же упоминаются роды мангыт, найман, карлык, кучу, джалаир, а также воины из «казак-иля» без означения рода.

[4] По д'Оссону (Histoire des Mongols, 1834, t. I, p. 196), канкали, вышедшие из бесплодных равнин, расположенных к северу от Харезмского озера и к северо-востоку от Каспийского моря, водворились во владениях Харезм-шахов после брака Такаша с Тюхатун'ей дочерью Дженкиши, хана рода баяут, одной из ветвей племени канкали. По приводимым Рашид-эддином легендам о происхождении племен тюркских, Угуз, сын Кара-хана, сына Абулджа-хана, победив отца, умершего от ран, полученных в битве, овладел его «царством от Телаша и Сырыма до Бухары... Всем присоединившимся к нему из дядей и племен (он) положил имя уйгур, что по-турецки значит соединиться и помогать: все племена уйгурские суть из рода их. Другое племя наименовал канклы; племена кыпчак, каладж и агачери суть также из числа той общины, которая соединилась с Угузом и смешалась с родом его». Имя канглы произошло от того, что племя это

что местные кочевники состояли именно из кипчаков и канглов побуждают с одной стороны известия путешественников, а также мусульманских и китайских историков о том, что во время завоеваний Чингиз-хана и в ближайшие к нему годы степи от Волги

поделало «собственным умом» телеги, а «телега» по-турецки, называется канглы» («О турецких и монгольских племенах», перевод И.Н.Березина, 1858 года, стр. 17 и 18). По Березину «канглы - то, что обладает канг'ом (скрип, издаваемый немазаными колесами), т.е. телега»; он добавляет: «странно, что название тележников, присвоенное Рашид-эддином канклыям, у китайских писателей перенесено на уйгуров, которые по-китайски назывались гаогюй, т.е. высокая телега» (там же, стр. 221 и 222). В биографии Bu-hu-mu, 130 глава «Юань-ши», который был из рода k'ang-li, говорится, что этот род происходит от k'ou-ku, народа, упоминаемого в «Хань-шу». По этому поводу г. Бретшнейдер замечает, что знак ku произносится также che; гао-че значит по-китайски высокая телега и в «Вэй-шу» - это имя объясняется употреблением высоких телег (Notices of the Mediaeval Geographie and History, 1876, p. 74). По Ра- шид-эддину же, значительная часть армии сына Тюркан-хатун и Султан-Мухаммеда, во время нашествия монголов, состояла из канглов. Так, они составляли гарнизон Отрара. При взятии Самарканда монголы избили всех канглов, более 30 т. человек, с предводителями их ханами Барышмасом, Тогаем, Сарсыгом, Улагом; пробился и ушел только Алп-хан с 1 т. человек. Во время междоусобицы между сыновьями Султан-Мухаммеда, после его смерти, братья Джелал-эддина, наследника престола, находились в Харезме с 80 т. канглов («История Чингиз-хана», пер И.Н.Березина, 1888 года, стр. 58 и 67). Абул-гази (Histoire des Mongols et des Tatares, trad. Desmaisuns, t. II, pp. 37, 38) говорит, что потомки Огуз-хана обитали совместно с туркоманами в Мавераннагре и Хорасане; кипчаки жили в стране между Доном, Волгою и Уралом, канклы же имели стойбища сначала с туркоманами, а потом, когда эти последние распространились, канклы избрали для кочевок «берега Иссык-Куля, Чу и Телаша, где они провели очень большое число лет». После смерти Текеш-хана «все близкие родственники Тюркан-хатуни прибыли один за другим ко двору Султан-Мухаммеда, Где они приняли мусульманство и поступили на службу. У Тюркан-хатуни был старший брат по имени Кумар-текин... Он был назначен даругою Ургенджа. После него прибыл Инальчик, сын младшего брата, который тоже сделался мусульманином и получил от султана управление всем Туркестаном... Впоследствии прибыл Кук, один из старшин племени канглы. Султан дал ему Бухару с титулом хана (Кук-хан). Часть канглов, которая поступила на службу к Султан-Мохаммед-Харезм-шаху, доходила до 50 - 60 т. 10 тысяч кибиток остались на берегах Чу и Телаша. По прибытии Чингиз-хана все эти канглы, которые обитали на берегах Телаша, были завоеваны и страна их опустошена. С ними исчезло (?) племя канглы... Те, которые позже соединились, суть потомки их остатки этого племени». В 136 главе «Юань-ши» помещена биография Ашабуги (A-sha-bu-hua), князя из владетельной у канглов фамилии. Когда войска Чингиз-хана овладели страной канглов и государь их умер, то вдова его, происходившая из рода шаньме гумали, получив чудесным образом вьючных верблюдов, отправилась с двумя сыновьями Кюйлюй и Яя ко двору Огэдэя; через два года, когда смуты и неурядицы в стране канглов утихли, она возвратилась домой, оставив сыновей в Китае. Через 13 лет снова прибыла в Китай и разыскала своих сыновей. Похождения ее составили основу для одной (китайской) драмы. Ашабуга был ее внуком, служил Кубилаю и умер в 1301 году. Кроме этой в «Юань-ши» помещено несколько биографий других канглов, служивших Чингиз-хану и его преемникам; между прочим, в главе 123 есть биография Ai-mo, из племени Badu k'ang-li, который сопровождал Субутай-нойона в походе на K'in-cha, а в главе 134 биография Wa-lu-sze, праправнука Ho-shi Bo-yao, может быть, по Бретшнейдеру, рода баяут, к которому принадлежала Тюркан-хатунь (Notices etc., 1876, pp. 74 - 76, и арх. Палладия примечания к «Юань-чао-ми-ши» в «Трудах духовной миссии в Пекине», т. 4, 1866 г., стр. 248 и 249). О происхождении кипчаков у Рашид-эддина значится: «одна беременная женщина, мужа которой убили на войне, вошла в сгнившую середину большого дерева и разрешилась там... (Ребенок), по усыновлению, стал сыном Угуза: имя ему дали кыпчак, произведенное от кубук, означающего по-турецки сгнившее в середине дерево»), « О турецких и монгольских племенах», стр. 19). По биографии Тутухи в «Юань-ши» (глава 128), предки кипчаков (kin-cha) первоначально обитали на реке Чжэлянь (Dje-lien), на севере от Wu-p'ing, близ горы Дахань (An-da-hon).JGofi4y (которого арх. Палладий находил возможным отождествлять с найманским Кучлуком, что не допустимо) переселился на запад, в горы, именуемые Юйли боли (Yu-li-bo-li) и его имя (Ku-chu) дало название царствующему роду в кинча (kin-cha, кипчак). Эта страна в 30 т. с лишком ли от Срединной империи; летом там ночи бывают чрезвычайно коротки; солнце едва успеет зайти, как уже снова всходит. The people are skilful in working leather and metal. They are manly, valient, strong and impetuous. They have blue eyes and red hair (от помеси с русскими, по замечанию г. Бретшнейдера). После Кюйчу государем был сын его Сомона, а ему наследовал его сын Инасы (I-no-sze). Когда Чингиз-хан воевал с меркитами, то государь последних Худу (Hou-du) бежал в Киньча и Инасы отказался его выдать. Чингиз-хан объявил войну, но Инасы состарился и в государстве его происходили смуты, почему сын Инасы Хулусуман известил через послов о покорности. Однако Мангу (впоследствии император) получил повеление вступить в страну Киньча. Сын Хулусумана Баньдуча, со всем родом своим, поддался ему... Киньча доставляли ко двору (монголо-китайскому) кобылье молоко темного цвета, но превкусное, отчего их название Халачи. В «Юань-чао-ми-ши» кипчаки именуются kibcha, у Елюй Цуцая ko-fu-cha («Труды российской духовной миссии в Пекине», том 4, стр. 247 и 248; Notices etc., London, 1876, p. 174, 175).

до Тяньшаня были заняты кипчаками и канглами, с другой же - отсутствием достаточных данных предполагать замену этих родов другими, так как почти до XVI столетия восточные соседи этих родов продолжали занимать свои прежние места.

Из арабских историков эмир Рукнеддин Бейбарс (умерший в 1325 г.) рассказывает, что Акку- буль, кипчак племени токсоба, убил Монгуша, племени дурут; из-за этого возникла война; когда дуруты в сражении одержали верх, Аккубуль отправил брата своего Ансара к Души-хану, (т.е. Джу- чи-хану), сыну Чингиз-хана; Души-хан двинулся на кипчаков со своим войском, большую часть избил и захватил в плен. Тот же рассказ приведен и у Ибнхалдуна. Имена кипчакских племен писатели эти сообщают такие: 1 токсоба, 2 бурджоглы, 3 иета (по Ибнхалдуну сета), 4 бурлы (эльбули), 5 кангуоглы или кангароглы (канааралы), 6 анджоглы (оглы), 7 дурут, 8 карабароглы (калабаалы), 9 джузнан (джерсан), 10 карабиркли (кадкабиркли) и 11 котян (кунун). См. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды» В.Тизенгаузена, том 1, извлечения из сочинений арабских. Спб, 1884 года, стр. 540-542.

Выходцы из канглов и кипчаков, имея во главе султанов Гирея и Джанибека, положили начало казачьей орде, потом присоединились к ней и самые роды канглов и кипчаков джучиева улуса, но в состав же Казачьей орды вошли и все кочевники Джагатаева улуса, едва ли не составившие большинства казаков. Распадение джагатаева улуса началось с разделения его уже во второй четверти XIV века на Мавераннагр и Моголистан. Это разделение вызвано было главным образом глубоким различием в культуре этих стран. В то время, когда население северо-восточной части улуса состояло из подавляющего большинства кочевников, медленно и мало поддававшихся влиянию магометанства и персидской образованности и сохранявших свои древние обычаи и верования, тюрки и монголы Мавераннагра очень скоро приняли ислам и культуру многочисленного населения этой страны. Попытки Джагатидов Мавераннагра к удержанию в подчинении восточной половины улуса повели лишь к окончательному истреблению на севере Тяньшаня оседлого населения; с другой стороны, притязания Туглук-Тимура и его сына на власть над Мавераннагром были одною из главных причин возникновения могущества Тамерлана. Тюркские роды Моголистана, конечно, убедились в бессилии своих монгольских повелителей, как только ослабли связи между частями основанного Чингизом государства и особенно когда самый Джагатаев улус разделился на две части, но привычка к повиновению наследникам Джагатая и бедственные результаты неурядиц и смут между оставшимися без главы по смерти Исень-буги кочевниками способствовали легкому возведению на опустевший ханский престол Туглук-Тимура. Нашествия Тамерлана и потребность в объединении для борьбы с таким мощным врагом снова укрепили ханский престол Джагатаидов, которые едва не были вконец истреблены честолюбивым главою одного из родов Камр-эддином. По смерти Тимура ханская власть поддерживалась некоторое время нуждою в защите против набегов калмаков и против притязаний Тимуридов. Когда же Тимуриды ослабели, а калмацкие набеги, вследствие внутренних смут в Монголии, перестали быть опасными, кочевые роды

начали выходить из повиновения своим ханам, пользуясь особенно междоусобиями между потомками Хызр-ходжи-хана. Первые отпадения кочевых родов из-под ханской власти замечаются при Исень-буге II, еще ранее, чем он дал приют Гирею и Джанибеку с их казаками. Кочевые роды все сразу оставили Исень-бугу, негодуя на убиение эмира Тимур-уйгура, и стали большей частью жить самостоятельно. Исень-буге удалось потом возвратить часть отпавших, а Юнус-хан объединил затем под своей властью большую часть кочевников Моголистана, но подчиненность кочевых родов сделалась весьма слабой и они оставляли хана при малейшем поводе к неудовольствию. Ахмед-хан, ценою десятилетних стараний, успел на время подчинить кочевые роды и умерить своеволие родоначальников, но неудачи его в столкновениях с шейбанидами окончательно уронили власть Джагатаидов над кочевыми их подданными. Брат его предпочел отдаться в руки Шейбани, чтобы не оставаться среди непокорных родов западной части Моголистана, а сыновья Ахмед-хана вынуждены были ограничиться властвованием над городами восточного Туркестана, лишившись всех подданных кочевников.

Монгольские роды, т.е. «коренное» войско Джагатаидов, ушли с потомками своих ханов в Кашгарию, продолжая составлять их дружину и главную опору их власти. Но что сталось с многолюдными тюркскими родами Моголистана и какие же наконец именно были это роды?

Кочевники восточной части Джагатаева улуса постепенно вошли в состав казачьей орды, племена же и роды, к которым они принадлежали, суть почти те же самые, какие занимали западный Тяньшань и северные его подножия во времена тукиюесцев и даже ранее, и вместе с тем те самые, которые и ныне составляют кочевое население тех же земель. При отсутствии прямых и точных исторических свидетельств, вступление почти всех моголистанских кочевников в состав казачьей орды именно и доказывается тем фактом, что в составе восточной части нынешнего казачьего народа находятся все тюркские кочевые роды, которые занимали восточную часть Джагатаева улуса, за исключением кыргызов. И для определения этнографического состава кочевого населения Моголистана прямых исторических известий нет. Однако, историки Тимура, а затем «Тарихи-Рашиди» дают достаточные указания для решения вопроса, по крайней мере, в общих чертах. Эти указания заключаются в известиях Шереф-эддина о родах, которым принадлежали князья или старейшины и родоначальники джетов во время столкновений с ними Тимура. Так мы узнаем, что, предприняв в 1360 году покорение Мавераннагра и остановившись сам в окрестностях Ташкента, Туглук-Тимур-хан отправил за Сыр-дарью военачальников своих Улуг-Тук-Тимура, князя орды караит, Хаджи-бея, князя орды аркенут, и Бикиджека, князя орды кангули[1]. Во время второго похода того же Туглук-Тимура упоминается, как один из влиятельнейших эмиров, Мир-Хамид, князь курлукут[2], который в 1366 Году был начальником левого крыла армии Илияс-ходжи, нанесшей Тимуру и Гуссеину сильное поражение около Ташкента[3]. У

[1] Histoire de Timur-bec, 1.1, p. 27.
[2] Там же, p. 43.
[3] Тут же, p. 85.

Шереф-эддина же, Камр-эддин, овладевший ханской властью, и Шамс-эддин, его брат (по «Тарихи-Рашиди») именуются князьями орды или рода дуглат, а из «Тарихи-Рашиди» знаем, что глава того же рода дуглат Тулек был улус-бегом (первым министром) и правителем Кашгарии при Исень-буге (720 - 730 гг.), а по смерти его то же положение занял брат его Булатчи и его потомки. По «Тарихи-Рашиди» же во главе родов, принявших сторону Юнус-хана по возвращении его из заточения в Хорасане, упоминается эмир Керим-берды, рода Луглат. Может быть, когда будет издан полный текст и перевод «Тарихи-Рашиди»[1], окажутся в составе джагатайских кочевников и еще некоторые роды и их подразделения, но уже и приведенными именами исчерпываются главные роды, составлявшие с VI века, по приведенным в настоящем труде данным, кочевое население северных склонов Тяньшаня и его ветвей и продолжающих и в настоящее время занимать почти те же местности: отбросив монгольские окончания множественного числа и выговаривая имена вышеназванных родов согласно тюркскому произношению, существующему ныне, получим роды кирей, аргын, канглы, карлык, дулат.

Из этих родов канглы, древние кангюйцы, занимали в монгольское время, по китайским известиям и по описаниям путешествий Плано Карпини и Рубрука, страну по обе стороны хребта Каратау. На близость земель канглов к Сыр-дарье и к Мавераннагру указывает и достигнутое Тимуром подчинение их, на которое намекает служба Тимуру одного из сыновей князя канглов Бикиджека в весьма важной и высокой должности: сын Бикиджека Баян-Тимур состоял атабеком (воспитателем и руководителем) при внуке Тимура царевиче Ескендер-мирзе, которому было поручено управление Ферганою[2]. Карлыки, вероятно, как во время Етой-Даши, продолжали кочевать, смежно с канглами, между Таласом и Сыр-дарьей; они должны были тоже подчиняться Тимуру, потому что их земли служили путем для вторжений его войск в Моголистан. По смерти Тимура канглы и карлыки должны были возвратиться в подданство Джагатаидам. Наиболее многочисленным и влиятельным из родов Моголистана представляются дулаты, дулу тукиюеских времен, так как главы этого рода Тулек, Булатчи, Худайдад имели последовательно должность улус-бега Моголистана, а брат двух первых Камр-эддин даже овладел ханским престолом; надо полагать, что дулаты занимали илийскую долину и распространялись на юго-запад до Чуйской долины, а на северо-восток до р.Каратала. От этой последней реки начинались, по-видимому, земли аргынов, так как во время девятого похода войск Тимура тут находилась орда Анкатуры, племянника Хаджи-бея, главы аркенутов[3]. Кочевки аргынов простирались на север за р. Аягуз, на восток до Тарбагатая, на северо-

[1] До настоящего времени исследователям истории Средней Азии приходится довольствоваться теми извлечениями из «Тарихи-Рашиди», которые относительно истории Кашгарии сделаны автором «Гефт-Иклима» (перевод Катрмера в Notices et extraits, t. XIV, p.I, 1843), известиями, которые приводит Erskine в его History of India, 1854, v. I, отрывками, напечатанными и переведенными в «Исследовании о касимовских царях», наконец известиями и отрывками в трудах Bellew и Roverty, относящимися к истории Кашгарии.

[2] Histoire de Timur-bec, t. Ill, p. 220.

[3] Histoire de Timur-bec, t. II, p. 439.

запад до хребта Чингиз-тау, потому что приблизительно в этих местах думал Тимур найти Анкатуру во время своего восьмого похода. Киреи, занимающие теперь земли на Черном Иртыше, в восточном Тарбагатае и в Барлыке, вероятно, и во время Тимура кочевали в тех же местностях[1], вообще к востоку от аргынов. Так как во время Чингиз-хана киреи занимали среднюю Монголию, кочуя, между прочим, по рекам Орхону и Туле, а найманы обитали к западу от них до Иртыша, то нахождение киреев уже во второй половине XIV века в бассейне Эбин-нора и Черного Иртыша показывает, что неомонголившаяся часть киреев была вытеснена или переведена с прежних земель на новые, в пределы улуса Джагатаева, еще в XIII или в начале XIV века. В таком случае должны были отодвинуться на запад и найманы, так как киреи оказываются занимающими западную часть прежних найманских земель. Вероятно, найманы откочевали на запад главным образом после разгрома Чингизом их западного ханства и после неудачи попытки Кучлука в союзе с меркитами возобновить борьбу с Чингизом на Черном Иртыше в 1208 году. Большую же часть кочевников восточного найманского ханства можно предполагать омонголенною и образовавшею монгольский род найман. Мне кажется, что окончательное передвижение найманов и киреев на запад следует относить не позднее времени Каиду. Так как Мангу-хан отобрал у потомков Угэдэя «коренное монгольское войско» их, то армии Каиду составлялись из привлеченных им на свою сторону тюркских родов, в числе которых должны были быть главным образом аргыны, найманы и киреи. Фактической северо-восточной границей владений Каиду служил, по-видимому, монгольский Алтай, а потому и подведомственные ему роды должны были обитать на запад и юго-запад от Кобдо[2]. Если отсутствие в «Зафер-намэ» упоминаний о князьях рода или орды найман у джетов не случайность, то надо думать, что найманы находились в то время в соединении с аргынами и особого от последних князя или главы не имели.

Erskine полагал, что «главным племенам в джагатайской степи были моголы, по которым и страна называлась Моголистаном. Главными родами моголов были дуглат, кирас, кончи или кочин, бегчак, текрит и многие другие. Позднее появляются особым племенем той же расы кыргызы, которые сначала соединяются с моголами, а потом становятся им враждебны[3]. Писатель этот ошибочно принял политическое название моголов и Моголистана за племенное, народное имя. Конечно джагатаиды, как

[1] Заключить это можно из следующего: во время похода 1389 года войска Тимура грабили и преследовали в котловине Эбин-нора орды булгаджи (boulgaji) и салуджи (salou-dji), но вместе с булгаджи упоминается в том же походе (t.II, p.49) орда иль-кер (ilker) - это волость (иль) кер, т.е. киреи. Булгаджи эти могут быть нынешними булатчи, одним из подразделений киреев (упоминаемым, напр. в «Очерках северо-западной Монголии» г. Потанина, вып. 4, 1881 г., стр. 6). Род салуджи, вероятно, тоже киреевский, может быть сближен с родом калуджи «Гефт-Иклима»: Султан-Ахмед-хан «покорил силою оружия некоторые ветви племени arlat и племя kalundji, которые превосходили прочие монгольские племена огромным числом рабов и стад» (Notices et extraits, t. XIV, partie I, p. 485).

[2] По мнению Howorth'a (History of Mongols from the 9th to the 19th century, Part I, London, 1876, p. 173), Каиду получил в удел племена, составлявшие союз найманский, и вероятно также предков нынешних калмаков; граничили его земли на юге с Каялыком, Алмалыком и Бишбаликом.. джагатаидов, к западу - владениями Орду (Ичена) и его потомков, на востоке, вероятно, Джабканом и Куке-Сирке-ула.

[3] History of India under Baber and Hunnayun, v. I, p. 36. Имена родов взяты тут, вероятно, из разных упоминаний о них в «Тарихи-Рашиди», которые мною тоже более или менее приведены.

потомки Чингиз-хана, могли называть себя и население своих владений моголами, а свое государство Моголистаном, но на самом деле огромное большинство населения состояло из тюркских кочевников. Настоящих монголов было очень немного: это были только потомки 4 т. коренного войска Джагатая, из которого притом в Моголистане должна была находиться лишь часть, потому что, по крайней мере, половина коренного войска попала к джагатаидам Мавераннагра. Хотя в числе настоящих монголов нирун был, между прочим, и род дукалат[1], но многочисленный и сильный моголистанский род дуглат следует почитать за потомков местного тюркского племени или рода дулу, предков нынешних дулатов. Из остальных приводимых Erskine'ом родов моголов кирас (вероятно, то же, что у Бабура чирас) может быть действительно монгольский род, равно как и упоминаемый Бабуром род барин, потому что, по Рашид-эддину, в числе монголов дурлигин был род икирас[2] и между монголами нирун имелся род барин[3], существующий в Монголии и теперь. Не отвергая принадлежности упоминаемых в «Тарихи-Рашиди», в качестве могольских родов, бегчак, кончи юш кучин и текрит[4], у Бабура печагур-бакчи и у Хондемира сагирджи к потомкам «коренного» войска, нужно, однако, иметь в виду, что между родами нынешних казаков и их подразделениями нет подобных имен, из чего следует заключить, что роды эти были очень малочисленны и, по всей вероятности, ушли с джагатаидами в Восточный Туркестан.

Утвердившись в Кашгаре и не имея возможности восстановить господство над безвозвратно утраченными для Джагатаидов кочевыми родами прилегающих к западному Тяньшаню с севера степей, так как они вошли в состав Казачьей орды, бороться с которой он был не в силах, Саид-хан старался удержать в своей зависимости хотя бы кочевников западного Тяньшаня - кыргызов. Покорность их и обладание пастбищами западного Тяньшаня были для кашгарских Джагатаидов особенно необ-ходимы, потому что в Тяньшане находились нужные для продолжавших составлять юс главную опору монголов пастбища. Благодаря этим обстоятельствам мы имеем в «Тарихи-Рашиди» весьма ценные и интересные сведения о столкновениях Саид-хана с кыргызами.

Еще ранее этих столкновений упоминается о кыргызах в сведениях об Абу-бекре, потомке эмира Булатчи. Этот Абубекр властвовал в Кашгаре, Яркенте и Хотане с 1488

[1] По Рашид-эддину, d'Ohsson - Histoire des Mongols, t.I, p. 427.
[2] Там же, p. 426.
[3] Там же, p. 427.
[4] Текрит, быть может, есть испорченное меркит; в таком случае это род тюркский, хотя быть может и состоявший в составе «орды» или «коренного» войска Джагатаидов. То же можно сказать о печагур-бакчи, напоминающем кучагуров у найманов. По «Гефт-Иклиму» в Кашгарии население разделялось на четыре класса; второй из этих классов назывался кучин и составлял военное сословие. С подобным же значением слово кучин или куджин употреблялось в Мавераннагре во время Тимуридов. Напр., в «Матла-ассаадейн» встречаются такие фразы: «Мирза Олуг-бег, соединив куджинов окрестностей Кеша, присоединился ко двору монарха (Notices et extraits, t. XIV, partie I, p. 186); на той же странице, при описании одного сражения: «куджины отличались многими чертами храбрости». На стр. 297: «монарх (Шахрох) отправил эмира Нуширвана и нескольких куджинов с отрядом в 10 т. всадников». Вообще остается не выясненным: какой это род кучин в «Тарихи-Рашиди», не кучины ли это «Гефт-Иклима» (Notices et extraits, t.XIV, p. I, p.475) и Абд эр-Разака.

года до 1514. По «Гефт-Иклиму», в то время, когда Мохаммед-Шейбани-хан подчинял себе Мавераннагр и Хорасан, Абубекр опустошал Фергану и вторгался в Моголистан. «Кыргызы, столь страшные для соседей, вынуждены были сами опустошить свою страну и искать убежища у Мансур-хана»[1]. Выше уже упомянуто, что по «Гефт-Иклиму» же Саид-хан и брат его Халиль, после смерти отца, искали убежища у кыргызов.

По «Тарихи-Рашиди», «знатнейший эмир» кыргызов Мухаммед оказал Саид- хану некоторые услуги при овладении Яркентом и Кашгаром в 1514 году. Затем этот Мухаммед занялся грабежами во владениях Шейбанидов, в местностях, прилегающих к Туркестану, Ташкенту и Сайраму. В одном из набегов ему удалось взять в плен сына Кучум-хана Абдуллу-султана (сделавшегося впоследствии в 1539 году государем Мавераннагра), но он возвратил ему свободу. Саид-хан в 1517 году напал на Мухаммеда около Иссык-Куля и захватил его. В 1522 году, отправляя тринадцатилетнего сына своего Абд-эр-Рашида «в Моголистан», Саид-хан освободил Мухаммеда и послал его с сыном. Мухаммед сначала действовал в пользу султана Рашида и привлек к нему кыргызов, «так что очень многие из них расположились кочевьями около султана, на Кочкаре». Зимой 1524 года «Рашид-султан предпринял поход против калмыков и убил калмыцкого эмира по имени Яранга, через что и удостоился чести стать в ряду воителей неверных. Затем Рашид расположился зимовать на Кочкаре. Туда приехал к нему и хан, один, налегке. В середине зимы прибыл Тагир хан», который привез вдову своего отца и дяди, дочь Юнус-хана и тетку Саид-хана Султан-Нигар-Ханыму, которая на старости, находя для себя утомительным кочевание, пожелала жить в городах у племянника. «При отъезде хана с Кочкара снова задержали Мухаммеда кыргыза и, заключив его в оковы, отвезли в Кашгар. Причина была та, что он изменил и стал клониться на сторону узбеков. Мухаммед получил свободу только по смерти хана. Хан возвратился в Кашгар, меня же оставил в Моголистане, чтобы следить там за ходом дел. Как я ни старался, однако, кыргызы не успокоились: они бежали и снова ушли на противоположный конец Моголистана, где и пристали к Тагир-хану; только часть их осталась»[2].

В следующем 1525 году «Рашид султан, оставшись в Моголистане, расположился зимовать на Кочкаре. В это время Тагир-хан находился в Узбекистане», но зимой он вдруг подошел к самому Кочкару. «Половина бывших тут кыргызов передалась ему, и он принял их к себе. Видя это, Рашид-султан побоялся Тагира и в середине зимы бежал с Кочкара на Ат-баши. Узнав о приключившемся, хан сам в конце зимы двинулся на Ат-баши. Не доезжая Ат-баши, на Рабате, хан встретился с сыном. Его присутствие и слова успокоили умы. Весною узбеки откочевали в восточную часть Моголистана, к Хасу

[1] Notices et extraits, t. XIV, partie I, p. 484.
[2] В.В.Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах», часть вторая, 1864 г., стр. 192-196. В «Гефт-Иклиме» (Notices et extraits, t. XIV, partie I, p. 486) читаем: В 921 (1515) г. «Абу-Саид-хан получил известие, что Мохаммед, вождь кыргызов, опустошил территорию Туркестана и Сайрама, уведя в плен множество мусульман. Воспламененный гневом, он пошел на своего врага, взял его в плен и покрыл развалинами всю страну кыргызов». На самом деле Саид-хан недоволен был Мухаммедом, вероятно, за то, что он выпустил на свободу попавшегося ему в руки шейбанида. Что же касается до развалин, то у кыргызов, конечно, не было никакой оседлости.

(Каш) и Кункашу (Кунгес). Кыргызам, которые еще были у Рашид-султана, в душе хотелось соединиться с теми кыргызами, которые пристали к узбекам. Хан, чтобы воспрепятствовать им, отправил меня и Рашид-султана. Мы пошли и перевели кыргызов с Джумгала и Кочкара на Ат-баши. Затем хан поехал в Кашгар за ордою». Прибыв с войском, хан расположился на Аксае. Узнав потом, что кыргызы кочуют отдельно от узбеков (казаков), он решился идти на них и выступил с Аксая, но на первом переходе Рашид-султан заболел. «К счастью тут был ходжа Нура, который вздумал навестить хана. Благодаря присутствию и молитвам святого, болезнь в три дня совершенно прекратилась». Тогда хан выступил в дальнейший путь. «Мы прошли в двенадцать дней пространство, на которое обыкновенно употребляют сорок дней... Когда мы достигли Ак-куяша, хан отрядил со мною пять тысяч человек и послал меня с Рашид-султаном на кыргызов. Стояли они тогда на Арышляре. Прибыв к этому месту, мы увидели одни кибитки, кыргызов же не было. Разные вещи и пожитки были разбросаны; нам и показалось: не бежали ли кыргызы, проведав о нашем приближении? Пошли дальше. По дороге валялось несколько мертвых людей и множество палых лошадей. Люди и лошади были избиты и изранены стрелами. Стали доискиваться причины. Нашли одного раненого полумертвого человека, который рассказал нам, что Бабачак-султан[1] приходил из Куша и напал на кыргызов, что за три дня перед нами был кровопролитный бой, что Бабачак-султан потерпел поражение, и что кыргызы, отослав старых и малых к узбекам, сами отправились преследовать Бабачак-султана. Пошли еще далее. Тут наехали на кыргызских баранов в количестве ста тысяч голов и захватили их. Отсюда мы возвратились к хану; больше мы ничего делать не стали, потому что кыргызы уже успели соединиться с узбеками. Так как в виду у хана было только наказать кыргызов, а не воевать с узбеками, то хан и двинулся в обратный путь. Поход наш прозвали «походом за баранами». Около этого же времени казаки умертвили Абдул-Касима и покинули Тагир-хана, который пристал к кыргызам. Весть об этом достигла хана, когда он со всеми монголами своими уже находился в Кашгаре, куда он повел монголов, боявшихся узбеков. «Перед началом весны (1527 года) Тагир-хан явился к кыргызам и увел с собой тех из них, которые оставались еще на Ат-башие. Вместе с тем он угнал и весь скот монгольский, находившийся в Моголистане». Наплыв узбеков в Моголистан в 1526 году объясняется тем, что из Узбекистана вытеснили их об эту пору ногайцы[2]. Еще в 1525 году Султан-Нигар-ханыма, по «Тарихи-Рашиди», говорила между прочим Тагир-хану: «У тебя в Узбекистане из-за мангытов (ногайцев) дела не ладятся: прежде было у тебя людей десять леков (лек - сто тысяч), а теперь вследствие войн с мангытами, число их уменьшилось до четырех леков»...[3].

Я не мог выяснить, при расспросах своих у местных казаков и кыргызов - какие названия носят теперь упоминаемые в рассказе Мухаммед-Хайдера о «походе за ба-

[1] Бабачак-султан был братом Мансур-хана и Саид-хана и правил в Куча и Бае, признавая власть Мансур-хана.
[2] «Тарихи-Рашиди» в «Исследовании о касим. царях», часть 2, стр. 196-202.
[3] Там же, стр. 193 и 194.

ранами» урочища Ак-куяш и Арышляр, потому что теперь подобных имен не сохранилось. Надо полагать, что брошенные кыргызами юрты отряд Мухаммед-Хайдера нашел на нижнем Текесе или даже на Кунгесе: так выходит по приводимым у автора «Тарихи-Рашиди» расстояниям; подходит это и для набега Бабачак-султана из Бая или Куча, во всяком случае через Юлдуз, откуда можно попасть и на Текес, и на Кунгес; соответствует это и нахождению узбеков (казаков) на Каше и Кунгесе.

Вышеприведенным исчерпываются доступные пока нам известия о кыргызах «Тарихи-Рашиди». Сеифи (Seify), путешествовавший в Китай в 1543 году и умерший в 1582 году, говорит следующее в своей истории государей Индии: «За Кашгаром обитают многочисленные племена, которые носят имя кыргызов; они кочевники монгольского происхождения; они повинуются не какому-либо государю, а старшинам, которые носят название кашга (qachga). Кыргызы обитают в трудно доступных горах; они не мусульмане, но и не неверные... Когда какой-нибудь государь объявляет им войну и посылает войска, они отправляют свои семейства во внутренность гор, собираются при входе в ущелье и пресекают проход; они употребляют тогда едэ (yedeh)[1], вызывают обильный снег и холод, когда же войска неприятеля ослабеют и сделаются неспособными к движениям, они нападают и обращают в бегство. Они не погребают своих умерших, но помещают их в гробах, которые подвешивают к вершинам самых высоких деревьев; они оставляют их там, пока кости не обратятся в пыль».

Позднейших сведений о кыргызах до времен калмыцкого владычества не имеется, а потому для некоторого хотя выяснения истории западного Тяньшаня за это время не лишне привести известия о казаках, тоже, впрочем, весьма скудные.

Хотя шейбаниды удалились в Мавераннагр, но они оставили за собою все города на правом берегу Сыр-дарьи. Овладение этими городами и удержание их за собой сделалось задачей всех казацких ханов до конца самостоятельного существования казачьих орд. Вероятно, уже первые ханы казаков владели Сузаком, находящимся у северных подножий Каратау, недалеко от низовьев р. Чу. По Хондемиру, Шейбани-хан в молодости своей был разбит около Сабрана тамошним владельцем Иранджи-ханом, сыном Джанибек-хана, а автор «Шейбани-намэ» упоминает еще о незадолго перед тем совершенном походе Гирей-хана к Туркестану[2]. Несколько лет спустя Шейбани-хан несколько раз сражался с владельцем Сузака Махмуд-султаном, сыном Джанибек-хана, но был им побит. После перехода на сторону Махмуд-хана перед сражением на Чирчике, Шейбани-хан утвердился в крепости Артуке и овладел Саганаком несмотря на сопротивление Бурундук-хана. Когда он получил от Махмуд-хана Отрар, то ему передались жители Сабрана, но Бурундук-хан подступил к этому городу и жители выдали ему брата Шейбани Касим-султана. Затем Бурундук осадил самого Шейбани в

[1] Historie de l'Asie Centrale par Mir Abdoul Karim Boukhary, publiee, traduite et annotee, par Char les Schefar, Paris, 1876, p.301. Подробные сведения о камне едэ у тюрков и монголов собраны у Картмера в примечаниях к Histoire des Mongols de la Parse par Raschid-eldin, 1.1, Paris, 1836, pp. 428-440. а также у В.В.Григорьева в I вып. «Восточного Туркестана», 1869 г., стр. 459-162.
[2] «Исследование о касимовских царях», часть 2, стр. 241.

Отраре, но заключил мир, когда к Шейбани прибыла помощь от Махмуд-хана. При возобновившихся в 1494 году военных действиях Шейбани нападал на Бурундука и сыновей Джанибека, которые о ту пору стояли на Ала-таге (вероятно, Заилийский Алатау или Александровский хребет)[1]. В 1508 г., разбив и пленив Махмуд-хана и Ахмед-хана, Шейбани овладел Ташкентом и всеми принадлежавшими им на правом берегу Сыр-дарьи городами. Эти города составили удел ветви шейбанидов, происходившей от Суюнчук-хана, с которой казацкие ханы, претендующие на обладание теми же городами, находились почти в постоянной борьбе. Победа над казаками, которой прославился Абд-эр-Рашид, одержана им в союзе с шейбанидами[2]. Около того же времени казаки терпели поражения и от ногайцев. В 1537 году ногайский мирза Юсуф писал, между прочим, в Москву: «казатцких людей ходили есмя воевати и дошли есмя их». Во второй половине XVI века дела казаков поправились. По свидетельству Дженкинсона, бывшего в Бухаре в конце 1558 года, казаки, народ сильный и многочисленный, уже три года теснили Ташкент и препятствовали грабежами своими свободному проходу караванов[3]. Ногайский князь Измаил писал в 1557 году, что его племянники «приложилися к казацкому царю» и воюют против него[4]. Вероятно, ханом у казаков был в это время сын Касим-хана Хакк-Назар-хан, тот самый «государь казаков и кыргызов», в битве с которым, по Хайдер-Рази, погиб джагатаид Абд-эль-Латиф[5], после 1566 г. По показанию сына боярского Бориса Доможирова (1577 г.) «приходили сее весны казачьи орды люди на (ногайских) Ак-мирзу да на Бек-мирзу... И велели им говорить, что де царь наш Акак-назар с царем и великим князем в миру, и с таксицы и с юргенцы (с ташкентцами и с хивинцами) в миру же, а нашему де царю Акак-назару вас воевати, по Яике и по Волге не дать кочевати»[6].

По «Абдулла-намэ», во время войны шейбанида Абдуллы, государя Мавераннагра, с владельцем Ташкента Баба-султаном, внуком Суюнчук-хана[7], в мае 1579 года, когда после поражения Бабы и бегства его, Абдулла находился около Ташкента, он получил известие, что владельцы казацкие Хакк-Назар-хан, Джалым-султан, Шигай-султан и Дуст-султан, с братьями и сыновьями своими, стоят на берегу реки Талаша, что один из них, Ондан-султан взял себе в жены супругу племянника Бабы, а племянницу захватил для Джалым-султана, и что племянники Бабы, узнав об этом насилии, не решились идти к казакам и удалились в горы. Когда затем, двинувшись к Сайраму, Абдулла прибыл на «восхитительные берега р. Келеса», то

---

[1] Там же, по Хондемиру и «Шейбани-намэ», стр. 245, 247, 248, 250 и 252.
[2] По Хайдер-Рази (Notices et extraits, t. XIV, partie I, p. 511), в 951 году гиджры, Барак, хан Ташкента, и Абд-эр-Рашид, государь Кашгара, соединились (вероятно, перед этой победой) близ Иссык-Куля. Ниже упоминаемые Дервиш и Баба сыновья этого Барака, сына Суюнчук-хана, сына Абул-хайр-хана.
[3] «Исследование о касимовских царях» и пр., ч.2, стр. 332.
[4] Там же, стр. 333.
[5] То же, стр. 333. «Тарихи-Хайдери» писана около 1611 г.
[6] «Исследование о касимовских царях» и пр., ч. 2, стр. 334.
[7] Вероятно, брату и предместнику этого Бабы Дервиш-хану была, в ответ на ташкентское посольство, отправлена в 1561 г. царская грамота, адресованная «Любви нашей присвоителю и суседу ближнейшему, ташкентских стран здержателю Маамет-Дербышю царю» (см. об этой грамоте у г. Уляницкого - «Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в 16 и 17 веках, по документам московского главного архива мин.иностр.дел», Москва, 1889 года, стр. 62).

явился к нему посланец от государей казацких и донес, что в их руки попал сын Бабы Обейдулла-султан и что они готовы прислать этого пленника или его голову. Абдулла ответил, что жалует владельцам казацким четыре города в Туркестанской области. Месяца через три Абдулла заключает с Бабою мир, но к зиме Баба вошел в союз с казаками, отдал им Ессы и Сабран, а зимой его войска вместе с казацкими опустошили Самаркандскую область и бухарские туманы, прилегавшие к Туркестану. Летописец описывает казаков в следующих ярких красках: «отчаянные головы, в бою бесстрашные, явившиеся подобно волкам, одетыми все в шкуры, с лицами, подобными коже на щитах, съеженными и полными морщин, с глазами, которых не видно из-за складок их бровей». В апреле 1580 года, Баба, заподозрив казацких владельцев в намерении его убить, неожиданно напал на ехавших с ним к Хакк-Назар-хану Джалым-султана с двумя сыновьями и на двух сыновей Хакк-Назар-хана и умертвил их. Тогда Шигай-хан выступил против Бабы и настиг его на Талаше, но был разбит и бежал. Баба захватил все кибитки побежденных и скот, попавшийся по дороге, и возвратился к Сайраму. В октябре следующего (1581) года Шигай-хан с сыном Тевеккель-султаном и другими явился к Абдулле и поступил к нему на службу; ему дан был в удел г. Ходжент. В марте 1582 года Абдулла взял Сайрам и, преследуя Бабу, через Бугонь, Икан и реки Сабран и Чатырлы, вышел на Сарык-су. Переправясь через нее в апреле, он добрался по следам Бабы до Улуг-тага и послал за Бабою отряд. После возвращения не имевшего успеха отряда, бухарский государь пошел в обратный путь. Пока он в июле осаждал Сабран, Баба был убит, родственники его пленены или погибли, после чего Абдулла занял подвластные Бабе города и земли. Успехам его много содействовали Шигай-хан и Тевеккель. Последний доставил голову Бабы и взял в плен его брата. За это ему дана была в удел область Аферин-кент, «лучшее место во всем Согде самаркандском». Однако в 1583 году, заподозрив Абдуллу в недоброжелательстве, Тевеккель удалился к себе в Дешт-Кипчак и стал выжидать случая, чтобы напасть на Туркестан. В 1586 году, узнав, что Абдулла занят на юге, Тевеккель появился на северной границе, разбил в Шерабхане выступивший против него из Ташкента отряд, но бежал из-под Сайрама, когда приближалось туда прибывшее из Самарканда большое войско[1]. В начале 1598 г., во время возмущения против Абдуллы сына его Абдулмумина, «Тевеккель, султан казацкий, присвоивший себе титул ханский», подступил к Ташкенту с многочисленным войском и разбил между Ташкентом и Самаркандом высланные против него бухарские силы. Абдулла выступил сам, но на пути умер. Летом 1598 года погиб и Абд-ул-момун. Тевеккель подчинил себе Ташкент, Фергану и Самарканд и с 70 или 80 т. человек двинулся к Бухаре. Здесь в нескольких битвах с Пир-Мухаммед-ханом, братом Абдуллы, он потерпел неудачи и отступил. Соединившись с братом Ишим-султаном, остававшимся с 20 т. ч. в Самарканде, он снова выступил против бухарцев, но в решительной битве был разбит, ранен и вынужден удалиться в Ташкент, заболел там и умер. Брат его Ишим принимал в 1611 г. некоторое участие в бухарских смутах. В 1613 и 1621 годах бухарский хан

[1] «Исследование о касимовских царях» и пр., ч. 2, стр. 279-312, 339-341.

Имам-кули пытался отнять у казаков Ташкент, но потерпел неудачи. Переговоры о мире ведены были с ханом казацким Турсун-Мухаммедом[1].

Когда Абул-гази, побежденный Исфендиар-ханом, вынужден был оставить Хиву и искать убежища у соседей, по примеру узбеков, державших его сторону, то он направился к казакам и прибыл в Туркестан к Ишим-хану. Через три месяца приехал сюда же властвовавший в то время в Ташкенте Турсун-хан и увел Абул-гази с собою в Ташкент. «Я находился при нем два года в Ташкенте, - пишет Абул-гази, - когда Ишим-хан погубил Турсун-хана, раззорил и подверг преследованиям (род) катганов».

Тогда Абул-гази отправился в Бухару к Имам-кули[2]. К сожалению, Абул-гази не дает никаких подробностей о казаках и о совершавшихся у них событиях. Не указывает он в точности и времени своего прибытия в Туркестан. По Левшину, это было около 1630 года, а по В.В.Вельяминову-Зернову, в 1625 году; издатель же и переводчик сочинения Абул-гази барон Демезон ограничился указанием, что комета, после появления которой состоялось, по Абул-гази, удаление его из Хивы, есть, вероятно, та, о которой упоминается восточными историками во время смерти Шах Аббаса I, в 1628-9 году[3].

Имена тюркских родов, составлявших население северо-восточной части джагатаева улуса, удалось нам определить лишь благодаря упоминаниям об их главах или князьях в описаниях войн Тимура с джетами. По той же конечно скудости у восточных историков сведений об истории джагатаева улуса вообще и по этнографии его населения в особенности, мы не имеем до Мухаммед-Хайдера никаких сведений о кыргызах. Положение кыргызов во время Чингиз-хана и при Джагатае и его преемниках, вероятно, мало отличалось от судьбы других тюркских родов, обитавших в прилегающих к Тяньшаню с севера степях. Кыргызы, конечно, также без особого сопротивления признали власть завоевателя и его потомков, но, пользуясь своими горными, трудно доступными кочевками, они должны были провести время владычества джагатаидов до Тимура еще в большем спокойствии и политическом бездействии. Можно думать, что в это время они, как всегда в мирные эпохи, были разделены на многие мелкие родовые подразделения, которые, быть может, соединялись в более или менее обширные административные округа, управляемые назначаемыми ханами начальниками: последнему предположение дает основание упоминание о Мубарек-шахе, мерките, тысячнике, который управлял округом Атбаша и Арпы, где Тимур, во время третьего похода, провел два месяца. Конечно, кыргызы немало потерпели от грабежей и истреблений в продолжение тех походов войск Тимура, которые направлялись в западный Тяньшань или лежали через долину Нарына и Иссык-Куль[4].

---

[1] По Искандер-муншию, «Исследование о касимовских царях» и пр., ч. 2, стр. 342-351, 371.
[2] Aboul-Ghazi Bihadour-khan - Histoire des Mongols et des Tatares, Trad, par le town Desmaisuns, 1874, pp. 327-329. Катганы принадлежали к дурлигинам (там же, p. 79).
[3] Там же, p. 327. Левшин, ч. 2, стр. 58. «Исследование о касимовских царях», часть 2, стр. 372.
[44] Можно бы предположить, что народ бехрим, который устроил засаду для войска Мирзы-Али во время седьмого похода, разбил его, овладел всеми его обозами и прогнал из своих земель, были кыргызы:

Мы не ошибемся, конечно, если будем полагать, что в эпоху падения джагатаидов кыргызы опережали степные роды в стремлениях к самостоятельности. Указывают на это убежище, которое они давали султанам Сайду и Халилю во время вражды их с Мансуром, а также и грабежи, которые они производили в окрестностях Ташкента и Туркестана, не страшась сильных в то время Шейбанидов. Если часть кыргызов оставалась некоторое время подчиненною Саид-хану, когда уже все степные роды присоединились к казакам, то причиной тому служила близость их земель к Кашгару и упорные усилия Саид-хана удержать их в покорности. Однако ни аресты кыргызских вождей в роде эмира Мухаммеда, ни «походы за баранами», ни все хлопоты хана и его старшего сына не удержали кыргызов, кочевавших на Джумгале, Кочкаре и Атбаше, и они в конце концов также соединились с казаками, за «бараний же поход» отплатили захватом всего находившегося в Тяньшане монгольского скота. Перейти на сторону казаков кыргызов, конечно, побуждало, между прочим, стремление к более самостоятельному существованию, чем то, которое могли дать им представители старой деспотической династии. Надо, однако, думать, что единение кыргызов с казаками держалось крепко только до окончания борьбы с Джагатаидами. После гибели Абд-эль-Латиф-хана кыргызы, можно думать, столь же мало стали подчиняться казацким ханам, как и Джагатаидам, и, конечно, бессильные казацкие ханы были для них далеко менее страшны, чем Джагатаиды. Подчиненность кыргызов казацким ханам, вероятно, очень скоро сделалась номинальною и едва ли много усилилась даже во время борьбы с такими сильными общими врагами, какими в XVII веке явились для казаков и кыргызов калмыки.

несколько ожесточенных предшествовавшими грабежами и насилиями кыргызских родов соединились вместе, имея во главе какого-нибудь вождя из рода бехрим, напали на занявшуюся грабежом и не предполагавшую никакой опасности армию Мирзы-Али и побили ее, словом, поступили именно так, как, по описанию Сейфи, делали кыргызы с вторгавшимися к ним сильными врагами. Но у Шериф-эддина (t. II, p. 37) упоминается, что войска Анкатуры разыскивали орду бехрин (horde de Behrine) в местности Чубар-айгыр, которая должна находиться на северо-западной стороне Балхаша. В числе родов кара-киргизов Наманганского уезда есть род багрин, но есть также, по Гребенкину («Туркестанские ведомости» 1871 года, № 40), багрины в числе узбеков долины Зеравшана, пришедшие туда из-под Маргелана, Ташкента и пр. Вероятнее считать багринов и бехринов потомками рода барин из «коренного войска» Джагатая.

5. Следы несторианства в Чуйской долине и каталанская карта

Открытие несторианского кладбища близ Пишпека. Результаты раскопок его могил. Следы оседлости в окрестностях. Открытие кладбища близ Бураны и раскопки на нем могил. Изучение черепов. Исследование надмогильных надписей. Их сиро- несторианские письмена и язык. Содержание надписей. Даты. Имена. Духовенство и пр. Могила полководца. Указания на чуму. Краткие исторические сведения о несторианах в западной Азии. Известия о начальном распространении христианства в Хорасане и тюркских землях. Обращение кераитов. Несторианство в Китае. Несторианские метрополии в Туркестане, в Алмалике и Навакате. Время и обстоятельства появления и водворения несториан в западном Тяньшане. Численность их. Отуречение. Результаты изучения тюркского язычного материала надписей. Истребление оседлого населения и несториан в Моголистане. Следы религиозной борьбы с мусульманством в одной надписи. Упоминания в надписях о церквах или монастырях. Каталанская карта. Время, к которому относятся ее сведения. Ее данные об улусе Джагатаевом. Город Лоп. Монастырь в местности Исси-коль. Вероятность его нанесения на карту вследствие баснословных легенд и приурочения их к загадочному монастырю или зданию неизвестного назначения близ Чатыркуля — Таш-рабату.

В газетах была напечатана следующая телеграмма «Северного агентства» из Верного от 30 июля 1885 года: «В долине реки Чу найдены каменные плиты с монгольскими надписями и изображениями креста»[1]. На самом деле это были не плиты, а булыжные кругляки, надписи же оказались сирийскими. Первый обратил внимание на эти камни производивший летом 1885 года землемерные работы, при отводе земли расположенному в двух верстах от города Пишпек селению Аламединскому, межевщик Андреев. Открыто им целое кладбище, находящееся к юго-востоку, в 9,5 верстах от сел. Аламединского и в 10 верстах от Пишпека, не доходя версты три до предгорий Александровского хребта, по дороге на р. Науруз (залежи каменной соли), в пяти верстах на восток от р.Аламедина. Площадь кладбища составляет всего около трех десятин, представляется почти ровным полем с небольшими возвышениями и была ранее занимаема пашнями крестьян и кара-киргизов. Местность эта орошалась арыками из р. Аламедина и не распахивались лишь небольшие возвышения, куда не попадала вода из оросительных каналов. Тем не менее, на поверхности земли, частью на могилах, частью же сложенными пахарями в кучи оказалось более 600 камней с крестами и надписями. Большая часть надмогильных камней, по мнению производившего, по поручению и. археологической комиссии, исследования и раскопки этого кладбища, Н.Н.Пантусова, осела в землю и могла обнаружиться лишь при раскопках. Общее число могил на кладбище и, соответственно им, надмогильных камней г.Пантусов предполагал до 3 т., не менее. Могилы расположены были правильными рядами, имея у изголовья, в западной части, надгробные камни. Эти камни, по мнению г. Пантусова, были первоначально установлены в стоячем положении, имея кресты и надписи

[1] «Записки и. р. археологического общества», том 2 новой серии, Спб., 1887 года.

обращенными на восток, но профессор Хвольсон полагает, что они были устанавливаемы горизонтально. Камни эти имеют в длину от 1/4 аршина до 3/4 арш., весят в среднем около 1 пуда и имеют форму более или менее округленную. Они, видимо, брались из обкатанных водными потоками булыжных камней, из которых состоят русла местных рек и которые часто встречаются в предгорьях слоями и отдельно. Выбирались, конечно, такие кругляки, у которых хотя бы одна сторона была достаточна плоска и обширна для помещения изображения креста и надписи. Кресты на всех камнях четырехугольные, но различных форм и с разнообразными украшениями. Один надмогильный памятник оказался из глины, которая после начертания креста и надписи была обожжена.

При раскопках (в 1885 году вскрыты 2 могилы, в 1886 году около 85) выяснилось, что могилы вообще имели глубину около 2,5 аршин, скелеты в них лежали головами на запад; встречались остатки сгнивших гробов и досок. Судя по подробному описанию раскопки двух могил в 1885 году, над трупами устраивались своды из сырцового кирпича и полость под ними наполнялась рыхлой землею. Вещей в могилах найдено незначительное количество: несколько браслетов и перстней, медных или бронзовых, сильно окислившихся, серьги, бусы, кораллы и небольшие раковины, вероятно, тоже служившие украшениями. Находки эти показывают, мне кажется, что умершие женщины по крайней мере, погребались с их украшениями, а потому малоценность найденных в могилах вещей свидетельствует, что население, которому принадлежат могилы, было бедно.

В версте на север от этого аламединского или пишпекского кладбища находятся, на значительном пространстве, насыпи, холмы, валы, остатки фундаментов из валунов и глины и попадаются черепки посуды и жженый кирпич. Тут, по словам местных крестьян и кочевников, находили серебряные монеты, куски стекла и т.д. Во многих местах кругом кладбища сохранились, как признаки и остатки былой оседлости, карагачевые рощицы; наибольшая из них лежит в 2,5 верстах от кладбища, на северо-восток от него[1].

По сообщению врача Пояркова, в вышедшем 14 ноября 1885 года № 44 газеты «Восточное обозрение», им, в 1,5 верстах от башни Бураны, ближе к Александровскому хребту, «найдены в трех местах камни с изображением креста с надписью, на языке ...неизвестном». В описании раскопок около Бураны г. Поярков говорит следующее:

[1] Н.Н.Пантусов «Христианское кладбище близ города Пишпека Семиреченской области в Чуйской долине» в «Записках восточного отделения и.р.археологического общества», том I, Спб., 1887 года, стр. 74 и след., и им же составленное и напечатанное в небольшом количестве экземпляров «Описание при-пишпекского христианско-несторианского кладбища», 1887 года. По позднейшему отчету г. Пантусова, содержание которого изложено в краткой заметке, помещенной в «Археологических известиях и заметках, издав, московским археолог, обществом» (№№ 3 и 4, 1893 года, стр. 141-142), вскрыто им до 1893 года всего около 100 могил, значит после 1886 года только 13. В том же отчете упоминается об исследовании в окрестностях кладбища засыпанных землею остатков города, погибшего в пожаре, но никаких подробностей и результатов этого исследования в цитируемой заметке нет.

«12 октября (1885 года) я производил раскопки на месте, где лежат камни с крестами. Это место немного возвышается над почвой и незаметно сливается с нею.

По соседству с ним есть много курганов разной вышины и величины, но на них камней не имеется... Камни клались на небольших могильных насыпях... На аршине глубины попались черепки какой-то глиняной посуды; судя по уцелевшему дну, можно было заключить, что посуда была большая. Дальше земля пошла мягче. На двухаршинной глубине в одной из стен (?) оказался сырцовый кирпич. Пробивши кирпич, я)вддел посыпавшуюся мелкую землю, встречавшуюся уже в могилах (около башни, ем. выше). В другой стене опять оказалось присутствие кирпича. Пробили и его, опять посыпалась мелкая земля. Выбравши осторожно землю из одного могильника (могилы?), я увидел: костяк лежит на спине, лицо обращено на восток, обе плечевые кости лежат вдоль туловища, локтевые кости лежат поперек живота, ... ноги приходятся, как и лицо, на восток». Результаты раскопки еще трех могил отличались, по описанию, только тем, что в одной из них на безымянном пальце руки костяка найден перстень, формою и величиною похожий на нынешние, медный, судя по окраске ржавчины. Более вещей никаких не оказалось. Черепа этих четырех могил произвели на г. Пояркова впечатление большей древности, чем найденные при раскопках возле башни; лоб у первых выпуклый, как у европейцев, тогда как у вторых покатый сверху, как у монголов, а затылок с одной стороны сплющенный или сдавленный, так что одна половина затылка короче другой[1].

Изучая присланный г. Поярковым череп из токмакских могил, А.А.Ивановский нашел, что «череп довольно ветхий и должен быть отнесен ко времени не позже XIV века, в начале которого несторианские христиане, как известно (?), проникли в места, занимаемые ныне Семиреченской областью, и здесь, на северном берегу оз. Иссык-Куля, построили монастырь... Череп - малых размеров, развит больше по направлению поперечной окружности, чем по горизонтальной и вертикальной, брахицефалический (настоящий), с сильным развитием в высоту (гипсицефал), длиннолицый, с межглазничным пространством средней ширины, узконосый (лепторин), высокоорбитный и с удлиненно-эллиптическим затылочным отверстием» [2]. В.М.Флоринский, исследуя два черепа, доставленные г. Пантусовым в Томский университетский музей из пишпекских несторианских могил, приходит к заключению, что «общий тип - округло-овальный, короткоголовый, высокий, с плоским... затылком. В этом отношении они принадлежат к круглым татарским черепам, но отличаются ...некоторым сжатием височных областей... Скулы развиты умеренно, но угловаты и не выпячиваются вперед, как в монгольском типе. Несторианские черепа ...следует отнести к местным татарским (уйгурским)»[3].

[1] «Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмака в «Записках Академии наук», том 52, 1886 года, стр. 158-161.
[2] «Известия и. общества любителей естествознания» и пр. при Московском университете, том LXVIII, выпуск 4, Москва, 1890 года, стр. 117.
[3] «Труды томского общества естествоиспытателей», год первый, Томск, 1889 года, стр. 52.

В 1886 году, А.М.Фетисовым было раскопано на несторианском кладбище близ Бураны 34 могилы; в числе находок, столь же скудных и бедных, как на аламединском кладбище, найден медный крестик на шейном позвонке одного скелета. Из 85 могил аламединского кладбища было взято г. Пантусовым 29 черепов, наименее разрушившихся; к некоторым черепам взяты кости таза и конечностей[1]. Общее число высланных г. Пантусовым в и. археологическую комиссию черепов с несторианских кладбищ, по сведениям В.М.Флоринского, более 40.

Что касается надписей на камнях, то изучением их занялся, по желанию археологической комиссии, профессор Хвольсон, который, по получении первых трех камней и нескольких снимков, в мае 1886 года, составил «Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях»[2] и затем, по мере присылки добавочного материала, напечатал дополнения к этим заметкам под заглавиями «Несторианские надписи из Семиречья»[3] и «Дополнения и поправки к статье Несторианские надписи из Семиречья»[4], а 8 марта 1888 года в заседании историко-филологического отделения Академии наук, было прочитано и подробное его исследование «Сирийско-несторианские могильные надписи из Семиречья» (на немецком языке), «которое, с дополнениями, помеченными декабрем 1889 года, помещено в Мемуарах Академии наук 1890 года, с приложением заметок академика

В.В.Радлова о тюркском языке в тех же надписях[5]. При этом исследовании г. Хвольсон пользовался уже 115 подлинными надписями на высланных камнях и имел в виду многочисленные снимки, так что изучение относилось к 206 надписям, из которых лишь небольшая часть принадлежит могилам на токмакском (близ Бураны) кладбище, большая же часть относится к Пишпекскому (на Аламедине) кладбищу. Пользуясь небольшим количеством камней, присланных в Московское археологическое общество, и многочисленными снимками, в Москве исследовал те же надписи

С.С.Слуцкий, сделанный которым 26 февраля 1888 года в восточной комиссии означенного общества доклад напечатан в 1889 году[6], вместе с заметками профессора Ф.Е.Корша «О турецком языке семиреченских надгробных надписей»[7].

По словам профессора Хвольсона, надписи на камнях пишпекского и токмакского кладбищ сделаны сирийско-несторианскими письменами, которые «разнятся

[1] Вышеупомянутое «Описание» г. Пантусова, 1887 года.
[2] «Записки восточного отделения и.р. археологического общества», том I, 1886 года, стр. 84- 109. Та же статья, с некоторыми дополнениями напечатана в Memoires de Academie des Sciences de St.Petersburg, VII erne serie, t. XXXIV, 1886, N I, под заглавием Syrische Grabinschriften aus Semirjetschie.
[3] «Записки восточного отделения» и пр., том I, 1886 г., стр. 217 и след
[4] Там же, стр. 303-308.
[5] Syrisch-Nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie, heraus gegaben und erklart von dr. D Chwolson nabst einer Beilage: Uber das Turkische Sprachmaterial dieser Grabinschriften von academieker W.Radloff, в Memoires de Г Academie imperiale des sciences de St.Petersburg, VHIeme serie, t. XXXVII, N8, 1890.
[6] «Древности восточные, труды восточной комиссии и. московского археологического общества», том 1, вып. 1, Москва, 1889 года, стр. 3-66, «Семиреченские несторианские надписи». Во 2 выпуске того же тома (Москва, 1891 года, стр. 176-194) помещена статья того же С.С.Слуцкого «К семиреченским несторианским надписям», написанная по поводу присланных вновь в общество 10 камней с пишпекского кладбища.
[7] «Древности восточные» и пр., том 1, вып. 1, Москва, 1889 года, стр. 67-72.

довольно сильно как от древне-сирийского письма (так называемого эстрангело), так и от употребительного в наших печатных изданиях так называемого яковитского». Отличия заключаются в новых формах для некоторых букв и в двух буквах, которые совсем не принадлежат сирийскому алфавиту и вероятно заимствованы из арабского[1] Писались и читались эти несторианские надписи сверху вниз и слева направо, как уйгурские, монгольские и манджурские рукописи»[2].

Язык надписей сирийский, но в очень многих из них встречаются тюркские слова и даже краткие фразы. Некоторые надписи даже наполовину тюркские, а немногие - совсем тюркские[3].

Содержание надписей оказалось состоящим из даты и означения имени погребенного с добавкою иногда сведений о его личности. Месяц указан только в 4 надписях (из 206), число месяца - только в двух и день недели - в одной. Год означен в 166 из 206 надписей. Дан большей частью год селевкидской эры, употребляющейся у несториан и начинающейся с 311 года до Р.Х., и вместе с тем указан год двенадцатилетнего цикла, года которого называются именами животных, который распространен почти у всех народов восточной Азии. Надписи обнимают время с 1249 года по 1342 от Р.Х.[4]. Вот перевод двух первых хронологически надписей: «В год курицы и в год 1560 (селевкидского летосчисления, 1249 по Р.Х.), в третье (число месяца) Херазан (июнь), умер Шелиа». «В году 1561 (1250 после Р.Х.) это год собаки. Это могила Мариам (Мария) Коштанц (вероятно, Констанция)». Имена погребенных были сирийские: Юханан (20 раз), Ишу, Несторис, Сергис (8 раз), Илия (6 раз), Дживарджис (11 раз),

---

[1] Хвольсон «Предварительные заметки» и пр., стр. 13 особого оттиска.
[2] Syrisch - Nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie, pp. 114-118.
[3] Там же, p. 121. В.В.Радлов рассмотрел (там же pp. 138-142, 167, 168) пять полных надписей сиро-несторианскими письменами на тюркском языке и несколько фраз. Найдены на тех же кладбищах надписи на других языках и иными письменами. Так, професс. Хвольсон упоминает об одной монгольской надписи, которую он было принял за сирийскую (там же, p.3) и содержание которой пока неизвестно. В заседании восточной комиссии 2 декабря 1887 года («Древности восточные», том 1, вып. 1, 1889 года, стр. 20, протоколы заседаний) С.С.Слуцкий сообщил «о двух надписях из при-пишпекского несторианского кладбища, которые написаны не на сирском, не на тюркском языке, а на каком-то ему неизвестном. Ф.Е.Корш пожелал иметь точную транскрипцию этих надписей». В том же заседании Ю.К.Трутовский сделал сообщение о «двух камнях с арабскими надписями, присланных Ф.В.Поярковым из Токмака. Обе надписи принадлежат мусульманам, трудно разбираемы. На одном камне начало представляет сунитский символ («Нет Бога кроме Бога» и т.д.); встречаются имена Абу-Махмуда, Хаджи. По форме и величине они современны (?) несторианским, но как попали мусульмане на одно кладбище с несторианами - трудно решить и объяснить, вероятно, они попали во время чумы». Тот же г. Поярков прислал еще с озера Иссык-Куля (откуда именно?) камень с надписью на арабском языке, которая гласит «Михаил ученый»; по мнению г. Трутковского (там же), почерк письма походит на сирский, «надпись христианского происхождения и принадлежит арабу, забывшему отчасти свой язык, на что указывают ошибки против арабской грамматики». Все это, при неимении удовлетворительных сведений о местах и обстоятельствах находок г. Пояркова, довольно темно.
[4] Г.Хвольсон («Предварительные заметки» и пр.) прочел было на двух надписях года, соответствующие 858 и 911 по Р.Х., но оказалось, что эти даты ошибочны и есть результат плохих снимков. Есть, по г. Хвольсону, одна надпись позднее 1342 года именно: «В году тысяча шестьсот пятьдесят шестом (1345 по Р.Х.), это курица. Это могила священника Сума; милый юноша». Чтение это (по фотографическому снимку) я считаю ошибочным, потому г. Слуцкий не нашел дат позднее 1342 года; потому что по историческим данным существование христиан в Чуйской и Илийской долине прекратилось в 1342 году, и потому что и сам г.Хвольсон встретил затруднения в чтении двух слов в этой надписи.

Саума или Сума (7 раз), Мариам (6 раз), Марфа (4 раза), и пр., всего 50 разных имен, и тюркские: Арслан, Кутлук-Арслан, Алтун, Ай-мангу и пр., всего до 30 разных имен.

37 лиц названы пресвитерами и 15 лиц принадлежали к высшему духовенству: четвертой степени два лица — 2 архидиакона, и пятой степени тринадцать лиц, именно 4 хорепископа, 1 периодевт и 8 саура[1]. Многие из 15 высших духовных имели тюркские имена или дали таковые своим детям, откуда проф. Хвольсон заключает, что они были настоящие тюрки, а не сирийцы. Многие лица наименованы учителями, из чего следует, что у чуйских несториан существовали школы, которые у несториан обыкновенно содержались при церквах и монастырях. Легко угадать, по словам г. Хвольсона, чему учили в этих школах: сирийскому языку, как языку священного писания и богослужения. Но по ошибкам и неправильностям в надписях видно, что изучение сирского языка и литературы у чуйских несториан не процветало. По известию Баргебрея, один уйгурский монах из племени хата, бывший митрополитом Китая, был, по желанию монгольского государя (Персии?), в 1281 году избран в патриархи и отличался высокими добродетелями, но в знании сирийского языка и литературы был слабоват. 14 лиц названы в надписях аскулайя, что г.Хвольсон переводит схоластик: собственно это слово значит ученик или студент, но тут такое значение не совсем подходит, потому что одно из этих лиц имело сына, который был уже пресвитером.

По одной из надписей хорепископы вступали в браки: «В году 1618 (т.е. 1307 хр. эры); это - год барана, по-тюркски куй. Это могила Юлии, миловидной девицы, невесты хорепископа Юханана»[2]. Впрочем, слово, переводимое невеста, значит также, по замечанию г. Хвольсона, сноха, невестка, притом же Юханан мог быть возведен в хорепископы после смерти Юлии.

Многие лица в надписях имели двойные имена - сирийские и тюркские. К именам лиц, не имеющих особых званий, прибавлялись иногда слова «верующий» или «верующая». Молодые умершие назывались «милый юноша» или «милая девушка».

Любопытна надпись 1272 года, принадлежавшая могиле «победоносного старца, полководца и эмира знаменитого, пресвитера Сумы, сына полководца Дживарджиса», откуда г.Хвольсон заключает, что несториане отец и сын предводительствовали монголо-татарскими войсками и из них сын занимал особо почетное и высокое положение. Конечно, при веротерпимости первых джагатаидов, между полководцами их могли быть и христиане, но несколько сомнительно, чтобы важные военачальники

[1] Степени указаны по г. Хвольсону, ссылающемуся на Ассемани (Bibliotheca orientalis; в этом сочинении относится к несторианам 2 часть III тома). По Rubens Duval (Journal asiatique, 1886, t. VIII, 8emi serie), хорепископы, именовавшиеся впоследствии периодевтами, принадлежали, вместе со священниками, ко второму классу, а епископы к третьему.

[2] О важности сана хорепископа можно заключить из того, что известный памятник несторианства в Си-ань-фу, 781 года, был воздвигнут пресвитером и хорепископом «царствующего града Хумдана» и что папою Синестаиа (т.е. Китая) назван в нем пресвитер и хорепископ Адам (см.арх.Палладия «Старинные следы христианства в Китае» в «Восточном сборнике», Спб., 1877 года, стр. 10).

проживали в маленьких деревеньках Чуйской долины, особенно если принять в соображение свойственные всяким эпитафиям прикрасы и преувеличения: почему бы не могли быть в своих эпитафиях украшены титулами полководцев и эмиров знаменитых какие-нибудь юзбаши или онбаши даже, т.е. начальники сотни или десятка воинов, не говоря уже о минбегах, тысяченачальниках? Г. Слуцкий переводит эту надпись: «В год 1583 (1272). Это год обезьяны. Это могила Сумы, священника и рабаила, и пророка благословенного, эмира знаменитого, сына Георгия рабаила»[1].

Особенно много надписей (42 из 200, по счету г. Слуцкого) относится к 1338 и 1339 годам, что объясняется упоминанием в некоторых из этих надписей: «умер от чумы». Это та самая эпидемия, догадывается г. Хвольсон, которая проникла в Европу в 1347-1350 гг. из западной Азии[2].

Сирийские письмена и язык надписей, в особенности же несторианские личные имена и номенклатура духовенства, показывают несомненно, что два открытые в 1885 году в Чуйской долине кладбища принадлежали несторианам. Существующие сведения о несторианстве в Туркестане весьма скудны. Изложению их, во всяком случае, нелишне предпослать некоторые сведения о несторианстве в западной Азии.

Избранный в 428 году в константинопольские патриархи Несторий учил, что Христос, родившийся от Марии, не был Богом, но воспринял в себя Бога - слово. После осуждения его учения в 431 году Ефесским собором, Несторий удалился в Египет и там умер в 440 году. Один из его последователей Фома Барсума, епископ Низибии (435-489 гг.), имевший влияние при персидском дворе, склонил сасанида Пероза признать несторианское учение обязательным для всех персидских христиан. В 497 году несторианский собор провозгласил Бабея, епископа Селевкии, жившего в Ктезифоне, столице Персии, католикосом или патриархом всех сиро-халдеев месопотамских и халдейских. В Пэнкыте или каталоге католикосов, составленном в 1417 году, Бабей значится 32-м католикосом, во главе которых поставлен апостол Фаддей; за Бабеем, в продолжении восьми веков, последовало 64 католикоса. В начале VIII века резиденция патриарха несториан была перенесена из Ктезифона в Багдад, сделавшийся столицей калифов. Тут ученые несториане сделались посредниками в передаче арабам классической науки и содействовали таким образом возникновению арабской учености и литературы. Положение несторианства не ухудшилось сначала и после покорения

[1] «Древности восточные», том 1, вып.1, стр. 19.

[2] Все вышеизложенные сведения и заключения о несторианских надписях взяты из исследования г. Хвольсона Syrisch - Nestorianische Grubinschriften aus Semirjetschie. Количество надписей, которыми пользовался г. Хвольсон, равнялось 206, к которым он позднее (о апреля 1890 года) мог прибавить еще несколько, попавших в подлинниках или в снимках в Москву. В заседании восточной комиссии московского археологического общества 26 февраля 1893 года С.С.Слуцкий сообщил о получении около 350 новых снимков, так что общее число надписей, доступных к изучению в столицах, превышает уже 600; он успел рассмотреть из новых присылок 200 надписей и высказал о них некоторые замечания; из этих замечаний, преимущественно специального содержания, особенно интересны следующие: «Доселе надписи были с половины XIII до половины XIV века; ныне одна заходит, кажется, к самому началу XIII века... Кроме крестов оказываются на некоторых камнях изображения предметов: кувшины, столик, тамги. Разнообразие крестов на камнях возбуждает невольный интерес» («Археологические известия и заметки, издаваемые московским археологическим обществом», 1893 года, №№ 3 и 4, стр. 141 и 142).

Персии монголами, так как первые монгольские государи отличались веротерпимостью. К концу XIII века, благодаря постепенному распространению несторианства на восток до Китая и восточной Индии, католикосу подчинялось до 25 митрополий и не менее 146 епископских кафедр. В это время монгольские государи Персии обратились в магометанство и начали преследовать несториан, но поголовное истребление несториан предпринято было при Тамерлане. Храмы несториан были тогда повсюду разрушены, люди перебиты во множестве. Уцелевшие искали спасения в горах Курдистана и на острове Кипре. Не раньше завоевания Сирии турками (1516 г.) несториане стали выходить из своих горных убежищ и селиться по обе стороны курдистанского хребта. Большая часть их, под именем сирохалдеев, водворилась в Месопотамии и Сирии, меньшая же (ассураты) - в пределах Персии близ Урмийского озера. В XVII веке сиро-халдеи, под влиянием политических обстоятельств, присоединились к римской церкви и признали верховенство папы. Ассуры поставили себе особого патриарха и являются в настоящее время последними остатками несториан. Их теперь не более 70 т. душ. Патриарх живет в сел. Кудчанис в области Хякка- ри в азиатской Турции[1].

Христианство начало распространяться в Персии и даже в восточных ее частях довольно рано, так как, по сведениям из вышеупомянутой Пэнкыты, уже в 334 году существовал в Мерве христианский епископ по имени Барсаба и сохранилось известие о переименовании в 420 году мервского епископата в митрополию. По возникновении несторианства и по приобретении им преобладания в Персии, хорасанские христиане должны были подчиняться несторианскому католикосу и сделаться несторианами. Действительно, есть известия, что несторианский патриарх Ишуяб II (628- 647 гг.) поставлял митрополитов и епископов в разные страны востока и между прочим даже в Китай. О раннем распространении христианства между турками свидетельствует в известной степени тот факт, приводимый византийскими историками, что представленные в 581 году императору Маврикию пленные турки имели на лбу изображенные черными точками кресты и рассказывали, что в их стране была одно время чума и тогда живущие между ними христиане, а по сказаниям других - турки, исповедывавшие христианство, посоветовали им, для предохранения от эпидемии, делать на челе изображение креста. Видят еще признаки христианства у тюрков в имени Михаил, которое встречалось у первых сельджукидов и не могло попасть к ним от мусульман, потому что магометане этого имени не употребляют. Сохранилось далее известие от времени католикоса Тимофея (778-820 гг.) об обращении в христианство какого-то тюркского хагана и нескольких тюркских князей.

[1] Софонии, епископа туркестанского, «Современный быт и литургия иакавитов и несториан», Спб., 1876 года, стр. 152 - 199. Первый епископ туркестанский Софония был, как видно из цитируемого его сочинения, знаком с сирийским языком и письменностью несториан. По другой случайности несторианские кладбища в Чуйской долине были открыты через несколько лет после смерти Софонии, при втором уже после него преемнике туркестанской кафедры.

По яковиту Абульфараджу, в 398 гиджры (1007 г. по Р.Х.), во время католикоса Юханана, обратился в христианство государь племени керит (киреи, киреиты), обитавшего «внутри земель тюрков», о чем известил патриарха мервский митрополит Ебеезу. В письме митрополита рассказывалось, что керитский государь заблудился на охоте в горах, покрытых в то время снегом; он потерял уже надежду на спасение своей жизни, как явился перед ним святой и говорил: если уверуешь во Христа, то я спасу тебя и укажу дорогу. По возвращении домой, керитский царь расспрашивал о догматах христианства находившихся в стране христиан-торговцев и, вероятно по их указанию, обратился к митрополиту. «Он приглашает меня, - писал митрополит католикосу, - приехать к нему или прислать священника для совершения крещения. Он спрашивает, как выполнять посты, объясняя, что у них нет никакой пищи кроме мяса и молока. Он извещал, что 200 т. народа готовы последовать его примеру»[1]. У Абульфараджа же упоминается под 1202 г. христианский государь кераитов Унк-хан, т.е. известный Ван-хан. Удостоверяет христианство кераитов и Рашид-эддин, который говорит: «Исповедание Иисуса - мир ему! - достигло к ним и они приняли его веру»[2]. По Джувейни, найманы и канглы исповедывали христианскую веру»[3]. Министры второго преемника Чингиз-хана Куюка Кадак и Чингай, а также врачи его были христиане[4]. Супруги чингизидов из кераитского ханского дома были христианки, как, напр., мать императора Мангу и пр.[5]

К кераитам и вообще в Монголию христианство могло попасть через Китай, где его существование с 638 года удостоверяется императорским указом, помещенным в христианском памятнике 781 года и имеющимся также в китайском сборнике «Тан-хо-яо», оконченном в 961 году[6]. Изгнанные из Китая в 845 году несториане, составлявшие, конечно, часть тех «иностранных бонз», которые прибыли в срединное государство из Та-цзина (Сирии и Месопотамии)[7], могли частью удалиться из Китая в Монголию, к тюркам, обитавшим на севере от Китая. По словам одного из посланных в 960 году несторианским патриархом в Китай монахов, христианство в Китае в то время прекратило свое существование, церкви были уничтожены и он едва разыскал нескольких христиан[8], но к монгольскому времени и в самом Китае, и в смежных странах Азии оказывается много христиан и их церквей, как свидетельствуют Марко Поло и другие путешественники того времени[9]. По изгнании монголов (1368 г.), национальная Минская династия уничтожила в Китае, вместе с другими новшествами и чужеземщинами, и христианство. В то же время в самой Монголии, вследствие по-

[1] D'Ohsson - Histoire des Mongols ets., 1834, t.I, pp. 48, 49.
[2] «История монголов» Рашид-эддина в «Трудах восточного отделения и.р.археологического общества», часть 5, Спб., 1858 г., стр.94.
[3] Вамбери «История Бохары», Спб., 1873 года, т. I, стр. 99.
[4] D'Ohsson - Histoire des Mongols, t. 2, pp. 234, 235.
[5] Там же, p. 267.
[6] Арх. Палладия «Старинные следы христианства в Китае» в «Восточном сборнике», 1877 года, стр. 4-17.
[7] Panthier - Le Liore de Marco Polo, Paris, 1865, p. 232.
[8] Chwolson-Syrisch-Nestorianishe Grabinschriften aus Semirjetshie, p. 109.
[9] Марко Поло, напр., нашел несториан в Кашгаре, Самарканде, Сучжеу, Гань-чжеу, Си-ань-фу, Нин-ся и т.д. (см. издания Потье pp. 135, 139, 165, 166, 204, 205 etc.).

добной же реакции, кочевники возвратились к прежним обычаям и верованиям, т.е. к шаманству и лишь через два почти столетия стал там усиливаться буддизм, который зато скоро и прочно заполонил всех монголов.

Проникать в Китай, а через него или прямо в Монголию, к восточным тюркам, несториане должны били через земли западных тюрков. Поэтому существование христиан в западном Туркестане, еще до появления христианства в Китае и у кераитов, весьма вероятно, хотя положительных известий об этом нет кроме довольно неопределенных известий 581 года о пленных турках с крестами на лбу и темных сведений 778 - 820 гг. об обращении в христианство какого-то кагана и князей. Более положительные данные, важные для более или менее отдаленного предшествовавшего времени, дает приводимый у Ассемани, составленный в 1349 (по Юлю, а у г. Хвольсона 1340) году Аррой бен Маттаи епископ несторианских митрополий, в котором между прочим значатся под № 18 Самарканд, под № 19 Тарк или Тюрк («тюркская земля» по г. Хвольсону), под № 23 Ханбалик (Пекин, северный Китай) и Аль-Фалик, под № 25 Хасемгара или Кашимгар и Науахет или Навакат. Альфалик, Юль и професс. Хвольсон справедливо считают за Альмалик. Ассемани признавал Кашимгар за Кашгар, предполагая, в Навакате название той области, в которой Кашгар был главным городом. Юль находил, что Кашимгар есть Кашгар, а Навакат - имя местности в Туркестане, упоминаемой у Едриси (см. выше) и думал, что это Янги-гиссар близ Кашгара или Янги-кенд около Таласа. Он находил также возможность, что провинции Альмалик и Кашимсар суть подразделения прежней провинции Тарк (№ 19)[1]. Профессор Хвольсон имел в виду о Навакате также только упоминание Едриси и не мог выяснить положения этой «страны или места»[2], но по новейшему чтению Ибн-Хордадбега и Кодамы (издание де-Гуе, 1889 года) Навакат оказался и у древних арабских географов и приурочивается, как показано выше, к местности близ сел. Большого Токмака, и именно к развалинам, от которых к настоящему времени уцелела башня на р. Буране. Находящееся в 1,5 верстах от последней несторианское кладбище, открытое врачом Поярковым, оказывается, таким образом, вероятным кладбищем при резиденции несторианского митрополита или, по крайней мере, второго по своему значению пункта в метрополии, если митрополит пребывал а Кашгаре, а Навакат упомянут только по своей важности. Прочитанные до сих надписи, взятые, впрочем, в огромном большинстве с аламединского кладбища, ничего пока не выясняют по этому предмету. Может быть, раскопки на Буране и на кладбище еще дадут разъяснения как по вопросам о несторианстве, так и по поводу Беласагуна и вообще времен владычества кара-киданей и первых Джагатаидов в Чуйской долине. Между тем, ничего пока не говоря о связях с Кашгаром, несторианские надписи свидетельствуют о сношениях с Алмаликом, столицей улуса Джагатаева и резиденцией несторианстког митрополита: между 1287 и 1300 гг. на пишпекском кладбище погребено шесть лиц, прибывших из

[1] Cathay and the way trither etc., by H.Yule, London, 1866, pp. CCLIV, CCLV, 179. Под № 24 в списке Амры значится Tanchet (Тонгут).
[2] Syrisch-Nestorianische Grabinschriften, p. 112.

Алмалика, в том числе один хорепископ и одна женщина[1]. Не был ли составлен список Амры из сведений разных времен, быть может, очень одно от другого отдаленных? Напр., не попали ли Кашгар и Навакат из сведений времен кара-киданей или даже карлыков, а Алмалик из времен Джагатаидов? Вообще список Амры требует еще больших разъяснений.

По мнению профессора Хвольсона, неимение надписей древнее 1249 года на чуйских несторианских кладбищах есть, может быть, случайность, но отсутствие надписей позднее 1345 (вероятнее, 1342) года случайности не составляет: около этого времени христианство как в западном и восточном Туркестанах, так и в северном Китае перестало существовать вследствие обращения монгольских властителей в мусульманство, вследствие магометанской нетерпимости и вследствие малой степени устойчивости тюрков-христиан перед напором ислама. В подтверждение последнего обстоятельства он указывает на одно сочинение несторианского патриарха Ишуяба III (650-660 гг.), в котором он горько жалуется на отступничество и нетвердость в вере множества христиан Хорасана и Мерва, которые приняли ислам во время завоевания этих стран арабами[2].

По вопросу о времени появления в Чуйской долине несторианского населения, надо иметь в виду, что христианство всего естественнее могло проникнуть в Мавераннагр и в Туркестан через посредство христиан Персии, которые принимали участие в торговле персов с Востоком, а так как персидские христиане были несториане, то и христианство явилось к тюркам в форме несторианства. Конечно, для утверждения в Средней Азии даже зародышей христианских обществ, при посредстве одних торговцев, в среде которых сирийские христиане составляли, вероятно, небольшой процент, нужно было продолжительное время, а потому, по всей вероятности, до арабского завоевания христианство не переходило пределов Мавераннагра и было у тюрков и в их землях очень редким случайным явлением, находя немногих последователей разве между теми турками, которые обитали между Оксом и Яксартом: из них, вероятно, и были пленные тюрки 581 г. Несторианское духовенство умело уживаться в правительством Сасанидов, которое имело политические причины оказывать ему покровительство, чтобы в его враждебности к греческому христианству находить опору против сочувствия персидских христиан к христианской Византийской империи, с которой Персия вела постоянную почти борьбу. Поэтому гонения на несториан в Персии были случайны и скоропреходящи. Только в то, относительно недолгое, время, которое протекло между завоеванием арабами Персии и подчинением ими же Мавераннагра, можно предполагать усиленное выселение несториано-сирийских христиан из пределов Персии в Мавераннагр. В это время, именно во второй половине VII и в начале VIII веков, не мало, вероятно, персидских христиан искало между Оксом и Яксартом убежища от фанатизма арабов.

[1] Там же, pp. 124, 125.
[2] Там же, pp. 131, 132, 107.

Последовавшее в первой половине VIII столетия подчинение Мавераннагра и насильственное обращение населения в магометанство могли вынудить некоторое число водворившихся было в Мавераннагре христиан выселиться за Яксарт и в Кашгарию. Отсюда следует, что появление христианских групп за Яксартом может быть с достаточной вероятностью относимо лишь к VIII веку. Однако до сих пор нет никаких точных данных, которые дозволяли бы считать число христиан-эмигрантов этого времени сколько-нибудь значительным, и надо думать, что они присоединялись к существовавшим уже у подножий западного Тяньшаня городам и селениям небольшими группами. Приток христиан из Сирии и Персии должен был в это время прекратиться, потому что несторианское духовенство приобрело влияние при дворе калифов, которые, по тем же причинам, как ранее Сасаниды, покровительствовали несторианству. В Мавераннагре, напротив, в конце VIII и в IX веке магометанский фанатизм и нетерпимость только начинали развиваться в местном населении. В это именно время христианство могло проникнуть к некоторой части тюркских племен, кочевавших в западном Тяньшане, между прочим, к тому племени, к которому принадлежали сельджукиды и которое, может быть, было каракиргизским. По сказаниям мусульманских писателей, весьма, впрочем, смутным, Сельджук, сын Докака и Докмака, состоя при дворе местного тюркского князя Бигу и имея много родственников (родовичей?), приобрел большую силу и внушал опасения самому князю; последнее вынудило Сельджука бежать из Туркестана на левый берег Яксарта во владения Саманидов. Став там во главе тюрков-гузов (туркменов), потомки Сельджука овладели Хорасаном, а потом и всей западной Азией и Мавераннагром[1]. По «Тарихи-Гюзиде», у Сельджука было четыре сына Израиль, Михаиль, Муса-бигу и Юнис; «в году 375 (985-6) гиджры он перешел из Туркестана в Мавераннагр по причине недостатка пастбищ»[2]. Эти известия дают некоторые основания предполагать, что сельджукиды происходили из местности Токмак (в Чуйской долине) и из рода богу (так Вамбери находит возможным читать вместо Бигу)[3], т.е. из племени кара-киргизов, и что в той местности, а быть может, и в племени, были христиане[4].

Быть может, небольшие группы христиан держались в занятых оседлым населением местностях западного Тяньшаня во время владычества карлыков и кара-киданей и доставляли верный приют несторианским торговцам и проповедникам, проникавшим от них к восточным тюркам и в Китай, но никаких данных, установляющих увеличение христиан, до времен монгольских, не имеется. Между тем, в половине XIII века, Рубрук находит в северной части Туркестана, в Кайлаке или Каялыке, кроме уйгуров и сарацинов, более или менее значительное число несториан, а в трех лье, т.е. в 15 верстах от Каялыка по направлению к Алакулю, встречает даже

[1] Bibliotheque orientale par d'Harbelot, La Haye, 1779, t. Ill, pp. 292, 293 et 295.
[2] Перевод Defremery в Journal asiatique, 1848, t. XI, p. 421
[3] «История Бохары», т. I, стр. 99.
[4] Носили имя Михаил и некоторые карлыкские ханы, как свидетельствует следующая надпись на монете: «Сей диргем повелел выбить Мелик (?) сын Михаила в Аксикете, в 415 (1024, 5) г.»; на другой стороне: «Эль-Кадир-биллаг (тогдашний калиф) и ... Тангадж-каан Микаил» (Френ «Монеты ханов улуса Джучиева», Спб., 1832, стр. 53).

целую несторианскую деревню [1] с церковью [2]. Надписи на могильных камнях Пишпекского кладбища свидетельствуют о существовании в то же почти время (в 1249 году, по проф. Хвольсону, в 1255 году, по С.С.Слуцкому, прочитанные которым надписи начинаются с этого года) двух несторианских общин в Чуйской долине и третьей в Алмалике в долине р. Или. При отсутствии пока противоречивых данных, можно, мне кажется, предположить, что приселение к очень малому до того времени числу сирийских несториан, живших в главных пунктах западного Тяньшаня, более значительного количества их единоплеменников и единоверцев и образование из них даже новых особых поселений, какова была виденная Рубруком несторианская деревня за Кайлаком, совершились после похода Чингиз-хана на запад, т.е. после 1220 - 1224 г. В это время, как известно, монголами были взяты в плен и обращены в рабство массы оседлого населения, между прочим, в Мерве, Герате и вообще в Хорасане. Значительная часть этой военной добычи была уведена в Туркестан и в Монголию. Были конечно, и в немалом количестве, и христиане в числе пленных и во множестве торговцев, ремесленников и разной челяди, сопровождавшей возвращавшиеся на родину отряды монголов и тюрков, а также и в рядах монгольских войск. Эти-то христиане, по привычке к оседлой жизни, должны были в Туркестане постепенно водвориться в тамошних городах и селениях, группируясь, в случае многочисленности, в особые общины. Вещь возможная также, что Джагатай и вожди войск его удела (который уже был намечен, потому что в избранной им для резиденции местности производились уже, как свидетельствует описание поездки Чан Чуня, постройки) получали и привели (как, быть может, и Огэдэй в Каялык и на Имиле) значительные количества христиан из Мерва и Герата, где были несторианские митрополии. Когда же, при строгом управлении Джагатая, во владениях его утвердились безопасность и порядок, которые, как видели мы, восхваляют восточные историки, то не невозможно и добровольное переселение в соседние с его резиденцией местности некоторого числа несториан Персии, где в то время продолжалась война и резня.

Однако численность несториан в западном Тяньшане все-таки не могла быть очень значительной, а потому и общины их, вероятно, не были многолюдны. Если, напр., на аламединском кладбище считать, по преувеличенному быть может несколько предположению г.Пантусова, 3 т. погребенных, в продолжении столетия, то население общины, которой принадлежало это кладбище, конечно, не могло превышать 1 т. душ. Численность несторианского населения в других оседлых пунктах Туркестана едва ли где могла равняться с аламединской, и большей частью, вероятно, была гораздо меньшей, потому что в Чуйской долине природные условия представляются самыми благоприятными для оседлого и особенно для земледельческого населения, к которому, надо думать, принадлежали несториане. Все это делает вероятным, что несториане в Туркестане были сирийцы. Возможно, конечно, что часть несториан была

[1] Якут, по Истархи, упоминает о христианской деревне в Шаше, в области Яксарта (Noldeke в Zeitschrift der deutschen morginlandischen Gesellschaft, B. 44, Leipzig, 1890, s. 521).
[2] Recuil etc., Бержерона, Leide, 1729, t.l, pp. 57, 62.

и тюркского происхождения, но едва ли число христиан-тюрков было сколько-нибудь значительно, потому что кочевые народы, - а местные тюрки были, несомненно, кочевниками, - вообще мало способны к восприятию христианства: до настоящего времени нет и не было ни одного кочевого народа, в среде которого христианство утвердилось бы сколько-нибудь прочно[1]. Тюркский язык, который встречается в надписях могильных камней пишпекского и токмакского кладбищ, показывает, по-моему, не тюркское происхождение погребенных[2], а отуречение сирийцев, водворенных и водворившихся в тюркской стране. Подтверждается это, между прочим, тем, что все пять полных надписей на тюркском языке, которые оказались на аламединском кладбище, относятся к XIV веку, т.е. ко второму полувеку существования сирийского поселения в Чуйской долине, когда отуречение успело уже сделать большие успехи и новые поколения стали совсем забывать сирийский язык. Хотя мы не имеем еще переводов и обработки всех надписей, но и теперь уже видно, что тюркские имена и тюркское датирование распространялись в надписях постепенно, с течением времени, очевидно, с усилением отуречения.

Изучение тюркских слов, фраз и целых надписей привело Ф.Е.Корша к заключению, что местные тюрки принадлежали к «группе среднеазиатской»; в числе особенностей наречия этих тюрков учений этот указывает, между прочим, на сохранение звука «g» в конце слога после гласных, как у шорцев[3], наречие которых, по В.В.Радлову, очень близко к сагайскому[4], родственному с языком енисейских киргизов. В.В.Радлов, на основании язычного материала несторианских надписей, признает тюркское их наречие «близким к уйгурскому и отличающимся от него только незначительными звуковыми особенностями»; по его мнению, «язык христианских тюрков Чуйской долины ... составляет нераздельную часть западной ветви древнего восточного диалекта»[5]. Так как по историческим данным, изложенным в настоящем труде, тюрки, кочевавшие в Чуйской долине в XIII и XIV веках, могли принадлежать лишь к племенам кара-киргизов, дулатов, канглов и карлыков, то надо полагать, что, при увеличении количества изучаемых надписей с несторианских кладбищ, и лингвисты придут к выводам в том же смысле.

Интересный материал несторианских надписей, доставляющий важные сведения для исследования истории Туркестана в одну из темных ее эпох, может значительно увеличиться в случае открытия несторианских кладбищ Алмалика, развалины которого должны находиться немного восточнее хоргосского таранчинского мазара, и

---

[1] Разумеется я имею в виду укоренение христианства в народной массе. Частные случаи, вроде принятия христианства государями и отдельными влиятельными людьми, не опровергают высказанного положения, потому что не вели за собой распространения и утверждения христианства в народной массе и были потому явлениями эфемерными.

[2] Вопреки мнению профессора Хвольсона (p. 106), который думает, что погребенные на чуйских несторианских кладбищах были все или почти все тюркского происхождения, как «ясно из многочисленных встречающихся в надписях тюркских собственных имен, тюркских слов и фраз и, наконец, из сполна составленных на тюркском языке надписей».

[3] «Древности восточные», том I, вып. 1, 1889 года, стр. 67 - 72.

[4] Aus Sibirien, I, s. 219.

[5] Memoires de l'Academie des sciences de St. Petersburg, VII serie, tome XXXVII, N 8, s. 157.

несторианской деревни в 15 верстах от Каялыка, в которой был в 1253 году Рубрук, Быть может, разыскание и этих несторианских кладбищ облегчат такие же камни с крестами и надписями, благодаря которым открыты чуйские несторианские кладбища. Подобные же камни на мусульманских кладбищах на Иссык-Куле (около Кунгей-Аксу и на Кызылсу), с арабскими и, быть может, с тюркскими и персидскими надписями, остающимися, к сожалению, неизданными и неизученными, хотя они, частью, по крайней мере, древнее несторианских, - свидетельствуют, что употребление речных булыжников для надгробных памятников имело в Туркестане широкое распространение. Вероятно, обычай такого употребления речных булыжников занесен сюда из Персии, несторианами и мусульманами. Академик Дорн доставил подобный камень в Азиатский музей Академии наук из развалин Амоля, в Табаристане, с арабской надписью 514 года гиджры (1120 христианского летосчисления)[1].

Хотя, как мы уже выше видели, в Алмалик проникло во второй четверти XIV века несколько католических миссионеров, но без сомнения большинство христиан в Джагатаевом улусе были несториане. Изложенные выше скудные, но в этом отношении достаточно обстоятельные исторические данные о гибели городов и оседлого населения в северо-восточной половине Джагатаева улуса или Моголистане дают основания относить истребление христиан к 1242 году, ко времени нашествия на Алмалик возведенного на престол Джагатая в Мавераннагре, и опиравшегося на мусульман Халиля. В этом, вероятно, году, после поражения армии моголистанских тюрков близ Таласа, победители, следуя на Алмалик, могли уничтожить находившиеся в Чуйской долине оседлые поселения, в том числе и обе несторианские общины. Та же участь постигла потом и Алмалик. Труднее сказать - какое на самом деле значение в происходившей в то время борьбе между двумя половинами Джагатаева улу- № имели вероисповедные различия. Борьба эта была скорее политическая, чем вероисповедная. Масса местного кочевого населения оставалась еще в это время и позднее в шаманских верованиях. Мусульман, по всей вероятности, было в оседлом населении Моголистана не менее, чем христиан. Истребление городов и селений не могло не отразиться на мусульманском оседлом населении столь же бедственно, как щ христианском. Быть может, гибель городов и селений произошла без преобладающего влияния религиозного фанатизма и была простым результатом грабежа победишей, подобно тому, как разграблены были и разрушены на несколько перед тем десятков лет цветущие города на Таласе во время войны Дуа с каидуидами. Однако едеды вероисповедной борьбы между христианством и магометанством, быть может, в оседлом только населении, как будто есть в несторианских надгробных надписях. Так, в одной надписи 1333 года читаем: «Это могила схоластика Сандай-ока, мальчика

[1] «Камень этот - говорит академик Дорн - это только по историческому значению, но и по внешнему виду, может считаться любопытной редкостью. Это - большой кругляк со дна реки Гераза; рука мастера коснулась до него только затем, чтобы вырезать надгробную надпись» («Труды восточного отделения и. р. археологического общества», часть 8, 1864 года, стр. 261). Таковы по внешности и все почти чуйские несторианские камни.

Пазак-тегина и молодой девушки Мариам. Эти трое умерли в мусульманстве»[1]. Не следует ли «мусурманлыкта ульды» перевести «умерли в мусульманское время», т.е. во время владычества или преобладания мусульман, или полагать, что в мусульманстве временно обретались, вследствие принуждения, не одни Сандайок с мальчиком и девочкой, а вся несторианская община, возвратившаяся, однако, вскоре к вере отцов? Если бы трое умерших в мусульманстве не приняли ислам поневоле, с какой стати несторианская община похоронила бы их на своем кладбище, под камнем с крестом, да еще с указанием на отступничество? 1333 год приходится на время Термаширина, усердного мусульманина и гонителя иноверцев. Быть может, по смерти Исень-буги (1330 г.) власть Термаширина была признана в Моголистане и посланные им правители, следуя его инструкциям, подняли там гонение на христиан, вынудив их поголовно принимать мусульманство. Если нахождение Моголистана под властью Термаширина продолжалось года два-три, а потом (быть может, в конце 1333 года) Моголистан отложился, поставив ханом Бузуна, то несториане могли возвратиться к христианству. В это-то время и мог быть поставлен надгробный камень над остававшеюся без памятника могилою трех умерших во время вынужденной принадлежности общины к мусульманству.

В двух надписях встречается сирийское слово, значащее и монастырь, и церковь. Вот одна из них: «Год 1627 (1316); это - год затмения, по-тюркски луу (дракон). Это - могила Шелиха, славного экзегета и проповедника, который просветил все монастыри светом, сына экзегета Петра. Прославлен мудростью (был он), его голос был громким как труба. Господь наш соединит его просветленный дух с праведниками и отцами; да достанется ему всякий блеск»[2]. Признавая двойственное значение употребленного в надписи слова, г. Хвольсон переводит «монастыри» и склонен считать несторианским армянский монастырь, означенный на каталанской карте, указывая на невероятность, чтобы армяне пробрались на Иссык-куль. Г.Слуцкий, напротив, переводит «церкви» и сомневается в возможности существования у местных несториан монастырей «по трудности образования монастырей в чуждом их религии крае, при брачном состоянии правящего духовенства, как низших, так и высших степеней»[3]. Мне кажется верным в этом случае мнение г. Слуцкого. Существование монастырей в маленьких несторианских общинах Туркестана невероятно, потому что тамошние несториане были слишком для устройства монастырей малочисленны, бедны, погружены в заботы о вседневном существовании и безопасности, наконец, вообще лишены тех необходимых для отрешенности от мирских условий и той высоты религиозного развития и напряженности религиозных верований, без которых невозможно возникновение монашества и монастырей.

Каталанская карта или точнее атлас, состоящий из шести листов, издан Бюшеном и Тастю, с переводом и объяснениями, во второй части XIV тома Notices et extraits des

[1] Syrisch - Nestorianische Grabinschriften, p. 130.
[2] Там же, p. 127.
[3] «Древности восточные», том I, вып. 2, Москва, 1891 года, стр. 189.

manuscrits de la Bibliotheque du roi (Paris, 1841)[1]. Издатели, на основании одного места приложенного к карте описания, относят время ее составления к 1375 году. Сведения, которыми руководствовались составители каталанской карты в большой части ее, относятся, однако, к далеко более раннему времени. Так, Китай и Монголия изображены по сведениям времен императора Кубилая, умершего в 1294 году: по справедливой догадке Юля имя государя этих стран, названного на карте Holu beim, следует читать Хубилай[2], а не Улуг-иуг (родившийся в 1390 г.), как прочли издатели. Государь Джагатаева улуса назван Хабехом. При его изображении помещена на карте надпись: «Здесь властвует царь Chabech, который именуется государем империи de Medie; он пребывает в стране Емалех (Emalech)». Джагатаев улус тут назван «средней» империей по обыкновению XIV века, которое мы уже встретили у католических миссионеров. Под Емалехом, очевидно, надо разуметь Алмалик, служивший местопребыванием джагатаидов. В Хабехе Юль правильно узнал Кебек-хана [3], умершего около 1325 года. Властителем Золотой орды на каталанской карте назван Janibech, т.е. Джанибек, сын Узбек-хана, царствовавший в 1342-1356 гг. К сожалению, сведения составителей каталанской карты о «среднем» государстве были крайне слабы и скудны, так что они могли нанести на свою карту только ciutat de Balcia (город Балх), возле него города Chabul и Camar, которые французские издатели считают за Кабул и Кашемир, севернее Балха Issikol и севернее Иссикола ciutat de Lop. Относящаяся к последнему надпись гласит, что в этот город Лоп направляются купцы из империи сарайской (Золотая орда), дабы проникнуть в Китай прямейшим путем; идут они туда на быках, в телегах, и на верблюдах[4]. Южнее города Лопа на каталанской карте нарисовано довольно длинное и низкое здание с двумя на концах большими и высокими башнями, поставленное не то на озере, занимая в таком случае весь его северный берег, не то на высоком фундаменте, насыпи или горе. Вверху рисунка надпись Issicol и снизу Yssicoll. Подробная надпись такова: Lo loch quis assella Yssicol. En aquest loch es monestir de frares ermonians, от Segons ques diu, es lo cors de sent Mathi apostul e evangelista. В переводе французских издателей надпись эта значит: «Место, которое называется Иссиколь. В этом месте есть один монастырь братьев армян, в котором есть, говорят, тело святого Матвея, апостола и евангелиста».

---

[1] Относящаяся к Средней Азии часть каталанской карты помещена Юлем в приложениях к его Cathay and the way thither etc., London, 1866 в уменьшенном виде.
[2] Cathay and the way thither etc., p.CCXIII.
[3] Там же, p.CCXIV.
[4] Путь через Лоп несомненно существовал еще в XIII столетии, так как им шел, напр., Марко Поло. Могли, конечно, проходить тем же путем и торговцы с Волги, но наиболее употребителен был из Сарая путь на Ургендж, Отрар, Алмалик и Хами, как свидетельствуют сведения о торговом пути в Китай, собранные около 1335 года Франциском Гальдуччи Пеголетти; по сведениям этого итальянца, из Сарайчика (на Урале) до Ургенджа товары шли 20 дней на телегах, запряженных верблюдами; от Ургенджа до Отрара требовалось 35 - 40 дней пути тоже на верблюдах; от Отрара до Ар- малека 45 дней - на ослах, и от Армалека до Хами 70 дней, на ослах же (Cathay and the way thither etc., hh. 281-288).

Так как составители каталанской карты назвали Иссык-Куль [1] «местом», урочищем, то надо полагать, что они не знали, что это название озера. Затем наименование монастырем армянских братьев и помещение в этом монастыре мощей апостола Матвея убеждают, что составители каталанской карты поместили загадочный монастырь на основании таких же баснословных легенд и сказаний, какими руководствовались они, изображая на своей карте, не очень далеко от монастыря на Иссиколе, страну Гога и Магога, царь которых «приидет во время Антихриста», царство христианского царя Стефана, в котором находятся мощи апостола Фомы, и т.д. Быть может, реальной основой послужили слухи о находящемся не вдали от Иссык-Куля загадочном монастыре, только буддийском - Таш-рабате близ Чатыркуля, сведения о котором помещены выше <...>[2].

[1] Французские издатели каталанской карты (именно Тастю) думали, что Иссиколь есть «нынешнее озеро Балхаш (Balkhac) в стране тургутов, на севере от Малой Бухарин»: так еще в 1841 году были недостаточны на западе сведения по географии Туркестана.

[2] «В виде догадки, - говорит Д.Л.Иванов, - я напомню о поисках историков «красного» монастыря, который, по предположениям некоторых, должен был находиться поблизости озера Иссык- Куля. В данном случае (автор имеет в виду Ахыр-таш) мы имеем, несомненно, «красное» здание, и район, не особенно удаленный от Иссык-Куля, - наконец здание, которое могло в те отдаленные времена стоять невдалеке озер, образованных разливами р. Чу («Известия р. географического общества», 1885 года, т. XXI, стр. 169). Монастырь каталанской карты «красным» ее составителями не назван и по всей вероятности они не знали никаких легенд об Ахыр-таше в качестве монастыря, так как уже за более чем полтораста лет до составления каталанской карты оригинальные камни Ахыр-таша принимались за каменные ясли (Чань Чунь). По-видимому, г. Иванов перемешал здесь поиски «красного» города (Чигу, усуньской столицы) с поисками «красного» монастыря, о которых мне ничего до сих пор не случалось читать. Ошибки, опечатки и недоразумения в этом роде, впрочем, слишком обыкновенны. Так, напр., в статье, помещенной в «Записках Академии наук» (том 52, книжка 2, стр. 164), находим, что «на древних китайских картах показан был несторианский монастырь», а в статьях «Восточного обозрения», принадлежащих тому же автору, встречаем утверждения, что «на катилинской» (очевидная опечатка вместо каталанской) «карте также были означены епископства несториан» (1886 года, № 14), чего на самом деле нет, что «Чингис-хан... уничтожил все и самих несториан» (там же), и т.д.

Глава десятая

ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА КАЛМАКОВ В ЗАПАДНОМ ТЯНЬШАНЕ

1. Борьба между калмаками и казаками (с половины XVI до половины XVIII столетия)

«Вала» по «Мин-ши». Различие в народном характере ойратов и халхасцев. Причины. Мнение г. Успенского о происхождении ойратов. Калмаки происходят от смеси монгольских и омонголенных тюркских и самоедских родов, составлявших население и войска западной границы владений Кубилая и его преемников. Происхождение имен главных родов ойратов. Главные черты их первоначальной истории. Вражда их с соседними тюркскими родами и с Джагатаидами. Передвижение ойратов на запад. Известия Санан Сэцэна. Сказания Сеифи. Поход и гибель Убаши-контайши и размещение в то время ойратов. Земли казачьей орды по «Книге Большого Чертежа». Даты движения калмаков на запад в XVII веке. Овладение землями за Или, Чуйской долиной и Таласом. Войны Галдан-Бошокту-хана. Казаки и Тявка-хан по известиям русских посланцев конца VIII века. Распределение степи между калмаками и казаками по «Чертежной книге Сибири» Ремезова. Столкновения с казаками и покорение земель до Сыр-дарьи при Цэван Рабтане. Укочевание части казаков за Эмбу и на земли башкиров и подданство Малой орды России. Казачьи дела во время Галдан-Цэрэна. «Ландкарта» Миллера. Разрушение цзунгарского государства. Родовой состав его и размещение родов. Причины перевеса калмаков в борьбе с казаками. Образование трех казачьих орд. Сведения о казаках Рычкова. Ландкарты Красильникова. Сведения Тевкелева.

По китайским известиям (история династии Мин) «вала или ула есть поколение монгольское. Оно находилось к западу от дадань (восточные монголы, впоследствии чахары и халхасцы). После гибели монгольской династии (в Китае в 1368 г.) один из сильных вельмож, по имени Мэнкэ-Тимур завладел ойратами, которые, по смерти его, разделились на три ветви, поставившие трех отдельных начальников: Махаму (Махмуд), Тайпин и Батуборо»[1]. Затем вала приняли деятельное участие в неурядицах и междоусобиях между монголами, для чего Махму с сыном Тогоном и внуком Эсенем перекочевал в Ордос[2]. Тогон (с 1418 г.) соединил под своей властью всех ойратов, и собирался объявить себя ханом всех монголов, когда, в 1439 году, постигла его смерть[3]. Эсень в 1455 году провозгласил себя ханом, но в следующем году был убит одним из ойратских вождей[4]. Возникшие с этого времени раздоры между старшинами ойратов лишили их всякого влияния на дела в восточной Монголии. Когда, поделившись между потомками Чингиз-хана, Монголия распалась на северную и южную,

[1] В.М.Успенского «Страна Кукэ-нор, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая в связи с историей Кукэ-нора, преимущественно по китайским источникам в томе шестом «Записок И.р.географического общества, по отделению этнографии», Спб., 1880 г., стр. 129.
[2] Там же, стр. 148.
[3] «Кукэ-нор», стр. 151.
[4] Id., стр. 153. По о. Иакинфу («Историческое обозрение ойратов» 1834 г., стр. 21) Эсень убит в 1453 г.

непосредственные соседи ойратов халхасцы продолжали враждовать с ними. С особенной удачей они воевали ойратов при Абатай-хане (родился в 1534 и умер в 1586 г.), который подчинил ойратов и посалил к ним ханом сына своего Субагатая. По смерти Абатая ойраты восстали и умертвили Субагатая[1]. Таковы самые крупные факты из весьма пока темной истории калмыков почти до XVII века.

«Всматриваясь в историю олотов, нельзя не видеть резкого, почти до противоположности, различия их от халхасов, хотя внешние стороны и условия жизни были у них, по-видимому, совершенно одинаковы. Как и все монголы, олоты всегда вели кочевой образ жизни... Но будучи завзятыми кочевниками, олоты, очевидно, воспитывались и жили не так, как воспитывались и жили халхасы, и прежде всего они не были ни так беззаботны, ни так апатичны. Вся история олотов, начиная с конца XVI века, полна известиями об их воинственных набегах на соседние племена: под свою власть они не только подчинили халхасов, но простирали виды свои и на Китай, думая о новом воссоединении владений и имени Юаньской империи»... Указываемую разницу произвел не буддизм, потому что религия эта появилась и распространилась у восточных и западных монголов одновременно[2].

Мне кажется, что различие в народном характере восточных и западных монголов, отражавшееся и в их истории, но в настоящее время, под влиянием одинаковых условий под властью Китая, значительно сгладившееся, истекало с одной стороны из иного кровного происхождения западных монголов, с другой же из других внешних политических условий исторической жизни олотов, которые, по своему положению на западе Монголии, должны были, во все время своего независимого существования, вести непрерывную борьбу с соседними тюркскими родами. Воинственность, подвижность и предприимчивость олотов и их вождей, столь отличающие их от халхасов, суть последствия именно этих двух обстоятельств.

В.М.Успенский полагает, что минские вала суть ойраты времен Чингиса, и основывается главным образом на том, что по «Мин-ши» сын Эсеня Хорхудай с некоторыми другими родственниками, после гибели Эсеня и после крушения ойратских замыслов на властвование над всей Монголией, переселился на реку Гань-Гань, т.е. в верховья Енисея; он заключает из этого известия, что ойраты не просто ушли в Чжунгарию, а возвратились на свою родину, к своим родовичам, от которых отделились с Махаму[3]. Он обращает также особое внимание на сведения об ойратах Рашид-эддина, по которым ойраты жили вместе с несомненно монгольскими племенами баргут, хори, тулас, тумэт, булагачин и др., говорили языком монгольским, который однако несколько отличался от обще-монгольского, и имели всегда своего государя и главу[4].

---

[1] Професс. Позднеева «Монгольская летопись Эрденийн-эрихэ», Спб., 1883 года, стр. 103 и 104.
[2] Професс. Позднеев в «Образцах народной литературы монгольских племен». Выпуск I, «Народные песни монголов», Спб., 1880 г., стр. 138, 139, 141, 142.
[3] «Кукэ-нор», стр. 156.
[4] «Кукэ-нор», стр. 139. У Рашид-эддина значится, что племя ойрат «издревле было многочисленно, разделялось на несколько ветвей»... Юрт и жилище этих племен ойратов было осьмиречье: в древности на

Именование западных монголов в китайских и монгольских источниках и преданиях дурбен-ойратами и четырьмя ойратами г. Успенский объясняет не составом ойратского союза из четырех племен, как это делают китайские писатели, а соединением ойратов с монгольским родом дурбен, отчего союз этот и назывался дурбен-ойрат[1].

Я считаю весьма вероятным, что калмыки или вала, олоты и т.д. произошли в XIII и XIV веках из смеси «лесных народов», т.е. отуреченных и омонголенных самонидов, и различных монгольских и омонголенных тюркских родов (киреи, найманы и пр.), во главе которой стояли ойраты времен Чингиз-хана и которая составляла население и войска (в то время это было одно и то же) западной окраины Монголии. Название дурбен-ойрат или четыре ойрата пошло, по-моему, скорее, от четырех тысяч войска, которые выставляли ойраты во время Чингиз-хана. По Рашид-эддину, в числе 129 тысяч войск Чингиз-хана ойраты составляли четыре тысячи из 38 тысяч правого крыла. «Бек и государь их был Хотуга-биги. Когда он покорился, все войско ойратское, по обыкновению, утвердили за ним и тысячными беками были люди, которых он хотел. Потом начальствовали потомки его, бывшие сватами и андами»[2], вероятно, членов царствовавшего монгольского дома. В исчислении прочих тысяч того же правого крыла читаем: «Тысяча Досухи. Он был из племени дурбэн»... О тысяче Хорчи-нойона, который был из рода баринь, говорится: «Их было 10 т. человек... Имена тысячных беков их неизвестны, поелику большая часть войск в старину были из их племени, и таким образом начальствовали по обычаю»[3], значит беками были родоначальники. Числовые приставки к имени ойрат существовали и до монгольского времени[4], а потому вместо прежних ойра и вань-ойра очень легко могло войти в употребление общее для всех ойратов название дербен-ойрат, в качестве сокращения «четырехтысячных ойратов».

Во время почти сорокалетней войны Каиду с Кубилаем и его наследником фактической границей между владениями враждовавших государей или, что то же, между тюркской и монгольской народностями, служил китайский Алтай, как убеждают отрывочные известия о расположении войск Кубилая: в 1277 году, т.е. после десяти лет вражды, владения Каиду и Кубилая разделяли «горы Хангай и пустыня Гоби»; «на западной границе этой пустыни были поставлены семь отрядов, которые часто имели

тех реках обитало племя тумэт. Из того места выходят реки, все вместе соединяются и образуется река, которую называют Кем»... «Хотя язык их есть монгольский, однако имеет небольшое различие с говором других монгольских племен, напр., нож другие называют китуга, а они худга; и много есть подобных сему слов»... (перевод И.Н.Березина в «Трудах вост. отделения археолог, общества», часть пятая, 1858 года, стр. 78 и 79).

[1] «Кукэ-нор», стр. 141 и 143.

[2] «История Чингиз-хана», в «Трудах вост. отделения», ч. 15, 1888 г., стр. 136.

[3] «Труды восточного отделения археолог, общества», часть 15, стр. 136.

[4] По «Юань-чао-ми-ши» («Труды российской духовной миссии в Пекине», том 4, стр. 131), когда Чжочи был послан войной на народы что в лесах) поэтому производство имени ойрат от ой- арат - лесной народ, по Гомбоеву и Банзарову, гораздо более вероятно, чем от ойрад - (союзник), то «Худухабеги рода ойра поддался первый и повел против вань-оира (десятитысячные ойра). Когда Чжочи дошел до места Шихшит, то ойра, тубасы и все другие народы покорились ему».

стычки с войсками Каиду»[1]. Когда бывшие владения Каиду перешли к джагатаидам, граница осталась, вероятно, та же[2]. Очевидно, стоявшие постоянно, около четырех десятилетий, на этой границе империи Кубилая и его преемников войска должны были составляться из ближайших к ней монгольских родов, а одним из этих родов, едва ли не самым близким и многочисленным, были ойраты. Постоянное нахождение их четырех тысяч на границе могло повести к тому, что большинство ойратов, если не все племя, со временем окончательно передвинулось на эту границу, к китайскому Алтаю, оставив свои прежние, более к востоку лежавшие места. Если ойраты были наиболее многочисленным родом среди пограничного населения, то с течением времени, когда, вследствие долгой совместной службы в пограничных войсках и вследствие кочевания в одних и тех же или близких местностях, все пограничные роды и войска слились в одно целое, легко могло быть, что все эти пограничные западные монголы стали именоваться по имени главного рода ойратами. Обращение имени ойрат в общее для всего населения западной окраины Монголии могло совершиться также и потому, что кроме ойратов в состав пограничных войск и населения вошли без сомнения и многие из остальных «лесных народов» или ойратов. Так в число ойратов могла попасть часть тех «лесных народов», которые, по «Юань-чао-ми-ши», обитали по Иртышу и были даны Чингиз-ханом в управление Хорчи[3], составив тысячу или вернее тьму Хорчи-нойона, упоминаемую Рашид-эддином: часть 10 тысяч Хорчи, кочевавшая в вершинах Иртыша и вообще в китайском Алтае, могла, во время Каиду и Кубилая принять сторону последнего и войти в состав его пограничных войск, получив потом общее с остальными их родами имя ойратов. В числе лесных народов, по «Описанию личных походов» Чингиза, назван народ хоинь[4]: это, вероятно, одно из четырех главных олотских поколений - хоит. Хойты упоминаются с лесными родами в монголо-ойратских законах 1640 года: «поколения баргу, батут и хойт, находившиеся с 1616 по 1628 г. у монголов, должны остаться во владении монголов, а находившиеся у ойратов - во владении ойратов»[5]. Другой лесной народ хори можно узнать в цзунгарском отоке хорбос[6]. Главное олотское поколение чорос или чжорос (с ветвью дербет, дурбот или дюрбет, кроме прямых потомков оира и вань-оира, - которых можно видеть в цзунгарских отоках урут (улут) и урат и которых остатки представляют теперь улюты или

[1] Д'Оссон, по Рашид-эддину, том 2, pp. 452 и след. и 461 и след. В восточном Тяньшане войска Тимура занимали земли на восток от Караходжи (p. 514). По Mailla (t.IX, Paris, 1779, pp. 390, 469, 470), Каиду составил себе значительное царство и «склонил на свою сторону старейшин орд, расположенных на западе и севере от алтайских гор и на северо-востоке (?) от Турфана, с помощью которых делал набеги по всей Тартарии». В 1297 г. «мятежный Каиду овладел страною Palin» (что это: Pa-li «Ляо-ши? Барин, т.е. земли, занимаемые родом барин?) «Против него был послан генерал Чоангур, сын кипчакского князя Тутуки... Он прошел через Алтай (Кил), встретил и разбил полководца Телеандаса, укрепившегося на берегах Talouhou ...Возвращаясь после победы, он нашел близ p. Alei другого полководца Каиду по имени Pobe и также разбил».

[2] В 1313 г. Исень-буга напал на армию великого каана Баянту, стоявшую близ Кут-тага на границе двух империй, под начальством Тугачи» (Д'Оссон, т. 4, 563). По Гобилю войска великого каана преследовали Исень-бугу до Джаира. Все это показывает, что граница шла по Китайскому Алтаю и в Тяньшане находилась около Урумчи.

[3] «Труды миссии в Пекине», т. 4, стр. 117.

[4] «Восточный сборник», том I, 1877 года, стр. 191.

[5] К.Ф.Галстунского «Монголо-ойратские законы 1640 г.», 1880 г., стр. 36.

[6] См. исчисление чжунгарских отоков в «Историческом обозрении ойратов» о.Иакинфа.

олёты на Текесе (зорган-сумун), на Тогуз-торау (дурбун-сумун) и на Каше (арбун-сумун), - имело в своем составе омонголенных киреев (отоки кериет и абагас)[1] и, вероятно, части исконных монгольских родов. Третье олотское поколение - торгоут - состояло, - судя по именам отделений, названных Убаши-ханом в доставленных им в 1767 году сведениях (а именно шабинар, т.е. подданные духовенства, кериет, заатун, баарон и запсор)[2], - из омонголенных тюрков (киреи) и из исконных монгольских родов (барин). Можно думать, что торгоуты получили свое имя не от нахождения в гвардии Чингиз-хана, как гласят их предания, не подтверждаемые нисколько сведениями Рашид-эддина о составе гвардейской тысячи Чингиза, а от исполнения обязанностей пограничной стражи, в составе войск и населения западной Монголии во время Кубилай-хана и его преемников. Подобное же происхождение могло иметь и имя хошотов[3], четвертого олотского поколения, от хошо, хошун - волость, полк. Относительно лесных народов необходимо иметь в виду, что племена эти первоначально были самоедского происхождения, как это до сих пор подтверждается остатками их, саянцами или урянхайцами, представляющими собою отуреченных и потом частью омонголенных самоедов. Омонголение самоедов началось, вероятно, после падения уйгуров и совершалось проникшими с Байкала частями монгольских родов. К эпохе Чингиз-хана число омонголенных тюрко-самоедских родов было уже значительно. Войдя в состав западных монголов и заняв по обеим сторонам китайского Алтая земли, оставленные вытесненною на запад частью киреев и найманов, лесные народы внесли с собою в состав калмыков значительный самоедский элемент. Сочетание в калмыках самоедской и тюркской крови с монгольской не могло не отразиться на их народном характере.

Все изложенное дает, кажется, достаточные основания считать вероятным, что западные монголы или калмыки образовались в XIII и XIV столетиях из соединения «лесных народов» с монгольскими и омонголенными тюркскими родами, составлявшими войска и население западной окраины Монголии при Кубилае и его преемниках. По обширности пограничной полосы и в зависимости от деления войск на корпуса и

---

[1] Абагасов я считаю соответствующими тюркским абак- или абаг-киреям. Производство имени чорос, по монгольской легенде, от цорго, дупла, в котором лежал по этой легенде маленький Чорос («Образцы» професс. Позднеева, стр. 135), мне кажется весьма сомнительным.

[2] Samlungen Listurischer Nachrichten über die mogolischen Volkerschoften, durch P.Pallus. Erster Thail St.Petersburg, 1776, s. 92.

[3] У нынешних калмаков астраханской губернии встречаются между прочим следующие родовые имена: барун, керет, эркетэн, шарус-багут, ики-багут, абаганер («Калмыцкая степь Астраханской губернии, по исследованиям кумо-манычской экспедиции», Спб., 1868 г., стр. 167 - 169). У волжских калмаков замечается большая разница в наречиях по родам: «случается, что калмык торгоутского племени с трудом может понять смысл того, что говорит дербетовец, и наоборот» (там же, стр. 112 и 113). Это показывает, что роды олотов составились из частей разноязычных народов. В весьма подробном перечислении родов астраханских калмыков у г. И.Житецкого («Астраханские калмыки в двух очерках» в «Сборнике трудов членов петровского общества исследователей астраханского края», Астрахань, 1892 года, стр. 110-123) встречаются следующие родовые имена: шабинер (люди кумирен и духовенства), кетчинер, патан, барун, керет, тетенкин, зюигар, соткал, хошоут, эркетень, бергос, батут, богут, зюнь, запсур, ачинер, абганер, токтун, бахус, теленгут, уранхус, хоха- чин, хойт. Численность астраханских калмыков в 1885 году по официальным сведениям полагалась в 23916 кибиток, но г. Житецкий считал не менее 30 т. кибиток и 120 т. душ обоего пола (стр. 105 и 136). По князю Эсперу Ухтомскому («От калмыцкой степи до Бухары», Спб., 1891 года, стр. 24), в астраханской степи в 1888 году числилось 24233 киб.

отделы, от родовых отношений, от местных обстоятельств и от политических событий, население западной Монголии - ойраты или олоты - делилось на округа или поколения, управлявшиеся родоначальниками преобладающего в каждом поколении рода. Китайцы называют трех таких родоначальников во время Махаму. В первой половине XV века ойраты объединились под властью сына Махаму Тогона и внука Эсеня, которые приобрели такое влияние на дела Монголии, что распоряжались ее судьбами от имени поставляемых ими из потомков Чингиза ханов, вели успешные войны с Китаем, и Эсень принял наконец сам ханский титул. С половины XV века, после убиения Эсеня, раздоры ойратских родоначальников лишили ойратов занятого ими во главе монголов положения, власть перешла в руки вождей восточных монголов, могущество и значение законных ханов из дома Чингизова были восстановлены и ойраты отброшены на запад. Продолжая, по-видимому, враждовать между собой, олотские поколения распределились в разных местностях западной Монголии: часть ойратов осталась на северном берегу Хуан-хэ, к северу от Ордоса, где она уцелела и до настоящего времени (три уратских или уротских хошуна); другая часть с сыном Эсеня Хорхудаем ушла на время в верховья Енисея; третья, с братом Эсеня Бодуваном и племянником Ухуна, поместилась около Хами, вероятно, между Алтаем и восточным Тянынанем; остальные ойратские роды, вероятно, кочевали в китайском Алтае.

Ойраты продолжали враждовать со ставшими их восточными соседями халхасами и после крушения их надежд на обладание всею Монголией, но они не только не могли справиться с действовавшими против них дружно халхасами, а даже сами были ими одно время, при Абагай-хане, покорены. В то же время ойраты не переставали воевать с западными своими соседями - тюрками - и здесь результаты борьбы получились иные.

Едва ли можно сомневаться, что утвердившаяся во время продолжавшихся более сорока лет войн Каиду и Джагатаидов с Кубилаем и его преемниками вражда между пограничными тюркскими и монгольскими родами сохранилась и после прекращения войны между государствами. Можно, однако, полагать, что столкновения между пограничными кочевниками ограничивались мелкими набегами и грабежами до того времени, когда ойраты начали приобретать влияние на дела Монголии, т.е. до начала XV века. Первое китайское известие о войнах между ойратами и джагатаидами относится к 1407 году: в этом году вала жаловались китайскому двору на вооружения джагатаида Махама (Мухаммед-хана) для войны с ними[1]. Увейс-хан, по «Тарихи-ашиди», все царствование свое вел войну с калмыками под главенством Эсеня- тайши. Уже при нем калмыцкие нашествия простирались до р. Или[2]. По смерти Увейс-хана

[1] Bretschneider - Mediaeval Researches, v. II, p. 240.

[2] В «Гефт-иклиме» рассказывается, что в битве с калмыками под Увейс-ханом была ранена лошадь. Бывший с ним Сеид-Али, внук Худайдада, отдал ему свою лошадь, а сам лег между убитыми; когда же партия калмыков стала обирать мертвецов, он вскочил, схватил одного из калмыков и, защитившись им, как щитом, другой рукой отбивался от нападавших на него калмаков, пока не добрался до р. Или, где калмака своего бросил в воду и, ухватившись за узду лошади, на которой ожидал его хан, с ним вместе переплыл через реку на другой берег («Восточный Туркестан», В.В.Григорьева, вып. 2, стр. 317).

ойраты не могли сначала воспользоваться распрями между его сыновьями, потому что Тогон и Эсень заняты были исполнением своих планов в Монголии. Но когда, по убиении Эсеня, ойраты отхлынули на запад, какой-то калмыцкий Уз-Тимур разбил Абул-хаир-хана и ограбил окрестности Ташкента и Сайрама, а в 1472 г. неизвестный по имени калмыцкий вождь нанес Юнус-хану поражение на р.Или и заставил его удалиться на Сыр-дарью. Сын Юнус-хана Ахмед, по свидетельству «Тарихи-Рашиди», долго и успешно воевал с калмыками[1]. Во второй части «Тарихи-Рашиди, в описании Моголистана, Мухаммед-Хайдер замечает, что «северную границу его составляют Кучке-Тенгиз (Балхаш) и Каратал» и что Кучке-Тенгиз отделяет Моголистан от Узбекистана [2] . Описания восьмого и девятого походов Тимура убеждают, что Моголистан или северо-восточная часть Джагатаева улуса простирался еще I конце XIV столетия до Иртыша, а потому, не имея пока в виду полного описания Моголистана из «Тарихи-Рашиди», и указаний - к какому именно времени относит Мухаммед-Хайдер границу Моголистана по р. Каратал, следует полагать, что такая граница существовала, по Мухаммед-Хайдеру, лишь в начале XVI столетия, в последнее время существования власти Джагатаидов на севере Тяньшаня, при Султан-Ахмед-хане. Что Каратал еще в первой четверти XVI века служил кочевьями для тюркских родов и не принадлежал калмакам, видно из того, что по «Тарихи-Рашиди» казацкий Касим-хан зимовал в 1512-3 г. на Каратале[3].

По «Мин-ши», в 1518 году ойратский «Булю-ван разбивает три турфанских города, убивает и захватывает в плен до 10 т. человек; позднее он, по требованию китайцев, удаляется на северо-запад и, конечно, не без борьбы должен был приобрести себе новые кочевья»[4]. Действительно передвижение калмаков на запад от Алтая началось только в XVI веке, после потери Джагатаидами власти над всеми кочевниками и после образования казачьей орды. Киреи, найманы и аргыны, занимавшие до того земли на

---

[1] По «Мин-ши» в Турфане правил с 1478 до 1504 г. А-хэйма, сын Али. Вероятно, этот Ахэйма есть султан Ахмед, сын Юнус-хана, потому что хотя окончательный уход Ахмед-хана от отца в восточный Моголистан по «Тарихи-Рашиди» отнесен к 1485 году, но ранее, около 1479 года, упоминается о каком-то заговоре против Юнус-хана, в котором участвовал и Ахмед (Erskine, v. I, p. 57); может быть, Султан-Ахмед правил Турфаном и восточным Моголистаном с 1478 года. Кстати, нужно заметить, что, рассказывая о набеге Уз-Тимура на Абул-хаира, Erskine делает ссылку на Абулгази, но у последнего, по переводу Демезона, я не нашел никакого упоминания об Уз-Тимуре и о набеге калмаков во время Абул-хаира. Должно быть, это известие Erskine почерпнул из «Тарихи-Рашиди».

[2] «Исследование о касимовских царях» и пр., часть 2, стр. 154.

[3] На Каратале же к Касим-хану весною 1513 года явился посланный от Кете-бика с ключами Сайрама и отсюда двинулся он к Сайраму и Ташкенту через «Тараз, который монголы зовут Яны» («Исследование о касимовских царях» и пр., часть 2, стр. 154).

[4] Професс. Позднеев «Образцы» и пр., стр. 139 и 140. Г.Успенский, по тому же источнику, излагает дело («Куке-нор» и пр., стр. 156 и 157) несколько иначе: «Хотя в 1493 г. ойраты уже являются на помощь хамийскому хану против турфанского султана А-хэй-ма, но Ахэйма прогоняет их. В 1518 г., когда турфанцы напали на Су-чжеу, ойратский Болю-фан разбил три турфанских города... Турфанцы в страхе заключили с ним дружественный договор, в силу которого, вместе с Мансуром турфанским ойраты нападают на Су-чжеу, но отражены и уходят в Чи-гинь, откуда нападают на Хэ-си. В 1530 году Болю-ван снова поссорился с турфанцами из-за брачного договора, но Турфан в это время усилился и нанес ойратам несколько поражений; кроме того среди самих родов (ойрат- ских) начались усобицы, и многие из них поддались Китаю. Хамийцы, пользуясь этими смутами, разбили Болю-вана, который не имея средств, просил китайского подданства, но двор не согласился на это и выгнал его за границу. На этом кончаются сведения минской истории об ойратах.

запад от истоков Иртыша, или не состояли еще в казачьем союзе, или не получили от казацких ханов, занятых в то время борьбой с ногайцами, Шейбанидами и Джагатаидами, достаточной помощи. Во всяком случае названные казацкие племена не смогли устоять против напора калмаков и в продолжение XVI столетия вынуждены были оставить свои земли на верхнем Иртыше и в Тарбагатае и податься на запад, как можно заключить из ниже приводимых известий Санан Сэцэна и «Истории Убаши-хуньтайджия».

По Сонан Сэцэну, Алтан-хаган (Аньда китайской истории) ходил на «четырех ойратов» в 1552 году; на высотах Кунгэй Забхан он убил князя найманов, минганови хойтов по имени Мани Мингату, пленил его жену и двух сыновей и покорил себе весь народ. «Подчинив таким образом четырех ойратов, которые занимали и Хонин (Каракорум)», он начал свои походы на Китай[1]. Отсюда можно заключить, что еще в половине XVI века ойраты занимали земли до р. Орхона и, вероятно, едва начинали подвигаться на запад за китайский или монгольский Алтай. Но по тому же Санан Сэцэну, через десять лет, в 1562 году, ходивший на четырех ойратов племянник Алтан-хакана Хутуктай Сэцэн хуньтайджи встретил и побил торгоутов (Torgagod) на реке Иртыше; он увел много пленных из Ssinbis (?) торгоу[2]. Значит, в 1562 году торгоуты находились на Иртыше, вероятно на Черном Иртыше. По тому же писателю, еще через десять лет, в 1572 году, братья Сэцэна Буян-дара и Саин-дара ходили войной на Токмак (Togmak); на Шира-мурени (Сары-су вероятно), встретили они Аскар хагана и захватили у него много людей и скота, но во время обратного пути монгольских богатырей Аскар хаган с 100 т.ч. напал на них на высотах Ницзюгюн Хасулук; монгольское войско было истреблено и едва успело спастись бегством несколько человек. В следующем 1573 году Сэцэн хуньтайджи сам пошел на Токмак, чтобы отомстить за гибель братьев; когда он достиг страны Хасулук, то Аскар хаган встретил его со стотысячным войском; в битве на высотах Эссень Даибо (?) монголы одержали по- видимому верх, потому что Сэцэн взял в плен трех султанов, сыновей Аскара, и увел их к себе. Узнав во время обратного пути, в 1574 году, что Баян-багатур хуньтайджи воюет четырех ойратов, Сэцэн оставил свои тяжести в стране по имени Барс Кюль (озеро и местность Баркуль?) и сам пошел к Баяну. Этот последний между тем побил на восточной стороне Харгая (Карагай?) роды найман, синган, хойт и тюмет под предводительством Эссельбей Кия и подчинил их. Сэцэн пошел на багатутов (Boghatud) и победил их на западной стороне Джалман-хана. Сын его Ольджей Иллюджи преследовал обратившихся в бегство врагов три месяца, вынужден был за недостатком пищи есть некий камень баркильдат, но догнал-таки четыре рода на восточной стороне Тобахан-хана, под предводительством чоросского (Tsoros) Бадшира Шигэльчина, и покорил их. Возвращаясь затем окончательно домой, Сэцэн посылал Баян-багатуру предложение разделить роды найман, минган, хойт и тюмэт, чтобы ослабить их силу; Баян не послушал и вскоре погиб при нападении на

[1] Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Turstenhauses, verfasst von Ssanang-Ssetsen Chung taid- schi der Ordus, aus dem mongolischen ubersetat... von Jacob Schmidt, St.Petersburg, 1829, ss. 209, 211.
[2] Там же, s. 211.

него Эссельбей Кия[1]. Имена действующих лиц, указания местностей и времени событий, изложенных в этих сказаниях, дают основание полагать, что в них описываются действительные факты, согласно, быть может, письменных записей или, по крайней мере, достоверных и точных рассказов о жизни прадедов автора. Токмак Санан Сэцэна Шмидт считал за Кипчак или улус Джучи[2]. Катрмер отвергал это мнение, утверждая, что монголы не могли в XVI и XVII веках воевать со столь отдаленной страной, тем более, что Золотая орда в это время составляла уже часть владений России[3]. Для выяснения - что такое Токмак для Санан Сэцэна - могут служить два места его истории. В одном он называет сына Чингиз-хана Джучи ханом Токмака[4], в другом же, излагая поход Чингиза для покорения запада, он говорит, что Чингиз-хан выступил против Токмака и Менгулик-ссулта-хаган (как у него назван султан Мохаммед харезмский) токмакский вышел с войском в местность Богдада Хассулук, но был здесь побежден и убит, а народ Токмака подчинен[5]. Отсюда надо заключить, что Токмак Санан Сэцэна обнимал не только удел Джучи, но и улус Джагатая, стало быть все тюркские племена на запад от Монголии, т.е. в XVI столетии Токмаком он именовал казачью орду. Государем казацким в 1562 и 1572 годах был Хакк-Назар-хан: он стало быть и назван у монгольского историка Аскар-хаганом. Но едва ли не вероятнее, что Аскаром монголы именовали Тугум-хана, двоюродного брата Хакк-Назар-хана, ибо, по автору «Сборника летописей», писавшему в XVII веке, Тугум-хан, сын Ядика, сына Джанибек-хана, погиб на границе Джагата со всем родом своим, всего 37 султанов[6]. По тому же автору род Тогум-хана назывался тогуз-сары, т.е. девять рыжих[7]. Не невозможно, что Тугум-хан носил прозвище Ак-сары, был ханом северо-восточных казачьих родов и погиб на границе Джагатаева улуса, вместе с сыновьями и родственниками, в бою с Сэцэном. Из числа местностей, упоминаемых в приведенных сказаниях Санан Сэцэна, было бы особенно интересно определить Хасулук. Судя по тому, что на обратном пути Сэцэн шел через Баркуль, надо полагать, что Хасулук находится более или менее к северу от Тяньшаня, поход же Сэцэна от Баркюля на ойратов, вероятно в монгольский Алтай, дает основание думать, что Хасулук лежал к западу от Алтая. Упоминается местность Хасулук в другом памятнике монгольской письменности, именно в биографии Зая-пандиты. Тут значится, что зиму 1643 года Зая-пандита провел у Конделен-Убаши, кочевавшего в Хасулуке; лето 1644 года пробыл он у Очирту, а затем приглашен был Дархан-Дорчжием в храм, находящийся на Иртыше; в

[1] Там же, ss. 213-219.
[2] То же, ss. 383, 407.
[3] Histoire des Mongols de la Perse par Raschid-eldin, t.I, 1836, p. 68. Тут же Катрмер приводит следующие места «Зафер-намэ», где упоминается Токмак; «овладеет тюрками Токмака», «красивых пажей из страны Токмак».
[4] Geschichte der Ost-Mongolen, s. III.
[5] Там же, s. 87.
[6] «Исследование о касимовских царях» и пр., ч. 2, стр. 363, 364.
[7] Там же, стр. 274.

1645 году отправился к торгоутам[1]. Вероятно, этот Хасулук есть горы Казылык в верховьях р. Нуры[2].

Об одном из набегов калмыков или монголов на казаков сообщает некоторые сведения Сеифи, путешествовавший в Китай около половины XVI столетия. По его словам, страна калмаков расположена по сю сторону Китая. Государь этой страны носит имя Октайя и прозвище Алтуна. Все государи калмаков носят это имя. Алтун-хан происходит от Дженгиз-хана, который переходил Джейхун, возвратился назад и умер в стране калмаков... Алтун-хан иногда ведет войну с китайским императором, но не может устоять против него; он делает набеги до китайской великой стены, обращает в бегство встречающихся людей и отнимает их стада, но не может проникнуть за укрепления, ибо не имеет ни пушек, ни ружей, тогда как китайцы обладают ими во множестве... За страною Кашгар есть народ казак: это кочевники, у которых нет ни городов, ни деревень; число их простирается до 200 т. семейств; их ханы носят имя Тевеккюль. Эти казаки совершили однажды набег на калмаков; извещенный об этом государь калмаков отправил преследовать их одного из своих визирей, которому приказал не возвращаться, не приведя Тевеккюля или не доставляя его головы. Когда Тевеккюль узнал о движении визиря, то, убедившись лично, что калмацких воинов бесчисленное множество, он признал сопротивление невозможным и бежал в Ташкенд. Калмаки ограбили половину казацкого народа, остальная же спаслась в Ташкенде. Это большой город, бывший некогда столицею Аффросиаба. Государем Ташкенда был в это время Бузур Ахмед-хан, прозывавшийся Бараком (очевидно, это Науруз Ахмед-хан, иначе Барак-хан, сын Суюнчук-хана, сына Абулхаир-хана)[3] и происходивший от Дженгиза. Тевеккюль просил у него помощи для оплаты калмакам, которые возвратились в свою страну, но Барак-хан ответил ему, что если бы десять

---

[1] К.Ф.Галстунского «Монголо-ойратские законы 1640 года», Спб., 1880 г., стр. 122 и 123.

[2] С весны 1756 года Аблай-султан стоял с 2 т. человек за р. Ишимом, в вершинах р. Нуры, при горе Казылык («Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-хайр-хана» В.В.Вельяминова-Зернова. Уфа, 1853 года, том I, стр. 125). На пути Поспелова и Бурнашева из Семиярского форпоста на Иртыше в Ташкент, в 1800 году, упоминаются «горы Кар-карлы и поблизости Кен Казлык», с сосновым, березовым и осиновым лесом; «сии горы от Иртыша 250 верст... От них до р. Нуры горы идут каменистее и сплошнее» («Вестник И.р. географического общества», 1851 года, часть I, стр. 9 и 10). По «Запискам г.-м.Броневского» (в «Отечественных записках», 1830 года, часть 43, стр. 239), «каркалинские горы: Кент-Казлык, Ку-Казлык и Чингиз, содержат хорошие строевые леса... Кент-Казлык в 25 верстах от приказа каркаралинского внешнего округа, на р. Кизил-су, впадающей в Талду...». «В горах Кент-Казлык, в 25 верстах от приказа каргалинского (должно быть, каркаралинского) внешнего округа, на р. Кизил-су, впадающей в Талду, на прелестном местоположении, стоит двухэтажное каменное крестообразно из дикого камня на извести (сложенное здание?); потолки обрушились, но приметно, что они были покрыты красною краскою, стены штукатурены; на верхнем этаже галерея вокруг всего строения и фронтон, поддерживаемый четырьмя деревянными колоннами, выкрашенными мастикою, предохранявшею их от гнилости... Это здание есть или капище, или жилище какого-либо владельца. Поиски мои в древних курганах около сего места вознаграждены отысканием золотых серег с бирюзою и рода женской гребенки из чистого золота и очень хорошей работы... Несколько медных обломков от конской сбруи и оружия, много разбитых узорчатых горшков из обыкновенной глины, без рисунков и надписей... Все сии вещи отосланы мною в кабинет (музей) графа Николая Петровича Румянцева» (там же, стр. 247-249). Можно думать, что именно развалины кумирни на Кент-Казылыке означены у Ремезова в верховьях Нор-Ильима, (т.е. Нуры и Ишима): «мани мольбище» л. 21 «Чертежной книги Сибири», изданной в 1882 г. (См. также «Общую карту Сибири из атласа Ремезова» в «Путешествии на север и восток Сибири А.Миддендорфа», часть I, Спб., 1860 г.).

[3] «Исследование о касимовских царях» и пр., ч.2, стр. 148.

таких государей, как он и Тевеккюль, соединились вместе, то и они не справились бы с калмаками, которые столь же многочисленны, как орды Яджуджа (Гог и Магог)[1]. Шефер относит смерть Сеифи к 1582 году, и сам Сеифи называет государем Кашгара Абд-ур-Рашида, при котором он, вероятно, проезжал через восточный Туркестан, но у Сеифи же рассказывается о завладении неверными русскими у Кучум- хана городом Турой, который он, однако, отнял у них через два года, что «было недавно»[2]. Отсюда нужно заключить, что или Сеифи умер позже 1582 г. (завоевание Сибири Ермаком), или в сочинение Сеифи были сделаны позднейшие вставки. Этим же приходится объяснить именование казацких ханов Тевеккелями, потому что Тевеккель-хан сделался ханом не ранее 1583 года.

По сказанию о походе на ойратов Убаши-хуньтайджи, в 1587 г., пойманный лазутчиками ойратский мальчик говорил Убашию, что за ближайшим к халхасам ойратским вождем, имеющим 2000 воинов, «на истоке Иртыша» живет хойтский Саинха», которого сопровождает 4 т. молодцов; «дальше живет 6 т. джунгаров, называемых хута-гайту-харахулу (что это: хото-хойты Харакулы?); ... на устье р. Ута живет ойратский богатырь Тэбэнэ, имеющий 8 т. воинов. Дальше хошоутский Байбагус-хан». Ясно, что ежели хойты занимали вершины Иртыша, то 6 т. кибиток джунгаров Харакулы должны были обитать на Черном Иртыше, а хошоты и не упомянутые торгоуты простирали свои кочевья еще далее, вероятно, до Аягуза на юго-западе и до Ишима на севере, где и в самом деле нашли их русские завоеватели Сибири. По тому же сказанию силы ойратов оказались настолько значительными, что они окружили Убаши с его 65 тысячным войском, разбили халхасов и убили самого Убаши[3].

Сведения о казачьих землях, помещенные в «Книге Большого Чертежа», составленной, как предполагают, в царствование Федора Иоанновича, вероятно, относятся ко времени, предшествовавшему на несколько десятков лет походу Убаши. Вот эти сведения, с помещенными в скобках, по А.И.Макшееву, приурочениями: «А промеж зера Акбашлы (ныне Аксакал-барби, в которое впадает р. Иртыш) и реки Саук (Тур- гай), и озера Аккол (озеро Аккуль, в которое, по Макшееву, впадает р.Джиланчик, по атласу же Ремезова, в озеро Аккуль впадает р. Тургай), и по обе страны реки Зеленчика (р.Джиланчик), и реки Кендерлика (р. Кингир), и реки Сарсы (Сары-су), и песков Каракум, на тех же местах, на 600 верст, кочевье казацкой орды». Указанные урочища, по вычислению Макшеева, расположены на протяжении от севера к югу до 500 верст и от запада к востоку на пространстве около 300 верст[4]. Московское правительство не имело тогда сношений с казачьей ордою и сведения «Книги» были, вероятно,

[1] Histoire de l'Asie centrale, trad, par Ch.Schefer, Paris, 1876, pp. 292-295.
[2] Там же, pp. IV, 298, 303. «Предки казаков пытались некогда завоевать Бухару и Ташкенд, но были побиты и вынуждены искать убежища в пустыне, где и водворились: отсюда имя их - казак» (p. 302).
[3] «Труды вост. отд. арх. общества», часть 16, 1858 г., «История Убаши хуньтаджия», стр. 213- 224. Хошоутский Байбагас-хан, по ойратским преданиям, помещенным г. Лыткиным в № 46 «Астраханских губернских ведомостей» 1860 г., оставил двум своим сыновьям Очирту и Аблаю 130 т. кибиток; конечно, эта цифра весьма преувеличенная.
[4] Макшеев «Географические сведения Книги Большого Чертежа о киргизских степях и туркестанском крае» в томе 6 «Записок р. географического общества, по отделению этнографии», 1880 года, стр. 34.

почерпнуты у ногайцев через царских к ним посланцев[1]. Большою скудостью сведений составителей «Книги Большого Чертежа» объясняется и отсутствие в «Книге» этой указаний на земли казаков за Балхашом, на Чу и Таласе, которые остались этим составителям совсем неизвестными. Предполагать принадлежность этих местностей калмыкам во время составления «Большого чертежа» нельзя уже потому, что, напр., левая сторона илийской долины и чуйская долина подчинены цзунгарами лишь в 1643 году. О калмаках упоминается только в одном месте: «А промеж Кендерлика и реки Сурсы казацкая кочевная орда, да калмыки»[2]. Мне кажется это позднейшей вставкой, быть может после посольства от Тевеккель-хана в 1594 г. В этом году «Тевкель, царь казацкий и калмацкий», присылал в Москву посланца с грамотою, в которой просил об отпуске к нему плененного в Сибири племянника Ураз-Мухаммеда»[3].

Должно быть ко времени же, близкому к походу Убаши, относится следующее, частью впрочем сомнительное, но приводимое в «Шэн-у-цзи» в качестве первоначального, размещение ойратских поколений: «сначала чжорос владели Или, хошоты управляли Урумчи, турботы жили в Эрцзисы (по Иртышу), а торгуты в Яре (Урджар, вообще Тарбагатай). Когда тургуты ушли к северу, хойты заняли их места; по переселении хошотов к востоку, в Цин-хай или Кукэ-нор (в 1638 году), на местах их, в Урумчи, поселились чжунгарские тай-цзи»[4].

---

[1] В «Книге Большого Чертежа» значится: «А от верху реки Бузувлука на полях, и до великого моря кочевье все больших ногаев. А от верху Бузувлука, то все Больших Нагаев кочевья до Синяго моря 1350 верст». По Макшееву от верховий р. Бузулука, впадающей в реку Самару, по прямой линии, до Аральского моря верст 800 (стр.33). Эти сведения «Книги Б.Чертежа» о распространении ногайских земель до Синего моря дают, кажется, некоторую возможность определить время, к которому они относятся, между 1520 и 1577 годами, т.е. к эпохе наибольшего могущества ногаев и упадка казачьей орды по смерти Касым-хана, кочевавшего от р.Каратала до Волги; в 1577 году, по приведенному выше свидетельству Доможирова, казаки уже настолько оправились, что грозили ногайцам не дозволять кочевать даже по Волге, стало быть, до Аральского моря кочевки ногаев уже не простирались.

[2] Макшеев, стр. 35.

[3] «Исследование о касимовских царях» и пр., ч. 2, стр. 104. По предположению Г.Е.Катанаева («Киргизские степи, средняя Азия и северный Китай в XVII и XVIII столетиях, по показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям западно-сибирских казаков и прочих служилых сибирских людей. Изыскания полковника Катанаева» в «Записках западно-сибирского отдела р.географического общества», книжка 14, выпуск I, Омск, 1893 года, стр. 48-50), «степи Джиты (?)- Кипчак», показанные по «Книге Большого Чертежа» занятыми казачьей ордою, с конца XVI столетия «надолго остаются почти впусте», так как казаки, завлеченные открывшейся обильной добычей в пределах северного Туркестана, откочевали далее на юг к Сыр-дарье». Конечно, в предприятиях Тевеккеля против Самарканда и Бухары принимали участие десятки тысяч казацких наездников, но масса народа оставалась на своих всегдашних кочевках. Подвинулись в это время на Сыр-дарью, в окрестности городов Туркестана и Ташкента, только те роды, кочевья которых были к этим городам близки, по тому уже одному, что места для пастбищ тут недостаточны. Оставить земли между Аягузом и верховьями Ишима занимавшие их роды кипчаков, найманов и киреев вынуждены были, в самом конце XVI и в начале XVII столетий, перед натиском калмаков, отразить которых они одни оказались не в силах, помощи же от Тевеккель-хана и южных родов, занятых не во время предприятиями против Мавераннагра, не получили. Что же касается той части Дешти-Кипчака, которую составители «Книги Большого Чертежа», по недостаточности своих сведений, только и считали землями казачьей орды, т.е. до бассейнов Сары-су, Иргиза и Тургая, в которых, по предположению г.Катанаева, даже в эпоху Кучум-хана бродили лишь «разбойничьи вольные ватаги всякого рода среднеазиатских выходцев, носившие сборное имя казаков», то эта территория всегда оставалась занятой казачьими родами, которые находили в ней последнее убежище и в XVII веке, когда торгоуты и хошоты отняли у северных казаков земли в верховьях Нуры и Ишима, и особенно в XVIII столетии, когда цзунгары овладели всеми землями большой орды, Туркестаном и Ташкентом.

[4] «Кукэ-нор» и пр., стр. 128 и 166.

Через двадцать лет после похода Убаши, в 1607 г., после построения Томска, некоторые калмыцкие князья уже входили в сношения с тамошними воеводами, прося помощи против монголов и казаков, но в следующем году томские казаки не могли к ним пробраться вследствие внутренних раздоров между калмаками, которые находились в то же время в войне с Алтын-ханом и с казаками[1]. В 1610 и 1611 годах калмаки уже не дозволяют татарским жителям пользоваться солью из соляных озер, значит, владения их простирались до Ямышевского озера. В 1615 г. упоминается о бывших в Таре послах от тайшей Батура (сын Харакулы), Тургеня и Урлука (глава торгоутов). В следующем году сын сибирского Кучум-хана, Ишим жил между калмаками около Семи палат[2], т.е. около нынешнего Семипалатинска, а через несколько лет упоминается о женитьбе его «по приходе калмаков» на дочери Урлука[3]. В 1643 году Урлук, за несколько уже до того лет добравшийся до Урала и Волги, был убит в бою с нашими астраханскими войсками[4]. Около 1641 года упоминаются вести о сборе калмацких тайшей, имеющих до 100 т. войска, в местечке Каелике[5]: если это имя сохранилось от Каялыка XIII столетия, находившегося, полагаю, на р. Каратале, то это местность весьма подходящая для сборов калмацких вождей с войсками для похода против казаков, потому что в это время калмацкие кочевья еще, надо думать, не переходили за р. Или. Но, конечно, надо читать Каслик, т.е. вышеупомянутый Казылык, Хасулук.

Хотя мы не имеем свидетельств о подробностях борьбы между калмаками и казацкими родами, но выше приведенные сведения дают понятие о постепенном распространении калмаков на запад и оттеснении казаков. Кое-какие сведения об этой борьбе, и именно на склонах западного Тяньшаня, с распространением калмацкого владычества за р. Или, начинаются с 1643 года. По Фишеру, Батур-хуньтайджи начал войну с казацким ханом Ишимом с 1635 года. Сын Ишима Джангыр был пленен калмаками, но успел бежать, и потом постоянно беспокоил их своими набегами. В 1643 году Батур, собрав вместе с хошоутовскими Очирту и Аблаем 50 т. войска, «с самого начала овладел двумя провинциями или народами Алат-Киргизским и Токманским, которых до 10 т. человек считалось»[6]. По-видимому, это заилийский Алатау и Чуйская долина, на которую распространено название урочища Токмак. Так как раньше и позже местности эти были заняты дулатами, то надо полагать, что покорена была калмаками в это время часть большой орды. Кыргызы, если они занимали верхнюю часть чуйской долины, могли в это время удалиться на юг, на Иссык-Куль и Нарын, а также на Талас. Покорение кыргызов, продолжавших вести борьбу в союзе с казаками, под предводительством Джангыра, совершено несколькими годами позднее. Известно это из биографии Зая-пандиты, в которой упоминается, что «Цэцэн-хан в 1652 году подчинил бурутов и что в этом походе сын его Галдама, имевший 17 лет от роду,

[1] «Сибирская история» Фишера, 1774 г., стр. 212 и 213.
[2] Там же, стр. 247 и 248.
[3] То же, стр. 316.
[4] Там же, стр. 419.
[5] «Сибирская история», Спб., 1774 года, стр. 418.
[6] Там же, стр. 444 и 445.

«заколол Янгир-хана»[1]. Там же рассказывается, что в начале 1 луны 1658 года прибыл «на р.Таласу» «бухарский воевода Абаду Шукур с 38 т. войска». Кочевавший на границе ойратских земель Галдама собрал 3 т. войска, напал на бухарцев в урочище Хулан-Чжилин, преследовал их до ущелья Кок и убил Абаду Шукура; затем он взял в плен Шак-хозо, который во главе 300 богатырей, стоял отдельным лагерем и отстал от Абаду Шукура. Этим 300 воинам Галдама дал на двух по одной лошади и отправил их в Цаган-балгасу»[2].

Таким образом, в 1658 году владения калмаков достигают уже Таласа. Однако кочевки калмацких князей долго не переносились за р. Или. Так, в 1652 году Цэцэн-хан зимовал в Хара-тала[3], т.е. на р. Каратале. Кочевки Галдамы, по народной песне, отрывок из которой приведен будет ниже, значатся на р. Каше и Кунгесе. Сэнгэ-хуньтайджи, ставший по смерти отца своего Батура во главе цзунгаров, в 1662 году кочевал на правом берегу р. Или, на р. Усёке[4]. Внутренние междоусобия (войны Цэцэн-хана и Сэнгэ против Аблай-тайджи), особенно после убиения Сэнгэ (около 1671 года), остановили дальнейшие предприятия калмаков против казаков, и, вероятно, буруты и дулаты в это время вышли из подчинения и возобновили свои набеги.

Это время, между смертью Сэнгэ и усилением брата его Галдана, когда происходила борьба за власть над западными монголами у хошотского Цэнцэн или Очирту-хана с цзунгарами (1671-1676 гг.), было весьма благоприятно для предприятий киргиз-казаков против ослабленных междоусобиями калмаков, но тогдашний глава казаков Тэвке-хан не сумел или не мог им воспользоваться, хотя ему представлялась возможность употребить против калмыков часть их собственных тайшей. Так посланец калмацкого тайши Дундука рассказывал в Тобольске, в феврале 1674 года, что дюрбетский тайша Малай сын Доона «отъехал в казачью орду к Тевке кану, со всеми своими улусными людьми, с того времени, как у них, у всех тайшей, меж собою учинилась ссора и войны и почали друг друга воевать, и которые де помочнея, от тех почала быть изгоня и разоренье»... «Кошоуцкой Чаган Аблаев сын отъехал в казачью орду к Тевке кану со всеми людьми, потому что де он ссорился с Очюрта каном, и в казачьей орде умер, а люди задержаны и служат Тевке кану». По сказкам того же Дурана, племянник Очюрта-хага хошотский Станжи ушел в Китай (на Кукэнор?) к богдохану с своим улусом, а другой хошоутский тайша Данжин (Даньцзила?) и

[1] Професс. Позднеева «Образцы народной литературы монгольских племен», 1880 г., стр. 147. По г.Лыткину («Астраханские губернские ведомости» 1860 г., № 46) хошоутовский Очирту получил титул Цэцэн-хана от далай-ламы в 1666 году.
[2] «Образцы» и пр., стр. 148.
[3] Зая-пандита «зимою 1652 года прибыл к Цэцэн-хану в Хара-Тала» К.Ф.Галстунского «Монголо-ойратские законы 1640 года», Спб., 1880 года, стр. 125.
[4] По биографии Зая-пандиты (Галстунский «Монголо-ойратские законы», стр. 127) этот насадитель буддизма у калмаков, отправясь в 1662 году в Тибет, «по дороге заехал к Сэнгэ, кочевавшему Осок-Самул, и пробыл у него десять дней, проведя время в проповеди учения; отсюда отправляясь вверх по реке Кюнгис и переправившись через Адун-Кюрду, прибыл в Зюлтус». Самал тут старинное название местности, в которой ныне находится город Джаркент, на реке Усёк. Дорога на Юлдуз через вершину р.Кунгеса и теперь проходит перевалом Адын-кур. Г.Алфераки («Кульджа и Тяньшань», путевые заметки, в «Записках р. геогр общества, по общей географии», т.23, вып.2), что это значит «перевал падших лошадей», так как здесь, по преданию, во времена китайцев, случился однажды сильный падеж лошадей.

дюрбетский Ардал передались со всеми своими людьми, поссорившись с Очюрта-ханом, к Гагану тайше, т.е. к Гегену, к Галдану[1].

Победив Цэцэн-хана (1676 г.)[2] и укрепив свою власть над всей Цзунгарией, Галдан-Бошокту-хан в 1680 году покорил Яркенд и всю Кашгарию. Зимой 1681-1682 гг., с р. Бороталы отправился он с войском к Сайраму и осадил этот город. В 1682 году он возвратился и зимовал на берегах р. Или. В 1683 году он снова ходил к Сайраму и взял в плен двух султанов; осенью того же года он вновь предпринял поход, по-видимому, в сторону Ферганы, и подчинил «много бурутов, андижянцев». В 1684 году Бошокту-хан осадил Цокуй'я (?) и снова ходил на андижянцев. На обратном пути на ур. Кукурын-шиль (?) сделалась ненастная погода; в это же время он покорил Манрыев (?). Летом военачальник его Рабтан разрушил Сайрам. Осенью 1685 года Галдан снова ходил на андижянцев и взял в плен множество беков. В 1686 году он возвратился и зимовал на Боротале. Затем весной 1688 года Галдан-хан с 30 т. войска напал на Халху[3] и начал свои войны с монголами и китайцами, окончившиеся в 1697 году его самоубийством.

Так как в течение почти всего XVII столетия казаки были отрезаны от Иртыша и Тобола калмыками, то на границах сделавшейся в это время русскою Сибири они появились лишь в конце этого века, когда торгоуты и хошоты, занимавшие земли между Иртышом и Тоболом, ушли на запад к Волге и на восток к Кукенору. Это передвижение калмыков совершилось большей частью еще до Галдан-хана, но казаки снова достигают Иртыша только в то время, когда Галдан завязал смертельную свою борьбу с халхасцами и Китаем, т.е. после 1688 г. Появление казаков немедленно ознаменовалось набегами и грабежами пограничных русских селений на Тоболе (Ялуторовская слобода) и Иртыше (в тарском уезде), а также солепромышленников на озере Ямышевском[4]. Отправленные из Тобольска 14 июля 1692 года, воеводою Салтыковым, к Тявка-хану, с «выговором» за то, что «его люди ходят великого государя тобольского уезда под слободы, и людей побивают, и в полон емлют», сын боярский

---

[1] «Дополнения к актам историческим», том 6, стр. 282.

[2] По биографии Зая-пандиты (г. Лыткин в «Астраханских губернских ведомостях» 1860 г. № 44) «зимою 1676 года Цэцэн-хан собрал в Зюлдусе до 10 т. войска. Некоторые советовали ему идти в Барун-тала (в Тибет), другие в Хотон; иные советовали завладеть хасаками, другие - примириться с Бошохту-ханом; некоторые советовали идти за Дорчжи-Рабтаном (на Волгу) и присоединиться к торгоутам; были и такие, которые советовали тут зимовать. Цэцэн-хан просил всех зимовать, обещая корм для скота и пищу для людей... В среднем зимнем месяце 1676 года Бошокту-хан взял в плен Цэцэн-хана, пришедши из LLIара-бэл». Это ур. Шара-бэл, как увидим ниже, есть, вероятно, долина у северного подножия заилийского Алатау. У г. Позднеева («К истории зюнгорских калмыков», стр. 248). По тому же источнику, «окончательное подчинение Цэцэн-хана Галдану-Бошокту совершилось в урочище Шара-бэль, в среднем зимнем месяце 1676 года... Цэцэн-хан провел в этом урочище Шара-бэль всю зиму 1676 года». Скончался Цэцэн-хан зимою 1680 г. (стр. 249).

[3] А.М.Позднеева «К истории зюнгорских калмыков» в приложении к «Посольству Унковского» («Записки И.русского географического общества, по отделению этнографии», том 10, вып. 2), стр. 248-250.

[4] «Дополнения к актам историческим», том 10, Спб., 1867 года, стр. 375-389. По Словцову («Историческое обозрение Сибири», Спб., 1886 года, книга 1, стр. 146), в 1690 г. острог Тарханской разорен киргизами, скот отогнан, несколько человек убито, и до 30-ти взято в полон. Погоня поздняя осталась без удачи. В следующем году киргизы с каракалпаками разграбили Царево-городище (Курган) и Утяцкую. В 1694 г. в Юмлядских селениях крестьяне и казаки побиты и 33 человека уведены в полон». Источники этих сведений не указаны. Тарханский острог поставлен был, по тому же Словцову (там же, стр. 11), при устье о. Туры. в 1631 году.

Андрей Неприпасов и казак Василий Кобяков шли от Тобольска до города «Тургустана, где живет казачьей орды владетель Тевки-хан» два месяца. Отказавшись принять их «пока казаки в степи съедутца», Тевки-хан призвал их на другой день, потому что «казаков сделалось многое число». Когда посланцы, от имени боярина Салтыкова спросили хана о здоровьи, он сказал: «я де, дал Бог, здоров в восемьдесят тысячах войска своего». По предмету посольства хан уверял, что грабежи делали не его люди, а кара-калпаки, и что напротив русские пред ним виноваты, задержав беспричинно, посланных им с листом к Ямышу озеру Мурзакильдея и Сару. При передаче посланцами воеводского требования о выдаче захваченных к.-казаками в плен русских и о наказании виновных, под угрозой «смирить войною», «тевкихановы казаки закричали, перед ним Тевки-ханом: нам де с русскими людьми миритца не для чего; чем де нам в Русь ходить, и они сами де к нам будут в холопи». Мурзакельды, взятый в плен в 1691 году при нападении на солепромышленников, был прислан с отправленными из Тобольска 4 апреля 1694 года казаками Скибиным и Трошиным, но Тевки-хан, опасаясь, что казаки убьют посланцев дорогою, несколько лет не отпускал оба посольства и, наконец, кончил тем, что тайно разрешил оставшимся в живых (Неприпасов умер в Туркестане) отправиться в Бухару, откуда они потом пробрались в Россию. Во время пребывания посланцев в Туркестане, ходили весною 1693 года, для грабежа, на русскую границу царевичи (султаны) Аблай и Казей, которые доходили до Ялуторовской и Шипицыной слобод, побили в степи у Семизкуля тобольского дворянина Василия Шульгина с ратными людьми и возвратились в половине сентября со множеством пленных, которых распродали в рабство. Один из названных султанов, Кас-султан (вероятно, Касим-султан), сам рассказывал Скибину, на пути его через город Савран, которым этот султан владел, что с ним ходило под Шипицыну слободу для грабежа 1200 человек. Сам хан в сентябре (должно быть, 1694 года) предпринимал с 20 т. человек поход на «китай-копчаков» (вероятно, в северо-западную часть долины Зеравшана, где между Самаркандом и Катырчи и ныне обитает род китай-кипчак), взял два городка, побил людей тысячи три и вернулся домой 10 декабря с пленными; пленных этих он однако выдал в феврале месяце прибывшему к нему бухарскому посланцу. В июле 1695 года Тевки-хан ходил с 15 т. человек на Ташкент и возвратился через три месяца, простояв под городом 13 дней: «ничего взять не могли, людей никого не побили». Под властью Тевки-хана состояло 25 казачьих городов, имевших стены из сырцового кирпича. В городах жили торговые бухарцы, а казаки кочевали по степи. Казаков было около 20 т. да кара-калпаков, которые кочевали по Сыру-реке, в 10 днях от Туркестана, к хивинскому морю, 6 т. Ружей казаки имели мало; покупают их в Бухаре; порох делают из своей селитры; сами же добывают свинец и красную медь в Улутау, в трех днях от Сусака, где живет сын хана «салтан». Хлеба родится много: пшеница, ячмень и просо. Рогатого скота у казаков нет, а баранов и лошадей много; скотом и питаются. «Казаки живут поволностию своею, а Тевки-хана слушают по малу[1]. По этим сведениям Тевке-хан отличается от Тевеккель-хана и от Ишим-хана и др.

[1] «Дополнения к актам историческим», том 10, Спб., 1867 года, стр. 375-389.

только еще меньшей властью и сильно сокращенными пределами владения: он потерял уже и Ташкент[1]. Он, подобно предместникам, предпринимает еще менее удачные походы на мусульманский оседлый юг и не заботится о борьбе с близким и опасным врагом в лице калмаков, которые отняли у казаков восточную половину их земель и готовятся, при восстановлении спокойствия внутри своих владений, к новому натиску. Мирволя грабежам казаков на землях еще далекого, но мощного соседа, Тявка-хан не предвидит будущих опасностей. Этот действительный Тявка-хан, очевидно, имеет очень мало общего с фантастическим Тявка-ханом Левшина, изображаемым, на основании киргиз-казачьих преданий, мудрым миротворцем, законодателем и отцом своего народа, сумевшим устроить нечто вроде киргиз-казацкого рая[2]. На самом деле приписываемые Тявка-хану законы суть только древние обычаи, свойственные родовому быту киргиз-казаков, но не обеспечивающие ни внутреннего спокойствия, ни, в особенности, внешней безопасности народа. Несостоятельность политического устройства киргиз-казачьего союза не замедлила выказаться при возобновившейся вскоре борьбе с преемниками Галдан-бошокту-хана.

«Чертежная книга Сибири», составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году и изданная И. археологической комиссией в 1882 г., дает некоторые указания на распределение нынешней киргиз-казачьей степи между казаками и калмаками к началу XVIII столетия, но при пользовании ее сведениями нужно иметь в виду, что за отсутствием правительственных сношений с казаками и при знакомстве русских посланцев к цзунгарским «контайшам» лишь с северо-восточною частью цзунгарских владений, Ремезов должен был руководствоваться для изображения всей степи от сибирских границ до Сыр-дарьи лишь рассказами торговцев и разных «бывальцев», потому что сведения предшествовавших чертежей и описаний к ним были скудны. Так, на «карте России, составленной в начале XVII века по чертежу царевича Федора Борисовича Годунова» Хесселем Герардом и перепечатанной из одного амстердамского издания 1640 года Устряловым при третьей части «Сказаний

[1] Вопреки автору брошюрки «Нечто о киргизах и области, ими занимаемой» (Омск, 1877 года, стр. 35), по которому «сначала владения казаков были небольшие, а затем, при Тявке, они завладели Ташкентом и Туркестаном с окрестною страною». Неизвестный автор упомянутой брошюры (в ней всего 35 страниц) ставил своей задачей «собрать воедино весь касающийся «происхождения казаков материал, но на самом деле ограничился крупицами из 2 тома «Исследования о касимовских царях и царевичах» Вельяминова-Зернова. Он умудрился между прочим смешать племя дулат с дулга, т.е. с тукиюесцами, думая, что дуглат и дулга одно и то же (стр. 20).

[2] «При имени сем сердце всякого киргиз-казака, несколько возвышающегося духом над толпами буйных соотечественников своих, наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это Дракон орд казачьих. Он успокоил их после гибельных междоусобий; он остановил кровопролития, продолжавшиеся несколько лет от распрей одних племен с другими; он убедил всех, умом и справедливостью, повиноваться себе; он соединил слабые роды вместе для сопротивления сильным, а сильные усмирил, и дал всем вообще законы, по которым судил их и которые доныне живут в памяти благоразумных киргизов, но, к сожалению, не исполняются. При всех сих заслугах своих и при всем влиянии своем на орды киргизские, Тявка, как говорят, не имел полной власти над народом своим и действовал более благоразумием, опытностью, связями и искусством, нежели силою. Повелевая всеми вообще киргиз-казаками, сам он жил, подобно отцу и деду, в Туркестане. Для надзора же и управления каждой ордою в особенности, были избраны и подчинены ему три частных начальника: в большой орде Тюля, в средней Коз-бек и в меньшей Айтяк... О Пулате, сыне Тявки-хана и отце Абул-магмета, ... не могли мы собрать никаких сведений, вероятно потому, что он ничем себя не прославил» («Описание киргиз-казачьих орд и степей», часть вторая, Спб., 1832 года, стр. 63-65).

современников о Димитрие Самозванце» (Спб., 1832 года), казачьей степи и имени казаков совсем нет; между Яиком и Бохаром показаны на берегу Каспийского моря калмуки и туркмены; Обь вытекает из озера «Китайка», а в верховьях Иртыша изображен какой-то город Куртус. В сохранившемся описании первого чертежа Сибири 7176 года (Ремезов сам ссылается на это «первое чертежное описание Сибири от древних жителей»[1]) говорится, что хотя из Тобольска к Астрахани «через калмыцкий улус да через бухарского уезду и мимо улусы через реку Яик ...степями дорога, озера и реки большие есть, а описать оных никоими мерами невозможно, потому что знатцы, которые бывали, те люди, тем рекам и озерам прозвать не знают»)[2]. Действительно, судя по снятой Прютцом в 1669 году копии с чертежа 1667 года, составители его о нынешней казачьей степи сведения весьма недостаточные: «контайшины калмаки» показаны на юг от озера Нор-Зайсан и занимают верховья Ишима; на восток от них - земли монголов (Muggaltay), а на запад кучоковцы (Kutschokowy), которые соседят к юго-западу с бухарцами, а к западу с урлюковцами (Urliukobuy), занимающим земли до Яика, имея на севере за верховьями Тобола башкиров; к юго-западу от торгоутов Урлюка, между бухарцами и Волгой, значатся нагаи[3]. Казачьей орды на этом чертеже совсем нет, так что составителям его как будто были неизвестны выше приведенные известия «Книги Большого Чертежа» XVII века; казачьи земли между Тоболом и Бухарой и между владениями контайши и кочевьями торгоутов Урлюка названы «кучоковскими», т.е. вероятно кучумовскими, должно быть, потому что потомки Кучума кочевали в первой половине XVII века между Иртышом и Тоболом, приставая то к калмакам Урлюка, то к подданным других тайшей, и делая с ними набеги на Сибирь. В «Списке с чертежа сибирской земли 7141 (1672) года»[4] о казаках тоже нет ничего, а сведения о калмаках ограничиваются весьма краткими маршрутными данными от Тары до «Аблаевых жилищ» и до «Контайшиных улусов»[5].

Кроме недостатка источников на изображение калмацких земель к юго-востоку от Иртыша в атласе Ремезова весьма невыгодно повлияло ошибочное представление Ремезова о том, что Сыр-дарья и Аму-дарья берут начало в море Тенгыз или Далайнор, в которое заставляет он впадать реки Талас, Аягус, Лепши, Кокосун с Караталом, Или,

---

[1] «Приложение к Чертежной книге Сибири», Спб., 1882, стр. 4.
[2] А.Титов, «Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях», издал Г.Юдин», Москва, 1890 года, стр. 29 и 30.
[3] См. карту Прютца, изданную при книге г. Титова, а также ту же карту в «Записках военно-топографического отдела главного штаба», часть 44, 1889 года, где она помещена с издания Норденшельда, с шведским текстом и с особым русским переводом. В этом переводе ошибочно, по моему мнению, переданы Koncha Ching Kolmuury через «кочевые калмыки» вместо «контайшины калмыки»; Os. Jamisch - «Имезские болота» вместо «озеро Ямыш»; Chircys (на правой стороне Волги у Каспийского моря) - «киргизы» вместо «черкесы», потому что кыргызы названы на своем месте, к востоку от оз. Телеского, к югу от саянцев, Kirgisy, а не Chirkys.
[4] «Сибирь в XVII веке», стр. 41 и 45.
[5] По автору «Истории о Сибири», адресованной около 1680 года, секретарю датского короля Гильдебранду фон-Горну, «московитянами замечено, что в то время, когда покорена была Сибирь, калмыки были немногочисленны или же они еще не были достаточно известны. Они имели лишь одного тайшу или князя... С тех пор они размножились в таком количестве, что их едва ли можно исчислить» («Сибирь в XVII веке», стр. 181 и 182). Эти недоумения о численности калмаков объясняются, конечно, тем, что в Сибири не имелось достаточных сведений о совершавшемся в первой половине XVII века передвижении калмаков с востока на запад.

Имиль и в заключение Кашлар, около вершины которой он поместил с востока город Еркет (Яркент) и с запада г. Кашкар. Тянынань с его отрогами, таким образом, для Ремезова не существовал и Еркет оказывался не в дальнем расстоянии от верхнего Иртыша. Петр Великий, наградивший Ремезова в 1698 году пятью рублями за ранее составленные им чертежи[1], конечно, был знаком и с «Чертежною книгою Сибири» и быть может, именно она побудила его считать достижение Еркети, где по слухам добывалось золото, от верхнего Иртыша делом легко возможным. Снаряженная в 1715 году экспедиция подполковника Бухгольца, вызвавшая большие расходы, кончилась полной неудачей. Бухгольц добрался только до Ямышева и в начале 1716 года был осажден здесь калмаками. 28 апреля 1716 года Бухгольц с уцелевшей к тому времени едва четвертью отряда был вынужден оставить Ямышевское укрепление и опуститься по Иртышу до устья Оми[2]. Однако ошибки атласа Ремезова не мешают воспользоваться многими его данными, подвергая их в нужных случаях необходимым поправкам. Так, кочевки Учюрта-хана показаны у Ремезова между Таласом и Аягузом, по обеим сторонам рек Чаган-усу (ныне Аксу) и Коко-усу (ныне Коксу): почти к такому же заключению пришел из разных мест биографии Зая-пандиты г. Лыткин, по которому кочевья Цэцэн-хана лежали между оз.Зайсаном и Балхашем, по р.р. Аягузу, Чу и Или до пределов Юлдузской страны, где кочевал хойтский Султан-тайчжи[3]. На том же листе 20 («Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи») река Чюй показана берущею начало в том же камне Орхон (?!), где вершина Таласа, и впадающею в озеро Чюико (чюйско?), к северо-западу от г.Туркустана; на листе 23 («Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири, Тобольского города и всех разных градов и жилищ и степи») р. Чюй помещена вся в «земле казачьи орды», которая простирается на север от Сыр-дарьи и ограничена с востока рекою Талас и с запада землями «каракалпацкой и карамуринской», которые захватывают озеро Тикиль, в которое впадает р.Сары-су, расположены по р.Кындырлыку, впадающей в Сыр-дарью, и не достигают на севере озера Аккуля; на север казачьи земли не доходят до озера Кургальчина (ныне Кургальджин), откуда вытекает р. Нор-Ишим (это две особые реки: Нура, которая на самом деле не вытекает из Кургаль- джина, а впадает в него, и р. Ишим). На р. Нор-Ишиме (т.е. в верховьях Нуры и Ишима) помещена «земля кучюмовска», вероятно согласно чертежу 176 года и по тем же причинам, хотя Ремезов имел сведения, что это земли казачьи: на листе 21 у него около той же местности написано «кочюет тут казак». Конечно, казаками же занята была ко времени Ремезова и та местность к западу от Ишима в верховьях Торгаев (Тургай), где у него на л. 23 написано «земля урлюковска», по каким-нибудь старым сведениям, потому что торгоуты давно уже находились между Яиком и Волгою и сам Урлюк там убит еще в 1643 году. Западнее земли урлюкской показана по обеим сторонам р. Тургая «земля караталцев», еще западнее, в низовьях Тургая и по Юрюк-Иргызу с озером Аккулем, «земля аксакалска» и севернее ее «земля копчашска». В последнем имени, мне

[1] «Путешествие на север и восток Сибири» А.Миддендорфа, Спб., 1860 г., вып. 1, стр. 37.
[2] Миллера «Известие о песошном золоте» и пр. в «Сочинениях и переводах» 1760 г.
[3] «Астраханские губернские ведомости» 1860 года, №11.

кажется, следует узнать казацкий род кипчак, а потому земли кипчакскую, аксакальскую и каратальскую можно почитать занятыми казачьими родами. «Башкыры» означены на листе 21 к северу и западу от вершин Тобола, а «нагаи» к западу от р. Яика. На л. 23 «земля нагайска» значится по обоим берегам нижнего Яика, а на север от нее, к западу от Яика, «земля Аюкинская», т.е. волжских торгоутов.

Таким образом, по сведениям времени Ремезова выходит, что казачьи земли отделялись от цзунгарских рекою Таласом, на севере же казачьи кочевки простирались до среднего Ишима и до Тобола. Кроме р. Чюй у Ремезова на л. 20 есть р. Цой, восточный приток Таласа, берущий начало из того же камня Орхон, так что и до Ремезова доходили сведения, что вершина р. Чу (Чюй, Цой) восточнее вершины Таласа. На л. 21 на восточной стороне камня Орхон, но севернее вершины Таласа, означен город Андезен: значит Ремезов знал, что Андижан находится за горами, из которых берут начало Чу и Талас[1].

Вероятно, во время неурядиц, начавшихся в последние годы правления Галдана, дулаты и буруты отложились. Столкновения с казаками и набеги последних на калмыцкие земли, во всяком случае, в это время умножились. Занявший место Галдана племянник его Цэван-Рабтан писал в 1698 году китайскому двору, что возвратил казацкому хану Тевкею (Тявке) плененного Галданом и отосланного в Тибет сына, но Тявка перебил 500 человек провожатых, увел 100 кибиток калмацких подданных и нападал на сына Аюки-хана, сопровождавшего свою сестру, невесту Цэван-Рабтана[2]. Китайский посланец Боочжу в докладе своем 1714 года, между прочим, приводит такие сведения: «В третьем году хасаки, делая постоянные набеги на владения Цэван-Рабтана, разорили до нельзя множество его пограничных кочевников, перебили массу народа и захватили в плен жен и детей; в прошлом году зайсан Дулер, выступивший против них с 3 т. войска, потерпел поражение и возвратился с большими потерями; в настоящем году сам Цэван-Рабтан намерен был выступить против хасаков со своею армией, но ему воспрепятствовало и задержало наше настоящее посольство, в разговорах между собой калмаки говорили: «Мы со всех сторон окружены неприятелями: с одной стороны хасаки, с другой - буруты; повсюду в караулы требуются большие наряды, и это ежегодно»[3]. Во время обратного пути посланца сибирского губернатора Гагарина Ивана Чередова из орды Цэван-Рабтана, находившейся зимой на левом берегу. Или, Чередов, проехав через р. Коксу, прибыл к р. Чиган-усу (ныне Аксу) и был

[1] Выяснение границ казачьей орды по атласу Ремезова и по «Книге Большого Чертежа» предпринимал Г.Е.Катанаев, в докладе западно-сибирскому отделу географического общества «о поступательном движении киргизов средней орды к границам западной Сибири» («Акмолинские областные ведомости» 1885 года, № 13) и пришел к заключениям, что по Большому Чертежу «северный предел кочевок киргизской орды составляло Синее (Аральское) море, пески Кара-кум» и т.д., «а на востоке от Сары-су расселялись калмыки». Почти в тех же территориальных пределах обстояли названные народности, судя по Ремезовскому атласу, и к концу XVII столетия»... Такие заключения объясняются тем, что г.Катанаев, по-видимому, не имел в виду некоторых из приведенных исторических известий и не входил в необходимый критический разбор данных «Книги Большого Чертежа» и атласа Ремезова.

[2] «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 (?) года войне у китайцев с зенгорцами» секретаря Леонтиева, Спб., 1777 г., стр. 67.

[3] «Посольство Унковского», 1887 г., стр. 262 и 263.

здесь задержан в течение мая и июня 1714 года, потому что под находившиеся «в тех урочищах» «контайшины красные улусы» «приходили войною воровские казачьи орды люди»[1]. В 1715 году, для предупреждения о походе Бухгольца на поиски песошного золота в Бухарин, был князем Гагариным послан к койташе милиции поручик Трубников с 50 драгунами, но «был увезен в полон киргис-кайсаками»[2]. В виду возможной войны с цзунгарами из-за постройки крепостей по Иртышу, князь Гагарин старался войти в сношения с казаками. В 1716 году посланцы занявшего место Тявки Хаий-хана говорили в Тобольске, что с контайшою у казаков «ссора с давних лет и ныне мы хотели идти на него, контайшу, войною в 10 или 15 тысячах»[3]. Осенью должно быть 1717 года до 30 т. казаков «на Аягусе (на Аягузе?) реке были калмыками побиты и бежали Хайп и Абулхаир ханы». Весной 1718 года «около Тургустана разбили на трех реках Бокан, Чаян, Аре (т.е. Арыс) контайшины калмыки казачью орду»[4]. Хаип-хан в письме 1718 года упоминал, что «контайшины люди в два пойма нашу землю воевали»[5].

Занятый сначала восстановлением и укреплением своей власти в Цзунгарии и Кашгарии, а потом опасаясь войны с Китаем, воюя в Тибете с 1716 до 1720 года и ожидая столкновения с Россией (в 1715-1719 гг.), когда для доступа к «песошному золоту» совершались походы и разведки Бухгольца, Лихарева и других до Черного Иртыша и производилась по Иртышу постройка крепостей, Цэван-Рабтан ограничивался в отношении казаков главным образом отражением их набегов. В 1722 году выяснилось, что скорой войны с Китаем и Россией не будет. Цэван-Рабтан не замедлил обратиться на казаков. По словам русского посланца капитана Унковского, находившегося в урге Цэван-Рабтана в 1722 и 1723 годах, «с начала своего владения он, контайша, непрестанную войну имеет с казачьей ордой..., а войска... содержит против казачьей орды около тридцати тысяч, и много он, контайша, оных казаков повоевал. В 1723 году объявлено капитану Унковскому, что три городка казачьей орды сыну его контайшину, именем Шуно-Дабе, который против тех казаков с войском послан, поддались; а именование тем городкам Ташкен, Сайрим, Харамурут, и будто 5 т. семей казачьих ему, шуно-Дабе, поддались, из которых тысячу семей везли в контайшины улусы»[6]. В том же году[1], вероятно, покорен цзунгарами и Туркестан.

---

[1] «Памятники сибирской истории XVIII века», книга I, Спб., 1882 г., стр. 525.

[2] «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1760 г., стр. 40 и след. 27 июня 1717 года другой посланец князя Гагарина Григорий Велианов нашел Цэван-Рабтана «при р. Хархир» (ныне р. Каркара) «под горою Музарт». Велианов, содержавшийся все время под крепким караулом, был отпущен 1 марта 1718 года «сие было в обыкновенном зимнем кочевьи контайши при р.Коргос под горою Талки» (там же, стр. 115 и 116).

[3] «Памятники сибирской истории XVIII века», книга 2, Спб., 1880 года, стр. 152 и 153.

[4] Там же, стр.162

[5] То же, стр. 166. По Joun Bell d'Antermory (Voyages depocis St.Petersburg en Russie dons diverses conttries de l'Asie: a Pekin, a la suite de l'ambassade envogee pur le szar Pierre I, etc., trad, de l'anglois, Paris, 1776, t. I, p. 58), который сопровождал посла Измайлова в 1718 г. в Китай и в Тобольске набрался некоторых сведений о цзунгарах и контайше, калмыки могли выставить «100 т. кавалерии, вооруженной луками, стрелами и саблями».

[6] «Посольство Унковского», стр. 193. На карте, составленной Унковским в 1724 г., низовья р. Чу и Таласа и находящийся ниже их соединения город «Созак (Сузак) казачьей орды» показаны во владениях «части

По сведениям Левшина, после покорения Туркестана и Ташкента, казаки, за исключением некоторой части большой и средней орды, подчинившейся калмакам, удалились на юг, за Сыр-дарью: «остаток большой орды с малою частью средней откочевали тогда к Ходженту, большая часть средней - к Самарканду, и меньшая к Хиве и Бухаре... Столь несчастное положение не могло быть долго сносимо киргизами... В собрании целого народа положено двинуться вперед, напасть на общих врагов и вытеснить их из древних земель киргиз-казачьих. Общее предприятие тотчас освящено клятвою в верности друг другу; хан Абул-хайр избран главным предводителем и белый конь, принесенный по обычаю в жертву, был принят залогом будущего успеха. Вооружившись, таким образом, киргизы пошли вперед, напали на зюнгаров, выиграли несколько сражений и возвратили себе прежние земли свои; но, ожидая новых нападений на оные от Галдан-Черина, признали за лучшее удалиться от сего опасного соседа, частью на запад, а частью на север. Одна только большая орда осталась близ Зюнгарии, и потому скоро была почти вся покорена ими... Меньшая орда, дойдя до Эмбы, где была прежняя граница ее, не остановилась, но перешла на правый берег сей реки, напала на нынешних волжских калмыков и, заняв многие кочевья их, достигла до Урала. Средняя орда подвинулась на север до Ори и Уя, из окрестностей которых вытеснила многих башкирцев»[2]. Эти сведения, полученные Тевкелевым в 1748 году от какого-то «знаменитого старшины средней орды Букенбая», нуждаются в значительных поправках. Весьма, мало вероятно, чтобы весь казачий народ, кроме части большой орды, подчинившейся калмакам, в самом деле, уходил за Сыр-дарью[3]. Да и надобности в этом вероятно не было, потому что большая часть казачьих аулов находилась конечно на всегдашних своих кочевьях между низовьями р.Чу и р. Эмбой и между Аральским морем и реками Ишимом и Тоболом. Надо полагать, что нападению калмаков подверглись главным образом кочевники, обитавшие в окрестностях Туркестана и Ташкента, резиденций казачьих ханов, на которые цзунгары направляли свои силы. Большая часть казаков, кочевавших около Туркестана и Ташкента, конечно, покорилась калмакам, укочевали же за Сыр-дарью вероятно лишь ханские и султанские семейства с их теленгутами (прислуга и дружина), с частью старшин и с небольшим количеством народа. Весьма возможно, что бежавшие и оставшиеся старшины собирались и совещались - что делать, приносили жертвы, клялись друг другу в верности (причиною опасений измены было, конечно, подчинение части старшин калмакам) и, наконец, решили, по невозможности ни отнять у калмаков Туркестан, ни оставаться за Сыр-дарьей, присоединиться к родам, находившимся на северо-западе, и защищаться вместе против новых предприятий калмаков. Во исполнение ли подобного

казачьей орды», отграничивающая которую от земель контайши линия проведена от Балхаша к Чу и Таласу выше их низовьев.

[1] Точных сведений нет. Левшин (часть 2, стр. 69) принимает эту дату лишь на основании упоминаний Неплюева и Рычкова о том, что Абул-хайр жил в Туркестане до 1723 года, когда был из него изгнан цзунгарами.

[2] Левшин, часть 2, стр. 69-72.

[3] «Позволительно сомневаться, чтобы в этом бегстве (киргиз-казаков) на юг участвовала значительная часть казаков... Быть может, бежали на юг немногие искатели приключений» (Красовский «Область сибирских киргизов», часть 1, Спб., 1868 года, стр. 46).

решения или просто потому, что другого исхода не было, бежавшие за Сыр-дарью ханы, старшины и кочевники, а вместе с ними и часть поддавшихся было цзунгарам казаков, перекочевали к низовьям Сыр-дарьи и к Улу-тау, едва ли даже имея на пути столкновения с калмаками, которые должны были оставить в Ташкенте и Туркестане лишь незначительные отряды, потому что не могли держать в долгом сборе свои состоявшие из ополчений войска без крайней необходимости. Затем, по тесноте кочевок за Балхашем, и без того уже переполненных ранее вытесненными с верхнего Иртыша, из Тарбагатая и из алакульского бассейна тюркскими родами, казаки стали подвигаться на запад и северо-запад, оттесняя торгоутов и башкир. Этим занявшим земли подданных России народов казачьим родам ничего не оставалось делать, для предупреждения войны с русскими и для получения от них защиты против калмаков, как принять русское подданство или покровительство. Сношения в этом смысле действительно и начались между русскими властями и казаками еще в 1726 году и завершились в 1732 году присягою Абул-хаир-хана и Шемяки-хана на подданство России[1].

По сведениям посылавшегося в 1732 году к Галдан-Цэрэну, наследовавшему своему отцу Цэван-Рабтану в 1727 году, майора Угримова, город «Ташкен» в 1732 году не находился уже во власти цзунгаров[2]. По-видимому, Ташкент с Туркестаном и занимавшие их округа казаки отложились в 1731 или 1732 гг., в то время, когда Галдан-Цэрэн вторгался в Халху и вел войну с Китаем, окончившуюся поражением и бегством его армии[3]. Примирение с Китаем и определение новой границы с ним совершились в 1735[4] или даже в 1739 г.[5]. По показанию торговцев, прибывших из Ташкента в 1742 году, городом этим владел до 1739 года хан Юлбарс в соправительстве с казацким бием Тюля; последний правил городом и собирал подати несколько лет (?) и после убиения Юлбарса, пока не заменил его Кусек-бек, подданный, а может быть наместник Галдан-Цэрэна; торговцы были в Ташкенте уже во время управления Кусак-бека; подати поступали тогда зюнгарам[6]. Поручик Миллер, порученный которому Татищевым караван с товарами частью казенными, бал ограблен казаками 2 ноября 1738 года, за два дня пути до Ташкента, нашел ханом Ташкента еще Юлбарса, отправился он обратно в Оренбург 2 апреля 1739 года[7]. Отсюда можно заключить, что Ташкент и Туркестан были возвращены в зависимость от цзунгаров не ранее второй половины 1739 года. Левшин, на основании хранившегося в архиве оренбургской пограничной комиссии журнала поручика Гладышева, не означая времени, утвержда-

[1] Левшин, ч.2, стр. 34 и 103.
[2] Приложения к «Посольству Унковского», 1887 г., стр. 236. «А контайша им (Ташкентом) влаживал» - добавляют сведения Угримова.
[3] «Монгольская летопись Эрденийн-эрихэ» А. Позднеева, Спб., 1883 года, стр. 335-347.
[4] Там же, стр. 366.
[5] По о.Иакинфу («Историческое обозрение ойратов», 1834 г., стр. 101), переговоры о мире продолжались до 1732 года.
[6] Левшин, ч. 2, стр. 80 и 81.
[7] Я.В.Ханыкова «О карте Миллерова маршрута от Орска до зюнгарских владений и обратно» в «Географических известиях», 1850 г., стр. 661 и 662, согласно «Истории оренбургской» Рычкова. Юлбарс-хан был зарезан сартами в мечети на третий день по выходе Миллера из Ташкента (Я. Ханыков в «Вестнике И. р. географического общества», 1851 г., книжка 3, смесь, стр. 54).

ет, что, в виду присоединения меньшой и средней орды к России, Галдан-Цэрэн пошел на большую орду, «разгромил и покорил ее», и что «новые подданные Галдана дали ему в знак покорности своей, на первый раз, по одной шкуре корсачьей с души, но несчастья не истребили в них привычки и всегдашнего стремления к независимости. Увидев совершенную невозможность оставаться на прежних жилищах своих около озера Балхаша, они удалились к реке Цую и Сары-су, а потом, собравшись с силами, напали на Ташкент и Туркестан, разорили оные, равно как и множество других городов и селений, к сим владениям принадлежащих, и приобрели столь великую власть над ташкентцами, что принудили их из среди себя избирать ханов»[1]. Все это мне кажется преувеличенными и большей частью неверными слухами. Справедливым можно считать кажется лишь то, что около 1732 года, пользуясь отвлечением вил Галдан-Цэрэна на восток, подчинявшиеся на Сыр-дарье калмакам казаки отложились и восстановили своих ханов в Туркестане и Ташкенте, но около 1739 года, по окончании войны с Китаем, Галдан-Цэрэн снова подчинил их своей власти. По показаниям, отбиравшимся на сибирской линии от торговцев и разных выходцев, с последних годов царствования Галдан-Цэрэна (умер он в 1746 году) городами Ташкентом, Туркестаном и Инаком правили лица, посылавшиеся из калмацкой урги» или утвержденные контайшою во власти члены прежних местных владетельных фамилий. Под Ташкентом при Галдан-Цэрэне управлял какой-то Бармас-бек. В 1747 году были посланы правителями в Ташкент калмак Батыр-Делгир и бухарец Маме (т) Юсуп-бек, а в 1752 году Ташкентом управлял, на правах вассала, казак большой орды Тюля-бий; Туркестан был отдан Ша-Сеит-султану, а потом какому-то Цейсу и затем Ишим-султану, племяннику хана средней орды Абул-Мамета, который сам тщетно добивался его получить и стал владеть им лишь после завоевания Цзунгарии китайцами[2].

По усмирении восстания башкир, продолжавшегося с 1737 года до 1740, глава возмущавшихся Карасакал, выдававший себя за брата хуньтайджи Галдан-Цэрэна, бежал к казакам, приобрел между ними много сторонников и предпринимал на калмаков набеги. Обвиняя в этих набегах казаков средней и младшей орды, Галдан-Цэрэн послал на них до 15 т. войска, которое дошло до оренбургской крепости, разоряя все встречавшиеся на пути аулы подведомственных Абул-Матет-хану и Аблай-султану казаков[3]. Затем (дат нет) «выведенный из терпения набегами казаков во время войны его с китайцами, Галдан-Цэрэн вновь послал против них два отряда войска, из которых один устремился в меньшую орду, а другой в среднюю». При этом был взят в плен

[1] Левшин, ч.2, стр.79 и 80.
[2] Г.Н.Потанина «О караванной торговле с джунгарской Буханией в XVIII столетии» в «Чтениях И.общества истории и древностей российских при московском университете», 1868 года, книга вторая, смесь, стр. 25 и 26. По Левшину (ч. 2, стр. 65) Тюля управлял при Тявке-хане большой ордою. И по нынешним казацким преданиям Тюля-бий правил Ташкентом во время Тявки. (Н.И.Гродекова «Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», т.1, 1889 г., стр.25). Между тем этот Теля-бий, по современным свидетельствам (Вельяминов-Зернов «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с средней Азией со времени кончины Абул-хайр-хана», т. 1, Уфа, 1853 года, стр. 103) управлял Ташкентом в 1752 году. Так как Тявка умер не позже 1718 года, («Исследов. о касим. царях» и пр., ч.2, стр. 382), то сомнительно, чтобы он же управлял Большой ордой и Ташкентом уже при Тявке. Тявка уже был ханом казаков и Ташкента в 1688 году (там же, стр. 380).
[3] Левшин, часть 2, стр. 144 и 145.

султан Аблай, как видно из инструкции, данной в 1742 году майору Миллеру, которому поручено было ходатайствовать об его освобождении; Аблай получил свободу весной 1743 года[1].

По «Истории оренбургской» Рычкова, Карасакал «ходил с некоторыми своими единомышленниками под зюнгорское владение. Сие услышав, владелец Галдан Чирин отправил на них войска своего 20 т. человек и несколько пушек, которые, гнавшись за ними до Яика реки, киргис-кайсаков крайне разорили и принудили их убежище искать под самым Оренбургом; где комендант, усмотря оное калмыцкое войско, учинил к ним высылку из крепости, с объявлением, что они калмыки нарушают соседственную дружбу, приближаясь с войском к российским местам и чиня нападение на подданных российских киргис-кайсаков, по которому увещанию наконец калмыки возвратились. Разорение, ими учиненное, касалось особливо до улусов Абулмамета и Аблая салтанов, бесчисленное множество скота они побрали, также и людей побили немало»[2]. В 1742 году прибывший для свидания с Неплюевым Абул-хаир-хан привез с собою зюнгорских посланцев. На расспросы Неплюева старший из этих посланцев «Кашка ответствовал, что когда у них происходила долговременная и немалая с китайцами война, тогда киргис-кайсаки, вбегая в их зюнгарские границы, причинили многие разорения; по замирении же их с китайцами, ...владелец, получа случай, отправил войска своего, для отмщения тем кайсакам, в трех партиях по десяти, итого тридцать тысяч, из которого де войска одна партия, зашед от Ташкента, гналась за киргис-кайсаками до самой реки Ори, и по таковом де поиске якобы киргис-кайсаки к их зюнгорскому владельцу приказывали от себя такие слова: «у пребывающих де в войне всегда кости обнажаются, а у живущих в миру и покое седые волосы вырастают», и присылали, чтобы примириться и взять бы от них аманатов, подобно тому, как зюнгорский владелец и от большой орды аманатов содержит, которая де орда у них в подданстве состоит, и за сим де они от владельца своего присланы». С большим трудом удалось Неплюеву убедить посланцев возвратиться к контайше с ответом от него, посланным с майором Миллером, который имел с Кашкою знакомство в бытность свою в Ташкенте, так как Кашка стоял на том, что в ответе Неплюева ему «нужды нет, ибо от владельца своего не к нему ...оправлены, а к Абулхаир-хану». Майор Миллер благополучно возвратился к Неплюеву 14 мая 1743 года, вместе с сопровождавшими его прапорщиком, переводчиком, геодезистом и несколькими солдатами и яицкими казаками, «но к оному владельцу в Ургу, то есть на то место, где он сам пребывает, допущен не был. Принял его в первых зюнгарских улусах владелец Манджи, которому от Галдан Чирина в тамошней стороне, как над войском, так и над кочующими там улусами, главная команда поручена была. С ним Манджием имел он Миллер о порученных ему делах конференции и привез от него к тайному советнику

[1] Там же, стр. 148 и 157.
[2] «Сочинение и переводы, к пользе и удовольствию служащие», 1759 года, первое полугодие, стр. 502. В «Топографии оренбургской» (Спб., 1762 года, стр. 36) того же Рычкова значится: «В 1740 году от зюягорского владельца посланы были на киргисцов две партии, каждая в 10 т.ч., из которых одна за киргисцами гналась под самую оренбургскую крепость и многих из них побила и в плен побрала...».

(Неплюеву) ответ, якобы он оного Манджия, но подлинно у самого Галдан Чирина с немалою хитростью сочиненный. Главное оного содержание в том состояло, что киргизские орды всегда вольны и никому не подданные, и что они воровскими своими набегами принудили зюнгорцев посылать на них войско и прочее, но, в самом деле, через посылку его ж Миллера в зюнгорском владении немалая опасность произошла, как об оной майор Миллер по прибытии своем обстоятельно рапортовал. А именно: опасались зюнгорцы при тогдашних своих обстоятельствах с российской стороны военного на них движения и для того бывшего у них в полону киргис-кайсацкого владельца Аблай салтана вскоре, освободя, отпустили в его улусы, а себе оставили Абулмамет-ханова сына»[1]. О поездке Миллера «не дошло до нас подлинных показаний» его, но Я.В.Ханыковым найдена и издана составленная по его мнению самим Миллером «Ланкарта» его пути. Из этой «Ланкарты», на которой надписи в значительной части сделаны, к сожалению, очень неразборчиво, видно, что Миллер следовал из Орской крепости через реки Турга и Сара (Сары-су), на гору Хагтау (Хан-тау?) и, наконец, на р. Ергайту (Аргайты или Ргайты, правый приток р. Чу); обратный отсюда путь направлялся на р. Цуй (Чу), потом на Талас, далее в г. Туркустант и отсюда на низовья Сары-су и Тургая до Орска. Около Хан-тау отмечен калмыцкий караул[2].

Галдан-Цэрэну наследовал сын его Дорчжи-Намгал[3]. После его убиения в мае 1750 года государем цзунгарским сделался брат его Лама-Дорчжи. Враждовавший с ним родственник его Даваци вместе с другим видным калмацким тайджи Амурсаною бежал осенью 1751 года к казакам средней орды на Ишим. Отсюда, около начала 1743 года, они с небольшим числом приверженцев напали на Ламу-Дорчжи и убили его[4]. Поссорившись вскоре с Даваци, Амурсана навлек на Цзунгарию в 1755 году нашествие китайцев. Видя затем, что надежды его занять место Даваци не сбываются, потому что Канси решил разделить Цзунгарию на четыре особых ханства и вообще поставить цзунгаров в одинаковые с прочими подвластными Китаю монголами условия, Амурсана истребил оставшийся на Или незначительный китайский отряд. Прибывшая в 1756 году китайская армия вынудила Амурсану бежать к казакам, но в переговорах с последними о выдаче Амурсаны время затянулось до зимы, между тем вновь назначенные цзунгарские ханы восстали. В 1757 году новая китайская армия снова заставила Амурсану спасаться бегством к казакам. Аблай-султан собирался выдать Амурсану, но он успел бежать, добрался до Сибири и умер от оспы. В начале 1758 года две китайских армии вступили в верхнюю часть илийской долины, одна через

[1] «Сочинения и переводы» и пр., 1759 года, второе полугодие, стр. 17, 19, 304-311.
[2] «Географические известия» 1859 года, стр. 62 и 63, и приложенная «Ланкарта».
[3] По Гейнсу («Киргизские очерки» в «Военном Сборнике», 1866 г., № 6, стр. 321); Галдан Цэрэнумер в 1745 году. Автор этот (пользовавшийся между прочим рукописной запиской о присоединении к русским владениям южной части западной Сибири, с землями, составившими внутренние округи омской области, составленной по большей части на основании документов, извлеченных из омского архива) говорит, что Галдан Черен несколько раз требовал срытия некоторых укреплений на сибирской линии и стал готовиться к войне. Количество войск в Сибири было увеличено и назначен особый начальник всех сибирских пограничных линий ген.-майор Киндерман. Чтобы не довести до войны, правительство уже готово было срыть Усть-каменогорскую крепость и очистить предгорья Алтая, занятые русскими заводами. К счастью, Галдан умер в 1745 году.
[4] Вельяминов-Зернов «Исторические Известия» и пр., стр. 93 и 95.

Боробогусунский перевал, другая через Талки, истребляя калмацкое население и приступив затем к устройству крепостей и колонизации края, который импер. Тао-цзунь (правивший Канси) решил прочно связать с Китаем.

Существующие скудные сведения о покорении Цзунгарии китайцами, почерпаемые притом почти исключительно из китайских источников, особенно темпы относительно участи цзунгарского населения. Обыкновенно утверждают, что олоты были совершенно истреблены, в числе около миллиона душ[1]. Между тем по китайским же сведениям[2], все население Цзунгарии состояло из 200 т. кибиток или 600 т. душ обоего пола, стало быть далеко менее миллиона. Из 200 т. кибиток около половины приходится на долю дурботов, хошотов и хойтов, имевших своих особых владельцев и составивших под китайской властью особые аймаки, существующие поныне, и хотя пострадавшие во время войны и восстаний, но несравненно менее против цзунгаров. Затем из 98300 кибиток, находившихся в непосредственном подчинении цзунгарскому владельцу, около четверти принадлежало родам тюркским, а именно отоки кыргыз 4 т.киб., теленгут 4 т.киб. с числившимися в том же отоке особыми отделениями: эрчук 700 киб. и орхан цзирин 800 киб. (конечно, это какие-нибудь роды алтайцев), дологот (полагаю, что это дулаты) 4 т. киб. и букус (предполагаю, что это кыргызы рода бугу) 3 т. киб.[3]. Из остальных 79 т. кибиток еще в 1772 году кочевало на Или под китайской властью 12 т. киб[4]. и более 10 т. киб. ушло с Цэрином на Волгу. Остается затем 57 т. кибиток, из которых вероятно большая часть была частью уведена, частью бежала в Халху, на Кукэнор, в Алашань, забрана в рабство казаками и бурутами и распродана в Сибирь[5] и разные страны средней Азии. Истреблена, стало быть, на самом деле лишь незначительная доля цзунгаров.

К таким же заключениям можно прийти из «Памятника покорения элетов», в котором император Цянь-лун изложил в общих чертах борьбу свою с цзунгарами. Оправдывая затеянное ими вопреки советам всех министров предприятие, вызвавшее большие жертвы со стороны Китая, он говорит: «Я признаю, что крови моих подданных пролито не меньше, чем крови варваров (калмаков): сколько погибло с оружием в руках, сколько погублено изменой и коварством, скольким я сам отнял жизнь», т.е. казнил, обвиняя в трусости, неисполнительности и т.п. В том же «Памятнике» сообщается, что из четырех назначенных им ханов только хан дурбетов остался верен, остальные же три изменили; из них хан чоросов Галдан-Дорчжи и хан hountehe (?) Баяр были истреблены: « я прекратил род его (Галдан-Дорчжи) и обратил в пустыню

[1] Липовцев «Обозрение Зюнгарии» в «Сибирском Вестнике», 1821 года, книги 12 и 13, стр. 78. «Си-юй-вынь-цзянь-лу» в переводе о.Иакинфа («Описание Чжунгарии», 1829 года), стр. 102.
[2] «Синь-цзян-чжи-лио» у о.Иакинфа в «Историческом обозрении ойратов», 1834 года, стр. 154.
[3] Может быть, к тюркским же родам следовало бы причислить 6 т. киб. отока кэриет, т.е. киреев, которые могли находиться под властью цзунгаров, но может быть также и то, что этот оток состоял из таких же омонголенных керистов, как отделение торгоутов того же имени.
[4] По сведениям, полученным на месте Волошаниным (см. «Бегство калмаков в Китай в 1771 году» в «Уральских войсковых ведомостях», 1869 г., № 10, стр. 5).
[5] Еще в первой четверти XIX века «по сибирской линии и городам... в редком доме чиновника или купца нет служанок из калмычек, ловких и пристойно одетых» («Записки ген.-майора Бровенского о киргиз-кайсаках средней орды» в «Отечеств, записках» 1830 г., часть 42, стр. 165.

несчастную страну, в которой обитали коварные чоросы»; «Баяр, возведенный в ханы моею милостью, также кончил жизнь в муках, подданные же его, рассеянные или обращенные в рабство и преданные смерти, оставили только память о своем существовании под именем хуньтэхэ»... Четвертый из ханов Шактурман, хан chonote (хойты? хошоты?) был схвачен и казнен перед воротами Баркуля главнокомандующим Ярхашанем, который заподозрил его, быть может, несправедливо, в замысле возмутиться. Ханства, кроме дурбетского, были после этого упразднены, как и должности 21 наги (ngan-ki), которых поназначал было император. Вообще по его словам из элетов «одни погибли от оружия моих воинов, другие от руки палачей, небольшая часть спаслась в отдаленные страны, остальные же розданы моим вельможам из манчжуров и монголов в рабство[1].

По заимствованной о.Иакинфом из «Син-цзян-чжи-лио» ведомости цзунгарским отокам и по приводимым им сведениям о кочевках некоторых из этих отоков[2] видно, что оток эркетын, 5 т.к., кочевал на р. Каше[3]; урут[4], 5 т.к. и хорбос, 3 т.к. на р. Кунгесе; кэриет[5], 6 т.к. на Юлдузе; букус, 3 т.к., на правом берегу р. Или[6]; эбит, 3 т.киб. на р. Змил. Затем по Г.Н.Потанину[7], на основании сибирских архивных источников (показания торговцев и выходцев на линию), поколения хадамы и абагасы (по приводимой о. Иакинфом ведомости есть отоки хадан, 2т. киб., и абагас, тоже 2 т. киб.), под управлением нойона Септеня, обитали у северной подошвы хребта Ирень-Хабирга; коточинер и галцзят, до 1 т.киб., (у о.Иакинфа в отоке куту-чинар 4 т.к. и в отоке галцзат - тоже 4 т. киб.) кочевали на р. Боротале; поколения махусы и шарусы (у о.Иакинфа в отоке махос 5 т. киб., отока же шарусы не значится) на Юлдузе; оток дояот - на р. Бошцаган-усу (по мнению г. Потанина к северу от Лепсы), и оток того же имени долот, 3700 киб. (у о.Иакинфа в отоке дологот 4 т. киб.), в урочище Шара- бель, т.е., по мнению г.Потанина, при подошве Кунгы (заилийского?) -Алатау, где ныне г. Верный; оток цаган (?) на р. Церим-цар (Чарын?); оток харачин (у о.Иакинфа оток карцин - 5 т. киб.) в долине р.Целик (Чилик); оток бардамот (у о.Иакинфа 4 т. шб.) на озере Улункур (Улюнгур). По о.Иакинфу оток мингат, 3 т.киб., показан на р. Немчике; по сведениям г. Потанина оток эки-минган имел кочевки на р. Кабарги- базар, в которой он видит нынешнюю р. Карабуга-базар. По показанию мингатов, вышедших на сибирскую границу в конце 1757 года, они «жительство имели при р. Таласе, в ведении зайсана Эркету, у которого было 2700 кибиток; по разорении зенгорской землицы, они, «собрався обще с теленгутами и киргизами (конечно енисейскими), пошли на прежние

[1] Memoires concernont l'histoire etc. des Chinois, Paris, 1776, tome I, pp. 371-377.
[2] «Историческое обозрение ойратов», стр. 135 и след.
[3] По «Дай-цинь-и-тун-чжи», в переводе Стан.Жюльена (Journal asiatique, t. VIII, 4eme serie, 1846, p. 397), erketen занимали урочища Ямлек, Качен-кара, Кара-тал, Долон-кара и Тоборо.
[4] Улут и хорбос (p.395).
[5] Keliet (там же).
[6] Boukous в ур. Курту, на юге от р.Или (p.397). В урочище Гурбан-Алимату, на восток от Курчу, находилось, по «Дай-цинь-и-тун-чжи», местопребывание начальников орд елётов и ноятов (elouts et noyets, p. 397).
[7] «О караванной торговле» и пр., стр. 22 и 23. В другой своей статье («Записки геогр. общества, по общей географии», т.1, 1867 г., стр. 450) г. Потанин писал: «Уцелевшая (во время покорения цзунгаров китайцами) часть отока обид, кочевавшего в Тарбагатае, бежала на Иртыш и переселилась на Волгу».

свои жилища в Алтае». По показанию одной женщины из мингатского отока, ведения зайсана Зонбо, ее оток в количестве 1500 киб. кочевал на р. Или. Было еще 3 т. киб. мингатов на р. Нарыме (прйток Иртыша), в ведении зайсана Алатау[1]. Сверх того упоминаются торгоуты и мингаты, под управлением нойона Шериня (Цэрина), 1700 киб., на реках Цое и Таласе. По «Дай-цин-и-тун-чжи» в чуйской долине имели местопребывание несколько джунгарских вождей: Намэ Кудзиргар, Батур Убаши и Кутун Ме(р)гэн[2]. Дурботы, по о. Иакинфу, помещались на р.р.Иртыше и Таласе[3]; по г. Потанину поколения дурбет и обит (у о. Иакинфа есть оток эбит в 3 т. киб.), под управлением нойонов Даваци и Амурсаны, обитали в Тарбагатае, на оз. Зайсане и на Черном Иртыше. Хойты Тарбагцинь, составляв удельное владение Саин-Болока, обитали, по о.Иакинфу, при горе Алтан-тэбши; горы Алтан-тэбши находились, по «Дай-цинь-и-тун-чжи», в 200 ли на восток от гор Хан-харчакай-ола, которые лежали от Или в 200 ли на север: стало быть, это восточная часть джунгарского Алатау; по тому же источнику[4] пастбища Тангутэя, тайцзия хойотов, находились на р. Боро-бургасу (приток р. Каша, Боробогусун наших карт). По сведениям г. Потанина, оток хойт (в подлиннике, по опечатке вероятно, хон) кочевал между р.р. Шарга и Цаган-усу (ныне Саркан и Аксу); при р. Талки также кочевало 10 (!!) т. кибиток хойтов ведомства нойона Энгаде. По тем же сведениям небольшая часть торгоутов кочевала в хребте Зайр, который г. Потанин считает за Саур, но скорее это Джаир; 4 т. киб. торгоутов занимали земли по Караталу и Кок-усуну (Коксу), в ведомстве нойона Саин-Белека. Род хошот, по г. Потанину, кочевал на р. Емиле, с зайсаном Габзуном, в числе 3500 кибиток. Подданные кумирень и духовенства (10600 киб.) занимали, по о. Иакинфу, земли на юго-восток от Чугучака близ песчаной степи Пимо; озеро Кызыл-баш находилось от них на северо-востоке: это соответствует местности р. Кобук. Из помещенных в ведомости о. Иакинфа цзунгарских отоков я не встретил указаний на места кочевок только следующих шести, в которых считалось всего 15 т. кибиток: чотолок (3 т.к.), алодай (3т.), букунут (2 т.), которому принадлежало отделение тугут в 500 к., орат (3т.), ардацинь (500 к.) и джахацинь[5] (2000 т.к.) с баоцинь (1 т.к.).

По китайским сведениям, приводимым о. Иакинфом[6], из кочевников Цзунгарии, после ее покорения, было образовано 22 дивизии (хошуна?) дурбетов, 8 - чоросов, 8 же - хошотов и 2 дивизии хойтов. Существуют они частью и теперь. Потомки чоросов, вероятно отоков улут и орат, составляют теперь аймаки арбун-сумун, зоргат-сумун и дурбун сумун, на Каше, Текесе и Тогуз-торау, всего до пяти тысяч кибиток. До последнего мусульманского восстания их было, по крайней мере, вдвое более. Называют они себя сами элют или улют.

---

[1] «Материалы для истории Сибири», Москва, 1867 года, стр. 101 и 104.
[2] Journal asiatique, 1846, t. VIII, p. 402.
[3] Вообще из приведенных сведений можно заключить, что на Чу и Таласе, на границе цзунгарских владений, были водворены части разных родов: торгоутов, дурбетов, мингатов и алтайцев, в качестве пограничных войск, для защиты калмацких земель от набегов казаков, бурутов и андиджанцев.
[4] Journal asiatique, 1846, t. VIII, pp. 409 et 394.
[5] Ныне хошун цзахачин, люди которого сами себя считают олётами, обитают в монгольском Алтае (Потанин «Очерки с.з. Монголии», вып.2, стр. 42).
[6] «Историческое обозрение ойратов», стр. 137.

Подавление в половине XVIII века превосходными силами соединенных восточных монголов и Китая калмаков во второй половине XVI, в XVII и в первой половине XVIII столетий брали верх над тюркскими родами, которые далеко превышали их численностью, благодаря единению и дисциплине, наследованным от того времени, когда они составляли пограничные войска монголо-китайской империи Кубилая, а также вследствие слабости родового начала, так как западные монголы составились из смеси множества родов разного племенного происхождения. Вожди калмаков почерпали свой авторитет не столько в качестве родоначальников, сколько в своем положении военачальников[1] аймаков, состоявших каждый из нескольких родов. Казаки, более многочисленные и не уступавшие калмакам ни храбростью, ни воинственностью, не могли противостоять им главным образом по причине недостатка единства и дисциплины, так как родовое начало сохранило у них свою полную силу и объединявшая роды ханская власть была слаба. Можно полагать, сверх того, что казачьи роды соединялись под властью одного хана редко и что обыкновенно роды эти распределялись между несколькими ханами, Быть может, уже в XVII веке в восточных родах ханствовала ветвь, происходившая от Джадик или Ядик-хана, а в западных потомки другого сына Джанибек-хана Усяка, во всяком же случае в начале XVIII века, еще при жизни кажется Тауке-хана, были ханами же Каип-хан и Абул-хаир-хан. «Долголетнее пребывание киргиз-казаков в Ташкенде и Туркестане - факт весьма важный. Мне кажется, - говорит В.В.Вельяминов-Зернов, - не следует ли именно к эпохе владычества киргиз-кайсаков над Ташкендом и Туркестаном, т.е. к XVII столетию отнести ...загадочное деление» на три орды. «Часть киргиз-кайсаков, сидевшая в завоеванном крае, так сказать полуоседлая, должна была поневоле отделиться от конвой части, занимавшей степи. Сами собою явились орды. Ташкенд и Туркестан с Прилегавшею страною, лежавшею в центре, составили Среднюю орду. В городах

[1] По мнению г. И. Житецкого («Астраханские калмыки» в Сборнике трудов членов петровского общества исследователей астраханского края», Астрахань, 1892 года, стр. 21 - 23), «принадлежа к одному монгольскому отделу народов Азии, калмыки, еще в Азии, дифференцировались на несколько племенных поделов. Эти поделы прожили на своей азиатской родине прежде переселения в Россию настолько много времени отдельной жизнью, что создали свои этнологические особенности... Сбережению их (этих особенностей, в России) содействовало политико-общественное разделение калмыков: каждое племя являлось сюда под властью своих рабовладельческих господ, и на месте эти рабовладельческие отношения сохранились, а потому естественно, что племенная рознь поддерживалась... Судя по тем остаткам старины, какие в изобилии сохранились в обрядах, обычаях и бытовых отношениях калмыков, можно предполагать, что в более или менее близкое к нам время калмыки пережили чистую форму патриархально-родовых отношений, когда все калмыки распадались на родственные группы по мужской линии и в главе таких групп и родов стоял старший в роде по рождению, дававший названия по своему имени или прозвищу всем, примыкающим к нему, семьям... Отсюда и счет родства по мужской линии»... Указав тут на недопущение обычаями браков между семьями, носящими одно родовое имя, автор продолжает: «Чистая патриархально-родовая форма у калмыков была нарушена, вероятно, путем насильственного подчинения родственному народу, поставившему калмыков в рабовладельческие отношения к завоевателям. С внесением в быт калмыков рабовладельческих условий родовой принцип отношений уже не мог сохраниться в чистоте: неизбежно калмыки стали делиться уже не по одним родовым частям, а еще по властвующим над ними господам». На самом деле, по историческим данным, быть калмыков развился под влиянием более многочисленных и более сложных факторов, чем предполагает в приведенных строках цитируемый исследователь. Между прочим, рабовладельческие отношения, которые так развились у волжских калмыков, были результатом главным образом влияния русского крепостного права, а не принесены ими из Азии, ибо отношения между князьями и их улусниками у подвластных Китаю калмыков и монголов имеют большие отличия от принимавших все более и более рабовладельческий характер порядков у волжских калмыков.

остались властвовать потомки прежних казачьих ханов, потомки старшего дома Ядикова или Шигаева: Ишим, Джегангыр, Тявка и др. По сторонам образовались орды: Малая и Большая. В первой утвердился род ...Усяков (потомков брата Ядика по имени Усяка). Вторая также имела своих ханов. Известен один из них Юлбарс, убитый в 1739 году в Ташкенде»[1]. В.В.Радлов справедливо замечает по поводу приведенного предположения, что оно не имеет никакого фактического основания и весьма неправдоподобно, потому что при таком географическом распределении орды назывались бы средней, правой и левой, как находим это у кара-киргизов, тогда как названия имен казачьих орд уду-юз, орта-юз и кичик-юз, т.е. старшая, средняя и младшая сотня или орда, означают только старшинство владетелей (das Alter der Herrscher), как будто один из государей разделил свое царство между тремя сыновьями - старшим, средним и младшим[2]. Действительно слова улу, орта и кичик выражают степени старшинства, а не понятия об относительной величине, так что по-русски всего ближе их перевести старший (большак), средний и младший. Я считаю весьма вероятным, что деление на три орды получило свое начало в то время, когда юго-восточные казачьи роды покорены были калмаками и западные подчинились России, а остальные сохранили на некоторое время независимость. Имя старшей или большой орды присвоилось дулатам с адбанами, суванами, джалаирами и сары-юсунами и канглам, из которых состояли подвластные цзунгарам казачьи роды, потому что дулаты и канглы суть самые древние, самые старшие из казачьих родов, будучи прямыми потомками дулу и кангюйцев; западным родам, состоявшим из частей родов, оставшихся в сер: дине между западными и восточными, следовало название младшей орды, а родам кипчаков, происходившим от канглов, и родам найманов и киреев, недавним сравнительно пришельцам в казачью степь, подходило название средней орды. Такое простое и естественное объяснение происхождения названий трех казачьих орд дает, конечно, основание полагать, что в начале XVIII века у казаков еще существовали, хотя бы и смутные, но в существе верные, предания об относительной древности и времени прибытия родов казачьей орды на занимаемую ими поныне территорию. Распространенные в настоящее время у казаков разнообразные сказания об их происхождении и о делении на три орды не имеют ничего общего с действительной историей и только в некоторых из родословий продолжают еще выражаться, в генеалогической форме, имевшие исторические основания родственные и политические отношения друг к другу главных тюркских родов, составивших казачий народ.

Весьма интересны следующие сведения Рычкова, помещенные в «Истории оренбургской», напечатанной в «Сочинениях и переводах» 1759 года и составленной по всей вероятности ранее «Топографии оренбургской»: «Сей народ (киргис-кайсаки) разделяется на три орды, большую, среднюю и малую ордами называемые. Большая орда, по объявлению о тамошней стране бывалых людей, есть смежна с зюнгорским

[1] «Исследование о касим. царях» и пр., ч.2. стр. 382 и 383.
[2] Aus Sibirien, 1884, B.I, ss. 194, 195.

владением позади Ташкента и Туркестана, и она зюнгорским владельцем пред недавним временем завоевана, который, усильством своим, старшинских детей в аманаты от них вымогает и у себя держит. Сия орда поныне за особливых своих владельцев признает оного хана, именуемого Аувбасар, и сына его Аблязи салтана. Ныне она людством нижеписанных двух орд гораздо менее и убожее. Знатнейшие в ней роды: 1) янышской, 2) зыкымской (при сих находится помянутый Аувбасар-хан), 3) чимар- ской, 4) зюнской, 5) калынской, 6) чаны-чалинской, 7) абман суинской, 8) слынской и при сих означенный Аблязи-салтан владельцем находится. Вторая, или средняя, орда прочих люднее и богатее. Обыкновенное ее кочевье по сю сторону Туркестана к Аральскому морю, на вершинах Тоболу и Ишима рек, при озере Аксакале, по Каракуму и по другим урочищам в сибирской стороне. Владельцы в ней Абулмамет-хан, Барак и Аблай салтаны. Знатнейшие в ней роды: 1) Найманской, который протчих гораздо люднее и богатее, и как выше упомянуто[1], при Огус-хане знатен уже был, из которого и славный Чингис-хан произошел. 2) Аргынской, на десять колен разделяемый, яко то чюкчак, чарт, жит, тюртюль, караул, каракисяк, калджагалы, атлайтараклы и кулчан аргинской. 3) Кипчакской, которой також, как выше упомянуто, во время Огус-хана известен был, и разделяется на пять колен: кипчакской сам о себе, потом кунделен, узюн, танабуга и карабалык. Меньшая орда кочует к стороне Каспийского моря, по Орю, по Илеку, по Тургаям и по другим степным рекам и речкам, а иногда и подле самого Яика реки, временем же откочевывает в каракалпаки, к Аральскому морю, и на реку Сыр-дарью, в то море впадающую. В сей орде владельцем Абулхаир-хан с детьми своими, в которой знатнейшими родами почитаются: 1) алчинской,2) аданской, 3) мошкорской, 4) таминской, 5) табынской, 6) китейской, 7) каракитей- ской, 8) чюмаканской (это чумской), 9) чиклинской, 10) джасал байлинской. Сия орда в подданство российское пришла в 1730 и 1738 годах; средняя в 1740 и 1742 годах, большая же, как выше упомянуто, состоит под властью зюнгорского владельца, но такожде российской протекции тогда искала, как то многие от тамошних владельцев присланные письма свидетельствуют. Во всех оных ордах какое людство, о том точного известия еще нет; но сие не сумнительно, что из двух подданных орд от сорока до пятидесяти тысяч к воинскому делу способных людей может собраться. Правительство в тех ордах по большей части походит на демократическое, ибо кто в каком роде старее и богатее, того и почитают. Но власти подлежащей не только старшины, но и сами владельцы над народом почти не имеют, разве тогда, когда для добычи ездят, или защищаются от неприятелей своих, ханам и старшинам своим повинуются, и по их приказам собираются и поступают. Ружье имеют они огненное с фитилями, и порох почти каждой из них сам про себя делает. Богатство их состоит в лошадях и в баранах, чем они весьма изобилуют; однако, притом многие и ловлею зверей питаются, яко то волков, лисиц и корсуков, коих в степях их великое множество, промышляют, и тем торги свои производят. Хлебопашества никакого не имеют, и ни к каким учениям и художествам не прилежат. Впрочем, все они признают себя мугаметанского закона, хотя об оном

[1] Рычков приводил сказания об Огус-хане по переводу сочинения не названного восточного писателя, вероятно, Абул-гази.

весьма малое сведение имеют: ибо из них грамотных людей никого почти нет, а призывают абызов или попов из Башкирии, из каракалпак, из Туркестана и из других тамошних городов»[1].

В приведенных сведениях Рычкова, относящихся к сороковым и к началу пятидесятых годов прошлого столетия, особенно любопытно исчисление родов большой орды. Не трудно узнать в янышском роде нынешний род джаныс, в зыкымском - сейкым, в зюнском - (сары-) юсунь, в калынском - канглы, в чан-чилинском - чаншклы, в абман суинском - абдан и суван и наконец в слынском - вероятно ветвь асыл, составляющую подразделение дулатовского отделения чапрашты. Кроме адбанов, суванов, канглов и сары-юсунов, все это подразделения рода дулат. Что касается Аубасар-хана и сына его Аблес-султана, то можно думать, что они принадлежали к той же ветви чингизидов, как и Юлбарс-хан тридцатых годов XVIII века. Правивший в пятидесятых и шестидесятых годах нынешнего столетия суванами Адамсат-султан, сын султана Ибака, был потомком Юлбарс-хана, как значится в списках родоправителей шестидесятых годов (1865 г.). Аблес-султан Рычкова правил между прочим суванами, потому он, вероятно, принадлежал той же ветви чжучидов, как султан Адамсат и Юлбарс-хан.

Территория трех орд к половине XVIII столетия, ко времени падения цзунгарского государства, означены в двенадцатой по счету из «ланд-карт», составленных в 1755 году, на основании оренбургских сведений», «прапорщиком Красильниковым сотоварищи»[2]. Карта эта не имеет заглавия, но изображает, главным образом, по надписям в тексте ее, «степь кочующих киргис-кайсаков меньшой орды, средней орды, большой орды». Граница большой орды от средней, на запад от которой помещена меньшая, показана на этой карте от (крепости) Ямышевской на Иртыше линией до р.Сарасу и затем по этой реке, впадающей в озеро Телегуль. Восточная граница большой орды, отделяющая ее от цзунгарской территории, означена линией от (крепости) Устькаменогорской на Иртыше и направлена на юго-запад, а потом на юг, захватывая в калмацкую сторону верховья р. Чу с ее притоками приблизительно до впадения р. Курагаты, и поворачивая затем на восток до хребта, в котором берет начало Сыр-дарья. К северо-востоку от верховьев р. Чу изображено озеро с текущею в него с востока большой рекой, на которой есть надписи и знаки, означающие в ее низовьях летний «стан контайши князя калмытского» и в верховьях зимний «стан» того же контайши. Очевидно, это р. Или и озеро Балхаш, которое все помещено в цзунгарской земле и изображено очень маленьким. К югу от него значится другое озеро, без названия, с двумя притоками, текущими с востока (Иссык-Куль?), а к востоку от него, между двумя хребтами, «оз. Зуткуль», на юге от которого значится «владение кашкарское». Это Сюткуль или Сайрам-нор, попавший на юг от р. Или. На той же карте,

[1] «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1759 года, второе полугодие, стр. 108-111.
[2] «Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «ланд-картам» Красильникова и «Топографии» П.И.Рычкова 1755 года. Издана оренбургским отделом И.р. географического общества. Оренбург, 1880 года».

а также на «карте генеральной Оренбургской губернии и смежных с ней мест» начерчен путь майора Миллера 1743 года; об этом нет никаких пояснений, но знакомство составителей с маршрутом Миллера ясно из нанесения на их карты всего пути Миллера и значительной части (хотя далеко не всех) местностей, значащихся на «ланкарте» Миллера, с добавлением не имеющихся на последней, конечно, по сведениям же Миллера, трех знаков на правом притоке р. Чу, соответствующем р. Курагаты, в местности нынешнего урочища Ит-кичу, и надписи «крепостцы от защиты неприятеля». Реки Таласа нет на обеих картах. Означенная на двенадцатой карте калмацкая граница показывает, что, по сведениям составителей, к 1755 году среднее и нижнее течения р. Чу и земли на юг и запад от этой реки (и от Таласа, конечно), между прочим Ташкент и Туркестан, уже на находились в обладании цзунгаров, что весьма вероятно для времени с начала 1753 г. «Ланд-карты» помечены декабрем 1752 года, но двенадцатая, не значащаяся в тексте «Топографии», составлена, должно быть, в 1755 году или даже немного позднее.

По ген.-майору Тевкелеву, «а оная к.-кайсацкая орда состоит в трех званиях, т.е. большой, средней и меньшой орды. Из которых средняя орда больше, сильнее и богатей тех двух орд, а кочуют по сибирской дистанции до Иртыша реки, в степях вдали за Тоболом рекою, а владельцем у них Аблай солтан. ...А меньшая орда поменьше средней орды, а гораздо больше большой орды... А в двух ордах средней и меньшей на конь сядут в нужное время вдруг со сто с тридцать тысяч человек, а в резерве останутся в запасе еще столько же военных людей. А большая орда меньше гораздо и меньшей орды, кочуют от России вдали между Туркустана и Ташкента, но токмо от большой орды не все в подданство приведены, а оных большей орды не более на конь сядут дельных людей на войне только с двадцать тысяч чел.»[1].

[1] «Временник московского общества истории и древностей российских», 1852 г., кн. 13, Смесь, Разные бумаги ген.-майора Тевкелева, стр. 15-19.

2. Кыргызы во время калмацкого владычества

Нашествие калмаков в 1643 году. Покорение бурутов хошоутовским Цэцэн-ханом в 1652 г. Отражение «бухарцев» в 1658 году. Отрывок из народных песен о смерти Галдамы. Подчинение бурутов Галдан-ханом в 1683 г. Усмирение их Цеван-Рабтаном. Посольство Унковского 1722 года. Кочевание его с ургою до Иссык-Куля. Карта Унковского. Сведения Угримова и Подзорова. Удаление кыргызов в Фергану и покорность части их калмакам. Нападения калмаков на Кетмень-тюбе, на Фергану и на бурутов при Голдан-Цэрэне и позднее. Подчинение китайцами в 1758 году восточных бурутов и в 1759 г. западных бурутов. Предания кыргызов о калмацком времени и о возвращении из Ферганы. Сказания аульеатинских кара-киргизов. Карта Рената. Ее данные о Нарынском бассейне и бурутах.

После покорения в 1643 году «провинций или народов Алат-киргизского и Токмакского, которых до 10 т. человек считалось, калмаки делались соседями обитавших около Иссык-Куля, на Нарыне и в верховьях Таласа кыргызов. По Фишеру, Янгир-султан, собравший вскорости не более 600 ч. для борьбы с калмацким нашествием, половине этого ополчения велел окопаться в узком проходе между горами, а с другою - скрылся на гору и напал на калмаков, задержанных храброю обороною окопов, с тылу, убив до 10 т.ч. В это же время подоспел на помощь с 20 т. человек другой «татарский» князь Яланush. «Сие побудило контайшу отступить назад, однако он увел пленных в свои земли»[1]. Недостаток местных подробностей не дозволяет воспользоваться этими, весьма, впрочем, сомнительными, как замечено уже о. Иакинфом, рассказами о подвигах Джангыра, для выяснения на казачьих или кыргызских землях и где именно происходили стычки Джангир-султана с цзунгарами, и принимали ли в них участие кыргызы. Вероятнее, что кыргызы соединились с казаками против общего врага. В 1652 году, по биографии Зая-пандиты, хошоутский Цэцэн-хан подчинил бурутов, по-видимому, после упорного сопротивления, при котором погиб Джангыр-хан. «Заколол Янгир-хана» семнадцатилетний сын Цэцэн-хана Галдама. Выше уже приведены известия того же калмацкого источника об отражении в начале 1658 года Галдамою бухарского воеводы Абду-шукура. Конечно, этот Абду-шукур и рать его были совсем не бухарцы, а ферганцы, которые ополчились на неверных калмаков для помощи кыргызам, так как часть кыргызов всегда кочевала на склонах гор, окружающих Фергану, после же покорения иссыккульских, чуйских и таласских бурутов часть их со многими быть может вождями поддавшихся калмакам кыргызов нашла убежище в Фергане и склонила население к походу на кяфиров. Кыргызы составляли без сомнения часть мусульманского ополчения и служили вожаками, которые провели эту рать в верховья Таласа и затем к ур. Кулан (Хулан-чжилин биографии Зая-пандиты), между Таласом и Мерке, которое известно нам уже из маршрутов арабских географов. Будучи здесь побиты Галдамою с его 3 т. калмаков (конечно, и мусульман было далеко менее 38 т.), ферганцы обратились в бегство в верховья Таласа, откуда пришли, потому что Галдама преследовал их до ущелья Кок, т.е. до ущелья нынешней реки Уч-Кок-сай.

[1] «Сибирская история», стр. 444.

Однако город Цаган-балгасу, куда Галдама отправил отрезанного им от отступления в ущелье Кок и взятого в плен с 300 «богатырей» Шах-ходжу, вероятно, есть Манкент, расположенный на р. Аксу, значит город на белой реке, что соответствует Цаган-балгасуну, т.е. «белому городу».

В народных песнях, оплакивающих смерть Галдамы, есть следующая строфа, влагаемая в уста Цэцэн-хана:

Родное кочевье твое Хас-кунгэй

Без правителя возбужденным кажется,

Киргизы[1] и буруты твои

Ушли к Ельдэну,

Благородный Галдама мой[2].

Галдама умер осенью 1667 года от отравы, посланной мачехой, боявшейся обнаружения случайно открытой им любовной связи ее с одним ламою[3]. Под Хас-кунгэй можно, мне кажется, разуметь местности по рекам Кашу и Кунгесу в Илийском крае. Ельдэн, к которому перешли подчинявшиеся Галдаме казаки и кыргызы, есть, быть может, торгоутский Ильдэн[4], сын Урлюка; это тем возможнее, что торгоуты, как выше упомянуто, составляли часть отока, кочевавшего на Таласе.

Можно думать, что во время междоусобий после убиения Сэнгэ (1671 г.) буруты отложились. По крайней мере, Галдан-Бошокту-хан, после покорения Яркенда и после походов на казаков, «осенью 1683 года снова предпринял поход и подчинил много бурутов, анджиянцев», и в следующие два года возобновлял военные действия против андиджанцев. Эти походы на Фергану были, вероятно, вызваны набегами кыргызов из Ферганы. Конечно, оставшиеся в Тяньшане кыргызы были вынуждены Галданом признать власть калмаков, но смуты в Цзунгарии (1688 - 1697 гг.) дали им вскоре возможность возвратиться к независимости. По словам Унковского, Цэван-Рабтан, после усмирения Кашгарии, «народом, именуемым буруты, завладел, которые кочуют около озера, именуемого Тускель, и с казачьей ордою граничат. А оных народов около 5000 кибиток находится, и войска их около 3000 доброго собраться может. Потом с

[1] В подлиннике, конечно, казаки.
[2] Позднеев «Образцы» и пр., 1880 г., стр. 148-151.
[3] «Астраханские губернские ведомости» № 46, статья г. Лыткина «Материалы для истории ойратов».
[4] «Торгоутский Дайчин отнял подвластных у младшего брата своего Иельдена (Лыткин «Сказание о дорбен-ойратах» в «Астр, вед.» 1860 г. № 12). По статейному списку Менынова-Ремезова («Исторический Вестник», 1891 г., октябрь, статья г. Оглоблина), при данной ему 11 октября 1640 года Батур-хуньтайджием аудиенции, присутствовали «Ильден-тайша, Урлюков сын, да четверы послы: бухарские, казачьи орды, Янгира-царевича дам Далай-лабы». Отсюда, между прочим, видно, что Джангыр в 1640 году не был ханом. От какого же хана были казачьи послы? Едва ли от Ишима, потому что тогда казались бы неуместными особые послы от сына его Джангыра.

казачьей ордою войну начал, которая у него, контайши, до днесь с оными продолжается»[1]. После неудач в Тибете, опасаясь Гао-цзуна (правление Канси), войска которого в 1720 году разбили двух цзунгарских пограничных зайсанов Буйгуна и Сэбтэна и который в 1722 году повелел было занять Урумчи, Цэван-Рабтан желал заручиться помощью России и выражал желание признать русское покровительство подобно волжскому торгоутскому хану[2]. Унковский был послан Петром Великим для окончательных переговоров по этому предмету, но в начале 1722 года умер Гао-цзун, и прибывшее от преемника его к Цэван-Рабтану посольство выяснило, что новый китайский император воевать с цзунгарами не желает и предлагает подходящие условия для примирения. При таких обстоятельствах Цэван-Рабтан, конечно, от всякого подданства России уклонился, и посольство Унковского предположенной цели не достигло. Унковский нашел ургу зюнгарского владельца, 17 ноября 1722 г., на зимовке около р. Чарына. 1 апреля 1723 года он двинулся вслед за начавшей кочевать ургою; в мае урга перевалила через горы Темирлик на р. Гегень (ныне Кегень) и отсюда перешла на Хархиру; в половине июля урга направилась на р. Тюп и потом на р. Джергалан; в августе начали кочевать обратно на Тюп, а 18 сентября 1723 года, с Хархиры-Гегена, Унковский отправился в обратный путь[3]. Русский посланец не доходил до самого озера Иссык-Куля и видел его, вероятно, с гор. На карте его течение Кегеня изображено довольно верно, но длинная и широкая долина р. Чалкодэ-су, составляющая верхнее течение Кегеня, осталась ему неизвестною; на р.Текесе, куда урга должна была отправиться с Каркары, он тоже не был, чем и объясняется ошибочное на карте его помещение вершины Каркары в горах на северо-востоке от Текеса, тогда как на самом деле Каркара берет начало в Тяньшане западнее вершины Текеса. У Тузкеля, имеющего на карте форму почти квадратную, показаны только два притока, именно Тюп и Джиргалан, которые Унковский сам видел. К западу от озера этого написано «Качует Буруты»; на северо-западе от этих кочевок помещена р. Чуй, впадающая по соединении с р. Таласом в какое-то озеро, которого на карте уместилась лишь часть. О р. Качкаре Унковский ничего не знает. Вообще на карте Унковского изображены отчетливо и верно те местности, которые непосредственно лежали на его пути. Скудость же и недостаточность его сведений от остальных местах Цзунгарии легко объясняется нахождением посланника во все время пребывания и проезда по калмацким владениям под стражею, так что Унковский не мог получить верных сведений путем подробных расспросов. Как предлог для содержания посла под стражею калмацкие сановники выставляли возможность нападения шаек казаков и бурутов.

Посылавшийся к Галдан-Цэрэну в 1732 году майор Угримов кочевал при урге с конца апреля «от урочища Кочигур (ныне Коджигур) вниз по р. Или, а с последних (чисел) мая, июнь, июль и август месяцы от урочища горы Тюмюрлук по разным рекам

[1] Посольство к зюнгарскому хунь-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 г., в «Записках И. р. геогр. общества, по отд. этнографии», т. X, вып. 2, 1887 года, стр. 187.
[2] «Эрденийн-эрихе», стр. 287.
[3] «Посольство Унковского», стр. 79, 90, 91, 103, 106, 107, 109, 119, 125, 135, 145.

по Гегеню, Харакаре и по Текесу до урочища гор Цапцал (ныне Чапчал), а сентябрь и всю зиму до последних марта по р. Или, сперва вниз, а потом паки вверх, где обычай имеет при урочище Кочигир продлиться до мая, а в мае паки пойдет в урочище горы Тюмюрлук, а тако его путь вокруг исполняется, что мы сами видели»[1]. По дневнику прапорщика Подзорова, ездившего в 1748 году к Цэван-Дорчжи-Намгалу, «владелец кочует ургою своею за Илею рекою, промежду каменьями (т.е. в горах), и приходят зимовать на ту реку в ноябре месяце; та река не велика, местами быстра, а при той реке на правой (левой) стороне урга кочует, например тысяч пять»[2].

Надо полагать, что при таком постоянном кочевании урги государей Цзунгарии в продолжение первой половины XVIII века в долинах Или, Кегена, Каркары и Текеса, кыргызы были удалены из всех земель между р. Или и озером Иссык-Кулем и что они вынуждены были большую часть этого времени или подчиняться калмакам, или удаляться в Фергану, на Алай и Памир. Уместиться всем тяньшанским кыргызам в Фергане было едва ли возможно, без крайнего стеснения в зимовках, которые на Алае и памирах имеются лишь для очень ограниченного количества скота[3]. Поэтому нужно считать вероятным, что значительная часть кыргызов подчинялась калмакам и частью оставалась в бассейне Нарына, частью же переведена была в долину р. Или, и именно на левый ее берег, на ур. Курту: я имею в виду кочевавший там оток букус, предполагая в нем кыргызов нынешнего колена бугу, так как монгольского рода с подобным названием мне не встречалось[4].

Вероятно, во время войны Галдан-Цэрэна с китайцами в 1731 и 1732 годах кыргызы, подобно казакам, пытались воспользоваться неудачами калмаков. Быть может именно с этим имеет связь сообщаемая одним вышедшим на сибирскую границу азиатцем известие о том, что около 1732 года калмаки нападали на «Китмян-Дубя (Кетмень-тюбе), в вершинах Сыр-дарьи, где владельцем был Минглибай-би»[5]. Конечно, это был кыргызский бий, быть может, манап рода саяк, который всегда в этой местности кочевал. По показанию алтайского зайсана Бурута около 1736 или 1738 года калмаки, буруты и алтайские уранхайцы ходили войной, под предводительством нойона Еренцена, в моллорскую землю; в походе участвовало 3 т.ч.; взято было много пленных, в том числе некий Ашир, которого участвовавший в этом походе отец Бурута и привез в свой кош на ур.Акбаш-Нарын; года четыре спустя зенгорцы ходили на бурутов[6]. Г.Потанин полагает, что ур. Акбаш-Нарын находится где-нибудь в Алтае, пото-

[1] «Посольство Унковского», стр. 234.
[2] «Вестник И.р. геогр. общества», 1851 г., часть 3, книжка 5, «Заметки об Иртыше» Гуляева, стр.67. Там же: «При урге, да на реке Кучугуре пушек 20 медных, по 4 пуда, а пороху и свинцу на реке Самуле (Усек), по ту сторону Коргосу (Хоргос), в двух амбарах пудов с 800, свинцу с 60 пуд.».
[3] По сведениям, собранным у волжских торгоутов Палласом (<...> St. Petersburg, 1776, s. 11). «Балхаш-нор был их (зоонгаров) границей от киргизов (казаков)... Им подчинялись... обитавшие между Таласом и верховьями Сыр-дарьи кыргызы или буруты».
[4] Может быть, и оток букунут, место кочевок которого не означено, тоже состоял из бугу; к этому отоку (2т. киб.) принадлежало особое отделение тугут в 500 кибиток.
[5] «Чтения И. общества истории и древностей российских», 1868 г., книга вторая, Смесь, «О караванной торговле» и пр., стр. 24.
[6] «Материалы для истории Сибири» Г.Н.Потанина, Москва, 1867 г., стр. 280.

му что Бурут был одним из двенадцати зайсанов алтайцев. Я думаю, что это Атбаш в бассейне Нарына и кош (становище) отца Бурута находится на Атбаше, для содержания постоянного караула от набегов бурутов и ферганцев, когда он с отрядом алтайцев был вытребован контайшою на службу в западную часть цзунгарских владений. Моллорская землица, по-моему - Фергана. Назвал ее так Бурут, желая выразить, что это страна мусульман, где много мулл (муллалар); вероятно и имя Бурута дано ему отцом в память пребывания в бурутских землях. Г. Потанин, кажется, справедливо выводит по расчету лет Бурута, что война с моллорской землицей должна быть отнесена к 1738, а с бурутами к 1744 г.

По сведениям, доходившим на сибирскую границу, цзунгары в 1745 и 1746 гг. «вели постоянную войну с каким-то владельцем западного Туркестана Абды-Карымом»[1]. Бухаретин Баймуратов показывал, что Галдан-Цэрэн посылал в 1745 году против узбеков и <...> Абдул-Карым-бая 20 т. войска, из которого домой вернулась только половина. Выходцы из бывших енисейских киргизов показывали в 1746 году, что бежали «из урги за тем, что разорены алманом (податями) и войной, которую вел Гал ан-Чирин с Абда-Карымом, в которой войсками командовали Септень и Хотола; война была неудачна, потому что прежде прихода калмаков под абду-карымский город, жители его были предупреждены об опасности калмацким переметчиком. На войну возили на верблюдах малых чугунных пушек 10»[2]. Упоминаемым во всех приведенных показаниях владетель был государь Ферганы, Абду-Нарын-бий, основатель г.Кокана, вступивший на престол в 1740 году, потому что и в Фергане сохранились предания о войне с калмаками, ошибочно относимой позднейшими туземными летописцами к 1760 году, когда Цзунгарии уже не существовало. По этим преданиям[3], причиной нашествия калмаков была баранта, произведенная у калмаков местными кыргызами, большая часть которых будто бы принадлежала к отделению кутлук-сент (колена багыш), « и по сие время живущему в горах на севере от Касана»; калмаки взяли тогда Касан и увели в плен несколько тысяч душ обоего пола. На самом деле войну, конечно, вызвало предоставление ферганцами убежища значительной массе кыргызов, удалившихся из Тяньшаня и производивших из Ферганы постоянные набеги на цзунгарские земли.

По показанию одного бухарца на сибирской линии «в 1748 году калмыки напали на улус Пуланич, на р. Регистан, владения старшины Жегангера»[4]. Вероятно, тут речь идет тоже о Фергане. В принадлежащей И. русскому географическому обществу рукописной статье Г.Н.Потанина «Карта распределения инородцев в Томской губернии, с примечаниями», поступившей в отделение этнографии в 1873 году, есть следующие сведения, не помещенные в «Материалах для истории Сибири»: по показанию сержанта Котовщикова, данному 22 апреля 1748 года, кыргызы «в числе 1000 дымов

[1] «Томские губернские ведомости», 1861 года, № 29.
[2] «Материалы для истории Сибири», стр. 127.
[3] Наливкин. «Краткая история Коканского ханства», Казань, 1885 года, стр. 61.
[4] «О караванной торговле» и пр., стр. 25.

приняли сторону абдукарымцев, с которыми калмаки вели войну с 1745 года. Потом они вмешались в распри религиозных партий в Кашгаре и оказали содействие одному из предводителей Ахмету. В 1748 году калмыки отправили против киргизов значительное войско под начальством зайсана Доржи, которое однако ж было разбито; на другой год весной было послано еще более значительное войско под начальством брата хана Лама-Доржи, но и это возвратилось с уроном (показание бухарца Адама Хозикельди, которое, впрочем, может быть было пристрастно, как показание мусульманина). В 1750 г. эта вражда прекратилась примирением (рапорт прапорщ. Мяникина, ездившего в Джунгарию)». В дневнике прапорщика Подзорова значится: «Июня 16 (1749 года), подлые калмаки, а именно Тохтаметев сын и прочие калмаки объявляли, что де ходил у нас в походе на бурутов зайсан Якоба и стоял де под бурутами, и 300 человек у него буруты заманили, а назад не пропустили, и прибили всех 300 человек без остатка и довольно коней отогнали... Да оные же буруты обсадили город Кашкар, токмо послан был зайсан в 830 человеках и на пути из 300 полтораста побили»[1].

По «Си-юй-ту-чжи», в 1758 году, когда войска Чжао-хойя, преследуя мятежного казака Сары, приблизились к землям восточных бурутов, то старшина рода саяк Туркебай заявил желание принять китайское подданство. К нему были посланы два китайских офицера, которые нашли его на ур. Джумкан (должно быть р. Джумгал). Узнав от Ошебора, сына Майтока, главы рода, кочевавшего на Таласе, о намерении и его рода подчиниться, оба офицера отправились на Талас. Прибыв туда после шестидневного пути, они приняли покорность этого рода, «так что все роды восточных бурутов оказались покоренными». Мамук-кули, глава всех восточных бурутов, имел более 90 лет от роду и был чрезвычайно толст. Он обыкновенно сидел со скрещенными ногами и живот его касался земли. Он послал в армию Чжао-хойя трех старшин Чоликдзи, Туркибая и Ниша (Nicha) со ста быками и баранами в подарок... Когда эти три старшины прибыли в лагерь Чжао-хойя, он пригласил их на пир и велел показать им лагерь и военные упражнения. Три старшины были удивлены виденным и держали такие речи: «Мы слыхали о великолепных луках и стрелах ваших солдат, но не знали о таком искусстве стрелков, что стрелы их всегда попадают в цель и пробивают несколько лат, положенных одни на другие, и могут зараз пустить направо и налево пять стрел; дивимся также искусству ваших всадников, которые, соскочив с лошади, одним прыжком заскакивают на нее и скачут стоя... Дзунгары, которые угнетали нас, побиты и уничтожены; казаки, которые кичатся своею силою и могуществом, покорились при первом известии о приближении ваших войск: как можем мы, совсем малое племя, не спешить покориться?»

Но в 1761 году явились еще не подчинившиеся восточные буруты, потому что в этом году вождь одного рода Эмурбек перешел границу и принял подданство. Восточных бурутов, по тому же источнику, было пять родов, из которых названы саяк в 1000 семей

[1] Гуляева «Заметки об Иртыше» в «Вестнике» 1851 г., стр. 65.

и сарыбагыш, тоже 1000 семей; старшина последнего имел имя Чи-лик-дзи (Чирикчи); древние пастбища этих двух родов находились на Гэгэнь-Каркира и Темурту; изгнанные отсюда цзунгарами, они нашли убежище в окрестностях Андиджана, когда же цзунгары были покорены (Китаем), то буруты заняли прежние места[1].

По тому же источнику, западные буруты обитали на северо-запад от Кашгара; дорога к ним вела через Цунлин и Ош; их было 15 родов, из которых важнейшие: эдгена, монкондор в числе 700 семей, чирик - 700 же семей, и басто - 1300 семей. Преследуя в 1759 году обратившихся в бегство приверженцев кашгарских ходжей, Чжао-хой проходил через земли западных бурутов и послал одного из своих офицеров принять их подданство. Глава рода монкондор Аджи-бий говорил при этом, между прочим, выражая радость по случаю подданства богдохану: «Я соберу 200 тысяч людей орды бурутов, рассеянных от Бухары до востока, и сделаю их подданными императора». В 1762 году страна Оссе (Osse, Узкент), подчиненная Аджи-бию, была опустошена Эрдением, ханом коканским[2]. В 1763 году Ауаль-бий, старшина другого рода бурутов, пожелал перейти границы, чтобы вести кочевую жизнь. Император похвалил его и пожаловал шарик четвертой степени.

По показанию вышедших в ноябре 1758 года на сибирскую границу мингатов, которые в числе 2700 кибиток проживали в ведении нойона Эркету на Таласе, «назад тому два года, по разорении зенгорской землицы, нападали на них китайские войска, киргиз-кайсаки и буруты; многие разбежались и были побиты; мы, собравшись обще с теленгутами и киргизами, пошли на прежние свои жилища в Алтай»[3].

Собственные исторические предания кара-киргизов начинаются именно с калмацкого времени. Да и при этом, по словам г.Загряжского, «в памяти кыргыз сохранилось только движение с юга, из окрестностей Андиджана, на реку Чу, где в то время жили калмаки». Бий Тынай (рода сарыбагыш) кочевал тогда около Андиджана, саяки - около Оша, султы - на восток от них, а богу - около озера Чатыр-куля. Изгнанные из андиджанских владений тамошним узбецким беком, за воровство, сыновья Тыная Атаке и Сатыбалды, с шайкою удальцов, перешли через горы, переправились через Нарын около Кетметь-тюбе и здесь встретились с калмаками, которых и начали барантовать. «Очень богатые и кроткие характером» (?!) калмаки отступили перед смелыми грабителями и скоро очистили весь бассейн Нарына, так что Атаке дошел до перевала Шамси. Узнав об этом, не замедлили двинуться на Нарын все кыргызы. Калмаки оставались еще на Чу, но недолго. По другому преданию, приводимому тем же автором, однажды любимый жеребенок богатого кыргыза вдруг бросился бежать на восток. Догнать его никак не могли и приняли этот случай за предзнаменование.

---

[1] <...>-Documents sar l'Asie centrale, Paris, 1881, pp. 151-155.

[2] Там же, pp. 162-164. У о.Иакинфа («Описание Чжунгарии», стр.XXVIII и XXV) имена родов западных бурутов приведены в испорченном виде: одокна-ноток, мынкондор-ноток, калик-н. и басцзы-ноток. Последнее, однако, близко к басыс: такой род есть, а басто...

[3] «Материалы для истории Сибири», стр. 101. В числе купленных в 1757 году одним тарским татариным у бежавших на линию калмаков двадцати рабов была одна бурутка, 7 лет, приобретенная за 6 рублей («Записки р.географии, общества, по общей географии», том 1, 1867 г., с. 478.

Собрав имущество, весь народ двинулся на восток и занял долину р. Чу, которую нашел опустевшею; султы прошли тогда на Чу через Аульета, сарыбагыши - через Нарын, но часть после них осталась в горах; саяки основались на Джумгале и Сусамыре, бугинцы заняли озеро Иссык-Куль[1].

По третьему преданию, слышанному на Иссык-Куле, кыргызы, под предводительством своего батыра Берека, ушли из своих мест на Иссык-Куле в Фергану во время правления Кун-таджи; проживали они в окрестностях Андиджана до тех пор, пока, три-четыре поколения тому назад, не привел их обратно на Иссык-Куль Бир-Назар-батыр[2].

По преданиям аульеатинских кыргыз (часть султов и отдел сол) уходу калмаков из края миновало 130-140 лет. Известную постройку Тас-ахур (иначе Акыр-таш) возвел калмацкий богатырь Алике. По словам кыргыза Мулла-Хасана в горах Аульеатинского уезда (каких именно и где?) есть древние пепелища (?) и каменные постройки калмаков (на самом деле, какие могли быть у калмаков постройки кроме кумирен и жилищ для лам?). Калмаки ушли из этих гор 300 лет тому назад, вытесненные кыргызами. В числе калмаков находились муг, самые рьяные и самые трудолюбивые из калмаков. По рассказам кыргыза Мисрипа, Ташкентом владел Галдан-Цырин, происходивший от Кун-таджи; ...сартовский хан Карабаш застрелил калмацкого хана Кара-баша, владевшего урочишем Улькан-Какпа на верхнем Таласе, думая, что тот не отдаст за него свою дочь Улан-баир; по этой причине черные калмаки ...перекочевали на урочище Уч-кошай... у верховьев Таласа; ...в конце концов, кара-калмаки откочевали по направлению к Семею и Кызылджару (Семипалатинск и Сергиополь). Рассказывают еще о войне какого-то Шердак-бека с калмаками, желавшими отнять у него белого иноходца[3].

Хоть предания заставляют и бугинцев уходить в калмацкое время на Чатыркуль или в окрестности Андиджана, но мне кажется, что это верно лишь в отношении бугинских

---

[1] «Кара-киргизы» в «Туркестанских ведомостях» 1874 года, № 41, стр. 162 и 163. Второй вариант несколько напоминает известное предание, приводимое Джувейни из уйгурских книг: «Уйгуры услышали от всех животных, диких и домашних, и даже от детей, слова: гёч, гёч, т.е. иди, иди; повинуясь, они двинулись в путь, но при каждой остановке те же слова поражали их слух; только по прибытии в долину где потом построен город Бишбалиг, эти звуки прекратились» (Histoire des Mongols par d'Ohssen, 1834, t.I, p. 435).

[2] «Поездка в долину оз.Иссык-куля» Вл.ф.Г., в «Семипалатинских областных ведомостях», 1890 года, № 33, стр. 370. Автор говорит, что излагаемые им предания слышал в 1877 году от калмацких лам (в то время бежавшие с Текеса в 1866 году улуты «зорган-сумун» кочевали в наших пределах в верховьях Текеса и на Иссык-Куле), которые рассказывали еще, что долиною Иссык- Куля владели китайцы и что они, неизвестно когда и почему, уступили эту местность «подвластному им дзюнгарскому народу», который и поселился на Иссык-Куле с ханом своим Голдыш-Бошкту; из преемников его упоминали Кун-таджи и Баха-манджи. Мне кажется, во всяком случае, что предания о движении кыргызов в Фергану и обратно с именами предводителей их при этих передвижениях скорее могли сохраниться у кыргызов, чем у калмаков.

[3] «Предания из калмыцкого времени у современных кара-киргизов аульеатинского уезда» А.Вышнегорского в «Трудах сыр-дарьинского областного статистического комитета», т. 1, Ташкент, 1888 года, стр. 1-9. Там же приводится, по сообщению г.Каллаура (уездного начальника), что около Мерке есть холм Симтюбе, где найдено каменное изображение человека (т.е. каменная баба?); недалеко от р. Таласа на ур. Симташ находится Симташ - камень, вкопанный в некаменистую почву.

старейшин, которые не пожелали подчиняться цзунгарам и удалились в Фергану; масса же бугинцев могла подчиниться и быть переведенною на ур. Курту; упоминаемый китайцами Эмурбек мог быть главою бугинцев на Курту и возвратиться с ними на Иссык-Куль в 1761 году: если бы бугинцы возвратились ранее, то по близости к илийской долине они должны были бы принять китайское подданство раньше 1761 года; позднее их прибытие можно объяснить тем, что во время неурядиц бугу удалялись в горы Анракай и к Балхашу. Я думаю также, что саяки, вероятные потомки саков или сэйцев, держались в труднодоступных ущельях нижнего Нарына во все время калмацкого владычества и что отдел сол в крайности уходил от калмаков с верховьев Таласа на Чаткал.

Одним из наиболее важных и достоверных источников для географии и истории западного Тяньшаня в первой четверти XVIII века служит карта Цзунгарии шведа Рената. Находясь в Сибири, в числе пленных шведских офицеров, штык-юнкер Ренат в 1716 году был захвачен калмаками Цэрэн-Дондуба в транспорте, следовавшем в построенную подполковником Бухгольцем и осаждавшуюся калмаками Ямышевскую крепость. Ренат, по сведениям Миллера, «научил калмаков железную руду плавить, пушки и бомбы отливал и был главным над калмацким войском противу китайцев предводителем, и напоследок, нажив несчетное сокровище золота, серебра и других каменьев, в 1733 г., через Сибирь и Россию, в отечество свое возвратился»[1]. На самом деле, Ренат никакого участия в войне с китайцами не принимал, потому что местности, где происходили военные действия, изображены на карте весьма поверхностно. Приобретенное Ренатом богатство весьма сомнительно, потому что по возвращении в Швецию он занимал хлопотливое и неважное казенное место, на которое едва ли бы пошел богатый человек. Вероятно, Ренат служил контайшам своими сведениями в рудном деле и отливал пушки. Подлинной карты Рената пока не найдено и знаем мы ее лишь по открытой в 1879 году в Линчёпингской королевской библиотеке копии, которая была сделана в 1738 году. Эта копия издана И. русским географическим обществом в 1882 году[2], с комментариями А.И.Макшеева, который пришел между прочим к следующим заключениям; составленная без астрономических определений и без соблюдения масштаба карта Рената дает однако довольно подробный и точный чертеж всех географических предметов, но всего лучше изображена западная часть Джунгарии, т.е. илийская долина и западный Тяньшань[3]. Впоследствии оказалось, что карта Рената есть лишь перевод монгольского подлинника, состоящего из двух частей; первая послужила источником для карты Рената, вторая же составляет ее продолжение на восток почти до Урги и до южного Тибета. Тогда как на карте Рената только около 250 географических имен, на двух частях монгольского подлинника их надписано всего 536. Нашедший этот монгольский подлинник в библиотеке Упсальского университета г.Стринберг сообщает: «из одной заметки, которую я имею, видно, что карту сделал

[1] «Сочинения и переводы» и пр. 1760 г., стр. 48.
[2] Corte de li Dzoungarie dresse par le'guedbis Renat pendont sa captivite cherles kolmocks de 1716— 1733, St. Petersburg, 1882.
[3] Corte de la Dzoungarie, etc., p. 32.

сам Контаис-хан». Следовательно, калмацкий подлинник составлен контайшой (Цэван-Рабтаном или Галдан-Цэрэном?). Русское географическое общество получило сначала фотографический снимок, а потом и подлинник монгольской карты, так что она будет, вероятно, не в дальнем времени издана. Больших и важных особенностей монгольский текст западной части против карты Рената однако не имеет[1], а потому пользование картою Рената к ошибкам не поведет.

Географический материал карты Рената по западному Тяньшаню я изложу в следующей главе параллельно и сравнительно с собранными лишь через несколько после него десятков лет китайцами, которые употребляли почти те же калмыцкие местные имена, потому что, вероятно, получали свои сведения через калмаков и пользовались последними, как переводчиками, в походах и экспедициях в местах, лично китайцами посещенных. Здесь я ограничусь некоторыми замечаниями. Карта Рената, как справедливо указывал Макшеев, наиболее подробна и верна в изображении юго-западной части цзунгарских владений, и именно тех местностей, по которым совершался известный уже нам круг кочевок урги. Уже верховья Нарына и лежащая к югу от этой реки часть Тяньшаня нанесены без подробностей, не на основании личного знакомства составителя. Вершина Нарына (Narim) показана к югу от восточного конца озера Иссык-Куля; течение этой реки изображено почти прямо на запад до Сусамыра (Susammer), имеющего притоки Каракол (Charagoll) и Джумгал (Songol). Выше, с правой стороны, значатся у Нарына три небольших притока без названий, слева же только один приток, соответствующий р. Атбашу, к которому и должна быть отнесена сделанная ниже, по Нарыну, надпись Obasch, т.е. Атбаш. Есть на карте Рената и озеро Сонкуль (Sonkul). От поворота к югу Нарын или скорее прилегающая к нему местность названы Kedmen Tubin. В Фергане, кроме Маргелана (Margulon) означены города Андиджан (Ansian) и Ош (Gucho). Вершина Текеса показана много западнее г. Уша (Utz), так что пути с Иссык-Куля в Уш-Турфан и Кашгар составителю карты были не знакомы или мало известны.

Граница цзунгарских владений проведена на карте Рената от юго-западной оконечности озера Балхаша, охватывая чу-илийские горы и долину р. Чу со всеми ее притоками, на конец Александровского хребта; затем граница эта направляется на Кетмень-тюбе, проходит между вершинами алайской и кашгарской рек (названия не написаны) и направляется далее по южному склону Тяньшаня, оставляя к югу и востоку земли «калмацких хотонов», т.е. города восточного Туркестана. На карте этой места кочевок бурутов показаны на южном берегу Сыр-дарьи (Schir), где между Ходжентом (Chosiontu) и Маргеланом есть надпись Bruther; на юго-запад от них, за хребтом, к юго-западу от которого помещен Самарканд (Samarchan) есть надпись «киргизы и узбеки» (Kirgiser uch Isbeker). Отсюда нужно, быть может, заключить, если тут нет недоразумения со стороны Рената при переложении им калмацких названий, что

[1] Записки А.И.Макшеева и А.М.Позднеева о монгольском подлиннике карты Рената в «Известиях И.р. географического общества», 1891 года, вып.1, стр. 580-585.

калмаки давали почему-то имя кыргызов только тем бурутам, которые кочевали в верховьях Аму-дарьи и в бухарских владениях.

Глава одиннадцатая

КИТАЙСКОЕ И КОКАНСКОЕ ГОСПОДСТВО В ЗАПАДНОМ ТЯНЬШАНЕ

1. Казаки и кыргызы от падения цзунгаров до подчинения коканцам

Китайская политика в отношении казаков и кыргызов Аблай-хана. Его поход на диких киргизов и смерть. Правители в Средней орде после Аблая. Известия о казаках «Си-юй-т'у-чжи» и «Си-юй-вынь-цзянь-лу». Сведения о Большой орде Рычковых, Фалька и Георги. Выписки из рукописи капитана Андреева о трех группах казачьих волостей по китайской границе. Объяснения сведений Андреева. Поход Аблая 1779-1781 гг. имел в виду главным образом подчинение Большой орды. Рассказ о гибели Берды-ходжи. Сношения сибирского начальства с Юнус-ходжой в 1795 г. Сведения о казаках Большой орды и Ташкенте Поспелова. Ташкент и казаки при Юнус-ходже. Покорение Ташкента коканцами. Сведения о казаках Большой орды «Систематического обозрения Сибири» 1810 г. и Спасского 1820 года. Завоевание Туркестана коканцами и подчинение им Адиль-султана. Возмущение Тентях-тюре в 1821 году. Бегство торгоутов в 1771 году. Их путь до Балхаша. Китайские сведения о дальнейшем пути и событиях. Русские сведения. Объяснения изложенных сведений. Участие бурутов и большеордынцев. Сведения о бурутах «Си-юй-т'у-чжи» и автора «Описания Западного края». Сведения о кыргызах Филипа Ефремова. Сведения о Дико-каменной орде капитана Андреева. Посланцы от нее в 1784 и 1814 гг. Сведения Лещова. Посланцы от кыргызов в 1821 и 1824 гг. Сведения о диких киргизах Поспелова. Участие кыргызов в кашгарских делах. Сведения о сборе с кыргызов дани китайцами и о пути посылавшихся для этого отрядов.

Покорив цзунгаров и соединив, таким образом, под своею властью почти всех монголов, маньчжурские императоры Китая отказались от дальнейшего распространения своих владений на запад, считая казаков и кыргызов неопасными и удобными соседями и надеясь обеспечить безопасность новоприобретенных земель с этой стороны и влияние над признавшими власть или, скорее, покровительство Китая казачьими и кыргызскими родами, преимущественно дипломатическими путями. Чтобы не увеличивать расходов и не содержать лишних войск, западная и северо-западная границы китайских земель определены были цепью военных постов и караулов таким образом, что в Илийской долине граница доходила до р.Нарына и Борохудзира, далее пограничные караулы направлялись по южному подножию цзунгарского Алатау и от его оконечности к Тарбагатаю, между горами Барлык и озером Алакулем[1]. Казацки? и кыргызские правители без сопротивления признали номинальную власть державы, сокрушившей сильных их врагов калмаков и

[1] Первоначальная граница на северо-западе была назначена по р. Аягузу (Вельяминов-Зернов «Исторические известия о киргиз-кайсаках» и пр., 1853 года, т.1, стр. 122) и перенесена была к востоку после перемещения резиденции управления Тарбагатайского округа с р. Урджара в Чугучак.

требовавшей от них лишь изъявления покорности и платежа небольшой дани[1], отказываясь от вмешательства в их внутренние дела. Со своей стороны Китай признавал ханами и правителями казаков и кыргызов тех, кто фактически пользовался властью. Во время покорения Цзунгарии выдающимся из правителей Средней орды был султан Аблай, двоюродный брат Абул-Мамет-хана, пребывавшего в Туркестане. Правительства русское и китайское старались привлечь Аблая каждое на свою сторону, но он руководствовался лишь своими интересами и сумел сохранить фактическую независимость. После смерти Абул-Мамета Аблай стал носить титул хана, который китайцы признали за ним немедленно. Утвердила за ним этот титул и Россия в 1778 году, потребовав, чтобы он обратился о том с просьбою; однако изготовленная на ханское достоинство грамота осталась Аблаю не выданною, потому что он не согласился ни прибыть в русские пределы для ее получения, ни принять присягу на подданство. Когда не уважена затем была его просьба о военной помощи против кыргызов, то Аблай отказался выдавать русских пленных и туркмен, уведенных из-под Астрахани торгоутами. Думали взять его в плен и отправить внутрь России, «но в это самое время, собрав войско, (он) отправился на бурутов, нанес им сильное поражение, взял с них аманатов и остался кочевать близ Туркестана. Живя тут, построил он сыну своему султану Гадилю, по просьбе повиновавшихся ему киргиз-казаков большой орды, при р. Талаше, дом, обнес оный валом, основал около него селение из каракалпаков, привыкших к хлебопашеству. Плененных им во множестве бурутов отослал он в северную часть средней орды, где они и дети их доныне живут, составляя род, известный под именем джиты или яны-кыргиз, т.е. новые киргизы. В 1781 году, Аблай возвращался к границам России, но на дороге, на 70 году от рождения, умер и похоронен в Туркестане»[2]. Вместо Аблая ханом северной части Средней орды был избран и утвержден Россией в 1782 году сын его Вали, ханствовавший до смерти своей в 1820 году[3], но роды найманов продолжали, как и во время Аблая, управляться сыном Абул-Мамет-хана Абул-Феисом, по смерти которого место его занял сын его Бопу, признанный китайцами[4]; третья часть Средней орды, роды кара-кисяк, аргын и туртуул, имела особых султанов, потомков Барак-хана, сын которого Букей в 1817 г. был признан Россиею ханом, но в 1819 году умер[5]. Таким образом, в конце XVIII и в начале XIX столетия в Средней орде были, по крайней мере, три особых владельца[6].

---

[1] Казаки «ежегодно платят Китаю из рогатого скота и лошадей одну голову со ста, а с овец одну голову с тысячи... При первоначальном требовании владелец (Аблай) и старшины встретили великие затруднения» («Описание Чжуньгарии», 1829 г., стр. 146).

[2] Левшин, часть 2, стр. 267-269.

[3] Левшин, часть 2, стр. 271. «Записки ген.-майора Броневского» в «Отечественных записках» 1830 г., часть 41, стр. 419...

[4] Левшин, стр. 272.

[5] Броневский, там же, стр. 419.

[6] Владельческие семьи чрезвычайно скоро размножились: к 1881 г. потомство Букей-хана состояло из 394 душ муж. пола, а Вали-хана - из 214 д. обоего пола (Балкашин «О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах». Спб., 1887 года, стр. 24). Такая плодовитость была, вероятно, последствием мирной жизни, при которой перестали погибать, как прежде, в войнах с ногайцами и калмаками и в междоусобных стычках, десятки султанов зараз.

«Обвестительная грамота» императрицы Екатерины II, от 25 февраля 1782 года, «средней киргиз-кайсацкой орды к салтанам, старшинам и всему народу», о конфирмации Валия салтана в ханском

В «Си-юй-т'у-чжи» есть следующие известия о подчинении казаков Китаю: хан казаков левой (руки) Аблай воспользовался смутами в эпоху Даваци для многих вторжений в Дзунгарию. Когда Даваци был побежден китайцами, император в марте 1755 года отправил к Аблаю послов. Аблай изъявил покорность. Но затем возмутился Амурсана и на следующий год, разбитый, должен был искать убежища у казаков. Так как Аблай его принял, то император повелел генералам Дарданге и Катаке вторгнуться в его земли: одному - западной дорогой, другому - северной. Во время прибытия Амурсаны к казакам один найман по имени Налабат (Нарбута?) хотел его схватить и поразил его людей, но Амурсана успел ускакать к Аблаю с тремя всадниками. Старшины думали выдать Амурсану, но Аблай воспротивился. Он послал Ходжа-бергеня с войском следовать с Амурсаной на Нуру, а сам с 1 т. войска пошел на запад, и соединился с армией своего полководца у подножия горы Каок ассалак (Ку-Хасылык?) и тут стал ожидать китайцев. В седьмом месяце (августе) войска генерала Дарданга прибыли к Ярла (Yarla) и встретили здесь авангард Ходжа-бергеня силою около 2 т.ч. Казаки, устроившие засаду сзади одного холма, сделали вид, что бегут, чтобы завлечь китайцев на засаду. Увидав с вершины холма засаду, китайцы образовали сомкнутый строй и дали сигналы посредством огней; потом они возвели окопы и устроили лагерь, к которому казаки приблизиться не осмелились. Переночевав, армия выстроилась и пошла на неприятеля; казаки не выдержали первого же удара и рассеялись по разным направлениям. Победители отрубили 570 голов и дошли до Нуры, где схватили Чурука. Направившиеся на запад Ходжа-бергень и Амурсана были со своими 2 т. всадников преследуемые китайцами и вынуждены принять бой, который был долог и кровав, но кончился для них потерей знамени и пушек; 340 голов было отрублено, Амурсана, однако, спасся, успев переодеться. Около того же времени посланный генералом Катака джасак Сандубу разбил войска Аблая у горы Каркасалак и отрубил 100 голов. Аблай бежал, преследуемый победителями, которые убили у него еще 100 ч. и овладели 200 лошадей и 100 ружей. Армии обоих китайских генералов соединились на Ишиле (р. Ишим). Здесь получили они письмо Аблая, изъявлявшего покорность. Генералы потребовали выдачи Амурсаны. Аблай готовился его схватить, но Амурсана украл у казаков десяток лошадей и бежал в Дзунгарию. В 1757 году, снова побежденный в Дзунгарии Чжао-хойем и Фу-дэ, Амурсана опять бежал к казакам. В июле этого года Аблай с 30 т.ч. сблизился с китайскими войсками, чтобы помочь схватить Амурсану. Он писал, что со времени предков его Ошема (Ишима) и Янгира до настоящей поры его страна не могла воспользоваться (благами) китайской цивилизации, но теперь он с казаками своей орды горячо желает быть подданным императора. Осенью Аблай отправил посла к императору. Он пытался схватить Амурсану в Арчату, но не успел: Амурсана бежал в Россию. Однако он пленил двух

достоинстве вследствие его донесения «о воспоследовавшем избрании и наречении его, Валия салтана, ханом, по древнему киргиз-кайсаков обыкновению», помещена в «Полном собрании законов российской империи с 1649 года» в томе 21 под № 15, 352. В этой грамоте упоминается о выдаче, по установленному обыкновению, приличных на ханство знаков, как пожалованной грамоты, сабли с надписью, шубы собольей и шапки черной лисицы.

казацких старшин Обудзи и Дзибакана, сторонников Амурсаны, и выдал их[1]. Тогда же подчинился Ходжа-бергень и Кара-барат с 30 т. семейств. В июне 1758 года вождь рода байджигит Байбурак, прозванный Храбрым, пленил мятежника Букджана, а в июле казак Кардзин схватил калмыка Кошдзи. Оба были выданы китайцам. В 1759 г. Аблай посылал ко двору Орос-суртона (Урус-султан), сына своего старшего брата. В 1762 году был при дворе посол от вождя казаков Абул-Мамбета. В 1769 году Обул- бис (Абулфеис) присылал ко двору сына своего Джордзи, а Аблай - своего сына Вали. В 1773 году казацкий Борот (Барак?) наследовал своему отцу Абуль-Мамбету и присылал посла[2].

Аблай говорил китайским посланцам, что казаки разделены на три юз, как дзунгары были разделены на четыре ойрата, и что сам он управляет одур(урта)-юзом, а родственники его правят кичик-юзом и урак(улуг)-юзом. В 1758 году, преследуя мятежного казака Сира, Фу-дэ прибыл на границу казаков правой (руки) и послал двух офицеров для умиротворения этой страны, оставшись сам с армией под стенами города Мангэгэна (Mangegen). Орда казаков правой (руки) носит имя улуг-юз; хан ее именуется Абилис (Abilis); у него три помощника по имени Дулибай, Куйгердо и Сасакбай. Абилис, пребывающий в Ташкенте, не занимается никакими делами; бразды правления держит в своих руках Дулибай. Во время прибытия посланцев Фу-дэ Дулибай находился в войне с ташкентским магометанином (ходжой?) Дурджаном, которого успел, не без труда, победить. Дулибай изъявил покорность и послал ко двору сына своего Джолана и брата Куйгердо, Бусурмана. Дурджан, однако, не согласился подчиниться (Китаю) и посланцы Фу-дэ склонили к покорности лишь ташкентского вассала казака Монияза (Мухаммед-Нияза?), который отправился ко двору и выдал младшего брата Амурсаны Ошем-джапу, искавшего убежища в Ташкенте[3]. Вообще сведения составителей «Си-юй-т'у-чжи», в числе которых находился, между прочим, сам Чжао-хой, относительно Ташкента и тамошних казаков, видимо, сбивчивы. На карте Восточного Туркестана, переведенной Эмбо Юаром, Ташкента не значится[4].

---

[1] Вероятно, выдачу этих двух людей имело в виду китайское правительство, сообщая нашему, от 1 сентября 1758 года, что «хан Аблай прислал двух наперсников Амурсана с донесением, что он везде ищет самого Амурсана» («Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год», составленное Н.Бантыш-Каменским и изданное В.М.Флоринским. Казань, 1882 года, стр. 279.

[2] Recucil de documents sur l'Asie centrale, par C.Imbault-Huart, Paris, 1881, pp. 117-127.

[3] Recucil de documents, etc., pp. 141-143, 190-192. В статье «Си-юй-т'у-чжи» о Ташкенте значится: «Земля Ташкента - ровная; в ней есть города. Правят магометанами три ходжи: один именуется Мордо Самуш, другой Шад, третий Дурджан. Ташкент находился долго под владычеством казаков, которые ежегодно посылали правителей. Мордо Самуш, поставленный ходжою казаками, был выгнан Дурджаном: казаки приходили с оружием в руках требовать от Дурджана объяснения этого изгнания, но успеха не имели» (там же, p. 190).

[4] «Физическое описание» земли казаков правой (руки) таково: «Она смежна на востоке с землею казаков левой, на северо-востоке - с северо-западными пределами Или, на юге - с землями бурутов, Андижана, Намангана и пр. На запад будет около 600 ли до Ташкента; на севере (земля казаков правой) простирается до горы Итик, где находятся северные казаки. На юге находятся Геген-гол (Аса?) и Намур-гол (Терс?); на юге же Якар-гол (?), потом на юго-западе Сыр-гол (Сыр-дарья). Потом встречаются на западе Сакас-гол (Сары-су?), на севере Талас-гол. К востоку от Геген-гола, близ Талас-гола есть два озера Каракуль и Дабусун. Между Сакас-голом и Сыр-голом есть ряд вершин (Каратау?), которые носят имена Мухуджар, Караджокда, Монггакилу, Гегенас...

По «Си-юй-вынь-цзянь-лу» (1778 г.), «Хасак есть большое владение, лежащее от (области) Или к северо-западу. Это есть древняя Давань. В 21 лето правления Цянь-лун (1756), когда китайские войска вступили в земли казачьи, хан их Аблай вышел навстречу им и вступил в подданство китайское, почему и получил от государя грамоту на княжеское достоинство и календарь. С сего времени все его владение причислено к Китаю. Живут рассеянно и не составляют поколений... Владельца называют би, а друг друга называют по имени. Ныне у них государем Аблай-би. Владения его довольно обширны, многолюдны... Они не имеют ни законов, ни учреждений; мало слушают и приказаний своего государя. Ежели кто провинится, то преступника судят на общем сборе. За малые вины штрафуют скотом, а за большие общим приговором предают смерти и разделяют имущество виновного, не относясь к государю. В военных делах владелец советуется с народом; нежелающего идти в поход не принуждают. Ежегодно платят Китаю из рогатого скота и лошадей одну голову со ста, а с овец одну голову с тысячи. Илийский главнокомандующий посылает в их владения чиновников для сбора сей подати. При первоначальном требовании владелец и старшины встретили великие затруднения. Владелец всячески убеждал их, и, наконец, принужденно согласились внести сей ясак. После сего, опасаясь худых последствий, ежегодно сами отдают его сполна и без замедления. Казаков две орды. Первая, принадлежащая Аблаю-би, граничит с Или и Тарбагатаем, находится под покровительством Китая, и ежегодно пригоняет скота на границу для промена на шелковые материи. Казаки, обитающие к северу от них, составляют другую орду, которая многочислен нее сей, и не зависит от китайской державы»[1]. Тут, конечно, имеется в виду Малая орда.

Русские сведения о Большой орде во второй половине XVIII века довольно скудны и смутны. Казаков Большой орды обыкновенно смешивали с кыргызами. По «Топографии оренбургской» Петра Рычкова[2], Большая орда «людством против меньшой и средней гораздо менее, ибо более 10 т.ч. на войну никогда из них не избирается. Ныне состоит она некоторым образом в протекции, или паче в союзе, зюнгорского владельца, чего ради и ташкентские обыватели тому же владетелю в протекцию подпали, боясь, чтобы им от сей большой орды вовсе разоренными не быть»; кочевьями Большой орды Рычков считает местность «около рек Чирчика, Арыша и Киляса», так что в данном случае он имеет в виду лишь часть Большой орды, обитавшую около Ташкента. По замечанию того же Рычкова[3], «киргисцы ханов своих слушают токмо тогда, когда хотят». В «Дневных записках путешествия... в киргис-кайсацкой степи в 1771 г.»[4] капитан Николай Рычков пишет: «Ала-тау почитается границею между Зюнгариею и киргис-кайсацким владением. Сия гора достойна примечания многими горячими источниками, из-под подошвы ее текущими. Высота ее,

[1] «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем его состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом», Спб., 1829 года, стр. 144-146.
[2] Спб., 1762 г., стр. 27.
[3] Там же, стр. 151.
[4] Спб., 1772 г., стр. 74. Автор участвовал в походе ген. Траубенберга, выступившего из Орской крепости 12 апреля 1771 года для погони за торгоутами и пустившегося в обратный путь от Улутау 16 мая того же года.

по уверению киргисцов, есть превосходнейшая из всех гор, ибо облака во многих местах ее касаются поверхности гор, и снег, на них лежащий, не расстаивает в самое жарчайшее лето. В средине сих гор растет множество соснового, березового и ивового леса. В оных горах обитают коренные киргисцы». По запискам академика Фалька[1], собиравшего свои сведения во время путешествия из Оренбурга через Челябу, Тобольск, Омск, Барнаул в Томск и обратно через Екатеринбург в Казань, и затем по Волге до Астрахани и Пятигорска, и отсюда в Казань, в 1771, 1772 и 1773 годах, посредством «осведомлений у киргизцев, бухарцев, калмыков и русских, живших в оных странах (киргизской и зюнгорской степи) или ездивших туда с купеческими караванами», «по уходе калмыков, заняли китайцы большую часть Зюнгории и провели на западе пограничную линию, посредством коей весь пограничный хребет, составляющий естественный предел в его высотах, разделяющих воды, присоединился к Китаю; также присвоили себе юго-западные и южные страны, покорили часть Бухарин и других свободных владений... На западной стороне Зюнгории распространились киргизцы, доходившие прежде до р. Сарасу, до Балхас-нора и до китайской пограничной линии, которую ныне можно почитать определенною западною границею Зюнгории, и западные страны около Балхас-нора и около реки Туи (Чу, должно быть), Талас и пр., принадлежащими киргизцам, и могущими назваться киргис-зюнгорской степью. Китайская пограничная линия, состоящая... из многих окопов и постов, идет ...от Иртыша к устью речки Катон, где находится окоп Катон-Карагай... к Кокбухте (Кокбекты ныне)..., к реке Чугучуев, через большую реку Имир или Эмит (Имиль)..., к Сулкузару («молочному озеру») и реке Араксан (должно быть, Уртаксары), через источники реки Каратау (Каратал, вероятно), при Сайзанноре (не кстати) к городу Калда-Кайнак (Кульджа и Кайнак, надо полагать) у реки Или...». Упоминая о р. Таласе, он говорит, что «на ней живут буруты или киргизцы большой орды, а потому здесь часто встречаются орды, несмотря на то, что средняя орда, с открытия ей зюнгорской степи, редко бывает при Цуи». Наконец, он пишет: «Туркестан, при речке Талас (?) реке (разумеется притоке) Сыр-дарьи, на три дня пути от Ташкента, был прежде знаменитый вольный город, но после бурятами (бурутами?), зюнгорцами, бухарцами, китайцами и другими покорен и разграблен. В 1766 году должен он был платить дань бурятам. В сем местечке было тогда 1000 дворов, окруженных валом и рвом...» Очевидно, бурятами тут названы буруты, которые притом считаются за одно и то же с казаками Большой орды. Зair ки Фалька были, после его смерти в 1774 году в Казани, изданы на немецком языке в 1785 году академиком Георги, путешествовавшим с ним одновременно. Сам Георги, в составленном им на основании сведений, собранных им самим и заимствованных у Фалька, Палласа и других, «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» говорит[2], что «большая орда дружна с бурутами, да и почитается за один с ними народ, и притом еще коренной, от коего произошли средняя и малая орда. Они кочевали более на юге

[1] «Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое И. Академией наук, по предложению ее президента», том 7, Спб., 1825 г., стр. 30, 31, 43, 44 и 67.
[2] Русского перевода, Спб., 1799 года, часть вторая, стр. 120.

и поселились в Алтайских (Алатауских?) горах, кои суть склонившийся к северу хребет индийских гор, и по которым они и называются алтайскими киргизцами. Еще и ныне кочует орда сия по ту сторону Ташкента, при реке верхнем Сырте, около Туркестана и пр. Она может нарядить до 30000 ч. конницы, из коих однако же только третья часть к произвождению войны способна. Она, так же как и остальные орды, разбойничает и производит грабежи не только на землях спокойных своих соседей, но и над купеческими караванами, как сие сделалось в 1738 году у Ташкента над российским караваном. Соонгарцы довольно старались подвергнуть ее своему игу: но храбрость ее и неприступные горы сохранили ее независимость; и она вступила с соонгарцами в союз единственно для предотвращения от себя соонгорских набегов. Киргизсцы большой орды или буруты живут в всегдашних зимних деревнях, но летом обитают по большой части в тростниковых шалашах; однако ж очень редко переменяют места своего жилища. Некоторые из них упражняются несколько в земледелии; а в прочем гораздо прилежнее, основательнее и мужественнее, нежели прочих киргизских орд народы; однако же напротив того более склонны к воровству и разбоям. Во время войны навешивают они на себя великое множество колокольчиков и побрякушек, которые производят страшный шум и пугают неприятельских лошадей. В прочем все они довольно ревностные мусульмане».

В рукописном «Описании» Средней орды, составленном капитаном Андреевым в 1785 году[1], относятся к Большой орде следующие места: «О волостях, лежащих за камнем Тарбагатаем, возле китайской границы, которые в летнее время кочевья свои имеют около написанного камня Тарбагатая, а в зимнее при урочище Токтатау, лошадей (же) отгоняют в китайские границы с обыкновенным платежом[2]: 1. Волость байсуан (суван?), в которой прежде был старшина Жанабий, а ныне более в почтении Кубай Калбай; подвластных оного кибиток до 3500; весьма богаты скотом и лошадьми. 2. Волость кандур бюгюр (конурбурк?), в которой старшина Далы Девлет; подвластных оного кибиток до 400; богаты лошадьми и прочим скотом. 3. Волость кыл-бурюк (кызылбура?), в которой старшина Ажибай Алтай; подвластных оного кибиток до 300; лошадьми и скотом не весьма богаты. 4. Волость юсун чапратчи (чапрашты, рода дулат), в которой старшина Куйсуймас Карача; подвластных оного кибиток 1500; весьма достаточны лошадьми и всяким скотом. 5. Волость кызай ул, булды тур- гай (?), в которой старшина Атанбай; подвластных оного кибиток до 700; умеренно богаты как лошадьми и скотом. 6. Волость акбарак акбулат дертаул (?), в которой прежде был старшина Карабаш Иметюбыт, а по смерти его Жошана Оий; подвластных оного кибиток до 600; в лошадях и скоте умеренно богаты. 7. Волость кайглы (кангды?), в

[1] Полное заглавие этой рукописи, поступившей из И. Археологической Комиссии, такое: «Описание средней орды киргис-кайсаков с принадлежащими и касающимися до сего народа дополнениями и прилежащих в российской границе сибирской линии по части Колыванской и Тобольской губерниях (к) крепостям, собранное 1785 года капитаном Андреевым». Об этой рукописи и ее содержании была в «Известиях Р. географического общества», 1875 года, стр. 107-110, помещена заметка Г.Н.Потанина, к пожеланию которого о напечатании рукописи Андреева, дающей весьма интересный материал по истории и этнографии к.-казаков и частью кара-киргизов, нельзя не присоединиться.

[2] Т.е. по одной лошади с каждой тысячи лошадей, зимовавшей на китайских землях.

коей старшина Садык; подвластных оного кибиток 120; лошадьми и скотом весьма небогаты. Во всех сих вышеписанных семи волостях начинают киргисцы пахать пашню и сеют пшеницу, ячмень и просо, а хлеб на посеве получают, поблизости, с китайской границы.

О волостях, лежащих к реке Жидысу (т.е. вероятно, даже несомненно, Джиты-су или Семиречье): 1. Волость сигис-сары (сегиз-сары, одно из абдановских подразделений); о старшине сей волости никакого известия получить было не можно, ибо за дальностью и киргизсцы достоверно знать не могут; кибиток 600; лошадьми и скотом достаточны; кочевье имеют по реке Жидысу; лошадей отгоняют в зимнее время в границы китайские. Но напоследок уведомленность, что имя старшины - Бияка бий. 2. Волость алжанская (тоже абдановское отделение альджан), в коей старшина Аламан; подвластных оного кибиток до 450; богаты как лошадьми и скотом; кочевье свое имеют в близости к китайскому городу Кулже или Баянде; лошадей содержат с обыкновенным платежом в границы китайские; но имеют ли сии волости хлебопашество, известия получить не мог, ибо и киргисцы иногда объявления свои делают по известиям от прочих (?).

О волостях, лежащих (к) кашкарской дороге, которые зимуют по всю (сю) сторону реки Или, а в летнее время, ежели они согласны и никакой друг против друга претензии не имеют, кочуют (с) дикими киргисцами смежно, а когда между ими какой раздор, отходят к рекам Аягузу и Каракулу, даже подходят и к реке Жидысу: 1. Волость чашилынская (чаншклы?), в коей старшина Берды хажа; подвластных оного кибиток до 300; лошадьми и скотом очень богаты. 2. Волость жалоирская (джалаир, конечно), в которой старшина Юлдубай Чимирбай бий; кибиток до 600; лошадьми и скотом весьма богаты. 3. Волость булатчинская (?); старшина сей волости Янбай бий; подвластных оного кибиток до 450; весьма достаточны как лошадьми и скотом. 4. Волость кашкаровская (должно быть, дулатовские кашкарау), в коей старшина Игилик бий; подвластных оного кибиток 500; людей лучших кроме жен и детей до 1000; лошадьми и скотом против прочих волостей весьма достаточны. 5. Волость кырмышская (?), в которой старшина Сюендук; подвластных оного кибиток до 100; лошадьми и скотом достаточны. (6.). Волость янышская (т.е., вероятно, дулатовские джаныс), в которой старшина Байгабу(ль) У теп; подвластных оного кибиток 100; лошадьми и скотом и достаточны и весьма бедны. (7.) Волость матай именли кайнерская, в коей старшина Тайлак батыр; подвластных оного кибиток до 600; лошадьми и скотом весьма достаточны».

В другом месте, - после описания волости кундрацкой (конград), в которой главным старшиной почитается Полатех-хан и Абучей солтан, которая имеет более 3500 кибиток и которая кочует смежно с волостью усюйскою (усюнской) около города «Туркестанта и Сыру реке», в летнее же время заходит своими кочевьями до реки Тургая и к озеру Телегулу, в которое впадает река Сарасу, - значится: «Волость усюнская, которая разделяется на нижеследующие поколения: 1. чилмамет, 2. жага- бай, 3. сенбыт, 4.

бобай булат, 5. хаиль, 6. чачшилы, 7. сисхим (конечно, сейкым), 8. яныш (джаныс), в которой главой Булат-хан и Адиль-султан почитаются, до 4000 кибиток, сильная волость; кочевки свои имеет за городом Туркестантом по реке Сыру, а в зимнее время выходят для кочевки по рекам Кубан Кукан и Сарасу, потому ж и по реке Талашу; о сей волости некоторые объявляют, хотя оная принадлежит к части средней киргис-кайсацкой орде, но якобы прилежит и большой орде и под властью Нурали-хана...».

В приписке к рукописи Андреева читаем: «Волости, прилежащие как за камнем Тарбагатаем, равно и к кашкарской дороге, как оне сходцы отделенных частей от прочих волостей, а особливо от рода усюнцев, которые перешли на сии места. Когда стала приходить в разорение зюнгарская землица, тогда киргиской Аблай султан, согласившись с китайцами, весьма их гнали и утесняли, и довели до крайнего их бедствия, что, оставив оные свою землю, принуждены были выходить все в российское подданство. И как по выходе зюнгарцов китайцы Аблай султану, яко помощнику своему, уступили для кочевья зунгарские места по сю сторону рек Алагуля (и) Аягуза, и как сперва киргизцы, получа сии места, тогда было их немного, но в рассуждении выгодных мест, время от времени, (число) киргисцов умножилось, тогда оные уже начали кочевья свои иметь и по той стороне рек в принадлежащих местах китайцам, чего китайцы не знали года три. Но разведав от выбегающих калмык, находящихся у киргисцов рабстве, что они кочуют на тех местах, почему от китайцов выслана была немалая команда и кочевья их были согнаты, что киргисцы, видя, принуждены были просить, чтоб они согласились за кочевье их в землях брать с них каждогодно с каждого аула или деревни по одной лошади, которой платеж сии волости китайцам и ныне производят, чему назад будет лет 10, что составляет, что сей платеж начался с прошлого 1775 года, и называется алым». В той же приписке, со слов являвшегося в Семипалатинскую крепость 13 июля 1785 года, к коменданту вышеупомянутого старшины волости чашилынской Бердыжажи, рассказывается, что он кочевья свои имел «смежно с дикими киргисцами по рекам Аягузу и Каракулу, где оные стояли более 18 лет. Нынешнего же лета в мае месяце вышли к камню Чингис-тау со всею своею волостью, отколь с кочевьем сжили кочующих как Ханхожу султана, равно и детей умершего Абулфеис султана, который (ые), хотя в том месте кочевья свои имели более 40 лет, отошли в близость границ российских к камню Дербугатаю по речке Чар гурбану, за 60 верст от линии. Причина же их была (та), что сии найманцы, когда сия волость имела войну с дикими киргисцами, помощи ей никакой не давали. А сверх того с китайской границы китайскими войсками за некоторое воровство хотели наказать 4 человек киргисцов, то как оные были подвластные Сук султана, то оной их выдать туда не мог, почему и сам был захвачен в плен. То уже принужден был Ханхожа султан, оных 4 человек сыскать, отослать, которых китайцы вскорости, по исследовании, повесили, а Сук султана выпустили. Отчего убоясь, киргисцы и поныне еще с китайцами торгу не имели и ходить к ним на границу весьма боятца. Сверх же всего того получено от него (т.е. от Берды-ходжи) достоверное известие, что меньшой брат Вали-хана Чингиш осенью прошлого 1784 года с киргисцами, около 1000 человек, ездил в город

Ташкент для успокоения в Ташкенте междоусобия, и оттоль благополучно возвратился. Брат же его малой Тук султан с тремястами человек, въехав в волости диких киргисцов для добычи, как они по обыкновению между собою имеют всегдашнюю баранту, хотел покуситца учинить для себя добычь, но вместо сего был захвачен в солтийскую волость; а как по узаконению их всеобщему должно было ево непременно убить или же из чести, яко султана, безо всего отпустить, но оные в посмеяние всех киргис-кайсаков наложили на него платеж 8 человек калмык, в чем для верности и оставили из его киргисцов в залог именитых людей 10 человек, которой, выехав, принят был братом своим Чингишом с великим поношением, что он, яко сын славного султана и ханский брат, попустя отдать от себя на выкуп, потому ж и прочих волостей киргисцы с дикими имели поиск, но все оные неудачно от них возвратились».

Объясняя в другом месте причины невозможности указать границы между тремя ордами, капитан Андреев говорит, «что волость усюйская прилежит кочевьями средней, но оная, объявляют, большой орды и состоит под властью Нурали хана; сверх того, по легкомыслию киргис-кайсацкого народа, объявить можно, что оные неутвердительны и волостями своими пристают под власть разных султанов, которого почтут за наилучшего...».

При соображении вышеизложенных сведений капитана Андреева кажется несомненным, что все три группы волостей, им описываемые, а затем и усюнская волость,

помещались вдоль китайской границы, у подножия Джунгарского Алатау, в Илийской долине и у подножий Заилийского Алатау и Александровского хребта до Туркестана и Ташкента. Ясно это из того, что первая группа, самая северо-восточная, имела летние кочевки около Тарбагатая, вероятно, в юго-западной части этого хребта, быть может, в хребте Барлык и в Джунгарском Алатау, потому что зимовки указываются на ур. Тохтатау, т.е. у подножия северо-восточной оконечности Алатау, около прежнего китайского пикета Тохта, по которому легко могло существовать название Тохта-тау для всей восточной оконечности Джунгарского Алатау. Упоминаемые Андреевым кызаи продолжали кочевать около Алакуля еще в пятидесятых годах настоящего столетия[1]. Итак, первая группа помещалась в Алакульской котловине и окружающих ее горах. Вторая группа кочевала в местности Джиты-су, т.е. в Семиреченском крае, между Аягузом и Или. Но, видимо, тут же и западней помещалась и третья группа волостей, прилегавших к кашгарской дороге, которая, должно быть, и в то время лежала в том же направлении, которое сохранилось, напр., еще в 1858 году в маршруте каравана Чокана Валиханова, т.е. от Аягуза дорога эта шла по «семи рекам» на Алтын-эмель, Тогурек, Или, Иссык-Куль и Нарын. Третья группа волостей должна была,

[1] По «Дневным запискам переводчика Путинцева, в 1811 г.» (Спб., 1819 года, стр. 42), в окрестностях Алакуля кочевали волости кара-кирей, кызый (опечатка вместо кызай), байджигит, найман и дюртугул. Голубев писал («Ала-куль» в «Записках р. геогр. общества, по общей географии», том 1, 1867 года, стр. 360): «В настоящее время, около озера расположены киргизские роды средней орды. Южные его берега, с окрестными долинами Алатау и Барлыка, заняты кызаями». Имя хребта Тохтатау употребляется для означения части восточной оконечности Джунгарского Алатау и теперь (см., напр., «Материалы для статистики Турк. края», вып. 2, 1873 года, стр. 147).

следовательно, обитать между Аягузом и Караколом (приток Сасык-куля) на северо-востоке и рр. Или и Чу - на юго-западе. Наконец, усюнская волость находилась между Чу - Таласом и Сыр-дарьею. По названиям почти всех волостей, о которых идет речь, ясно, что все эти волости принадлежали Большой орде, а именно родам суван, абдан (конурбурк, кызыл-бурк, сегиз-сары, альджан), джалаир, дулат (чапрашты, кашкарау, сейкым, джаныс), сары-усюн, канглы и чаншклы. Неотождествляемая с родами Большой орды волости, вероятно, составляли частицы родов соседней орды, попавшие в соседство с больше-ордынцами. Таковы, напр., кызаи (пятая волость первой группы), дюртугулы (шестая волость той же группы), матай (седьмая волость третьей группы).

Обращает на себя внимание отсутствие в трех группах волостей султанов, тогда как в волостях Средней орды Андреев их тщательно поименовывает. Он говорит, что все волости эти - «сходцы», части своих настоящих волостей, привлеченные к китайской границе хорошими кочевками. Отчасти это, конечно, верно, но большая часть волостей Большой орды, видимо, находились тут, на исконных своих землях, в составе целых родов, как джалаиры, суваны, адбаны, или большими и самостоятельными их частями, как роды дулатов. Мне кажется, что это отсутствие султанов в восточной части Большой орды объясняется упразднением в Большой орде ханской и султанской власти во время калмацкого владычества. После падения же цзунгаров, роды Большой орды, - как оставшиеся на месте, так и возвратившиеся с Сыр-дарьи и с Сары-су, н продолжали управляться родовыми старшинами и биями, без султанов, подобно кара-киргизам. Я думаю также, что в первые два десятилетия после падения калмаков казаки Большой орды жили в мире и согласии с соседями своими каракиргизами до такой степени, что русские сведения, как мы видели, смешивали их и принимали за один народ. Надо полагать, что рознь наступила лишь со времени восстановления у больше-ордынцев султанской власти стараниями Аблай-хана.

Первые шаги Аблай-султана в этом направлении относятся, кажется, к 1760 году. По сведениям Левшина, который ссылается на донесение переводчика Гордеева (1760 года, в архиве Оренбургской пограничной комиссии), «в 1760 году киргиз-казаки средней орды сделали сильное нападение на диких киргизов или бурутов и нанесли им большой урон; потом потревожили они часть новозавоеванных областей Китая и увлекли из оных некоторых жителей в плен. Китайцы потребовали их обратно от Аблая, а для подкрепления своего требования выслали войско. Появление оного произвело в средней орде великий страх. Не только желание китайского правительства было удовлетворено, но и на русскую границу тогда же выдано значительное число башкиров, татар барабинских и пленных россиян»[1]. В этих сведениях нападение Аблай-хана или его подчиненных на одних кара-киргизов, причем о роли Большой орды умалчивается, кажется непонятным, хотя и вообще эти известия весьма смутны. Нет между тем сомнения, что после падения цзунгаров Средняя орда, теснившаяся на землях в северо-западу от Аягуза, куда оттеснили ее цзунгары, думала занять земли на

[1] Часть 2, стр. 230 и 231.

восток и юг от Аягуза. Земли на восток были прежними до-калмыцкими кочевьями средне-ордынских родов, а потому, найдя их пустыми, они водворились на них до китайской границы, а потом постепенно продвинулись в разное время и далее. Напротив, на юге от Аягуза средне-ордынцы должны были встретиться с казаками Большой орды. С ними-то, а не с кара-киргизами, - едва к 1760 году занявшими свои родные кочевки на Иссык-Куле, на Чу и в верховьях Таласа и отдаленными от Аягуза, границы Средней орды, по крайней мере на 700 верст, - и должны были иметь столкновение в 1760 году средне-ордынцы. Может быть, кара-киргизы держали при этом сторону своих соседей больше-ордынцев, но едва ли они могли принимать на столь отдаленном от Иссык-Куля театре войны сколько-нибудь деятельное участие и едва ли также средне-ордынцы могли доходить до кара-киргизских земель, если же нанесли они кому урон, то, конечно, больше-ордынцам на «семи реках» и около Алакуля; часть больше-ордынцев, кочевавших на китайских землях или возле китайской границы, могла быть уведена средне-ордынцами, что и вызвало вмешательство китайцев, иначе последнее нечем объяснить. Во всяком случае, судя по страху, который навели китайцы, надо думать, что замыслы Аблай-хана подчинить Большую орду в 1760 и ближайшие затем годы успеха не имели. Возобновились они и приведены в исполнение в 1778-1781 гг., когда Аблай окончательно приобрел власть в Средней орде и получил после смерти Абул-Мамет-хана ханское достоинство. В эти годы, как значится в приведенных выше сведениях Левшина[1], Аблай-хан подчинил себе бурутов, нанеся им поражение и взяв аманатов. О подчинении Большой орды и никаких подробностей о борьбе с бурутами мы не имеем, но из факта построения на Таласе кургана для правившего местными больше-ордынцам и сына Аблай-хана Гадиля или, при другом произношении, Адиля, можно заключить, что Аблай-хану удалось так или иначе подчинить и больше-ордынцев. Построение кургана, быть может, показывает, что власть Адиля была не прочна. Может быть, тогда же Аблай посадил другого своего сына Сюка султанствовать у джалаиров, но и об этом сведений не имеется; хотя Сюк оказывается во втором десятилетии XIX века правителем джалаиров, но с какого времени - неизвестно. Мы увидим в рассказе о борьбе с кара-киргизами Кенисары, что память о насилиях Аблай-хана над кыргызами сохранилась почти до половины настоящего столетия. Те же насилия над больше-ордынцами отозвались немедленно после смерти Аблая. По Левшину, «южная часть средней орды, по смерти Аблая, как говорит предание, потерпела сильный урон от киргиз-казаков большой орды, которые

[1] Точной даты похода Аблай-хана на бурутов Левшин, впрочем, не дает. По рукописному «Описанию средней орды» капитана Андреева (1785 года, стр. 65 и 66), посланный в 1779 году к Аблаю для приглашения его прибыть на линию, чтобы получить знаки утверждения в ханском достоинстве, капитан Лилингрейн, по возвращении из поездки, 27 июля 1779 года донес, что нашел Аблай-хана на р. Нуре, от Петропавловска в 550 верстах. «Аблай-хан как приездом своим в крепость, а равно и принятием от российской стороны в подтверждение на ханское достоинство знаков, отозвался и ближе к российским границам кочевать никак не хочет, причем наводил свои резоны, что в сие время прислан был к нему от одного китайского губернатора посланник, что якобы просились в китайское подданство найманского рода киргизцы, почему он, Аблай, послав своего шурина Даир-салтана, приказал от сего оных отвратить, а главных завотчиков перевешать, что он и учинил». Отсюда кажется ясно, что поход Аблай-хана на бурутов и долгое пребывание на юго-западе, в Туркестане и на Таласе, должны быть относимы ко времени позже июля 1779 года.

напали на нее и отогнали значительное число скота. Ограбленные не остались в долгу и отомстили своим неприятелям. Северная часть средней орды не участвовала в сей баранте»[1]. Странно только, что капитан Андреев ничего не говорит об этом, хотя был современником этих событий, сделавшихся известными Левшину по преданиям, и привел между прочим известия, сообщенные в Семипалатинске Берды-хожою.

Спасский, а за ним, и, вероятно, единственно на основании его сведений, Левшин, рассказывают о гибели Берды-хожи. Именно, по словам Спасского[2], «сии нападения (набег[3] султана Тука, который у Спасского и Левшина именуется Тыз, и последовавших его примеру других «степных киргизов») подали повод к обоюдному несогласию киргизов и разным жестоким поступкам, через кои некоторые из них приведены были к конечной гибели. Но главный неприятель диких киргизов был сам Берды-хожа, отличавшийся всегда храбростью и предприимчивостью. Он не преминул учинить на них нападение с 500 подвластных ему киргизов, по возвращении своем из Семипалатинской крепости, в октябре 1785 года, при коем претерпели они тем большее поражение, что он действовал против них вместе с китайским войском, состоящим из 1500 чел., прибывшим туда для усмирения киргизов и возврата 2500 лошадей. Берды-хожа напал на них от реки Аягуза, а китайцы - от Или. Счастье, благоприятствовавшее досель Берды-хоже, и вызов киргизов, собравшихся до 100 человек, понудили его в январе 1786 года предпринять опять поход на диких киргизов, несмотря на сновидение, которое предвещало ему, что он благополучно его не окончит, что и сбылось на самом деле. Достигнув реки Тидиса, остановились они там, в ожидании пока не соберутся товарищи их и не наступит удобное время к нападению. Как место сие находилось от аулов диких киргизов в немалом расстоянии, то они почитали себя вне всякой опасности, спокойно спали всю ночь и пустили лошадей своих на подножный корм. Но неприятели не оставили воспользоваться такой их оплошностью: отогнав лошадей, сделали они, в числе 80 человек, нечаянное нападение на них во время сна, и некоторых побили, других, связав, побрали в плен, в том числе и самого предводителя Берды-хожу, которого один киргиз, поймав, посадил за спину себя на верховую лошадь и таким образом повез к старшине своему Изеньгилду. Поблизости уже аула встретились им киргизы, которые радовались сему пленнику и обещали ему неминуемую смерть. Берды-хожа, не видя средства избавиться постигшей его участи, желая ускорить свой конец, вынув нож, заколол оным

---

[1] Часть 2, стр. 271-272.

[2] «Киргиз-кайсаки большой, средней и малой орды» в «Сибирском вестнике», часть 9, 1820 года. Об источниках своих сведений, помещенных во всей этой статье, Спасский говорит: «Последующие сведения о киргиз-кайсаках заимствованы частью из рукописи г. капитана Андреева, сообщенной издателю ...П.К.Фроловым, частью из собственных замечаний и выписок г.Фролова и самого издателя».

[3] У Андреева и у Спасского говорится об одном только набеге самого султана Тука или Тыза, Левшин же, вероятно, по ошибке, по собственным соображениям, пишет: «Тыз не один раз нападал на кровожадных соседей своих. Война, начатая с ними Аблаем, была поддерживаема и продолжаема многими отделениями киргиз-казаков, живущих близ границ китайских; но бурутов, привыкших к вечным сражениям, не легко было победить. Китайцы также испытали действия их храбрости и не раз были ими поражаемы, и потому неудивительно, что султан Тыз, безрассудно напав на них с горстью людей, был совершенно разбит и взят в плен, из которого выкупился на позорных условиях». У Спасского эпизод о Тызе изложен согласно с рассказом Андреева, так что все лишнее у Левшина принадлежит ему самому.

везущего его киргиза. Посему прочие дикие киргизы немедленно, схватя его, отрубили ему голову, руки и ноги и, распоров живот, склали их туда. Таковой варварский поступок с храбрым Берды-хожой не остался без отмщения со стороны брата его Ак-хожи и детей его Лепеса и Чока. Они и единоплеменные с ними киргизы тотчас сделали на диких киргизов нападение, много причинили им вреда и взяли в плен сына старшины Изеньгилда. По привозу же сего пленника и мертвого тела Берды-хожи в аул, жены сего последнего покрыли несчастного пленника многими ранами, прекратившими его жизнь. Все сии происшествия ясно удостоверяют, сколь пагубна и ненавистна свобода, не обузданная благоразумием и законами. Киргиз-кайсаки утратили свое счастье вместе с уважением к своим ханам, правителям и законам»[1].

Местность, где происходили события, изложенные в приведенном рассказе, именно Джиты-су или Семиречье, подтверждает, что Берды-хожа имел дело не с кара-киргизами, отделенными от р. Лепсы, где, примерно, погиб Берды-хожа, огромным расстоянием, а с больше-ордынцами, и притом, всего вероятнее, с джалаирами, потому что этот род и теперь, и надо полагать, уже в то время, был самым северо-восточным из родов Большой орды и занимал земли между Аягузом и Караталом. Подтверждается последнее обстоятельство тем фактом, что в 1847 году, после принятия русского подданства, Большая орда, именно джалаиры, главным образом, заявляла претензии на занятые уже к тому времени найманами Средней орды земли от Копала до р. Лепсы, доказывая, что земли эти искони принадлежали Большой орде и захвачены найманами в недавнее время. Спор этот генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков решил в пользу найманов лишь на том основании, что средне-ордынцы занимали спорные земли уже с достаточно давнего времени, так как владели ими уже при открытии в 1831 году Аягузского окружного приказа; границей между найманами и джалаирами назначил он впредь линию от вершины р. Балыкты по хребту Джон через сопку Кум-тюбе до сопки Ак-тюбе[2]. Причина, по которой джалаиры, с которыми барантовались чаншклинцы Берды-хожи, именовались в семипалатинских бумагах, сюда относящихся, дикими киргизами, т.е. кара-киргизами, может с значительной вероятностью заключаться в том, что в числе джалаировских родов есть род кучук, имеющий, по-видимому, кара-киргизское происхождение, ибо существует род того же имени кучук на Иссык-Куле в среде богинцев. По свидетельству Н.А.Абрамова, кучуки считаются вошедшими в состав джалаиров позже всех остальных двенадцати родов. По ведомостям для сбора кибиточной подати за 1865 год, род кучук у джалаиров, имевший зимовки в Аркалыке и на Камау (устье р. Или), состоял из 764

[1] «Сибирский вестник», 1820 года, стр. 126-129. У Левшина рассказ этот, еще более украшенный цветами красноречия, помещен в части 2 его сочинения на стр. 273-275. Он, неизвестно на каком основании, утверждает, конечно, ошибочно, что Берды-хожа управлял «тою частью меньшой орды, которая кочует около границ Китая и повинуется Богдыхану». Между тем, сколько известно, никакие роды Малой орды на китайской границе ни в то время, ни позже не кочевали.

[2] Рукописная записка моя «О поземельном устройстве Семиреченской области», составленная мною в 1871 году и доставленная туркестанскому генерал-губернатору. Вследствие продолжающегося напора среднеордынцев к юго-западу уже в 1853 году границей джалаиров стала считаться р. Биень (дело пристава Большой орды, 1853 года, № 2). В настоящее время граница эта отступила уже далеко от Биени и приближается к Караталу.

кибиток; в то же время кучуки у богинцев на Иссык-Куле числились в количестве 761 кибитки. Вероятно, баранта у чаншклинцев Берды-хожи происходила именно с джалаировскими кучуками, которых враги их именовали кара-киргизами в виду их родства с кара-киргизскими кучуками.

Начальник сибирской линии генерал-поручик Штрандман доносил от 10 сентября 1795 года «о приезжавшем в Устькаменогорскую крепость большой киргиз- кайсацкий орды юсунской волости Тагас-беке, который ...объявил, что имеет от ...Юнус-хана (владетеля Ташкента, покорившего б. киргизскую орду, как выражался о нем Штрандман еще 2 февраля 1794 года) поручение совещаться о торговых делах, что когда со стороны российской окажут взаимное желание и обнадежат отправляемые из Ташкента караваны защищать от насилия киргизсцев средней орды, то к будущей весне Юнус-хан отправит большой караван с товарами, препровождаемый киргизсцами большой орды, под смотрением его, султана, и что тот караван до сопки, называемой Чингис, он выпроводит, но от сего урочища (отстоящего от Семипалатинской крепости верст на двести) провожание его и охранение (должно быть на обязанности) российских войск». Щтрандман изъявил на высылку отряда для встречи каравана согласие[1].

По словам берггешворена Поспелова[2], который совершил в 1800 году поездку от Иртыша до Ташкента и обратно через верховья Нуры и низовья Чу, Большая орда занимала земли «от р. Цуя до р. Сыр-дарьи и большая часть оной состоит под зависимостью ташкентского владетеля... В большой орде достоинство ханов ташкентским владельцем совсем уничтожено и киргиз-кайсаки управляются биями (судьями) или старшинами». Государем Ташкента был в то время Юнус-ходжа, который овладел властью при помощи владельца ходженского. Он в 1798 году пошел на казаков, которые дотоле притесняли Ташкент, разбил их и подчинил, наведя страх беспощадными казнями. Затем он взял Туркестан, которым овладели было бухарцы, а в 1799 году разбил под Ташкентом войска коканского владетеля Хан-ходжи, пленил его и казнил[3]. Юнус-ходжа отобрал у казаков «все селения, во власти их находившиеся», и обложил податью, взимая из ста баранов одного ежегодно. «Из соседственных с его владением киргизов многие избегали его власти: одни удалились в числе нескольких тысяч кибиток на Иртыш и соединились там со средней ордою; некоторые откочевали к горам Ак-тау, остальные - в разные другие места[4]. В 1814 году подчинявшиеся Юнус-

[1] «Архив Государственного совета», Спб., 1869 года, т. 1, часть 2, стр. 637 и 640. В числе рукописей Казанского университета есть «Краткое описание о киргиз-кайсаках». Оно составлено по делам генерал-прокурора и содержит «особливого примечания достойные обстоятельства и происшествия о киргиз-кайсаках, какие с 1782 г. (время передачи орды из ведомства коллегии иностранных дел в ведомство генерал-прокурора) поныне (1796 г.) у генерал-прокурора известны». Описание помещено на 3 - 27 полулистах рукописи и касается, между прочим, «разделения сего народа, границ, числа их (киргиз-кайсаков), нравов, промысла и законов» («Летопись занятий Археологической комиссии», вып.7, отд. III, стр. 113 и 114).

[2] «Поездка Поспелова и Бурнашова в Ташкент в 1800 г.» в «Вестнике р. географического общества», 1851 года, часть 1, стр. 4 и 5.

[3] Там же, стр. 21-23. По сведениям Бурнашова....

[4] Левшин, часть 2, стр. 90 и 91.

ходже казаки «сделались собственностью хана кокандского», но «отделения, около Чимкента обитавшие, бросили пашни свои, даже сады, и перешли к границам китайским»[1]. По кокандским летописцам, в Ташкенте до Юнуса правили ходжи, находившиеся в номинальной зависимости от Бухары и постоянно между собою враждовавшие. Юнус-ходжа утвердился ранее 1785 года, при помощи Хан-ходжи, правившего Наманганом в царствование Нарбуты-бия (1778 - 1808 гг.). Вступивший на престол в 1808 году и принявший титул хана сын Нарбуты Алим-хан, отправляя войско для покорения Ташкента, начальство над ним вверил Хан-ходже, продолжавшему править наманганским вилаетом. Войско это был разбито Юнус-ходжою на Чирчике и бежало. Попавший в плен Хан-ходжа был на третий день повешен или зарезан. Ташкент был покорен Алим-ханом в 1810 году по смерти Юнус-ходжи, место которого занял сын его Султан-ходжа[2].

Самостоятельность Ташкента, под управлением местных ходжей, началась, вероятно, со времени падения цзунгаров. По крайней мере, до Оренбурга доходили слухи о происходивших уже зимою 1762 года у ташкентцев междоусобиях и кровопролитии по поводу неправильного их беками разбора народных дел; смута продолжалась до весны 1763 года, когда какой-то бек Арзень (вероятно, коканский Ирденебий, предместник Нарбуты) вызвал обоих ташкентских беков и заменил их коканскими[3]. Можно думать, что и казаки Большой орды, после падения калмаков, не имели ханов и управлялись родоначальниками. В 1762 году Абул-Мамет-хан владел в Туркестане, но ни Ташкент, ни, вероятно, больше-ордынцы ему не подчинялись. Этим отсутствием у Б. орды ханов и объясняется невосстановление прежнего казацкого владычества над Ташкентом[4].

«Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительственных и других достоверных источников», и напечатанное в С.Перербурге в 1810 году, дает о киргиз-кайсаках вообще и о Большой орде, в частности, следующие сведения[5]: «Народ сей состоит больше под покровительством, а не в подданстве России, и почти не принадлежит к народам сибирским. Киргизцы, вероятно, названы так по имени своего родоначальника. Предания их говорят, что они произошли от нагайских татар, некоторые же считают их потомками монголов. Как бы то ни было, только о происхождении сего народа ничего верного сказать нельзя, тем больше, что и самое имя его известно стало в Европе не прежде покорения Сибири российским оружием... Киргизцы разделяются на три особыя орды: малую, среднюю и

[1] Там же, стр. 91. В «Записках о некоторых народах и землях средней части Азии Филипа Назарова, отдельного сиб. корпуса переводчика, посылавшегося в Кокант в 1813 и 1814 гг.» (Спб., 1821 г., стр. 34) говорится, что путешественник этот видел близ Чимкента «обиталища прежних киргизов, их сады, курганы и поля; теперь все это запустело, ибо перешли они к китайским границам».
[2] Наливкин «Краткая история Коканского ханства», Казань, 1885 г., стр. 73-75, 78, 79, 86, 87.
[3] Вельяминов-Зернов «Исторические сведения о киргиз-кайсаках» и пр., т. 1, стр. 111.
[4] Вероятно, только основываясь на к.-казачьих преданиях, Ю.Д.Южаков («Отечеств, записки», 1867 г., том 173, стр. 403) упоминал, что «во главе управления Ташкента, еще 60 лет тому назад, (т.е. в 1807 г.?), стояли киргизские бии; им управляли один после другого: бий Тюле - джанысовского рода, бий Джаулюбай - чемыровского рода, и бий Кошгульдэ - того же рода».
[5] Стр. 129-133.

большую, и живут в пространных степях между Уралом и Иртышом, по имени их киргиз-кайсацкими называемых. С большою ордою, обитающею между Великой Бухарин и калмыцкой земли, Россия никогда не имела союза; другие же две орды с 1738 и 1739 годов состоят некоторым образом в подданстве России, но подати никакой не платят, а только в залог верности своей посылают в разные пограничные наши города по нескольку молодых своих людей из княжеского или другого знатного рода... Киргизсцы, как и прочие азиатские кочевые народы, живут в войлочных кибитках и имеют пропитание единственно от знатного своего скотоводства, звериною же ловлею занимаются очень мало. В обеих ордах, подвластных России, особливо в средней, богатые люди содержат столь великие стада, что у некоторых есть по 5 т. лошадей, по 20 т. овец, по 300 верблюдов, по 3 и 4 т. рогатого скота и по 1 т. коз. Богачи сии живут весьма прохладно, имеют многих невольников, получаемых в добычу при чинимых ими набегах, и сверх того обыкновенно содержат у себя в услужении многих бедных своих земляков. Власть их ханов и князей весьма невелика и приобретается большей частью по мере богатства. Впрочем, у киргизцов есть некоторые гражданские учреждения и законы, весьма строго ими наблюдаемые. Орды их, из коих в каждой считается тысяч до 30 кибиток или семей, разделяются на колена, колена на улусы, а сии последние на роды или аймаки. Число киргизцов, могущих владеть оружием, простирается до 100 т. человек. Закон исповедуют магометанский, и образ их кочевой жизни не дозволяет им иметь неподвижных мечетей, то духовные приезжают к ним для совершения богослужебных обрядов. Киргизцы торгуют с Китаем и Россией[1]. В наши пограничные места пригоняют свой скот и выменивают на него разные товары».

По сведениям Спасского, источник которых и время в точности неизвестны, Большая орда состояла из четырех родов: «1) Дулатовского рода в 4 отделениях до 40000 семейств. Управляет султан Адиль, под именем хана, с особыми старшинами. Всегдашние кочевья на китайской границе близ городов Кулджи, Кашкара и Кукана, около рек Талаша, Ангереня, Чирчика, при горе Чингис-цаган (?) и в Зюнгории. 2) Сергамского (Сергалы?) рода в 5 отделениях до 20000 семейств. Управляет султан Ирили Букеев со старшинами. Кочует летом от Туркестана к Ак-мечети, при вершинах рек Сыра и Кувана и при озерах Алсу-куле и Аунамазе, зимою при реках Сара-су и Караче. 3) Сараюсун-джалигирского рода в 2 отделениях до 7000 сем. Управляет старшина Сары-батыр с товарищами. Кочуют смежно с последними. 4) Канклы-

[1] Инспектор сибирской инфантерии ген.-майор Лавров сообщал для посольства графа Головкина 1805 года, что торговля в городах по западной китайской границе позволена китайцами одним только киргизским султанам. Поэтому наши купцы принуждены получать благосклонность султанов дорогой ценой, устраивая, чтобы они дозволяли отправлять наши караваны под видом их собственных. Торговля в китайских городах производится только с казною; торговать с частными лицами запрещено. Китайцы, так же как русские, считают киргиз своими подданными и употребляют для привлечения их те же средства: утверждают ханов, принимают депутатов, делают подарки, дают чины и позволяют преимущественно перед другими производить торговлю на границе. Двойная подвластность киргиз чрезвычайно затрудняет пограничное начальство в прекращении их грабежей. Пограничным властям нельзя сделать никакого сношения с китайскими пограничными начальниками: всякие сношения с нами строго запрещены; они не смеют даже принять писем русских пограничных начальников и письма эти должны отсылаться в Пекин («Известия сибирского отдела русского географического общества», том III, 1872 года, № 3, В.И.Вагина «Посольство графа Головкина»).

Чанглынского рода в 2 отделениях до 3000 семейств. Управляет Аджи-мамет-батыр. Кочуют при Сыр-дарье и Ташкенте. Итого в ...Большой орде до 70000 семейств».

По тому же автору, в 100 отделениях Средней орды до 159400 семейств и в 217 отделениях Малой орды - до 158200 семейств, во всех же трех родах - до 387600 семейств, а полагая число людей, «в рассуждении многоженства, по крайней мере, по 3 души мужеского пола на всякое семейство, составится всех киргиз-казаков до 1162600 ч.»[1].

Туркестан после смерти Юнус-ходжи возвратился во власть казаков, потому что преемник Алим-хана Омар-хан отнял его в 1819 году у казацкого султана (тюре) Токая, который во время штурма города бежал. По удалению Омар-хана в Кокан, Токай получил небольшую помощь от бухарского эмира и занял Сузак, но высланный коканским хакимом Туркестана отряд заставил его спасаться бегством. Впоследствии этот Токай был зарезан в Бухаре[2]. Во время похода на Туркестан, в 1819 году, Омар- хан получил «письмо от Адыл-туре (чингизи), которым тот уведомлял, что вышел с 2 т. нукеров из пределов Китая, где кочевал до сих пор постоянно, и идет на Дешт-и-Кипчак, с целью послужить Омару, слава которого дошла и до их далеких аулов. Посланные увезли с собою ярлык, на имя Адыл-туре, принятого с этого времени под покровительство коканского хана»[3]. Тут идет речь, очевидно, об Адиль-султане, который, вероятно, продолжал кочевать с частью дулатов около Таласа и, быть может, опасался, как бы вместо Туркестана коканцы из Сайрама не направились на Талас. Малосильный и боязливый Адиль-султан не причинял хлопот коканцам, но не желавшие подчиняться им казаки нашли себе другого вождя. В начале зимы 1821 года, после возвращения наманганского хакима из степи, куда он ходил по приказу хана грабить казаков, эти последние «пригласили некоего Тентяк-туре, выдававшего себя за потомка Тохтамыша, принять над ними начальство и открыть военные действия против Омара. Около Туркестана к Тентяк-туре собралось до 12 т. киргиз, с которыми он немедленно же занял Сайрам и сделал его своим опорным пунктом... Получив сведения о приближении коканских войск, киргизы разделились на двое: одни с Тентяк-туре заперлись в Сайраме, а другие в Чимкенте, который был много надежнее и незадолго перед тем до этого тоже перешел в их руки. Коканцы обложили и Сайрам, и Чимкент. После продолжительной осады начались переговоры, которые кончились

[1] «Киргиз-казаки большой, средней и малой орды» в «Сибирском вестнике, издаваемом гр. Спасским, 1820 года, часть 9, стр. 86, 96 и 109. Вероятно, сведения этой статьи относятся к началу настоящего столетия и, быть может, частью к концу прошлого, потому что в числе источников автор упоминает капитана Андреева.

[2] Наливкин «Краткая история Коканского ханства», стр. 111 и 113.

[3] Этот Токай, мне кажется, есть Таука-хан, владевший, по сведениям капитана Андреева (рукописное «Описание средней орды», 1785 года, лист 42 на обороте и 53 на обороте), в его время, ташкентским городом Туркестантом. На основании сведений же Андреева (там же и листы 51 и 52) Джучиды Средней орды кажутся мне принадлежавшими двум ветвям, происходившим от Шигай-хана, сына Ядик-хана (см. Вельяминова-Зернова «О касимовских царях» и пр., ч. 2, стр. 121 и др.), именно ветви от сына Шигая Турсун-хана и ветви от сына же Шигая Ишим-хана. У Турсуна был сын Кучак-хан, а у него сыновья Абул-Мамет-хан и Барак-хан. У Абул-Мамет-хана (старшего современника Аблай-хана) были дети Абулфеис-султан (времени Аблая), Полат-хан, правивший в роде конград, и Таука-хан, владелец Туркестана. У брата Абул-Мамет-хана Барак-хана были, между прочими...

тем, что Тентяк-туре признал над собою власть хана и отослал в Кокан своего сына с повинной»[1].

На историю кыргызов и на отношения их к казакам со времени падения цзунгаров до подчинения коканской власти могут пролить некоторый свет известия об участии кыргызов в нападениях на бежавших с Волги в Китай в 1771 году торгоутов.

В путь свой от Волги торгоуты пустились в конце ноября 1770 года. 18-20 января 1771 года торгоуты переправились через Волгу, в числе более 70 т., по показанию задержанного хошоутовского зайсана Бургутея, который пояснял, что «исправных воинскою сбруею и вооруженных и на половину не будет»[2]. 18 февраля беглецы достигли р. Эмбы, где вынуждены были остановиться по усталости и упадку скота от бескормицы. Здесь начались нападения на них хана Малой орды Нурали, брата его Эрали и других, которые собрали к этому времени своих к.-казаков и стали преследовать торгоутов по требованию русского правительства. Стычки производились небольшими партиями и часто были для казаков неудачны, потому что калмаки, участвуя ранее в походах русских армий, были искуснее казаков в воинском деле. В первых числах апреля торгоуты двинулись в дальнейший путь, «большею частью пешие и делая перекочевку не более 10 верст в день». 12-15 апреля перешли они Мугоджаские горы и затем через вершины Улькаяк и Тургая дошли до Сары-су и наконец, около 10 июня, достигли р. Моинты (не доходящей до Балхаша приток его), преследуемые все время к.-казаками[3]. Тут они были окружены ополчениями Нурали-хана и прибывших, наконец, султанов Средней орды Аблая, Абулфеиса и их родственников. О происходившем здесь Нурали-хан писал оренбургскому губернатору, что султан Аблай первый напал на торгоутов, но был ими обращен в бегство; тогда Нурали ударил им во фланг, перебил у них много людей и отнял три пушки; окружив после этого калмаков, к.-казаки держали их три дня в осаде, в безводном песчаном месте и все время сражались; а когда уже взять их предприняли, то ночью они скрылись». По уверению Нурали-хана, пропустил их ночью Аблай, который оправдывался, что «хотел сделать хитрость, но оплошал». По усталости лошадей Нурали-хан прекратил дальнейшее преследование торгоутов и возвратился домой, отозвав и султана Эрали, который преградил было калмакам дальнейший путь и готовился вступить с ними в бой. По другим рассказам, торгоуты бежали ко времени окончания трехдневного перемирия, заключенного ими с казаками под условием передачи им захваченных во время стычек и пути их пленных[4]. По китайским известиям, Нурали-хан, которого эти известия называют Углы-Нурали (Нурали-оглан, т.е. Нурали-царевич), настойчивее и успешнее других казацких предводителей действовал против торгоутов и с 10 т. отборных людей задержал движение Убаши на полмесяца, а потом сообщил ему полученное в это

[1] Наливкин «Краткая история Коканского ханства», стр. 119.
[2] «Бегство калмаков в Китай в 1771 году, исторический очерк Юр.-ко» в «Уральских войсковых ведомостях 1869 г., № 5.
[3] Там же, № 6.
[4] «Уральские войсковые ведомости», 1869 года, № 10.

время на донесение Аблая и казаков повеление китайского илийского главнокомандующего: «обратить внимание к охранению страны и не дозволять тургутам проходить через пастбищные места, а кто из них окажется дерзновенным, тех передавать смерти». Убаши по совещании с сановниками своими и духовенством, «положил идти через Халатол. Как сия страна изобилует скотом и пастбищами, привольными водою и травами, то он хотел при помощи грабежей достигнуть Или и там посмотреть на обстоятельства. Но Углы-Нурали крепко держался на своем посту, и Убаши простоял перед ним около пяти дней. Жители в Халатала, услышав о сем, собрались во множестве отборных людей, в намерении дать сражение, ежели тургуты покусятся войти в пределы их. Когда Убаши с прочими узнал о предписании илийского главнокомандующего, то не знал, что предпринять: почему заключил мир с Углы-Нурали, и пошел к Шара-беку. Но Углы-Нурали, предводительствуя жителями Кичик-юза и Харлатала, выступил против чаяния тургутов, разрезал их на две части и начал грабить. В это время побито было множество тургутов. Когда они достигли южных пределов Шара-бековых, то очутились в соседстве с бурутами. Когда услышали о сем буруты, то прыгали от радости и поздравляли друг друга с толиким даром неба. Они собрали до 100 т. конницы. Убаши принужден был уклониться от них к северным Шарабековым пределам, и вступить в песчаную степь, которая на тысячу ли пространства не имеет ни травы, ни воды. В сие время была уже третья луна (апрель) и погода настала теплая. Люди принуждены были пить кровь из лошадей и рогатого скота, от чего сделалась сильная моровая язва. Сказывают, что в сие время померло до 300 т. человек; из скота уцелело не более трети. Через десять дней с крайним затруднением выбрели из песчаных степей: но буруты уже давно ожидали их за степями. Нападая на тургутов то с лица, то с тыла, то соединенно, то партиями, они денно и нощно преследовали и отняли у них скота ... и имущества гораздо более, нежели казаки. Достигши урочища Тамга, они приблизились к китайским пограничным караулам. Тогда буруты, собрав свои войска, отступили. Убаши, по приходе в Тамгу, еще имел до 280 т. человек обоего пола возрастных и малолетних. Главнокомандующий отправил трех генералов с несколькими офицерами спросить о цели прихода. Убаши с тайцзиями и ламами советовался около семи дней, и наконец, решился объявить, что он поддается великому императору... После сего главнокомандующий разместил народ его по разным местам в Или и донес двору»[1].

По «Памятнику переселения тургутов», тогдашнего кит. императора, правление которого именовалось Цянь-лун, тургуты, после восьмимесячного пути от пределов России, прибыли в конце шестой луны (1771 года) «на границы Шарабеня (Charaben), недалеко от берегов р. Или». Для попечения об устройстве их был послан из Уша сановник Шухэлэ. «По прибытии своем тургуты нашли жилища, пищу и все удобства,

[1] «Си-юй-вынь-цзянь-лу» в переводе о. Иакинфа («Описание Чжунгарии», 1829 года, стр. 189— 193). Почти то же самое рассказывается в другом кит. источнике: «О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию. Сочинение китайского князя Цишия, переведенное с китайского подлинника надв. советником Липовцевым» «Сибирский Вестник, изд. Спасским», 1820 года, часть 12).

какие имели бы у себя дома... Я отворил для них свои хлебные склады и казначейства, я предоставил им свои стада и табуны»[1].

По русским сведениям (от к.-казаков и калмаков), Убаши с 30 т. кибиток, в половине июня 1771 года, прорвавшись ночью сквозь окружавших его к.-казаков, пошел «вдоль западного берега Балхаша, по восточной окраине Голодной степи. От недостатка корма, выгоревшего во время лета, и по той причине, что в Балхаше и его окрестностях вода была горькая, непригодная для питья, люди и скот начали гибнуть по сотням и тысячам в день. Усеяв свой путь трупами людей и животных, претерпев ужасные бедствия», торгоуты «в первых числах июля достигли верховьев рек, впадавших в Или, Курту, где теперь находятся русские укрепления Кастек и Каскелен, на одном из притоков... лежит Верное. Они поселились (?) на камне Уч-Алматы и приняты под защиту китайских властей и караулов»[2]. Зайсан Сага, которого атаман Волошанин нагнал 11 августа 1771 г. около р. Или бредущим пешком с 30 калмаками, рассказал

---

[1] Memoires concernant l'histoire etc., des Chinois, par les missionnaries de Pekin, Paris, 1776, t. I, pp. 408, 409, 412, 416. По тому же «Памятнику» укочевать из России побудили тургоутов частые требования людей в русские войска, взятие собственного сына Убаши в заложники и пренебрежение к религии тургоутов. Император, вероятно, слышал это от самого Убаши. Действительно, в 1769 году, напр., было сделано распоряжение о наряде к армии 20 т. калмаков («Архив государственного совета», 1869 года, т. 1, стр. 241). О намерении торгоутов бежать были сведения и переписка еще в 1770 году (там же, стр. 243).
В книге академика Пекарского «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», (Спб., 1867 г., стр. 127, 125, 126) собраны следующие данные о причинах бегства торгоутов: Подполковник Кишинский, бывший приставом при Убаши, непомерною гордостью и надменным обращением с калмаками много способствовал, по словам Бергмана, скорейшему осуществлению калмаками намерения оставить навсегда русские пределы. Астраханский губернатор Бекетов имел о замыслах этих сведения и предупреждал Кишинского, но тот не дал этим сведениям веры. В конце 1770 года Бекетов был в Петербурге и в это, должно быть, время состоялся всеподданнейший доклад, подписанный графом Паниным, князем Голицыным, графом Григорием Орловым и Бекетовым, по поводу жалоб калмаков на занятие их земель поселениями колонистов и другими. Доклад пред полагал составить карту местностей, обитаемых калмаками, и впредь не допускать никаких поселений. По словам киргизов, попавших в плен к калмакам и потом бежавших от них, калмаки «с жалостным воплем» вспоминали о Волге и говорили, что главнейшею причиною ухода их были наущения главного ламы Лаузана Ланчина, который, пользуясь их суеверием, склонил народ возвратиться в Зюнгарию («Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи, 1771 г.»). Паллас при описании бегства калмаков прежде всего ссылается на «Дневные записки» Николая Рычкова, потом говорит о влиянии на народ духовных лиц, которые стращали калмаков, что русские намерены вводить у них христианство, земледелие и рекрутство; наконец намекает, что было множество других второстепенных причин и неизбежных обстоятельств, по которым калмаки считали себя обиженными от русского начальства (Sammlungen historischen Nachrichten uber die mongolischen Völkarschaften, S.Pet., 1776, Thail I, ss. 88-90).
Бергман (Nomadische Streitfereim unter den Kulmüken, Riga, 1804, Erster Theil, ss. 141-246), почерпавший свои сведения в 1802 году главным образом из рассказов коллежского советника Михаила Савича Веселова, захваченного торгоутами при бегстве их в плен за Тургай и успевшего оттуда бежать, утверждает, что Убаши склонен был к бегству родственником своим Цебек-Дорчжи и главным ламою Лозаном Джалцаном, из которых первый имел какие-то честолюбивые замыслы, а второй рассчитывал на усиление влияния духовенства в большей близости к Тибету. По его сведениям, хойтский Цэрен, бежавший на Волгу в 1758 году, противодействовал Цебек-Дорчжию и Лозану Джалцану, потому что боялся попасть в руки китайцев как родственник и сторонник Амурсаны, боровшийся до конца, и склонился в пользу ухода только тогда, когда увидел, что стоять один против общего мнения не может. Кишинский был арестован и года через три с горя умер.

[2] «Уральские войсковые ведомости», 1869 года, № 10, стр. 3. Известия эти и имена взяты автором из журнала подпоручика атамана Волошанина, который был послан с 30 казаками с сибирской линии для сбора сведений о торгоутах и доходил до р. Или. В «Известиях р. географического общества», 1883 года (стр. 312-314) помещена краткая заметка Н.М.Ядринцева о маршруте Волошанина, хранящемся в архиве Главного штаба. Весьма было бы желательно напечатание журнала Волошанина, составляющего, по-видимому, весьма интересный материал для выяснения истории бегства торгоутов и для современной географии страны от Иртыша до р. Или.

ему, что после прорыва Убаши с главной частью торгоутов, к.-казаки отступили на север к р. Нуре. Воспользовавшись этим, отставшие на Моинты, за усталостью скота или за неимением вьючных животных, торгоуты, в числе 20 т... под начальством нойона Танжи, направились на восток по северному берегу Балхаша. «Избрали они путь, хотя более кружной, но зато более изобильный кормами и водою, вдоль северного берега Балхаша, через реки Аягуз, Jlency, Каратал, к Или, где их ожидал для приема китайский отряд силою в 20 т.ч... Султаны Абу-Феис, Салта- Мамет и другие батыры и султаны средней орды, проведав, что... партия торгоутов, худоконная и в большинстве пешая, идет на Аягуз, собрались преследовать. Они нанесли сильный урон калмакам: 5 т. взято в плен, 5 т. погибли от оружия и 5 т. умерли с голода и жажды, так что весь путь около Балхаша усеян (был) трупами людей и скота... Забирая в плен, киргизы уводили только женщин, детей и скот», а «мужеской пол больше убивали до смерти». На 500 с лишком кибиток, которые, не имея ни лошадей, ни иного скота, не могли следовать за Танжи, напал Барак-батыр и забрал их в плен. Некоторые, однако, спаслись бегством, по одному и небольшими партиями. Питались они падалью, во множестве лежавшей на пути, пили горькую воду Балхаша, «а иные и друг друга убивали и тем пропитание имели». Начальник китайского караула (цзян-гин-боши, т.е. унтер-офицер) сообщил Волошанину 12 августа, что перепись принятых в китайское подданство торгоутов закончена 12 августа, что их «числом более 30 тысяч в принятии оказалось» и что поселены они «в верховьях Или»[1].

В Халатол, Халатала или Харлатала (у Ци-ши «халатарская» земля) о. Иакинф предполагает горы Кара-таг, т.е. хребет Каратау, или монгольское слово Хара-тала. Дело возможное, что Убаши хотел от Балхаша идти к Каратау, чтобы продолжать дальнейший путь у северных предгорий Александровского хребта и Алатау. Каратау есть ближайшая от западной оконечности Балхаша местность, где торгоуты могли

[1] «Уральские войсковые ведомости», 1869 года, № 10, стр. 4 и 5. Китайские известия вообще крайне преувеличивают численность торгоутов. Так, по Циши торгоутов было в России более 920 т. кибиток, из которых ушло с Убаши 460 т. семейств («Сиб. вестник», 1820 г., часть 12, стр. 172 и 188). Та же цифра - 460 т. киб., ушедших из России, повторяется в «Си-юй-вынь-цзянь-лу», по которому пришло в кит. пределы до 280 т. душ. Между тем по доставленным Убаши-ханом в 1767 году сведениям, было торгоутов всего 41843 киб., «если допустить, что калмыцкие князья уменьшили количество своих податных кибиток против действительности, что не показано многочисленное духовенство и т.д., все-таки нельзя считать более 70 т. кибиток или семей, за вычетом же 12342 кибиток оставшихся, ушло 55-60 т. киб. (Sammlungen historischen Nachrichten über die mongolischen Volkarschaften, durch P.Pallas, Erster Theil, 1776, ss. 92, 93). Это мнение Палласа общепринято, но в «Словаре географическом Российского государства» (часть III, стр. 142) число ушедших с Убаши показано в 28162 и оставшихся 13155 киб. Принимая в расчет лам, нужно считать на каждую кибитку двух мужчин, могущих носить оружие, а потому цифре Бургея, 70 т. воинов, перешедших за Урал, будет соответствовать цифра в 30 т. кибиток. Если по переписи на кит. границе оказалось 30 т. могущих носить оружие, то добралось до китайских земель не более 15 т. кибиток, в которых могло уцелеть не более 50 т. душ обоего пола, потому что дети и значительная часть женщин должны были погибнуть в пути.
Бергман (ss. 219, 220) полагает доставленные Убашою сведения о численности калмаков в 1767 году в 41643 киб. сильно уменьшенными против действительности с целью убавить цифру нарядов калмацких ополчений в русские армии. Число ушедших кибиток он считает в 70-75 т. на том основании, что, по слышанным им рассказам, Убаши при переходе через Урал велел привести в известность численность народа и зайсаны доставили сведения, по которым число кибиток равнялось 70 т. Я думаю, что счет относился не до числа семей или кибиток, а до числа ратников, и потому число кибиток полагаю около 30 т.

найти пастбища и воду для поправки скота и для продолжения пути по удобным в том же отношении местам. Под Шара-бековой землей нечего разуметь кроме ур. Шара-бэль, т.е. калмацкого названия долины левого берега реки Или, от р. Курту до оз.Балхаша[1]. Подтверждается это и сведениями Волошанина, по которым торгоуты направились от Балхаша на Курту и Уч-Алматы. Надо думать, что Убаши оставил мысль идти к Каратау вследствие слухов о сборах для борьбы с торгоутами каратауских и сыр-дарьинских казаков и вследствие удлинения, при таком направлении, пути до китайской границы, тогда как враждебность казаков и трудность защищаться от них убеждали, что единственное спасение для торгоутов заключается в скорейшем достижении китайских пределов. Поэтому, обогнув Балхаш, торгоуты направились к Илийской долине. По всей вероятности, Убаши хотел идти на восток, придерживаясь Чу-Илийских гор, в которых можно было находить и пастбища, и воду, но появление в этих горах бурутов вынудило торгоутов уклониться от означенных гор на восток и держать поход через пески, лежащие между означенными горами и рекою Или. Испытав здесь описываемые китайцами бедствия (но шли здесь торгоуты не в третьем месяце, когда в начале весны есть корма и в этих песках, а в июне и июле, как говорят русские сведения, когда тощая и редкая травяная растительность песчаной пустыни была уже давно выжжена солнцем), беглецы достигли более обильных травами и водою местностей, начиная от р. Курту. Здесь они зато подверглись нападениям бурутов, на протяжении около двухсот верст или по крайней мере недели пути по долине между р.Или и Алатау, пока не достигли китайского караула на ур. Тамга. Это урочище находилось, во всей вероятности, на востоке от р.Нарына: в исчислении местностей к юго-западу от китайской Кульджи «Дай-цинь-и-тун-чжи» упоминает ур. Тамга, Темурлик, Кегень и т.д.[2], а на карте Рената на востоке от р. Темерлик, притока Нарына, значится р. Тамга. Имя свое эта речка Тамга, вероятно, носила тогда от каких-нибудь находившихся в верховьях ее в хребте Темирлик изображений на скалах. Если китайский караул на Тамге не назывался Чунджи (караул Чунджи значится в «Дай-цинь-и-тун-чжи», а караула Тамга нет), то он находился недалеко от Чунджи на восток[3].

Цифра 100 т. воинов у бурутов, конечно, сильно преувеличена; в действительности, вероятно, торгоутам не приходилось выдерживать нападений и половинного числа тюркских кочевников, и то в том лишь случае, если вместе с бурутами действовали

---

[1] Название Шара-бэль (шара по-монгольски «желтый») должно соответствовать тюркскому Сары-тау-кум, т.е. желтые песчаные горы. Сары-тау-кум «вообще называется пространство от р. Курту к западу до озера Балхаша, но собственно Тау-кум киргизы называют только местность от р. Курту до ключа Кали-Чингильды... Вся местность, называемая Тау-кум, песчаная; растительности в ней нет, кроме восьми сортов мелкого кустарника... Трудно себе найти подобную равнину, на которой сплошные громаднейших размеров чашины (громадных размеров лога или балки, в виде чашек) представляют вид отдельных гор;... на всем этом пространстве воды нет вовсе... Киргизы, кочующие в горах, пригоняют на зимовку верблюдов и баранов на Тау-кум, ибо обилие солонцов и малоснежная местность дают возможность скоту, без особого труда, доставать, хотя скудную, но питательную пищу, от которой он жиреет; за неимением речек, ключей и колодцев, снег заменяет здесь зимой воду для питья...». («Заметки о кочевом населении в Верненском уезде» Ю.Балицкого в «Туркестанских ведомостях» 1873 года, 6).

[2] Journal asiatique, 1846, T. VIII, 6 serie, p. 398.

[3] Ближайшими к темирликекому перевалами, к востоку от него, капитан Тихменев, собиравший сведения в 1881 году, называет Бага-тамгу и Чон-тамгу («Сборник материалов по Азии», вып. 2, стр. 50).

больше-ордынцы. Я, во всяком случае, не сомневаюсь, что местные кочевники, через земли которых шли торгоуты, - а такими кочевниками некому было быть кроме родов Большой орды, - нападали на калмаков вместе с кыргызами, хотя ни китайские, ни русские известия о казаках Большой орды не упоминают: китайцы, вероятно, не отличали роды Большой орды, управлявшиеся тогда биями и родоначальниками, от бурутов, а русские сведения так скудны, что не упоминают о нападениях на торгоутов на пути от Балхаша до китайских караулов даже бурутов.

По сведениям иезуита Amiot'a, в 1772 году, на другой год после прикочевания Убаши, прибыли в китайские пределы «те из элётов, которые прежде расселялись в обширных странах, известных под общим названием Тартарии, несколько орд бурутов и остатки тургутов..., всего 30 т. семейств, так что с 50 т. прикочевавших в предшествующем году составилось всего 480 т. ртов»[1]. Цифры в обоих случаях преувеличены, но в самом факте прибытия укрывавшихся где-нибудь в цзунгарском, напр., Алатау элётов, а также бурутов или казаков Б. орды, принятых за бурутов, и, наконец, партий отставших от Убаши торгоутов нет ничего невероятного.

Китайцы делили кыргызов на восточных и западных. По «Си-юй-т'у-чжи» земля, занимаемая ордою восточных бурутов, расположена к юго-западу от Дзунгарии, на северо-западе от мусульманских племен, у северного подножия Небесных гор. Она находится в 1400 ли от Или, на северо-востоке (?), и в 790 ли от Аксу, на юго-востоке. Орда восточных бурутов разделяется на пять родов, из которых три следующие наиболее значительны: волость (оток) саяк, повинующаяся многим вождям, из которых первый носит имя Турукибай, и состоящая из 1000 приблизительно семей; волость сарабакаши, подведомственная нескольким старшинам, из которых главный носит имя Чоликдзи, состоит приблизительно из 1000 семей. Есть еще один род, обитающий близ Таласа, под начальством нескольких вождей, из которых старший Майтак; в ней считается до 4000 семейств. Все эти родовые старшины друг от друга независимы; каждый год они выбирают из среды своей одного, который занимается общим управлением и которому подведомственны все дела. Этот чан (китайское слово) или глава союза называется Мамук-кули (Мухаммед-кули?) и стоит во главе всех родов, но только временно. Что касается нравов и характера этих бурутов, то они таковы: они корыстолюбивы и преданы раздорам; они придают большое значение искусству пасти стада; занимаются земледелием; они очень страшатся законов. Старинные пастбища восточных бурутов были на Гэгэнь-Каркира и на Темурту: будучи прогнаны с этих пастбищ дзунгарами, они нашли убежище на западе, в окрестностях Андижана; когда же Дзунгария была совершенно покорена, они могли занять прежние земли[2].

[1] Memoires concernant l'histoire etc., des Chinois, 1776, Paris, t.I, p. 403.
[2] Recucil de documents sur l'Asie centrale par C.Imbault-Huart, Paris, 1881, p. 151... По словам Эмбо Юара, пользовавшегося изданием 1872 года (p. 62), описание Центральной Азии в «Дай-цин-и-тун-чжи» второго и следующих изданий есть извлечение из «Си-юй-т'у-чжи» и представляет очень мало новых подробностей (p. 59).

«Земля западных бурутов находится в 300 ли на северо-запад от Кашгара. Дорога к ним проходит через Цзун-лин и Ош. Земля их расположена напротив земли восточных бурутов. В орде западных бурутов 15 родов, из которых главные суть следующие четыре: 1) волость (оток) эдгена, 2) оток монкордор, подведомственный Адзи-бию и состоящий из 700 приблизительно семей, 3) волость дзирик, имеющая старшиною Юмата, из 200 семей, и, наконец, 4) волость басто, подчиненная Корджу (Корчи?) и состоящая из 1300 семей. Хотя таким образом орда разделена на несколько родов, она, однако, вся обитает в одной и той же местности, которая на юго-востоке упирается на Цун-лин, а на запад простирается до Бухарского ханства. Она состоит из 200 т.ч., которые все - кочевники и следуют в своих перемещениях за водой и пастбищами. Земли ее, в эпоху Ханей, были заняты владениями Хюсюнь и Гюаньду»[1].

На карте Восточного Туркестана, помещенной в «Си-юй-т'у-чжи» и переведенной Эмбо Юаром, одни «роды бурутов» показаны в верховьях Нарына, которые изображены далеко западнее вершин Таласа, другие же «роды бурутов» надписаны у подножия горного хребта, лежащего к югу от Андижана, Маргилана и Кокана.

Автор «Си-юй-вынь-цзянь-лу», т.е. описание западной границы, окончивший свое сочинение в 1778 году, дает о кыргызах следующие сведения: «Бурут есть название кочевого народа, обитающего между Анцзичжаном и Кашгаром. Земли его обширны и многолюдны. Владельцы их называются би. Иные би имеют от 10 до 20, а другие - и до 30 аманей, жители которых числятся рабами их. Хотя все носят название бурутов, но не одного имеют би. Каждый би владеет своею землею, имеет своих подданных. Они все равносильны и не зависят друг от друга. По смерти би поставляют сына или брата на его место, а посторонние не могут заступать оного. Голову бреют, свинины не едят. Платье носят с узкими рукавами нараспашку. Шляпы их чет- вероугольные, с плоским верхом. Женщины для украшения втыкают на шляпе фазановые перья. Обыкновения и язык сходны с туркистанскими, а если есть разница, то небольшая. Живут в войлочных кибитках; занимаются скотоводством; питаются мясом; вино делают из коровьего и кобыльего молока, как и у олотов. Любят китайский фарфор, чай, гродетуры, бязи, табак и вино, и почитают сии вещи нужнейшими. Кэргизы бедны, но отважны: не дорожат жизнью. Падки на корысть, склонны к хищничеству, храбры на войне. Казаки и болуры боятся их. Даже чжунгары, во время своего могущества, не могли покорить их под свою власть. Они грабили как туркистанцев, выезжавших за границу, так и иностранцев, приезжавших на Новую линию для торговли. Но как скоро китайские войска покорили западный край, то кэргизы оставили свои разбои. Их бии ежегодно присылают своих чиновников к ушскому генералу с прошением о доставлении лошадей их к пекинскому двору. Как в 23 лето правления Цянь-лун (1758) китайцы имели войну с мятежными ходжами, то бурутский би Аким, кочевавший поблизости Кашгара, страшась великой китайской державы, вышел со своими людьми против хочжамов и всеми силами сражался с ними. Государь, уважая заслуги его, пожаловал

[1] Там же, pp. 161, 162.

его аким-беком в Ташмелек (Таш-балыг?). Бывшие под ним старшины также награждены чинами и павлинными перьями. Ныне люди его поколения кочуют во внутренности гор и в дремучих (?) лесах яркянских, кашгарских и ушских, спокойно занимаясь скотоводством»[1].

Проезжавший между 1774 и 1782 гг. из Кокана в Кашгарию затем в Аксу и потом обратно в Кашгар и в Индию Филип Ефремов между прочим говорит: «Далее (от Оша) к востоку начинается Малая Бухария и в ней кашгарская область; между же сими кочуют в горах киргызы, от киргиз-кайсаков особливового роду... Кукан смежен с землею диких киргызов... По бухарски киргыз-къиргыз, киргиз-кайсак же - казак... Разбои (на пути в Кашгар) от киргызов редки»...[2]

Глава 3 «Описания средней орды» капитана Андреева, 1785 года, озаглавлена «О диких или закаменных киргисцах». Я приведу ее сполна: «Пределы или границы называемых диких или и черных киргисцов начинаются от озера Балхаша Палестиною (?): ограждены великими и непроходимыми каменными горами, лежащими от известного камня Тарбагатая, называемыми Алатау, а по-ташкенски оные горы называются Тубулгуты, Шаты и Беделен, - до Сыр реки, откуда оный камень поворот свой имеет мимо озера Кубан Кунан и через реку Сарасу к морю Арал(ь)скому, а от повороту вниз по реке Сыру, не доходя до города Ташкента 80 верст, потому ж граничит камением мимо города Кукона, через реку Цуй к устью реки Или, которая впадает ниже сей грани верстах во 100 в озеро Балхаш. И облежат кругом оные великие и непроходимые каменные горы, так что киргис-кайсаки к оным с великою трудностью доходить могут в летнее время, когда не имеют ссоры; и оные потому ж выходят из-за камня Алатау для кочевок к устью рек Цуя и Каука(?), равнож подходят и к реке Сарасу, но далее сих мест, как бы они согласны не были, кочевья своего никогда не имеют. Почитается всех вообще, ежели оным збиратца на войну, до 50 тысяч. Жительствы свои имеют между сим камнем по каменным горам. Имеют довольное и изобильное хлебопашество. У которых никакого хана и султана не находится, а имеют одного князя или бия Атекая, который во всей их орде в почтении. Кочевье свое имеет в средине сего народа, в каменных горах, апшераморки и все (?) разделены по волостям. И имеют своих старшин. Также имеют довольно лошадей, скота, которых набегами своими киргис-кайсаки обеспокаивают и увозят людей, жен и детей в рабство, и грабят их имения, по большей части когда народ сей в летнее время в разделении упражняется на пашнях. Когда ж и оные будут о сем нашествии сведомы, збираются великими партиями, жестоко себя защищают. И частые между собою имеют ссоры. По успокоении ж с обоих сторон сих грабительств, киргис-кайсацкие ханы и султаны от диких берут к себе

[1] «Описание Чжунгарии и восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом», Спб., 1929 г., стр. 147 и 148. Перевод Шотта (Über die achten Kirgisen, ss. 465, 466) согласен с иакинфовским.

[2] «Странствования Филипа Ефремова в киргизской степи, Бухарин, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию», третье ...издание, Казань, 1811 г., стр. 102 и 103. В первоначальной редакции «девятилетнего странствования и приключений» Ефремова, относящейся к 1784 году («Русская старина», 1893 г., июль, стр. 143), значится вместо всего вышеприведенного только: «От Ушу в горах живут кочевые киргизцы».

и содержат в залог постоянства ананатов. Сии дикие киргисцы потомуж закона мухаметанского. И как во нравах, поведениях и в языке весьма с киргис-кайсаками сходны, и никакой отмены в них не видится, следовательно оные с ними единоплеменны, но по некоторым обстоятельствам от них отделясь, положили себе особые пределы, о чем и сами они никакого доказательства учинить не могут. Волости ж их сии: 1. атекайбагышская (сарыбагыш, очевидно), в которой старшина и князь или бий Атекай; 2. саякская, в которой старшина Гадай; 3. кокшинская (куши?), в коей старшина Иваула бий; 4. бустумакская (?), в коей старшина Ташибек бий; 5. могалская (?), в коей старшина Бирназар бий; 6. айльден кисейская (ельдэн ?), в коей старшина Шапак бий; 7. солтинская - Гашибек бий; 8. бугинская - Бирназар бий; 9. китай - Муса бий; 10. сару, в коей старшина умершего Садык батыря сын Сайт батыр».

Об отношениях к китайцам капитан Андреев говорит следующее: «Поступок же китайцев с дикими киргисцами весьма слабый, ибо ограждены оные неприступными каменными горами, и хотя в рассуждении своей вольности великие чинят на китайские границы обиды, но с китайской стороны и посыланы бывают великие команды, но доходить до них как за трудностью мест и более ведая неутомимость их, и храбрость и защищение своему, ни один раз нападения на них учинить не могут, и, возвращаясь к своим начальникам, объявляют, что они их сыскивать никак не могут».

У автора «Исторического обозрения Сибири» собраны следующие известия о кара-киргизах:

«Капитан Андреев, около 1770 года собиравший сведения о соседних с Сибирью ордах, пишет, что орда Закаменная, между хребтов водворившаяся, состоит из 10 волостей, 10-ю биями управляемых, конечно по древним обычаям, и волости им повинуются без пререкания. В случае войны бии действуют единодушно. Стало, общество это есть союзная разбойничья республика. Орда занимается хлебопашеством, скотоводством и без сомнения звероловством. В 1784 г. в первый раз явились на линию посланцы, Абдрахман и Ширгиза, привезшие на Высочайшее Имя от главного родоначальника Атяки батыря 3 барсовых и 5 рысьих кож. Посланцы награждены в Петербурге, и послано родоначальнику в подарок 800 р. серебром»[1]. Атяке батырь этих известий может быть сарыбагышевским Атеке, сыном Тыная, предводившим передовыми отрядами кыргызов при возвращении народа в Тяньшань из Ферганы, по приведенным в предыдущей главе народным преданиям. Войти в сношения с Россиею могли побудить кыргызов нападения на больше-ордынцев и на них самих, производившиеся в восьмидесятых годах средне-ордынскими султанами, непокорными, а потому враждебными и России.

«В 1814 году явились в Омск, в качестве депутатов своей орды, два бия, Шаралик и Ноязбек, для утверждения дружественных сношений с омским начальством. Они награждены капитанскими чинами, один золотой медалью, другой саблею с золотой

[1] П.А.Словцова «Историческое обозрение Сибири», изд. 1886 года, книга 2, стр. 310.

оправой»[1]. Не была ли вызвана потребность в «дружественных сношениях» покорением в 1814 году казаков в бассейне Арыса коканцами, которые вынудили чимкентских казаков перейти «к границам китайским»?

«В 1821 г., при препровождении купеческого каравана, проходившего через землю Закаменной орды, находился с отрядом офицер Лещев. Он говорит, что палатки для отряда ставились женщинами из белых полостей; что орда вмещает в себе беглецов из ташкинцов, татар и даже русских, владеет огнестрельным оружием, стреляет без фитилей, ненавидит соименные орды, хотя те и другие одного мусульманского вероисповедания. Еще, что муллы тамошние, по безграмотности туземцев, из беглых татар; что приказы биев свято исполняются; что хлебопашество состоит в посеве проса, катайской пшеницы и гороха; что зерно мелется на мутовочных мельницах или ручными жерновами; что язык у них турецко-татарский. Лещев не мог мне пересказать ничего из тамошней природы, кроме того, что есть там большое озеро, конечно Иссык-куль, что оно безрыбно и никогда не замерзает; что по причине гор множество речек, множество цветов и трав, а питательная трава кипец служит вместо овса. По маршруту того же офицера, от Семипалатинска до роздыха в орде Закаменной, записано 1537 верст»[2].

«В 1821 и 1824 гг. посланцы орды просили в Омске о принятии ее в подведомство России, с предложением доставлять нашим караванам безопасность в пути до Кашгара. Также просили о приписке к ним военного отряда по примеру, как это учреждено во внешних округах. Домогательство произошло от опасения, что к их соседственному неприятелю, Сюку Аблаеву, султану большой орды, послан по прошению козачий отряд, под командою подполковника Шубина. Но на отправление посланцев в Петербург разрешения не последовало; некоторым из них пожалованы подарки, старшинам медали»[3]. Может быть, эти два посольства вызваны были главным образом нуждою в защите от коканцев, взявших в начале 1821 года Кетмень-тюбе и разграбивших аулы сарыбагышей, как увидим ниже.

Об отношениях кара-киргизов к Ташкенту в начале настоящего столетия дает некоторое понятие Поспелов в своем описании ташкентского владения, куда ездил он в 1800 году: «С живущими по близости Ташкента, в горах Алатау, черными или называемыми дикими киргизцами нет сообщения, и по близости последних бывают сильные грабежи, коих и сам ташкентский владелец пресечь не может, в рассуждении неприступных почти мест к их обиталищу»[4].

Как ближайшие соседи Кашгарии кыргызы нередко принимали участие в происходивших в этой стране смутах. В составленном Чоканом Валихановым очерке истории

[1] Там же. Источники сведений о посольствах 1784 и 1814 гг. не указаны.
[2] Словцов «Историческое обозрение Сибири», изд. 1886 года, кн.2, стр. 311.
[3] Там же, стр. 310. Источники не указаны.
[4] «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году» в «Вестнике р. геогр. общества», 1851 г., часть 1, стр. 43.

Кашгарии в XVIII и в первой половине настоящего столетия упоминания о кыргызах часты. Так, в первых годах прошлого столетия кыргызы помогали кашгарцам при осаде Яркенда, но кашгарцы были разбиты защищавшим этот город казацким султаном Ашемом [1]. Задерживаемый цзунгарским Даваци на Или Юсуф-ходжа выпросил разрешение отправиться в Кашгарию под предлогом нахождения Кашгара в опасности от дико-каменных киргизов[2]. Посланнику, который вскоре был отправлен Давацием к Юсуф-ходже в Кашгар, было поручено между прочим требовать возвращения дико-каменных киргизов племени кипчак, которое незадолго перед тем укочевало в Хотан через Куча[3]. Успехи Бурхан-эддин-ходжи около 1755 года против черногорских ходжей и покорение им Кашгара зависели, между прочим, от перехода на его сторону кыргызов[4]. Неудачное восстание против китайцев Зияведдин-ахуна, жившего в селении Ташмалык, в 180 верстах от Кашгара, в 1816 году, произведено было при помощи кыргызов[5]. Около 1822 года, внук Бурхан-эддин-ходжи Джангир, проживавший в Кокане, отправился к кыргызам и уговорил их идти на Кашгар. Старшина рода чон-багыш Суранчи подступил к городу, ограбил соседние селения, но был скоро прогнан[6]. После этой неудачи Джангир странствовал в горах, пока не попал к кыргызам рода саяк, вождями которого были Атантай и Тайляк. «Верховье р. Нарын, сборное место киргизских стойбищ, сделалось местом постоянного пребывания ходжи. Джангир успел приобрести между киргизами славу святого и боговдохновенного. Тяньшанские киргизы всегда принимали ревностное участие в делах Кашгара и потому заимствовали от кашгарцев уважение к ходжам. Народные легенды их с большим уважением говорят о ходжах». Джангир делал несколько набегов на Кашгар, но всегда неуспешно. Чтобы покончить с тревожившими их вторжениями, китайцы отправили, наконец, отряд солонов и сибо в 500 ч. на аулы Атантая, с целью захватить Джангира. Вожаки провели этот отряд через Чатыр-куль на берега Нарына, несколько верст ниже укр. Куртки, где стоял аул Атантая, но Джангир находился в отлучке и китайцы должны были ограничиться разграблением аула. На обратном пути отряда, кыргызы настигли его в узком проходе и весь истребили, так что спасся только один человек. Предводил ими при этом бий Чебылды[7]. После этого успеха Джангир собрал значительные силы и

[1] «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нань-лу (малой Бухарин) в 1858-1859 гг.» в «Записках и.р. геогр. общества», 1861 года, книжка 3, стр. 37.
[2] Там же, стр. 38.
[3] То же, стр. 39.
[4] Та же статья Валиханова, стр. 43 и 45.
[5] Там же, стр. 52.
[6] Там же, стр. 54. В истории восстания дунган в правление Даогуан (1820-1828 гг.), извлеченной из сочинения Вэй Юаня, говорится (Recucil de documents sur l'Asie centrale par C.Imbault-Huart, Paris, 1881, p. 12), что Джангир занимался проповедничеством у кочевников, переходя от одного рода к другому; наконец ему удалось приобрести власть в нескольких родах бурутов. С ними он напал на китайцев, но был разбит и едва спасся с несколькими товарищами. Преследовавшие китайцы едва не захватили его на одном ночлеге. По Наливкину («Краткая история Коканского ханства», стр. 126), Джангир, находившийся по распоряжению недавно овладевшего престолом Мадали-хана под арестом в Кокане, бежал отсюда на Алай летом 1822 года, во время переполоха, причиненного землетрясением, продолжавшимся в Фергане около двух недель.
[7] По Вэй Юаню, это произошло в октябре 1825 года. Ба-янь-ху, уведомленный о нахождении Джангира поблизости, перешел границу и пустился его преследовать; он сделал 40 лье, не встречая Джангира. Тогда он перебил всех людей, не исключая женщин и детей, в одном попавшемся на пути ауле бурутов и

весною 1826 года вторгся в Кашгарию, разбил высланное против него войско и вступил в Кашгар. Вскоре Яркент и Хотан также восстали. Джангир собрал до 200 т. войска. Глава кыргызов Атантай имел большой вес в совете ходжи, который отдал ему дочь бывшего кашгарского хаким-бека. Собравшиеся с силами китайцы в следующем году, однако, разбили Джангира и овладели Кашгаром. Назначенный ими кашгарский хаким-бек подкупил некоторых кыргызов и при помощи бия рода чон-багыш успел захватить Джангира, который был отправлен в Пекин и там казнен[1]. В числе мер, предложенных для предупреждения новых смут, императорским комиссаром Наян-ченом, предположено было подчинение китайской власти бурутов[2]. Во время войны с Джангиром в занятом китайцами городе Аксу приходилось платить ямбу серебра (113 р.) за двух баранов и даже в Кашгаре цена на баранов доходила до 15 р. Вследствие недостаточности скотоводства в области шести городов китайцы должны были приглашать кыргызов к пригону скота[3].

О сборе дани с подвластных Китаю кочевников в «Си-юй-вынь-цзянь-лу» говорится: «Одному генералу (из китайской Кульджи) ежегодно предписывается отправляться с пятьюстами солдат на казачьи и киргизские границы для сбора ясака. С рогатого скота и лошадей берут одну голову со ста, а с овец одну голову с тысячи»... «Казаки приезжают (с данью ко двору) через три года, а для кэргизов не положено срока»[4]. По сведениям Чокана Валиханова[5], для сбора дани с кыргызов кульджинский отряд шел через Санташ, проходил по северному берегу Иссык-Куля, огибал западную оконечность озера и потом по Заукинскому проходу шел вниз по течению Нарына до впадения в него р. Чаркарытма, где устроен был мост. Кашгарский отряд поднимался через перевал Теректы на аксайское плато, потом через горы Биш-Билчир проходил на р. Атбаш и отсюда, по проходу, образуемому течением р. Чаркарытма, выходил на Нарын. Тут оба отряда обменивались таблицами и возвращались прежними путями обратно. Обыкновенно отряды сопровождались китайскими купцами, которые меняли свои товары на скот. Отряды эти назывались «разъездными», а путь их - разъездною границею.

Посылка «разъездных отрядов» прекратилась с восстанием Джангир-ходжи[6], когда окончилась и зависимость большей части кара-киргизов от Китая. После усмирения Кашгарии в 1828 году, отплачивая за поддержку, которую ходжи получали из Кокана, китайцы приняли весьма стеснительные меры в отношении коканских торговцев. Эти

пошел в обратный путь. Старейшина рода, собрав 2 т. воинов, догнал китайцев в одной долине, внезапно напал на них и всех перебил (Recucil de documents, pp. 14 et 15).

[1] «О состоянии Алтышара» и пр. стр. 54-58. По Вэй Юаню (Recucil de documents) чернотюрбанные (партия черногорцев) в январе 1823 года заманили Джангира к г. А-му-ку. Кит. генерал Янь-фан с 6 т.ч. преследовал его до горы Карчагай и здесь пленил. По Наливкину (стр. 127), военные силы Джангира, при вторжении в Кашгарию, состояли из 5-6 т. кыргызов рода чон-багыш; бежал, после потери Кашгара, ходжа этот на Алай; выдали его преследовавшим его китайцам тамошние кыргызы из страха (стр. 129).

[2] Recucil de documents etc., p. 52.

[3] «О состоянии Алтышара» и пр., стр. 59 и 60.

[4] «Описание Чжунгарии», стр. 103.

[5] «О состоянии Алтышара» и пр. стр. 49.

[6] С 1825 года, по Валиханову («О состоянии Алтышара», стр. 63).

стеснения в 1830 году вызвали войну с Коканом. Выставив претендентом на власть над Кашгариею брата Дженгир-ходжи Мухаммед-Юсуфа, коканцы, в числе до 40 т. человек, вторглись в Кашгарию, разбили выступивший навстречу кит. отряд и овладели Кашгаром, Яркентом и Хотаном. Не дождавшись окончания осады китайской цитадели в Кашгаре, Мадали-хан в ноябре месяце отозвал свои войска, с которыми удалился и Мухаммед-Юсуф-ходжа, но в следующем, 1831, году, избегая возобновления войны и желая обеспечить за собой спокойное обладание Кашгарией, Китай заключил с ханом мир, по которому Кокан обязался не допускать вторжений ходжей, Китай же предоставил в пользу хана сбор пошлин с иностранных торговцев в шести городах Кашгарии, с правом содержать для того в каждом городе назначаемого ханом аксакала, которому подчинялись и все прибывающие и проживающие в городе иностранцы[1]. Так как ходжи набирали силы для своих вторжений в Кашгарию преимущественно у бурутов, то для выполнения своего обязательства относительно ходжей коканские ханы, очевидно, должны были держать в своей зависимости кара-киргизов, от власти над которыми китайцы, с тем вместе, фактически отказывались.

[1] Там же, стр. 60-63.

2. Географические сведения о Западном Тяньшане цзунгарского и китайского времени

Источники. Путь из Кульджи в Кашгар по землям бурутов. Граница Илийской провинции на западе. Местности и реки у подножий Заилийского Алатау по «И-тун-чжи» и по карте Рената. Местности в бассейне Нарына. Притоки р. Или на востоке от Нарына. Заилийский Алатау по китайским сведениям. Тасма у Рената. Горы Богуты и Тур-айгыр по «Сокращенной статистике Новой границы» и по Ренату. Нарын и его притоки по китайским источникам и по карте Рената. Горы бассейна Текеса. Реки бассейна Текеса по китайским источникам и по Ренату. Иссык-Куль и его притоки по карте Рената, по китайской географии и «Сокращенной статистике». Бассейн р. Чу, его урочища, горы и реки по «И-тун-чжи» и по Ренату. Талас и его притоки по «И-тун-чжи» и по Ренату, а также по карте при «Си-юй-ту-чжи». Сведения академика Фалька. Карта Центральной Азии Клапрота.

Источниками географических сведений цзунгарского времени может служить карта Рената, которой данные относятся к началу второй четверти XVIII столетия, за китайское же время - китайские описания Западного края: описание Илийской провинции, составляющее часть «Дай-цин-и-тун-чжи», т.е. географии Китая при нынешней династии, «Си-юй-и-т'у-чжи», т.е. описание Западного края, и «Синь-цзян-чжи- лио», или сокращенная статистика Новой границы. Описание провинции Или из «Дай-цин-и-тун-чжи» переведено Ст. Жюльеном и помещено им в Journal asiatique (1846, t. VIII, 4 serie)[1]. Там же напечатан принадлежащий тому же синологу перевод некоторых извлечений из «Синь-цзян-чжи-лио», относящихся к Илийскому краю и Западному Тяньшаню, а в Nouvelles annofes des voyages et des sciences geographiques (1846, t.III, nouv. serie) поместил он оттуда же гидрографию «Новой границы». «Си-юй-т'у-чжи» составлено особой комиссией, командированной для описания Западного края, и издано не ранее 1782 года[2]. Переводы помещенного в нем орографического описания китайского Туркестана и географических и исторических статей о народах Центральной Азии напечатаны в книге Imbault Huart'a Documents sur l'Asie centrale etc. (Paris, 1881)[3].

В «Синь-цзян-чжи-лио»[4], после описания дороги из Или (китайская Кульджа) в Аксу, упоминается другой, более длинный, путь в Кашгарию: «Далее на запад (от прохода Музарт), направляясь от Или на юго-запад, достигают через 130 ли военной станции Оргочул и проходят (затем) горный проход Шантас-лин. 550 ли далее идут через проход Баркон-лин. Через 180 ли далее проходят р. Нарин. 450 ли далее - река Улан-

[1] В Magasin asiatique par Klaproth (tome I, Paris, 1825, pp. 81 - 123), помещены Notices geographiques et historiques sur Kokand etc., trad, de la 420 section de la nouvelle edition du Tradithsing y thoung tchi.
[2] В.В.Григорьев «Восточный Туркестан», вып.2, 1873 года, стр. 404 и 405. Первое издание «Дай-цин-и-тун-чжи» выпущено в 1743 г., второе в 500...в 1764 г.; «Синь-цзян-чжи-лио» издано в 1820 г...
[3] В 1823 году было еще издано «Си-юй-шуй-дао-цзи» - подробное описание рек и озер в Западном крае, составленное одним китайцем. Сделанное из него В.М.Успенским извлечение «О бассейне Лобнора» и пр. помещено в «Записках р. географического общества, по отделению этнографии», том 3, 1880 года.
[4] Journal asiatique, 1846, tome VIII, 4 serie, pp. 248 - 250. Дальнейшие ссылки на страницы в тексте, без указания книг, будут относиться к этому тому Journal asiatique.

усу[1]. Всего 2250 ли[2] от Или до Кашгара. Весь путь конный и проходит все время по середине земли бурутов... Проходы, именуемые Шантас и Баркон, составляют часть гор Цун-лин». Путь этот, видимо, шел от Музарта на Чул-адыр, Санташ, Барскаун, Нарын и Кашгар.

По «Дай-цин-и-тун-чжи», область Или «простирается на запад до р. Таласа и касается границы казаков правого крыла, подчиненных Китаю, на север же доходит до Балхаша и соприкасается с казаками левого крыла»; «на юго-запад доходит до Jnygar'a и границ бурутов; на северо-запад простирается до р. Чуй и касается границ казаков правого крыла» (pp. 385, 386).

В «Дай-цин-и-тун-чжи» подробно перечисляются сначала местности (урочища) илийской области, потом горы и наконец реки и озера. Местности носят большей частью имена вод или гор, а потому и во избежание напрасных повторений, я изложу все это вместе.

«Курту на юге от р. Или. Прежде орда джунгарских букусов пасла здесь свои стада» (p.397). «Река Курту (по-калмыцки «место, где скапливается много снегу») на севере (?) от г. Или. Течет на северо-восток около 100 ли, впадая в р. Или в ее нижнем течении» (p. 427). «Гурбан Алимату (по калмыцки «три яблочных урочища») на восток от Курту. Прежде здесь имели местопребывание главы джунгарской орды но-ят'ов» (p. 397). «Талагар (по-калмыцки «широкие степи»), к востоку от Алимату. На восток (далее) есть еще Тургень (по-калмыцки «быстрый»), Гурбан Чабдар (по калмацки «три лошади с серебристыми гривами»), по трем будто бы горным вершинам, которые по форме и цвету походят на белые гривы, Гурбан Шадсигай (по-калмыцки «сорока», от трех горных вершин, которые имеют цвет черный с белым, как сороки), Даласик (по-калмыцки «маленькое поле») и Шату (по-калмыцки «лестница», по причине трудности пути)». «Талагар-гол, на севере (?) от г. Или, впадает в нижнее течение р. Или. В 20 ли на запад от этой речки есть три источника, именуемые Гурбан Алимату-булак, которые текут из северного подножия гор Агуй-ола (Agoui-avla). Они текут на северо-восток и не впадают в р. Или. Эшиту (по-калмыцки «вещь, имеющая рукоятку») - гол, на севере (?) от г. Или, протекая 80 ли на северо-восток, впадает в р. Или в нижнем ее течении (pp. 398, 426 и 427). В исчисленных местностях и реках нельзя не узнать нынешних рек Курту, Талгара, Алматинок Большой и Малой, притоков Кескелена, который с двумя Алматинками считался тремя Алмату, впадая, однако, в р. Или. Из рек к востоку от р. Талгара почему-то пропущены между прочим Тургень, Бэль-Чабдар, Каратурук и даже Чилик. На карте Рената левыми притоками р. Или показаны Курту (Koton Kurtu), вытекающая из-под перевала Кастек (Chustagin daban), двумя вершинами, потом

[1] В переводе с монгольского это будет «красная река». Перевод этот и все последующие взяты Ст.Жюльеном из «Си-юй-тун-вынь-чжи» - географического словаря на шести главных языках Китая, изданного в правление Цянь-лун.

[2] Конечно, если принять в соображение расстояние от Или до Музарта (650 ли) и не показанное расстояние от Оргочула до Шантаса. Последнее выходит 290 ли, несколько большее против действительного прямого пути.

Алмету (Almetu), двумя же вершинами, далее Тал- гар, тоже две вершины, Тургень (Turgen), Кара-Турук (Chora Turuk) и Чилик (Silick), с очень широкою в верховьях долиною и с тремя безымянными притоками с правой стороны.

Затем упоминаются в «Дай-цин-и-тун-чжи» «Чунцзи (по-монгольски «башня») в 300 ли от (г.) Или. На юго-западе же находятся Тамга, Темурлик (по-калмыцки «обильный железом»), Гэгэнь, Кукбай (по-калмыцки «счастливый»), Орходжур и Харкира. Горы и долины (здесь) следуют друг за другом; здесь устроена линия военных караулов» (pp. 398 и 399). На карте Рената показаны здесь следующие реки, текущие к р. Или, но реки этой не достигающие: Темирлик (Tumerlick), который на самом деле ныне впадает в р. Нарын, Тамга, Тарик (?), Sarangal (?), Schanchir (ныне Шункар), Joltatu (?), Долонту (Дулаты?), Darmdatu (ныне Дардамту), Chagol (?), Kedmi (Кетмень), Nocha (Сары-Нохай?), Sou (?), Хонохай (Chonochoy), Кайнак (Chainuck).

Из гор в «Дай-цин-и-тун-чжи» упоминаются «Мергэн-сили-ола (калмыцкие слова, значащие: первое «темные тропинки в горах», второе «ровные долины в горах» и третье - «гора») на юго-западе от (г.) Или, в 300 ли от р. Или; ветви этой горы идут от северо-западного конца, от Табарсун (по-хойски, т.е. на языке оседлого населения Туркестана, «я получил»: путешественники считают себя счастливыми, когда достигают перевала, пройдя среди пропастей) - даба; они прилегают к северному берегу Тус-куля (Иссык-Куля), разделяются и идут к северо-западу» (pp. 410, 411). «Табарсун-даба, на юго-западе от (г.) Или, начинаются от Хан-тенгри, направляясь к западу» (p. 415). «Агуй (по-калмацки «каменная пещера в горах»)-ола, на юго-западе от Или, в 40 ли на север от Мергэн-сили-ола» (p. 411). «Иргайту (по-калмацки - имя одного дерева)-ола, на юго-западе от Или. Гребни этих гор, отделяясь от Мергэн-сили-ола, идут на запад; они подходят с двух сторон, с запада и с юга, к р. Или; ветви этих гор, тесно связываясь между собою и следуя одна за другой, доходят досюда после многих изгибов» (p. 411). Все эти указания дают понять, что Мергэн-сили-ола есть Кунгей-Алатау или хребет северного берега Иссык-Куля, Агуй-ола есть северный хребет Заилийского Алатау, а Иргайту-ола соответствует Чу-Илийским горам; наконец, Табарсун-даба есть, по-видимому, часть Тяньшаня, в которой находятся вершины рек Каркары, Джиргалана и Тюпа. Имя Иргайты-ола дано Чу-Илийским горам, быть может, от речек Ргайты или Иргайты, которые текут с этих гор в р. Чу.

На карте Рената, где имена гор большей частью не означены, небольшой хребет между Тюпом и Джиргаланом назван Тасмансон. Ныне он именуется Тасма, что по-тюркски значит «без камня»: действительно, по П.П.Семенову[1], хребтик этот состоит из наносов и каменных пород в нем не обнаружено.

В «Синь-цзян-чжи-лио» упоминается «Той-Бухоту-шань, около 500 ли к северу-западу (?) от р. Или, на западном берегу реки Чарин, на южном берегу р. Или» (p. 419). Конечно, это нынешние горы Богуты. О них же, вероятно, говорится и в «Дай-цин-и-тун-

[1] Petermann's Mittheilungen, 1858, s. 360.

чжи»: «Буха (по-калмацки «канал», который и имеется у подножия горы)- ола, на западе от гор. Или, на южном берегу р. Или». Там же «Турай айгун (по-тюркски «гнедой жеребец»)-ола, на западе от г. Или, на южном берегу р. Или» (р. 407). Этот хребет Тур-айгыр, между Чиликом и Нарыном. На карте Рената горы Сугуты, Богуты и Тур-айгыр соединены в одно целое и названы Тарагор-буха (Та- ragor bucha). На самом деле хребет Тур-айгыр отделен от Богуты и Согуты широкой плоской возвышенностью.

Ни реки Нарына, ни р. Чилика, по какой-то странности, нет в «Дай-цин-и-тун- чжи». Есть Чалин-гол, «на севере от Или. Эта река берет начало у западного подножия Хан-Карчагай-ола; она течет на север на протяжении 180 ли и впадает в озеро Балхаш» (р. 427). В этот Чалин впадает река Каратал, близ которой значится река Куке-су, впадающая в Балхаш. Чилик, быть может, значится под именем р. Даласик-гол, которая находится «на западе от (г.) Или; берет начало в Мергэн-сили-ола и впадает в р. Или, пройдя на восток 160 лье»[1].

По «Синь-цзян-чжи-лио», «река Чалин отстоит около 400 ли от г. Или. Река Темурлик - около 400 ли от г. Или. Река Гегэн - около 500 ли на юго-запад от Или. Река Каркира около 500 ли на юго-запад от города Или... Дабусун-нор или соленое - в 300 ли на юго-запад от гор. Или...» /р. 444/.

На карте Рената показаны притоками реки Нарына (Zarun), среднее течение которого наименовано Gegen, а верхнее оставлено без названия: три Мерке (изображены две речки и между ними написано Ban gurban benke, т.е., вероятно, Гурбан Мерке) и еще три речки без названий; из них одна соответствует Каркаре и берет начало у гор, лежащих между вершинами Тюпа и долиною Текеса и названных Bayen Sureken, а южнее, у долины Текеса, Olabasch oman. Тут Ренат впал в ошибку, потому что Кар-кара берет начало из самого Тяньшаня, а не из гор на левом берегу долины Текеса. В Каркару изображена впадающею река, вытекающая из довольно большого озера[2],

[1] На карте Центральной Азии Клапрота правою вершиною р. Нарына названа р. Текес (другой, соответствующий нынешним Чалкодэ-су и Кегеню и сходящийся верховьями с вершиною настоящего Текеса, который течет на восток), а левою - р. Каркира. Вершина Каркиры, сходящаяся с верховьями двух Текесов, названа Кунак. Р.Черей (Чилик), в верховьи названная Гурбан Сари (быть может, так названы притоки справа), имеет притоками реку Далсик (хребет между этой рекой и Чиликом наименован Мерген-сили), и р. Асу, которую отделяет от долины р. Или хребет Агуй-ола, из которого текут, между прочим, три Чабидара, которые, по-видимому, образуют р. Шарабель, первый к востоку от р. Тургеня приток р. Или. Между Чиликом и Нарыном показаны горы Бука-дабань и Тобокоту-ола; против первых на правом берегу р. Или урочище Мин-булак. На правом берегу Нарына, ниже впадения р. Темурлика, значится урочище Тамаган тарик, а на востоке от него - станция Чундзи.

[2] Это озерко упоминается П.П.Семеновым (Petermann's Mittheilungen, 1858, s. 363): «У подножия отрогов Тяньшаня находится небольшое светло-голубое озерко... Близ западного берега озера находится Санташ-обо, насыпь из камней, связанная с легендой о Тамерлане, который, будто бы, проходя здесь, приказал каждому воину своей армии бросить один камень на этом месте, в обратный же путь велел унести тоже по одному камню, так что остаток показал убыль армии». Сделанное в настоящем труде изложение походов Тимура показывает, что справедливость этого сказания весьма сомнительна. По Шереф-эддину (Histoire de Timur-bec etc., Paris, 1722, t. II, p. 81), Тимур однажды останавливался на день и приказал солдатам своей армии наносить камней, вследствие чего в короткое время возвысилась насыпь вышиною в минарет, на вершине которой искусные резчики начертали год и день прохождения по этой местности Тимура и его армии, дабы оставить прочный о том памятник для потомства, но случилось это на Улу-тау (Oulouc Tac), в Акмоллинской области, во время знаменитого похода, предпринятого Тимуром на Кипчак, в апреле 1391 года.

помещенного в довольно широкой долине между долинами Каркары и Тюпа; эта долина (где озеро) имеет надпись Schantasch, т.е. Санташ. Между Каркарой и Кегеном помещен хребет Urgusol, ныне Чул-адыр, а у китайцев, по-видимому, Оргоджур. Третий безымянный приток Нарына показан вытекающим из озера Burugo ussun, т.е. Боро-дабусун наших карт.

Из гор бассейна Текеса «Синь-цзян-чжи-лио» упоминает «Хашан-дабахан, в 200 ли на юго-западе от г.Или» и «Шара-Нохай-дабахан, около 100 ли на юго-запад от р. Или, на восток от Хашана» (419). Далее «Гэдэн-ола, около 500 ли на юго-запад от г. Или... На вершине есть надпись о победе над Даваци» (р. 420). По «Дай-цин-и-тун- чжи» «Гэдэнь (по-калмацки «кость, выдающаяся на затылке»)-ола, на северо-западе (?) от г. Или, в 180 ли на север от Коарунгуй-ола. (В 1755 г.) генерал Банди и другие усмирили Или и разбили в этом месте мятежного Даваци. Есть на перевале Гэдэн-ола каменная таблица, на которой начертана надпись, относящаяся до умиротворения страны джунгаров» (р. 412).

В «Синь-цзян-чжи-лио» упоминаются еще горы: «Ишигарты, около 300 ли от Или на юго-запад» (р. 420). Это Ишек-арткан, между Текесом и Чалкодэ-су. Далее «Бирбаши», в 400 ли на юго-запад от Или, на северо-востоке от Ишигарты. Баян-дзюкун, около 400 ли на юго-западе от г. Или, на западе от Бирбаши, Шантас- дабахан, в 800 ли на юго-запад от г. Или; юго-западная часть этих гор прилегает к Темурту-нору» (р. 420). Последнее, конечно, проход Санташ. Далее «Согор-дабахан, в 215 ли на юго-восток от Или, в 20 ли к югу от военной башни Согор. В этой горе есть железная руда, которую мусульмане добывают. Гора Алтай, около 200 ли на юго-восток от Или, на северном берегу р. Текеса; воды реки Сиюрту окружают эту гору с севера» (р. 421). Алтай тут, вероятно, ошибка вместо Атын-тау.

По «Дай-цин-и-тун-чжи», «Текес-гол, на юге от (г.) Или, берет начало из северного подножия Хан-тенгри; до впадения Кунгеса протекает 240 ли... Притоки его с южных гор: Шаласидзи-булак, Гурбан-Кабака-булак, Каргун-булак, Гурбан-Мусур-булак, Чаган-усу-булак, Агуяс-булак, Гурбан-Молитай-булак, Терик-булак, Куке-усу-булак, Кордай-булак и Гурбан-Дзиргалана-булак (р. 423). Левые притоки Текеса: «Албан-булак, Каргаланту-булак, Селету-булак» (р. 424).

На карте Рената, у вершины Текеса написано Kuncak (может быть и Kuneak, как прочел Макшеев) Sool. С правой стороны показаны четыре безымянных притока (в том числе должны быть три Капкака), затем Каракол (Charagull); последний есть и на наших картах, но считается притоком Нарынкола (у китайцев ныне Нарын-халга); далее Гурбан-Муссар (к югу, на хребте надпись Musur ula-Isberg); ниже Zagan usum, т.е. Аксу; Агияз пропущен; потом 3 Moltaj (три Моинты), 3 Terik (три Терека), Gurtu (?), Kuku usum (Коксу), с одним притоком, имеющим надпись 3 Sirgolang, наконец, еще один

безымянный приток. Из левых притоков Текеса[1] у Рената есть Албан, Chassching и река без названия с тремя притоками, помещенная между горами Ат-тай и Sapschal (Чапчал) и Саин-Богоши.

Форма озера Иссык-Куль на карте Рената довольно близка к нынешним картам. Названо оно Toskol sion. Finnes Jarn-sand, т.е. «Озеро Тускуль. Здесь есть железистый песок». Притоками его изображены, начиная с запада, на северном берегу, три речки без названия, далее две речки, между которыми написано 3 Ban Sagan usun; соображая, что три Мерке названы на карте Bun gurban benke, это можно читать Гурбан-Саган-усун, т.е. три Аксу; далее Gurban sain (?), Туп (Tup), Джиргалан (Schirgalang) с шестью слева притоками, из которых один назван Arschatu (это Аксу с теплыми ключами), Джеты-угуз (Jetegus), Цаган-усун (Sagan usun), Заука (Socha), Барскаун (Bark- hon), Тосур (Tolsur). У западной оконечности Тускула показаны долины: на севере безымянная, выходящая к вершине р. Чу, Еке Кемину, и на юго-западе с названием Choschol (Кочкар?); последняя имеет небольшое продолжение на северо-западе с надписью Charachasy: это Карагочжур, верховье Джуван-арыка, который, однако, не изображен.

По «Дай-цин-и-тун-чжи», «Тускуль (по-бурутски «туе» значит «соль») в 300 ли к западу от (г.) Или. Имеет 400 ли протяжения от востока к западу и 200 ли с севера на юг. Получает со всех сторон множество речек и ручьев. Вот имена северных притоков: Каранохай-булак, Шатату-булак, Курмету-булак, Ятумек-булак, Джака-бакалду-булак, Харчахан-булак, Гурбан-Сари-булак, Гурбан-Кэ-булак»[2]. Из этих рек сохраняют те же названия ныне Шату и Курметы. «Имена притоков с востока: Шибартай- Корай-булак, Тебук-булак, Дзиргалан-булак. Есть еще Тургенча-булак и Гурбан-Чакис-булак, которые соединяются на северо-западе с Дзиргалан-булаком и вместе впадают в озеро» (439, 440). Тебук соответствует Тюпу, Тургенча - Тургень-Аксу и Чакис - Джергесу. «Имена притоков с юга (всех 14): Аршату-булак, Карагол, Етукус-булак, Ике-Улан-булак, Джарка-булак, Гурбан-Яркатзин-булак, Баркон-Тамга-булак, Тосор-булак, Тун-булак, Ак-булак,

[1] В путевых заметках моих, при поездках на Текес в 1873 и 1874 гг. записаны все ныне существующие левые притоки Текеса: Тиек-таш, Акпеит, Кок-булак, Кайнар, Дараты-булак, Кок-(или: Умуке)-булак, Албан или Сумбе, Ирменды, Хасан, три Караганды, Хонохай, Балыкты (у ней приток Джезьнын-су), Атнын-су (ее притоки Мызнын-су и Су-асу), Нучугунь-бакалак и южная Шерабогучи. Из этих речек обыкновенно доходят до Текеса только Сумбе и Атнын-су.

[2] На стр. 422 и 423, после Даласик-гола: «Гурбан-Саири (по-калмацки «ветвь»)-гол, на западе от Или; эта река берет начало в южных горах. На востоке течет Гурбан-Кусуту (по-калмацки «береза»)-гол, р. Курмуту-гол, р. Усу-шуй, Шадату-булак, Оман-булак и Нарин-гол. Все эти реки соединяются, текут на северо-восток и впадают в реку Или». Можно подозревать в этой путанице притоки Иссык-Куля: три Кой-су, Курметы, Аксу, Шату. По показанию одного из маньчжурских офицеров Ольдэна (Memoires concernant l'histoire etc., das Chinous, Paris, 1776,1.1, p. 354), он был послан в 1756 году генералом Цэрэном, преследовавшим Амурсану до Талки, в место Турсун, где находился Амурсана, но не застал его уже там; через некоторое время он узнал, что «магометане, которые там живут, недалеко от (реки) Или», ограбили имевший слишком слабое прикрытие обоз остававшейся у Амурсаны небольшой армии, и что Амурсана, возвратясь назад, наказал магометан и отнял у них все, что мог; донеся об этом Цэрэну, он просил прислать 500 человек для нападения на Амурсану в соединении с мусульманами. Цэрэн прислал только 50 ч. С ними Ольдэн дошел до Kourmeton (вероятно, опечатка вместо Kourmetou), потеряв 25 ч. от недостатка пищи и усталости и следуя за неимением лошадей на верблюдах, мясо которых употребляли и в пищу. «В Курметоне нам сказали, что Амурсана уже далеко». Если это Курмету, то мусульмане были хонохайские, так как селение Хоно-хай, вероятно, уже существовало во время калмаков.

Се-булак, Конгор-елон-булак, Убуши-булак, Аола-булак» (p. 440). Ныне это реки Аксу, Каракол, Джеты-угуз, две Кызыл-су, Заука, Тосор, Тон, Конурулен, Улахол. Барскаун и Тамга ошибочно слиты в одну реку. «Имена северо-западных притоков: Кошокар-булак, Юл-арик-булак, Чачан-канай-булак» (p. 440). Из них можно узнать Кашкар и Джуван-арык, который впадает в Кашкар, а не в озеро. Какая река называлась по имени Каная, манапа султов, быть может, не знаю. «Всех притоков, по крайней мере, сотня. Это широкое и глубокое озеро, получая столько притоков, не увеличивается и не уменьшается в продолжение всего года. В северо-западном углу оно выступает из берегов и выпускает поток, который изливается в р. Или (!?). Это самое большое озеро западных границ. Самый большой между притоками его — Дзиргалан, текущий на восток»[1]. В исчислении урочищ читаем: «Дальше на запад находятся Улан-Калга (по-калмацки «красная дорога»), Дзиргалан (по-калмацки «благосостояние, удовлетворение»), Тургень-ача (по-калмацки «быстрый - раздвоенный»), Гурбан-Джергес (по-калмацки «три вместе соединенные»). На границах с востока высятся Мусур-ола, которые составляют часть Небесных гор. Аршату (по-калмацки «теплый источник») на юго-восточном берегу озера Тускуля. На востоке отсюда находятся Тебке (по-калмацки «вещь из кости или рога, помещенная на оконечности лука для прикрепления тетивы») и Еткус (по-хойски «давать»). На юге Джаока (по-калмацки «углубление в земле для очага»), Ильгатзи (по-хойски «пастух») и Балгун (по-хойски «красная ветла»); на западе Тамага (по-калмацки «тавро или печать на коже лошади или верблюда»), Тосар (по-хойски «небольшой военный караул»), Тун (по-хойски «твердая земля»), Аксай (по-хойски «белые песчаниковые камни»), Хонгор-олун (по-калмацки «желтая трава»), Кошигар (по-хойски «козел- самец»), Юл-арик (по-хойски «вырывать дерево с корнем», Шибарту (по-калмацки «грязный») и Кушо (по-калмацки «морда животного»). Эти местности расположены по берегам озера Тускуля» (pp. 399 - 401). Из этих местностей Улан-Калга ныне носит тюркское имя того же значения - Кызыл-Кия. Аксай - приток р. Тона. Балгун, Шибарту и Кошо мне неизвестны, остальные уже упоминались выше.

По «Синь-цзян-чжи-лио»[2], озеро Темурту-нор расположено к юго-западу от Или, в расстоянии около 400 ли, за военной станицей Оргочул. Его главные притоки с юговостока: Туб, Модо-Тупрак (?), Гиргалан, Тургень-Цаган (Тургень-Аксу), три Джергис, Улан-усу (Кызыл-су), Яркатзик (?), Тамган (Тамга), Тосу (Тосар), Мангис-а- тар (?), Ту-уань (Noн), Акшай (Аксай), Улабаши (Ал абаш), Джаоган (Заука), Интукус (Джетыугус). Притоки с севера: Карабулак (?), Тубболтзир (?), Кеукенбак (?), Шатату (Шату), Улукту (Урюкты), Котурка (?), Эргэту (?), Битсиган-цаган (?), Цаган-усу (Аксу, но которая?), Улан-Кутул (?), Тзиртзирган (?), Хой-усу (?) Койчоло (?), Дулеркай-берка-булак (?), Битзиган-булак (?), Кошкар. Общая длина озера около 600 ли. С запада, севера и юга оно окружено горами, у подножия которых буруты пасут свои стада... Песок, собираемый

[1] Конечно, «на восток» есть описка. «Мы не приводим здесь имена всех других речек, которых течение не превосходит 30, 40, 60 или 70 ли, довольствуясь указанием более важных» (p. 440).
[2] Nouvelles annoles des voyages etc., 1846, t. Ill, p. 60.

вдоль его берегов, при сильном накаливании, дает железо... Название Темурту выражает, что вода озера производит железо[1].

По «Дай-и-тун-чжи», «Чуй (Tchoui по-калмацки значит «желто-мутная вода») расположена на северо-западе от Или. Это имя страны на северо-западе от озера Тускуль, на протяжении 500 ли. Она обильно орошена, обладает прекрасными лугами и удобна для пастьбы скота. На северо-востоке высятся горы Аргайту. Далее на север страна Чуй тянется за горы и касается границ казаков левого крыла. Салкиту (Salkitou по-калмацки «ветряный») на южном берегу р. Чу. К западу находятся Шамши (по-калмацки «сорная трава, появляющаяся на рисовых полях»), Гэгэту Булана (по-калмыцки первое слово значит «освещенный», а второе «подземный погреб для риса»), Ашиту (по-бурутски «вершина»), Дабусуту (по-калмацки «соль»), Арчакту (по-калмацки «сосновый»), Илань баши (по-тюркски «змеиная голова»), Кунук (по-бурутски «сосуд для питья, из кожи»), Сар («класть, помещать»), Соголук (по-тюркски «обильный деревянными ведрами, выдалбливаемыми из одного дерева»), Кара балту (по-казацки «черный топор»), Гурбан канату (по-калмацки «три решетки, из которых составляется остов юрты»), Аши бури (по-тюркски «голодный волк») и Коргон (по-тюркски «башня»). ...Инггар (по-бурутски «победить»: некогда тут была одержана победа), в 200 ли на юго-запад от озера. Дальше на запад находятся Беделик и Едемек. Перейдя горы на юг от Инггара, прибывают в город Уши (Ouchi; pp. 401 и 402). В описании гор встречаем: «Кондулай (по-калмацки «возвышенный»)-ола и Кугулик (кукелик по-калмацки «куропатка»)-ола находятся на северо-западе от (г.) Или; они высятся на южном берегу р. Чу. Хубакай (по-калмацки «гора, на которой нет ни деревьев, ни растений»)-ола на северо-западе от Или» (p. 412). «Егемек (по-бурутски «пирог»)-ола на северо-западе от Или. Описав многие изгибы, эта гора присоединяется к тем, которые возвышаются на южной стороне озера Тусула. С северного склона этой горы вытекает много ключей, которые дают начало реке Талас» (415).

По описанию рек, «Чуй выходит из северо-западной части озера Тускуля; пройдя 200 ли, она пересекает горы Кондулай; потом на северо-западе она разделяется и дает рукав, который течет на восток и образует озеро Ноху-нор; потом течет на северо-запад 1000 ли. Это самая большая река северо-западных границ (провинции) Или... Притоки ее ...все берут начало в горах Хубакай-ола... Каждый течет 100 - 200 ли и впадает потом в Чуй, которая в свою очередь впадает на северо-западе в Коши-куль» (pp. 432, 433). Из всего этого, между прочим, видно, что Александровский хребет в своей восточной части представлялся китайским географам разделенным на две ветви, из которых

[1] На карте Клапрота притоками Иссык-Куля показаны, начиная с северо-западной оконечности озера, где означена р. Кутемалды, соединяющая озеро с р. Кошикуль (Кашкар), которая, приняв в себя слева р. Шамки (Шамси), впадает в р. Чуй, начинающуюся в озере Ногон-нур и помещающуюся на месте, где в действительности течет Большой Кебин: три речки (Гурбан) Кемин (Кебин), далее р. Чабакату, три речки (Гурбан) Каркире, Солмуната (Чулпан-ата?), Гулин-толокай, Долентоа, Кейор, Чаган-усу, Теремту, Дзиргалан, три (Гурбан) Сари, Туйлумек, река Туб (с притоками у нее справа Курмату и Шабарту-колай, и слева Модоту-булак и Кара-су), затем Дзиргалан с левыми притоками тремя Дуркен-Чаган и тремя (Гурбан) Джеркика (Джергес?), далее р. Едегус, Улан-усу, три Гурбан (Яркачас, Теган, Баркон-дабан), Тосор, Мандзилата, Тун, Аксай, Улабси-булак с правым притоком Конур-олон.

южная называлась Кондулай и пробивалась Буамским ущельем, северная Хубакай давала р. Чу все ее левые притоки. Ингер или Инггар, по ориентации и расстоянию от Иссык-Куля, могло бы соответствовать Атбашу и быть испорченным словом «лянгер» («становище»), но указания недостаточно определенны.

Притоки р. Чу: «Салату (по-калмацки «рукав раздваивающейся реки»)-гол, на северо-западе от Или. Эта река берет начало в Хубакай-ола и, протекши 60 ли, впадает в Чуй». «Гэгэту (по-калмацки «блестящий»)-гол, на северо-западе от Или, на западе от р.Уллан-усу», т.е. «красной реки», Кызыл-су, которой однако не упоминается. «Имеет два истока, которые текут на север на протяжении 40 ли и соединяются; потом, через 120 ли, впадает в р. Чуй». Это речка, носящая теперь имя Кегеты. «Ашиту (по-бурутски «проход вверху горы»)-гол, на северо-западе от Или. Течет до впадения в р. Чуй 140 ли. Дабусуту-гол, на с.-з. от Или. Пройдя 100 ли, впадает в Ашиту-гол. Арчату (по-калмацки «сосны, посаженные в линию»)-гол, на с.-з. от Или, два истока: один - с востока, другой - с севера; текут по 70 ли, соединяются, потом через 50 ли впадают в Чуй. Илан-баши-гол, на с.-з. от Или, на юго-западе от Арчату-гола, не доходит до р. Чуй. Куке сар (по-хойски «синий», а также имя одной птички), на с.-з. от Или, течет на восток 150 ли и впадает в Чуй. Соголук-гол, на с.-з. от Или, впадает в р. Чуй через 150 ли течения. Чаган-усу-гол, к с.-з. от Или, через 140 ли течения впадает в Чуй. Кара-балту-гол, на с.-з. от Или, протекши на север около 40 ли, образует озеро около 30 ли в окружности; потом течет на север около 50 ли и впадает в Чуй. Гурбан- Ханату-гол, на с.-з. от Или, состоит из трех ветвей: восточной и средней, которые соединяются в 70 ли от истоков и текут потом на север 60 ли до слияния с южной ветвью, которая до соединения с ними течет 150 ли и по соединении впадает в Мергэн-гол. Аши-бурус (по-хойски «печеный рис» и «давить»: на берегах реки получаются обильные жатвы)-гол, на с.-з. от Или, протекает 70 ли и впадает в Мергэн-гол. Мергэн (по-калмацки «одаренный большим умом»)-гол, на с.-з. от Или, на западе от Аши-бурур-гол; протекши около 130 ли на северо-восток, впадает в Чуй» (pp. 433- 436). Нынешние названия этих рек: Ашиту есть Иссыгаты[1], Дабусуту - Науруз, действительно впадающий в Иссыгаты и известный залежами каменной соли; Арчату и Иланбаши, вероятно, соответствуют Ала-арче и Аламедину; Соголук, Цаган-усу и Карабалту суть Сукулук, Аксу[2] и Карабалты; Гурбан Ханату теперь три Каинды (каин - «береза»); наконец, Аши-бурур и Мергэн теперь Ашпаре и Мерке.

По карте Рената озеро Иссык-Куль истоков не имеет. У реки Zcu вершина названа Icke Kemin (Б. Кебин). Притоки ее с правой стороны не изображены, но есть надписи

[1] В 1889 году в и. археологическую комиссию доставлены от врачей Ф.Пояркова и Е. Колбасенко буддийские глиняные украшения с рельефными изображениями - пластинки, найденные у иссыгатинских минеральных ключей; первым, кроме того, присланы найденные там же небольшое медное изображение обезьяны, железный наконечник копья, железное кресало, два медных наперстка и несколько разноцветных бус («Отчет арх. комиссии за 1889 год», Спб., 1892 года, стр. 90). Мне кажется, что все эти предметы принадлежали калмакам и относятся ко времени их владычества. Это, в особенности, несомненно, относительно глиняных пластинок, которые во множестве встречаются в местностях, где обитали цзунгары, около минеральных ключей и кумирен.

[2] Врачом же Поярковым доставленная «каменная плита с тибетской надписью, содержащею буддийский символ, найденная в Токмакском уезде близ селения Беловодского» (там же, та же стр. 90), т.е. около р. Аксу, конечно, есть также след от цзунгаров XVIII века.

Bogo Kemin (Малый Кебин), Charachumgus (Кара-кунус), Schamis (?). На Чу-Илийском хребте есть надписи Chastagin daban (Кастекский перевал), далее на северо-запад Chan (должно быть, Хан-тау) и на северо-западной оконечности против Балхаша написано S(или J)ambel. От Chan'a на северо-восток надпись Akin Kado (?). С левой стороны Чу надпись Schissirgantu и притоки Samchay (Шамси), Arschi-tu (Иссыгаты?), Sagan usun (Аксу), Onarbia (?), Chambaltu (Карабалту), потом три притока без надписей и Chergatu (Курагаты?). Из западной оконечности Александровского хребта показаны еще две речки без имен, не доходящие ни до Курогаты, ни до Чу.

«Талас (по-калмацки «обширные степи») на западе от Или. Здесь некогда пасли свои стада джунгарские дурбеты. На западе отсюда находится Oulem mounar (по-хойски «высокая башня»; тут, по «Си-юй-тун-вынь-чжи», был город Та-ла-ссе, место съезда иностранных торговцев владения Ри) и дальше на запад Сарбагаши (по-бурутски сар - «бить, колотить», а баши - «кисть руки»: будто бы тут кои отразили бурутов). На юг, перейдя горы, достигают границ бурутов, которые подчинены Китаю» (p. 403). «Талас-гол на северо-западе от Или, в 30 (?) ли на юго-западе от Чуй-гола. Берет начало в Едемек-даба, на севере Тяньшаня, и делится на четыре ветви, которые, пройдя 30 ли, соединяются и текут на север. Имеет 10 притоков. В том месте, где впадение притоков прекращается, образуется широкий поток, который течет 200 ли и образует Талас-гол. Верхнее течение Талас-гола называется Умо-малар-гол. Когда он протечет на запад 300 ли, его называют Чалакайя-гол (Tchalokhaya gaol). Потом, сделавши поворот, течет 200 ли на запад и образует небольшое море, которое имеет 300 ли в окружности» (p. 436). Тут Умо-малар мне напоминает Уюрл-марал, значительный приток Таласа, опущенный ниже при их исчислении. «Едемек-гол, на северо-западе от Или. Берет начало в Укек (по-калмацки «ящик»)-даба, образует две ветви, которые соединяются и через 300 ли впадают в Талас. Гурбан-Джергэ-гол, на севере (?) от Или; берет начало у западного конца Джергэ-ола, разделятся на три рукава, которые текут на запад на протяжении 300 ли, соединяются и образуют реку, которая впадает в Талас. Карагол, на северо-западе от Или, берет начало у западного подножия гор Хубакай, получает четыре притока, течет около 300 ли и впадает на западе в Талас. Кумуши (по-хойски «серебро»)-гол, на северо-западе от Или, берет начало на северо-востоке Кумуши-ола, течет 200 ли и впадает в Талас. Кара-бура (по-калмацки «черный тополь»), на северо-востоке (?) от Или, берет начало на северо-западе Карабура-олы, течет 400 ли и впадает в Талас. Арша (по-калмацки «теплая вода»: местные жители греют тут воду, чтобы мыться)-гол, на северо-западе от Или, в 200 ли на запад от Таласа. Эта река берет начало в средине Южных гор, течет сначала на восток, потом делает поворот, направляет течение на север и проходит на западе от Бага Бурул-олы. Отсюда она течет на северо-запад и входит в долину песков и камней. На юге от этого пункта находятся Мин-булак («тысяча источников»), которые текут с севера Карабура-дабана, проходят на запад 40 ли, соединяются и образуют небольшое озеро, имеющее около 10 ли в окружности. Если, отправясь из этого места, пересечь горы в южном направлении, то попадают в земли бурутов» (pp. 436- 438). В описании

гор упоминается: «Бага Бурул (по-калмацки «малый серый»)-ола, на северо-западе от Или, на западе от нижнего течения Талас-гола. Ике Бурул-ола («большой серый»), на северо-западе от Или, на западе от р. Орша, отстоит от Бага Бурул-олы 200 ли на запад. Отсюда на северо-запад начинаются обширные долины песку и камней и видны постоянно появляющиеся бесчисленные пики (?)» рр. 412 и 413). Ограничусь по поводу этого описания Таласа и его притоков, в котором много путаницы, замечанием, что Арша есть несомненно Айса-су, которой вершину составляет р. Терс.

На карте Восточного Туркестана, переведенной с китайского (из «Си-юй-ту- чжи») и приложенной к книге Эмбо Юара Documtnts sur l'Asie centrale (Paris, 1881), у Таласа показан только один приток Карабура. Р.Чу на этой карте вытекает из Тускуля и названа Кашикуль, значит по имени озера, в которое она, по «Дай-цин-и-тун-чжи», впадает р. Талас названа Талас-куль.

На карте Рената Талас (Tallas) впадает в озеро Schickir-luna (?) и имеет один приток слева. Параллельно Таласу идет горный хребет, названный на западе Charatou (Каратау), а у отделения от Тяньшаня Archon. Из этого хребта течет река Aras (Арыс), не доходящая до Schir (Сыр-дарья), а южнее ее означены города Saram (Сайрам) и Taskent, «где есть золото», на притоке реки, впадающей в Sirik (Чирчик), которая из-ливается в Сыр; впрочем, река, на которой стоит Ташкент, изображена по величине больше Чирчика.

В собранных академиком Фальком, в 1771-1773 годах, путем расспросов, известиях «о киргизской и зюнгорской степи» имеются следующие сведения о местностях западного Тяньшаня: «Тус(-)кул или (-)нор лежит от Алактакула (Алакуля) на юге. Оный длиною на 70 верст, наполнен островами и принимает в себя много речек... Халун-нор, на полтора дня пути от левого берега Или выше Каргоса, выбрасывает много железистого песку и имеет на своих берегах железную руду...»[1]. Тут под именем Халун-нора надо разуметь тот же Тускуль или Иссык-Куль, потому что только к нему может относиться известие о железистом песке. Вероятно, Халун-нор вышел у Фалька особым озером и расстояние от реки Или уменьшено почти втрое против действительного по причине недоразумений толмача, переводившего Фальку показания торговцев. «Или, также Илия, выходит из Мусартского хребта и выше называется Текес или Ситекес... Она походит на реку Том в Сибири. Речки (притоки) Текеса: Куак и Барабаш (?) на правой, Хонохай - на левой стороне; при сем калмыцкий хан имел сад; Кук-Каяс (?) и пр.». Долина Текеса, во всяком случае, есть местность, не подходящая для садов, а потому, надо думать, что тут разумеется не южный Хонохай, не доходящий до Текеса приток, а северный Хонохай, приток р. Или, на котором находится старинное селение Хонохай. «Речки (притоки) Или: Кунгос (Кунгес) и Галаул на правой стороне; при последней Голча. Талки и Усак (Усёк) также на правой стороне и др.». Галаул, вероятно, соответствует Кашу, потому что иначе странно было бы упущение главнейшего правого

[1] «Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое И.Академией наук, по предложению ее президента», том 7, Спб., 1825 года, стр. 41.

притока р. Или; до китайской Кульджи доходил большой арык из Каша. «Цуи выходит из гор при Тускуле; она велика, принимает в себя много речек и впадает в западное озеро. При ней кочуют киргизцы. Талас течет на юге параллельно с Цуи, она менее и впадает в озеро. На ней живут буруты...»[1]. Фальк приводит два маршрута от Семипалатинска в Каргос. Первый ведет через Имиль и Бороталу и приводит в Каргос на двадцатый день пути, длину которого Фальк определяет в 850 верст, считая по 40 верст на день пути. «Каргос есть ныне китайский городок или деревня при речке сего названия, в нескольких верстах выше его истока (надо читать «ее устья») в правую сторону Или, при том месте, где калмыцкий хан Голдан Джерин имел огромный и прекрасный сад с плодоносными деревьями и другими растениями. Живущие здесь китайцы занимаются земледелием. Бухарские деревни имеются за Каргошем. В 30 верстах выше, на правом берегу стоял построенный из необожженного кирпича калмыцкий монастырь Тсаган Сума, близ Или, при речке Дергаланг. Монастырь или местечко называлось Ролча; в нем был прекрасный сад, через который протекала речка. В монастыре стоял медный идол мужской, вышиною в человеческий рост. Другой монастырь находился на левом берегу Или, при речке Кайнух, в 16 верстах от прежнего; в нем также был прекрасный сад и медный женский идол, подобный первому. Он назывался Майдаре. Когда китайцы выгнали калмыков, тогда оные идолы были разбиты, но неизвестно кем, китайцами или бухарцами. При степном ручье Алмиту, не впадающем в большие воды, но теряющемся в искусственных проводах, был прежде в 6 верстах от Каргоса калмыцкий сад и кумирня, где хранится прах калмыцкого хана Талук Темира. Ныне от кумирни и сада остались только следы»[2].

Другой путь, сообщенный Фальку бухарцем Реинбахом (Раим-баки), шел через Аягус, Лавши (Лепса), Аксу, Ала-джигда, Каратал, Коксу, Баракуджир (ныне у нас Борохудзир), Усук и Саумил (по Фальку, «при обеих речках находятся ныне китайские форпосты»), Джигда-Елга и по пескам в Каргос. Четырнадцатый день пути от Семипалатинска лежал «от Каргоса по ровной возделанной местности плоскости, на которой проведенные для орошения полей каналы дают путешественникам воду, до речки Чаган-су (это должна быть Аксу). При оной стояла прежде бухарская деревня, которая ныне разрушена, и осталось только несколько бухарских дворов». Пятнадцатый день лежал «по твердому и ровному пути до большого китайского города, называемого киргизцами Чотска-том (Свиной город), а калмыками Дулба-Джизе. Здесь прежде сего имел знаменитый калмыцкий лама пашни, плантации крестьян. 16-й (ночлег) при речке Или (т.е. при притоке р. Или, по имени) Укарлык, при которой в полуверсте выше устья стоит китайский город Кулджа, также Колдза и Голдза. Оный велик и имеет милицию под командою генерала (Джанджуна); стены города и бастионы построены из нежженого кирпича. Когда хотят ехать отсюда в Старую Кулджу, то надлежит следовать вверх по гористому берегу Или, где отстоит она от Новой Кулджи в

[1] Там же, стр. 42 и 43.
[2] Там же, стр. 47-49. О гробнице Туклук-тимур-хана в хоргосском мазаре см. выше. Вероятно, сообщенные Фальку сведения о разрушении ее были ошибочны, потому что она существовала в 1871 году («Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 2, Спб., 1873 года, стр. 309).

30 верстах при речке Алмату. Старая Кулджа (на Исленьевой карте Голца) была прежде сего бухарским, а потом зюнгорским городом. Ныне оный город есть китайский, и имеет 1000 дворов в хорошо обработанной стране, и производит торговлю. Близ Старой Кулджи находятся развалины бывшего города, который бухарцы называют Катай-орда. Они состоят из следов каменных стен и развалин башен из нежженого кирпича, но они не могут быть древние, хотя в сей сухой стране такое строение и может стоять долго... Близ сих развалин и во многих других местах сей страны видны небольшие полукруглые курганы, которые хотя и называются Катай-Гур (китайские могилы), но они должны быть от другого, а не нынешнего народа, который под холмами не хоронит»[1].

В пояснение двух приведенных маршрутов надобно иметь в виду, что первый относится, видимо, ко времени до 1764 года, т.е. до основания китайской Кульджи, потому что о ней совсем умалчивает, тогда как второй маршрут о ней уже упоминает, помещая ее близ устья р. Ухарлыка, которая у тюрков называется ныне Сарыбулак. Далее, сообщавшее Фальку второй маршрут лицо, вероятно, не ездило далее Хоргоса и известия о Цаган-сумэ, Голча и Кайнухе передает с чужих слов, перепутав в них кое-что. Можно предполагать, что монастырь Цаган-сумэ на р. Джиргалане (верстах в 10 от мусульманской Кульджи, вверх по р. Или) напрасно спутан со старой или мусульманской Кульджой в Кайнаке (одинаково около 16 верст как от Кульджи, так и от устья Джиргалана), действительно есть следы старинных построек, частью из жженого кирпича, которые местные таранчи относят к калмацкому времени. Я видел, проездом, в 1873 году, часть этих развалин, но не осматривал их.

У Фалька есть еще маршрут от Каргоса до Текеса и далее до Аксу. «1й и 2й (дни пути) от Каргоса через Или по левой его стороне и по равнине до Кочегсра (опечатка вместо Кочегера, ныне Коджигур), бывшего сада калмыцкого хана, 40 до 45 верст. 3й - до низких гор Темырлык и выходящей там речки Темырлык. 4й - в сих низких горах до озера Гаганкул, при коем часто останавливалась калмыцкая ургa, и до впадающей в оное речки Гаган-Елга. 5й - до быстрой горной речки Каркара. 6й - опять по плоскости до Текеса Албан Шиби, местечка, в котором часто живал летом калмыцкий хан... 7й и 8й - на плоскости вверх по Текесу и через оный до Мусартского хребта. 9й до Иго - при Текесе и его речках, и при Мусартских горных речках по проходным горам Мусарта, отделяющим речки и называемым бухарцами Аир-Гал (Конская Грива). 14й - на юго-восточном откосе Мусарта, в каменистой стране до города Уча. И, наконец, в 15й день, по каменистой стране в Аксу... По всей дороге вдоль китайской границы нет никаких селений. В некоторых местах живут однако же кочующие монголы, а в других поселившиеся и земледелием занимающиеся солоннеры, ...манджу, имеющие мандарина. Сии последние, в рассуждении повреждения границы, весьма взыскательны с киргизцами, которые живут, как прежде калмыки, наиболее при Или и его речках, от южного хребта до Тенгиса или Балхас-нора. Бухарцы, жившие здесь во

[1] Там же, стр. 50-53.

времена калмыков, перешли все, кроме земледельцев, китайцами задержанных, в Бухарию и другие вольные города, многие же из них удалились в Россию»[1].

Carte de l'Asie centrale, dressae d'upres les cartes, levees par ordre de l'empereur Khien Loung par les missionnaires de Peking, et d'upres un grand nombre de notions extraites et traduites de livres chinois par M. J.Klaproth (pulliee par J.Berthe, editeur de Geographie, Paris, 1836 ?), была, конечно, для западного Тяньшаня, до 1855-1869 гг., лучшею из обнародованных карт, так как далеко превосходящая ее по верности орографического и гидрографического изображения карта Рената и известные части карты Унковского не были еще изданы. В настоящее время интерес карты Клапрота уже не велик, хотя она и не лишена значения для понимания китайских описаний, на которых она основана. Нельзя, конечно, не удивляться трудолюбию и проницательности Клапрота, который сумел по весьма во многом темным, иногда противоречивым, китайским источникам составить карту, вообще не очень далекую от действительности. Талас на этой карте означен имеющим притоками с правой стороны р. Джерге (у ней приток Едемей), соответствующая Уч-кок-саю, и р. Чун-куй (вершина у нее р. Кара), ныне Каракол. Левые притоки Таласа: Улем-мюнар, три Карабуры и ниже еще один без имени. Озеро, куда впадает Талас, названо Сикерлик-куль или Талас-гол и имеет притоком с Ала-тау (Каратау) р. Бергудель (на ландкарте Миллера притоками Таласа показаны речки Аша-беркут, Тамду и Бергулю). Западный конец Александровского хребта (горы Арчату и восточные горы Кубакай) назван Ике Бурул, а его продолжение за Таласом на запад - Бага Бурул. Последний хребет доходит до Коз-юрт, составляющего восточное продолжение Алатау (Каратау). Тут (между Бага- Бурул с севера, между продолжением Коз-юрта с запада, между хребтом, дающим северные притоки Сусамыру, с юга и хребтом, отделяющим на востоке от этой долину Таласа) изображена внутренняя горная долина, названная Мин-булак; на ней показаны сплетающиеся между собою реки, не имеющие из долины выхода; приходится она на местность, где находятся долины Терса и Асы.

Озеро, куда впадает р. Чуй, названо на карте Клапрота Кабан-булак или Кабан- куль, именующееся еще Бейле-гуль или Коши-гуль. Озеро, в которое изливается р. Яр-якши (Сары-су), находится к юго-западу от Кабан-куля, гораздо его больше и названо Теле-гуль. Гора Ку или Ку-каслик (Хасылык?) показана верстах в 80 к северу от Каркаралинска, близ пикета Ку, а гора Кент или Кент-каслик - на юге от Каркаралинска, верстах в 30. Левые притоки Чу ниже Шамки: Улан-усу, Буруна, Гегету, Ар-шату или Ашату, Дабсуту-булак, Койор-Арчан с притоком Илан-баши; далее на запад следуют притоки р. Коркоту, впадающей в Чуй: Соголук, Кукесар, Талда-булак (у него одна из вершин р. Чеган), Карабалта, Гурбан Каиенту или Канату, Сасабар, Кутурме саган (одна из вершин названа Боркет) и Ергиту-булак. Засим особый нижний приток р. Чуй образуют сливающиеся вместе реки: Аши-бурур (один ее приток назван Алимату), Мергень (у нее левый приток Сары-булак) и Тази-корхон.

[1] «Полное собрание ученых путешествий» и пр., том 7, стр. 53-55.

Верховье Нарына названо Тарагай; притоки Нарына справа: Баргарат, Кара-камань, Солтон-сари, Коркойту, Отоген (Оттук?), Кайджету (Койджерту?), Анакунак (между нею и предшествующею речкою долина Джерке), Коротка (Куртка), вытекающая из озера Сун-куль, Гурбан Кайенту, Табида-кайту и, на границе с Ферганой, Кук-Мурум или Кермен-тоби. Последняя образуется из Сусамары (Sousamara) с притоком Кара-гол и из Дзун-гола, имеющего справа притоки Баяр-турук (вершина сходится с верховьем Едемейя), Коркойту, Кулкуситу и Мин-теке. У самого верховья безымянного верхнего притока Нарына есть название урочища Беделик, от которого до Уши или Уш-Турфана будет около 80 верст на юго-восток. Река Сыр-дарья показана начинающейся в меридиане Сун-куля и текущей параллельно Нарыну, до соединения с ним в меридиане Андиджана.

По части этнографической, на карте Клапрота «западные буруты» надписаны на Нарыне и Джумгале; «граница западных бурутов» означена на хребте, отделяющем бассейн Сусамыра от Мин-булака. Надпись «восточные буруты» идет от гор Какшаал на верховья Нарына и по южному берегу Иссык-Куля. На Тарагае и немного на восток есть частная надпись «киргизы Тенем-саит»: это имя одного из родов бугу. На восточной части Александровского хребта от Гегету и по Чуй (где на деле долина Б.Кебина) написано kirghises arwaghiz (?). «Киргизы дулат» помещены на южном берегу Балхаша до р. Каратала и притока ее Бижи. «Джалаиры» показаны на правом берегу Каратала у Балхаша и на юго-восточном склоне гор Алтан-емель и Алатау. На северном склоне этих гор значатся «киргизы суван». «Киргизы адкан» (абдан) отмечены между Чиликом и Нарыном. «Киргизы чапрашты» надписаны на правом берегу р. Или, между устьем Нарына и устьем Хоргоса. «Киргизы каптагай-матай» значатся между рр. Биенью и Лебси, «садыр-матай» - между Лебси и Аягузом, к северу от которого значатся «киргизы семиз-найман».

3. Время коканского владычества

Нападение коканцев на кетмень-тюбинских кыргызов в 1821 г. Подчинение Большой орды России. Сведения о кыргызском посольстве 1824 года. Протест Китая против подчинения казаков России и приостановка распространения наших владений до 1846 года. Основание укр. Копальского. Первый русский отряд за рекою Или в 1850 году. Утверждение русской власти в Заилийском крае в 1854 году. Описание Заилийского края и карта Померанцева. Подчинение кара-киргизов коканцам с 1831 года. Султан Кенисары Касимов, его предшествующая деятельность, борьба с кыргызами и гибель. Коканские укрепления и сборы с кыргызов. «Сведения о дико-каменных киргизах» 1850 года. Раздоры между богинцами и сарыбагышами и принятие родом богу русского подданства.

Подчинив себе в первой четверти XIX века Ташкент, Туркестан и ближайших к этим городам казаков, коканские ханы стали затем покорять своей власти и каракиргизов. Еще Нарбута-бий и сын его Алим-хан пытались подчинить кетмень-тюбинских кыргызов. Омар-хан, в начале 1821 года, в зимнее время, послал свое войско, под начальством наманганского хакима Сеид-кули-бека, для покорения кочевавших около Кетмень-тюбе кыргызов родов багыш, саяк и сатикэй, которые будто бы занимались исключительно разбоями. Через перевал, отделяющий Фергану от Кетмень-тюбе, отряду Сеид-кули-бека пришлось переходить пешком. На укрепление Кетмень-тюбе коканцы напали ночью. Защитники бежали. Произведя страшные грабежи в долине Узун-Ахмата и захватив много пленных, Сеид-кули-бек вернулся в Кокан благополучно и получил от хана богатые подарки[1]. Летом того же 1821 года коканские войска разгромили «за грабежи торговцев», кыргыз рода сарыбагыш, кочевавших на востоке от г. Оша[2].

Надо думать, что именно опасения подобных же насилий со стороны коканцев вызвали те посольства от дико-каменных киргизов в Омск 1821 и 1824 года, о которых сообщает приведенные выше сведения автор «Исторического обозрения Сибири». Что касается упоминаемого им Сюка Аблайханова, то султан этот заявил о желании принять русское подданство в 1818 году. Склонил его к тому тобольский казак из татар Сафар Курбанбакиев, который около 1817 года прибыл для торговли «к урочищу Семирек, в большой орде, где был тогда султаном известный Сюк Аблайханов. Здесь ловкий и предприимчивый Курбанбакиев нашел случай лично представиться султану и разными подарками и рассказами о своих путешествиях имел удачу ему понравиться. Торговля в этой стране шла плохо, зато отпуском своих товаров в долги Курбанбакиев приобрел большую популярность между туземцами и прожил у них более года. В это же время он весьма усердно старался убедить султана большой орды, что грабежи и разбои дико-каменных киргизов, от которых еще так недавно и сам он (Курбанбакиев)

[1] Наливкина «Краткая история Коканского ханства», Казань, 1886 г., стр. 118.
[2] Там же, стр. 121.

пострадал[1], и хищнические набеги киргиз средней орды могут быть остановлены только тогда, когда б. орда будет иметь покровительство могущественного русского царя... Султан Сюк изъявил готовность искать покровительства российского монарха и перейти со всем народом своим в вечное подданство России. Курбанбакиев с известием об этом решился, наконец, возвратиться в Сибирь и явиться к своему начальству в Омскую крепость». Отсюда для поверки заявления Курбанбакиева был послан переводчик Сейфуллин, который «объехал все главные улусы б. орды, ...лично принял уверения султана в искреннем желании его и всей орды принять навсегда подданство России и привел его с подвластными ему биями и старшинами и другими представителями из народа к верно подданнейшей присяге». Затем Сейфуллин возвратился в Омск в сопровождении сына Сюка Джан-ходжи и мурзы (?). По доставленной Сейфуллиным «подробной именной ведомости... значилось принявших подданство России киргиз б. орды более 55 т. душ обоего пола и всех возрастов... Сейфуллин ...отзывался о вновь присоединенном к России крае, как о самом обильном и хлебородном, а о жителях его, как о способных и усердных к хлебопашеству. Край этот, по словам его, находится на юге от Семипалатинской крепости, верстах в 700, а от китайского города Кульджи не более, как в 100 верстах»[2]. В Высочайше 18 января 1819 года утвержденном положении Комитета министров, о вступлении в подданство России киргиз-кайсацкой орды юсушкой (ошибка - вместо юсунской) волости султана Сюка с подведомственным ему народом, значится: «...Командующий отдельным сибирским корпусом доносит, что означенный султан и 55462 души обоего пола подвластных ему киргизцев, по собственному их желанию, в действительности коего командующий корпусом предварительно удостоверился, приняли присягу на верность подданства его И. Величеству. Имущество сих киргизцев состоит в 802359 штуках разного скота. Султан, уверяя, что и остальные киргизцы той волости скоро последуют примеру прочих, просит: 1) об исходатайствовании Высочайшего соизволения отправить ему к нашему двору депутацию, 2) наградить почетных биев юсушской волости и некоторых других лиц, 3) о постройке на счет казны мечети и дома для султана на месте его кочевья и 4) о командировании к нему отряда из сибирского линейного казачьего войска, для удержания соседских киргизцев от нападения на подвластные ему аулы. Командир корпуса ...известил султана, что при отправлении по обыкновению в начале весны в юсушкую волость первого купеческого каравана под прикрытием военного отряда, командиру оного предписано будет, по прибытии на место, заняться разбирательством дел, касающихся до султана ...Комитет полагает ...дать следующие награды: Султану Сюку Аблай Ханову чин 8 класса, золотую медаль на голубой ленте и кафтан с шапкою; сыну его Джанкоже золотую медаль на александровской ленте и кафтан с шапкою; биям Сарымбетю Унтагарову, Байбетю Бектурганову и старшине Тугулю Чирукзину золотые перстни с именными печатями и

[1] Караван Курбанбакиева был ограблен где-то около Кульджи и только после полуторагодовых хлопот в Кульдже он успел добиться возврата части товаров, с которой и отправился «к ур. Семирек».
[2] «Тобольские губернские ведомости», 1867 года, № 41, статья И. Ю-ва, основанная на деле губернского архива 1818 года за № 3576.

кафтаны с шапками; муллам, находящимся при султане, Мусагиту Микманову и Абдулле Мыксюксееву чины 14 класса; из татар Сафару Курбанбакиеву ...и брату его Кубанкулу Курбанбакиеву, также семипалатинским купцам Абдулгазе Гумирову и Хомиту Амирову, имевшим влияние на султана, ...золотые медали: первому на александровской, а последним трем на аннинской лентах; переводчику ...титулярному советнику Хасану Сейфламу (ошибка вместо Сейфуллину)... золотую же медаль на аннинской ленте... Государь Император, утверждая положение (комитета), сверх того изъявил Высочайшее соизволение как на присылку сюда от султана Сюка депутации, так и на построение на счет казны для него мечети и дома, а командиру отдельного сибирского корпуса предписать, чтобы он ...по прошествии каждого года доносил о состоянии скотоводства у подвластных тому хану киргизцев, желая знать, будет ли оное время от времени улучшаться против настоящего»[1].

В грамоте от 13 мая 1824 года говорится следующее: «Султанам большой киргиз-кайсацкой орды сыновьям умершего султана Адиля и прочих родов (?) беям, старшинам и всему к.-кайсацкому народу, сим султанам и старшинам подвластному, наша И. милость и благоволение. Генерал-губернатор Западной Сибири генерал от инфантерии Капцевич донес нам в прошлом 1823 году о вступлении султанов б. к.-кайсацкой орды, с подведомственным им народом, на вечные времена в совершенное подданство Российской Державе. На таковое добровольное присоединение сих к.-кайсаков к числу наших верноподданных, подтвержденное ныне прибывшими в нашу столицу депутатами от лица султанов Адилевых и к.-кайсаков б. орды, мы всемилостивейше соизволяем, в том уповании, что султаны Адилевы и все прочие старшины и народ киргиз-кайсацкой, им подвластный, пребудут навсегда верными нашему престолу, внутри своих кочевьев, сохранят незыблемый мир и благоустройство, поступая дружески с прочими нашими верноподданными, способствуя успехам торговли внутренней и заграничной и усердно исполняя распоряжения нашего пограничного начальства к пользам сибирского края. При соблюдении сего верноподданнического долга, султаны и весь киргиз-кайсацкий народ, им подвластный, постоянно будут пользоваться нашею великою монаршею милостью и твердым покровительством при всех случаях, будучи свободны от рекрутской повинности во всякое время. В подтверждение чего, снисходя на всеподданническое прошение киргизских депутатов б. орды, мы жалует сию И. нашу грамоту султанам Адилевым и прочих родов беям и старшинам и всему к.-кайсацкому народу, им подвластному, повелев утвердить оную нашею государственною печатью»[2].

Некоторые сведения о кыргызском посольстве 1824 года есть в письме генерал-губернатора Западной Сибири П.М.Капцевича к генерал-губернатору Восточной Сибири от 7 декабря 1825 года за № 243: «С прибытием моим в нынешнем году в Си-

[1] «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года», том 36, № 27. 642.
[2] Там же, № 29, 907. По Н.А.Абрамову («Записки по общей географии», 1867 г., том 1, стр. 274), султан Сюк умер в 1863 году, но я видел дело алатавского окружного управления о смерти Сюка в 1861 году (№ 44).

бирь, нашел я в Омске депутацию дико-каменных киргиз, кочующих большою ордою при озере Иссык-Куль и частью между Китаем, Кашкариею и Кокантом. Депутаты сии, состоявшие из трех биев от лучших родов и четырех почетных киргизов, изъявили сильное желание своего народа принять покровительство России и препровождать через свои кочевья купеческие караваны, прося покровительства нашего правительства от междоусобных раздоров и грабительств в степи. Соображая, что таковой вызов дико-каменных киргизов может доставлять нашей азиатской торговле большие выгоды, а между тем, заботясь об ограждении от барантов султана Сюка, я приказал формировать отряд конных казаков при двух отрядах (орудиях?) конной артиллерии под командою известного мне по усердию и способности ямышевского коменданта (под)полковника Шубина, 5 минувшего июня отряд сей из Семипалатинска переправился за Иртыш и шел в предназначенный путь к урочищу Семиречек. Под прикрытием сего отряда отправил я означенных закаменных депутатов, которые награждены здесь приличными подарками. С ними посылал я письмо к почетнейшим биям дико- каменного народа, в коем изъяснял, что правительство охотно берет их под свою защиту и, конечно, будет брать участие в их распрях междоусобных и в обидах со стороны соседей большой орды. Далее изъявлял желание, чтобы они, в знак преданности своей и усердия к России, способствовали нашим торговцам и ограждали купеческие караваны от расхищения. С сим вместе писал я к соседственным по кочевке султанам Адилева рода, дабы они и подведомственные им не делали никаких притеснений и обид киргизам дико-каменным, как принятым уже под покровительство российского правительства. С тем же отрядом отправил и назначенные султанам большой орды от Высочайшего двора подарки, кои поручил раздать публично. Для большего же блеска в азиатском вкусе, предписал подполковнику Шубину, собрав почетнейших киргизов, сделать особенный праздник, так называемую байгу, для чего назначил призы, состоящие из приличных подарков. Но существенная цель настоящего отряда есть, чтобы постепенно приучить китайцев смотреть на действия нашего правительства в отношении к большой орде, увеличивать влияние России на оную, приближая тем введение народного управления сообразно уставу о киргизах. Когда китайцы в августе или начале сентября обыкновенно выезжают из Кульджи за сбором в ясак лошадей с некоторых родов б. орды и нередко приезжают в самые кочевья султана Сюка, то может быть увидят и отряд наш и взойдут в какие-нибудь изъяснения; на сей случай Шубину дано было надлежащее наставление. Подполковник Шубин, окончив возложенное на него поручение с желаемым успехом, возвратился ныне сюда благополучно. Все сведения, какие доставил г. Шубин, благоприятствуют цели нашего правительства, и киргизы, будучи довольны вниманием к ним правительства, не показали ни малейшего сопротивления и отвращения к отряду. Поелику же могут быть толки китайцев о таковых действиях российского правительства» и так как сношения китайского правительства с нашим шли через Кяхту, то Капцевич обо всем этом и уведомлял генерал-губернатора Восточной Сибири[1].

[1] «Материалы для истории киргизской степи» в «Сборнике газеты Сибирь», том первый, Спб., 1876 года,

«В 1825 году первый русский отряд, состоящий под командой подполковника Шубина, дошел до реки Каратала. Этим отрядом были там построены шалаши, для временного помещения людей и припасов. Китайское правительство, получив о сем сведения, объявило свои притязания, считая места, на которых расположился отряд, китайскими, и вступило в официальные сношения на Кяхте с нашим пограничным начальством»[1]. Вероятно, этот китайский протест был одной из главных причин приостановки занятия земель Большой орды на двадцать лет. В 1840 году султан Акымбек Аблаев, жалуясь на притеснения коканцев, просил о принятии в русское подданство[2]. 10 октября 1844 г. бий Байсеит, от лица 4 т. аулов юсуновцев, просил о подданстве и о присылке отряда на Каратал, куда юсуновцы прикочевали. Ему было объявлено, что киргизы Большой орды уже ранее с султаном Сюком приняты под покровительство России, в принятии же в подданство отказано[3]. В 1844 году был выставляем на р. Лепсу «для надзора, по примеру прошлого года», отряд из 1 офицера и 50 казаков[4]. В 1845 году бий Манкэ Нураков, доверенный от киргизов Большой орды, ходатайствовал в Аягузе о пропуске в Омск для ходатайства от имени султанов Али и других о принятии адбанов, суванов, чапрашты, дулатов и сары-усунов в русское подданство[5]. Вероятно, это посольство было вызвано притязаниями Кенисары Касимова на подчинение себе Большой орды. Результатом его, а, быть может, и последствием появления между р.р. Чу и Или Кенисары Касимова, было отправление в августе 1846 года за р. Лепсу отряда, который выбрал место для возведения укрепления на ур. Копалы, и окончательное в следующем году принятие большой орды в русское подданство. Мера эта, Высочайше 17 апреля 1847 года утвержденном докладе министра иностранных дел мотивирована необходимостью обеспечить торговые пути в Кашгарию и в Западный Китай. 14 августа 1847 года султаны Сюк Аблайханов, Али Адилев и Акимбек Аблаев приведены были к присяге на подданство и в том году началось устройство Копальского укрепления[6].

В половине апреля 1850 года, за реку Или переправился у устья р. Тургеня, первый русский отряд, в составе около сотни казаков, взвода пехоты и двух орудий, при трех офицерах, под начальством пристава Большой орды капитана Гутковского, имея задачей разрушение возведенного бием Тойчубековым на р. Аксае кургана, имевшего гарнизон из 150 коканцев и киргиз-казаков. В это время джалаиры кочевали на Каратале, где пребывал и султан Сюк. Коксу занимали адбаны, которыми правил заведовавший делами еще при жизни султана Акымбека, незадолго перед тем умершего, султан Тезек, сын Нурали, сына Аблай-хана. Подчинявшиеся Акымбеку суваны,

---

стр. 458 и 459.

[1] Н.А.Абрамова «Река Каратал с ее окрестностями» в «Записках геогр. общества, по общей географии», 1867 г., т. 1, стр. 273 и 274. Автор ссылался на предписание омского областного начальника подполковника Броневского смотрителю войсковой норзайсанской рыбалки сотнику Лапину от 3 апреля 1826 года за № 6.

[2] Дело Сергиопольского окружного приказа 1840 года № 993, о подданстве юсуновских волостей...

[3] Дело Серг. окр. приказа 1844 г., № 1137.

[4] То же, 1844 года, № 1123.

[5] Дело Серг. окр. приказа 1845 г., № 1391.

[6] Дело Сергиопольского окружного приказа 1844 года, № 1652.

кочевавшие в китайских пределах[1], по смерти его отделились от адбанов с султаном своим Адамсатом Ибаковым. Между Коксу и Или кочевал султан Али, сын Адиля, сына Аблай-хана, с частью дулатов[2]. «На обширных и обильных равнинах левого берега р. Или и на северных покатостях Кунге-Алатау кочует от двух третей до трех четвертей киргиз большой орды». Часть из них подчинялась султану Рустему. Это «не есть родоначальник, а выходец, успевший насилиями, грабежами и жестокостями подчинить себе киргиз из разных родов, преимущественно подвластных султану Али»; за старостью и болезнью Рустема правил его аулами старший его сын Аблай. «Все остальные волости заилийского края управляются своими биями отдельно; некоторые из сих управителей признают султана Али своим родоначальником, но существенно ему не повинуются, другие же вовсе не признают над собою никакой власти»[3]. Отклонив предложение султана Аблая присоединить в помощь отряду 200 вооруженных его джигитов и отказав в просьбе его оказать содействие к наказанию неповинующегося ему бия Чемырбая и дать 25 казаков для понуждения ослушников, уклоняющихся от поставки подвод для отряда, капитан Гутковский 16 апреля выступил из аула султана Рустема, находившегося в 15 верстах от переправы, вверх по р. Тургеню и имел ночлег на караванной дороге из Кульджи в Ташкент. 17 и 18 апреля он продолжал движение свое от Тургеня по караванной дороге и 19 числа к 7 часам вечера достиг до укрепления Тойчубека. Так как начальствовавший над коканцами еще ранее на предложение оставить курган отвечал отказом, то капитан Гутковский открыл по укреплению стрельбу из своих орудий. На другой день, выпустив уже половину имевшихся снарядов, капитан Гутковский окончательно убедился, что, по недостаточном запасе снарядов и малому их разрушительному действию на стены

---

[1] Без сомнения, на правом берегу р. Или, между проходом Югенташ и р. Хоргос, где суваны кочевали и впоследствии. Относительно адбанов капитан Гутковский (в рапорте корпусному командиру от 11 месяца 1850 года за № 2, из которого извлечены все сведения об этом первом походе за р. Или) говорит, что «направление умов в сем роде, вытесненном из пределов Китая, наиболее для нас благоприятно... Изгнанные китайцами и теснимые с другой стороны дулатами, они естественным образом более других нуждаются в нашей помощи».

[2] Г.Влангали («Геогностическая поездка в восточную часть киргизской степи в 1849 и 1851 гг.», Спб., 1853 г., часть 2, стр. 28 и 29), в 1851 году джалаиры с султаном Сюком найдены между рр. Ак-ичке и Караталом, адбаны с султаном Тезеком - между Караталом и Коксу и дулаты султана Али - между Коксу и Или. О султане Али М.И.Венюков, видевший его в 1859 году в Верном, сообщает следующее: «Еще в юности он ездил в Пекин... После того долгое время весь род его (дулат) был подвластен Кокану, хотя депутаты орды и присягнули уже России. Рассказывают, что когда однажды коканцы во что бы то ни стало хотели прекратить и номинальную зависимость ордынцев от русских, между султанами и биями действительно составлялся заговор, и уничтожение Копала должно было служить целью восстания. На Али, кочевавшего тогда на Коксу, хотели возложить почин дела, но умный старик, взвешивая вероятность успеха, воздержался. Это послужило поводом к упрекам и нареканиям. "Достопочтенные султаны и бии, - писал тогда Али к соплеменникам родоначальникам, - змея, когда идет к норе, ползет тихо и извиваясь; только лишь у самого отверстия она выпрямляется, и тогда уже быстро стремится к цели". Умный ответ этот затянул дело, и оно потом само собою расстроилось». («Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них», Спб,. 1868 года, стр. 128).

[3] В Большой орде считали в это время до 1670 аулов и предполагали 100400 душ муж. пола и 100000 душ женского («Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1 отделении Департамента генерального штаба, том 17, ч.3, Киргизская степь Западной Сибири, полк, барона Сильвергельма», Спб., 1852 г., стр. 46). В это время в укр. Копальском находились штаб 8 сибирского линейного батальона и роты 2 и 3 (611 ч.), штаб-квартира 10 полка сибирского линейного казачьего войска, его 1, 2 и 3 сотни и взвод казачьей батареи при двух орудиях (там же, стр. 58 и 65).

кургана, нельзя произвести образование в стенах его бреши действием артиллерии. Он попытался пробить в стене проход лопатами, кирками и лопатами, но «прочность стены, сложенной из булыжного камня, связанного весьма вязкою глиною с шерстью, противопоставляла всем способам нашим непреодолимое сопротивление». При подступе был убит 1 казак и ранены 2 пехотинца и 4 казака. Между тем еще с вечера, со времени открытия стрельбы по укреплению, отряд наш был окружен толпами киргиз-казаков, собравшимися под знамена Тойчубека в числе 3-4 т. человек. Толпы эти были легко отражены артиллерийским и оружейным огнем, но усиливали свои нападения во время действий отряда против укрепления. Убедившись в невозможности с его средствами овладеть укреплением, капитан Гутковский решил предпринять немедленно обратный путь. «Не трудно было наказать их («вероломных кыргызов») движением на аулы, оставленные без защиты, но к средству сему прибегнуть (он) не дерзнул» и двинулся по прежнему пути. Пройдя того же 20 апреля верст 10 по караванной дороге, отряд остановился на ночлег, немного не дойдя до р. Алматинки; неприязненная толпа к.-казаков продолжала все время окружать отряд. Приближаясь на другой день, 21 апреля, к р. Алматы, капитан Гутковский заметил, что к.-казаки намереваются напасть на отряд на переправе через Алматы, спуски и подъемы на которой были ночью перекопаны канавами и загреждены завалами из деревьев, росших на островах. Скопища враждебных кочевников значительно к этому времени увеличились людьми султана Рустема, родами джаныс и кашкарау и др. Можно было, оставив в стороне загрежденную и затрудненную переправу, перейти речку немного ниже, но начальник отряда предпочел, вместо возвращения прежним путем на Тургень, направиться к р. Или на переправу при р. Чингильды, по местам, где были расположены аулы. Это движение отряда произвело на неприятеля магическое действие. Значительная часть к.-казаков бросилась спасать свои аулы, на которые, впрочем, отряд не нападал. Из остальных многие отправились по домам, самые же упорные, получив отпор при нападении на арьергард отряда после переправы на правый берег Алматинки, несколько верст ниже караванной дороги, также оставили преследование. В тот же день отряд дошел до р. Талгара и затем, небольшими переходами, достиг 25 апреля р. Или, 27 апреля отряд переправился на четырех паромах, найденных людьми сопровождавшего капитана Гутковского султана Аблеса Алиева. Капитан Гутковский приписывал неудачу свою измене султана Рустема, который два года добивался присылки отряда, а также султана Али и подведомственных ему биев, и арестовал находившегося при отряде султана Аблая Рустемова, но нельзя не видеть, что неуспех экспедиции зависел исключительно от крайней малочисленности отряда и недостаточности его средств. Конечно, капитан Гутковский весьма основательно отклонил помощь 200 джигитов Рустема и отказал употреблять свои войска для восстановления и усиления власти султана Аблая, но, с другой стороны, Рустем и Аблай, приглашая русский отряд за Или, имели в виду свои интересы, при отказе же отряда от предложенных ими джигитов Аблай едва ли мог еще что-либо для отряда сделать: нельзя же было ожидать, чтобы рустемовцы, помощь которых была отвергнута, вступили в бой с окружавшими отряд

многотысячными толпами, когда по уходе отряда они, несомненно, были бы побиты и разграблены приверженцами Тойчубека, к которым пристали бы, как к победителям, остальные роды заилийцев.

Посланный в следующем, 1851 году, русский отряд достаточной силы[1] разрушил Тойчубеков курган, оставленный защитниками при его приближении без всякого сопротивления. Через два года, в 1853 г. новый отряд зимовал на р. Талгаре и в следующем году основал на р. Малой Алматинке укрепление Верное[2]. Русские земли стали прилегать к кочевьям кара-киргизов.

В статье П.Пичугина «Вторжение коканцев в Алатавский округ в 1860 году» («Военный сборник», 1872 года, № 1, стр. 14) говорится без всяких дальнейших пояснений, что «Байсеид в 1854 г. дрался против нас и был полонен в деле»: это известие о пленении Байсеида вместо Джангача основано, вероятно, на каком-нибудь рассказе, но по подробностям помещенный выше слышанный мною рассказ, видимо, заслуживает предпочтения.

По рукописному «Краткому описанию Семиреченского края, составленному, во время следования экспедиционного отряда за реку Или, генерального штаба штабс-капитаном Померанцевым, в 1851 году» в этой местности «землетрясение бывает почти каждый год». «Число жителей с точностью определить невозможно, но, принимая в соображение число аулов, которых считается во всей орде до 5040, можно приблизительно положить, что число душ обоего пола простирается до 500 т. (!!). Замечательнейшие роды: дулат, джаныс, кашкарау, кудайгул, бийдас, чемыр, бекбулат,

---

[1] Отряд, находившийся под начальством полковника Карбышева, состоял из батальона пехоты, пяти сотен казаков, двух дивизионов артиллерии и ракетных станков (Н.А.Абрамова «Алматы» в «Записках р. геогр. общества, по отд. общей геогр.», т. 1, 1867 г., стр.257).

[2] Постройки в укр. Верном начались в августе 1854 г. (дело пристава Б. орды, 1853 г., № 18). По Н.А.Абрамову «в 1853 г. Заилийский край окончательно занят русскими и в 1854 году основано укрепление Верное» («Записки по общей географии», 1867 г., том 1, стр. 257). Я слышал от старожилов, что отряд 1853 года состоял из роты пехоты и что в лагере этого отряда, на р. Иссык, приводились к присяге на подданство заилийские бии и почетные к.-казаки. По таким же рассказам, Тойчубек укочевал в 1851 году к коканцам. В 1854 году, когда отряд из двух рот стоял уже на р. Алматинке, младший сын Тойчубека напал на 13 солдат, косивших сено; из них одиннадцать были переранены, но успели бежать; два солдата были убиты и головы их воткнуты на пики, поставленные на дороге. Как раз по этой дороге возвратился пристав Перемышльский, который в это именно время ходил на Тойчубека, захватил у него 800 лошадей и 200 верблюдов и взял в плен старшего его сына по имени Джангача. Последний, при виде солдатских голов на пиках, водруженных его братом, ожидал неминуемой смерти. Он был освобожден и отпущен к отцу, во внимание к доброму поступку его жены, которая, из сожаления к участи ранее плененных тойчубековцами двух русских казаков, закованных в лошадиные путы и клавшихся по ночам под кошму, на краях которой спали караульные, дала тайком этим пленникам ключи от их кандалов и помогла им бежать. Эти казаки успели скрыться днем в камыши, а ночью добрались до державшихся русской стороны к.-казаков, которые и доставили их в отряд. Рассказчик описывал мне весьма картинно неверие Джангача, когда ему объявили, что он свободен, и плач, слезы и радость жены его и дочери, которые тоже были пленены и вместе с Джангачем получили свободу. Тойчубек умер после взятия Пишпека, в крайней бедности. Упомянутый младший сын Тойчубека Байсеит продолжал и затем делать набеги. В автобиографии манапа Шабдана упоминается, что бек Пишпека Атабек посылал (в 1860 году) его, Шабдана, и «из казаков Байсеита Тойчибекова», как наиболее отважных батырей, в Кокан к Малля-хану. Хан одарил их богато халатами и оружием и отправил их с Канаат-ша, шедшим с коканским войском против русских. Оба батыря принимали участие в бое при Узун-агаче, где коканцы были разбиты, и бежали с ними в Пишпек. Устроив в Пишпеке крепость, Канаат-ша поехал в Ташкент и взял с собою Шабдана, «а Байсеит Тойчибеков пожелал остаться дома».

сары-юсун, исты, аус-юсуген, кокчегус, кызыл-курт и сатен... В 1846 году большая часть родов большой орды принята под покровительство России. С этой целью в стране, ими занимаемой, ... для прикрытия их от набегов кипчаков и дико-каменных киргизов, возведено Копальское укрепление, где учрежден пристав, для управления ордою, в помощь которому из родоначальников их назначены три султана». Из караванных путей описывается дорога на Югенташ в Кульджу. «Второй путь от устья Алмаллов переходит реку Каратал и долину его, образовавшуюся между сею рекою и речкой Коксу; обе они трудно переходимы в брод по чрезвычайной быстроте своего течения; потом дорога идет горами 15 верст до речки Мокур; здесь описываемый путь уклоняется к югу к сопке Май-тюбе и к броду Угуз-уткуль на р. Иле; перейдя эту реку, дорога идет по левому ее берегу, пересекая речки Каратурук и Чилик, и обходя хребет Кунгей-Алатау, следует в г. Кошкар. Большая часть караванов идет по этой же дороге и в город Ташкент до брода Угуз-уткуль на реке Иле, перейдя же эту реку, путь этот уклоняется к юго-западу, идет параллельно хребту Кунгей-Алатау, пересекая собою речки Сарпулдак (так у Померанцева названо нижнее течение реки Тургеня, от устья речки Уч-чебдара, которая показана притоком Тургеня с левой стороны), Талгар и притоки Каскелена, через бывшее укрепление Тойчубека, идет к р. Чу и далее в Ташкент». Третий путь направляется от Каратала на горы Аркарлык и Малай- сары и «доходит до сухого устья речки Чингильды; здесь были устроены киргизами паромы для перевоза при кочевьях скота, а равно и караванов, идущих из Ташкента в Копал, но в прошлом 1851 году паромы были затоплены кипчаками (т.е. коканцами); отсюда дорога, делая обход вниз по р. Или 15 верст через бугристые пески Джеман- кум (приводит) к устью р. Талгар, где была переправа отряда, следовавшего для срытия укр. Тойчубека», и направляется на соединение с вторым путем. На приложенной к описанию карте Семиреченского и Заилийского края изображено и озеро Иссык- Куль, вероятно, на основании сведений Нифантьева, относившихся, по-видимому, только к восточной части озера. О западной части Иссык-Куля, а особенно о реке Чу, составители карты почти не имели сведений. Немногим вернее и изображение страны между Иссык-Кулем и Илийской долиной... Тут, между прочим, р. Темерлик имеет верховья там, где находится в действительности вершина Чилика, и впадает в Или, река же Нарын изображена восточнее. Брод Угуз-уткуль показан между устьями Каратурука и Сарпулдака (Тургень).

Карта Померанцева, видимо, служила источником для составленной в Омске, в 1851 же году, «Карты дико-каменных киргизов с прилежащими землями киргизов Большой орды и китайскими владениями». Виденный мною экземпляр этой карты, подписанный обер-квартирмейстером полка Бларамбергом, имеет масштаб 20 верст в дюйме. На ней уже нанесены вершины Чу, Кутемалды, верховья Чилика; Темерлик впадает в Нарын. Граница с Китаем показана по Нарыну, Каркаре и хребту к югу от Иссык-Куля, но мыс Карабулун выдается почти до половины ширины озера. Показана дорога на Иссык-Куль по рр. Каскелену и Чокталу. На Барскауне означен «бывший коканский курган», на Заувки «курган Кызыл-унгур». Есть урочища Койсары между

устьями Джиты-угуза и Иртыка. Кашкар, Турпан, Аксу нанесены, вероятно, на основании карты Клапрота, но утилизированы и маршруты, изданные Гумбольдтом. Достаточно верны вершины Нарына, мост на Нарыне, Куртка, Чатыр-куль. Р.Кебина не показано.

Надо полагать, что эта карта в свою очередь служила одним из источников изданной географическим обществом карты Я.В.Ханыкова («Карта озера Иссык-Куля и сопредельных с ним стран. Составлена действ, членом И.р.г. общества Як.Ханыковым, 1853 г.»), которая более, но менее удачно, воспользовалась картою Клапрота, напр., поместив кроме укр. Куртка еще, гораздо ниже, р. Колотка, т.е. опять Куртка, и изобразив согласно с Клапротом, но вопреки действительности, Кара-дарью под именем Сыр-дарьи или Гулишана, чего на карте Бларамберга нет. Нанесен здесь впервые Карагоджур под именем Каракачира и на нем означено «бывшее коканское укрепление». У р. Каракола в предгорьях значатся «признаки древнего укрепления», а ниже, на правом берегу Каракола, «бывшее укрепление». Между Караталом и Кызыл-агачем показаны «джалаирцы», на правом берегу р. Или «кунгур-бурыковцы».

По Померанцеву, укр. Тойчубека находилось на р. Большом Аксае, на 8 верст ниже впадения в нее р. Карасу, на левом берегу.

Действительное подчинение кара-киргизов коканской власти произошло, по сведениям Валиханова, в 1831 году, когда Мадали-хан (1822 - 1842 гг.) отправил на них значительные силы. Минбаши Хак-кулы, узбек рода юз, с 7 т. сипаев, разграбил в верховьях Нарына саяков, взял в плен предводителей их Атантая и Тайлика и возвратился со множеством скота, имущества и пленных обоего пола. С другой стороны (вероятно, из Чуйской долины), наместник Ташкента Беглербег преследовал кыргызов рода бугу до сумунов сибо на левом берегу р. Или[1]. Заключив в том же году договор с Коканом об ограждении от вторжений ходжей, китайцы фактически отказались от прав своих на зависимость кыргызов и предоставили их во власть коканцев. В 1832 году коканцы основали на Нарыне укр.Куртку. Все кыргызы заявили Кокану покорность и стали платить зякет. Кроме дани они обязаны были выставлять, по требованию хана, в случае войны, до 5 т. всадников[2]. Покорность иссык-кульских кыргызов и платеж зякета продолжались до 1843 года[3], т.е. прекратились после

[1] Валиханов «О состоянии Алтышара» и пр., стр. 62 и 63, а также «Поездка в Кашгарию» в «Известиях геогр. общества», 1868 г., стр. 279 и 280. По последней статье, Хак-кулы обложил зякетом чириков, бассызцев, монулдыров.

[2] «Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии» в «Записках геогр. общества», 1849 года, кн.III, стр. 203. Эта статья составлена в Омске в 1841 году. В ней упоминается, что во время последней войны с китайцами кыргызы «оказали Кокании большие услуги, которыми очень гордятся». Зякет с кочевников составлял одну из сорока голов скота (стр. 209). «Кетмень-тепя находится в горах Алатау, к стороне озера Иссык-Куля; от него до Намангана считается 16 дней пути. Куртка лежит на восточной оконечности Белур-тага, не более, как в двух днях пути от Кашгара» (стр. 214).

[3] «Сведения о дико-каменных киргизах, доставленные ген.-губернатором Зап. Сибири» в «Записках г. общ.», 1851 г., кн. 5, стр. 141. Составленная для меня манапом войсковым старшиною Шабданом, сыном сарыбагышевского манапа Джантая, начинается так: «В тот год, когда коканский кушбеги, появившись с войском в наших местах, разграбил известного в роде бугу Шопака вместе с подвластными ему кыргызами, родился я, Шабдан, на Туюк-булуне, близ Кунгей-Аксу (на оз. Иссык-Куле), в мае 1840 года». Отсюда

убиения Мадали-хана в 1842 году, по распоряжению овладевшего в это время Коканом бухарского эмира Насруллы[1]. Нового хана доставило Кокану кыргызское «колено кырк-огул», вызвав и июне 1842 года, с Таласа, проживавшего там среди кыргызов с 1808 года двоюродного брата Мадали, по имени Шир-Али[2]. В августе 1844 года манап рода богу Бурамбай просил у омского начальства дозволения отправить доверенных от своего народа в Петербург, ко двору, с ходатайством о принятии в русское подданство. Побуждали его междоусобия и советы русских татар тархана Файзуллы Ногаева и Мухаммед-Галима Тагирова. Ген.-губернатор Западной Сибири в июле 1845 года ответил ему письмом и подарками[3]. Вероятно, по отдаленности от русской границы, принятие в подданство было отклонено. Между тем в Кокане, в начале 1845 года, Шир-Али-хан был лишен престола и убит. Во время несовершеннолетия возведенного через 17 дней на престол сына его Худояра власть в ханстве захватили в свои руки кипчаки, но между вождями их возникли раздоры, продолжавшиеся до 1851 года, когда Худояр-хан, опираясь на сартов, разбил кипчаков и вырезал их массами[4]. Выйдя почти на все это время из-под власти коканцев, занятых внутренними смутами, чуйские кара-киргизы были вынуждены вести в 1846 и 1847 гг. упорную борьбу с султаном Кенисары Касимовым, располагавшим силами значительной части Большой орды.

В «Записках о киргиз-кайсаках Средней орды» генерал-майора Броневского, в числе «более враждебных, хищных и непокорных» султанов упоминается Сарджан, сын Касима, сына Аблай-хана. «К ним, а особенно к Сарджану, стекаются все разбойники... (Он в) 1825 г., питая ненависть к султанам каркаралинского округа Турсуну Чингисову и др., за покорность их России, отважился даже собрав многочисленную ...толпу вооруженную и напасть на округ, но казаки, стражу там составляющие, нанесли им жестокое поражение; это надолго останется в их памяти... 1827 года в июле, Сарджан, через письма и посланных своих, возмутил волость байбуринскую... Злоумышленники, в числе 460 вооруженных, напали на команду (к ним посланную из окружного приказа в составе 1 офицера и 14 казаков), храбрые казаки... не дали... торжествовать злодеям, которые потом предались бегству. Отряд, посланный в октябре, ...нанес им заслуженное наказание, хотя они кинулись в страхе в Голодную степь»[5]. По барону Ур-у, автору статьи «Четыре месяца в киргизской степи», Сарджан Касимов начал грабить караваны и киргизов, повиновавшимся учрежденным в то время окружным приказам[6],

---

видно, что коканцы нападали на богинцев в 1840 году. А сколько могло быть подобных грабежей, не столь памятных и не сделавшихся случайно известными?

[1] Наливкин «Краткая история Коканского ханства», стр. 143.

[2] Там же, стр. 146.

[3] Дело Сергиопольского окр. приказа 1844 года № 1144.

[4] Наливкин «Краткая история Коканского ханства», стр. 161, 162, 170 и след.

[5] «Отечественные записки», 1830 года, часть 42, стр. 88 и 89.

[6] По Я.Ханыкову («Вестник и. р. геогр. общества», 1851 года, кн. 1, стр. 51), для открытия Каркаралинского и Кокчетавского приказов по Уставу о сибирских киргизах 1822 года, отправлены были в феврале 1824 года два отряда, которые два месяца тщетно ожидали прибытия киргиз. Наконец в апреле месяце полк. Броневский отправил в кочевья чиновника Горского с 4 казаками. Он «убедительностью речей» склонил влиятельных людей отправиться в русский лагерь. Там они приняли присягу и произвели выборы сначала для одного округа, а потом и для другого. Открытие прочих окружных приказов последовало: в 1831 году - Аягузского и Учбулакского, в 1833 г. - Баян-аульского. По заверению ген.-майора Броневского («Отеч. записки», 1830 г., часть 42, стр. 182), степные киргизы ненавидели

с 1824 года. Он был разбит и в 1830 г. присягнул на подданство, но в следующем году ушел к Ташкенту. В 1832 году ташкентский кушбеги и Сарджан построили на Сары-су два укрепления, которые в том же году были разрушены казачьим отрядом. В 1834 году они ограбили аулы Средней орды и построили в Улу-тау укрепление, в котором оставили гарнизон из 1 т. ташкентцев. И это укрепление, в том же году, было взято г.-м. Броневским. В 1836 году кушбеги предпринимал поход на Большую орду, но успеха не имел. Приписывая неудачу вероломству Сарджана, кушбеги осенью, по возвращении в Ташкент, велел его изрубить, а брата его Кенисары арестовать. После смены кушбеги преемник его датха Мулла-кушбеги, желая примириться с султаном Касимом, который находился во время убиения Сарджана на Тургае, освободил Кенисары. Тогда под предлогом окончательного примирения Касим потребовал присылки себе навстречу, на пути с Тургая, нескольких почетных ташкентцев: этих людей, в числе 40 человек, он велел перебить, в отмщение за смерть Сарджана. Первый набег Кенисары, с собранною им в Малой орде шайкою, на Среднюю орду относится к 1837 году[1].

По биографии Кенисары и сына его Садыка, написанной другим сыном Кенисары Ахметом, султан Касим и сыновья его стояли во главе партии, сопротивлявшейся устройству в степи русских укреплений и управления и встречавшей полное сочувствие в массе кочевников. Партия эта была особенно недовольна покойным ханом Валием за невоспрепятствование устройству укр. Кокчетавского и ссылалась на заключенный будто бы русским правительством с ханом Аблаем договор, по которому оно обязывалось не занимать к.-казачьих земель. Вследствие наветов противной партии, сибирские отряды три раза громили аулы детей Касима и вынудили их откочевать от Кочетау к р. Чу и в Каратау, с 40 т. кибиток родов алтай, тока, кирей, увак и др. Опасаясь со стороны касимовцев неприязненных действий и возбуждения смут между подведомственными Кокану казаками, правитель Ташкента Беглербег приказал убить прибывшего в Туркестан на богомолье султана Касима; в то же время, в Аульеата, были преданы смерти сыновья Касима Сарджан и Исеньгельды, а Кенисары схвачен в

«подданных» и обратили в брань последнее слово: Я - адам (человек), а ты - поддан. Не подлежит сомнению, что введение у сибирских киргиз-казаков Устава 1822 года произведено было вопреки их желанию и, стало быть, в нарушение этого Устава, по которому, как и объявлял генерал-губернатор Капцевич в своей «прокламации», принятие его предоставлялось «добровольному желанию народа» («Материалы для истории киргизской степи» в «Сборнике газеты Сибирь», т.1, 1876 г., стр. 439). Хотя Капцевич доносил 23 декабря 1823 года, что на введение Устава в волостях, подведомственных умершим ханам Букею и Валихану, «изъявляли желание из упомянутых ханских фамилий султан майор Газы Букеев и султан Габайдулла Валиханов» (там же, стр. 435), но, во-первых, желание двух султанов не есть еще желание народа и, во-вторых, нельзя не думать, что согласие и этих двух султанов было результатом давления и принуждения со стороны начальства. Относительно султана Габайдуллы это доказывается посылкою им брата в Китай с ходатайством об утверждении ханом и затем всем поведением его по прибытии к Баян-аулу китайского амбаня с отрядом. Несмотря на все «убеждения», Габайдулла поехал тайком к амбаню и лишь на последнем ночлеге был схвачен сотником Карбышевым, посланным начальником Омской области (там же, стр. 445). Министерство иностранных дел испросило Высочайшее неодобрение действий полковника Броневского и распоряжение об освобождении Габайдуллы, с предоставлением ему «действовать по своему рассуждению», так как российское правительство ценит высоко союз дружбы с Китаем и весьма далеко от того, чтобы возвышение киргиз-кайсацкого султана принять поводом к каким-либо недоразумениям» (там же, стр. 456 и 457).

[1] «Отечественные записки», 1848 года, том LX, отдел наук и художеств, стр. 149-152. Кенисары был «невысокого роста и худощав, черты лица запечатлены калмыцким характером»: Касим был сын Аблай-хана от торгоутки (там же, стр. 210).

кишлаке Карнак и брошен в тюрьму в Ташкенте. Освобожден он был только через год, когда обратился к самому Мадали-хану. Немедленно по освобождении Кенисары отомстил за убийство отца и братьев избиением ташкентских юзбашия и сипаев, в числе 100 человек, заманив их на р. Чу под предлогом помощи при перемещении его казаков от Улутау к Сузаку. С 1840 года до 1846 Кенисары вел постоянные враждебные действия против русских, сжигал пограничные селения и пр[1]. По приводимому г-ном Середой письму троицкого купца Сейфуллина к одному бию, в 1840 году, ташкентский бек, под предлогом исполнения просьбы Касима о присылке оружия и боевых припасов, отправил к нему пороху и свинцу, 3 орудия и 200 халатов, но скрытно следовавшее за транспортом войско его в 6 т. человек неожиданно напало на аулы Касима и убило жен его и детей; спасся только кочевавший отдельно Кенисары, который успел бежать в Хиву[2]. Конечно, рассказ биографов Кенисары Ахмета и Садыка, его сыновей, должен быть вернее, сказание же о побеге в Хиву, во всяком случае, ошибочно.

По оренбургским сведениям, столкновения с Кенисары в оренбургской степи начались в марте 1839 года нападением отряда войскового старшины Лебедева на зимовавших на Тургае родственников Кенисары, вследствие слухов о сборах Касима и Кенисары сделать набег на оренбургскую линию; было убито до 50 киргиз-казаков, захвачен один султан и 13 к.-казаков, но на обратном пути отряд захватили морозы и он едва добрался до линии, потеряв до 600 лошадей, а вслед затем Кенисары с 3 т. человек разгромил восточных оренбургских к.-казаков[3]. В октябре 1840 года оренбургским степнякам было, по приказанию Кенисары, возвращено награбленное у них летом того же года имущество. В январе 1841 года брат Кенисары Куздай, от себя и от имени брата, письменно просил о прощении, а 7 июня того же года и сам Кенисары просил о помиловании и об освобождении задержанных его родных, утверждая, что вынужден был перекочевать в оренбургскую степь многими грабежами сибирских отрядов, вследствие наветов султана Ямантая Букеева[4]. Перед этим, в марте 1841 года, Кенисары ходил (как сам он в одном письме впоследствии упоминал) в Каратау и привел оттуда 6666 кибиток родов тынали, тимиш, алты-ай, тука, бурдж, кара-кисяк и таракли, которые были задержаны коканцами при убиении его отца и братьев[5]. Несмотря на сопротивление сибирского начальства, оренбургский военный губернатор Перовский исходатайствовал прощение Кенисары и освобождение его родных, но в 1843 году, вследствие жалоб сибирской администрации на грабежи со стороны Кенисары, Перовскому было предписано удалить Кенисары от границ сибирской степи к оренбургской линии[6]. Узнав об этом и отрицая обвинения, Кенисары писал, что готов явиться к оренбургскому начальству. Известившись после того о заключении под

[1] «Султаны Кенисары и Садык», Ташкент, 1889 года, стр. 2-9.
[2] Н.А.Середы «Бунт киргизского султана Кенисары Касимова» в «Вестнике Европы», 1870 года, № 8, стр. 552 и 553.
[3] Там же, стр. 551.
[4] Там же, стр. 556.
[5] «Вестник Европы», 1870 г., № 9, стр. 63 и 65.
[6] «Вестник Европы», 1870 г. № 8, стр. 569 и № 9 стр. 70.

стражу дяди его, находившегося в Оренбурге заложником, Кенисары не поехал и стал ходатайствовать об освобождении дяди; в это же время он сделал набег на оренбургских кочевников[1]. Выступивший против Кенисары из Орска 10 июня 1843 года отряд встретил Кенисары с 1500 всадниками; Кенисары объявлял, что сам отправлялся на линию, исполняя волю начальства[2]. Однако в Оренбург он все-таки не явился, разграбил мирных чиклинцев и заявлял оренбургским и сибирским кочевникам требования о признании его ханом и о покорности[3]. В конце августа против Кенисары были отправлены два оренбургских отряда и один сибирский. Схватить его не могли, но сибирский отряд напал на его аулы, захватил и увел жену Кенисары, двух его родственников и т.д.[4] Весною 1844 года оренбургский отряд Лебедева забрал значительное количество скота и имущества у считавшегося приверженцем Кенисары бия Байкадама, но и Кенисары захватил много скота и пр. у оренбургских мирных киргизов, а 20 июля он неожиданно напал на султанов, биев и почетных к.-казаков, составлявших авангард отряда, и перерезал их, но затем 14 августа он выжег на оренбургской линии станицы Екатерининскую и Елизаветинскую и увел в плен более 40 их жителей[5]. В посланном после того оренбургскому начальству письме Кенисары говорил: «Прежде всего, когда мы, исполняя волю высшего начальства, прикочевали к оренбургской линии, на нас наехал майор Лебедев... Затем сибирский отряд напал на кочевья нашего брата и увлек многих в плен, а еще большее число людей разграбил... Наконец те же сибиряки ...увлекли в плен жену нашу и двух родственных султанов. Убеждаясь из всего этого, что милость, объявленная нам государем, не действительна, мы сами вооружились, и выжгли русскую станицу, захватив много людей в плен, которых готов возвратить, если нам будет обещано возвращение в среду (нашу) всех наших родственников, захваченных в разное время русскими отрядами». По словам Н.А.Середы, «причины, выставленные Кенисарой и на этот раз показались убедительными, и тем более могли служить ему в оправдание, что действительно сибирский отряд, без всякой очевидной надобности, первый открыл военные действия нападением на аулы брата Кенисары в то время, когда тот, по-видимому, оставался совершенно спокойным и откочевывал уже от сибирской линии в оренбургскую степь». Кенисаре было отвечено, что лучшим доказательством его раскаяния может послужить возвращение всех находящихся в плену русских. В конце 1843 года Кенисары исполнил

[1] «Вестник Европы», 1870 года, № 9, стр. 74.
[2] Там же, стр. 79.
[3] Там же, стр. 82, и 1871 года, № 8, стр. 656 и 657.
[4] «Вестник Европы», 1871 года, № 8, стр. 659-661. По словам одного из участвовавших в сибирских походах казака станицы Кокчетавской («В плену у киргизов», рассказ, в «Восточном обозрении», 1886 года, № 36), и «шибко тогда рассердился наш царь и велел их всех избивать, не щадя ни жен, ни старого, ни малого. Однажды вышли мы под предводительством командира Кривоногова на обширную долину, на которой стоял громадный аул, кибиток в 200, и большущий табун. Тут мы их всех перебили; детей хватали и разбивали о камни. Оставили в живых только жену Кенисары Кунымджан и двух ее нянек... После того вскоре мы встретились с отрядом самого Кенисары. Страсть сколько их было... У нас было 120 казаков, 50 верноподданных киргизов и три орудия. Стали мы палить из орудий; что ни выстрел, так дорога и прочистится в их толпе. Не решились они драться с нами и ушли. Года три мы их уничтожали, а Кенисары все не хотел смириться. Наконец, за его многие зверства, каракиргизы осерчали на него и живым сварили его в котле». Автор этой статьи утверждает, неизвестно на каком основании, что голова Кенисары была в 1839 году «оценена русским правительством в 6000 рублей».
[5] «Вестник Европы», 1871 года, № 8, стр. 662-667.

это требование[1]. Для выяснения будущих намерений Кенисары, в 1845 году были посланы к нему попечитель Долгов и поручик Герн; последний ехал отдельно, сопровождая захваченную в 1843 году жену Кенисары и имея секретное поручение выбрать места для возведения укреплений на Иргизе и Тургае. Посланцы нашли Кенисары, в апреле и мае, между реками Джиланчик и Карасук и озером Тентек-сор, но не были допущены до свидания с ним. В отправленном с ними письме Кенисары, между прочим, давал понять, что не может быть подданным иноверного государя, потому что веление корана о повиновении царям и правителям имеет в виду только мусульманских царей. «Белый царь Аблай-хану соизволил обещать, чтобы каждый владел своим, чтобы русские и киргизы вели между собою торговлю, чтобы между ними свободно ездили караваны и каждый занимался своим промыслом... При преемнике Аблай-хана Валее... народ наслаждался долгое время спокойствием... В наше время доставшиеся в наследство от покойного Аблая земли Исиль-Нура, Актау, Уртаг, Каркаралы, Карынлык (не Казылык ли?), Яркаин, Убаган, Тобол, Куш-мурун, Хаян и Турзак до Урала усеяны укреплениями. Неужели у прежних государей не доставало аркана для измерения земли, не было лесу для постройки укреплений, не доставало силы делать насилия? Может быть к таким неправильностям побуждают надежды получить чины и тем хвастаться... Не смею и не хочу противиться начальству и не прошу о тех землях, на которых построены уже укрепления, но если бы вы выпросили у государя императора земли, следующие мне в наследство от отца нашего, как-то Тургай, Улу-тау, Сары-су и по сю сторону Исиль-Нуры, то заставили бы молиться о государе императоре». В заключение Кенисары просил об освобождении брата своего Абулази, которого задерживали, подозревая, что это не был брат Кенисары, а беглый татарин: «если он похож на татарина, то это воля Божья, который творит своих рабов по своему произволу»[2]. Вслед затем Кенисары напал на не признававших его власти оренбургских япасцев. На Улутау прибыл сибирский отряд и заложил там укрепление. Послано было в степь одновременно из оренбургского и сибирского округов несколько отрядов. Не ожидая их приближения Кенисары отступил из оренбургской степи «к озеру Кокый-кулю, в пределах китайских владений», и «занялся покорением киргиз, кочевавших в окрестностях Кокый-куля [3]; так как племя это не отличалось воинственностью, то Кенисаре не стоило больших усилий покорить его своей власти». Затем Кенисары «двинулся на обитающих в горах Алатау дико-каменных киргизов, с целью подчинить их своей власти, идти на Кокан и провозгласить себя коканским ханом (?), как говорит предание (?). Дикок-аменные киргизы - племя воинственное, и потому с ними не так легко было справиться, как с кокый-кульцами. Храбрость этих киргизов и пересеченная местность, в которой они обитали, представляли слишком много препятствий для Кенисары. Трудность борьбы раздражала Кенисару донельзя. Оставив на произвол судьбы оренбургские степи, где, пользуясь его отсутствием, росли русские укрепления, Кенисары напрягал всю свою энергию на то, чтобы уничтожить

[1] Там же, стр. 668 и 669.
[2] Там же, стр. 676, 682, 684-686.
[3] Что такое Кокый-куль - догадаться не могу; речь идет, как увидим ниже, о к.-казаках Большой орды.

самостоятельность племени дико-каменных киргизов..., делал промахи, когда же после нескольких удачных стычек, дико-каменные киргизы прислали к Кенисаре нарочных с предъявлением ему своей покорности и признания его ханом, то гордый своими успехами и мстительный хан не захотел воспользоваться их покорностью, а объявил, что намерен с корнем истребить род каменных киргизов, и двинулся далее, предав мучительной смерти приезжавших к нему посланников. Верный своему обещанию, Кенисара с редкой жестокостью принялся за истребление дико-каменных киргизов. Покоряя аулы непокорных, он ознаменовал свой путь небывалыми примерами варварства: после занятия какого-нибудь неприятельского аула Кенисары приказывал разводить костры, ставили на них в котлах воду, и когда вода начинала кипеть, тогда, по приказанию хана, пленные, с их семействами, приводились к кострам со связанными руками, и в их глазах жены и дети их, будучи связаны по рукам и ногам, были бросаемы теленгутами в котлы и ворочались там. По окончании этой пытки, пленных мужчин, измученных зрелищем страдания близких их сердцу людей, ставили в шеренги и предавали жестокой смерти... В горах Алатау, в одном из ущелий, через которое пришлось проходить Кенисаре Касимову, на него напал превосходный в силах неприятель, завязалась жаркая битва, в которой, благодаря измене Дулата (киргиз дулатовского рода), Кенисара и брат его Наурузбай пали мертвые, как и вся их шайка в 3000 ч. Убив Кенисару, дико-каменные киргизы отрубили ему голову и возили ее, воткнув на пику, по аулам для успокоения устрашенных жителей; тело Кенисары было, из мщения, отдано женщинам, которые изрезали его в мелкие кусочки»[1].

Этому, основанному на слухах и слишком фантастичному и шаржированному рассказу нельзя не предпочесть сказание составителей биографии Кенисары[2]. Возведение укреплений в Улутау, на Тургае и Иргизе заставило, наконец, Кенисары оставить улутауские кочевки и передвинуться на ур. Каракум и р. Или, чтобы войти в сношения с китайцами и подчинить себе жившие там роды адбан, суван, джелаир, чапрашты и пр.; родоначальники их с султанами Али и Сюком явились к Кенисары с подарками. Китайское начальство также приняло посла его благосклонно. Тогда Кенисары перешел с ур. Каракум на правый берег р. Чу, заняв, рядом с кара-киргизами, урочища Джирен-Айгыр, Курты, Ргайты, Узун-агач и Каргалы. Отсюда он завел сношения с кыргызами и аульеатинскими дулатами. Род чемыр с Байзак-даткою, Бельходжа-бием и Медеу-бием, род сейкым с Худайбергень-даткою, род ботпай с Супотай-батырем и Андас-

[1] Там же, стр. 688 и 689.

[2] По Мейеру («Киргизская степь оренбургского ведомства», Спб., 1865 года, стр. 62), пользовавшемуся, вероятно, частью теми же источниками, как и г. Середа, Кенисары, перекочевал в 1846 году на рр. Чу и Или и, подчинив себе находившиеся до сих пор во власти ташкентской роды кунград и тама, часто нападал на дико-каменных киргизов, так что эти последние, доведенные до крайности, отправили к нему посла. Но Кенисары задержал этого посла и вновь бросился в 1847 году на кара-киргизов, которые отступили к горам. Кенисары преследовал их запальчиво и вошел в глубокое ущелье, где его окружили со всех сторон. Трое суток он храбро отбивался, в надежде, что придут на выручку сибирские киргизы, но их задержало русское начальство (?), так что на третьи сутки ему пришлось идти напролом, причем погибли все его сподвижники, а он сам, со многими султанами, взят в плен и умер мучительной смертью.

батырем, род чапрашты с Саурук-батырем[1] и др. покорились. Но старейшины кара-киргизов отказались: «они еще помнили то, что было при Аблай-хане. Киргизская пословица говорит: «исконные враги не могут примириться, как отрезанная пола не может быть перекроена в рукава». Манапы Урман, Карыбуз и Джантай подстрекнули свой народ делать набеги на кенисаринцев для угона скота. Кенисары послал против них около тысячи своих джигитов; это войско разделилось на две половины; одна занялась грабежом аулов и угоном скота, другая же должна была быть в готовности отражать кыргызские силы, но не исполнила своего назначения, потому что, не видя кыргызов, тоже увлекалась грабежом. В это время три манапа, собравшие людей и находившиеся в засаде в одном ущелье, внезапно напали на грабителей и нанесли им сильное поражение, потеряв со своей стороны манапа Карыбуза, убитого в единоборстве с Агыдай-батырем. Кенисары пристыдил своих джигитов «за бегство пред народом, не составляющим государства, а кочующим аулами в 5-10 кибиток», и сам пошел на кыргызов. Они отправили свои аулы «к вершинам гор Алатау», а сами приготовились к защите, собравшись в отряды, каждый перед местом кочевок. Войска Кенисары напали на отряд рода коши и, разбили его, после боя, продолжавшегося целый день, и захватили 700 пленных вместе с главой рода Хальчи-бием. В следующем (1846) году[2], Кенисары освободил Хальчи-бия с его людьми и снова приглашал остальных кыргызов к покорности, но они, после совещания, вновь не согласились ему подчиниться. Тогда Кенисары, собрав войско и начальников Большой орды, пошел на Мерке, но не напал на укрепление, ибо командующий в нем сарт Мохаммед-Али вышел с покорностью и с подарками, в числе которых был «кызыл-мурун» (красная морда); этого аргамака Кенисары отдал султану Наурузбаю. От Мерке он пошел к горным ущельям, произвел большой грабеж кыргызов и возвратился с большой добычей на р. Чу, где пробыл до зимы на ур. Ит-кичу. Отсюда он три раза посылал грабить кара-киргизов. Весною 1847 года Кенисары, со всем своим войском, вновь напал сам на кыргызов. Отряды его три дня грабили и разоряли кыргызские аулы. Увлекшиеся грабежом брат его султан Наурузбай и племянник Эрджан были, наконец, около перевала Кара-Кастек-Шункар, окружены кыргызами. Эрджан был взят в плен, вследствие усталости лошади, Наурузбай же успел ускакать. Узнав об участи Эрджана, Кенисары, дожидавшийся их на одном холме близ ур. Киклик-Сенгир[3], был крайне огорчен пленом Эрджана и провел день и ночь без пищи, окруженный только небольшой частью своего войска, которое по окончании набега уже разошлось. Между тем ободренные пленением одного из султанов кыргызские манапы собрали своих людей, получили помощь от прочих родов и в продолжение той же ночи окружили холм, на котором находился Кенисары. С ним находились только начальники

[1] Роды, начальники которых названы тут батырями, и теперь кочуют в чу-илийских горах, принадлежа к дулатам. Остальные, с коканскими титулами (датка), должны быть, аульеатинские дулаты.

[2] В 1846 году был выставляем на р.Лепсу, для обережения от Кенисары, отряд в составе 75 ч. пехоты, 50 казаков и 1 орудия. Кенисары предписывалось, в случае возможности, поймать или прогнать за реку Или (Дело Сергиопольского окружного приказа 1846 года № 1647).

[3] «Верстах в четырех от города Токмака, на левом берегу Чу, в версте от берега реки». Это указание издателя «Биографии султанов Кенисары и Садыка» г. Смирнова необходимо поправить: Киклик-Сенгир находится на правом берегу р. Чу, а не на левом.

подвластных ему родов, 500 ружей и 1 пушка. После трех дней, проведенных в безуспешных боях, без пищи и воды, Кенисары созвал совет. Наурузбай предложил пробиваться через врагов. Кенисары, опасаясь гибели большей части своих сподвижников вследствие неминуемого при отступлении бегства имеющих лучших лошадей, полагал перебить лошадей и взять с собой только мяса; он думал, что лучше пробиваться пешему отряду: «никто не может разбить пеших, храбро сражающихся и вооруженных 500 ружей». Окончательное решение было отложено до утра, но ночью сначала часть, а потом и большинство джигитов Кенисары бежали. Кенисары пал «от злодейской руки кара-киргизов» с тремя султанами из его родственников[1].

Гибель Кенисары давно уже сделалась сюжетом народных песен и различных легенд. В некоторых кыргызских песнях говорится, что Кенисары был изрублен айбалтами. По одному сказанию он был убит в юрте манапа Урмана, по другому - сварен живой в котле[2]. По рассказам аульеатинских кара-киргизов, Кенисары был убит на третий день плена, после истязаний и насмешек за притязания на власть над кыргызами[3]. Я считаю достоверным, что, - как передавал мне полковник М.П.Пущин, долго живший в Токмакском уезде и занимавший должность уездного начальника, Кенисары был убит в юрте манапа Джантая и что голова его была отвезена в Омск манапом Калыгулом. И по Н.А.Середе, «голова беспокойного султана, или, правильнее, его череп попал какими-то судьбами впоследствии в руки князя Горчакова, который приказал хранить эту голову в Главном управлении Западной Сибири, при деле о бунте Кенисары»[4]. Офицер, назвавший себя «русским путешественником», рассказывал в письме, выдержки из которого помещены в Petermann's Mittheilungen 1859 г. под заглавием Der Alpensee Yssykul und Geschichte seiner Besitznahene durch Russland (есть перевод в «Русском инвалиде», 1859 г. № 113), что набитую сеном кожу с головы Кенисары кара-киргизы отослали к князю Горчакову. «Кожа эта долгое время хранилась в ящике в архиве управления пограничных киргизов, но в мое время губернатор Спиридонов велел ее похоронить»[5]. Н.Н.Балкашин, упоминая, что Кенисары погиб

---

[1] «Султаны Кенисары и Садык». стр. 10-23.
[2] Н.А.Маев «Путевые заметки» в «Материалах для статистики Туркестанского края», Спб., 1873 г., вып. 2, стр. 347.
[3] Г.Смирнов, издатель книги «Султаны Кенисары и Садык», приложение, стр. 7.
[4] «Вестник Европы», 1871 года, № 8, стр. 690.
[5] Ss. 119-121. Тот же автор писал, что «преследуемый русскими летучими отрядами в продолжение года Кенисары вынужден был наконец укочевать к кара-киргизам, в надежде получить от них помощь. Пока он вел с их старшинами переговоры, джигиты его совершили разные беспорядки и грабежи. И сам Кенисары захватил себе дочь одного манапа, которую через некоторое время прогнал, что очень обыкновенно (?!) у этих народцев, но кара-киргизы сочли это большой обидой и потребовали, чтобы Кенисары немедленно удалился со своими людьми и стадами. Когда он этого требования не исполнил, то кара-киргизы напали на него ночью, взяли его в плен, людей его перебили, стада поделили между собою, а самого Кенисары выдали родственникам похищенной девушки. Говорят, что собравшиеся женщины привязали Кенисары к столбу, отрезали ему нос, уши и язык, выковыряли глаза и сварили живого в большом котле». Все это, конечно, взято из неверных слухов, если не представляет собою вымысла. В той же статье сообщалось, что кара-киргизы называют себя «казаками», имя же киргизов употребляется лишь в качестве брани; что о. Иакинф в своих китайских переводах доказал, что кыргызы происходят из Маньчжурии и т.д. Тому же автору принадлежит попавшее потом в VI том «Всеобщей географии» Реклю неосновательное известие о том, что кыргызы «имеют несколько ветряных мельниц». Он же заставляет кара-киргизов на Иссык-Куле сеять рис.

около Токмака, замечает, что «между киргизами не нашлось желающих выдать его русскому начальству, несмотря на оценку его головы в несколько тысяч рублей»[1], но отсутствие точного указания этим автором цифры заставляет усомниться в верности сообщаемого им сведения, хотя он мог пользоваться омскими архивами. По М.И. Венюкову, «Кенисара Касимов ...сложил на берегах Чу, близ устья Кара-кунуса, свою голову, которая была возима в Копал и Ташкент. Загнанный русскими отрядами на крайний юг степи, он встретил здесь новых противников - кара-киргизов, и ими был погублен окончательно. Своим коварным поведением и беспрерывными хищничествами Кенисара до того успел ожесточить своих противников, что дико-каменные с живого его содрали кожу, а тело потом сварили в котле. Правительство наше изъявило свою признательность главному виновнику истребления мятежника манапу Урману возведением его в чин подполковника, а других участников в битве у Кеклик-сенгира наградило двенадцатью золотыми медалями»[2].

Вероятно, именно вследствие сношений с кара-киргизами по этому поводу топограф прапорщик Нифантьев имел возможность составить в 1847 году первую карту озера Иссык-Куля. По этому же, должно быть, поводу манапы Урман, Джантай и Джанкарач (первые два рода сарыбагыш, а третий - султу) заявляли в 1847 году желание поступить в русское подданство, с подвластными им кыргызами, в числе до 40

---

[1] «О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах», Спб., 1887 года, стр. 23. Автор продолжает: «Тогда же бунтовал обделенный старшим султанством Сиванкул Ханходжин. Этого удалось схватить в зайсанском крае и сослать. Еще подвергался ссылке султан Сартай. бунтовавшийся вследствие неполучения старшего султанства его братом, причем письменно заявлял, будто бы султанские (окружные) приказы одинаково не пригодны киргизам, как дикой лошади стойло, и распространял мысль, что даже мечетей не должно строить в степях для того только, чтобы около них не возникли русские поселения. Вообще омские архивы могли бы дать много интересных дополнений к известным уже сведениям о Кенисары и волнениях между к.-казаками того времени. Так, в «Письме из Омска», напечатанном в «Русском Инвалиде» 1857 года, № 195, между прочим, упоминается, что «баян-аульские киргизы оставались не без участия в мятеже. Увлеченные в 1842 году против воли Кенесарой, после двухгодичного скитальничества по пескам голодной и безводной степи, лишенные скота и имущества, они решились преклонить повинные свои головы. Тайджан Азнабаев, заседатель от киргизов в баян-аульском приказе, как чиновник, изменивший присяге, расстрелян в Акмолинске, в пример другим».
По Н.А.Абрамову («Описание Березовского края» в «Записках р. геогр. общества», 1857 года, т. XII, стр. 377), «с 1841 года находился в Березове в ссылке бывший старший киргизский султан Кокчетавского округа подполковник Габайдулла-хан, сын хана Валия... Он удален был оттуда за связь с киргизским бунтовщиком Кенисара, который с 1837 года, несколько годов был ужасом в степи. Грустно было старику жить в отдалении от своих родных с одним слугою теленгутом, но в 1844 г., к невыразимой его радости, к нему приехала жена его Альбубек..., стройная, красивая, лет 34 от роду и умная, и дочь Хадыша, 11 лет... Самому хану в 1844 году было 67 лет, но он, несмотря на превратность судьбы, был еще бодрый; в нем сохранились черты его красивого лица. Главным занятием его здесь была молитва. При обращении с ним, очень заметно было, что он был преданным русскому правительству и проклинал родственника своего, изменника Кенисару. В ноябре 1848 г. Валиев с семейством возвратился в Кокчетав. При получении вести о возврате, радость его и всего семейства была так велика, что никакое перо не может ее выразить».

[2] «Очерки Заилийского края» в «Записках р. геогр. общества», 1861 года, кн. 4, стр. 93, «когда (в июле 1867 года) мы спустились в Чуйскую долину, то навстречу начальнику отряда (полковнику Полторацкому) выехал старший манап сарыбагышей Джантай. Золотая медаль на георгиевской ленте и глубокий несросшийся рубец на лбу свидетельствовали о заслугах Джантая перед русским правительством и о его подвигах в борьбе с известным мятежником Кенисарою Касимовым». («Поездка в занарынский край летом 1867 года» барона Ф.Р.Остен-Сакена в «Известиях р. геогр. общества», 1869 года, стр. 130).

т. кибиток[1], но просьба их не была удовлетворена, вероятно, по отдаленности их земель, так как в то время границы наши едва стали доходить до Каратала и Или.

Кажется, именно султана Кенисары имел в виду Аткинсон, приводя рассказ служившего ему проводником, в 1849 году, в верховьях Баскана, киргиз-казака, который говорил, что хорошо знаком с этой местностью, потому что в молодые свои годы состоял в шайке Кинзары, который именно здесь имел свой притон. «Этого атамана до того боялись, что женщины и дети трепетали при одном его имени. Он не только грабил ближайшие орды киргизов, но ходил даже до пограничных русских постов, и уводил скотину и людей в свой притон, где поджидал случая продать их. Никто не осмеливался заходить в занимаемые им горы»... «Шайка разбойников состояла иногда из 300 человек самой отчаянной сволочи соседних племен, а также беглых китайских преступников с Или». Трудно различить - что в этом рассказе говорил, в самом деле, киргиз и что сочинил Аткинсон, но делать верховья Баскана местопребыванием Кенисары, если он разумеется под именем Кинзары, конечно, мог только сам Аткинсон, потому что никакой киргиз, в столь близкое ко времени жизни Кенисары время, не мог рассказывать подобной небывальщины. Тот же Аткинсон, который провел зиму 1848 - 1849 года в укр. Копальском, утверждает, что отцом султана Зука (Сюка, вероятно) был будто бы знаменитый султан Тимур, самый богатый из князей Большой орды. «К югу от него имел свое пребывание ...султан черных киргизов Джан-Джир-хан, который, в случае необходимости, был бы в состоянии вместе со своими союзниками выставить до 40000 всадников. Следует заметить, что черные киргизы, получившие это прозвание от темного цвета своей кожи, обитают на юг от Или, а на лето перекочевывают в горы Мус-тау, простирающиеся к югу». Юный Сюк влюбился в красивую дочь Джан-Джир-хана, но не мог или не хотел уплатить требуемый за нее отцом калым в количестве 200 верблюдов, 3 т. лошадей, 5 т. рогатого скота и 10 т. баранов. Пользуясь взаимностью красавицы Ай-Ханым, Сюк похитил ее перед выдачей ее в замужество за хана Бадахшана. Влюбленные, преодолев тысячу опасностей, спаслись от преследования и находились уже на правом берегу р. Или, но несчастную красавицу растерзал тут кровожадный тигр. Тем не менее это похищение послужило началом возникшей между черными киргизами и Большой ордой ожесточенной баранты[2]. Конечно, все это собственное сочинение Аткинсона.

---

[1] «Сведения о дико-каменных киргизах» в «Записках г. о.» 1851 г., кн. 5, стр. 141. Статья эта по г. Венюкову («Путешествия по окраинам русской Азии», 1868 года, стр. 153 и 154), составлена штаб-капитаном Ворониным и топографом Нифантьевым.

[2] «Путешествие по Сибири и прилегающих к ней странам Центральной Азии, по описаниям Аткинсона» и пр., составленное А. фон-Этцелем и Г.Вагнером. Перевод с немецкого П.Деппиша, Спб., 1865 года, стр. 465, 470, 496-511. Аткинсон, находясь в Копале, кое-что слышал о вышеупомянутых спорах между Большою и Среднею ордою за земли: «Уже несколько времени происходит кровавая борьба между Большою и Среднею ордою. Большая орда утверждает, что ей принадлежит все пространство между Лепсу и Беяном (Биенью)... Киргизы средней орды уверяют, что им принадлежат области до Аксу». 1 марта был собран, по распоряжению генерал-губернатора, съезд, но никакого соглашения не достигнуто. Тогда Большая орда решила прибегнуть к силе и напасть на русских. Но артиллерийский огонь обратил их ополчение в бегство. «Об этом узнали так называемые горные (?) киргизы, обитающие в южных горах, и немедленно отправили к русским послов с предложением заключить с ними союз. Разумеется, что такое предложение принято очень охотно. Все это случилось, однако, после отъезда Аткинсона» (там же, стр.

Неупоминание о Пишпеке и Токмаке в сказаниях о борьбе Кенисары с кара-киргизами дает основание полагать, что этих укреплений в 1847 г. еще не было и существовали коканские крепостцы и поселения только на Мерке и на Таласе. В 1848 году, по поводу жалоб казаков Большой орды «на притеснения кипчаков, бывший в Омске посланник Абдулла Ашуров объяснил, что хоканское правительство собирает зякет только с киргиз, кочующих поблизости пограничных городов, в вершинах рек Чу и Таласа расположенных»[1]. Отсюда, кажется, можно заключить, что Пишпек или Токмак в 1848 году уже существовали[2]. Гарнизон Аккулы, оказавшийся в 1850 году в кургане Тойчубека, был, вероятно, незадолго перед тем прислан, по просьбе Тойчубека, из Пишпека. Ввиду возведения в 1847 году укр. Копала и походов русских отрядов в 1850 и 1851 годах за р. Или, коканцы должны были озаботиться укреплением своей власти над кара-киргизами. Однако зависимость от коканцев кочевников западного Тяньшаня осталась до конца «самой незначительной» и ограничивалась «сбором зякета, назначенного на содержание гарнизонов да самым слабым вмешательством во внутренние дела, при просьбах самих же киргизов. Для удержания в повиновении подвластных киргизов, коканцы строили в долинах укрепления или курганы. Число их всегда было значительно: в одной долине Иссык-Куля можно насчитать до 10 пустых, когда-то бывших занятыми, коканских курганов. В настоящее время (1864 г.) большинство укреплений, особенно все иссык-кульские, оставлены, вследствие истощения зякета с тамошних родов, постоянно выходивших из повиновения, особенно после начала вражды сарыбагышей с богинцами. Такие курганы суть ничто иное как пикеты для охранения пути сообщения и наблюдения за киргизами и сбора зякета. Гарнизонам их определено было при наступлении неприятеля уходить в ближайшую крепость. Собственно крепостей было четыре: Пишпек, Мерке, Аульеата и Сузак»[3]. По «Сведениям о дико-каменных киргизах» (1850 г.), киргизы в окрестностях Иссык-Куля платили в зякет с 40 штук наличного скота по одной, другие же роды (в пределах Кокана и Ташкента) с 25 штук по одной, и сверх того каждую осень по 2 барана с юрты на продовольствие хана и его двора[4]. По Валиханову (1858 г.), зякет составлял одну голову со 100 лошадей[5], но в 1859 году, по его же замечаниям,

---

450-451), а потому все эти вымышленные события имели источниками неверные слухи, не без участия, конечно, фантазии автора.

[1] Рапорт капитана Гутковского корпусному командиру от 11 мая 1851 года за № 2.

[2] По Земляницыну («Исторический очерк Семипалатинска» в «Материалах для статистики Туркестанского края», вып. 4, Спб., 1876 года, стр. 85), собиравшему свои сведения в Семипалатинске в шестидесятых годах, Пишпек, по показаниям торговцев, основан в конце прошлого столетия, а Токмак и Мерке - в царствование Мадали-хана, которое он относит к 1827-1842 гг. По Н.Н.Пантусову («Туркестанские ведомости», 1876 года, № 22), по местным сказаниям, «на месте расположения Пишпека был похоронен какой-то киргиз-батыр (100 лет тому назад), по имени Пишкек; отсюда и название города, испорченное уже в Пишпек. Киргиз был похоронен на верхушке холма, из которого потом коканцы устроили крепость, вырезав стены из грунта. Крепость с поселениями стоит лет 50; основана она была в правление Мадали-хана коканского».

[3] Полк. Полторацкого «Общий обзор страны между Чу и Сыр-дарьею» в «Записках р. геогр. общества, по общей географии», том 1, 1867 года, стр. 69 и 70.

[4] «Записки р. геогр. общества», 1851 года, кн.5, стр. 153.

[5] «Очерки Джунгарии» в «Зап. геогр. общ.», 1861 г., кн.2, стр. 55. «Для управления киргизами коканцы имеют в их кочевьях крепости: Пишпек, Токмак, Мерке на р. Чу, Алие-ата (древний Тараз) на р. Таласе, Куртка и Тогуз-торау на р. Нарыне, Кэтмень-тупе и Джумгал на р. Джумгале, Густан-Терек и Таш-курган на Памире» (там же). По Н.А.Северцову («Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 4, Спб.,

кыргызы, подведомственные Куртке, платили из 40 голов одну, если количество скота принималось по показаниям владельцев, и со 100 штук две, ежели производился пересчет скота сборщиками, и сверх того кыргызы должны были снабжать гарнизон хлебом[1]. По известиям Голубева, с сарыбагышей весною 1859 года взималось коканскими сборщиками по 1 барану с юрты, по 1 же барану с каждых 50 баранов и по 3 барана с каждого гумна пахарей[2].

По «Сведениям о дико-каменных киргизах» 1850 года, кара-киргизы кочевали «до китайской пикетной дороги (из Кульджи в Аксу), на юг до независимых мелких владений Бадакшана и Каратегина, на запад до Кокана и Ташкента, а на север до высот гор Кунги-Алатау и по вершинам реки Нарына». «Вся черная орда делится на мелкие роды и отделения; главнейшие из них: богу, сарыбагыши, султу и пр. Каждый род и отделение управляются манапами, избираемыми большинством народа; хотя достоинство это не есть наследственное, но передается преимущественно сыновьям и другим родственникам выбывшего манапа, если богатство и личные достоинства восставляют к ним уважение». «У манапа Буромбая, управляющего родом богу, полагают до 10 т. кибиток и до 100 т. лошадей». «Железо черные киргизы добывают в малых частях и весьма грубыми способами, из черного крупного песку, собираемого на берегах Иссык-куля... Соль добывают... с вершин рек Нарына и Чу, также по р. (?) Кетмень-тюбе». «Хлебопашеством занимаются все почти черные киргизы». Сеют пшеницу, ячмень, просо. «Другими изделиями не занимаются кроме войлоков, попон, седел и некоторых необходимых домашних принадлежностей». «Вооружение: айбалты, сабли, пики и ружья... Имеют более (чем к.-казаки) оружия, в особенности огнестрельного, приобретаемого в Кокане, но ружья их, называемые турками, вообще длинны, тяжелы и с фитилями... Холодное оружие частью покупают, а частью изготовляют сами». В 1842 году, по смерти Мадали-хана, кара-киргизы «выгнали коканцев из небольших укреплений, устроенных на речках Караколе, Барскауне и Конур-улене, для содержания военных постов, состоявших из 40-60 человек, в видах обеспечения торговых караванов и содействия чиновникам в сборе ясака». «На правой стороне (реки Ювки или Зоувки) построен в 1843 году курган из глины, с бойницами, называемый Кызыл-унгур,... Буромбаем Бекмуратовым, для защиты караванов от грабежей и для сохранения своего имущества, в случае нападения сарыбагышей, враждующих с отделением богу. Во внутренности кургана помещается до 10 юрт для склада зернового хлеба, собираемого ежегодно»[3].

Вражда с сарыбагышами, принудившая Бурамбая выстроить курган на Кызыл-унгуре в 1843 году и побудившая его в 1844 году, конечно, после многих безуспешных

1876 года, стр. 131), «коканские крепостцы существовали еще на Аксу, Шиш-тюбе, Чалдаваре», все это между Пишпеком и Мерке.

[1] «Поездка в Кашгарию» в «Известиях геогр. общества» 1868 года, стр. 280.

[2] «Записки геогр. общества», 1861 года, кн. 3, стр. 113.

[3] «Записки географического общества», 1851 года, кн. 5, стр. 141, 144, 149 и 150. О садах, пашнях, укреплении и пр. Бурамбая на Кызыл-унгуре помещены выше (часть 1), ... известия П.П.Семенова, следовавшего через эту местность на сырт в 1857 году.

обращений за защитой к китайцам и коканцам, одинаково избегавшим вмешиваться в распри между родами, - просить русского подданства и вооруженной защиты, вероятно, началась гораздо ранее и вызывалась, кроме обыкновенных и случайных причин раздоров между родами кочевников, недостатком у прииссыккульской части сарыбагышей хороших пастбищ, как справедливо выяснил это Н.А.Северцов[1]. В самом деле, в то время, когда богинцы пользовались превосходными летовками на верхнем Текесе, на Каркаре и Кегене, а частью и на нарынском сырте, и обладали обширными и отличными зимовками и пашнями в широких и плодородных, хорошо орошаемых долинах восточных и южных прибрежий Иссык-Куля, сарыбагыши манапа Урмана должны были тесниться на западной оконечности озера, имея соседями сарыбагышей же манапа Тюрегельды на западе и манапа Джантая на севере. Именно этот недостаток в хороших замовках и опасения падежа скота от выпавших глубоких снегов, при каких-то притом раздорах с коканцами, заставили манапа Урмана перекочевать в 1852 г. в земли Большой орды, в долины рек Чилика и Тургеня; он сеял здесь два лета хлеб, но затем ушел обратно на прежние свои места, на Кочкаре[2], и вражда с богинцами возобновилась. По сведениям, собранным на месте П.П.Семеновым во время путешествий 1856 и 1857 гг., «когда около 1853 года возгоралась распря между двумя племенами, победа почти постоянно оставалась на стороне храброго и предприимчивого Урмана. Богинцы потеряли любимые кочевки своего престарелого манапа Бурамбая на Кызыл-унгуре, с большею частью своих пашен, и должны были очистить весь Терскей (южное прибрежье Иссык-Куля) и только держались кое-как на восточной оконечности озера и на северо-восточной части Кунгея. Тогда Урман, ободренный своими успехами, решился покончить войну захватом аула и семейства самого Бурамбая. Это смелое предприятие могло увенчаться успехом только при внезапности нападения, а потому Урман, оставив назади главные свои силы, предпринял свой набег только с 600 всадников. Но на этот раз Урману не посчастливилось. Аулом Бурамбая он овладел, но был окружен богинцами со всех сторон. В темную ночь на берегах р. Шаты на Терскее произошла самая ожесточенная битва. Урман, превосходивший всех своей силой и храбростью, нашел, однако, себе соперника в старшем усыновленном племяннике Бурамбая, Клыче, за свою кровожадность и жестокость получившем впоследствии прозвание иссык-кульского тигра. Оба оказали чудеса храбрости, но, наконец, смертельно раненый и сбитый копьем с лошади Урман был принесен в юрту сына Бурамбаева Эмирзака и умер на руках его жены, своей любимой дочери. Ободренные гибелью Урмана богинцы собрали все свои силы и кинулись на Терскей. Старший сын и наследник Урмана Умбет-ала, вооружив все свои аулы, вышел к ним навстречу. Противники встретились на Терскее, но разделенные глубокой и быстрой горной речкой не осмелились ни с той, ни с другой стороны перейти речку в виду неприятеля и напасть на него. Напрасно батыри (витязи) обоих племен ежедневно выезжали, по киргизскому обычаю, на берег реки для того, чтобы бранью и насмешками вызвать противоположную сторону к нападению. Более

[1] «Путешествия по Туркестанскому краю», 1873 г., стр. 207 и след.
[2] Дело пристава Большой орды 1853 года, № 8.

недели прошло в таком бездействии. Тогда Умбет-ала пустился на хитрость. В темную ночь он снялся со своего бивака, приказав своему брату, которого оставил на месте с несколькими сотнями всадников, разжигать каждую ночь те же бивачные огни, а сам обогнул озеро и по северному его прибрежью (Кунгею) достиг до беззащитных аулов Бурамбая, находившихся в то время при устье р. Тюба. В аулах, кроме женщин, детей и загонщиков табунов и стад, никого не было, а потому Умбет-але удалось захватить не только множество табунов и стад, но и большую часть детей и женщин семейства Бурамбая, в том числе и родную сестру свою, жену Эмирзака. Страшная тревога поднялась в лагере богинцев, когда к ним прискакали теленгуты Бурамбая, с известием о нападении на его аулы. Бурамбай, со всеми своими силами, бросился на защиту аулов, но нашел их уже опустошенными и семейство свое взятым в плен, и пустился преследовать сарыбагышей по Кунгею. Но сарыбагыши были уже дома, а Клычу, племяннику Бурамбая, удалось только захватить в плен часть прикрывавшего уход сарыбагышей арьергарда, а именно до 50 всадников. Все они, без милосердия, были зарезаны Клычем. Умбет-ала снова выступил в поход. На северо-восточной стороне Иссык-Куля произошла кровопролитная битва, богинцы потерпели поражение и бежали на Текес и Каркару со всеми своими аулами и остатками стад, отдав все уцелевшие свои драгоценности на хранение честным своим соседям калмыкам и опасаясь нового нападения сарыбагышей. Тщетно старый Бурамбай, имевший красный шарик на шапке и, следовательно, важный титул между китайскими мандаринами, умолял китайские власти о защите; китайцы, уже несколько лет прекратившие обычные свои разъезды на Иссык-Куле, не думали о защите своих подданных. Это обстоятельство заставило Бурамбая совершенно предаться русским, на вступление в подданство которым он уже и прежде изъявлял согласие. Семейство свое Бурамбай выкупил дорогим выкупом, но сестру свою Умбет-ала не хотел уже отпустить в семейство, к которому принадлежал убийца ее отца. Иначе думала однако же великодушная сестра манапа, которая считала, что геройством в выполнении своих обязанностей она лучше может почтить память своего отца-героя, чем изменою тому племени, в которое она была отдана отцом в замужество. После нескольких месяцев пребывания у брата, надзор за пленницей был ослаблен, и она бежала с одной из своих соплеменниц, также бывшею замужем за богинцем. Бедные женщины, взявшие с собой только блюдо пшена для спасения себя от голодной смерти, пошли по южной стороне Иссык-Куля, но, боясь быть застигнутыми на Терскее погоней сарыбагышей, они пробирались в течение 17 дней пешком через самые неприступные долины и скалы Тяньшаня, и питались только взятым ими пшеном и дикорастущими кореньями. Бледные, исхудалые, без обуви, с ногами, изрезанными острыми каменьями, обе кара-киргизки добрались наконец до Текеса и возвратились к своим мужьям»[1].

[1] П.П.Семенова «Поездка из укрепления Верного к западной оконечности озера Иссык-куля в 1856 году» в «Записках русского географического общества, по общей географии», 1867 г., том 1, стр. 206-209. Манап Урман убит и июне 1855 года (Дело пристава Б. орды 1853 года № 16). Можно было бы добавить другие даты и подробности (Дело пристава Б. орды 1853 года № 15), но это только испестрило бы без нужды красноречивый и картинный рассказ П.П.Семенова.

Глава двенадцатая

КЫРГЫЗЫ И ЗАПАДНЫЙ ТЯНЬШАНЬ ПОД РУССКОЙ ВЛАСТЬЮ

1. Присоединение западного Тяньшаня к русским владениям

Первый русский отряд на Иссык-Куле в 1856 г. Набег на чуйских сарыбагышей. П.П.Семенов проникает на восточную оконечность Иссык-Куля. Рекогносцировка через Боом до озера. Ограбление кыдыков в 1857 году. Путешествия П.П.Семенова на Заукинский перевал и до Хан-Тенгри. Путешествие Валиханова в 1858 году. Поездки Голубева в 1859 году. Возобновление вражды между богу и сарыбагышами. Коканцы в 1860 году на Иссык- Куле и у Кастека. Взятие и разрушение коканских крепостей Токмака и Пишпека. Нашествие коканцев и поражение их на Кара-Кастеке. Смуты между богинцами. Притязания китайцев. Определение границы с Китаем договорами 1858, 1860 и 1864 годов. Отношения к коканцам. Политика ген. Дюгамеля. Вторичное взятие Пишпека в 1862 году. Соединение Оренбургской и Сибирской линий. Статистические сведения о кочевниках за Чу до 1867 г. Сведения о родах и численности богинцев в 1862 г. Рекогносцировка Проценко 1863 г. на Нарыне. Подчинение чириков. Сведения о них и других нарынских кыргызах и о Куртке Валиханова 1859 года. Путешествие Валиханова от Куртки до Иссык-Куля. Нападение Умбет-али на транспорт Зубарева. Экспедиция полк. Полторацкого и бар. Остен-Сакена за Нарын в 1867 году. Подчинение Умбет-али. Манап Байтык, ограбление аркатских сартов и саяков. Рекогносцировка на Чаткал в 1864 г. Алайские и ферганские кыргызы. Сведения о них Федченко. Возмущение Пулат-хана. Смуты в Кокане в 1875 г. Занятие Ферганы отрядом ген. фон-Кауфмана. Трактат с Наср-эддином. Восстание в Андижане. Военные действия в зиму 1875-1876 гг. Учреждение Ферганской области. Подчинение алайских кыргызов в 1876 году. Автобиография манапа Шабдана Джантаева.

Весною 1856 года, по усиленным просьбам богинцев, сильно теснимых сарыбагышами, был послан на Иссык-Куль казачий отряд под начальством исправлявшего должность пристава полковника Хоментовского, с целью ближайшего ознакомления с кара-киргизами и для съемки их земель. В продолжение двух месяцев была осмотрена восточная часть Иссык-Куля и произведена съемка, в двухверстном масштабе, северного берега до р. Аксу и южного до р. Зауку[1]. Отряд не имел никаких столкновений с сарыбагышами, которые удалились к западной оконечности озера, но во время нахождения пристава на Иссык-Куле, был ограблен близ р. Или казенный транспорт, следовавший в укр. Верное, и несколько солдат, составлявших прикрытие, были захвачены в плен. Затем через два месяца кара-киргизы ограбили аулы части подведомственных нам дулатов. Эти грабежи были приписаны сарыбагышам, и полк.

[1] Чокан Валиханов «Очерки Чжунгарии» в «Записках р. геогр. общества», 1861 года, кн. 2, стр. 44. Автор участвовал в этой экспедиции и упоминает, что им была составлена записка о дикокаменных киргизах. Вероятно, она может быть разыскана в омских архивах. По словам Голубева («Записки г. общества», 1861 г., кн. 3, стр. 126), «первые русские, увидевшие его (Иссык-Куль), г.г. барон Сильвергельм и Хоментовский имели лодку, с которой они начали было делать промеры, и нашли, в недалеке от берега, около 40 саж.».

Хоментовский признал необходимым наказать их. В августе 1856 года небольшой отряд Хоментовского вышел с этой целью из Верного, перевалил через Кастек, спустился в долину р. Чу несколько выше коканского укрепления Токмак, переправился через реку и предоставил дулатам захватывать стада сарыбагышей, которые покрывали левый берег р. Чу, после чего в тот же день двинулся обратно, следуя тем же путем, за отбитым скотом. Между тем сарыбагыши окружили отряд со всех сторон и заняли ущелья на пути к перевалу. Однако отряд пробил себе дорогу и к вечеру добрался до перевала, но вынужден был оставить захваченный скот и потерял девять человек убитыми и немало ранеными. Но и сарыбагыши понесли большие потери[1].

В последние числа августа того же 1856 года прибыл в укр. Верное П.П.Семенов, только что издавший первый том русского перевода «Землеведения Азии» Риттера, приступивший к изданию второго тома, посвященного географии стран, прилегающих к Тяньшаню с севера, и спешивший воспользоваться первой возможностью проникнуть в неведомый еще науке Тяньшань, доступ в который открывался с подчинением России богинцев. Получив небольшой конвой из 12 казаков, первый ученый исследователь Тяньшаня отправился на восточную оконечность озера Иссык-Куля и 9 сентября достигал мыса Куке-Кулусун, но пройти далее и проникнуть в самый Тяньшань он этот раз не мог, ибо богинцы, после удаления отряда Хомен- товского с Иссык-Куля и после недавнего же набега в Чуйскую долину, опасались нападений сарыбагышей[2]. По возвращении г. Семенова в Верное, пристав признал необходимым произвести рекогносцировку в

[1] П.П.Семенов «Поездка из укр. Верного через горный перевал у Суок-тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куля в 1856 году» в «Записках р. геогр. общества, по общей географии», 1867 года, том 1, стр. 182-186. По делу пристава Б. орды 1856 г. № 20, экспедиция полк. Хоментовского продолжалась с 13 до 20 августа. Нападение на два аула сарыбагышей в Чуйской долине произведено было 17 августа. Количество захваченного скота, который, однако, весь был при отступлении покинут, показано в 2 т. лошадей, 1. рогатого скота и 3 т. баранов. К сожалению, я не нашел в своих заметках подробных сведений из того же дела о ходе этой экспедиции, а потому ничего не могу сказать по поводу ниже следующего рассказа о ней П.П.Семенова, помещенного в очерке «Небесный хребет и Заилийский край» («Живописная Россия», том X. Спб., 1885 года, стр. 345 и 346) и, при большей полноте, разнящегося от рассказа 1867 года в некоторых существенных обстоятельствах: «Ближайшие окрестности Верного в 1856 году были уже довольно безопасны, но, вообще, спокойствие далеко еще не водворилось в Заилийском крае. Дерзкие набеги коканских подданных киргизов, разграбивших русский караван (из которого пленные русские приказчики и казаки были проданы в неволю в Хиву) и угнавших у наших киргизов до 15 тыс. голов скота, вынудили местное начальство, за месяц перед моим приездом, послать первый русский отряд через северную цепь Заилийского Алатау на р. Чу, на которой кочевали в то время коканские подданные кара-киргизы (дико-каменные киргизы) из племени сарабагыш, славившегося своею храбростью. Отряд состоял из двух рот пехотных солдат, посаженных на лошадей, двух сотен казаков, двух пушек и двух ракетных станков. Сначала экспедиция шла благополучно. Перевалили через западное крыло Заилийского Алатау в Кастекском перевале, не превышающем высотой перевала Крестовой горы на кавказской Военно-грузинской дороге, спустились в долину р. Чу и, застав здесь множество кара-киргизских аулов на кочевках, разгромили их и отбили много скота. Стоявший во главе отряда штабс-капитан Соловцов пошел далее к р. Таласу, но тут, при незнании местности, заблудился в малодоступных дебрях южной цепи Заилийского Алатау и, возвратясь на Чу, нашел здесь уже такие многочисленные стойбища кара-киргизов, что отряду оставалось только идти назад в Верное, пробиваясь через густые массы неприятеля. Такое отступление через высокий горный перевал, по мало-знакомым тропинкам, мимо хорошо устроенных неприятельских засад, было крайне затруднительно. Штабс-капитан Соловцов, прикрывавший отступление своего отряда, с его орудиями, тяжелыми вьюками и ранеными, был изрублен вместе с 20 человеками, находившимися при нем. Также погибли и раненые, отставшие от отряда. Только мужество есаула Колтыбаева, вернувшегося почти с высоты горного перевала в атаку на преследующих его киргизов и коканцев, спасло весь отряд, орудия и ракетные станки. В конце концов, казакам удалось отбросить киргизов и коканцев, потерпевших при этом страшный урон, в долину р. Чу, после чего отряд уже беспрепятственно возвратился в Верное». Там же несколькими строками выше (стр. 345) есть известие, которое я нигде более не встречал: «В 1855 году до 9000 коканцев подступили к Верному для того, чтобы разрушить укрепление, но, встретив сильный отпор, отступили».

[2] Предисловие к тому II перевода «Землеведения Азии К.Риттера» (Спб., 1859 года), стр. 17.

Чуйской долине, чтобы собрать сведения о расположении кочевок сарыбагышей и разузнать о впечатлении, которое произвела описанная выше экспедиция. П.П.Семенов, с понятной готовностью, принял эту рекогносцировку на себя. 21 сентября 1856 года он уже выступил из Верного с полусотнею казаков, предполагая пройти на Чу Кастекским ущельем и возвратиться по долине Б.Кебина. Перевалив через Кастек, отряд спустился 25 сентября ущельем Бейсенын-асы в долину р. Чу и направился к устью Б.Кебина в Буамском ущелье. Недалеко от входа в ущелье пришлось перейти на левый берег р. Чу, по которому, часа через полтора весьма трудного пути, отряд достиг устья Б.Кебина. Оказалось, что ущелье, которым этот приток изливается в р. Чу, настолько узко, что проход по нему невозможен. Предстояло: или возвратиться назад прежним путем, подвергаясь возможности столкновения с токмакскими коканцами, которые не могли не получить известий о появлении русского отряда, или пройти на Иссык-Куль и оттуда перевалить в верховья Кебина и затем в Илийскую долину. П.П.Семенов предпочел идти вперед до западной оконечности Иссык-Куля. Продолжая путь левым берегом Чу, по трудным тропинкам и осыпям, а местами и по самому руслу реки, отряд уже ночью остановился между двумя бомами (так на Алтае называются висящие над пропастью опасные тропинки). На другой день, 26 сентября, отряд, продолжая путь по Буамскому ущелью, перешел, выше Кок-майнака, на правый берег реки и вышел неожиданно на небольшой кыргызский аул, а затем, через два часа быстрой езды, достиг ур. Кутемалды, густо покрытого аулами сарыбагышей и их стадами. Путешественник выслал вперед переводчика предупредить, что едет в гости к манапу Умбет-али. Неожиданное появление русского отряда произвело, конечно, большой переполох между кыргызами, собравшимися в это самое время отправлять поминки (аш) по убитым русскими во время недавнего набега своим родичам. Эта неожиданность и опасение, что за этим, быть может, только передовым отрядом, следуют значительные русские силы, а также сдержанное и благоразумное поведение отряда П.П.Семенова были причинами дружелюбного приема со стороны сарыбагышей. Умбет-алы уклонился от личного свидания и отправил за себя в отряд дядю и братьев. Сделав сарыбагышам щедрые подарки, г.Семенов употребил следующий день, 27 сентября, на осмотр кутемалдинского прибрежья Иссык-Куля. 28 числа он пошел в обратный путь через р. Турайгыр, 29 сентября перевалил на Кебин, 30 сентября через Каскеленский перевал перешел е на северный склон Заилийского Алатау и 1 октября прибыл в укр. Верное[1].

Весною 1857 года богинцы были снова разгромлены сарыбагышами и отброшены к китайской границе. Пострадал при этом особенно род кыдык, дотоле богатый и сильный, выставлявший до 3 т. вооруженных всадников; глава его бий Самсалы кичился своею силою и богатством (у него в собственных табунах было более 3 т. лошадей), не хотел подчиняться старому манапу Бурамбаю и вздумал кочевать отдельно в юго-восточной части Иссык-Куля. Тут в 1857 году и напали на него сарыбагыши, отрезав ему сообщение с остальными богинцами. Кыдыки обратились в бегство, через перевал Зауку, на сырт, рассчитывая отсюда уже пробраться на соединение с Бурамбаем. При этом они потеряли почти все свое имущество и скот, 600 человек убитыми и 1200 пленными. Самсалы

[1] П.П.Семенова «Поездка» и пр. в «Записках по общей географии», т. 1, 1867 года, стр. 181— 226

присоединился потом к Бурамбаю лишь со слабыми остатками своего рода, потеряв свои богатства[1].

Предпринятое П.П.Семеновым летом того же 1857 года путешествие в Тяньшань дозволило богинцам вернуться в свои места. Путешественник имел конвой только из 25 казаков, но до аулов манапа Бурамбая его сопровождал адбановский старший султан Тезек с 800 всадников. Перепуганные слухами о движении большого русского отряда сарыбагыши поспешили укочевать на верховья Нарына, совершенно оставив Иссык-Куль, так что богинцы могли даже воспользоваться сделанными на их землях посевами сарыбагышей[2]. Достигнув 6 июня Санташа, г. Семенов прошел по южному берегу озера до р. Зауку, поднялся до ее верховьев и до двух еще покрытых в то время льдом озер, имеющих сток к Нарыну, 13 июня отправился в обратный путь, а 14 июня уже имел ночлег на Иссык-Куле при устье р. Кызыл-су[3]. «Вскоре после того, в несравненно более восточном меридиане», тот же путешественник проник «еще более в сердце Небесного хребта и взобрался на одну из самых исполинских горных групп внутренней Азии, а именно Тенгри-таг, увенчанный венцами альпийских ледников и одетый блистательным белым покровом вечных снегов. В ледниках Тенгри-тага «открыл он истоки Сары-джаза, системы Тарим-гола»[4]. По помещенному в «Живописной России» описанию этой весьма интересной поездки, поднявшись 23, 24 и до полудня 25 июня 1857 года по ущелью Большой Каркары и по одному из ее верховий Кок- джару до перевала, путешественник спустился в тот же день в долину Сары-джаза. 27 число июня было занято осмотром ледника, спускающегося в верховье главной долины Сары-джаза. 28 июня П.П.Семенов вернулся на Кок-джар, 29 числа перевалил в верховья Текеса. «Спустившись по реке Текесу в подгорную зону, я намеревался дойти до реки Чон-Мусарта, но, к сожалению, гонец, догнавший нас уже недалеко от Чон-Мусарта, известил меня, что один из старших султанов Большой орды Тезек, который облегчил все мое путешествие тем, что с несколькими стами всадников сопровождал нас до аулов манапа Бурамбая и подножия Тянь-шаня, был захвачен в плен одним из возмутившихся против него младших султанов.

---

[1] Erman's Archiv, Berlin, 1859, B. XVIII, s. 13, Expedition nach dem Tian-Schan oder Himmelgebirge, von P.Semenow.Подъем на перевал Зауку «был местами завален трупами лошадей и других домашних животных. ...Изредка видели мы и трупы людей, что еще более увеличивало ужас картины. В одном месте труп лежал поперек тропинки; лошадь моя бросилась назад и сорвалась, а я спасся, спрыгнув с нее на выдававшуюся со ската скалу». Это были следы бегства Самсалы от сарыбагышей: «с остатками своих стад и табунов, с женами и детьми, несчастные богинцы бежали через Заукинский перевал и, преследуемые врагами на крутом подъеме от верхнего альпийского озера до сырта, понесли страшные потери» («Живописная Россия», том X, Спб., 1885 года, стр. 358 и 359).

[2] Предисловие к тому II перевода Риттера, стр. 18.

[3] «Вестник р. географического общества», 1858 года, № 5, «Первая поездка в Тяньшань действительного члена П.П.Семенова». По вышецитированной статье Ernan's Archiv, s.s. 1-28, богинцы, в числе 1200 всадников, предпринимали, во время экскурсии г. Семенова на перевал Зауку, набег на сарыбагышей, но были побиты, потеряв значительную часть своих лошадей и много убитых и взятых в плен. «Здесь (на северном берегу Иссык-Куля, где П.П.Семенов занялся исследованием высоких горных проходов южной цепи Заилийского Алатау) узнали мы о несчастном исходе богинского набега. Все сделалось, как я предвидел. Сарыбагыши дали богинцам угнать часть своих табунов, но, настигнув их очень скоро, разбили наголову и рассеяли совершенно. Через три дня, когда я вернулся к Бурамбаю, мимо моей юрты беспрестанно проезжали запыленные всадники; многие были ранены, другие громко рыдали о потере своих сыновей и братьев. Один батыр приезжал ко мне жаловаться, что сарыбагыши отрезали ему нос и уши. Через несколько дней явились и сарыбагышские посланцы, и завязались переговоры о мире, в которых я вынужден был обстоятельствами играть роль посредника».

[4] «Живописная Россия», том X, Спб., 1885 года, стр. 360-368.

Это обстоятельство расстраивало все наше дальнейшее движение вперед, так как рассеявшийся ныне отряд Тезека придавал моему конвою, состоявшему всего только из 40 казаков, значение крупного русского отряда, устрашившего враждебных нам сарыбагышей до такой степени, что они побросали и очистили отвоеванные ими у богинцев тянь-шанские кочевья. Пришлось быстро двинуться назад на выручку султана Тезека, и хотя это движение удалось вполне, но после того уже не пришлось мне возвращаться в долины Тяньшаня, а остальную часть лета и осени я занялся исследованием горных перевалов, долин и двух гребней Заилийского Алатау»[1].

В 1858 году проследовал через богинские земли снаряженный из Семипалатинска караван, в котором находился под видом мусульманского торговца, родственника караванбашу, адъютант генерал-губернатора Западной Сибири поручик султан Чокан Валиханов. Присоединившись к каравану 28 мая (июня?) 1858 года, в 30 верстах от Копала, Валиханов прошел через Алтын-эмель, переправился через р. Или у Калкана и через Сугуты, Турайгыр, Уч-Мерке и Каркару, достиг 6 августа кочевок богинского манапа Карача на верхнем Кегене. Сборный пункт для рассеявшегося по летовкам местных кочевников каравана назначен был на Текесе, но когда к 27 сентября (августа) собралось сюда до 60 палаток, коканский юзбаши, присланный из Пишпека для сбора с богинцев зякета, потребовал от торговцев пошлины и за неуплату ее отбил у них 300 баранов, торговцы же отняли их обратно и побили сборщиков, то караван Валиханова, не принимавший участия в этом столкновении, поспешил уйти, достиг в два перехода Санташа, вышел на Иссык-Куль и двинулся по южному берегу озера, где буруты занимались уборкою хлебов. 9 октября (сентября?) караван вступил в ущелье р. Зауку, 11 числа отразил здесь счастливо нападение шайки барантачей и пошел в дальнейший путь через Джетым-асу, Тарагай, Чарым-курум, Килин-тайгак, Кубергенты, Калмак-учак, Чадыр-таш, р. Аксай, Теректы. «Пространство от высоты Заукинского прохода до Терек-давана представляет нагорье, прорезанное поперечными долинами значительной абсолютной высоты, имеющими характер небольших плато. От р. Джеты-огуза до вершины Терек-давана караван сделал 11 переходов или около 175 верст. «В проходе Теректы кочевал в это время известный грабитель киргиз племени чон-багыш Атеке, гроза кашгарских караванов, разбивший только что перед нами, на большой дороге из Аксу в Кашгар, в виду китайского пикета, казенный их обоз». Ввиду слуха, что за караваном идет 200 ч. русских, киргизы взяли с каравана только восемь красных кож, тогда как с предшествующего каравана воспользовались большим выкупом и украли еще до 500 баранов. Но когда караван приближался к последнему перевалу Кок-кия, внезапно раздался военный крик, толпа кыргызов проскакала вперед и заняла проход: кыргызы узнали от посланных на Аксай разъездов, что русского отряда нигде вблизи нет. Начались переговоры. Кыргызы требовали десять девяток красного сукна и кож, столько же плису, ситцев и т.д. В эту критическую минуту подоспели на выручку каравана 5 коканских сипаев, высланных коканским аксакалом из Кашгара, по извещению караванбаша, опасавшегося притеснений от кыргызов. Караван достиг Кашгара 1 октября, потеряв в пути от изнурения на частых перевалах и от холодов много вьючного скота. Из 101

[1] Предисловие к тому 1 перевода Риттера, стр. 19.

верблюда дошло до Кашгара только 36. В обратный путь караван Валиханова выступил из Кашгара 11 марта 1859 года и направился не на Теректы, где проход был закрыт снегом, а на Туругарт, Чатыр-куль и Таш-рабат, а отсюда на Куртку[1]. Дальнейший путь Валиханова и его интересные сведения о нарынских кыргызах будут изложены ниже.

В 1859 же году посетил земли богинцев командированный, по мысли П.П.Семенова, для астрономических определений, Генерального штаба капитан Голубев. Он выехал из Верного 22 апреля и через Чилик, Турайгыр, Кегень, Бородабу- сун достиг долины Текеса у Сумбе 11 мая. Отсюда через Каркару и Санташ Голубев прибыл 27 мая на Иссык-Куль. После поездки в Верное он возвратился на Иссык- Куль 11 июня и проехал к 20 июня до Кутемалдов. 22 июня он отправился отсюда на Турайгыр, Дюренын-асу, Кебин, Каскеленский перевал и Верное, куда прибыл 25 июня. Голубевым определены были широты и долготы Туба и Кутемалдов и таким образом даны точные основы для произведенных потом съемок[2].

После неудачного набега богинцев в июне 1857 года прибыли к ним от сарыбагышей послы и заключен был мир, причем П.П.Семенов должен был играть роль посредника[3]. В 1859 году, «когда мы ушли от озера - пишет Голубев - богу напали на сарыбагышей и перебили множество народу, между ними одного манапа»[4].

«В начале 1860 года, коканцы выслали отряд на юго-восточную часть озера Иссык-Куль, с тем, чтобы построить укрепление среди кочевьев богинцев, признававших номинально нашу власть. Киргизский род сарыбагышей, ободренный прибытием коканцев, усилил свои обычные наезды на наших киргизов Большой орды, именно на род атбановцев» (должно быть - дулатов). «Приближение отрядов двух казачьих офицеров, подполковника Шайтанова и сотника Жеребятьева, заставило уйти коканский отряд, а богинцев - частью перекочевать за Тяньшанский хребет (куда?), частью проделать перед нами фарс изъявления покорности. Коканцы, не желая уступить русским, в конце июля выслали несколько отрядов за р. Чу, и в то же время направили пятитысячный отряд, под начальством Рустем-бека, к Кастеку. Отряд этот был разбит полковником генерального штаба Циммерманом на речке Джирин-Айгыр, в нескольких верстах от нашего укрепления. Кастека, и разбежался. Чтобы проучить коканцев, полковник Циммерман, считая наступившее время удобным, во исполнение плана, давно задуманного сибирским начальством, подготовившим исподволь все нужные средства, в конце августа двинулся

---

[1] «Очерки Джунгарии» во 2-й книжке «Записок р. географического общества» 1861 года, стр. 35 - 38, 55 и 56, а также «Поездка в Кашгар» в «Известиях р. географического общества» 1868 года, стр. 266-278. В этих статьях Валиханова много опечаток и описок, между прочим, и в датах его маршрутов. Эти последние частью исправлены мною, частью же указаны помещением вероятных дат в скобках.

[2] «Отчет о результатах иесык-кульской экспедиции» в «Вестнике геогр. общества» 1860 года, №№ 3 и 4. «Заилийский край» в «Записках р. геогр. общества» 1861 года, кн. 3, стр. 77-130. В первой статье помещены маршруты и высоты по барометрическим наблюдениям. Во второй - путевые, географические, этнографические и другие заметки об укр. Верном, Заилийском крае и о каракиргизах.

[3] Petermann's Mitteheilungen, 1858, P. von Semenow's Erfurschungen reisen in Inner-Asien ihm Jahre 1857; seine Aufnahmo das Alpen sea's Issyk Kul und andcrer Theile der nordwestlichen Russisch-Chinesischen Grenzlander bis zum den Glotschern des Thian-Schan-Gebirges, с картой, s. 369. Первое отделение этой статьи - общий географический обзор посещенных стран (ss. 359-361). Во втором содержится подробный отчет о поездке к вершине Нарына. <...> через проход Зауку (ss. 362-369).

[4] Голубева «Заилийский край», стр. 119. Есть дело б. алатавского окружного управления 1859 г. № 80 «о возобновившейся вражде между бугинцами и сарыбагышами».

отрядом из Кастека на укрепление Токмак...»[1]. Отряд Циммермана перешел хребет, отделяющий Заилийский край от долины р. Чу, двумя колоннами. Первая, состоявшая из 3 сотен казаков, 2 горных орудий и 2 ракетных станков, шла по р.р. Кастеку и Каракунусу. Вторая колонна, которая состояла из пехоты, пошла через р. Бугу-моюс и перевал Биш-майнак. 25 августа, на ночлеге последней колонны на р. Каракунусе, у выхода ее из гор, явился в отряд сын сарыбагышского манапа Джантая с изъявлением покорности. 26 августа отряд переправился через р. Чу. Вода была только по колено. В тот же день, после непродолжительного обстреливания, коканский гарнизон Токмака, в числе до 70 ч., сдался. Крепостца была построена на обрыве левого берегового уступа долины р. Чу; в ней было две ограды: наружная в 1,5 сажени вышины и такой же толщины у основания, и внутренняя, в 3 сажени высоты и 1,5 сажени толщины[2]. 27 и 28 августа крепостца была взорвана и разрушена. 29 числа отряд выступил до р. Иссыгаты, а 30 прибыл к Пишпеку. Крепость эта оказалась четырехугольником, каждая сторона которого достигала 105 сажен длины. Отряд повел осаду с западной стороны, от р.Ала-арча, поместившись там за садами. 3 сентября началась стрельба с бреш-батареи. Опасаясь штурма, начальствовавшие в крепости Атабек и Алишир, в тот же день в 10 часов вечера, просили пощады и на другой день сдались. Гарнизон, состоявший из 500 с лишком человек, потерял до 20 человек убитыми и до 50 ранеными; наша потеря состояла из 1 убитого и 5 раненых нижних чинов и 1 раненого обер-офицера. В крепости найдено 5 медных и 11 чугунных пушек и 3 знамени. Многие киргизские роды прислали людей с изъявлением покорности, во время же осады, 2 сентября, показывалась из ущелья р. Аламедина толпа дико-каменных киргиз до 400 ч., которая была отброшена в горы нашими киргизами под начальством султана Тезека и двумя сотнями казаков[3]. Разрушив крепостные стены, полк. Циммерман возвратился в Верное и отряд его был расформирован.

Между тем, по получении известий об участи Токмака и Пишпека, Малля-хан отправил против русских значительные силы под начальством Канаат-ша, завоевавшего для него в 1859 году Каратегин, Алим-бия и др[4]. По прибытии коканских войск, простиравшихся до 12 т., в том числе 1 т. сарбазов (пехоты), к Пишпеку, к ним присоединились чуйские кара-киргизы, в том числе сарыбагышский Умбет-али и булекпаевский Корчи, а также часть ближайших к Чу дулатов. Во второй половине октября Канаат-ша двинулся через перевал Курдай и стал лагерем на р. Джирень-айгыр, оставляя в стороне укр. Кастек, где к 18 октября находились главные наши силы, именно четыре роты пехоты, четыре сотни казаков и семь орудий. В укр. Верном было в это время только две роты, одна рота и одна сотня стояли для охранения сообщения Кастека с Верным на

---

[1] П.Пичугин «Вторжение коканцев в Алатавский округ в 1860 г.» в «Военном сборнике» 1872 года, № 5, стр. 6 и 7. Нападения сарыбагышей обыкновенно делались на кочевавших в стороне Чу дулатов, но может быть, что в приведенном месте статьи Пичугина идет речь действительно об адбанах, на которых сарыбагыши, находясь в мире с богинцами, могли делать набеги на летовках адбанов на Кегене.

[2] Рапорт Циммермана от 28 августа 1860 года («Русский Туркестан», вып. 3, Спб., 1872 года, стр. 26-29). «Когда привели ко мне сарта, вышедшего из крепости (Токмака), он объявил, что гарнизон готов сдаться и просил только, чтобы я, по восточному обычаю, послал им пулю изо рта, в знак того, что их жизнь будет пощажена».

[3] «Русский Туркестан», вып. 3, стр. 30-34, донесение полк. Циммермана от 5 сентября 1860 года. «В третьем знамени часть полотна была сорвана с древка каким-то фанатиком из гарнизона и отыскана Атабеком лишь под угрозою смертной казни».

[4] Наливкин «История Коканского ханства», Казань, 1886 года, стр. 189-191.

пикете Узун-агач и одна же рота была поставлена у Саурукова кургана между Кастеком и Узун-агачем. Сверх того в укр. Илийском находились одна рота, одна сотня и два горных орудия, так что все наши силы состояли из девяти рот, шести сотен, девяти орудий и двух ракетных станков, всего до 2 т.ч., в том числе до 1350 ч. пехоты, против 20 по крайней мере тысяч коканцев, кыргыз и к.-казаков. 19 и 20 октября до 10 т. коканских всадников под начальством Алимбека окружили роту и сотню, стоявшие на Узун-агаче, но атаки их были отбиты. Получив 20 числа известие с Саурукова кургана о слышавшейся со стороны Узун-агача перестрелке, подп. Колпаковский выступил из Кастека с одной ротой пехоты, двумя сотнями казаков, пятью орудиями и двумя ракетными станками, взял с собою роту с Саурукова кургана и того же 20 октября прибыл на Узун-агач к 9 часам вечера. Утром 21 октября он со всеми войсками, собравшимися на Узун-агаче, в числе всего 799 ч., пошел на главные коканские силы. Сарбазов и остальные коканские силы небольшой отряд наш нашел занимающими возвышенности на левом берегу р. Кара-Кастека. После довольно упорного сопротивления сарбазы, сильно пострадавшие от действия нашей артиллерии, были сбиты со своей позиции, коканская конница также понесла большие потери, но недостаток патронов и изнурение людей и лошадей не дозволили продолжать наступление на растроенного неприятеля, и отряд наш направился вверх по Кара-Кастеку до Саурукова кургана, откуда около часа дня, отправил в Кастек своих раненых и по получении патронов пошел к Узун-агачу, которого достиг поздней ночью. При произведенной утром 22 октября рекогносцировке оказалось, что все ближайшие окрестности покинуты неприятелем и что коканцы удаляются к Курдаю. Потеря наша в деле 21 октября состояла из 1 убитого и 26 раненых, в том числе 1 обер-офицер. Потеря коканцев протиралась, по нашим сведениям, до 1500 человек, в том числе убитыми у сарбазов до 350 человек. Но по словам султана Садыка Кенисарина, участвовавшего в бою на стороне коканцев, одних сарбазов было убито 700 человек: «сарбазы пали (под картечью), как бараны, пораженные болезнью тупалак»[1]. Конечно, Канаат-ша был вынужден к отступлению за Чу большим уроном в деле 21 октября и опасением окончательной гибели в случае нового нападения наших войск. Совершить же отступление без преследования с нашей стороны помогло ему отсутствие в нашем отряде всяких сведений о положении и движениях коканцев, так как местные кочевники или перешли на сторону неприятеля, или готовились к этому в случае успешности его действий. Не дозволяло также предпринять преследование коканцев и опасение за участь оставляемых почти без защиты укр. Верного и окрестных казачьих станиц и выселков[2]. По словам султана Садыка, Канаат-ша, после дела на Кара- Кастеке, приказал ему с к.-казаками и кыргызами напасть на Верное, обещаясь сам двинуться на укр. Кастек, но на

[1] «Султаны Кенисары и Садык», Ташкент, 1889 года, стр. 26-30.

[2] Сведения о вторжении в 1860 году коканцев взяты главным образом из реляции («Русский Туркестан», вып. 3, стр. 35-38) и частью из статьи П.Пичугина («Военный сборник», 1872 года, № 5). По словам последнего, «в Средней Азии участь наших будущих успехов и сохранение пожатых уже плодов ставились два раза на карту: под Кара-Кастеком в 1860 году и на штурме Ташкента в 1865 году. В первом случае - силою обстоятельств, во втором - отважностью генерала Черняева». Такого же мнения барон Ф.Р.Остен-Сакен: «Никогда, может быть, в Средней Азии русское население не подвергалось такой опасности от внешнего врага, и если бы дело 21 октября не увенчалось успехом, то Верному грозила страшная участь» («Известия р. геогр. общества», 1869 года, стр. 129).

самом деле ушел назад к Пишпеку, почему и он, Садык, ограничился пленением в окрестностях Верного четырех мужчин и одной девушки[1].

Прибыв на Чу, Канаат-ша остался там зимовать. Вследствие холодов и недостатка продовольствия люди начали гибнуть, Алим-бий возвратился в Андижан, начались побеги. Тем не менее Канаат-ша удержал часть войск и восстановил Пишпекскую крепость. Он находился здесь до марта 1862 года. В это время, получив известие о падении Малля-хана, он отправил людей звать на ханство Худояр-хана, а вскоре и сам отправился в Ташкент[2].

Подданство богинцев с 1856 до 1864 г. оставалось весьма неопределенным и часто только номинальным. Правда, для защиты их от сарыбагышей высылались на Иссык-Куль каждое лето отряды, но отряды эти вскоре возвращались в Верное и богинцы оставлялись на произвол случайностей. Конечно, сарыбагышей, в конце концов, все-таки удерживал страх возмездия со стороны русских войск. Старший манап Бурамбай, пожалованный чином полковника, умер в 1858 году[3]. Звание старшего манапа продолжало некоторое время существовать на прежних основаниях, с утверждением получившего его по обычаю и соглашению родоначальников со стороны русского начальства, но ни один из преемников Бурамбая уже не пользовался его значением и властью. Главы родовых подразделений приобрели при них большую самостоятельность, мало слушались старшего манапа или совсем отказывали ему в повиновении. Возникли партии, прибегавшие друг против друга к поддержке русских, коканцев и даже китайцев. Так, выше уже упоминалось, что в 1860 году часть богинцев приняла сторону коканцев и откочевала, по удалению коканцев, в китайские пределы.

Во время Голубева, в 1859 году, «официальною границей нашею с Китаем» принимались р.р. Каркара и Чарын.

Весною 1862 года кульджннское китайское начальство, не ожидая определения границы между русскими и китайскими землями через назначенных двумя правительствами комиссаров, выслало для фактического восстановления своих притязаний на Иссык-Куль отряд в 1000 ч. По прибытии русского отряда в 200 ч., китайцы поспешили убраться, но увели с собой часть богинцев отделений арык-токум, кучук, ондон и серике, подчинявшихся бию Токсабе, принявшему их сторону. «По смерти старшего манапа Качибая русское правительство не утвердило в этой должности его сына, по молодости, и отдало ее Савибеку[4], человеку характера твердого и строптивого, который пожелал освободиться от присвоенной биями опеки над действиями старшего манапа и поступать по своей воле. Отсюда... весною 1862 года возникли было смуты, но

[1] «Султаны Кенисары и Садык».
[2] Наливкин «Краткая история Коканского ханства», Казань, 1866 года, стр. 191 и 193.
[3] Портрет Бурамбая приложен к 1 книжке «Записок р. географического общества» за 1861 год.
[4] Radloff - Observations sur les Kirghis в Journal asiatique, 1863, t. II, 6-eme serie, p.p. 320 et 322. Вместо Савибека (вероятно, опечатка) должно быть Сарпека. Есть в архиве управления Верненского уезда дело бывшего алатавского окружного управления 1861 года № 224 о назначении Сарпека старшим манапом и другое дело того же года № 89 о посылке на Иссык-куль отряда для усмирения манапа Мурат-али.

кстати подошел на Иссык-Куль казачий отряд, прогнавший китайцев, и спокойствие восстановилось».

Очевидно было, однако, что смуты у богинцев могут возобновляться всякий раз, как только произойдут раздоры между их старшинами, пока не будет определена граница с Китаем и пока не будут сокрушены силы и влияние коканцев. Мы видели уже, что подчинение Большой орды было приостановлено с 1824 года до 1844, на двадцать лет, вследствие протеста Китая, который претендовал на власть над казаками до Балхаша и с которыми правительство наше, в видах поддержания мира и кяхтинского торга, не желало ссориться. Война 1842 года показала, что Китай не может успешно воевать с европейцами, и мы видим, что в 1846 году войска наши переходят за р. Лепсу, а в 1853 и 1854 годах утверждаются и за р. Или, в то самое время, когда граф Муравьев овладевал Амуром. Затем трактаты Тяньцзинский и, особенно, Пекинский обеспечили нам обладание Амуром и западным Тяньшанем. В статье 9 Тяньцзинского договора 1 июня 1858 года и значится: «Неопределенные части границ между Китаем и Россиею будут безотлагательно исследованы на месте доверенными лицами от обоих правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату». Ясно, что этим нисколько не обеспечивались выгодные нам границы не только в Тяньшане, но даже в к.- казачьей степи. К счастью, граф Игнатьев успел в Пекинском договоре 2 ноября 1860 года, благодаря победам англо-французов, поместить следующую статью: «Граничная черта на западе, доселе неопределенная, отныне должна проходить, следуя направлению гор и течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов, от последнего маяка, называемого Шабин-дабага, постановленного в 1728 году по заключении Кяхтинского договора, на юго-запад до озера Зайсан, а оттуда до гор, проходящих южнее озера Иссык-Куль и называемых Тэнгэри-шань или Кыргызнын- Алатау, иначе Тянь-шань-нан-лу (южные отроги Небесных гор), и по сим горам до коканских владений». Конечно, и тут недостаток сведений о местной географии и о точных названиях горных хребтов причинил большую неясность и давал китайским комиссарам, при постановке пограничных знаков, согласно 3 статье того же трактата, возможность возбуждать споры и токования о направлении граничной черты не по южным окраинным хребтам Тяньшанской горной системы, а, напр., по Терскей-Алатау и по Кыргызнын-Алатау (Александровский хребет), отнимая у нас весь бассейн Нарына. Местное кульджинское начальство, желая уклониться от сделанных в Пекине уступок, возбудило, пользуясь неясностями трактата, большие затруднения, которые доходили в 1863 году до вооруженного столкновения между войсками двух государств, находившихся в мире и дружбе. Но восстание мусульман в Шаньси и Ганьсу, а затем в Урумчи, вынудило[1] китайских комиссаров к определению, по Чугу-чакскому протоколу 25 сентября 1864 года, границы таким образом, что земли Б. орды и кара-киргизов решительно отошли в наши пределы. От пикета Чунджи граница назначена была по направлению «истока реки Тэмурлика. Затем, сделав поворот на восток, вести границу по вершине хребта Тэмурлик, иначе называемого Наньшань, и обогнув кочевья киргизов и бурутов (дико-каменных киргизов), на месте истоков реки Кэгень (по-китайски Гэгэнь)

[1] «Автобиография А.О.Дюгамеля» в «Русском архиве», 1875 г., № 10, стр. 173.

сделать поворот на юго-запад. На этом пространстве все земли, по которым текут на запад реки Кэгень и другие, отмежевать к России, а земли, по которым текут на восток реки Унду-булак и другие, отмежевать к Китаю. После того, следуя на юго-запад, вести границу по вершине гор Кара-тау и дошедши до гор Бирю-баш (по-китайски Бир-баши), вести границу по речке Дарату, текущей на юг, к реке Тэкэс. По переводу границы через р. Тэкэс, вести оную по реке Нарын-халга и потом упереть в Тяньшаньский хребет. Отсюда, следуя на юго-запад, вести границу по вершинам гор Хан-Тэнгри, Санабци, Кукуртлюк (по-китайски Гунгулук), Кокшал (по-китайски Как-шань) и других гор, находящихся на юг от озера Тэмурту-нор и известных под общим именем Тяньшаньского хребта, отделяющего Туркестан (?) от кочевьев бурутов, и упереть оную на Цунлинский хребет, который находится на коканских пределах». Постановка пограничных знаков назначена была через 240 дней, но вследствие восстания в Кульдже и Кашгарии не состоялась, и нам самим пришлось установить границу до проведения ее, с некоторыми изменениями по Петербургскому трактату 1881 года, уже в 1882 и 1883 годах.

Удаленные со сцены на 18 лет восстанием мусульман китайцы не могли уже препятствовать нашей власти над кара-киргизами. Оставались коканцы. Более чем столетний опыт убеждал, что обладание киргизской степью, необходимое для спокойствия пограничных губерний и Сибири, недостижимо до полного усмирения и подчинения соседних ханств, в особенности коканского, в котором выходцы из степи и недовольные всегда находили поддержку и которое само имело притязания на господство над всею степью. Весьма медленное и периодическое, но неизменное передвижение наших границ степи на юг и восток было поэтому, как теперь общепризнано, историческим результатом требований нашего положения в Азии. Река Чу не могла служить для нас окончательной границей, как показывали не прекращавшиеся набеги зачуйских кара-киргизов и самих коканцев в 1860 году. Разрушение Токмака и Пишпека в 1860 году повело лишь, в том же году, к нашествию значительных коканских полчищ, угрожавшему уничтожением наших едва возникавших в Заилийском крае поселений, и к возобновлению затем коканского укрепления в Пишпеке.

Не так, однако, думал заменивший генерала Гасфорта новый генерал-губернатор Западной Сибири генерал Дюгамель, прибывший в Омск 23 марта 1861 года. Тогдашний военный министр Сухозанет удачно характеризовал личность нового генерал-губернатора откровенным отзывом: «вы были бы хороши для вашего места, но слишком неподвижны». Дюгамель полагал, что вполне обнаружил неосновательность мнения Сухозанета ссылкою на свой формуляр («из моего послужного списка видно, как много я разъезжал для службы») [1], но военный министр, конечно, разумел косность и неподвижность, как основные свойства характера и образа мыслей нового генерал-губернатора. Сделав свою карьеру на дипломатическом поприще, А.О. Дюгамель был пропитан обычным и вполне естественным воззрением нашей дипломатии на азиатские дела. Отдавая по необходимости почти все свое внимание делам европейским, наши дипломаты всегда были плохо знакомы с делами азиатскими; озабочиваясь главным

[1] «Автобиография А.О.Дюгамеля» в «Русском архиве», 1885 года, № 7, стр. 414.

образом европейскими нашими интересами, они склонны были легко относиться к азиатским, считая их неважными и будучи готовы на уступки в Азии, для сохранения или приобретения выгод в Европе. Понятно, что сохранение дружественных отношений к Китаю и ограничение всякой деятельности нашей в Средней Азии некоторым покровительством торговле были, уже с начала настоящего столетия, преобладающими задачами нашего ведомства иностранных дел и что пугало опасности бесконечного расширения наших владений с увеличением ничем будто бы невознаградимых расходов на удержание их за собою было любимым коньком froro ведомства. Оно охотно в этом случае упускало из вида, что своевременно приносимые государством небольшие жертвы часто предупреждают гораздо более тяж- кие расходы и потери в будущем, и что передвижение нашей границы, а с ним и перемещение пограничных войск, в сущности с избытком окупаются уже только полнейшей безопасностью пограничных губерний и областей и возможностью безмятежного развития их благосостояния. Отправляясь в Сибирь с программой «не отодвинуть границы ...ни на один дюйм», ген. Дюгамель начал с отмены предположенной его предместником постройки укрепления в Чуйской долине выше Пишпека, на что уже имелись и средства. Он не находил в этом укреплении «существенной пользы» [1], хотя его возведение очевидно пресекало вторжения кыргызских и коканских шаек в Илийскую долину.

Не далее как уже в следующем 1862 году Дюгамель должен был снарядить новую экспедицию для взятия укр. Пишпека, этого, по его словам, «настоящего разбойничьего гнезда, из которого коканцы нападали на наши границы»[2]. Предприятие это случайно облегчено было внутренними смутами в Кокане, наступившими после убиения Малля-хана Алимкулом и во время борьбы за ханский престол между Ша-Муратом, поддерживаемым Алимкулом, и Худояр-ханом. Осада Пишпека продолжалась с 13 до 24 октября 1862 года; крепость сдалась, когда готов был минный подступ и оставалось только зарядить горн; гарнизон оказался состоящим из 554 сарбазов (в том числе 25 раненых) и 22 коканских офицеров; с нашей стороны было выпущено во время осады 2051 снаряд и 31879 патронов, выбыло из фронта убитыми и ранеными 40 человек, в том числе 33 человека от взрыва порохового погребка на демонтир-батарее. Все время осады Пишпека находились в лагере нашем влиятельнейший из кыргызских манапов рода султы Байтык Канаев и считавшийся главою этого рода Джанкарач, манап Курчи, сыновья сарыбагышевских Джантая и Худояра и др.[3]

По возвращении отряда в Верное коканцы могли возобновить Пишпек в третий раз. Этому мешали на время внутренние смуты, но власть свою над кара-киргизами коканцы не замедлили восстановить, хотя вместе с тем сарыбагыши и султы, в лице своих манапов, не переставали признавать себя, в случае надобности, и нашими подданными. Ничего другого и не могли делать пограничные кочевники при своем положении между двумя враждебными силами. Ген. Дюгамель предостерегал от распространения наших владений

[1] Там же, стр. 415.
[2] «Русский архив» 1885 года, № 10, стр. 165.
[3] «Русский Туркестан, сборник, изданный по поводу московской политехнической выставки», вып. 3, Спб., 1872 года, рапорты полковника Колпаковского от 16 и 26 октября 1862 г. за №№ 86 и 93.

в Средней Азии примером Кавказа, опасностью создать «пропасть, которая будет поглощать все наши доходы», но именно такою системою действий, которую он поддерживал, и создаются Кавказы: подвергаясь опасности от соседа, который не хочет взять в свои руки управление ими и защищать от хищных соседей, ограничиваясь наказаниями и вторжениями за грабежи, производимые шайками удальцов, за проведение которых население часто не может по справедливости подлежать ответственности, пограничные племена естественно и неизбежно приобретают упорную ненависть к могучему соседу, становятся воинственными и наконец, через несколько десятков лет, могут сделаться столь же опасными и непримиримыми до истребления, как кавказские горцы. К счастью, система ген. Дюгамеля держалась недолго. Уже параграф 2 положения об управлении Алатавским округом, 25 декабря 1862 года (Полное собрание законов № 39088), по которому «граница земель Алатавского округа направляется от устья р. Каратала по оз. Балхашу до южной оконечности его, близ устья реки Джартаса, далее прямою чертою до реки Чу, близ укрепления Салы-курган, и затем по реке Чу до ее верховьев, известных под именем Качкара, отсюда по реке Нарыну, близ коканского укрепления Куртка, где снова (?) примыкает к китайской границе», оговаривал, что «черта границы от южной оконечности Балхаша к реке Чу и по этой реке до китайской границы должна считаться условною, могущею измениться от хода обстоятельств». В январе 1864 года ген. Дюгамель извещен был об окончательном решении правительства сомкнуть Оренбургскую линию с Сибирскою и о снаряжении для действий против коканцев со стороны Сибири, отряда под начальством полковника Черняева[1].

С овладением коканскими крепостями Аульеата (3 июня 1864 года) и Чемкентом (21 сентября того же года)[2] нам подчинились кочевавшие между Чу и Сыр-дарьею кара-киргизы и казаки Большой орды. Первых, по сведениям А.И.Макшеева (1867 г.), считалось рода сарыбагыш 6300 кибиток, султы 7600 киб., саяк 2000 к., сару 1500 к., коши 650 к. и багыш 100 кибиток. Казаков Большой орды, подведомственных заведовавшему населением Аульеатинского района, числилось рода чимыр 3500 кибиток, сейкым[3] 1500 к., джаныс 700 к., канглы 350 к., чаншклы и куралас 1050 к. и ботпай 1100 киб., итого 8200 киб., да в Чемкентском районе рода кунград 330 киб., сергалы 800 к., чимыр 1600 киб., сейкым 1600 к. и джаныс 1600 киб., итого 5930 кибиток[4]. Ю.Д.Южаков, в 1867 году, считал в одном Чемкентском районе казаков Большой орды 17000 кибиток или 45000 душ обоего пола, и столько же в остальных местностях Туркестанской области[5]. По тому же автору[6], оседлое население Чемкентского района состояло из 3084 домов или до 16000 душ обоего пола: в городе Чемкенте 750 домов, в Сайраме 1000 домов, Манкенте 322 д.,

[1] «Русский архив», 1885 года, № 10, стр. 170.
[2] В оба укрепления войска наши ворвались на плечах делавших вылазки гарнизонов. При взятии первого потеря наша состояла из 3 легко раненых нижних чинов, при овладении же Чемкентом у нас было 2 убитых и 17 раненых (см. реляции в «Русском Туркестане», вып. 3, стр. 49, 50, 72 и 73).
[3] Род сейкым кочевал между прочим у Мерке (Н.А.Северцов в «Материалах для статистики Туркестанского края», вып. 4, стр. 132).
[4] «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае», 1868 года, стр. 51, 44 и 43. В Ташкентском районе считалось болынеордынцев, по сведениям Макшеева, рода биштамгалы 330 киб., дулат 380 к., сергалы 1410 киб., чаншклы 2000 к., канглы 1650 кибиток (стр. 46).
[5] «Отечественные записки», 1867 года, том 171, стр. 758 и 760.
[6] Там же, стр. 756, 757, 764 и 765.

в Карабулаке 550 д., в Карамурате 250 д. и в Чулаке 66 д. Кочевники занимали посевами от 12 до 17 т. десятин, а сарты от 5000 до 5750 десятин. Зякета в том же Чемкентском районе собиралось при коканцах до 60 т.р., хераджи (с урожая) около 68 т.р. и поступало с кочевников 20 т. баранов. Сартовские оседлости, по сведениям же г. Южакова, находились до нашего прихода под покровительством или в некоторой зависимости родоначальников соседних кочевников; так, Карабулак состоял в таких отношениях к бию рода сейкым Батыр-беку, Манкент - к бию рода чимыр Тюртпаю, Джангылык - к бию рода джаныс Момын-беку, Аульеата - к бию рода чимыр Байзаку и пр. В Аульеата г. Южаков считал 4 т. душ обоего пола[1]. По сведениям Макшеева, в Аульеата было 200 домов, в селении Мерке 170 домов, в городе Чемкенте 750 домов и в шести селениях его района 1860 домов[2].

В приведенные цифры Макшеева не вошли, конечно, у сарыбагышей около 5 т. кибиток манапа Умбет-али, не признававшего русской власти, а также саяки окрестностей Куртки и к востоку от этой местности в предполагаемых границах Алатавского округа; число кибиток султов, отдела он и болынеордынцев далеко менее против действительности, потому что с них уже взималась кибиточная подать и цифры кибиток для ее определения получены были от родоначальников, которые, естественно, уменьшили число платежных единиц.

о Напротив, должны быть близки к истине цифры кибиток по приводимой ниже ведомости о составе рода бугу, с которого во время ее составления никаких податей не собиралось. По этой ведомости, сообщенной г. Радлову в 1862 году одним русским чиновником (должность и фамилия не названы), род бугу, ведения старшего манапа Бурамбая (едва ли, однако, она составлена еще при жизни Бурамбая), состоял из следующих волостей или отделений: 1) Арык (манапом у него Токсаба), из подотделений: а) кучук (бий Тюлегень) 2000 кибиток, б) ондон (бий Тетей) 200 киб., в) сарик (бий Аулташ) 200 киб. и г) сары-калпак (бий Мурза) 100 киб., итого 2500 кибиток. 2) Бапа (бий Бекпай) из подотделений: а) чон-чоро (бий Бекпай) 100 киб. и б) чильпак (бий Султанай) 200 киб., итого 300 кибиток. 3) Бор манап Табулда) из подотделений: а) сары-бор (бий Берды-ходжа) 200 к. и б) кара-бор (Бай-ходжа) 200 к., итого 400 кибиток. 4) Кыдык (бий Борсук) из подотделений: а) якшилык (бий Чингис) 250 к., б) яманбай (бий Тюкень) 400 к., г) тургай (бий Койсоймос) 800 к. и д) худай- бахты (бий Батакан) 300 к., итого 1750 кибиток. 5) Елдень (бий Иман) из подотделений: а) курачбек (бий Юныбек) 400 к., б) сары-катын (бий Иман) 500 к. и в) балык (бий Малбак) 150 к., итого 1050 кибиток. 6) Белек (манапы Буранбай, Мурад-али, Качабек) из подотделений: а) алдияр (бий Ягыш) 500 к., б) алдаш (манапы Буранбай, Мурад-али) 4000 к., в) токой (бий Малбай) 200 к., г) токташ (бий Йобасыр) 100 к., д) саты - 30 к. и е) такабай (бий Кокчо) 170 к., итого 5000 кибиток. А всего в роде бугу 11000 кибиток.

По той же ведомости род сарыбагыш (манап Умбед-али) состоял из пяти отделений. 1) Исенгул (манап Умбет-али) из 16 подотделений: ассык (бий Чиль) 600 киб., иссик (бий

[1] «Отечественные записки», 1867 года, том 173, стр. 404 и 397.
[2] «Географические и др. материалы», стр. 43.

Кысалак) 150 к., чертики (бий Чоды) 230 к., чагалдак (бий Кючюк) 150 к., абла (бий Абла) 300 к., сабар (бий Сара) 100 к., чичей (бий Чора) 80 к., тастар (бий Бердыбек) 150 к., калмак (бий Байсерке) 350 к., джантай (бий Суюндук) 250 к., едигер (бий Байбута) 540 к., аюке (бий Баспан) 150 к., монгулдур (бий Сары-Токтор) 350 к., ярбан (бий Ирдесе) 125 к., етигэн (бий Янбулат) 400 к. и баш-кюрель (бий Аильчи) 600 к., итого 4952 кибитки. 2) Ассык из подотделений: косугун 50 киб., бучман 60 к., бура 100 к. и бай-кючюк 300 к., итого 510 кибиток. 3) Тынай (манап Джантай). 4) Чирикчи (манап Терекельди). 5) Надырбек (манап Калыгул). «Всего у сарыбагышей должно быть более 10000 кибиток»[1].

Генерал Дюгамель оставался верным своей политике нерасширения пределов русских владений и после 1864 года. Этим, без сомнения, главным образом, объясняется тот факт, что до конца 1867 года, т.е. до перехода Алатавского округа в состав вновь в это время учрежденного Туркестанского генерал-губернаторства, не было сделано ничего серьезного для подчинения нашей власти бассейна Нарына и его кочевого населения. В 1864 году на р. Аксу, в юго-восточной части Иссык-Кульской котловины, было основано небольшое укрепление для постоянной стоянки отряда, вместо ежегодных высылок его на лето из укр. Верного, т.е. более 300 верст, но богинцы и иссык-кульцы были присоединены к нашим владениям еще при предместнике ген. Дюгамеля, так что возведение укр. Аксуйского составляло не расширение наших владений, а только упрочение нашей власти в уже существовавших пределах. В 1863 году послан был на Нарын небольшой отряд под начальством шт.-капитана Проценко. Офицер этот в 1862 году дополнил съемку Иссык-Куля, произведенную в 1860 году под руководством М.И.Венюкова, рекогносцировкою Терской-Алатау и проходов на сырт. В 1863 году ему поручено было продолжить съемку до Нарына. Следуя через долину Кочкара и через оз. Сонкуль, отряд г. Проценко достиг до укр. Куртки, которое, при его приближении, было оставлено незначительным коканским гарнизоном. Во время этой рекогносцировки заявила желание принять наше подданство часть чириков, состоящая в ведомстве Куртки.

По сведениям Чокана Валиханова, относящимся к началу 1859 года, чирики разделялись по своим кочевьям на два отдела. «Один отдел кочует на Атбаше, Арпе и Аксае, другой по р. Кокшаалу. В первом роде каждый род имеет своего отдельного вождя; из них более влиятельны Урус-бий, Сысык-урус, Кондожес (?) и сильнейший Сарыжак. Второй отдел признает власть одного верховного бия Турдуке... (Он) имеет от китайцев красный шарик. Он известный грабитель, не слушает коканцев, зякет и подать берет себе... Чирики ...просили хана, чтобы в их кочевьях, на р. Атбаше, основать укрепление и сделать их независимыми от куртинского коменданта», но их просьба не была уважена. «Укрепление Куртка стоит на правом берегу Нарына, имеет (вид) поперечника в 200 саженей, окружено с трех сторон стеной, в четвертая упирается в крутой берег. Высота стен около трех сажен, ширина до 2 аршин; с восточной стороны пробиты в стене главные ворота, а с северной другие, ведущие к месту, где прежде был домик Дженгир-ходжи; там устроена молельня, посажено несколько деревьев и, как на всех священных местах, водружены бунчуки и развешаны в большом количестве рога баранов, принесенных в

[1] Aus Sibirian, 1884, B. I, s.s. 232-234. 33-2003 5 03

жертву. Въехавши в ворота, мы увидели войлочные кибитки, окруженные земляными валами, и несколько мазанок под пышными названиями приемной, гарема, мечети и пр. На небольшом возвышении из глины сидел смуглый сарт с седою бородою, одетый в бумажный старый халат и в киргизских сапогах из красной кожи. Нам сказали, что это сам комендант Мамразык-Яхта (Яхъя?) ...Взяли в зякет две ямбы... Укр. Куртка построено в 1832 году, в год Дракона» коканским минбашием Хак-кули, который в этом году «разбил саяков, предводителя их Атантая и Тайляка взял в плен и привез в Кокан, обложил ясаком чириков, басьцев (бассыз?), монулдыров и основал Куртку. Укр. Тогуз-торау было построено еще прежде. Атантай и его брат Тайляк не хотели подчиняться коканцам и после освобождения из плена откочевали на Или к киргизам Б. орды, но впоследствии, разграбленные кайсаками, возвратились на родовые кочевья. В укреплении считается до 200 сипаев, набранных из киргиз андижанских; коканцев не более 50 человек. ...К ведомству его принадлежат: три рода из племени саяк, чирики и небольшая часть рода богу. Роды саяков, подчиненные Куртке, суть: чора - ими управляет Осман, сын Тайляка, самый сильнейший родоначальник; кульчугач - ими управляет Тюлеке, сын Ералы; иман, которым начальствует Байтуры Джаланаков. Эти три рода ведут междоусобную вражду... Ведомству Куртки подчиняются также киргизы колена теным-сеит из рода богу, отделения калмакы, кочующие в верховьях Нарына и на плато Таргай (Тарагай). Ими управляет семейство Мамеке-Шопак. Из них влиятельнее Найман, сын Буйдаша, Алджан и Тобулды, дети Алеке. Куртка берет также зякет с киргиз моныдыр, бассыз и других родов. Укрепления Тогуз-торау и Джумгал прежде зависели от курткинского коменданта, но теперь из них сделаны отдельные ведомства. Между гарнизонами этих укреплений очень часто происходят раздоры за зякет, вроде тех, как в старой Сибири враждовали за ясак мангазейские и красноярские казаки. Саяков, подчиненных Куртке, считается до 600 юрт, чириков ведения Турдуке 1500 и ...на Атбаше и Арпе до 1300 и богу 1200. Зякет с этих киргиз собирается Курткой или по показанию самих киргиз (с 40 голов одну), или посредством счисления (с 100 голов две). Сверх того киргизы должны снабжать хлебом гарнизон. ...Раз в год, а иногда и два раза, берут салык в неопределенном количестве. В нынешнем году на богу наложили этой подати 60 лошадей... Комендант ...имеет аманатов... и поддерживает постоянную вражду между родоначальниками. Мамаразык возвысил Османа, вступил с ним в родство для того, чтобы посредством его наказывать других киргиз... Осман содержит 500 чел., постоянно готовых к услугам коменданта... В последнее время Турдуке совершенно не стал платить зякета, а другие чирики, неисправно. Мамаразык два года обращается к андижанскому наместнику с просьбой прислать для наказания киргизов до 700 ч. войска, но напрасно... Киргизы, подведомственные Куртке, сравнительно с богу и сарыбагышами, бедны, малочисленны, а взаимные кровавые раздоры делают их еще более бессильными. Наши богинцы всегда одерживают над ними верх и несколько раз жестоко наказывали саяков и чириков».

В отношении торговых караванов «у киргизских родоначальников образовались систематические правила, освященные временем: 1) Караван, проходящий через улус киргизского родоначальника, должен заплатить зякет. 2) Должен дать выкуп за свободный проезд. 3) Поднести подарки соответственно значению и силе родоначальника. 4)

Не должен обходить аулов знатных вождей и обязан останавливаться в их улусах, для того, чтобы воспользоваться их гостеприимством». Оставив Куртку 14 марта 1859 года, караван Валиханова думал пройти, не останавливаясь, земли Османа Тайлякова, но он через своего джигита пригласил «в гости», когда же караван не послушал, то силою повернул его в свой аул. К счастью, в тот же день прибыл из Куртки солдат за Османом, и он удовольствовался подарками на 25 р. Он говорил, что коканского хана он не боится, но с Мамаразыком не хотел бы ссориться, потому что он ему родственник и человек нужный. Во время ночлега каравана в ауле богинского Тобылды, поднялась в ауле тревога: чирики отогнали из соседнего аула несколько сот лошадей. Тобылды нагнал хищников, отбил скот, взял несколько человек в плен и сам поехал в набег на чириков. Тобылды этот, стремящийся к преобладанию над нарынскими богинцами, был два года в ссоре с Мамаразыком и хотел ехать в Верное искать покровительства русских, но помирился. Следуя все вверх по Нарыну, караван вышел на прежнюю дорогу и спустился к Иссык-Кулю Заукинским ущельем. Берега озера оказались занятыми сарыбагышами Тюрегельды. Последний задержал караван и начал его обирать, угрожая ограбить и выдать коканцам Валиханова, которого признал один сарыбагыш, видавший его в Верном. Но приближение к озеру русского отряда, высланного навстречу каравану, принудило Тюрегельды, который находился в ссоре с Джантаем и боялся возбудить против себя русских, отпустить караван без дальнейших неприятностей. В Верное Валиханов прибыл 12 апреля 1859 года[1].

Во время экспедиции шт.-капитана Проценко на Нарын, в 1863 году, неожиданно открыл против нас враждебные действия сарыбагышский манап Умбет-али, напав с 2-3 тысячами лучших своих джигитов, близ Сонкуля, на транспорт, следовавший к отряду Проценко под прикрытием 30-40 нижних чинов под начальством поручика Зубарева[2]. Это «нападение черных киргизов, действовавших заодно с коканцами», было произведено на урочище Ике-чат, между Сонкулем и Нарыном. «Зубарев защищался упорно целый день; он сложил сухарные мешки стенкою, расположил за нею верблюдов и лошадей и таким образом отбил 18 приступов. Видя, однако, огромное число и упорство противников, малочисленная команда казаков (30 человек) уже отчаялась в спасении, но, к счастью, вовремя подоспела помощь от кап. Проценки. Появление нового отряда в тылу и огонь, открытый им, вскоре обратили кара-киргиз в бегство. Один из урядников нашего отряда был участником зубаревского дела; пока мы ехали по площадке, он показывал нам местность и рассказывал подробности того, что происходило четыре года назад»[3]. Опасаясь наказания, Умбет-али оставил свои кочевки на Иссык-Куле и ушел за Нарын на Атбаш, вытеснив оттуда чириков и подчинив себе нарынских богинцев. Через четыре года, в июле и августе 1867 года, отряд полк. Полторацкого, посланного для рекогносцировки путей к границам Кашгарии, прошел из Верного через Кастек, Чуйскую долину, перевал Шамси, долину Кочкара, перевал Кызарт, озеро Сонкуль на Нарын к Куртке. «В 11 часов утра (16 июля 1867 года) мы находились под стенами Куртки», - пишет

[1] «Поездка в Кашгар» в «Известиях» 1868 г., стр. 278-287.
[2] Н.А.Северцов «Путешествия по Туркестанскому краю», Спб., 1873 года, стр. 211 и 212.
[3] Барона Ф.Р.Остен-Сакена «Поездка в Занарынский край, летом 1867 года» в «Известиях р. географического общества», 1869 года, стр. 136.

барон Ф.Р.Остен-Сакен, воспользовавшийся этой экспедицией для ботанической экскурсии в Тяньшань. «Куртка - жалкое коканское укрепление, разрушенное в 1863 году капитаном Проценко, но опять восстановленное, так как с тех пор русские отряды не появлялись на Нарыне. Гарнизон Куртки разбежался при нашем появлении. Он состоял всего из 20 человек, как мы узнали из любопытного донесения коканскому хану, забытого комендантом второпях в укреплении». Из Куртки отряд полк. Полторацкого прошел через перевал Джаман-дабан в долину Арпы, затем через Таш-рабат к Чатыркулю и через перевал Тургарт спустился до караула Текес-таш, не доходя, по словам киргиз, 30 верст до Кашгара. На обратном пути, следуя прежней дорогой до Таш-рабата, отряд 5 августа повернул в долину Кара-коина, вышел на Атбаш и затем на р. Нарын близ того места, где находился «разрушенный коканцами» китайский мост, спустился затем по Нарыну до Куртки и возвратился отсюда через Шамси прежней дорогой в Верное, тогда как г. Остен-Сакен отправился с Кочкара Буамским ущельем к Токмаку и далее в Ташкент[1].

По сведениям Н.А.Северцова, от отряда Полторацкого Умбет-али «спасся только потому, что сарыбагышские вожаки, подведомственные Тюрегельды, завели отряд западнее его кочевьев, на трудный Джамандаванский перевал, к продольной долине Арпы, и вообще вели к Чатыркулю весьма кружно, чем дали ему время скрыться», вероятно, в верховья Нарына, почему отряд не нашел его на Атбаше в свой обратный путь. По его же сведениям, Умбет-али «попробовал после этого похода принять кашгарское подданство, но кашгарский владетель велел ему убираться из своих владений, пока еще не пойман и не казнен... На такой суровый отказ была, впрочем, и уважительная причина: к кара-киргизам ходят кашгарские караваны с матой и халатами, которые обменивают на скот...; из этих караванов Умбет-ала пропускал без грабежа только ходившие в его собственные аулы, с лично знакомыми ему караван-башами (через которых и пробовал сноситься с кашгарским владетелем), а все караваны, ходившие к другим родам (кроме сарыбагышей), он грабил беспощадно, содержа засады на караванных путях... Не лучше было и со стороны Кокана: и андижанские караваны, ходящие к кара-киргизам, Умбет-ала допускал без грабежа только в свои аулы, а не в чужие, перехватывал и коканские транспорты в Куртку, не раз блокировал тамошний гарнизон, требовавший с него зякета». «Что касается до киргизских соседей, то Умбет-ала был в одинаковой вражде со всеми: и с русскими подданными богинцами, и с кашгарскими чириками, и с коканскими саяками. В таких-то обстоятельствах он узнал о втором в одно и то же лето русском отряде за Нарыном, моем; я обходил его атпашинские кочевья с востока, как г. Полторацкий обошел их с запада: и эти учащенные рекогносцировки он понял (и правильно) в смысле предстоящего русского занятия его убежищ на Нарыне и Атпаше, которое и осуществилось в следующем 1868 г. построением Нарынского форта. Сойти с Атпаши для продолжения прежней вольно-разбойничьей жизни было некуда при только что объясненных враждебных отношениях к Кашгару и Кокану». Оставалось возвратиться добровольно и окончательно в русское подданство. С просьбой об этом, собрав сначала свой род и объявивши по обсуждении положения дел решение покориться («это решение было принято всем родом и, по киргизскому обычаю,

[1] Там же, стр. 127-150.

утверждено жертвоприношением»), Умбет-али отправил в Верное сына своего Акташа, к отряду Н.А.Северцова, возвращавшегося в конце октября с Аксая, послал другого сына, а 24 октября, по требованию Северцова, явился к нему и сам на р. Оттук. «Это был толстый хромой старик, лет под 60; черты его широкого скуластого лица были типичные кара-киргизские, выражение на первый взгляд добродушное и несколько вялое; но, всматриваясь ближе, можно было заметить на этой апатичной физиономии отпечаток хитрого ума и твердой воли. Одет был просто, в армячинном халате сверх нагольного тулупа; слез с лошади при помощи двух киргизов. Он был болен, не помню уже чем, и лечился строгой диетой: вся его пища состояла из пшенной кашицы, вареной на айране; этим он готовился к систематическому лечению настоем дорогой травы, и воздерживался от мяса и водки, до которой прежде, подобно большинству кара-киргизов, был великий охотник[1]; не пил и кумыса, а только айран. Его вялость и апатичный вид происходили, может быть, от болезни; во всяком случае, наружность не показывала грознейшего из кара-киргизских батырей, чем он, однако, был, и притом, наследственно, по смерти отца, Урмана. Впрочем, он никогда и не был таким смелым рубакой, как его отец, а побеждал более военными хитростями, как видно и из рассказа г. Семенова о подвигах отца и сына в баранте с богинцами. Хромым Умбет-ала был еще смолоду, и уже потому не отличался особенной физической силой и ловкостью, а потом отяжелел и отек от кумыса и кумысной водки; и в последнее время не водил сам шаек барантачей, а рассылал их под предводительством опытных наездников»... «Одним словом, если Урман являлся в некотором роде Ахиллом среднего Тяньшаня, то его сын Умбет-ала скорее напоминал хитроумного мужа Одиссея, но набеги этого киргизского Одиссея были всегда удачны, а нападения на него богинцев, саяков и пр. всегда неудачны: он заставал врагов врасплох, а его никогда. Да и покорился он, как уже сказано, только предвидя вероятный разгром своих аулов, а не дождавшись его. Поэтому его и уважали не одни сарыбагыши, вполне доверявшие его уму и распорядительности; при его приезде в отряд он был встречен с некоторым подобострастием и ненавидевшими его богинцами, не говоря уже о молдурах, некогда им покоренных. Все в нем видели вождя вождей, хотя подвиги последних и ограничивались преимущественно удалым конокрадством. Но его многочисленные дети (из которых я видел двух - Чекмакташа и Кокташа) были уже совсем не батыри. Это были полные, румяные, черноглазые молодцы, все на одно лицо с правильными и красивыми чертами, хоть и широкоскулого киргизского типа, но весьма кроткие и флегматические, что, может быть, было для их отца тоже побуждением покориться, чтобы они могли спокойно наследовать хоть часть, но уже бесспорную, награбленного добра и жить в мирном довольстве (что и исполнилось), так как народ-то они не воинственный. Их было семь, и самое замечательное в них - имена, все кончающиеся на таш, т.е. камень». Посланный к губернатору сын Умбет-али был представлен ехавшему в Ташкент генерал-губернатору, который разрешил удовлетвориться покорностью Умбет-али, с тем, чтобы он рассчитался за баранты, на

[1] По Голубеву («Записки геогр. общества», 1861 года, кн. 3, стр. 112), «сарыбагыши, и особенно старший манап их Умбет-али, большие охотники до водки. Мы не видели ни разу Умбет-али трезвым и после узнали, что преимущественное занятие в его аулах составляет перегонка кумыса в водку». Конечно, все это немало преувеличено.

народном суде, и внес бы назначенную сумму в пользу семейств убитых и раненых при нападении на отряд Зубарева. Все это было немедленно исполнено. Покорился Умбет-али с 5 т. кибиток, из которых 3 т. состояли в его собственном ведении и 2 т. подчинялись его подручникам Осману и Чаргыну[1].

Подобную той роли, какая принадлежала Умбет-али на Иссык-Куле и верхнем Нарыне, играл западнее, в Александровском хребте, манап рода султу Байтык Канаев. После удаления в Ташкент Канаат-ша, в виду слабости коканцев вследствие внутренних смут, Байтык перестал слушаться пишпекского коменданта и ограбил так называемых аркатских сартов. Эти сарты (из Ташкента и разных других городов Кокании и Бухарин) прожили около 60 лет на урочищах Аркат, Альджан, Кандыгатай и Керегетас, между Иртышом и Аягузом, на торговом пути с Иртыша в Ташкент, Чугучак и Кульджу, доставляя приют и подводы караванам и занимаясь сами торговлей у окрестных кочевников, а также значительными торговыми оборотами, по торговле в особенности чаем, между Чугучаком, Семипалатинском и Петропавловском. В 1845 году они обязались платить Тобуклинской и Сивановской волостям за занимаемые у них земли по 50 даб в год. В 1850 году к.-казаки, не довольствуясь этой платою, требовали, чтобы сарты удалились, но примирились на том, чтобы платеж был увеличен до 150 даб, сроком на шесть лет. К окончанию этого срока русское начальство потребовало, чтобы аркатские сарты приняли русское подданство или удалились. Аркатские сарты предпочли последнее. Весною 1858 года, после нескольких отсрочек, они двинулись в путь в числе 184 семейств, состоявших из 422 душ мужского и 374 женского пола, со скотом в количестве 4536 лошадей, 869 штук рогатого скота, 367 верблюдов и 7543 баранов[2]. Дойдя до Пишпека, аркатские сарты остановились здесь, думая, кажется, окончательно тут водвориться, но в августе 1862 года были ограблены султами, которые убили нескольких коканских солдат, у сартов же отняли весь скот и все имущество, а людей, в числе 905 душ, обратили в рабство. Людей кара-киргизы потом освободили, но напрасно затем аркатские сарты обращались с настоятельными жалобами и к коканским, и впоследствии к русским властям. Последние отклоняли от себя разбор этого дела, относящегося до неподданных сартов и до не находившихся во время события в определенном подданстве кара-киргизов. В 1865 году ген. Черняев окончательно отказал в жалобах аркатских сартов, опасаясь волнений у кара-киргизов по громадности иска[3].

По сведениям Хорошхина, Байтык, побочный (от наложницы) сын манапа Каная, по вниманию русского начальства, начиная с ген. Черняева, был пожалован чинами, медалями, халатами и наконец, в январе 1867 года, в составе представителей средне-

[1] «Путешествие по Турк. краю», стр. 308-312, 341-344, 355-357.
[2] Дела Сергиопольского окружного приказа за №№ 3607, 3610 и 3611.
[3] Дело алатавского окружного управления 1862 года 1 сентября № 171 о разграблении Байтыком аркатских сартов. Вожак этих сартов Сарыходжа, в прошениях своих утверждал, что, акратские сарты находились в России со времен Екатерины II и что сам он неоднократно оказывал правительству услуги, посылая своих сыновей в 1846 г. с Н.И.Любимовым в Кульджу и в 1858 г. с Валихановым в Кашгар. Большая часть аркатских сартов впоследствии поселилась в Верном или присоединилась к к.-казакам. Некоторые вскоре вновь обогатились торговлею, другие же, в том числе и Сарыходжа, остались бедняками. В другой статье Хорошхина («Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», Спб., 1876 года, стр. 25) говорится, что в 1867 году Байтык «разграбив манапа Рускулбека и уклоняясь от следствия, имел, по сообщению ...полковника Полторацкого, намерение уйти в коканские пределы...».

азиатских народностей, отправленных ко двору, был назначен представителем кара-киргизов, получив при этом случае орден св. Станислава 3 ст. и перстень с бриллиантами. В том же году один манап рода саяк, отделения токмак, правивший сотнею кибиток, добивался отделиться от старшего манапа кетменьтюбинских саяков Рускулбека и наконец бежал с 100 или 200 человек и обратился за защитою к управляющему левым флангом и к Байтыку. Первый обещался разобрать дело по возвращении из поездки в Верное, но Джусуп, проживая у Байтыка, сделал набег на аулы Рускулбека и угнал у него 4 или 5 июля 1867 года 400 лошадей. Рускулбек, подозревая, должно быть, руку Байтыка, стал укочевывать с ур. Алабель, на Сусамыре, где совершился угон, к Таласу. Байтык собрал 300 джигитов и поехал мирить Рускулбека с Джусупом, но люди его были вооружены и «хвосты лошадей перетянуты по середине». Произошла свалка, в которой саяки одержали верх, а байтыковцы бежали. У Рускулбека был убит 1 джигит, а у Байтыка ранено 5, да пропал без вести Джусуп. После неудачи своей Байтык собрал 700 - 1000 джигитов, к которым присоединились сару и коши, так что составилось до 4 т. человек, с которыми он и напал на Рускулбека на Биш-таше. Саяки были разграблены, лишились множества скота и имущества и потеряли 15 человек убитыми. По жалобе Рускулбека наряжено было следствие и Байтык арестован на аульеатинской гауптвахте. Для выяснения дела и обоюдных претензий собран был съезд. Дело еще тянулось, когда в конце 1867 года ехал из Верного в Ташкент К.П. фон Кауфман. Он лично объявил Байтыку прощение во внимание к его прежним заслугам. Это был «высокий, плечистый мужчина, с выразительными глазами, с большой черной бородой, звучным голосом и важной осанкой»[1].

По Н.А.Северцову, «долина вершин Сусамыра осмотрена была Мединским, при поимке возмутившегося манапа Маймуллы»[2].

После овладения г. Аульеата был оттуда, 19 июня 1864 года, послан небольшой отряд, под начальством подп. Лерха, в верховья Чаткала, который после впадения Пскема получает ниже имя Чирчика. Отряд этот, следуя вверх по притоку Таласа Карабуре, где идет дорога из Аульеата в Наманган, перевалил через снежный хребет и 23 июня стал спускаться в долину Чаткала по р. Кара-кыспаку; отряд прошел по долине Чаткала только 36 верст и 1 июля уже вернулся в Аульеата[3]. Кыргызские роды багыш, ктай и могол, кочующие на Чаткале, приняли наше подданство, остальные же кыргызы (сару?) остались на стороне коканцев, удалившись в ущелья правых притоков Чаткала; между обеими сторонами началась баранта и обе партии стали грабить оседлое население долины Чаткала, которое вынуждено было бежать в Наманган и на нижний Чаткал, уничтожив мосты по Чаткалу и Пскему. Беспорядки со стороны коканских кыргызов поддерживал приверженец Алимкула Сарымсак до самой смерти коканского регента[4].

---

[1] «Байтук-батур (рассказ из кара-киргизской жизни, 1867)» в «Туркестанских ведомостях» 1872 года, № 43.
[2] «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 4, 1876 г., стр. 132.
[3] «Русский Туркестан», вып. 3, 1872 г., стр. 57-60. Интересные заметки Н.А.Северцова, следовавшего при отряде, см. в «Путешествиях по Турк. краю», стр. 29-39, или в «Записках р. геогр. общества, по общей географии», том 1, 1867 года, стр. 97-108.
[4] «Управление Ташкентом при коканском владычестве», в приложении к объяснительной записке к «Проекту положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях», Спб., 1867 года, стр. 233 и 224.

Позже остальных постигло подчинение русской власти кара-киргизов Ферганы. Занимая склоны Намангансkого хребта и горные страны в верховье Кара-дарьи, Алай и Памир, эти кыргызы главные свои зимовки всегда имели в долине Ферганы, а потому разделяли судьбы ее населения, не имея большого на них влияния иначе, как в качестве союзников кипчаков и других полуоседлых тюркских родов, которые на летовки пригоняли свой скот к кара-киргизам. У этих кара-киргизов находили часто убежище как претенденты на власть в Фергане или Кокане, так и кашгарские ходжи. Во время путешествия в Фергану и на Алай Федченки (1871 г.) власть коканцев в верхней части Алая была не сильна. Там пользовалась большим значением кара- киргизка Мармаджан-датха. «Она вдова; муж ее был известный Алим-датха, игравший большую роль в последних междоусобиях в Коканском ханстве, прославившийся между прочим зверскими убийствами в Оше. Потом он и сам погиб; власть его перешла в руки его жены, которая самостоятельно правит родом, пользуется огромным авторитетом; наши джигиты не говорили о ней иначе, как с великим уважением. Сам хан почитает ее и в случае приезда в Кокан, принимает ее как важного бека. Зиму ее киргизы проводят в Гульше и соседних зимовках. Занятие киргизов на Алае, как и везде, скотоводство. За ним идут некоторые ремесла, исполняемые женщинами и не идущие далее потребностей семьи. Земледелие очень неразвито, да и то сосредоточено в самой низкой части Алая, начиная от Кургана. Поля невелики, сеют пшеницу ляльми, т.е. яровую, не поливаемую из арыков, ячмень и просо. Есть еще несколько полей с джунушкой (люцерна)... В Алай (из долины Ферганы прикочевывают на лето) только те киргизы, которые имеют одногорбых верблюдов - наров. Только эти верблюды в состоянии подниматься с тяжестями по крутым горным тропинкам и переходить через перевалы в бассейн Аму-дарьи». Начальником алайских киргиз был с 1870 года Измаил-токсаба, при котором в Дараут-кургане было 50 - 60 джигитов[1].

Летом 1873 года, на севере от Намангана, между киргизами рода кутлук-сеид, появился в качестве претендента на коканский престол Пулат-хан, выдававший себя за младшего сына Алим-хана. С 200 киргиз он подчинил себе кишлаки Алабука и др. Выступившие против него из Намангана коканцы были побиты киргизами и Пулат-хан спустился в долину, но прибывший вскоре из Кокана отряд под начальством кипчакского вождя Абдрахмана-автобачи разбил его и преследовал до Ала-бука. Пулат-хан ушел за горы на Чаткал. Месяца через два он снова появился, но не нашел себе сторонников и снова бежал на Чаткал, не дожидаясь коканских войск, которые не догнали его, но не замедлили жестоко разграбить всех киргизов по течению речек Алабука, Урюкты и Касан за участие в первом восстании[2].

В июле 1875 года Худояр-хан вынужден был оставить Кокан перед общим восстанием, во главе которого стал Абдрахман-автобачи. Ханом объявлен был старший сын

Сарымсак этот был еще жив в 1885 году (см. Наливкина «Краткая история Коканского ханства», Казань, 1886 года, стр. 182). По Н.А.Северцову («Материалы для статистики Турк. края», вып. 4, 1876 года, стр. 138), «долина Чаткала в 1865 и 1866 гг. была разбойничьим притоном непокорных кара-киргизов».

[1] «Известия И. общества любителей естествознания и пр. при Московском университете», том XI, «Путешествие в Туркестан А.П.Федченко», т. 1, ч. 2, «В Коканском ханстве», 1875 года, стр. 149,150 и 153.

[2] Наливкин «История Коканского ханства», стр. 213-215.

Худояра Наср-эддин, но на самом деле власть осталась в руках предводителей восстания. 6 августа коканские шайки вторглись в пределы Кураминского уезда, а 9 числа значительные скопища нападали на г. Ходжент. 22 августа силы Абдрахмана-автобачи были разбиты ген. Кауфманом при Махраме. 29 того же месяца действующий отряд наш занял одни из ворот г. Кокана. 5 сентября ген. Кауфман двинулся к Маргелану. Посланный отсюда отряд полк. Скобелева настиг 10 сентября Абдрахмана-автобачи в Мин-тюбе, разбил его и занял без боя Ош. Абдрахман бежал в Узкент. Считая дело его проигранным, Абдулла-бек распустил своих джигитов по домам, а киргизский бий Суранчи явился с изъявлением покорности. Фергана казалась усмиренною.

Не получив разрешения присоединить Коканское ханство к русским владениям, ген. Кауфман заключил 22 сентября с Наср-эддином трактат, по которому признавал его ханом с обязательством платежа ежегодной дани в 500 т. рублей и с уступкою России земель на правом берегу Сыр-дарьи, т.е. Наманганского округа. 23 сентября весь действующий отряд выступил из-под Маргелана в Наманган, 25 числа переправился через Сыр-дарью у Мин-булака и 26 прибыл в Наманган. В это время получились известия о восстании в восточной части ханства, где снова поднялись кипчаки и кыргызы, объявив ханом Пулат-хана. Средоточием восстания сделался г. Андижан, откуда вынуждены были спасаться находившиеся там с научными целями ориенталист Кун и корпуса военных топографов шт.-капитан Петров. «Признавая невозможным оставить без наказания вероломное поведение андижанцев, только что перед тем уверявших в беспредельной покорности», ген. фон Кауфман отправил 28 сентября на Андижан отряд из 5,5 рот пехоты, 8 орудий, 4 ракетных станков и нескольких сотен казаков, под начальством ген.-майора Троцкого; начальником штаба этого отряда был полк. Скобелев. 1 октября, после бомбардировки города, отряд этот, уничтожая на пути устроенные защитниками не имевшего стен Андижана преграды на его улицах, прошел до урды, отдохнул там полчаса и возвратился к оставленному в окрестностях обозу, все время продолжая бой и зажегши базар и часть домов жителей. Потеря наша состояла из 7 убитых и 45 раненых. 2 октября город был вновь подвергнут бомбардированию. 3 числа отряд двинулся в обратный путь, имея постоянные стычки с преследовавшим его неприятелем. То же продолжалось и 4 числа. В ночь на 5 октября неожиданное нападение на лагерь Абдрахмана рассеяло кипчаков и 5 числа отряд уже шел без боя на соединение с ген. Кауфманом, который выступил на по-мощь из Намангана. Сделав распоряжения об устройстве управления и войск в Наманганском округе, туркестанский генерал-губернатор 16 октября выехал в Ходжент, назначив начальником округа ген.-майора Скобелева, под начальством которого осталось 14 рот пехоты, 5,5 казачьих сотен, 18 орудий и 4 ракетных станка. 24 октября, когда Скобелев ушел в Тюре-курган против появившихся там шаек, к Намангану подступили кипчаки и к ним поголовно присоединилось население города, осадившее гарнизон. Возвратившийся Скобелев 27 октября бомбардировал город из 10 орудий и готовился к штурму, но кипчаки его оставили. Во время похода отряда ген. Троцкого к Андижану в Кокане произошло восстание, которое принудило Наср-эддин-хана бежать в Ходжент и таким образом вся южная половина ханства находилась в руках неприятеля. 12 ноября, получив сведения о сборе 20 т. кипчаков и их сторонников в Балыкчи, Скобелев перешел

реку, разил неприятеля и возвратился в Наманган. 25 декабря, с отрядом в 2800 ч., ген. Скобелев вновь перешел за реку, направляясь к Андижану и истребляя лежавшие на пути кишлаки. 9 января 1876 года Андижан был бомбардирован и затем занят без боя, так как защитники его оставили. Разбитый затем 18 января около Ассаке, Абдрахман 20 числа решился прекратить борьбу и 24 января сдался. Но Пулат-хан, «совершив ряд злодейств и зарезав трех братьев Абдрахмана-автобачи», бежал с оставшимися у него войсками к Алаю. Посланный за ним казачий отряд, имея вожаками джигитов Абдрахмана, в ночь на 28 января напал на лагерь Пулат-хана в Уч-кургане и нанес приверженцам Пулат-хана окончательное поражение. Вся Фергана изъявила покорность. Между тем, пользуясь нашими успехами, Наср-эддин, призываемый депутацией из Кокана, направился было к этому городу, но 27 января на него напал правивший от имени Пулат-хана Абдулла-бек и вынудил возвратиться в Махрам. 28 января население Кокана одержало верх над Абдулла-беком, и Наср-эддин мог 30 января вступить в свою столицу. Но ввиду слабости ханской власти и отсутствия ручательств за невозобновление беспорядков, признано было необходимым прекратить существование Коканского ханства. 8 февраля ген. Скобелев занял г. Кокан и 19 февраля последовало Высочайшее повеление об образовании Ферганской области. Пулат-хан был, в ночь на 19 февраля, схвачен джигитами ген. Скобелева на Алае и 29 числа того же месяца повешен в Маргелане, где, по его приказанию, были убиты наши пленные[1].

Оставались непокорившимися лишь алайские кара-киргизы. 21 марта 1876 года, в Оше, военного губернатора Ферганской области ген. Скобелева встретили с покорностью родоначальники и бии кара-киргизов. Были в числе их и бии «главного рода барга», но Абдулла-бек, Омар-бек и Сулейман-кул не явились. Подстрекаемые Абдулла-беком роды сералак и ульджаке прервали караванное сообщение с Кашгарией и заняли сильную позицию в ущелье Янги-арык, в 25 верстах от Гульчи, укрепив скалистые бока ущелья двумя рядами завалов, расположенных в два яруса. 25 апреля Скобелев взял эти завалы штурмом и преследовал неприятеля 25 верст до Суфи-кургана. Но уже в июне месяце капитан Куропаткин, проезжавший из Оша в Гульчу, подвергся нападению кара-киргизов, скрывавшихся в засаде, и был ранен. 10 июля 1876 года происходили стычки с мятежными кочевниками в горах к югу от Кокана. Окончательное подчинение кара-киргизов было достигнуто экспедицией ген. Скобелева на Алай в том же июле месяце. Войска были разделены на три колонны. 27 июля явились с покорностью некоторые старшины с братом Абдулла-бека Хасан-беком. 29 июля захвачена была «мать Абдулла-бека Курман-датха, вдова Алимбек-датхи, казненного в 1863 году Алимкулом». 31 июля шайка Абдулла-бека рассеялась и к Скобелеву явились бии и старшины всех кара-киргизских родов. 8 сентября 1876 года князь Витгенштейн разбил остатки джигитов Абдулла-бека в горах за Сохом у Айналма. Абдулла-бек спасся бегством в кашгарские пределы[2].

---

[1] «Военные действия против коканцев в 1875 и 1876 годах, по официальным донесениям», издание редакции «Военного сборника», Спб., 1876 г., и Костенко «Исторический очерк распространения русских владений в Средней Азии» в «Военном сборнике» 1887 года, № 10, стр. 139-160.

[2] «Туркестанские ведомости» 1877 года, №№ 2 и 3, и вышеупомянутая статья Костенко, стр. 159. Мармаджан-датха была еще жива в 1884 году: туркестанский генерал-губернатор, в Оше, «принял так называемую здесь

Здесь, для удобства соображения с датами военных действий в Фергане, помещаю я составленную в 1885 году, по моему желанию, автобиографию кара-киргиза рода сарыбагыш войскового старшины Шабдана Джантаева, значительную часть которой составляет его участие в этих военных действиях; участие это им наивно преувеличено, тем не менее эта часть биографии не лишена своего рода интереса.

«В тот год, когда коканский кушбеги, появившись с войском в наших местах, разграбил известного в роде бугу Шопака вместе с подвластными ему кыргызами, родился я, Шабдан, на Туюк-булуне, близ Кунгей-аксу, на Иссык-Куле, в мае 1840 года. Так как у отца моего от разных жен было много других сыновей, то по достижении пятилетнего возраста, он отдал меня одному бедному человеку, у которого я получил небрежное воспитание. Девяти лет я опять перешел жить к моему отцу и служил ему три года.

В те временя главным делом и кыргыз, и казаков были набеги и грабежи[1], и даже влиятельные и богатые кыргызы для приобретения славы занимались ими. Чтобы сделаться известным между кыргызами, я начал участвовать в набегах. Пришлось в первое время перенести много неудач, но я не унывал и не бросал своей деятельности. Наконец мне удалось достичь известности не только у кыргызов рода тынай, которые начали выбирать меня своим предводителем во время набегов, но сделался влиятельным и в других родах кыргызов и казаков. Те и другие в это время подчинены были сартам (коканцам), которые не запрещали кыргызам набеги, а напротив, доносили своему хану в Кокан с похвалою о предводителях набегов. Бек пишпекский Атабек выбрал из кыргызов меня и Байсеита Тойчибекова из казаков и отправил нас в Кокан к хану в качестве депутатов. Малля-хан принял нас благосклонно и щедро наградил нас позолоченными саблями, ружьями и другим оружием, а также шелковыми халатами. Он отправил нас обратно со своим военным министром Канаатом, который шел с войском против русских. Бой произошел на Узун-агаче, где сарты были разбиты и бежали в Пишпек. Устроив в Пишпеке крепость, Канаат поехал в Ташкент. Меня он взял с собою, Байсеит же пожелал остаться дома. Служил я в Ташкенте при Канаате два года. Он хотел отправить меня беком в Пишпек, но я не пожелал.

В бытность мою при Канаате, царедворцы Малля-хана, родом кипчаки, Алимбек, Кыдыр, Шабдан-ходжа с пятью товарищами, убили Малля-хана, в его спальне, за то, что

царицу Алая. Это киргизка Курбан-датха; ей уже за 70 л. Она имеет фомадное влияние на киргиз, кочующих летом на Алае. Она имеет трех взрослых сыновей, которые все состоят вол. управителями по выбору населения» («Турк. ведомости, 1884 г., № 40).

[1] В мае 1859 года <...> стоянки отряда капитана Венюкова на Кара-Кунусе, «находившиеся при отряде киргизы (Большой орды), узнав, что толпа дико-каменных, побывав в их аулах, возвращается назад и будет переправляться через Чу у Кеклик-сенгира, захотели во что бы то ни стало пощипать хищников. По малочисленности ордынцев сравнительно с дико-каменными, которых было до 500 человек, можно было заранее предсказать неудачу и потому пришлось подкрепить мстителей пол-сотней казаков. Но азиатское нетерпение испортило дело прежде, чем казаки успели прибыть к месту стычки. Один султан, один батыр и три джигита попались в плен. Кроме их одному киргизу прокололи насквозь грудь, так что пика, войдя в спину, прошла через легкие и переломила одно из передних ребер, которое торчало вперед. Удивительно, что этот киргиз не только остался жив, но и через двое суток уехал к себе в аул, верст за восемьдесят, и меньше чем через месяц снова разъезжал преспокойно, как ни в чем не бывало» (М.И.Венюков «Очерки Заилийского края» в «Записках р. г. общества», 1861 года, книжка 4, стр. 94). - Примеч. Н.Аристова.

он поручал Канаату высокие должности. Услышав об этом, Канаат послал в Бухару человека за младшим братом Малля-хана Худояр-ханом и, по прибытии последнего, провозгласил его ташкентским ханом. Коканцы и кыпчаки возвели на коканский престол Ша-Мурат-хана, сына Сарымсак-хана. По избранию хана, коканцы предприняли поход на Ташкент, чтобы взять в плен Худояр-хана и Канаата и предать их казни. Держали они Ташкент в осаде 53 дня и наконец, чтобы ворваться в город, подступили к ташкентским воротам, именуемым Карасарай. Боясь, чтобы коканцы не разбили ворота, Канаат дал приказание войскам сделать вылазку и отбить неприятеля. Никто из сартов не решался выйти первым. Тогда я со своим джигитом Баяке влез на стену по лестнице и спрыгнул на землю; сартовские солдаты не отстали от меня, боясь своего хана. За стеной произошел рукопашный бой, пало с обеих сторон много людей, но мы взяли перевес и коканцы обратились в бегство. Через десять дней происходило сражение на Шилбинин Иляби, где под моей командой находилось пятьсот пеших воинов, данных мне Канаатом; я напал с ними на одно крыло неприятеля и обратил его в бегство. После этого неприятель отступил к Кокану.

За оказанные мною в двух сражениях услуги Худояр-хан, по представлению Канаата, назначил меня беком в Азрет-Султан (г.Туркестан), когда я возвращусь из отпуска, так как я просился домой. При отъезде моем Худояр-хан поручил мне известить о победе над коканцами всех беков в восточных городах, принадлежащих Ташкенту, и манапов кыргызов и казаков. В Пишпеке я узнал, что (ген.) Колпаковский взял уже Мерке (?) и что наши кара-киргизы, во главе которых был мой отец, отложились от сартов и подчинились русским. Рахматулла, бек пишпекский, будучи зол на меня за отца, велел джигита моего Баяке высечь розгами, дал ему сто ударов и обоих нас посадил в зиндан. Нам, однако, удалось бежать из тюрьмы, и мы прибыли домой. Рахматулла потом присылал Доссарыка, своего человека, передать мне, что хочет со мною мириться, но я, помня его обиды, убил посланного и разошелся, таким образом, с сартами, передавшись окончательно русским. Вскоре Колпаковский взял и Пишпек.

Через некоторое время, услышав, что родственника нашего Сарымсака, рода багыш, осаждают сарты и хотят его разграбить, я собрал отряд кыргызов и пошел освобождать его. Мне удалось нанести сартам поражение, причем два их предводителя Пасим-кулак и Алишир были убиты: первый мною, а второй джигитом моим Баяке.

Возвратившись через год домой, я вскоре, с сорока джигитами, предпринял набег на калмыков, обитавших в Суашу, на кульджинской стороне Текеса. Хотя набег наш был удачен и мы забрали много лошадей, но времена были уже не те: мы должны были, по приказанию Колпаковского, возвратить отбитый скот калмыкам.

Когда назначен был к нам начальником уезда Загряжский и отправился он по родам кыргызов переписывать их, то на Тогуз-торау напал на него кыргыз Осман со своими людьми и взял в плен многих его джигитов, сам же Загряжский спасся в ближайшем лесу. Услышав о нападении Османа на уездного начальника, я собрал 200 кыргызов и устремился на Османа; потеряв в бою двух джигитов и убитых подо мною двух лошадей, я

освободил уездного начальника с его джигитами. За это я получил от русских золотую медаль с почетным халатом второй степени.

(В 1875 году) когда я находился с сорока джигитами на границе сартовских (коканских) и русских владений, при сотне казаков (барона) Штакельберга, за мною послал ген. Кауфман, чтобы отправить за кыпчакским ханом Автобачи, который бежал после взятия Махрама. Я поехал со своими джигитами на зов Кауфмана по направлению к Андиджану (с Нарына, где находилась сотня бар. Штакельберга). Когда мы доехали до Сузака, то услышали, что Пулат-хан загородил нам дорогу с селения Аим-кишлака, по сю сторону Андиджана. Посланного мною к Кауфману джигита перехватили и повесили. Пробиться не было возможности, и мы должны были дождаться Штакельберга, соединившись с его сотнею, повернули к Намангану, так как услышали, что Кауфман ушел туда. Около городков Батакара и Спискена Пулат-хан опять загородил нам дорогу, но был отбит. Мне удалось при этом с двумя джигитами вогнать в городские ворота до тысячи неприятеля. На другой день я с десятью джигитами обратил в бегство пятьсот человек, чему свидетелями были Штакельберг и (казачий офицер) Дубровин. Отбив неприятеля, мы проехали к Кауфману в Наманган. Отсюда отправились с Кауфманом к Андиджану, который в это время осаждал Скобелев. Взять Андиджан ему не удалось и он, преследуемый неприятелем, встретился с Кауфманом на Джанабате. Вечером, заметив около 200 чел. неприятеля по ту сторону Сыра, Скобелев, Штакельберг, я и еще трое казаков переправились через реку и обратили неприятеля в бегство.

В Намангане, по ходатайству офицеров, Кауфман дал мне с восемью товарищами по георгиевскому кресту, за нашу службу при Батакаре и Спискене. Из Намангана я сопровождал Кауфмана со своими джигитами в Ходжент, где получил от него 300 рублей денег и почетный халат, а также все мои джигиты одарены почетными халатами, что в сложности составит 1 т. руб. Из Ходжента я отпросился у Кауфмана домой, где и прожил около года.

Через год Скобелев предпринял алайский поход против Абдуллайбека. По незнанию местности, русским, во время завоевания коканского края, нельзя было обойтись без помощи джигитов. Скобелев взял 25 джигитов из аргынов, но они все были перерезаны Абдулла-ханом, который, заманив их и истребив, загородил русским войскам дорогу. Лишившись таким образом всех джигитов, Скобелев позвал меня. Собрал я опять сорок джигитов, в том числе Баяке, и прибыл к Скобелеву в Ош. Отсюда на другой день двинулись к ущелью Шут, которое впятеро страшнее буамского. На противоположном выходе из этого ущелья находилось войско Абдулла-бека. По приходе к ущелью, Скобелев взял у меня 20 джигитов: 10 послал за Штакельбергом в Кызыл-курган, а 10 отправил в ущелье для разведки о неприятеле. Когда мы вошли в ущелье, Скобелев послал меня с 20 джигитами вперед. Выезжая из ущелья, я увидел, что Абдулла-бек бежал, оставив свою мать, жен, детей и народ. Послал я одного джигита донести об этом Скобелеву и получил от него приказание сделать набеги на ближайшие аулы. Сделав несколько набегов, я взял в плен около 40 человек, много скота и имущества. Скобелев предложил нам взять все отнятое у неприятеля, но я отказался и сказал, что пришел

служить русским, а не грабить. Тут Скобелев сделал представление о награждении меня чином. Отдохнув три дня, двинулись мы к Кызыл-кургану, через селение Гульчу. Из Кызыл-кургана Скобелев послал меня с 21 джигитом к Абдулла-беку для переговоров. Когда я прибыл в Кызыл-арту, где находился Абдулла-бек, то последний бежал с народом своим к Авганистану, боясь, что я его предам русским. Мне не хотелось вернуться к Скобелеву ни с чем, поэтому я отправился за Абдулла-беком в погоню. Захватить его я не мог, но пленил у него 8 человек и захватил одно знамя, которое передал князю Витгенштейну, нагнавшему меня с двумя сотнями казаков. Сюда же подошел и Скобелев с пехотою. Он дал моим джигитам 30 берданок, 6 револьверов и велел мне догнать Абдулла-бека. Он послал с нами, по моей просьбе, (капитана) Куропаткина. Гнались мы за Абдулла-беком двои сутки до Каракола, где к нам присоединился князь Витгенштейн. Отдохнули здесь и двинулись дальше, но не могли догнать Абдулла-бека и с Таш-кургана возвратились к Скобелеву. С ним мы отправились вниз (по Кызыл-су) по направлению к Каратегину. Когда мы доехали до Карамука, составлявшего границу каратегинцев. Скобелев остановился и отправил меня с 15 джигитами послом к шаху каратегинскому, для переговоров о границе. Шах принял меня и отпустил со мною к Скобелеву своего младшего брата, с которым Скобелев и провел границу между владениями русских и каратегинцев. Отсюда мы двинулись к Кокану. Узнав на пути, что против русских возмутились кочевые роды в окрестностях Кокана - нойгуты (?), джаукесек, дулат, бостон, найман и др., Скобелев, с перевала Кара-казыка, послал усмирить их князя Витгенштейна с двумя сотнями казаков и меня с джигитами. Мы поручение исполнили и взяли большую добычу. При стычке были ранены кн. Витгенштейн, (подполк.) Церпицкий, я и еще один офицер, фамилию которого теперь не помню. Сдав свою добычу в Кокане, я явился к Кауфману и получил от него 2 т. р. и почетный халат, каковыми были награждены и все джигиты. Из Кокана Кауфман и Скобелев поехали в Гульчу. Возвратившись отсюда в Ош, услыхали, что между кочевниками в окрестностях Джалал-абада появился вождь Джетым-хан, собирающийся воевать. Кауфман послал на него Скобелева с сотнею казаков. По приказанию Скобелева я выехал со своими 8 джигитами вперед и разбил войско Джитим-хана, взял у него 20 чел. и одно знамя, которое поднес к подъехавшему в это время Скобелеву.

За службу мою Скобелев представил меня к чину войскового старшины. Но Кауфман не согласился, потому что я неграмотный. Он советовал мне поучиться грамоте и обещал, что тогда он постарается выхлопотать мне этот чин. В Намангане я получил от Кауфмана 2 т. р. и все мы по халату, после чего отправились домой, и где Кауфман выслал мне по почте еще 1600 р., так как в походах алайском и коканском я содержал джигитов на свой счет.

Прожив год дома, я отправился на Атбашу против китайцев, в отряд (полковника) Гринвальда. Зимою вернулся домой и получил за этот поход золотую медаль. Летом следующего года я посылал племянника с 15 джигитами на Атбашу же с отрядом (полк.) Щербакова. В оба похода джигиты содержались на мой счет.

В следующем (1880) году снова выставлялся на Атбашу отряд под начальством (полк.) Принца; при нем находился я с 100 джигитами, по приказанию Кауфмана. В этом походе я и джигиты получали содержание и жалованье из казны, как казаки.

В 1883 году я был назначен ген. Колпаковским представителем от кыргызов и казаков на коронацию Государя Императора и получил чин войскового старшины. За то, что Колпаковский не забыл моих заслуг, приношу ему глубокую благодарность.

Наград от русских я получил без счету. Кроме вышеупомянутых, я получил еще от Колпаковского почетный халат первой степени и красный крест за пожертвования лошадьми в турецкую войну».

2. Кара-киргизы под русским владычеством

Краткий очерк руководящих начал русского управления к.- казаками. Взгляд Петра Великого. Пункты подданства Абул-хаир-хана. Политика Неплюева. Мнения Игельстрема. Колебания между двумя системами в оренбургской степи. Учреждение султанов-правителей. Впечатление личного знакомства с к.- казаками на Сперанского. Его взгляды на историю к.-казаков и предшествующие отношения к ним. Основания составленного им Устава. Результаты его применения. Отношения к Уставу его исполнителей. Первое уклонение от Устава Сперанского в устройстве управления Большой орды. Учреждение Семипалатинской области. Положение об управлении Алатавским округом 1862 г. Народное управление и суд в Большой орде. Сформирование волостей и введение выборов в 1865 году. Волости у богинцев. Современные статистические сведения о Б. орде. Степная комиссия и принятые ею начала, оказывающиеся в существе теми самыми, на каких было установлено управление Алатавского округа. Кибиточный сбор. Положения 1886 и 1891 года. Русская колонизация в землях кара-киргиз. Взгляды ген. Дюгамеля. Его проект о казачьих поселениях на Иссык-Куле. Отклонение этого проекта ген. фон Кауфманом и предпочтение крестьянской колонизации. Основание уездных городов и крестьянских поселений на Иссык-Куле и на Чу. Статистические о них сведения к 1878 и 1885 гг. Отнятие у кыргызов земель к востоку от Санташа. Грабежи кыргызов у калмаков в 1864- 1866 гг. Волнения в 1868 г. Нападение на майора Загряжского. Прекращение неурядиц на границе после занятия Кульджи. Прикочевание чириков. Укр. Нарынское и отряды на Атбаше. Устройство почтовых сообщений и колесных дорог на Иссык- Куль и Нарын. Статистические сведения о кара-киргизах к настоящему времени.

Кыргызы под русской властью подчинялись всегда тем же порядкам управления, какие устанавливаемы были для соседей их казаков Большой орды, на устройстве же управления последними, естественно, отражались мероприятия по управлению ранее их подчиненных Малой и Средней орд. Необходимо поэтому проследить в самых общих чертах руководящие начала правительственных отношений к киргиз-казакам.

По словам генерал-майора Тевкелева[1], «Петр Великий, в 1722 году, в персицком походе и в Астрахани, через многих изволил уведомиться об оной орде: хотя де оная киргиз-кайсацкая (орда) степной и легкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата, и три де ради причины оная де орда

[1] «Разные бумаги ген.-м. Тевкелева», 1762 года, в «Временнике И. московского общества истории и древностей российских», кн. 13, 1852 года, смесь, стр. 15.

потребна под российской протекцией быть, чтоб только через их во всех азиатских странах комоникацию иметь и к российской стороне полезные и способные меры взять»... В близкие и постоянные отношения к к.-казакам России пришлось вступить с царствования императрицы Анны Иоановны, когда Малая орда искала защиты против цзунгаров. По жалованной грамоте от 19 февраля 1731 года (Полное собрание законов № 5704) «старшине киргиз кайсацкой орды Эбул-хаир-хану и всему войску» принятие этого «хана и всего войска кайсацкого» состоялось на следующих предложенных ханом «пунктах»: 1) служить верно и платить ясак, как башкирцы; 2) обид и разорения к.-кайсакам от русских подданных не допускать; 3) в случае нападения на к.-кайсаков неприятелей оказывать им защиту; 4) захваченных у к.-кайсаков башкирами и другими русскими подданными людей возвратить, за что и к.-кайсаки обязаны выдать пленных русских подданных, с башкирами же и калмыками (волжскими) впредь быть в мире. Уже при доставлении этой грамоты выяснилось, что значение и власть хана в орде очень невелики: «знатные старшины» восстали на него «в защищение той вольности, которою оне пользовались с начала их народа, и без наималейшей причины оные лишится» не соглашались[1]. Первая просьба Абул-хаир-хана заключалась в ходатайстве о постройке в степи города[2]. Эти два обстоятельства указывали, как теперь для всех ясно, что для подчинения к.-казаков управление ими должно было опираться на родоначальников, как действительных обладателей власти в к.- казацком народе, по бытовым и историческим условиям его жизни, и что для утверждения русского господства необходимо устройство в известных пунктах степи укреплений. Но прошло более столетия прежде, чем эти два основания необходимой в отношении к к.-казакам политики были применены. На первых порах пограничное наше начальство, видя бессилие ханской власти прекратить грабежи и набеги к.- казаков на башкиров и остальное наше пограничное население и став вскоре в не-дружелюбные отношения к самому Абул-хаир-хану, которого винило в поощрении грабежей, выражало, в лице правившего оренбургским краем, после Кириллова и Татищева, бывшего дипломата Неплюева, убеждение, что «нет другого средства управиться с киргизами, как резать их»[3]. Мнение это разделяли преемники Неплюева до барона Игельстрема[4]. «Ни любовь, ни страх, как единые орудия к утверждению народа в

[1] Там же, стр. 16.
[2] Там же.
[3] «Мнение сие изъявляет запасный план его о мерах и образе, как и чем отмстить киргизскому народу, поднесенный им на утверждение Правительствующему Сенату в 1744 году» («Архив Государственного совета», Спб., 1869 года, том 1, часть 2, стр. 817 и 818, донесение барона Игельстрема от 10 мая 1789 года).
[4] Чучалов, советник экспедиции пограничных дел, ведавший киргизскими делами при предместнике Игельстрема Зенбулатове, выражался, «что все равно — киргиза ли убить как какого зверя, и сколь много он не терпит киргизцев, столь вопреки и сам от них нелюбим и ненавидим» (там же, стр. 818).

порядке и повиновении, никогда не были вперены в киргизский народ, ибо ни справедливость в наказании злых, ни нежность человеколюбия в привлечении добрых не были признаны полезными основаниями»[1]. Барон Игельстрем «слышал из уст Ее И. Величества (Екатерины II), что употребление суровости в отправлении дела неприятны ее величеству и противно данным высочайше законам», однако он же находил, что «вражду, введенную ...Неплюевым в башкирах противу к. кайсаков, по нынешним обстоятельствам (недостаток войск на Оренбургской линии) не безнужно удержать»[2]. Барон Игельстрем думал управлять к.-казаками через влиятельных родоначальников, упразднив ханское достоинство, но вскоре возвратился к прежней системе. Затем ханы то заменялись придуманными нашими властями ханскими советами, то восстанавливались, пока уже в 1824 году Малая орда не была разделена на три части, управлять которыми стали султаны-правители, назначаемые русским начальством: вместо одного хана стало три лица, пользовавшихся почти ханской властью.

В Средней орде ханы существовали до Сперанского. «Нет ничего отвратительнее сей одичавшей и униженной природы; это почти полузвери»[3]; такое мнение составил себе о к.-казаках М.М.Сперанский, проезжая в передний свой путь по Сибири в 1819 году и ознакомившись с ними только на празднике, который устроили для него в 4-5 верстах от Омска вызванные тамошними военными начальниками из ближайших кочевьев киргизы. Из Омска в Семипалатинск Сперанский не поехал левой стороной Иртыша, где тогда лежала почтовая дорога, а направился по правому берегу, во избежание переправ через Иртыш, так что он и не был в степи. В обратный путь из Сибири, в 1820 году, Сперанский пробыл в Семипалатинске три дня и в Омске только два, и был занят ревизией местных учреждений[4]. Таким образом, свои личные непосредственные сведения о к.-казаках составитель Устава о сибирских киргизах приобрел только на упомянутом празднике, которым угостили его омские военачальники, наскоро собравшие несколько десятков бедняков, вероятно, из класса так называемых джатаков, т.е. прекративших по бедности и за неимением скота, кочевание к.-казаков, питающихся заработками в расположенных по

[1] Там же.
[2] Там же, стр. 820 и 837.
[3] В.Вагин «Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири», Спб., 1872 г., т. 1, стр. 44. По барону Корфу («Жизнь графа Сперанского», Спб., 1861 года, т. 1, стр. 195), «нет ничего отвратительнее дикой природы - писал Сперанский, по этому случаю (по поводу упомянутого праздника, закончившегося фейерверком, который перепугал киргизов и они большею частью разбежались), своей дочери — если это, в самом деле, природа, а не одичавшее ее произведение».
[4] Вагин, там же, стр. 44 и 72, и Корф, стр. 225.

линии станицах и городах[1]. Конечно, при составлении Устава о сибирских киргизах М.М.Сперанский пользовался книжными и деловыми сведениями, а также рассказами и докладами знакомых с киргизами лиц, но при далеко недостаточном изучении быта и истории к.-казаков даже в настоящее время, нетрудно представить себе, насколько слабы и неполны были тогдашние представления об этом народе.

По мнению Сперанского, «одни отношения смежности и естественная зависимость слабых родов от сильных произвели ...соединение киргизов», после прекращения «монгольских нашествий», начавшихся в XIII веке, в три орды. «Необходимость обороны дала впоследствии сему свободному союзу некоторую твердость и виде единства, вид, а не существенность, ибо, хотя каждая орда и имела своих ханов, но власть их, в мирное время, ничтожная, только при опасностях внешнего нападения являлась с некоторою силою». Эти опасности долго грозили со стороны калмыков и поддерживали силу ханской власти и воинственность в народе. Но «когда китайское правительство..., испросив особенным посольством, в Москву направленным, согласие нашего двора[2], приняло некоторые меры (против цзунгаров) и в 1754 совершенно покорило калмыков», то «киргизы, отрезанные от Монголии рядом крепостей и сильною стражею, а от России Сибирскою линией, потеряли все способы к вторжениям. Воинственный дух, в течение почти ста (?) лет, постепенно ослабевал, наконец, совершенно их оставил; союз общею опасностью скрепленный, разрушился; ханы, более не нужные, впали в презрение, и все роды разделились; единство орды, и прежде, впрочем, несвязное, исчезло»[3]. «Остатки беспокойного их степного нрава и праздности (?) обратились все в мелкое междоусобие, а битвы в баранты, т.е. отгон

---

[1] «Сколько жалких юрт, прислонясь к селениям, тоскливо дымятся, столько при каждом редуте байгушей (бедные) полунагих пресмыкается» («Записки ген.-м. Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды» в «Отеч. зап.», 1830 г., ч. 42, стр. 176).

[2] Сперанский, вероятно, имеет в виду посольство 1731 года, поздравлявшее с восшествием на престол императрицу Анну и отправленное собственно для того, чтобы Россия не воспрепятствовала доступу к торгоутскому хану другого более важного для Китая посольства, имевшего склонить торгоутов к действиям против цзунгаров. Бывшие в Москве послы действительно словесно вели речи о том, чтобы Россия «не имела никакого подозрения», в случае появления китайских войск в цзунгарских землях близ русской границы, заявляя, что в случае нужды Китай может уступить России нужную ей часть цзунгарской земли. Но, конечно, эти оставшиеся без последствий и встреченные нами уклончиво переговоры не имели никакого значения в применении к войне, имевшей место через двадцать с лишком после того лет (см. о посольстве 1731 года «Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год, составленное по документам, хранящимся в московском архиве государственной коллегии иностранных дел в 1792-1803 годах Николаем Бантыш-Каменским», изд. В.М.Флоринского, Казань, 1882 года, стр. 179). По неосновательности своей и крайности замечателен высказанный историографом Миллером в «Рассуждении о предприятии войны с китайцами, сочиненном в 1763 году» (в том же издании г.Флоринского, стр. 392), взгляд на кочевников, по поводу зенгорцев, но подлежавший, конечно, применению и к киргизам: «народ, не упражняющийся в земледельчестве и в рукоделиях, недостоин места, которое на земле занимает».

[3] «Киргизы едва ли понимают ныне, почему россияне называют их ордою, и ордою Среднею», - замечает Сперанский.

скота... В 1819 году с достоверностью утверждали, что во всей Средней орде с трудом можно было найти двести ружей, и то с фитилями. Самое употребление стрел сделалось редким: их заменили аркан и плеть»[1] «В видах общего образования и собственной пользы, Россия не должна смотреть равнодушно на положение соседственного народа, который от безначалия и неустройства приходил постепенно в нищету... Не должно допускать, чтобы разоряемые ежегодно барантою, они дошли до совершенной бедности: тогда труднее и управлять ими, и приводить их к образованию»... Между тем до 1822 года пограничное управление «заключалось в двух чиновниках, составлявших пограничную комиссию; главный начальник его был корпусный командир». Обязанности этого управления в существе были только «разбор в баранте и сношения с отдельными киргизскими правителями (султанами) для безопасности караванов». Результатом явились: «бездействие пограничной комиссии и маловажность влияния ее на образование степных народов, неустройство и бедность, в киргизской степи от сего происходившие»[2]. «Надлежало, для блага их (киргизов) и для выгод наших... постановить другие правила, а именно: 1) приняв за основание положительные акты подданства и присяги ханов сибирских киргизов, и потому признать их, в самом деле, подданными российскими, водворить постепенно и всегда мерами кротости - устройств и образование сперва в волостях ближайших, потом в отдаленных; 2) начало сего образования положить тем, чтобы на известном от линии расстоянии, напр. на сто верст, решительно запретить всякое хищничество, и назначив известные пункты на линии, куда дела сего рода должны вступать, строго и, если нужно, военной силой, взыскивать за всякое самоуправство; 3) волости на сем расстоянии образовать в небольшие округи, и в каждой округе определить, по выбору самих волостей, старшего султана, дав ему средства управлять округою с доверием и уважением»...[3]

Итак, для цивилизации сибирских кочевников и для спасения их от окончательной нищеты, М.М.Сперанский находил необходимым ввести у них особое соответствующее цели управление. По словам его биографа барона Корфа, «он придумал учреждение новой области, под именем Омской, и издание Устава о сибирских киргизах. Такое мирное

---

[1] «Обозрение главных оснований местного управления Сибири», Спб., 1841 года, стр. 67-72. Это обозрение составлено из бумаг Сперанского уже после его смерти, по приказанию императора Николая. Уставы об управлении сибирских инородцев и об управлении сибирских киргизов написаны были, под руководством Сперанского, Г.С.Батеньковым, тобольским уроженцем, который, в чине капитана, 26 лет от роду, исправлял в 1819 году обязанности управляющего X округом путей сообщения и взят был Сперанским, из Тобольска, с бою в Иркутск и потом в С.Петербург, и впоследствии управлял Канцелярией Сибирского комитета (см. «Жизнь графа Сперанского», т. 1, стр. 223 и 194).
[2] «Обозрение» и пр., стр. 73, 74, 65, 66.
[3] Там же, стр. 75 и 76.

завоевание степи посредством одного письменного устава, не довольно, может быть, оцененное в свое время, история не может не признать фактом огромной важности»[1]. Главнейшие постановления письменного Устава, которому дается такое значение, заключалось в том, что заменявшие ханов старшие султаны включались в состав несколько напоминающих торгоутские и мало-ордынские ханские советы коллегий, которым присвоено было архаичное, московское название приказов. Приказам этим дано было некоторое подобие того же коллегиального устройства, которым Сперанский думал пресечь и предотвратить самовластие и злоупотребления сибирских чиновников главного, губернского и окружного или уездного управлений. В качестве цивилизующего элемента в правящие киргизами коллегии были помещены два российских заседателя с русской канцелярией и всей обрядностью и письменностью русских коллегий. Кроме старшего султана, в качестве председателя, в приказе было два киргизских заседателя, так что большинство голосов принадлежало киргизам. Управление волостями, состоящими из 15-20 аулов (в ауле полагалось от 50 до 70 кибиток) каждая, предоставлено было волостным султанам. Султаны вообще были объявлены «высшим и почетнейшим между киргизами сословием» (параграф 279 устава). Выбор старших султанов в каждом округе был предоставлен султанам. Избрание на тот же трехлетний срок заседателей от киргизов предоставлен аульным старшинам и биям. Должность волостного султана, по умышленной, без сомнения, темной редакции устава, установлена наследственно-выборно-утверждаемой: «право их (волостных султанов) на управление волостями должно переходить по одной прямой нисходящей линии и по первородству, но и в сем случае, сообразно с нынешними обычаями, должно предварительно истребовать согласие общества, которое может избрать и другого султана, но не вверяет ему власти без утверждения областного правления».

Я не нашел указаний: почему Сперанский, считавший ханов «впавшими в презрение» у народа, решился вверить управление этим народом, в лице наследственных султанов в волостях и в лице избранников султанского сословия в округах, потомкам тех же ханов. Если упразднялись настоящие ханы, к чему было сохранять и создавать маленьких ханов в разных инстанциях? Можно думать, что, по незнанию народного быта и, не оценив значение биев и родовых старшин, Сперанский считал ханских потомков, которые являлись представителями киргизов во всех сношениях и столкновениях с русскими властями, единственным элементом, пригодным для образования у кочевников какого-нибудь управления.

[1] «Жизнь графа Сперанского», т. 1, стр. 232. 34-2003

На деле оказалось, что «окружной старший султан, по представленной ему правительством власти, есть тот же самый хан в своем округе, с той лишь разницей, что в его избрании черная кость не участвует». Так как получение этой должности зависело от султанского сословия, то получал ее тот, кто, не жалея денег и интриг, успевал составить себе сильную между султанами партию. «Делом выборов во всякой волости управляет партия старшего султана, потому что волостные управители - прямые агенты последнего». Заседатели от киргизов «играют роль помощников старшего султана, и потому их выбор в совершенной воле последнего». Все должностные эти лица, достигая должностей при помощи партий и денег, «прежде всего только и думают о том, чтобы поскорее вернуть свой проигрыш, а потом, постепенно вникая в выгоду такого положения, измышляя новые пути для своего обогащения, становятся ...маленькими ханами над своими подчиненными»...[1]

Сперанский, конечно, знал, что судьба составленных им уставов зависит от их действительного применения, и имел значительную возможность направлять это применение через сибирский комитет. Между тем уже первый генерал-губернатор Западной Сибири, сослуживец по Гатчине Аракчеева, Капцевич «с самого поступления в это звание, стал ниспровергать те правительственные начала, коих введение и охранение составляло его обязанность»[2]. Боевые более или менее генералы, занимавшие посты генерал-губернатора и начальника Омской области, не могли, конечно, признавать большой нужды и пользы в коллегиальном управлении вообще, в применении же к киргизам считали ее, можно догадываться, нелепостью. Не обладая, однако, достаточным авторитетом, чтобы провести изменение управления киргизами в порядке законодательном, они вынуждены были ограничиваться постоянными нарушениями буквы и духа уставов на практике, между тем как в то же время состоящие при них коллегии (советы главного и областного управления) укрепляли и развивали, между прочим и в управлении киргизами, бюрократическое начало и формалистику, распложая канцелярскую переписку. С другой стороны, люди, ознакомившиеся с бытом киргизов, не могли не видеть важных недостатков устава о сибирских киргизах, истекших из незнания киргизской жизни. «Вспомоществуемый опытом двадцатилетних наблюдений», начальник Омской области (впоследствии ген.-губернатор Западной Сибири) ген.-майор Броневский, в 1830 году, печатно, заверял относительно султанов, которым Сперанский дал

[1] Красовский «Область сиб. киргизов», 1868 г., ч. 3, стр. 69-77. «Управление степное существует не для управляемых, но для управляющих» (там же, стр. 184).
[2] Величко в «С.Петербургских ведомостях», 1862 года, № 24 (по цитате г. Вагина, см. «Исторические сведения» и пр., т. 2, стр. 394).

преобладающее значение в управлении киргизами, что «в степи их едва замечают..., употребляют солтанов» только по делам с русским начальством и с приказами; бии «вообще пользуются большей доверенностью народа, чем солтаны; киргизцы смотрят на последних, как на пришельцев»[1].

Тогда как Сперанский полагал, что «военные силы, выставленные против киргизов, в течение почти ста лет оставались совершенно праздными»[2], начальник Омской области, напротив, был убежден, что именно десять полков линейных казаков «сломили рог гордыне буйных киргизов»[3]. Устав о сибирских киргизах повелевал объявить народу, что к принятию управления через окружные приказы киргизы не принуждаются (параграф 90), а ген.-губернатор Капцевич распорядился в 1824 году учредить Кокчетавский и Каркаралинский округа вследствие желания двух султанов (которого при том, несомненно, на деле никогда не существовало) и отправил для открытия двух приказов два сильных отряда; едва ли можно сомневаться, что, после двухмесячной неявки киргизов на открытие этих будто по их желанию учреждаемых округов, «убедительность речей», которою чиновник Горский склонил, наконец, почетных киргизов прибыть в отряды и приступить к выборам старшего султана и заседателей, заключалась в аргументации на тему о неизбежности, в случае дальнейшего ослушания, средств которые «сломали рог гордыне» непокорных. Нельзя, в сущности, не войти и в положение сибирского начальства: ему прекрасно было известно, что кочевники никогда, по всей вероятности, добровольно не пожелают отказаться от своего управления по обычаям и принять управление русского начальства через посредство султанов, между тем не могло же оно оказаться столь не усердным и столь не умелым, чтобы оставить устав без всякого применения. Надо полагать, что Капцевич предвидел затруднения и заблаговременно обращался к Сперанскому за разъяснениями. Но Сперанский нередко, по заверению биографа, прибегавший к темным и неопределенным фразам, чтобы уклониться от точного выяснения дела, с целью быть всегда правым, отделался таким туманным ответом: «Шаг в киргизскую степь на примерной карте хотя и кажется смелым, но в уставе он так расположен, что новая черта представляет только цель, куда идти и куда, может быть, только в полвека придти будет можно, подаваясь всегда тихим и измеренным движением, не чувствительно, но всегда по одному плану и пользуясь случаями и местными обстоятельствами. Сие постепенное движение гражданского устройства в степь найдено удобнейшим, нежели предположение, давно уже бывшее и покойным Глазенапом

[1] «Записки ген.-майора Броневского» в «Отечественных записках» 1830 года, часть 42, стр. 84 и 90.
[2] «Обозрение» и пр., стр. 73.
[3] «Записки в «Отечественных записках», 1830 года, часть 42, стр. 82.

возобновленное, о переносе линии»[1]. Во всяком случае, Сперанский делал вид, что не замечает очень прозрачных и нехитрых приемов, которые употреблены были омским начальством для открытия двух первых окружных приказов.

Формальное применение устава о сибирских киргизах и постоянные нарушения его по существу[2], а также управление киргизами через «высшее и почетнейшее сословие» султанов продолжались без всяких изменений и уклонений более тридцати лет. Первое решительное отступление последовало в 1847 году и состояло в учреждении для управления к.-казаками Большой орды должности пристава. Создание новой должности и подчинение Большой орды ведомству министерства иностранных дел вызваны были не недостатками устава о сиб. киргизах, которых не признавалось, а особым политическим положением Б. орды, прилегавшей к Китаю и Кокану, которые сами имели притязания на власть над нею. Пристав был начальником войск, расположенных на землях Большой орды, и непосредственно заведывал некиргизским населением, управление же киргизами Б. орды было оставлено в руках султанов каждого из трех главных родов этой орды, названных старшими султанами. В волостях или частях главных родов были сохранены правившие ими бии. Все вообще внутреннее управление к.-казаков Б. орды было оставлено прежнее, по существовавшим обычаям и порядкам. Сохранен был и обычный народный суд[3].

Через шесть лет этот первый опыт открыл путь для некоторого изменения в управлении восточной половины сибирской степи: 19 мая 1854 года учреждена Семипалатинская область и в окружных ее приказах председательство вверено военному начальнику округа, а число русских заседателей доведено до трех, так что старший султан и два киргизских заседателя оказались в приказах в меньшинстве и значение киргизского элемента окончательно сводилось к нулю. В то же время, за перемещением пристава Б. орды в укр. Верное, из ст. Копальской и прилегающих к ней частей Средней орды был образован Копальский округ с окружным приказом[4].

---

[1] «Жизнь графа Сперанского», т. 1, стр. 232.
[2] «Вопрос о том: был ли впоследствии этот план (постепенного преобразования сибирских учреждений) вполне осуществлен и вполне ли также преемники его составителя приняли и усвоили себе его основную мысль, или же сибирское учреждение было введено в действие более лишь по форме - выходит из пределов нашей задачи» (там же, стр. 230).
[3] Распоряжение об учреждении должности пристава и его инструкция не были обнародованы и отсутствуют в Полном собрании законов, где встречается, однако, распоряжение о назначении к нему штатного толмача 13 января 1848 года (№ 21, 890).
[4] Полное собрание законов № 28, 255.

3 ноября 1856 года (Полное собрание законов № 31. 095) пристав Б. орды был переименован в «начальника Ала-тауского округа и киргизов Б. орды» и утвержден был штат его управления (помощник из гражданских чиновников, письмоводитель и депутат от киргизов). 25 декабря 1862 года (Полное собрание законов № 39.088) утверждено положение об управлении Алатавским округом, который был в составе Семипалатинской области [1]. Штат увеличен учреждением должностей адъютанта, аудитора и двух переводчиков. По параграфу 44 «По всем частным делам, возникающим между киргизами Б. орды в пределах оной, предоставляется сим инородцам ведаться своими киргизскими правами, исключая права смертной казни». Изъяты из ведения внутренних губерний и о возможности и полезности внутреннее управление туземного населения предоставить выборным из среды народа, применяясь к его нравам и обычаям[2], но нельзя не видеть, что новое управление в степи было не одним результатом теоретических и общих суждений Степной комиссии, а вместе с тем и дальнейшим применением и развитием начавшегося с учреждением должности пристава Большой орды направления нашего законодательства об управлении к.-казаками, вытекавшего из выяснившейся практикой непригодности и неудовлетворительности учреждения о сибирских киргизах и из необходимости, с одной стороны, отказаться от навязанного кочевникам преобладания в управлении ими белой кости, с другой же - замены коллегиального управления кочевниками единоличным. Степная комиссия не высказывает, что устройство управления Алатавским округом принято ею в качестве образца, но нетрудно видеть, что организация уездного и народного управления по ее проектам были в существе именно улучшенным устройством этого управления по положению об Алатавском округе. Подтверждается это и замечанием комиссии, что «окружное Алатавское управление, по устройству своему, гораздо более соответствует местным обстоятельствам»[3], чем окружные приказы и пр. В качестве главного недостатка народного управления в Алатавском округе Степная комиссия указывала на бессрочность службы волостных управителей[4], но дело в том, что, распорядившись 29 июня 1865 года об образовании волостей и выборе управителей, г.-м.Колпаковский предполагал, как сказано в том же предписании, определить права и обязанности волостных и аульных особой

[1] Киргизы Б. орды переданы из ведомства министерства иностр. дел в ведение местного главного начальства лишь в 1863 году (Полное собрание законов № 40.189).
[2] «Объяснительная записка», стр. 128-130.
[3] Там же, стр. 139
[4] То же, стр. 147.

инструкцией, и что даже ко времени введения в действие положения 1867 года не прошло еще со времени выборов и трех лет[1].

Распространяя на всю киргизскую степь уездное и народное управление на началах, впервые примененных в Алатавском округе, Степная комиссия большей частью удачно развила и выяснила многие подробности, вытекающие из принятых начал. Хотя ей впоследствии и ставили в вину разрушение родового быта у степных кочевников, но, во-первых, в организации волостей и аулов положения 1867 и 1868 гг. весьма незначительно отличались от Устава 1822 года, во-вторых же, - самобытное существование больших родов было вызвано политическими причинами - потребностью в защите от внешних врагов, - лишалось смысла и нужды под русской властью и действительно было неудобно и небезопасно в политическом отношении. Такие большие роды, как дулатовский, адбановский, богинский и т.д., могли составлять опасную, в особенности на границе, силу в руках честолюбивого султана или родоначальника, и было бы странно, если бы русское правительство охраняло их существование против естественного стремления частей этих больших родов к обособлению. При образовании уездов Степная комиссия руководствовалась такими же административными удобствами и соображениями, как и Устав 1822 года, при образовании округов, постановляя, чтобы округа состояли из 15-20 волостей или поколений (параграф 183). Родового быта, насколько он действительно существовал в народной жизни, установленная Степною комиссией организация народного управления нисколько не упраздняла, потому что мелкие родовые деления удобно укладывались в пределах аулов, а более крупные группы - в рамках волостей, выборы же на должности, упорядочивая и прежде существовавшее избрание родоправителей народом, не мешали родовому началу проявлять свою силу и жизненность, так как выборщики во всяком случае суть представители частей родов. Менее удачно организовала Степная комиссия народный суд. Конечно, она сделала возможное для устранения главного недостатка существовавшего суда биев, именно вмешательства родоначальников и вообще русской и туземной администрации. Но установлением не существовавших в суде народном инстанций суд биев наделен отсутствовавшей в нем волокитой и устройство его напрасно усложнено, определение же подсудности всех дел,

[1] Должность пристава и особое управление Б. орды учреждены при князе Горчакове, а положение об Алатавском округе при генерале Гасфорте. Оба эти лица обращали особое внимание на устройство южной части степи, ими присоединенной к нашим владениям. Не подлежит также сомнению, что в конце пятидесятых и в шестидесятых годах Алатавский округ выгодно выделялся из прочих частей киргизской степи благодаря выдающейся деятельности его начальника Г.А.Колпаковского (1858-1865 гг.), который продолжал управлять тем же краем в должностях военного губернатора Семипалатинской области (1865 г.), потом Семиреченской (1867 г.) и наконец, степного генерал-губернатора (1882-1889 г.г.).

кроме баранты и убийства, суду биев волости ответчика лишило всех истцов других волостей возможности получить беспристрастный суд, ибо, по обычаям и согласно родовому началу, всякий бий должен защищать интересы своего родовича.

Кибиточный сбор определен был, при введении положения 1867 года, в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях в 2 р. 75 к. с кибитки, но в то же время установлен был на удовлетворение потребностей, имеющих характер земских, особый земский сбор в размере 25 коп., который уже к 1880 году достиг 1 р. 25 к. С 1882 года кибиточный сбор взимается в размере 4 р. с кибитки.

С учреждением 15 мая 1882 года Степного генерал-губернаторства Семиречен- ская область перешла в его достав. Изданные 12 июня 1886 года и 25 марта 1891 года Положение об управлении Туркестанского края и Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, сохранив вообще принятые Степною комиссией начала, вместе с некоторыми улучшениями в устройстве управления и суда, оставили, однако, деления суда народного на инстанции, изъяли из ведения суда биев дела о барантах и убийствах и некоторые другие преступления, и вместо существовавшей по обычаям системы наказаний предоставили народному суду только налагать или денежные взыскания не свыше 300 р., или заключение под стражу не свыше полутора лет, или, в крайних случаях, ходатайствовать об административной ссылке.

Значение правительственных мероприятий в сферах народного управления и суда у кочевников вообще и у кара-киргизов, в частности, всего удобнее может быть выполнено и оценено при изложении сведений о быте кыргызов, а потому достаточно ограничиться здесь краткими указаниями на эти мероприятия. Удобнее также и меры, относящиеся до народного хозяйства тяньшаньских кочевников, изложив в связи со сведениями о промыслах и, вообще, об экономическом быте кара-киргизов, но по важности устройства на кыргызских землях русских поселений я приведу здесь главнейшие исторические и статистические о них данные.

По высказанному А.О.Дюгамелем, в его автобиографии, мнению, «единственное средство крепче привязать эти степи к России - завести земледельческие колонии там, где почва годится для земледелия, и поощрять переселение русских крестьян из внутренних губерний в степи посредством освобождения их на определенное число лет от податей и от рекрутской повинности. Это предложение мною было сделано, но ему не было дано дальнейшего хода. До сих пор правительство довольствовалось тем, что поселило в степи

несколько казацких полков, разместив их по различным станицам или селениям. Но казаки по природе так ленивы и так не любят заниматься земледелием, что это оседлое население не добывает достаточных средств для собственного пропитания, и если бы их не удерживали там силою, эти казацкие поселенцы покинули бы массами степь, перешли бы обратно через Иртыш и возвратились бы в свои прежние жилища, что ясно доказывает, что степи вовсе не такая изобилующая страна, как их описывают. Исключение составляют только те казаки, которые поселены по левой степной окраине, где, благодаря плодородию почвы и в особенности изобилию воды, их станицы превратились в цветущие колонии. Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что по мере увеличения оседлого населения, все более и более стесняются в своих средствах существования кочевники, которым нужны для стад обширные пастбища. Это обстоятельство служит постоянной причиной вражды между двумя племенами, которые было бы так желательно соединить в одно целое. Если к происходящему отсюда различию интересов присовокупить вероисповедное различие, то станет ясно, что нечего полагаться на преданность киргизов, несмотря на то, что они любят верноподданнические заявления. Пока мы будем сильны, киргизы будут покорны, но если бы наше могущество потерпело малейшую неудачу, они обратятся против нас»[1].

Сибирские казачьи станицы и выселки на землях Большой орды были основаны и заселены частью казаками Сибирского войска, по желанию или по жребию, частью крестьянами, главным образом Тобольской губернии, с обращением их в казачье сословие, между 1848 и 1860 годам[2]. По сведениям «Проекта всеподданнейшего отчета К.П. Фон-Кауфмана», в 1864 году возникло предположение распространить линию уже основанных казачьих оседлостей ...вдоль китайской границы, установленной по Чугучакскому договору, до бассейна Иссык-Кульского озера. Политические события того времени, а именно дунганское восстание и занятие Восточного Туркестана Якуб-беком, сообщали особую важность военно-стратегической постановке задумывавшегося предприятия, а потому вопрос о заселении китайской границы подвергнут был внимательному рассмотрению ...Мнение генерала Дюгамеля склонялось, по- видимому, в пользу способов, уже испытанных при устройстве станиц семиреченских, т.е. в пользу обязательного и добровольного переселения к китайским пределам казаков Сибирского войска.... В этом смысле, по-видимому, и сделаны были в 1864 году первоначальные по сему делу

[1] «Русский архив», 1885 года, № 7, стр. 417.
[2] Рукописная записка моя «О поземельном устройстве Семиреченской области», 1871 года, и заимствованы из нее сведения в «Проекте всеподданнейшего отчета ген.-адьютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству Турк. ген. губ-ства», Спб., 1885 г., стр. 150 и 151.

представления г. военному министру... Окончательное обсуждение вопроса отсрочено было до завершения работ Степной комиссии. Но, признавая неотложным немедленное заселение особенно важных пунктов на китайской границе, а именно местностей близ Зайсанского озера и на Иссык-Куле, генерал Дюгамель ходатайствовал о разрешении, в виде частной меры, немедленного устройства казачьих поселений хотя в сих только местностях». Предположения ген. Дюгамеля были отклонены в отношении Иссык-Куля и территории, вошедшей в состав Туркестанского генерал-губернаторства, согласно заключению ген. фон Кауфмана, по таким главным образом основаниям, что для переселения казаков потребовались бы весьма значительные расходы со стороны казны и что «прошлая практика казачьих поселений ...очевидно указывала на ненадежность сибирских казаков в качестве колонизаторов края». Отдавая по этим причинам предпочтение крестьянской колонизации, туркестанский генерал-губернатор одобрил представленные ему в марте 1869 года ген. Колпаковским правила об устройстве в области крестьянских поселений. По этим правилам водворение добровольно, без всяких путевых и иных пособий, переселяющихся крестьян предположено было производить на избранных, с возможно меньшим стеснением для кочевого населения местах, с временным освобождением переселенцев от платежа податей и воинской повинности, не иначе притом, как по представлении увольнительных от прежних обществ документов[1].

Первой русской оседлостью в землях кара-киргизов было основанное в 1864 году, верстах 20 от озера Иссык-Куля укрепление Аксуйское, при котором уже в 1868 голу поселилось 14 семей крестьян. При укреплении Токмакском в том же году водворилось 60 семей. В 1869 году начали для намеченных крестьянских поселений отводиться земли и на р. Тупе водворилось 14 семей, положив начало селу Преображенскому; кроме того, тогда же на р. Курметы самовольно поселилось 6 семей, которые в следующем году перемещены на р. Кунгей-Аксу и основали село Сазановку. В 1869 же году местопребывание иссык-кульского уездного начальника из укр. Аксуйского, удаленного от озера и от караванных путей, перенесено на р. Каракол, где основан город, переименованный впоследствии в Пржевальск. В 1878 году в этом городе было уже 257 домов и 3100 душ обоего пола жителей, а в уезде существовали следующие крестьянские поселения: в 40 верстах на запад от города, на р. Кызыл-су, деревня Сливкина[2], в которой

[1] «Проект всеподданнейшего отчета К.П.фон Кауфмана», стр. 162. «Обзор Семиреченской области за 1882 год», стр. 72-73.

[2] Во время своего путешествия в Тяньшань, 30 сентября 1867 года, Н.А.Северцов нашел на р. Зауку проживавшего там крестьянина. «Хотя Щедрин и говорит, что мужик всегда найдется, - но этому я удивился, давно их не видавши: с самого Оренбурга, на длинном пути через новую линию, Омск, Семипалатинск, Копал, Верное, я все встречал только казаков, татар и киргизов, и не видал ни единого настоящего мужика, а тут

были 91 двор и 662 души обоего пола; на юго-западе от города, в 12 верстах, на месте бывшего укрепления на р. Аксу, деревня Теплоключен- ская - 70 дворов и 423 души; на восток от города, в 25 в., деревня Джергес - 31 двор и 297 душ; на северо-восток, в 30 в. от города, село Преображенское, на р. Тупе, из 107 дворов и 732 душ; от него в 30 верстах на запад, д. Уйтал - 25 дворов, 147 душ; 27 верст далее на запад село Сазановка - 94 двора и 753 д. К началу 1885 года в тех же шести селениях, составивших две волости, состояло всего 610 семей, 2066 душ муж. пола и 2052 души женского, всего 4118 душ обоего пола; в пользовании этих селений состояло 38804 десятины удобной земли, так что, в виду нормы надела в 10 дес., могло быть поселено еще 1824 души муж.пола.

В Токмакском уезде местопребывание уездного управления было перенесено в 1878 году из Токмака в Пишпек, вследствие перемещения, в 1870 году, почтового тракта с Кастека на Курдай и лихорадочности окрестностей Токмака. В 1878 году в Токмаке числилось 369 дворов и 2204 д. обоего пола, в том числе 1067 д. крестьян, в дер. Аламедин, в 4 в. от Пишпека, 45 дворов и 438 д. об. пола; в д. Малый Токмак 22 двора и 171 д.; в дер Карабулак, в 34 в. от Б.Токмака, 8 дворов и 52 д.; в д. Сукулук 21 дв. и 172 д.; в селе Беловодском (на р. Аксу), 81 дв. и 609 душ; в д. Карабалты 24 двора и 180 душ обоего пола. К 1885 году в тех же семи селениях Токмакского уезда и добавившегося к ним восьмом (Иссыгаты, между Пишпеком и Токмаком, 25 дворов и 166 душ) состояло всего 617 семейств, 2179 д. муж. пола и 2017 жен., всего 4196 душ обоего пола; им отведено было 28120 дес. удобной земли. Сверх того в Токмакском уезде к 1885 году существовало два селения дунган, в числе 1011 семей или 4344 д. обоего пола, которым было отведено 21102 дес. В Иссык-Кульском уезде также существует с 1878 года дунганское селение на р.

нашелся, да еще самый коренной, великорусский, не помню какой губернии, но помню, что из средних и черноземных - чуть ли не курский; жаль, что не записал имени этого первого пионера русской вольной колонизации на Иссык-Куле. Он был послан своим обществом землю высматривать для переселения, походил по Семиречью и обрался до Иссык- Куля, где жил уже второй год, наживая деньгу на обратный путь: и наживал успешно. Пришел он без гроша, поистратившись дорогой, нанялся работать при постройке Аксуйского поста, а там присоседился к заукинским кара-киргизам, устроил мельницу, купил лошадей, собрал телегу, стал промышлять извозом, возить хлеб и ставить муку на Аксуйский пост и Заукинский пикет, а в 1867 г. нанял уже и засеял киргизские поля, с платой за орошение из урожая; лучший доход давала ему мельница; мука, получаемая в плату за помол, имела хороший сбыт в иссык-кульский отряд, и он уже закупал киргизский хлеб зерном, а продавал мукой, пользуясь полным доверием и казаков, и киргиз, что давало возможность покупать в кредит. У самого Заукинского поста был у него свой хуторок; тут же и небольшая мельница на быстро текущем арыке». Фамилия этого крестьянина Сливкин. Он поселился потом на р. Кызыл-су с переселившимися к нему общественниками и дал имя деревне. Весьма интересны и справедливы изложенные далее у Северцова соображения о преимуществах крестьянской колонизации перед казачьей («Путешествия по Турк. краю», 1873 г., стр. 164-171). Н.А.Северцов в 1861 году был членом комитета по составлению проекта положения об Уральском каз. войске, так что имел случаи ознакомиться с казачьим бытом (см. Бородина «Уральское казачье войско», 1841 г., т. I, стр.4).

Ирдык, в котором к 1885 году было 235 семей или 1158 д. об. пола, которые имели под посевами 900 дес.

Отведенные под селения и город (4050 дес.) в Иссык-Кульском уезде земли расположены по восточному прибрежью озера. Земли г. Пишпека (3837 дес.) и поселений его уезда расположены, кроме дунганского селения на Каракунусе и д. Карабу- лак, между рекой Чу и Александровским хребтом. Отведенные под поселения земли суть самые плодородные и наилучше орошенные.

Понеся в семидесятых годах такой ущерб в пахотных землях, кара-киргизы Иссык-Кульского и Токмакского уездов с 1883 года должны были потерять немалую часть своих кочевьев. При передаче Кульджи китайцам, согласно Петербургскому договору 1881 года, граница наших земель в Илийском бассейне подвинулась против черты, намеченной Чугучакским протоколом 1864 года. Именно, как видно из подписанного комиссарами 16 октября 1882 года протокола, граница начинается в ущелье в. Нарынкола и идет через гору Нохай-Тологой до р. Текеса, затем по этой реке до устья р. Сумбе, вверх по этой речке до развалин монастыря, отсюда по водоразделам гор Сарытау до р. Касан, потом по хребту Каратау до горы Сара-нохай, затем через хребет Сара-нохай на северную его сторону и отсюда, оставив в наших пределах селение Кальджат, на устье р. Хоргоса. При такой граничной черте кочевавшие за нею с 1871 года, т.е. со времени занятия Кульджи, наши адбаны и богинцы должны были возвратиться в наши пределы. Сверх того пришлось дать земли для помещения в наших же пределах кочевавших прежде на китайских землях к.-казаков, главным образом рода адбан, в числе до 5 т. кибиток, которые не желали остаться в китайском ведении и удержание которых в нашем подданстве было необходимо для обеспечения спокойствия в пограничной полосе, весьма трудно достижимого, если по обеим сторонам границы находятся кочевники с их обычными раздорами и обоюдными барантами. Поместить кульджинских адбанов на землях Верненского уезда было невозможно, по совершенному недостатку земель, так как тамошние адбаны и дулаты были сами крайне стеснены, отдав с 1855 года под казачьи поселения 176450 дес., под крестьянские 21430 дес. и под таранчинские более 70000 дес. Ввиду этих обстоятельств, по совещании с представителями заинтересованных кочевников, в 1882 году, в выс. Подгорном, решено было богинские кочевья на верхнем Текесе и Каркаре предоставить адбанам, подвинув зато границу богинских земель на западе. Сообразно этому восточною границей кара-киргизов сделался проход Санташ, а западная граница Иссык-Кульского уезда и богинских земель перенесена была с р.р. Турайгыра и Улахола на р. Кочкар от Буамского ущелья до р. Джуван-арыка, затем границей стала р. Джуван-арык, далее

почтовая дорога в укр. Нарынское до р. Оттука, эта река, потом река Он-арча и р. Нарын до впадения р. Атбаша, последняя река, затем р. Каракоюн до ее верховья и до перевала Суек на китайской границе. Около 2 т. кибиток сарыбагышей потеряли вследствие этого кочевки на западном берегу Иссык-Куля и должны были разместиться за Кочкаром и в Чуйской долине.

Ближайшими соседями богинцев на востоке, за линией китайских пикетов из Кульджи к Музарту, были до 1864 года калмыки зорган-сумун (шесть эскадронов), составляющие в дурбун-сумун (четыре эскадрона, на Тогуз-торау, при слиянии Текеса с Кунгесом) и арбун-сумун (десять эскадронов, на р. Каше) остатки коренных цзунгаров - ойратов, элетов или улютов. Когда осенью 1864 года в Кульдже вспыхнуло восстание мусульман против китайцев, наши кочевники, особенно кара-киргизы, и между ними сарыбагыши, пользуясь отсутствием на границе наших отрядов, которых нельзя было оставлять на Каркаре и Текесе на зиму, устремились большими партиями грабить калмаков. Так, в начале декабря 1864 года был разграблен калмыцкий монастырь на р. Албан или Сумбе (монастырь), впадающей в Текес[1]; кумирня и дома лам были сожжены, идолы уничтожены, металлические из них расхищены, обитатели монастыря перерезаны, так что бывший на месте через несколько дней очевидец нашел только развалины и до тридцати израненных престарелых женщин, умиравших с голода. В марте 1865 года, собравшись в числе до 1500 ч., богинцы ограбили калмацкие аулы, скрывавшиеся в известном прекрасными зимовками ущелье р. Агияз. Всего на Текесе было ограблено у калмаков нашими кочевниками не менее 68100 штук разного скота, суля по тому, что эту цифру богинцы заплатили калмакам, по настоянию нашего начальства, в октябре 1865 года, в возврат ограбленного. Но этим грабежи не прекратились, потому что в 1869 году калмаки получали уплаты за вновь ограбленный скот. После падения Кульджи зорган-сумунцы вынуждены были искать спасения в наших пределах, где и кочевали до передачи Кульджи китайцам[2].

В мае 1868 года, во время войны нашей с Бухарою, особенно когда дошли слухи об осаде русского гарнизона в Самарканде шахризябцами, владевший Кашгарией Якуб-бек готов был обнаружить враждебность и заводил на случай сношения с каракиргизами,

[1]Описание этого монастыря помещено в статье Я.Л.Михаловского (впоследствии начальник артиллерии Турк. военного округа) «Поездка в Сумбе» в «Северной пчеле» 1862 года № 304. При монастыре было десятка полтора глиняных домиков лам. Число всех жителей простиралось до 50 ч., в том числе до 20 мальчиков, обучающихся при монастыре. У игумена (кеску) было до 500 одних лошадей. Еще ранее, тот же монастырь описан у Голубева («Записки г.о., 1861 г., кн. 3, стр. 9).

[2] «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 2, Спб., 1873 г., стр. 171 и 172.

посылая письма и воззвания к некоторым манапам рода бугу, недовольным упадком их значения по причине введения нового устройства управления. Сношения эти и некоторое волнение между богинцами вскоре, ввиду заключения с эмиром мира, прекратились и остались без всяких последствий. В июне того же года, под влиянием подобных же обстоятельств, манапы рода саяк[1] Осман и Койчи, с несколькими своими родовичами, напали, неожиданно и в ночное время, на начальника Токмакского уезда Г.С.Загряжского, на ур. Тогуз-торау, на Нарыне, где он находился для сформирования волостей, переписи кибиток и выборов должностных лиц. Не имевший никакого конвоя уездный начальник едва не попал в плен и спасся лишь благодаря темноте ночи в прибрежных кустах, но писарь его, переводчик, два волостных управителя и несколько джигитов были захвачены в плен. Осман и Койчи поспешили со своими пленными отправиться к коканским пределам, за укочевывавшими туда своими аулами, но на пути их догнали сарыбагыши, собранные Шабданом Джантае- вым и др., отбили часть пленных и часть скота укочевывавших. Узнав, что Худояр-хан намерен выдать их русским, беглецы поспешили из коканских пределов перейти в кашгарские. Якуб-бек освободил всех плененных ими, но не выдал самих Османа и Койчи. Кажется, они были убиты по его распоряжению. Предполагали, что, пытаясь захватить в плен уездного начальника, Осман надеялся выменять за него своего сына, находившегося в Токмаке в качестве аманата, так как поведение Османа уже считалось подозрительным[2].

Участь Османа убедила кара-киргизов, что Худояр-хан коканский, состоящий под нашим протекторатом, и Якуб-бек кашгарский, решивший избегать всяких поводов к столкновениям с нами, не могут принимать беглецов с нашей территории. Оставалась таранчинская Кульджа. Султан Абиль-огля понимал со своей стороны невозможность борьбы с русскими, но власть его была ограничена влиятельными таранчами, опиравшимися на народ, который, после истребления китайцев и одоления дунган, верил, что может бороться и с русскими. Поэтому, несмотря на желание султана избегать

[1] Н.А.Северцов («Путешествия по Турк. краю», 1873 года, стр. 345) ошибочно считал Османа сарыбагышем. Г. Загряжский писал («Турк. ведомости», 1873 года, № 10): «Киргизы, ограбившие меня в 1868 году, кричали Тайляк (имя отца Османа, предводителя баранты), хотя родовой крик их чурай». Это именно тот самый Осман, сын Тайляка, управлявший в 1859 году отделением чора рода саяк, о котором говорит Валиханов в вышеприведенном описании возвращения из Кашгара (см. также «Известия р. геогр. общества», 1868 года, стр. 280).

[2] Рукописный отчет о Семиреченской области за 1869 год. На пути П.Я.Реинталя в 1868 году в Кашгар, выпытывая намерения русского начальства, один из доверенных у Якуб-бека чинов, говорил Реинталю, что Якуб-бек, «как получил письмо от губернатора, что Осман у вас напроказничал, тотчас же схватил его и запер в тюрьму... Вы были бы довольны, если бы аталык (Якуб-бек) сам наказал этого преступника вместо того, чтобы высылать его в Россию?... Я говорю про жестокое наказание, просто истязание, которое Якуб-бек сделает Осману на ваших же глазах». Из этого видно, что осенью 1868 г. Осман был еще жив. Конечно, П.Я.Реинталь дал понять невозможность согласия на какие-либо истязания («Военн.сборн.», 1870 года, № 5, стр. 173).

столкновений, укочевывавшие из наших пределов киргиз-казаки и каракиргизы находили в Кульдже убежище, и требования о возвращении беглецов не исполнялись. Это ставило наше пограничное начальство в большие затруднения, так как поддерживало между пограничными кочевниками беспорядки, раздоры и баранту и виноватые или недовольные могли безнаказанно, особенно в зимнее время, уходить в кульджинские пределы. Наконец укочевание беспокойного адбановского бия Тазабека, весною 1871 года, и происшедшие по этому поводу стычки таранчей с нашими пограничными отрядами вызвали в июне того же года занятие Кульджи. Каракиргизы Иссык-Кульского и Нарынского бассейнов потеряли с этого времени возможность укочевок.

В начале июня 1876 года прикочевало в наши пределы на Аксай 193 кибитки кашгарских чириков, выдававших причиною ухода из Кашгарии крайнюю обременительность налогов и повинностей по случаю войны с китайцами[1]. После смерти Якуб-бека (27 мая 1877 года) и после движения китайцев к Кашгару (занят был ими 5 декабря 1877 года), перешло в наши пределы еще 891 киб. чириков, в числе 1551 д. муж.пола и 1438 д. жен[2]. Часть их присоединилась к чириковской волости (в 1878 году 1475 киб.), остальные же, в числе 741 киб., составили особую аксайскую волость, у которой в 1878 году числилось 1166 верблюдов, 3313 лошадей, 1355 штук рог. скота и 4628 бар.

Единственным опорным пунктом нашим на Нарыне служит и по настоящее время укр. Нарынское, построенное в 1868 году отрядом под начальством полк. Краевского, немного ниже существовавшего около устья р. Чар-карытма моста, первоначальное устройство которого приписывалось китайцам. Выстроен был тогда же новый мост против самого укрепления, выбор места для которого был обусловлен именно желанием располагать мостом, являющимся часть лета единственным средством переправы, так как броды делаются в это время опасными или невозможными. К сожалению, новый мост снесло при первом же ледоходе и пришлось возобновлять прежний мост в версте от укрепления[3]. Вызывающее положение, принятое местными китайскими властями после возвращения Кашгарии, и затруднения в происходивших по вопросу об отдаче Кульджи переговорах, вызвали в 1878, 1879 и 1880 годах ежегодное выставление на лето отряда впереди

[1] «Туркестанские ведомости» 1877 года, №№ 3 и 4.
[2] «Туркестанские ведомости» 1878 года, № 17.
[3] С.Янчевский «Дорога на Нарын» в «Материалах для статистики Туркестанского края», вып. 2, Спб., 1873 года, стр. 331 и 332.

Нарынского укрепления, в долине реки Атбаша, значение которой на кашгарской границе справедливо указывал еще Н.А.Северцов[1].

Почтовое сообщение г. Верного через Токмак и Аульеата с Ташкентом устроено в 1867 году[2]. Путь лежал через перевал Кастек. В 1868 году весьма трудная для колесных экипажей дорога через этот перевал была разработана войсками и рабочими от кочевого населения, но в 1869 году речка Кастек, после сильных дождей, снесла все построенные на ней мосты. Это обстоятельство и снежные заносы зимою, а также слишком тяжелые и крутые подъемы и спуски вынудили перенести почтовую дорогу на перевал Курдай, причем она направилась на Пишпек, оставляя Кастек и Токмак в стороне. Постоянное сообщение Верного с Иссык-Кулем устроено также в 1867 году, было сначала только вьючное и направлялось на р. Чилик, горы Сугуты, Санташ и укр. Акеуйское. Путь этот имел то особенно важное неудобство, что осенью и зимой сообщение иногда прекращалось вследствие буранов и снежных заносов на Санташе. Поэтому уже в 1868 году чинами туркестанской саперной роты была начата разработка Буамского ущелья. В 1870 и 1871 году натуральной повинностью кочевников разработана дорога на остальной части этого ущелья на протяжении 70 в. С 1 декабря 1870 года сюда уже и было перенесено вьючное сообщение с г. Караколом, направленное но выходе из Бома по северному берегу озера, а в 1871 году вьючное сообщение заменено колесным. Правильное вьючное сообщение Токмака и Каракола с укр. Нарынским открыто в 1873 году, после разработки в 1872 году, посредством войск, дороги через Джуван-арык и перевал Куок; в 1873 г. построены были по этому пути мосты и с 1876 года открыто почтовое колесное сообщение. Дороги через Буамское ущелье и Джуван-арык требуют ежегодно более или менее значительных поправок и разработок, ибо заваливаются осыпающимися с гор каменьями и щебнем и размываются весенними, летними и осенними дождями. Так, весьма значительны были работы в Боме в 1872, 1874 и 1876 г. (большою водою были снесены на р. Чу все мосты) и особенно в 1878 году, когда кара-киргизы двух уездов производили, под руководством саперов, новую разработку 3 верст дороги по Бому и 48 верст пути к Нарыну[3]. Весьма также

[1] Путешествие по Турк. краю», стр. 334 и др.
[2] Так как по «Обзору Семиреченской области за 1882 год», стр. 56, но в «Проекте всепод. отчета К.П. фон Кауфмана» (стр. 419) значится: «Начало почтового сообщения к крае положено в 1864 году генералом Черняевым, который, по взятии Аульеата и Чимкента, сделал распоряжение об устройстве почтовой гоньбы от г. Чимкента до укр. Верного». В 1865 году почтовая гоньба была обращена тут в натуральную повинность киргизов: содержание каждой почтовой станции поручалось бию кочующего поблизости рода, который получал трех коренников, телеги, сбрую и 360 рублей в год и обязывался выстроить станционный домик и содержать три пары почтовых лошадей с тремя ямщиками. Конечно, телеги и сбруя скоро были уничтожены дикими лошадьми и ямщиками и сообщение превратилось во вьючное до 1868 года, когда стало мало-помалу приводиться в порядок через приискание вольных почтосодержателей и отдачу гоньбы с торгов.
[3] «Обзор Семиреченской области за 1889 год», стр. 52-57.

значительные работы производились под руководством саперов в 1885, 1886 и 1887 годах, когда кара-киргизы двух уездов выставляли каждое лето более 100 000 рабочих дней[1]. Вообще дорожная повинность очень тяжела для кара-киргизов вследствие трудности проводить и содержать колесные дороги в их горной стране.

Почтовый тракт от Пишпека до Пржевальска имеет протяжение в 376,5 верст с 14 почтовыми станциями, в том числе город Пржевальск, 6 селений и 7 пикетов; ветвь почтового сообщения от станции Кутемалды до укр. Нарынского простирается на 157,75 в. и имеет 6 почтовых станций, в том числе укр. Нарынское и 5 пикетов, т.е. станционных домов вне оседлых мест.

Главная телеграфная линия касается земель кара-киргизов, проходя по главному почтовому тракту от г. Верного до Ташкента. В 1892 году открыто телеграфное сообщение с г. Пржевальском.

Кара-киргизы Семиреченской[2] области занимают земли от прохода Санташ на востоке до границ Ферганской и Сыр-дарьинской области на западе. С Ферганской областью граница идет, с 1884 года, после передачи саяков Кетмень-тюбинской волости Токмакского уезда в Наманганский, от перевала Суек на китайской границе по Ферганскому хребту до перевала Кумыш-бель, отсюда через перевал Мунчак по хребту Кок-ирим до перевала Каракыр, далее по хребту Тамгал-арча до р. Нарына, затем вверх по Нарыну до устья р. Тюлюк, вверх по этой реке до ее вершины и перевала Чар-таш, потом по хребту до перевала Туз-ашу, по р. Алтыкана до впадения ее в р. Сусамыр, по Сусамыру до перевала Утмек на границе с Аульеатинским уездом[3]. Граница с Сыр-дарьинской областью проходит от перевала Утмек по Александровскому хребту до р. Карабалты, по этой реке и затем по реке Курагаты до р. Чу.

Сарыбагышевская волость	1867 киб.	3902 д.м.п.	2836 ж.	6738 о.п.
Тынаевская	1978	4995	3553	8548

[1] «Обзоры» за указанные годы. Некоторые сведения о тяжести натуральной повинности по разработке дороги в Буамском ущелье в 1886 году помещены в статьях «Из Чуйской долины» в №№ 33 и 38 «Восточного обозрения» за 1886 год, довольно, впрочем, поверхностно относящихся к делу и показывающих недостаточность и односторонность знакомства автора с местными условиями.
[2] «Обзор Семиреченской области за 1885 год». Сведения о переписи на трехлетие 1889- 1891 г.г. см. в «Обзоре» за 1889 г.
[3] «Обзор Семиреченской области за 1884 год», стр. 2.

Темир-булатовская	1251	2388	1794	4182
Бурукчинская	1315	2321	1795	4116
Исенгуловская	1151	2501	1754	4255
Нарынская	1411	2451	1729	4180
	8973	18558	13461	32019

Аламединская волость	1768киб.	3113 д.м.п.	2396 ж.	5509 о.п.
Булекпаевская волость	1558	3413	2420	5853
Сукулукская	1562	2852	2296	5148
Карабалтинская	974	1737	1344	3081
Толкановская	1478	3401	2707	6108
Багишевская	1289	2199	1773	3972
	8638	16715	12956	29671

Саяковская волость	2037 киб.	3948 д.м.п.	292 4 ж.	6872 о.п.
Кульчугачевская	2097	3721	284 6	6567
Джумгальская	1201	1945	147 1	3416
	5335	9614	724 1	16855
Итого в уезде	22946 киб.	44887д. м.п.	336 58ж	78545 о.п.

2) В Сыр-дарьинской области кара-киргизы рода султу занимают в Аульеатинском уезде часть предгорий Александровского хребта и затем часть верховий Таласа, где вместе с ним обитает отдел сол. По «Обзору Сыр-дарьинской области за 1885 год» кара-киргизы составляют в Аульеатинском уезде шесть волостей, в которых считалось в том году 47800

душ обоего пола[1]. По принятому там счету по 5 душ обоего пола на одну кибитку, эта цифра соответствует 9560 киб. Из них, по моим расспросным сведениям, около 3000 киб. должны быть рода султу, остальные же отдела сол: родов кущи или кучу, сару, мундуз и пр., которых по сведениям Макшеева в 1867 г. считалось 2250 киб. По Загряжскому, кара-киргизы в Аульеатинском уезде составляли около 1869 г. три волости; «из них только род кущи-сару давно уже кочует по Таласу, а род толкан (ветвь султу) отделение канай перешел на р. Ашарту (должно быть, опечатка, вместо Ашпару) только в 1867 году, по родовым неудовольствиям; земли же на р. Ашарт принадлежали роду дулат (Б. орды) отделению ботпай; последний добровольно уступил их 800 кибиток канаевцев»[2] Канаевцы эти, под главенством братьев манапа Байтыка Канаева, Бошкая и Байсеита поссорились с остальными султу, как я слышал, из-за взыскания с них части кунов, уплаченных саякам за ограбление Рускулбека и убийство семи человек; султу уплатили саякам семь кунов без участия отделения канай, которое от платежа отказывалось, утверждая, что в баранте и убийствах не участвовало; при разбое впоследствии иска к отделению канай решение дела было поставлено в зависимость от присяги Байтыка; против ожидания и вопреки обычаям, по которым присяга для манапов считается зазорною, Байтык присягу принял и канаевцы должны были уплатить большие суммы, но после этого они укочевали в Аульеатинский уезд. В 1870 году примеру их последовала другая, еще более значительная часть сулутов, тяготившаяся влиянием и силою Байтыка. Есть еще кара-киргизы, именно рода саяк, в ущельях верховий левых притоков Арыса в Чемкентском уезде[3], но, вероятно, число их не превышает нескольких десятков или сотен кибиток.

3) Кроме кетмень-тюбинской волости, состоявшей в 1878 году из 2092 киб., 2588 д. муж. пола и 1796 д. женского пола, итого 4384 душ обоего пола, были в 1884 году переданы в Ферганскую область из Сыр-дарьинской кара-киргизы Чаткальской волости, занимающие верховья Чирчика[4]. Л.Ф.Костенко, лично собиравший сведения в 1876 году, считал на Алае кара-киргизов рода монгуш 1225 киб., рода адыгине 3145 киб., и слышал, что род ичкилик втрое многочисленнее, чем монгуши и адыгине, взятые вместе[5], что вероятно очень преувеличено. По последнему, какой мне случалось видеть, «Обзору Ферганской области» за 1884 год, число всех кочевников области показано в 127419 душ

[1] Смирнов «Сыр-дарьинская область», Спб., 1887 года, стр. 51.
[2] «Туркестанские ведомости», 1874 года, № 41.
[3] Д.Иванова «Поездка в Алатау в 1879 году» в «Туркестанских ведомостях» 1880 года, № 8, где автор упоминает, что проводником у него в верховьях р. Сайрам-су был сын богатого саяковского кара-киргиза, который вызвался показать места своих летних кочевьев
[4] «Сборник материалов для статистики Сыр-дарьинской области», 1891 года, стр. 121.
[5] «Военный сборник», 1877 года, № 4, стр. 373.

обоего пола, что, по принятому в Туркестане счету по 5 душ на кибитку, соответствует 25484 киб. По материалам, служившим для составления Туркестанского проекта положения 1881 года, считалось в Чустском уезде 2406 киб., в Наманганском 3063, Андижанском 10470, Ошском 4747, Маргеланском 1610 и Исфаринском 5128, всего 27424 киб. Г.Яворский, быть может пользовавшийся «обзорами» позднее 1884 года, показывает цифру всех кочевников Ферганской области, зачисляя их всех в кара-киргизы, в 110000 душ обоего пола[1]. Приходится остановиться на этой цифре, хотя в числе кочевников Ферганской области есть кипчаки, найманы и другие узбеки и к.-казаки, которые не должны считаться кара-киргизами. В числе ферганских кара-киргизов нужно считать 250 кибиток или до 1000 - 1500 душ кыргызов[2], кочующих на Памире, сделавшемся недавно яблоком раздора между Афганистаном, Китаем и Россией.

4) По Макшееву, в 1867 году было 500 кибиток кара-киргизов в Ходженском уезде и 300 киб. в Джизакском[3]. В «Сборнике материалов для статистики Самаркандской области за 1887 и 1888 года»[4], показано киргизов в Ходженском уезде 1874 киб. и в Джизакском 5899 кибиток, но какие это киргизы: казаки или кара-киргизы, не выяснено. Бывший Ходженский уездный начальник полк. Кушакевич считал тамошних кочевников за кара-киргизов, за которых признавал их и г. Загряжский, говоря, однако, что они «уже приняли тип мусульман; в одежде и обычаях они сблизились с сартами и узбеками»[5]. Принадлежность джизакских кочевников к кара-киргизам мне кажется весьма сомнительной: легко может быть, что это киргиз-казаки, с давних пор перебравшиеся за Сыр-дарью в бухарские пределы. Поэтому в Самаркандской области можно считать кара-киргизов 1874 кибитки или около 7500 душ обоего пола.

5) Из стран вне русских пределов, в Каратегине, подведомственном Бухаре, капитан Васильев считает кара-киргизов около 3000 душ, что соответствует около 600 кибиток[6]. По г.Отапину кара-киргизы занимают восточные части Каратегина и Дар-ваза[7].

6) Форсайт считал в кашгарском ведомстве (ныне китайском), в округе Артыша и в Кокшаале 800 кибиток кара-киргизов, в долинах Ак-тага и Кара-тага 1600 киб. и в верховьях

---

[1] И.Яворский «Опыт медицинской географии и статистики Туркестана», часть I, Спб., 1889 года, стр. 320.
[2] «Туркестанские ведомости» 1892 года, № 36
[3] «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае», стр. 48 и 51.
[4] Самарканд, 1890 г.
[5] «Туркестанские ведомости», 1874 года, № 45, стр. 178.
[6] «Статистический очерк Каратегина» в «Воеиием сборнике» 1888 года, № 10.
[7] «Известия геогр. общества», 1881 года, стр. 49 и 53. Г. Арендаренко крайне преувеличенно показывал число кыргызов в Каратегине до 5 т. кибиток («Военный сборник» 1878 года, май), но в его же «Досугах в Туркестане», 1891 года, предположение это из описания исключено.

яркентской реки и хотанской 600 киб., итого 3000 киб[1]. Г-н Путята, в 1883 году, полагал в китайском Сарыколе 2334 д. или 400 киб. кара-киргизов[2]. Так как чирики, после путешествий Форсита, большей частью перешли в наши пределы, то в китайском подданстве надо считать теперь до 2500 кибиток или 10000 душ. По автору «Вблизи Памиров», на основании сведений, собранных при поездке ген.- губернатора барона Вревского на Алай в 1891 году, «китайское правительство, не доверяя кочевому элементу населения, старается удержать его в подчинении различными льготами. Так, кара-киргизы, кочующие у нашей границы, совершенно освобождены от всяких податей и только выбираемые аулами бии пользуются сбором баранов». Китайский пограничный начальник, приезжавший приветствовать барона Вревского, в конвое своем имел кара-киргизских всадников[3].

Сводя вышеизложенные сведения о численности кара-киргизов, находим:

в Пржевальском и Пишпекском уездах Семир. области	4070 5 к.	137218 д.о.п.
в Аульеатинском уезде Сыр-дарьинской области	9560	47800
в Ферганской области	2020 0	110000
в Ходженском уезде Самаркандской области	1874	7500
в бухарских владениях	3000	10000
в китайских владениях	2500	10000
Всего	7543 9 к.	311551 д.о.п.

Итак, всего кара-киргизов оказывается около 75500 кибиток и 311500 душ обоего пола. Истинное число кара-киргизов должно находиться между 300 т. душ, ближе к последней цифре, потому что если цифра кыргызов Ферганской области скорее выше действительной, ибо в ней содержатся и кочевники узбекских родов, то цифра кара-

[1] И.Минаев «Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи», Спб., 1879 года, стр. 200.
[2] «Сборник материалов по Азии, изд. Главным штабом», вып. 10, стр. 51.
[3] «Туркестанские ведомости», 1892 года, № 31. По Robert B. Shaw, Journal of the R.Asiatic Society, vol. X, 1878, p.3 к северу от верхнего Инда, в округе T'hok-Jalung, в местности ting-chen Jing-chan живет племя так называемых Kargies в числе 50 или 60 кибиток; старшина у них Skarma-Angra; они буддисты. О языке автор не говорит ничего.

киргизов Семиреченской области, вероятно, значительно ниже действительности. Последнее доказывается слишком значительным перевесом численности мужского населения перед женским. Перевес этот, по-видимому, существует в действительности, но не в такой мере. Можно думать, что аульные старшины и выборные от десяти, со слов которых составляются сведения о числе душ при переписи кибиток, уменьшают число детей, особенно женского пола, по незнанию имен их, забывчивости и т.д.

Мы уже приводили китайское известие о том, что Аджи-бий в 1759 году оценял число кыргызов в 200000 душ. Составители омских сведений в 1850 году полагали число подведомственных манапам Урману, Джантаю и Джанкарачу кыргызов до 40 т. кибиток и число богинцев Бурамбая до 10 т.к., всего выходило до 50 т.к. и до 250 т.д.[1] По мнению Голубева, который думал, что кыргызы делятся на 11 поколений и каждое состоит из 10 т. киб., численность кара-киргизов простирается свыше 500 т. душ[2]. По Макшееву, в 1867 году, в Туркестанском крае общее число кара-киргизов составляло 28103 к. или по 5 душ на кибитку, 140515 душ[3]. Петцольдт считал число каракиргизов простирающимся до 1 миллиона душ, из которых более половины вне русских владений, в последних же до 475 т. душ, а именно в Токмакском и Иссык-Кульском уездах 140 т. душ, в Аульеатинском 29 т., в Ходженском и Джизакском 6 т. ив Ферганской области 300 т. душ[4]; ошибка, помимо неверных сведений о заграничных кыргызах, заключалась в том, что число ферганских кочевников, которые притом все зачислялись в кыргызы, было слишком преувеличено. По «Русскому энциклопедическому словарю» професс. Березина, кара-киргизов «в нашем подданстве полагают (?) 162704 ч., всего же их можно считать около 200000 д.»[5]. По Э.Реклю, общее число кара-киргизов не превышает 350-450 т.д.[6] По статье Kirghiz в Encyclopedia Britannica богу считается 11т. киб. (55-60 т.д. о.п.), сарыбагышей 16500 киб. (80- 90 т.д.), саяков 10 т. киб. (50 т.д.), всего на русской территории 200 т.д.о.п.; отдела сол и независимых от России родов полагают до 200 т.д., а всего кара-киргизов будет до 400 т. душ[7].

---

[1] «Записки р. географического общества», 1851 года, стр. 141.
[2] «Записки р. географического общества», 1861 года, кн. 3, стр. 115.
[3] «Географические и пр. материалы», стр. 53.
[4] Umschan im Russischen Turkestan im Jahre 1871, Leipzig, 1877, s.s. 312, 313.
[5] Том III, Спб., 1878 года, стр. 169. По этому словарю, кара-киргизы или «настоящие киргизы считаются потомками хаккасов, народа турецкого происхождения, живущего ныне в китайской провинции Куан-тунг». Видимо, это переведено из какого-нибудь иностранного словаря и, вероятно, Куан-тунг соответствует китайскому Дунь-хуан.
[6] Русского перевода, т. 6, Спб., 1883 г., стр. 337.
[7] Vol. XIV, London, 1882, p.p. 94, 95.

Г. Яворский, - в своем весьма ценном «Опыте медицинской географии и статистики Туркестанского края»[1], в котором специально медицинского пока ничего нет, - считает кара-киргизов в Семиреченской области 90 т. душ, в Сыр-дарьинской 47 т.д., в Ферганской 110 т. и в Бухаре 50 т.д., всего 297 т. душ обоего пола. Источниками этих сведений для областей указывает он губернаторские отчеты за последние (предшествовавшие, конечно, 1889 году, когда издана его книга) 3-5 лет, а для Бухары - собственные соображения[2]. Однако цифра в 90 т. для Семиреченской области положительно ошибочна и ни в каком отчете не существует, а цифры Сыр-дарьинской и Ферганской области против указанных мною обзоров почему-то уменьшены; что касается до 50 т. кара-киргизов в Бухаре, то, за исключением небольшого количества кыргызов в Каратегине, существование их в бухарских владениях я считаю невероятным и думаю, что относительно 50 т.д. г. Яворский ошибается. Хотя и есть кочевники в долинах и частью в горных округах Бухары, но это туркмены (по Аму-дарье), узбеки или, наконец, киргиз-казаки, о чем свидетельствуют и путешественники. Так, напр., Н.А.Маев упоминает о 600 киб. киргизов, переселившихся в Гиссар из нуратинского бекства, т.е. киргиз-казаков[3].

Для сравнения сведений о числительности кара-киргизов Семиреченской области, не лишне привести цифры по статистике большеордынцев той же области, в пределах прежнего Алатавского округа, по переписи для взимания кибиточного сбора на трехлетие 1889-1891 гг.[4]:

джалаиров[5]	160	98 иб.	38151 д.м.п.	31911 ж.	70062 д.об.п.
адбанов[6]	154	26	36617	27627	64244
суванов[7]	363	2	8400	6696	15096

[1] Спб., 1889 года, часть 1, стр. 320.
[2] Там же, стр. 317.
[3] «Географический очерк Гиссарского бекства» в «Туркестанских ведомостях» 1877 года, № 7.
[4] «Обзор Семиреченской области за 1889 год».
[5] 8 волостей Копальского уезда: верхне-каратальская, нижне-каратальская, байгалы-койчилинская, кучуковская, горно-джалаировская, алтын-эмельская, чулаковская и южно-прибалхашская; в двух предпоследних есть и адбаны.
[6] 10 волостей Джаркентского уезда (остальные кроме сувановских) и 4 волости Верненского: тургенская, сугутинская, кызылбурковская и бакайская.
[7] 3 волости Джаркентского уезда: борохудзирская, тогурустановская и байтюгеевская.

дулатов	248	61314	44091	105405
[1] 98				
Итого	600	144482	11032	254807 д.о.п.
54	иб.	д.м.п.	5ж.	

Чтобы сообразить цифровое отношение кыргызов к киргиз-казакам, можно иметь в виду следующие данные о числе киргиз-казаков и кыргызов, приводимые г. Яворским[2], и такие же сведения, извлеченные мною из «Обзоров» областей за 1885 г.:

Области	По г. Яворскому	По «Обзорам»
Уральская		388472 д.об.п.
Тургайская	315000 д.об.п.	322070
Акмолинская	350000	334649
Семипалатинская	580000	513833
Семиреченская	690000	524234
Сыр-дарьинская	764000	645328
Ферганская	110000	127419[3]
		По г. Яворскому:
Самаркандская	32000	32000
Закаспийская	100000	100000
Амударьинский отдел	39000	39000
Итого	2980000 д.о.п.[4]	3027005 д.об.п.

[1] Остальные кроме адбановских волости Верненского уезда.
[2] «Опыт медицинской географии» и пр., стр. 320.
[3] По «Обзору за 1884 год»
[4] По г. Яворскому (там же) к.-казаки имеются еще в Хиве 20 т.д., в Бухаре 30 т. и в афганском Туркестане 50 т., итого 150 т. душ. Туркменов и узбеков считает он в Фергане 5 т., в Самаркандской области 288 т., в Амударьинском отделе 70 т., в Закаспийской области 225 т., в Хиве 200 т., в Бухаре 900 т. и в афганском Туркестане 550 т, итого 2238000 душ об.пола. Вообще, в наших владениях, Хиве, Бухаре и в афганском Туркестане полагает он всего тюрков 5368000 душ и смешанной расы (сартов и таранчей) 1629000 д. Русских (без Уральской области) считает он в степи и трех ханствах 254300 душ об. пола, в том числе в Акмолинской области 129 т., в Семиреченской 61 т. и в Семипалатинской и Сыр-дарьинской по 257 д.

3. Обзор изучений западного Тяньшаня во второй половине XIX века.

Путешественники и исследователи, их пути и труды

Западный Тяньшань в «Землеведении Азии» Риттера. Его деление Тяньшаня на средний, восточный и западный. Географические сведения о западном Тяньшане в труде Риттера и их источники. Скудостъ известий о населении. Содержание и источники исторических очерков Риттера, касавшихся западного Тяньшаня. Путешествия П.П.Семенова в 1856 и 1857 г.г. Невыполненное предположение об издании подробного их описан. Главные результаты путешествий П.П.Семенова. Н.А.Северцов, его путешествия и труды. Геологические исследования Г.Д. Романовского и И.В.Мушкетова. Труды и путевой дневник последнего. Поездка в таласский Алатау Д.Л.Иванова. Коллекция Вилькинса. Экспедиция к Хан-Тенгри. Путешествия и труды А.Н.Краснова. Ботанические исследования и поездки барона Остен-Сакена, А.Э.Регеля, А.М.Фетисова. Труды Э.Регеля. Исследования по этнографии. Ч.Валиханов, Голубев. М.И.Венюков. Путешествия В.В.Радлова. Его труды. Бытовые очерки Г.С.Загряжского. Начинающиеся антропологические исследования. Альбомы типов и видов западного Тяньшаня. Художник Кошаров. Очерк поездки на Иссык-Куль художника Н.Н.Каразина. Обзор работ по картографии. Расспросные карты Нифантьева. Съемки Иссык-Куля в 1856 г. и карты при статьях П.П.Семенова. Карта Захарова. Продолжение съемок в западном Тяньшане в 1860-1864 г.г. Рекогносцировки и карта Нарынского края барона Каульбарса. Его «Материалы». Позднейшие съемки и рекогносцировки. Карты военно-топографических отделов. Определения астрономических пунктов. Определения высот. Метеорологические наблюдения. Материалы для изучения западного Тяньшаня в книгах и заметках случайных путешественников и туристов, в трудах Л.Ф.Костенко, в «Туркестанских ведомостях» и других периодических и официальных изданиях.

Несмотря на недостаточность в его время сведений о Небесном хребте, Риттер весьма удачно делил Тяньшань на три части: среднюю - между Куча и Турфаном, восточную - на восток от Турфана и западную - Мустаг, на запад от Куча[1]. Это, с небольшими поправками, общепринятое деление оправдывается природными отличиями, а также экономическими и этническими, и даже, в настоящее время, политическими особенностями означенных частей Тяньшаня. Так, восточный Тяньшань, простирающийся на восток от прохода между городами Турфаном и Урумчи, состоит главным образом из одного хребта, беден водными потоками, население имеет оседлое, в котором туземцы принадлежат к тюркскому племени, кочевники же почти отсутствуют. Средний Таньшань, от Урумчи до Хан-Тенгри, состоит преимущественно из двух главных хребтов, обладает значительными водными потоками, представляет повсюду удобства для кочевников-скотоводов и местами для земледелия; кочевое его население принадлежит преимущественно к родам западных монголов. Западный

[1] Erdkunde von Asien, B.I, s. 324 (русского перевода, 1859 г., стр. 12).

Тяньшань, лежащий на западе от Хан-Тенгри, представляет собой сложную систему хребтов и горных поднятий и в большей части своей поверхности, вследствие значительной высоты над уровнем моря, непригоден для культуры земледельческой; его кочевое население составляют кара-киргизы. Восточный Тяньшань, а также и средний принадлежат Китаю, тогда как западный Тяньшань, за исключением южных склонов части самых окраинных к югу хребтов, входит в состав владений России[1].

По скудости имевшихся в его время источников, Риттер дает о западном Тяньшане весьма немногие сведения, почерпнутые из китайских известий, из расспросов академика Фалька и из доставленных Гумбольдту маршрутов семипалатинских торговцев, ходивших в Кашгарию[2]. Притом сведения Риттера о Тяньшане простирались на запад только до линии одного из маршрутов, который вел с Чу на западную оконечность Иссык-Куля, потом, через перевал Улахол, на Нарын, Атбаш, Роват (Таш-рабат), Чатыркуль[3]. Сведения о «западном продолжении Мустага от Кашгара к Самарканду или, как говорит уже Дегинь, вдоль Яксарта до Тараза, и его южного соединения с хребтом Белор или Белур-тагом, в области верхней Сыр-дарьи» Риттер собирался изложить особо от описания Небесного хребта. Кроме изложенных сведений, в географическом описании Чжунгарии, Риттер посвятил около четырех страниц «озеру Иссык-Кулю с притоком Чу»[4]. После нескольких слов об именах озера, тут приведены, весьма, конечно, небогатые, сведения, какие Риттер довольно удачно извлек из упомянутых маршрутов семипалатинских купцов. На основании одного из этих маршрутов Риттер предположил, что из Иссык-Куля выходит речка Кутемалды, но вместе с тем полагал, основываясь на карте Исленьева 1777 года, что из Иссык- Куля же вытекает и река Чу[5]. Высказавшись затем, по поводу изображения на японской карте 1714 г., изданной Клапротом, озера Жехая и истока из него, впадающего, по-видимому,

---

[1] По заглавию исследования профессора А.Н.Краснова «Опыт истории развития флоры южной части восточного Тяньшаня» (Спб., 1888 года, в «Записках р. геогр. общества, по общей географии», т. XIX). читатель ожидает найти ботаническое исследование о южных склонах хамийского и частью турфанского Тяньшаня, но вместо этого встречает изыскания о флоре полосы Тяньшаня между юго-западной оконечностью озера Балхаша и городом Уч-Турфаном. Оказывается, что автор называет восточным Тяньшанем горные страны, лежащие «к С.-В. от водораздела между реками Балхашского и Аральского бассейнов, а западным Тяньшанем - «область истоков древних Оксуса и Яксарта»... «Восточный Тяньшань в свою очередь можно делить на северную часть или водоразделы между р. Или и севернее лежащими озерами джунгарского рукава, и южную или водоразделы между Чу, Или, Таримом и Сырь-дарьею. Эта последняя часть и составляет предмет нашего рассмотрения» (стр. 25 и 26). Однако хотя Хан-тау и другие горы, составляющие водоразделы между Чуйским и Илийским бассейнами, входят, таким образом, в состав южной части восточного Тяньшаня, согласиться с этим невозможно, потому что Хан-тау и пр. на самом деле являются самыми северными отрогами Тяньшаня. А.Н.Краснов упоминает о делении Тяньшаня Э.Регелем «в флористическом отношении на две части - восточный и западный» (стр. 102), но я не нашел такого деления у указываемого автора. В цитируемой г. Красновым труде Регеля («Труды с. петербургского ботанического сада», том VII, вып. II) встречается деление на восточный и западный Туркестан, а не Тяньшаня (стр. 679). Относительно последнего читаем в указателе местностей (там же, стр. 676): Thian-schan. Juda altis Turkestaniae orientem versus a lacu Issyk-kul, a fluvio Sapartem centralem et paritem orietalem <...>.

[2] Asien, B. I, s.s. 325-333 (русского перевода стр. 13-22).

[3] Из этого маршрута Риттер заключает, что ширина Тяньшаня по линии маршрута составляет только 220 верст, а высота не очень значительна (s. 317).

[4] Asien, B. I, s.s. 394 - 398 (русского перевода стр. 87-91).

[5] На самом деле, однако, по русскому изданию карты Исленьева река Чу не имеет с Иссык- Кулем никакого сообщения и верховьями ее показаны Кебины.

в Аральское море, за возможность дохождения в VII веке, к которому относятся послужившие источниками карты путешествия буддистских пилигримов, вод реки Чу до Сыр-дарьи, Риттер подробно разбирает упомянутый уже маршрут через Чу, Улахол, Нарын к Кашгару[1].

О населении западного Тяньшаня у Риттера встречается единственное упоминание из того же маршрута, по поводу р. Чу, которая «вытекает с востока из гор Алатау»: «здесь (на Чу) начинаются кочевья черных киргизов (или каменных киргизов)»[2]. В конце I тома Erdkunde von Asien, оканчивая изложение сведений о хакасах или «восточных киргизах», Риттер говорит: «С бурутами или истинными кара-киргизами, с которыми соединились сибирские енисейские киргизы (в начале XVIII столетия), ознакомимся мы подробнее в китайском Туркестане»[3]. Но в третьей главе пятого тома Erdkunde von Asien, озаглавленной «Туркестанское нагорье или Восточный Туркестан», нет о бурутах или кара-киргизах ничего кроме случайных упоминаний о кочевании их в горных частях округов городов Уш-Турфана и Кашгара и на путях в Фергану и Бадахшан и об участии их в войнах китайцев с ходжами[4].

Особого изложения истории населения западного Тяньшаня у Риттера, конечно, нет, но и сделанный им обзор истории народов, обитавших в Тяньшане вообще и на его северных склонах и в прилегающих к ним степях, весьма отрывочен. Так как относящийся к Тяньшаню второй том русского перевода «Землеведение Азии» давно уже вышел из обыкновенной продажи и делается библиографической редкостью, то нахожу необходимым указать содержание и источники исторического исследования Риттера. Во второй половине § 32, под общей рубрикой «Древнейшие местопребывания народов на Или» помещены у Риттера три очерка: «1. Усуни во втором их отечестве на Или, посредствующий член индо-германского племени до VI века по Р.Х.» (русского перевода стр. 128 - 133, в немецком подлиннике B. I, s.s. 430-437); тут изложены краткие сведения об усунях, на основании главным образом Tableaux historiques de l'Asie Клапрота; в дополнение к ним, в пятом томе Erdkunde von Asien[5], еще не переведенном в большей части на русский язык, Риттер поместил переведенную с русского перевода о. Иакинфа («Описание Чжунгарии» и пр., Спб., 1829 года) статью «Цянь-Хань-шу» об усунях. «II. Происхождение Ту-кюэ на Си-хае; сказания об Иргана-кон» (стр. 134-136 перевода и s.s. 437-440 подлинника); тут приведена, по Клапроту, сохраненная китайскими историками легенда тукиюэсцев об их происхождении от мальчика, брошенного на берегах Си-хая (по предположению Риттера - Балхаш) и спасенного волчицею; легенда эта сравнена со сказаниями о происхождении монголов и тюрков, но за отсутствием в ней исторических, географических и этнических данных

[1] В этом маршруте были большие пропуски или сильные сокращения расстояний. Так, от р. Или до р. Чу через Кастек по нему выходит 100 верст вместо действительных 170 в., а от переправы через Чу до Кутемалдов значится 15 верст, тогда как путь по Буамскому ущелью составляет 47 верст
[2] Asien, B. I, s. 398 (русского перевода, стр. 91).
[3] Asien, B.I, s. 1137.
[4] «Восточный Туркестан» в переводе В.В.Григорьева, Спб., 1869 г., стр. 178, 264, 137, 209, 215, 219, 222, 225, 226, 229, 270, 283 и пр.
[5] S.s. 613-623.

едва ли она может иметь другое значение кроме сказочного и фольклорного. «III. Гаоче, уйгуры, племя те-лэ, царство хой-хэсцев» (стр. 137 и 138, s.s. 440- 441): две страницы об именах и некоторых передвижениях гаогюйцев, по Клапроту. - «§33. Разъяснение 6» содержит, под общим заглавием «Смены народов и властителей в древней джунгарской земле с XVII столетия по возмущение 1826 года» (стр. 138— 171, s.s. 442-472), следующие отдельные рубрики: «I. Элёты и джунгары, новейшие обитатели Или, как ветвь монголов, и их распространение» (стр. 139-145, s.s. 443- 448); здесь изложены сведения об именах калмаков, их происхождении (общем с монголами) и нравах, на основании китайских известий, по Клапроту «II. Царство элётов Галдана и его падение в 1696 г.» (стр. 146-150, s.s. 449-453). «III. Владычество джунгаров и их истребление в 1757 г.» (стр. 150-161, s.s. 453-463). «IV. Возвращение тургутов - элётов с Волги в илийские степи в 1771 г.» (стр. 162-167, s.s. 463-478). «V. Мятеж в пограничной провинции Или в 1826-1827 гг.» (стр. 167-171, s.s. 468- 472). Три из четырех последних статей основаны на слишком кратких и частью односторонних китайских известиях, четвертая же, самая последняя, дает некоторые известия о восстании Джангыр-ходжи, происходившем в Восточном Туркестане.

Таково было положение научных сведений о природе и населении западного Тяньшаня к тридцатым годам настоящего столетия. Только с распространением русской власти на Большую орду в 1846 году и особенно с занятием Заилийского края в 1853 г. открылась возможность ознакомиться с остававшимся до этого времени почти неведомым западным Тяньшанем. Руководство и содействие первоначальным исследованиям должны были, естественно, сделаться частью задач основанного в 1846 году И. русского географического общества.

Редактор предпринятого географическим обществом, на счет 20 т.р., пожертвованных П.В.Голубковым, перевода относящихся к России и смежных с нею странам частей «Землеведения Азии» Риттера и дополнений к этому труду, П.П.Семенов, по выпуске в свет, в начале 1856 года, I тома русского перевода (южная Монголия с Ордосом, Кукэнором и Наньшанем), нашел необходимым, прежде издания II тома (Тяньшань и русский Алтай), лично совершить путешествие в страны, географии которых этот том посвящен. Чтобы подготовиться к этому за несколько еще лет ранее задуманному путешествию, он, во время пребывания в 1853-1855 гг. за границею, «поставил себе целью личными сношениями с Риттером и слушанием его лекций усвоить себе методу и воззрения знаменитого корифея научного землеведения, а также воспользоваться учебными пособиями, представляемыми берлинской публичной библиотекой», и вообще «приготовиться к самостоятельным научным географическим и геологическим исследованиям в азиатской России». Совет географического общества, в заседании 28 апреля 1856 года, признал предполагаемую поездку П.П.Семенова в

русский Алтай полезною и необходимою и ассигновал на этот предмет некоторые средства»[1].

Прибыв во второй половине июня 1856 года в Барнаул, П.П.Семенов совершил путешествие по западной части Алтая до Змеингорска, но здесь заболел на три недели и упустил по этой причине удобное время для поездки в особенно интересовавшую его горную группу Белухи и Катунских Столбов. Взамен он решился предпринять поездку в Заилийский край и на озеро Иссык-Куль, «еще не тронутые никакими научными исследователями и известные только из расспросных сведений». 27 августа г. Семенов достиг укр. Верного, откуда отправился сначала на восточную оконечность Иссык-Куля. Вернувшись в Верное 16 сентября, «после четырнадцатидневного странствования, сделав 500 верст, днем почти не сходя с коня, а ночь проводя под легкой защитой парусинной палатки»[2], он между 21 сентября и 1 октября совершил еще более важную поездку на западную оконечность Иссык-Куля через Буамское ущелье, описание которой изложено выше[3]. Октябрь месяц занят был поездкой в китайскую Кульджу, а затем путешественник возвратился в Петербург, но к июню следующего

1857 года он снова прибыл в укр. Верное и совершил две поездки в Тяньшань (первую на сырт через ущелье Зауку и Кашка-су и вторую к Хан-Тенгри, в верховья Сарыджаза) и несколько экскурсий в Заилийский Алатау[4].

Кроме кратких отчетов, напечатанных в «Вестнике геогр. общества» за 1856 и

1858 годы, был им помещен в Petermann's Mittheilungen 1858 года общий обзор путешествия 1857 года под заглавием P. von Semenow's Erfurschungen reisen in Inner-Asien in Jahre 1857, serie Aufnohore des Alpensee's Issyk-kul und anderer Theile der nord-westlichen Russisch - Chinesischen Grenzlander bis den Gletschern Thianschan Gebirges. В статье этой два отделения. Первое (s.s. 351-361) содержит общий географический взгляд на посещенные страны и делится на следующие параграфы: 1. Вступление, 2. Джунгарский Алатау, 3. Заилийский Алатау и 4. Тяньшань и иссык-кульское плато. Второе отделение излагает поездку на сырт по ущелью Зауку (s.s. 362-369).

---

[1] «Вестник р. геогр. общества», часть 18, 1856 года, приложения, стр. 17 и 18.

[2] «Письмо действ, члена П.П.Семенова о путешествии его в киргизской степи Сибирского ведомства», помеченное «Алматы или укр. Верное, 18 сентября 1856 года», в «Вестнике г. общества», 1856 года, часть 18, стр. 1-6.

[3] См. также второе «Письмо действ, члена П.П.Семенова о путешествии в киргизской степи Сибирского ведомства» в 18 части «Вестника геогр. общества», стр. 27 - 30.

[4] «Первая поездка на Тяньшань или Небесный хребет до верховья системы Яксарта или Сыр-дарьи действительного члена П.П.Семенова в 1857 году», с картою в № 5 «Вестника и. р. геогр. общества» за 1858 год (часть 23), стр. 1-15. Статья эта содержит в себе сообщение, сделанное П.П.Семеновым в общем собрании географического общества 10 марта 1858 года. Он говорил здесь, между прочим: «Знакомство наше с орографиею и геологиею внутренних азиатских горных систем Тяньшаня и Куэн-луня находилось доныне в таком младенческом состоянии, что Гумбольдт остроумно сравнивал его с степенью наших знаний о геологии луны, с которою знакомят нас только одни телескопы. Вот почему мысль о достижении и исследовании хотя части Небесного или Тяньшаньского хребта, развитая и поддержанная во мне беседами с А.Гумбольдтом, была в продолжение нескольких лет любимою моею мечтою».

К изданию подробного описания своего путешествия П.П.Семенов предполагал, как заявлял он по возвращении из поездки 1857 г., приступить после выхода II и III томов русского перевода «Землеведения Азии». «Так как в области этого путешествия находится один из самых интересных углов внутренней Азии и самые центральные ее пункты, не тронутые до сих пор никакими европейскими научными путешественниками, именно исполинский Тяньшань, озеро Иссык-Куль, Заилийский Алатау и историческая Илийская долина, то желательно было бы, - писал он в 1858 году, - чтобы ни один из результатов моей экспедиции не погиб для науки. Путешествие мое со специальными монографиями составит два тома текста, с некоторым числом пояснительных политипажей, но к нему необходимо приложить атлас, состоящий примерно из трех географических карт, некоторых профилей, 30 ландшафтов и 8 этнографических рисунков»[1]. Второй том русского перевода «Азии» издан в 1859 году и третий в 1860 году, но предположение П.П.Семенова об издании описания своего собственного путешествия, к сожалению, не осуществилось. Участие в законодательных работах по освобождению крестьян, служебная деятельность на высоких административных постах и труды по географическому обществу, в качестве председателя отделения географии физической и потом вице-председателя географического общества, издание пятитомного «Статистическо-географического словаря Российской империи» и многие другие работы и занятия лишили первого ученого исследователя Тяньшаня возможности уделить нужное для описания собственного путешествия время. Конечно, наиболее ценные для науки факты и результаты этого путешествия не остались не обнародованными в упомянутых отчетах и позднейших статьях П.П.Семенова, а собранные им ботаническая, геологическая, энтомологическая и другие коллекции были обработаны специалистами и послужили основаниями дальнейших исследований по естествознанию Тяньшаня. Тем не менее географическая наука не получила такого описания первых путешествий по Тяньшаню, которого вправе была ожидать от ученого, обладающего, кроме редкой наблюдательности, драгоценной способностью широких и вместе с тем прочных научных обобщений, а русская литература - произведения одного из немногих мастеров русского слова. Остается надеяться, что по крайней мере дневники П.П.Семенова войдут в географический отдел дополнений ко второму тому русского перевода «Азии», к составлению которого П.П.Семенов намерен приступить, как я слышал, после предстоящего вскоре выхода дополнений к пятому тому того же перевода.

В 1867 году П.П.Семенов поместил в I томе «Записок И. р. географического общества, по общей географии»[2] чрезвычайно интересный отрывок из своего путешествия «Поездка из укрепления Верного через горный перевал Суок-тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 году». В 1885 году он напечатал в Хтоме («Русская средняя Азия», Спб., 1885 года, стр. 333-376) издававшейся под его редакцией «Живописной России» очерк «Небесный хребет и Заилийский край», в ко-

[1] «Вестник и.р. геогр. общества», 1858 г., ч. 23, приложения, стр. 23.
[2] Спб., 1867 г., стр. 181-254.

тором, между прочим, помещен обзор его путешествий 1856 и 1857 гг., содержащий довольно подробные сведения о поездке к ледникам Сары-джаза[1].

«Главными результатами двух летних моих исследований, кроме открытия нескольких ледников Тенгри-тага и верховьев системы Яксарта, - замечает П.П.Семенов в последнем очерке, - было, между прочим, то, что мнение знаменитых европейских географов Риттера и в особенности Гумбольдта о присутствии в Небесном хребте не только действующих, но даже и потухших вулканов, не подтвердилось...: за вулканические явления было принято горение подземных пластов каменного угля»[2]. Не менее важны для изучения местной природы, были геологические и ботанические исследования П.П.Семенова. Он выяснил геологическое строение и горные породы Заилийского Алатау и посещенных им двух частей главной толщи Тяньшаня, сделанные же им наблюдения над растительностью и ботанические сборы дали возможность ознакомиться с растительным царством бассейна Иссык-Куля и Заилийского Алатау. Его деление растительности Заилийского Алатау на пять вертикальных зон с оценкой их экономического значения принадлежит к числу образцовых геоботанических исследований.

Главным продолжателем начатого П.П.Семеновым научного изучения западного Тяньшаня был Н.А.Северцов. «В 1845 г., еще почти мальчиком, - говорит он сам, - я познакомился с известным и неутомимым исследователем Средней Азии Г.С.Карелиным, только что вернувшимся из Семиречья, и был увлечен его рассказами о тамошней богатой, оригинальной природе, с резкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знойных низин и снеговых хребтов, летнего жара и зимнего мороза. С тех пор Средняя Азия сделалась научной целью моей жизни, а по известной книге Гумбольдта я в Средней Азии нашел заветную часть: таинственный Тяньшань китайцев»[3].

Совершив в 1857 и 1858 гг. зоологическому поездку на низовья Сыр-дарьи, во время которой попал на месяц в плен к коканцам, Северцов в 1864 году отказался от профессорской кафедры, чтобы достигнуть Тяньшаня при отряде полковника Черняева, снаряженного против коканцев со стороны укр. Верного. Следуя при отряде Черняева в

---

[1] Вот содержание этого очерка: «Тяньшань или Небесный хребет. Роль его в истории народных переселений. Гунны и усуни, и вызванное ими знакомство с Тяньшанем китайских летописей до Р.Х. Турецкое царство, опиравшееся на оконечности Тяньшаня в IV - IX веках. Показания о Тяньшане очевидца этого времени — буддийского миссионера Хюан-Цзана. Китайские сведения о Небесном хребте во время владычества уйгуров в IX веке. Тяньшань при монголах и Тамерлане. Сведения о Тяньшане в джунгарскую эпоху в XVIII веке. Начало русской колонизации в Заилийском крае. Поездки в 1858 г. (опечатка вместо 1856 г.) на оконечности Иссык-Куля. Орография Заилийского Алатау. Характеристика пяти вертикальных зон заилийского края. Котловина Иссык-Куля. Главный Тяньшанский хребет. Поездки в 1857 году к истокам Сыр-дарьи и горной группе Хан-Тенгри. Ледники Сары-джаза. Исследования позднейших путешественников в Тяньшане».

[2] «Живописная Россия», том X, стр. 368. В «Вестнике и.р. географического общества», 1856 года, кн. I, стр. 243-258, напечатана была написанная ранее поездки его к Тяньшаню статья П.П.Семенова «О вулканических явлениях во внутренней Азии», в которой изложены тогдашние сведения и взгляды Гумбольдта.

[3] «Известия и. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при московском университете», том VIII, вып.2, 1873 г., стр. 1.

Чуйскую долину, Северцов с вершины перевала Кастек принял «необъятную даль столь долго таинственных хребтов Средней Азии в свое научное владение»[1]. Сделав поездку в предгорья Александровского хребта по ущелью р. Иссыгаты, продольной долине Науруза и р. Аламедину, Северцов, на пути отряда к Аульеата, поднимался в горы по р.р. Мерке и Урянды, по занятии же города Аульеата, он совершил экскурсию в верховья Чаткала при отряде подполковника Лерхе, и затем в августе месяце в верховья Таласа. Самое дальнее из его путешествий в Тяньшань удалось выполнить Северцову с 14 сентября по 31 октября 1867 года: из Верного через Асы, Санташ, Иссык-Куль, ущелье Барскоуна проник он в верховья Нарына и прошел через Атбаш в долину р. Аксая, в обратный же путь следовал через Атбаш, Нарын, Оттук, Карагоджур, Кочкар, Куску и Буам в укр. Токмак[2]. Главными плодами этих и других путешествий Северцова по Туркестану, не касавшихся западного Тяньшаня, были, конечно, согласно его специальности, зоологические исследования[3], но не менее важны были его географические и геологические наблюдения и заметки. Географические и общие геологические и зоологические результаты путешествий Северцова изложены в его особо изданной географическим обществом книге «Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тяньшаня, совершенные по поручению и.р. географического общества и других ученых обществ Н.Северцовым», часть I, общие отчеты о путешествиях 1857-1868 годов[4], Спб., 1873 г., 461 стр. Предположенные II часть (орография, гидрография, климатология и ботаническая география) и III часть (материалы для геологии) изданы, к сожалению, не были[5]. Превосходный наблюдатель, Н.А.Северцов обладал даром увлекательного, без ущерба верности и точности, изложения, а потому преждевременная трагическая смерть его лишила науку и географическую литературу весьма ценного деятеля, не успевшего закончить своих трудов по описанию и изданию своих путешествий и исследований.

Обстоятельное геологическое исследование западного Тяньшаня начато в семидесятых годах профессорами Г.Д.Романовским и И.В.Мушкетовым во время их многолетних геологических поездок по Туркестанскому краю. Работы первого ученого относятся преимущественно к палеонтологии и общей геологии[6]. И.В.Мушкетов исследовал наибольшую часть месторождений полезных ископаемых в западном

---

[1] «Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тян-шаня», Спб., 1873 года, стр. 15.

[2] Об этой поездке Северцовым было сделано сообщение в собрании географического общества 13 февраля 1869 года («Известия и. р. геогр. общества», 1869 года, стр. 47-53), подробное же описание помещено в «Путешествиях» и пр., стр. 111—430.

[3] «Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных» в «Известиях и. общества любителей естествознания» и пр., том VIII, вып 2, 1873 года, 157 стр. Etudes sur le passage des oiseaux dans l'Asie centrale Bulletin de la societe des naturalistes, 1880, N 2.

[4] Часть этих отчетов была ранее напечатана в 1 томе «Записок р. географического общества по общей географии», 1867 года, вместе со статьей «Поездка в западную часть Небесного хребта..., от западных пределов Заилийского края до Ташкента» (стр. 75-179).

[5] После смерти Северцова (27 января 1885 г.) вышел «Орографический очерк Памирской горной системы» в «Записках и.р. географического общества, по общей географии», т. XIII, Спб., 1886 года.

[6] «Материалы для геологии туркестанского края. Выпуск 1. Геологический и палеонтологический обзор северо-западного Тяньшаня и юго-восточной части туранской низменности. Составил Г.Д.Романовский». Спб., 1878 г.

Тяньшане и в Кульджинском крае и сделал массу наблюдений для разрешения важнейших вопросов по геологии Туркестана [1]. Сколько известно, он остается единственным пока ученым, совершившим путешествие (в 1878 г.) с Алая к Чатыркулю, по горному массиву, соединяющему Тяньшань с Памирской горной системой. По словам его «Краткого отчета» о путешествии 1875 года, «туркестанское вздутие образовалось не одновременно, а в несколько последовательных, сменявших друг друга периодов, так что поднятие совершилось в продолжение нескольких геологических эпох и, может быть, отчасти продолжается и в наше время, судя по той энергетической метаморфозе, которая наблюдается в большинстве Тяньшаньских пород, хотя прямых доказательств поднятия нет никаких»[2]. Землетрясения 1885 года в восточной части Александровского хребта в окрестностях сел. Беловодского [3], землетрясение 1887 года в средней части Заилийского Алатау, разрушившее город Верный, и землетрясение 1889 года в восточной части того же Заилийского Алатау[4] всего вероятнее объясняются именно продолжающимся поднятием частей Тяньшаньской горной системы. Второе из этих землетрясений вызвало снаряжение особой экспедиции с проф. Мушкетовым во главе, которая, кроме наблюдений, относящихся к землетрясению, способствовала детальному исследованию Заилийского Алатау. И.В.Мушкетов принадлежит к числу немногих путешественников, бывавших почти во всех местностях западного Тяньшаня, и дневники его поездок должны быть дороги не для одной геологии, судя даже только по тем отрывочным заметкам и наблюдениям, которые встречаются в его кратких геологических отчетах. Весьма желательно полное издание этих дневников, на которое еще в 1876 году подана была надежда[5], или, по крайней мере, самая широкая утилизация их в географическом отделе дополнений к «Азии» Карла Риттера. Было бы весьма прискорбно, если бы география Тяньшаня лишилась путевых заметок одного из тех ученых, которыми гордится наша наука.

В 1879 году, горный инженер Д.Л.Иванов совершил поездку в мало известную часть западной оконечности Тяньшаня, ограничиваемую с востока Таласом и с юга бассейном Чаткала. Описание и результаты этого путешествия изложены им в статьях

---

[1] Главные труды И.В.Мушкетова, имеющие отношение к Тяньшаню: «Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 году». Спб., 1876 года в Les richesses minerals du Turkestan russe, Paris, 1878/ «Краткий очерк геологического путешествия на Алай и озеро Чатыркуль летом 1878 г.» в «Горном журнале», 1879 года, т. I, стр. 138-146.. Очерк «Памир и Алай» в томе X «Живописной России», 1885 года, стр. 299-332. - «Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г.», Спб., 1886 года, том первый в двух частях. Les volcans de l'Asie centrale в Bulletin de l'Academie des sciences de St.Petersburg, t. X, p.p. 50-61.

[2] «Краткий отчет» и пр., 1876 г., стр. 23.

[3] Горного инженера И. Игнатьева «Землетрясение в Токмакском уезде в 1885 году» в «Известиях и. р. географического общества» 1886 года, стр. 150 и след.

[4] «Чиликское землетрясение 30 июня 1889 года» И.В.Мушкетова, в приложениях к «Известиям и. р. географического общества», 1891 года.

[5] Подробное описание каждой посещенной местности (говорил И.В.Мушкетов в «Кратком отчете о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 году», Спб., 1876 года, стр. 24) «как в орографическом, так и в геогностическом отношении находится в моем полном дневнике, который я вел в продолжение всего путешествия и который теперь печатается географическим обществом в виде дополнения к переводу труда Риттера».

«Поездка в Алатау в 1879 году»[1] и «Верховья системы Таласского Алатау»[2]. Интересны тут, между прочим, сведения о ледниках, оказавшихся и в этой части Тяньшаня.

Остающихся наименее исследованными в геологическом отношении южных склонов западного Тяньшаня к Таримскому бассейну коснулись изыскания Столички, члена английской экспедиции Форсайта (187 г.), а в 1883 году Вилькинс, состоявший при ген.-майоре Мединском, русском комиссаре для проведения границы с Китаем со стороны Кашгарии, собрал коллекцию минералов, доставленную им. И.В.Мушкетову[3].

В 1886 году, по мысли П.П.Семенова, при участии географического общества, на средства, ассигнованные степным генерал-губернатором Г.А.Колпаковским, снаряжена была, имевшая во главе горного инженера И.В.Игнатьева, экспедиция для исследования горной группы Хан-Тенгри. И.В.Игнатьев из ущелья р.Тургень-Аксу, через перевал Ашутур, прошел на Сары-джаз и произвел осмотр и наблюдения над ледниками Сары-джаза и притока этой реки Адыр-тюра. Затем он перевалил в верховья р. Каракола (бассейна Текеса) и спустился в долину Текеса; направившись по долине Текеса на восток, он обошел Хан-Тенгри с востока по Музартскому перевалу и вернулся назад тем же перевалом. Хан-Тенгри собственно достигнут экспедицией не был; ближайшим на него видом экспедиция пользовалась с верховья Каракола, не менее 25 верст по птичьему полету[4].

Имевший своей задачей ботанические исследования, член той же экспедиции А.Н.Краснов прибыл в Верный значительно ранее г. Игнатьева и совершил до его приезда путешествия к юго-западному берегу оз. Балхаша и устью р.Или, затем в долину р. Текеса до р. Агияза и наконец в Илийскую долину до Суйдуна. По прибытии г. Игнатьева, он проехал с ним на Сарыджаз, когда же экспедиция направилась отсюда в долину Текеса, где г. Краснов уже побывал, то он отделился, осмотрел ледники гор Кюйлю, Иир-таш, Яак-таш и прошел через перевал Бедель, в г. Уч-Турфан с целью ознакомиться с южными склонами Тяньшаня. Возвратившись через Бедель, он спустился на Иссык-Куль через проход Заукучак, обогнул восточную оконечность озера и через перевалы Койсу и Алматы прибыл в последних числах августа в г. Верный. Ознакомившись с обширною полосою восточной части западного Тяньшаня от юго-западной оконечности Балхаша до Уч-Турфана, А.Н. Краснов имел возможность изучить соотношения между растительностью горного поднятия этой части Тяньшаня и

[1] «Туркестанские ведомости, 1880 года, №№ 8, 10, 13, 14, 16. По словам г. Иванова, в верховья Пскема, притока Чирчика, проникали в 1874 году г.г. Корольков и Невесский, с ботаническими целями.
[2] «Известия и. р. геогр. общества, 1881 г., стр. 193-198.
[3] «Туркестан», т. I, 1886 г., стр. 217.
[4] «Предварительный отчет по экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри» д. члена И.В.Игнатьева в «Известиях р. г. общества» 1887 года, т. XXIII, стр. 105-135, с составленной г. Большевым картой, 15 верст в масштабе, на которую нанесены результаты произведенной во время экспедиции глазомерно-маршрутной съемки. В «Записках западно-сибирского отдела и. р. географического общества» 1893 года, книжка XV, вып. I, стр. 109-140, помещена статья топографа экспедиции А.Александрова «Поездка в восточный Тяньшань и к леднику Семенова в 1886 году». В ней, между прочим, содержатся наблюдения над движением ледника Семенова и описание маршрута экспедиции.

растительностью его подножий и прилегающих к ним с севера и юга низменностей и в результате дал замечательный «Опыт истории развития флоры означенной полосы[1].

В своем ботаническом исследовании г. Краснов мог уже пользоваться трудами многих предшественников. Первое путешествие по западному Тяньшаню со специальной ботанической целью было совершено в 1867 году бароном Ф.Р.Остен-Сакеном, при отряде полк. Полторацкого, от Токмака почти до Кашгара[2]. В 1876-1879 годах экскурсировал на пространстве всего Тяньшаня от Ташкента до Турфана и Урумчи, для ботанических изучений, состоявший в то время врачом в Кульдже А.Э.Регель. Из относящихся к западному Тяньшаню его путешествий можно упомянуть о первой его поездке в 1876 году из Ташкента в Кульджу через Чаткал, Талас, Александровский хребет, Мерке и далее по почтовому тракту через Верный до Кульджи[3]. В 1877 г. он ездил на Иссык-Куль и по Тереке й-Алатау, в 1878 г. был на Текесе, в 1879 г. на р. Агиязе[4]. Обильные сборы растений производил также во время поездок по западному Тяньшаню во второй половине семидесятых годов ученый садовник А.М.Фетисов. Им напечатаны в «Туркестанских ведомостях» описания двух его поездок по западному Тяньшаню. В продолжение первой, совершенной летом 1877 года, он из Верного через Тургень и р. Курметы направился на р. Текес и в Музартский проход, отсюда на Иссык-Куль, поднялся по Барскоуну на сырт, спустился отсюда на р. Тосор и через Кутемалды вернулся в Верный[5]. В 1879 году он отправился из Пишпека через проход Шамси на оз.Сонкуль и ур. Куртку; потом через укр. Нарынское он проследовал на Атбаш и Аксай, откуда совершил поездку в горы Коккия и оз. Яшиль-куль, дотоле никаким путешественником не посещенные[6].

Определением и систематизацией растений Туркестана вообще и западного Тяньшаня в частности занимался многие годы покойный директор И. С.-Петербургского ботанического сада Э.Регель. К нему поступили ботанические коллекции, собранные П.П.Семеновым, Н.А. Северцовым, А.Э.Регелем, А.М.Фетисовым, А.А.Кушакевичем и др. Не довольствуясь обширным материалом, доставленным ему многими путешественниками, Э.Регель завел постоянные сношения с учрежденными благодаря попечениям Г.А.Колпаковского казенными садами в г.г. Верном и Пишпеке, приобретая

---

[1] «Опыт истории развития флоры южной части восточного Тяньшаня. Исследование А.Н.Краснова» в «Записках и.р. географического общества, по общей географии», том XIX, Спб., 1888 года. Его «Предварительный отчет о геоботаническом исследовании в восточном Тяньшане и его предгорьях, совершенном летом 1886 г.», был напечатан в «Известиях р. г. общества», 1887 года, стр. 136-174. Кроме того, в журнале «Книжки Недели», сентябрь 1887 года, стр. 1—40, были помещены очерки из тех же поездок «В снегах и льдах восточного Тяньшаня» и в «Сибирском сборнике» 1887 года, стр. 187-206, «Природа и люди на южных берегах озера Балхаша». Об этнографических очерках г. Краснова будет упомянуто ниже.

[2] Sertum Tianschanicum Рупрехта и Остен-Сакена в Memoires de l'Academie des sciences de St.Petersburg, serie VIII, t. XIV, № 4 (1869 г.), с картою.

[3] «Ботаническая экскурсия от Ташкента до Кульджи» в «Туркестанских ведомостях» 1878 г., №№10-13.

[4] Reisen in Central-Asien 1876 - 1879 von dr. A.Regel в Petermann's Mittheilungen, 25 Band, 1879, s.s 376-384, 408-417, с картой.

[5] «Экскурсия в горы Заилийского, Терской и Кунгей Алатау» в «Туркестанских ведомостях», 1878 года, №№ 3 и 4.

[6] «Экскурсия в за-нарынские горы в 1879 году» в «Туркестанских ведомостях» 1881 года, №№ 35-51. Статья эта переведена в Petermann's Mittheilungen, 1881.

через их посредство семена и луковицы тяньшаньских растений для их акклиматизации в Европе, и уделял средства из бюджета управляемого им ботанического сада на ежегодный сбор тяньшаньских растений путем специальных для того поездок. Работы Э.Регеля по Тяньшаньской флоре помещались главным образом в «Трудах и. с-петербургского ботанического сада» и частью в «Вестнике и. российского общества садоводства» и в Gartenflora. При окончании его Descriptions plantarum novarum et minus cognitarum во 2 выпуске VII тома «Трудов и.с-перербургского ботанического сада» (1881 г.) приложена карта Центральной Азии, на которую нанесены пути А.Регеля, барона Каульбарса, барона Остен-Сакена и Северцова.

Первые обстоятельные этнографические сведения о кара-киргизах собраны штабе-к. султаном Чоканом Чингизовичем Валихановым, правнуком Аблай-хана. Он воспитывался в Сибирском кадетском корпусе и поступил, по выпуске, на службу в сибирское линейное казачье войско, «но уже в следующем году был замечен по своим необыкновенным дарованиям и назначен в адъютанты к тогдашнему генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х.Гасфорду[1]. «Знакомство мое с бурутами..., - говорит Валиханов, - началось еще в 1856 г., во время двухмесячного пребывания у восточной половины озера отряда полк. Хоментовского; находясь при экспедиции, я посетил аул Бурамбая, собрал несколько замечательных преданий и составил записку о дико-каменных киргизах. Впоследствии я имел столкновения с...другими племенами - сарыбагышами, солту, и наконец... (в 1858 и 1859 гг.) ознакомился с их кочевьями до самого Кашгара» во время путешествия в китайский Туркестан[2]. Заметки Валиханова о быте, истории, происхождении, преданиях и поэзии кара-киргизов были частью помещены в статье его «Очерки Джунгарии»[3], но преждевременная смерть (в 1865 г., на 31 году от роду, от чахотки) помешала ему обработать и издать значительную часть собранных им материалов. Так, он записал, «со слов киргизского рапсода», один из эпизодов эпопеи о Манасе (именно «тризна по Кукетай-хане»). «Вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумагу. Я занимаюсь переводом и хочу составить маленький словарь...»[4]. В другом месте он писал, что «нашел следы оседлости почти во всей русской Джунгарии и собрал предания, ходящие о них в народе; мне удалось также приобрести несколько золотых вещей и монет, найденных в развалинах древнего Алмалыка. Я намерен изложить этот предмет в особой статье»[5]. «Я вел во время пути и в самом Кашгаре постоянный дневник»[6]. - «После смерти Валиханова, все рукописи его, заключающие обширные и богатые материалы для географии, истории и этнографии средней Азии, перешли в руки отличного знатока киргизских степей и киргизского народа К.К.Гутковского, который и предполагал заняться изданием означенных трудов. Внезапная смерть, постигшая его в прошедшем (1867) году,

[1] «Отчет и.р. географического общества за 1865 г.», Спб., 1866 года, стр. 9.
[2] «Очерки Джунгарии» в книжке 2 «Записок и.р. геогр. общества» за 1861 год, стр. 44.
[3] В «Записках и.р. географического общества», 1861 года, книжка I, стр. 184-200, и книжка 2, стр. 35-58.
[4] «Очерки Джунгарии» в кн. 2 упомянутых «Записок» 1861 года, стр. 53 и 34.
[5] «Записки и.р. географического общества», 1861 года, книжка 1, стр. 194.
[6] Там же, стр. 197.

воспрепятствовала этому. По желанию покойного, все рукописи Валиханова были переданы председательствующему в отделении географии физической П.П.Семенову, который изъявил согласие принять на себя редакцию оных для помещения в «Записках географического общества»[1]. Это высказанное в 1868 году предположение еще, за исключением издания статьи «Поездка Ч.Ч.Валиханова в Кашгар», и осуществилось, но, кажется, будет вскоре выполнено[2].

После Валиханова собирал сведения о кара-киргизах, во время поездки своей в 859 году, Голубев[3], который между прочим писал: «большей частью сведений о черных киргизах обязан я И.А.Бардашеву, переводчику Алатавского округа и отличному знатоку киргизской народности; впрочем многие из них я вторично слышал от самих черных киргиз или татар, торгующих с ними»[4].

В 1859 и 1860 гг. собирал сведения о кара-киргизах во время поездок в Чуйской долине и по Иссык-Кулю М.И.Венюков[5].

Этнографические заметки и наблюдения Валиханова, Голубева и Венюкова, конечно, не лишенные, особенно в свое время, интереса, принадлежали, однако, случайным путешественникам, не специалистам, знакомившимся лишь с некоторыми частями кара-киргизов и, главное, располагавшим для своих наблюдений слишком недостаточным временем[6]. Более основательное изучение быта кара-киргизов и в особенности их языка и поэзии было произведено В.В.Радловым. После исследования северных тюркских наречий в Алтае, Саяне и в восточной части киргизской степи этот ученый лингвист изучал язык и ознакомился с бытом кара-киргизов в продолжение двух поездок, совершенных в 1862 и 1869 годах. Летом 1862 года, с пикета Терс-акканского (на прежнем почтовом тракте из Копала в Верный, между выс. Коксуским и пикетом Алтын-эмельским), В.В.Радлов отправился в аул адбановского старшего султана полковника Тезека, который, узнав о цели путешествия, посоветовал ехать прямо на Иссык-Куль, не делая крюка в Верное. Он дал путешественнику своего

---

[1] «Известия и. р. географического общества», 1868 года, стр. 265.

[2] В протоколах Западно-сибирского отдела географического общества, в книжке XV, вып. I, 1893 г., его «Записок», упоминается о предстоящем издании статей материалов Валиханова под редакцией известного ориенталиста и археолога професс. Н.И.Веселовского, если не встретится затруднений в средствах на это издание.

[3] «Отрывок из путешествия по Средней Азии. Заилийский край. П.Голубева» в «Записках и.р. географического общества», 1861 года, кн. 3, стр. 77-130

[4] Там же, стр. 113. Такие же отзывы о Бардашове, умершем в Верном в 1867 году, давали ПЛ.Семенов, Гейне и другие путешественники. Единственная, сколько известно, печатная статья Бардашова («Заметки о дико-каменных киргизах в выпуске «Материалов для статистики Туркестанского края», 1874 года, стр. 384-390) не отличается, однако, богатством сведений и их интересом. Вероятно, впрочем, что статья эта имела официальное назначение.

[5] «Очерки Заилийского края и причуйской страны» в «Записках и.р. географического общества», 1861 года, кн. 3, стр. 79-116. Статья эта была перепечатана в книге г. Венюкова «Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них», Спб. 1868 года, стр. 121-170.

[6] В «Вестнике и.р. геогр. общества» за 1865 год, стр. 147-151, помещены «Этнографические заметки о Зачуйском крае» С...ова, которые, по словам И.В.Мушкетова («Туркестан», т. 1, 1886 года, принадлежат Н.А.Северцову. Заметки эти слишком кратки и мало интересны, по малому знакомству автора с кыргызами. Позднее, в «Путешествиях по Туркестанскому краю» и пр. Северцов поместил, напротив, много очень интересных заметок о кара-киргизах, с которыми успел лучше ознакомиться, хотя и считал себя «плохим этнографом» («Путешествия» и пр., стр. 16).

«есаула» и снабдил многим нужным для дальнейшего верхового пути. В 40 верстах от аула султана Тезека путешественник перевалил через Алтын-эмельский хребет (золотое седло) и направился к р. Или; через реку эту он переправился на киргизском пароме и через р. Чилик прибыл в горную долину притока этой реки Асы. Тут он пробыл несколько дней, готовясь к поездке на Иссык-Куль. После трехдневного пути от Асы, г. Радлов достиг долины Каркары, где в то время кочевали кара-кыргызы рода бугу. Неожиданные затруднения со стороны находившегося здесь казачьего офицера, вероятно начальника выставленного на лето близ китайской границы военного поста, не дозволили путешественнику совершить задуманную поездку на Иссык-Куль и он должен был через пять дней, отправиться обратно на Асы. К счастью, он нашел здесь (на Каркаре?) одного известного кара-киргизского певца, с которым работал 16 дней, знакомясь с народной поэзией кара-киргизов и особенностями их наречия. С Асов г. Радлов, в сопровождении певца, проехал в укр. Верное и прожил там два дня. Отсюда он направился почтовым трактом до пикета Терс-акканского, а потом, через Юген-таш, в китайскую Кульджу; собрав здесь весьма любопытные сведения об Илийской долине и ее тогдашнем населении, д-р Радлов возвратился через выс. Кокуйский и г. Копал в Барнаул[1]. Во время второй своей поездки к кара-киргизам, летом 1869 года, г. Радлов провел месяц около Токмака в аулах сарыбагышей и султу и отсюда направился по северному берегу Иссык-Куля в Каракол. К сожалению, приобретенная в Чуйской долине лихорадка не дозволила г. Радлову заняться предположенными работами и вынудила из Каракола возвратиться в Барнаул[2]. Плодом этих двух поездок г. Радлова была изданная в 1885 году пятая часть «Образцов народной литературы северных тюркских племен» - «Наречие дико-каменных киргизов». В этой книге помещены кыргызская эпопея Манас, поэмы Иолой-хан и Ер-Тоштюк и несколько лирических произведений. В то же время издан стихотворный немецкий перевод кыргызского текста. Лингвистические исследования г. Радлова находят место в его Vergleicheadar Grammatik der nordlichen Turksprachen, которая выходит с 1882 года выпусками в Лейпциге, этнографические же заметки были частью помещены в статье Observations sur les Kirghis[3], в более же полном и подробном виде напечатаны в первом томе его сочинения Aus Sibirie[4].

При всей компетентности В.В.Радлова, время пребывания его в среде кара-киргизов было, конечно, недостаточно для ознакомления с бытом этого народа во всех его деталях. Эти подробности в значительной степени восполнены наблюдениями Г.С.Загряжского, который в 1867-1870 гг. занимал должность начальника Токмакского уезда, а потом управлял Перовским уездом на Сыр-дарье, получив таким образом возможность одинаково близко ознакомиться с бытом и нравами как каракиргизов, так

[1] Kurzer Bericht iiber eine im Sommer 1862 unternommene Raise in die ostliche Kirgisen-Steppe в Bulletin de l'Academie imp. des sciences de St. Petersburg, t. VI, 1863, ss. 415-420.
[2] «Отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль в 1869 году» в «Известиях и.р. геогр. общества», 1870 г., стр. 96 и сл.
[3] Journal asiatique, 1863, t. П, VI serie, p.p. 309-328.
[4] Leipzig, 1884, s.s. 526-534.

и киргиз-казаков. Его этнографический очерк «Кара-киргизы»[1], обширная статья «Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-дарьи»[2] и несколько мелких статей[3] дают довольный материал для изучения быта кара-киргизов. В позднейших статьях «Юридические обычаи киргиз»[4] и «О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву»[5] он доставил сведения о народном суде и юридических обычаях, между прочим, и у кара-киргизов, но в слишком обобщенном прагматическом изложении, не входя в подробности и не обращая достаточного внимания на особенности кара-киргизских обычаев. В статье бывшего иссык-кульского уездного начальника А.Чайковского «Иссык-Кульский уезд в 1869-1871 гг.»[6] этнографические и другие сведения о кара-киргизах кратки и недостаточны.

В «Известиях и. р. географического общества» 1887 года[7] напечатан «Очерк быта семиреченских киргизов» А.Н.Краснова, относящийся преимущественно к кара-киргизам и вообще интересный, хотя некоторые слишком поспешные выводы автора, основанные на далеко недостаточном знакомстве его с Тяньшаньскими кочевниками во время его очень краткого в среде их пребывания, вызвали справедливые замечания В.В.Радлова и В.П.Васильева[8].

Пробелы и недостатки сведений Загряжского о народных юридических обычаях в значительной степени восполняются собранными Вышнегородским материалами по обычному праву у кара-киргизов Аульеатинского уезда и у киргиз-казаков Сыр-дарьинской области[9].

Начинается и антропологическое изучение кара-киргизов, имеющее значение, между прочим, для определения их расы и происхождения. Уйфальви, около 1877 года, в Фергане, произвел антропологические измерения 26 кара-киргизов[10], а д-р Н.Л.Зеланд, около 1884 года, в Чуйской долине, - 40 кара-киргизов мужчин и 10 женщин[11]. Изучение доставленных этими измерениями данных сравнительно с антропологическими данными о киргиз-казаках и некоторых других тюркских и родст-

---

[1] В «Туркестанских ведомостях» 1874 года № 41.
[2] «Туркестанские ведомости» 1874 года, №№ 25, 27-32. Статья эта перепечатана в «Материалах для статистики Туркестанского края», вып. III, 1874 г., стр. 362-371.
[3] «Аш или тризна по умершем»» в «Туркестанских ведомостях» 1873 г. №1. «Очерки Токмакского уезда» в №№ 9 и 10 «Туркестанских ведомостей» 1873 г.
[4] «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV, Спб., 1876 года, стр. 151-190 г.
[5] Там же, стр. 191-202.
[6] «Туркестанские ведомости» 1872 года, №№ 42—45. В эту статью попало ошибочное сведение о том, что перевал Бедель удобен «даже для колесного пути» (№ 42, стр. 167). Вероятно, отсюда и на карте Н.А.Северцова при его «Путешествиях» и пр. перевал Бедель назван «колесным». Заслуживает еще упоминания по некоторым сведениям о быте кара-киргизов статья «Киргизы Наманганского уезда» в «Турк. вед.» 1881 г. №№ 20-21.
[7] Стр. 436 и след.
[8] Там же, стр. 392.
[9] Н.И.Гродеков «Киргизы и кара-киргизы Сыр-дарьинской области», Том 1, Юридический быт, Ташкент, 1889 года.
[10] Expedition scientifique francaise en Russie, en Siberie et dans le Turkestan, par Ch. E.Ujfalvoy de Mezo-Kovesd, Paris, 1881, vol III, и отдельно изданная брошюра Resultuts antropologiques d'un voyage en Asie centrale par Ch.E.Ujfalvy de Mazo-Kovesd, Paris, 1880.
[11] «Киргизы, этнологический очерк» в «Записках западно-сибирского отдела и.о. географического общества», книжка VII, вып II, Омск, 1885 года.

венных им народностям начато в обширном, не оконченном еще труде А.Н.Харузина «Киргизы букеевской орды»[1].

Весьма важны для этнографических исследований рисунки и в особенности фотографии лиц различных народностей и их бытовой обстановки. К сожалению, фотографии населения и видов западного Тяньшаня редки в туркестанском альбоме К.П.фон Кауфмана, имеющемся в географическом обществе; они чаще встречаются в семиреченском и кульджинском альбоме Г.А.Колпаковского[2]. Сопровождавший П.П.Семенова во время путешествий 1867 года художник Павел Кошаров составил альбом из 70 рисунков большого формата и два альбома рисунков малого формата: один этнографический, состоящий из изображений одежды, утвари и оружия дикокаменных киргизов, другой - из разных изображений, приготовленных для политипажей. Географическое общество приобрело у г. Кошарова за 400 р. 50 рисунков большого формата и оба малых альбома[3]. Известный наш художник В.В.Верещагин проезжал в 1868 году по почтовому тракту из Ташкента через Верный в Илийскую долину, на границу с Кульджой, но внутрь Тяньшаня не проникал.

Перу художника Н.Н.Каразина принадлежит очерк поездки на Иссык-Куль[4], относящийся к тому же роду произведений, как описания и рассказы Аткинсона. И здесь действительность так густо и причудливо затенена туманными фантастическими узорами, что довольно трудно выяснить: описывается ли действительно совершенная поездка или весь очерк есть создание фантазии? В очерке так мало указаний на местности, так мало имен, а встречающиеся так искажены, и в фактах так много ошибок, что очень возможно последнее заключение. Целью поездки был «аул Джергаллы», под которым разумеется приток Иссык-Куля Джиргалан; в числе горных рек, впадающих в «Иссык-Куль с юго-восточной стороны», названа «Каскыр-Дарья»: кроме Кошкара нет подходящей к приведенному имени реки в бассейне Иссык-Куля, но Кошкар протекает близ западной оконечности озера. Проводником у путешественника был кара-киргиз, имевший 17 лет от роду, который «12 лет грабил с шайками горных барантачей и только год назад оставил свой промысел»: мудрено поверить возможности пятилетнего грабителя, да и существование каких-то горных шаек барантачей по условиям местной жизни кочевников невероятно. Путешественник наш заметил, что щели в потолках землянок дровосеков в Заилийском Алатау «плотно заделаны мхом»: моху в этом хребте и вообще в западном Тяньшане совсем нет. На юго-восточном берегу Иссык-Куля автор участвовал в охоте на куланов и джигетаев, при которой убито 9 куланов и 6 поймано живыми: куланов на Иссык-Куле совсем не водится. По описанию нашего путешественника, женщины у калмыков, которых он

[1] «Известия и. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», т. LXIII, 1889 г., и т. LXXII, 1891 года.
[2] Последний альбом имеется в географическом обществе, а также в музее томского университета, где он состоит из 115 листов большого формата («Археологический музей томского университета», Томск, 1888 года, стр. 114 и 115).
[3] «Вестник и. р. географического общества», 1858 года, часть 23, приложения, стр. 24.
[4] «Из Центральной Азии, очерк первый», в журнале «Дело», 1872 года, № I, стр. 63-103.

нашел на р. Чилике, красят себе зубы «в черную краску»[1]: более 15 лет имел я сношения с элетами, кочевавшими в Семиреченской области, но не видывал калмычек с крашенными зубами. Когда «на Джергатале» путешественник слушал песню известного певца-импровизатора о подвигах Кенисары «и его несчастной любви, об измене его друзей и, наконец, о его геройской смерти», то хозяин-кыргыз шепнул ему, что певец «сам был все время с Кенисарой, и тогда уже он был седой старик»: более чем позволительно усомниться, чтобы кара-киргиз был сподвижником Кенисары против своего народа. Многие недоразумения г. Каразина объясняются неимением при нем переводчика, когда собственные его сведения в кыргызском языке, вероятно, ограничивались десятком или двумя слов[2].

Для занятия Заилийского края, изображения западного Тяньшаня на картах были основаны на китайских сведениях, иногда неверных и часто неправильно понятых, а также на расспросах и даже на разных предположениях[3]. Первая карта Алатавского края и озера Иссык-Куля составлена топографом Нифантьевым, который посетил Алатавский край, по словам М.И.Венюкова, в 1847 году[4]. «В Европе принимают до сих пор (писал П.П.Семенов в 1856 году) карты Ханыкова и Нифантьева за съемочные, да и в России не все знают, что Нифантьев никогда не был на Иссык-Куле и составил свою карту с многочисленных показаний киргизов»[5]. Съемка Иссык-Куля начата была летом 1856 года, во время пребывания на восточном побережье отряда полк. Хоментовского; съемка эта, производившаяся в 2-верстном масштабе, в продолжение двух месяцев доведена была на северном берегу до р. Кунгей-Аксу и на южном до р. Зауку. Западная оконечность Иссык-Куля и Буамское ущелье нанесены были на план глазомерно в том же году, при сентябрьской поездке П.П.Семенова[6]. Эти-то съемки и послужили материалом для первой основанной на положительных данных карты Иссык-Куля, бассейнов Чилика и Нарынов и верхней части долины р. Чу с прилегающими частями Тяньшаня, которая приложена к статье П.П.Семенова. «Первая поездка на Тяньшань и пр. в 1857 году» в «Вестнике и. р. географического общества» 1858 г. (№5)[7]

---

[1] Отсюда у Элизе Реклю («Земля и люди», том VI, Азиатская Россия, Спб., 1883 года, стр. 339) «женщины некоторых племен (калмыцких) имеют привычку чернить себе зубы».

[2] В очерке г. Каразина есть только одно местное название, неизвестное тамошним тюркским кочевникам и принадлежащее монгольскому языку: это горы Мерген-шера около Чилика, где он и мог слышать это название от калмыков. Но это же имя (Мерген-шер) можно прочесть на карте кирг. степи Полторацкого и Ильина 1867 года.

[3] На «Гипотетической карте Памира и вершин Сыр- и Аму-дарьи», приложенной к статье Пл.Чихачева «О исследовании вершин Сыр- и Аму-дарьи и нагорной площади Памир» в «Записках и.р. географического общества» 1849 года (кн.3, стр. 20-49), нынешний Заилийский Алатау и Александровский хребет названы горами Боролдай, но есть и общее название «горы Алатау» для гор Боролдай и южного хребта, прилегающего к северному берегу Иссык-Куля; изображен также здесь, согласно предположению Гумбольдта и Риттера, оказавшийся потом на самом деле не существующим хребет Болор, начинающийся от р. Инда, почти у города Аттока, и проведенный между городами Коканом и Маргеланом до Каратау и Боролдая; река Чу означена вытекающей из Иссык-Куля.

[4] «Записки и. р. геогр. общества», 1861 года, книжка 4, стр. 93 и «Вестник» того же общества, 1860 г., кн. 10, «Замечания об озере Иссык-Куле и реке Кошкар».

[5] «Вестник и. р. географического общества», 1856 года, часть 18, кн. 5, географические известия, стр. 30.

[6] Там же, стр. 29.

[7] По тем же материалам составлена и карта, приложенная к Petermann's Mittheilungen, 1858.

В 1858 г., в числе материалов для предполагавшегося атласа к переводу «Азии» Риттера, П.П.Семенов упоминал о труде професс. Захарова, «принявшегося за составление карты внутренней Азии, между меридианами Пекина и Кокана и параллелями Алтайского и Гималайского хребтов, на основании подлинного текста и карта съемочной комиссии царствования Цян-луня и самых лучших китайских описаний и материалов, оставшихся недоступными для европейских синологов».

Начатая в 1856 году подробная съемка Иссык-Куля была закончена в 1860 году омскими военными топографами под начальством М.И.Венюкова. Чуйская долина снята была при рекогносцировках и экспедициях 1859 и 1860 гг. В 1862 году шт.-капитан Проценко дополнил съемку Иссык-Куля рекогносцировками ущелий Терскей-Алатау и проходов с озера на сырт, а в 1863 г., во время движения отряда того же г. Проценко к Куртке, были произведены съемки на пути от Иссык-Куля до Куртки через Сонкуль. Летом 1867 г., во время экспедиции полк. Полторацкого и барона Остен-Сакена к Кашгару и обратно, и осенью того же года, при путешествии Н.А.Северцова, были также произведены топографами съемки, доставившие материалы для картографии Нарынского и Аксайского бассейнов. Подножия Александровского хребта нанесены были на план в 1863 году при рекогносцировке подп. Лерхе, местности же от Аульеата до Ташкента сняты были в 1864 году во время похода Черняева.

Ко времени учреждения туркестанских генерал-губернаторства и военного округа (1867 г.), многие местности вошедшего в русские пределы Тяньшаня оставались неснятыми на планы[1]. Поэтому, не довольствуясь рекогносцировками, произведенными в 1868 году по распоряжениям начальника строившего укр. Нарынское отряда ген. Краевского[2], К.П. фон Кауфман нашел необходимым командировать в 1869 году, для съемок в нарынском Тяньшане, партию военных топографов под начальством барона А.В.Каульбарса. Последний изложил результаты своих рекогносцировок в статье «Материалы по географии Тяньшаня, собранные во время путешествия 1869 года», вошедшей в состав пятого тома «Записок и.р. географического общества, по общей географии»[3]. Этнографические сведения этой статьи кратки и неполны. В числе интересных ее мест можно указать описание впервые осмотренных ледников гор Акшийряк, дающих начало вершинам Нарына Яак-ташу и Карасаю.

---

[1] На «Карте киргизской степи с пограничными частями среднеазиатских владений» г.г. Полторацкого и Ильина (объяснительная к ней записка датирована 1 ноября 1865 года; см. «Записки и. р. геогр. общества, по общей географии», том 1, 1867 года, стр. 74) некоторые местности русского Тяньшаня нанесены «с карты г. Захарова» (там же, стр. 73).

[2] Г.-м. Краевский делал в 1869 году в географическом обществе сообщение о среднем Тяньшане («Известия» геогр. общества за 1869 г., стр. 100 и след.). В октябре 1868 года проезжал от Нарына к Кашгару и в ноябре того же года следовал обратно капитан П.Я.Реинталь, доставивший в геогр. общество расспросную карту местности между Нарыном и Кашгаром и сделавший сообщение о своей поездке 28 января 1869 года («Известия» 1869 года, стр. 39-41). Поездка эта описана также в статье Реинталя «Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре» в №№ 5 и 6 «Военного сборника» за 1870 г. (стр. 143 - 186 и 335-390).

[3] Спб., 1875 года, стр. 259-455. Оглавление этой статьи: горы, перечисление хребтов, реки, озера, леса, ледники, пути сообщения. К статье приложена «Карта Нарынского края по рекогносцировкам в 1868 и 1869 г.г.» и маршрута (на стр. 456 - 539). В «Турк. вед.» 1874 г. №2 есть описание пути от Чатыркуля до Кашгара того же автора.

В семидесятых и восьмидесятых годах в долинах Иссык-Куля, Чу и Таласа произведены были в разное время съемки для отвода земель под русские поселения. В 1876 и 1877 г.г. нанесены были на планы капитаном Ларионовым горные проходы в Терской-Алатау[1]. Осенью 1878 года геодезист «А.И.Скасси, исследуя пространство между реками Сусамыром и Нарыном в пределах Ферганской области, сделал съемку в 800 верст и определил 5 астрономических пунктов»[2]. В 1880 году, в виду угрожавшей войны с Китаем, делались рекогносцировки горных проходов на южных окраинах западного Тяньшаня по границе с Кашгарией. В 1882 и 1883 гг., при постановке знаков на проводившейся границе с Китаем, произведены были съемки приграничной полосы и в западном Тяньшане.

Результаты перечисленных и других менее важных и менее известных съемок и рекогносцировок, произведенных почти исключительно военными топографами, сосредоточивались до 1868 года в омском, с 1868 по 1882 г. в Туркестанском военно-топографических отделах, а с 1882 года, со времени перехода Семиреченской области в состав Омского военного округа, распределяются между двумя этими отделами.

Первая, составленная Туркестанским военно-топографическим отделом и изданная в 1872 году, в масштабе 40 в. в дюйме, карта Туркестанского генерал-губернаторства вмещала в себе весь западный Тяньшань, но далеко уступала в изображении центральной его части «Карте центрального Тяньшаня, окрестности озера Иссык-Куля» Н.А.Северцова, приложенной к его «Путешествиям по Туркестанскому краю» и пр. (Спб., 1873 г.). Эта карта Северцова интересна как по своим достоинствам, для своего времени, так и по подробному указанию ее источников[3], тогда как таких указаний составители карт, особенно издаваемых официальными учреждениями, обыкновенно не делают, почему часто весьма трудно составить понятие о степени достоверности показаний подобных карт. Последующие издания туркестанской карты (1877 г. и особенно 1882 года, на 16 листах, в масштабе 40 в. в дюйме) дали уже более верные и подробные данные, обогащенные показаниями барометрических высот. Лучшею для ознакомления с западным Тяньшанем картою считается в настоящее время изданная в 1885 году Омским военно-топографических отделом карта военного округа, в которой утилизированы различные съемки и рекогносцировки в пограничной с Китаем полосе за предшествовавшие годы. Наиболее подробные и дополненные новейшими данными должны быть относящиеся к Тяньшаню листы десятиверстной карты Омского военного округа, вновь изданные в последние годы, тем более, что чинами омского отдела определено в недавнее время значительное число новых астрономических пунктов. Тем не менее вполне удовлетворительной карты западного Тяньшаня придется ждать еще долго и ввиду все еще недостаточного количества астрономических точек, особенно в самых гористых местностях, и ввиду того, что не-

[1] «Туркестанские ведомости» 1876 года № 49 и 1878 № 41.
[2] «Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. Путешествия Г.Н.Потанина», Спб., 1893 года, том 1, предисловие П.П.Семенова, стр. XV.
[3] «Путешествия по Турк.краю» и пр. 1873 года, стр. 437-452.

обходима новая правильная сплошная съемка значительных пространств взамен прежних вообще мало надежных, разновременно произведенных, глазомерных съемок и рекогносцировок.

После китайских определений XVIII столетия (р. Конур-улен, на южном берегу Иссык-Куля), «сколько известно, более точные данные для нанесения укр. Верного, и с ним соседнего Иссык-Куля, на карту, были добыты впервые г. Ворониным, топографским офицером, который наблюдал высоту солнца секстантом, им самим сделанным»[1]. Однако, первым серьезным определением широты и долготы Верного нужно считать сделанное Голубевым в 1859 году, когда им астрономически определены также устье р. Тюпа, ур. Кутемалды, китайская Кульджа, устье Каркары, р. Сумбе, устье Чон-Музарта[2]. Затем (в 1867 г.?) К.В.Струве определил широту и долготу укр. Токмак на р. Чу и почтовой станции Аксу[3]. В 1872 г. Шарнгорст совершил астрономические определения по пути из Токмака в Кашгар[4]. Самые многочисленные определения прежних и новых пунктов сделаны были на Иссык-Куле полк. Ю.Шмидтом в 1892 году. Он дал широты и долготы г. Пржевальска (на р. Караколе), села Преображенского (р. Тюп), села Сазановки (р. Кунгей-Аксу), дер. Сливкиной (р. Кызыл-су), почтовой станции Кутемалды, устья р. Барскоуна, села Зайцевского (на р. Чилике) и пр. Горизонт озера Иссык-Куля, по среднему выводу из многих барометрических наблюдений в разных пунктах, определяет он в 5150 ф.[5], но, конечно, может быть получена более точная цифра при применении многолетних барометрических наблюдений, производящихся на метеорологической станции г. Пржевальска.

Определения высот, для выяснения рельефа страны, имеющего столь важное влияние на ее климат, растительную и животную жизнь, были начаты в западном Тяньшане уже П.П.Семеновым, сделавшим многие наблюдения температуры кипения воды. Голубев определил высоту укр. Верного, озера Иссык-Куля (5300 ф.) и некоторых других пунктов посредством барометра и хлопотал об устройстве регулярных метеорологических наблюдений[6]. Н.А.Северцов выполнил во время своих поездок 1864 года многочисленные барометрические определения высот в Заилийском Алатау и, особенно, в Александровском хребте[7]. Произведены были также барометрические наблюдения в 32 пунктах при поездке П.Я.Рейнталя в Кашгар в 1868 году, при рекогносцировках бар. Каульбарса в 1869 году, при поездке А.В.Буняковского в верховья

[1] М. Венюков «Путешествия по окраинам русской Азии» и пр., стр. 108.
[2] «Отчет о результатах иссык-кульской экспедиции» в «Вестнике и. р. г. общества», 1860 года, № 4, стр. 196 и 197. Северцов «Путешествия по Турк. краю» и пр., стр. 437.
[3] Северцов «Путешествия» и пр., стр. 438.
[4] Там же, стр. 439, и «Известия» геогр. общ., 1873 г.
[5] «Список астрономических пунктов, определенных в Сибири и в степном ген.-губернаторскте с 1884 по 1893 г.», в «Записках западно-сибирского отдела р. геогр. общества», книжка XV, вып.1, стр. 103-108, Омск, 1893 года.
[6] «О средне-годичной температуре и состоянии барометра в укр. Верном» в «Вестнике» геогр. общества 1860 г., кн. 11.
[7] «Записки р. г. общества, по общей географии», том 1, 1867 г., стр. 156-159. Северцев также пытался устроить метеоролог, наблюдения в Верном и на Иссык-Куле («Путешествия» и пр., стр. 100).

Чирчика и на Нарын[1], и при путешествиях других лиц. Недавно напечатаны барометрические определения экспедиции к Хан-Тенгри 1886 года[2] и полк. Шмидта 1892 года[3]. Уже к половине семидесятых годов определения высот были настолько многочисленны, что оказалось возможным изготовить рельефную карту озера Иссык-Куля и окружающих его хребтов, хранящуюся в географическом обществе. Сделанное в конце 1892 года в омском военном собрании сообщение полк. Шмидта «Орографический очерк семиреченского Тяньшаня и озера Иссык-Куля» было иллюстрировано рельефной картой Семиреченской области в масштабе 10 в. в дюйме для горизонта и в 2 в. в дюйме для рельефа[4].

Для изучения климата, температуры, влажности, ветров и пр., помимо более или менее случайных отрывочных наблюдений и заметок путешественников, в настоящее время имеются уже весьма ценные материалы в наблюдениях метеорологических станций в г. Пржевальске, укр. Нарынском и г. Верном, учрежденных в 1884 году степным ген-губернатором Г.А.Колпаковским. Результаты этих наблюдений печатаются в «Трудах главной метеорологической обсерватории».

Кроме ученых путешественников, имевших в виду научное изучение западного Тяньшаня, северные подножия его (почтовый тракт из Сибири и Верного в Ташкент) и, в виде исключения, некоторые другие местности, были посещаемы туристами и другими лицами, проезжавшими по служебным, торговым и иным надобностям и издавшими описания своих поездок или относящиеся к ним заметки. В некоторых из этих описаний и заметок встречаются сведения и факты, не лишенные научного интереса, а потому будет не лишним указать некоторые из них, выдающиеся по своему содержанию или известности авторов.

Так, заметки подполк. Хорошхина[5] «От Ташкента до Токмака» содержат, между прочим, этнографические сведения о кара-киргизах; поездка Хорошхина относится, кажется, к 1868 году. Сопровождавший туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана в его поездках из Ташкента в 1870 году в г. Верный ив 1871 году в Кульджу тогдашний редактор «Туркестанских ведомостей» Н.А. Маев написал очерки «От Ташкента до Верного» и «От Ташкента до Кульджи»[6], в которых есть сведения о подножиях западного Тяньшаня от Ташкента до Илийской долины. Сведения о той же местности и о кара-киргизах сообщали в описаниях своих путешествий Петцольдт (1871

[1] «Новейшие геогр. известия из ср. Азии» 1870 г., стр. 25 - 27, и «Известия» геогр. общества 1869 года, вып. 5, стр. 367.
[2] «Записки западно-сибирского отдела и. р. геогр. общества», книжка XV, вып. 1, 1893 года, стр. 139 и др.
[3] Там же, стр. 103-108.
[4] «Русский инвалид», 1893 года, № 34.
[5] «Сборник статей, касающихся Туркестанского края» А.П.Хорошхина, Спб., 1876 года, стр. 15-26. Содержание этой статьи: Дорога до Аульеата, Манкент. Горы Алатау и Каратау. Аульеаты. Коканские и наши крепости. Кара-киргизы. В том же «Сборнике» есть статья «Очерки Семиречья» (стр. 300-395), относящаяся почти исключительно к Кульджинскому краю.
[6] «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 2, Спб., 1873 года, стр. 336-350 и 294-325. Там же есть небольшой очерк С.Янчевского «Из путевых заметок. Дорога на Нарын», стр. 326-335.

г.)[1], Скайлер (1873 г.)[2] и Ленсдель (1881 г.)[3]. В 1884 г. совершил поездку по западному Тяньшаню, от Верного на Иссык-Куль и долиною Нарына в Фергану, профессор Казанского университета Н.В.Сорокин[4].

Разные географические, этнографические и статистические сведения о западном Тяньшане и его населении встречаются в книгах Л.Ф.Костенко, относящихся к Туркестанскому краю[5], но автор, пользуясь главным образом канцелярскими материалами, не подвергал их надлежащей критической поверке и обработке. Наблюдения его и выводы вообще неглубоки и часто не отличаются определенностью. Послужив в свое время, небесполезным, за неимением лучшего, источником для получения некоторых, особенно статистических, сведений о русском Туркестане, книги Костенко почти лишены научного значения.

Многочисленные и часто немаловажные материалы для изучений западного Тяньшаня и его населения рассеяны в «Туркестанских ведомостях», которые начали издаваться с 1870 года, в «Материалах для статистики Туркестанского края» (пять выпусков), в изданиях географического общества, в «Военном сборнике» и пр., а также в обзорах и отчетах губернаторов и генерал-губернаторов и в других официальных изданиях.

[1] Umschau im Russischen Turkestan (im Jahre 1871). Leipzig, 1877.
[2] Turkistan by Eugen Schkyler, in two volumes, London, 1876.
[3] Russian Central Asia ets., in two volumes, London, 1885.
[4] «Путешествие по русскому Тяньшаню в 1884 году» в «Известиях» геогр. общества за 1885 год, стр. 113-130, и «В горах и долинах р. Тяньшаня» в «Историческом вестнике» 1886 года, май (стр. 360-386) и июнь (стр. 628-656).
[5] «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности», Спб., 1870 года. Из отдельных статей Костенко относятся к Тяньшаню «Очерки Семиречья» и «Краткая характеристика великого Тяньшаньского нагорья» в «Военном сборнике» 1872 года № 12 и 1878 года № 7.

www.bizdin.kg электрондук китепканасы

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература и источники в труде Н.А.Аристова «Усуни и кыргызы или кара-киргизы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии»[1]

1. Абрамов Н.А. Описание Березового края // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Т. XII. - Спб, 1857.
2. Абрамов Н.А. Копал с его округом в 1862 г. // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по общ. геогр. - Спб, 1862.
3. Абрамов Н.А. Алматы, или укрепление Верное с его окрестностями // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по общ. геогр. Т. I. - Спб, 1867.
4. Абрамов Н.А. Арасанские минеральные ключи в Семипалатинской области // Вестн. И. Русск. Геогр. Общ. Ч. 23. - Спб, 1858.
5. Абрамов Н.А. Река Каратал с ее окрестностями // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по общ. геогр. Т. I. - Спб, 1867.
6. Абрамович С. Описание озер и рек Семипалатинской и Семиреченской областей // Вестн. рыбопромышленности. - 1889.
7. Автобиография А.О.Дюгамеля // Русск. архив. - 1875. - № 7, 10.
8. Адриянов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по общ. геогр. Т. XI. - Спб, 1888.
9. Алфераки С. Кульджа и Тянь-Шань. Путевые заметки, 1891 // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по общ. геогр. Т. XXIII. №2. - Спб, 1891.
10. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков с принадлежащими и касающимися до сего народа дополнениями и прилежащих к Российской границе Сибирской линии по части Колыванской и Тобольской губерниях (к) крепостям, собранное 1785 года капитаном Андреевым // Новые ежемесячные сочинения. Ч. CXV - CXVIII. 1795 - 1796 (2-е полное изд.: Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / Составление, транскрипция скорописи XVIII в. и комментарии И.В.Ерофеевой. - Алматы: Былым, 1998. - 280 е.).
11. Андриевич В. К. История Сибири. Ч. I. Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. - Спб, 1889.
12. Антропологическая выставка 1879 года // Изв. И. Общ. Любит. Естеств, Антро- пол. и Этногр. при Московском университете. Т. 31.

[1] Литература на иностранных языках, приведенная Н.А.Аристовым в работе, в данный список не включена, так как выверить ее не представляется возможным. В отдельных случаях год, место и другие элементы библиографического описания изданий, вошедших в список, не уточнены из-за отсутствия этих изданий в республике и библиографических указателей с их упоминанием.

13. Анучин Д.Н. Племя айнов // Изв. И. Общ. Любителей Естеств, Антропол. и Этногр. Т. 20.-М, 1876.

14. Арандаренко Г.А. Каратегин (По расспросным сведениям) // Военн. сб. - Спб, 1878.- №5.

15. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874 - 1889. - Спб, 1889.

16. Археологические известия и заметки, издав. Московским археол. общ. - М, 1893.- №3-4.

17. Археологический музей Томского университета. - Томск, 1888.

18. Архив Государственного Совета. Т.I, ч.2. - Спб., 1869.

19. Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмака // Зап. Акад. наук Т. 52. - М., 1886.

20. Археологические памятники в Семиречье и в Кульджинском крае // Турк. вед. - 1879.-№43.

21. Астраханские губернские ведомости. - Астрахань. - 1860, № 46.

22. Аулиеата. 24 июля 1892 г. // Турк. вед. - 1892. -№31.

23. Африканов А.М. Урянхайская земля и ее обитатели // Изв. Вост. Отд. И. Русск. Геогр. Общ. Т. 21.- 1890.

24. Бабур. Записки Бабера (Бабер-намэ. Ильминский. Казань, 1857) / Пер. с джагатайского (узбекского) С.И.Полякова // Ежегодн. Ферг. обл. Т. III. - Нов. Маргелан, 1904 (Записки Бабура на фр. яз. изданы в 1871 г. в Париже).

25. Баласагуни Юсуф. «Кудатку-Билик» - факсимиле уйгурской рукописи Имп. королевской библиотеки в Вене. Изд. по поручению Спб. Академии наук В.В.Радловым. - Спб., 1890.

26. Балицкий Ю. Заметки о кочевом населении Верненского уезда // Турк. вед. - 1873.- №6.

27. Балкашин. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. - Спб., 1887.

28. [Бантыш-Каменский Николай]. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 год, составленное по документам Николаем Бантыш-Каменским. Изд. В.М.Флоринского. - Казань, 1882.

29. Бардашев И.А. Заметки о дикокаменных киргизах // Мат. для стат. Турк. края: Ежегодн. Вып. III. - Спб., 1874.

30. Бардашев И.А. Сведения о дикокаменных киргизах. - Турк. вед. - 1879. - № 15.

31. Баторский А.А. Монголия. Ч. I. - Спб.

32. Березин И.Н. Русский энциклопедический словарь. Т. III. - Спб., 1878.

33. Биддолъф (Биддельф). Народы, населяющие Гиндукуш // Соч. майора Биддель-фа / Пер. П.Лессора. - Асхабад, 1886.

34. Бородин. Уральское казачье войско. Т. 1. - 1841.

35. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского. Ч. 1-2. - Спб., 1829.

36. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. - Спб., 1833.

37. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. - Спб., 1834.

38. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 ч. Ч. 1. - Спб., 1851.

39. Броневский С.Б. Записки ген.-м. Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // Отеч. зап. Ч. 42.- 1830.

40. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири. Т. 1. - Спб., 1872.

41. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарин) в 1858 - 1859 году // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отд. этногр. Кн. 3 (То же см.: Валиханов Ч. Ч. Соч. - Спб., 1904).

42. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии (с двумя портретами дикокаменных киргизов) // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 1-2. - Спб., 1861.

43. Валиханов Ч. Ч. Поездка Ч.Ч.Валиханова в Кашгар // Изв. И. Геогр. Общ. Т. IV. - 1868.

44. Вамберн Герман. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнародованным и необнародованным рукописным историческим источникам. Т. 1 / Пер. А.И.Павловского. - Спб, 1873.

45. Васильев В.П. История и древности Восточной части Средней Азии. - 1859.

46. Васильев В.П. Об отношениях китайского языка к средне-азиатским // Журн. Мин. нар. проев. Ч. 163. - Спб, 1872 (сент.).

47. Васильев В.П. Записки по буддизму // Зап. Акад. наук. Т. 57. - Спб, 1889.

48. Васильевский В.Г. О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан // Журн. Мин. нар. проев. - Спб, 1882 (июль).

49. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч.Н. - 1864.

50. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках от X до XIII века с приложением китайских известий о киданях, чжуржитах и монголо-татарах // Тр. Вост. Отд. Русск. Археолог. Общ. Ч. IV. - Спб, 1853.

51. Венюков М.И. Замечания об озере Иссык-Куле и реке Кашгаре // Вестн. И. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXX. Кн. 10. - Спб, 1860.

52. Венюков М.И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 4 (То же в кн.: Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. - 1868).

53. Венюков М.И. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. - Спб, 1868.

54. Верещагин В.В. Воспоминания художника В.В.Верещагина // Русская старина. - Спб, 1889 (окт.).

55. Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. - Спб, 1877.

56. Вестник Европы. -Спб, 1870. -№8, 9; 1871.-№8.

57. Вестник И. Русск. Геогр. Общ. Приложение. - Спб, 1858.

58. Византийские историки Dexcunn и др. / Пер. с греч. Спиридона Деступиса. - Спб, 1860.

59. Влангали Г. Геологическая поездка в Восточную часть киргизской степи в 1841 и 1851 гг. 4.2.-Спб, 1853.

60. Ванжани Н. Бегство калмаков в Китай в 1871 г. // Уральские войсковые ведомости.- 1869. -№ 10.

61. Вестник И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 3: Смесь. - 1851.

62. Военный сборник. - Спб, 1870. - № 5.

63. Военный сборник. - Спб, 1877. - № 4.

64. Воронин и Нифантьев. Сведения о дикокаменных киргизах // Зап. И.Русск. Геогр. Общ. Кн. 5.-1851.

65. Восточный сборник. Т. 1. - Спб, 1877.

66. Восточное обозрение. - Спб, 1885. - № 3.

67. Восточное обозрение. - Спб, 1886. - № 50.

68. Временник Московского общ. истории и древностей российских. Кн. 13. Разные бумаги ген.-майора Тевкелева. - 1852.

69. Вышнегородский А. Предания из калмыцкого времени у современных каракиргизов Аулиеатинского уезда // Тр. Сыр.-Дар. обл. стат. комитета 1887-1888 гг. - Ташкент, 1888.

70. Галкин А.К. К вопросу об иссык-кульских древностях //Турк. вед. - 1891. - №40.

71. Галстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. - 1880.

72. Географический очерк Гиссарского бекства // Турк. вед. - 1877. - № 7.

73. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестане. 1867 // Зап. И. Русск. Георг. Общ, по отд. статист. Т. 1. - Спб, 1868.

74. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих досто-примечательностей. Часть 2. О народах татарского племени. - Спб, 1772 (2-е изд: Спб, 1795; 3-изд. - Спб, 1799).

75. Гейне А.К. Киргизские очерки // Военн. сб. - Спб., 1866. - № 6.

76. Голубев А. Заилийский край // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 3. - Спб., 1861.

77. Голубев А. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции // Вести. И. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXVIII. Отд. 1. - 1860.

78. Гейнкель И. Надписи долины Орхона // Вост. обозр. - Спб., 1891. - № 13, 14.

79. Герн Вл.,фон. Поездка в долину оз. Иссык-Куля // Семипалат. областные вед. - Семипалатинск, 1890. -№ 31, 33.

80. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX - XIII вв. - Киев, 1884.

81. Гнльфердинг. Собр. соч. Т. 1. - Спб., 1868.

82. Гребенкин А. Ремесленная деятельность таджиков Заравшанского округа // Мат. для стат. Турк. края: Ежегодник. Вып. И. - Спб., 1873.

83. Григорьев В.В. Кабулистан и Кафирнаган. - 1867.

84. Григорьев В.В. Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии // Журн. Мин. нар. проев. Ч. 163. - Спб., 1872 (сент.).

85. Григорьев В.В. Караханиды // Тр. Вост. Отд. И. Русск. Археол. Общ. Ч. 17. - Спб., 1874.

86. Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. - Ташкент, 1889.

87. Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до половины X века. - Спб., 1881.

88. Гуляев. Заметки об Иртыше // Вестн. И. Русск. Геогр. Общ. Ч. 3. Кн. 5. - Спб., 1851.

89. Д.К. Письма с русской границы // Вост. обозр. - 1892. - № 2.

90. Дела 1861 г. (№ 89, 224) Архива Алатавского окр. упр. (затем упр. Верненского уезда).

91. Дела пристава киргизов (каз.) Большой орды 1853 г. (№ 8, 15).

92. Дела Сергиопольского окр. приказа: 1840 г. - № 993; 1844 г. - 1137, 1123, 1652; 1845 г. — № 1391; 1846 г.-№ 1647; 1862 г.-№ 171.

93. Дополнения к актам историческим / Изд. Археологической Комиссии. - Спб. - Т. 3,4, 5,6 (1857); 7,8 (1862); 10 (1867), 11.

94. Древнее укрепление на речке Чингильды // Тобольск, губ. вед. - Тобольск, 1867.-№50.

95. Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. - Спб., 1764 (первое полугодие).

96. Ефремов Филипп. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарин, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. - Спб., 1786 (2-е изд.: Спб., 1794. - 110 е.; 3-е изд «вновь переработано и дополнено биографическими сведениями о Ефремове магистром исторических наук Петром Кондыревым». - Казань, 1811).

97. Живописная Россия. Т. X. Русская Средняя Азия. - Спб., 1885.

98. Житецкий И. Астраханские калмыки в двух очерках // Сб. тр. Петровского общ. исследователей Астраханского края. - Астрахань, 1892.

99. Журнал Министерства народного просвещения. Т. 44. - Спб., 1844.

100. Журнал Министерства народного просвещения. - Спб., 1883. -№ 6.

101. Загряжский Г.С. Киргизские очерки: аш или тризна по умершему // Турк. вед. - 1873.-№ 1.

102. Загряжский Г.С. Очерки Токмакского уезда // Турк. вед. - 1873. - № 9, 10.

103. Загряжский Г.С. Кара-киргизы // Турк. вед. - 1874. -№41.

104. Загряжский Г.С. Быт кочевого населения Чу и Сыр-Дарьи // Турк. вед. - 1874. - №25, 27-32.

105. Загряжский Г.С. Юридические обычаи киргиз // Мат. для стат. Турк. края. Вып. IV.- Спб., 1876.

106. Загряжский Г.С. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву // Мат. для стат. Турк. края. Вып. IV. - Спб, 1876.

107. Заметка о Ташкентском музее // Турк. вед. - 1876. - № 28.

108. Заметки по поводу статьи «К вопросу о начале города Ташкента» // Турк. вед. - 1892.-№44.

109. Записки Восточного Отделения И. Русского Археологического Общества. Т. I. - 1886.-Спб, 1887.

110. Записки Восточного Отделения И. Русского Археологического Общества. Т. II (новая серия). - Спб, 1887.

111. Записки Восточного Отделения И. Русского Археологического Общества. Т. III. Вып. 2.-Спб, 1887.

112. Записки Восточного Отделения И. Русского Археологического Общества. Т.IV. - Спб, 1892.

113. Записки Академии наук. Т. 67. Кн. 3. - Спб.

114. Записки Академии наук. Т. 73. - Спб, 1893.

115. Зеланд Н.Л. Киргизы, этнологический очерк // Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. VII. Вып. II - Омск, 1885.

116. Зеланд Н.Л. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня // Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. IX. - Омск, 1887.

117. Зеланд Н.Л. С берегов Иссык-Куля // Турк. вед. - 1891. - № 36.

118. Земляницын И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговля // Мат. для стат. Турк. края: Ежегодник. Вып. IV. - Спб, 1876.

119. Зенков П.М. Условия для города в Чуйской долине // Турк. вед. - 1873. - № 33.

120. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане. - Спб, 1875.

121. Иванов Д.Л. По поводу некоторых туркестанских древностей // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. XXI. - Спб, 1885.

122. Иванов Д.Л. Поездка в Алатау в 1879 году. - Ташкент, 1880. (Перепечатка: Турк. вед. - 1880. -№ 8, 10, 13, 14, 16).

123. Игнатьев И.В. Землетрясение в Ташкентском уезде в 1885г. // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. XXII. 1886. - Спб, 1887.

124. Игнатьев И.В. Предварительный отчет по экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. XXII. 1886. - Спб, 1887.

125. Из Чуйской долины // Вост. обозр. - Спб, 1886. - № 33, 38.

126. Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете. Т. LXIII. - М, 1883.

127. Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете. Т. XLIX. - М, 1886.

128. Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете. Т. LXVIII. Вып. 4. - М, 1890.

129. Известия Императорского Русского Географического Общества. Т.XXI. - Спб, 1885.

130. Известия Императорского Русского Географического Общества. Т.XXИ. - Спб, 1885.

131. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестн. И. Русск. Геогр. Общ. - Спб, 1860 (февр.).

132. Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири. Собрал и издал Ипп. П. Кузнецов. - Томск, 1890. (Вып. 2-й. - Томск, 1897).

133. К-В. Опыт плавания по реке Чу // Турк. вед. - 1874. - № 1.

134. Казанский К.К. Вблизи Памиров (Путевые впечатления). - Ташкент, 1892.

135. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-манычской экспедиции. - Спб, 1868.

136. Карозин Н.Н. Из Центральной Азии. Очерк первый // Дело. - 1872. - № 1.

137. Кара-киргизы // Турк. вед. - 1874.

138. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I - VIII, XI. - 1816-1829.

139. Карта дикокаменных киргизов с прилежащими землями киргизов Большой орды и китайскими владениями. - Омск, 1851.

140. Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях, по показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям

западно-сибирских казаков и прочих служилых сибирских людей. Изыскания полковника Катанаева // Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 14. Вып. 1. - Омск, 1893.

141. Каульбарс А.В. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1860г. // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по общ. геогр. Т. V. - Спб., 1875.

142. Кеппен П.И. О родине индо-европейских и финно-угорских племен // Журн. Мин. нар. проев. - 1886 (окт.).

143. Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. - Томск, 1886.

144. Клеменц Д.А. Предварительные сведения об экскурсии в Ачинский и Канский округ// Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Русск. Геогр. Общ. Т. XX. - 1889.

145. Колпаковский Г.А. Донесения подполковника Колпаковского от 16 и 24 окт. 1862 за № 66 и 93 о ходе военных действий русского отряда под Узун-Агачем // Русский Туркестан: Сб. Вып. 3. - Спб., 1872.

146. Колпаковский Г.А. О древних постройках, найденных в озере Иссык-Куль // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. VI. - Спб., 1870.

147. Костенко Л.Ф. Очерки Семиреченского края // Воен. сб. Т. 88. - Спб., 1872.

148. Костенко Л.Ф. Исторический очерк распространения русских владений в Средней Азии // Воен. сб. - Спб., 1887. - № 10.

149. Костенко Л.Ф. Чжунгария: Военно-стат. очерк // Сб. мат. по Азии. Вып. XXVIII. - Спб., 1887 (с картами).

150. Kopui Ф.Е. О турецком языке семиреченских надгробных надписей // Древности восточные: Тр. Вост. комиссии Моск. Археол. Общ. Т. 1. Вып. 1. - М., 1889.

151. Краснов А.Н. Опыт истории развития флоры южной части Восточного Тянь- Шаня // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по общ. геогр. Т. XIX. - Спб., 1888.

152. Краснов А.Н. Природа и люди на берегах озера Балхаша // Сибирский сб. - 1887.

153. Краснов А.Н. Предварительный отчет о геоботаническом исследовании в Восточном Тянь-Шане и его предгорьях, совершенном летом 1886 г. // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. - 1887.

154. Краснов А.Н. В снегах и льдах Восточного Тянь-Шаня (Из записной книжки путешественника) // Книжка Недели. - 1887. - № 8.

155. Красовский. Область сибирских киргизов. Ч. I - III. // Мат. для геогр. и стат. России. - Спб., 1868.

156. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. - Спб., 1865.

157. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. - Спб., 1879 (с картой сев. части Восточного Туркестана).

158. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее: Очерк. - Спб., 1892.

159. Левшин И. Описание киргиз-казачьих орд и степей. Ч. II // Исторические изв. - Спб., 1832.

160. Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. - Спб., 1870.

161. Липовцев. О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию. Соч. китайского князя Цишия, переведенные с китайского подлинника надв. советником Липовцевым // Сибирский вестн. Кн. 12. Изд. Спасским. -Спб., 1820.

162. Липовцев. Обозрение Зюнгарии: Перевод // Сибирский вестн. Кн. 12, 13. Изд. Спасским. - Спб, 1821.

163. Лыткин. Сказание о дорбен-ойратах // Астраханские губ. вед. - 1860. - № 12.

164. Лыткин. Материалы для истории ойратов // Астраханские губ. вед. - № 46.

165. Магазин землеведения и путешествий. Изд. Фроловым. Т. VI. Ч.И. Путешествие Александра Кастрена (1838- 1849 гг.). - Спб, 1860.

166. Маев Н.А. От Ташкента до Верного. Путевые заметки // Мат. для стат. Турк. края: Ежегодник. Вып. П. - Спб, 1873.

167. Маев Н.А. От Шахрисябза до Бухары // Мат. для стат. Турк. края: Ежегодник. Вып. V. - Спб, 1879.

168. Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства // Мат. для стат. Турк. края: Ежегодник. Вып. V. - Спб, 1979.

169. Маев Н.А. Очерки Гиссарского края // Мат. для стат. Турк. края: Ежегодник. Вып. V. - Спб, 1879.

170. Макшеев А.Н. Географические сведения Книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае // Зап. Русск. Геогр. Общ, по отд. этногр. - Спб, 1880.

171. Макшеев А.Н. Новая находка Стринберга // Изв. Русск. Геогр. Общ. Т. XXVII. - Спб, 1891.

172. Материалы для истории киргизской степи // Сб. газ. «Сибирь». Т. 1. - Спб, 1876.

173. Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. II. - Спб, 1873.

174. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. - Спб, 1865.

175. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири А.Миддендорфа. Ч. 1. - Спб, 1860.

176. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири А.Миддендорфа. 4.2. Вып. 5.-Спб, 1872.

177. Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. С приложением химических исследований почв и вод К.Шмидта / Пер. с нем. В.И.Ковалевского. - Спб, 1882.

178. Миллер Всеволод. Осетинские этюды. Ч. 3. - М, 1887.

179. Миллер Герард Фридерик. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. - Спб, 1750 (2-е изд. - Спб, 1787).

180. Миллер Г. Фр. Известия о песошном золоте // Сочинения и переводы. Вып. 1. - Спб, 1860.

181. Минаев Н. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. - Спб, 1879.

182. Михайлов М. Русские поселения в Аульеатинском и Чемкентском уездах // Турк. вед. - 1888.-№31.

183. Михайловский В.М. Шаманство. Вып. 1.-М, 1892.

184. Михайловский Я.Л. Поездка в Сумбе // Сев. пчела. - Спб, 1862. - № 304.

185. Монгольская летопись Эрденийн-эрихе. А.Позднеева. - Спб, 1883.

186. Мушкетов И.В. Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 г. // Зап. С.-Петерб. Минер. Общ. Сер. 2. 4.XII. - Спб, 1877 (Отд. изд. - Спб, 1876).

187. Мушкетов И.В. Краткий очерк геологического путешествия на Алай и озеро Чатыркуль в 1878 году // Горный журнал. Т. 1. - 1879.

188. Мушкетов И.В. Памир и Алай // Живописная Россия. Т. X. - Спб, 1885.

189. Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. - Спб, 1886.

190. Мушкетов И.В. Чиликское землетрясение 40 июня 1889 года: Мат. для изучения землетрясений в России, изд. под ред. И.В.Мушкетова. Вып. 1. - Спб, 1891. - Приложение к Изв. И. Русск. Геогр. Общ. 1891. Т. 28.

191. Н-ев Ник. С Иссык-Куля // Турк. вед. - 1892. - № 1.

192. Назаров Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. - Спб., 1821. (Частично напечатано в «Вестнике Европы» (1821, № 24) под названием «Пребывание русских в Кокане. Из записок Назарова»).

193. Наливкин В.П. Киргизы Наманганского уезда // Турк. вед. - 1881. - № 20.

194. Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. - Казань, 1886.

195. Нечто о киргизах и области, ими занимаемой. - Омск, 1877.

196. Новейшие известия из Средней Азии // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Вып. 5. - 1869.

197. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. - Спб., 1841.

198. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. III. - Спб., 1849.

199. Обзоры Семиреченской области за 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 годы.- Верный.

200. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 1. - М., 1866.

201. Общая заметка об археологическом значении Семиречья // Томские университетские изв. Кн. 1. Отд. 2. - Томск, 1889.

202. Оглоблин Н.Н. Сибирские дипломаты // Исторический вестн. - Спб., 1891 (окт).

203. Описание личных походов Чингиз-хана / Пер. арх. Палладия // Восточн. сб. Т. 1. - Спб., 1877.

204. Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ланд-картам» Красильникова и «Топографии» П.И.Рычкова. Изд. Оренбургским отделом И. Русск. Геогр. Общ. - Оренбург, 1880.

205. Остен-Сакен Ф.Р. Поездка в Занарынский край, летом 1867 г. // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. V. - Спб., 1869.

206. Отечественные записки. Т. 60. - Спб., 1848.

207. Отечественные записки. Т. 171, 173.-Спб., 1867.

208. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1862 год. - Спб., 1863.

209. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1869 год. - Спб., 1871.

210. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1873 год. - Спб., 1876.

211. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1882 - 1888 годы. - Спб., 1891.

212. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1889 год. - Спб., 1892.

213. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1890 год. - Спб., 1893.

214. Отчет Императорского Русского Географического Общества за 1865 г. - Спб., 1866.

215. Отчет о заседании Томского общества естествоиспытателей 24 февраля 1892 г. // Сибирский вестн. - 1892. - № 26.

216. Ошанин В.Ф. Каратечки и Дарваз // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. XVII. - Спб., 1881.

217. Палладий, арх. Замечание о названии Харакитай и Орда, или резиденции Харакитайской // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т.Х. - Спб., 1874. -№ 8.

218. Палладий, арх. Старинные следы христианские в Китае // Вост. сборн. - Спб., 1877.

219. Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. - Спб., 1882; кн. 2. - Спб., 1880.

220. Пантусов Н.Н. Описание при-пишпекского христианско-несторианского кладбища. - Верный, 1867.

221. Пантусов Н.Н. Христианское кладбище близ Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Зап. Вост. Отд. Русс. Археол. Общ. Т. 1. 1886. - Спб., 1887.

222. Патканов К.П. История монголов по армянским источникам. Вып. 2. - Спб, 1874.

223. Патканов К.П. История Сасанидов по армянским источникам // Тр. Вост. Отд. И. Русск. Геогр. Общ. Ч. 14. - Спб.

224. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г.: Путевые заметки. - Спб, 1868.

225. Певцов М.В. Предварительный отчет о путешествии чрез Кашгарию в северо--западный Тибет// Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. XXVII. - Спб, 1891.

226. Пекарский П., акад. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова.- Спб, 1867.

227. Первая поездка в Тяньшань действительного члена П.П.Семенова // Вестн. И. Русск. Геогр. Общ. - Спб, 1858. -№ 5.

228. Петровский Н.Ф. Административное устройство Китайской империи // Турк. вед. - 1886.-№29.

229. Пичугин П. Вторжение коканцев в Алатавский округ в 1860 году. С картою и планом // Военн. сб. Т. 85. - 1872.

230. Позднеев А.М. Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов. - Спб, 1880.

231. Позднеев А.М. Монгольская летопись Эрденийн-эрихэ. - Спб, 1883.

232. Позднеев А.М. К истории Зюнгарских Калмыков. Письмо к Н.И.Веселовскому по поводу издания «Посольства Унковского к Контайше 1722 - 1724 гг.» // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по отд. этногр. Т. X. Вып. 2. - Спб, 1887.

233. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. - Спб, 1887.

234. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 21, № 15, 352; № 6,28, 255; №40, 189.

235. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Академией наук, по предложению ее Президента. Т. 7. - Спб, 1825.

236. Полторацкий. Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сыр-Дарьею // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по общ. геогр. Т. 1.- Спб, 1867.

237. Поспелов и Бурнашев. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г, с примечаниями Я.В.Ханыкова // Вестн. И. Русск. Геогр. Общ. - Спб, 1851. Ч. 1. Отд. VI. (Также см.: (Поспелов и Бурнашев) Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1880 году // Сибирский вестн. 1818. Ч. 4. - Спб, 1819).

238. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бахарией в XVIII столетии // Чт. И. Общ. истории и древностей российских при Московском университете.-М, 1868.-№2.

239. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876 - 1877 годах. Вып. 1. Дневники путешествия и материалы для физической географии и топографии С.-З. Монголии. - Спб, 1881. (То же. Вып. И: Материалы этнографические. - Спб, 1881).

240. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии: материалы этнографические.- Спб, 1883.

241. Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия // Путешествия Г.Н.Потанина. Т. 1. Предисловие П.П.Семенова. - Спб, 1893.

242. Предварительный отчет г. Потанина и протоколы заседаний Отделения этнографии 28 апреля 1887 г. // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. - Спб, 1887.

243. Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии. - Спб.: Изд. И. Русск. Геогр. Общ, 1883.

244. Проект Положения об Управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской области.- Спб, 1887.

245. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии, по описаниям Аткинсона / Составлено А. фон Этцель и Г.Вагнер. Пер. с нем, П.Деппиш. - Спб., 1865.

246. ПутятаД. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан // Сб. мат. по Азии, изд. Главным штабом. Вып. 10. - Спб., 1884.

247. Путинцев. Дневные записки переводчика Путинцева, в 1811 г. - Спб., 1819.

248. Радлов В.В. Отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль в 1869 году // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. - Спб., 1870.

249. Радлов В.В. Средняя Зеравшанская долина // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отд. этногр. Т. VI.-Спб., 1880.

250. Радлов В. В. Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. Т. XI. Зап. Сибирь.- Спб,, 1884.

251. Радлов В.В. Атлас древностей Монголии // Тр. Орхонской экспедиции. - Спб., 1892.

252. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах // Зап. Акад. наук. Т. 72. Кн. 1. - Спб., 1893. t

253. Рашид-Эддин. Сборник летописей. История монголов. Введение: О турецких и монгольских племенах / Пер. с персидского, с введением и приложениями И.Н.Березина// Тр. Вост. Отд. Русск. Археол. Общ. 4.V. - Спб., 1858.

254. Рашид-Эддин. Сборник летописей. История монголов. История Чингис-хана до восшествия его на престол / Русск. пер. с предисловием и примечаниями И.Н.Березина // Тр. Вост. Отд. Русск. Археол. Общ. Ч. 13. - Спб., 1868.

255. Регель А.Э. Ботаническая экспедиция от Ташкента до Кульджи // Турк. вед. - 1878. - № 10-13.

256. Рейнталь П. Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре // Военн. сб. - Спб., 1870.- №5,6.

257. Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. VI. Азиатская Россия и средне-азиатские ханства. - Спб., 1883.

258. Ремезов С. Чертежная книга Сибири. 1701. - Спб., 1882.

259. Риттер Карл. Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, т.е. Китайской империи, независимой Татарии, Персии и Сибири / Пер. и дополнения П.П.Семенова. Т. II. - Спб., 1859.

260. Риттер Карл. Землеведение Азии / Пер. с дополнениями П.П.Семенова. Т. III. Алтайско-Саянская горная система в пределах Русской империи и на китайской границе. - Спб., 1860.

261. Риттер Карл. Землеведение Азии. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или китайский Туркестан / Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет В.В.Григорьев. Вып. 1. Перевод и примечания. - Спб., 1869.

262. Риттер Карл. Землеведение Азии. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или китайский Туркестан. Перевел с присовокуплением критических замечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В.В.Григорьев. Вып. 2. Отдел 1. Историко-географический / Сост. В.В.Григорьев. - Спб., 1973.

263. Романовский Г.Д. Материалы для геологии Тянь-Шаня. Вып. 1. Геологический и палеонтологический обзор северо-западного Тянь-Шаня и юго-восточной части Туранской низменности / Сост. Г.Д.Романовский. - Спб., 1878.

264. Русский инвалид. - Спб., 1857.-№ 195; 1859-№ 113.

265. Русская историческая библиотека. Т. 2. - Спб., 1875.

266. Рычков П.И. История Оренбургская (Опубл. Г.Ф.Миллером). - Спб., 1759.

267. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное (...) Петром Рычковым. Ч. 1. - Спб., 1762.

268. Рынков Н.П. Дневные записки капитана Рычкова в Кыргыз-Кайсацкой степе, 1771 году. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук. - 1772.

269. Савенков И. Т. К материалам для медико-топографического описания озера Шира. - Красноярск, 1890.

270. Санкт-Петербургские ведомости. - Спб, 1862. - № 24.

271. Сафоний. Современный быт и литургия нанавитов и несториан. - Спб, 1876.

272. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. - Ташкент, 1891.

273. Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. - 1876.

274. Сборник материалов по Азии. Вып. 36. - Спб, 1888.

275. Сведения о дикокаменных киргизах // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 5. - Спб, 1851.

276. Северная пчела. - Спб, 1862. - № 304.

277. С...[еверц]ов. Этнографические заметки о Зачуйском крае // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. 1. - Спб, 1865.

278. Северцов Н.А. Поездка в западную часть Небесного хребта (Тянь-Шаня) или Цун Лин древних китайцев от западных пределов Заилийского края до Ташкента // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по общ. геогр. Т. 1. - Спб, 1867.

279. Северцов Н.А. Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных // Изв. Общ. Любит. Естеств, Антропол. и Этногр. при Московском университете. Т. VIII. Вып. II. - М. 1873.

280. Северцов Н.А. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шань, совершенные по поручению И. Русск. Геогр. Общ. - Спб, 1873. (1 карта).

281. Северцов Н.А. Орографический очерк Памирской горной системы // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по общ. геогр. Т. XIII. - Спб, 1886.

282. Семенов П.П. Письмо действ, члена П.П.Семенова о путешествии его в Киргизской степи Сибирского ведомства Алматы или укр. Верное // Вестн. И. Русск. Геогр. Общ. Ч. 18. - Спб, 1856.

283. Семенов П.П. О вулканических явлениях во внутренней Азии // Вестн. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 1. - Спб, 1856.

284. Семенов П.П. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный Хребет, до верховья системы р. Яксарта или Сыр-Дарья в 1857 году // Вестн. И. Русск. Георг. Общ. Ч. XXIII. Отд. II. - Спб, 1858.

285. Семенов П.П. Поездка из укр. Верного через горный перевал у Суок-тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куля в 1856 году // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по общ. геогр. Т. 1. - Спб, 1867.

286. Семенов П.П. Небесный хребет и Заилийский край // Живописная Россия. Т. X. Русская Средняя Азия. - Спб, 1885.

287. Семиреченские ведомости. - 1887. -№ 24.

288. Семиреченские ведомости. - 1890.

289. Середа. Бунт киргизского султана Кенисары Касымова (1843-1847 гг.) // Вестн. Европы. Кн. 8. - Спб, 1871.

290. Сильвергелъм, полк., барон. Киргизская степь Западной Сибири // Военно-стат. обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению, при I отделении Департамента Генерального штаба. Т. 17. - Спб.

291. Симонов А.В. В предгорьях Алая // Турк. вед. - 1887. - № 2 - 4, 6, 7.

292. Слуцкий С.С. Семиреченские несторианские надписи // Древности восточные: Тр. Вост. комиссии Моск. Археол. Общ. Т. 1. Вып. 1. - М, 1889.

293. Слуцкий С.С. К семиреченским несторианским надписям // Древности восточные: Тр. Вост. комиссии Моск. Археол. Общ. Т. 1. Вып. 2. - М, 1891.

294. Словцов П.Л. Историческое обозрение Сибири. Кн. I. С 1585 до 1742 года. - М, 1838. (То же, 2-е изд.-Спб, 1886).

295. Словцов. Историческое обозрение Сибири. Кн. II. С 1742 по 1823 год. - Спб., 1844. (То же, 2-е изд. - Спб., 1886).

296. Словарь географический Российского государства. Ч. III.

297. Смирнов Е.Т. Сыр-Дарьинская область: Описание, составленное по официальным источникам. - Спб., 1887. (То же: Обзор Сыр-Дарьинской области. - Спб., 1886).

298. [Смирнов Е.Т]. Султаны Кенисара и Садык: Биографические очерки Ахмета Кенисарина / Обработано для печати и снабжено примечаниями Е.Т.Смирнова. - Ташкент, 1889.

299. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3.

300. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII - XIV и XV столетиях. Плано Карпини II Асцелин. Текст и перевод с примечаниями Д.Языкова. - Спб., 1825.

301. Соколов М. Из древней истории болгар. - Спб., 1879.

302. Сорокин И. Путешествие по Русскому Тянь-Шаню в 1884 г.: Предварительный отчет // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. XXI. - Спб., 1885.

303. Сорокин И.В. В горах и долинах Тяньшаня в 1884 г. // Истор. вестн. Т. XXIV. - Спб., 1886. -№ 5 (июль). (То же: Изв. И. Русск. Геогр. Общ. - Спб., 1885).

304. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. - 1759.

305. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. - 1760.

306. Спасский Г.И. Древности Сибири (Сведения Миллера) // Сибирский вестн. Ч. III.- Спб., 1818.

307. Спасский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды / По записям Андреева, с дополнениями П.К.Фролова и издателя // Сибирский вестн. Ч. IX. - Спб., 1820.

308. Спасский Г.И. Сибирский вестн. Ч.XI. - Спб., 1830.

309. Спасский Г.И. Изображения обитателей Сибири или новое достоверное описание некоторых коренных сибирских народов: их местопребывание, образ жизни, нравов, обрядов, веры, наречий и проч. // Сибирский вестн. Ч. IX (киргиз- кайсаки). - Спб., 1830.

310. Спасский Г.И. Посольство из Тобольска к Бошокту хану зюнгорскому в 1691 г. //Сибирский вестн. Ч. 15, 16.-Спб., 1821.

311. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.: Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В.Арсеньева // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отд. этногр. Т. X. Вып. 1. - Спб., 1882.

312. Статейный список похода томских детей боярских Романа Старкова и Ивана Греченина. Сб. кн. Хилкова. - Спб., 1879.

313. Статистический очерк Каратегина//Военн. сб. - 1888. -№ 10.

314. Струве К. и Потанин Г. Поездки по Восточному Тарбагатаю летом 1864 г. // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по общ. геогр. Т. 1. - Спб., 1867.

315. Терентьев М.А. О развалинах крепости Турткуль в Токмакском уезде // Тр. IV археол. съезда в России, быв. в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. -Казань, 1884.

316. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. 1: Извлечения из соч. арабских. - Спб., 1884.

317. Тимковский Егор. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. I: Переезд до Пекина. - Спб., 1824. (То же. Ч. II: Пребывание в Пекине. - Спб., 1824).

318. Титов А. Сибирь в XVII веке // Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях - М.: изд. Г.Юдин, 1890.

319. Тихменев и Пославский. Военное обозрение восточной пограничной полосы Семиреченской области // Сб. мат. по Азии. Вып. II. - Спб., 1883.

320. Тобольские губернские ведомости. - 1864. -№ 14.

321. Тобольские губернские ведомости. - 1867. -№41.

322. Томские губернские ведомости. - 1860. - № 52.

323. Томские губернские ведомости. - 1861. -№ 29.

324. Томские университетские известия. Кн. 1. Отд. 2. - Томск, 1889.

325. Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской областей // Томские университетские известия. Кн. 1. Отд. 2. - Томск, 1889.

326. Труды Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Ч. 8. - Спб, 1864.

327. Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии. - Спб, 1892.

328. Труды Сибирской экспедиции // Изв. И. Русск. Геогр. Общ, математич. отд. - Спб, 1864.

329. Труды Сыр-Дарьинского Областного Статистического Комитета. Т. 1. - Ташкент, 1888.

330. Труды Томского общества естествоиспытателей. Год первый. - Томск, 1889.

331. Труды четвертого археологического съезда в России, быв. в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. I. - Казань, 1884.

332. Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. - Спб, 1866. (То же. Т. IV.-Спб, 1866.)

333. Трусов Е. Археологические находки в Лепсе // Турк. вед. - 1886. - № 4.

334. Трутовский В.В. Сообщение на заседании Восточной Комиссии И. Археологического Общества // Древности восточные: Тр. Вост. Комисс. Моск. Археол. Общ. Т. 1. Вып. 1.-М, 1889.

335. Туркестанские ведомости. - Ташкент, 1872. - № 40; 1874. - № 2; 1876. - № 21, 49; 1877.-№27, 42, 48; 1878.-№3, 10, 12,41, 50; 1879.-№43; 1884.-№40, 44; 1885.-№31, 32; 1889.-№39; 1891.-№ 35, 36, 47; 1892.-№31; 1893.-№ 22, 30.

336. Туркестанский календарь. - Ташкент, 1880.

337.Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в 16-17 веках, по документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. - М, 1889.

338. Унковский Иван. Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы: Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н.И.Веселовского. - Спб, 1887. 1 карта // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по отд. этногр. Т. X. Вып. 2. - Спб, 1887.

339. Уральские войсковые ведомости. - 1869. -№ 10.

340.Успенский В.М. О бассейне Лобнора // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. - Спб, 1868.

341.Успенский В.М. Страна Кукэ-нор, или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ- нора

(Преимущественно по китайским источникам) // Зап. И. Русск. Геогр. Общ, по отд. этногр. Т.VI. - Спб, 1880.

342. Ухтомский Эспер. От калмыцкой степи до Бухары. - Спб, 1891.

343. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. Т. 1.4. II. В Кокандском ханстве // Изв. Общ. Любит. Естеств, Антропол. и Этногр. при Моск. ун-те. Т. XI. Вып. 7. -Спб, 1875.

344. Фетисов А.М. Экскурсия в горы Заилийского, Терскей и Кунгей Алатау // Турк. вед. - 1878.-№3,4.

345. Фетисов А.М. Экскурсия в за-Нарынские горы, в 1879 году // Турк. вед. - 1881. - №35,37-39, 45-46, 51.

346. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. - Спб, 1774.

347. Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. - Томск, 1888.

348. Френ Х.Д. Монеты ханов улуса Джучиева. - Спб., 1832.

349. Ханыков Я.В. О карте Миллерова маршрута от Орска до зюнгорских владений и обратно // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. - Спб., 1850.

350. Ханыков Н.В. Иран. - Спб., 1874.

351. Хомутов П.И. Проект Всеподданнейшего Отчета ген.-ад. К.П. фон Кауфмана 1- го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского ген.-губернаторства 7-го ноября 1867 г. -25 марта 1881 г.- Спб., 1885.

352. Хорошхин А. Байтук-батур (Рассказ из кара-киргизской жизни, 1867 года) // Турк. вед. - 1872. -№ 43.

353. Хорошхин А. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. - Спб., 1876.

354. Хорошхин. «Сугут» - топографический и этнографический очерк // Мат. для статист. Турк. края. Вып. 2. - Спб., 1873.

355. Царский указ от 12 декабря 1773 г. // Томские губернские вед. - 1875. -№ 42.

356. Циммерман. (Извлечение из донесений) Полковника Циммермана от 28 августа и от 3 сентября 1860 г. // Русск. Туркестан: Сб. Вып. 3. - Спб., 1872.

357. Чайковский А.П. Иссык-Кульский уезд в 1869-1871 годах // Турк. вед. - 1872. - № 43, 44, 45.

358. Чайковский А.П. Опыт решения вопроса о причине изменения течения Аму-Дарьи // Турк. вед. - 1875. - № 39, 45.

359. Чихачев Пл. О исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памира // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 3. - 1849. (Отд. оттиск. - Спб., 1848).

360. Чугунов С.М. Антропологический очерк остяков Сургутского края // Сибирский вестн. - Томск, 1890. -№ 85, 88, 90.

361. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с приложениями, изданная И.Березиным // Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным. Т. 1. Вып. 1. - Казань, 1849.

362. Шмидт. Описание озер и рек Семипалатинской области // Вестн. рыбопромышленности. - 1889.

363. Шмидт. Озеро Иссык-Куль и рыболовство на нем // Вестн. рыбопромышленности.- 1893.

364. Шмидт Орографический очерк Семиреченского Тяньшаня и озера Иссык-Куля // Русский инвалид. - Спб., 1893. - № 34.

365. Шрейдер П.И. По окраине (От Ташкента до Каракола). Путевые очерки. - Спб., 1892.

366. Эйхвальд. О чудских копях // Тр. Вост. Отд. И. Русск. Археол. Общ. Ч. III. - Спб., 1857.

367. Южаков Ю.Д. Наши приобретения в Средней Азии. 1. Уратюпе и его округ// Отечеств, зап. Т. 171. - Спб., 1867. -№ 7.

368. Южаков Ю.Д. Сарты или таджики // Отечеств, зап. Т. 173. - Спб., 1867.

369. Юр - ко. Бегство калмаков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые вед. - 1869. -№ 5.

370. Яворский И.Л. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. Ч. 1: Диссертация на степень доктора медицины. - Спб., 1889.

371. Ядринцев Н.М. Археологические изыскания и открытие д-ра Пояркова близ Токмака // Зап. Акад. наук. Т. 52. - Спб., 1886.

372. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. - Спб., 1891.

Сочинения Н.А.Аристова

1. Аристов Н.А. Наманганский округ Кокандского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. 2. - Спб., 1873. - С. 139-140.

2. Аристов Н.А. О Кульдже // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. 2. - Спб., 1873. - С. 202-221.

3. Аристов Н.А. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. 2. - Спб., 1873. - С. 170- 171.

4. Аристов Н.А. О земле половецкой (Историко-географический очерк) // Изв. Истор.-филол. ин-та им. А.А.Безбородко в Нежине. № 1. - Нежин - Киев, 1874. - 26 с.

5. Аристов Н.А. Землетрясение 30-го июня 1889 г. в Семиреченской области // Турк. вед. - 1889.-№30.

6. Аристов Н.А. Западный Туркестан в VII столетии, по описанию китайского путешественника // Турк. вед. - 1889. - № 30.

7. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. - Спб. - 1894. - Вып. III-IV. - С. 391-486. (Отд. отг. - Спб., 1895).

8. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. - Спб., 1896. - Вып. III—IV. - С.227-456. (Отд. отг. - Спб., 1896.)

9. Аристов Н.А. Об Афганистане и его населении // Живая старина. - СПб., 1898 - Вып. III-IV.

10. Аристов Н.А. Англо-индийский Кавказ. Столкновения Англии с афганскими племенами. - Спб., 1900.

11. Аристов Н.А. Этническое отношение на Памире в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям. Сведения Птолемея о комедах и саках, об их стране и о пути через нее к серам // Русский антропологический журнал. - 1903. - № 1. - С. 70-97.

12. Аристов Н.А. Записка о поземельном устройстве Семиреченской области (1871 г.) // ЦГА Р. Узб., ф. и-1, оп. 14, д. 56, л. 21-98.

Аристов в литературе и рецензиях[1]

1. Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии //Труды Кирг. археол.-этнограф, экспедиции. Т. 4. - М, 1960.

2. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Л, 1971.

3. Амитин-Шапиро З.Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750-1917). - Фрунзе, 1958.

4. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. - Изд. 2-е, перераб. / Подготовил А.Н.Кононов. - М, 1989.

5. Бартольд В.В. Рецензия на соч. Н.А.Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен» // Зап. Вост. Отд. И. Русск. Археол. Общ. Т. XI. 1899. (Опубл. также: В.В.Бартольд. Соч. - Т. V. - М.

6. Большая Советская Энциклопедия. - Т. 2. - М, 1970.

7. Бравин Н. и Беляев И. Указатель племенных имен в статье Н.А[ристова] «Заметки об этническом составе тюркских племен» ... // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., 1903.-Т. XXVIII. Вып. И.

8. Взаимосвязь киргизского народа с народами России, Средней Азии и Казахстана (конец XVIII-XIX в.). - Фрунзе, 1985.

9. Галицкий В.Я. Вклад отечественных исследователей и путешественников в изучение исторического прошлого кыргызского народа // Русские путешественники и исследователи о кыргызах / Отв. ред. Б.В.Лунин. - Фрунзе, 1973.

10. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. И. Поперек Бей-шаня в долину Желтой реки. - Спб, 1899.

11. Джамгерчинов БД. Присоединение Киргизии к России. - М, 1959.

12. Джамгерчинов БД. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. - Фрунзе, 1963.

13. Джамгерчинов БД. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. - Фрунзе, 1963.

14. Исраилова-Харьехузен Ч.Р. Традиционное общество кыргызов в период русской колонизации во второй половине XIX - начале XX в. и система их родства. - Бишкек, 1999.

[1] Поскольку охватить все такие исследования в настоящее время не представляется возможным, здесь указаны только наиболее известные работы со ссылками на Н.А.Аристова и работы кыргызских историков.

15. Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX - начало XX в. - Ташкент, 1962.

16. Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. - Ташкент, 1965.

17. Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. - Ташкент, 1979.

18. Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами в XIII-XV вв. - Фрунзе, 1961.

19. Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. - Фрунзе, 1963.

20. Плоских В. Киргизы и Кокандское ханство. - Фрунзе, 1977.

21. Ромодин В.А. Из истории изучения афганцев // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 1. - М, 1953.

22. Советская историческая энциклопедия. Т. 1. - М., 1961.

23. Токарев С. А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). - М., 1966.

24. Урстанбеков Б.У., Чороев Т.К. Кыргыз тарыхы. Кыскача энциклопедиялык сөздүк. - Фрунзе, 1990.

25. Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX век - до присоединения Киргизии к России). - Фрунзе, 1961.

26. Хасанов А.Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50-70-х годах XIX в. - Фрунзе, 1961.

27. Харузин А.Н. Рецензия на соч. Н.А.Аристова «Опыт выяснения состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов...» // Этногр. обозр., 1895.

28. Шакарим Кудайберды-улы. Сведения о китайских летописцах в книге Аристова // Заметки об этническом составе. Кн. 4. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов / Пер. Б.Каирбекова. - Алма-Ата, 1990.

Литература по проблематике издаваемого труда Н.А.Аристова (XX в.)

1. Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. - М, 1951.
2. Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии //Труды Кирг. археол.-этнограф. экспедиции. Т. 4. -М, 1960.
3. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Л, 1971 (2-е изд. Бишкек, 1990).
4. Абетеков А.К. Ранние кочевники Тянь-Шаня и их культурные связи с Кушанской империей // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. - М, 1975.
5. Абытов Б. Ош: факты, события и личности. (Новый взгляд на основе источников средних веков и нового периода). - Ош, 2000.
6. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969.
7. Азимджанова С.А. К истории Ферганы второй половины XV в. - Ташкент, 1957.
8. Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа во второй половине XIX - начале XX в. - Фрунзе, 1967.
9. Айтматов Ч., Шаханов М. Плач охотника над пропастью. (Исповедь на исходе века). - Бишкек, 1996.
10. Амитин-Шапиро З.Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750-1917). - Фрунзе, 1958.
11. Андреев Н.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. - Алматы, 1998.
12. Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1968.
13. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. - М, 1965.
14. Бабур. В 2 кн. - Ташкент, 1982.
15. Баласагунский Юсуф. Благодатное знание. - М, 1983.
16. Бактыгулов Д.С. Историография дореволюционного Кыргызстана. - Фрунзе, 1988.
17. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. - М, 1963.
18. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. II. Ч. 1. - М, 1963.
19. Бартольд В.В. История Туркестана // Соч. Т. II. Ч. 1. - М, 1963.
20. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. 1. - М, 1963.

21. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. Ч. 1. - М, 1963.

22. Бартольд В.В. К истории арабских завоеваний в Средней Азии // Соч. Т. II. Ч. 2. -М, 1964.

23. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Соч. - Т. II. Ч. 2.-М, 1963.

24. Бартольд В.В. Мавераннахр // Соч. Т. III. - М, 1965.

25. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. V.-М, 1968.

26. Бартольд В.В. Тюрки // Соч. Т. V. - М, 1968.

27. Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. В 2 кн. - Бишкек, 1996, 1998.

28. Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. - Фрунзе, 1971.

29. Бедельбаев А. Кыргызстан тунгуч кергезмелерде (1867 - 1914 жж.). - Бишкек, 1992.

30. Бейшембиев Д., Джунушалиев Д., Мокрынин В., Плоских В. Введение в историю кыргызской государственности. - Бишкек, 1994.

31. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии.-Л., 1973.

32. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. - Л., 1940.

33. Бернштам А.Н. Культура древнего Кыргызстана. - Фрунзе, 1942.

34. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок (Восточно-Тюркский каганат и киргизы). - Л., 1946.

35. Бернштам А.Н. Источники по военной истории киргизов XVIII в. // Вопросы истории. - 1946. - № 11-12.

36. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. - Л., 1951.

37. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Атая. - М.; Л., 1952.

38. Бернштам А.Н. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Кн. I - И.-Бишкек, 1997, 1998.

39. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.; Л. Т. I, 1950; Т. II, 1953.

40. Вайнберг Б.И., Ставиский Б.Я. История и культура Средней Азии и древности. - М., 1994.

41. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. - Алма-Ата, 1961. - 1968; 1985-1986.

42. Васильев ДД. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала.- Л., 1983.

43. Васильев Л.С. История религий Востока. - М., 1983.

44. Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX - начале XX вв.-Фрунзе, 1970.

45. Воеводский М.В., Грязное М.П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // Вестник Древней истории. - 1938. - № 3.

46. Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т.8. - Алма-Ата, 1960.

47. Вопросы этнической истории кыргызского народа. - Фрунзе, 1989.

48. Восточные авторы о кыргызах / Сост. О.Караев. - Бишкек, 1994.

49. Газиев А. На берегах Яксарта. - Фрунзе, 1990.

50. Газиев Аман. Курманджан-датха - некоронованная царица Алая. - Фрунзе, 1991.

51. Газиев А. Пулат-хан. - Бишкек, 1995.

52. Галицкий В.Я., Джаманкараев А.Б., Сапелкин А.А., Усенбаев К.У. Трудящиеся Киргизии в борьбе за социальное и национальное освобождение в конце XIX - нач. XX в. - Фрунзе, 1982.

53. Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош. Очерк истории. - Фрунзе, 1987.

54. Горбунова Н.Г. Фергана по сведениям античных авторов // История и культура народов Средней Азии. - М., 1976.

55. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Бурана, Узгенд, Сафид-Булан. - Фрунзе, 1983.

56. Горячева В Д. Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. - Ташкент, 1994.

57. Гумилев JJ.H. Хунны. - М., 1960.

58. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. - М., 1979.

59. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М, 1993.

60. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX в. - М., 1983.

61. Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (Медные монеты XV - первой четверти XVI в. в Мавераннахре). - М, 1983.

62. Данияров С.С. О прогрессивном значении русской культуры в развитии культуры киргизского народа в конце XIX - нач. XX в. - Фрунзе, 1964.

63. Джамгерчинов БД. Присоединение Киргизии к России. - М, 1959.

64. Джамгерчинов БД. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. - Фрунзе, 1963.

65. Джамгерчинов БД. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. - Фрунзе, 1963.

66. Джамгерчинов БД. Очерк политической истории Киргизии XIX в. (Первая половина). - Фрунзе, 1966.

67. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. - Фрунзе. Вып. 1, 1963; Вып. 2. 1982; Вып. 3, 1987.

68. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. - III в. н. э.). - Ташкент, 1940.

69. Древняя и раннесредневековая культура Кыргызстана. - Фрунзе, 1967.

70. Дуйшеев Б. Память Тянь-Шаня (Исторические очерки о памятниках Киргизстана XVIII - XIX вв.). - Фрунзе, 1986.

71. Жумабаев Б.М. Южный Кыргызстан глазами российских путешественников (вторая половина XIX - нач. XX вв.). - Бишкек, 1999.

72. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тыс. до н. э. - середина I тыс. н. э.). - Фрунзе, 1960.

73. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. - Бишкек, 1997.

74. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). - М, 1864.

75. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI-сер. XIX вв.). - М, 1958.

76. Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. - Бишкек, 1995.

77. Ильясов С.И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX - начале XX в. - Фрунзе, 1963.

78. История Узбекистана в источниках / Сост. Б.В.Лунин. - Ташкент, 1984.

79. История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. - Фрунзе. -Т. 1, 1984; Т. 2,1986.

80. История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. - Бишкек, 1996.

81. История Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века. - Бишкек, 1996.

82. Источниковедение истории Кыргызстана (с древности до XIX в.). - Бишкек, 1996.

83. Какеев А. Ч. Философская мысль в Кыргызстане: Поиски и проблемы. - Бишкек, 1995.

84. Караев О. Арабские и персидские источники IX-XII вв. о киргизах и Киргизии. - Фрунзе, 1968.

85. Караев О.К. Арабо-персидские источники о тюркских народах. - Фрунзе, 1973.

86. Караев О. История Караханидского каганата (X - начало XIII вв.). - Фрунзе, 1983.

87. Караев О.К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Моголистан. - Бишкек, 1994.

88. Кершлбекова Н., Конкобаев К., Мокрынин В., Плоских В., Шаршеналиев Ж. Кыргызская диаспора за рубежом. - Бишкек, 1992.

89. Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. 1953 - 1955 // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. - М, 1959.

90. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М, 1951.

91. Кляшторный С.Г. Древние рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М., 1964.

92. Кляшторный С.Г., Лифшиц В.А. Открытия и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. - Новосибирск, 1978.

93. Кляшторный С.Г., Султанов Т.Н. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. - Алма-Ата, 1992.

94. Книга Марко Поло. - М., 1956.

95. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. - Фрунзе, 1959.

96. Койчуев Т., Мокрынин В., Плоских В. Кыргызы и их предки. Нетрадиционный взгляд на историю и современность. - Бишкек, 1994.

97. Кронгард Г. К. Население Кыргызстана во второй половине XIX - начале XX века. - Бишкек, 1997.

98. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. - Фрунзе, 1985.

99. Кузьмина Е.Е Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М., 1994.

100. Кумеков Б. Государство кимаков. IX-XI вв. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). - М., 1977.

101. Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. - Бишкек, 1994.

102. Кыргызы (Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии). - Бишкек, 1996.

103. Кыргызстан - Россия. История взаимоотношений (XVII-XIX вв.): Сб. документов и материалов. - Бишкек, 1998.

104. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961.

105. Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология. - Баку, 1978. - № 4.

106. Маанаев Э., Плоских В. На «Крыше мира»: Исторические очерки о памиро-алайских киргизах. - Фрунзе, 1983.

107. Малое С.Е. Памятники древнетюркской письменности. - М.; Л., 1951.

108. Малое С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М.; Л., 1959.

109. Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. - Новосибирск, 1981.

110. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. - Новосибирск, 1989.

111. Манас: Кыргызский героический эпос. Т. I—III. - М., 1984-1990.

112. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации.- М., 1976.

113. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. - М., 1964.

114. Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана: История изучения городища и его архитектурных памятников. - Фрунзе, 1985.

115. Материалы по истории Средней и Центральной Азии. X-XIX вв. / Отв. ред. Б.Л.Ахмедов. - Томск, 1988.

116. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. - М., 1973.

117. Материалы по истории казахских ханств XVI-XVIII вв. - Алма-Ата, 1969.

118. Мингулов Н.Н. Мухаммед-Хайдар дуглат // Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII - XIX вв.). - Алма-Ата, 1965.

119. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII - XVIII вв. - Алма-Ата, 1991.

120. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). - Барнаул, 1998.

121. Мокрынин В.П. По следам прошлого. - Фрунзе, 1986.

122. Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города. - Ф, 1989.

123. Мокрынин В.П. Западно-Тюркский каганат и вассалы // Этнические и историко-культурные связи народов СССР. - Алма-Ата, 1976.

124. Молдобаев И. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. - Фрунзе, 1989.

125. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. - М., 1968.

126. Нарынбаев А.И. Из истории общественной мысли древних и средневековых уйгуров. - Бишкек, 1994.

127. Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.; Л, 1966.

128. Памятники культуры и искусства Киргизии: Каталог выставки. - Л, 1983.

129. Перегудова С.Я. Таш-Рабат. - Фрунзе, 1989.

130. Петров К.И. Киргизско-кыпчакские отношения (к вопросу об этногенезе и переселении киргизов) // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. общ. наук. - 1961. - Т. III. - Вып. 2. - Фрунзе, 1961.

131. Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами в XIII-XV вв. - Фрунзе, 1961.

132. Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. - Фрунзе, 1963.

133. Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Кыргызстана VI-начала XIII вв. - Фрунзе, 1981.

134. Пиков Г. Кидани. - Новосибирск, 1989.

135. Плано Карпини, Гилъом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. - М., 1957.

136. Плоских В. Первые киргизско-русские посольские связи. - Фрунзе, 1970.

137. Плоских В. У истоков дружбы. - Фрунзе, 1972.

138. Плоских В. Иссык-Куль. Путешествие в историю. - Фрунзе, 1981.

139. Плоских В. Киргизы и Кокандское ханство. - Фрунзе, 1988.

140. Плоских В.М., Галицкий В.Я. Тропою первопроходцев. - Фрунзе, 1973.

141. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 годах. - М., 1986.

142. По следам памятников истории и культуры Киргизстана. - Фрунзе, 1982.

143. Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна // Исторический архив. Т. 1. -М.; Л., 1936.

144. Ромодин В.А., Кондратьев А.А. Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов // Советское востоковедение. - 1958.-№ 4.

145. Российские путешественники в Индии XIX. - нач. XX в.: Документы и материалы. -М, 1990.

146. Русские путешественники и исследователи о киргизах. - Фрунзе, 1973.

147. Сапаралиев Д. Б. Взаимоотношения кыргызского народа с русскими и соседними народами в XVIII в. - Бишкек, 1995.

148. Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю. - М, 1947.

149. Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 гг. - М, 1946.

150. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М, 1966.

151. Сыдыков О. Тарых-и Шадмания. - Уфа, 1814.

152. Сыдыков О. Мухтасар тарых-и кыргызийа. - Уфа, 1913.

153. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. - Бишкек, 1996.

154. Табышалиев С. Т. Происхождение кыргызского народа. - Фрунзе, 1991.

155. Табышалиева А. Вера в Туркестане. - Бишкек, 1993.

156. Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. - М., 1992.

157. Татаро-монголы в Азии и Европе. - М., 1977.

158. Тенишев Э. Древнекыргызский язык. - Бишкек, 1997.

159. Томанов М. Махмуд Кашгари // Великие ученые Средней Азии и Казахстана. - Алма-Ата, 1965.

160. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I-IV. - Фрунзе, 1956-1961.

161. Тюркология-88: Тезисы докладов сообщений на V Всесоюзной тюркологической конференции (7-9 сентября 1988 г.). - Фрунзе, 1988.

162. Умурзаков С. У. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. - Фрунзе, 1959.

163. Умурзаков С. С четырех сторон горизонта: Очерки по истории географических исследований Киргизии. - Фрунзе, 1983.

164. Урстанбеков Б. У, Чороев Т.К. Кыргыз тарыхы. Кыскача энциклопедиялык сөздүк. - Фрунзе, 1990.

165. Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. - Фрунзе, 1960.

166. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). - М., 1965.

167. Хасанов А.Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50-70-х гг. XIX в. - Фрунзе, 1961.

168. Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. - М., 1977.

169. Хрестоматия по истории кыргызов и Кыргызстана (с древности до XX в.) / Сост. В.Воропаева. Ред. В.Плоских. - Бишкек, 1997.

170. Хрестоматия по средневековой истории Кыргызстана (XII - XVIII вв.) / Сост. Т.Д.Джуманалиев. - Бишкек, 1996.

171. Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. - Бишкек, 1995.

172. Цивилизации и культуры: Научный альманах Вып. 1-3. Россия и Восток. - М., 1994-1995.

173. Чоротегин Т.К. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени. - Бишкек, 1995.

174. Чотонов У. Суверенный Кыргызстан. Выбор исторического пути. - Бишкек, 1995.

175. Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. - Фрунзе, 1963.

176. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. - М., Л., 1966.

177. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М., 1980.

178. Юнусалиев М.Б. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. - Фрунзе, 1970.